ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ТОМСКЪ.
Паровая тино-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., соб дсмъ.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТОИ КНИГИ.

1. **В. М. Флоринскій.** Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни. Часть II. Вып. второй. (Съ XI таблицами рисунковъ и 65 политипажами въ текстѣ) . . . . . 401—571
2. Проф. **Д. Н. Бѣликовъ.** Старинные монастыри Томскаго Края . . 1—112
3. Проф. **И. Н. Грамматикати.** Внутриматочныя впрыскиванія . . . 1— 64
4. Проф. **А. М. Зайцевъ.** Отчетъ о командировкѣ заграницу въ 1896 г. 1— 16
5. Проф. **А. Е. Смирновъ.** Строеніе и Отправленіе . . . . . 1— 15
6. **П. В. Бутягинъ.** Анализъ пива Томскихъ заводовъ . . . . . 1— 13
7. Студ. **Ѳ. Я. Киркевичъ.** О помѣщеніяхъ студентовъ въ частныхъ домахъ города Томска 1
8. Журналы засѣданія Совѣта университета. 1

378.1 (57.11)

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

229260

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ТОМСКЪ.
Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., соб. дом.
1898.

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Ректоръ Университета, *Проф. А. Судаковъ.*

В. М. Флоринскій.

ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ

ИХЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ОПЫТЪ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ.

Часть II.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ XI таблицами рисунковъ и 60 политипажами въ текстѣ.

ТОМСКЪ.
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Ректоръ Университета, *Проф. А. Судаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОГОГО ВЫПУСКА ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Глава IV. *Предметы религіознаго значенія.* Птицевидные идолы Томскаго музея, стр. 273—278. Солнцевидные идолы 287. Трехглавые идолы 289. Идолы найденные въ Пермскомъ краѣ и въ Европейской Россіи 293. Птицевидные идолы у Балтійскихъ славянъ 296. Сходство ихъ съ пермскими и сибирскими идолами 301. Скиѳскіе идолы южной Россіи 307. Миѳологическое значеніе орла или Перуна 309. Постепенное развитіе языческихъ религіозныхъ представленій 313. Солярные боги 314. Происхожденіе идоловъ у русскихъ славянъ 317. Единобожіе у древнихъ славянъ 321. Изображеніе бога-солнца и бога птицы 323. Изображеніе Ваала или Волоса 327. Символы придаваемые евангелистамъ 329. Троичность въ религіи Ведъ 331. Идолы у тунгусовъ и гольдовъ 332,—у самоѣдовъ и остяковъ 335,—у зырянъ и пермяковъ 337.

Глава V. *Металлургія древнихъ народовъ.* Древнѣйшая металлургія въ Малой Азіи 341. Мѣдь и золото у массагетовъ и скиѳовъ 343. Источники скиѳской мѣди 346. Персія, какъ древнѣйшій источникъ олова 348. Сибирское олово 350. Привозъ олова въ Сибирь изъ Персіи 354 и Британіи 356. *Названіе металловъ* у разныхъ народовъ 357. Славянскія названія металловъ 361. Названіе металловъ у народовъ финскаго племени 369. *Сибирская бронза* 371. Составъ древнихъ бронзъ 373. Сходство сибирской бронзы съ троянскою 377. Древнія бронзы Европейской Россіи 379 и Западной Европы 381. Мѣстное производство сибирскихъ бронзовыхъ издѣлій 383. Сходство сибирской металлургической техники съ ассирійскою 387. Связь сибирской металлургіи съ передней Азіей 388. Потомки Гомера и Явана по библейскому сказанію 389. Гогъ, Тубалъ и Мосохъ 391, отношеніе ихъ къ библейскимъ скиѳамъ и сибирской чуди 395.

Глава VI. *Боевое оружіе и доспѣхи.* Бронзовые и мѣдные *кельты* 400. Ихъ классификація и описаніе 405. Назначеніе кельтовъ 427. Сходство сибирскихъ кельтовъ съ западно-европейскими 431. Желѣзные кельты 433. Бронзовыя и мѣдныя *сѣкиры* 435. Происхожденіе двуконечныхъ сѣкиръ 445 и звѣринаго стиля ихъ украшеній 450. Скандинавскія и венгерскія сѣкиры 455. Желѣзныя сѣкиры 459. Желѣзные *топоры* болгарскаго типа 461. Происхожденіе болгарскаго топора 468. Бронзовые *кинжалы* или боевые ножи 474. Желѣзные архаическіе кинжалы 482. Биметаллическіе кинжалы 484. Кинжалы съ вкладнями 486. Архаическіе кинжалы Европейской Россіи и Западной Европы 488. *Копья, рогатины и сулицы* 493. *Бронзовыя и мѣдныя стрѣлы* 505. Типы сибирскихъ и украинскихъ скиѳскихъ стрѣлъ

509. Троянскія и древнегреческія стрѣлы 510. Желѣзныя сибирскія стрѣлы 515. Древнерусскія стрѣлы 521. *Булавы и шестоперы* 524. *Воинскіе доспѣхи* 528. Шлемы и шишаки 529. Кольчуги и панцыри 534. Конскій уборъ 537. Наборные пояса 539. Бляхи отъ поясныхъ и наплечныхъ ремней 542. Привѣски и бляхи съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ и животныхъ 547. Переносъ украшеній звѣринаго стиля изъ Сибири въ южную Россію 555. Общій характеръ сибирскаго оружія 556. Общая характеристика сибирскихъ древностей 558. Арійскія и въ частности славянскія черты въ сибирскихъ древностяхъ 560. Отношеніе сибирскихъ древностей къ вопросу о гуннахъ 566.

Рис. 127. Курганы Чувашскаго мыса, близъ Тобольска.

Рис. 128. Бронзовый серпъ изъ Томскаго археологическаго музея.

ТАБЛИЦЫ РИСУНКОВЪ.

ПРИЛОЖЕННЫХЪ КЪ ВТОРОМУ ВЫПУСКУ.

XIII таблица. Рис. 1. Желѣзная сѣкира, описаніе ея на стр. 447 и 459. Рис. 2 и 3 желѣзныя сѣкиры, стр. 460. Рис. 4 желѣзный топоръ, на той же стр. Рис. 5, 6 и 7 булавы или шестоперы, стр. 525.

XIV табл. Рис. 1. Бронзовая сѣкира, къ стр. 441. Рис. 2 и 3 бронзовые кинжалы съ изображеніемъ на щечкахъ птичьей головы, къ стр. 480. Рис. 4 желѣзный литой кинжалъ съ тѣмъ же орнаментомъ на концѣ рукоятки, къ стр. 481.

XV табл. Рис. 1 желѣзное копье, къ стр. 503. Рис. 2, 3, 4, 6 и 7 бронзовыя и мѣдныя копья, къ стр. 498—501. Рис. 5 бронзовый трехперый дротикъ, къ стр. 502. Рис. 8 желѣзный литой кинжалъ, къ стр. 482.

XVI табл. Желѣзныя сибирскія стрѣлы малаго формата, къ стр. 515.

XVII табл. Желѣзныя сибирскія стрѣлы средняго и большого формата, къ стр. 516.

XVIII табл. Большія желѣзныя стрѣлы въ формѣ лопатокъ, къ стр. 517.

XIX табл. Желѣзныя стрѣлы въ формѣ плоской вилки, къ стр. 516.

XX табл. Рис. 1, 4, 5 и 6 бронзовыя удила. Рис. 2 и 3 костылки отъ бронзовыхъ удилъ. Рис. 7 и 8 бронзовыя стремена, къ стр. 537 и 538.

XXI табл. Рис. 1—4 бронзовый наборъ отъ пояса, къ стр. 540. Рис. 5 и 6 къ стр. 541 подъ строкой. Рис. 7 бронзовый катькаръ съ изображеніемъ медвѣжьихъ головъ, къ стр. 180 и 541.

XXII табл. Рис. 1, 3, 4 и 5 привѣски съ изображеніемъ медвѣдя, къ стр. 544. Рис. 2 изображеніе совы, къ стр. 542. Рис. 6 бронзовая бляха, изображающая звѣря съ миѳологическими придатками, къ стр. 553. Рис. 7 бронзовая пластинка съ изображеніемъ головы и части бюста женщины, къ стр. 548. Рис. 8 пластинка, изображающая грызущихся звѣрей, къ стр. 553.

XXIII табл. Рис. 1, 2 и 4 бронзовыя бляхи, изображающія коня, оленя и вола, къ стр. 551 и 552. Рис. 5, къ стр. 546. Рис. 4 и 6 къ стр. 285 и 286.

Въ курганныхъ сибирскихъ могилахъ скиѳской эпохи мы дѣйствительно часто находимъ при мужскихъ скелетахъ одинъ или нѣсколько кельтовъ. Въ могилахъ болѣе поздняго времени вмѣсто кельтовъ клались желѣзные топоры. Уже одно это обстоятельство замѣны кельта желѣзнымъ топоромъ можетъ служить доказательствомъ, что оба эти орудія имѣли одно и тоже значеніе, хотя и въ разное время. Этимъ можно объяснить причину нахожденія того громаднаго количества кельтовъ, какое представляютъ намъ археологическіе музеи сѣверныхъ странъ. Кельтъ одновременно изображалъ собою и ремесленный и боевой топоръ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отливался въ болѣе изящную форму и насаживался на болѣе длинную рукоятку, какъ мы это увидимъ ниже. Поэтому мнѣ кажется, что и названіе этого орудія у древнихъ восточныхъ и западныхъ славянъ должно было соотвѣтствовать не нынѣшнему слову *кельтъ*, а слову топоръ или сѣкира*).

Выше мы уже упоминали, что изъ числа сибирскихъ древностей бронзовой эпохи кельты встрѣчаются значительно чаще другихъ предметовъ. Въ археологическомъ музеѣ Томскаго Университета до настоящаго времени ихъ собрано 70 экземпляровъ, въ моей личной коллекціи 7, въ Минусинскомъ музеѣ больше сотни**); не менѣе, если не болѣе того имѣется ихъ въ извѣстной коллекціи Ин. Ал. Лопатина. Въ другихъ музеяхъ Западной Сибири (Тобольскомъ, Омскомъ и Семипалатинскомъ) также находится по нѣсколько экземпляровъ этого орудія, не считая небольшихъ коллекцій у частныхъ лицъ, любителей древностей. Уже по этимъ даннымъ можно судить, насколько распространено было въ свое время употребленіе кельтовъ. Ихъ находятъ и въ могилахъ, и на пашняхъ, и при разныхъ земляныхъ работахъ въ населенныхъ мѣстахъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что случайныя археологическія находки стали поступать въ музеи и частныя коллекціи не болѣе какъ 15—20 лѣтъ тому назадъ, а раньше онѣ обыкновенно сбывались для переплавки въ металлъ, что и въ настоящее время только незначительная часть находокъ попадаетъ въ руки цѣнителей, особенно изъ отдаленныхъ и глухихъ деревень, то указанное выше число этихъ орудій, закрѣпленное въ каталогахъ, нельзя не считать весьма значительнымъ.

Въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской, Уфимской и Пермской кельты тоже встрѣчаются, но сравнительно рѣже, чѣмъ въ Западной Сибири***). Тоже можно сказать про Казанскую и Вятскую губерніи. Въ музеѣ Казан-

*) Слово *топоръ* производятъ отъ персид. *tabar*, армян. *tapar*; по-фински *tappara*, скандин. *tapar*; очевидно, это слово, общее съ иранскими языками, относится къ далекимъ скиѳскимъ временамъ.

**) Въ атласѣ Мартина (*Martin*, L'age du bronze au de Minoussinsk. Stockholm 1893) на первыхъ шести таблицахъ изображено, по фотографическимъ снимкамъ, 104 кельта изъ Минусинскаго музея.

***) Музеи Уфимскій и Екатеринбургскій (Уральскаго общества любителей естествознанія).

скаго археологическаго общества этихъ орудій состояло не болѣе 5—8 экземпляровъ, а въ бывшей коллекціи А. Ѳ. Лихачева, поступившей нынѣ въ Казанскій городской музей, всего одинъ или два экземпляра. Въ своей статьѣ „Памятники Великой Булгаріи“ *) А. Ѳ. Лихачевъ по этому поводу замѣчаетъ: „Бронзовыя орудія и оружіе, какъ-то: топоры, ножи, кинжалы, мечи, наконечники стрѣлъ и копій въ развалинахъ Булгара еще не были находимы на моей памяти, хотя мнѣ извѣстно, что подобные предметы находили въ Пермской губерніи, на Уралѣ и въ Ананьинскомъ могильникѣ близь Елабуги“. Вмѣсто бронзовыхъ кельтовъ въ Казанской и Вятской губерніяхъ обыкновенно попадаются въ значительномъ количествѣ *желѣзные* топоры, типичной формы, съ широкимъ, вытянутымъ книзу лезвіемъ. Это доказываетъ, что болгарскія древности, сравнительно съ сибирскими, относятся къ болѣе поздней эпохѣ. Въ болѣе древнюю эпоху въ предѣлахъ Камской Болгаріи бронзовые кельты, по видимому, были также распространены, какъ и въ Сибири. На это указываютъ, между прочимъ, находки, извлеченныя изъ Ананьинскаго могильника (близь Елабуги). Въ статьѣ К. И. *Невоструева* **) излагается сводъ этихъ находокъ, сдѣланныхъ до 1862 года при чемъ описываются 12 экземпляровъ бронзовыхъ кельтовъ, найденныхъ въ одномъ этомъ могильникѣ. Всѣ они совершенно сходны съ сибирскими кельтами и очевидно принадлежатъ одной культурѣ и одной эпохѣ (концу бронзоваго вѣка) ***).

Къ западу отъ Волги, въ предѣлахъ древней Европейской Скиѳіи, бронзовые кельты (въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, т. е. со втулкою) встрѣчаются, сравнительно, очень рѣдко. Графъ А. А. *Бобринскій* при своихъ обширныхъ и крайне тщательныхъ археологическихъ розысканіяхъ въ Кіевской губерніи ни въ одной изъ раскопанныхъ имъ древнихъ могилъ (числомъ свыше 50) не нашелъ ни одного настоящаго бронзоваго или мѣднаго кельта. Изображенные на табл. VI его капитальнаго труда (Курганы близь мѣстечка Смѣлы. С.-Петербургъ, 1887. Т. I.) три кельта сибирскаго типа (съ втулкою и двумя ушками) принадлежали къ случайнымъ находкамъ. Два изъ нихъ найдены близь села Мельниковки, а третій на полѣ Балаклейской экономіи (стр. 146). Графъ А. А. Бобринскій въ подстрочномъ примѣчаніи на той-же страницѣ цитируетъ еще четыре находки мѣдныхъ кельтовъ на югѣ Россіи, описанныхъ *А. Полевымъ*

*) Труды второго археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ, выпускъ 1-й 1876 г. стр. 14.

**) К. И. *Невоструевъ*. Ананьинскій могильникъ. Въ трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1862 г. томъ второй, Москва 1871 г. стр. 612.

***) Рисунки нѣкоторыхъ изъ ананьинскихъ кельтовъ помѣщены въ трудѣ *П. Полевого* „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта“ С.-Петербургъ 1879 г. гл. III. Бронзовый вѣкъ, стр. 48. №№ рис. 4, 6 и 8. Здѣсь-же помѣщены рисунки боевыхъ сѣкиръ, копій, кинжаловъ и проч. почти тождественныхъ съ сибирскими.

въ VIII томѣ записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (Одесса, 1872 г., стр. 441). Они найдены при распашкѣ земли въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, близь селенія Красный Кутъ. Рисунки ихъ помѣщены на табл. XII того-же тома записокъ.

Въ изданіяхъ древностей Геродотовой Скиѳіи и въ многотомныхъ трудахъ по раскопкамъ кургановъ и другимъ изслѣдованіямъ древностей Европейской Россіи, изданнымъ Императорскою Археологическою коммиссіею не упоминается о находкахъ бронзовыхъ кельтовъ. Ихъ не оказалось также при многочисленныхъ раскопкахъ графа Уварова въ т. н. Мерянской области *). Впрочемъ, здѣсь и трудно было ожидать бронзоваго оружія, такъ какъ большая часть Мерянскихъ могилъ относилась къ предъисторическому времени, даже къ X—XI вѣку. Отсутствіемъ бронзовыхъ кельтовъ въ скиѳскихъ могилахъ Европейской Россіи можно объяснить и тотъ фактъ, что въ коллекціяхъ музея Одесскаго археологическаго общества, существующаго съ 1839 года, число этихъ орудій оказывается крайне незначительнымъ. Осматривая этотъ музей въ послѣдній разъ въ январѣ 1896 года, я нашелъ тамъ всего три экземпляра маленькихъ кельтовъ, тогда какъ въ музеяхъ нашихъ восточныхъ губерній обыкновенно они считаются десятками. О вѣроятныхъ причинахъ такой неравномѣрности въ распредѣленіи находокъ описываемаго орудія будетъ сказано ниже.

Въ Западной Европѣ бронзовые кельты со втулкою встрѣчаются въ Британіи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ сѣверной Пруссіи и Венгріи, а также въ Швейцаріи и сѣверной Франціи, особенно въ Нормандіи и Бретани. На древне-греческой и римской почвѣ этого типа кельтовъ не оказывается. Въ центральной Европѣ, между Рейномъ и Эльбою, они, точно также какъ и въ Европейской Россіи, являются не господствующимъ, а какъ бы случайнымъ, заноснымъ и временнымъ оружіемъ, встрѣчаясь иногда, какъ рѣдкія случайныя находки. Образчики бронзовыхъ кельтовъ, найденныхъ въ Великобританіи, преимущественно въ Ирландіи, изображены на табл. V сочиненія *Kemble'я* **), подъ номерами 5, 6, 7, 9, 11, 22, 24—26, 28, 29. Общая форма ихъ весьма сходна съ сибирскими типами, но всѣ они имѣютъ около втулка по одному боковому ушку, а не по два, какъ большая часть сибирскихъ кельтовъ. Въ атласѣ *Эванса* ***) кельты того-же типа представлены на табл. V и VI, въ числѣ 15 номеровъ. Всѣ они были найдены въ Великобританіи. Также какъ предъидущіе, они снабжены однимъ боковымъ ушкомъ. Въ изданномъ *W. R. Wilde'омъ*

*) *Ouvaroff*, le comte. Les Meriens. S.-Petersbourg 1875. Труды перваго археологическаго съѣзда 1862 г., т. II, стр. 633—847. „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ".

**) *Horae ferales*. London 1863. 4°.

***) *Evans* John, Petit Album de l'age du bronze de la Grande Bretagne. London 1876.

описательномъ каталогѣ древностей Ирландскаго музея*) рисунки бронзовыхъ кельтовъ со втулкою помѣщены на стр. 367, 384 и 385. Типъ ихъ одинаковъ съ предъидущими. Образчики рисунковъ скандинавскихъ кельтовъ помѣщены въ атласѣ *Worsaae* на стр. 38, № 193—196**) и у *Монтеліуса* на стр. 46 и 47***), рис. №№ 144—152. Общій типъ этихъ орудій, какъ по формѣ, такъ отчасти и по орнаментамъ, сходенъ съ британскими и сибирскими кельтами. Всѣ экземпляры имѣютъ по одному ушку.

Рисунки орудій той же формы, найденныхъ въ сѣверной Пруссіи, по сю сторону Эльбы (въ земляхъ Балтійскихъ славянъ) помѣщены: въ вышецитированномъ сочиненіи Кэмбля, табл. V, №№ 8, 10, 12, 18, 27 и въ журналѣ Jahresbericht der Verein für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, Jahg. 11—XLII (1837—1877 г.) въ текстѣ нѣкоторыхъ томовъ. Рисунки кельтовъ, найденныхъ въ земляхъ дунайскихъ славянъ, изображены въ атласѣ *Гампеля*†) на табл. X, XI, XII и XIII. На первой изъ этихъ таблицъ помѣщены рисунки 13 кельтовъ безъ ушковъ, на второй 12 кельтовъ съ однимъ ушкомъ, обыкновенной сибирской и скандинавской формы, на третьей и четвертой 20 кельтовъ тоже съ однимъ ушкомъ, но отличающихся отъ предъидущихъ формою втулки, или передняго рѣжущаго конца. Кромѣ того на табл. XCVIII 9 кельтовъ того же сибирскаго типа. Всѣ они найдены въ предѣлахъ нынѣшней Венгріи. Изъ Швейцарскихъ находокъ бронзовые кельты со втулкою и ушкомъ описаны и изображены въ рисункахъ въ сочиненіи *Гросса* †*) на стр. 41, рисунки на табл. XIII, №№ 13, 14 и 15. Въ Швейцаріи, какъ уже было упомянуто, преобладающимъ типомъ оказываются плоскіе кельты, безъ втулки, орудія же со втулкою, скандинавскаго или сибирскаго типа, здѣсь являются въ видѣ исключенія. Точно также во Франціи въ бронзовую эпоху были въ большомъ употребленіи плоскіе кельты, часто съ загнутыми краями, но не имѣвшіе втулки. Орудія послѣдняго типа и здѣсь встрѣчаются сравнительно рѣдко и признаются европейскими археологами за болѣе усовершенствованную и позднѣйшую форму кельтовъ.

Какъ археологическій терминъ, слово кельтъ нерѣдко употреблялось въ слишкомъ широкомъ значеніи, какъ синонимъ топора, не только бронзоваго и мѣднаго, но даже каменнаго. Желая придать этому орудію болѣе кон-

---

*) A descriptive catalogue of the Antiquities of animal materials and bronze in the Museum of the Royal Irish Academy. By W. R. *Wilde*. Dublin 1861.

**) *Worsaae*. Сѣверныя древности Королевскаго музея въ Копенгагенѣ. Изд. Импер. Академіи наукъ. С.-Петербургъ 1861, съ атласомъ.

***) Oscar *Montelius*. Antiquités svedoises. Stockholm. 1873.

†) *Hampel*, Joseph. Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn. Budapest. 1887.

†*) *Victor Gross*. Le protohelvètes ou les premiers colons sur les bords des lacs de Bienne et Neuchatel. Berlin. 1883.

кретное значеніе, археологи нашего времени присвоили названіе кельта только бронзовымъ топорикамъ, подраздѣляя ихъ на нѣсколько категорій. *Томсонъ* (1837 г.) раздѣляетъ ихъ на два вида: собственно кельты, имѣющіе втулку на заднемъ концѣ, и лопатки или *пальстафы*, не имѣющіе втулки (отъ исландскаго народнаго названія лопаточки—пальстафъ). Этой терминологіи придерживаются большинство современныхъ археологовъ, и мы считаемъ ее наиболѣе цѣлесообразной. Изъ новѣйшихъ авторовъ *Эвансъ и Мортилье* называютъ кельтами и ту и другую форму орудія (съ втулкою и безъ втулки) и подраздѣляютъ ихъ на нѣсколько категорій, именно: 1) *плоскіе кельты* (hâches plates, flat celts),—это лопаточки, не имѣющія ни втулки, ни какихъ либо возвышеній или кромокъ на своихъ плоскихъ поверхностяхъ. По формѣ они походятъ на каменные скребки или топорики и такимъ же способомъ, какъ послѣдніе, прикрѣплялись къ рукояткѣ.

2) *Кельты съ прямыми поднимающимися бортиками по краямъ* (hâches à bord droit, flanged celts, kragencelte). Это тѣже лопаточки, но боковыя кромки ихъ нѣсколько приподняты. Въ Западной Европѣ этотъ типъ орудій оказывается наиболѣе распространеннымъ, встрѣчаясь во множествѣ и на городищахъ и въ могилахъ.

3) *Кельты съ загнутою кромкою* (hâches à talon, Leistencelte). Края ихъ приподняты болѣе значительно, чѣмъ въ предъидущемъ типѣ и загнуты внутрь, представляя собой какъ бы зародышъ втулки. Въ верхней части орудія они образовали собой родъ пятки, куда вставлялся изогнутый конецъ деревянной рукоятки.

4) Такъ называемые *Lappencelte*, hâches á aileron. Въ этомъ типѣ кромки вытянуты еще значительнѣе, образуя родъ полувтулки на верхнемъ концѣ орудія. Впрочемъ, рѣзкую границу между этимъ и предъидущимъ типами установить довольно трудно, такъ какъ тотъ и другой представляютъ постепенный переходъ отъ плоскаго топорика къ втулочному. Всѣ перечисленные виды безвтулочныхъ топориковъ западные археологи считаютъ болѣе древними, предшественниками втулочныхъ. И дѣйствительно, они въ Западной Европѣ оказываются наиболѣе распространенными и многочисленными, тогда какъ настоящіе втулочные кельты, даже въ Британіи и Швеціи, являются типами болѣе рѣдкими и позднѣйшими (конца бронзовой эпохи).

5) *Полые или втулочные кельты* (hâches à douill, hohlcelte). Они рѣзко отличаются отъ остальныхъ типовъ тѣмъ, что на заднемъ концѣ ихъ имѣется широкое отверстіе, ведущее въ полость орудія, спеціально назначенное для деревянной рукоятки. Такимъ образомъ, во втулочномъ типѣ рукоятка вкладывалась въ полость кельта, а не кельтъ въ рукоятку. Этотъ видъ кельтовъ оказывается въ Сибири самымъ распространеннымъ, если не

сказать единственнымъ, тогда какъ въ сѣверной и западной Европѣ онъ является какъ бы добавочнымъ, позднѣйшимъ, гдѣ ему предшествовали въ цвѣтущую пору бронзовой эпохи долго существовавшіе типы плоскихъ безвтулочныхъ орудій этого рода (въ Скандинавіи, Британіи, въ сѣверной Франціи и Пруссіи и въ Дунайскихъ областяхъ). Поэтому, можно думать, что въ Западной Европѣ втулочный кельтъ долженъ считаться позднѣйшимъ пришельцемъ, занесеннымъ изъ Сибири въ эпоху великаго переселенія народовъ, тогда какъ въ восточной Россіи онъ появился самостоятельно*), безъ переходныхъ формъ отъ плоскаго топорика. Высказанное нами предположеніе о переносѣ втулочнаго кельта съ востока на западъ мы надѣемся уяснить ниже при описаніи нашихъ сибирскихъ экземпляровъ и при сравненіи ихъ съ западными.

Сибирскіе кельты, принадлежа къ одному втулочному типу, тѣмъ не менѣе отличаются значительнымъ разнообразіемъ относительно ихъ величины, формы детальныхъ частей и орнаментовъ. Въ числѣ ихъ мы можемъ указать на слѣдующія разновидности: 1) маленькіе плоскіе кельты, 2) кельты съ однимъ ушкомъ посрединѣ, 3) клиновидные кельты среднихъ и большихъ размѣровъ и 4) желобоватые кельты.

а) *Маленькіе плоскіе кельты.* У нихъ ширина не много менѣе длины, либо равна длинѣ, или даже превышаетъ длину. Толщина ихъ обыкновенно незначительна и клинообразная форма выражена не рѣзко. Длина ихъ большею частью не превышаетъ 5—6 сант., ширина 5—7 сант. Наружныя стѣнки всегда плоскія, а не выпуклыя, верхній край прямой, рѣже—полулунный; втулка во всю ширину кельта, довольно глубокая, занимаетъ не менѣе $^2/_3$ длины орудія; передне-задній размѣръ ея не болѣе $1^1/_2$—2 сант., при ширинѣ въ 5—6 сант. Большая часть этихъ кельтовъ на своихъ плоскихъ поверхностяхъ имѣютъ въ верхней трети по двѣ или по одной круглой дирочкѣ, величиной въ гусиное перо, проходящей чрезъ переднюю и заднюю стѣнку кельта. Отверстія эти, очевидно, предназначались для деревянныхъ или металлическихъ гвоздей, коими закрѣплялась во втулкѣ рукоятка. Если существуетъ одна такая дирочка, то она помѣщается въ срединѣ верхней трети широкихъ плоскостей кельта, если же двѣ, то по сторонамъ, на томъ же уровнѣ.

Плоскіе маленькіе кельты рѣдко бываютъ снабжены однимъ или двумя ушками. Въ первомъ случаѣ ушко помѣщается посрединѣ задней плоской поверхности, во второмъ по бокамъ кельта, около верхняго края съ той и другой стороны. Форма ушковъ, въ видѣ полулунной петли, такая же, какъ

*) Въ восточныхъ губерніяхъ Россіи до сего времени были находимы только втулочные бронзовые кельты, потому русскіе археологи только этому типу присваиваютъ названіе кельта. Я придерживаюсь той же номенклатуры, находя ее болѣе опредѣленной.

и въ остальныхъ разновидностяхъ кельтовъ и назначеніе ихъ, вѣроятно, было тоже самое, о чемъ будетъ сказано ниже.

Большая часть орудій этой категоріи отлита изъ мѣди или желтой латуни, рѣже изъ темной бронзы. Отливка большею частію чистая, аккуратная, но орнаменты, которые почти всегда встрѣчаются на большихъ кельтахъ, здѣсь являются въ видѣ рѣдкаго исключенія. На экземплярахъ Томскаго археологическаго музея орнаментированнымъ оказывается только одинъ кельтъ, въ коллекціяхъ Минусинскаго музея, судя по рисункамъ Мартина, орнаментированныхъ маленькихъ кельтовъ всего два, а въ моей личной коллекціи на одномъ экземплярѣ вырѣзано вглубь очертаніе летящей птички.

Рисунковъ этой формы кельтовъ, къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ помѣстить, хотя они могли бы дать читателю болѣе отчетливое и наглядное представленіе о типѣ орудія, нежели простыя словесныя описанія. Въ замѣнъ нашихъ рисунковъ маленькихъ плоскихъ кельтовъ мы можемъ указать на изображеніе таковыхъ же въ атласѣ *Мартина* *) на табл. 3, 4, 5 и 6. На первой изъ этихъ таблицъ изображено 15 орудій (№№ 9—23); всѣ они безъ орнаментовъ и безъ ушковъ, но съ двумя круглыми дирочками съ передней и задней стороны. На слѣдующей таблицѣ представлено 20 кельтовъ, тоже безъ ушковъ, но съ одной дирочкой по срединѣ широкихъ плоскостей; одинъ изъ нихъ (№ 20) орнаментированъ. На пятой таблицѣ 18 кельтовъ съ однимъ ушкомъ на задней плоской поверхности. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ по одной дирочкѣ. На 6 таблицѣ имѣются четыре рисунка орудій той-же формы съ двумя ушками по краямъ и съ дирочкой по срединѣ (№№ 16—19). Экземпляры изъ коллекціи Томскаго музея и моей личной, какъ увидимъ ниже, имѣютъ тотъ-же характеръ, т. е. съ одной или двумя дирочками, съ ушками и безъ ушковъ.

Описанный типъ кельтовъ мы выдѣлили какъ особую разновидность 1) потому, что они отличаются, сравнительно, очень малымъ размѣромъ, 2) они имѣютъ форму плоскаго, почти квадратнаго, а не удлиненнаго толстаго клина, 3) втулка ихъ имѣетъ видъ, сравнительно, узкой, поперечной четырехугольной щели, а не овальнаго или почти квадратнаго большаго отверстія. Въ связи съ этимъ можно предполагать, что маленькіе кельты должны были имѣть особое назначеніе.

Плоскіе маленькіе кельты встрѣчаются въ Сибири очень часто. Ихъ находятъ и на пашняхъ, и на городищахъ, и въ древнихъ курганныхъ могилахъ, не рѣдко въ сопутствіи съ другими бронзовыми, костяными и желѣзными предметами. Мнѣ приходилось быть очевидцемъ ихъ нахожденія при раскопкѣ могилъ, при чемъ эти маленькіе топорики, найденные около ске-

*) *Martin* F. R. L'age du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm 1893.

лета, оказывались уложенными въ особыя берестяныя коробочки. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ ихъ клали, при погребеніи покойника, безъ рукоятки. Въ такихъ-же коробочкахъ нерѣдко были находимы въ могилахъ и бронзовыя стрѣлки (безъ древка). Очевидно, по существовавшимъ понятіямъ о загробной жизни, умершему вручалось иногда не оснащенное оружіе въ томъ предположеніи, что деревянныя части его не существенно важны: ихъ можно было заготовлять и перемѣнять, какъ предметы самодѣльные, всюду, по мѣрѣ надобности.

Судя по мѣсту и обстановкѣ находокъ, можно думать, что маленькіе плоскіе кельты существовали одновременно съ кельтами крупнаго размѣра и другой формы. Они не были предшественниками послѣднихъ, какъ орудіе менѣе совершенное. Это подтверждается и качествомъ ихъ отливки, довольно искусной, нерѣдко изящной, и сходствомъ общаго типа съ прочими разновидностями того же орудія. Разница, слѣдовательно, заключалась не во времени пользованія, а въ назначеніи предмета.

Въ Западной Европѣ орудій описываемаго типа, повидимому, не встрѣчалось. Въ Ирландіи и сѣверной Франціи были находимы кельты съ втулкою, почти такой же маленькой величины, но они не имѣли плоскаго, почти квадратнаго очертанія, а представляли типъ обыкновенныхъ продолговатыхъ кельтовъ, только малаго размѣра. На таблицѣ V выше-цитированнаго изданія *Кембля* *) подъ номерами 27, 28, 29, и 38 изображены образчики такихъ орудій, имѣющихъ длину $2^3/_4$, 2 и $2^1/_4$ англ. дюйма, но ширина ихъ незначительная, форма продолговатая и втулка круглая или четырехугольная. Можетъ быть объ этихъ кельтахъ упоминаетъ *Осборнъ* въ своемъ трудѣ **), ссылаясь на Мортилье, говоря, что „въ южныхъ графствахъ Англіи и на сѣверѣ Франціи, особенно въ Нормандіи и Бретани, встрѣчаются *необыкновенно маленькіе* полые кельты съ четыреугольною втулкою.“ Не имѣя подъ руками сочиненія Мортилье, не видя его рисунковъ и не зная точныхъ размѣровъ, я не могу судить, имѣютъ-ли описываемыя находки сходство съ сибирскими маленькими кельтами.

Частное описаніе маленькихъ кельтовъ изъ Томскаго археологическаго музея. Орудій этого типа мнѣ удалось собрать въ музеѣ Томскаго университета 18 экземпляровъ и сверхъ того 4 экземпляра имѣются въ моей частной коллекціи. Изъ нихъ только одинъ экземпляръ снабженъ ушками, а всѣ остальные безъ ушковъ. Мы будемъ ихъ описывать подъ номерами, какъ они значатся въ печатномъ каталогѣ музея.

---

*) *Kemble*, Horae ferales 1863 г., стр. 149.

**) *Osborne*. Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischen Zeit. Dresden. 1887. стр. 50.

№ 4753. Мѣдный литой кельтъ безъ ушковъ. Вѣсъ 84,6 граммъ. Длина 4 сантим., ширина $4^1/_2$, глубина втулка $3^1/_2$ сант., шир. 4 с.; внутри она раздѣлена тонкою металлическою перегородкою на двѣ равныя половины до высоты $^1/_3$ орудія. Дирочка для гвоздя находится только на одной плоской поверхности, а не на обѣихъ. Передній конецъ тупой, какъ бы срѣзанный или искусственно сплюснутый. Судя по этому, орудіе, очевидно не имѣло рѣжущаго значенія. Найденъ въ одномъ изъ кургановъ Уртамской волости, Томскаго округа, на правомъ берегу р. Оби, въ 4 верстахъ отъ села Вороновскаго.

№ 1080. Бронзовый кельтъ, клиновидной формы. Вѣсъ 100 грам. Длина 5 сант., ширина 4 сант. Втулка большая, четырехугольная $3^1/_2$ и $2^1/_2$ с. въ діаметрѣ, глубина ея 4 сант., внутри она раздѣлена на двѣ половины металлической тонкой перегородкой, какъ и въ предъидущемъ экземплярѣ. Передній конецъ хорошо заостренъ. Дирочка для гвоздя неправильной формы, можетъ быть образовавшаяся, какъ дефектъ, при отливкѣ, находится на одной изъ широкихъ плоскостей. Найденъ мной въ 1883 году въ обвалившемся курганѣ на берегу р. Томи, близь Томска.

№ 1082. Кельтъ изъ красной мѣди, 5 сант. длины и ширины. Вѣсъ 94 грам. Втулка узкая, четырехугольная ($4^1/_2$ сант. и 1 сант.), глубина ея въ 4,7 сант. Дирочка для гвоздя сквозная на передней и задней стѣнкѣ. Передній конецъ совершенно тупой, подобно № 4753-му. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ.

№ 2607. Кельтъ изъ красной мѣди, $6^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины *), втулка довольно широкая, овальной формы ($3^1/_2$ и $2^1/_2$ сант.), глубина ея 5,7 сант., передній край тупой, какъ-бы сплюснутый отъ употребленія. На передней и задней стѣнкѣ круглая дирочка для гвоздя. На верхнемъ концѣ, около втулки, украшенъ однимъ выпуклымъ валикомъ и подъ нимъ, съ одной стороны, тремя зубчиками, обращенными внизъ острыми вершинами. Орнаментъ при отливкѣ вышелъ аляповато. Вѣсъ орудія 133 грам. Найденъ въ Пермской губ. по восточную сторону Урала.

№ 2833. Бронзовый кельтъ, длина и ширина 6 сант., втулка узкая, четырехугольная, глубина ея 4 сант. На передней и задней стѣнкѣ по одному круглому отверстію для гвоздя. Передній конецъ хорошо заостренъ. Вѣсъ 162 грам. Отливка тщательная, чистая, поверхность совершенно гладкая, безъ какихъ либо украшеній. Найденъ на пашнѣ, въ долинѣ р. Тесь, въ Минусинскомъ округѣ.

---

*) Указанные здѣсь размѣры въ иныхъ случаяхъ нѣсколько отличаются отъ помѣщенныхъ въ печатномъ каталогѣ музея. Эта небольшая разница объясняется тѣмъ, что при записи предметовъ по мѣрѣ ихъ поступленія я, при спѣшности дѣла, иногда не обращалъ строгаго вниманія на точность измѣреній. Впрочемъ, разница съ нынѣшнимъ вторичнымъ измѣреніемъ большею частью не превышаетъ долей сантиметра.

№ 2834. Бронзовый кельтъ, отличающійся отъ обыкновенной формы тѣмъ, что втулка его занимаетъ не весь задній конецъ, а представляетъ отдѣльную четырехугольную трубку, по сторонамъ которой идутъ ажурныя плечики, переходящія внизу въ общій острый край. Размѣръ втулки 2 сант. въ длину и ширину и 4 сант. въ глубину. Длина и ширина всего кельта 5 сант. Вѣсъ 69 грам. На передней и задней стѣнкѣ втулки по одной четырехугольной дирочкѣ для гвоздя. Орнаментовъ и ушковъ нѣтъ, но отливка тонкая, даже изящная. Найденъ тамъ же, въ долинѣ р. Тесь.

№ 3169. Бронзовый кельтъ 5 сант. длины и ширины, безъ ушковъ и украшеній; на передней и задней поверхности по одной круглой дирочкѣ для гвоздя. Передній рѣжущій край нѣсколько расширенъ. Втулка узкая, четырехугольная, $3^1/_2$ сант. глубины. Вѣсъ 81 грам. Найденъ въ Енисейскомъ округѣ.

№ 3166. Бронзовый кельтъ 6 сант. длины и $6^1/_2$ сант. шир., втулка узкая, четырехугольная, 3 сант. глубины; на передней и задней поверхности имѣется по одной круглой дирочкѣ. Передній край хорошо заостренъ, верхній край у втулки слегка выгнутый въ формѣ полулунія. Вѣсъ 120 грам. Найдечъ тамъ-же.

№ 3167. Такой-же кельтъ изъ желтой латуни, 5 сант. длины и ширины, втулка узкая четырехугольная, $3^1/_2$ сант. глубины; на передней и задней стѣнкѣ по одной дирочкѣ для гвоздя. Передній край хорошо заостренъ. Вѣсъ 96 грам. Найденъ тамъ-же.

№ 4411. Мѣдный кельтъ $5^1/_2$ сант. длины и 4,3 сант. шир.; втулка черырехугольная, 4,5 сант. глубины. Отливка съ дефектомъ въ стѣнкахъ. Вѣсъ 70,5 грам. Найденъ близь деревни Юдиной, въ Минусинскомъ округѣ.

№ 4412. Такой-же кельтъ $5^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ ширины, втулка узкая, 3,5 сант. глубины. Передній край тупой. Вѣсъ 73 грам. Найденъ на берегу рѣки М. Боль (лѣвый притокъ Таштыпа, въ Кузнецкомъ округѣ).

№ 4929. Мѣдный кельтъ $5^1/_2$ сант. длины и 5 сант. ширины по нижнему, слегка расширенному краю. Втулка узкая, четырехугольная, $3^1/_2$ сант. глубины. На передней и задней стѣнкѣ по одной дирочкѣ для гвоздя. Вѣсъ 106 грам. Найденъ въ Каинскомъ округѣ.

№ 2832. Бронзовый кельтъ, 6 сант. длины и шир., съ двумя параллельными дирочками на передней и задней стѣнкѣ. Втулка узкая, четырехугольная, 3 сант. глубины. Вѣсъ 136 грам. Отливка тщательная, гладкая. Передній край острый, слегка закругленный. Найденъ въ долинѣ рѣки Тесь, въ Минусинскомъ округѣ.

№ 3164. Такой-же мѣдный кельтъ, 5 сант. длины и 6 сант. шир., съ двумя параллельными дирочками на передней и задней стѣнкѣ. Глубина

втулки 2½ сант. Вѣсъ 93 грам. Передній край острый, прямой, задній вогнутый въ видѣ полулунія. Найденъ въ Ачинскомъ округѣ.

№ 3165. Такой же мѣдный кельтъ 7 сант. длины и 5,5 шир., съ двумя дирочками, грубой отливки; передній край тупой. Втулка узкая, 4 сант. глубины. Вѣсъ 102 грам. Найденъ тамъ-же.

№ 3163. Плоскій мѣдный кельтъ, 5 сант. длины и шир., съ двумя дирочками на передней и задней поверхности. Втулка узкая четырехугольная, 3 сант., глубины. Вѣсъ 103 грам. Передній край острый, отливка чистая. Найденъ тамъ-же.

№ 3168. Такой-же мѣдный кельтъ 5 сант. длины и 5½ сант. ширины, съ двумя дирочками на широкихъ плоскостяхъ. Вѣсъ 79 грам. Втулка 2,7 сант. глубины. Найденъ тамъ-же.

№ 4775. Бронзовый кельтъ 5 сант. длины и 6 сант. шир. Втулка узкая, четырехугольная, 3 сант. глубины. Вѣсъ 110 грам. На широкихъ плоскостяхъ по двѣ дирочки. Передній край полукруглый, острый, задній край прямой. Отливка чистая. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, на пашнѣ, близъ села Шалаболинскаго.

Четыре кельта изъ моей личной коллекціи имѣютъ подобный же размѣръ и характеръ. Только одинъ изъ нихъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что кромѣ двухъ дирочекъ для гвоздей имѣетъ еще по одному ушку съ той и другой стороны верхняго края. Передній острый край нѣсколько выгнутъ, а верхній имѣетъ слегка серпообразную или полулунную форму. Втулка узкая, четырехугольная, 3 сант. глубины. Вѣсъ 107,5 грам. Отливка тщательная, стѣнки довольно толстыя. Найденъ близъ Томска.

б) *Кельты съ однимъ заднимъ ушкомъ.* Эта разновидность кельтовъ составляетъ какъ бы переходъ отъ плоскихъ къ клинообразнымъ. Она отличается тѣмъ, что втулка ихъ нѣсколько объемистѣе, длина больше ширины и одна изъ плоскихъ поверхностей ихъ снабжена ушкомъ. Орудія этого типа представлены въ цитированномъ выше атласѣ Мартина (изъ Минусинскаго музея) на табл. 5-й (№№ 1—18). Въ Томскомъ университетскомъ музеѣ такихъ экземпляровъ имѣется 12, именно:

№ 1083—бронзовый кельтъ 8 сант. длины и 4½ сант. ширины, съ расширеніемъ на лезвіѣ и съ однимъ ушкомъ на задней стѣнкѣ. Подъ ушкомъ имѣется большое круглое отверстіе въ 1,5 сант., назначавшееся, очевидно, не для гвоздя, а какъ ажурное украшеніе. Втулка почти круглая, 5,3 сант. глубины, 3,5 и 2,7 сант. въ діаметрѣ. Вѣсъ 248 грам. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ. Отливка тщательная. На передней широкой плоскости имѣется не ясно выраженный орнаментъ въ видѣ двухъ трехугольниковъ.

№ 2829. Бронзовый кельтъ съ однимъ ушкомъ на задней стѣнкѣ. Длина 9,5 сант., ширина у полукруглаго лезвія 5 сант., у втулки 4 сант.

Втулка овальная, 3 и 2,5 сантиметровъ; глубина ея 4,8 сант. Сбоку нижняго края ушка имѣется круглая дирочка для гвоздя и такая же дирочка на противуположной стѣнкѣ, но не противъ первой, а съ другой стороны. Надъ этою послѣднею помѣщаются два значка въ видѣ концентрическихъ полукруглыхъ линій (копыто, или сегментъ луны?). Отливка довольно изящная. Поверхность кельта покрыта гладкою темнозеленою патиною. Вѣсъ 244 грам. Найденъ на пашнѣ близь села Беи, въ Минусинскомъ округѣ.

№ 2830. Бронзовый кельтъ съ однимъ ушкомъ и плоскоовальною втулкою. На передней поверхности орнаментъ въ формѣ завитка. Длина 7,5 сант., ширина по лезвію 4, по втулкѣ 3,5 сант. Глубина втулки 3,5 сант. На передней орнаментированной сторонѣ маленькая круглая дирочка для гвоздя. Поверхность орудія покрыта тонкимъ слоемъ темнозеленой патины. Вѣсъ 123 грамма. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ.

№ 2831. Мѣдный кельтъ съ однимъ ушкомъ по срединѣ, безъ орнаментовъ, отливка грубоватая. Длина 7,5 сант., ширина 5 сант., глубина втулки 3,5 сант. На передней и задней широкой стѣнкѣ пробиты круглыя дирочки для гвоздя, расположенныя не симметрично. Вѣсъ 137½ грам. Найденъ тамъ-же.

№ 3159. Бронзовый кельтъ съ однимъ ушкомъ на задней поверхности. Длина 8,5, ширина по лезвію 5,5 сант., по втулкѣ 4 сант. Втулка овальная 3 и 2½ сант., глубина ея 4,5 сант. На передней поверхности орнаментъ въ формѣ выпуклаго завитка и трехъ полукруглыхъ соскообразныхъ фигуръ. Отливка изящная. Покрытъ гладкимъ слоемъ темнозеленой патины. Вѣсъ 154 грам. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ.

№ 3160. Такой же мѣдный кельтъ съ однимъ заднимъ ушкомъ, безъ орнаментовъ. Длина 7½, ширина во втулкѣ 3,5, по лезвію 4,8 сант. Втулка овальная, 3 и 2½ сант. въ діам., глубина 3,8 сант. Вѣсъ 184 грам. Найденъ въ Ачинскомъ округѣ

№ 3161. Мѣдный кельтъ 8 сант. длины и 5,5 ширины по втулкѣ, 4,5 по лезвію, безъ орнамента, съ однимъ ушкомъ на задней стѣнкѣ; по сторонамъ ушка двѣ пробитыя дирочки для гвоздя, а на противуположной стѣнкѣ одна такая же дирочка съ краю. Втулка плоско-овальная 3,5 сант., глубины, 3 и 2 сант. ширины во входѣ. Вѣсъ 215 граммъ. Найденъ тамъ-же.

№ 3162. Такой же кельтъ 6 сант. длины и 5 ширины, съ однимъ ушкомъ по срединѣ. Отливка грубая. Вѣсъ 121 граммъ. Найденъ тамъ-же.

№ 4033. Мѣдный кельтъ 9,5 сант. длины, 5 сант. ширины по втулкѣ и 4,5 по лезвію. Втулка овальная 4 и 3 сант., глубина ея 6,5 сант.; съ однимъ ушкомъ по срединѣ. Орнаментовъ и дирочекъ нѣтъ. Вѣсъ 226 грам. Отливка тщательная. Найденъ близь села Абаканскаго, въ Минусинскомъ округѣ.

№ 4034. Кельтъ изъ красной мѣди съ однимъ, неудавшимся при отливкѣ или силюснутымъ впослѣдствіи, ушкомъ. Длина 8 сант., ширина 4,5 сант., втулка плоскоовальная, 4 и 2,5 сант. въ діам. и 4 сант. глубины. Подъ силюснутымъ ушкомъ пробита дирочка*); такая же дирочка существуетъ и на противуположной стѣнкѣ, не вполнѣ соотвѣтствуя первой по высотѣ положенія. Орнаментовъ нѣтъ. Вѣсъ 189 грам. Отливка аккуратная, гладкая. Найденъ въ той-же мѣстности. На плоскихъ поверхностяхъ этого кельта, особенно на той, гдѣ имѣется ушко, явственно замѣтны слѣды ударовъ, въ видѣ тонкихъ, но довольно глубокихъ полосокъ и ямокъ, по всей вѣроятности произведенныхъ во время употребленія этого орудія. На боковыхъ ребрахъ такихъ знаковъ нѣтъ; на лезвіѣ зазубринки тоже незначительныя.

№ 4035. Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 4 сант. ширины по втулкѣ и 5 сант. по лезвію. Втулка четырехугольная, почти квадратная, 3 и 2,5 сант. въ діаметрѣ, 4 сант. глубины, съ однимъ ушкомъ на широкой стѣнкѣ. На противуположной стѣнкѣ имѣется небольшая круглая, а съ поверхности конусообразная, дирочка, пробитая послѣ отливки. Выше ея слѣды неявственно отлитаго орнамента въ видѣ трехъ соскообразныхъ фигуръ. Поверхность мѣстами покрыта темно-зеленой патиной, проникающей отчасти и внутрь втулки. Стѣнки орудія толстыя. Вѣсъ 245 грам. Лезвіе расширенное и хорошо заостренное. Найденъ въ той-же мѣстности.

№ 4036. Бронзовый кельтъ 2,5 сант. длины 5,5 сант. шир. по лезвію и 3,7 сант. по втулкѣ. Втулка четырехугольная 3 и 2 сант. въ діам,, 4,5 сант. глубины. Стѣнки толстыя, вѣсъ орудія 304 грам. Лезвіе расширенное, хорошо заостренное, но мѣстами зазубренное. Ушко по срединѣ одной изъ широкихъ плоскостей; сбоку пониже его находится неправильно округлая, повидимому пробитая, дирочка. На противуположной стѣнкѣ такая же дирочка нѣсколько выше этого уровня и по срединѣ стѣнки. Съ этой же стороны видѣнъ выпуклый орнаментъ въ видѣ подковообразныхъ фигуръ. Поверхность орудія покрыта густымъ слоемъ темнозеленой патины. На одной изъ широкихъ плоскостей (гдѣ орнаментъ) замѣтны слѣды искусственныхъ тонкихъ полосокъ или черточекъ, идущихъ въ косвенномъ направленіи. Найденъ въ той же мѣстности.

Кельты описаннаго типа (съ однимъ ушкомъ на задней стѣнкѣ) были такъ же въ употребленіи и въ Западной Европѣ, но они встрѣчались тамъ сравнительно рѣже, чѣмъ кельты съ однимъ боковымъ ушкомъ. По имѣющимся у

*) Пробитая дирочка отличается отъ формированной на модели отливки тѣмъ, что края ея неровны, нѣсколько вогнуты внутрь, а величина самыхъ дирочекъ бываетъ неравномѣрна, форма же иногда круглая, иногда четырехугольная.

меня литературнымъ пособіямъ, могу указать на образчики такихъ орудій въ сочиненіи *Гросса* (Les protohelvètes) на табл. XIII №№ 12 и 13 и въ атласѣ *Кембля* (Horae ferales) на табл. V рис. 38. Между европейскими древностями гораздо чаще встрѣчаются т. н. полые кельты точно такого же внѣшняго очертанія, той же величины и формы, но только съ однимъ боковымъ ушкомъ. Таковы напр. у *Монтеліуса* рис. 146 на стр. 46, по внѣшнему очертанію весьма сходный съ нашимъ экземпляромъ № 1083, и въ каталогѣ *Вильда* на стр. 385 и 386 и нѣкоторые другіе. Перемѣщеніе ушка съ задней площадки орудія на боковое ребро очевидно было связано съ формой прикрѣпленія кельта къ рукояткѣ (плашмя или ребромъ), но общее очертаніе орудія, всѣ его отличительныя свойства оставались одни и тѣже. По этому мы вправѣ думать, что сибирскіе кельты съ однимъ ушкомъ по срединѣ имѣютъ ближайшую этнологическую связь съ подобными же европейскими типами.

в) *Клиновидные кельты большого размѣра.* Ихъ мы подраздѣляемъ на двѣ разновидности: 1) *кельты безъ ушковъ* и 2) *съ двумя боковыми ушками.* Первыхъ имѣется въ Томскомъ университетскомъ музеѣ 9 экземпляровъ, вторыхъ 24 экземпляра. Многіе изъ нихъ имѣютъ на обоихъ широкихъ поверхностяхъ, болѣе или менѣе разнообразные, орнаменты, отлитые рельефно въ видѣ выдающихся поясковъ, клѣтокъ, шишечекъ, трехугольниковъ и т. под. Рисунки орнаментовъ иногда одинаковы на той и другой сторонѣ орудія, иногда разнообразны. При частномъ описаніи мы остановимъ на нихъ вниманіе, такъ какъ въ орнаментахъ болѣе всего выражаются техническіе навыки и народные вкусы, а слѣдовательно и взаимная связь восточной индустріи съ западною, что будетъ видно изъ ихъ сравненія.

Рис. 90.

1) *Кельты безъ ушковъ.* Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ къ этому типу относятся слѣдующіе экземпляры:

№ 1057. Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 4,5 сант. шир., вѣсъ 230 грам. Втулка шестигранная, 4 и 2,5 сант. въ діам., 5 сант. глубины, передняя и задняя поверхности плоскія, орнаментированы по одному рисунку —двумя поперечными прорѣзями, продольными полосками и двумя ямочками, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ № 90. Боковыя поверхности отлиты на двѣ грани. Ни ушковъ, ни дирочекъ для закрѣпы не имѣется. Отливка тщательная. Найденъ въ курганѣ близъ Тобольска.

№ 1058. Того же типа бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 5,5 шир., вѣсъ 281 граммъ. Втулка шестигранная, 2 и 4 сант. въ діам. На перед-

ней и задней плоскости по три поперечныхъ ажурныхъ прорѣзи (въ полость втулки), подъ ними орнаментъ изъ мелкихъ продольныхъ полосокъ. Боковыя ребра на двѣ грани. Найденъ въ курганѣ на Чувашскомъ мысу близъ Тобольска.

№ 1079. Бронзовый кельтъ, по очертанію и орнаментамъ сходенъ съ предъидущими двумя экземплярами. Размѣръ его 7,5 сант. длины и 5 сант. шир., съ легкимъ расширеніемъ на лезвіѣ, съ двумя прорѣзями на передней и задней поверхности и съ орнаментомъ подъ ними въ видѣ тонкихъ полосокъ и ломаныхъ линій. Втулка овальная 2 и 4 сант. въ діам. и 4,5 глубины. Боковыя края на двѣ грани. Вѣсъ 199 грам. Найденъ въ той же мѣстности*).

№ 2590. Кельтъ изъ красной мѣди, 7 сант. длины и 5 ширины. Вѣсъ 162 грам. Втулка четырехугольная 4 и $2^1/_2$ сант. въ діам., 5 сант. глубины, внутри въ нижней трети раздѣлена тонкой перекладинкой на двѣ половины. Боковыя стѣнки отлиты на двѣ грани; обѣ широкія поверхности украшены орнаментомъ, сверху въ видѣ трехъ рельефныхъ полосокъ, паралельно опоясывающихъ орудіе кругомъ; отъ нижней полоски на одной сторонѣ кельта идутъ двѣ косыхъ линіи, образующія при перекрещиваніи два треугольника, сходящіеся вершинами; на другой сторонѣ отъ нижняго пояска идутъ двѣ, слегка изогнутыя линіи книзу. Найденъ на пашнѣ въ Каинскомъ округѣ, близъ деревни Бурундуковой.

№ 2604. Бронзовый кельтъ 10 сант. длины и 6 сант. шир. Вѣсъ 422 грам. Втулка овальная, 5 и 3 сант. въ діам., 6 сант. глуб. Боковые края отлиты на двѣ грани. Передняя и задняя стороны имѣютъ одинаковый орнаментъ, состоящій изъ рѣзко выдающихся четырехъ продольныхъ валиковъ и пересѣкающихъ ихъ въ верхней трети двухъ такихъ же круговыхъ поясковъ. Вслѣдствіе такого пересѣченія образуются на каждой сторонѣ по шести симметрическихъ клѣтокъ и по двѣ клѣтки на каждой боковой грани. На

*) Экземпляръ подобной же формы, какъ три предъидущіе кельта, изображенъ въ атласѣ *Мартина* на табл. 32, подъ № 10. Въ линіяхъ его мелкихъ орнаментовъ, находящихся между прорѣзями, на передней и задней плоскостяхъ, авторъ усмотрѣлъ подобіе китайскихъ буквъ, потому называетъ этотъ экземпляръ издѣліемъ китайскимъ. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Четырехугольная клѣтка, очерченная тонкими рельефными линіями, въ данномъ случаѣ представляетъ, по моему мнѣнію, простую орнаментацію. Если даже допустить, что она имѣетъ подобіе китайскаго алфавитнаго знака, о чемъ могутъ судить только оріенталисты-синологи, то и въ такомъ случаѣ нельзя еще заключать, что данный кельтъ есть китайское произведеніе. Форма фигурной буквы могла быть взята Минусинскимъ мастеромъ съ китайской монеты и примѣнена какъ украшеніе. Чтобы считать это орудіе вывезеннымъ изъ Китая, нужно имѣть факты, доказывающіе, что въ самомъ Китаѣ такіе кельты дѣйствительно употреблялись. О такихъ находкахъ на китайской и даже монгольской территоріи, по южную сторону Алтая и Саяновъ, мнѣ не приходилось ни читать, ни слышать. Между сибирскими древностями, дѣйствительно, попадаются иногда бронзовыя зеркала съ китайскими буквами; но эти предметы употреблялись и въ Китаѣ и въ Сибири, о кельтахъ же мы не знаемъ ничего подобнаго.

передней и задней плоскости находится по круглой диркѣ для гвоздя, по видимому пробитой послѣ отливки. Найденъ въ Пермской губерніи по восточную сторону Урала *).

№ 2605. Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 7 шир. Вѣсъ 277 грам. Втулка овальная $5^1/_2$ и $2^1/_2$ сант. шир. и 7 сант. глубины. Боковыя ребра имѣютъ двѣ грани. Орнаментъ спереди и сзади одинаковый, именно: сверху, отъ втулки, косыя выпуклыя линіи, образующія три трехугольника, ниже ихъ два циркулярныхъ пояска, между которыми размѣщенъ рядъ выпуклыхъ шишечекъ; отъ нижняго пояска по срединѣ широкихъ плоскостей идетъ гребневидное продольное возвышеніе или валикъ. На боковыхъ краяхъ, соотвѣтственно поясками, находится по конической шишечкѣ, въ родѣ ложныхъ ушковъ. Дирочекъ для укрѣпленія древка не имѣется. Найденъ въ той же мѣстности.

№ 2606. Мѣдный кельтъ 7,5 сант. длины и 4,5 сант. шир. Вѣсъ 182 грам. Втулка овальная $3^1/_2$ и $2^1/_2$ сант. шир., $5^1/_2$ глубины. Боковые края отлиты на двѣ грани. Орнаментированъ двумя выпуклыми поясками, отъ конхъ къ лезвію идутъ по четыре паралельныхъ полоски. Надъ верхнимъ пояскомъ орнаментъ прямыми и ломаными линіями. По срединѣ орудія съ той и другой стороны пробито по четыреугольной дирочкѣ для гвоздя. Найденъ въ той же мѣстности.

№ 3149. Бронзовый кельтъ $10^1/_2$ сант. длины и $6^1/_2$ сант. ширины, безъ ушковъ и орнаментовъ. Втулка овальная 5 и $2^1/_2$ сант. ширины и $5^1/_2$ сант. глубины. Боковыя поверхности слегка закругленныя; передній конецъ съ одной стороны нѣсколько изогнутъ копытообразно, очевидно приналовленный къ дѣйствію плашмя. Вѣсъ орудія 459 грам. Найденъ въ Енисейскомъ округѣ.

№ 4410. Бронзовый кельтъ 9 сант. длины и 5 сант. шир. во втулкѣ, 4 въ лезвіѣ. Втулка четырехугольная 4 и 2,7 сант. шир., 4 сант. глубины. Боковыя стѣнки плоскія, въ видѣ удлиненнаго трехугольника или клина, въ основаніи (у верхняго края) 3 сант. На одной сторонѣ этого края имѣется особый боковой отростокъ въ $1^1/_2$ сант. длиной; съ другой стороны видны слѣды такого же, повидимому сколотаго, отростка. По длинѣ широкихъ плоскостей проходятъ три круглые валика, одинъ въ срединѣ и два по краямъ. Дирочки для гвоздя (укрѣпленія рукоятки) существовали у верхняго края на передней и задней стѣнкѣ (по разнымъ сторонамъ средняго валика), но верхніе края ихъ либо прорваны, либо были съ дефектомъ при отливкѣ. Вѣсъ орудія 441 грам. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ.

*) Часть верхняго края этого орудія выпилена для химическаго анализа металла. Результатъ анализа см. выше на стр. 374. № 1. Здѣсь этотъ кельтъ ошибочно помѣченъ найденнымъ въ Тобольской губ., вмѣсто Пермской губ.

Изъ приведеннаго описанія нашихъ находокъ можно усмотрѣть, что кельты безъ ушковъ преимущественно встрѣчались въ западной части Сибири, главнымъ образомъ въ Тобольской и въ зауральскихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Экземпляры съ шестигранной втулкой, или съ двугранными боковыми ребрами встрѣчались только въ этихъ губерніяхъ, въ Томской же и Енисейской вообще этотъ видъ кельтовъ (безъ ушковъ) является въ видѣ исключенія, единицами, если сравнивать ихъ съ массою кельтовъ другихъ типовъ. Въ Западной Европѣ полые кельты безъ ушковъ, по видимому, чаще всего были находимы въ Дунайскихъ областяхъ. Въ цитированномъ нами атласѣ *Гампеля* (Bronzezeit in Ungarn) они изображены на табл. X (Celte ohne Oehr). По этимъ рисункамъ видно, что не только самая форма орудій, но и орнаменты ихъ имѣютъ очень большое сходство съ западно-сибирскими. Таковы напр. утолщенные валики по верхнему краю (около втулки), выпуклые пояски и зубчики, концентрическіе треугольники. На рис. 12 у Гампеля изображенъ кельтъ съ двумя боковыми гранями, какъ у Тобольскихъ; у многихъ показано нѣсколько расширенное лезвіе. Трудно предположить, чтобы всѣ эти совпаденія въ такихъ частностяхъ были случайностью.

22260.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи кельты этого типа встрѣчались, кажется, только въ Ананьинскомъ могильникѣ. Образчики ихъ въ рисункахъ можно видѣть въ атласѣ Аспелина и на стр. 48 сочиненія *П. Полевого* „очерки русской исторіи въ памятникахъ быта (1879 года)“. Рис. 4 и 6 воспроизводятъ типъ этихъ кельтовъ съ двухгранными ребрами и орнаментами, подобными сибирскимъ*). На той же страницѣ изображены другія бронзовыя орудія, весьма характерныя для сибирскихъ типовъ, особенно № 24 и 25 (сѣкиры, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Они даютъ прямое указаніе на распространеніе сибирской бронзовой культуры на берега Камы, въ области древней камской Болгаріи, и оттуда на Дунай, въ нынѣшнюю Венгрію.

2) *Кельты съ двумя ушками.* Въ Томской и Енисейской губерніяхъ они встрѣчаются значительно чаще другихъ типовъ. Въ атласѣ *Мартина* (изъ Минусинскаго музея) они изображены на табл. 1—3, въ количествѣ 30 экземпляровъ. Въ нашемъ Томскомъ музеѣ, какъ уже сказано, ихъ собрано 24 экземпляра и въ моей частной коллекціи 3. Изъ этого числа 12 отличаются своей массивностью и одинаковымъ орнаментомъ, 4 средняго размѣра, орнаментированныхъ другимъ рисункомъ, 8 гладкихъ, безъ орна-

*) Другихъ изданій Ананьинскихъ находокъ въ рисункахъ, напр. атласа перваго Московскаго археологич. съѣзда, я не имѣлъ подъ руками. Было бы весьма желательно имѣть по возможности полный сводъ этихъ древностей въ хорошемъ атласѣ, какъ издаются Императорской археолог. коммиссіей скиѳскія и сибирскія древности.

ментовъ, 1 той же внѣшней формы, но украшенный рисункомъ и 2 съ закругленными выпуклыми поверхностями.

Я не буду въ подробностяхъ описывать всѣхъ этихъ орудій, а ограничусь лишь однимъ экземпляромъ по каждому виду, указавъ для остальныхъ только размѣры и вѣсъ. Начну съ массивныхъ экземпляровъ.

№ 1241. Бронзовый кельтъ 18 сант. длины, 6 сант. шир. на заднемъ концѣ и 5,5 на переднемъ; вѣсъ 1175 грам. Втулка четырехугольная, 6 и 3,5 сант. въ діам. и 9 сант. глубины. Края около отверстія втулки утолщены въ видѣ широкаго валика, сливающагося съ началомъ ушковъ. Размѣръ ушковъ 2 и $1^1/_2$ сантим. (вышины и ширины). Передняя и задняя поверхности плоскія; по срединѣ той и другой расположенъ выпуклый продольный валикъ, раздѣляющій орудіе какъ бы на двѣ половины. Такіе же валики идутъ по краямъ съ той и другой стороны, очевидно, имѣя значеніе орнамента. Боковыя стѣнки (ребра) тоже имѣютъ по срединѣ продольную, слегка выдающуюся черту (слѣдъ или шовъ складной отливочной формы), отъ которой стѣнка имѣетъ небольшой наклонъ къ передней и задней плоскости орудія, изображая, такимъ образомъ, слабо выраженныя двѣ грани. Этотъ экземпляръ найденъ въ Маріинскомъ округѣ, въ Алчедатской волости, на пашнѣ. Совершенно тотъ же типъ имѣютъ и слѣдующіе номера:

№ 3144. Длина его 16 сант., шир. по втулкѣ 5,5 сант., а вмѣстѣ съ ушками 7,5 сант., на переднемъ концѣ 4,5 сант., вѣсъ 845 грам.

№ 3143. Длина 15, ширина лезвія 6, по верхнему концу 8 сант. Вѣсъ 886 грам.

№ 3146. Длина 14,5, ширина по лезвію 6 сант. Вѣсъ 867 грам. Втулка 4 и 9 сант. въ діаметрѣ. Орнаментъ тотъ же, но между краевыми и срединнымъ валиками, вслѣдствіе углубленія стѣнки, образуется родъ четыреугольныхъ клѣтокъ, раздѣленныхъ выпуклой чертой.

№ 2823. Длина 16,5, шир. 6 сант. Вѣсъ 1217 грам. Орнаментъ подобенъ предъидущему, но углубленныя площадки или клѣтки имѣютъ внизу скошенныя линіи.

№ 2824. Длина 16,5, шир. 6 сант. Вѣсъ 1144 грам., площадки между валиками орнамента имѣютъ четыреугольную форму.

№ 4031. Длина 16 сант., шир. по втулкѣ 7, по лезвію 5 сант., вѣсъ 987 грам., орнаментъ тотъ-же.

№ 2825. Длина 14 сант., шир. 6 сант. Верхняя треть передней и задней стѣнки, гдѣ помѣщалась рукоятка, выломана почти во всю ширину.

№ 4048. Длина 14, ширина во втулкѣ 7, въ лезвіѣ 5,5 сант.: лезвіе полукруглое. Верхняя треть одной стѣнки, со стороны втулки, выломана. Вѣсъ, безъ недостающаго куска, 741 граммъ.

№ 1243. Длина 13, шир. 6 сант., лезвіе полукруглое, слегка расширенное. Вѣсъ 672½ грам. Двѣ боковыя грани выражены явственнѣе. Орнаментъ въ видѣ двухъ циркулярныхъ валиковъ, опоясывающихъ орудіе на уровнѣ ушковъ, въ остальной части сходенъ съ предъидущими. Втулка круглая, 4 и 4½ сант. шир. Экземпляры того же типа изъ моей личной коллекціи имѣютъ одинъ 18 сант. длины и 6 сант. шир. по лезвію, другой 15 сант. длины и 6½ шир. на переднемъ концѣ. Лезвіе нѣсколько расширенное; двѣ боковыя грани, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ экземплярѣ выступаютъ явственно. Орнаментъ сходенъ съ предъидущими. Вѣсъ перваго 1158 граммъ, второго 1168 граммъ.

Почти всѣ перечисленные тяжеловѣсные кельты, не смотря на объемистую, широкую втулку, имѣютъ, кромѣ того, для укрѣпленія рукоятки особыя дирочки для гвоздя, иногда по одной съ той и другой стороны, но съ разныхъ краевъ, иногда по двѣ. При такомъ способѣ укрѣпленія, рукоятка очевидно держалась такъ прочно, что при большой силѣ ударовъ могла выламываться самая стѣнка втулки, какъ это показываютъ два предъидущихъ экземпляра. Слѣдующіе четыре кельта нѣсколько отличаются отъ описанныхъ, какъ по размѣрамъ, такъ и по орнаментамъ.

Рис. 91. Кельтъ № 3158.

№ 3147. Бронзовый кельтъ 11,5 сант. длины и 6 сант. ширины. Вѣсъ 476 грам. Втулка овальная, 5,5 и 3,7 сант. въ діам., 6,5 сант. глубины. Всѣ поверхности плоскія, передній конецъ слегка закругленъ и разширенъ. Орнаментъ на передней и задней стѣнкѣ одинаковый, именно: сверху, около втулки, широкій валикъ, отъ него опускаются на углубленную и раздѣленную на двѣ половины площадку два зубца, затѣмъ площадка пересѣкается узкимъ поперечнымъ валикомъ, за которымъ углубленная площадка продолжается въ видѣ двухъ треугольниковъ. Поверхность кельта покрыта слоемъ темнозеленой патины. На передней и задней стѣнкѣ пробиты дирочки для гвоздя.

№ 3158. Бронзовый кельтъ 10,5 сант. длины и 5,5 сант. ширины. Вѣсъ 442 грам. Втулка четырехугольная, 5 и 3,7 сант. шир., 7 сант. глубины. Форма и орнаментъ одинаковы съ предъидущими, за исключеніемъ того, что нижнія углубленныя клѣтки, такъ же, какъ и верхнія, имѣютъ по зубчику.

№ 3145. Орудіе той же формы и орнаментаціи; длина 12,5 сант., шир. 6 сант. Вѣсъ 600 граммъ.

№ 4032. Бронзовый кельтъ 10,5 сант. длины и 4 сант. шир. по лезвію. Втулка 4,5 и 3,5 сант. шир. и 6.5 сант. глубины. Вѣсъ 400 грам. Орнаментъ состоитъ изъ двухъ перекрещивающихся выпуклыхъ валиковъ, между коими образуются четыре клѣтки.

Слѣдующіе восемь кельтовъ по размѣрамъ принадлежатъ тоже къ средней величинѣ, но они отличаются отъ другихъ менѣе клинообразною, т. е. болѣе плоскою формою и отсутствіемъ орнаментовъ, хотя отливка ихъ не менѣе тщательная. Образчикъ этого типа представляется здѣсь на рисункѣ 93, снятомъ съ *№ 3148.* Этотъ экземпляръ имѣетъ 11,5 сант. длины и 4,5 сант, ширины по лезвію и 6 сант. по втулкѣ. Вѣсъ 424 грамма. Втулка четырехугольная 5,5 и 5,2, сант.

Рис 92. Кельтъ № 4032.

Рис. 93. Кельтъ № 3148.

въ діам., 6 сант. глубины. Боковыя ребра, равно передняя и задняя поверхности плоскія и ровныя. На верхнемъ краѣ, около втулки, плоскій выдающійся ободокъ. Другихъ украшеній никакихъ нѣтъ. Два боковыхъ ушка въ нижней своей части имѣютъ по добавочной маленькой сквозной дирочкѣ, назначеніе которыхъ трудно угадать, если только онѣ не сдѣланы при отливкѣ просто для красы. Цвѣтъ бронзы съ золотистымъ отливомъ.

№ 3154. Совершенно той же формы, только размѣръ его нѣсколько поменьше (10,5 сант. длины и 4,5 шир. по переднему концу). Вѣсъ 378 грам. На широкихъ поверхностяхъ пробито по одной дирочкѣ для гвоздя.

№ 3153. Форма и величина совершенно такая же. Вѣсъ 384 грамма. Бронза съ золотистымъ отливомъ.

№ 3152. Бронзовый кельтъ точно такой же формы. Вѣсъ 339 грам.

№ 3156. Длина 11,5 сант., ширина во втулкѣ 6, по лезвію 4,5 сант. Вѣсъ 456 грам. Общая форма таже, за исключеніемъ добавочныхъ дирочекъ внизу ушковъ.

№ 3155. Кельтъ точно такой же формы, но нѣсколько поуже. Вѣсъ 360 грам. На передней и задней стѣнкѣ пробиты дирочки для гвоздя, одна четырехугольная, другая круглая.

№ 3157. Типъ тотъ же. Размѣръ 9 сант. длины, 6 сант. ширины по втулкѣ и 5 сант. по лезвію. Вѣсъ 351½ грам. На передней и задней стѣнкѣ пробиты дирочки для гвоздя.

№ 2827. Бронзовый кельтъ съ двумя ушками, безъ орнамента. Длина 10 сант., ширина по верхнему краю 5,5, по нижнему 4 сант. Вѣсъ 276 грам. Отличается отъ предъидущихъ тѣмъ, что боковыя поверхности его не плоскія, а закругленныя.

№ 2826. Этотъ экземпляръ, изображенный на рисункѣ 94, имѣетъ ту же форму, какъ остальные въ этой рубрикѣ, но онъ спереди и сзади украшенъ орнаментомъ въ видѣ двухъ пирамидокъ, составленныхъ изъ концентрическихъ трехугольниковъ, обращенныхъ основаніями къ верхнему выпуклому ободку. Длина его 10 сант., ширина на заднемъ концѣ 5, на переднемъ 4 сант. Боковыя поверхности плоскія. Втулка четырехугольная 4,5 и 2,5 сант. шир., 6,7 сант. глубины. Вѣсъ 250 грам. Найденъ на пашнѣ въ Ачинскомъ округѣ.

Рис. 94.
Кельтъ № 2826.

Рис. 95.
Кельтъ № 3150.

Особую форму кельтовъ съ двумя боковыми ушками составляютъ орудія съ округленными выпуклыми боками. Они встрѣчаются не часто. Въ атласѣ Мартина такой экземпляръ изображенъ на табл. 2 подъ № 7; въ Томскомъ университетскомъ музеѣ имѣется тоже одинъ экземпляръ, представляемый здѣсь на 95 рисункѣ; сходный съ нимъ я имѣю также въ моей коллекціи. Музейный экземпляръ значится по каталогу подъ № 3150. Длина его 11 сант., ширина 3,5 сант., бока округленные, передняя и задняя поверхности тоже отчасти выпуклыя. Втулка овальная, 2½ и 3½ сант. ширины и 6 сант. глубины; лезвіе 2,7 сант. ширины. Ушки помѣщаются не у са-

маго края втулки, а нѣсколько пониже, между двумя выпуклыми циркулярными валиками, составляя какъ бы ихъ продолженіе. Пространство между валиками украшено орнаментомъ въ елку, а подъ нижнимъ валикомъ идутъ съ каждой стороны по три трехугольника, составленныхъ изъ концентрическихъ выпуклыхъ линій. Вѣсъ этого экземпляра 266 грам. Отливка изящная.

Мой экземпляръ имѣетъ тѣ же размѣры и подобную же форму, но онъ отличается тѣмъ, что боковыя его поверхрости, ниже ушковъ, плоскія, а округлую форму имѣетъ только верхняя часть. Втулка почти совсѣмъ круглая 3,4 и 3 сант. шир., 7,5 сант. глубины. Орнаментъ помѣщается только между циркулярными валиками на уровнѣ ушковъ, не спускаясь за ихъ предѣлы. Онъ состоитъ изъ ряда перекрещивающихся косыхъ линій. Одно изъ этихъ орудій найдено въ Ачинскомъ округѣ, другое въ Кузнецкомъ, Томской губерніи. По деликатности стѣнокъ и изяществу формы они едва ли могли служить ремесленными орудіями, а вѣроятнѣе всего—нарядным оружіемъ.

Рис. 96.
Желобоватый кельтъ № 1085.

ѓ) *Желобоватые кельты.* Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется всего четыре экземпляра этого типа. Они отличаются тѣмъ, что одна изъ плоскихъ поверхностей ихъ представляетъ копытообразную выемку или желобокъ, внизу переходящій въ острый рѣжущій конецъ. Втулка въ этомъ случаѣ бываетъ либо сквозная, открытая сверху и снизу, либо закрытая, но очень короткая, такъ какъ около $^2/_3$ орудія, гдѣ существуетъ ложбинка, представляютъ компактную стѣнку, безъ пустоты. Въ атласѣ Мартина такіе экземпляры показаны на табл. 6-й. Большинство ихъ съ однимъ ушкомъ (№№ 2—10), нѣкоторые безъ ушка (№№ 11—14). Въ нашихъ экземплярахъ два тоже имѣютъ заднее ушко, а два безъ ушка. Они значатся въ каталогѣ подъ слѣдующими номерами.

по срединѣ втулки, на желобоватой поверхности

№ 1085. Бронзовый кельтъ (изъ сплава золотистаго цвѣта), 11 сант. длины и 5 сант. ширины, безъ ушковъ и дирочекъ. Втулка открытая съ обоихъ концовъ, почти круглая, $2^1/_2$ и 3 сант. въ діаметрѣ; она непосредственно переходитъ въ широкую ложбинку на задней поверхности нижней половины орудія. Края ложбинки нѣсколько приподняты, лезвіе немного расширено, какъ это видно, на прилагаемомъ 96 рисункѣ. Противуположная сторона этого кельта совершенно плоская, гладкая, верхній край ея, надъ втулкою,

выше задняго края. Вѣсъ 290 грам. Найденъ на золотомъ пріискѣ въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

№ 3151. Бронзовый кельтъ безъ ушковъ, 11 сант. длины и 4½ сант. ширины, втулка овальная, 2,5 и 3,5 сант. въ діаметрѣ, нижняя ея часть соединяется съ желобкомъ на задней стѣнкѣ посредствомъ широкаго отверстія (рис. 97). Боковыя стѣнки имѣютъ по двѣ грани, верхній ихъ конецъ полукруглый, передняя стѣнка плоская съ зубчатымъ орнаментомъ, идущимъ отъ верхняго валика (6 гвоздеобразныхъ выпуклыхъ зубчиковъ), лезвіе прямое. Вѣсъ 268 грам. Найденъ въ Ачинскомъ округѣ.

№ 1084. Бронзовый кельтъ 11,5 сант. длины и 5 сант. шир. по лезвію, съ однимъ ушкомъ по срединѣ задней поверхности и съ широкою ложбинкою на той же поверхности, идущей отъ ушка къ лезвію. Втулка овальная 3½ и 2½ сант. въ діаметрѣ, 4 сант. глубины по заднему краю, со стороны ушка, и 5 сант. по переднему, стѣнка котораго на одинъ сантиметръ выше. Передняя стѣнка гладкая, безъ орнаментовъ, лезвіе немного разширено. Вѣсъ 364 грамма. Найденъ въ 76 верстахъ отъ Устькаменогорска, на Троицкомъ золотомъ пріискѣ, на рѣчкѣ Сенташъ, подъ двумя аршинами золотоноснаго пласта (подъ отвалами древнихъ рудныхъ разработокъ).

Рис. 97.
Желобоватый кельтъ № 3151.

№ 2828. Подобный же кельтъ меньшаго размѣра, 9,5 сант. длины и 4,3 шир., съ однимъ ушкомъ по срединѣ верхней части задней стѣнки, представляющей желобоватое углубленіе. Передняя поверхность гладкая, безъ орнаментовъ, втулка овальная, 3,5 и 2,5 сант. шир. и 4,8 сант. глубины. Вѣсъ 209½ грам. Найденъ въ Ачинскомъ округѣ.

Желобоватые кельты мы выдѣлили въ особую разновидность не только по ихъ внѣшнему виду, но и потому, что они, по всей вѣроятности, имѣли другое назначеніе. Достаточно взглянуть на эти орудія, чтобы убѣдиться, что они прикрѣплялись къ рукояткѣ иначе, сравнительно съ прочими видами, именно плашмя, а не ребромъ. Такимъ образомъ они играли роль не тонора, а кирки или кайлы, какъ землекопнаго орудія, или тесла, какъ плотничнаго инструмента. Въ томъ и другомъ случаѣ они должны были насаживаться на деревянный черенъ, имѣющій на верхнемъ концѣ крѣпкій сукъ, плотно вгонявшійся во втулку. Въ заднее ушко продѣвался ремень, помощію котораго металлическій наконечникъ крѣпко притягивался къ вертикальной части рукоятки. Въ этомъ только случаѣ, т. е. когда наконечникъ прила-

живался плашмя и ушко при вертикальномъ положеніи черенища было обращено внизъ, оно получало свое значеніе. Той же цѣли соотвѣтствовала и форма передняго, иногда слегка изогнутаго въ видѣ копыта, рубящаго конца. Дѣйствовать имъ, какъ топоромъ, было невозможно, въ роли же тесла или кирки оно было весьма полезно и вполнѣ къ этому приспособлено. По этой причинѣ край у втулки, который при насадкѣ обращался впередъ (противуположный ушку) у нѣкоторыхъ экземпляровъ оказывается выше другого края, такъ какъ при дѣйствіи орудіемъ, какъ киркой, наиболѣе сильный напоръ на рукоятку сосредоточивался на этомъ пунктѣ.

Высказанное предположеніе о назначеніи желобоватыхъ кельтовъ, можетъ быть, отчасти подтверждается и мѣстомъ находки нашихъ экземпляровъ, какъ это было сказано при описаніи № 3151 и 1085. При всемъ томъ нельзя не замѣтить, что орудія эти слишкомъ легки для земляныхъ, а тѣмъ болѣе горныхъ работъ. Поэтому можно догадываться, что они въ горномъ дѣлѣ могли употребляться развѣ при разработкѣ жильныхъ мѣсторожденій дорогихъ металловъ, отбивая этимъ способомъ небольшіе куски золотоноснаго кварца изъ открытой жилы, какъ это и нынѣ дѣлается на золотыхъ пріискахъ въ Семипалатинской области. Независимо отъ этого назначенія, тѣ же орудія могли употребляться и для плотничныхъ цѣлей, какъ тесло.

Я думаю, что и остальные кельты (не желобчатые) съ однимъ ушкомъ по срединѣ широкой плоскости тоже насаживались на рукоятку плашмя. Иначе трудно понять утилитарное назначеніе ушка, которое, при закрѣпленіи инструмента ребромъ, оказалось бы съ боку, представляя ассиметрію и не будучи въ состояніи служить своей цѣли (прикрѣпленію ремнемъ къ рукояткѣ съ одной только боковой стороны). Отъ этого нарушалась бы равномѣрность укрѣпленія безъ всякой пользы для втулки. Въ западно-европейскихъ полыхъ или втулочныхъ кельтахъ, снабжавшихся большею частію однимъ боковымъ ушкомъ, оно имѣло полное значеніе, когда орудіе, при укрѣпленіи въ рукояткѣ, было обращено ушковымъ ребромъ внизъ. Тогда оно служило той же цѣли, какъ заднее ушко при укрѣпленіи кельта плашмя. Въ Западной Европѣ инструментъ очевидно игралъ роль топора, отличавшагося отъ нынѣшняго топора только иначе прилаженною рукояткою и отсутствіемъ обуха. Въ нашихъ же кельтахъ съ однимъ заднимъ ушкомъ этого быть не могло. Они должны были представлять собой либо тесло, либо сѣчку (тяпку) съ прямымъ черенкомъ, насаженнымъ въ одномъ направленіи съ металлическимъ наконечникомъ.

Примѣненіе такого орудія къ хозяйственнымъ или ремесленнымъ цѣлямъ могло быть очень разнообразно. Какъ тесло, оно могло служить, какъ и нынѣ, для бондарнаго и мелкаго плотничнаго дѣла, для выдалбливанія лодокъ-однодеревокъ и корытъ и т. под.; какъ сѣчка оно могло находить при-

мѣненіе въ домашнемъ хозяйствѣ при выкапываніи съѣдобныхъ корнеплодныхъ и т. дал.

Плоскіе маленькіе кельты, описанные мною въ первой рубрикѣ, мнѣ кажется, должны были преимущественно служить въ роли топориковъ для мелкихъ подѣлокъ. Они насаживались на рукоятку ребромъ, а не плашмя. Основаніе къ такому предположенію я вижу въ слѣдующихъ признакахъ ихъ строенія: 1) Втулка ихъ всегда узкая и длинная (въ ширину кельта), слѣдовательно разсчитанная такъ, что вставленное въ нее деревянное черенище только тогда соотвѣтствовало бы силѣ ударовъ, когда оно приходится ребромъ. Въ этомъ случаѣ ударъ будетъ отражаться по наибольшему размѣру втулки, гдѣ деревянная часть рукоятки равняется 3—4 сантиметрамъ, тогда какъ при дѣйствіи плашмя она не превышала бы $1^1/_2$—2 сант. и легко ломалась бы. 2) При моделировкѣ этихъ орудій имѣлась въ виду предпочтительно ширина лезвія, потому въ кельтахъ этого типа ширина нерѣдко превосходитъ вышину, или по крайней мѣрѣ равняется ей. Ушковъ здѣсь большею частію не имѣется, такъ какъ орудіе не тяжеловѣсное, но для укрѣпленія топорища всегда при отливкѣ оставлялись дирочки для гвоздей, по одной или по двѣ на каждой широкой плоскости. Если существуютъ двѣ дирочки, то онѣ расположены близъ краевъ топорика, параллельно на той и другой стѣнкѣ. При насадкѣ орудія ребромъ, это въ достаточной степени могло фиксировать рукоятку и предотвращать выскальзываніе ея изъ втулки. 3) На маленькихъ плоскихъ кельтахъ почти никогда не оказывается орнаментовъ; это, отчасти, тоже можетъ служить подтвержденіемъ, что эти орудія назначались для ремесленныхъ цѣлей, ибо военное оружіе, какъ показываютъ археологическія находки, въ большей части случаевъ украшалось орнаментами и отличалось болѣе красивыми формами.

Деревянная рукоятка для топориковъ должна была состоять изъ двухъ частей, вертикальной, болѣе длинной, и горизонтальной, короткой, соединявшихся между собою подъ прямымъ угломъ. Послѣдняя либо вдалбливалась въ проушину первой и здѣсь закрѣплялась ремнями, либо для нея выбирался такой кусокъ дерева, который имѣлъ бы на концѣ соотвѣтствующій прямой сукъ или корень. Гвозди для дирочекъ въ кельтѣ (для закрѣпленія рукоятки), надо полагать, были деревянные, такъ какъ ни на одномъ экземплярѣ орудій не сохранилось въ дирочкахъ металлическихъ заклепокъ.

Такой же способъ прикрѣпленія, по всей вѣроятности, должны были имѣть и кельты крупнаго размѣра, безъ ушковъ, описанные мною въ рубрикѣ клиновидныхъ. Это были настоящіе топоры, по размѣру и тяжести пригодные и для военныхъ цѣлей и для домашнихъ. Доказательствомъ того, что они насаживались на рукоятку ребромъ, а не плашмя, отчасти можетъ

служить форма ихъ реберъ. Выше мы видѣли, что боковыя ихъ стороны очень часто отливались на двѣ грани. Таже самая двухгранная форма верхняго края оказывается на имѣющемся въ нашемъ музеѣ мѣдномъ плотничномъ топорѣ, современнаго типа, со втулкою и обухомъ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ употребленія кельтовъ, какъ топоровъ, служатъ примѣры, хотя сравнительно рѣдкіе, нахожденія ихъ вмѣстѣ съ гнилушками полныхъ рукоятокъ. Одинъ такой примѣръ я помню изъ позднѣйшихъ раскопокъ Ананьинскаго могильника (по докладу члена Казанскаго археологическаго общества Пономарева, въ началѣ 80-хъ годовъ). На подобные факты указываютъ и европейскіе археологи.

Выше мы видѣли, что кельты средняго размѣра, не имѣющіе ушковъ, очень часто украшались орнаментами. Это обстоятельство заставляетъ думать, что они преимущественно употреблялись какъ военное оружіе. Для ремесленныхъ цѣлей подобныя украшенія были бы излишни, а тонкая, деликатная отливка скорѣе служила бы въ ущербъ прочности орудія. Эти военные топорики, подобно упоминаемымъ въ русскихъ лѣтописяхъ, могли служить дополненіемъ вооруженія, кромѣ лука и стрѣлъ, кинжала и копья.

Труднѣе въ точности опредѣлить назначеніе кельтовъ съ двумя ушками, которыхъ въ Сибири оказывается большинство. Мы ихъ раздѣлили на два сорта, смотря по размѣру, на средніе и массивные, притомъ на орнаментированные и гладкіе. По высказаннымъ выше соображеніямъ можно догадываться, что орнаментированные кельты служили оружіемъ, слѣдовательно употреблялись какъ топоры, насаживаясь на рукоятку ребромъ. При этомъ одно ушко, обращенное книзу, должно было служить для цѣлей прикрѣпленія орудія ремнемъ къ рукояткѣ, какъ это обыкновенно имѣло мѣсто при кельтахъ съ однимъ боковымъ ушкомъ (въ Западной Европѣ). Назначеніе другаго боковаго ушка представляется не яснымъ. Можетъ быть оно также служило для фиксаціи орудія посредствомъ ремня, прикрѣпляемаго къ верхнему выдающемуся концу вертикальной части рукоятки. Кельты не орнаментированные могли служить и топорами и лопатками, т. е. насаживаться на рукоятку и ребромъ и плашмя. Въ послѣднемъ случаѣ рукоятка была болѣе длинная и прямая, какъ это дѣлается у нынѣшнихъ лопатъ. Здѣсь оба боковыя ушка могли быть полезны для равномѣрнаго притягиванія кельта ремнями съ обѣихъ сторонъ. Въ подспорье къ этому черенокъ рукоятки во втулкѣ закрѣплялся гвоздемъ черезъ пробитыя дирочки.

Тяжеловѣсные, массивные кельты, надо предполагать, играли роль по преимуществу лопаты. Принимая во вниманіе ихъ значительный вѣсъ (до 1217 граммовъ), очень объемистую втулку, слѣдовательно, очень толстую рукоятку, мнѣ кажется, они едвали были удобны, какъ военные топоры.

Этой послѣдней цѣли болѣе соотвѣтствовали клиновидные кельты средней величины и вѣса отъ полуторыхъ до двухъ фунтовъ, описанные нами въ рубрикѣ В. Они не такъ массивны и неуклюжи и втулка ихъ болѣе приспособлена къ насадкѣ ребромъ. Если продположить, что топорище ихъ имѣло не болѣе аршина длины, то такое орудіе могло вполнѣ замѣнять топоръ плотничный и военный. Что же касается до массивныхъ экземпляровъ, въ 3—4 фунта вѣсомъ, то ими было удобнѣе пользоваться, какъ заступомъ, для земляныхъ работъ въ твердомъ грунтѣ, особенно если предположить, что толстая деревянная палка, вгонявшаяся во втулку, снабжалась еще поперечными заплечиками, дававшими орудію характеръ нынѣшняго заступа (для нажиманія ногой). Къ такой поперечинѣ удобно было прикрѣпить кельтъ ремнями, продѣтыми черезъ ушки. Во всякомъ случаѣ удержать такое тяжеловѣсное и массивное орудіе въ прямой рукояткѣ и дѣйствовать имъ какъ заступомъ было гораздо удобнѣе, чѣмъ укрѣпить его какъ топоръ и дѣйствовать имъ съ розмаху.

Можетъ показаться до нѣкоторой степени страннымъ, почему кельты, не смотря на ихъ нерѣдкое примѣненіе въ качествѣ топоровъ, всегда отливались съ горизонтальною втулкою, на заднемъ концѣ, а не съ вертикальною, какъ въ настоящемъ топорѣ, сѣкирѣ, или каменномъ молоткѣ. Нельзя допустить, чтобы мастера литейнаго дѣла не умѣли сформировать вертикальной втулки, или совсѣмъ не знали бы ея удобствъ. Каменные двуконечные молотки съ просверленною втулкою несомнѣнно существовали и раньше и одновременно съ бронзовыми кельтами. Равнымъ образомъ и бронзовыя сѣкиры, о которыхъ скажемъ ниже, имѣли вертикальную втулку и тоже употреблялись одновременно съ кельтами. Нельзя также допустить, чтобы въ этомъ случаѣ играла роль экономія въ металлѣ, какъ предполагали нѣкоторые археологи. Мѣди и бронзы въ Сибири было очень достаточно и отливки часто дѣлались очень крупныхъ размѣровъ, напримѣръ массивные котлы. Существовали и настоящіе мѣдные топоры съ проушиной и обухомъ, хотя и въ небольшомъ числѣ. Слѣдовательно, было и умѣнье и матеріалъ для отливки болѣе совершеннаго орудія, между тѣмъ кельты продолжали весьма долго существовать въ качествѣ топоровъ, не смотря на неудобство ихъ конструкціи. Причину этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать въ стойкости національныхъ привычекъ, въ рутинномъ подражаніи старымъ образцамъ. Традиціонныя формы въ древности несомнѣнно были долговѣчнѣе и устойчивѣе. Онѣ обнаруживаются вездѣ и во всемъ, начиная съ глинянаго горшка и напрясла и кончая погребальными обрядами. Археологу это виднѣе, чѣмъ историку или этнографу. Однѣ и тѣже формы иногда проходятъ черезъ цѣлыя тысячи лѣтъ, пока изолированная цивилизація не столкнется съ другой, болѣе сильной и вліятельной. Имѣя въ виду такіе археологическіе факты, мы

должны искать объясненіе происхожденія и долговѣчности кельтовъ въ исторіи ихъ развитія.

Происхожденіе кельта археологи обыкновенно связываютъ съ каменнымъ топоромъ, какъ его родоначальникомъ*). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, если понятіе о кельтѣ принимать въ широкомъ значеніи этого слова, разумѣя здѣсь и безвтулочныя (Flachcelte) и втулочныя (Hohlcelte) орудія. Первыя, дѣйствительно, очень похожи на каменные топорики или скребки**), употреблявшіеся несомнѣнно раньше бронзоваго плоскаго кельта.

Выше мы не разъ упоминали, что европейская и древне-сибирская культура ведетъ свое начало изъ Малой Азіи, по крайней мѣрѣ въ своихъ вещественныхъ проявленіяхъ по археологическимъ памятникамъ. По этому мы нерѣдко пользовались опубликованными Шлиманномъ древностями Трои, какъ матеріаломъ для археологическихъ сопоставленій. Къ тому же источнику мы обратимся теперь при разслѣдованіи исторіи кельта. Въ трудѣ названнаго автора, при описаніи троянскихъ раскопокъ (Ilios стр. 530) указывается, что въ третьемъ, т. н. сожженномъ городѣ почти все найденное бронзовое оружіе, за исключеніемъ весьма немногихъ экземпляровъ, не имѣло втулки***). Наконечники насаживались на рукоятку помощію металлическаго же черенка и закрѣплялись особымъ гвоздикомъ. По поводу этихъ предметовъ Шлиманнъ ссылается на заявленіе проф. Вархова, что шесть экземпляровъ точно такихъ же мѣдныхъ сѣкиръ, какъ троянскія, были найдены въ Познани (въ области Балтійскихъ славянъ) и что по формѣ своей онѣ напоминаютъ каменные топоры. Далѣе Шлиманнъ указываетъ на находки подобныхъ же мѣдныхъ сѣкиръ въ Венгріи, на островѣ Кипрѣ, въ Индіи, въ Вавилонѣ и въ Египтѣ (стр. 534). Поэтому онъ считаетъ безвтулочныя орудія древнѣйшимъ типомъ, взятымъ съ каменныхъ образцовъ. Такимъ образомъ, при троянскихъ раскопкахъ настоящихъ кельтовъ, подобныхъ сибирскимъ, совсѣмъ не оказалось. Ихъ замѣняли частію каменные топоры, частію бронзовые, отлитые по образцу каменныхъ.

Итакъ, троянскія племена, переселившіяся въ Европу послѣ разрушенія ихъ федераціи, не вынесли съ собой ни плоскаго (съ черенкомъ), ни полаго кельта; но они знали бронзовыя сѣкиры, имѣвшія видъ, болѣе или менѣе широкой, металлической полосы, закрѣплявшейся въ прямой деревянной палкѣ, и имѣли понятіе о втулкѣ. Наиболѣе древнимъ и распространеннымъ оружіемъ у нихъ служили стрѣлы и копья, тоже большею частію съ

*) *Osborne*, W. Das Beil und seine typischen Formen. Ein Beitrag zur Geschichte des Beiles. Dresden. 1887.

**) См. гл. II этой части, стр. 130 и 144, съ указаніемъ таблицъ соотвѣтствующихъ рисунковъ.

***) *Ilios*, стр. 530 и 531. Здѣсь же помѣщены и рисунки. Кромѣ того рисунокъ бронзоваго топора на стр. 542. № 828, и на стр. 565.

черенковою насадкой. Тѣ и другіе, судя по троянскимъ раскопкамъ, приготовлялись не только изъ мѣди и бронзы, но часто изъ кости. Ремесленныя орудія, топоры и молотки, продолжали существовать каменные. По этому мы заключаемъ, что кельтъ, даже въ своей простѣйшей формѣ, появился не въ Малой Азіи, а былъ придуманъ, какъ особое орудіе, послѣ троянской войны. Потому въ разныхъ мѣстностяхъ Европы и Азіи исторія его развитія шла не одинаковымъ путемъ. Въ Западной Европѣ, какъ мы уже говорили, наиболѣе распространены плоскіе, лопаткообразные кельты, безъ втулки. Археологи считаютъ ихъ болѣе древними и производятъ отъ каменныхъ топориковъ (*Осборнъ*). Впослѣдствіи времени, при постепенномъ видоизмѣненіи краевъ лопатки, изъ нихъ образовались загнутыя кромки и лопасти, полувтулка и полная втулка, для болѣе удобнаго воспріятія рукоятки. Въ всякомъ случаѣ втулочные типы на западѣ появились позднѣе черенковыхъ. Подобные же факты оказываются и на югѣ Россіи. Въ числѣ оружія черноморскихъ скиѳовъ не существовало кельтовъ сибирскаго типа, а были сѣкиры съ разширеннымъ лезвіемъ, вертикальною втулкою и обушкомъ. При дальнѣйшемъ развитіи скиѳскаго оружія оно не избѣжало греческаго вліянія, благодаря близкому сосѣдству съ черноморскими колоніями. Потому здѣсь не встрѣчается тѣхъ оригинальныхъ формъ оружія, какія появились на сѣверо-востокѣ Азіи и на сѣверо-западѣ Европы.

Въ Западной Сибири плоскіе кельты съ черенкомъ, можно сказать, почти совсѣмъ не встрѣчаются. Въ коллекціяхъ Томскаго археологическаго музея я имѣю всего одинъ такой экземпляръ, мѣсто нахожденія коего въ точности неизвѣстно (вѣроятнѣе всего въ Семипалатинскомъ округѣ); онъ значится въ каталогѣ подъ № 1242 съ такимъ описаніемъ: „Бронзовое (м. б. мѣдное) литое орудіе, въ родѣ клина, или толстой лопатки, $15^1/_2$ сант. длины и $4^1/_2$ сант. ширины по лезвію; безъ втулки. Задній узкій конецъ (2 сант. шир. и 5 сант. длины) срѣзанъ въ видѣ черенка". Вѣсъ 313 грам. Одна изъ его широкихъ поверхностей совершенно плоская, другая нѣсколько выпуклая, что заставляетъ предполагать, что это орудіе насаживалось на рукоятку плашмя, какъ лопатка. Передній конецъ хорошо заостренъ.

Описанный экземпляръ, который можно приравнять къ плоскому черенковому кельту (по классификаціи европейскихъ археологовъ) есть единственный изъ встрѣчавшихся въ Сибири. По нему можно судить, что эта форма кельтовъ здѣсь была совсѣмъ не обычна и не предшествовала втулочной формѣ. Тѣмъ болѣе въ Сибири не встрѣчается переходныхъ формъ отъ плоскаго къ лопастному типу, изъ котораго, мало по малу, могла бы развиться втулка. Очевидно, втулочные кельты здѣсь появились непосредственно, вслѣдствіе примѣненія извѣстнаго уже ранѣе сибирскимъ металлур-

гамъ значенія втулки (по каменнымъ молоткамъ и бронзовымъ сѣкирамъ) къ новому роду орудій *).

Теперь возникаетъ вопросъ: имѣютъ ли сибирскіе и западно-европейскіе втулочные кельты какую либо преемственную связь между собой, или они развились независимо другъ отъ друга, на противуположныхъ концахъ европейскаго и азіатскаго материка? Достаточно даже поверхностнаго взгляда на тѣ и другіе, хотя бы по рисункамъ вышецитированныхъ атласовъ, чтобы убѣдиться въ самомъ близкомъ ихъ сходствѣ. Таже внѣшняя форма и величина, таже овальная или четырехугольная втулка за заднемъ концѣ, тоже боковое или срединное ушко и во многихъ случаяхъ сходные орнаменты. Если бы не существовало нѣкоторыхъ частныхъ варіантовъ, то можно было бы подумать, что эти орудія отливались въ одномъ мѣстѣ, по однимъ формамъ и распространялись путемъ торговли. Но варіанты все же существуютъ и указываютъ на мѣстное производство этихъ орудій какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ отличій. 1) Въ Западной Европѣ нѣтъ нашего плоскаго маленькаго кельта, описаннаго мной въ первой рубрикѣ. 2) Европейскіе кельты большею частію имѣютъ одно боковое ушко, а сибирскіе два**). 3) На западѣ не встрѣчается нашихъ массивныхъ кельтовъ (болѣе 3 ф. вѣсу). На сходствѣ и различіи орнаментовъ я остановлюсь здѣсь въ частности.

Прежде всего нельзя не обратить вниманіе уже на тотъ признакъ, что какъ европейскіе втулочные кельты, такъ и сибирскіе большею частію орнаментированы. Въ этомъ видна общая привычка украшать оружіе, отличая его отъ ремесленныхъ инструментовъ. Орнаментъ почти всегда составленъ изъ геометрическихъ линій, воспроизведенныхъ при отливкѣ рельефно, а не вырѣзанныхъ послѣ отливки. Онъ всегда занимаетъ переднюю и заднюю широкія поверхности орудія, начинаясь отъ втулки или отъ валика, окружающаго ея верхній край. Рисунокъ орнамента не отличается большимъ разнообразіемъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ выражается продольными, параллельными или перекрещивающимися линіями, треугольниками, концентрическими треугольниками, поясками и зубчиками. На западно-европейскихъ кельтахъ такіе рисунки можно видѣть въ цитированныхъ мною атласахъ: у *Гампеля* на табл. X №№ 2 (зубчики), 4 (пояски), 6 и 13 (треугольники) 7 (три паралельныхъ валика). Тоже на табл. XI №№ 2, 8, 9,

*) Разсмотрѣніе вопроса о существовавшей связи между сибирскою металлургіею и малоазіатскою, въ частности троянскою и ассирійскою, помѣщено въ предъидущей главѣ.

**) Въ Сибири иногда встрѣчаются кельты и съ однимъ боковымъ ушкомъ, но такихъ очень немного. Мнѣ извѣстны всего два такихъ экземпляра, одинъ въ Минусинскомъ музеѣ, другой въ Томскѣ въ частной коллекціи (мѣдный). Длина его 11,5 сант., вѣсъ около полуторыхъ фунтовъ, втулка широкая, четырехугольная.

10, 11 и 12 и на табл. XCVIII всѣ номера. У *Эванса* на табл. V № 3, 5 и 6 (продольные валики) и на табл. VI №№ 1 и 8 (концентрическіе треугольники), №№ 2 и 6—пояски и продольные валики. Подобные же рисунки у *Осборна* на табл. XIV №№ 4, 5, 6 и 12. На той же табл. №№ 6 и 7 представляютъ кельты съ ребрами, отлитыми на двѣ грани (шестиугольные), какъ у нашихъ клиновидныхъ кельтовъ безъ ушковъ. Подобныя же формы оказываются на рисункахъ *Гампеля* и *Эванса*. Тоже мы видимъ въ атласѣ шведскихъ древностей *Монтеліуса* на стр. 46 и 47, №№ 145, 148, 149, 150, 151; въ атласѣ Британскихъ древностей у *Кембля* на табл. V №№ 4—8, 16—18 и у *Вильде* на стр. 367, 385 и 386 *). Если бы я располагалъ, живя въ Томскѣ, другими, болѣе полными пособіями по археологической литературѣ, особенно атласами, то, почти увѣренъ, сопоставленія мои оказались бы еще болѣе убѣдительными. Но ограничиваясь даже тѣмъ, на что я могъ указать, можно составить себѣ ясное понятіе о единствѣ первоначальнаго происхожденія сибирскихъ и западно-европейскихъ втулочныхъ кельтовъ. Сходство ихъ очевидно не случайное. Оно можетъ быть объяснено только продолженіемъ одного и того же культурнаго теченія, однихъ и тѣхъ же техническихъ навыковъ, вкусовъ и народныхъ потребностей.

Для объясненія такого поразительнаго сходства орудій могло бы явиться только два предположенія: либо сибирскіе кельты были заимствованы съ запада, изъ Скандинавіи, Британіи и Дунайскихъ областей, либо наоборотъ, они занесены были въ Европу изъ Сибири. Первая изъ этихъ догадокъ могла бы быть основана только на теоретической почвѣ, именно на предполагаемой исторіи развитія европейскаго кельта изъ каменнаго топора и постепеннаго видоизмѣненія плоской металлической лопатки до образованія втулки (теорія Осборна). Въ Западной Европѣ, дѣйствительно, существуютъ такія переходныя формы, въ Сибири ихъ нѣтъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что сибирскіе кельты моложе западныхъ? Такое заключеніе, по моему мнѣнію, не соотвѣтствовало бы археологическимъ фактамъ. Въ Западной Европѣ появленіе полыхъ кельтовъ обыкновенно относятъ къ концу бронзоваго вѣка, слѣдовательно, около наступленія христіанской эры, или за 2—3 столѣтія ранѣе **). Въ Сибири же, судя по историческимъ даннымъ,

*) Болѣе или менѣе соотвѣтствующіе орнаменты на кельтахъ Томскаго музея см. №№ 1083, 2826, 3151, 3147, 3145, 3158, 2605, 2606, 2590.

**) *Осборнъ* на стр. 49 упомянутаго выше сочиненія по этому поводу говоритъ: „Полый (втулочный) кельтъ долженъ быть разсматриваемъ какъ позднѣйшая форма этого орудія. Это подтверждается не только съ теоретической стороны исторіей его развитія, но и всей совокупностью и обстановкой этихъ находокъ, относящихся сравнительно къ болѣе позднему предъисторическому времени". Это мнѣніе справедливо по отношенію къ европейскимъ бронзовымъ орудіямъ, но не къ азіатскимъ.

около этого времени началось уже постепенное замѣщеніе арійскихъ народностей тюркскими и монгольскими племенами. Слѣдовательно, цвѣтущій періодъ бронзовой эпохи и древняго курганнаго царства, къ которому относятся описываемыя орудія, здѣсь существовалъ гораздо раньше. Конечно, въ этомъ отношеніи трудно устанавливать болѣе или менѣе точныя хронологическія рамки, но во всякомъ случаѣ едва ли мы погрѣшимъ, высказавъ предположеніе, что сибирскій мѣдный или бронзовый кельтъ появился здѣсь не позднѣе 6—7 столѣтій до Р. Х.

Въ сочиненіи Осборна (стр. 49) приводится указаніе Эванса на нахожденіе бронзовыхъ полыхъ кельтовъ въ Америкѣ, куда они, по нашему мнѣнію, могли быть занесены не иначе, какъ черезъ восточную Сибирь *). Въ этомъ фактѣ я усматриваю косвенное подтвержденіе глубокой древности сибирскаго кельта. Но и не зависимо отъ этого подтвержденія, вся совокупность сибирскихъ находокъ бронзовой эпохи ясно говоритъ за тоже самое. По этому я позволяю себѣ думать, что втулочный кельтъ слѣдуетъ считать сибирскимъ изобрѣтеніемъ, что типъ его выработался по восточную сторону Урала еще въ то время, когда здѣсь обитали сѣверныя вѣтви арійскихъ народностей при совмѣстныхъ культурныхъ условіяхъ (кельты, скандинавы и славяне). Изъ Сибири онъ былъ занесенъ въ Западную Европу, преимущественно въ Скандинавію, Ирландію и нынѣшнюю Венгрію, вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ, въ предъисторическія времена. Такимъ образомъ типическое сходство европейскаго и сибирскаго втулочнаго кельта можетъ служить однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ пребыванія въ Сибири сѣверно-арійскихъ племенъ, самостоятельно развивавшихъ здѣсь бронзовую культуру.

Выше мы упоминали, что гомеровскіе Троянцы не знали втулочнаго кельта. Не знали его и геродотовы скіоы, въ которыхъ мы видимъ ближайшихъ потомковъ троянскихъ народностей. По этому позволительно сдѣлать предположеніе, что сибирскій кельтъ появился послѣ троянской войны, можетъ быть у тѣхъ потомковъ Тубала и Мосоха, переселившихся за Уралъ и продолжавшихъ тамъ совершенствованіе металлургической промышленности, о которыхъ мы говорили въ концѣ предъидущей главы на стр. 395.

Развитіе сибирскаго кельта, повидимому, шло не тѣмъ путемъ, какъ на западѣ. Между бронзовыми орудіями здѣсь не встрѣчается переходныхъ формъ отъ плоскихъ черенковыхъ лопатокъ, съ постепеннымъ разширеніемъ кромокъ, до образованія втулки. Значеніе втулки очевидно было извѣстно Тубалидамъ раньше и въ данномъ случаѣ было только примѣнено къ новому типу орудія. Остается невполнѣ понятнымъ, почему при формирова-

*) О возможности такого переноса см. выше стр. 246, а также въ 55 примѣчаніи къ изданному мной каталогу Томскаго археологическаго музея, на стр. 234—237, замѣтка „о связи съ Сибирью заселенія Америки“ (Томскъ 1888 г.).

нiи кельтовъ втулку предпочитали помѣщать на заднемъ концѣ и по длинѣ орудiя, а не перпендикулярно къ его продольной оси, какъ это дѣлалось у сѣкиръ, мѣдныхъ плотничныхъ топоровъ (съ обухомъ) и у каменныхъ молотковъ, несомнѣнно существовавшихъ одновременно съ кельтами. Для объясненiи этой кажущейся аномалiи я позволилъ бы себѣ высказать такую догадку: не имѣлъ ли втулочный кельтъ при начальномъ его появленiи значенiя простой лопатки, насаживаемой на прямую длинную рукоятку. Для такого приспособленiя втулка его была вполнѣ цѣлесообразна. Привыкнувъ къ этой формѣ орудiя и къ легкости его отливки, стали примѣнять его и для другихъ цѣлей, въ значенiи кирки и топора. Въ этомъ случаѣ металлическiй наконечникъ оставался одинъ и тотъ же, видоизмѣнялась лишь рукоятка. Такимъ образомъ, возможность пользоваться однимъ и тѣмъ же наконечникомъ для разныхъ цѣлей могла значительно способствовать распространенiю кельтовъ и расширенiю ихъ примѣненiя. Въ качествѣ маленькихъ топоровъ (для мелкихъ подѣлокъ) они представляли еще ту выгоду, что втулка ихъ на заднемъ концѣ не требовала большой толщины стѣнокъ и массивности орудiя. Привычка къ употребленiю кельта въ значенiи топорика могла поддерживаться и старыми традицiями въ примѣненiи къ каменному топору, который также насаживался ребромъ на суковатую палку. Этимъ, мнѣ кажется, можно объяснить, почему кельты такъ долго не измѣняли своего типа, существуя одновременно съ сѣкирами и каменными молотками. Они были вытѣснены только желѣзными орудiями, кузнечной, а не литейной работы.

Желѣзные кельты. Бронзовая эпоха, какъ и слѣдовало ожидать, должна была оставить нѣкоторый слѣдъ на типѣ соотвѣтствующихъ желѣзныхъ орудiй. Переходъ отъ бронзы и мѣди къ желѣзу, естественно, могъ совершаться только медленно и постепенно, и мы не можемъ даже указать границы между этими перiодами. Но желѣзныя орудiя, какъ археологическiй матерiалъ, менѣе инструктивны, во-первыхъ потому, что древнѣйшiя изъ нихъ большею частiю оказываются на столько попорченными ржавчиной, что иногда бываетъ невозможно возстановить ихъ первоначальную форму, во-вторыхъ, потому, что у болѣе сохранившихся не всегда легко опредѣлить время ихъ происхожденiя, такъ какъ подобныя же формы иногда продолжали существовать до новѣйшаго времени. Это особенно примѣнимо къ желѣзнымъ кельтамъ, измѣнившимъ свою форму вслѣдствiе иного способа ихъ выдѣлки.

Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ мы имѣемъ такихъ орудiй болѣе двадцати штукъ. Нѣкоторыя изъ нихъ похожи на настоящiй бронзовый кельтъ, другiя ближе подходятъ къ европейскимъ орудiямъ этого рода, въ видѣ плоской лопатки съ приподнятыми краями (Flachcelte и Kragencelte) но съ болѣе или менѣе явственно выраженною втулкою. Боль-

шинство изъ нихъ, очевидно, имѣли значеніе не топоровъ, а лопатокъ, съ прямою рукояткою (пальстафы)*) Мы не будемъ ихъ описывать въ частности, но укажемъ только на нѣкоторые типическіе экземпляры.

№ *3036*. Чугунный литой кельтъ, 7 сант. длины и 6,5 ширины, съ четырехугольною глубокою втулкою, покрытый толстымъ слоемъ ржавчины. Незамѣтно никакихъ слѣдовъ ни ушка, ни дырочки для гвоздя. Вѣсъ 292 грамма. Внѣшняя форма его соотвѣтствуетъ описаннымъ мною въ первой рубрикѣ плоскимъ маленькимъ бронзовымъ кельтамъ, но только размѣръ его гораздо массивнѣе. Найденъ на пашнѣ близь села Бейскаго. По всѣмъ признакамъ орудіе древнее.

№ *4327*. Желѣзный кованый кельтъ съ невполнѣ замкнутою втулкою. Длина 12 сант., ширина лезвія 5 сант., діаметръ втулки 4 сант., глубина ея 7,5 сант., покрытъ толстымъ слоемъ ржавчины. Найденъ въ древней могилѣ на Таяновомъ городкѣ, близь Томска.

№ *3529*. Желѣзная лопатка съ прямымъ четыреугольнымъ концомъ и слегка загнутыми (приподнятыми) кромками. Длина 11 сант., ширина по лезвію 5 сант. Втулка съ передней поверхности полуоткрыта. Общая форма сходна съ европейскими Lappencelte, изображенными у Осборна (l. cit.) на табл. XII № 9 и 11 и табл. XIII № 10 и 11.

Къ тому же типу относятся экземпляры, записанные въ каталогѣ Томскаго музея подъ №№ 3530, 3531, 3524, 3543, 3544, 1393, 4327, 4352, 4453—4457, найденные въ разныхъ мѣстностяхъ Томскаго, Маріинскаго, Ачинскаго и Минусинскаго округовъ.

Большая часть этихъ лопатокъ сохранились довольно хорошо и принадлежатъ къ случайнымъ находкамъ, потому трудно судить о степени ихъ древности. Топорами онѣ служить не могли, а очевидно исполняли роль маленькихъ заступовъ, употреблявшихся, какъ и нынѣ, для выкапыванія съѣдобныхъ корней.

№ *3526*. Такая же лопатка, но болѣе крупныхъ размѣровъ. Длина ея 14 сант., передній конецъ расширяется до 12 сант., втулка не сомкнутая. По формѣ напоминаетъ нынѣшнюю сѣчку для капусты. Такая же лопатка значится подъ № *3527*. Она имѣетъ 14 сант. длины и 9,5 шир. Передній конецъ ея полукруглый, въ видѣ заступа; наверху, при переходѣ отъ втулки, имѣетъ заплечики по 2,5 сант. ширины. Втулка не замкнутая, въ 6 сант. ширины.

Особый видъ желѣзныхъ лопатокъ представляютъ №№ *3525* и *3528*. Передній конецъ ихъ вытянутъ въ формѣ длиннаго языка, въ 13 сант. длины и 6 сант. ширины у начала его, отъ втулки. Втулка тоже не замк-

*) Сибирскіе инородцы до сихъ поръ употребляютъ подобныя орудія и называютъ ихъ *узупами*.

нутая. Назначеніе орудія, вѣроятно, было тоже самое, для выкапыванія глубокихъ корней.

Хотя желѣзные кельты и лопатки совсѣмъ не принадлежатъ къ военному оружію, но мы упомянули объ нихъ въ этомъ отдѣлѣ потому, что они по развитію своему имѣютъ связь съ бронзовыми кельтами, такъ какъ эти послѣдніе тоже функціонировали и въ роли ремесленнаго или хозяйственнаго инструмента и въ роли военнаго оружія.

2) *Боевыя сѣкиры.*

Орудія этой категоріи до сего времени не имѣютъ прочно установившагося въ наукѣ, общепринятаго названія. Одни называютъ ихъ топорами, другіе боевыми молотками, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ это названіе не выражаетъ связаннаго съ нимъ современнаго понятія о формѣ и значеніи соотвѣтствующихъ инструментовъ. Они отличаются отъ обыкновенныхъ, существующихъ нынѣ, топоровъ, которые имѣли свое мѣсто и почти ту же нынѣшнюю форму, въ мѣдномъ и бронзовомъ вѣкѣ сибирской культуры. Молотомъ ихъ неудобно назвать потому, что въ понятіи о молотѣ главное его значеніе связывается съ его тупымъ концомъ, между тѣмъ какъ разсматриваемые нами предметы, очевидно, были разсчитаны на острый, рубящій или пробивающій конецъ. По этому мы предпочли въ данномъ случаѣ остановиться на названіи сѣкиры, тѣмъ болѣе, что это слово, въ смыслѣ военнаго оружія, было не безъизвѣстно древнимъ историкамъ, писавшимъ о вооруженіи восточныхъ скиѳовъ (саковъ и массагетовъ), имѣвшихъ довольно близкое отношеніе къ разсматриваемымъ нами сибирскимъ древностямъ.

Въ числѣ орудій этой категоріи нерѣдко встрѣчаются такія, у коихъ передній конецъ, вмѣсто рѣжущаго лезвія, имѣетъ гвоздеобразно-заостренную форму. Несомнѣнно, это было также военное оружіе, близкое къ сѣкирѣ по общимъ формамъ. Поэтому мы включили его въ отдѣлъ сѣкиръ, хотя оно, по всей вѣроятности, въ свое время, имѣло особое спеціальное названіе. Мы пріурочиваемъ этотъ типъ оружія къ древне славянскому названію бра̀два, находя это болѣе умѣстнымъ, чѣмъ названіе молотка или кирки, какъ ихъ обыкновенно принято именовать. Съ понятіемъ о киркѣ связывается представленіе о промышленномъ орудіи, тогда какъ древняя брадва была военнымъ оружіемъ, слѣдовательно болѣе соотвѣтствуетъ значенію этого типа сѣкиръ.

Такимъ образомъ сѣкирою, въ отличіе отъ кельта и обыкновеннаго ремесленнаго топора, мы будемъ называть спеціально военное оружіе, имѣющее *вертикальную втулку* и два конца— передній, болѣе длинный, и задній, болѣе короткій, соотвѣтствующій обуху. Какъ нарядное боевое оружіе, брон-

зовая сибирская сѣкира обыкновенно отливалась въ болѣе изящную форму, сравнительно съ ремесленными инструментами. Принимая во вниманіе, что экземпляры сѣкиръ встрѣчаются значительно рѣже кельтовъ, можно предполагать, что ими пользовались не заурядные воины, а предводители или вообще лица, выдающіяся своею храбростію или богатствомъ вооруженія.

Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ мнѣ удалось собрать 13 бронзовыхъ сѣкиръ и 3 желѣзныхъ подобнаго же типа. Въ Минусинскомъ музеѣ ихъ находится 19 экземпляровъ, изображенныхъ на табл. 7 и 8 атласа Мартина. Тѣ и другія весьма сходны между собою, но въ нашей томской коллекціи есть и такіе экземпляры, какихъ въ Минусинскихъ древностяхъ не показано.

Типы бронзовыхъ сѣкиръ представляютъ больше разнообразія, нежели разновидности втулочныхъ кельтовъ. Мы раздѣлимъ ихъ на слѣдующія группы: 1) боевые топорики съ короткимъ обушкомъ, 2) сѣкиры съ рѣжущимъ, болѣе или менѣе широкимъ, лезвіемъ и тупымъ выдающимся обухомъ, 3) орудія съ круглымъ или граненымъ, гвоздеобразно заостреннымъ концомъ и длиннымъ тупымъ обухомъ, 4) сѣкиры съ рѣжущимъ переднимъ концомъ и тупымъ, но массивнымъ, плоскимъ, мало выдающимся обухомъ и 5) сѣкиры съ желѣзнымъ клинкомъ въ бронзовой втулкѣ. Желѣзныя разновидности мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ объ нихъ скажемъ ниже особо. Изъ перечисленныхъ группъ сравнительно чаще другихъ встрѣчаются экземпляры первой и третьей рубрики, нѣсколько рѣже второй и еще рѣже четвертой и пятой рубрикъ. Сравненіе этихъ типовъ съ находками въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ мы будемъ дѣлать при описаніи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

а) *Боевые топорики.* Мы причисляемъ ихъ къ отдѣлу сѣкиръ на томъ основаніи, что по своей граціозной формѣ, чистотѣ отливки и нерѣдко оказывающимся на нихъ украшеніямъ они не соотвѣтствуютъ ремесленнымъ топорамъ. Въ атласѣ Мартина рисунки ихъ представлены на табл. 7, №№ 1—7. Изъ нихъ № 1 отличается отъ другихъ своей величиной (21,8 сант. длины и 7,5 сант. шир.), четырехугольной прорѣзью на тѣлѣ орудія, круглою втулкою и особымъ украшеніемъ обуха, въ родѣ птичьей головы. Остальные номера (3—7) весьма сходны съ нашими.

Въ Томскомъ музеѣ имѣется всего два такихъ боевыхъ топорика, записанные въ каталогѣ подъ № 2835 и 3170. Оба они найдены въ Минусинскомъ округѣ. О находкахъ этого типа въ другихъ мѣстностяхъ Западной Сибири (въ Тобольской и Томской губерніяхъ) мнѣ не приходилось слышать. № 2835 имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина 13,5 сант., ширина у обуха 4,5 сант., у лезвія 3 сант., вѣсъ 195½ грам. Втулка (проухъ) продолговато-овальная, 4,5 и 1,5 сант. въ діаметрѣ. Надъ обухомъ, на заднемъ

концѣ, выдается особый гребень въ видѣ плоской пластинки 3,5 сант. шир. и 2 сант. длины. Орнаментовъ никакихъ нѣтъ. На боковыхъ стѣнкахъ, соотвѣтственно проуху, имѣется по небольшой круглой дирочкѣ для закрѣпленія рукоятки гвоздемъ. Отливка тщательная.

Другой экземпляръ (№ 3170) 12 сант. длины и 3,5 сант. шир.; втулка овальная 3 и 2 сант. въ діам. Гребень, выдающійся надъ обухомъ 3 сант. длины и 3,5 шир.; на немъ съ той и другой стороны выдаются три продольные плоскіе валика (два съ краевъ и одинъ по срединѣ), между коими оставлены довольно широкія сквозныя отверстія. Валики эти распространяются и на область втулки (снаружи) и очевидно назначались для украшенія орудія. Вѣсъ топорика 187 граммовъ.

Рис. 98. Бронзовый топорикъ № 2835.

Рис 99. Бронзовый топорикъ № 3170.

Общій видъ описанныхъ орудій напоминаетъ узкій маленькій топоръ, но съ прибавленіемъ особаго гребня, выдающагося сзади обуха. Гребень, по всей вѣроятности, формировался не столько въ видахъ утолщенія задней стѣнки проуха, сколько съ оборонительной цѣлію, чтобы дѣйствовать, когда нужно, не только переднимъ острымъ концомъ, но и тыльемъ. Вѣса орудію онъ придавалъ мало и едва ли также могъ служить въ качествѣ молотка по причинѣ тонкости выдающейся тупой пластинки.

Боевые топорики съ теоретической точки зрѣнія можно считать какъ бы переходною формою отъ кельта къ сѣкирѣ. Отъ кельта они существенно отличаются расположеніемъ втулки, не по горизонтальному, а по вертикальному направленію. Это значительно упрощаетъ способъ прикрѣпленія къ рукояткѣ, а слѣдовательно служитъ къ усовершенствованію орудія. Отсюда, однако же, нельзя выводить заключенія о появленіи топориковъ позднѣе кельтовъ. По крайней мѣрѣ, тѣ экземпляры ихъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ археологическихъ коллекціяхъ, по всѣмъ признакамъ существовали одновременно съ кельтами. Что же касается до начальнаго изобрѣтенія типа горизонтальной и вертикальной втулки, то археологическія данныя скорѣе говорятъ за старшинство послѣдней. Къ разъясненію этого вопроса мы будемъ имѣть случай возвратиться при обзорѣ двуконечныхъ сѣкиръ.

Въ Западной Европѣ бронзовое оружіе типа сибирскихъ боевыхъ топориковъ, повидимому, не было въ употребленіи, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчалось очень рѣдко. Въ атласахъ, имѣющихся у меня подъ руками, я нашелъ всего одинъ подобный экземпляръ у Монтеліуса *), относимый къ предметамъ второй бронзовой эпохи (le second age du bronze). Форма его очень сходна съ сибирскими топориками, но размѣръ почти вдвое больше и гребень у обуха значительно короче. Сходство типа подкрѣпляется и характеромъ орнаментаціи. Экземпляръ, изображенный на рисункѣ Монтеліуса, украшенъ тремя продольными полосками, по расположенію своему соотвѣтствующими нашимъ тремъ плоскимъ валикамъ. Полоски у шведскаго топора, сверхъ того, раздѣланы мелкимъ рисункомъ и вообще орнаментація его тоньше и изящнѣе. Авторъ относитъ этотъ экземпляръ къ концу бронзовой эпохи, не задолго до наступленія христіанской эры **). Сибирскіе топорики должны считаться старѣе, потому, можетъ быть, и орнаментація ихъ примитивнѣе.

Кстати здѣсь можно замѣтить, что украшеніе оружія не только въ доисторическія времена, но и въ болѣе позднѣйшія составляло предметъ особенной заботливости у большинства цивилизованныхъ народовъ. Въ древней Руси мы видимъ тоже самое. Русское булатное оружіе часто украшалось золотой насѣчкой и даже вставными драгоцѣнными камнями. Хранящаяся въ оружейной палатѣ рогатина В. Кн. Бориса Александровича Тверскаго имѣла тулью, обложенную золоченымъ серебромъ, а по булату рогатины „рѣзаны травы и люди и птицы“. Въ описи 1687 г. метательное копье записано такъ: „сулица булатъ красный, скопище древо нѣмецкое черное; на концѣ трубка съ яблокомъ серебряная, травы рѣзныя, въ перевивъ золочены, кисть золотая“ ***). На боевыхъ топорахъ „по обѣимъ сторонамъ лезвія и по обуху дѣлались серебряныя и золотыя насѣчки, наводились золотомъ травы, репьи, мишени. Топорище поволакивалось,—или все, или только по серединѣ, либо на концѣ—хзомъ, сукномъ, атласомъ, бархатомъ, и оканчивалось иногда металлическимъ наконечникомъ“ †).

Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается о топорахъ подъ 1071 годомъ, при описаніи эпизода, случившагося съ Яномъ, сыномъ Вышатинымъ, посланнымъ в. к. Святославомъ на Бѣлоозеро за данью. „Яневи же идущю съ *топорцемъ*, выступиша отъ нихъ 3 мужи.... супушася на Яня, единъ грѣ-

*) Antiquités svedoises, стр. 41, рис. 130.

**) Къ этой же эпохѣ Монтеліусъ относитъ и скандинавскіе втулочные кельты, изображенные имъ на стр. 46 и 47, весьма сходные съ сибирскими, какъ мы уже говорили выше.

***) Московск. Оружейная палата, изд. 1860 г. стр. 209 и 222.

†) *Саввантовъ* П. И. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей и пр. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 284 и 285.

щися Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ удари и тыльемъ" *). Топоры, какъ оружіе, употреблялись у насъ, конечно, и раньше XI вѣка, равно и въ послѣдующія столѣтія. П. И. Савваитовъ, въ описаніи старинныхъ утварей, между прочимъ, упоминаетъ, что въ оружейной палатѣ Кириллова Бѣлоезерскаго монастыря значилось по описи 1668 г. „пятьдесятъ одинъ топорикъ *подорожныхъ* новыхъ, всѣ съ топорищами крашеными; одинъ въ нихъ съ пистолью и съ обушкомъ". Эти „подорожные топорики", очевидно, назначались для обороны, а не для плотничнаго дѣла. Они имѣли небольшой размѣръ и короткое топорище, чтобы удобнѣе носить при себѣ за кушакомъ, или подъ верхней одеждой. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи, подъ тѣмъ же 1071 годомъ, сказано про князя Глѣба, что онъ „скрылъ при себѣ топоръ подъ скутомъ".

Подобные небольшіе желѣзные топорики, размѣромъ отъ $1^3/_4$ до $2^1/_4$ вершковъ, описываются графомъ Уваровымъ въ числѣ его находокъ при раскопкѣ, такъ называемыхъ, мерянскихъ могилъ **). Нѣкоторые изъ этихъ древностей Ростовской области относятся, по найденнымъ крестикамъ и монетамъ, къ IX или X вѣку. Слѣдовательно, и въ началѣ русскаго государства топорики были у насъ въ употребленіи. Тотъ же авторъ приводитъ указаніе на употребленіе ихъ въ Швеціи въ предъисторическія времена. У скандинавовъ и исландцевъ, по словамъ Вейнгольда и скандинавскихъ сагъ, топоръ былъ самымъ распространеннымъ оружіемъ, замѣнявшимъ и мечъ и копье. Въ сѣверныхъ лѣсныхъ областяхъ топоръ былъ болѣе необходимъ, чѣмъ въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ. Потому у сѣверныхъ народовъ это орудіе появляется очень рано, то въ формѣ бронзоваго и мѣднаго кельта, то въ формѣ настоящаго топора. Та и другая форма въ бронзовомъ вѣкѣ служила и оружіемъ и рабочимъ инструментомъ. Какъ оружіе, топорикъ приготовлялся менѣе значительныхъ размѣровъ и ему придавались разные орнаменты и украшенія, что продолжалось, въ силу старой народной привычки, и въ историческія времена, когда бронзовые топорики стали замѣняться желѣзными. О желѣзномъ топорѣ мы скажемъ ниже, послѣ обзора бронзовыхъ сѣкиръ.

б) *Сѣкиры съ широкимъ лезвіемъ и тупымъ выдающимся обухомъ.* Сѣкира ***) этого типа отличается слѣдующими признаками. Втулка ея, круг-

*) Полное собраніе русск. лѣтописей, т. I, стр. 75 и 78.

**) Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ, томъ II, стр 758.

***) Слово *сѣкира*, securis, Шимкевичъ и Будиловичъ считаютъ праславянскимъ, а слово *топоръ* древне-славянскимъ. Они одинаково распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и имѣютъ для своего объясненія славянскіе корни. Глаголъ *сѣку, сѣщи* имѣетъ соотвѣтствующее значеніе въ латин. *secare*, въ нѣм. *säg—en* пилить, *säg—e* пила, испан. *segar* косить. Слово топоръ Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ отъ персид. *tabar* или тюркск. *teber*, но въ славянскомъ языкѣ для него, также какъ и для сѣкиры, существуетъ свой корень —*те-*

лая или овальная, имѣетъ видъ какъ бы отдѣльной, болѣе или менѣе длинной вертикальной трубки. Спереди отъ этой трубки непосредственно продолжается длинный рѣжущій конецъ, въ родѣ узкаго прямого, или слегка нагибающагося внизъ топора, а сзади—болѣе или менѣе выдающійся тупой обухъ. Такимъ образомъ втулка раздѣляетъ орудіе на двѣ неровныя части,—переднюю, болѣе длинную, и заднюю, болѣе короткую. Потому подобныя орудія мы называемъ двуплечными или двуконечными. Рукоятка у нихъ была прямая, по всей вѣроятности довольно длинная, закрѣплявшаяся во втулкѣ гвоздемъ, для чего при отливкѣ оставлялись въ боковыхъ стѣнкахъ втулки параллельныя круглыя дирочки. Кромѣ того, на обушкѣ у многихъ сѣкиръ существуетъ особая дирочка, вѣроятно, назначавшаяся для кисточки, или какого либо военнаго значка. Величина и вѣсъ этихъ сѣкиръ будутъ указаны при частномъ ихъ описаніи.

Рис. 100. Мѣдная сѣкира № 1216.

Рис. 101. Бронзовая сѣкира № 1217.

№ 1216. Мѣдная сѣкира 17 сант. длины, передній конецъ 8,5 сантим., обухъ 5 сант., ширина по лезвію 3,5 сант., по обуху 2,5 сант. Втулка круглая, 3 сант. въ діаметрѣ, 3,5 сант. высоты, снабжена двумя боковыми дирочками для укрѣпленія древка. Передній и задній конецъ орудія нѣсколько наклонены внизъ; ребра и боковыя стѣнки прямые, обухъ тупой. Вѣсъ 339 граммъ. Найденъ въ Верхне-Томской волости, Кузнецкаго окр., близъ деревни Кемеровой, на берегу р. Томи.

№ 1217. Бронзовая сѣкира 18,5 сант. длины, передній конецъ 10 сант., обухъ $3^1/_2$ сант., втулка 5 сант., высота ея 7 сант., форма круглая, 3 сант. въ діаметрѣ. Передній конецъ къ лезвію нѣсколько расширяется; по лезвію онъ имѣетъ 4 сант., у втулки 3 сант. шир. Обухъ въ видѣ плоской закругленной шишки, черезъ него проходитъ круглая дирочка для привѣшиванія значка, на втулкѣ также имѣются двѣ параллельныя дирочки для

пать и тепсти (соврем. тяпать, тапка). Потому происхожденіе этого слова правильнѣе ставить въ связь не съ персидскимъ, тѣмъ болѣе не съ турецкимъ, а съ общеиранскимъ или индо-славянскимъ языкомъ. Что это слово дѣйствительно такъ же древне, какъ и сѣкира, видно по распространенію его не только у сѣверныхъ, но и у южныхъ славянъ, также у исландцевъ, скандинавовъ (tapar), финновъ (tappara), мадьяръ и армянъ. По этому можно судить, что слово топоръ сформировалось очень давно, можетъ быть еще при сношеніяхъ скиѳовъ съ древними ассирійцами, что отчасти подтверждается и археологическими данными.

закрѣпы. Вѣсъ орудія 435½ грам. Отливка топкая, изящная. На плоскихъ поверхностяхъ передняго конца съ той и другой стороны идутъ отъ втулки по длинѣ орудія красивые выпуклые валики. Поверхность покрыта гладкимъ слоемъ темнозеленой патины. Найденъ въ курганной могилѣ, въ Кулундинской степи, Барнаульскаго округа.

№ 3172. Бронзовая сѣкира 16,5 сант. длины, передній конецъ 8 сант., обухъ 5 сант., втулка 3,5 сант., высота ея 5 сант., діаметръ внизу 3 сант., вверху 2,5. Ширина передняго конца по лезвію 3 сант., у втулки 1,5 сант., толщина у втулки 2 сант. Обухъ на концѣ срѣзанъ на двѣ грани, имѣетъ дирочку для привѣшиванія значка, ширина его 2 сант., толщина почти такая же. Грани у орудія плоскія, безъ украшеній. На втулкѣ двѣ дирочки для закрѣпы. Вѣсъ 360 грам. Найденъ въ Ачинскомъ округѣ.

Рис. № 102. Бронзовая сѣкира № 3173.

Рис. № 103. Бронзовая сѣкира № 3172.

№ 3171. Бронзовая сѣкира 22 сант. длины; передній конецъ 11,5 сант., обухъ 5,5 сант., по втулкѣ 6 сант., высота втулки 5 сант., верхній край ея выдается на полсантиметра выше обуха и передняго конца; діаметръ отверстія втулки 4 и 3 сант.; ширина сѣкиры по лезвію 2 сант. Передній конецъ прямой, четырехугольный, съ плоскими гранями, обухъ шестигранный, на концѣ тупо закругленный. Вѣсъ орудія 514 грам. Поверхность покрыта гладкимъ слоемъ темнозеленой патины. Верхнюю часть втулки, отъ обуха къ переднему концу, обхватываетъ толстый выпуклый валикъ въ видѣ обруча, подъ нимъ дирочка для закрѣпы рукоятки. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ.

У описаннаго экземпляра между нижнимъ краемъ передняго конца и втулкой находится рельефное изображеніе фигуры, напоминающей голову хищной птицы въ профиль, съ большимъ глазомъ и загибающимся внизъ толстымъ клювомъ *). Въ числѣ сибирскихъ древностей Томскаго музея такой же орнаментъ оказывается еще на щечкахъ одного бронзоваго кинжала (№ 3178). Рисунокъ этой сѣкиры и кинжала помѣщенъ на таблицѣ XIV подъ № 1 и 2. Указанный орнаментъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ нерѣдко повторяется въ той же самой формѣ на древностяхъ сѣвернаго

*) Въ атласѣ Мартина подобная сѣкира изображена на табл. 8, фиг. 10. Орнаментъ похожій на птичью голову съ толстымъ загнутымъ клювомъ помѣщенъ тоже между втулкой и переднимъ рѣжущимъ концомъ.

Кавказа, южной Россіи (въ Кіевской и Полтавской губ.) и Франціи*). На это обстоятельство нельзя не обратить вниманія, такъ какъ совпаденія столь характерныхъ орнаментацій прямо указываютъ на единство культурныхъ теченій. Что касается до значенія разсматриваемаго орнамента, то я позволилъ бы себѣ высказать догадку, не изображаетъ ли голова хищной птицы съ большимъ глазомъ символъ какого либо божества, такъ какъ въ религіозныхъ образахъ древнихъ жителей Сибири птичьи элементы составляли самое обычное явленіе**). Къ такой мысли меня еще болѣе склоняютъ рисунки, помѣщенные въ брошюрахъ барона де Бай, гдѣ у кавказскаго экземпляра показаны три птичьи головы, точно такого же характера, какъ на нашихъ сѣкирѣ и кинжалѣ, расположенныя по тремъ сторонамъ кружка.

Рис. 104. Бронзовая брадва № 1218.

в) *Сѣкиры съ круглымъ или граненымъ гвоздеобразнымъ концомъ.* Этотъ типъ въ Сибири встрѣчается чаще другихъ. Въ атласѣ Мартина такихъ сѣкиръ изображено 12 (на табл. 8-й), въ Томскомъ музеѣ ихъ имѣется пять экземпляровъ, именно:

№ 1218. Бронзовое орудіе 19 сант. длины, передній круглый конецъ 9 сант., толщиной въ указательный палецъ, оканчивается тупымъ съуженіемъ съ четырьмя ложбинками. Такой же круглый, но болѣе толстый, обухъ имѣетъ 7 сант. длины, съ тупымъ оливкообразнымъ концомъ. Втулка массивная, 6 сант. длины, выдается подъ верхнимъ краемъ орудія на 1,5 сант., форма ея овальная, діаметръ 3—3,5 сант. Вѣсъ сѣкиры 333 грам. Дирокъ для закрѣпы на втулкѣ не имѣется, равно и на обухѣ. Найдено въ Барнаульскомъ округѣ.

№ 2836. Подобное же орудіе, но не круглое, а шестигранное, на концѣ переходящее въ четырехгранное остріе. Длина всего орудія 18,5 сант., въ

*) Рисунки этого орнамента помѣщены въ брошюрѣ франц. археолога барона *de Бай* „Études sur l' archeologie de l' Ukraine antérieure a notre ére. Paris 1895. Стр. 40—41. По этому поводу авторъ говоритъ: „Parmi les nombreux objets scythiques qui nous rappellent les décorations de prédilection des barbares, nous signalerons les têtes d'oiseaux à bec crochu si caractéristiques. Nous en avons constaté fréquemment la présence dans les kourganes scythes..... Ce sont les mêmes oiseaux que nous remarquons sur les bijoux barbares du style nommé merovingien et dont la présence a été constatée depuis la Russie meridionale et le caucase jusqu'aux régions les plus occidentales de l'Europe". Въ другой брошюрѣ того же автора (Note sur des bijoux barbares en forme de mouches. Paris, 1895) на стр. 16 помѣщенъ рисунокъ того же орнамента еще болѣе сходный съ нашими. Онъ взятъ съ предмета, найденнаго на сѣверномъ Кавказѣ. См. также въ Русскихъ древностяхъ гр. Толстого и Кондакова, выпускъ первый, стр. 49.

**) См. объ этомъ гл. IV настоящаго тома, въ частности стр. 291, гдѣ помѣщенъ рисунокъ трехъ птицъ, напоминающихъ ворона.

томъ числѣ передній конецъ 10,5 сант., обухъ 5,5 сант. и втулка 2,5 сант. Длина втулки 5 сант., форма круглая, діаметръ въ нижнемъ отверстіи 2,5 сант., верхній край ея выдается на 1 сант.; для закрѣпы древка имѣются большія круглыя дирочки. На боковыхъ граняхъ обуха сквозная четырехугольная дирочка (для военнаго значка). Конецъ обуха въ видѣ ровной шестигранной площадки. Вѣсъ орудія 263 грам. Найдено въ Минусинскомъ округѣ (см. рис. 105).

№ 3173. Подобное же орудіе, но отличающееся отъ предъидущаго тѣмъ, что обухъ его и передній конецъ не шестигранные, а круглые, толщиною въ большой палецъ. Конецъ сѣкиры тупо заостренъ и слегка наклоненъ внизъ; обухъ оливкообразный. Длина орудія 19 сант., въ томъ

Рис. 105. Бронзовая брадва № 2836.

Рис. 106. Бронзовая брадва № 4140.

Рис. 107. Бронзовая сѣкира № 4316.

числѣ передній конецъ 10,5 сант., обухъ 5,5 сант. Втулка круглая, 5,5 сант. длины, 3 сант. въ діаметрѣ входа, верхній край ея выдается и нѣсколько суживается. Имѣются круглыя дирочки для закрѣпы (см. рис. 102). Вѣсъ 344 грам. Найдено въ Маріинскомъ округѣ.

№ 4140. Подобная же сѣкира 17 сант. длины, въ томъ числѣ передній конецъ 15 сант., обухъ 6 сант., толщина не больше мизинца, форма въ верхней половинѣ полукруглая, въ нижней переходитъ въ двугранную, конецъ острія четырехгранный, конецъ обуха тупо срѣзанъ. Длина втулки 7 сант., діаметръ ея входа 2, 4 сант., верхній край выдается. Дирочки на тѣхъ-же мѣстахъ, какъ и на предъидущихъ экземплярахъ. Вѣсъ 227 грам. Орудіе покрыто слоемъ темнозеленой патины. Найдено въ Бійскомъ округѣ, близъ урочища Усть-Канъ, въ одномъ изъ кургановъ по рѣчкѣ Кану.

№ 4316. Бронзовая сѣкира 15, 5 сант. длины, передній конецъ ея 11 сант., обухъ выдается всего на 1,5 сант., въ видѣ полукруглой петли съ дирочкой въ центрѣ и съ придаткомъ въ видѣ бугорка по верхнему краю. Передній конецъ своеобразной формы, съ плоскими гранями и идущими по длинѣ боковыхъ плоскостей выпуклыми валиками, оканчивается гвоздеобразнымъ заостреніемъ. Втулка овальная, длина ея 5,7 сант., діаметръ 2 и 2,5 сант., верхній край выдается. Дирочекъ для закрѣпы не имѣется. Вѣсъ 234 грам. Найдена при раскопкахъ Томскаго могильника, близь лагерей, въ одной изъ могилъ бронзоваго вѣка. (Рис. 107).

Орудія описаннаго типа, съ гвоздеобразнымъ концемъ, проф. Аспелинъ причисляетъ къ горнымъ киркамъ и высказываетъ предположеніе, будтобы изъ этой формы, вслѣдствіе сплющиванія передняго конца, мало по малу, развилась настоящая сѣкира съ лезвіемъ, а изъ этой послѣдней, вслѣдствіе постепеннаго укороченія выдающагося обуха, образовался топоръ *). Подобныя отвлеченныя теоріи, по моему мнѣнію, едва-ли могутъ найти подтвержденіе въ археологическихъ фактахъ. То обстоятельство, что сѣкиры съ гвоздеобразнымъ концомъ встрѣчаются по преимуществу за восточнымъ склономъ Урала, не даетъ еще основанія считать ихъ горными кирками. Ихъ боевое, а не ремесленное или промышленное значеніе ясно подтверждается ихъ граціозными формами, незначительнымъ вѣсомъ, присутствіемъ орнаментовъ и дирочекъ на обухѣ, которые въ ремесленномъ орудіи не могли имѣть никакого примѣненія, въ боевомъ же оружіи цѣль ихъ легко объяснима. Равнымъ образомъ и длинный выдающійся обухъ, то оливкообразно закругленный, то косо срѣзанный съ боковъ на самомъ концѣ, или представляющій шестигранную площадку—едвали требовался въ ремесленномъ инструментѣ. По своей вычурной формѣ онъ не всегда соотвѣтствовалъ бы даже значенію молотка. Потому я нахожу болѣе правильнымъ считать эти орудія боевыми и причисляю ихъ къ разряду сѣкиръ, вѣроятно, носившихъ въ свое время особое названіе по своей разновидности.

Въ числѣ разнообразныхъ терминовъ древняго славянскаго оружія мы встрѣчаемъ особое слово *брáдва*, болѣе всего соотвѣтствующее описанному типу археологическихъ предметовъ. У болгаръ, сербовъ, хорватовъ и чеховъ это слово сохранилось въ значеніи сѣкиры, ровно и въ церковнославянскомъ брáды; въ русскомъ современномъ языкѣ оно перешло на ремесленный инструментъ—„бородокъ, пробойка, остроконечный молотокъ, кузнечное орудіе для пробивки диръ на желѣзѣ, въ видѣ круглаго зубрила или остроклювнаго молотка, по обуху коего бьютъ“ **). Въ древнерусскомъ

*) Труды четвертаго археолог. съѣзда. Казань 1884. Отд. первое. Первобытныя древности. Ст. І. Е. *Аспелина* „о потребности изученія формы предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ“. Стр. 8 и 9.

**) *Даль.* Толковый словарь живого великорусск. языка.

оружіи этому слову соотвѣтствовало названіе *клевецъ* или *чеканъ* (отъ глаг. клевать, бить, пробивать клювомъ). Въ описаніи древнихъ утварей П. И. Саввантова клевецъ опредѣляется какъ „знакъ военачалія въ видѣ остроконечнаго молотка" (стр. 197). Рисунки этихъ орудій представлены въ атласѣ Саввантова подъ №№ 65—68. Едва-ли будетъ натяжкой съ нашей стороны, если мы въ этомъ древнерусскомъ оружіи (обще славянское бра́два и русск. клевецъ) усмотримъ отголосокъ тѣхъ самыхъ бронзовыхъ предметовъ, которые мы описали выше подъ рубрикой сѣкиръ съ клювообразнымъ переднимъ концомъ и обушкомъ. Принимая это во вниманіе и опираясь на русскую терминологію, мнѣ представляется больше основаній думать, что древняя сѣкира развилась не изъ горной кирки, какъ предполагалъ Аспелинъ, а, наоборотъ, кирка, подобно многимъ другимъ ремесленнымъ инструментамъ, произошла отъ военнаго оружія, видоизмѣненія и примѣненія его къ тѣмъ или другимъ промышленнымъ цѣлямъ въ болѣе позднія времена.

Чтобы уяснить себѣ исторію происхожденія и дальнѣйшаго развитія формы сѣкиръ, слѣдуетъ обратиться не къ гадательнымъ теоріямъ, а непосредственно къ фактамъ сравнительной археологіи. Въ предъидущихъ главахъ мы уже неоднократно указывали на ближайшую связь древней сѣверной культуры съ древнѣйшей исторіей государствъ и народовъ Малой Азіи *). Поэтому въ ассирійскихъ и троянскихъ раскопкахъ мы можемъ искать начальную нить сѣвернаго, въ томъ числѣ и сибирскаго, бронзоваго оружія.

Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что при первоначальной отливкѣ бронзовыхъ сѣкиръ образцомъ для нихъ служилъ каменный боевой топоръ со втулкою. Въ первомъ выпускѣ этой части, на табл. III, подъ № 24 мы помѣстили рисунокъ такого топора, найденнаго Шлиманномъ при раскопкахъ Трои въ третьемъ, т. н. сожженномъ, городѣ. Форма его настолько сходна съ сѣверными бронзовыми сѣкирами, что невольно заставляетъ думать о непосредственной преемственности этихъ формъ. Отличительнымъ признакомъ здѣсь служитъ круглая вертикальная втулка для рукоятки, раздѣляющая орудіе на двѣ половины—передній, болѣе расширенный, рѣжущій конецъ, и задній, болѣе узкій и менѣе острый обухъ. Въ числѣ сибирскихъ каменныхъ орудій мы не имѣемъ экземпляра вполнѣ сходнаго съ троянскимъ, но Шлиманнъ указываетъ, что точно такіе же каменные боевые топоры были находимы въ Даніи и въ сѣверной Германіи **). При раскопкахъ Трои они встрѣчались очень часто. У насъ въ Сибири имъ соотвѣтствуютъ двуконечные каменные молотки. Судя по обстановкѣ находокъ, каменное оружіе троянцы употребляли одновременно съ бронзовымъ.

*) См. гл. V металлургія древн. народовъ, въ частности анализы древнихъ бронзъ и на стр. 388 связь сибирской металлургіи съ передней Азіей и Ассиріей.

**) Ilios, стр. 488, рис. 620. *Worsc*, сѣверныя древности, стр. 25, рис. 104 и 105.

По этому нельзя еще судить о болѣе глубокой древности троянскихъ каменныхъ сѣкиръ, но въ общемъ развитіи культуры онѣ, во всякомъ случаѣ, должны были предшествовать бронзовымъ формамъ. Подтвержденіе тому мы видимъ въ тѣхъ же раскопкахъ Шлиманна. Большая часть найденныхъ имъ рядомъ съ каменными орудіями бронзовыхъ сѣкиръ не имѣли втулки. Исключеніе составляютъ всего четыре экземпляра, найденные въ третьемъ городѣ, изъ коихъ одинъ экземпляръ изображенъ авторомъ на рис. 958, на стр. 565. Типъ этой сѣкиры, съ двумя закругленными тупыми концами и круглымъ отверстіемъ въ утолщенной срединѣ для насаживанія рукоятки, напоминаетъ сибирскіе брадвы или клевцы. Втулка здѣсь, подобно каменнымъ топорамъ и молоткамъ, не получила еще полнаго развитія; она не имѣетъ трубчатой формы и не выдается далѣе стѣнокъ орудія, но все же она имѣетъ не горизонтальное, какъ у кельта, а вертикальное положеніе. По словамъ Шлиманна, подобной же формы бронзовыя сѣкиры были найдены на островѣ Сардиніи и еще въ бо́льшемъ числѣ въ нынѣшней Венгріи; послѣднія были отлиты изъ чистой мѣди. Дѣлая эти ссылки и цитируя Гампеля, Шлиманнъ не даетъ описанія венгерскихъ орудій. По этому трудно судить, въ какой степени они сходны съ троянскими. Въ томъ изданіи Гампела, которое я имѣю подъ руками*) рисунки орудій описываемаго типа помѣщены на табл. XXX (№ 3), CXII (№ 1) и CXXIII (doppelarmigen Streithämmern), но всѣ они имѣютъ вполнѣ развитую, трубкообразную, длинную втулку, чего не представляютъ экземпляры троянскіе. По втулкѣ можно заключить, что эти издѣлія болѣе поздней эпохи, хотя форма ихъ круглыхъ, тупыхъ и симметрически длинныхъ концовъ соотвѣтствуетъ троянской бронзовой сѣкирѣ. Гораздо болѣе сходства съ этою послѣднею имѣютъ нѣкоторые сибирскіе экземпляры. Аспелинъ въ вышеупомянутой статьѣ указываетъ на находки Мессершмита, дающія типы этого рода, гдѣ вмѣсто трубчатой втулки существуетъ только круглое отверстіе, иногда окруженное сверху и снизу нѣсколько утолщенными, какъ бы припухшими, краями. Рисунки такихъ орудій помѣщены въ статьѣ Аспелина на стр. 7-й подъ № 1 и 2, а также въ третьемъ выпускѣ сибирскихъ древностей В. В. Радлова на таб. XVI, рис. 1 и 2. Весьма вѣроятно, что именно эта примитивная форма бронзовой сѣкиры занесена была изъ Малой Азіи въ Сибирь. Здѣсь изъ нея постепенно, при удлиненіи втулки и укороченіи задняго конца, образовался тотъ типъ орудій, который мы пріурочиваемъ къ древнеславянской брадвѣ или клевцу.

Сѣкиры съ рѣжущимъ лезвіемъ, какъ мы уже упоминали, взяты съ формы каменныхъ троянскихъ боевыхъ топоровъ, но въ Сибири они приготов-

*) *Hampel* Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn. Budapest. 1887 г.

лялись уже не изъ камня, а отливались изъ мѣди или бронзы. Здѣсь же они получили и свое дальнѣйшее усовершенствованіе, какъ по видоизмѣненію и разнообразію своихъ формъ и дополнительныхъ украшеній, такъ и въ развитіи трубчатой длинной втулки.

Кромѣ троянскихъ экземпляровъ Шлиманна, металлическіе топоры съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ (для рукоятки) были найдены на почвѣ древней Ассиріи. Въ сочиненіи Лейярда (Nineveh und Babylon) на табл. XVI такой желѣзный топоръ изображенъ подъ букв. v. Для насъ этотъ рисунокъ особенно интересенъ потому, что въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется почти точная копія его, съ тою лишь разницей, что втулка нашего экземпляра нѣсколько шире, но общее очертаніе его формы тоже самое. Въ каталогѣ музея этотъ предметъ записанъ подъ № 4349 такимъ образомъ: „желѣзный боевой топоръ 17 сант. длины, шириною по лезвію 6,5 сант., обухъ оканчивается острымъ четырехграннымъ клиномъ 7,5 сант. длины. Въ круглой втулкѣ сохранилась часть обугленнаго древка. Найденъ въ курганной могилѣ близъ деревни Чернильщиковой, въ окрестностяхъ Томска". (Рис. его см. на табл. XIII, № 1). Соотвѣтственно положенію втулки, орудіе представляетъ съ той и другой стороны симметрическое утолщеніе, какъ это обыкновенно дѣлалось въ каменныхъ полированныхъ молоткахъ. Общее очертаніе линій и пропорцій этого топора, въ особенности же форма обуховаго конца и втулочной части представляютъ полное сходство съ ассирійскимъ, тоже желѣзнымъ, экземпляромъ Лейярда. Только передній конецъ въ лезвіѣ у нашей сѣкиры немного шире и отверстіе для рукоятки, повидимому, нѣсколько больше, но это не умаляетъ общаго сходства сравниваемыхъ сѣкиръ.

Сопоставленіе ассирійской и томской желѣзныхъ сѣкиръ служитъ однимъ изъ многочисленныхъ, уже много разъ указанныхъ нами, доказательствъ, подтверждающихъ переносъ древней культуры передней Азіи за восточный склонъ Уральскаго хребта. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: не представляетъ ли томская сѣкира гораздо позднѣйшаго и случайнаго повторенія старыхъ традиціонныхъ типовъ, или, иначе сказать, можетъ ли дать могильникъ, гдѣ она была найдена, болѣе ясныя доказательства своей древности и культурныхъ отношеній къ первоисточникамъ европейской цивилизаціи? Въ отвѣтъ я приведу слова С. К. Кузнецова, занимавшагося раскопками этого могильника, изъ его статьи*). „Въ пользу большой древности Чернильщиковскихъ кургановъ, замѣчаетъ онъ, говорятъ прежде всего (найденныя здѣсь) голубыя бусы высокой работы, столь характеризующія курганы бронзоваго вѣка. Въ данномъ случаѣ выборъ ихъ особенно богатъ. На от-

*) Раскопки въ деревнѣ Чернильщиковой. Извѣстія Импер. Томск. унив. 1890 г., отд. II, стр. 123.

даленную древность указываетъ и напрясло, весьма характерно орнаментированное. Достаточно указать на то обстоятельство, что напрясло изъ кургана IV напоминаетъ № 1904, а напрясло изъ кургана V—№ 1931, изображенныя на таблицахъ, приложенныхъ къ классическому труду Шлиманна (Ilios) *). Сходство это можетъ быть и случайнымъ, но когда, сверхъ того, замѣчается почти полное тождество тамги на терракотовой печати, найденной въ Гиссарликѣ (Ilios, pag. 768, № 1519), съ таковою же на одномъ изъ Чернильщиковскихъ перстней, то уже есть основаніе относить эти начертанія къ болѣе отдаленному времени, особенно если еще сравнить эти перстни съ найденными въ Томскомъ могильникѣ, высокая работа коихъ невольно обращаетъ на себя вниманіе".

То обстоятельство, что въ курганныхъ могилахъ деревни Чернильщиковой оказалось довольно много желѣзныхъ издѣлій, не даетъ еще основанія относить этотъ могильникъ ко временамъ не столь отдаленнымъ. Мы уже упоминали неоднократно, что желѣзныя вещи нерѣдко встрѣчаются совмѣстно съ бронзовыми и каменными и что строгое разграниченіе между этими эпохами установить довольно трудно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи сибирскихъ курганныхъ древностей. Ниже мы будемъ говорить о сѣкирахъ и кинжалахъ съ бронзовыми рукоятками и желѣзнымъ клинкомъ, или, наоборотъ, съ бронзовымъ клинкомъ и желѣзною рукояткою. Они показываютъ, что желѣзо и бронза употреблялись въ Сибири одновременно. Выходя изъ нашихъ предположеній о переносѣ металлургическаго искусства въ Сибирь изъ передней Азіи, мы имѣли бы основаніе ожидать, что обработка желѣза была извѣстна восточнымъ скиѳамъ съ давнихъ поръ, такъ какъ и въ ассирійскихъ и троянскихъ памятникахъ желѣзныя издѣлія точно также встрѣчаются вмѣстѣ съ бронзовыми, хотя и не въ одинаковой пропорціи **).

Ссылкой на Шлиманна и Лейярда мы хотѣли показать, что двуконечная сѣкира со втулкою существовала уже у ассиріянъ и троянцевъ. Отъ нихъ, по всей вѣроятности, былъ заимствованъ начальный типъ этого орудія древними сибирскими жителями, давшими сѣкирѣ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе уже послѣ водворенія ихъ на зауральскихъ равнинахъ. Усовершенствованіе это состояло: въ образованіи длинной трубкообразной втулки, составляющей особую часть орудія, въ укороченіи обуха и въ расширеніи передняго рѣжущаго конца, въ болѣе пропорціональныхъ и изящныхъ формахъ всего орудія и въ присвоеніи ему разныхъ побочныхъ укра-

*) Напрясло изъ кург. IV значится въ каталогѣ Томск. музея подъ № 4261, а изъ кургана V подъ № 4272. Перстни съ печатями подъ №№ 4257, 4273, 4274, 4276.

**) Объ этомъ мы уже говорили выше на стр. 365—367 и 387. Въ Ананьинскомъ могильникѣ, какъ извѣстно, тоже вмѣстѣ съ архаическою бронзою оказалось значительное число желѣзныхъ предметовъ, хотя доисторическая древность этого могильника не подлежитъ сомнѣнію.

шеній. Всѣхъ этихъ частностей не существовало ни у троянцевъ, ни у ассиріянъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ думать, что бронзовая сѣкира, какъ наиболѣе распространенное и любимое оружіе саковъ и восточныхъ скиѳовъ, обязана своими изящными формами художественной изобрѣтательности зауральскихъ металлурговъ.

Изъ описанія бронзовыхъ сѣкиръ Томскаго археологическаго музея можно уже составить понятіе о степени ихъ усовершенствованія, сравнительнѣ съ троянскимъ оружіемъ этого рода. Но это выразится еще рельефнѣе, если мы примемъ во вниманіе, кромѣ томскихъ и минусинскихъ коллекцій, экземпляры сибирскихъ сѣкиръ, собранныхъ И. А. *Лопатинымъ* и другими изслѣдователями сибирской старины. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Императорской Археологической коммиссіи, нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ въ недавнее время были изданы въ свѣтъ съ превосходными рисунками и пояснительнымъ текстомъ В. В. Радлова*). Кромѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ, незначительныхъ разновидностей въ самомъ строеніи изображаемыхъ здѣсь сѣкиръ, наше вниманіе обращаетъ на этихъ экземплярахъ болѣе сложная и красивая орнаментировка, преимущественно сосредоточивающаяся на заднемъ концѣ (обухѣ) орудія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи полныя рельефныя фигуры животныхъ (горныхъ барановъ, козловъ), помѣщенныя на обухѣ сѣкиръ, изображенныхъ на табл. XVII №№ 1—7. Этотъ, чрезвычайно оригинальный, типъ украшеній на бронзовыхъ отливкахъ болѣе всего былъ развитъ на сибирскихъ издѣліяхъ, составляя ихъ характерную черту. Его мы встрѣчаемъ и на боевомъ оружіи (сѣкирахъ, кинжалахъ) и на предметахъ домашняго обихода (ножахъ, наборныхъ украшеніяхъ поясовъ, на ручкахъ котловъ и т. под.). Очевидно, столь частое примѣненіе звѣринаго орнамента на сибирскихъ бронзахъ отвѣчало мѣстному народному вкусу и должно было основываться на какихъ либо традиціонныхъ подражаніяхъ.

Примѣненіе животныхъ фигуръ къ архитектурнымъ орнаментаціямъ ведетъ свое начало изъ Египта, Финикіи, Вавилона и древней Греціи, но въ примѣненіи къ оружію такія украшенія едвали не въ первый разъ встрѣчаются только у троянцевъ. При раскопкахъ Шлимана, въ числѣ другихъ предметовъ найденъ былъ бронзовый кинжалъ съ бронзовою-же рукояткою,

*) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою археологическою коммиссіею. № 15, Сибирскія древности В. Радлова. Томъ первый, выпускъ третій. Съ 8 табл. рисунковъ и 30 политипажами. С.-Петербургъ 1894 г. Рисунки сѣкиръ на табл. XVI и XVII. В. В. Радловъ называетъ ихъ боевыми молотками. Большая часть рисунковъ сняты съ экземпляровъ коллекціи И. А. Лопатина и изъ атласа Мессершмита. Описаніе ихъ помѣщено на стр. 90—99 того же выпуска. При несовершенствѣ и маломъ размѣрѣ нашихъ цинкографій, помѣщаемыхъ въ текстѣ этой главы, превосходные рисунки изданія археолог. коммиссіи могутъ служить весьма важнымъ дополненіемъ къ нашему описанію. На табл. XVI №№ 4—7 и на табл. XVII №№ 10—12 представляются совершенно такія же орудія, какія имѣются въ нашемъ музеѣ и описаны выше подъ именемъ брадвъ и боевыхъ топориковъ.

на концѣ которой изображена фигура лежащей коровы съ большими, загнутыми въ видѣ полулунія, рогами. Орудіе это имѣло 8,2 дюйма длины, при чемъ клинокъ и рукоятка имѣли равные размѣры по 4 дюйма *). Рукоятка была металлическая, не обложенная деревомъ, о чемъ можно заключить по сохранившимся на ея поверхности украшеніямъ въ видѣ врѣзанныхъ вглубь треугольниковъ. Этотъ экземпляръ съ изображеніемъ животнаго на концѣ рукоятки можно считать прототипомъ сибирскихъ кинжаловъ съ бараньими и козлиными головками на рукояткахъ, также металлическихъ, безъ деревянной обкладки. Въ Троѣ полныя животныя фигуры чаще примѣнялись къ терракотовымъ издѣліямъ, рѣже къ металлическимъ; въ Сибири же этотъ стиль украшеній сдѣлался господствующимъ, преимущественно на бронзѣ. Онъ доведенъ былъ здѣсь до художественнаго совершенства и весьма часто примѣнялся не только къ оружію (кинжаламъ, сѣкирамъ, ножамъ), но также къ личнымъ украшеніямъ (фибулы, бляхи для поясного набора). По этому, звѣриный стиль украшеній, хотя зачатки его вынесены изъ Малой Азіи, можно считать прямо сибирскимъ стилемъ, такъ какъ онъ здѣсь развился въ полномъ видѣ и отсюда распространился по Европѣ **).

Намъ остается еще сказать о бронзовыхъ сѣкирахъ и брадвахъ Западной Россіи и Европы, имѣющихъ ближайшую связь съ сибирскими и отличающихся отъ послѣднихъ незначительными отклоненіями отъ ихъ первоначальнаго сибирскаго типа. При этихъ сравненіяхъ на первомъ мѣстѣ необходимо поставить знаменитый Ананьинскій могильникъ, дающій намъ почти тождественное повтореніе наибольшей части сибирскаго бронзоваго оружія ***). Изъ найденныхъ здѣсь сѣкиръ особенно замѣчательна изображенная у Полевого на рисункѣ подъ № 24. Она имѣетъ длинную трубчатую втулку и два конца; передній конецъ, въ видѣ длиннаго птичьяго клюва, а задній изображаетъ кабанью голову, изящно моделированную и тонко отлитую. Принципъ звѣринаго украшенія здѣсь тотъ же самый, что и въ Сибири, съ тою лишь разницей, что на сибирскихъ брадвахъ или клевцахъ фигура животнаго ставилась на обухѣ большею частію вертикально, какъ особый придатокъ, здѣсь же она составляетъ часть самаго обуха—его конецъ. Въ удобствѣ орудія это можно считать шагомъ впередъ къ усовершенствованію. Въ сибирскихъ издѣліяхъ помѣщеніе животныхъ фигуръ на концѣ рукоя-

*) Рисунокъ и описаніе этого предмета помѣщены въ книгѣ Шлиманна (Ilios) на стр. 563, рисунокъ подъ № 927.

**) Рисунки предметовъ съ звѣриными украшеніями, изъ Томскаго археологическаго музея, помѣщены на таблицахъ въ концѣ этого выпуска.

***) Описаніе находокъ см. въ вышецитированной статьѣ *Невоструева*. Рисунки я указываю по книгѣ *Полеваго* (Очерки русской исторіи), гдѣ они помѣщены на стр. 48, взятые изъ атласа перваго московскаго археолог. съѣзда, такъ какъ самаго атласа я не имѣю подъ руками.

токъ примѣнялось также къ ножамъ и кинжаламъ, какъ это видно на приложенныхъ здѣсь рисункахъ №№ 108 и 109 *).

Въ томъ же могильникѣ найденная брадва съ круглымъ гвоздеобразнымъ концомъ и тупымъ выдающимся обухомъ оливкообразной формы изображена у Полевого на рисункѣ подъ № 23. Она представляетъ точное повтореніе нашихъ сибирскихъ экземпляровъ. Третій образчикъ сѣкиры, съ плоскимъ обухомъ, изображенъ на рисункѣ подъ № 75. Онъ также соотвѣтствуетъ сибирскому типу, о которомъ мы скажемъ ниже подъ рубрикою г), при описаніи сѣкиръ съ плоскимъ массивнымъ обухомъ.

Рис. № 108 и 109 Бронзовые ножи съ звѣриными головками на рукоятках, изъ сибирскихъ находокъ.

Въ вышеуказанной статьѣ Аспелина на стр. 9 помѣщены два рисунка сѣкиръ, найденныхъ близъ Пинеги, Архангельской губ.**) (фиг. 11 и 12). Они представляютъ дальнѣйшія видоизмѣненія соотвѣтствующихъ сибирскихъ орудій, состоящія въ томъ, что голова животнаго помѣщается у нихъ не на обухѣ, а на верхнемъ концѣ трубчатой втулки, какъ бы замыкая послѣднюю. Посаженная здѣсь фигура по очертанію напоминаетъ птицу съ круглой большой головой и загнутымъ внизъ толстымъ клювомъ. Можно полагать, что этотъ орнаментъ представляетъ собою болѣе полное воспроизведеніе той же птичьей головы, какая была указана нами выше, при описаніи сѣкиры томскаго музея № 3171 и кинжала № 3178. Кромѣ того, Пинежскія сѣкиры отличаются болѣе значительнымъ расширеніемъ лезвія, съ приподнятыми на переднемъ концѣ боковыми кромками. Въ этомъ отношеніи онѣ напоминаютъ скандинавскіе и венгерскіе типы, изображенные у Монтеліуса на стр. 28, 29 и въ атласѣ Гампеля на табл. XXX—XXXII, но послѣдніе совсѣмъ не имѣютъ звѣриныхъ украшеній и обухъ у нихъ заканчивается своеобразной шляпкой. Пинежскія сѣкиры крайне любопытны не только по своему переходному типу, но и по географическому

*) Рисунки кинжаловъ см. на табл. XIV.

**) Эти же рисунки помѣщены въ атласѣ Аспелина (Antiquités nord Finno-Ougrien) вып. 1, pag. 60, fig. 240 и 241.

мѣстонахожденію. Ими, какъ будто, обозначается тотъ путь, какимъ восточно-азіатская культура переливалась на сѣверъ Европы, не быстро, а постепенно, отчасти видоизмѣняясь на пути своего распространенія. Первый этапъ ея былъ въ Камской Болгаріи, т. е. въ нынѣшнихъ Уфимской, Вятской и Казанской губерніяхъ. Здѣсь формы предметовъ и бытовой обстановки вначалѣ почти не отличались отъ склада сибирской жизни: тѣ же формы бронзоваго оружія, та же домашняя утварь, тѣ же курганныя могилы и укрѣпленныя земляными валами городки. Но болгары не долго удержали свою бронзовую культуру. Поселившись на рѣкахъ, дававшихъ пути для торговыхъ сношеній и съ азіатскимъ югомъ (Персіей), и съ Черноморской Скиѳіей, и съ крайнимъ сѣверомъ, они скоро замѣнили прежніе типы бронзовыхъ орудій болѣе современными, желѣзными.

Подвигаясь далѣе къ сѣверу, въ Великую Пермь, сибиро-болгарская бронзовая культура и здѣсь оставила свои слѣды, именно по берегамъ рѣкъ сѣверной Двины и Печеры съ ихъ притоками. Великая Пермь,—этотъ нѣкогда знаменитый узелъ сѣвернаго торговаго движенія,—до настоящаго времени дала уже не малое число археологическихъ памятниковъ, не смотря на отдаленность, изолированность и малую населенность этого края. Впослѣдствіи, при болѣе тщательной постановкѣ научныхъ археологическихъ изслѣдованій, можно ожидать, что они дадутъ возможность еще болѣе уяснить взаимныя связи сибиро-болгарской и скандинавской культуръ, существовавшія при торговыхъ сношеніяхъ этихъ двухъ странъ по сѣвернымъ и русскимъ рѣкамъ и сѣверному океану.

На пермскомъ волокѣ, какъ извѣстно, было открыто очень много замѣчательныхъ кладовъ, свидѣтельствующихъ о торговомъ значеніи этого пункта ранѣе Р. Х. Особенно много оказалось здѣсь серебряныхъ цѣнностей, въ дорогой утвари (блюда, сосуды), въ серебряныхъ слиткахъ (древнихъ рублихъ) и обручахъ, имѣвшихъ значеніе денежнаго знака. Такія же массы серебра, въ формѣ обручей, браслетовъ, спиральныхъ колецъ и пр. оказываются въ скандинавскихъ древностяхъ. „Эти витрины, говорится по этому поводу въ книгѣ графа Толстого и Кондакова, набитыя серебромъ безконечно повторяютъ одинъ и тотъ же типъ, нерѣдко варіантъ, въ десяткахъ, сотняхъ экземпляровъ, и всѣ эти безконечные клады кажутся кучами ломанаго серебра. Эти клады состоятъ изъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, накопленныхъ конунгами и викингами, и составляютъ военную добычу, цѣнное имущество, только не расплавленное, а нарѣзанное для удобства расходованія. Насъ поражаетъ въ этихъ богатыхъ кладахъ отсутствіе серегъ, бѣдность женскихъ уборовъ и украшеній. Здѣсь, если и есть браслеты, то, очевидно по самой ихъ грубости, изъ нихъ нѣкоторые вовсе не служили для ношенія на рукахъ, а только лишь имѣли эту форму, привычный

типъ, по существу же были денежною цѣнностію опредѣленнаго вѣса, точно также, какъ многочисленныя находки обручей, гривенъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ съ одной стороны, и Витебской губерніи съ другой, не могутъ быть относимы къ господству обруча, какъ украшенія, но къ его употребленію здѣсь въ видѣ денежнаго знака. Вотъ почему браслеты скандинавскіе не только грубы и толсты, но массивны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они или дутые, или тонкіе и легкіе" *).

Въ Вятскомъ и Пермскомъ краѣ, кромѣ массивныхъ серебряныхъ обручей, часто находили прямо слитки серебра, нарубленные изъ толстаго прута, въ палецъ толщиной и длиной (рубли). Это были настоящія деньги, притекавшія на сѣверъ Вятской и Пермской губерній вмѣстѣ съ другими серебряными издѣліями, очевидно, для цѣлей торговли. Въ какую же страну могла направляться эта торговля съ пермскихъ волоковъ и по рѣкамъ Печерѣ и Двинѣ? Ясно, что не въ страну бродячихъ зырянъ и самоѣдовъ, для которыхъ не нужны были предметы персидской и вообще азіатской роскоши. Она направлялась къ Бѣлому морю и Сѣверному Океану и далѣе, морскимъ путемъ, въ Скандинавію **). Этими торговыми сношеніями, а не военною добычею скандинавскихъ конунговъ и викинговъ, естественнѣе всего, по моему мнѣнію, объяснить накопленіе такой массы однороднаго серебра съ одной стороны въ Швеціи и Норвегіи, съ другой стороны въ Великой Перми. Эти двѣ области, раздѣленныя моремъ, сохранили въ своихъ нѣдрахъ точно размѣнныя кассы серебра, не въ круглой монетѣ, циркулировавшей всюду на югѣ Европы и Азіи, а въ условной формѣ слитковъ и обручей, какъ это было въ обычаѣ сѣверныхъ странъ того времени. Часть этого серебра, повидимому, доставлялась сюда изъ сибирскихъ рудниковъ ***).

Я считалъ нужнымъ высказать здѣсь свои соображенія о сѣверной морской торговлѣ потому, что это отчасти даетъ возможность объяснить замѣчаемую связь между сибирскими, пермскими и скандинавскими древностями. Открытый и практикуемый торговый путь всегда служилъ самымъ естественнымъ проводникомъ не только для культурныхъ взаимодѣйствій народовъ, но нерѣдко и для самыхъ народныхъ передвиженій. Это въ особенности могло имѣть мѣсто въ древнія времена, когда семья индоевропейскихъ народовъ не получила еще надлежащей географической устойчивости. Часть племенъ, оставшихся въ Азіи, по естественному тяготѣнію или по чувству національнаго единства и политической безопасности стремились приблизиться или слиться съ своими одноплеменниками, ранѣе переселившимися въ Запад-

*) Русскія древности въ памятникахъ искусства. Выпускъ пятый. С.-Петербургъ 1897 г. Стр. 25—26.

**) См. часть первую, стр. 195—203.

***) Объ этомъ было уже говорено въ первой книгѣ, на стр. 207 и 208.

ную Европу. Въ такомъ положеніи, повидимому, находились готы, какъ остатки германскаго племени, позднѣе другихъ германцевъ выселившіеся изъ Сѣверной Азіи. Такое предположеніе приходитъ мнѣ на мысль вслѣдствіе того, что готскія древности, какъ въ Скандинавіи, такъ и на Дунаѣ, по типу своему стоятъ довольно близко къ древностямъ сибирскимъ и пермскимъ. По этому я не считалъ бы слишкомъ смѣлой и безпочвенной гипотезу о передвиженіи готовъ въ Скандинавію изъ за Урала, черезъ Великую Пермь *). Можетъ быть ни кто другой, какъ они, принесли съ собой въ сѣверо-западную Европу типы сибирскаго втулочнаго кельта, двухконечной сѣкиры, шейнаго обруча и многихъ другихъ предметовъ, по которымъ скандинавская бронзовая культура имѣетъ точки соприкосновенія съ восточто-азіатскою. Выше мы уже говорили, что западная граница кельтовъ и двухконечныхъ сѣкиръ не распространяется дальше Камской Болгаріи. Ихъ не было у черноморскихъ скиѳовъ, ни у жителей юго-западной Россіи, ни въ Новгородской области, между тѣмъ какъ на сѣверѣ они встрѣчаюгся вплоть до Печеры и Архангельска. Не указываетъ ли такое географическое ихъ распространеніе на переносъ ихъ за Балтійское море не прямымъ путемъ, черезъ центральную Россію, а окольнымъ, черезъ сѣверныя рѣки и моря?

Къ сожалѣнію, наши сѣверныя древности до настоящаго времени почти не подвергались правильному научному изслѣдованію, подобно болгарскимъ, южно-скиѳскимъ и даже сибирскимъ. Весь археологическій матеріалъ, время отъ времени вывозимый съ Печеры, сѣверной Двины и съ нижней Оби, принадлежалъ къ случайнымъ находкамъ, да и случаи эти, при малой населенности края, представлялись рѣдко. Тѣмъ не менѣе, каждый разъ, когда приходилось открывать, обыкновенно въ обвалахъ рѣчныхъ береговъ, предметы древности, они по типу своему большею частію соотвѣтствовали древ-

*) Если предполагать, на основаніи родства языковъ, что германскія и славянскія племена, нѣкогда выдѣлились изъ одного азіатскаго центра, то эта гипотеза можетъ быть болѣе всего примѣнима къ готамъ. Соприкосновеніе ихъ съ славянами, можно думать, началось еще въ доисторическія времена, ранѣе ихъ передвиженія въ Скандинавію и оттуда въ южную Россію. При изученіи древнихъ сибирскихъ могилъ, являются намеки на то, что арійское населеніе восточной и западной Сибири было не одноплеменное. Такъ наприм., могилы Минусинскаго округа и восточной Сибири вообще отличаются отъ западно-сибирскихъ могилъ тѣмъ, что онѣ окружены рядами вертикально поставленныхъ камней, въ родѣ долменовъ, чего не встрѣчается ни въ Западной Сибири, ни въ Семирѣчьи. Рунообразныя письмена на камняхъ, точно также, до сихъ поръ были находимы преимущественно въ предѣлахъ восточной Сибири, а не западной. Бронзовыя издѣлія Минусинскаго округа, хотя и очень сходныя по типу съ общесибирскими, отличаются особымъ изяществомъ отливки и бо́льшимъ разнообразіемъ формъ. Восточно-сибирская керамика тоже нѣсколько отличается отъ западно-сибирской. Все это въ совокупности даетъ основаніе предполагать, что въ древнюю курганную эпоху нынѣшній Минусинскій округъ нѣсколько отличался по племенному составу населенія отъ западной Сибири. Поэтому, если предполагать (по даннымъ языка), что общеніе готовъ съ славянами началось еще въ сѣверной Азіи, то мѣсто этихъ соприкосновеній можно было бы искать – для готовъ въ Минусинскомъ округѣ, для славянъ—въ западной Сибири. (См. кн. первую, стр. 12).

ностямъ сибирскимъ и болгарскимъ, не считая серебра, о происхожденіи коего мы только что говорили*). Къ этому же разряду находокъ, по всей вѣроятности, относятся и тѣ бронзовыя сѣкиры, найденныя около Пинеги, о которыхъ мы упоминали выше по рисункамъ Аспелина. Судя по переднему расширенному концу съ поднимающимися кромками, онѣ представляютъ какъ бы переходъ отъ сибиро-болгарскихъ типовъ къ скандинавскимъ, но изображеніе птичьей головы на концѣ втулки заставляетъ относить ихъ къ произведеніямъ восточнаго стиля. На западѣ Европы звѣриный орнаментъ потерялъ свое значеніе и къ оружію не примѣнялся.

Судя по рисункамъ Монтеліуса **), скандинавскія бронзовыя сѣкиры имѣли слѣдующій видъ: втулка трубкообразная, довольно длинная, выдающаяся съ верхней стороны; передній конецъ сѣкиры по длинѣ значительно превышаетъ заднюю часть и на концѣ расширяется, большею частію въ видѣ полукруглаго лезвія, боковыя кромки его нѣсколько приподняты; обухъ обыкновенно круглый, занимающій не болѣе $^1/_4$—$^1/_5$ орудія и оканчивающійся тупымъ закругленіемъ въ видѣ шляпки. Орнаменты на обоихъ концахъ и на втулкѣ въ видѣ концентрическихъ кружковъ, спиральныхъ завитковъ, зубчиковъ и выпуклыхъ валиковъ. Сѣкира, изображенная у Монтеліуса на стр. 43 (рис. № 134) имѣетъ очень широкое полукруглое лезвіе, въ родѣ алебарды.

Въ такомъ же родѣ оказываются венгерскія бронзовыя сѣкиры, изображенныя въ атласѣ Гампеля***) на табл. XXIX, XXX, XXXI и XXXII. Онѣ имѣютъ еще болѣе укороченный обухъ, тоже оканчивающійся шляпкой. Эта послѣдняя на вершинѣ своей иногда имѣетъ выдающійся, довольно длинный, остроконическій язычекъ или штифтикъ. Какъ общая форма этихъ сѣкиръ, такъ и орнаментировка ихъ мелкими линіями, полосками и полукружіями видимо носятъ скандинавскій характеръ. По этому можно заключить, что венгерскія бронзовыя сѣкиры были занесены на берега Дуная готами изъ Скандинавіи. Отъ первоначальнаго сибирскаго типа въ нихъ сохранились только: длинная трубчатая втулка и двуконечная форма съ длиннымъ и узкимъ переднимъ концомъ, но элементы звѣринаго стиля здѣсь уже совершенно отсутствуютъ. Въ другихъ странахъ Европы этого типа бронзовыхъ сѣкиръ, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается.

Сравненіе скандинавскихъ сѣкиръ въ велико-пермскими и болгарскими можетъ привести къ тому заключенію, что бронзовое оружіе сѣверной Россіи было мѣстнаго производства, а не вывозилось изъ Скандинавіи. Даже

---

*) О найденныхъ на Печерѣ птицевидныхъ идолахъ см. выше на стр. 292. Въ Томскомъ музеѣ мы имѣемъ нѣсколько археологическихъ предметовъ съ устья Иртыша и изъ Обдорска.

**) Antiquites svedoises, стр. 28, 29 и 42. Рисун. 99, 100, 133, 134.

***) Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn.

кельты и ножи, форма коихъ болѣе всего приближается къ скандинавскимъ, тамъ получили нѣсколько иной характеръ (кельты съ однимъ, а не съ двумя ушками), и это указываетъ, что Великая Пермь, ведя торговлю съ сѣверо-западною Европою, не мѣнялась съ нею оружіемъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе отдаленную бронзовую эпоху. Мы не можемъ того же сказать о желѣзныхъ сѣкирахъ, но рѣчь объ нихъ будетъ ниже. Теперь же намъ остается разсмотрѣть послѣднія двѣ разновидности сибирскихъ сѣкиръ.

г) *Сѣкиры съ плоскимъ массивнымъ обухомъ.* Такихъ орудій въ Томскомъ музеѣ имѣется всего одинъ экземпляръ, записанный въ каталогѣ подъ

Рис. 110. Мѣдная сѣкира Томскаго музея № 2822.

Рис. 111. Мѣдная сѣкира изъ Казанскаго музея, найденная въ Камской Болгаріи.

№ 2822. Онъ представляетъ собою массивный боевой топоръ изъ красной мѣди, грубой тяжеловѣсной отливки, съ широкимъ овальнымъ проухомъ, безъ выдающагося задняго конца. Длина его 23,5 сант., длина проуха 5 сант., ширина 3,7 сант. Длина передняго конца, начиная отъ обуха до рѣжущаго лезвія 15 сант., ширина лезвія 4 сант., высота втулки 6 сант.-Верхній край двухгранный. Часть, окружающая проухъ, имѣетъ массивныя, толстыя стѣнки, образующія на обухѣ тупую шишку. Вѣсъ орудія 1126 граммовъ. Найденъ при раскопкѣ земли подъ постройку, близъ деревни Лялиной, Барнаульскаго округа. Доставленъ въ музей штатнымъ смотрителемъ Каинскихъ училищъ Аргуновымъ.

Сѣкиры этого типа въ Сибири встрѣчаются сравнительно рѣдко. Я лично видѣлъ всего два такихъ экземпляра. Въ Минусинскомъ музеѣ ихъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ. Въ атласѣ Аспелина (вып. I, стр. 59) помѣщено восемь рисунковъ такихъ сѣкиръ. Изъ нихъ двѣ найдены въ Семипалатинскомъ округѣ, одна на Алтаѣ, одна въ Оренбургской губ., а остальныя въ Екатеринбургѣ, Казани, Саратовѣ и Перми. Во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться, что сѣкиры разсматриваемаго типа въ свое время имѣли значительное распространеніе. Мы ихъ встрѣчаемъ въ числѣ древностей Европейской Россіи, напр. въ Ананьинскомъ могильникѣ *) и въ Ростовской области, въ т. н. Мерянской землѣ **). Мнѣ приходилось слышать о находкахъ такихъ же орудій въ Уфимской губерніи. Въ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1890 годъ (С.-Петерб. 1893 г.) на стр. 123 изображены три сѣкиры этого же типа, найденныя въ Харьковской губ., въ числѣ 12 штукъ. Въ статьѣ Аспелина, напечатанной въ трудахъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани ***) приложены рисунки четырехъ сѣкиръ подобнаго же типа, изъ коихъ № 8 найденъ на южномъ Уралѣ, №№ 9 и 10—изъ сѣверо-восточныхъ губерній Европейской Россіи. Рисунокъ № 7 отличается тѣмъ, что передній конецъ его имѣетъ видъ толстаго заостреннаго, круглаго стержня, почему Аспелинъ называетъ его киркою, а не топоромъ. По его словамъ, этотъ экземпляръ былъ найденъ въ Чудской копи, на Алтаѣ; къ сожалѣнію, при этомъ не указывается, въ какомъ именно рудникѣ, или въ какомъ алтайскомъ округѣ, а также была ли это случайная крестьянская находка, или точно опредѣленная свѣдущими людьми. Не отрицая того, что орудіе это (съ круглымъ концомъ) могло служить и для выламыванія твердыхъ рудъ, мы должны припомнить, что подобныя же формы существовали и въ военномъ оружіи, описанномъ нами выше подъ названіемъ брадвы.

Перечисленные случаи находокъ, по всей вѣроятности, далеко еще не полные, могутъ служить доказательствомъ, что данный типъ сѣкиры распространился за западный склонъ Урала изъ Сибири, по восточнымъ притокамъ Камы, вмѣстѣ съ распространеніемъ древняго сибирскаго населенія. Слишкомъ большое сходство всѣхъ орудій, найденныхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, съ орудіями сибирскими бронзовой эпохи, служатъ тому яснымъ подтвержденіемъ. Въ западной Европѣ орудій такого типа, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не было найдено.

д) *Сѣкиры съ желѣзнымъ клинкомъ въ бронзовой втулкѣ.* Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется всего одинъ такой экземпляръ, найденный

*) *Полевой*, Очерки русс. ист. въ памятникахъ быта. Древнѣйшій періодъ, стр. 48, рис. 25.

**) Графъ *Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. Труды перваго археолог. съѣзда 1869 г. Томъ второй. Москва 1891 г. стр. 662, рисунокъ въ текстѣ.

***) Томъ первый. Казань 1884 г. Отд. первобытныхъ древностей, стр. 8, рис. 7, 8, 9 и 10.

въ Тобольской губерніи. Въ каталогѣ музея онъ записанъ подъ № 2767 такимъ образомъ: „боевой топоръ; втулка для древка бронзовая, 8½ сант. длины, съ ушкомъ (для привѣшиванія значка); клинокъ желѣзный, 23 сант. длины изъ коихъ 15 сант. приходится на передній конецъ, 5 сант. на задній и 3 сант. на ширину втулки. Найденъ на правомъ берегу р. Тобола, ниже впаденія Туры, близъ деревни Боровой. Въ полуверстѣ отъ этой деревни находятся песчаные холмы, на пространствѣ 200 саженъ, имѣющіе до полуторыхъ саженъ вышины. Часть этихъ холмовъ, примыкающихъ къ высокому берегу, обвалилась въ рѣку. Въ разрѣзѣ обвала видны черноземные слои вродѣ занесенныхъ сверху пескомъ валовъ и рвовъ. Въ одномъ изъ подобныхъ черноземныхъ слоевъ найденъ описанный выше боевой топоръ. Въ 150 саж. отъ этого мѣста находятся три большихъ черноземныхъ кургана“. Передняя часть желѣзнаго клинка имѣетъ форму обоюдоостраго меча или кинжала, кованнаго на двѣ плоскія грани, около 3—3¼ сант. шир.; задняя часть плоская, съ прямыми ребрами. Верхняя часть трубкообразной бронзовой втулки закрыта наглухо слегка выпуклой, двускатной бронзовой стѣнкой, ниже которой втулку опоясываютъ два выпуклыхъ валика. Въ нижней трети втулки имѣются съ той и другой стороны по круглой параллельной дирочкѣ для закрѣпы древка гвоздемъ. Желѣзный клинокъ, отчасти попорченный ржавчиной, очевидно, былъ приготовленъ одновременно съ отливкою втулки: онъ точно залитъ въ обнимающую его со всѣхъ сторонъ бронзу и внутри отдѣленъ отъ полости втулки, гдѣ помѣщается древко, сплошною бронзовою же стѣнкою. Такой же способъ заливанія, а не вколачиванія, желѣзныхъ частей въ бронзовыя орудія мы видимъ и на желѣзныхъ кинжалахъ съ бронзовою рукояткою, или наоборотъ, бронзовыхъ кинжаловъ съ желѣзною рукояткою, о чемъ скажемъ ниже *).

Рис. № 112.
Сѣкира № 2767.

Сѣкиры съ желѣзнымъ клинкомъ и бронзовою втулкою до сихъ поръ были находимы очень рѣдко. Кромѣ нашего экземпляра, мнѣ не приходилось встрѣчать подобнаго ни въ коллекціяхъ, ни въ описаніяхъ сибирскихъ древностей, хотя по аналогіи съ двухметальными кинжалами можно было бы

*) О происхожденіи такого оригинальнаго способа сочетанія двухъ металловъ при отливкѣ одного предмета мы уже упоминали выше на стр. 387.

ожидать такія находки чаще. Примѣненіе желѣза въ концѣ бронзоваго вѣка не составляло большой рѣдкости. Въ Томскомъ и Минусинскомъ музеяхъ находится нѣсколько желѣзныхъ предметовъ, вылитыхъ по формѣ бронзовыхъ*). Такъ напримѣръ въ атласѣ Мартина на табл. 8 подъ № 12 (описаніе подъ № 9) изображена желѣзная сѣкира изъ Минусинскаго музея, по типу совершенно сходная съ бронзовыми. Въ нашемъ музеѣ имѣется литой желѣзный кинжалъ съ козлиными головками на рукояткѣ (№ 3515), почти ничѣмъ не отличающійся отъ своихъ бронзовыхъ собратьевъ. Въ числѣ предметовъ изъ Ананьинскаго могильника также не мало биметаллическихъ, или желѣзныхъ, приготовленныхъ по бронзовымъ образцамъ. Нѣсколько сѣкиръ подобнаго типа перечислилъ Невоструевъ въ своей, выше цитированной, статьѣ на стр. 614. Впрочемъ, судя по описанію, эти экземпляры болѣе относятся къ переходнымъ формамъ отъ бронзовой сѣкиры къ желѣзному топору.

Желѣзные сѣкиры и топоры. Изъ имѣющейся въ Томскомъ археологическомъ музеѣ довольно значительной коллекціи этихъ орудій мы опишемъ только тѣ экземпляры, которые были найдены въ обстановкѣ бронзовой эпохи, или по формѣ своей имѣютъ сходство съ бронзовыми сѣкирами или топорами. Прочіе же желѣзные топоры, найденные въ могилахъ менѣе древнихъ и мало отличающіеся отъ нынѣ употребляемыхъ инородческихъ или русскихъ плотничныхъ топоровъ, мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ археологическое значеніе ихъ представляется сомнительнымъ, не смотря на толстые слои покрывающей ихъ ржавчины. Если даже допустить, что эти находки относятся къ XIII—XV вѣку, ихъ форма не представляетъ ничего архаическаго. Она, очевидно, взята съ русскаго широкаго топора, занесеннаго сюда, можетъ быть, еще раньше русской колонизаціи, во время господства татаръ надъ Россіею. Киргизскіе, монгольскіе и таранчинскіе топоры, заимствованные, вѣроятно, изъ Средней Азіи, отличаются отъ русскихъ узкою и длинною формою передняго конца, отсутствіемъ бородки и узкимъ четырехугольнымъ обухомъ. Изъ архаическихъ желѣзныхъ топоровъ заслуживаютъ вниманія три слѣдующіе экземпляра:

№ 4349. Желѣзный боевой топоръ; длина 17 сант., ширина по лезвію 6,5 сант., длина задняго конца, имѣющаго видъ четырехграннаго остраго гвоздя или клина, 7,5 сант. Втулка круглая, $2^1/_2$ сант. въ діаметрѣ; въ ней сохранился кусокъ обугленнаго древка. Вся поверхность орудія покрыта обильной ржавчиной и носитъ слѣды дѣйствія огня. Найденъ въ курганной могилѣ близъ деревни Чернильщиковой, въ окрестностяхъ Томска. (Рис. на табл. XIII, 1).

---

*) Эти предметы весьма любопытны именно потому, что они не кованные, а литые. Надо полагать, что этотъ сплавъ бѣлѣсоватаго цвѣта состоитъ изъ желѣза съ какимъ-то другимъ металломъ, только не съ мѣдью.

№ 3521. Желѣзный боевой топоръ, по формѣ напоминающій бронзовыя сѣкиры. Длина его 19 сант., ширина по втулкѣ 5 сант., около втулки 3 сант., по лезвію 5 сант., толщина орудія 3 сант., втулка овальная 3 и 4,5 сант. въ діаметрѣ; обухъ короткій, 1,5 сант., четырехгранный, оканчивается ровною площадкою. Поверхность топора покрыта значительнымъ слоемъ ржавчины. Найденъ въ Ачинскомъ или Минусинскомъ округѣ—въ точности неизвѣстно. (Рис. на той же табл. № 2).

№ 4446. Желѣзный узкій топоръ съ выдающимся обухомъ, на подобіе бронзовой сѣкиры. Длина 16 сант., ширина по лезвію 4,3 сант., длина обуха позади втулки 3,5 сант., втулка четырехугольная 4 и 2 сант. въ діам. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ. (Рис. на той-же табл. № 3). Первый изъ перечисленныхъ трехъ экземпляровъ желѣзныхъ сѣкиръ представляется и болѣе древнимъ по происхожденію, и болѣе любопытнымъ по типу. Какъ уже было упомянуто выше (стр. 447), онъ былъ найденъ въ могилѣ бронзоваго вѣка и по своей внѣшней формѣ очень близокъ къ ассирійскимъ желѣзнымъ сѣкирамъ (Лейярдъ). Рисунокъ точно такого же орудія мы нашли у Кэмбля (Hogae ferales) на таблицѣ XXVII подъ № 12, описаніе на стр. 210. Замѣчательно, что этотъ экземпляръ вполнѣ сходенъ съ томскимъ не только по своей внѣшней формѣ, но и по размѣрамъ. У Кэмбля длина его показана въ $6^3/_4$ англ. дюйма, что какъ разъ соотвѣтствуетъ 17 сантиметрамъ нашего орудія Тоже соотвѣтствіе видно, судя по рисунку, въ размѣрахъ втулки, передняго и задняго конца и въ ихъ очертаніяхъ. Хотя у Кэмбля сказано, что мѣсто нахожденія этого желѣзнаго боеваго топора неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ эта находка должна относиться къ сѣвернымъ странамъ Европы (Ирландіи, Швеціи или сѣверной Пруссіи).

Рис. 113. Мѣдный плотничный топоръ № 1240.

Не на столько шаблонное, но все-же очень близкое сходство представляютъ слѣдующіе изъ вышеперечисленныхъ два экземпляра нашихъ желѣзныхъ сѣкиръ, по сравненію ихъ съ рисунками Кэмбля на той же таблицѣ подъ №№ 15 и 17. Тотъ и другой были найдены въ Англіи и хранятся въ Британскомъ музеѣ.

Кромѣ сѣкиръ и сѣкироподобныхъ топоровъ, въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется одинъ экземпляръ *литого мѣднаго, настоящаго, плотничнаго топора.* Въ каталогѣ онъ значится подъ № 1240. По формѣ онъ сходенъ съ современнымъ русскимъ дроворубнымъ топоромъ, съ тою лишь разницей, что верхняя кромка его и обухъ имѣютъ не плоскую, или округло-

выпуклую, а двугранную поверхность. Длина этого топора 16 сант., ширина 5 сант. Проухъ круглый, 3½ сант. въ діаметрѣ. Вѣсъ 882 грм. Найденъ въ Барнаульскомъ округѣ, близъ деревни Плотниковой, Кулундинской волости.

Экземпляры мѣдныхъ топоровъ подобной же формы встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Уфимской и Пермской губерніяхъ. Они доказываютъ, что у древнихъ уральскихъ и сибирскихъ жителей существовали, кромѣ военной сѣкиры, особые плотничные инструменты, столь необходимые въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Ниже мы увидимъ, въ главѣ о ремесленныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ, какое множество бронзовыхъ долотъ, стамесокъ, серповъ и т. д. заключаютъ въ себѣ сибирскіе археологическіе музеи. Очевидно, плотничное искусство еще со временъ бронзовой эпохи имѣло здѣсь широкое распространеніе и достигало значительнаго совершенства, если судить по орудіямъ этого производства.

Съ какого времени мѣдные и бронзовые топоры и долота стали замѣняться въ Сибири желѣзными, это трудно опредѣлить даже въ приблизительныхъ хронологическихъ рамкахъ. Во всякомъ случаѣ этотъ переходъ долженъ былъ совершаться постепенно. Потому мы и видимъ на болѣе древнихъ желѣзныхъ орудіяхъ повтореніе типа бронзовыхъ, или приближеніе къ этому, ранѣе усвоенному и привычному типу. Къ такому разряду мы могли бы отнести имѣющійся въ Томскомъ музеѣ желѣзный плотничный топоръ, записанный въ каталогѣ подъ № 1391. Онъ имѣетъ 17 сант. длины и 5,5 сант. шир.; діаметръ овальной втулки 4 и 5,5 сант. Найденъ въ Кузнецкомъ округѣ Томской губ. (Рис. его помѣщенъ на табл. XIII, 4). Отъ мѣднаго своего собрата этотъ топоръ отличается 1) тѣмъ, что онъ кованый, а не литой, 2) верхній край его плоскій, а не двугранный и обухъ полукруглый, а не на два ската. Отличіе его отъ болѣе новыхъ желѣзныхъ топоровъ выражается отсутствіемъ бородки, сравнительно узкимъ лезвіемъ и полукруглымъ, а не плоскимъ обухомъ *).

*) Имѣющіеся въ нашемъ музеѣ желѣзные топоры, найденные въ татарскихъ и остяцкихъ могилахъ, не моложе 2—3 столѣтій, а можетъ быть и древнѣе, всѣ имѣютъ русскій типъ, т. е. плоскій четыреугольный обухъ, бородку и расширенное лезвіе. Очевидно, они заимствованы отъ русскихъ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ лѣтописи Нестора подъ 1096 годомъ приводится извѣстный фактъ похода Гюряты Роговича на сѣверный Уралъ, при чемъ уральскіе жители, не знавшіе желѣза, выменивали его у новгородцевъ на звѣриныя шкуры. „Кажутъ на желѣзо и помовають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу". Можетъ быть съ этого времени сѣверные финскіе инородцы познакомились съ русскимъ топоромъ. Что типъ русскаго топора былъ именно такой, какъ сказано выше, это подтверждаютъ находки графа Уварова въ т. н. Мерянской области. На табл. XXIX его рисунковъ подъ № 12 изображенъ топоръ этого типа, съ бородкой, плоскимъ обухомъ и широкимъ лезвіемъ. Татары, вѣроятно, узнали топоры не раньше XIII—XIV в. Киргизы и монголы въ настоящее время употребляютъ частію русскій, частію среднеазіатскій (таранчинскій) топоръ. Послѣдній бываетъ трехъ видовъ: 1) *бигень*, для тесанія, короткій и широкій, вродѣ косаря, 2) узкій и длинный, для раскалыванія и 3) съ поперечнымъ лезвіемъ вродѣ мотыки. Образчики ихъ имѣются въ нашемъ музеѣ и значатся подъ №№ 2023—2027.

Закончивъ обзоръ сибирскихъ сѣкиръ и топоровъ, мы должны еще сказать *о желѣзныхъ топорахъ Камской Болгаріи* и вообще Европейской Россіи. Они представляютъ совершенно другой типъ, совсѣмъ не встрѣчающійся за восточнымъ склономъ Уральскаго хребта,—типъ, повидимому, не столь древній и имѣющій не восточное, а болгарское происхожденіе. Его отличительную характерную черту представляетъ широкое лезвіе, вытянутое въ видѣ языка къ сторонѣ топорища, тогда какъ верхній край его остается прямымъ, какъ бы срѣзаннымъ, либо слегка наклоненнымъ внизъ. Въ предѣлахъ древней Камской Болгаріи подобныхъ желѣзныхъ топоровъ встрѣчается очень много. Помѣщаемые здѣсь рисунки ихъ (№ 114—118) сняты мной въ 1884 году съ объектовъ, хранящихся въ музеѣ казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, гдѣ они значатся подъ №№ 814, 885, 887, 889 и 947. Нѣсколько такихъ же экземпляровъ находилось въ частной коллекціи покойнаго казанскаго археолога А. Ѳ. Лихачева. Объ нихъ онъ говоритъ въ своей статьѣ, читанной на второмъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Бытовые памятники великой Булгаріи“. Въ атласѣ рисунковъ по этому докладу на табл. II помѣщены образчики этихъ орудій. Въ статьѣ по этому вопросу сказано; „топоры встрѣчаются (въ Камской Болгаріи) въ значительномъ числѣ разныхъ размѣровъ, отъ большаго до самаго маленькаго, такъ сказать, игрушечнаго топорика; формы ихъ разнообразны и представляютъ много сходнаго съ найденными въ Мерянскихъ могилахъ; при этомъ замѣчается здѣсь, какъ и тамъ, еще та особенность, что нѣкоторые топоры продырявлены близъ лезвія, какъ будто ихъ носили на ремнѣ у пояса (табл. II рис. 3, 4 атласа Лихачева). Топорикъ рис. 3 отличается изящной формой и покрытъ съ обѣихъ сторонъ красивой и тонкой инкрустаціей изъ серебра съ золотомъ“. Большая часть топоровъ Лихачевской коллекціи найдены были въ Билярскѣ.

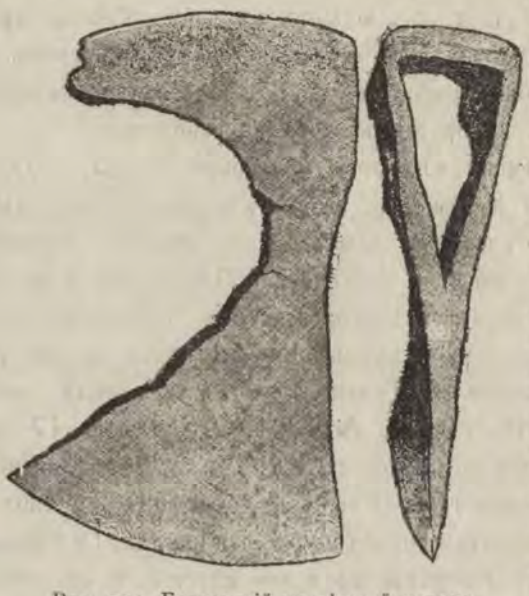

Рис. 114. Болгарскій желѣзный топоръ.

Съ какого времени появились у Камскихъ Болгаръ желѣзные топоры описаннаго типа и гдѣ ихъ настоящая родина, объ этомъ будетъ сказано ниже. Здѣсь же считаю нужнымъ замѣтить, что они не были вынесены изъ

за Урала. Въ раскопкахъ Ананьинскаго могильника, повидимому, не встрѣчалось этого типа топоровъ, хотя желѣзное оружіе, вмѣстѣ съ бронзой, тамъ не составляло рѣдкости. Дальше на западъ, въ т. н. Мерянскихъ могилахъ, болгарскій топоръ, также какъ и въ Камской Болгаріи, является самымъ обычнымъ. „Въ атласѣ, приложенномъ къ труду графа Уварова*), изображено три топора, съ лезвіемъ болгарскаго типа, подъ № 7, 9 и 11. Изъ нихъ № 11 совершенно соотвѣтствуетъ нашимъ рисункамъ, взятымъ изъ Казанскаго музея, а первые два отличаются тѣмъ, что имѣютъ узкое, выдающееся, довольно длинное тылье, какъ у двуконечныхъ сѣкиръ. На обоихъ этихъ экземплярахъ, на переднемъ концѣ топора, вблизи лезвія, имѣется по круглой сквозной дирочкѣ, также, какъ и на болгарскихъ топорахъ изъ коллекціи А. Ѳ. Лихачева.

Рис. 115. Болгарскій желѣзный топоръ.

Мерянскія могилы, по найденнымъ въ нихъ монетамъ и другимъ хронологическимъ признакамъ, относятся къ VII—XI в. послѣ Р. Х. Найденные здѣсь топоры графъ Уваровъ считаетъ привозными, частію изъ Швеціи или Даніи, частію изъ Германіи. Въ подтвержденіе такого предположенія онъ ссылается на Ворсо, въ атласѣ котораго подъ № 491 дѣйствительно изображенъ топоръ совершенно болгарскаго типа, съ плоскимъ, не выдающимся обухомъ, прямымъ верхнимъ краемъ и вытянутымъ въ видѣ языка нижнимъ концомъ лезвія. Остальные топоры и сѣкиры въ атласѣ Ворсо не похожи ни на мерянскіе, ни на болгарскіе. Повидимому, не въ пользу догадки графа Уварова говорятъ и найденныя въ Мерянскихъ могилахъ монеты. Изъ 82 монетъ только 16 принадлежатъ европейскимъ государствамъ: изъ нихъ 9 относятся къ XI вѣку и 7 къ X-му. Остальныя 66, притомъ наиболѣе древнія (VII—X в. и 2 экз. I и IV в. до Р. Х.),—восточно-азіатскія и болгарскія **). Судя по этому, я видѣлъ бы больше основаній предполагать ближайшія торговыя сношенія мерянъ не съ Швеціей или Даніей, а съ Камской Болгаріей, откуда, по всей вѣроятности, получались и болгарскіе топоры. Я обращаю на

*) Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. Рисунки мы цитируемъ по французскому изданію „Les Meriens“ St-Petersb. 1875. Топоры изображены здѣсь на таблицѣ XXIX.

**) L. cit стр. 163 по франц. изд. и 752 въ трудахъ перваго археол. съѣзда т. II.

это обстоятельство особое вниманіе потому, что оно, до извѣстной степени, можетъ разъяснить и время появленія желѣзныхъ топоровъ болгарскаго типа, и роль болгаръ въ ихъ распространеніи по сѣвернымъ предѣламъ Европейской Россіи.

Въ трудѣ *Н. П. Авенаріуса* подъ заглавіемъ: „*Драгичинъ Надбужскій* и его древности“ *), на стр. 8-й помѣщены рисунки двухъ желѣзныхъ топоровъ (№ 1 и 2), весьма сходныхъ съ болгарскими. Въ текстѣ статьи они характеризуются такъ: „широкое лезвіе съ выемкою въ нижней его части; сравнительно узкая шейка; широкое, выпуклое, но слабое и, слѣдовательно, негодное для удара тылье съ постепенно суживающимися концами“. Подъ „выемкою въ нижней части“ здѣсь разумѣется то очертаніе въ формѣ бол-

Рис. 116 и 117. Болгарскіе желѣзные топоры.

гарскаго топора, какое образуется вслѣдствіе вытянутаго его нижняго края, слегка загибающагося къ сторонѣ топорища (сравни наши рисунки). Тылье, собственно говоря, здѣсь не широкое, а удлиненное параллельно лезвію. Одинъ изъ этихъ топоровъ найденъ на Драгичинскомъ городищѣ, въ обвалахъ крутаго берега р. Буга, другой взятъ изъ каменной курганной могилы „въ Чарнѣ Великой“ въ окрестностяхъ той же мѣстности. Древности Драгичина г. Авенаріусъ относитъ, по монетамъ и другимъ признакамъ, частію къ историческому, частію къ предъисторическому времени. Здѣсь же (на городищѣ) найденный куфическій диргемъ, выбитый въ Хамаданѣ, указываетъ на 746—747 годы нашего лѣтосчисленія. Сравнивая эти находки съ мерянскими, мы опять видимъ здѣсь слѣды восточной торговли и вліяніе Болгаріи.

*) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою археологическою комиссіею. № 4. Древности сѣверо-западнаго края. Спб. 1890 г.

Того же типа топоры оказываются въ древностяхъ сѣверо-западнаго края Россіи. Въ описаніи *Люцинскаго могильника* *) на табл. XV подъ № 5 и 6 изображены два топора, почти вполнѣ тождественные съ болгарскими (прямой верхній край, вытянутое внизъ лезвіе и узкій длинный обухъ). Въ текстѣ, на стр. 46-й объ нихъ сказано: „топоровъ или сѣкиръ въ Люцинскомъ могильникѣ найдено 102, т. е. они оказались болѣе чѣмъ при двухъ третяхъ мужскихъ погребеній". „Замѣчается два типа топоровъ: одинъ въ видѣ желѣзной пластины, имѣющей гнѣздо (проухъ) на одномъ

Рис. 118. Болгарскіе желѣзные топоры.

концѣ и постепенно, но умѣренно расширяющейся къ другому концу, а другой въ видѣ лопасти съ сильно расширеннымъ лезвіемъ и съ большой дугообразной выемкой между лезвіемъ и гнѣздомъ. Послѣдній типъ несравненно распространеннѣе". Это и есть обычная форма разсматриваемаго нами болгарскаго топора. Люцинскій могильникъ, судя по монетамъ и другимъ находкамъ, относятъ къ X—XI столѣтію.

Тотъ же типъ желѣзныхъ топоровъ оказывается въ курганахъ южнаго Приладожья (въ древней Новгородской области). На табл. XIII рисунковъ, приложенныхъ къ труду *Н. Е. Бранденбурга* **) они изображены подъ № 3,

*) Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императорской археолог. коммиссіею, № 14. Люцинскій могильникъ, съ XV табл. рисунковъ и 36 политипажами. С.-Петерб. 1893 г. Этотъ могильникъ находится близъ города Люцина, Витебской губ.

**) Н. Е. *Бранденбургъ*. Курганы южнаго Приладожья. Съ XIV табл. рисунковъ и 27 политипажами въ текстѣ. Изд. Импер. археолог. коммиссіи № 18. Спб. 1895 г.

7 и 8, а описаніе ихъ на стр. 62 и 88. Въ описаніи сказано: „Число желѣзныхъ топоровъ, найденныхъ безразлично какъ въ могилахъ съ трупосожженіемъ, такъ и съ погребеніемъ, достигаетъ въ Приладожьѣ до 88 штукъ. Наиболѣе распространенный типъ представляютъ топоры съ прямымъ переднимъ срѣзомъ и характерной полукруглой выемкой на заднемъ краѣ. Въ различныхъ варіантахъ этотъ типъ является вполнѣ преобладающимъ, прочіе же виды (табл. XIII, 3, 4, 9) составляютъ незначительное меньшинство, и наконецъ есть экземпляры единичные (табл. XIII, 7)". Судя по рисункамъ, всѣ они составляютъ варіанты болгарскаго топора, за исключеніемъ тѣхъ орудій, которыя имѣютъ длинный выдающійся обухъ и по формѣ своей приближаются къ двуконечной сѣкирѣ (табл. XII рис. 4 и 11 и табл.XIII, рис. 2).

Описанныя Н. Е. Бранденбургомъ древности южнаго Приладожья, судя по найденнымъ въ могилахъ монетамъ, относятся ко времени отъ VIII до XI столѣтія. Въ болѣе древнихъ курганахъ, съ трупосожженіемъ, встрѣчались только восточныя монеты (Аббасидскія и Саманидскія VIII—X в.), въ болѣе позднихъ (X—XI в.), съ погребеніемъ,—западно-европейскія. Этому соотвѣтствуетъ и самый характеръ найденныхъ культурныхъ предметовъ. Въ могилахъ X—XI в. оказываются скандинавскіе или германскіе типы оружія и утвари, а въ болѣе раннихъ—типы болгарскіе, свойственные и центральной Россіи (подвѣсочныя украшенія, напрясла, шейныя гривны и т. под.). Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и разсматриваемые нами желѣзные топоры и сѣкиры.

Подобныя же формы желѣзныхъ топоровъ оказываются въ нынѣшнихъ Балтійскихъ губерніяхъ. Въ археологическомъ трудѣ бывшаго дерптскаго профессора Крузе (Necrolivonica. Dorpat 1842 г.) они изображены на табл. I подъ литер. N и O, и на табл. VII подъ №№ 3 и 6 и на табл. XXVI № 15 и 16. Тоже мы находимъ въ атласѣ Бера на табл. XIV № 4, 6, 8 и 9. Ливонскіе желѣзные топоры названныхъ авторовъ, по всей вѣроятности, относятся приблизительно къ той же эпохѣ, какъ и Приладожскія.

Очень любопытны, для разъясненія вопроса о происхожденіи типа болгарскихъ топоровъ, находки ихъ въ центральной и южной Россіи. Эти данныя мы беремъ изъ трудовъ В. Н. *Ястребова**) и графа А. А. *Бобринскаго***). Первый изъ нихъ, описывая древности *Лядинскаго* и *Томниковскаго* могильниковъ Тамбовской губерніи, говоритъ о желѣзныхъ топорахъ и сѣкирахъ на стр. 17, 50 и 51. Рисунки ихъ помѣщены на табл. X. Разсматриваемые могильники авторъ относитъ, на основаніи имѣющихся

---

*) *Ястребовъ*. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губ. съ XV табл. рисунковъ и 51 политипажемъ въ текстѣ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Импер. археол. коммиссіею № 10. Спб. 1893 г.

**) Графъ *Бобринскій*. Курганы близъ мѣстечка Смѣлы, томъ второй. Спб. 1894.

данныхъ, къ X—XI столѣтіямъ (стр. 55). Найденные здѣсь желѣзные предметы представляютъ собою продолженіе тѣхъ самыхъ типовъ и формъ, какіе мы встрѣчаемъ въ сибирскихъ и болгарскихъ древностяхъ. Это особенно ясно доказываютъ желѣзныя сѣкиры, кельты, стрѣлы и копья (на той же таблицѣ №№ 3, 7, 15, 16, 18, 19, 33). Здѣсь же помѣщенные рисунки желѣзныхъ стремянъ, удилъ и острогъ (№ 1, 6, 26) точно также имѣютъ полное сходство съ находящимися въ нашемъ томскомъ музеѣ. Еще яснѣе говорятъ за преемство культурныхъ формъ бронзовыя пластинки, бляшки, привѣски, бубенчики и т. п. Мотивы орнаментики — конькомъ и концентрическими кружками, столь обычные въ Сибири и въ Камской Болгаріи, здѣсь также имѣютъ своихъ представителей (стр. 23). Между тѣмъ химическій составъ бронзовыхъ сплавовъ изъ Лядинскаго могильника оказывается уже не сибирскимъ, а позднѣйшимъ европейскимъ. Почти во всѣхъ анализированныхъ предметахъ найдено присутствіе значительнаго количества цинка, вмѣстѣ съ оловомъ и свинцомъ (приложеніе стр. 23—25). Эти анализы, взятые отъ предметовъ очевидно туземнаго вкуса и производства, а не привезенныхъ изъ Западной Европы въ видѣ товара, показываютъ, что въ X—XI в. въ Европейской Россіи воспроизводились старые привычные типы бронзовыхъ украшеній, но съ примѣненіемъ новыхъ пріемовъ литейной техники *).

Приводя аналогіи найденнымъ въ Лядинскомъ могильникѣ желѣзнымъ топорамъ съ очень широкимъ лезвіемъ, образчикъ коихъ представленъ на рис. 4, X табл., В. Н. Ястребовъ на стр. 50—51 довольно подробно перечисляетъ литературные источники по этому вопросу. Кромѣ пунктовъ, указанныхъ нами выше, онъ включаетъ въ районъ распространенія этихъ орудій также Аландскіе острова, Финляндію, Владимірскую и Ярославскую губерніи. „Любопытнѣе всего, говоритъ онъ въ заключеніи, что мы нашли точно такой же топоръ на одной изъ улицъ города Азова (въ 1890 г.) на глубинѣ $1^1/_4$ арш., вмѣстѣ съ предметами позднѣйшаго времени, какъ то: свинцовыми пулями, формой для литья пуль, глиняными курительными трубками и т. д.“. Въ дополненіе къ этому я считаю умѣстнымъ сослаться здѣсь и на мою замѣтку, помѣщенную въ концѣ 35-го примѣчанія къ изданному мною каталогу Томскаго археологическаго музея (1888 г. стр. 120). Тамъ было сказано: „Болгарскій топоръ, повидимому, сохранился до сего времени въ Дунайской Болгаріи. О послѣднемъ обстоятельствѣ я сужу

*) О сходствѣ сибирскихъ типовъ бронзовыхъ украшеній и орнаментовъ (привѣсокъ и пластинокъ конькообразной формы, съ лапками и бубенчиками, спиральныхъ браслетовъ, серегъ, шейныхъ гривенъ и т. д.) съ подобными же предметами Европейской Россіи и сѣвернаго Кавказа мы должны будемъ говорить въ частности въ слѣдующей главѣ. Здѣсь, по поводу Лядинскаго могильника мы хотѣли только замѣтить, что типы сибирскихъ бронзовыхъ украшеній продолжали существовать въ Европейской Россіи до историческаго времени, когда бронзовое оружіе было уже замѣнено желѣзнымъ, и что это послѣднее тоже имѣетъ точки соприкосновенія съ сибирскимъ.

потому, что на археологическую выставку, устроенную въ Казанскомъ университетѣ въ 1882 году, былъ доставленъ такой экземпляръ, привезенный изъ Болгаріи послѣ Восточной войны. Поставленный рядомъ съ коллекціей мѣстныхъ археологическихъ топоровъ, онъ оказался настолько сходенъ съ ними (по формѣ), что трудно было отличить эту новую вещь отъ древнихъ". Не указываетъ ли столь продолжительная, болѣе чѣмъ тысячелѣтняя, живучесть болгарскаго топора на особую національную привязанность именно къ этой его оригинальной формѣ, можетъ быть, въ силу изобрѣтенія этой формы именно у Камскихъ болгаръ, а не у другого народа.

Данныя, помѣщенныя въ трудѣ графа А. А. *Бобринскаго* (т. 2 стр. 170, 177, рис. на табл. XXV), заставляютъ думать, что разсматриваемый нами типъ болгарскаго топора существовалъ на югѣ Россіи (въ Полтавской губ.) въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х., въ такъ называемую неоскиѳскую эпоху. Курганныя раскопки близъ хутора Поповки, на правомъ берегу рѣки Сулы, въ Роменскомъ уѣздѣ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что здѣсь вмѣстѣ съ болгарскимъ топоромъ (рис. № 1) найдены желѣзные сѣкиры (№ 8, 14), копья (№ 7), стрѣлы, ножи и т. д. того же самаго типа, какъ они встрѣчаются въ болгарскихъ и нашихъ сибирскихъ раскопкахъ и находкахъ*). Но еще яснѣе этотъ болгаро-сибирскій типъ повторяется на бронзовыхъ украшеніяхъ въ формѣ козловъ, лошадиныхъ и бараньихъ головокъ, двойныхъ головокъ грифовъ и т. д. (табл. XXIV). Для человѣка знакомаго съ сибирскими древностями достаточно бѣглаго взгляда на эти оригинальныя фигурки, чтобы убѣдиться, откуда ведетъ свое начало этотъ привычный звѣриный стиль. Такимъ образомъ, въ курганахъ Полтавской губерніи мы видимъ, рядомъ съ древне-скиѳскими предметами, новыя восточныя наслоенія. „Здѣсь, замѣчаетъ графъ Бобринскій, мы имѣемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло съ послѣдними годами скиѳской эпохи и съ появленіемъ новыхъ типовъ, подъ вліяніемъ той новой культуры, которую г. Самоквасовъ называетъ Сарматскою (стр. 174)". Съ своей стороны я позволилъ бы себѣ замѣнить здѣсь выраженіе „сарматскій" словомъ „сибирскій", такъ какъ не въ передней Азіи, а только въ Сибири мы можемъ указать мѣсто полнаго разцвѣта, такъ называемыхъ, звѣриныхъ украшеній, и источникъ той своеобразной культуры, о которой идетъ здѣсь рѣчь.

Въ данномъ случаѣ мы ссылаемся на трудъ графа А. А. Бобринскаго по поводу т. н. болгарскаго топора. Намъ хотѣлось бы уяснить себѣ время его появленія въ Европейской Россіи и мѣсто первоначальнаго его

*) Сравни рисунки ихъ, помѣщенные на табл. XXV, особенно № 7, 8 и 14, съ нашими рисунками.

происхожденія. Курганы Полтавской губерніи, повидимому, доказываютъ, что это орудіе появилось здѣсь не позже I—II в. по Р. Х. и пришло сюда въ сопутствіи съ другими восточными типами желѣзныхъ орудій, вѣроятнѣе всего съ береговъ Волги. Но для полноты географическаго распространенія этого типа топоровъ мы должны еще сказать о находкахъ его въ Западной Европѣ.

Желѣзные топоры съ широкимъ лезвіемъ болгарскаго типа у насъ принято почему-то называть *датскими* сѣкирами, какъ бы выражая этимъ мысль о происхожденіи ихъ изъ Даніи. Въ доступныхъ мнѣ литературныхъ источникахъ я не нашелъ достаточныхъ основаній для такого мнѣнія. Вотъ данныя, собранныя мною по этому вопросу. Въ сочиненіи *Монтеліуса* (Antiquités svedoises. 1873) рисунокъ такой сѣкиры помѣщенъ на стр. 143 подъ № 483 *). Въ объяснительномъ текстѣ этотъ предметъ отнесенъ въ рубрику позднѣйшаго желѣзнаго вѣка. Онъ былъ найденъ въ древней могилѣ на островѣ Готландѣ. Въ Шведскомъ національномъ музеѣ, по словамъ Монтеліуса, имѣется пять экземпляровъ топоровъ этого типа, извлеченныхъ изъ того же могильника. Вмѣстѣ съ ними найдена была одна арабская и двѣ нѣмецкихъ монеты X и XI вѣка. Судя по этому, можно заключить, что аландскія древности принадлежатъ историческому времени и должны быть поставлены въ связь съ подобными же экземплярами нашего балтійскаго и приладожскаго побережья, о коихъ мы говорили выше.

Къ той же эпохѣ, по всей вѣроятности, относится экземпляръ такого же типа желѣзнаго топора, изображенный у Ворсо въ описаніи сѣверныхъ древностей королевскаго музея въ Копенгагенѣ, на стр. 118 подъ № 491. Точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ этой находки не приведено, но изъ текста описанія можно усмотрѣть, что Ворсо видитъ въ этомъ оружіи новый норманскій стиль, ранѣе не обычный въ Даніи.

Въ сочиненіи *Кэмбля* (Horae ferales) помѣщенъ одинъ рисунокъ топора, сходнаго съ болгарскимъ, на табл. XXVII подъ № 11. Онъ былъ найденъ въ Мекленбургѣ и хранится въ Шверинскомъ музеѣ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ древностямъ Балтійскихъ славянъ. На той же табл. подъ № 12 и 16 изображены желѣзныя сѣкиры, сходныя съ сибирскими, о которыхъ мы уже говорили выше.

Въ значительно большемъ числѣ разсматриваемое орудіе оказывается въ древностяхъ Дунайскихъ. Въ сочиненіи Линденшмита **) рисунки такихъ топоровъ помѣщены на стр. 15 № 9 и 10 и на табл. XXXIII № 2, 4,

*) Этотъ топоръ, подобно мерянскимъ и болгарскимъ, имѣетъ круглую дырочку на лезвіѣ.

**) *Lindenschmit.* Die Vaterländischen Alterthümer der fürstlich Hohenzollerschen Sammlungen zu Sigmoringen. Mainz. 1860.

39 и 40. Въ атласѣ *Осборна* **) изображенія ихъ находятся на табл. XIX, №№ 3, *4*, 5, 6 и 7. Эти экземпляры найдены въ Гессенѣ, Баваріи и Богеміи.

Приведенныя ссылки на иностранныхъ писателей, если не вполнѣ исчерпываютъ матеріалъ по распространенію топоровъ съ широкимъ, вытянутымъ книзу, лезвіемъ въ Западной Европѣ, то все же они достаточно показываютъ, что типъ этого топора тамъ далеко не былъ господствующимъ. Въ Европѣ онъ является, сравнительно, поздно, и какъ бы случайнымъ и пришлымъ, не укоренившимся въ народныхъ привычкахъ. Европейскіе ремесленные топоры до сихъ поръ отличаются отъ русскихъ, особенно вятскихъ и нижегородскихъ, сравнительно, болѣе узкимъ лезвіемъ. Они не имѣли тамъ своимъ предшественникомъ настоящаго мѣднаго или бронзоваго топора, какой мы видимъ въ Сибири и на Уралѣ (см. выше рис. 113), а частію развились изъ узкой бронзовой сѣкиры, частію заимствованы отъ римскихъ желѣзныхъ орудій. Это даетъ основаніе думать, что разсматриваемый нами типъ топора появился не въ Даніи и не въ Германіи, а вѣроятнѣе всего у Камскихъ болгаръ.

По хронологическимъ даннымъ графа А. А. Бобринскаго мы имѣли бы поводъ думать, что болгарскій желѣзный топоръ раньше всего появился у скиѳовъ въ Полтавской губерніи. Но мы не дѣлаемъ такого заключенія на томъ основаніи, что эти неоскиѳскія древности, какъ упомянуто выше, не представляютъ исключительно мѣстныхъ типовъ. Въ нихъ оказывается значительная доля восточныхъ, именно сибирскихъ и уральскихъ, примѣсей, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести и типъ желѣзнаго топора, не похожій ни на древне-скиѳскія, ни на греческія или римскія сѣкиры. Очевидно, онъ былъ сюда занесенъ въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, вмѣстѣ съ сибирскими типами бронзовыхъ украшеній, но не прямо изъ за Уралья, гдѣ такихъ желѣзныхъ топоровъ не оказывается, а съ Камы или Волги, гдѣ раньше господствовала таже сибирская культура, давшая при дальнѣйшемъ развитіи новые типы желѣзныхъ орудій. Отъ того ни въ одной странѣ Европы и Азіи не оказывается такого изобилія этой формы топоровъ и нигдѣ они не удержались такъ долго въ народномъ употребленіи, какъ у болгаръ. Если болгарская археологическая почва не дала намъ до сего времени прямыхъ хронологическихъ указателей (по монетамъ) о времени перваго появленія здѣсь желѣзныхъ топоровъ, то, по моему мнѣнію, такой пробѣлъ объясняется единственно недостаткомъ систематическихъ изслѣдованій. Между тѣмъ вся совокупность археологическихъ и историческихъ данныхъ о камскихъ болгарахъ достаточно говоритъ и о далекой древности ихъ посе-

*) *Osborne W.* Das Beil und seine typischen formen. Dresden, 1887.

леній и о высокой степени ихъ промышленнаго и культурнаго развитія*). Отсюда мы заключаемъ, что желѣзный топоръ съ широкимъ лезвіемъ естественнѣе всего считать изобрѣтеніемъ болгаръ. Онъ могъ развиться изъ извѣстнаго уже имъ раньше (по Сибири)**) мѣднаго ремесленнаго топора при увеличеніи его остраго лезвія, какъ наиболѣе существенной части орудія. Труднѣе допустить въ этомъ отношеніи заимствованіе формы болгарскаго топора изъ Персіи, или отъ римскихъ образцовъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ болгарскій топоръ не отличался бы такой оригинальностью, а представлялъ бы болѣе или менѣе близкое повтореніе своего европейскаго прототипа.

Имѣя въ своихъ рукахъ главные пути торговыхъ сношеній востока и юга съ сѣверомъ и западомъ, камскіе болгары естественнымъ образомъ являлись распространителями изобрѣтеннаго ими желѣзнаго топора не только по всей Европейской Россіи, но и за ея предѣлами. Я этимъ не хочу сказать, чтобы всѣ вышеописанные экземпляры найденныхъ въ могильникахъ болгарскихъ топоровъ были ихъ издѣліемъ и товаромъ. Распространеніе новыхъ типовъ желѣзныхъ орудій вѣроятнѣе всего было результатомъ культурныхъ подражаній, а можетъ быть, отчасти, и народныхъ разселеній, обыкновенно направлявшихся по торговымъ путямъ. Въ Полтавскую губернію и въ долины средняго и верхняго Дуная болгарскій топоръ, по всей вѣроятности, былъ занесенъ гуннами. Это предположеніе, къ которому мы еще вернемся въ концѣ главы, можетъ служить однимъ изъ реальныхъ доказательствъ участія болгаръ въ гуннскомъ ополченіи.

Говоря о распространеніи болгарскаго топора, мы не можемъ не остановиться на вопросѣ: почему это орудіе не могло проникнуть за восточный склонъ Уральскаго хребта? Зная, по характеру древностей, живыя народныя связи между Сибирью и Болгаріей, естественнѣе всего было ожидать здѣсь обмѣна новыми желѣзными орудіями. Указанный фактъ, по моему мнѣнію, можно объяснить только тѣмъ, что ко времени появленія болгарскаго топора въ Сибири уже произошла смѣна прежняго арійскаго населенія новымъ монголо-татарскимъ, вслѣдствіе чего прекратились бывшія сношенія съ этою страной. По вышеупомянутымъ даннымъ графа А. А. Бобринскаго наиболѣе древніе болгарскіе топоры оказались въ могилахъ Полтавской губерніи, относимыхъ къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х. За 100 или 200 лѣтъ передъ этимъ (въ половинѣ перваго вѣка до Р. Х.), по свѣдѣніямъ китайскихъ писателей, появились на югѣ Сибири гунны-мон-

*) Этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ V-ой главѣ первой части. О времени основанія города Болгара, на стр. 271—274.

**) Объ отношеніяхъ болгаръ къ сибирскому населенію и о предполагаемомъ выходѣ ихъ изъ Сибири было сказано въ VI гл. первой части.

голы, потѣснившіе древнее сибирское населеніе на западъ, къ берегамъ Волги. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ мы можемъ заключить, что болгарскій желѣзный топоръ вошелъ въ употребленіе не раньше начала христіанской эры, именно въ то время, когда въ сибирскихъ степяхъ начали господствовать монголо-татарскіе кочевники, не нуждавшіеся въ такомъ орудіи и дѣйствительно его не употреблявшіе.

Служилъ ли болгарскій желѣзный топоръ оружіемъ, или только ремесленнымъ инструментомъ? Можно сказать утвердительно, что онъ имѣлъ и то и другое назначеніе, замѣнивъ собою и древніе бронзовые кельты, и сѣкиры, и мѣдные ремесленные топоры. Доказательствомъ его боевого значенія могутъ служить встрѣчающіеся на нѣкоторыхъ экземплярахъ красивые орнаменты, наведенные по широкимъ плоскостямъ орудія, и особыя круглыя дырочки близъ лезвія. Назначеніе этихъ послѣднихъ давно обращало на себя вниманіе археологовъ. Предполагали, что это отверстіе служило для прицѣпленія топора къ поясу, но мнѣ представляется возможнымъ и другое предположеніе. Извѣстно, что боевые топоры служили не только рукопашнымъ, но и метательнымъ оружіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было у франковъ и англосаксовъ. О франкахъ Аполлинарій Сидоній въ одномъ изъ своихъ панегириковъ (Майорану) говоритъ: „имъ (франкамъ) легко *метнуть на далекое пространство двуострую сѣкиру* и узнать напередъ, куда попадетъ ударъ,—кружить щитомъ, и быстрымъ скачкомъ достигнуть непріятеля прежде, чѣмъ долетитъ брошенное ими же копье“ *). Слѣдовательно, воины франковъ метали не только дротики, какъ было въ обычаѣ еще со временъ троянской войны, но и сѣкиры. Послѣдній обычай вошелъ въ употребленіе только въ средніе вѣка, и мы не имѣемъ повода сомнѣваться, что онъ практиковался въ это время не одними франками и англосаксами, но также народами гуннской федераціи. Но такъ какъ сѣкиры не могли разбрасываться въ большомъ числѣ, подобно стрѣламъ, то естественно предположить, что онѣ должны были имѣть какія либо приспособленія для полученія ихъ обратно въ случаѣ неудачнаго прицѣла, или невозможности приблизиться къ врагу. Можетъ быть для этой цѣли служили либо кольцо на концѣ короткой деревянной рукоятки, либо то отверстіе на широкой части топора, о которомъ мы теперь говоримъ. Къ этому отверстію могъ прикрѣпляться тонкій длинный ремень или бичевка, которая бросалась, въ родѣ аркана, вмѣстѣ съ топоромъ, и служила для обратнаго его привлеченія. Эти соображенія, конечно, не болѣе, какъ догадка. Она можетъ указывать

*) *Ешевскій.* Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галловъ V вѣка. Москва 1855 г., стр. 173. Эти двуострыя сѣкиры (securis bipennis) соотвѣтствовали римскимъ обоюдоострымъ или двойнымъ топорамъ. Выраженіе *secures missiles*, Wurfäxte, указываетъ на ихъ особое примѣненіе въ битвѣ (Линденшмитъ стр. 15).

на различное употребленіе топоровъ,—какъ метательнаго и какъ ручного оружія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, а тѣмъ болѣе на плотничномъ или ремесленномъ инструментѣ присутствіе круглаго отверстія на лезвіѣ было бы совершенно безцѣльно.

Перечисленныя выше находки болгарскихъ желѣзныхъ топоровъ въ сѣверо-западной и западной Россіи, какъ мы видѣли, почти всѣ относятся къ предъисторическому или историческому времени: именно Мерянскія и Драгичинскія древности къ VII—XI в., Люцинскія, Приладожскія, Ливонскія и Лядинскія къ X—XI в. Эти хронологическія данныя, сопоставленныя съ лѣтописными сказаніями, мнѣ кажется, могутъ отвѣчать на вопросъ о народности, коей принадлежали названныя древности, въ томъ числѣ и болгарскіе топоры. Русскіе археологи, какъ извѣстно, очень склонны приписывать каждый кладъ дохристіанской эпохи въ нашемъ отечествѣ финскимъ племенемъ. Но гдѣ же, въ такомъ случаѣ, наши русскіе слѣды, гдѣ языческія могилы древнихъ новгородцевъ, древлянъ, сѣверянъ, вятичей и всего сѣвернаго славянства, которое въ X—XI вѣкѣ прочно и устойчиво занимало свои историческія области? Если въ этихъ областяхъ оставалась еще часть финскаго элемента, то она, во всякомъ случаѣ, имѣла въ культурномъ и политическомъ отношеніи значеніе подчиненное, второстепенное. Поэтому общій характеръ археологическихъ памятниковъ этого времени долженъ былъ указывать здѣсь не финскую, а славянскую культуру. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно доказывать на основаніи произвольнаго толкованія археологическихъ фактовъ, но вопреки исторіи, что славянское населеніе новгородскихъ областей и центральной Россіи явилось сюда безъ всякихъ культурныхъ задатковъ и оказалось ученикомъ финской эпохи. Это противорѣчило бы и общимъ законамъ культурной наслѣдственности, и лексическому составу финскихъ языковъ, и прямымъ указаніямъ русской исторіи. Очевидно, не славяне X—XI вѣка усвоили себѣ финскую культуру, а, наоборотъ, финны, ассимилируемые славянами въ областяхъ ихъ совмѣстнаго жительства, перенимали житейскія формы языческихъ славянъ. Поэтому мы имѣемъ гораздо больше основаній считать вышеперечисленные могильники южнаго Приладожья (Новгородской области), Ливоніи, сѣверо-западнаго края, Владимірской и Тамбовской губерній—слѣдами русской жизни, что въ большинствѣ случаевъ подтверждается и краніологическими данными извлеченныхъ изъ могилъ череповъ.

Національное значеніе древностей въ данномъ случаѣ важно по отношенію не къ однимъ топорамъ, но и ко всей совокупности разсматриваемаго нами археологическаго матеріала. Всѣ эти сѣверные типы оружія, орудій и украшеній, очевидно, составляли одно культурное теченіе, источники коего первоначально были въ Сибири (въ бронзовую эпоху), потомъ въ Камской

Болгаріи, гдѣ бронзовые типы постепенно смѣнились желѣзными (Ананьинскій могильникъ). Въ этомъ новомъ фазисѣ они распространились по сѣверной и центральной Россіи и продолжали существовать до историческихъ временъ, какъ наше русское достояніе.

Могильники X—XI вѣка*) важны именно тѣмъ, что они даютъ историческую точку опоры для сужденія о національномъ значеніи древностей. Они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщаютъ намъ путь разселенія народа и культурныхъ, если не сказать національныхъ, отношеній древняго камско-болгарскаго населенія къ сибирскому, съ одной стороны, и къ сѣверно-русскому, съ другой; ибо нельзя не согласиться, что археологическій матеріалъ, взятый въ совокупности, можетъ дать въ этомъ отношеніи не менѣе цѣнныя указанія, какъ и лѣтописное свидѣтельство.

3) *Кинжалы, боевые ножи или короткіе мечи.* Слово кинжалъ считается восточнаго происхожденія, отъ персидск. *khandjer* или *kandzer*. Оно вошло въ русскій языкъ, сравнительно, въ недавнее время, замѣнивъ собою прежде существовавшее для того же обоюдоостраго оружія названіе мечъ, корда, или боевой ножъ. Слово мечъ, напротивъ того, принадлежитъ къ очень древнимъ, не только общеславянскимъ, но и общеарійскимъ словамъ. По сербски оно произносится *мач*, по чешски *меч*, пол. *miecz*; у готовъ *mekja*, *mēki*, у англосаксовъ *mēce*, по древне саксон. *māki*, литов. *mẽc—us*, отсюда финское *miekka*. Въ связи съ тѣмъ же корнемъ стоитъ латинское *mac-t-are*, колоть, убивать, и греческое μάχ-αιρα боевой ножъ, короткій мечъ, и персид. *tek* (Горяевъ). Такимъ образомъ, древность и широкое распространеніе этого слова показываютъ, что оружіе, называемое нынѣ кинжаломъ, было въ употребленіи въ Европѣ и Передней Азіи съ весьма отдаленнаго времени. Тоже говорятъ намъ и историческія данныя. О короткихъ мечахъ упоминается въ Иліадѣ Гомера**); они найдены были и въ раскопкахъ Шлиманна. Римскій *gladius*, судя по древнимъ рисункамъ и фрескамъ, представлялъ собою тотъ же кинжалъ или короткій мечъ. Болѣе всего кинжалы или короткіе мечи были въ употребленіи у народовъ, входившихъ въ составъ древне-персидскаго царства. По описанію Геродота, персидскіе воины Ксеркса носили на поясѣ съ правой стороны *короткіе мечи*. Такое же вооруженіе имѣли мидяне, такъ какъ, по словамъ Геродота, это было собственно мидійское, а не персидское вооруженіе. Саки, скиѳское племя,

*) Послѣ введенія христіанства древнія могилы теряютъ свое археологическое значеніе, такъ какъ только языческіе обряды погребенія давали возможность сохраненія бытовыхъ принадлежностей. У финновъ-язычниковъ эти обряды отчасти сохранились до послѣдняго времени, какъ наслѣдство отъ языческихъ славянъ, причемъ недавнія и нынѣшнія финскія могилы обыкновенно содержатъ въ себѣ металлическіе предметы русскаго образца. Тотъ же порядокъ усвоенія типовъ, вѣроятно, существовалъ и въ древности.

**) Археолог. труды А. Н. Оленина, томъ второй, Спб. 1882 г., стр. 117.

имѣли туземные луки, *короткіе мечи* и сѣкиры *). Очевидно, это азіатское оружіе соотвѣтствовало тому самому типу, о которомъ мы намѣрены говорить въ настоящемъ отдѣлѣ. Короткіе мечи или боевые ножи—это тѣ бронзовые кинжалы, которые въ такомъ большомъ количествѣ извлекаются нынѣ изъ сибирскихъ курганныхъ могилъ и которые нерѣдко оказываются на изваяніяхъ каменныхъ бабъ изображенными у пояса или въ лѣвой рукѣ, какъ это видно напр. на рис. 10-мъ VIII таблицы настоящаго тома.

Короткіе мечи или кинжалы были также въ большомъ употребленіи у древнихъ камскихъ болгаръ, черноморскихъ скиѳовъ и у руссовъ. Образцы болгарскаго оружія, вполнѣ сходнаго съ сибирскимъ, даютъ намъ древности Ананьинскаго могильника. Кинжалы черноморскихъ скиѳовъ, большею частію желѣзные, нѣсколько отличались отъ сибирскихъ и болгарскихъ, но значеніе ихъ, какъ короткаго меча, было тоже. Въ данномъ случаѣ отличительнымъ ихъ признакомъ служилъ обоюдоострый клинокъ, что было принадлежностью европейскаго оружія, въ отличіе отъ средневѣковой азіатской сабли. Эта черта очень характерно отмѣчена въ начальной лѣтописи Нестора въ извѣстномъ сказаніи о козарской дани. Поляне положили давать дань „отъ дыма мечъ". Когда козары показали эту дань своему князю, старцы его отвѣтили: „не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіемъ единою стороною (острымъ), рекше саблями, а сихъ оружіе обоюдоостро, рекше мечъ; си имутъ имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ" **). Разсказанный Несторомъ эпизодъ относится ко времени раньше основанія русскаго государства. Слѣдовательно, у славянъ, какъ они себя помнятъ, искони существовало обоюдоострое оружіе, а козары и тюркскіе народности въ то время употребляли вмѣсто мечей сабли.

Въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкѣ названіе мечъ часто замѣняется словомъ ножъ ***), въ смыслѣ остраго пронзающаго оружія. Это слово употребляется въ двоякомъ значеніи: въ смыслѣ обыкновеннаго ножа (culter) и кинжала (gladius, обоюдоострый ножъ, короткій мечъ). Этотъ послѣдній русскіе воины носили въ ножнахъ на поясѣ, или за голенищемъ (засапожные ножи). Въ разсказѣ Ибнъ-Фадлана о руссахъ упоминается, что каждый руссъ имѣлъ при себѣ ножъ, не исключая даже женщинъ. Вѣроятно о подобномъ ножѣ или кинжалѣ идетъ рѣчь въ повѣствованіи Нестора о единоборствѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Косожскимъ княземъ Редедею (въ 1022 г.), при чемъ Мстиславъ, поваливъ на землю своего про-

*) Геродотъ, VII, 61, 62, 64. О національности саковъ см. выше, стр. 52—58.

**) Полное собр. русск. лѣтоп., томъ первый. Спб. 1846, стр. 7.

***) По этимологическому смыслу слово ножъ обозначаетъ не столько рѣжущее, сколько колющее орудіе, отъ корня *нъзить*, про-нзить. Его сближаютъ съ санскр. *niks-ati* проколоть, греч. νύσσειν.

тивника, „вынзе ножъ и зарѣза Редедю“. Въ Словѣ о полку Игоревомъ сказано: „Тіи бо безъ щитовъ *съ засапожникы* кликомъ пълки побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу“. Эти поясные и засапожные ножи, какъ привычное военное оружіе, продолжали существовать въ древней Руси до преобразованія военнаго строя Петромъ Великимъ. Въ описаніи старинныхъ утварей П. И. Савваитова*) они подраздѣляются на три вида: 1) поясные—короткіе съ двумя лезвіями, 2) подсайдачные—болѣе широкіе и длинные, съ однимъ лезвіемъ, къ концу нѣсколько выгнутымъ, и 3) засапожные (засапожники). На VI-й табл. рисунковъ у Савваитова представлены ихъ образцы подъ №№ 30, 31 и 33. Не безъинтересно замѣтить, что на одномъ изъ этихъ экземпляровъ (№ 31) рукоятка обоюдоостраго ножа оканчивается львиною головкой. Точно это воспоминаніе старыхъ привычныхъ орнаментовъ, того звѣринаго стиля, какимъ такъ часто украшалось бронзовое оружіе древнихъ жителей Сибири и Камской Болгаріи.

Такимъ образомъ, и филологическія и историческія данныя указываютъ на исконное употребленіе обоюдоостраго ножа или кинжала сначала у азіатскихъ народовъ (саковъ, мидянъ и персовъ), потомъ у славянъ, преимущественно русскихъ. У европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ, вмѣсто кинжала существовалъ короткій, тоже обоюдоострый, мечъ, но съ болѣе широкимъ клинкомъ. Съ замѣной бронзы желѣзомъ, западные мечи стали выдѣлываться болѣе длинными, особенно въ Скандинавіи, Британіи и Галліи. Короткій мечъ или кинжалъ долѣе всего удержалъ свою форму на востокѣ, со включеніемъ Россіи, и здѣсь онъ былъ болѣе всего распространенъ, какъ въ древнія доисторическія, такъ и въ историческія времена. Такая, если можно выразиться, наслѣдственная привязанность къ короткому оружію (сѣкиры, топоры, кинжалы), развившаяся, быть можетъ, вслѣдствіе народнаго темперамента, образа жизни и привычки къ пѣшему военному строю, можетъ служить доказательствомъ, что сибирскія древности этого рода не могли принадлежать татарской или монгольской кочевой ордѣ. Это одинъ изъ признаковъ культурной осѣдлости, унаслѣдованной изъ общаго источника цивилизаціи древняго міра. При такомъ взглядѣ на разсматриваемый нами археологическій матеріалъ, бронзовые и архаическіе желѣзные кинжалы могутъ дать очень цѣнныя указанія для разъясненія народныхъ и культурныхъ отношеній древняго сибирскаго населенія къ нынѣшней европейской Россіи и къ западной Европѣ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одна страна не давала такого множества ископаемыхъ архаическихъ кинжаловъ, какъ Западная Сибирь

*) Савваитовъ. Описаніе царскихъ утварей, одежды, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива московской оружейной палаты, съ XII табл. рисунковъ. Спб. 1865. Стр. 223.

съ прилежащимъ къ ней Минусинскимъ округомъ. Въ нашемъ Томскомъ музеѣ, не смотря на недавнее его существованіе, съ 1885 года, мнѣ удалось собрать 60 экземпляровъ этого оружія, изъ коихъ 42 бронзовыхъ и мѣдныхъ и 18 желѣзныхъ архаическихъ, не считая экземпляровъ, относящихся къ недавнему времени. Минусинскій музей, существующій съ 1877 года, даетъ по этому отдѣлу еще болѣе обильный матеріалъ. По каталогу минусинскихъ древностей, составленному Клеменцемъ и изданному въ 1886 году, мѣдныхъ и бронзовыхъ кинжаловъ считалось въ этомъ музеѣ 60 экземпляровъ, а желѣзныхъ 38 экземпляровъ. Рисунки бронзовыхъ кинжаловъ Минусинскаго музея помѣщены въ атласѣ Мартина на табл. 21 (22 экз.), 22 (14), 23 (16) и 24 (7 экз.).

Въ издаваемыхъ Императорскою археологическою коммиссіею сибирскихъ древностяхъ*) описаны В. В. Радловымъ и изображены въ прекрасныхъ рисункахъ кинжалы изъ коллекціи Ин. Ал. *Лопатина*, собранные преимущественно тоже въ Минусинскомъ округѣ. Рисунки ихъ помѣщены на табл. VII (13 экз.), VIII (14) IX (13), X (13) XI (14), XII (12), XIII (4 бронзовыхъ и 6 желѣзныхъ) и XIV (13 желѣзныхъ), всего 102 экз., изъ коихъ 83 бронзовыхъ и мѣдныхъ и 19 желѣзныхъ. Такимъ образомъ, въ трехъ извѣстныхъ мнѣ и описанныхъ сибирскихъ коллекціяхъ, лопатинской, минусинской и томской, значится 260 кинжаловъ, не считая вывезенныхъ въ разное время въ Европейскую Россію и заграницу, или имѣющихся въ частныхъ рукахъ и второстепенныхъ сибирскихъ музеяхъ, напр. въ Тобольскѣ, Омскѣ, Семипалатинскѣ. Мнѣ извѣстно также, что покойный археологъ Г. О. Оссовскій при раскопкѣ кургановъ лѣтомъ 1896 г. въ Марінскомъ округѣ нашелъ не менѣе 3—4 десятковъ этихъ орудій. Наканунѣ своей скоропостижной смерти (15 апрѣля 1897 г.) онъ показывалъ мнѣ фотографическіе снимки этихъ находокъ, оригиналы коихъ, по его словамъ, отправлены были въ Императорскую археологическую коммиссію, по порученію которой произведены были эти раскопки. Восемь бронзовыхъ и мѣдныхъ кинжаловъ имѣются въ моей частной маленькой коллекціи древностей. Кромѣ того, во время моихъ многократныхъ поѣздокъ по Сибири я нерѣдко замѣчалъ, что крестьяне пользуются иногда случайно найденными архаическими кинжалами, какъ домашнимъ оружіемъ, оттачивая ихъ, взамѣнъ современныхъ. Экземпляры съ обломанными концами, или вообще не пригодные къ утилизаціи обыкновенно продаются крестьянами на сплавъ мѣдникамъ. Принимая все это во вниманіе, можно безъ преувеличенія сказать, что изъ почвы Западной Сибири и южной части Енисейской губерніи до сего времени было извлечено едва-ли менѣе тысячи кинжаловъ. Поэтому можно судить, насколько они, сравнительно съ дру-

*) Радловъ В. В. Сибирскія древности. томъ первый, вып. второй. С.-Петербургъ 1891 г.

гимъ оружіемъ, были здѣсь распространены. Ихъ, очевидно, носили при себѣ чуть не всѣ обыватели, подобно тому, какъ свидѣтельствовалъ Ибнъ-Фацланъ о руссахъ.

Сибирскіе *бронзовые и мѣдные* кинжалы отличаются слѣдующими признаками: 1) Всѣ они литые, а не кованные. За весьма немногими исключеніями, рукоятки ихъ отливались изъ того же металла, составляя одно нераздѣльное цѣлое съ клинкомъ. Большею частію они украшены тѣмъ или другимъ орнаментомъ, доказывающимъ, что рукоятка не обкладывалась деревомъ и не обвертывалась кожей или какой либо тканью. Такіе экземпляры, гдѣ клинокъ насаживался на деревянную или костяную рукоятку посредствомъ черенка или стержня, имѣющагося на его заднемъ концѣ, встрѣчаются очень рѣдко. Въ Томскомъ музеѣ такихъ кинжаловъ имѣется всего три и они, по всей вѣроятности, должны быть отнесены къ издѣліямъ болѣе позднимъ, такъ какъ и форма клинка у нихъ (болѣе плоская) нѣсколько отличается отъ типичныхъ бронзовыхъ. Въ рисункахъ В. В. Радлова (изъ коллекціи Ин. А. Лопатина) я нашелъ всего два такихъ экземпляра (табл. X, № 13 и 14). Въ Минусинскомъ музеѣ, судя по атласу Мартина, не оказывается ни одного бронзоваго кинжала съ черенкомъ. Слѣдовательно, существовало общее правило отливать клинокъ и рукоятку въ одной нераздѣльной формѣ, и этимъ сибирскіе бронзовые кинжалы отличаются отъ западноевропейскихъ, у которыхъ рукоятка почти всегда либо прикрѣплялась къ клинку, какъ отдѣльная часть орудія, либо обкладывалась деревомъ или костью на металлическомъ стержнѣ.

2) Обоюдоострый клинокъ всегда имѣлъ не плоскую, а двугранную или, иначе сказать, двускатную форму. Для образованія этихъ граней средина клинка отливалась значительно толще краевъ, съ выдающимся въ самомъ центрѣ, по всей длинѣ, валикомъ или гребешкомъ.

3) У каждаго кинжала между клинкомъ и рукояткою имѣется съ той и другой стороны значительный выступъ, который я называю *щёчками*. Назначеніе его, ясно само собой, чтобы во время сильнаго удара переднимъ концомъ рука не соскользнула съ рукоятки въ сторону остраго клинка. Задній конецъ рукоятки тоже оканчивался выдающимся валикомъ или фигурнымъ утолщеніемъ. Этими выступами даются границы той части рукоятки, которая захватывается рукой. На большей части экземпляровъ длина ея соотвѣтствуетъ кулаку взрослаго мужчины, но иногда встрѣчаются и такіе кинжалы, рукоятка коихъ размѣромъ соотвѣтствуетъ маленькой дѣтской рукѣ.

4) Форма щечекъ не отличается большимъ разнообразіемъ. Самое обычное и наиболѣе распространенное очертаніе ихъ, слегка изогнутыми полукруглыми линіями, нѣчто въ родѣ лепестковъ, можно видѣть на помѣщаемыхъ

з здѣсь рисункахъ. Гораздо рѣже щечки имѣютъ видъ прямыхъ четыреугольных выступовъ. Больше разнообразія представляетъ задній конецъ рукоятки. Самою характерною и наиболѣе изящною формою этой части являются звѣриныя головки, не менѣе обычною—полукруглый поперечный валикъ; рѣже рукоятка оканчивалась неподвижнымъ кольцомъ, широкою плоскою пуговкой или полумѣсяцемъ. Отдѣлъ рукоятки между щечками и заднимъ кон-

Рис. 119. Кинжалы №№ 1214, 1213, 1212 и 1211.

цомъ, который захватывается рукой, обыкновенно имѣетъ плоскую, закругленную по краямъ, форму. На многихъ экземплярахъ эта часть украшена орнаментомъ, чаще всего продольными параллельными валиками.

Большая часть собранныхъ нами кинжаловъ Томскаго музея отличается совершенно правильными пропорціями и чистотою отливки. Бронзовые экземпляры обыкновенно покрыты гладкимъ блестящимъ слоемъ темнозеленой патины. Описывать въ частности каждый изъ нихъ я считаю излишнимъ, такъ какъ подобное описаніе по экземплярамъ Ин. А. Лопатина, почти тождественнымъ съ нашими, было уже сдѣлано В. В. Радловымъ въ выше-

указанномъ изданіи. Поэтому я остановлю здѣсь вниманіе только на тѣхъ орудіяхъ, которыя имѣютъ какія либо отличительныя особенности. Къ этому разряду можно отнести слѣдующіе номера (по каталогу музея):

№ 3178. Рисунокъ его помѣщенъ въ концѣ книги на табл. XIV, 2. Этотъ бронзовый кинжалъ имѣетъ 26 сант. длины, въ томъ числѣ рукоятка, начиная отъ щечекъ, 9 сант.; ширина клинка 3 сант., ширина щечекъ 4,5 сант. На этомъ экземплярѣ заслуживаетъ вниманія орнаментъ щечекъ. Съ той и другой стороны на нихъ изображено по головѣ птицы съ большимъ глазомъ и хищнымъ клювомъ, обращенными къ сторонѣ клинка. Этотъ символическій знакъ, о которомъ мы уже говорили выше при описаніи сѣкиръ (см. стр. 441), встрѣчается обыкновенно на военномъ оружіи, хотя далеко не часто. На описываемомъ экземплярѣ птичьи головы съ толстымъ изогнутымъ клювомъ выражены особенно ясно и рельефно. На заднемъ концѣ рукоятки также находятся двѣ головки, не столь отчетливо отлитыя, но повидимому тоже птичьи, судя по клювамъ. Ими замыкается овальное кольцо, которымъ заканчивается рукоятка, украшенная по своимъ широкимъ плоскостямъ тремя продольными валиками. Отливка всего орудія весьма тщательная. Поверхность его покрыта гладкимъ блестящимъ слоемъ, такъ называемой, патины, темнозеленаго цвѣта. Съ одной стороны по боковому краю клинка этотъ слой на небольшомъ пространствѣ облупился, или былъ счищенъ; при этомъ обнаружилось, что толщина его не больше толщины папиросной бумаги, и всюду равномѣрная, точно поверхность кинжала была покрыта искусственно какимъ-то неокисляющимся составомъ, подобно лаку или эмали. Подъ этой корочкой открывается гладкая поверхность бронзы красноватаго или точнѣе коричневаго цвѣта, безъ малѣйшихъ слѣдовъ ржавчины. Химическій составъ ея не изслѣдованъ, такъ какъ при анализѣ пришлось бы нарушить цѣлость этого прекраснаго экземпляра. Вѣсъ его, сравнительно съ объемомъ, довольно тяжелъ.

№ 4042. Рукоятка этого кинжала (10 сант. длины) отличается отъ прочихъ тѣмъ, что она состоитъ изъ двухъ параллельныхъ круглыхъ колонокъ, толщиною побольше крупнаго карандаша, между коими остается открытое сквозное пространство вродѣ щели. Щечки, если *смотрѣть на нихъ со стороны клинка*, представляютъ изъ себя очертаніе двухъ птичьихъ головъ, обращенныхъ клювомъ кнаружи. У каждой головы отчетливо видѣнъ глазъ, окруженный выпуклымъ ободкомъ съ выпуклою же точкою въ центрѣ. Широкій и толстый клювъ изгибается горбомъ, какъ у хищной птицы. Общій характеръ, или, точнѣе, идея этого орнамента таже самая, что и на предъидущемъ экземплярѣ, но голова и клювъ здѣсь представлены шире и толще, занимая всю площадку щечки съ той и другой стороны. Задняя часть рукоятки сначала представляетъ родъ плоскоовальной

широкой гайки, какъ бы надѣтой на колонки. Отъ задняго края его поднимаются двѣ звѣриныя головки съ изогнутыми тонкими шеями. Сближаясь на концахъ, онѣ образуютъ своими фигурами форму незамкнутаго овальнаго кольца. Изображенныя здѣсь головки болѣе всего походятъ на козлиныя, судя по закрученнымъ рогамъ и опускающимся отъ морды бородкамъ. Подобныя головки встрѣчаются на сибирскихъ кинжалахъ довольно часто, но на этомъ экземплярѣ онѣ отлиты особенно отчетливо. Фотографическій снимокъ этого кинжала помѣщенъ на табл. XIV, рис. 3. Это орудіе имѣетъ 22 сант. длины, но передній конецъ его обломанъ и нѣсколько погнутъ, отлито изъ красной бронзы, патиной покрыта только рукоятка. Найденъ въ Ачинскомъ или Маріинскомъ округѣ, безъ точнаго обозначенія мѣста.

№ 1214. Бронзовый кинжалъ 25 сант. длины, шир. клинка у основанія 3 сант., длина рукоятки 8 сант. Щечки орнаментированы, повидимому, двумя фигурами животныхъ (спины ихъ обращены къ сторонѣ клинка), но отливка ихъ не явственная. Рукоятка украшена тремя продольными валиками и оканчивается двумя козлиными головками, изъ коихъ одна обломана. Какъ клинокъ, такъ и рукоятка покрыты блестящимъ слоемъ темнозеленой патины. Найденъ на золотомъ пріискѣ г. Цибульскаго, въ Маріинскомъ округѣ. Рисунокъ этого экземпляра помѣщенъ на стр. 479.

№ 1211. Такой же формы бронзовый кинжалъ со сломаннымъ концомъ; длина его 21 сант., въ томъ числѣ рукоятка 9 сант. Щечки листовидныя, безъ орнаментовъ; ширина ихъ 5 сант. Задній конецъ рукоятки украшенъ двумя звѣриными головками, какъ и на предъидущихъ экземплярахъ, но отливка головокъ здѣсь менѣе тщательная. Поверхность этого орудія не покрыта глянцемъ, а представляетъ мѣстами красноватый цвѣтъ бронзы, мѣстами темносѣрый. Найденъ въ Маріинскомъ округѣ Томской губ., близъ села Тисульскаго. (Рисунокъ его помѣщенъ на той же страницѣ).

Говоря о бронзовыхъ кинжалахъ съ звѣринымъ орнаментомъ, я здѣсь же считаю умѣстнымъ описать имѣющіеся въ Томскомъ музеѣ точно такіе же экземпляры кинжаловъ *изъ литого желѣза.* Они весьма любопытны не только по полному сходству съ бронзовыми архаическими, но и по техникѣ ихъ отливки, указывающей на высокую степень развитія металлургическаго искусства у древнихъ сибирскихъ жителей. Такихъ экземпляровъ мнѣ удалось собрать для музея всего три, изъ нихъ особенно замѣчателенъ

№ 1212. Фотографическій снимокъ его изображенъ на стр. 479 (второй съ права) и въ болѣе увеличенномъ видѣ на табл. XIV подъ № 4. По величинѣ и общему очертанію онъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ бронзовыхъ собратовъ. Длина его 26 сант., въ томъ числѣ рукоятка 9 сант., ширина щечекъ 5 сант.; онѣ имѣютъ обычную лепестковидную форму, безъ

орнаментовъ, а рукоятка, какъ у большинства бронзовыхъ типовъ, имѣетъ тѣже три продольные валика. Но всего интереснѣе въ этомъ экземплярѣ конецъ рукоятки. Если смотрѣть на него снизу, въ сторону клинка, то явственно можно различить двѣ птичьи головы съ большимъ круглымъ глазомъ и горбатымъ крупнымъ клювомъ, обращеннымъ въ ту и другую стороны, по бокамъ орудія. Очевидно, это та самая хищная птица, которую мы видѣли выше на бронзовыхъ сѣкирахъ и на щечкахъ вышеописанныхъ кинжаловъ (№ 3178 и 4042), т. е. тотъ символъ, который, какъ уже указано, встрѣчается въ Кавказскихъ и Черноморскихъ (скиѳскихъ) древностяхъ, а позднѣе и въ Западной Европѣ.

Описанный желѣзный кинжалъ представляетъ всѣ признаки отливки, а не ковки или выпилки. По крайней мѣрѣ это съ увѣренностію можно сказать относительно фигурной рукоятки, да и клинокъ, составляющій нераздѣльную часть орудія, по всей вѣроятности, тоже былъ литой. Въ этомъ убѣждаетъ меня и другой экземпляръ несомнѣнно литаго желѣзнаго кинжала, о которомъ мы скажемъ ниже. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что конецъ клинка № 1212 нѣсколько погнутъ, но не сломанъ, слѣдовательно онъ не обладаетъ большою хрупкостью, т. е. приготовленъ не изъ стали и не изъ чугуна, а именно изъ желѣза, или какого либо желѣзнаго сплава. Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма любопытнымъ вопросомъ объ искусствѣ древнихъ сибирскихъ жителей плавить желѣзо, что, какъ извѣстно, въ современной металлургической техникѣ считается дѣломъ только недавнихъ усовершенствованій. Описанный экземпляръ найденъ въ Барнаульскомъ округѣ, при распашкѣ земли, переданъ мнѣ для музея въ 1882 году горнымъ исправникомъ Л. Н. Некрасовымъ. Прибавлю къ этому, что не смотря на несомнѣнную большую древность и пребываніе въ землѣ впродолженіи, можетъ быть, не одного тысячелѣтія, этотъ желѣзный кинжалъ сохранился весьма хорошо, ржавчины на немъ совсѣмъ не замѣтно, ровно какъ и слѣдовъ ея существованія (неровностей на поверхности).

№ 3515. Подъ этимъ номеромъ въ каталогѣ Томскаго музея записанъ „большой желѣзный кинжалъ съ массивною желѣзною же рукояткою архаической формы, оканчивающеюся двумя козлиными головками. Длина его 30 сант., ширина клинка $3^1/_2$ сант., ширина щечекъ 6 сант.“. Этотъ экземпляръ поступилъ въ музей изъ коллекціи Бойлинга, собранной въ Енисейской губерніи, преимущественно въ Ачинскомъ, Красноярскомъ и Минусинскомъ округахъ, въ точности же мѣсто нахожденія его неизвѣстно. Фотографическій снимокъ его помѣщенъ у меня на табл. XV рис. 8, въ половину натуральной величины. Наружный видъ этого кинжала носитъ всѣ признаки архаическаго типа бронзовой эпохи: тоже выдающееся центральное ребро на двугранномъ обоюдоостромъ клинкѣ, таже форма щечекъ и

рукоятки съ продольными валиками и звѣриными головками на концѣ. Отличается онъ отъ бронзовыхъ и мѣдныхъ только своею массивностію и особенно толщиною щечекъ. Поверхность этихъ послѣднихъ также покрыта звѣринымъ орнаментомъ, но выраженнымъ не явственно, можетъ быть, вслѣдствіе не вполнѣ удачной отливки, а можетъ быть, отъ порчи ржавчиной. Въ орнаментирующихъ фигурахъ, повидимому, были представлены два медвѣдя, спинами обращенные къ клинку, а лапами къ рукояткѣ, но съ опредѣленностью судить объ этомъ трудно, такъ какъ рисунокъ сохранился очень не отчетливо. Гораздо лучше сохранились козлиныя головки на концѣ рукоятки. Въ нихъ съ перваго же взгляда ясно видѣнъ обычный бронзовый типъ этихъ украшеній: закрученные рога, глаза, очерченные круглымъ ободкомъ съ выпуклой точкой въ центрѣ, тупая морда съ идущею отъ нея характерною козлиною бородкою. Какъ эти головки, такъ и вся рукоятка со щечками и самый клинокъ съ рѣзко выдающимся продольнымъ ребромъ въ центрѣ по всѣмъ признакамъ были приготовлены не кузнечнымъ способомъ, а отлиты въ форму. Клинокъ и щечки покрыты ржавчиной въ легкой степени, очень тонкимъ, не отдѣляющимся слоемъ, рукоятка же и звѣриныя головки почти совсѣмъ не имѣютъ ржавчины.

№ 2694. Этотъ экземпляръ желѣзнаго кинжала отличается отъ предъидущихъ своимъ маленькимъ размѣромъ и меньшей сохранностью. Длина его $15^1/_2$ сант., въ томъ числѣ клинокъ $6^1/_2$ сант., рукоятка между щечками и началомъ звѣриныхъ головокъ $5^1/_2$ сант., ширина щечекъ въ поперечномъ направленіи 5 сант., въ продольномъ 1,7 сант. Клинокъ оказывается значительно попорченнымъ ржавчиной, можетъ быть, отчасти сточеннымъ. Щечки были покрыты какимъ-то рисункомъ, который невозможно разобрать, вслѣдствіе порчи ржавчиной его верхнихъ слоевъ. По мѣстамъ на немъ видны блестящія, какъ бы вкрапленныя полоски и точки, можетъ быть, слѣды бывшей позолоты или мѣдной обкладки. Рукоятка, повидимому, имѣла обычную форму съ продольными валиками, но отъ ржавчины они сгладились. Козлиныя головки на концѣ рукоятки сохранились, относительно, хорошо и по нимъ ясно можно видѣть, что этотъ кинжалъ принадлежитъ тому же типу, какъ и предъидущіе. Судя по маленькому размѣру рукоятки, его можно считать не настоящимъ военнымъ, а женскимъ или дѣтскимъ оружіемъ. Найденъ на пашнѣ около села Больше-Барандинскаго, Дмитріевской волости, Маріинскаго округа, Томской губерніи.

Бронзовыя и желѣзныя рукоятки кинжаловъ съ звѣриными украшеніями въ Сибири встрѣчаются довольно часто. Кромѣ описанныхъ нами экземпляровъ изъ Томскаго музея, онѣ изображены въ атласѣ, приложенномъ къ труду В. В. Радлова на табл. XI № 10, 11 и 12, на табл. XII № 1—4, 6, 8—12, на табл. XIII № 4 и 7 и на табл. XIV № 8 и 9 (изъ кол-

лекціи Ин. А. Лопатина). Въ атласѣ Мартина (изъ Минусинскаго музея) они представлены на табл. XXII, №№ 1—8. Головки почти всегда расположены парно и симметрично, чаще всего на концѣ рукоятки. Обыкновенно онѣ изображаютъ козловъ и барановъ, рѣже другое животное,—змѣю, лошадь, медвѣдя, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ не парно, а въ одиночку. Изображеніе двухъ хищныхъ птицъ, съ большимъ глазомъ и изогнутымъ клювомъ, охотнѣе помѣщалось не на рукояткѣ, а на щечкахъ кинжала, какъ это мы видѣли на экземплярахъ нашего музея. Въ детальныхъ политипажахъ, помѣщенныхъ въ трудѣ В. В. Радлова на стр. 68, подобныя же птичьи головы показаны на концѣ рукоятки. Въ иныхъ случаяхъ, гдѣ фигуры орнамента вышли при отливкѣ не отчетливо или отчасти стушевались вслѣдствіе ржавчины, головки хищныхъ птицъ можно смѣшать съ козлиными головками, принимая бороду за продолженіе клюва. На экземплярахъ, хорошо сохранившихся, козлиныя головки отличаются отъ птичьихъ присутствіемъ закрученныхъ роговъ и ушей. Бараньи головки отличаются отъ козлиныхъ тупою мордою и отсутствіемъ бороды. Въ коллекціи Ин. А. Лопатина звѣриныя фигуры одинаковой формы встрѣчаются какъ на бронзовыхъ, такъ и на желѣзныхъ кинжалахъ.

Далѣе мы должны отмѣтить группу кинжаловъ, приготовленныхъ изъ двухъ металловъ—бронзы и желѣза. Такихъ въ нашемъ музеѣ имѣется три штуки, и мы считаемъ не безполезнымъ описать ихъ въ частности, именно:

№ 3174. Бронзовый кинжалъ (клинокъ) съ желѣзною рукояткою и такими же щечками. Длина его 27 сант., въ томъ числѣ клинокъ $16^1/_2$ сант., щечки и рукоятка $10^1/_2$ сант. Отливка клинка тщательная, на два ската; по срединѣ его во всю длину проходитъ выпуклый валикъ (ребро), по сторонамъ котораго идутъ двѣ бороздки (*ложбинки*). Поверхность клинка совершенно гладкая, какъ бы покрытая темнозеленымъ лакомъ. Нижній (задній) его край (4 сант. шир.) внѣдряется въ желѣзныя щечки, нераздѣльно сливаясь съ ними. Какимъ образомъ онъ укрѣпленъ въ желѣзной рукояткѣ, внѣдряется ли туда въ видѣ стержня, или защемляется только щечками, объ этомъ трудно судить при цѣлости орудія. Если судить по другимъ биметаллическимъ экземплярамъ (съ желѣзнымъ клинкомъ въ бронзовой ручкѣ), то можно было бы догадываться, что стержень клинка пропущенъ въ самую рукоятку или залитъ въ ней. Щечки въ видѣ лепестковъ и рукоятка съ тремя продольными валиками имѣютъ обыкновенную форму, какъ у большинства бронзовыхъ кинжаловъ, въ томъ числѣ и представленныхъ на нашихъ рисункахъ, но на нихъ нѣтъ ни звѣриныхъ, ни другихъ орнаментовъ. Рукоятка оканчивается поперечной перекладинкой въ видѣ полукруглаго валика. Этотъ экземпляръ поступилъ въ музей изъ коллекціи Бойлинга и найденъ, вѣроятно, въ Ачинскомъ или Минусинскомъ округѣ.

Подобные же кинжалы съ бронзовымъ клинкомъ и желѣзною рукояткою изображены въ атласѣ В. В. Радлова на табл. XII № 4 и на табл. XIII № 4 (изъ коллекціи Лопатина). Они отличаются отъ нашего экземпляра тѣмъ, что желѣзная рукоятка ихъ оканчивается козлиными головками, а не перекладинкой, и щечки у нихъ бронзовыя, подобно клинку, а не желѣзныя, какъ въ нашемъ случаѣ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ предполагать, что либо желѣзный стержень рукоятки внѣдрялся внутрь бронзоваго клинка (заливался бронзой), либо внутри рукоятки помѣщался бронзовый стержень отъ клинка. Въ томъ и другомъ случаѣ такой способъ соединенія металловъ при отливкѣ весьма любопытенъ. Объ этомъ мы уже упоминали выше (стр. 387) при разсмотрѣніи ассирійскихъ пріемовъ бронзовыхъ отливокъ по желѣзу.

№ 3175. Въ этомъ экземплярѣ оказывается, напротивъ того, рукоятка бронзовая, а клинокъ желѣзный. Рукоятка имѣетъ, со включеніемъ щечекъ, 11 сант. длины; конецъ ея и щечки имѣютъ форму плоскихъ валиковъ или перекладинокъ. Задній конецъ клинка пропущенъ, повидимому, во всю длину рукоятки, или, точнѣе сказать, залитъ здѣсь или обложенъ бронзою. Это видно по образовавшимся небольшимъ трещинамъ или дефектамъ на передней и задней плоскости бронзовой обкладки. Передняя, открытая часть желѣзнаго клинка частію попорчена ржавчиной, частію сточена во время употребленія. Поэтому онъ имѣетъ теперь, сравнительно съ рукояткой, очень небольшой размѣръ, именно въ длину всего $9^1/_2$ сант. и въ ширину около $1^1/_2$—2 сант., съ неровною (отъ ржавчины) поверхностью и выемками по краямъ.

Въ коллекціи Ин. А. Лопатина имѣется нѣсколько подобныхъ же кинжаловъ съ желѣзными клинками въ бронзовыхъ рукояткахъ. Изъ нихъ три экземпляра помѣщены въ атласѣ В. В. Радлова на табл. XIII № 1, 2 и 3. Изъ нихъ наиболѣе инструктивенъ третій рисунокъ, такъ какъ по нему ясно опредѣляется способъ закрѣпленія желѣзнаго клинка въ рукояткѣ. Въ текстѣ описанія этого кинжала (стр. 74) сказано: „на одной сторонѣ въ углубленіи (въ наружномъ желобкѣ рукоятки) бронза отскочила вся, а на другой сторонѣ, изображенной на таблицѣ, лишь незначительное поврежденіе бронзы (почти такой же дефектъ, какъ на нашемъ экземплярѣ). Отсюда ясно видно, что не только клинокъ желѣзный, но и рукоятка, до самаго верху, составляетъ одинъ кусокъ съ клинкомъ и что желѣзо только покрыто тонкимъ слоемъ бронзы. Такъ какъ вся бронзовая облицовка состоитъ изъ одного сплошнаго слоя, то этотъ кинжалъ ясно указываетъ, что желѣзная часть рукоятки *была вставлена въ форму, въ которую потомъ вылита бронза* (курсивъ мой). Отливка эта исполнена очень искусно, и исполнявшій эту работу мастеръ хорошо, должно быть, былъ знакомъ съ свойствомъ желѣза“. Изученіе нашихъ томскихъ экземпляровъ даетъ мнѣ

возможность вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ В. В. Радлова, о чемъ было уже сказано выше.

Въ коллекціяхъ Томскаго музея мы имѣемъ еще одинъ экземпляръ бронзоваго кинжала съ желѣзнымъ клинкомъ. Въ каталогѣ онъ значится подъ *№ 3176*. Къ сожалѣнію, у него отъ обломанной рукоятки остались только однѣ бронзовыя щечки, чрезъ которыя пропущенъ желѣзный клинокъ въ 17½ сант. длины и 3½ сант. шир., очень хорошо сохранившійся. По срединѣ его явственно выдается утолщенная полоса, отъ которой къ краямъ идутъ двѣ грани въ видѣ плоскихъ скатовъ. Поверхность клинка покрыта тонкимъ слоемъ ржавчины, не повредившей первоначальной формы орудія. На мѣстѣ отлома рукоятки, отъ нижней поверхности щечекъ, выдаются три желѣзныхъ стержня, изъ коихъ средній круглой формы, толщиной въ гусиное перо, а боковые—плоскіе, шириной въ одинъ сантиметръ. Очевидно, они были пропущены въ рукоятку, имѣвшую, надо полагать, форму трехъ валиковъ. Бронзовыя щечки, обыкновенной архаической формы, обхватываютъ желѣзный стержень клинка такъ плотно, что онѣ очевидно были отлиты по желѣзу.

Изъ разновидностей сибирскихъ бронзовыхъ кинжаловъ заслуживаютъ также вниманія *кинжалы съ вкладнями*. Такъ мы называемъ орудія, рукоятки которыхъ отливались не компактныя, а полыя, съ овальнымъ отверстіемъ на заднемъ концѣ, куда вкладывался другой миніатюрный кинжалъ, обыкновенно снабженный, вмѣсто ручки, фигуркой какого либо животнаго. Подобные вкладни чаще встрѣчаются на бронзовыхъ и мѣдныхъ ножахъ, но попадаются и на маленькихъ кинжалахъ. Въ нашемъ музеѣ имѣется всего одинъ такой экземпляръ, записанный въ каталогѣ подъ № 3186. Длина его 21 сант., въ томъ числѣ рукоятка 7 сант.; ширина клинка 2½ сант.; щечки въ видѣ лепестковъ, очень тонкія, 3 сант. ширины; рукоятка 1½—2 сант. ширины, съ полостью внутри и сквозною дирочкой на обѣихъ стѣнкахъ у задняго конца, на которомъ имѣется отверстіе въ видѣ поперечно-овальной щели, куда вставлялся вкладень. Дирочки назначаются для шпенька, коимъ удерживается вложенный въ рукоятку маленькій кинжалъ, также имѣющій дирочку вблизи головки. При поступленіи описываемаго экземпляра въ музей самый вкладень не былъ доставленъ, поэтому мы не можемъ приложить здѣсь его рисунка. Чтобы имѣть болѣе ясное представленіе о кинжалахъ этого типа, мы можемъ указать на рисунки ихъ въ атласѣ В. В. Радлова (изъ коллекціи Лопатина) на табл. X, №№ 10—12. Изъ нихъ на № 11 изображенъ и самый вкладень, нѣсколько приподнятый изъ рукоятки. Еще яснѣе этотъ предметъ представленъ въ полномъ его размѣрѣ у В. В. Радлова на политипажѣ, въ текстѣ описанія подобныхъ кинжаловъ, на стр. 60. На моихъ рисункахъ можно указать обломокъ вкладня (верхняя его половинка), изображенный на табл. XXI подъ № 6, въ нату-

ральную величину. Головку его составляетъ фигурка животнаго, повидимому, лошади, передній конецъ его обломанъ. Этотъ предметъ (изъ моей личной коллекціи) принадлежитъ къ случайнымъ находкамъ, потому трудно сказать составлялъ ли онъ вкладень кинжала, или ножа, такъ какъ у послѣднихъ вкладни имѣютъ одинаковую форму. Кинжалы со вкладнями обыкновенно имѣютъ небольшой размѣръ; рукоятка ихъ тоже маленькая. Поэтому можно думать, что они употреблялись не для военныхъ цѣлей, а для охоты. Вкладень въ этомъ случаѣ могъ служить для прикалыванія птицъ и мелкихъ звѣрковъ, если они, раненые стрѣлой, оставались еще живы. Вкладни у ножей, можетъ быть, служили для той же цѣли.

О прочихъ разновидностяхъ кинжаловъ я считаю излишнимъ распространяться. Варіанты ихъ, главнымъ образомъ, состоятъ въ формѣ рукоятокъ, иногда имѣющихъ видъ двухъ круглыхъ колонокъ, съ сквознымъ отверстіемъ между ними, иногда съ желобками на одной сторонѣ и перекладинками по концамъ этого желобка, иногда совершенно плоскихъ. Конецъ рукоятки тоже представлялъ нѣкоторое разнообразіе, то въ видѣ круглаго валика, то въ видѣ полукружія, кренделя, плоской пуговки или шляпки и т. под. Образчики этихъ формъ можно видѣть въ атласѣ Радлова на табл. IX—XI. Экземпляры Томскаго музея повторяютъ тѣже самыя формы.

Во время печатанія этого листа (25 авг 1897 г.) проф. Томскаго университета В. В. Сапожниковъ, возвратившійся изъ алтайской экспедиціи, доставилъ мнѣ экземпляръ мѣднаго кинжала, рукоятка коего отличается отъ прочихъ, имѣвшихся въ сибирскихъ музеяхъ. Конецъ ея представляетъ круглую фигуру, величиною въ большой грецкій орѣхъ, озображающую голову животнаго съ широко раскрытой пастью, повидимому медвѣдя. Въ открытыхъ челюстяхъ видны зубы; на тупой мордѣ обозначены двумя дирочками ноздри; на соотвѣтствующихъ мѣстахъ глазъ и ушей тоже имѣются сквозныя дирочки; форма головы, равно и всего кинжала, моделирована довольно грубо; клинокъ плоскій, 4 сант. ширины (конецъ его обломанъ), щечки въ видѣ прямоугольныхъ аляповатыхъ отростковъ. Этотъ экземпляръ найденъ близъ устья рѣки Тургунды (лѣвый притокъ Катуни), въ глубинѣ алтайскихъ горъ, верстахъ въ 30 отъ деревни Котанды, подъ корнями вывороченнаго бурей дерева. По типу своему этотъ мѣдный кинжалъ, съ головой звѣря на рукояткѣ, несомнѣнно принадлежитъ къ очень древнимъ. Сравнивая его аляповатую форму и грубую отливку съ обыкновенно встрѣчающимися изящными экземплярами кинжаловъ съ звѣриными орнаментами можно было бы даже отнести эту находку къ разряду первыхъ попытокъ примѣненія въ Сибири звѣринаго стиля къ украшенію орудій *).

*) Мѣстность, гдѣ былъ найденъ этотъ кинжалъ, лежитъ на вьючномъ пути съ р. Чуи на р. Котанду и Катунь. Деревня Котанда расположена въ замкнутой степи, до 8 верстъ

Скажемъ нѣсколько словъ о бронзовыхъ и мѣдныхъ кинжалахъ, имѣвшихъ не литую металлическую, а деревянную или костяную рукоятку. У нихъ клинокъ переходитъ въ болѣе или менѣе длинный плоскій стержень, видимо предназначавшійся для закрѣпленія въ особой рукояткѣ. Такихъ экземпляровъ встрѣчается не много. Въ нашемъ музеѣ ихъ всего три (№№ 2768, 3189 и 3190). Этотъ, можетъ быть, древнѣйшій типъ впослѣдствіи сталъ примѣняться къ кинжаламъ, у которыхъ рукоятка не отливалась вмѣстѣ съ клинкомъ, какъ одно цѣлое, а была отдѣльною частью, соединявшеюся съ клинкомъ тѣмъ или другимъ способомъ. По этому типу приготовлялись въ Сибири, но въ болѣе позднее время, желѣзные *кованые* кинжалы, коихъ въ Томскомъ музеѣ также имѣется достаточное количество.

Желѣзные *кованые* кинжалы отличаются отъ *литыхъ* бронзовыхъ и мѣдныхъ тѣмъ, что клинокъ ихъ значительно тоньше, вмѣсто щечекъ существуетъ особая перекладинка (эфесъ), а рукоятка, если она состояла изъ того же куска желѣза, обыкновенно была плоская и безъ всякихъ украшеній. Чаще, однакоже, она была приставная и насаживалась на стержень, идущій отъ клинка.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи архаическіе кинжалы встрѣчаются далеко не столь часто, какъ въ сибирскихъ областяхъ, и почти исключительно желѣзные. Въ ближайшей къ Уралу—Камской Болгаріи, гдѣ сибирская бронзовая культура доживала свой вѣкъ, изрѣдка встрѣчались бронзовые кинжалы сибирскаго типа, но уже болѣе упрощенные, безъ звѣриныхъ головокъ и другихъ затѣйливыхъ украшеній. Въ отчетѣ Императорской археологической коммиссіи за 1865 г. на стр. XIV указано на находки Лерха въ Ананьинскомъ могильникѣ, при чемъ о кинжалахъ сказано такъ: „Кинжалы и ножи сдѣланы изъ желѣза, рукоятки этихъ кинжаловъ, *иногда бывающія изъ бронзы*, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири". Въ книгѣ П. Полевого „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта" на стр. 48 можно видѣть рисунки нѣкоторыхъ Ананьинскихъ древностей, взятые изъ атласа, приложеннаго къ трудамъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ (см. тамъ таб. IV). Въ числѣ снимковъ Полево-

---

шириной, на которой въ различныхъ пунктахъ разбросаны древніе курганы, указывающіе на бывшія здѣсь поселенія. Въ долинѣ р. Чуи, въ 15 верстахъ отъ ея устья, В. В. Сапожниковъ нашелъ каменную бабу. Другой экземпляръ каменной бабы имъ же найденъ на высокомъ плоскогоріи Укекъ, въ двухъ верстахъ къ западу отъ таможеннаго пикета, въ 15—20 верстахъ отъ китайской границы, на горномъ трактѣ, ведущемъ къ китайскому пограничному столбу Улагимъ-даба. Каменныя бабы, какъ извѣстно, ставились преимущественно „на путяхъ". Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что существующія нынѣ въ глубинѣ Алтая вьючныя тропы имѣли тоже значеніе и въ древности (см. выше стр. 41). Присутствіе бабъ и курганныхъ могилъ невдалекѣ отъ мѣста нахожденія разсматриваемаго кинжала можетъ также служить доказательствомъ его древности.

го помѣщены четыре кинжала (№№ 14, 17, 18 и 19), изъ коихъ одинъ бронзовый (№ 17), остальные желѣзные (перечисленіе ихъ на стр. 167). Тѣ и другіе имѣютъ совершенно сибирскій типъ, но только безъ сложныхъ орнаментацій. Въ статьѣ Невоструева*) въ числѣ этихъ находокъ упоминается „кинжалъ желѣзный, клинокъ коего съѣденъ временемъ, а верхняя и нижняя часть рукоятки (вѣроятно, щечки и самая рукоятка) мѣдныя". Здѣсь же (на стр. 613) описывается „бронзовый кинжалъ искусной работы и хорошо сохранившійся, длиною около 12 дюймовъ, рукоятка 4 дюйма, клинокъ въ основаніи $^3/_4$ вершка". По химическому анализу оказалось, что составъ этой бронзы—мѣдь и олово, со слѣдами желѣза въ самой рудѣ. Такимъ образомъ, болгарскіе кинжалы, какъ и слѣдовало ожидать, оказываются вполнѣ родственными съ сибирскими, но только они моложе послѣднихъ. Родство культуръ здѣсь подтверждается и всѣми прочими древностями, какъ это мы отчасти видѣли уже выше при разсмотрѣніи кельтовъ, сѣкиръ, глиняныхъ, костяныхъ и каменныхъ издѣлій.

Въ скиѳскихъ могилахъ южной Россіи кинжалы тоже были находимы не рѣдко, но обыкновенно желѣзные, а не бронзовые, и большею частію вмѣстѣ съ желѣзными же мечами. Такъ напр., въ отчетѣ Императорской археологической коммиссіи за 1862 годъ на стр. XII сказано, что въ одномъ и томъ же курганѣ, около Керчи, найденъ желѣзный мечъ и желѣзный кинжалъ въ деревянныхъ ножнахъ. На стр. XIV того же отчета говорится о желѣзномъ кинжалѣ въ мѣдныхъ ножнахъ. На стр. XV упоминается „длинный мечъ въ желѣзныхъ ножнахъ, съ рукояткою, отъ которой сохранился круглый холцедоновый камень, съ золотою чашкою, украшенною 9 рубинами, и рядомъ съ нимъ короткій мечъ или кинжалъ". Тоже встрѣчается въ отчетѣ 1863 года, на стр. XII. Въ одной изъ Керченскихъ курганныхъ могилъ найдены покрытые ржавчиной желѣзные мечи, кинжалы и наконечники отъ стрѣлъ. Эта могила отнесена къ первому вѣку по Р. Х. Въ отчетѣ за 1865 годъ на стр. V, при описаніи раскопокъ кургана, такъ называемой, Большой Близницы, близъ села Стеблевки, на Таманскомъ полуостровѣ, упоминается о находкѣ большаго желѣзнаго меча, небольшаго желѣзнаго же кинжала и семи длинныхъ желѣзныхъ копій. По этимъ даннымъ, а равно и по другихъ находкамъ кинжаловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи можно видѣть, что европейскіе скиѳы любили это оружіе и употребляли его одновременно съ желѣзными мечами, появившимися съ давнихъ поръ у европейскихъ скиѳовъ, заимствовавшихъ это оружіе, вѣроятно, изъ классической Европы.

---

*) *Невоструевъ*. Ананьинскій могильникъ. Въ трудахъ перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869 г. Томъ второй, Москва. 1871 г. стр. 601 и 613.

Въ отчетахъ Императорской археологической коммиссіи не указывается, какого типа были кинжалы, найденные въ древнихъ скиѳскихъ могилахъ. Въ великолѣпномъ атласѣ, изданномъ тою же коммиссіею и иллюстрирующемъ пріобрѣтенныя находки по годамъ ихъ открытія, мы тоже не нашли рисунковъ упоминаемыхъ въ отчетахъ кинжаловъ, кромѣ художественной рукоятки меча, изображенной на табл. V № 2 отчета 1864 года. Для уясненія вопроса отчасти можетъ служить представленная на той же таблицѣ золотая обкладка отъ ноженъ этого самаго меча, на которой представлены боевыя сцены скиѳовъ съ эллинами Здѣсь мы видимъ оружіе скиѳовъ и грековъ, именно сѣкиры, копья и короткіе мечи или кинжалы. У тѣхъ и другихъ кинжалы одинаковаго рисунка. Судя по ихъ размѣрамъ, очертанію и формѣ клинка и рукоятки они имѣютъ много общаго съ бронзовыми сибирскими кинжалами. У грековъ это оружіе называлось ἀκινάκης или боевой обоюдоострый ножъ, который, по замѣчанію академика Стефани, игралъ столь важную роль у скиѳовъ и персовъ *). Типы сибирскаго бронзоваго оружія, какъ уже было сказано въ предъидущей главѣ, ведутъ свое начало изъ тѣхъ же странъ передней Азіи, поэтому не удивительно, что они въ общихъ чертахъ совершенно сходны съ оружіемъ Черноморскихъ скиѳовъ.

Рукоятка царскаго боеваго ножа, о которой мы только что упоминали, представленная на той же V-й табл. подъ № 2, въ натуральную величину, сдѣлана была изъ массивнаго золота. Конецъ ея имѣетъ форму двухъ, обращенныхъ въ противуположныя стороны, бычачьихъ головъ. Этотъ стиль соотвѣтствуетъ принципу звѣриныхъ украшеній на сибирскихъ кинжалахъ. На стволѣ рукоятки представлена охотничья сцена. Самый клинокъ былъ желѣзный, но онъ почти весь уничтоженъ ржавчиной. Вмѣстѣ съ этимъ царскимъ боевымъ ножемъ или короткимъ мечемъ въ той же могилѣ найдено пять желѣзныхъ мечей, не столь роскошной работы, можетъ быть принадлежавшихъ прислугѣ или свитѣ царя. Въ атласѣ они не показаны, но академикъ Стефани говоритъ, что въ главныхъ чертахъ рукоятки ихъ сходны съ рукоятками мечей, найденныхъ въ окрестностяхъ Керчи и изображенныхъ въ древностяхъ Босфора Киммерійскаго на табл. 27, подъ № 9. Въ атласѣ „древностей Геродотовой Скиѳіи“ (1872 г. вып. второй) три короткихъ меча представлены на табл. XI № 9, 12 и 14. Эти орудія вдвое длиннѣе обыкновенныхъ кинжаловъ и клинокъ ихъ значительно уже.

Сравнивая вообще боевое оружіе черноморскихъ скиѳовъ съ оружіемъ сибирскимъ и болгарскимъ, нельзя не видѣть, что то и другое имѣютъ об-

*) *Л. Стефани*, описаніе нѣкоторыхъ вещей, найденныхъ въ 1863 г. въ южной Россіи. Приложеніе къ отчету арх. ком. за 1864 г. стр. 173 и слѣд. Такіе же кинжалы изображены на таб. 1 атласа, относящагося къ отчету 1865 года, на золотыхъ пластинкахъ, представляющихъ сцены борьбы скиѳовъ съ грифами.

щую основу происхожденія, но дальнѣйшее развитіе ихъ шло разными путями. Скиоы черноморскіе въ этомъ отношеніи, естественно, подражали грекамъ, а ихъ сибирскіе сородичи, не имѣя передъ глазами классическихъ образцовъ, культивировали и совершенствовали по своему народному вкусу тѣ зачатки типовъ вооруженія, какіе они вынесли изъ Малой Азіи за много вѣковъ до Р. Х. Поэтому въ древнѣйшихъ черноморскихъ могилахъ не встрѣчается ни кельтовъ, ни бронзовыхъ сѣкиръ сибирскаго типа, ни тѣхъ характерныхъ бронзовыхъ кинжаловъ съ звѣриными головками на рукояткѣ, которые придаютъ сибирской бронзовой культурѣ особый оттѣнокъ. Сибирскіе типы появляются, на югѣ Россіи лишь въ болѣе позднее время, очевидно занесенные сюда съ востока, вѣроятнѣе всего въ связи съ распространеніемъ гунно-болгаръ.

Въ почтенномъ трудѣ графа А. А. Бобринскаго мы нашли описаніе кинжаловъ въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ. Въ первомъ томѣ его изданія «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы» на стр. 146 и 147 объ нихъ сказано такъ: «№ 21) Бронзовый кинжалъ съ бронзовою ручкою (черенкомъ) для насаживанія на древко. Листообразный, отличной сохранности. Найденъ въ пескахъ близъ деревни Думанцы». На табл. XVI, 7 представленъ рисунокъ этой находки. «№ 22) Другой такой же (бронзовый) кинжалъ. Найденъ на полѣ Николаевской экономіи». Рисунокъ его помѣщенъ на табл. VI, 12. Въ Томскомъ музеѣ я имѣю точный двойникъ этого кинжала подъ № 2768: таже форма, тотъ же плоскій валикъ по срединѣ, тотъ же черенокъ для рукоятки, идущій отъ утолщеннаго основанія клинка *). Совершенно ясно, что это орудіе сибирское, занесенное въ Украйну пришлыми воинами. Въ подстрочномъ примѣчаніи на той же страницѣ по поводу этихъ двухъ находокъ графъ Бобринскій пишетъ: «форма этихъ кинжаловъ очень типична. Я не встрѣчаю въ заграничныхъ изданіяхъ кинжаловъ совершенно подходящихъ по формѣ. У *Evans'a*, гдѣ очень подробно изслѣдованы различные типы бронзовыхъ кинжаловъ, только одинъ (fig. 254) имѣетъ нѣкоторое сходство съ моими. Такіе кинжалы встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ на югѣ Россіи».

На слѣдующей 147 стр. у графа Бобринскаго описываются желѣзные кинжалы, тоже изъ числа случайныхъ находокъ. Рисунки ихъ помѣщены на табл. VII подъ № 2 и 5. Называя ихъ короткими мечами, авторъ прибавляетъ: «Такіе же мечи встрѣчаются на югѣ Россіи. Они сдѣланы совершенно на подобіе бронзовыхъ мечей **) и кинжаловъ, встрѣчаемыхъ въ

*) Очень сожалѣю, что по мѣстнымъ условіямъ моего изданія не могу приложить здѣсь рисунокъ этого кинжала. Ни въ атласѣ Мартина, ни въ атласѣ Радлова такой формы кинжаловъ не показано.

**) Настоящихъ длинныхъ мечей, ни желѣзныхъ, ни бронзовыхъ, я ни разу не встрѣчалъ въ числѣ сибирскихъ доисторическихъ древностей, но короткій мечъ по русской терминологіи—тотъ же кинжалъ, о чемъ было уже сказано въ началѣ этого отдѣла.

могилахъ бронзоваго вѣка въ Сибири и въ Западной Европѣ». Рисунокъ 22 дѣйствительно представляетъ сходство съ бронзовыми сибирскими кинжалами по формѣ клинка и щечекъ въ видѣ двухъ овалов, сходящихся по срединѣ. Въ атласѣ Радлова такія щечки показаны на рис. 13 XI-й таблицы. Въ Томскомъ музеѣ имѣется нѣсколько такихъ же экземпляровъ щечекъ, напр. на № 1210. Бронзовые кинжалы изъ Ананьинскаго могильника, судя по вышеуказаннымъ рисункамъ, снабжены такими же щечками. Что же касается до рукоятки разсматриваемаго экземпляра графа Бобринскаго, то она сходствуетъ съ сибирскими же, но желѣзными типами. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ конецъ рукоятки съ завитками въ видѣ кренделя. Такихъ формъ въ нашемъ музеѣ имѣется нѣсколько, напр. №№ 3016 и 3017, повидимому, не слишкомъ древніе. Величина разсматриваемаго кинжала немногимъ больше нашего желѣзнаго № 3515, изображеннаго у насъ на табл. XV рис. 8. Второй желѣзный кинжалъ изъ коллекціи графа А. А. Бобринскаго (табл. VII, 5) тоже сходенъ съ сибирскими желѣзными типами, но онъ еще длиннѣе и массивнѣе.

Изъ западно-европейскихъ странъ только Венгрія даетъ кинжалы, болѣе или менѣе, напоминающіе сибиро-болгарскій типъ. Въ атласѣ *Гампеля* (l. c.) такой бронзовый экземпляръ изображенъ на табл. LXX, 6. Рукоятка его не приставная, а составляетъ одно цѣлое съ клинкомъ и оканчивается поперечнымъ валикомъ. Такой же кинжалъ на табл. XIX, 4. Въ прочихъ европейскихъ странахъ кинжалы существенно отличались отъ сибирскихъ тѣмъ, что рукоятка ихъ отливалась или выковывалась отдѣльно отъ клинка, прикрѣплялась къ нему особыми заклепками. Столь-же различны орнаменты и форма рукоятокъ, особенно задняго конца ихъ и щечекъ, что можно видѣть въ атласахъ европейскихъ древностей, напр. у *Ворсо* на стр. 32 и 33, у *Монтеліуса* на стр. 30, у *Линденшмита* на табл. 12, 14, 24 и 39, у *Кэмбля* на табл. 7, у *Еванса* на табл. 11, 12 и 13, у *Гампеля* на табл. 19. Объ украшеніяхъ въ звѣриномъ стилѣ на рукояткахъ и щечкахъ здѣсь нѣтъ и помину, да и весь фасонъ рукоятки совсѣмъ иной. Отсюда можно заключить, что кинжалы западной Европы, даже въ самое отдаленное время, развивались по другимъ образцамъ, нежели кинжалы сибирскіе и скиѳскіе, вѣроятнѣе всего по образцамъ римскимъ, не имѣя ближайшаго культурнаго родства ни съ азіатскимъ востокомъ, ни съ европейской Скиѳіей.

4) Копья, рогатины и сулицы.

Съ самой колыбели политическаго и гражданскаго быта, когда металлическое военное оружіе стало получать опредѣленную форму,—копье, наравнѣ съ мечемъ, лукомъ и стрѣлами, явилось въ числѣ основныхъ принад-

лежностей вооруженія. Воспоминаніе объ немъ встрѣчается въ эпическихъ сказаніяхъ и былинахъ почти каждаго народа; археологическіе слѣды этого оружія оказываются во всѣхъ странахъ, начиная съ древнѣйшихъ ископаемыхъ памятниковъ. Еще до ознакомленія съ металлами человѣкъ употреблялъ для защиты отъ враговъ простую палку съ заостреннымъ концомъ, или съ насаженнымъ на нее кускомъ кремня, рога или кости—это было примитивное копье. Въ безсмертной поэмѣ Гомера мечъ, дротикъ и копье являются обычнымъ рукопашнымъ оружіемъ, какъ у троянъ, такъ и у ахейцевъ. Вотъ напр. полныя реализма сцены существовавшаго тогда примѣненія этихъ смертоносныхъ орудій:

Тутъ прилетѣлъ поразившій Ѳракіецъ,
Пиросъ могучій, и пику вонзилъ средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся и мракъ осенилъ его (противника) очи.
Пироса бурнаго пикой ударилъ Ѳоа́съ Этоліецъ
Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика.
Быстро примчался Ѳоасъ Этоліецъ; могучую пику
Вырвалъ изъ персей Ѳракійца, и мечъ обнаживъ изощренный,
Въ чрево его по срединѣ ударилъ и душу исторгнулъ;
Сбруи-жъ похитить не могъ: обступила дружина, Ѳракійцы
Воины *съ чубомъ на маковкѣ* *), грозно уставивши копья.
(Иліада IV, 525—533).

Или въ другомъ мѣстѣ:
Грозный Аяксъ пикою въ рукопашъ грянулъ по мѣдноланитному шлему;
И разсѣлся шеломъ густогривый подъ мѣднымъ жаломъ,
Бывъ пораженъ и огромнымъ копьемъ и рукою могучей;
Мозгъ по Аякса копью побѣжалъ изъ главы раздробленной,
Смѣшанный съ кровью . . . . .
Гекторъ межъ тѣмъ на Аякса направилъ сіяющій дротикъ.
Тотъ, хоть и въ пору завидѣлъ, отъ быстронесущейся мѣди
Чуть уклонился.
(Иліада XVII, 294—298, 304—306).

Много столѣтій спустя, за 300—400 лѣтъ до Р. Х., точно наглядную иллюстрацію этой битвы изобразилъ греческій художникъ на вышеупомянутой золотой обкладкѣ ноженъ царскаго меча, найденнаго въ одной изъ скиѳскихъ могилъ (въ Чертомлыцкомъ курганѣ). Эта боевая сцена состоитъ

*) При описаніи Ѳракійскихъ воиновъ „*съ чубомъ на маковкѣ*“ невольно вспоминается обликъ русскаго князя Святослава и наши запорожцы.

изъ пяти группъ. Въ первой, по объясненію Стефани, противупоставлены другъ другу бородатый эллинъ и бородатый варваръ, очевидно, два предводителя. Первый изображенъ въ поножахъ, короткомъ хитонѣ и надѣтыхъ сверхъ этого хитона латахъ, съ мечемъ, прикрѣпленнымъ къ ремню и въ высокомъ шлемѣ. На предводителѣ варваровъ длинные штаны, короткая исподняя одежда съ рукавами и обычная у скиѳовъ, роскошно убранная, шапка. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ ненужный ему въ этотъ моментъ лукъ, а правою приподнялъ боевой ножъ и разсчитываетъ нанести имъ смертельный ударъ греку. Во второй группѣ представленъ эллинскій юноша, изнемогающій въ бою. Съ одной стороны къ нему подходитъ непріятель, на происхожденіе котораго ясно указываетъ обыкновенный костюмъ варваровъ. Держа обѣими руками копье, онъ только что намѣренъ нанести имъ смертельный ударъ юному своему противнику. Съ другой стороны пожилой грекъ спѣшитъ на помощь своему молодому товарищу. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ копье и щитъ, а правою дѣлаетъ послѣднюю попытку приподнять ослабѣвшаго товарища. Въ центрѣ третьей группы помѣщенъ молодой скиѳъ, подвергающійся нападенію со стороны непріятеля. Упавшій уже на колѣни, онъ защищается сѣкирой, ударъ которой грекъ отражаетъ щитомъ, занося въ тоже время правую руку съ короткимъ мечемъ, чтобы пронзить грудь своего противника. Съ другой стороны на помощь погибающему скиѳу подоспѣлъ верхомъ его товарищъ съ длиннымъ копьемъ въ правой рукѣ. Въ слѣдующей группѣ опять гибнетъ полулежащій на землѣ молодой грекъ, а варваръ обѣими руками схватилъ его за ногу, чтобы увлечь въ плѣнъ. Пятая группа изображаетъ молодого скиѳа, свалившагося съ скачущаго, прекрасно убраннаго, коня и лѣвою рукою ухватившагося за узду его *).

На этой прекрасной композиціи, полной движенія и жизненной правды, художникъ весьма отчетливо выразилъ и національный костюмъ грековъ и скиѳовъ и ихъ оружіе. Греки имѣютъ щиты и шлемы, скиѳы не имѣютъ ни щитовъ, ни шлемовъ; оружіе грековъ копья и короткіе мечи, сходные съ обыкновенными кинжалами, оружіе скиѳовъ—сѣкиры, кинжалы и копья. Копья представлены двухъ родовъ: короткія, съ широкимъ наконечникомъ и довольно толстымъ древкомъ, коими дѣйствуютъ пѣшіе воины, захвативъ ихъ въ обѣ руки, какъ рогатину, и длинныя, у наѣздниковъ, вродѣ нынѣшнихъ казачьихъ пикъ.

Все, что говорятъ намъ о древнемъ вооруженіи эпическія былины и сохранившіяся художественныя изображенія военныхъ сценъ, подтверждается прямыми вещественными памятниками. При раскопкахъ на мѣстѣ древней

*) Отчетъ Императорской археологич. коммиссіи за 1864 годъ, стр. 174—176. Рисунокъ на табл. V.

Трои и Микенъ Шлиманнъ нашелъ образчики бронзовыхъ наконечниковъ тѣхъ самыхъ копій и мечей, преданіе о которыхъ увѣковѣчено въ поэмахъ Гомера. Троянскія, наиболѣе древнія, копья нѣсколько отличались отъ греческихъ: онѣ не имѣли трубчатой втулки, а насаживались на ратовище (древко) помощію металлическаго стержня или черенка, составляющаго продолженіе широкаго основанія нижней части копья, подобно тому, какъ это показано на одномъ изъ нашихъ экземпляровъ на табл. XV, рис. 3 и 7. Греческія копья, напротивъ того, имѣли вмѣсто черенка болѣе или менѣе длинную трубку*).

Въ Иліадѣ Гомера, а затѣмъ и у всѣхъ греческихъ древнихъ авторовъ копья различаются двухъ родовъ: съ короткимъ и длиннымъ ратовищемъ. Первыя употреблялись не только для рукопашной борьбы, но и для бросанія въ непріятеля на разстояніи (метательныя или швырковыя копья, дротики). Этотъ способъ примѣненія копья существовалъ потомъ у всѣхъ европейскахъ народовъ, въ томъ числѣ и у древнихъ славянъ, какъ наслѣдіе древне-классической военной техники **).

Племена, развивавшіяся на началахъ общеарійской культуры, естественно должны были сохранить въ своемъ историческомъ наслѣдіи ту долю житейскихъ формъ, привычекъ и техническихъ производствъ, какую они вынесли изъ общаго источника. Національнымъ, несокрушимымъ и не изсякающимъ складомъ для этихъ культурныхъ запасовъ служатъ языкъ и археологическіе или историческіе памятники, коими опредѣляется и самая народность и ея племенное происхожденіе. Въ лексическомъ составѣ языка мы найдемъ живой отпечатокъ всѣхъ культурныхъ понятій, пережитыхъ народомъ съ колыбели его самосознанія,—въ вещественныхъ и историческихъ памятникахъ увидимъ степень устойчивости усвоенныхъ національныхъ элементовъ. Примѣняя эти критеріи къ разсматриваемому нами оружію, мы будемъ имѣть точку опоры для оцѣнки археологическихъ фактовъ, какъ слѣдовъ національной жизни.

Выше мы упомянули, что метательныя и ратоборныя копья существовали во время троянской войны. Послѣ того мы ихъ видимъ у черноморскихъ скиѳовъ и у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ, имѣвшихъ непосред-

*) Schliemann, Ilios, стр. 530—532, 563, 565, 675. (Рис. 1424). Способъ черенковой насадки наконечниковъ оружія, повидимому, можно вообще считать болѣе древнимъ, сравнительно съ втулочнымъ. Идея черенка взята отъ каменныхъ и костяныхъ орудій (топоровъ стрѣлъ, копій), втулка же появилась позднѣе, какъ болѣе усовершенствованный способъ для укрѣпленія древка.

**) Довольно подробное и обстоятельное разсужденіе о формѣ оружія европейскихъ народовъ отъ начала среднихъ вѣковъ, основанное на историческихъ данныхъ, изложено въ трудѣ *Линденшмита* (Die Vaterländischen Alterthümer. Mainz 1869). О копьяхъ временъ Меровинговъ см. стр. 17—20, 122—124. Здѣсь же на соотвѣтствующихъ таблицахъ помѣщены рисунки оружія, не бронзоваго, конечно, а желѣзнаго.—Форма копій, однакожъ, въ большей части случаевъ оказывается весьма близкой къ нашимъ бронзовымъ типамъ.

ственную связь съ древней классической культурой. Поэтому и въ славянскомъ племени, какъ принадлежащемъ къ той же европейской семьѣ, они должны были существовать съ тѣхъ-же далекихъ временъ. Нашъ языкъ и исторія даютъ тому полное подтвержденіе.

Въ русскомъ языкѣ существуютъ слѣдующія разновидности названій этого оружія: копье, рогатина, сулица, дротикъ, бердышъ. Всѣ они принадлежатъ къ числу, если не коренныхъ, то во всякомъ случаѣ весьма древнихъ славянскихъ словъ, за исключеніемъ, можетъ быть, послѣднихъ двухъ. Слѣдовательно, это орудіе было у насъ незаимствованное изъ Европы, а издревле существовавшее. Древность славянскаго названія *копья* видна изъ того, что тоже самое слово существуетъ во всѣхъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а также въ мадьярскомъ языкѣ. Венгры, по всей вѣроятности, усвоили это слово отъ славянъ еще за Волгою, до переселенія на Дунай. Происхожденіе этого слова Рейфъ сопоставляетъ съ персид. *kaub* и съ греч. κοπις, что значитъ обоюдоострый ножъ, кинжалъ, отъ κοπτειν рубить, вонзать, κόπανον мечъ. Въ родствѣ съ этими словами стоятъ древне сѣв. герм. *scapt*, древ. верхненѣм. *scaf-t*, нѣм. *schaft* копье и славян. копать. Въ Остромировомъ евангеліи слово копье употребляется не въ смыслѣ ножа или кинжала, а именно настоящаго длиннаго копья (λόγχη). Слѣдов. въ XI в. это слово уже существовало у насъ въ опредѣленномъ русскомъ значеніи. Въ отличіе отъ *пики* (литов. *pikis*, нѣмецк. *Picke*, франц. *pique*, персид. *péikan*), копьемъ называлось преимущественно плоское широконерое, ланцетовидное или листообразное оружіе, насаженное на длинное ратовище, а не круглое или граненое въ видѣ штыка.

Рогатиной называлось тоже широкое, плоское, на обѣ стороны острое копье, но имѣвшее не столь длинную и болѣе толстую рукоятку (скѣпище, ратовище). Рогатины были боевыя, употреблявшіяся пѣшими воинами, и охотничьи, съ которыми ходили на медвѣдей. Первыя имѣли между тульею (длинной трубкой для древка, или втулкой) круглый шаръ или яблоко, а вторыя были снабжены у тульи особыми отрогами или перекладинками. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ годомъ 6657 сказано: „Единъ отъ Нѣмчичь видѣвъ и (князя Андрея Георгіевича), хотѣ просунути рогатиною, но Богъ сблюде и“ *). Названіе рогатины по всей вѣроятности взято отъ слова рогъ (у животныхъ), который, можетъ быть, когда-то употреблялся взамѣнъ копья, насаженный на древко. Выше при разсмотрѣніи боевыхъ сценъ, воспроизведенныхъ художникомъ на золотой пластинкѣ отъ ножновъ скиѳскаго меча (изъ Чертомлыцкаго кургана), мы видѣли, что скиѳы имѣли

*) Полн. собр. Русск. лѣтоп. т. 1, стр. 140. *Савваитовъ*, описаніе царскихъ утварей, стр. 252.

двоякаго рода копья—короткія, рукопашныя, для пѣшихъ воиновъ, и длинныя для всадниковъ. Въ послѣдующемъ русскомъ вооруженіи первымъ соотвѣтствовали наши рогатины, а вторымъ собственно широкоперыя копья и пики.

Кромѣ копья и рогатины, въ древнеславянскомъ языкѣ существовало еще слово *сулица*. Такъ называлось ручное и метательное копье съ коротким ратовищемъ. Объ этомъ оружіи въ лѣтописи говорится такъ: „Вземъ *сулицу* въ руки и прободе обоихъ". „Видивъ брата добрѣ борющася, сулицы его кровави суща и оскепищу (ратовищу) изсѣчену отъ ударенія мечеваго". „Ляхомъ же крѣпко борюще и *сулицами мечюще* и головнями" (Даль). Происхожденіе этого слова ставятъ въ связь съ санскр. *çula* копье. По этому производству сулицу можно считать однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ существовавшихъ копьевыхъ орудій у славянъ *).

Несомнѣнная древность, разнообразіе и, до извѣстной степени, самобытность существующихъ въ русскомъ языкѣ словъ, относящихся къ оружію, ясно показываютъ, что славянская культура въ этомъ отношеніи имѣетъ очень глубокіе и притомъ общіе съ классической Европой корни. Сопоставляя это съ археологическими данными, мы видимъ, что и форма древняго славянскаго оружія въ основѣ своей была таже самая, какая была унаслѣдована средневѣковой Европой отъ классическихъ временъ. Это единство типовъ и даже детальныхъ очертаній въ особенности обнаруживается на копьяхъ, менѣе всего измѣнившихъ свою структуру, начиная отъ Гомеровскихъ временъ и до введенія огнестрѣльнаго оружія. Потому наши сибирскія находки этихъ предметовъ, по формѣ весьма близкія съ древнеевропейскими, могутъ имѣть весьма поучительное значеніе при разъясненіи вопроса о древнемъ сибирскомъ населеніи.

Бронзовые и мѣдные наконечники копій въ Сибири встрѣчаются не часто. Въ Томскомъ музеѣ ихъ имѣется всего шесть экземпляровъ и въ моей личной коллекціи одинъ экземпляръ. Въ атласѣ В. В. Радлова на табл. XIX представлено шесть бронзовыхъ копій изъ коллекціи Ин. А. Лопатина (преимущественно изъ Минусинскаго округа) и въ Минусинскомъ музеѣ ихъ имѣется штуки 4 или 5 (атласъ Мартина, табл. 25). Такое, сравнительно, рѣдкое нахожденіе бронзовыхъ копій можно объяснить тѣмъ, что они, вѣроятно, не составляли предмета общаго вооруженія, какъ короткій мечь (кинжалъ) и топоръ (кельтъ), а служили принадлежностью пред-

*) Части полнаго копья по древне-русской терминологіи назывались такъ: а) *перо*—это острая грань, или боковыя ребра, иначе крылья, идущія отъ втулки и сливающіяся въ остромъ переднемъ концѣ. б) *Тулея*—болѣе или менѣе длинная трубка, въ которой закрѣплялась деревянная рукоятка. в) *Яблоко*—шарикъ при соединеніи пера и тулеи. г) *Ратовище*—длинное древко, рукоятка. д) *Подтокъ*—металлическая оковка на туномъ концѣ ратовища.

водителей или выдающихся воиновъ. Отчасти при этомъ можно имѣть въ виду и то обстоятельство, что одновременно съ бронзовыми копьями употреблялись и желѣзныя, не столь долговѣчныя въ смыслѣ археологическаго матеріала. Желѣзныхъ архаическихъ копій въ Томскомъ музеѣ также имѣется нѣсколько штукъ.

Бронзовыя сибирскія копья можно раздѣлить на два вида или типа: 1) съ черенкомъ для насаживанія на ратовище и 2) съ тульей или трубчатою втулкою. Первый изъ этихъ типовъ можно считать болѣе примитивнымъ и болѣе древнимъ (по идеѣ насадки копья), второй болѣе усовершенствованнымъ и существующимъ до сего времени. Всѣ бронзовыя копья принадлежатъ къ числу широкоперыхъ (или широколистныхъ). Узкоперыхъ, трехъ или четырехгранныхъ или круглыхъ пикъ между ними не встрѣчается. По отсутствію древка (ратовища) трудно судить, который изъ наконечниковъ служилъ длиннымъ копьемъ коннаго воина, который рогатиной или сулицей. Нѣкоторыя догадки по этому поводу мы выскажемъ при частномъ описаніи извѣстныхъ намъ экземпляровъ. Начнемъ съ Томскаго археологическаго музея.

№ 1219. Плоское литое копье изъ желтой мѣди (латуни), 18 сант. длины и 5 сант. ширины, съ замѣтнымъ утолщеніемъ по срединѣ въ видѣ продольнаго ребра, отъ котораго идутъ плоскіе скаты (грани) къ тому и другому краю. Края на всемъ ихъ протяженіи очень остры. Задняя часть наконечника значительно утолщена (около $1^1/_2$ сант.); отъ нея идетъ отлитый изъ того же куска металла четырехгранный отростокъ (черенокъ) $1^1/_2$ сант. ширины и 0,7 сант. толщины, назначенный для укрѣпленія въ ратовищѣ. Длина этого черенка неизвѣстна, такъ какъ онъ у основанія оборванъ. Найдено въ Барнаульскомъ округѣ. Доставлено въ музей въ 1882 году горнымъ исправникомъ Некрасовымъ. Рисунокъ этого копья помѣщенъ на табл. XV подъ № 3. На той же таблицѣ подъ № 7 изображенъ обломокъ такого же копья (задняя его часть и черенокъ, тоже не цѣльные), длиной 8 сант., ширина лезвія 5 сант. Найденъ въ той же мѣстности. Въ каталогѣ музея значится подъ № 1220. Подобнаго типа сибирскихъ копій не оказывается ни въ атласѣ В. В. Радлова, ни въ атласѣ Мартина. Въ рисункахъ европейскихъ древностей я ихъ тоже не встрѣчалъ. По формѣ своей нашъ экземпляръ болѣе всего сходствуетъ съ древне-русскимъ боевымъ плоскимъ копьемъ, или рогатиной. Черенковый способъ укрѣпленія его на ратовищѣ, повидимому, оказывался мало практичнымъ, такъ какъ черенокъ при своей незначительной толщинѣ легко могъ обламываться, что доказываютъ и наши экземпляры. Поэтому, быть можетъ, подобныя копья выдѣлывались рѣдко, будучи вытѣсняемы тулейными или втулочными. Въ вышеприведенной ссылкѣ на раскопки Шлиманна мы уже упоминали, что мѣдныя и бронзовыя копья съ черенкомъ были найдены въ древнѣйшихъ

слояхъ Гассирлака, тогда какъ найденныя въ Микенахъ и въ верхнихъ слояхъ троянскаго холма греческія орудія того же рода имѣли уже втулку. Можетъ быть и наши бронзовыя копья съ металлическимъ черенкомъ служили отчасти подражаніемъ Троянскимъ образцамъ *). Умѣстность такой догадки я основываю на данныхъ, изложенныхъ въ концѣ предъидущей главы (стр. 381—397).

№ 4315. Это бронзовое копье, рисунокъ котораго помѣщенъ на табл. XV подъ № 6, болѣе всего сходствуетъ по своей формѣ съ древними греческими и скиѳскими—черноморскими. Признаками сходства я считаю круглую, не очень длинную втулку, продолжающуюся въ видѣ полаго, довольно крупнаго валика по всей длинѣ копья, почти до самаго передняго конца, и не широкія крылья, идущія по ту и другую сторону этого валика. Троянское (лидійское) копье, изображенное Шлиманномъ на стр. 675 Ilios'a имѣетъ также узкое перо и короткую тулью, представляя почти цилиндрическій, слегка вздутый по срединѣ, удлиненный конусъ. У грековъ 3—4 стол. до Р. Х. и у черноморскихъ скиѳовъ, судя по рисункамъ, крылья копій были нѣсколько шире троянскихъ и перо у нихъ обозначалось отчетливѣе. Желѣзныя копья изъ скиѳскихъ кургановъ также были узкоперыя, подобно нашему описываемому бронзовому экземпляру, но тулья ихъ значительно длиннѣе.

Разсматриваемый нами наконечникъ копья имѣетъ 21 сант. длины, въ томъ числѣ втулка 5,5 сант.; впрочемъ, она не заканчивается у начала пера, а постепенно истончаясь, продолжается по длинѣ орудія, образуя по срединѣ его выдающійся полый валикъ. Острые края (или перо) тоже не рѣзко отдѣляются отъ тульи, а послѣ незначительнаго расширенія по срединѣ, сливаются съ нею почти въ одну линію. Тулья круглая, имѣетъ 3 сант. въ діаметрѣ. Ширина пера 4 сант. По сторонамъ втулки имѣются параллельныя круглыя дирочки для закрѣпленія ратовища гвоздемъ. Въ полости втулки сохранилась деревянная гнилушка—остатокъ древка. Это копье найдено *С. К. Кузнецовымъ* въ одной изъ могилъ бронзоваго вѣка въ Томскомъ могильникѣ, близъ лагерей.

Въ имѣющихся у меня атласахъ западно-европейскихъ древностей бронзовыя копья, соотвѣтствующія описанному нашему экземпляру, изображены у *Гампеля* на табл. XXVI, 8 и CIX, 6; у *Эванса* на табл. XII, I, и на табл. XVII, I, у *Монтеліуса* на стр. 52 № 173 и 174.

№ 2591. Наконечникъ копья, вылитый изъ красной мѣди; продолговато-овальной формы. Длина его 12 сант., ширина 4,5 сант., по срединѣ

*) Судя по рисункамъ Шлиманна, помѣщеннымъ на стр. 530 и 565 Ilios'a, Троянскіе наконечники бронзовыхъ копій были съ такимъ же черенкомъ и утолщеніемъ по срединѣ, но они были уже описаннаго нами Томскаго экземпляра.

плоскаго пера находится овальная прорѣзь, по длинѣ которой проходитъ четырехгранное полое ребрышко, продолжающееся, въ видѣ едва замѣтнаго валика, до самаго конца копья. Тулья круглая, въ діаметрѣ 2 сант., глубины около 4 сант.; постепенно суживаясь, она продолжается внутрь вышеупомянутаго ребра между овальными прорѣзями. Для закрѣпленія древка на ней имѣются двѣ сквозныхъ круглыхъ дирочки для гвоздя. Найдено въ старыхъ отвалахъ золотоносныхъ розсыпей по сосѣдству Катанъ-Карагая, по рѣчкѣ Берель, на пріискѣ Никонова, на глубинѣ $4^1/_2$ аршинъ отъ поверхности земли. Доставлено въ музей въ 1888 г. Рисунокъ его помѣщенъ на табл. XV подъ № 4.

Судя по небольшой величинѣ наконечника и по малому размѣру тульи, можно полагать, что древко этого копья не должно быть очень длиннымъ. По этому я склоненъ принимать его за метательное копье или сулицу. Оно представляетъ большой интересъ не столько по величинѣ, сколько по своимъ характернымъ овальнымъ прорѣзямъ. Такая оригинальная форма встрѣчается на бронзовыхъ копьяхъ Западной Европы, и это обстоятельство даетъ поводъ думать, что между ними должно было существовать культурное родство. Наконечники этого самаго типа, но только значительно длиннѣе, мы находимъ въ атласѣ *Эванса* на табл. XIX, №№ 1, 2 и 3. Тулья, въ видѣ постепенно суживающейся трубки, здѣсь также проходитъ между овальной прорѣзью расширенной нижней части пера, какъ и въ нашемъ экземплярѣ. Въ № 3, кромѣ овальной прорѣзи, сверху и снизу ея имѣется съ каждой стороны еще по пяти маленькихъ круглыхъ дирокъ, симметрично расположенныхъ. Эти копья найдены были въ Британіи (первое въ графствѣ Нортумберландъ, второе близъ Кембриджа, третье въ Шотландіи). Точно такіе же рисунки копій съ прорѣзями помѣщены на табл. VI, № 16 и 23 въ сочиненіи *Кэмбля* (Horae ferales) на стр. 151. Мѣстомъ находки ихъ обозначена Ирландія. При ограниченности нашихъ литературныхъ пособій, я не нашелъ другихъ указаній на находки подобнаго типа копій на западѣ, но и приведенныхъ ссылокъ достаточно, чтобы допустить предположеніе о переносѣ этого типа копій въ Британію и Ирландію изъ Западной Сибири, можетъ быть, кельтами. Мы допускаемъ такое передвиженіе съ востока на западъ, а не наоборотъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что наше копье было найдено въ древнихъ отвалахъ золотоноснаго пласта на значительной глубинѣ, слѣдовательно время появленія его здѣсь должно быть отнесено къ тому далекому скиѳскому періоду золотоискателей, о которомъ сохранились извѣстныя легенды у древнихъ греческихъ писателей. Да и внѣшность нашего мѣднаго копья указываетъ на болѣе глубокій архаизмъ, сравнительно съ британскими находками. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ Сибири типъ этого копья встрѣчается очень рѣдко. Кромѣ нашего экземп-

ляра, точно такой же типъ мѣднаго копья, но болѣе крупныхъ размѣровъ, имѣется въ музеѣ Уральскаго общества, въ Екатеринбургѣ. Въ Минусинскомъ музеѣ такого типа копій, кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я не нашелъ его ни въ атласѣ Радлова, ни у Мартина.

№ 3191. Этотъ экземпляръ копья отличается еще большей оригинальностью, чѣмъ предъидущій. Къ сожалѣнію, я не включилъ его въ число моихъ рисунковъ, но типъ его, довольно распространенный въ Сибири, можно видѣть въ атласѣ В. В. Радлова на табл. XIX подъ № 7, 8 и 9, а въ атласѣ Мартина на табл. XXV, № 2, 4 и 6. Всѣ эти экземпляры, и нашъ въ томъ числѣ, оказываются не полными, а сломанными, представляя одну переднюю половину. Поэтому весьма трудно судить, какимъ способомъ они прикрѣплялись къ древку. Соображенія, высказанныя по этому поводу В. В. Радловымъ на 110 стр. его объяснительнаго текста (томъ 1, вып. 3) мнѣ представляются не вполнѣ удовлетворительными. Въ данномъ случаѣ для древка должны были существовать какія либо приспособленія, вродѣ втулки или черенка, въ нижней части копья, которой недостаетъ въ сохранившихся экземплярахъ.

Обломокъ нашего копья № 3191 имѣетъ $14^1/_2$ сант. длины и 4,3 сант. ширины, отлитъ изъ красной мѣди, довольно грубой работы. Передняя часть его на протяженіи 9 сант. имѣетъ видъ обыкновеннаго копья или широкаго кинжала съ выдающимся острымъ калькомъ или гребнемъ, идущимъ вдоль по срединѣ наконечника, до самаго передняго конца. Остальная (задняя) часть обломка, 5 сант. длины, раздваивается на двѣ пластинки, въ 2 сант. ширины каждая, между которыми остается пустое пространство, шириною въ сантиметръ, вверху нѣсколько уже. Срединный гребень передняго компактнаго конца теряется при началѣ этого раздвоенія, опускаясь въ эту щель отлогими скатами. Въ этомъ пунктѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ излома или бывшаго стержня. Въ такомъ же видѣ представлены обломки этихъ копій на рисункахъ В. В. Радлова (№ 7 и 8). Раздвоенныя пластинки на нашемъ экземплярѣ очень тонки и хрупки, въ изломѣ слегка поздреваты (вслѣдствіе нечистоты металла). Поэтому онѣ представляли при ударѣ копьемъ очень слабое противодѣйствіе, сравнительно съ переднимъ концомъ, и копье должно было ломаться именно въ этой части. Въ экземплярахъ Радлова и въ нашемъ изломъ той и другой пластинки оказывается не на одной высотѣ—одна выше, другая ниже. Тоже и въ атласѣ Мартина. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, не согласуется съ предположеніемъ В. В. Радлова, будто, эти пластинки или крылья непосредственно вколачивались въ деревянное древко. Въ такомъ случаѣ изломъ ихъ былъ бы на одной высотѣ, на уровнѣ съ деревомъ. Мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что всѣ копья этого типа, дошедшія до насъ

въ неполномъ видѣ, представляли собой нѣкоторое подобіе вышеописаннаго копья № 2591, т. е. имѣли на своемъ клинкѣ сквозную прорѣзь въ видѣ продолговато-овальной щели, ниже которой должны были начинаться либо втулка, либо черенокъ для ратовища, коихъ въ сохранившихся экземплярахъ не достаетъ. Разница ихъ съ предъидущимъ копьемъ, стало быть, могла состоять въ формѣ прорѣзи (болѣе узкой) и въ томъ, что чрезъ нее не была пропущена истончающаяся трубка отъ тульи, какъ въ № 2591. По этой причинѣ, не имѣя срединнаго стержня, описываемое копье оказалось непрочнымъ, верхній конецъ его постоянно обламывался. Такой недостатокъ орудія указываетъ на его примитивную форму, что отчасти подтверждается и грубостью его отливки и дурнымъ качествомъ мѣди.

№ 1221. Трехперый дротикъ. Рисунокъ его на табл. XV, 5. Этотъ экземпляръ бронзоваго копья, очень изящный по формѣ и качеству отливки, имѣетъ 18 сант. длины, въ томъ числѣ круглая коническая трубка (тулья) 10 сант. Просвѣтъ тульи у входа 2 сант. въ діам., по бокамъ ея съ трехъ сторонъ симметрично расположено вдоль по три дирочки, каждая величиной въ гусиное перо. Полая трубка доходитъ почти до самаго конца копья, въ видѣ истончающагося конуса. Отъ нея въ верхней трети отходятъ три выдающихся ребра или острыя грани, соотвѣтствующія перу копья, длиной по 8 сант., шириной у основанія 1 сант. Судя по небольшому размѣру втулки и всего орудія, можно предполагать, что этотъ наконечникъ служилъ для метательнаго копья или сулицы. Судя по пропорціональности формъ и изяществу отливки, его можно отнести къ цвѣтущему періоду бронзовой эпохи въ Сибири. Мѣсто нахожденія его въ точности не опредѣлено — либо въ Барнаульскомъ, либо въ Минусинскомъ округѣ. Доставлено въ музей въ 1883 г. Директоромъ Томскаго реальнаго училища Тюменцевымъ.

Въ атласахъ Радлова и Мартина я не нашелъ такихъ экземпляровъ копья, но эта форма была, повидимому, довольно обычна на западѣ, именно для метательныхъ копій. По археологическимъ атласамъ, большею частію безъ подробнаго объяснительнаго текста, однако же, невсегда можно судить, имѣли-ли эти, сходныя по внѣшней формѣ съ нашимъ экземпляромъ, сулицы два узкихъ пера, или три, какъ въ нашемъ случаѣ.

Помѣщенный на табл. XV, № 2 рисунокъ бронзоваго копья, полученнаго мною изъ Каинскаго округа, Томской губерніи, представляетъ типъ очень распространенный въ Западной Европѣ, встрѣчающійся также и въ Восточной Сибири. Перо его имѣетъ широкую, плоскую, листовидную форму. Тулья круглая, коническая, довольно длинная, въ нижней части орнаментирована пояскомъ изъ трехъ выпуклыхъ валиковъ и снабжена съ одного бока небольшимъ ушкомъ, вѣроятно, для привѣшиванія кисти или значка. Ниже ушка имѣются съ той и другой стороны круглыя дирочки для

закрѣпы ратовища. По срединѣ пера, начиная отъ тульи до передняго конца, проходитъ съ той и другой стороны рѣзко выдающееся ребро, а въ задней части по сторонамъ его идутъ на небольшомъ протяженіи еще два ребрышка. Перо плоское, безъ скатовъ, на всемъ протяженіи очень острое. Въ нижней части оно значительно расширяется и сливается съ тульей въ видѣ полукружія. Длина всего наконечника 26½ сант., ширина пера въ основаніи 7 сант., длина тульи 9 сант., глубина ея трубки 11 сант., діаметръ входнаго отверстія 3 сант. Отлито изъ золотистой бронзы, безъ слѣдовъ окисленія или патины. Отливка тщательная, тонкая. Самый конецъ копья нѣсколько погнутъ, съ одной стороны даже надломленъ на разстояніи 2 сант. отъ вершины. Ратовище этого копья, очевидно, было длинное и довольно толстое, судя по размѣрамъ втулки. Его могли употреблять и пѣшіе и конные воины, но для метательнаго орудія оно едва-ли было пригодно по своимъ крупнымъ размѣрамъ.

Въ атласѣ В. В. Радлова на табл. XIX № 10 изображено совершенно такое же бронзовое копье съ обломаннымъ концомъ. Фасонъ его настолько сходенъ съ нашимъ, что то и другое точно были приготовлены по одной отливочной формѣ. Въ Западной Европѣ подобныя листовидныя, широкоперыя копья съ длинною коническою тульей встрѣчаются довольно часто.

Желѣзныхъ архаическихъ копій въ Томскомъ музеѣ имѣется пять, но изъ нихъ только у одного извѣстно въ точности мѣсто его нахожденія, именно въ одной изъ курганныхъ могилъ Чувашскаго мыса. Оно записано въ каталогѣ музея подъ *№ 1368*. Рисунокъ его помѣщенъ на табл. XV № 1. Длина этого копья 30 сант., въ томъ числѣ коническая тулья 15 сант., ширина пера въ нижней части 5 сант., діаметръ втулки во входѣ 4 сант. Внутри втулки сохранился слой перегнившаго, пропитаннаго желѣзною окисью дерева. Этотъ экземпляръ носитъ на себѣ явственные признаки бронзоваго типа, состоящіе въ томъ, что трубка его тульи не оканчивается у начала клинка, а постепенно истончаясь, продолжается почти до половины протяженія послѣдняго, образуя по срединѣ пера съ той и другой стороны довольно крупный валикъ, переходящій на концѣ клинка въ выдающееся компактное ребро. Отъ срединнаго валика и ребра идетъ въ ту и другую сторону, едва замѣтнымъ скатомъ, острое перо, въ данномъ случаѣ не особенно широкое. При такомъ устройствѣ, утолщенный по срединѣ клинокъ получаетъ достаточную крѣпость, чтобы не согнуться или не переломиться во время сильнаго удара, а древко, глубоко загнанное въ тулью и отчасти проникающее въ нижнюю треть клинка, держится очень прочно и съ своей стороны подкрѣпляетъ полую трубку пера. По этому типу отливались почти всѣ бронзовые наконечники копій, имѣвшіе втулку, а не черенокъ для ратовища. При этомъ основномъ пріемѣ отливки, детальное

разнообразіе бронзовыхъ копій, въ Сибири и въ Западной Европѣ, состояло лишь въ видоизмѣненіи формы крыльевъ клинка, то широкихъ листовидныхъ, то ланцетовидныхъ, болѣе узкихъ или короткихъ, то съ прорѣзями или выемками по краямъ, то съ идущими отъ срединной трубки тремя перьями, какъ въ нашемъ номерѣ 1221.

Желѣзныя копья описаннаго архаическаго типа встрѣчаются не рѣдко между древностями Европейской Россіи. Во второмъ томѣ трудовъ графа *А. А. Бобринскаго* (курганы близъ мѣстечка Смѣлы) на табл. XXV, фиг. 6 и 7 изображены два такихъ копья, найденныя въ одной изъ могилъ близъ хутора Поповки. Форма ихъ весьма сходна съ нашимъ Тобольскимъ экземпляромъ (№ 1368). Могилу, гдѣ они были найдены, авторъ относитъ къ т. н. Сарматскому періоду или къ переходной эпохѣ древнескиѳской культуры къ новымъ азіатскимъ образцамъ (стр. 174). Вся совокупность находокъ изъ этого могильника указываетъ на то, что эта новая культура стояла въ прямой связи съ сибирскими типами (бронзовыя круглыя зеркала безъ ручки, броня изъ костяныхъ пластинокъ, изобиліе амулетовъ, просверленныхъ клыковъ и т. под.). Точно такія же копья найдены были В. Н. Ястребовымъ въ Лядинскомъ могильникѣ Тамбовской губерніи. Въ его вышецитированномъ трудѣ рисунки ихъ помѣщены на табл. X, 8 и 33. Какъ находки графа Бобринскаго говорятъ за переносъ сибирской культуры въ южную Россію, въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., такъ и Лядинскія древности въ ихъ совокупности подтверждаютъ туже мысль, но въ примѣненіи къ болѣе поздней эпохѣ. Содержимое Лядинскаго могильника есть основаніе относить къ X—XI столѣтіямъ послѣ Р. Х. (Ястребовъ, стр. 55). Потому эти находки уже получаютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, историческую цѣну. Онѣ показываютъ, что занесенные изъ Сибири въ первыхъ вѣкахъ нашей эры культурные типы не представляли у насъ явленія временнаго и случайнаго, а продолжали существовать въ русскомъ обиходѣ въ теченіи многихъ вѣковъ, до историческаго времени. Очевидно, этотъ фактъ необходимо поставить въ связи съ народностью и разсматривать его по отношенію не къ одной Тамбовской губерніи, но и всѣхъ русскихъ областей, гдѣ встрѣчаются подобные типы. При такомъ болѣе широкомъ кругозорѣ, едва-ли найдется основаніе утверждать, что древности Лядинскаго могильника должны принадлежать предкамъ нынѣшней мордвы, какъ это высказывали *Аспелинъ* *) и И. Н. *Смирновъ* **).

Кромѣ описаннаго, несомнѣнно архаическаго, желѣзнаго копья, въ музеѣ Томскаго Университета имѣется еще до десятка желѣзныхъ наконеч-

*) *Aspelin.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien Livraison III, antiquités Morduines, Mériennes et Tschoudes. 1878. Изображеніе копій на стр. 186. №№ 850—853.

**) *Смирновъ.* Мордва. Изв. общ. арх., истор. и этн. при Импер. Казан. универ. т. X, вып. 2, стр. 179.

никовъ копій, но я не буду описывать ихъ въ частности. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. №№ 1506, 3037, 3038, 4451 имѣютъ явственную архаическую форму, особенно первые два номера, но они принадлежатъ къ случайнымъ находкамъ и на столько хорошо сохранились, что трудно сказать къ какой эпохѣ они могли относиться. Извѣстно, что древніе типы нерѣдко повторяются въ туземныхъ издѣліяхъ болѣе новыхъ временъ. У всѣхъ этихъ копій полость втулки не распространяется въ нижнюю треть пера и на послѣднемъ нѣтъ выдающагося валика, но существуетъ утолщеніе по срединѣ, отъ котораго крылья пера идутъ на два ската. Въ атласахъ западныхъ древностей рисунки такихъ копій встрѣчаются нерѣдко, но мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь эти сопоставленія, тѣмъ болѣе, что намъ не удалось своевременно заготовить рисунковъ съ нашихъ экземпляровъ, по которымъ можно было бы дѣлать сравненіе.

5) *Стрѣлы.*

Лукъ и стрѣлы принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ и самыхъ распространенныхъ орудій. Будучи еще дикаремъ, человѣкъ придумывалъ средства поражать непріятеля на разстояніи, бросая камни и куски дерева при помощи не одной мышечной силы. Изобрѣтеніе лука, натягиваемаго тетивой, было крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія метательныхъ снарядовъ. Войдя во всеобщее употребленіе въ далекія доисторическія времена, лукъ и стрѣлы продолжали господствовать у всѣхъ народовъ впродолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Новая цивилизація стала вытѣснять ихъ только съ изобрѣтеніемъ пороха, сравнительно въ недавнее время, давшаго несравненно болѣе могучую силу для военнаго оружія.

При глубокой древности употребленія стрѣлъ происхожденіе ихъ названія въ народномъ языкѣ должно носить тѣже слѣды архаизма. Въ славянскомъ языкѣ слово *стрѣла* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ праславянскихъ словъ. Происхожденіе его ставятъ въ связь съ скандинав. *stral-e* и нѣм. *strahl* лучь. Соотношеніе славянскаго названія стрѣлы къ солнечному лучу и молніи можно усмотрѣть въ имени *Стри-бога*, владыки грозы, проявляющагося въ буряхъ и вихряхъ. „Се вѣтры, *стрибожи* внуцы, вѣютъ съ моря стрѣлами (т. е. изъ дождевой тучи молніями)“. Въ этомъ мѣстѣ „Слова о полку Игоревѣ“ Стрибогъ является не только дѣдомъ вѣтровъ, но и настоящимъ громовикомъ, посылающимъ молніи. Въ народныхъ миѳахъ молніи изображались въ видѣ пускаемыхъ съ неба стрѣлъ, а въ русскихъ повѣрьяхъ существуетъ даже реальное представленіе о громовой стрѣлѣ (чертовъ палецъ, белемнитъ). Такимъ образомъ, объединялось понятіе о стрѣлѣ, солнечномъ лучѣ и молніи, и въ этомъ, можетъ быть, кроется лингвистическая связь между однозвучными словами *strahl* и *стрѣла*. Нѣмец-

кое *strahl* удержалось въ значеніи луча, гауоп, а въ переносномъ значеніи—стрѣлки, лучистой формы; въ латышскомъ и литовскомъ языкѣ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно имѣетъ значеніе стрѣлы *).

Наконечники для стрѣлъ приготовлялись изъ разнаго матеріала: изъ кремня, кости, мѣди, бронзы и желѣза. Это разнообразіе обусловливалось не столько эпохой, сколько народными привычками и степенью доступности или дешевизны того или другого подѣлочнаго матеріала. Поэтому одновременно съ мѣдными и бронзовыми стрѣлами въ Сибири въ гораздо большемъ числѣ приготовлялись и расходовались костяныя стрѣлы, рѣже кремневыя, требовавшія больше труда при ихъ выдѣлкѣ. Желѣзныя сибирскія стрѣлы, приготовлявшіяся по образцу мѣдныхъ и бронзовыхъ, сначала употреблялись одновременно съ послѣдними, но потомъ вытѣснили ихъ и измѣнили свою форму (вѣроятно въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х., или нѣсколько раньше).

О кремневыхъ и костяныхъ стрѣлахъ мы уже говорили во второй главѣ этой книги (стр. 152—156 и 163—168). Бронзовые и мѣдные наконечники стрѣлъ встрѣчаются въ Сибири не особенно часто, можетъ быть, по той причинѣ, что здѣсь обычнѣе всего были стрѣлы костяныя. Этихъ послѣднихъ собрано въ Томскомъ музеѣ болѣе 400 **), и число ихъ могло-бы быть еще значительно увеличено, тогда какъ бронзовыхъ и мѣдныхъ стрѣлокъ удалось собрать всего 26 штукъ и четыре стрѣлки я имѣю въ моей частной коллекціи. Въ Минусинскомъ музеѣ, судя по атласу Мартина (табл. 26), ихъ оказывается 43 экземпляра. Изъ коллекціи Ин. Ал. Лопатина было доставлено В. В. Радлову для его атласа всего три стрѣлки (описаніе табл. XXI). Наконецъ, десятка полтора сибирскихъ мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлокъ мнѣ случалось видѣть въ частныхъ рукахъ у разныхъ любителей. Вотъ и весь, извѣстный мнѣ, матеріалъ по этому отдѣлу сибирскихъ древностей.

---

*) Одновременно со стрѣлой всегда, конечно, употреблялся и лукъ, потому и это слово должно быть на столько же древне. Этимологическое происхожденіе его не достаточно ясно. Горяевъ слово лукъ сопоставляетъ съ литовскимъ *lánk-as* (arcus) и съ глаголомъ *link-ti* гнуться, *lank-us* гибкій. Трудно сказать, произошло ли славянское названіе лука отъ понятія о гибкости и упругости, или отъ кривизны (лука на сѣдлѣ, изъ-лучина, луко-морье), или отъ метательнаго дѣйствія этого орудія. Въ русскомъ языкѣ есть слова *лукать, лукнуть* бросать, швырять, *раз-лука, от-лучать*, означающія актъ отдѣленія или движенія при помощи той или другой силы. Можетъ быть и слово лукъ (орудіе стрѣльбы) произошло отъ подобнаго корня.

**) Костяныя стрѣлы, №№ 57—192 (по каталогу) найдены частію въ курганахъ, частію на городищѣ Чувашскаго мыса, близъ Тобольска, остальные номера получены изъ разныхъ округовъ Томской губерніи, преимущественно изъ Каинскаго округа. Въ 1896 г. прозекторомъ Томскаго университета Чугуновымъ были найдены въ курганныхъ могилахъ Каинскаго округа небольшія костяныя стрѣлки конической формы со втулкою, весьма сходныя съ изображенными у графа Бобринскаго на табл. XIV второй части его извѣстнаго труда. Описаніе этихъ находокъ на стр. 130. Эти курганы графъ относитъ къ неоскиѳской эпохѣ, представляющей во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ сибирскими древностями.

Сибирскія бронзовыя стрѣлы можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ *съ черенкомъ* для насаживанія на древко, другія *съ втулочкой* (полыя). Первыхъ въ нашемъ музеѣ имѣется 11 штукъ, вторыхъ 15. Стрѣлки съ черенкомъ всѣ имѣютъ либо трехгранную, либо трехперую форму. Трехгранными мы называемъ тѣ стрѣлки, которыя имѣютъ гладкія поверхности, сливающіяся въ три острыя ребра, у крылатыхъ же перья отдѣляются отъ центральнаго стержня въ видѣ острыхъ и тонкихъ выдающихся крылышекъ, между которыми образуются вогнутыя ложбинки. На переднемъ концѣ тѣ и другія сливаются въ острую точку, а на заднемъ оканчиваются либо ровнымъ, какъ-бы срѣзаннымъ краемъ, либо выдающимися отросточками, въ родѣ шиповъ. Передняя часть стрѣлки имѣетъ отъ $1^1/_2$ до 3 сант. длины. Нижняя часть или черонокъ имѣетъ или сплющенную, или круглую форму. Длина черенка отъ $2^1/_2$ до 5 сант. Иногда между черенкомъ и копейцемъ имѣется небольшая круглая шейка. Экземпляры этого типа значатся въ каталогѣ музея подъ №№ 1260, 1261, 1262, 2778, 2935, 2936, 3385 (съ плоскими гранями, безъ ложбинокъ), 3402, 4166. Остальные два номера, 2995 и 3387, отличаются отъ предъидущихъ тѣмъ, что они имѣютъ веретенообразную форму, а утолщенная средина у № 2995 имѣетъ съ каждой стороны по два острыхъ выдающихся ребрышка, раздѣленныхъ ложбинками; № 3387 имѣетъ гладкую четырехгранную форму. Длина перваго 7 сант., втораго 8,5 сант.

Въ Минусинскомъ музеѣ стрѣлокъ этого типа показано 10 штукъ. Въ атласѣ Мартина онѣ изображены на табл. 26 подъ №№ 10, 34—42. Въ атласѣ Радлова на табл. XXI стрѣлки съ черенкомъ представлены подъ №№ 13, 15, 22, 33, 24, 27 и 34, изъ нихъ послѣднія три изъ коллекціи Лопатина, остальныя взяты изъ атласа Минусинскаго музея. Тѣ и другіе рисунки настолько сходны съ нашими оригиналами, что я считаю излишнимъ повторять ихъ въ моей книгѣ. По этой же причинѣ я не даю рисунковъ и слѣдующей группы полыхъ стрѣлокъ.

Полыя или втулочныя стрѣлки я раздѣляю на два вида: на трехперыя и двуперыя. Первыя отличаются отъ вышеописанныхъ черенковыхъ только тѣмъ, что вмѣсто черенка у нихъ имѣется на заднемъ концѣ круглое отверстіе, родъ втулочки, ведущее внутрь стрѣлки до половины ея длины, куда вгонялось древко. Три острыя ребрышка у этихъ стрѣлокъ по формѣ такія же, какъ у трехперыхъ черенковыхъ, но задніе концы ихъ почти всегда выдаются въ видѣ острыхъ шиповъ, простираясь по направленію древка ниже втулочки. Назначеніе этихъ отростковъ могло быть для укрѣпленія древка, если они плотно пригибались къ послѣднему, обхватывая его съ трехъ сторонъ и служа какъ бы продолженіемъ втулки. Но эти шипы могли играть и другую роль, именно, чтобы помѣшать обратному из-

влеченію вонзившейся стрѣлы. Въ такомъ случаѣ одному изъ шиповъ иногда давалось косвенное направленіе кнаружи, а остальные два шли параллельно древку.

Трехперыхъ стрѣлокъ этого типа въ Томскомъ музеѣ имѣется семь штукъ, изъ нихъ пять въ 3,5 сант. длины (№№ 1255, 1256, 1257; изъ нихъ первыя двѣ найдены въ курганныхъ могилахъ Чувашскаго мыса, близъ Тобольска, а третья изъ кургана Барнаульскаго округа; № 2795 найденъ близъ села Усть-Міасскаго, Шадринскаго уѣзда; и № 2993 изъ Ачинскаго округа). Стрѣлки № 1258 и 1533, (21) имѣютъ длину: первая $7^1/_2$ сант., съ двумя шипами въ $1^1/_2$ сант. длины, найдена въ курганѣ Барнаульскаго округа, вторая такого же размѣра, но безъ шиповъ, найдена въ Енисейскомъ округѣ на р. Ангарѣ.

Въ атласѣ Мартина стрѣлки этого типа показаны подъ №№ 21—30, 32 и 33, на табл. 26. Въ атласѣ Радлова №№ 25, 26 и 28, табл. XXI.

Двуперыя втулочныя стрѣлки можно назвать самыми граціозными. По формѣ своей онѣ представляютъ миніатюрную копію бронзоваго двупераго копья съ круглою трубчатою втулкою, съ выпуклымъ валикомъ по срединѣ копейца и съ листовиднымъ перомъ по обѣ стороны валика. Такихъ экземпляровъ въ нашемъ музеѣ имѣется семь. Для образчика одну изъ нихъ мы помѣщаемъ здѣсь на рис. 120. Изъ нихъ 5 имѣютъ длину отъ 3 до 4 сант., а 2 экземпляра 5,5 и 7 сант. Значатся они подъ слѣдующими номерами: 1259, 3,5 сант. длины, изъ кургана Барнаульскаго округа; 2937, длина 3 сант., изъ Минусинскаго округа; 2994, длина 4 сант., изъ Ачинскаго или Минусинскаго округа; 4495 и 4496 по 4 сант. длины, найдены въ Бійскомъ округѣ. Двуперыя стрѣлки болѣе крупнаго формата: 2934 имѣетъ $5^1/_2$ сант., изъ Ачинскаго или Минусинскаго округа, и 2977—7 сант., найдена тамъ же. Въ атласѣ Мартина стрѣлки этого типа изображены подъ №№ 6—10, 13, 15 и 31. У Радлова №№ 18, 30 и 31. Въ Ананьинскомъ могильникѣ, близъ Елабуги, бронзовыя стрѣлки оказались того же сибирскаго типа, преимущественно трехперыя втулочныя. Онѣ показаны въ атласѣ Аспелина на стр. 110, № 438—440.

Рис. 120. Бронзовая двуперая стрѣлка изъ Томскаго музея.

Бронзовыя и мѣдныя стрѣлки, совершенно сходныя съ сибирскими втулочными, очень часто были находимы въ древнихъ скиѳскихъ могилахъ Южной Россіи. Въ трудѣ графа Бобринскаго *) онѣ изображены весьма отчетливо на прекрасныхъ рисункахъ, дающихъ возможность судить о степени ихъ сходства съ нашими экземплярами. На табл. IV перваго тома

*) Курганы близъ мѣстечка Смѣлы т. I, рисунки на табл. IV и VI; томъ II на табл. V и XXV. Описаніе на стр. 5, 105 и 158.

подъ № 1 показано 11 стрѣлокъ двуперыхъ (копейцемъ) съ круглою втулкою, нѣкоторыя изъ нихъ съ шипами. Рисунки подъ № 5 мъ представляютъ семь трехперыхъ или трехгранныхъ стрѣлокъ, тоже вполнѣ тождественныхъ съ нашими. На табл. VI того же тома №№ 4, 10, 14, 15 и 20 даютъ повтореніе тѣхъ же сибирскихъ трехгранныхъ формъ. Тѣ же типы представлены на табл. V второго тома, подъ № 4. Здѣсь мы видимъ 8 двуперыхъ стрѣлокъ, съ шипами и безъ шиповъ, и 14 трехперыхъ и трехгранныхъ, совершенно сходныхъ съ нашими. При описаніи ихъ на стр. 105 сказано: «наконечники стрѣлъ найдены въ 13 курганахъ..... форма всѣхъ ихъ обыкновенная, трехгранная, съ обычными варіантами». Въ другомъ мѣстѣ: „наконечники стрѣлъ (40 штукъ)—это большія трехгранныя острія, отлитыя изъ бронзы и снабженныя втулкой для насаживанія на древко. Они тяжелы, ребра ихъ еще довольно остры, а поверхность покрыта свѣтло-зеленой патиной. По формѣ своей эти острія раздѣляются на два вида: у однихъ основанія ровно срѣзаны, а у другихъ имѣются короткія острыя крылышки. Форма острія второго типа, съ крылышками (наши двуперыя *), извѣстна по раскопкамъ въ La-Tène, хотя тамъ они желѣзные и очень не многочисленны. Въ Малороссіи ихъ найдено большое количество въ курганахъ. Химическій анализъ сплава этихъ стрѣлъ показалъ, что бронза весьма разнородная, плотность очень значительная, велика и хрупкость". Составъ: мѣди 96,27%, олова 3%, цинка 0,73% (стр. 158, ч. II). Стрѣлокъ съ черенкомъ, вмѣсто втулки, въ южнорусскихъ курганахъ, повидимому, не встрѣчается.

Кромѣ изслѣдованій графа А. А. Бобринскаго, мы имѣемъ еще описаніе древнихъ украинскихъ стрѣлъ г. Максимовича **). Въ его статьѣ описывается 44 наконечника мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлокъ, раздѣляемыхъ авторомъ на два отряда: „крюкастыя и трехгранныя; первыя подраздѣляются еще на двубокія и трехбокія, а вторыя на пирамидальныя, гладкія, желобленыя" и т. д. Такое дробное подраздѣленіе мнѣ представляется не вполнѣ удачнымъ. Въ сущности мы здѣсь видимъ два главныхъ вида стрѣлокъ,—двуперыя и трехгранная или требокія, также какъ въ коллекціяхъ графа А. А. Бобринскаго и нашихъ сибирскихъ. Двубокихъ (двуперыхъ) у Максимовича имѣется всего три экземпляра, остальныя требокія или трехгранныя. Стрѣлы „крюкастыя" т. е. съ особымъ отросткомъ или шипомъ, предстявляютъ, сравнительно, не частую, второстепенную разновидность, встрѣчающуюся иногда какъ на двуперыхъ, такъ и на трехгран-

*) Слова, взятыя въ скобки, принадлежатъ мнѣ.

**) Михаилъ *Максимовичъ*. Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы. Отд. оттискъ изъ 5 вып. Археологич. Вѣстника. Москва 1868 года.

ныхъ стрѣлкахъ. Не считая частныхъ, незначительныхъ варіантовъ, по общей формѣ стрѣлы Максимовича сходны съ древними скиѳскими. Всѣ онѣ имѣютъ втулочку, большинство изъ нихъ трехгранныя.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, начиная изученіе украинскихъ стрѣлъ, г. Максимовичъ говорилъ: „дойдетъ ли наша наука о древностяхъ до того, чтобы по этимъ стрѣламъ могли угадывать воевавшіе ими народы и вѣкъ войны, подобно тому, какъ испытатель природы по одному ископаемому зубу опредѣляетъ цѣлое животное и періодъ его бытія на землѣ“ *). Нельзя сказать, чтобы въ протекшія послѣ того пятьдесятъ лѣтъ желанія почтеннаго русскаго археолога исполнились, но нельзя отрицать и того, чтобы намѣченныя имъ цѣли изслѣдованія были бы не исполнимы. Современная археологія видимо стремится къ этому, и сравнительный методъ изученія древностей даетъ надежду на фактическое разъясненіе культурныхъ теченій и эпохъ. Въ формѣ стрѣлъ, какъ и всякаго другого археологическаго матеріала, выражаются опредѣленныя черты древняго быта, извѣстный складъ культуры, а по этимъ слѣдамъ, современемъ, можно опредѣлить пути народныхъ переселеній и отчасти этнологическое родство доисторическихъ народовъ.

Исходнымъ пунктомъ нашихъ сопоставленій, какъ и въ предъидущихъ главахъ, будутъ служить древности Трои. Троянская и Эллинская культура, связанная въ прошедшемъ съ египетской и древне-ассирійской, служила источникомъ всей европейской цивилизаціи. Поэтому въ раскопкахъ Гиссарлика, опубликованныхъ Шлиманномъ, мы встрѣчаемъ примитивные образцы почти всѣхъ тѣхъ орудій, какія позднѣе развивались изъ этихъ образцовъ и совершенствовались въ Европѣ и сѣверной Азіи. Таже преемственность видна и въ типахъ стрѣлъ. Въ самыхъ древнѣйшихъ слояхъ Гиссарликскаго холма (въ первомъ и второмъ доисторическомъ городѣ) Шлиманнъ находилъ мѣдныя стрѣлки примитивной, веретенообразной формы, съ утолщеніемъ по срединѣ, и заостреніями на обоихъ концахъ. Одинъ изъ этихъ концовъ, очевидно, вгонялся въ древко, другой служилъ острымъ копейцемъ. На стр. 283 Ilios'a представленъ рисунокъ одной изъ такихъ стрѣлокъ подъ № 111. Длина этого наконечника 1,6 дюйма. Другихъ, болѣе развитыхъ, формъ стрѣлокъ въ первыхъ двухъ городахъ Трои Шлиманнъ совсѣмъ не встрѣчалъ. Подобныя веретенообразныя, круглыя стрѣлки, по его словамъ, были находимы также въ Венгріи. Въ Томскомъ музеѣ имѣются два экземпляра, повидимому, того же типа, именно вышеупомянутые номера 2995 и 3387.

Въ числѣ предметовъ, найденныхъ въ третьемъ (сожженномъ) городѣ Трои появляются бронзовыя стрѣлки настоящимъ копейцемъ, повидимому, трехгранной формы, съ выдающимися острыми нижними концами, въ

*) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1848—1849 г. Статья Максимовича. „Бубновская Сотня“.

родѣ шиповъ, и съ плоскимъ черенкомъ. Рисунокъ этого типа помѣщенъ у Шлиманна на стр. 565 № 955. Такая же форма стрѣлки, только безъ черенка, изображена на рис. 1422, стр. 675, найденная въ шестомъ (Лидійскомъ) городѣ Трои. Рядомъ съ ней подъ № 1423 помѣщенъ рисунокъ здѣсь же найденной трехгранной стрѣлки, безъ шиповъ, съ довольно длиннымъ черенкомъ, имѣющей весьма близкое сходство съ нашими черенковыми трехгранными. Шлиманнъ сравниваетъ эту форму съ рисункомъ въ атласѣ Ворсо, на табл. 32, № 145. Стрѣлокъ со втулкою въ Троѣ не было найдено. Поэтому можно заключать, что черенковые трехгранные типы древнѣе втулочныхъ, развившихся уже впослѣдствіи, когда втулка получила широкое примѣненіе къ разнаго рода оружію (копья, сѣкиры и пр.). На этомъ основаніи и наши сибирскія трехгранныя стрѣлы съ черенкомъ мы считаемъ болѣе близкими къ Троянскимъ, нежели скиѳскія двуперыя со втулкой.

Объ употребленіи троянцами трехгранныхъ стрѣлъ сохранилось воспоминаніе у творца Иліады. Въ пѣсни XI, ст. 507 говорится, что супругъ лѣпокудрой Елены, Александръ, поразилъ героя Данаевъ Махаона въ правое плечо *„стрѣлой троежальной“* (ἰῷ τριγλώχῖνι, mit dreischneidigem Pfeil). Этимъ выраженіемъ, мнѣ кажется, ясно опредѣляются три рѣжущія ребра тѣхъ мѣдныхъ стрѣлокъ, какія Шлиманнъ нашелъ въ позднѣйшихъ городахъ Трои. Далѣе, при описаніи того же случая, въ Иліадѣ упоминается, что засѣвшую въ тѣлѣ стрѣлу необходимо вырѣзать,

„Опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ,
Знай *вырѣзывать стрѣлы* и язвы цѣлить врачествами, (ст. 514 и 515).

Необходимость этой операціи, очевидно, вызывалась тѣмъ, что Троянскія стрѣлы, какъ показано у Шлиманна, имѣли на заднемъ концѣ острыя развилинки или рожки, которые препятствовали извлечь стрѣлу обыкновеннымъ способомъ, за древко, не расширяя раны хирургическимъ ножомъ. Съ тою же цѣлью впослѣдствіи стали приготовлять наконечники стрѣлъ съ особымъ шипомъ на заднемъ концѣ, что мы нерѣдко встрѣчаемъ на скиѳскихъ и на сибирскихъ стрѣлахъ.

Трехгранныя стрѣлы съ черенкомъ, на сколько я могу судить по имѣющимся у меня подъ руками археологическимъ атласамъ и литературнымъ пособіямъ, почти совсѣмъ не встрѣчаются въ Западной Европѣ. Въ очень ограниченномъ числѣ онѣ упоминаются между древностями Даніи (Ворсо), сѣверной Пруссіи (Кэмбль, стр. 152, табл. VI, 5 и 6) и Венгріи (Гампель). Такимъ образомъ, типъ троянской стрѣлы, повидимому, болѣе всего привился и дольше существовалъ въ Азіатской и Европейской Скиѳіи. Греческія стрѣлы, судя по Иліадѣ, не были столь смертоносны, какъ троянскія. Стрѣлки Данаевъ признавались наиболѣе слабою частью войска. Агамемнонъ названіе стрѣлóкъ употребляетъ чуть не въ значеніи браннаго слова:

„Аргоса вои, стрѣльцы презрѣнные, нѣтъ ли стыда вамъ?
Что пораженные страхомъ, какъ робкія лани стоите? (IV, 242—243).

Или въ другомъ мѣстѣ:

Агривяне—стрѣльцы, угрозъ расточители праздныхъ! (XIV, 479).

Въ героическую эпоху вообще предпочитали рукопашную битву (мечъ, копье, или метательный дротикъ), стрѣлы же имѣли второстепенное значеніе, какъ орудіе менѣе смертоносное. Можетъ быть, по этой причинѣ въ развалинахъ Трои стрѣлъ оказалось сравнительно очень мало и онѣ большею частью имѣли примитивную форму.

Греческія мѣдныя и бронзовыя стрѣлы болѣе поздняго періода были двуперыя. Образчики ихъ показаны у Линденшмита на табл. XI № 10 и 11. Въ текстѣ (стр. 222) объ нихъ сказано, что онѣ были найдены на полѣ Марафонской битвы (490 г. до Р. Х.). Форма ихъ въ видѣ длиннаго, не широкаго копейца съ выпуклымъ валикомъ по срединѣ, съ черенкомъ вмѣсто втулки. Стрѣла подъ № 11 имѣетъ болѣе сложное строеніе: черенокъ ея вверху сливается съ утолщеннымъ конусомъ, вершину коего обхватываетъ остріе стрѣлки съ развилиной или острыми рожками, идущими по бокамъ конуса. На той же таблицѣ подъ №№ 13, 14, 15 и 16 представлены египетскія мѣдныя стрѣлы. Онѣ имѣютъ трехгранную форму, подобно троянскимъ, и въ этомъ отношеніи приближаются къ сибирскимъ и украинскимъ.

Въ атласѣ Гампеля на табл. XXVIII представлено 13 мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлъ, найденныхъ въ предѣлахъ нынѣшней Венгріи и очевидно принадлежащихъ разнымъ эпохамъ. Изъ нихъ первые два номера съ черенкомъ (древнѣйшія), всѣ остальныя со втулкой. Форма копейца у первыхъ пяти номеровъ двуперая, плоская, довольно широкая, съ острыми рожками по нижнему краю, или съ шипомъ, идущимъ въ сторону отъ втулки. Въ рожкахъ и шипахъ видна Троянская тенденція сдѣлать стрѣлы болѣе опасными, затрудняя ихъ извлеченіе. Номера 9—13 на той же таблицѣ представляютъ типы бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ со втулкою, очень сходныхъ съ украинскими (по рисункамъ Максимовича) и сибирскими. Можно предполагать, что эта форма венгерскихъ стрѣлъ принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ. Въ Венгрію и на Украйну она могла быть занесена изъ за Урала, такъ какъ въ Западной Европѣ такихъ формъ не встрѣчается, между тѣмъ какъ въ Сибири онѣ весьма обыкновенны.

Близкое сходство и во многихъ случаяхъ даже полное тождество сибирскихъ стрѣлъ съ южно-русскими скиѳскими можно видѣть по рисункамъ въ выше упомянутомъ трудѣ графа А. А. Бобринскаго (томъ II, табл. V). Всѣ изображенныя здѣсь трехгранныя стрѣлки (14 экземпляровъ въ среднемъ и нижнемъ ряду) точно скопированы съ нашихъ оригиналовъ (съ №№ 1255, 1256, 1257, 1258, 2795 и др.). Нѣкоторыя, имѣя туже форму, отличают-

ся отъ нашихъ лишь тѣмъ, что имѣютъ втулку вмѣсто черенка. Могильникъ, въ которомъ были найдены эти стрѣлы, графъ А. А. Бобринскій относитъ къ началу неоскиѳской эпохи (стр. 110 и XVII), т. е. не позднѣе начала христіанской эры. Если придерживаться этой хронологіи, даже отодвигая эти предѣлы столѣтія на два назадъ, то и въ такомъ случаѣ древность сибирскихъ стрѣлокъ должна быть значительно больше. Отсюда я позволяю себѣ вывести предположеніе о распространеніи типа трехгранныхъ стрѣлъ въ южную Россію и Венгрію съ азіатскаго сѣверо-востока, а не наоборотъ.

Для уясненія вопроса по исторіи развитія мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлъ было бы весьма желательно имѣть болѣе полный и общій обзоръ ихъ формы у всѣхъ древнихъ народовъ Европы и Азіи. Это потребовало бы цѣлой монографіи, но я не имѣю для этого необходимыхъ источниковъ. Тѣ скудныя пособія, какими я могъ пользоваться, не даютъ понятія ни о древнеперсидскихъ, мидійскихъ и ассирійскихъ стрѣлахъ, ни о древнегреческихъ. Указанные выше, по Линденшмиту, образчики Мараѳонскихъ стрѣлъ могли бы имѣть важное значеніе, если бы было подтверждено другими находками, что это именно греческія, а не персидскія стрѣлы, и что за пять вѣковъ до Р. Х. онѣ представляли въ Греціи господствовавшій типъ. Отсюда можно было бы видѣть, что двуперая бронзовая стрѣлка, сформированная по типу древняго копья съ трубчатой втулкой, получившая потомъ такое широкое распространеніе въ Европѣ и Азіи, ведетъ свое начало изъ Греціи. Для уясненія этого вопроса недостаточно историческихъ описаній древняго вооруженія; здѣсь нужны факты сравнительной археологіи. Форма стрѣлъ, какъ и всякаго другаго оружія, развивалась постепенно и до извѣстной степени носила на себѣ національные оттѣнки въ деталяхъ строенія. Если мы будемъ руководиться только троянскими раскопками Шлиманна, то и здѣсь мы увидимъ, что впродолженіи многихъ вѣковъ существованія этого города, въ нижнихъ и верхнихъ слояхъ Гиссарликскаго холма, мѣдныя стрѣлы измѣняли свою форму. Сначала онѣ были круглыя или веретенообразныя, въ формѣ гвоздя, заостреннаго съ обоихъ концовъ, и лишь въ верхнихъ слояхъ древней Трои стали попадаться трехгранныя стрѣлки съ металлическимъ черенкомъ. Можно думать, что и у другихъ народовъ существовала такая же постепенность въ усовершенствованіи типа стрѣлы. Это отражалось не только на мѣдныхъ и бронзовыхъ наконечникахъ, но и на видоизмѣненіяхъ кремневыхъ и костяныхъ стрѣлокъ, которыми продолжали пользоваться еще долгое время, на ряду съ мѣдными и бронзовыми (см. выше стр. 153 и слѣд.).

Если по имѣющимся, хотя далеко недостаточнымъ, даннымъ предположить, что во время Троянской войны трояне употребляли трехгранныя стрѣлы, а греки—двуперыя, то мы имѣли бы основаніе сказать, что сибирская

культура и въ этомъ отношеніи стояла ближе къ малой Азіи, нежели къ Греціи. Я не рѣшился бы высказывать такой мысли, если бы сравненіе касалось однѣхъ только стрѣлъ, но и многіе другіе предметы подтверждаютъ эту догадку, на что неоднократно мною было указываемо раньше по поводу каменныхъ орудій, напрясл, орнаментовъ керамики, состава сибирской бронзы и т. д. Все это даетъ основаніе считать сибирскую культуру курганной эпохи непосредственнымъ отпрыскомъ культуры Троянской и изъ этого общаго источника производить родство сибирскихъ древностей съ южно-русскими.

Только при поверхностномъ взглядѣ на бронзовыя стрѣлы можетъ казаться, что онѣ во всемъ мірѣ были одинаковы, или, наоборотъ, какъ думаютъ нѣкоторые археологи, что онѣ представляютъ слишкомъ большое, прихотливое разнообразіе, основанное на личномъ вкусѣ мастера, безъ традиціонныхъ формъ и мотивовъ. Всматриваясь ближе и классифицируя типы стрѣлъ по ихъ существеннымъ признакамъ, мы можемъ различать въ нихъ, если можно такъ выразиться, нѣкоторыя національныя особенности. Трехгранная стрѣлка привилась и упрочилась на сѣверѣ, двуперая—на югѣ. Послѣдняя форма черезъ грековъ и римлянъ распространилась по всей Европѣ и позднѣе проникла на сѣверъ въ формѣ миніатюрнаго копейца съ трубчатою втулкою. Трехгранная стрѣлка преимущественно культивировалась въ Сибири, на сѣверномъ Кавказѣ и въ Черноморскихъ областяхъ,—въ странахъ нѣкогда населенныхъ скиѳскими племенами. Отсюда позднѣе она проникла въ долину Дуная, въ сѣверную Пруссію и Данію, вмѣстѣ съ передвиженіемъ народовъ.

Трудно опредѣлить хронологически, когда бронзовыя и мѣдныя стрѣлы окончательно вышли изъ употребленія. Вытѣсненіе ихъ желѣзнымъ оружіемъ происходило, очевидно, медленно и постепенно, раньше на западѣ, позднѣе на сѣверовостокѣ. По даннымъ курганныхъ розкопокъ южной Россіи можно заключать, что скиѳы продолжали пользоваться бронзовыми стрѣлками до начала христіанской эры, хотя въ тоже время, можетъ быть даже въ большемъ числѣ, они употребляли и желѣзные двуперые наконечники, слѣдуя примѣру грековъ и римлянъ. Въ предѣлахъ камской Болгаріи бронзовыя стрѣлы (сибирскаго типа) были найдены только въ Ананьинскомъ могильникѣ, древность котораго не можетъ быть позднѣе Р. Х. На городищахъ Болгаръ и Билярска онѣ ни разу не встрѣчались. Отсюда можно заключить, что съ I—II в. по Р. Х. Камская Болгарія уже пользовалась исключительно желѣзными и костяными стрѣлами. Къ западной Сибири, по всей вѣроятности, можно примѣнить туже хронологію. Во время нашествія Гунновъ никто изъ писателей этой эпохи уже не говоритъ о бронзовыхъ стрѣлахъ, но отмѣчается, какъ особенность гуннскаго вооруженія, употребленіе костяныхъ стрѣлъ, со-

всѣмъ не извѣстныхъ въ Европѣ, но весьма распространенныхъ въ Сибири, Камской Болгаріи и въ Европейской Россіи *).

Желѣзныя стрѣлы. Желѣзныхъ стрѣлъ собрано въ Томскомъ музеѣ очень большое число (около 400 штукъ). Ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: малаго и большого формата. Тѣ и другія рѣзко различаются не столько размѣромъ, по главнымъ образомъ формой. Наибольшая часть стрѣлъ малаго формата представляютъ собой прямое продолженіе совершенно тѣхъ же бронзовыхъ типовъ. Десять такихъ образчиковъ ихъ помѣщены мной на табл. XVI (верхній рядъ) по фотографическимъ снимкамъ, въ половину натуральной величины. Всѣ онѣ, за исключеніемъ двухъ, трехгранныя, имѣютъ вмѣсто втулки довольно длинный круглый черенокъ (№№ ихъ по каталогу 3982—3991). Одна изъ стрѣлокъ этого ряда (вторая справа) имѣетъ совершенно круглую форму, подобно древнѣйшимъ Троянскимъ; рядомъ съ ней четырехгранная пирамидальная. Длина ихъ, вмѣстѣ съ черенкомъ, отъ 6 до 10 сант., длина головки (копейца) отъ 3 до 4 сант. Также какъ и на бронзовыхъ стрѣлахъ, трехгранное копейце имѣетъ въ однихъ случаяхъ гладкія ребрышки, въ другихъ (гораздо чаще) съ ложбинками на плоскостяхъ, или съ выдающимися крылышками (трехперыя). У большинства этихъ стрѣлъ между черенкомъ и копейцемъ имѣется небольшая круглая шейка. Нижній рядъ стрѣлъ, помѣщенныхъ на той же таблицѣ (№№ по каталогу 3992—4000) имѣютъ плоскую форму, составляя какъ бы постепенный переходъ къ стрѣламъ большого формата. Длина ихъ отъ 7 до 11 сант. (съ черенкомъ); длина копейца отъ 4 до 7 сант. Достойно вниманія, что на головкахъ трехгранныхъ стрѣлокъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ ржавчины, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ были найдены въ древнихъ курганныхъ могилахъ. Не покрывалась ли поверхность ихъ какимъ либо составомъ, предохранявшимъ отъ окисленія? На черенкахъ ржавчина иногда бываетъ замѣтна, но далеко не всегда и большею частію въ незначительной степени.

Желѣзныя трехгранныя стрѣлки очевидно вошли въ употребленіе вслѣдъ за бронзовыми; по всей вѣроятности ими долго пользовались одновременно

*) О костяныхъ стрѣлахъ было говорено во второй главѣ этой книги, стр. 163—169. Во время печатанія этого второго выпуска, просматривая первый выпускъ XII тома трудовъ Рязанской ученой архивной комиссіи (1897 г.), я нашелъ указаніе на находки большого количества костяныхъ стрѣлъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, на городищѣ противъ села Вышгородъ. По описанію (стр. 52), эти наконечники, тщательно выдѣланные и отполированные, имѣютъ трехгранную, четырехгранную, плоскую ланцетовидную, или овальную форму, отъ 1 до $2^3/_4$ вершка длины, не считая узкой ножки (черенка) для насадки наконечника на древко. По замѣчанію референта, костяныя стрѣлы до сего времени не находились ни въ могильникахъ, ни въ обслѣдованныхъ городищахъ Рязанской губерніи „но, прибавляетъ онъ, „нельзя думать, что только Вышгородское городище богато ими. Очень вѣроятно, что со временемъ онѣ будутъ найдены и въ другихъ мѣстахъ нашей губерніи".

съ первыми. Выше мы видѣли, на сѣкирахъ и кинжалахъ, что желѣзо нерѣдко примѣнялось къ выдѣлкѣ оружія въ цвѣтущій періодъ бронзовой эпохи. По этому и желѣзныя стрѣлки разсматриваемаго типа могли появиться, можетъ быть, за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и продолжать свое существованіе, вмѣстѣ съ костяными стрѣлами, до среднихъ вѣковъ и даже далѣе. Впослѣдствіи онѣ стали замѣняться стрѣлами большого калибра, имѣвшими въ Сибири, судя по многочисленнымъ находкамъ, весьма большое распространеніе. Ниже мы увидимъ, что эти большекалиберныя стрѣлы существовали также и въ Европейской Россіи, хотя далеко не въ такомъ большомъ числѣ.

Желѣзныя стрѣлы большого формата можно подвести подъ слѣдующіе типы: 1) *Плоскія лопатки* (древнерусскіе срѣзни), съ широкимъ прямолинейно срѣзаннымъ лезвіемъ, въ родѣ сѣчки (онѣ изображены на таблицѣ XVIII), 2) Такія же *лопатки*, но *срѣзанныя* на концѣ на двѣ стороны, подъ *тупымъ угломъ* (см. таб. XVII № 4, 9 и 11); 3) *Лопатки многоугольныя, ромбическія* или *полукруглыя* (тамъ же № 3, 6, 10); 4) Большія копейца *въ формѣ плоскаго копья* (тамъ же № 7, 8, 12); 5) Стрѣлы въ формѣ *плоской вилки* съ двумя расходящимися рожками (таб. XIX). 6) *Трехкрылыя стрѣлы* съ очень широкими, но короткими крыльями или пластинками, идущими отъ центральнаго стержня (табл. XVII № 1). Передній конецъ этихъ стрѣлъ бываетъ либо тупо срѣзанный на три грани, либо въ формѣ выдающагося, довольно длиннаго, трехграннаго копьеца. Въ широкихъ крыльяхъ большею частію оставляется по овальной или круглой прорѣзи (дыры) большого размѣра. Величина большихъ желѣзныхъ стрѣлъ различна: крупныя изъ нихъ имѣютъ до 20 сант. длины и болѣе, вмѣстѣ съ черенкомъ, при ширинѣ лопатокъ отъ 5 до 6 сант.; среднія имѣютъ не болѣе половины этой величины*). Черенки у всѣхъ стрѣлъ кругло-заостренные, длинные, безъ втулки. По ихъ размѣру можно предполагать, что древко стрѣлы должно было имѣть длину и толщину, превышающую обыкновенныя стрѣлы. Пущенные въ непріятеля сильною рукою, срѣзни или лопатки должны были дѣйствовать въ родѣ сабельнаго удара, а вилки въ родѣ копья или маленькой рогатины.

Нѣкоторые, болѣе крупные, наконечники стрѣлъ этого типа оказываются на столько тяжелы, что пущенные изъ лука при обыкновенной силѣ стрѣлка, они едвали могли обладать хорошимъ полетомъ. Поэтому можетъ явиться предположеніе: не бросали ли эти стрѣлы прямо рукой, какъ сулицы, или не употребляли ли ихъ для самострѣловъ при охотѣ на большихъ

*) Подробныхъ размѣровъ мы здѣсь не приводимъ. Эти цифры можно найти въ составленномъ и напечатанномъ мною каталогѣ Томскаго археологическаго музея, напр. на стр. 210—211 (первое прибавленіе къ каталогу 1890 г.), номера желѣзныхъ стрѣлъ 3556—3839.

звѣрей. Еще болѣе странную форму имѣютъ большія трехкрылыя стрѣлы (табл. XVII), мало пригодныя въ качествѣ стрѣлы, но не безполезныя въ качествѣ ручного метательнаго оружія.

Желѣзные наконечники большихъ стрѣлъ, подобные описаннымъ, въ свое время употреблялись и на западной сторонѣ Урала, именно въ Камской Болгаріи и въ т. н. Мерянской области. Казанскій археологъ А. Ѳ. Лихачевъ въ своей статьѣ «Бытовые памятники великой Булгаріи» на стр. 21 говоритъ: „Въ моей коллекціи есть до 25 видовъ (желѣзныхъ стрѣлъ), изъ которыхъ многіе очень похожи на мерянскіе, но нѣкоторые, по величинѣ, только немного менѣе мерянскихъ. Одинъ видъ наконечника, съ двумя расходящимися концами, совершенно соотвѣтствуетъ таковому же, найденному въ мерянскихъ могилахъ, но концы его (рожки) почти вдвое короче. Наконечники въ видѣ большого ромба и въ видѣ треугольника съ выемками принадлежатъ къ формамъ, не встрѣчающимся между мерянскими; но первый очень походитъ на наконечникъ, найденный въ скиѳскихъ могилахъ“ *).

Нѣкоторые изъ рисунковъ мерянскихъ наконечниковъ помѣщены у графа Уварова въ его французскомъ изданіи „*Les Meriens*“, табл. VII (XXX). Въ Ананьинскомъ могильникѣ желѣзныхъ стрѣлъ было найдено, судя по статьѣ Невоструева, очень небольшое число. „Въ нашемъ собраніи, говоритъ Невоструевъ, ихъ всего семь, всѣ онѣ плоскія (такъ называемыя плоскушки), изъ нихъ три большей передъ прочими величины, съ черенкомъ, втыкающимся въ древко, (въ 4, 3 и 2 дюйма), прочія поменьше ($1^1/_2$—$2^1/_2$ дюйма)“. Рисунковъ этихъ стрѣлъ я не имѣю, поэтому, при краткости описанія, трудно судить къ какому разряду изъ вышеперечисленныхъ типовъ желѣзныхъ стрѣлъ ихъ можно отнести.

Желѣзныя стрѣлы большого формата должны были появиться позднѣе стрѣлъ малаго калибра, которыя выдѣлывались по образцу бронзовыхъ, заступая ихъ мѣсто. Большинство этихъ находокъ, по всей вѣроятности, относится къ исторической, или предъисторической эпохѣ. На это, между прочимъ, указываютъ болгарскіе и мерянскіе экземпляры, древность которыхъ едвали можетъ восходить далѣе VII—X вѣка нашей эры. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе три формы: въ видѣ двурогой плоской вилки, въ видѣ четырехугольной лопатки и плоскаго копейца. Точно такія же формы имѣютъ сибирскія стрѣлы (см. таблицы нашихъ рисунковъ). Теперь является вопросъ: перешли ли сибирскія стрѣлы въ Камскую Болгарію и въ т. н. Мерянскую область, или, наоборотъ, онѣ распространились изъ Россіи въ

*) Атласъ къ трудамъ перваго археологич. съѣзда табл. XXX, фиг. 1, 2, 3, 10, 15, 16, 24. Древности Геродотовой Скиѳіи вып. 1. табл. 1, рис. 6, 9 и 10.

Сибирь? Чтобы оріентироваться въ этихъ предположеніяхъ, необходимо принять во вниманіе сказанное мною въ VI главѣ первой книги о древностяхъ Камской Болгаріи (стр. 261 и слѣд.). Городище этого имени несомнѣнно моложе Ананьинскаго могильника, и находимыя на немъ желѣзныя стрѣлы сибирскаго типа (бронзовыхъ наконечниковъ здѣсь совсѣмъ не оказывается) могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ нашего лѣтосчисленія.

Мерянскіе древности, какъ говорено было выше, еще моложе. Въ эту эпоху сношенія съ Сибирью были уже почти совсѣмъ прерваны, между тѣмъ какъ раньше Камская Болгарія составляла какъ бы колонію древняго сибирскаго курганнаго населенія, постепенно распространявшагося на западъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ на каждомъ шагу сравненіе сибирскихъ древностей съ болгарскими. Имѣя это въ виду, мы должны допустить, что и большекалиберныя желѣзныя стрѣлы, столь своеобразныя по своему очертанію, перешли Уралъ съ востока на западъ, тѣмъ же путемъ. Родиной ихъ слѣдуетъ считать Сибирь, но Сибирь не монгольскую или татарскую, а древнюю скиѳскую или арійскую. Здѣсь онѣ появились, очевидно, уже въ самомъ концѣ курганной эпохи, но продолжали долго существовать и послѣ окончательнаго выселенія курганнаго племени, усвоенныя мѣстными инородцами, преимущественно финнами.

При нашествіи монголовъ и татаръ на Россію, въ первой четверти XIII вѣка, ни откуда не видно, чтобы они употребляли большія сибирскія стрѣлы. На сколько можно судить по сохранившимся кое-гдѣ (въ монастыряхъ и музеяхъ) скуднымъ образчикамъ и рисункамъ татарскаго оружія, у этихъ кочевниковъ, повидимому, не существовало такой формы стрѣлъ. Иначе онѣ были бы разсѣяны по всей Россіи и встрѣчались бы, какъ археологическія находки, въ разныхъ мѣстностяхъ на поляхъ сраженій и въ окрестностяхъ осаждавшихся татарами городовъ.

Не излишне обратить вниманіе, что на третьемъ листѣ рисунковъ, приложенныхъ къ сочиненію *Черткова* „О войнѣ Святослава съ болгарами и греками“ у сражающихся руссовъ и болгаръ изображены стрѣлы вилками. Рисунки эти копированы съ Ватиканскаго списка Манассіиной лѣтописи. Если довѣряться этому рисунку, то можно было бы думать, что въ Россіи и въ Болгаріи рогатыя стрѣлы, подобныя мерянскимъ и сибирскимъ, употреблялись въ X вѣкѣ. Курганныя находки изъ русскихъ могилъ этого времени (въ мерянской области) могутъ служить подтвержденіемъ такого предположенія.

По господствующему у русскихъ археологовъ мнѣнію наибольшую часть древностей сѣверной и средней полосы Россіи, въ томъ числѣ и желѣзныя стрѣлы, принято относить къ памятникамъ финскаго быта. По этой теоріи могло бы вытекать, что желѣзныя стрѣлы большого формата

(вилки, срѣзни и т. д.) какъ въ Сибири, такъ и въ сѣверной Россіи, имѣютъ финское происхожденіе. Въ подкрѣпленіе такого мнѣнія указываютъ на факты нахожденія этихъ стрѣлъ по преимуществу въ областяхъ, занятыхъ нѣкогда финскимъ населеніемъ. Сюда причисляютъ Камскую Болгарію и т. н. Мерянскую область (въ части Владимірской, Костромской и Ярославской губ.). Основываясь на свидѣтельствѣ Нестора, по которому на Ростовскомъ и на Клещинѣ озерѣ жилъ народъ Меря, дающій дань Руси, археологи признали находящіяся здѣсь безчисленныя курганныя могилы мерянскими, а не славянскими. А такъ какъ точно такія же курганныя могилы, заключающія въ себѣ подобныя же древности, оказываются и въ другихъ русскихъ областяхъ, не только на сѣверовостокѣ, напр. въ Великой Перми, въ Вяткѣ, на Печерѣ и за Ураломъ, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Сибири, но также и въ центральной Россіи, то въ силу логической послѣдовательности пришлось сдать почти весь матеріалъ нашихъ отечественныхъ древностей во владѣніе тѣхъ самыхъ инородцевъ, которые, по словамъ Нестора, были въ подчиненіи у славянъ и давали имъ дань. Такимъ образомъ является крайне странный и неожиданный результатъ подобной теоріи, именно, что господствующему, искони культурному и цивилизующему славянскому племени не дается никакой исторической почвы, между тѣмъ какъ полуобрусѣлая (уже во времена Нестора) Меря, а за нею Мурома, Черемиса, Мордва и Пермь, по тѣмъ же лѣтописямъ и по всѣмъ историческимъ и этнографическимъ даннымъ, воспріявшія начатки культуры главнѣйшимъ образомъ отъ славянъ, являются какъ-бы родоначальниками нашей доисторической культуры Не вдаваясь въ частный разборъ этой странной теоріи, не могу не замѣтить, что здѣсь, очевидно, вкралось крупное недоразумѣніе. Индустрія наиболѣе развитыхъ сѣверо-восточныхъ и западныхъ финновъ, соприкасавшихся съ русскимъ населеніемъ, намъ болѣе или менѣе извѣстна съ XI—XII в. по письменнымъ источникамъ; но нигдѣ мы не видимъ ни одной черты, которая указывала бы на самостоятельную финскую культуру. Равнымъ образомъ, если принять во вниманіе данныя языка и бытовыя черты того же народа, то и здѣсь мы увидимъ на каждомъ шагу заимствованіе отъ русскихъ *). Картина обрусенія, конечно, вышла бы еще рельефнѣе, если бы мы могли точнѣе возстановить древній языческій русскій культъ, изъ котораго по преимуществу черпали финскіе инородцы свои бытовыя привычки. Со введеніемъ христіанства многое въ этомъ отношеніи измѣнилось въ складѣ русской жизни, тогда какъ у инородцевъ язычниковъ старая жизнь сохранилась въ большей неприко-

*) Это видно въ способѣ постройки домовъ и хозяйственныхъ строеній, въ орудіяхъ земледѣлія, въ домашней утвари и во многихъ другихъ принадлежностяхъ нынѣшняго инородческаго быта.

сновенности. Кто знаетъ, можетъ быть въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ чувашъ и черемисъ, въ ихъ нынѣшнемъ культурномъ строѣ уцѣлѣла значательная доля славянскаго паганизма, воспринятаго отъ нашихъ предковъ въ доисторическія времена.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мнѣ казалось бы болѣе правильнымъ смотрѣть на такъ называемыя мерянскія могилы, какъ на слѣды русской колонизаціи, осѣвшей съ давнихъ поръ среди финскихъ инородцевъ этого края, точно также, какъ существуютъ теперь русскія села и города среди широкаго моря инородческаго населенія всего сѣверовостока Россіи. Принадлежа къ болѣе культурному, предпріимчивому и сильному племени, русскіе колонисты занимали наивыгоднѣйшіе пункты, преимущественно по берегамъ рѣкъ и озеръ, врѣзываясь полосами въ финскую страну. Только такимъ путемъ они могли держать въ политическомъ и торговомъ подчиненіи массу инородческихъ племенъ и распространять свое культурное вліяніе въ такіе отдаленные края, какъ Пермь и Печера. Ближайшія области, въ томъ числѣ Мерянская и Муромская, могли, естественно, привлекать русскихъ колонистовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и потому быстрѣе достигать конечнаго результата отъ смѣшаннаго населенія—полной ассимиляціи слабѣйшей расы сильнѣйшею *). Это мы дѣйствительно и видимъ на Мерѣ, Муромѣ и западной Мордвѣ, въ скоромъ времени исчезнувшихъ изъ списковъ инородческаго населенія несторовой географіи.

Разсматривая мерянскія могилы, какъ наши отечественныя древности, мы можемъ извлечь отсюда весьма цѣнные факты для возстановленія нашего доисторическаго быта. Этотъ матеріалъ важенъ не по одной только численности извлеченныхъ изъ могилъ предметовъ, но еще болѣе потому, что здѣсь въ большей или меньшей степени удалось опредѣлить хронологію кургановъ. По найденнымъ въ нѣкоторыхъ могилахъ монетамъ и христіанскимъ крестикамъ и другимъ предметамъ можно было выяснить, что могильники относятся къ XI—XII столѣтію **), т. е. къ тому переходному времени, когда язычество на Руси отживало свой вѣкъ и когда народившееся христіанство, принесшее новую византійскую культуру, стало быстро вытѣснять нашу доисторическую старину.

---

*) Сліяніе инородцевъ съ славянами должно было происходить гораздо легче въ прежнее языческое время, чѣмъ послѣ принятія русскими христіанства; ибо въ первомъ случаѣ религіи того и другаго народа стояли ближе другъ къ другу, а можетъ быть даже совершенно были одинаковы. Въ пользу этого говоритъ сходство языческаго погребенія у сѣверныхъ славянъ и у финскихъ инородцевъ, не только западныхъ, но даже и восточныхъ (сибирскихъ), изъ чего можно заключить, что этотъ погребальный культъ усвоенъ финнами въ весьма отдаленныя времена.

**) Это хронологическое указаніе въ свою очередь также подтверждаетъ высказанную нами мысль о принадлежности мерянскихъ памятниковъ славянамъ; ибо въ XI—XII в. едвали могла существовать у мерянъ своя самостоятельная культура, а тѣмъ болѣе не могло быть на нихъ цивилизующаго вліянія какого либо другого народа, кромѣ русскаго, въ массѣ котораго они къ тому времени уже почти совсѣмъ растворились.

По отчету объ археологическихъ розысканіяхъ во Владимірской губерніи, начатыхъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1851 г., было изслѣдовано здѣсь (г. Савельевымъ) нѣсколько тысячъ кургановъ и нѣсколько городищъ и селищъ. Изъ нихъ болѣе 2000 кургановъ открыто по возвышеннымъ берегамъ Плещеева озера, преимущественно-же въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Переславля Залѣскаго, близь села Городища. Многіе курганы содержали въ себѣ сожженныя кости; но въ большей части найдены остовы, или слѣды ихъ. Сожиганіе труповъ и погребеніе существовали, повидимому, въ одно и тоже время. По языческому обычаю, въ могилы клали любимыя вещи покойника, которыя собственно и составляютъ важнѣйшій матеріалъ для сравнительной археологіи.

По этимъ находкамъ, представляющимъ, какъ мы уже неоднократно упоминали, ясное продолженіе одной и тойже восточно-скиѳской культуры, мы имѣемъ вполнѣ достаточное основаніе утверждать, что болгарскія и мерянскія древности по происхожденію своему не финскія. Если сибирскіе инородцы до сихъ поръ употребляютъ иногда большія желѣзныя стрѣлы въ формѣ вилокъ и лопатокъ, то я объясняю это только старыми привычками, сохранившимися у нихъ отъ временъ доисторическихъ, когда они унаслѣдовали эту форму оружія отъ древняго сибирскаго населенія курганной эпохи. Въ странахъ цивилизованныхъ, или близко соприкасающихся съ европейской цивилизаціей типы оружія обыкновенно соотвѣтствуютъ запросу времени, подражая лучшимъ, болѣе усовершенствованнымъ образцамъ; въ странахъ некультурныхъ и изолированныхъ, гдѣ населеніе живетъ только старыми преданіями, разъ усвоенныя привычки и формы блюдутся тысячелѣтіями. Въ такомъ положеніи находились сибирскіе инородцы до водворенія здѣсь русской культуры, 200—300 лѣтъ тому назадъ. Поэтому здѣсь легче было сохраниться старому типу стрѣлъ, нежели въ европейской Россіи, тѣмъ болѣе, что русская колонизація внесла сюда уже огнестрѣльное оружіе, а не усовершенствованныя стрѣлы, отжившія свой вѣкъ.

О формѣ русскихъ стрѣлъ X—XIV в. не говорится ни въ лѣтописяхъ, ни въ какихъ либо описаніяхъ. Позднѣе, въ описяхъ великокняжескаго оружія XV и XVI в. упоминаются, кромѣ обыкновенныхъ стрѣлъ копейцами, *срѣзни*, *северги*, *томары* и *свищи*. Это были стрѣлы охотничьи. Вмѣсто копейца онѣ имѣли наконечники другой формы, но какой именно, не всегда легко угадать по отсутствію точнаго описанія. Судя по названію, *срѣзнями*, можетъ быть, считались тѣ широкія четырехугольныя или ромбическія лопатки, форму которыхъ мы описывали выше (рис. на табл. XVII и XVIII). *Свищами* (отъ слова свищь, дырка, сквозное отверстіе) могли называться стрѣлы, подобныя описаннымъ нами трехкрылымъ съ отверстіями (табл. XVII, I.). Названіе *северга* не даетъ никакого представленія о фор-

мѣ. *Томаръ*—это стрѣла (монгольское слово) съ деревянной или костяной шишкой на концѣ, вмѣсто копейца. Въ описи древняго русскаго оружія упоминаются также „стрѣлы *съ двойными копьи и съ широкими*“ *). Онѣ названы калмыцкими. Весьма вѣроятно, что здѣсь имѣются въ виду наши двурогія стрѣлы, рисунки коихъ помѣщены на табл. XIX. Онѣ же оказываются, какъ мы видѣли, въ древностяхъ болгарскихъ и мерянскихъ. У обыкновенныхъ русскихъ стрѣлъ „желѣзца (были) трехгранныя, четверогранныя, прорѣзныя съ яблочьки, стальныя, лощатыя, съ дольки золочены и воронены“ (Вельтманъ).

Если въ XVI—XVII стол. двурогія стрѣлы носили по русскимъ описямъ названіе калмыцкихъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онѣ должны считаться монгольскимъ изобрѣтеніемъ. По русскимъ древностямъ эта форма стрѣлъ существовала на Камѣ и Волгѣ гораздо раньше появленія монголовъ, можетъ быть съ VI—VII в. (городище Болгары и мерянскіе курганы). Она могла быть занесена къ намъ камскими болгарами или гуннами, но скоро была вытѣснена стрѣлами европейскаго типа, тогда какъ въ Сибири стрѣлы этой формы продолжали существовать, не столько у калмыковъ, сколько у остяковъ и тунгусовъ, почти до новѣйшаго времени **). Остяки Нарымскаго края употребляютъ ихъ для охоты на выдру и другихъ звѣрей, дѣйствуя ими иногда изъ лука, иногда бросая какъ гарпунъ. Томары употребляются преимущественно на бѣлку. Весьма вѣроятно, что и на Руси XVI—XVII в. эти стрѣлы тоже примѣнялись только для охоты, а не для войны.

Несмотря на то, что употребленіе стрѣлъ ведетъ свое начало отъ весьма глубокой древности, этотъ родъ оружія въ классическомъ мірѣ не пользовался большимъ значеніемъ. Въ героическія времена Греціи и Рима предпочитали ратоборство и личную храбрость, дѣйствуя въ рукопашную, копьями и мечами, подъ прикрытіемъ брони и щита. Стрѣлки, не имѣвшіе ни того ни другого, считались самою слабою частію войска. Такая репутація ихъ, повидимому, продолжалась до начала среднихъ вѣковъ, или, точнѣе, до начала гуннскихъ войнъ, принесшихъ съ сѣверовостока Азіи и другое оружіе и другую военную тактику. Прокопій ***) въ описаніи римскихъ

*) Московская оружейная палата, 2-е изд. 1860 г. стр. 221, подстрочное примѣчаніе. О стрѣлахъ см. также у *Саввантова* „Описаніе старинныхъ утварей“ и пр. С.-Пб. 1865 г. стр. 269 и у *Вельтмана* Москов. оружейная палата. Москва 1844 г. Пояснительный словарь стр. 57 и 61.

**) Въ Томскомъ музеѣ имѣются девять экземпляровъ такихъ современныхъ двурогихъ стрѣлъ съ оперенным древкомъ, полученныхъ мною отъ остяковъ Нарымскаго края (№№ катал. 4543—4550 и № 4737 съ лукомъ и тетивой). Есть также и томары съ деревянною или костяною шишкою на концѣ, вмѣсто копейца (№№ 4542, 4739). Современныя остяцкія рогатыя стрѣлки значительно уже и короче древнихъ.

***) *Прокопій Кесарійскій* исторія войнъ римлянъ съ персами, вандалами и готѳами. Переводъ С. Дестуниса. Спб. 1876. Кн. I, гл. 1, стр. 7 и 8.

войнъ его времени (въ первой половинѣ VI в.) даетъ о прежнихъ стрѣлкахъ такой отзывъ: «Въ искусствѣ своемъ они были такъ плохи, что *притянувъ къ груди тетиву*, пускали стрѣлу легкую и ничтожную для тѣхъ, въ кого она попадала. Таково-то, кажется, было въ прежнія времена искусство стрѣльбы. У нынѣшнихъ стрѣлковъ, напротивъ того, когда идутъ они на бой, грудь и ноги до колѣнъ покрыты латами, на правомъ боку висятъ стрѣлы, на лѣвомъ—мечъ; у нѣкоторыхъ и мечъ и дротъ, а на плечахъ—малый безъ рукоятки щитъ, которымъ можно прикрывать лицо и затылокъ. Они отличные ѣздоки; умѣютъ на всемъ скаку напрягать лукъ и стрѣлять на обѣ стороны, какъ въ бѣгущаго отъ нихъ, такъ и въ преслѣдующаго ихъ непріятеля. *Тетиву притягиваютъ они ко лбу до самаго праваго уха*, отъ чего она придаетъ стрѣлѣ такую силу, что стрѣла всегда убиваетъ того, въ кого попадетъ; ни щитъ, ни броня не могутъ удержать ея стремленія. Однако есть люди, которые, забывая все это, благоговѣютъ передъ древностію, удивляются ей, не давая никакого преимущества новымъ изобрѣтеніямъ" *). Дестуннисъ по поводу приведеннаго отрывка изъ сочиненія Прокопія замѣчаетъ, „Прокопій, выставивъ слабыя стороны стрѣлковъ эпохи героической, далѣе переходитъ къ описанію стрѣлковъ своего времени: это, очевидно, стрѣлки изъ инородцевъ, преимущественно азіатскихъ, служившихъ въ войскахъ императора (Юстиніана) въ его время. Нельзя не узнать въ его описаніи извѣстную стрѣльбу конниковъ азіатовъ, Массагетовъ, Саковъ, Пароянъ, Гунновъ и т. п."

Къ этому мы прибавимъ, что самыя стрѣлы у азіатскихъ народовъ того времени (разумѣемъ желѣзныя), судя по археологическимъ находкамъ, были гораздо массивнѣе и смертоноснѣе не только древнихъ бронзовыхъ, но и позднѣйшихъ желѣзныхъ, употреблявшихся римлянами. На увеличеніе размѣра сибирскихъ стрѣлъ, очевидно, обращено было особое вниманіе и этому оружію придавалось большое значеніе. Это мы видимъ и на желѣзныхъ и на костяныхъ сибирскихъ стрѣлахъ. Достаточно сравнить маленькія, коническія, костяныя стрѣлки со втулочкой, найденныя графомъ А. А. *Бобринскимъ* въ южнорусскихъ курганахъ **), съ нашими массивными, трехгранными костяными стрѣлами, чтобы убѣдиться, насколько должна быть велика разница въ силѣ тѣхъ и другихъ. Недаромъ *Амміанъ Марцеллинъ*, говоря о костяныхъ стрѣлахъ Гунновъ, замѣтилъ: „Ничто не можетъ сравниться съ ловкостію ихъ стрѣльбы на большихъ разстояніяхъ; ихъ стрѣлы

*) О стрѣльбѣ Персовъ Прокопій отзывается не съ такою похвалой: „Стрѣлы ихъ пускаются изъ луковъ мягкихъ и некрѣпко натянутыхъ; падая на броню, на шлемъ, или на щитъ римскаго воина, онѣ надламываются и нисколько не вредятъ" (l. c. стр. 737).

**) Курганы близъ мѣстечка Смѣлы, томъ второй, рис. на табл. XIV.

изъ заостренной кости такъ же крѣпки и смертоносны, какъ желѣзныя" *). Желѣзныя наконечники Гуннскихъ большихъ трехгранныхъ стрѣлъ, при такой ловкости и силѣ стрѣльбы, должны были дѣйствовать еще разрушительнѣе.

6) *Булавы и шестоперы.*

Къ этому разряду древностей могутъ быть отнесены имѣющіеся въ археологическомъ музеѣ Томскаго университета три предмета, записанные въ каталогѣ подъ №№ 2669, 3041 и 4021. Первый изъ нихъ представляетъ собою каменную фигуру яйцевидной формы, величиною въ куриное яицо, съ сквознымъ круглымъ отверстіемъ по длинной оси, шириною въ мизинецъ. По срединѣ этой яицеобразной фигуры, снаружи, высѣченъ рядъ симметрично расположенныхъ, сосковидныхъ, довольно крупныхъ, шишечекъ (8 штукъ), опоясывающихъ предметъ по его поперечной оси. Камень, изъ котораго сдѣланъ этотъ предметъ, имѣетъ темноаспидный цвѣтъ; обтеска и шлифовка его весьма тщательная, въ общемъ довольно красивая. Найденъ въ золотой розсыпи по р. Бѣлому Юсу, въ Ачинскомъ округѣ, на глубинѣ около аршина отъ поверхности почвы. Въ каталогѣ музея этотъ предметъ названъ мною булавой, такъ какъ круглое отверстіе по его длинѣ, очевидно, предназначалось для рукоятки. Рисунокъ его, снятый въ половину натуральной величины, помѣщенъ на табл. XIII подъ № 5. Второй предметъ, № 3041, записанъ въ каталогѣ такимъ образомъ: мѣдная (бронзовая?) литая булава (шестоперъ) на четырехгранномъ желѣзномъ стержнѣ. Стержень (рукоятка) 46 сант. длины, имѣетъ на заднемъ концѣ ажурную шишечку, въ видѣ коронки. Яблоко булавы (передній конецъ) грушевидной формы, длиной 8 сант., съ четырьмя выдающимися продольными гребнями (перьями), раздѣляющими поверхность яблока на четыре части. Въ каждомъ такомъ участкѣ посажено вдоль по три выпуклыхъ шишечки (шипка). На вершинѣ булавы имѣется родъ ушка съ овальною дырочкой. Длина всего орудія 54 сант. Найдено оно въ Ачинскомъ округѣ, близъ деревни Поперешки; доставлено въ музей Ин. Петр. Кузнецовымъ. Фотографическій снимокъ его помѣщенъ на табл. XIII, 7, въ половину натуральной величины.

На той же таблицѣ подъ № 6 изображенъ третій экземпляръ подобнаго же предмета, вылитаго изъ бронзы, записаннаго въ каталогѣ подъ № 4021. По продольной оси его проходитъ сквозное круглое отверстіе, шириною въ мизинецъ, въ которое должна была вставляться рукоятка. Длина орудія по этой оси 5 сант., толщина по полюсамъ 2,5 сант.; по выпуклой

*) О костяныхъ стрѣлахъ см. выше на стр. 163 и слѣд. (въ первомъ выпускѣ этой части).

периферіи средней части расположено пять выдающихся шишечекъ, подобно тому, какъ было показано на № 2669 (рис. 5). Этотъ предметъ найденъ въ Минусинскомъ округѣ, близъ села Абаканскаго, доставленъ въ музей священникомъ этого села о. Смирновымъ въ 1889 г. Всѣ эти три предмета очевидно имѣли одинаковое назначеніе, на что указываетъ рисун. № 7, представляющій мѣдную булаву въ полномъ ея видѣ, съ желѣзною рукояткою, тогда какъ остальные два экземпляра (рис. 5 и 6) сохранились безъ рукоятокъ, которыя, по всей вѣроятности, были деревянныя.

Степень древности этихъ находокъ въ точности опредѣлить трудно, но, судя по каменному экземпляру, найденному на золотомъ пріискѣ въ старыхъ отвалахъ, можно полагать, что эта находка должна быть отнесена къ до исторической эпохѣ. Тоже можно сказать и о бронзовой булавѣ № 4021 (рис. 6). Экземпляръ съ желѣзною рукояткою (№ 3041, рис. 7) вѣроятно нѣсколько моложе, но и онъ едвали относится къ монгольскому или татарскому періоду. Рукоятка его, повидимому, не была заклепана въ мѣдной шишкѣ, а залита въ форму послѣдней, подобно тому, какъ мы это видѣли на двуметальныхъ кинжалахъ и сѣкирахъ. На это, между прочимъ, указываютъ срѣзы и подчистки по нижнему краю мѣдной головки булавы, кругомъ рукоятки, видимо сдѣланные послѣ отливки и не раньше того, когда рукоятка была уже внутри головки; и до сихъ поръ она остается точно спаянная съ ней, не смотря на слой ржавчины, покрывавшій остальную поверхность желѣза.

Булава въ средніе вѣка служила и воинскимъ оружіемъ и знакомъ военачалія или властительства. Она была извѣстна и въ Европѣ и въ Азіи. У турокъ она называлась буздыханомъ, у русскихъ шестопером или пернатомъ. *Вельтманъ*, ссылаясь на Монфокона, говоритъ, что „на печати Лотарія, короля франковъ (954—986 г.) онъ изображенъ съ скипетромъ въ одной рукѣ и съ шестопером въ другой*). *Савваитовъ***) о словѣ булава пишетъ слѣдующее: „Это деревянный или металлическій жезлъ съ шаромъ или яблокомъ на концѣ. Вмѣсто шара или яблока, на концѣ властительскихъ жезловъ насаживались обушки или брусы, клевцы, перья: отъ чего и самыя булавы назывались *обушками, брусями, клевцами, пернатами, шестоперами*. Въ описяхъ встрѣчается названіе пернатовъ *буздыханами*. У турокъ и татаръ *буздыханъ* означаетъ военный жезлъ, у котораго яблоко набито острыми гвоздями. Яблоко булавы дѣлалось изъ золота, серебра, булата, желѣза, хрусталя, украшалось бирюзой и драгоцѣнными

*) *Вельтманъ*. Москов. оружейная палата изд. 1844 г. Пояснительный словарь, стр. 7. слова буздыханъ и булава.

**) Описаніе старинныхъ утварей и пр. стр. 160

камнями... Въ оружейной палатѣ хранится болѣе 40 различныхъ булавъ, буздыхановъ, пернатовъ и пр. Одни изъ нихъ достались государямъ по праву владѣнія, другіе получены отъ покоренныхъ странъ, иные присланы въ даръ отъ разныхъ владѣльцевъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: а) Новгородская булава, бывшая знакомъ посадничества, б) Лифляндская; в) Казанская, г) Сибирская, д) Гетмана Богдана Хмѣльницкаго, поднесенная имъ царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 г., при вступленіи Малороссіи въ подданство Россіи; е) польскихъ конфедератовъ, ж) хрустальная, з) Грузинскій буздыханъ, поднесенный царю Алексѣю Михайловичу въ 1658 г. грузинскимъ царемъ Теймуразомъ, въ изъявленіе подданства его со всею Грузіею; и) два желѣзные шестопера, отобранные въ 1675 г. у калмыцкихъ тайшей".

У того же автора на стр. 311—312 *о шестоперѣ* сказано: „Это родъ булавы, у которой головка сдѣлана въ видѣ перьевъ стрѣлы. Эти перья дѣлались глухія и прорѣзныя—золотыя, серебряныя съ позолотой и безъ позолоты, булатныя, стальныя, желѣзныя, съ золотыми наводами, съ украшеніями изъ бирюзы и драгоцѣнныхъ камней... *Черены* шестоперовъ назывались и *топорищами*; они дѣлались, также какъ и перья (головки) золотые, серебряные (позолоченые или посеребреные), булатные и желѣзные, прорѣзные, гладкіе и граненые, иногда съ однимъ, двумя и четырьми яблочками (шишками), или съ поясками... Были и деревянные черены, поволоченные бархатомъ и хзомъ, перевитые сканнымъ золотомъ или серебромъ и просто крашенные"... Число перьевъ у шестоперовъ было не одинаково: въ разныхъ описяхъ Московской оружейной палаты находимъ шестоперы о 6, 7, 8, 9, 11 и 12 перьяхъ. У Бориса Годунова былъ „шестоперъ и топорище желѣзное о семи перѣхъ". Въ оружейной палатѣ Кириллова Бѣлоозерскаго монастыря были два шестопера: одинъ о семи перьяхъ, другой о шести; отсюда видно, что названіе шестоперъ сперва означало собственно *шесть перьевъ*, а потомъ сдѣлалось общимъ названіемъ *пернатовъ*, безъ отношенія къ числу перьевъ. Въ началѣ XVI столѣтія шестоперы употреблялись какъ воинское оружіе. Въ лѣтописи подъ 7000 годомъ читаемъ, что „Москвичи съ татарами биша поганыхъ нѣмцевъ... а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ Москвичи и татарове, аки свиней, шестоперы" *).

Мы позволили себѣ привести здѣсь почти дословное извлеченіе изъ объяснительнаго указателя, приложеннаго къ труду Павла Ив. Саввантова, касательно словъ *булава* и *шестоперъ*, на томъ основаніи, что по этому описанію ясно видно близкое сходство нашихъ археологическихъ предметовъ съ булавами и шестоперами древней Руси. Номеръ 3141, изображен-

*) Полное собр. русск. лѣтописей т. IV, стр. 275.

ный на рис. 7 табл. XIII представляетъ всѣ признаки шестопера, какъ боевого оружія, а остальные два предмета должны были имѣть значеніе булавы, какъ знака военачалія *). Любопытно также указанное Савваитовымъ сопоставленіе слова шестоперъ съ персидскимъ *шешперъ*. По этому можно предполагать, что названіе орудія принесено изъ Персіи и, позволяю себѣ прибавить, не въ средніе вѣка, а въ то доисторическое время, когда сибирская культура развивалась подъ вліяніемъ Передней и Малой Азіи, на что мы указывали въ предъидущей главѣ (особенно стр. 387). Хотя я не знаю въ точности, существовалъ ли у древнихъ персовъ *шешперъ* въ значеніи русскаго шестопера, но наши сибирскія находки этого орудія указываютъ, что оно въ Сибири было извѣстно, во всякомъ случаѣ, раньше наступленія христіанской эры. Поэтому Сибирь, мнѣ кажется, можно считать, если не первой его родиной, то по меньшей мѣрѣ такой страной, гдѣ булавы и шестоперы появились раньше, чѣмъ въ Европѣ.

Затѣмъ булавы мы встрѣчаемъ въ древностяхъ Камской Болгаріи. Въ коллекціи казанскаго археолога А. Ѳ. Лихачева ихъ находилось три экземпляра, вылитыхъ изъ бронзы. Они были найдены въ Болгарахъ и Билярскѣ въ сопутствіи съ бронзовымъ долотомъ и мѣднымъ наконечникомъ копья. Рисунки ихъ помѣщены на II табл. атласа, приложеннаго къ трудамъ второго археологическаго съѣзда, подъ № 1, 5, 7 и 9 (выпускъ первый, отд. II, памятники древней Болгаріи, текстъ по отдѣльному оттиску статьи Лихачева на стр. 14). Болгарскія булавы отличаются отъ сибирскихъ тѣмъ, что онѣ имѣютъ видъ граненыхъ шишекъ съ круглымъ отверстіемъ для черена. На рис. № 1 видны выдающіяся широкія ребра или перья, числомъ, судя по рисунку, пять или шесть. На остальныхъ булавахъ, вмѣсто перьевъ, показаны граненые пирамидальные выступы, числомъ четыре, а на рисункѣ № 9 одинъ изъ этихъ выступовъ имѣетъ очертаніе птичьяго клюва **). Выше мы уже неоднократно замѣчали, что болгарскія древности бронзовой эпохи въ большинствѣ формъ представляютъ непосредственное продолженіе сибирской культуры; поэтому и въ данномъ случаѣ находки булавъ въ Болгарахъ и Билярскѣ мы считаемъ доказательствомъ распространенія этого властительскаго знака на западную сторону Урала не изъ Персіи, а изъ Сибири.

*) Нашъ каменный экземпляръ № 2669 по древне-русской терминологіи могъ бы носить спеціальное названіе *брусъ*. По Савваитову названіе *брусъ* означало „знакъ военачалія *въ видѣ каменной булавы*“. У Бориса Ѳеодоровича былъ „брусъ аспиденъ, топорище поволочено газомъ чернымъ, по газу перевито серебромъ“. Другой „брусъ аспиденъ, топорище желѣзно, поволочено бересты желты“ (Савваит. стр. 159).

**) Въ 55 примѣчаніи (на стр. 45) А. Ѳ. *Лихачевъ* дѣлаетъ ссылку на проф. пештскаго унив. Флоріана *Ромера*, сообщившаго на международномъ археол. конгрессѣ въ Парижѣ въ 1867 г., что шишки бронзовыхъ булавъ попадаются въ почвѣ Венгріи въ значительномъ числѣ и разнообразіи (Congrès internat. d'anthrop. et d'archéol. préhist.-Compte-rendu de la 2-me session. Paris, 1867. (p. 320—336.).

О времени появленія шестоперовъ и булавъ на Руси мы не имѣемъ точныхъ лѣтописныхъ свѣдѣній, да ихъ и быть не можетъ, такъ какъ это орудіе очевидно существовало еще до начала нашей письменности. Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи можетъ дать славянская лингвистика. Основываясь на томъ, что слово шестоперъ существуетъ также у южныхъ славянъ (сербовъ, хорватовъ, чеховъ и полабск. слав.), Будиловичъ считаетъ его древнеславянскимъ. Да и по этимологическому своему складу это слово равносильно и почти равнозвучно съ санскр. и персидскимъ šas шесть и parna-m, зенд. par-en-a, перс. per—перо, крыло. На основаніи этого едвали можно утверждать, что слав. *шестоперъ* должно непремѣнно происходить отъ персид. *шашъ* или *шешперъ*: оба эти слова могли сформироватьс одновременно и у славянъ и у персовъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ—числительнаго шесть и сущ. перо*).

На основаніи сибирскихъ и болгарскихъ находокъ, а также и данныхъ языка, мы позволяемъ себѣ думать, что русскія булавы и шестоперы перешли къ намъ не отъ турокъ или татаръ и даже не отъ персовъ непосредственно. Вѣроятнѣе предположить, что появленіе ихъ въ Европейской Россіи совпадаетъ съ эпохою, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ. Въ это же время они проникли, какъ знаки властительства или военачалія, къ западнымъ славянамъ и франкамъ. Въ Россіи они привились болѣе всего у донскихъ, малороссійскихъ и польскихъ гетмановъ и у новгородскихъ посадниковъ. Турки, грузины и татары могли усвоить эти знаки непосредственно отъ персовъ, калмыки и казанскіе татары—отъ русскихъ**).

7) Доспѣхи.

Подъ словомъ доспѣхи въ русскомъ языкѣ разумѣется полное вооруженіе, т. е. оружіе и одежда воинская. Объ оружіи мы уже говорили достаточно. Къ вспомогательному воинскому наряду относятся: шлемъ, щитъ, броня и конскій уборъ у конниковъ. По археологическимъ даннымъ сюда же должны быть причислены существовавшіе у сибирскихъ воиновъ наборные пояса съ металлическими фигурными бляхами.

---

*) Само собой разумѣется, что слово перо употребляется здѣсь не въ смыслѣ оперенія напр. стрѣлы птичьимъ перомъ, а въ значеніи металлической лопасти или выдающагося ребра. Острыя пластинки наконечниковъ копья или стрѣлы тоже назывались перомъ.

**) У татаръ шестоперъ называется *буздыханъ* или буздыханъ, булава—*bulav*. Буздыханъ слово турецкое; оно иногда употребляется и въ русскихъ описяхъ, въ значеніи шестопера, заимствованное отъ татаръ послѣ ихъ нашествія на Россію. Рейфъ, Миклошичъ и Горяевъ булаву также считаютъ татарскимъ словомъ; Рейфъ причисляетъ сюда же и булавку, épingle. Но для слова булава и булавка мы имѣемъ слишкомъ достаточно европейскихъ аналогій, чтобы устранить татарскій источникъ: лотинск. *bulla*. шишка, головка, швед. *bula*. нѣм. *Bulle*, шишка. Отсюда же должно происходить и слово *булавá*, а тюркск. *bulav* естественнѣе считать заимствованнымъ.

а) Шлемы. До сего времени въ числѣ сибирскихъ доисторическихъ древностей не было найдено ни мѣдныхъ шлемовъ, ни щитовъ. Ихъ не оказывается также ни въ Камской Болгаріи, ни вообще въ Европейской Россіи болѣе древней эпохи. Въ южныхъ областяхъ Россіи эти доспѣхи (желѣзные) появляются едвали раньше VI—VII вѣка и имѣютъ римскій или скандинавскій типъ. Очевидно, это было готское нововведеніе, которымъ раньше скиѳскіе воины не пользовались.

Весьма любопытный памятникъ древняго головного убора скиѳскаго воина представляетъ намъ извѣстный надгробный камень изъ Ананьинскаго могильника, розысканный Невоструевымъ. На немъ изображенъ полный костюмъ и вооруженіе воина: на головѣ невысокая, островерхая, коническая шапка, на шеѣ ожерелье (гривна); короткая одежда стянута около таліи поясомъ, на которомъ съ правой стороны виситъ короткій мечъ, по формѣ очень похожій на кинжалы, найденные въ томъ же могильникѣ; ноги обуты въ сапоги. Коническая шапка, изображенная на головѣ этого воина, вѣроятно, была кожанная или войлочная, такъ какъ ни въ Ананьинскомъ, ни въ другихъ могильникахъ древней Камской Болгаріи металлическихъ шапокъ (шлемовъ) ни разу не было найдено.

По сохранившимся изображеніямъ военныхъ сценъ на нѣкоторыхъ предметахъ южнорусскихъ древностей скиѳскіе доспѣхи обыкновенно отличаются отъ эллинскихъ. Греки почти всегда представлены въ шлемахъ и со щитами, скиѳы же въ башлыкахъ или шапкахъ, и всегда безъ щитовъ—съ копьемъ, кинжаломъ или сѣкирою въ рукахъ. Головной уборъ ихъ, вѣроятно, былъ мидійскаго происхожденія. Геродотъ, описывая армію Ксеркса, говоритъ, что мидяне и персы „имѣли на головахъ шляпы изъ плохо сбитаго войлока, называемыя тіарами,—на тѣлѣ пестрые хитоны съ рукавами, панцырь изъ желѣзныхъ чешуекъ, на подобіе рыбьей чешуи,—на ногахъ штаны...., наконецъ короткіе мечи *на правомъ боку*, висящіе на поясѣ“ *). Обычай носить мечъ или кинжалъ на правомъ боку очевидно существовалъ и у скиѳовъ, какъ это видно по изображеніямъ на нѣкоторыхъ каменныхъ бабахъ и на Ананьинскомъ камнѣ. По словамъ того же писателя, Саки, причисляемые имъ къ скиѳскому племени, «имѣли на головѣ остроконечныя шапки изъ плотнаго войлока, стоявшія прямо», можетъ быть, подобныя тому головному убору, какой показанъ на Ананьинскомъ камнѣ. Оружіе саковъ состояло изъ короткихъ мечей и сѣкиръ. О Массагетахъ Геродотъ замѣчаетъ, что они украшали головные уборы, пояса и эксельбанты золотомъ, а грудь лошадей защищали мѣдными панцырями. (Герод. I, 215).

*) Геродотъ, кн. VII, 61, 62, 64, 66.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ объ оружіи и доспѣхахъ народовъ передней Азіи, необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи нашихъ археологическихъ вопросовъ, такъ какъ памятники сибирской бронзовой культуры вообще обнаруживаютъ очень близкія отношенія къ Мидіи и Персіи. На это мы указывали неоднократно въ предъидущихъ главахъ. Въ отношеніи воинскихъ доспѣховъ и въ частности головныхъ уборовъ оказывается тоже самое: ни у сибирскихъ, ни у черноморскихъ скиѳовъ мы не встрѣчаемъ ни мѣдныхъ шлемовъ, ни щитовъ. Въ древнюю Русь эти доспѣхи пришли гораздо позднѣе, и не съ востока, а съ запада.

Не смотря на то, что сибирская и болгарская археологія не даетъ намъ повода говорить о настоящихъ древнихъ шлемахъ, я считаю не безполезнымъ упомянуть здѣсь о находкѣ въ Тобольской губерніи двухъ желѣзныхъ головныхъ уборовъ, повидимому относящихся къ доисторическому времени, хотя трудно сказать, къ какой именно эпохѣ. Они хранятся въ Тобольскомъ музеѣ, гдѣ значатся подъ №№ 612 и 613. Форма этихъ шлемовъ коническая, въ видѣ сахарной головы, высотою 27 сант., съ усѣченною вершиною. Тотъ и другой шлемъ составленъ изъ трехъ желѣзныхъ полосъ (вѣнцевъ), соединенныхъ желѣзными же заклепками. На поверхности желѣза кое-гдѣ сохранились слѣды позолоты. Отъ передней части нижняго вѣнца идетъ желѣзная полоска, такъ называемый, носъ, длиною 10 сантиметровъ, для защиты лица отъ поперечныхъ ударовъ мечемъ или саблею. Фотографическіе рисунки этихъ шлемовъ приложены къ описанію Тобольскаго музея, составленному его хранителемъ Н. А. Лыткинымъ *).

Тобольскіе желѣзные шлемы были найдены крестьяниномъ въ 1886 г. при углубленіи канавы возлѣ почтовой дороги, ведущей изъ Тобольска въ Омскъ, въ 170 в. отъ Тобольска, недалеко отъ деревни Истяцкія юрты, въ густомъ сосновомъ бору, въ песчаномъ грунтѣ. Ни кургановъ, ни городищъ въ этой мѣстности не оказывается. Рядомъ со шлемами, по словамъ крестьянина, находились: мѣдный котелъ и старое желѣзное копье, а внутри котла и шлемовъ нѣсколько обломковъ птицевидныхъ идоловъ и большое число круглыхъ металлическихъ бляхъ съ разными на нихъ изображеніями **). По характеру этихъ вещей можно полагать, что и найденные вмѣстѣ съ ними желѣзные шлемы должны принадлежать временамъ доисторическимъ, можетъ быть къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Хр.

Въ древней Руси подобные высокіе шлемы конической формы назывались шишаками. У Вельтмана такой шишакъ съ Деисусомъ изображенъ на табл. рисунковъ при стр. 74. Въ пояснительномъ словарѣ той же книги

*) Археологическій отдѣлъ Тобольскаго губернскаго музея. Тобольскъ 1890 г. Фотогр. табл. VII № 1 и 2. Текстъ описанія на стр. 13.

**) Объ этихъ находкахъ было говорено выше, на стр. 289—290.

(стр. 71) шишаки опредѣляются такъ: „форма ихъ конусная, безъ выпуклости; наушки и затылки дощатые. Въ описи 1687 г. (значится) 36 шишаковъ *калмыцкихъ* стальныхъ, съ трубками, да на дворѣ боярина Никиты Романова, сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ, 1870 шишаковъ; да на бархатномъ дворѣ 1406 шишаковъ желѣзныхъ, ржавыхъ худыхъ». Отличались ли чѣмъ нибудь калмыцкіе шишаки отъ русскихъ, я не знаю; но по употребленному въ описи выраженію («калмыцкихъ») едвали мы имѣемъ основаніе заключать, чтобы шишаки вообще были изобрѣтеніемъ калмыковъ. Слово шишакъ Будиловичъ считаетъ древнеславянскимъ (хотя и съ вопросительнымъ знакомъ). Оно существуетъ также у южныхъ славянъ (чеховъ, хорватовъ, хорут., лужичанъ и полабцевъ), которые, конечно, не могли заимствовать его отъ монголовъ. Въ мадьярскомъ языкѣ существуетъ тоже слово *sisak*, и оно скорѣе можетъ подтверждать его славянскую древность, нежели, наоборотъ,—заимствованіе шишака изъ Венгріи, такъ какъ мадьярскій языкъ, какъ извѣстно, преизобилуетъ славянскими терминами, усвоенными частію на прежней родинѣ мадьяръ, въ бассейнѣ Камы, частію на Дунаѣ *).

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ XV—XVI столѣтіяхъ шишаками у насъ назывались не только высокіе коническіе шлемы, подобные архаическимъ тобольскимъ, но и низкіе, выкованные изъ одного листа и заостренные на верху. Въ томскомъ музеѣ имѣется одинъ такой экземпляръ, не изъ древнихъ, найденный въ Каркаралинскомъ уѣздѣ Семипалатинской области (№ кат. 1503) вмѣстѣ съ кольчугою и принадлежавшій, по всей вѣроятности, бывшему здѣсь ранѣе калмыцкому населенію. Изъ тѣхъ же краевъ доставлены въ музей двѣ, такъ называемыя, мисюрки—желѣзныя круглыя шапки съ кольчужными сѣтками, опускающимися отъ затылка и ушей (арабскаго или турецкаго типа), принадлежавшія, вѣроятно, татарамъ (№ катал. 1501 и 1505) **).

Гораздо болѣе интересенъ имѣющійся въ нашемъ музеѣ старинный желѣзный шлемъ русскаго типа (№ 1504), найденный въ 1876 году въ Барнаульскомъ округѣ. Онъ состоитъ изъ вѣнца или околыша (5 сант. ширины), на которомъ съ одной стороны придѣланъ небольшой полукруглый наклонный козырекъ ($2^1/_2$ сант. ширины), а съ другой былъ такой же назатыльникъ, обломанный вмѣстѣ съ частію околыша. Самый корпусъ шлема, 16 сант. вышины, склепанъ изъ

*) Слово *шлемъ*, др. рус. *шеломъ*, болг. шлѣм, прусск. *Salm—is*, литов *Salm—as*, гот. *hilm—s* имѣетъ лингвистическую связь съ санскр. *çal* (шаль) крыть. Первоначально оно должно было обозначать вообще головной покровъ, подобно слову *шапка* или чепецъ, латин. *cappa*, отъ capui, древ. сѣв. герм. *sappel*, откуда и финск. Seppelli, тюрк. *Sabka* (съ русскаго).

**) Названіе мисюрокъ взято отъ наименованія Египта *мисраим* или *миср*, слѣдов. такъ назывались египетскіе или арабскіе шлемы, распространившіеся у татаръ и монголовъ изъ Турціи (Саввантовъ).

двухъ половинокъ, передней и задней. На мѣстѣ склепокъ наложены продольныя полоски, отъ околыша до навершья. Навершье состоитъ изъ маленькаго конуса, вверху котораго оставлена круглая дырка. Клепки по навершью, полоскамъ, козырьку и околышу имѣютъ круглыя шишечки. По нижнему краю околыша, съ той и другой стороны козырьковъ, посажены ушки или петельки, служившія для прикрѣпленія наушекъ. Окружность шлема, снаружи по околышу, 69 сант., ширина внутри 21 сант. Весь этотъ шлемъ былъ покрытъ золотомъ. Слѣды позолоты сохранились: по околышу въ видѣ широкихъ разводовъ, по боковымъ полоскамъ, козырьку и навершью. На передней и задней половинѣ шлема точно также сохранилось ясно изображеніе золотыхъ птицъ, похожихъ на орловъ, по двѣ съ каждой стороны, съ распущенными крыльями и широкими завитыми хвостами. Каждая пара птицъ обращена головами другъ къ другу, а между ними вверху и внизу находятся круглыя золотыя фигуры въ видѣ шара или короны (трудно разобрать). Этотъ замѣчательный шлемъ былъ найденъ въ Сузунскомъ бору, въ 25 верстахъ отъ Сузунскаго завода, въ 2 верстахъ отъ озера Осинина, внутри бора, во время лѣсного пожара, при копаніи канавъ противъ распространенія огня *).

Описанный шлемъ замѣчателенъ по изображенію на немъ золотыхъ одноглавыхъ орловъ. Въ русскихъ древностяхъ я не знаю экземпляра подобнаго рода, но во всякомъ случаѣ эти изображенія не могутъ быть признаны ни татарскими, ни монгольскими. По формѣ своей этотъ шлемъ напоминаетъ русскій типъ, а по дорогой отдѣлкѣ онъ долженъ былъ принадлежать либо князю, либо богатырю. Очень возможно, что онъ былъ вывезенъ изъ Россіи татарами, не раньше XII—XIII вѣка **).

---

*) Въ музеѣ имѣется копія съ донесенія объ этой находкѣ сельскаго писаря Чапчинской волости (Бійскаго округа, 1 алтайск. участка) волостному писарю слѣдующаго содержанія: «Во время пожара, бывшаго въ 1875 году въ Сузунскомъ бору, при тушеніи огня, въ 25 верстахъ отъ Сузунскаго завода, внутри бора, въ 2-хъ верстахъ отъ озера Осинина, въ числѣ наряда производили окопы отъ огня и сбивали землю (счищали хвойный горючій слой), гдѣ крестьяниномъ села Чапчинскаго, Яковомъ Бархатовымъ найдена желѣзная каска, въ землѣ, со цвѣтами по ней червоннаго золота и изображеніемъ на ней птицъ въ видѣ орла. Во время розыска (т. е. при земляной пожарной работѣ) неопытнымъ народомъ сзади оная изломана и пика сверху (каски) сломлена. А у озера Осинина, по разсказамъ народнымъ, было старинное азіатское поселеніе, и эта каска, должно полагать, какихъ-то князей древнихъ азіатскихъ племенъ. Каковую при семъ имѣю честь представить по принадлежности на разсмотрѣніе. Подписалъ села Чапчинскаго сельскій писарь Осиповъ 9 мая 1876 года». Волостной писарь Бочаровъ представилъ находку 18 мая 1876 года Барнаульскому окружному Исправнику, а этотъ послѣдній-бывшему Главному Инспектору училищъ Западной Сибири, въ канцеляріи котораго она находилась до 1884 года, послѣ чего поступила въ Музей Томскаго Университета при отношеніи отъ 16 ноября 1884 года за № 2515. Копія съ донесенія писаря Осипова получена мною при посредствѣ И. Я. Словцова.

**) Въ музеѣ Томскаго университета имѣется еще одинъ русскій шлемъ, найденный весной 1889 г. въ Томскѣ при рытьѣ погреба, во дворѣ дома Лаврентьева, въ Подгорной улицѣ, подъ Воскресенской горой (№ катал. 2698). При основаніи Томска на яру Воскресенской горы надъ этою частію Подгорной улицы существовала крѣпость (острогъ обнесенный палисадомъ). Найденный булатный шлемъ долженъ относиться къ этому времени (къ половинѣ XVII в.).

Я не могу, да и не имѣю достаточно данныхъ распространяться здѣсь объ исторіи шлемовъ вообще, хотя этотъ вопросъ могъ бы служить не маловажнымъ подспорьемъ при разъясненіи фактовъ доисторической археологіи. Извѣстно, что во времена Гомера шлемъ употреблялся и греками и троянцами, по крайней мѣрѣ вождями ополченій. У троянъ онъ былъ, повидимому, одной и той же формы, какъ и у грековъ, что доказывается найденными Шлиманномъ въ Троѣ частями этого головного убора, именно, т. н. гребней, коими украшалась верхняя часть шлемовъ *). Правда, этихъ находокъ оказалось очень не много, всего пять обломковъ, но они несомнѣнно подтверждаютъ точность выраженій Гомера о «шлемоблещущемъ» Гекторѣ и другихъ троянскихъ герояхъ. Тотъ же самый типъ древнегреческаго шлема, съ гребнемъ на вершинѣ, повторяется въ послѣдующей исторіи грековъ, что доказывается многократными археологическими находками, барельефами, фресками и описаніями древнихъ авторовъ **).

Римскій шлемъ вначалѣ имѣлъ форму греческаго, но впослѣдствіи, особенно со временъ имперіи, онъ сталъ отличаться значительнымъ разнообразіемъ. Здѣсь различаются шлемы военачальниковъ, съ гребнемъ и наланитниками, и шлемы простыхъ солдатъ, безъ наланитниковъ, имѣющіе форму круглой металлической шапки или шишака. Рисунки солдатскаго римскаго шлема помѣщены у А. Н. Оленина на табл. XII второго тома его археологическихъ трудовъ, подъ № 65 и 68. Первый изъ нихъ взятъ съ гипсоваго слѣпка Трояновой колонны, второй съ этрусской вазы. Эти плоскіе шлемы, безъ гребней, подбородниковъ и наланитниковъ, подобные позднѣйшимъ шишакамъ, существовали и въ героическія времена Иліады, но они дѣлались тогда не изъ мѣди, а изъ кожи или сплетенныхъ ремней, подбитыхъ войлокомъ ***). Они, вѣроятно, и послужили образцомъ для послѣдующаго шлема римскихъ воиновъ.

Онъ имѣетъ форму широкой шапки, съ выпуклыми боками и низкимъ круглымъ верхомъ, снабженъ козырькомъ и затылкомъ; по длинѣ его идутъ выпуклыя полоски, въ родѣ дыни. Сохранился очень хорошо, съ слабыми слѣдами ржавчины.

*) *Ilios*, стр. 36, 527, 528, 565, 571 и 572. Рисун. 795—798 и 979.

**) Рисунки древнегреческихъ шлемовъ, между прочимъ, можно видѣть на табл. IX и XI, приложенныхъ къ второму тому археологическихъ трудовъ Алексѣя Николаевича *Оленина*, изданныхъ императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Томъ первый 1877 г., томъ второй 1882 г. С.-Петербургъ. Въ текстѣ этого изданія мы нашли много цѣнныхъ указаній относительно древняго вооруженія, особенно гомеровскихъ временъ.

***) „На главу же героя (Діомеда) изъ кожи волової
„Шлемъ онъ надѣлъ, во безъ гребня, безъ блясъ, называемый плоскимъ,
„Конецъ чело у себя покрываетъ цвѣтущая младость.
Одиссей, спутникъ Діомеда, надѣлъ
„Шлемъ изъ кожи: внутри перепутанный часто ремнями,
„Крѣпко натянутъ онъ былъ, а снаружи по шлему торчали
„Бѣлые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
„Въ стройныхъ красивыхъ рядахъ; въ серединѣ же полстью подбитъ онъ".
(Иліада, X, 257).

Съ распространеніемъ господства римлянъ въ Европѣ и Азіи, ихъ доспѣхи были усвоены почти всѣми подчиненными имъ народами. Чрезъ Византію римскій шлемъ распространился въ Грузію, Арменію и переднюю Азію, и этимъ же путемъ нѣкоторыя его формы могли быть занесены въ Россію, независимо отъ западныхъ формъ. Въ словѣ о полку Игоревѣ упоминаются шлемы аварскіе, латинскіе и литовскіе. Въ старинныхъ описяхъ значатся шлемы черкасскіе, турскіе, греческіе, юргенскіе (грузинскіе), кизильбашскіе, щолканскіе (дагестанскіе, сдѣланные въ Шавкалѣ), шапки ерихонскія и мисюрскія (ерихонки и мисюрки). Всѣ эти названія показываютъ, что въ Россіи XIV—XVI стол. шлемы привозились больше всего изъ Азіи, или копировались съ образцовъ азіатскихъ. Но отсюда ничуть не слѣдуетъ, чтобы турки и татары были не только изобрѣтателями, но даже распространителями этого доспѣха въ древней Руси. Сами они заимствовали этотъ воинскій головной уборъ частію изъ Египта (турецкія мисюрки), но главнымъ образомъ изъ областей покоренной Византіи. Слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, это были тѣже римскіе шишаки, нѣсколько видоизмѣненные по требованіямъ времени и извѣстные въ Россіи значительно раньше появленія османовъ и татаръ на сценѣ европейской исторіи.

б) Кольчуги и панцыри. Настоящихъ панцырей, подобныхъ греческимъ и римскимъ, состоящихъ изъ мѣдныхъ или желѣзныхъ полосокъ или чешуекъ, не встрѣчается въ числѣ сибирскихъ древностей. Въ Томскомъ археологическомъ музеѣ мы имѣемъ образчики только *роговыхъ* панцырей, о чемъ было уже говорено выше при обзорѣ костяныхъ и роговыхъ издѣлій (стр. 184—186). Кольчуги, напротивъ того, встрѣчаются довольно часто, но не въ древнихъ курганныхъ могилахъ, а какъ случайныя находки, на поляхъ и пашняхъ.

Въ числѣ имѣющихся въ музеѣ 15 кольчугъ нѣкоторыя, безспорно, принадлежатъ недавнему времени и относятся къ вооруженію сибирскихъ инородцевъ, но нѣкоторыя, найденныя въ землѣ и значительно попорченныя ржавчиной, могутъ быть признаны древними и имѣть археологическій интересъ. Однако-же и эти послѣднія едвали древнѣе XIII—XVI вв. Существовали-ли кольчуги въ Сибири раньше XIII столѣтія—сказать трудно, но послѣ монгольскихъ походовъ это вооруженіе могло быть занесено сюда съ запада (изъ Персіи, съ Кавказа, и еще вѣроятнѣе изъ Россіи).

Изобрѣтеніе кольчужнаго панцыря ведетъ свое начало изъ Индіи, или изъ Ассиріи. Въ Европу онъ занесенъ былъ римлянами и былъ извѣстенъ у нихъ еще во времена республики, за $4^1/_2$ вѣка до Р. Х. (Полибій). Такая кольчуга, въ видѣ рубашки съ короткими рукавами, изображена на колоннѣ Антонина. Однакоже, у римлянъ и грековъ этотъ доспѣхъ не по-

лучилъ широкаго распространенія. Онъ вошелъ въ общее употребленіе въ Европѣ только въ средніе вѣка. Съ какой стороны пришла кольчуга въ Россію, изъ Азіи (съ Кавказа), или Европы—сказать трудно, но несомнѣнно она существовала у славянъ очень давно. На изображеніяхъ Трояновой колонны конница сарматовъ (можно понимать славянъ) была въ кольчугахъ. Въ битвѣ подъ Доростоломъ въ 971 г. В. К. Святославъ былъ въ кольчугѣ, которая, по сказанію Льва Діакона, спасла его отъ удара Анемаса, тѣлохранителя Цимисхія. Весьма интересный экземпляръ такой кольчуги (изъ круглой желѣзной проволоки), найденъ былъ въ 1875 году на югѣ Россіи профессоромъ Д. Я. *Самоквасовымъ* въ одной изъ разрытыхъ имъ курганныхъ могилъ *). Трупъ, одѣтый въ эту броню былъ сожженъ на большомъ желѣзномъ щитѣ. По обряду погребенія и по найденнымъ въ могилѣ предметамъ профессоръ Самоквасовъ признавалъ возможнымъ отнести эту находку къ VII—VIII вѣку. Сопоставляя этотъ фактъ съ извѣстнымъ разсказомъ Нестора о Кіевскомъ воеводѣ Притичѣ, подарившемъ печенежскому князю *броню*, щитъ и мечъ, можно думать, что подъ бронею здѣсь разумѣется именно кольчужный панцырь, существовавшій въ Россіи въ X вѣкѣ.

Изъ того факта, что Притичъ подарилъ печенежскому князю *броню, щитъ* и *мечъ*, а отъ него получилъ *коня, саблю* и *стрѣлы*, нельзя-ли вывести заключеніе, что для подарка выбирались именно такіе предметы, которые у противной стороны считались рѣдкостью, или совсѣмъ не имѣлись? Поэтому можно было-бы думать, что въ азіатскихъ степяхъ въ то время панцыри не были еще распространены.

Собранныя въ нашемъ музеѣ 15 кольчугъ могутъ быть отнесены частію къ мѣстнымъ инородческимъ (монгольскимъ и татарскимъ), частію къ русскимъ, такъ какъ во время завоеванія Сибири, 300 лѣтъ тому назадъ, кольчуги были у насъ еще въ полномъ ходу. Кромѣ того, я не вижу основанія устранять и такое предположеніе, что ранѣе завоеванія Сибири эти доспѣхи русскаго издѣлія могли проникать въ сибирскія степи черезъ татаръ. Какъ отличить русскую кольчугу отъ сибирской туземной, я не берусь рѣшить; но не могу не высказать по этому поводу нѣкоторыхъ соображеній. Собранныя у насъ кольчуги раздѣляются на два сорта: а) съ косымъ воротомъ и съ кольцомъ изъ круглой толстой проволоки и б) съ прямымъ воротомъ и плоскимъ кольцомъ. Косоворотки, мнѣ кажется, скорѣе можно считать русскимъ издѣліемъ, такъ какъ онѣ совершенно напоминаютъ собою русскую мужскую рубашку. Правда, относительно этой послѣдней составилось у насъ

*) Въ 1875 году эта замѣчательная находка, вмѣстѣ съ большимъ щитомъ и мечемъ, находилась въ музеѣ Варшавскаго Университета. Два куска отъ нея, подаренныя мнѣ Д. Я. Самоквасовымъ, см. въ нашемъ каталогѣ подъ № 1072.

мнѣніе, будто-бы русскіе только послѣ нашествія татаръ стали дѣлать разрѣзъ ворота рубашки не по срединѣ, а съ боку на лѣвой сторонѣ*) Поэтому, выходитъ, что наша русская косоворотка заимствована отъ татаръ. Не знаю, на какомъ основаніи г. Терещенко пришелъ къ такому заключенію, но неправдоподобность его очевидна. Вопервыхъ, татары и монголы, какъ извѣстно, никогда не дѣлаютъ на своихъ рубахахъ косаго ворота, а всегда прямой, съ длиннымъ разрѣзомъ по срединѣ груди и съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Во вторыхъ, татары и монголы запахиваютъ верхнее платье лѣвой полой на правую и застегиваютъ его на правой сторонѣ, а у русскихъ на лѣвой. Въ третьихъ, трудно допустить, чтобы русская рубаха косоворотка, съ ея типическими ластовками и подоплекой, составляла не старое народное одѣяніе, а заимствованное, и притомъ отъ татаръ, костюмъ которыхъ, напротивъ, всегда противупоставляется простонародному русскому, какъ иновѣрный, поганый. Скорѣе можно понять татарское заимствованіе въ княжескомъ и боярскомъ костюмѣ, но никакъ не въ народномъ. Въ четвертыхъ, завѣдомо татарскія и монгольскія кольчуги до послѣдняго времени дѣлались съ прямымъ воротомъ, а не съ косымъ. Поэтому я считаю себя въ правѣ предположить, что кольчуги косоворотки суть русскіе панцыри и принадлежатъ къ болѣе древней формѣ. Кольчуги этого рода встрѣчались между русскими древностями. Такъ, напр., въ 1848 году при разрытіи сошки въ селѣ Велебицахъ, неподалеку отъ Новгорода, были найдены: „двѣ желѣзныя кольчуги въ видѣ русской рубахи съ косымъ воротомъ. Первая имѣетъ внизу прорѣху спереди и сзади и стоячій воротникъ, который стягивался продернутыми сквозь кольца тесьмами. Вторая кольчуга примѣчательна по желѣзному кресту, прикрѣпленному къ вороту". Воротъ, судя по приложенному рисунку, былъ устроенъ точно также, какъ въ нашихъ кольчугахъ косоворотках и также застегивался на лѣвую сторону (Зап. Арх. Общ. Т. IV, перечень засѣданій, стр. 13). Здѣсь-же найдены были русскіе шлемы и древности, отнесенныя по ихъ научной оцѣнкѣ къ эпохѣ борьбы Новгорода и Пскова съ Литвою и меченосцами.

Сдѣланная нами попытка въ опредѣленіи характера русскихъ кольчугъ можетъ имѣть то значеніе для сибирской археологіи, что по мѣсту ихъ нахожденія можно судить о предѣлахъ распространенія русскаго оружія въ первое время послѣ завоеванія Сибири, или о распространеніи русскаго культурнаго вліянія у степныхъ кочевниковъ ранѣе нашего здѣсь водворенія. Такъ какъ находки этого рода встрѣчаются очень часто, то извѣстная группировка ихъ будетъ полезна на будущее время.

---

*) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа ч. 1. Спб. 1848 стр. 316—317. *Савваитовъ*, Описаніе старин. царск. утв. стр. 267.

Не излишне также замѣтить, что собранныя въ музеѣ татарскія и монгольскія кольчуги отличаются болѣе неуклюжимъ покроемъ и менѣе тщательною работою. Ширина ихъ непропорціонально велика по отношенію къ длинѣ. Болѣе древніе экземпляры, найденные въ землѣ, имѣютъ болѣе стройную форму и большею частію длиннѣе первыхъ (не менѣе аршина, иногда 1 арш. 3—6 вершковъ). Поэтому уже отчасти можно судить, что первые принадлежатъ къ мѣстнымъ, самодѣльнымъ, а вторые были привозные, московскаго дѣла. Извѣстно, что въ Москвѣ существовалъ особый *Бронный приказъ*, въ которомъ заготовлялись брони, шлемы, сѣдла, луки, стрѣлы и пр., славившіеся своею крѣпостію и отдѣлкою. Эти ратные доспѣхи раздавались не только русскимъ воинамъ, но и разсылались въ подарокъ разнымъ татарскимъ князьямъ и мурзамъ, особенно при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Во время татарскаго владычества, вѣроятно, не мало такихъ доспѣховъ русскаго издѣлія было похищено и вывезено въ сибирскія степи татарами.

Въ древнѣйшихъ курганныхъ могилахъ бронзоваго вѣка до сихъ поръ кольчуги не были находимы ни въ европейской Россіи, ни въ Сибири. Изъ этого можно заключить, что онѣ тогда совсѣмъ не употреблялись. Поэтому всякая кольчуга, найденная въ могилѣ, или гдѣ-бы то ни было въ землѣ, можетъ относиться не ранѣе, какъ ко второй половинѣ перваго тысячелѣтія по христіанскому лѣтосчисленію и не позднѣе XVII вѣка.

в) Конскій уборъ. Древнее курганное племя, населявшее Сибирь, любило коня и верховую ѣзду. На это указываютъ сохранившіяся въ курганахъ лошадиныя кости и разныя принадлежности конской сбруи. Изъ этихъ послѣднихъ въ нашемъ музеѣ имѣются: *мѣдныхъ и бронзовыхъ удилъ*, цѣльныхъ и половинокъ, 25 штукъ *), пять бронзовыхъ литыхъ стремянъ (№№ 3342—3346) и одна глиняная фигурка, изображающая сѣдло (№ 481), найденныя на городищѣ Чувашскаго мыса, близъ Тобольска **). Желѣзныхъ удилъ и стремянъ собрано у насъ очень много, но они въ археологическомъ отношеніи имѣютъ меньше значенія, такъ какъ трудно опредѣлить степень ихъ древности. Въ Минусинскомъ музеѣ бронзовыхъ и мѣдныхъ удилъ въ 1886 году значилось по каталогу 18 и 5 такихъ же костыльковъ отъ нихъ; желѣзныхъ имѣлось больше сотни ***). Форма этой части сбруи (удилъ) не представляла въ Сибири чего либо новаго или оригинальнаго. Очевидно, эта древнѣйшая принадлежность конской ѣзды, изобрѣтенная въ далекія доисторическія времена въ начальномъ центрѣ міровой культуры,

*) №№ по каталогу 1254, 1282, 3007—3014 и 3327—3341.

**) Объ этой находкѣ было уже говорено выше на стр. 232.

***) Древности Минусинскаго музея, изд. 1886 г. стр. 131—132, 169—172. Въ атласѣ Мартина (1893 г.) часть бронзовыхъ удилъ изображена на табл. 28-й.

распространилась по всѣмъ частямъ свѣта съ незначительными лишь отступленіеми и видоизмѣненіями своего первоначальнаго типа. Сравнивая древнія бронзовыя и мѣдныя удила италійскихъ народовъ съ сибирскими, по рисункамъ, приложеннымъ ко второму тому археологическихъ трудовъ А. Н. Оленина (табл. XXV, фиг. 120—126), мы видимъ въ тѣхъ и другихъ одинаковую форму звеньевъ, часто съ двойнымъ кольцомъ и фигурными длинными костыльками, помѣщенными снаружи по угламъ лошадинаго рта. Крученыя звенья въ сибирскихъ удилахъ тоже встрѣчаются не рѣдко, но только на желѣзныхъ экземплярахъ. Образчики бронзовыхъ удилъ изъ томскаго музея помѣщены мною, по фотографическимъ снимкамъ, на табл. XX, рис. 1—6, въ $^1/_2$ натур. величины.

Бронзовыя стремена, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются между сибирскими древностями рѣже. Въ нашемъ музеѣ, какъ уже упомянуто, ихъ собрано всего пять*). Всѣ они литыя, довольно массивныя; подножки ихъ круглыя, или овальныя (11—12 сант. въ діам.), съ приподнятыми краями, въ родѣ блюдечка, и съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ въ центрѣ. У экземпляра № 3344 на площадкѣ подножки имѣется 8 отверстій въ видѣ латинской буквы s, что придаетъ ей форму рѣшетки. Дужка этого стремени вставная, а не вылита изъ одного куска съ подножкой, какъ у остальныхъ. Высота стремянъ отъ 13 до 14 сант. Ширина четырехугольнаго отверстія для прикрѣпленія къ сѣдельному ремню 3 сант. По сторонамъ этого отверстія верхняя часть дужки украшалась рельефнымъ орнаментомъ. Вся отдѣлка бронзовыхъ стремянъ вообще очень тщательная и красивая. У номера 3343 наружная поверхность дужки отлита на двѣ грани, какъ у большинства кельтовъ, сѣкиръ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ бронзовой эпохи; у номера 3344—45 поверхность дужки полукруглая, украшенная четырьмя продольными полосками. На табл. XX рис. 7 и 8 помѣщены мною фотографическіе снимки двухъ экземпляровъ бронзовыхъ стремянъ изъ томскаго музея (по катал. № 3343 и 3344).

Всѣ наши бронзовыя стремена поступили въ музей какъ случайныя находки на пашняхъ и при земляныхъ работахъ. Однакоже, не смотря на эту неопредѣленность, едвали можно сомнѣваться въ ихъ отдаленной древности. Время ихъ отливки и употребленія, безъ колебанія, можно отнести къ эпохѣ около Р. Хр., такъ какъ со второго или третьяго вѣка нашей эры въ сибирскихъ издѣліяхъ и орудіяхъ уже господствовало желѣзо, а не бронза. Двугранная форма наружныхъ поверхностей дужекъ тоже указываетъ на древнюю скиѳскую эпоху. Допуская такую хронологію, мы имѣемъ

*) Кромѣ того имѣется пять экземпляровъ стремянъ сдѣланныхъ изъ кости. Объ нихъ было сказано выше, на стр. 182—183. Рисунокъ ихъ на стр. 184, № 32.

основаніе считать сибирскія бронзовыя стремена болѣе древними, нежели появившіяся въ Персіи (не ранѣе VI вѣка по Р. Х) и въ Европѣ (см. выше стр. 183).

г) Наборные пояса и металлическія бляхи. Жителямъ сѣверныхъ странъ, по климатическимъ условіямъ, болѣе соотвѣтствовало короткое плотно облегающее платье, нежели плащъ или бурка. Воинское облаченіе должно было имѣть такую же короткую форму, что мы дѣйствительно видимъ на сохранившихся изваяніяхъ нѣкоторыхъ каменныхъ бабъ и на извѣстной надгробной плитѣ Анапьинскаго могильника. На этой послѣдней одѣяніе воина не доходитъ до колѣнъ, подпоясано поясомъ, имѣетъ штаны и сапоги съ голенищами. На нѣкоторыхъ каменныхъ бабахъ, гдѣ показанъ воинскій нарядъ, также изображается короткое опоясанное платье, съ ремнями и бляхами сзади и спереди *). Черноморскіе скиѳы обыкновенно тоже изображаются въ короткихъ подпоясанныхъ полушубкахъ и въ штанахъ **).

Обычай носить пояса съ пряжкою и украшать ихъ металлическимъ наборомъ болѣе всего сохранился у кавказскихъ горцевъ. Русская привычка носить на поясѣ гребень, ключь, огниво и другія мелочи можетъ быть также ведетъ свое начало съ того времени, когда пояса были приспособлены для такихъ привѣсокъ. Въ русской жизни поясъ вообще считается чѣмъ-то священнымъ, національнымъ: слово безпоясый почти равносильно слову нехристь, татаринъ. Какъ принадлежность княжеской и царской одежды, дорогіе пояса съ пряжками и металлической оправой на концахъ переходили по наслѣдству изъ рода въ родъ. Такъ великій князь Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ сыновьямъ своимъ: Семену—три золотыхъ пояса, Ивану—большой поясъ съ жемчугомъ и каменьями, „поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердоличенъ золотомъ окованъ,—Андрею поясъ золотъ съ жемчугомъ и каменьями, поясъ золотъ съ крюкомъ на червчатѣ шелку, поясъ золотъ царевскій“ и т. д. Князь Юрій Дмитріевичъ Галицкій въ своемъ завѣщаніи писалъ: „А что изъ золота даю сыну моему Василію поясъ золотъ съ каменьемъ на чепѣхъ безъ ремени, а Дмитрію сыну моему меньшему даю поясъ золотъ безъ ремени, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой князь великій Дмитрей“ ***). Пояса эти большею частію дѣлались изъ тесьмы и ремней, съ коваными металлическими бляхами, звенцами, бряцальцами, иногда съ капторгами (особое металлическое украшеніе у пояса), тузлуками, калитою †). Они застегивались напереди или крюкомъ

*) См. атласъ граф. Уварова—европейскія и сибирскія каменныя бабы, табл. II, №№ 13, 14 и 23 и нашъ приложенный къ этой книгѣ рис. на табл. VIII, 10.

**) Атласъ къ отчетамъ Импер. археологич. коммиссіи за 1864 г. и за другіе годы.

***) *Савваитовъ* Описаніе старинныхъ царскихъ утварей. Спб. 1865, стр. 246—247.

†) *Тузлукъ*, очевидно, позднѣйшій терминъ, усвоенный съ татарскаго языка; *калита*—сумка,—древнее славянское слово.

съ петлею, или пряжкой. Металлическая оправа на концахъ поясовъ называлась *наконечниками*, а бляхи для прикрѣпленія помочей—*наузольниками**) (Савваитовъ).

Такое заботливое вниманіе къ украшенію русскихъ поясовъ должно было основываться на старой народной привычкѣ, ведущей свое начало отъ временъ доисторическихъ. По короткому платью и поясамъ европейскіе и азіатскіе скиоы и ихъ потомки—славяне сходствуютъ съ древними мидянами и персами, и эта культурная связь обнаруживается, какъ уже было много разъ указано въ нашемъ трудѣ, почти во всѣхъ вещественныхъ проявленіяхъ жизненнаго склада древняго сибирскаго населенія. Пояса съ металлическимъ наборомъ и бляхи, о которыхъ я буду сейчасъ говорить, послужатъ къ подтвержденію того же вывода изъ анализа археологическихъ данныхъ.

Бронзовыхъ и мѣдныхъ пряжекъ съ язычкомъ и отдѣльныхъ фигурныхъ бляшекъ для украшенія поясовъ собрано въ томскомъ археологическомъ музеѣ довольно много**), но болѣе или менѣе уцѣлѣвшіе пояса, съ остатками ремней и металлическаго набора встрѣчаются не часто: одинъ изъ такихъ экземпляровъ доставленъ мнѣ изъ Семипалатинской области, рисунокъ коего помѣщенъ, по фотографическому снимку въ натуральную величину, на табл. XXI, 1—4. Здѣсь на рис. 2 можно видѣть ширину поясного ремня ($3^1/_2$ сант.) и уцѣлѣвшіе на немъ остатки концевыхъ бронзовыхъ ажурныхъ бляхъ. На одномъ изъ этихъ кусковъ (второй съ лѣва) видѣнъ добавочный круглый подвижной ремень, къ которому, вѣроятно, прикрѣплялась одна изъ поясныхъ привѣсокъ. Отъ пряжки сохранился одинъ язычекъ, изображенный подъ № 4. Подъ номеромъ 1 представлены пять полусферическихъ бронзовыхъ ажурныхъ бляшекъ одинаковаго рисунка, съ изображеніемъ звѣря, положившаго голову и переднія лапы на ободокъ бляшки. Всѣхъ бляшекъ было восемь, но остальныя сильно попорчены ржавчиной. Съ задней стороны каждая бляшка имѣетъ ушко, посредствомъ котораго она пришивалась къ поясу. Здѣсь же найдена болѣе крупная бляха № 3, изображающая на передней поверхности большого звѣря, что-то пожирающаго (рисунокъ не вполнѣ отчетливъ). На задней поверхности этого предмета имѣются двѣ кнопки по краямъ, посредствомъ которыхъ эта бляшка закрѣплялась въ ремнѣ. Такимъ образомъ, эта находка представляетъ болѣе или менѣе полный бронзовый наборъ пояса, бывшаго когда-то очень наряд-

---

*) *Наузами* и *наузольниками* назывались также кисти, привѣшиваемыя на шнуркѣ или цѣпочкѣ *къ уздѣ* подъ шеею лошади. Къ этимъ кистямъ нерѣдко присоединялись подвижные металлическіе шарики—*варворки*.

**) Больше всего доставлялось въ музей поясныхъ пряжекъ и отдѣльныхъ металлическихъ частей концевого прибора поясовъ. Перечислять ихъ здѣсь въ отдѣльности и считаю излишнимъ.

нымъ. Широкій ремень его, составленный изъ двухъ пластинокъ, по краямъ былъ прошитъ двойнымъ швомъ *).

Въ каталогѣ томскаго музея значатся подъ № 22 и 23 части пояса, найденныя на Чувашскомъ мысу, близь Тобольска, именно: 1) бронзовая пряжка, $4^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, съ подвижнымъ язычкомъ и однимъ звеномъ бронзовой концевой обкладки, съ сохранившимся въ немъ кускомъ ремня; 2) отдѣльное звено металлической оправы отъ того же пояса, одинаковаго рисунка съ концевою обкладкою. Лицевая сторона того и другого была покрыта золотою насѣчкою. Каждое звено, въ $2^1/_2$ сант. длины и ширины, состоитъ изъ тонкой позолоченной пластинки, украшенной по краямъ тонкимъ ободкомъ въ формѣ веревочки. На квадратномъ полѣ этой пластинки имѣется пять гнѣздъ, симметрически расположенныхъ по угламъ и въ срединѣ, въ которые были вставлены шлифованные кабашонами камушки, величиной въ горошину. Изъ этихъ камней сохранились только два, желтовато-бѣлаго цвѣта, похожіе на топазъ. Въ пустыхъ гнѣздахъ видны слѣды цемента, служившаго для укрѣпленія камня, кромѣ обхватывающаго его ободка. Подъ лицевою пластинкою сохранился тонкій слой береста, а подъ нимъ кусокъ ремня, состоящій изъ двухъ слоевъ, внутренняго, болѣе толстого и наружнаго тонкаго.

Вмѣстѣ съ этими концевыми частями пояса найдены были двѣ бронзовыя пластинки (№ кат. 20—21). Каждая изъ нихъ состоитъ изъ двухъ спаянныхъ рядомъ кружковъ, величиною въ $2^1/_2$ сант. На мѣстѣ спайки остаются небольшія гладкія полоски. Лицевая сторона каждаго кружка украшена орнаментомъ въ формѣ веревочки, въ три концентрическихъ ряда. Средина кружковъ нѣсколько выпуклая и гладкая. Судя по размѣру, эти предметы могли служить украшеніемъ того же пояса. Такъ какъ отверстій въ кружкахъ не имѣется, то надо полагать, что они нашивались на ремень по мѣстамъ спайки, гдѣ существуютъ для этого узкія полоски.

На томъ же городищѣ Чувашскаго мыса найдена бронзовая пряжка отъ пояса, записанная въ каталогѣ подъ № 685. Она состоитъ: а) изъ толстаго кольца $3^1/_2$ сант. въ діам.; б) изъ прикрѣпленнаго къ нему подвижного язычка, 4 сант. длины, съ выгибомъ на переднемъ остромъ концѣ; в) изъ металлической пластинки, 6 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины, прикрѣпленной шарниромъ къ кольцу по ту и другую сторону основанія язычка.

*) Рисунки нижняго ряда этой XXI таблицы принадлежатъ къ другимъ находкамъ. № 5 грубо отлитый *олень* съ закинутыми назадъ вѣтвистыми рогами и поджатыми ногами. Часть его головы обломана. № 6—*вкладень* отъ бронзоваго ножа, со сломанымъ концомъ. На рукояткѣ его неясное изображеніе животнаго. Подобные вкладни, родъ маленькихъ кинжаловъ, вставлялись въ рукоятку ножей. № 7 изображаетъ бронзовую, внизу желобоватую, пластинку съ изображеніями медвѣжьихъ головъ. Она служила для защиты руки отъ удара тетивой при спусканіи стрѣлы изъ лука. Объ ней было говорено выше, на стр. 180.

Пластинки состоятъ изъ двухъ листовъ, передняго и задняго, между коими остались слѣды конца ременнаго пояса, закрѣплявшагося здѣсь кнопками.

Въ той же мѣстности (на Чувашскомъ мысу) найденъ былъ еще металлическій наборъ, повидимому, отъ двухъ поясовъ. Онъ состоитъ изъ 15 кусковъ (бронзовыхъ пластинокъ) и двухъ пряжекъ (№№ по каталогу 667, 671 и 672). Пластинки очевидно назначались для концовъ ремней, слѣды которыхъ по мѣстамъ сохранились около закленокъ. Судя по размѣру этихъ частей, ремень долженъ былъ имѣть не болѣе $2^1/_2$ сант. ширины. Ширина пряжекъ около 3 сант.

Въ музеѣ имѣется еще нѣсколько пряжекъ и отдѣльныхъ пластинокъ, найденныхъ случайно въ разныхъ мѣстностяхъ, но я не рѣшился относить ихъ къ древнимъ поясамъ, такъ какъ пряжки сами по себѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ мѣдныхъ, а бляшки, разнообразной формы и величины, могли служить арматурой разныхъ предметовъ. Но описанные первые четыре экземпляра несомнѣнно относились къ поясамъ и ясно подтверждаютъ, что у древнихъ жителей Сибири поясъ былъ въ большомъ почетѣ: его украшали иногда не только богатой арматурой, но даже камнями и золотомъ*).

Въ каталогѣ нашего музея подъ № 24—27 записаны четыре бронзовыя рельефныя *фигурки совы*, найденныя вмѣстѣ, въ одной могилѣ, на Чувашскомъ мысу близъ Тобольска. Одна изъ нихъ, для образчика, помѣщена на табл. XXII, 2. На задней части каждой изъ нихъ находится большое четырехугольное ушко, могущее пропустить ремень шириною въ палецъ. Оно расположено поперекъ фигурки такимъ образомъ, что эти украшенія, надѣтыя на ремень, должны были располагаться вертикально, а не горизонтально, слѣдовательно онѣ не могли относиться къ поясному набору. Соображая ихъ примѣненіе, я находилъ бы возможнымъ считать ихъ арматурою тѣхъ наплечныхъ ремней, которые изображаются иногда на костюмѣ каменныхъ бабъ мужского типа (воиновъ) **). Посаженныя вертикально на грудной части наплечныхъ ремней, фигуры этихъ вѣщихъ птицъ могли имѣть здѣсь символическое значеніе.

Сова, какъ извѣстно, принадлежитъ къ древнѣйшимъ арійскимъ символамъ. У грековъ она изображала богиню войны и разума—Аѳину-Пал-

*) Въ атласѣ ливовскихъ древностей проф. *Крузе* (Necrolivonica) наборные пояса съ пряжками изображены на табл. 18, фиг. I и 2. Въ атласѣ *Бера* такіе же пояса на табл. VIII, 16 и на табл. XIV, 6 и 14.

**) Два такихъ рисунка каменныхъ бабъ изъ приднѣпровскихъ степей помѣщены въ атласѣ къ трудамъ перваго археологич. съѣзда табл. 11, рис. 13 и 14. Они же изображены въ книгѣ Полевого (Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. 1879 г.) на стр. 61. На этихъ экземплярахъ отчетливо видны ремни, идущіе черезъ плечи, въ родѣ ранца, и на нихъ круглыя бляхи. Такой же экземпляръ каменной бабы въ доспѣхахъ я видѣлъ въ Вѣрномъ (въ Семирѣченской области), въ скверѣ противъ губернаторскаго дома.

ладу, у римлянъ—Минерву. Въ этомъ значеніи она встрѣчается на древнѣйшихъ памятникахъ скульптуры, рядомъ съ изображеніемъ головы Горгоны на щитѣ богини. Исходя изъ того положенія, что въ птицегаданіи греческомъ и римскомъ встрѣча совы имѣла зловѣщее значеніе (почему сова называлась avis sinistra, avis dira—неблагопріятная, зловѣщая птица), изображеніе ея при богинѣ войны имѣло тотъ смыслъ, чтобы однимъ ея видомъ внушать непріятелю страхъ*). Вторичное значеніе совы, какъ спутницы Минервы, богини мудрости, могло развиться позднѣе перваго и то потому, что, придавая богинѣ войны новую функцію, безсознательно удержали символъ, который присвоивался ей первоначально, какъ богинѣ войны. Къ этому можно прибавить, что у Гомера Аѳина воительница называется γλαυκωπις, совоокая, съ совиными (свирѣпыми) глазами.

При раскопкахъ Шлиманна въ Троѣ и Микенахъ изображеніе совы было найдено во множествѣ экземпляровъ на глиняныхъ сосудахъ и на отдѣльныхъ фигуркахъ изъ терракоты и камня (см. Ilios, стр. 376—379). Фигурки эти несомнѣнно были идолы съ совиною головой. При объясненіи этихъ находокъ, проф. Отто Келлеръ считаетъ эту птицу въ данномъ случаѣ какъ символъ богини Ночи. Въ этомъ отношеніи троянская Сова-Аѳина (Ate) отличалась отъ эллинской. Кромѣ устрашающаго значенія въ примѣненіи къ войнѣ, символъ ея, какъ ночной птицы, видящей во тьмѣ, обозначалъ также трудолюбіе и искусство.

Такъ или иначе, но сова принадлежитъ къ арійской и притомъ древнѣйшей миѳологіи. У туранскихъ народовъ эта птица не играетъ никакой роли. Поэтому присутствіе ея изображеній на бронзовыхъ предметахъ тобольскихъ могильниковъ получаетъ большой интересъ; онъ усугубляется въ виду того, что это, какъ мы уже видѣли, далеко не единственный случай сближенія троянскихъ и эллинскихъ древностей гомеровскаго времени съ сибирскими древностями.

На экземплярахъ нашего музея сова изображена не въ качествѣ идола, но какъ символическое украшеніе, нанизанное на ремень. Въ Троѣ эта птица также весьма часто помѣщалась на глиняныхъ сосудахъ, какъ украшеніе, хотя и имѣвшее символическій смыслъ. Во всякомъ случаѣ выборъ этой, а не другой птицы, даже для художественныхъ цѣлей, долженъ былъ имѣть традиціонное основаніе.

Труднѣе опредѣлить назначеніе бронзовыхъ фигурокъ *медвѣдя*, найденныхъ также въ одной изъ курганныхъ могилъ Чувашскаго мыса и тоже въ числѣ четырехъ штукъ вмѣстѣ (№№ по каталогу 663—666). Всѣ эти фигуры

*) *Marquard*, Handbuch d. römischen Alterthum. Römische Staatsverwaltung. III, 384, Leipzig 1878.

полыя, приблизительно одинаковой формы и величины, за исключеніемъ номера 666, (на рис. табл. XXII № 3), представляющаго, повидимому, другое животное, въ родѣ черепахи. Остальныя три фигуры изображаютъ медвѣдя съ опущенной до земли головой. Первая изъ нихъ имѣетъ 6 сант. длины, $3^1/_2$ сант. вышины и $1^1/_2$ сант. толщины, вторая нѣсколько поменьше—$4^1/_2$ сант. длины, 3 сант. вышины и $1^1/_2$ сант. толщины, третья $4^1/_2$ сант. длины, $3^1/_2$ вышины и 2 сант. толщины. Всѣ онѣ имѣютъ болѣе или менѣе одинаковый орнаментъ изъ выпуклыхъ шишечекъ, а на спинѣ круглую дырку, ведущую въ полость фигуры *). На двухъ экземплярахъ сохранились обрывки ремешковъ, продѣтыхъ въ эти отверстія изнутри; на внутреннемъ концѣ ихъ было завязано по узелку для того, чтобы конецъ не проходилъ черезъ дырку. Судя по нимъ, можно полагать, что описываемые предметы подвѣшивались къ чему либо, въ видѣ брелоковъ, но едвали насаживались на деревянную палку, какъ набалдашники, что можно было бы думать, глядя на широкое овальное отверстіе, которымъ открывается внизу внутренняя полость каждой фигуры. Такія привѣски могли быть и на поясѣ, и на наплечныхъ ремняхъ и даже на конской сбруѣ.

Въ животномъ эпосѣ сѣверныхъ народовъ медвѣдь играетъ почти такую-же роль, какъ левъ на югѣ. Такая честь медвѣдю могла быть оказана по его величинѣ и силѣ, сравнительно съ другими животными сѣвера, по его некровожадности и вмѣстѣ смышлености. У сѣверныхъ финскихъ инородцевъ весьма распространена легенда о происхожденіи медвѣдя отъ человѣка, потому ему приписываютъ почти человѣческія умственныя способности. То-же отчасти мы видимъ у народовъ сѣверной Монголіи, у бурятъ и у приамурскихъ инородцевъ**). Нельзя, однако-же, сказать, чтобы такое почтеніе къ медвѣдю было свойственно исключительно туранскимъ народностямъ. У западныхъ народовъ этотъ звѣрь также играетъ немаловажную роль въ животномъ эпосѣ. Такъ, напр., въ басняхъ Эзопа онъ противупоставляется льву ***), или въ другихъ случаяхъ является сюжетомъ насмѣшки надъ необдуманно примѣняемою силою. Еще болѣе важно значеніе медвѣдя въ миѳахъ сѣверныхъ арійцевъ. Въ Скандинавіи онъ служилъ въ старину олицетвореніемъ бога Тора; у древнихъ германцевъ почитался царемъ звѣрей; въ миѳахъ, сказкахъ и повѣрьяхъ славянъ ему также отведено весьма почетное мѣсто †). Поэтому изображеніе медвѣдя на разныхъ бронзо-

*) Шесть подобныхъ же фигуръ медвѣдя помѣщены во II выпускѣ атласа Аспелина 1877 г. на стр. 133, № рис 551—555 и 558. Они также были найдены въ Тобольской губерніи.

**) См. у Потанина „Очерки сѣверо-западной Монголіи", вып. IV 1883 г., стр. 167, 753—758.

***) Les fables d'Esope, Paris. 1659. p. 4 (Du Lion et de l' Ours), p. 150 (De l' Ours et de deux compagnons), p. 152 (de l' Ours et des Mouches à miel).

†) См. у Аѳанасьева „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". Т. I. 1865 г. стр. 386—391. Терещенко, Бытъ русск. народа VI, 38—39.

выхъ фигуркахъ, такъ часто находимыхъ въ курганныхъ сѣверныхъ могилахъ, нельзя безусловно считать признакомъ финскаго элемента. Скорѣе можно думать, что сѣверные финны усвоили свои баснословныя представленія о медвѣдѣ, какъ и многое другое въ ихъ миѳологіи и повѣрьяхъ, отъ древняго сожительства съ скандинавскими и славянскими народностями.

Изображеніе медвѣдя чаще всего встрѣчается въ Сибири и въ Пермскомъ краѣ, обыкновенно на металлическихъ предметахъ. Въ рисункахъ приложенныхъ къ статьѣ проф. Ешевскаго, помѣщенной въ первой книжкѣ Пермского сборника (1859 г. Замѣтки о пермскихъ древностяхъ, стр. 132—142), находится четыре такихъ изображенія. Гораздо больше ихъ оказывается въ коллекціяхъ Ѳ. А. Теплоухова *) и въ недавнихъ раскопкахъ Гляденовскаго городища на берегу р. Камы, около села Нижне-Муллинскаго, Пермскаго уѣзда **). На предметахъ Томскаго музея, кромѣ вышеописанныхъ, изображеніе медвѣжьихъ головъ имѣется на бронзовомъ катькарѣ, рисунокъ коего помѣщенъ на табл. XXI подъ № 7. (по катал. № 4474). Въ другихъ странахъ или областяхъ, сколько мнѣ извѣстно, металлическія фигуры медвѣдя попадаются рѣдко, но за то весьма распространены медвѣжьи клыки, употреблявшіеся, какъ амулеты, для подвѣсокъ ***). Въ Томскомъ университетскомъ музеѣ также имѣется нѣсколько экземпляровъ такихъ клыковъ съ просверленными для привѣски дырками.

Кромѣ описанныхъ металлическихъ наборовъ отъ поясныхъ и наплечныхъ ремней, въ Томскомъ музеѣ имѣется значительное количество разныхъ фигурныхъ бляхъ, назначеніе которыхъ опредѣлить довольно трудно. Можно предполагать, что нѣкоторыя изъ нихъ нашивались на платье, въ видѣ украшенія, другія, болѣе крупныя, служили наборомъ для конской сбруи. Къ числу послѣднихъ предметовъ можно отнести бронзовую бляху, рисунокъ коей мною помѣщенъ на табл. XIII подъ № 5. Она была найдена близь Тобольска и поступила въ музей изъ коллекціи Знаменскаго. Длина ея 11 сант., ширина въ круглой части 7 сант. (отъ этой части бляхи сохранилась только половина). Лицевая сторона ея украшена периферическимъ ободкомъ изъ крупныхъ шишечекъ; рядомъ съ ободкомъ идетъ болѣе мелкій орнаментъ въ видѣ веревочки; въ центрѣ бляхи помѣщается крупная полусферическая выпуклость, окруженная кольцомъ изъ выпуклыхъ точекъ. Отъ одного края бляхи идетъ отростокъ въ 7 сант. длины и $2^1/_2$ сант. ширины, состоящій изъ четырехъ круглыхъ полосокъ, переходящихъ

*) См. его статьи о пермскихъ древностяхъ.

**) Раскопки Н. Н. Новокрещенныхъ 1896 г. Рисунки и краткое описаніе этихъ находокъ мнѣ любезно сообщилъ въ письмѣ Ѳ. А. Теплоуховъ.

***) См. Атласы Крузе, Бера (по Лифляндскимъ древностямъ), Барона Бонштеттена (Швейцарскія древности) и многія изъ русскихъ археологическихъ изданій.

на концѣ въ общую, слегка загибающуюся внутрь пластинку, оканчивающуюся круглымъ прутомъ съ крючкомъ.

По первому впечатлѣнію этотъ предметъ по очертанію своему показался мнѣ похожимъ на наушникъ или наланитникъ отъ шлема, но это предположеніе не согласовалось съ отсутствіемъ въ Сибири мѣдныхъ или бронзовыхъ шлемовъ вообще. Впослѣдствіи я познакомился съ такими же находками изъ другихъ мѣстностей, преимущественно изъ области древней Камской Болгаріи, при чемъ оказалось, что бронзовыя пластинки той же формы бываютъ значительно большихъ размѣровъ, не соотвѣтствующихъ предполагаемымъ наушкамъ или наланитникамъ. Такъ напр., бляха, найденная въ Ананьинскомъ могильникѣ, совершенно сходная съ нашей, но цѣльная, а не сломанная, имѣетъ 24 сант. длины и 12 сант. шир.; нижняя ея часть, соединенная съ дискомъ, имѣетъ не четыре, а шесть круглыхъ полосокъ, также оканчивающихся крючкомъ. Въ музеѣ казанскаго археологическаго общества хранятся три или четыре такихъ же экземпляра, найденные въ могильникахъ „Пьяный боръ“ и „Атамановы кости“. Три подобныхъ же экземпляра находятся въ Уфимскомъ музеѣ. Меньшій изъ нихъ имѣетъ 29 сант. длины, второй около 30 сант. и третій 34 сант. длины и 21 сант. ширины въ круглой части бляхи. Баронъ де Бай въ недавно вышедшей брошюрѣ объ Ананьинскомъ могильникѣ *) указываетъ на такіе же экземпляры, найденные около Яренска (Вологодской губ.) и Пинска (Минской губ.), хранящіеся въ этнографическомъ музеѣ С.-Петербургской Академіи наукъ и въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Изъ перечня этихъ находокъ можно видѣть, что описываемыя бляхи были въ употребленіи не въ одной западной Сибири и Камской Болгаріи, но проникали и дальше на сѣверъ и западъ европейской Россіи. Какое онѣ имѣли назначеніе, это трудно угадать, но во всякомъ случаѣ фактъ ихъ нахожденія въ Западной Сибири, въ Камской Болгаріи и въ западныхъ губерніяхъ европейской Россіи служитъ новымъ доказательствомъ единства сибирской, болгарской и сѣверорусской доисторической культуры.

Металлическія привѣски и бляхи съ изображеніемъ людей и животныхъ. Эти предметы представляютъ самый любопытный отдѣлъ сибирскихъ древностей. Они интересны и по художественному выполненію и по оригинальной композиціи изображаемыхъ фигуръ, большею частію взятыхъ изъ мѣстной сибирской фауны. Назначеніе ихъ не всегда возможно угадать: нѣкоторые изъ нихъ, мелкаго калибра, можетъ быть, служили привѣсками или нашивками на платье, другіе, болѣе крупные, могли принадлежать къ металлическому набору (украшенію) колчановъ, или наплечныхъ ремней воинскаго доспѣха, или бляхами для украшенія конской сбруи. Поэтому разсмотрѣніе ихъ мы помѣщаемъ

*) La necropole d' Ananino. Paris 1897 pag. 13—15. Здѣсь же помѣщены и рисунки этихъ предметовъ.

въ настоящей главѣ, въ отдѣлѣ доспѣховъ, а не личныхъ украшеній, не имѣя возможности дѣлать строгое разграниченіе между тѣми и другими.

Начну съ маленькихъ фигурокъ изъ Томскаго музея, служившихъ, очевидно, *привѣсками*. Четыре такія пластинки представляются здѣсь въ рисункахъ. Всѣ онѣ найдены въ осыпи подъ крутымъ берегомъ рѣки Яи, въ Ишимской волости, Томскаго округа, вмѣстѣ съ бронзовыми трехгранными стрѣлками (№ 4166), маленькимъ бронзовымъ кинжаломъ (№ 4167) и бронзовой чашечкой (№ 4168). По этимъ сопутствующимъ находкамъ можно заключить, что и описываемыя привѣски должны быть относимы къ бронзовой эпохѣ сибирской культуры, т. е. ко времени до Р. Хр. Изображаемыя здѣсь четыре бронзовыя фигурки записаны въ каталогѣ музея подъ слѣдующими номерами:

Рис. 121 и 122. Бронзовыя привѣски изъ Томскаго музея. № 4169 и 4171.

Рис 123 и 124 Бронзовыя привѣски изъ Томскаго музея № 4170 и 4172.

№ 4169. Бронзовая пластинка 5 сант. длины и 3 сант. шир., изображающая коня съ поджатыми ногами. На верху спины и головы находились, повидимому, какія-то придаточныя части, которыя отрублены (рис. 121).

№ 4170. Литая бронзовая фигурка горнаго барана. Вышина 3 сант., длина 2 сант. (рис. 123).

№ 4171. Такая же фигурка прыгающаго оленя съ вѣтвистыми рогами. Длина $3^1/_2$ сант., вышина 3 сант. (Рис. 122).

№ 4172. Обломокъ бронзовой фигурки, повидимому, изображавшей горнаго козла (рога и голова). Длина и вышина $2^1/_2$ сант. (Рис. 124).

№ 3360. Полная фигура оленя съ парой вѣтвистыхъ роговъ, вылитая изъ бронзы. Длина 4 сант., вышина $4^1/_2$ сант. (Рис. 125 на стр. 549 подъ № 8). Изъ Минусинскаго округа.

№ 3361. Такая же фигурка барана, $2^1/_2$ сант. вышины. (Рис. 125 подъ № 5). Найдена въ Минусинскомъ округѣ.

№ 3362. Такого же размѣра бронзовая птичка (голубо́къ). Самая головка обломана. Найдена тамъ же. (Рис. 125 подъ № 7).

№ 1064. Птичка, отлитая изъ стекла или черной твердой мастики. Длина 2 сант., вышина съ головкой $1^1/_2$ сант., съ сквозною дырочкой въ передней части. Найдена близъ Тобольска. (Рис. 125 подъ № 6) *).

*) Такія же птички изображены въ Атласѣ *Бера.* (Die Gräber der Liven) на табл. XX 5. и въ атласѣ *Крузе* (Necrolivonica) на табл. XXXIX к.

Всѣ перечисленные предметы, очевидно, служили привѣсками, такъ какъ на каждомъ изъ нихъ находятся соотвѣтствующія круглыя дырочки. Кромѣ этихъ привѣсокъ съ изображеніемъ животныхъ, въ нашемъ музеѣ имѣется довольно много бронзовыхъ привѣсокъ другой формы, большею частію въ видѣ геометрическихъ фигуръ. Сюда относятся напр. *№ 4019*, бронзовый литой треугольникъ, $2^1/_2$ сант. высоты и 1, 7 сант. толщины, съ поперечною сквозною дырочкой (рис. 125 подъ № 9), *№ 2686*—въ формѣ четырехконечнаго креста, *№ 3377*—въ формѣ звѣзды, *№ 3396*—въ формѣ кружка, внутри котораго поставлено какое-то животное, въ родѣ оленя или лося; № 3360—кружокъ съ идущими отъ его периферіи четырьмя отростками или вѣтвями въ видѣ креста, на верхней вѣтви круглая дырочка для привѣски; *№ 3368*—привѣска въ видѣ сердца, съ ушкомъ на верху и т. под. Всѣ эти предметы красиво отлиты и съ лицевой стороны орнаментированы. Рисунковъ ихъ здѣсь не показано.

Кромѣ перечисленныхъ фигурокъ, въ Томскомъ музеѣ имѣется еще одинъ экземпляръ бронзовой подвѣски въ формѣ маски человѣческаго лица. Лицо, 4 сант. длины, изображено съ опущенными вѣками, съ толстыми губами и съ усами (безъ бороды) (№ катал. 3366). Сверху этой вещицы находится тонкое колечко для привѣшиванія. Въ значительно большемъ числѣ подобныя же бронзовыя маски, служившія въ качествѣ привѣсокъ, собраны въ Минусинскомъ музеѣ. Въ атласѣ Клеменца, изданномъ Ин. Кузнецовымъ (Томскъ 1886 г.) они помѣщены на табл. VIII въ числѣ пяти штукъ. Изъ нихъ № 6 совершенно соотвѣтствуетъ нашему экземпляру, остальные представляютъ нѣсколько иную фигуру лица, съ открытыми глазами, въ одномъ случаѣ съ бородой. Въ атласѣ Мартина тѣже привѣски помѣщены на табл. 29, въ менѣе удачныхъ рисункахъ.

Бляхи съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ. Изображеніе человѣческихъ фигуръ или сценъ на бронзовыхъ пластинкахъ встрѣчается въ Сибири сравнительно рѣдко. Въ Томскомъ музеѣ имѣется всего три такихъ предмета. Рисунокъ одного изъ нихъ помѣщенъ на табл. XXII нашего изданія подъ № 7. Эта пластинка представляетъ голову и часть бюста женской фигуры. На головѣ видны заплетенныя, падающія на плечи, двѣ косы и какой-то сложный головной уборъ изъ завитковъ. Размѣръ этой пластинки 5 сант. длины и 4, 5 шир. Найдена она въ одной изъ курганныхъ могилъ Чувашскаго мыса, близъ Тобольска. На задней сторонѣ пластинки имѣется два ушка, посредствомъ которыхъ данный предметъ на что нибудь навѣшивался или нашивался. Въ каталогѣ музея онъ значится подъ № 669.

Вторая бронзовая пластинка, найденная въ той же мѣстности (на Чувашскомъ мысу) представляетъ человѣческую сцену. На ней изображены

двѣ человѣческія фигуры, стоящія за столомъ или прилавкомъ, опершись на него руками. Изъ за прилавка видны ноги, обутыя въ сапоги съ низ-

Рис. 125. Бронзовыя предметы Томекаго музея, съ изображеніемъ разныхъ животныхъ.

кими голенищами (полусапожки). Лицо у человѣка круглое, безъ усовъ и бороды; подъ подбородкомъ обозначенъ рядъ выпуклыхъ точекъ (ожерелье).

На платьѣ, доходящемъ до колѣнъ, спереди видѣнъ широко раскрытый по срединѣ груди воротъ.

Другая человѣческая фигура, повидимому, имѣла подобное же очертаніе, но она значительно попорчена частію ржавчиной, частію недостающими кусками пластинки. Вся пластинка имѣетъ 7 сант. длины и 5 сант. ширины. Она расколота на четыре куска, причемъ нѣкоторыхъ частей не достаетъ. На одномъ изъ обломковъ видны однѣ ноги (сапоги), принадлежащія очевидно къ существовавшей третьей фигурѣ. По краямъ эта четырехугольная пластинка обведена ободкомъ изъ выпуклыхъ крупныхъ точекъ. Такія же точки видны на приливкѣ передъ фигурами. Повидимому здѣсь была представлена сцена изъ купеческаго быта. (Въ каталогѣ музея этотъ предметъ записанъ подъ № 10).

Третій сюда относящійся предметъ представляетъ довольно крупную бронзовую пластинку (13 сант. длины и 9 шир.), изображающую человѣческое лицо продолговато-овальнаго очертанія, съ прямымъ носомъ, безъ усовъ и бороды. На верху пластинки видна часть головнаго убора. Здѣсь же имѣется особая вертикальная кнопка, посредствомъ которой предметъ къ чему-либо прикрѣплялся. Въ каталогѣ музея онъ записанъ подъ № 1274. Найденъ въ 120 верстахъ отъ Нарыма, внизъ по теченію Оби, крестьяниномъ деревни Колпашевой, при рытьѣ земли для столбовъ, на глубинѣ 2 аршинъ. Рисунковъ послѣднихъ двухъ пластинокъ здѣсь не приложено.

Изображеніе человѣческихъ фигуръ на археологическихъ предметахъ можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ для антропологическихъ опредѣленій. Кромѣ весьма ограниченнаго числа бронзовыхъ пластинокъ, сюда можно отнести болѣе многочисленный матеріалъ, который даютъ каменныя бабы *) и пока единичный случай находки изваянія человѣческой фигуры на надгробной плитѣ (ананьинскій камень) и гипсовыя человѣческія маски (въ Минусинскомъ музеѣ **). Изъ этихъ данныхъ, не смотря на отсутствіе технической опытности въ скульптурныхъ изображеніяхъ, мы усматриваемъ нѣкоторыя черты, характеризующія внѣшній обликъ древняго сибирскаго населенія. Почти всѣ представленныя здѣсь мужскія фигуры оказываются безбородыми, но въ большинствѣ случаевъ съ ясно выраженными длинными и густыми усами. Слѣдовательно, отсутствіе бороды въ данномъ случаѣ не есть антропологическій признакъ, а указаніе на существовавшій обычай брить бороду. Длинныхъ волосъ на мужскихъ головахъ также почти никогда не обозначалось, тогда какъ на женскихъ фигурахъ они нерѣдко показывались,

*) Рисунки нѣкоторыхъ сибирскихъ каменныхъ бабъ помѣщены мной на табл. VI, VII, VIII и IX перваго выпуска этой книги. Каменныя бабы европейской Россіи изображены въ вышецитированномъ атласѣ графа Уварова.

**) Рисунки этихъ масокъ помѣщены въ атласѣ древностей Минусинскаго музея, составл. Клеменцемъ, изд. Ин. Кузнецова 1886 г. на табл. XX, № 1 и 2.

иногда заплетенныя въ длинныя косы *). Отсюда можно заключить, что волосы у мужчинъ либо коротко подстригались, либо частію подбривались. Мужское одѣяніе, гдѣ оно обозначалось, всегда оказывается короткимъ и опоясаннымъ. На изображаемыхъ лицахъ незамѣтно ни скошенныхъ глазъ, ни выдающихся скулъ, которые указывали бы на монгольскій типъ. Напротивъ того, во всѣхъ болѣе отчетливо выраженныхъ фигурахъ типъ оказывается кавказскимъ или европейскимъ, очень часто круглолицымъ, съ прямымъ, довольно длиннымъ и толстымъ носомъ. Особенно убѣдительно говорятъ за европейскій типъ минусинскія маски, найденныя въ одной изъ курганныхъ могилъ. Это красивое, правильно очерченное лицо ни одной чертой не напоминаетъ нынѣшняго сибирскаго инородца †).

Бронзовыя бляхи съ изображеніемъ животныхъ. Изъ коллекцій Томскаго музея къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе номера:

№ 1278. Четырехугольная пластинка, 13 сант. длины и 7 сант. ширины. На ней представлены два вола или буйвола, головы которыхъ, съ большими крутыми рогами, стоятъ рядомъ, обращенныя впередъ, а туловища въ противуположныя стороны, по длинѣ пластинки, какъ видно на приложенномъ 126 рисункѣ. Эта пластинка найдена въ Кузнецкомъ окр. Томск. губерніи.

№ 3. Половинка точно такой же бляхи, съ изображеніемъ вола, найденная на Чувашскомъ мысу близь Тобольска. Размѣръ ея 6 сант. длины и 5 сант. ширины. Рисун. на табл. XXII № 3.

№ 1. Такая же половинка бляхи съ изображеніемъ коня, размѣръ 7 сант. длины и 5 сант. шир. Рис. на той же табл. № 1. Найдена на Чувашскомъ мысу.

Назначеніе описанныхъ четыреугольныхъ бляхъ не вполнѣ ясно. Для поясовъ онѣ были бы слишкомъ длинны и широки, притомъ на нихъ нѣтъ никакихъ приспособленій для застежки. Вѣроятнѣе всего, онѣ могли служить либо для конскаго убора, либо для украшенія наплечныхъ ремней воинскаго доспѣха.

Помѣщенныя на этихъ бляхахъ изображенія коня и вола, если не имѣютъ символическаго значенія, то во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ разряду самыхъ важныхъ въ экономическомъ быту домашнихъ животныхъ. На полной пластинкѣ (№ 1278) оба вола изображены рядомъ въ такой позѣ, которая напоминаетъ запряжку въ ярмо. Если это не простая фантазія художника, то подобный рисунокъ могъ бы служить указаніемъ на употребленіе этихъ животныхъ въ качествѣ рабочей силы, какъ это практиковалось у скиѳовъ по свидѣтельству греческихъ писателей **).

*) См. рис. нашей бронзовой пластинки на табл. XXII, 7.

†) Эти двѣ гипсовыя маски мужского и женскаго лица въ натуральную величину найдены г. Адріановымъ при раскопкѣ кургановъ по р. Абакану.

**) Подобная же пластинка съ двумя буйволами (14 сант. длины и 7 сант. шир.) имѣется въ Минусинскомъ музеѣ. Рисунокъ ея помѣщенъ въ атласѣ Мартина на табл. 29 подъ № 16. Тамъ ее называютъ поясною бляхою.

№ 3359. Полная рельефная фигура лося или сохатаго, въ стоячемъ положеніи, съ вѣтвистыми рогами. Высота фигуры 8 сант., длина 9 сант. Съ задней стороны этой пластинки имѣется двойное ушко, посредствомъ котораго пластинка, очевидно, насаживалась на ремень. Изображеніе этого предмета, въ половину натуральной величины, см. на рис. 125 подъ № 1. Найдена въ Енисейской губ. *).

На томъ же рисункѣ подъ № 2 представлена подобная же фигура оленя съ поджатыми ногами. Вѣтвистые рога его имѣютъ видъ ажурнаго сплетенія, идущаго въ пять рядовъ по длинѣ рога. Вышина этой рельефной пластинки 8 сант., длина 6 сант. Найдена на Чувашскомъ мысу близъ Тобольска. Въ каталогѣ записана подъ *№ 2.* Эта же фигура въ натуральную величину помѣщена мной на табл. XXIII подъ № 2. На табл. XXI, 5 изображена подобная же пластинка оленя, но съ поломанной головой и рогами.

Рис. 126. Бляха изъ желтой бронзы, съ изображеніемъ двухъ буйволовъ. № 1278.

№ 2613. Представляетъ красивую фигуру головы горнаго барана **) съ однимъ рогомъ. Размѣръ ея $4^1/_2$ и 5 сант. Въ композицію рисунка входитъ главнымъ образомъ рогъ, изогнутый въ видѣ широкаго кольца такимъ образомъ, что конецъ его, въ родѣ петли, надѣтъ на морду животнаго. На задней сторонѣ пластинки имѣется два штифтика, помощію которыхъ этотъ предметъ укрѣплялся на ремнѣ (на поясѣ, или на конскомъ уборѣ). Эта изящная вещица найдена при работахъ Обь-Енисейскаго канала. Изображеніе ея см. на рис. 125 подъ № 3 †).

---

*) Рисунокъ этой пластинки помѣщенъ также въ третьемъ выпускѣ Русскихъ древностей графа И. И. Толстого и Кондакова на стр. 155 № 183.

**) Горный или каменный дикій баранъ, иначе *архаръ* (Ovis Argali) водится въ Южномъ Алтаѣ и въ Средней Азіи. Художественное изображеніе его на предметахъ, найденныхъ въ Сибири, можетъ служить однимъ изъ доказательствъ мѣстнаго литейнаго производства.

†) Рисунокъ съ этого же предмета помѣщенъ въ концѣ третьяго выпуска Русск. древностей графа Толстого и Кондакова, въ заголовкѣ предметнаго указателя.

На всѣхъ вышеперечисленныхъ бронзовыхъ пластинкахъ и привѣскахъ Томскаго музея мы видѣли изображенія только мѣстныхъ животныхъ, именно: медвѣдя, оленя, лося, коня, вола, дикаго и домашняго барана, козла *). Изъ птицъ чаще изображались хищныя орлиной породы, иногда также сова и голубь. Встрѣчается также изображеніе рыбъ (на бронзовыхъ зеркалахъ и пластинкахъ). Въ композиціи этихъ рисунковъ, по мѣрѣ искусства, имѣлась въ виду близость къ натурѣ, не допускалось слишкомъ уродливыхъ формъ и неестественныхъ сочетаній. Быстроногія животныя, чаще всего конь и олень, обыкновенно представлялись съ поджатыми ногами, чѣмъ, повидимому, имѣлось въ виду выразить стремительное движеніе или скачекъ, а не лежачее положеніе, какъ думаютъ нѣкоторые археологи. Въ иныхъ случаяхъ художнику удавалось на столько уловить типическія черты изображаемаго животнаго, что по одной миніатюрной головкѣ иногда легко отличить даже разновидность породы, какъ напр. по головкѣ мула на рукояткѣ ножа, помѣщеннаго на рис. 125 подъ № 4.

Другой характеръ звѣриныхъ фигуръ и сценъ представляютъ бронзовыя пластинки съ миѳологическими сюжетами. Основнымъ ихъ мотивомъ большею частію является борьба между животными, и самыя фигуры звѣрей въ этомъ случаѣ обыкновенно представляются не вполнѣ естественными, съ условными формами и съ разными символическими придатками. Въ нашемъ музеѣ такихъ пластинокъ имѣется всего три, именно:

№ 2407. Рисунокъ его помѣщенъ на табл. XXII подъ № 6. Главный фонъ рисунка здѣсь занимаетъ большой звѣрь, похожій на волка, а на ободкѣ фантастическія животныя, въ родѣ змѣй съ звѣриными головами. Бляха эта овальной формы, 14 сант. длины и 9 сант. шир. На верху ея находится два ушка, посредствомъ которыхъ бляха къ чему нибудь привѣшивалась. Моделировка и отливка этого предмета довольно тонкая, можно сказать, изящная. Найдена при работахъ Обь-Енисейскаго канала, на берегу р. Язевой, въ песчаной почвѣ, на глубинѣ около одной сажени отъ поверхности земли. Здѣсь же найдено около 50 штукъ роговыхъ чешуекъ отъ развалившагося рогового панцыря **).

№ 670. Небольшая пластинка (6 сант. длины и $2^1/_2$ сант. шир.), представляющая двухъ грызущихся звѣрей, сцѣпившихся мордами и ногами.

---

*) Въ прошломъ году С. К. Кузнецовымъ была найдена при раскопкѣ древняго могильника близъ Томска полная бронзовая фигурка зайца. Къ изображеніямъ мѣстной фауны причислялся также дикій кабанъ и мулъ, головки которыхъ иногда помѣщались на рукояткахъ ножей. Съ этими животными древніе жители Сибири могли познакомиться въ Семирѣченской области, или въ Средней Азіи.

**) О роговомъ панцырѣ и объ археологическомъ значеніи находокъ въ такой далекой и пустынной мѣстности, гдѣ строится Обь-Енисейскій каналъ, было говорено на стр. 185 этого тома.

Верхній звѣрь по очертанію туловища напоминаетъ соболя или лисицу, но голова его не соотвѣтствуетъ этому животному. Предметъ этотъ вылитъ изъ бѣлѣсоватаго металла. Найденъ на Чувашскомъ мысу, близь Тобольска. Рисунокъ его помѣщенъ на XXII табл. подъ № 8.

№ *669*. Плоская кольцеобразная пластинка изъ бѣлого металлическаго сплава, 6 и 5 сант. въ діаметрѣ; найдена въ той же мѣстности. Верхняя и нижняя половинка ея представляютъ двухъ звѣрей, обращенныхъ другъ къ другу головами и ногами. Въ одной изъ головъ можно признать медвѣдя. Рисунка этого предмета не приложено.

Четвертый экземпляръ пластинки подобнаго же типа грызущихся звѣрей находится въ моей личной коллекціи. Эта бляха составляла часть арматуры пояса. Она изображена на табл. XXI подъ № 3. Въ композиціи этого рисунка можно видѣть сходныя черты съ фигурами животныхъ на сибирскихъ золотыхъ бляхахъ, хранящихся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ: тѣже уродливыя условныя формы звѣрей, таже непропорціонально громадная открытая пасть, обхватывающая почти всю голову какого-то другого животнаго.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ отдѣлѣ сибирскихъ археологическихъ коллекцій, хранится значительное количество *золотыхъ* бляхъ съ изображеніемъ разныхъ животныхъ сценъ. Основнымъ мотивомъ этихъ композицій тоже является звѣриная борьба и условная техника въ постановкѣ фигуръ. Судя по рисункамъ, помѣщеннымъ въ третьемъ выпускѣ Русскихъ древностей графа Ив. Ив. Толстого и Н. Кондакова, на этихъ золотыхъ бляхахъ чаще изображались животныя южныхъ странъ, съ фантастическими прикрасами, напр. кабанъ съ львиными лапами, нападающій на колоссальную змѣю (удава),—грифонъ въ борьбѣ со львомъ, левъ или тигръ, пожирающій лошадь; на рисункѣ 65 (стр. 58) представленъ якъ, обитатель Тибетскихъ холодныхъ плоскогорій, отдѣляющихъ центральную Азію отъ Индіи. Эти сюжеты, очевидно, заимствованы съ далекаго Юга и воспроизводились мѣстными сибирскими художниками, можетъ быть, не столько по даннымъ образцамъ, сколько по традиціоннымъ воспоминаніямъ. Поэтому, быть можетъ, въ этихъ композиціяхъ часто допускалось неестественное сочетаніе животныхъ формъ и объекты изображеній получали условное миѳологическое значеніе. Тотъ же художникъ, копируя знакомую ему мѣстную фауну, напр. лося, оленя, коня, вола и пр. обыкновенно выполнялъ эту задачу, не уродуя естественныхъ формъ, подражая натурѣ иногда съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Металлическія бляхи съ изображеніемъ животныхъ и вообще звѣриный орнаментъ, столь часто примѣнявшійся къ украшенію орудій, составляютъ весьма характерную особенность сибирской металлургіи. Композицій подоб-

наго рода не встрѣчается ни въ древностяхъ западной Европы, ни въ издѣліяхъ далекаго азіатскаго востока. Это самобытный сибирскій стиль, характеризующій болѣе или менѣе опредѣленную эпоху и извѣстное культурное теченіе, разливавшееся изъ-за Урала и впослѣдствіи охватившее сѣверный Кавказъ, бассейны Камы, Волги и Дона и часть южной Россіи. Въ меньшей степени и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ таже звѣриная орнаментація проникла на Дунай и отчасти въ верхнюю Италію и сѣверную Францію, очевидно, въ связи съ переселеніемъ народовъ.

Я не буду здѣсь распространяться объ аналогическихъ предметахъ съ звѣриными украшеніями, найденныхъ въ южной Россіи, на Дону и на сѣверномъ Кавказѣ. Съ достаточной полнотой эти находки перечислены въ „Русскихъ древностяхъ", изданныхъ графомъ Толстымъ и Н. Кандаковымъ (вып. третій, стр. 124—126, 132—139). Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи древности земли Войска Донского и Кубанской области. Оцѣнку ихъ позволяемъ здѣсь изложить словами только-что упомянутыхъ авторовъ: „Земля Войска Донского, а съ нею отчасти и теченіе Кубани, говорятъ они (стр. 132), являются второю стоянкою того восточнаго искусства, которое, сложившись въ эпоху Рождества Христова, вмѣстѣ съ народами передвинулось затѣмъ черезъ южную Россію и которое мы знаемъ на Востокѣ пока исключительно въ древностяхъ Сибири".

„Древности земли Войска Донского, относящіяся къ эпохѣ переселенія народовъ, болѣе нежели сходны съ сибирскими: онѣ составляютъ вмѣстѣ одну нераздѣльную художественную группу, взаимно дополняемую, и связаны однимъ стилемъ. Донскія древности, правда, не лишены (какъ и кавказскія) элемента античнаго, котораго вовсе нѣтъ въ сибирскихъ, т. е. нѣтъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, а чувствуется антикъ уже переработанный Востокомъ. Здѣсь, напротивъ, во многихъ вещахъ, особенно серьгахъ, подвѣскахъ, римскомъ бюстѣ на діадемѣ Новочеркасскаго клада, мы имѣемъ греко-римскій придатокъ, но онъ не вліяетъ на его стиль, который остается азіатскимъ, тѣмъ-же что въ древностяхъ Сибири. Мы могли бы, напр., указать даже предметы древности, найденные на Дону и настолько тождественные съ сибирскими, что въ нихъ не замѣчается ни малѣйшей противъ нихъ разницы даже въ техникѣ". (Далѣе слѣдуютъ указанія на находки Новочеркасскаго клада, 1864 г., и находки въ станицѣ Голубинской, 2-го Донского округа, 1891 г. *).

Независимо отъ этихъ художественныхъ, золотыхъ издѣлій, мы много разъ указывали въ предъидущихъ главахъ на замѣчательное сходство всего куль-

*) Рисунокъ золотой діадемы изъ Новочеркасскаго клада, съ изображенными на ней сибирскими животными—сѣверными оленями и каменнымъ барановъ (Архаръ) помѣщены на стр. 134 и 135 названнаго изданія. Рисунокъ ожерелья съ столь же характерными фигурами животныхъ—на слѣдующей 136 стр.

турнаго строя, связывавшаго древнюю арійскую Сибирь съ камскими Болгарами, съ Волгой, Дономъ и сѣвернымъ Кавказомъ. И эта связь, по моему мнѣнію, началась не съ эпохи Рождества Христова, а многими вѣками раньше. Каспійское море и великая русская рѣка Волга съ ея восточными притоками искони вѣковъ служили могучими проводниками древнѣйшей малоазіатской и иранской культуры по всему колоссальному бассейну этихъ рѣкъ, и далѣе на востокъ, за Уральскій хребетъ. Эти обширныя, привольныя и плодородныя страны представляли собой особый міръ, долгое время совсѣмъ не вѣдомый ни персамъ, ни грекамъ, хотя и имѣвшій съ ними торговыя сношенія въ соприкасающихся пограничныхъ пунктахъ (по Азовскому, Черному и по Южнымъ берегамъ Каспійскаго моря). Обитатели этихъ странъ, насколько можно судить по намекамъ греческихъ писателей, считали политическимъ правиломъ не допускать къ себѣ иноземцевъ и не заселять пограничныя степи. Этимъ они защищали себя отъ завоевательныхъ поползновеній персовъ, грековъ и римлянъ, оставляя ихъ въ невѣдѣніи относительно природы своихъ сѣверныхъ и восточныхъ земель и богатства ихъ. О самомъ существованіи Волги греческіе географы узнали только со времени Страбона (около Р. Хр.), и то въ видѣ смутныхъ слуховъ. Страбонъ, какъ извѣстно, считалъ Волгу за морской проливъ, соединяющій Каспійское море съ Сѣвернымъ океаномъ. Можетъ быть въ этомъ извѣстіи слышенъ отголосокъ о существовавшемъ тогда водномъ пути изъ Каспія въ Сѣверный океанъ, черезъ Пермскій волокъ на систему сѣверной Двины и Печеры *).

Заканчивая настоящую главу о древнемъ сибирскомъ боевомъ оружіи и доспѣхахъ, считаю неизлишнимъ вкратцѣ повторить нѣкоторые итоги всему вышесказанному.

1) Характеръ разсмотрѣннаго бронзоваго и желѣзнаго оружія даетъ намъ основаніе предполагать, что древнее сибирское населеніе не представляло собою конную кочевую орду. Его воинамъ былъ извѣстенъ и обыченъ и пѣшій и конный строй. Преобладающимъ оружіемъ, судя по археологическимъ даннымъ, служили топоры (кельты), кинжалы и двуконечныя сѣкиры, очевидно приспособленныя къ рукопашному бою. Копья употреблялись рѣже, но по разнообразію ихъ типовъ можно предполагать, что въ ихъ числѣ были и короткіе метательные дротики или сулицы, и ручныя ратоборныя, и длинныя для конныхъ воиновъ.

Опредѣляемое по оружію пѣшее войско могло относиться только къ народу осѣдлому, или, по меньшей мѣрѣ, полуосѣдлому. Монгольскія и татар-

*) См. объ этомъ книгу первую, стр. 73, 191—206 (торговое значеніе Великой Перми) и стр. 224—234 (путь по сибирскимъ рѣкамъ къ Пермскому волоку).

скія племена не принадлежали къ этому разряду ни въ древніе, ни въ средніе вѣка. И до сихъ поръ эти азіатскія орды соблюдаютъ привычную имъ тактику стремительнаго коннаго набѣга и мало способны къ пѣшему стройному натиску. Такимъ образомъ, существовавшій у древнихъ сибирскихъ жителей, судя по оружію, пѣшій строй не можетъ характеризовать монгольскаго или татарскаго или вообще кочевого племени. Если мы вспомнимъ при этомъ другія черты древняго сибирскаго населенія, напр. обычай строить укрѣпленные земляные городки не иначе, какъ на высокихъ берегахъ рѣкъ,*) сооружать земляныя или каменныя могилы по образцу арійскихъ народовъ, употреблять глиняную, а не кожанную или берестяную посуду и т. д., то должны придти къ заключенію, что древнее (курганное) сибирское населеніе, оружіе котораго мы разсматривали, принадлежало къ племени индоевропейскому.

2) Принимая во вниманіе оригинальность формъ и украшеній древняго сибирскаго оружія, особенно кельтовъ, сѣкиръ и кинжаловъ, мы должны думать, что типы этихъ орудій развивались и совершенствовались здѣсь-же въ Сибири. Это въ свою очередь указываетъ на значительную степень культурнаго развитія мѣстнаго населенія, особенно въ области металлургіи. Существующіе въ Сибири многочисленные слѣды древнихъ рудныхъ разработокъ (мѣди, золота и серебра) подтверждаютъ тоже самое.

3) Большая часть сибирскихъ типовъ бронзоваго оружія распространились прежде всего въ Камскую Болгарію и Пермскую область, позднѣе на нижнюю Волгу и Донъ, въ меньшей степени—въ южную Россію, въ Дунайскія области и частію въ Западную Европу. Это распространеніе не можетъ быть иначе объяснено, какъ народными передвиженіями, или постепеннымъ разселеніемъ древнихъ сибирскихъ жителей сначала въ бассейны Камы и Волги, потомъ на Донъ, Днѣпръ и Дунай. При этомъ вся совокупность доисторическихъ памятниковъ восточной Россіи ясно характеризуетъ особый складъ сибирской культуры, во многомъ отличавшейся отъ культуры классической, слѣдовательно указываетъ на особую народность, развивавшуюся на иныхъ началахъ и при другихъ условіяхъ, по сравненію съ западно-европейской цивилизаціей. По обширности территоріи, охваченной этою восточною культурою мы можемъ судить о многолюдствѣ и силѣ того племени, которому она обязана своимъ развитіемъ, а по распространенію ея на западъ до предѣловъ Дуная и Балтійскаго моря можемъ заключить, что этотъ восточный народъ нѣкогда вошелъ въ соприкосновеніе съ населеніемъ западной Европы. Уже одинъ этотъ фактъ повторенія нѣкото-

*) Кочевыя племена, особенно монголы и татары, даже въ недавнія историческія времена обыкновенно избѣгали близости рѣкъ и никогда не пользовались рѣками, какъ водянымъ путемъ.

рыхъ сибирскихъ типовъ издѣлій и орнаментовъ бронзовой эпохи на открываемыхъ нынѣ древностяхъ средняго Дуная, Балтійскаго прибрежья, Скандинавіи и Ирландіи убѣдительно говоритъ, если не за племенное родство народовъ, то по меньшей мѣрѣ за взаимодѣйствіе восточной и западной цивилизаціи. Такимъ образомъ наши сибирскія древности получаютъ не одно лишь мѣстное, по нынѣшнему понятію инородческое, а общеевропейское значеніе. По географическимъ соотношеніямъ онѣ ближе всего соприкасаются съ славянскимъ міромъ, особенно съ его сѣвернымъ удѣломъ, потому изученіе и объясненіе сибирскихъ древностей имѣетъ для насъ русскихъ наибольшій интересъ.

Чѣмъ больше я углубляюсь въ изученіе сибирскихъ древностей, тѣмъ больше убѣждаюсь въ неосновательности ходячихъ мнѣній относительно ихъ происхожденія. Для меня совершенно непонятно, какимъ образомъ ученые люди, основательно знакомые съ сибирскою и западно-европейскою доисторическою археологіей, до сего времени продолжаютъ повторять старую, ни на чемъ не основанную, утопію о нѣкогда существовавшей, будто бы, у предковъ нынѣшнихъ остяковъ и самоѣдовъ высокой индустріи. Такъ напр., академикъ В. В. Радловъ въ своей статьѣ объ аборигенахъ Сибири*) приписывалъ сибирскую бронзовую культуру народамъ угро-самоѣдскаго племени. Тотъ-же авторъ въ своей книгѣ „Aus Sibirien“ склоненъ считать сибирскія мѣдныя и бронзовыя орудія издѣліемъ предковъ нынѣшнихъ остяковъ. Такимъ образомъ, солидный научный дѣятель, хорошо знакомый съ бытомъ и положеніемъ сибирскихъ инородцевъ, находитъ возможнымъ согласовать нынѣшнее полудикое ихъ состояніе съ тѣмъ, относительно высокимъ, культурнымъ обликомъ, въ какомъ рисуютъ намъ сибирскія древности настоящихъ аборигеновъ этой страны. Мало того, допуская такое необычайное превращеніе, крайнюю деградацію или одичаніе цѣлой народности, мы должны были бы распространить эту неестественную метаморфозу на финское населеніе почти всей европейской Россіи, гдѣ оказываются ясные слѣды занесенной сюда древне-сибирской культуры. Отсюда вытекало-бы, что древности и сѣвернаго Кавказа, и Дона, южной и сѣверной Россіи, даже Дунайскихъ областей и сѣверной Пруссіи обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкогда процвѣтавшимъ здѣсь финнамъ, являющимся, такимъ образомъ, просвѣтителями славянъ. Парадоксальность такой гипотезы слишкомъ очевидна, чтобы объ ней распространяться, хотя многіе русскіе археологи до сихъ поръ придерживаются этой странной теоріи, игнорируя законы человѣческаго развитія и данныя живого языка, антропологіи и исторіи.

Цѣль моего настоящаго труда состояла въ томъ, чтобы освѣтить сибирскія древности съ другой, по моему мнѣнію, болѣе надежной, и раціональ-

*) Въ живописной Россіи, изд. Вольфа.

ной точки зрѣнія, при помощи сравнительной археологіи. Часть этой задачи разработана мной, по мѣрѣ силъ и доступныхъ для меня въ Томскѣ научныхъ пособій, въ напечатанныхъ первыхъ двухъ томахъ, къ сожалѣнію, не вмѣстившихъ всего намѣченнаго мною матеріала. Для выполненія программы мнѣ оставалось еще разсмотрѣть слѣдующіе отдѣлы сибирскихъ древностей: 1) ремесленныя и хозяйственныя орудія, именно: бронзовыя и мѣдныя долота и стамески, ножи, шилья и бронзовыя тонкія иголки, бронзовые серпы и орудія горнаго промысла, такъ называемые, скиѳскіе мѣдные котлы съ поддонами и т. д. Предметовъ этой категоріи собрано въ Томскомъ музеѣ довольно много и они представляютъ очень интересный матеріалъ для разъясненія древней сибирской культуры. 2) Личныя украшенія и принадлежности туалета, именно: серьги, кольца, браслеты, запонки, бусы, ожерелья и шейные обручи (гривны), бронзовыя зеркала, гребни, головныя шпильки, разныя привѣски и амулеты*). 3) Сибирскія руноподобныя письмена: общую ихъ характеристику, сходство алфавита (по очертанію буквъ, манерѣ письма и строчнымъ знакамъ) съ древнефиникійскимъ, греческимъ и нѣкоторыми малоазійскими алфавитами; догадки о происхожденіи древняго сибирскаго письма; отношеніе его къ скандинавскимъ рунамъ и древнимъ русскимъ чертамъ и рѣзамъ. 4) Топографическое обозрѣніе курганныхъ могилъ и кладбищъ Восточной и Западной Сибири, со включеніемъ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей. Форма и устройство кургановъ, земляныхъ, полукаменныхъ и каменныхъ, способы и ритуалы погребенія; отличіе финскихъ и киргизскихъ могилъ отъ древнихъ арійскихъ. Могильные черепа и скелеты.

Эти четыре главы, не вошедшія въ первые два тома сибирскихъ древностей, должны были составить третій дополнительный томъ. По разсмотрѣніи всего этого, я надѣялся, дана была бы возможность интересующимся сибирскими древностями составить себѣ ясное представленіе о складѣ жизни, о степени культурнаго развитія древняго сибирскаго населенія и объ отношеніяхъ его къ нынѣшнимъ европейскимъ народамъ. Этимъ путемъ сра-

---

*) Бронзовыхъ *долотъ и стамесокъ* въ музеѣ имѣется 15 штукъ (№№ 1222—1224, 2896—2900, 3192—3194, 3196, 4037, 4038, 4049).

Бронзовыхъ и мѣдныхъ *ножей* болѣе 200 штукъ.

Шильевъ и головныхъ *шпилекъ* 17 штукъ.

Бронзовыхъ *серповъ* 14 штукъ (№№ 1264, 2895, 3197—3202, 3280, 4044, 4045, 4050, 4052, 4402).

Скиѳскихъ *котловъ* (съ поддонами) 15 штукъ. (№№ 1482—1490, 3347, 4691—4693, 4699, 4954. Нѣкоторые изъ нихъ неполные, въ обломкахъ).

Бронзорыхъ *зеркалъ* 43 штуки. (№№ 1270—1273, 1292, 2906—2917, 2923, 3248, 3299—3313, 3315—3317, 3345, 4188, 4189, 4215, 4497, 4787).

Бронзовыхъ *перстней* и *колецъ* болѣе 20 штукъ.

Шейныхъ обручей 8 штукъ.

Серегъ 16 штукъ.

Браслетовъ болѣе десятка.

внительной археологіи и антропологіи, думалось мнѣ, удалось бы разъяснить истинное происхожденіе сибирскихъ древностей курганной эпохи и показать несостоятельность господствующей донынѣ туранской теоріи. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ едва-ли можетъ быть вполнѣ оконченъ. Разстроенное здоровье, по всей вѣроятности, заставитъ меня въ скоромъ времени покинуть Томскъ, причемъ я буду лишенъ возможности пользоваться собраннымъ мною въ университетскомъ музеѣ археологическимъ матеріаломъ.

Не предрѣшая будущаго, я все же позволю себѣ, не дожидаясь полнаго разбора сибирскихъ древностей, въ концѣ этой книги изложить тѣ выводы, къ которымъ я прихожу на основаніи уже напечатанныхъ главъ. Не смотря на неполноту данныхъ, эти выводы будутъ не голословны, если принять во вниманіе все изложенное въ первомъ и второмъ томѣ. Въ самомъ началѣ своего труда (введеніе) я уже говорилъ, что археологія должна служить предшественницей исторіи. Она должна имѣть въ виду не отвлеченныя представленія о вымершихъ, болѣе не существующихъ народахъ, или угасшихъ культурахъ, а возстановить связь давнопрошедшаго съ настоящимъ,—колыбели народовъ съ ихъ исторической судьбой и разцвѣтомъ народныхъ силъ. Примѣнительно къ этой идеѣ я далъ своему сочиненію заглавіе „Первобытные славяне“, имѣя въ виду, что разсматриваемыя мною древности ближе всего относятся къ нашей колыбели и должны служить исходною точкою нашей сѣверной доисторической культуры.

Обозрѣвая сибирскія древности, я усматриваю въ нихъ общеарійскіе, въ частности славянскіе элементы въ слѣдующемъ:

1) Въ характерѣ курганныхъ могилъ, большею частію черноземныхъ, располагавшихся группами (могильниками), чаще всего на высокихъ прибрежныхъ и открытыхъ мѣстахъ *). Подобные курганы, какъ извѣстно, существуютъ, кромѣ Сибири, почти всюду въ Европейской Россіи, особенно въ южныхъ областяхъ и на сѣверномъ Кавказѣ. Этотъ обычай погребенія представляетъ характерную особенность сѣверно-славянскаго племени. У народовъ западной Европы внѣшняя форма могилъ отмѣчалась другимъ способомъ (долмены, погребальныя урны съ костями и пепломъ), у русскихъ же языческихъ славянъ обычай курганнаго погребенія продолжалъ существовать, по свидѣтельству Нестора, даже въ историческое время. По разсказу „Повѣсти временныхъ лѣтъ,“ великая княгиня Ольга, воздавая посмертную почесть своему мужу, Игорю, „пріиде ко гробу его (мѣсту, гдѣ онъ былъ погребенъ) плакася (совершивъ обрядъ причитаній) и повелѣ людемъ своимъ *сѣсути могилу велику* (сопку, курганъ);

*) Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Западной Сибири и Семирѣченской области напечатаны мной въ первомъ томѣ Извѣстій Императорскаго Томскаго университета за 1888—89 годъ, стр. 1—72. Въ настоящее время свѣдѣнія эти значительно пополнены, именно въ отношеніи Восточной Сибири, горныхъ долинъ Алтая и части Кулундинской степи.

яко соспоша, и повелѣ трызну творити". При погребеніи самой княгини Ольги, она, какъ христіанка, заповѣдала сыну своему Святославу „погрестись съ землею ровно, а могилы не сути (холма не насыпать), ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти". В. князя Олега, по словамъ лѣтописца, похоронили на горѣ Щековицѣ, гдѣ „и могила его (курганъ) до сего дни словетъ могила Олгова". Надъ могилой Аскольда въ Кіевѣ, по сохранившемуся до сего времени преданію, также былъ насыпанъ курганъ. Въ Бѣлоозерской области, въ вотчинѣ перваго историческаго князя Синеуса, народное преданіе указываетъ его могилу въ окрестностяхъ нынѣшняго Кирилобѣлозерскаго монастыря, тоже подъ курганомъ, до сихъ поръ носящимъ названіе *Синеусовъ курганъ*.

Погребальные обычаи по справедливости можно причислять къ наиболѣе устойчивымъ народнымъ привычкамъ. Составляя часть религіозныхъ обрядовъ, они не терпятъ существенныхъ уклоненій отъ данной религіозной формы, и если мѣняются, то обыкновенно вмѣстѣ съ перемѣною религіи. У арійскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ существовало два способа похоронъ—сожиганіе и погребеніе труповъ, а по отношенію къ внѣшней формѣ могильныхъ памятниковъ устраивались либо земляныя курганныя насыпи, либо каменные монументы (долмены). Тотъ и другой типъ памятниковъ былъ распространенъ очень широко и, повидимому, принадлежалъ двумъ разнымъ группамъ народовъ. Въ эпоху Троянской войны тѣла павшихъ героевъ сожигали на кострѣ и надъ могилой насыпали высокій курганъ. Гомеръ отмѣчаетъ этотъ обычай очень часто и съ большими подробностями*). Послѣ троянской эпохи мы видимъ самое широкое примѣненіе курганнаго погребенія у европейскихъ и азіатскихъ скиѳовъ. Само собой разумѣется, что этотъ скиѳскій обычай развился не случайно, а былъ выраженіемъ наслѣдственной привычки, имѣвшей непосредственную связь съ троянскимъ культомъ погребенія. Ту-же связь, очевидно, имѣютъ и сибирскіе черноземные курганы, по строенію своему ничѣмъ не отличающіеся отъ южно-русскихъ, донскихъ и сѣверно-кавказскихъ**). Поэтому, какъ тѣ, такъ и другіе мы имѣемъ полное основаніе приписывать народу одноплеменному и вѣроятнѣе всего—славянскому, такъ какъ при настоящемъ положеніи архео-

*) Иліада VII, 85 91. XII, 62—66, XIV, 66—68, XVI, 453-457, 671—675, XVII, 434—436, XXIII, 125—180, 238-257, XXIV, 195-199. См. также 57 примѣчаніе къ каталогу Томскаго археолог. музея (1888 г.) стр. 247—252 „Троянскіе и скиѳскіе курганы и другіе этнографическіе памятники, сближающіе троянцевъ съ скиѳами и славянами".

**) Татары и монголы никогда не имѣли курганнаго погребенія. Финскія народности частію усвоили его отъ сѣверныхъ славянъ, но ихъ курганныя могилы, большею частію не столь древнія, обыкновенно не отличаются ни большими размѣрами насыпей, ни богатствомъ содержимаго могилъ. Находимые въ нихъ скелеты отличаются отъ славянскихъ или вообще арійскихъ формою череповъ. Скандинавскіе курганы, по всей вѣроятности, должны имѣть арійское происхожденіе, слѣдовательно стоять въ связи съ троянскими и славянскими.

логическихъ данныхъ едва-ли можно сомнѣваться, что подъ южно-русскими скиѳами слѣдуетъ разумѣть именно славянъ.

2) Укрѣпленные земляными валами городки, обыкновенно располагавшіеся по высокимъ берегамъ судоходныхъ рѣкъ и почти всегда сопутствуемые земляными курганами, могутъ подтверждать туже мысль о древнемъ арійскомъ населеніи Сибири. Въ главѣ IV-й первой книги (стр. 151—183) мною былъ уже сдѣланъ очеркъ исторіи земляныхъ укрѣпленій, изъ котораго видно, что этотъ способъ фортификаціи ведетъ свое начало, какъ и вся европейская культура, изъ Малой Азіи, начиная съ троянскихъ временъ. Въ древности имъ пользовались преимущественно римляне, галлы и другіе европейскіе народы, но долѣе всего земляные рвы и валы продолжали примѣняться къ защитѣ городовъ славянами, особенно русскими. По типу безчисленныхъ доисторическихъ земляныхъ городковъ, открытыхъ нынѣ по судоходнымъ путямъ Сибири и европейской Россіи, строились и укрѣплялись почти всѣ русскіе города. Земляные курганы были вытѣснены у насъ только обрядами христіанскаго погребенія, вскорѣ послѣ сформированія русскаго государства, но для устраненія земляныхъ оконовъ не было такихъ уважительныхъ причинъ. Поэтому въ системѣ городскихъ укрѣпленій они существовали у насъ очень долго, по старой національной привычкѣ, развившейся еще въ доисторическія времена. Такимъ образомъ, древніе земляные городки европейской и азіатской Россіи въ большинствѣ случаевъ должны служить признакомъ не финскаго, тѣмъ болѣе не татарскаго, а славянскаго населенія.

Земляные городки, какъ мы видѣли выше (кн. I стр. 221—235), очень часто располагались на водяныхъ путяхъ, гдѣ они служили опорными пунктами и факторіями при международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Такое систематическое распредѣленіе укрѣпленныхъ пунктовъ свидѣтельствуетъ объ извѣстной степени соціальнаго развитія древнихъ сибирскихъ жителей, объ ихъ судоходствѣ, промышленности и торговыхъ сношеніяхъ. Эта черта не свойственна нынѣшнимъ обитателямъ сѣвера, финскимъ племенамъ, соціальный строй которыхъ и въ древніе вѣка не могъ быть выше настоящаго.

3) Археологическіе памятники характеризуютъ древнее сибирское населеніе, какъ земледѣльческое, промышленное и до извѣстной степени осѣдлое. О существовавшемъ земледѣліи свидѣтельствуютъ обугленные злаки, найденные въ Тобольскихъ курганныхъ могилахъ, и бронзовые серпы классическаго типа, какіе употреблялись древними греками и римлянами. О горной промышленности говорятъ многочисленные слѣды древнихъ рудныхъ разработокъ, копей и отваловъ, а также цѣлая масса оригинальныхъ, нерѣдко изящныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ отливокъ. По химическимъ анализамъ бронзовыхъ издѣлій и по нѣкоторымъ пріемамъ литейной техники

оказывается, что сибирское металлургическое искусство стоитъ въ связи съ древнимъ ассирійскимъ, троянскимъ и греческимъ, слѣдовательно было занесено въ Сибирь переселенцами изъ этихъ странъ*). Кромѣ металлургіи, въ Сибири существовало въ широкихъ размѣрахъ плотничное и столярное ремесло, на что указываютъ многочисленные экземпляры бронзовыхъ долотъ и стамесокъ, почти ничѣмъ не отличающихся отъ нынѣшнихъ европейскихъ. Очень большое количество найденныхъ напрялъ (веретенъ) свидѣтельствуетъ о трудолюбіи женскаго населенія и о развитіи прядильнаго и ткацкаго ремесла. Найденныя тонкія бронзовыя швейныя иглы **) съ ушкомъ доказываютъ, что древніе сибирскіе жители имѣли и тонкія ткани, не только шерстяныя, употреблявшіяся въ то время повсюду, но также конопляныя и льняныя (см. стр. 253 этой книги). Форма и орнаменты глиняныхъ сибирскихъ напрялъ болѣе всего сходствуютъ съ древними троянскими, скиѳскими южной Россіи и позднѣйшими русскими. (См. выше стр. 231—247). За домовитость и осѣдлость древняго сибирскаго населенія говорятъ многочисленныя городища съ остатками глиняной посуды. Такая посуда, особенно крупныхъ размѣровъ (корчаги), не могла быть пригодна кочевому или бродячему народу, по причинѣ своей хрупкости и неудобства для перевозки. Форма, цвѣтъ и орнаменты глиняной посуды показываютъ, что сибирское гончарное искусство имѣло традиціонныя отношенія къ троянской керамикѣ и въ свою очередь отразилось на формахъ русской простонародной глиняной посуды. (См. выше стр. 217).

4) По вооруженію и доспѣхамъ древнее сибирское населеніе точно также рисуется не въ образѣ кочевой орды или бродячихъ номадовъ. Преобладаніе рукопашнаго оружія указываетъ на существовавшій пѣшій строй воиновъ, а оригинальная, нерѣдко изящная форма сѣкиръ, кинжаловъ и кельтовъ свидѣтельствуетъ о значительной степени культурнаго развитія жителей. Повтореніе тѣхъ же типовъ оружія, особенно кельтовъ, въ Европейской Россіи, Скандинавіи, въ Дунайскихъ и Балтійскихъ областяхъ служитъ доказательствомъ постепеннаго распространенія сибирской бронзовой культуры въ западную Европу, а слѣдовательно и подтвержденіемъ предположенія о совершавшихся сношеніяхъ и переселеніяхъ сибирскихъ жителей курганной эпохи въ европейскія страны. Въ этомъ отношеніи особенно обращаютъ на себя вниманіе мѣдные и бронзовые кельты. Встрѣчая это оригинальное оружіе въ Скандинавіи, Британіи, въ земляхъ Балтійскихъ и Дунайскихъ славянъ, мы не можемъ объяснить себѣ его присутствіе въ этихъ странахъ иначе, какъ путемъ распространенія арійской культуры съ восто-

*) См. объ этомъ главу V второго тома.

**) Тонкія бронзовыя иглы записаны въ каталогѣ нашего музея подъ №№ 2621 и 4663. Длина ихъ 2½ сант. Найдены близъ села Ладеекъ, въ 20 верстахъ отъ Красноярска.

ка на западъ; ибо нельзя же думать, чтобы эти своеобразные мѣдные топорики были занесены въ Европу остяками или самоѣдами.

5) Личныя украшенія и орнаменты, особенно въ т. н. звѣриномъ стилѣ, повторяющіеся потомъ въ скиѳскихъ и дунайскихъ древностяхъ, также указываютъ на переносъ древней сибирской культуры въ западныя европейскія страны не иначе, какъ путемъ народныхъ переселеній, во всякомъ случаѣ не финскихъ. Изъ личныхъ украшеній возьмемъ для примѣра шейные обручи или гривны. Этотъ знакъ отличія, съ древнѣйшихъ временъ употреблявшійся въ Египтѣ, Вавилонѣ, въ Палестинѣ и Персіи *), оказывается на столько же обычнымъ у древнихъ сибирскихъ жителей и у скиѳовъ южной Россіи, а также въ Скандинавіи, въ сѣверной Германіи и въ южной Италіи. Туже гривну мы видимъ въ древней Руси, носимую на шеѣ въ качествѣ почетнаго знака **).

Это сопоставленіе историческихъ свидѣтельствъ съ данными сибирской и вообще скиѳской археологіи должно имѣть для насъ очень важное значеніе. Оно указываетъ, что шейная гривна вошла въ обиходъ русской жизни не чрезъ Византію, какъ нѣкоторые думаютъ, а наоборотъ, она была усвоена византійцами отъ варваровъ въ IV—V столѣтіи ***), и не отъ персовъ, а именно отъ славянъ. Къ намъ же это украшеніе могло перейти не въ средніе вѣка, а въ ветхозавѣтныя времена, и не иначе, какъ съ азіатскаго востока, гдѣ оно имѣло связь съ вавилонскими и іудейскими гривнами.

Тоже самое можно было бы сказать объ ожерельяхъ (бусахъ), серьгахъ, перстняхъ и кольцахъ, запонкахъ и т. под. принадлежностяхъ женскаго туалета. Не смотря на то, что эти предметы имѣютъ общее культурное происхожденіе и повсемѣстное распространеніе, нѣкоторыя изъ относящихся сюда сибирскихъ археологическихъ находокъ представляютъ собою какъ бы особый, болѣе привычный стиль, повторявшійся потомъ въ русскихъ древностяхъ историческаго времени. Возмемъ для примѣра бронзовую полую запонку (съ продольною прорѣзью на передней стѣнкѣ и съ погремушками внутри, въ родѣ маленькаго бубенчика). Русскія крестьянки носили такія запонки на моей памяти, можетъ быть носятъ и по сіе время, нашивая ихъ вдоль сарафана спереди, для красы, или у ворота для застежекъ. Точно такія же запонки оказы-

*) Кн. Бытія, гл. 41, ст. 41—43. Притчи Соломоновы гл. 1, ст. 9. Кн. Премудрости Іисуса сына Сирахова гл. 6, ст. 30-31.

**) Лѣтопись Нестора подъ 1015 годомъ. Полное собраніе русск. лѣтоп. т. 1-й, подъ 1147 г. Печерскій патерикъ, кіевское изданіе 1760 года стр. 67. Въ указанныхъ цитатахъ подъ гривною разумѣется именно шейный обручъ, какъ почетный знакъ, вполнѣ соотвѣтствующій археологическимъ курганнымъ находкамъ этого рода. Изображеніе шейныхъ гривенъ нерѣдко также встрѣчается на каменныхъ бабахъ; тоже мы видимъ на извѣстномъ надгробномъ Ананьинскомъ камнѣ.

***) См. кн. первую, гл. III, въ частности стр. 91.

ваются въ нѣкоторыхъ сибирскихъ (тобольскихъ) и россійскихъ курганныхъ могилахъ *). Но еще любопытнѣе очень большое распространеніе ихъ у нынѣшнихъ американскихъ индійцевъ **). Едва-ли можно сомнѣваться, что дутыя запонки и бубенчики (ширкунъ) распространились изъ Сибири въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ: съ одной стороны на западъ, въ Европейскую Россію, съ другой въ Америку, черезъ Беринговъ проливъ. Въ томъ и другомъ случаѣ эти маленькія принадлежности туалета оказались чрезвычайно живучими, сохранившись до сего времени въ народномъ употребленіи въ той же самой формѣ, въ какой они существовали въ Сибири въ доисторическія времена бронзовой эпохи ***).

Объ археологическомъ и до нѣкоторой степени національномъ значеніи серегъ, запястьевъ (браслетовъ), бусъ и ожерельевъ мною отчасти были уже высказаны соображенія въ 19, 20 и 24 примѣчаніяхъ къ изданному мною въ 1888 году каталогу Томскаго археологическаго музея. Находки этихъ предметовъ въ древнихъ курганныхъ могилахъ, особенно большого количества бусъ, преимущественно голубыхъ, синихъ и золотистыхъ, стеклянныхъ и мастиковыхъ, указываютъ на извѣстный складъ народныхъ привычекъ и вкусовъ. Сибирскія архаическія бусы, сходныя въ деталяхъ съ троянскими, скиѳскими и древнегреческими, съ одной стороны подтверждаютъ связь сибирской культуры съ Малой Азіей, съ другой указываютъ на продолженіе тѣхъ же вкусовъ и привычекъ у сѣверныхъ славянъ.

Не разсматривая въ подробностяхъ вопросовъ, перечисленныхъ въ послѣднемъ (5-мъ) пунктѣ и не упоминая о нѣкоторыхъ другихъ сопоставленіяхъ, мнѣ кажется, для уясненія моей основной мысли достаточно и того, что было сказано о сибирскихъ древностяхъ въ первыхъ двухъ книгахъ. Внимательный и безпристрастный читатель можетъ почерпнуть въ нихъ, если не полное убѣжденіе, то во всякомъ случаѣ достаточное основаніе для того, чтобы искать въ сибирскихъ древностяхъ курганной эпохи слѣды не туранской, или въ частности финской, а арійской культуры, слѣдовательно и арійской народности. Въ общемъ процессѣ разселенія арійскихъ племенъ сибирскія травяныя степи, по сосѣдству съ центральною Азіей, безъ сомнѣнія должны были играть существенную роль †). Рѣки Сыръ-Дарья, впадавшая въ Каспійское море, и Волга съ ея притоками должны были особенно содѣйствовать распространенію арійскаго населенія изъ первыхъ его

*) Въ каталогѣ томск. музея эти археологич. предметы записаны подъ № 729.

**) См. каталогъ томскаго музея №№ 1561, 1574, 1594, 1544, и 55 примѣч. къ каталогу подъ заглавіемъ „о связи съ Сибирью заселенія Америки" стр. 234—237.

***) Нынѣшніе сибирскіе инородцы, остяки, тунгусы и самоѣды, не имѣютъ привычки украшать свое платье дутыми запонками, не смотря на легкую возможность пріобрѣтать ихъ отъ русскихъ купцовъ.

†) См. первую главу второй части.

центровъ въ болѣе отдаленныя сѣверныя равнины. Въ этомъ тысячелѣтнемъ процессѣ передвиженій черезъ Западную Сибирь, по всѣмъ видимостямъ, болѣе всего принимали участіе сѣверно-славянскія племена, такъ какъ въ ихъ бытовомъ складѣ наиболѣе всего сохранились архаическіе типы сибирскихъ древностей. Кромѣ того, и географическое положеніе нынѣшней и древней Россіи, какъ наслѣдство отъ временъ доисторическихъ, даетъ основаніе думать, что сѣверные славяне, въ томъ числѣ и камскіе болгары, должны были имѣть ближайшія отношенія какъ къ древне-арійской, такъ и къ послѣдующей монголо-татарской сибирской территоріи. Послѣдними зауральскими выходцами, относящимися къ этой группѣ народовъ, являются гунны, отчасти уже извѣстные по историческимъ источникамъ, хотя до сихъ поръ возбуждающіе нѣкоторое недоразумѣніе относительно ихъ національности. Такъ какъ съ вопросомъ о гуннахъ до извѣстной степени связывается толкованіе сибирскихъ древностей, особенно переносъ нѣкоторыхъ типовъ этихъ послѣднихъ на Донъ и Дунай, въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Хр., то мы должны еще разъ коснуться гуннскаго вопроса въ этой заключительной главѣ.

Вопросъ о гуннахъ, не смотря на его обширную литературу, до сего времени представляется далеко не уясненнымъ. Изъ древнихъ писателей, откуда историки почерпаютъ свѣдѣнія объ этомъ народѣ, только одинъ Приск былъ его очевидцемъ (въ первой половинѣ V вѣка), но онъ описывалъ не столько гунновъ, сколько дунайскихъ славянъ. Амміанъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка, изображалъ гунновъ въ образѣ монгольскихъ дикарей—кочевниковъ подобно нынѣшнимъ киргизамъ. Тоже можно сказать про Аполинарія Сидонія (во 2-й половинѣ V-го вѣка). Іорнандъ или Іорданъ, писавшій въ VI вѣкѣ, черпалъ свои свѣдѣнія о гуннахъ главнымъ образомъ отъ Амміана Марцеллина, сгущая краски и прибавляя легенды, образовавшіяся у готовъ о новомъ для нихъ и ненавистномъ народѣ. Такимъ образомъ, въ начальныхъ свѣдѣніяхъ западныхъ писателей гунны изображались въ двойственномъ видѣ или составѣ народностей, рѣзко противуположныхъ другъ другу. И Приск и Марцеллинъ, очевидно, писали живые типическіе портреты, но только съ разныхъ оригиналовъ,—первый славянскіе, второй монгольскіе или киргизскіе. Это и послужило причиною разногласія взглядовъ на гуннскую народность. Смущало историковъ и самое имя гунновъ, подъ которымъ они сдѣлались извѣстными въ Европѣ. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ въ половинѣ прошлаго столѣтія французскимъ оріенталистомъ *Дегинемъ* у китайскихъ писателей, имя народа *Хунъ-ну* было извѣстно китайцамъ въ половинѣ перваго вѣка до Р. Х. гдѣ-то на сѣверной границѣ Китая. Эти Хунны, по китайскимъ извѣстіямъ, тѣснятъ народъ *Да-Юети* (т. е. Великіе Юети), которые, какъ доказалъ Сенъ-Мартенъ, отождествляются

съ Великими Гетами или Массагетами древнихъ греческихъ авторовъ. По другимъ свѣдѣніямъ, около того-же времени и въ тѣхъ же странахъ еще оставались Саки, несомнѣнно арійское и по всей вѣроятности славянское племя, какъ и Массагеты*).

Саки и массагеты были уже извѣстны греческимъ историкамъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Жилища ихъ во время Александра Македонскаго указывались по сѣверную сторону Сыръ-Дарьи (см. выше стр. 75). Поэтому позволительно думать, что отброшенные гуннами на западъ Да-Юэти составляли часть этого, нѣкогда многочисленнаго народа, начавшаго свое постепенное переселеніе въ Европу, по всей вѣроятности на сѣверный Кавказъ и на нижнюю Волгу, раньше появленія гунновъ. Путь этого передвиженія саковъ и гетовъ указываютъ намъ каменныя бабы**), распространяющіяся отъ сѣверныхъ береговъ Сыръ-Дарьи, отъ Семирѣчья и Алтая на сѣверный Кавказъ, а также въ Донскія и Черноморскія степи южной Россіи. Тѣже саки и массагеты, по всей вѣроятности, перенесли раньше гунновъ типы сибирскаго бронзоваго оружія на сѣверный Кавказъ и въ Донскую область, можетъ быть, отчасти и на Дунай.

Труднѣе уяснить себѣ вопросъ о національности китайскихъ *хунъ-ну* и объ отношеніяхъ ихъ къ остаткамъ того древняго сибирскаго населенія, которое мы изучаемъ теперь по археологическимъ памятникамъ. Д. И. Иловайскій высказываетъ догадку, что „имя гунны съ самаго начала принадлежало славянамъ—болгарамъ и отъ нихъ уже перенесено греко-римскими писателями на нѣкоторые другіе народы, а не наоборотъ“ ***). Съ такимъ предположеніемъ едвали можно согласиться. Болгары, и на Волгѣ и на Дунаѣ, сами себя всегда называли болгарами, а не гуннами. Точно также и въ остальномъ славянскомъ мірѣ названіе *гунны* совсѣмъ не было извѣстно. Очевидно, оно было принесено съ востока, изъ Сибири, и взято отъ тѣхъ самыхъ *хунъ-ну*, о которыхъ говорятъ китайскіе писатели. Принимая во вниманіе противуположную двойственность типа народностей, изображаемыхъ западными писателями подъ именемъ гунновъ, мы должны согласиться, что въ числѣ этихъ азіатскихъ выходцевъ были культурныя и некультурныя племена, т. е. и остатки сибирскихъ славянъ и часть монгольской или татарской кочевой орды, соединенные въ одно политическое тѣло. Къ числу некультурныхъ элементовъ, описанныхъ Амміаномъ Марцеллиномъ въ образѣ нынѣшнихъ киргизовъ или татаръ кочевниковъ, по всей вѣроятности и

*) О сакахъ и массагетахъ см. въ первой главѣ этой книги стр. 52—56 и въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 56.

**) См. главу I этой книги, стр. 36—48. О каменныхъ бабахъ южной Россіи см. статью графа Уварова въ трудахъ перваго археол. съѣзда въ Москвѣ, часть вторая, стр. 501—520.

***) Разысканія о началѣ Руси. Москва 1882—1886 г. стр. 507 „Пересмотръ вопроса о гуннахъ“.

слѣдуетъ отнести тѣхъ первоначальныхъ хунъ-ну, о которыхъ повѣствуютъ китайскія хроники, какъ о народѣ покорившемъ въ половинѣ послѣдняго вѣка передъ Р. Х. оставшуюся въ Сибири часть массагетовъ (Да-Юети), т. е. славянъ. Къ этому времени численность сибирскаго курганнаго населенія была уже значительно уменьшена и ослаблена предшествовавшими переселеніями въ Европу (см. выше стр 95—97). При такихъ условіяхъ весьма возможно, что монгольская или татарская орда, подъ именемъ хунъ-ну, подчинила себѣ разобщенные оазисы, населенные остатками древняго курганнаго племени южной Сибири и передала покоренному народу свое имя, какъ это было обычно у азіатскихъ кочевниковъ.

Какъ бы то ни было, но съ перваго или второго вѣка послѣ Р. Х. въ приволжскихъ степяхъ, въ сосѣдствѣ съ болгарами, начинаютъ появляться выходящія изъ глубины Сибири кочевыя племена, такъ называемой туранской расы. Они присутствуютъ и въ полчищахъ Аттилы и впослѣдствіи отмѣчаются, при началѣ русскаго государства, подъ разными именами обровъ, печенеговъ, потомъ половцевъ. Но эти передовыя полчища татаръ или, можетъ быть, монголовъ не составляли того стройнаго политическаго тѣла, какимъ является царство гунновъ при Аттилѣ. Ядромъ этого послѣдняго, очевидно, должны были служить народы культурные и осѣдлые, именно остатки древнихъ арійскихъ насельниковъ Сибири, политически слившихся съ гуннами-туранцами въ половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х.

Исторія даетъ намъ не мало примѣровъ, гдѣ не культурный или мало культурный народъ, подчиняя себѣ области съ болѣе высокой цивилизаціей испытываетъ на себѣ подавляющее вліяніе этой послѣдней, вслѣдствіе преобладанія духовной силы надъ физическою. Тоже должно было произойти и въ отношеніяхъ хунъ-ну къ покореннымъ народамъ сибирскаго курганнаго царства. Слившись съ ними въ одно политическое цѣлое, кочевая толпа съ теченіемъ времени должна была до извѣстной степени подчиниться ихъ цивилизующему вліянію, по крайней мѣрѣ въ сферѣ управленія. Съ своей стороны и гунны—монголы должны были вліять на древнее коренное сибирское населеніе, какъ этнографическими помѣсями, такъ и передачей послѣднему нѣкоторыхъ иноплеменныхъ обычаевъ. Во всякомъ случаѣ, къ началу IV столѣтія гунны, появившіеся въ Европѣ, должны были представлять собой уже не тотъ кочевой народъ, какимъ описывали его китайцы передъ наступленіемъ нашей эры. Передъ глазами европейскихъ писателей это была смѣсь арійцевъ съ татарами или монголами, причемъ кочевые элементы играли второстепенную, подчиненную роль.

Изъ какого племени, по антропологической классификаціи, происходилъ царствующій родъ Аттилы, изъ славянскаго, или монгольскаго,—это вопросъ не существенный и едва ли разрѣшимый. Въ политическихъ организ-

махъ съ разноплеменнымъ населеніемъ господствующая и руководящая роль обыкновенно принадлежитъ той національности, откуда происходятъ главные органы управленія и царствующій домъ. Но исторія показываетъ намъ и обратные случаи, гдѣ иноплеменная или чужеземная династія быстро усваиваетъ цивилизацію покореннаго народа и сливается съ его національностью какъ неразлѣльное цѣлое. Таковы напр. были манджуры въ отношеніи къ китайцамъ, или болгары Аспаруха въ отношеніи къ дунайскимъ славянамъ. Подобный же процессъ ассимиляціи могъ произойти между гуннами—монголами и восточными славянами въ продолженіи двухъ—трехъ столѣтій взаимнаго ихъ соприкосновенія, еще до появленія ихъ на Волгѣ и Донѣ. Все передовое, прогрессирующее, активно дѣйствующее въ государственномъ строѣ принадлежало славянамъ или славянской культурѣ, а полудикія толпы первоначальныхъ гунновъ, не утратившія кочевого быта, получили значеніе подчиненное. Въ войскахъ Аттилы они играли, приблизительно, туже роль, какъ въ русскихъ войскахъ недавняго времени наши инородцы (киргизы и башкиры), изъ коихъ иногда формировались вспомогательные отряды.

Между Волгою и Азовскимъ моремъ послѣдніе сибирскіе выходцы должны были встрѣтить славянское, въ частности болгарское населеніе, еще ранѣе занявшее эти мѣста, равно какъ и сѣверный Кавказъ. Древнимъ писателямъ оно было извѣстно подъ названіемъ скиѳовъ, сарматовъ и массагетовъ, позднѣе—болгаръ, антовъ, аланъ, роксоланъ. Это были тѣже выходцы изъ зауралья, но только въ болѣе раннюю эпоху, родственные по племени тѣмъ остаткамъ готовъ, (Да-Юети), которые пришли сюда вмѣстѣ съ гуннами. Въ этой славянской стихіи гунны-монголы должны были еще болѣе раствориться, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые составляли передовой или правящій классъ. Неизбѣжныя при этомъ этнографическія помѣси, начавшіяся еще до выселенія изъ Сибири, должны были происходить теперь въ болѣе усиленной степени, и этимъ легче всего объяснить ту путаницу понятій о народности гунновъ, ту смѣсь славянскихъ и не славянскихъ именъ и этнографическихъ чертъ, которыя встрѣчаются у средневѣковыхъ писателей въ отношеніи гунновъ и болгаръ. У тѣхъ и другихъ въ массѣ народа мы дѣйствительно видимъ нѣкоторую примѣсь инородческаго начала, что выражается и въ собственныхъ именахъ, и въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ бытового склада и даже отчасти въ антропологическомъ типѣ. Иначе и быть не могло при вѣковыхъ взаимныхъ соотношеніяхъ и антропологическихъ помѣсяхъ.

Если мы будемъ разсматривать съ этой точки зрѣнія историческую роль гунновъ при самомъ выдающемся вождѣ ихъ, Аттилѣ, мы ясно увидимъ, что не орды кочевниковъ прогнали готовъ съ Дуная и устрашили Европу.

Это было дѣло объединенныхъ славянъ, восточныхъ и западныхъ. Самъ Аттила, можетъ быть, и носилъ въ себѣ частицу монгольской крови, унаслѣдованную отъ далекихъ предковъ, но во всѣхъ его дѣйствіяхъ, въ образѣ жизни, въ обстановкѣ придворнаго штата мы ясно видимъ славянскія черты. На Дунаѣ онъ является среди славянъ какъ въ родной средѣ (Прискъ). Въ политическихъ сношеніяхъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ не напоминаетъ ничего монгольскаго, а стоитъ на высотѣ европейскихъ понятій того времени. Войска его имѣютъ и конный и пѣшій строй, сражаются изъ-за телѣгъ, поставленныхъ кругомъ, имѣютъ укрѣпленные лагери, строятъ мосты при переправахъ черезъ рѣки, ведутъ правильную осаду городовъ. Все это развѣ походитъ на монгольскіе или позднѣйшіе татарскіе набѣги? Принимая даже во вниманіе, что въ составѣ полумилліоннаго войска Аттилы преобладающую численность составляли славяне, все же главное направленіе этихъ силъ сосредоточивалось въ ихъ вождѣ: Чингизханъ или Тамерланъ едва-ли могли бы выполнить такія сложныя операціи европейской тактики и стратегіи, а тѣмъ болѣе вести такую политику въ сношеніяхъ съ европейскими государствами, какую велъ Аттила.

Касаясь вопроса о гуннахъ, я имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду дать историческое объясненіе сибирскимъ древностямъ, насколько онѣ соприкасались при посредствѣ этого народа съ европейскими древностями, по крайней мѣрѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ. Для человѣка знакомаго съ сибирскими древностями во всемъ ихъ объемѣ до очевидности ясно, что древняя Сибирь въ продолженіи многихъ вѣковъ жила и развивалась на общихъ арійскихъ началахъ, имѣя зачатки той самой культуры, какую мы видимъ въ западной Европѣ на зарѣ ея историческаго пробужденія. По тѣмъ же археологическимъ слѣдамъ мы можемъ угадать пути постепеннаго распространенія древнихъ сибирскихъ жителей съ востока на западъ, въ Европейскую Россію и въ западную Европу. Послѣдняя струя этихъ переселеній, относящихся уже къ историческому времени, связывается съ волжскими болгарами и гуннами.

Сопоставляя, такимъ образомъ, археологическіе и историческіе факты, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Китайскіе хунъ-ну, какъ кочевая орда, не имѣли никакого отношенія къ сибирскимъ археологическимъ памятникамъ, характеризующимъ народность, принадлежащую къ индоевропейской семьѣ. Къ концу послѣдняго вѣка передъ Р. Хр. изъ европейской группы народовъ могли оставаться въ нынѣшней Азіатской Россіи только восточно-славянскія племена, такъ какъ кельты, германцы и готы къ этому времени давно уже находились на западѣ Европы.

2) Камскіе болгары принадлежали къ той же осѣдлой отрасли древняго арійскаго населенія Сибири, но они удалились на Каму и Волгу раньше

появленія китайскихъ хунну. Болгары распространились съ бассейна Иртыша, главнымъ образомъ, по рѣчнымъ путямъ, черезъ нынѣшнія Пермскую и Уфимскую губерніи. По географическимъ условіямъ своего новаго мѣстожительства, они очень рано вступили въ сношенія съ Кавказомъ, Персіей и Малой Азіей (по Волгѣ и Каспійскому морю), не теряя связей и съ западной Сибирью. Поэтому археологическіе памятники камскихъ болгаръ имѣютъ смѣшанный характеръ, или, точнѣе сказать, два наслоенія—одно древнее, вынесенное изъ-за Урала (Ананьинскій могильникъ и вообще предметы бронзовой эпохи), другое, относящееся къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х., съ преобладаніемъ желѣзныхъ орудій.

3) Раньше болгаръ, изъ тѣхъ же сибирскихъ равнинъ выселились готы въ Скандинавію, по всей вѣроятности, сѣвернымъ рѣчнымъ или даже морскимъ путемъ. Они вынесли съ собой на западъ типы сибирскаго бронзоваго оружія (кельты и сѣкиры), которые, подъ вліяніемъ мѣстной скандинавской культуры, нѣсколько видоизмѣнились и впослѣдствіи (во 2—3 вѣкѣ по Р. Х.) были перенесены готами къ дунайскимъ славянамъ.

4) Остававшіеся въ сибирскихъ степяхъ и оазисахъ остатки восточнаго арійскаго населенія въ концѣ послѣдняго вѣка передъ Р. Х. были покорены гуннами—монголами, передавшими имъ, вмѣстѣ съ политической зависимостью, общее объединяющее имя гунновъ.

5) Извѣстное по историческимъ даннымъ, грозное царство гунновъ, появившееся сначала на берегахъ Волги и Дона, потомъ на берегахъ Дуная, заключало въ себѣ и славянскіе и монголотатарскіе элементы. Первые представляли собой осѣдлую и культурную расу древняго сибирскаго населенія, вторые кочевую орду, потомковъ которой позволительно усматривать въ позднѣйшихъ печенегахъ, или нынѣшнихъ киргизахъ.

6) Вслѣдствіе начавшагося заУраломъ политическаго сліянія славянскихъ и туранскихъ элементовъ, въ царствѣ гунновъ оказались весьма благопріятныя условія для антропологическихъ и этнографическихъ помѣсей. Этимъ можно объяснить съ одной стороны появленіе въ бытовыхъ чертахъ камскихъ болгаръ и восточныхъ славянъ нѣкоторыхъ монголо-татарскихъ признаковъ, съ другой стороны измѣненіе въ политическомъ строѣ самихъ гунновъ и тяготѣніе ихъ къ славянскому племени (при Аттилѣ). Въ V—VI в. въ политической федераціи народовъ, носившихъ названіе гунновъ, преобладающую роль, по численности и вліянію, играли славяне, монгольская же кочевая орда имѣла значеніе лишь вспомогательной грубой силы.

Таблица XIII.

Таблица XIV.

Таблица XV.

Таблица XVI.

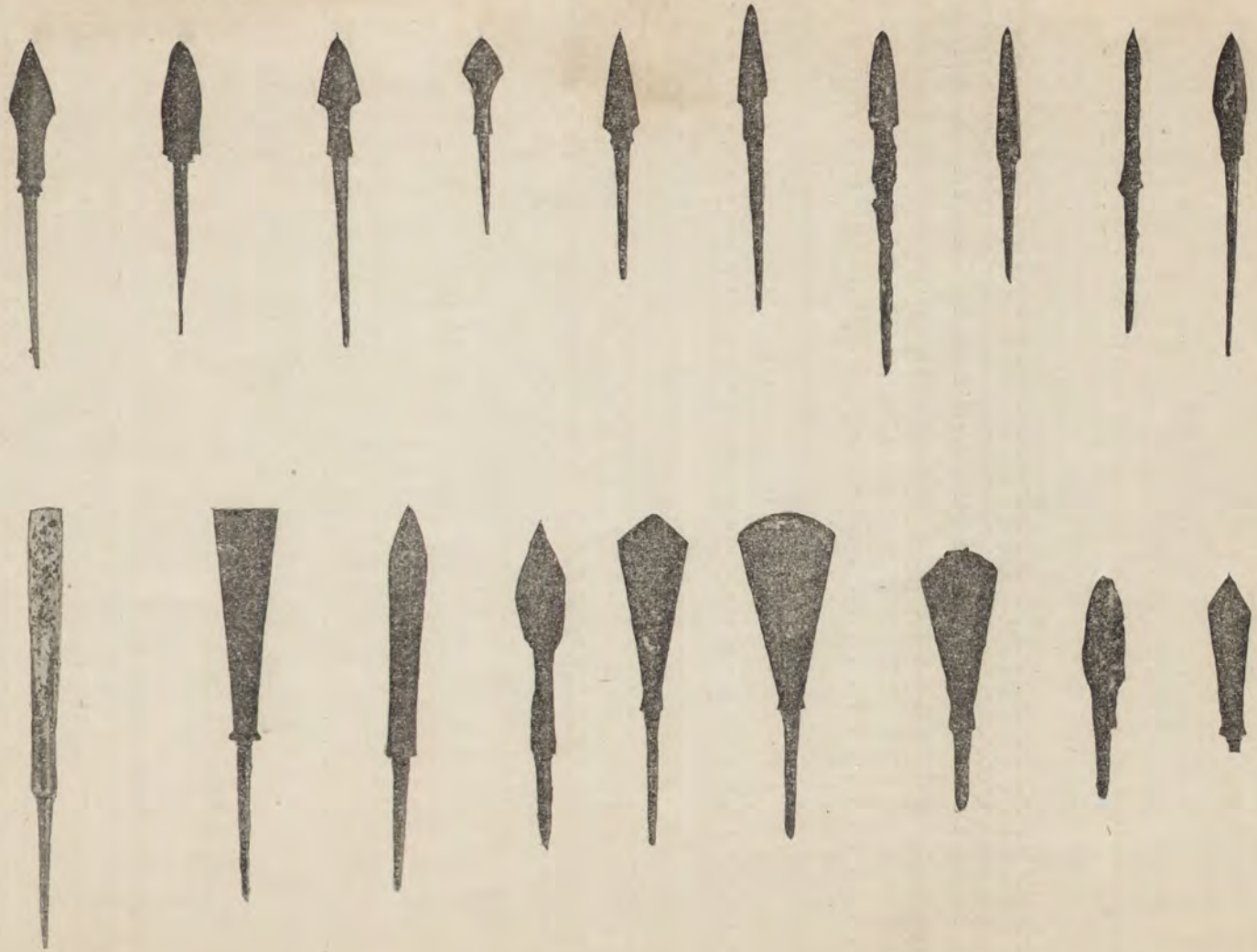

Таблица XVII.

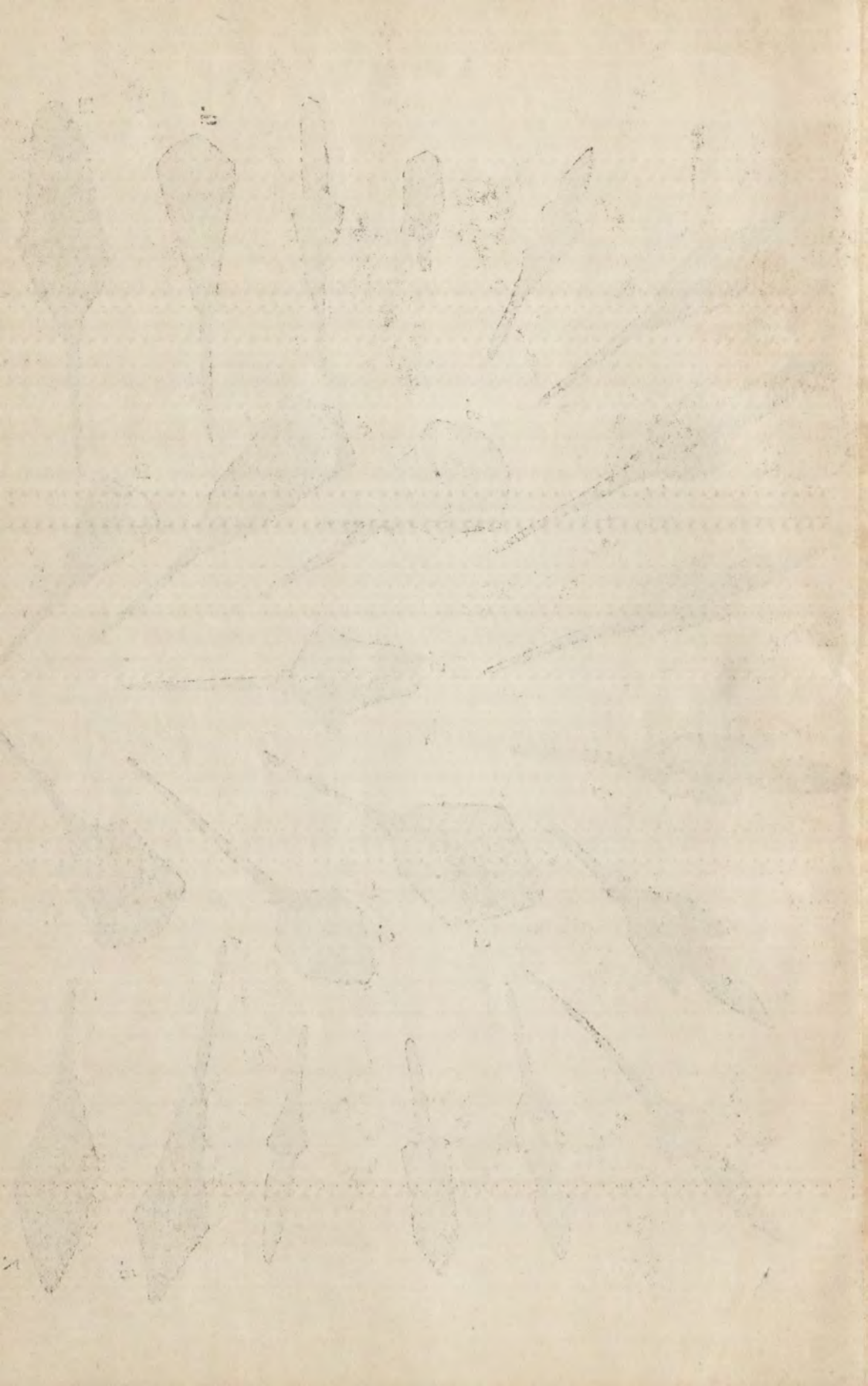

Таблица XVIII.

Таблица XIX.

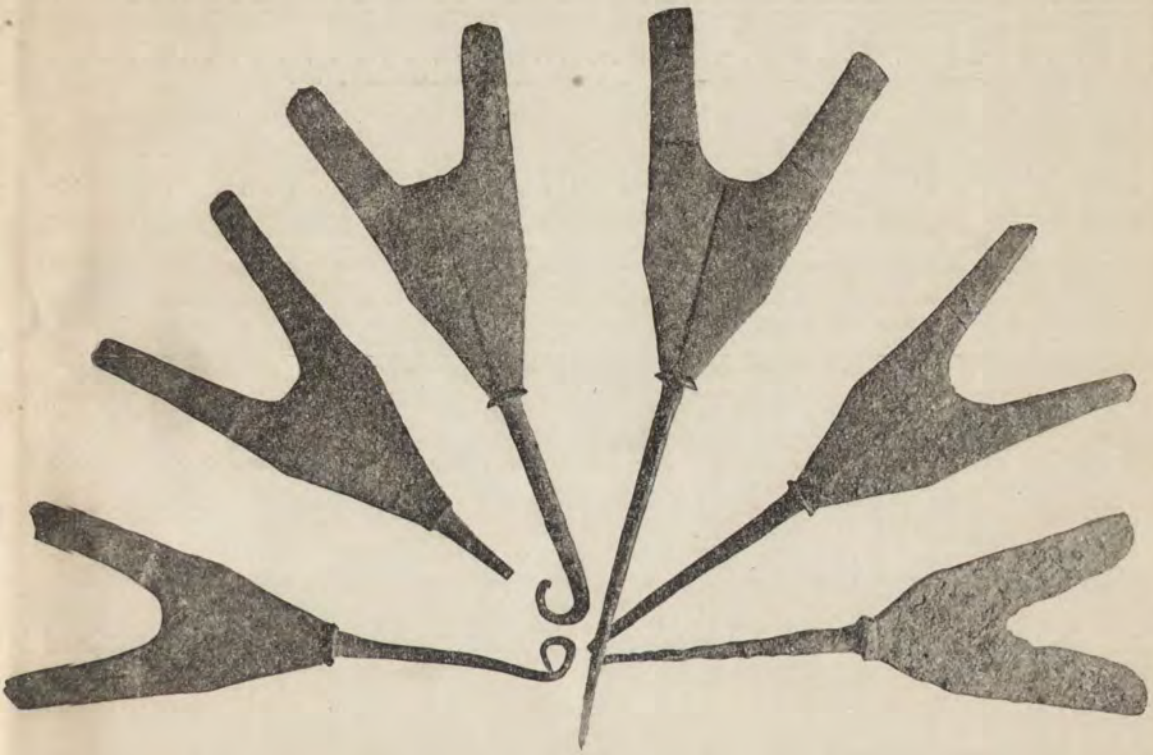

Таблица XX.

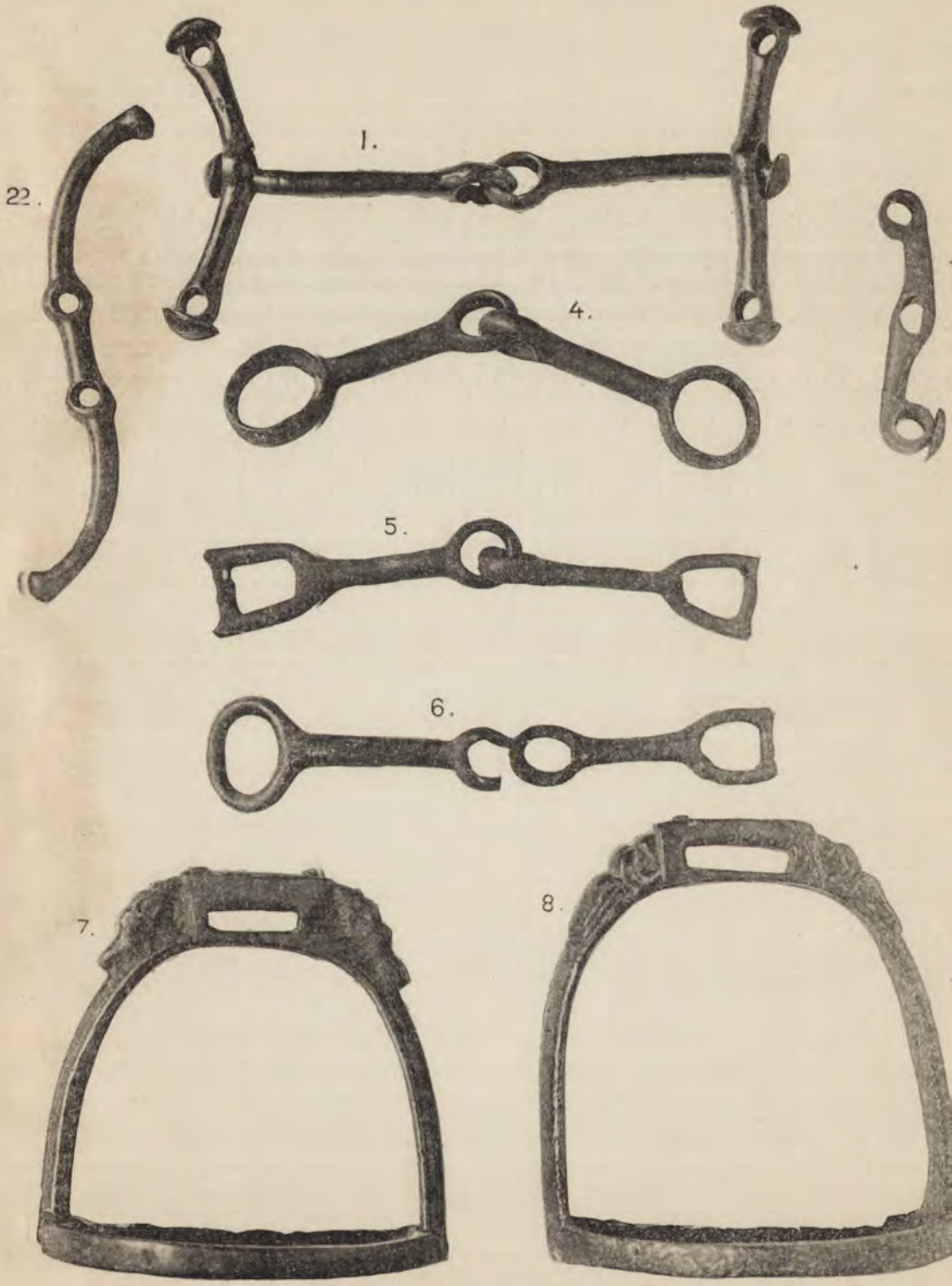

Таблица XXI.

Таблица XXII.

1.

2.

3.

4.

7.

6.

5.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Ректоръ Университета, *Проф. А. Судаковъ.*

Предисловіе.

Предлежащій трудъ написанъ почти исключительно по даннымъ, почерпнутымъ изъ архива Томскаго Алексѣевскаго монастыря и только частію изъ архива Томской Дух. Консисторіи.

Во многихъ случаяхъ старыя бумаги монастырскаго архива полуистлѣли и уже по одному этому пользованіе ими сопряжено съ большими трудностями.

Трудности увеличиваются еще отъ того, что монастырскіе архивные документы, никогда и никѣмъ не описанные, завязаны въ связки безъ системы ни по отношенію къ хронологіи, ни къ ихъ предметному содержанію. Случалось, что одно и тоже дѣло своими отдѣльными частями было раскидано по разнымъ связкамъ.

Естественно, что при неудобствахъ пользованія матеріаломъ, въ нашей работѣ найдутся гдѣ нибудь недосмотры, а иногда, можетъ быть, болѣе или менѣе важныя ошибки.

Необходимо принять во вниманіе еще другое, очень существенное обстоятельство. Множества документовъ, составлявшихъ въ прежнее время несомнѣнное достояніе Томскаго монастырскаго архива, въ настоящую пору въ немъ нѣтъ. Куда документы дѣвались, этотъ вопросъ насъ не касается. Но отсутствіе ихъ не могло не отразиться очень ощутительными пробѣлами въ нашемъ описаніи. Архивныхъ показаній о жизни Томскихъ монастырей за XVII и начало XVIII в. мы лишены почти совсѣмъ. Да и въ позднѣйшемъ обозрѣніи, за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній, намъ нерѣдко доводится прибѣгать къ догадкамъ.

Врема и усилія, потраченныя нами на то, чтобы и добавить архивный матеріалъ о монастыряхъ, и затѣмъ посильно его разработать, надѣемся, искупаются интересомъ предмета, на которомъ мы остановили свое вниманіе.

ТОМСКІЙ БОГОРОДИЦЕ-АЛЕКСѢЕВСКІЙ МУЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Извѣстно, что законъ объ отобраніи церковныхъ и монастырскихъ имѣній (26 февраля 1764 г.) въ матеріальномъ положеніи большинства русскихъ православныхъ обителей произвелъ огромное измѣненіе. Въ судьбѣ же Томскаго Алексѣевскаго монастыря онъ сказался рѣшительнымъ переворотомъ. Сообразно съ тѣмъ, свое историческое обозрѣніе о послѣднемъ мы дѣлимъ на двѣ части, полагая рубежемъ между ними время изданія именно этого законодательнаго акта.

1.

Первый въ Томскѣ монастырь-Успенскій.—Его кратковременное существованіе.—Время возникновенія Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря.—Отсутствіе свѣдѣній объ его основателѣ.—Его первоначальное мѣстоположеніе за городомъ.—Калмыцкія и киргизскія вторженія въ Томскій уѣздъ и къ самому Томску.—Перенесеніе монастыря на новое мѣсто около Томской крѣпости и ближайшіе къ тому поводы.

У сибирскаго исторіографа Миллера мы встрѣчаемъ любопытное сообщеніе, что первый мужскій монастырь былъ устроенъ въ Томскѣ по благословенію перваго сибирскаго архіерея Кипріана Старорусенкова въ 1621 или 1622 г. Онъ былъ воздвигнутъ въ честь Успенія Божіей Матери и потому назывался Успенскимъ*). Извѣстіе Миллера повторено въ «Сибирской исторіи» Фишера**) и затѣмъ въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей сибирской церковной старины, начиная съ Н. Абрамова***). По Миллеру, слѣдующій за Кипріаномъ архіепископъ Макарій (Кучинъ), замѣтивъ въ Успенскомъ монастырѣ какіе-то безпорядки, смѣнилъ игумена Евстрата и на его мѣсто назначилъ Ѳеодосія. При этомъ Ѳеодосію было наказано, чтобы хотя онъ и не покидалъ заботъ объ умноженіи братіи и вкладчиковъ, тѣмъ не менѣе принималъ новыхъ лицъ въ монастырь съ бо̀льшею, чѣмъ при его пред-

*) Müllers Sibirische Geschichte 8 B., s. 24. 1779.
**) Фишеръ. Сибир. исторія, стр. 304.
***) Н. Абрамовъ. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщ. Сибири. Отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г. „Тобольская епархія". 1892. Омскъ. „Тобольскіе архипастыри". Тоб. Епарх. Вѣд. 1887 г.—Буцинскій. „Открытіе Тобольской епархіи". 1890.

шественникѣ, осторожностію. Распоряженіемъ архіепископа братія осталась недовольна; она разошлась и монастырь опустѣлъ.

Въ какомъ мѣстѣ около Томска или въ самомъ Томскѣ находился этотъ первый въ Томскомъ краѣ Успенскій монастырь—о томъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Но имѣется вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія близъ Томскаго города существовала обитель съ инымъ наименованіемъ, именно мужская обитель Богородице-Алексѣевская. Въ 142 (1634) году она успѣла уже пріобрѣсти крѣпость на отданный въ ея вѣчное пользованіе, по теченію рѣчки Большой Киргизки, земельный участокъ съ боровымъ лѣсомъ. Алексѣевскій монастырь въ то время и самъ былъ расположенъ при устьѣ Киргизки, съ ея правой стороны въ 8 верстахъ отъ Томска и потому нерѣдко именовался *Усть-Киргизскимъ* Алексѣевскимъ монастыремъ.

Очень возможно, что Усть-Киргизскій монастырь возникъ изъ опустѣвшаго Успенскаго. Но если онъ устроился самостоятельно, то въ вопросѣ объ его основателѣ мы, за полнымъ отсутствіемъ документальныхъ свѣдѣній, остаемся безъ всякаго отвѣта. Правда, въ Томскѣ доселѣ еще держится мнѣніе, по которому основателемъ Алексѣевской обители признаютъ старца Ефрема. Мы однако не можемъ придать ему особенно вѣскаго значенія. Среди наиболѣе древнихъ монастырскихъ документовъ имя указаннаго старца встрѣчается въ двухъ челобитныхъ отъ 1657 и 1662 г. Въ первой строитель старецъ Ефремъ съ казначеемъ и келаремъ просилъ у царя Алексѣя Михайловича о выдачѣ крѣпости на купленныя монастырскими деньгами угодья у Иштанской протоки, во второй говорится о царской милости Ефрему, оказанной денежнымъ пособіемъ на строеніе сгорѣвшей монастырской церкви. Если предположить, что занимающая насъ обитель была построена въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ XVII в., то годы 1657 и 1662 нельзя не признать довольно поздними для одного и того же настоятеля. Что же касается названія Ефрема *строителемъ*, то извѣстно, что „строитель“, какъ титулъ для настоятелей малозначительныхъ монастырей, не всегда можетъ совпадать съ значеніемъ основателя. Скорѣе всего нужно думать, что старецъ Ефремъ былъ однимъ изъ первыхъ настоятелей Алексѣевскаго монастыря, но сомнительно, чтобы первымъ*). Вскорѣ мы увидимъ заявленіе его дѣятельности по перестройкѣ монастыря на другомъ томско-городскомъ мѣстѣ *).

*) Въ разныхъ печатныхъ извѣстіяхъ о Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ время его основанія показано различно. „Въ краткомъ показаніи о бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ воеводахъ“... говорится, что построенъ Алексѣевскій Томскій монастырь по грамотѣ царя Алексія Михайловича старцемъ Ефремомъ въ 1663 г. при воеводахъ Иванѣ Васильевичѣ Бутурлинѣ и Прокопіѣ Прокопіевичѣ Поводовѣ. Часть I, стр. 67. Тобольскъ. 1792 г.

Слѣдуя несомнѣнно этому источнику, тотъ же годъ для постройки монастыря отмѣтилъ и *А. П Соловцевъ*. Онъ писалъ: «въ 1663 г. по грамотѣ государевой построенъ мужской

Устроенный на крутой возвышенности, омываемой съ южной стороны рч. Киргизкою, съ западной Томью, съ прочихъ сторонъ окруженной великолѣпнымъ сосновымъ боромъ, Усть-Киргизскій монастырь занималъ хотя дикое, но чрезвычайно красивое мѣстоположеніе, открывавшее великолѣпные виды на луга и лѣса по томской зарѣчной сторонѣ. Но это прелестное мѣстечко, которымъ нельзя не залюбоваться и нынѣ, оказалось крайне не безопаснымъ въ виду постоянно грозившей возможности непріятельскихъ вторженій и нападеній.

Въ ту отдаленную отъ насъ пору незавершившагося еще завоеванія Сибири, Томскъ, какъ и прочіе города, расположенные въ самыхъ нѣдрахъ вновь занятой русскими страны, окруженъ былъ врагами изъ разнообразныхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ Томскѣ долгое время послѣ его основанія нельзя было вполнѣ положиться на вѣрность Чатскихъ татаръ, занимавшихъ пространство между Обью и Томью (вблизи устьевъ послѣдней) и на всецѣлую преданность князя Таяна съ его Юштинскими татарами, жившими какъ разъ противъ вновь заложеннаго русскаго города на лѣвомъ берегу Томи (гдѣ остатки Юштинскихъ татаръ обитаютъ и доселѣ). Но особенно страшны были для Томска, Кузнецка и Красноярска киргизы, кочевавшіе по рр. обоихъ Юзовъ и Абакану и калмыки, бродившіе въ южныхъ и юго-западныхъ пространствахъ Томско-Кузнецкаго края. Нападенія со стороны тѣхъ и другихъ, иногда производимыя совмѣстно, держали русскихъ служилыхъ людей почти въ безпрерывномъ напряженіи.

Алексѣевскій монастырь. Нужда въ заведеніи благочестивомъ настояла отъ того, что въ умахъ обывателей православныхъ, которые были перемѣшаны съ переселенцами, посельщиками, старообрядцами, бухарцами, татарами замѣчено равнодушіе къ обязанностямъ христіанскимъ». Соловцевъ. Историч. Обозрѣніе Сибири, стр. 320—321. Спб. 1886 г.

Оба приведенныя сообщенія можно признать правильными съ тѣмъ ограниченіемъ, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть не время перваго заложенія монастыря, а годъ его перенесенія и перестройки на новомъ мѣстѣ въ самомъ Томскѣ.

Князь *Костровъ* и Томскій архим. *Викторъ* (Лебедевъ) въ своихъ коротенькихъ описаніяхъ Алексѣевскаго монастыря утверждаютъ, что монастырь былъ основанъ немедленно послѣ постройки Томскаго города, что, какъ извѣстно, произошло въ 1604 г. Ничѣмъ не подтверждаемое указаніе этихъ авторовъ мы должны отнести въ область догадокъ произвольнаго характера. Костровъ. Богород.-Алекс. мон. стр. 1. Архим. Викторъ. Опис. Томск. Алек. мон. 1888. стр. 2.

Въ статьѣ «Тобольскіе архипастыри», помѣщенной въ Тобольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1887 г., и въ описаніи Тобольской Епархіи (часть II, отд. I 1892. Омскъ) приведено замѣчаніе, что «по благословенію архіепис. Герасима Томскій Успенскій монастырь, основанный еще при первомъ архіепископѣ Кипріанѣ, но при его преемникѣ запустѣвшій, возобновленъ въ 1642 г. на устьѣ рѣчки Киргизки, во имя Казанской Божіей Матери». —Но какимъ образомъ связать съ этимъ показаніемъ то обстоятельство, что въ 1634 г. Киргизскій монастырь пріобрѣлъ крѣпость на данную ему по Киргизкѣ землю?

Не разъ по разнымъ поводамъ вопросъ о началѣ Томскаго монастыря возникалъ и въ самомъ монастырѣ и въ отвѣтахъ опять не встрѣчаемъ единообразія. Въ 1740 профессоръ Миллеръ промеморіей, посланной Томскому архим. Лаврентію, просилъ доставить ему свѣдѣнія: когда учреждены въ Томскѣ какъ мужской, такъ и женскій монастыри? Объ Алексѣевскомъ монастырѣ архимандритъ отписалъ, что „построенъ въ прошломъ 151 (1643) г. по благословенной грамотѣ великаго господина преосвященнѣйшаго Корнилія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, и тое грамоту въ прошломъ 704 г. покрали изъ церкви невѣдомые воры изъ казенной коробки, въ которой были всякія монастырскія крѣпости, а строили тотъ монастырь

Въ 1700 г. томскіе служилые люди: сынъ боярскій Степанъ Круглякъ, конныхъ казаковъ пятидесятникъ Якимъ Кутьинъ, десятникъ Аѳанасій Баташковъ, конные казаки Алексѣй Ножнинъ и др., прибывъ въ Москву, говорили въ Сибирскомъ Приказѣ: „къ Томску прилегли немирныя земли Араптана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки и Томскаго уѣзду подъ слободы и деревни приходятъ многолюдствомъ, воровски, человѣкъ тысячи по три и больши и меньши, съ ружьемъ, съ пищалями, съ копіи и съ сайдаки и съ сабли, въ пансыряхъ и куякахъ и иныхъ воинскихъ доспѣхахъ и чинятъ всякое разореніе: деревни жгутъ, скотъ отгоняютъ и на пашняхъ людей побиваютъ и не на какіе промыслы ходить не даютъ и на промыслахъ вверхъ по Томи рѣкѣ промышленныхъ и ясашныхъ людей разоряютъ и побиваютъ... А приходятъ они, воровскіе люди, излуча время въ сѣнокосъ и въ страдную пору и въ осень, когда бываетъ соболиный промыселъ“*).

Въ этомъ характерномъ заявленіи о положеніи Томскаго уѣзда въ отношеніи къ внѣшнимъ врагамъ обрисованы не только годы предъ самымъ началомъ XVIII стол., но вообще все время отъ самаго возникновенія Томскаго города. Попеременно то киргизы, то калмыки являлись на Томскія земли и подъ самый Томскъ въ 1614, 1624, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682 и слѣдующихъ годахъ**). Разумѣется, чтобы устрашить кочевниковъ, предупредить набѣги и принудить ихъ къ мирному состоянію, много разъ ходили походомъ въ киргизскую землю и русскіе служилые люди. Мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ изъ такихъ походовъ. Въ 1639 г. отправился на киргизъ присланный изъ Москвы Яковъ Тухачевскій и съ нимъ пошло ратныхъ

братскими трудами на заемныя у томскихъ градскихъ людей деньги“... (Чт. въ Импер Общ.. истор. и древн. Россіи. 1867 кн. 2, стр. 314—315). Въ этой отпискѣ допущена важная хронологическая ошибка, которую, конечно, не могъ не усмотрѣть знаменитый исторіографъ. Митрополитъ Корнелій прибылъ на сибирскую каѳедру въ 1664 г. и состоялъ на ней до 1668 г., слѣд. благословенной грамоты на строеніе Томской обители въ 1643 г. дать не могъ.

По требованію изъ Св. Сунода Тобольская Консисторія, указомъ отъ 15 мая 1781 года предписала Томскому игумену Иннокентію сообщить ей немедленно: когда построенъ Томскій Богородице-Алексѣевскій монастырь, чьимъ иждивеніемъ и почему въ немъ учреждено архимандритское, игуменское или строительское начальство? Въ донесеніи, посланномъ въ Консисторію, игум. Иннокентій не далъ точнаго обозначенія года, когда основался монастырь, но за то обстоятельно разсказалъ о первыхъ порахъ его существованія. Изъ всѣхъ показаній о начальныхъ годахъ жизни Алексѣевской обители, свѣдѣнія, данныя игум. Иннокентіемъ, имѣютъ для насъ особенную цѣну. См. приложеніе № I.

Въ 1835 г. Томскій архим. Іоанникій (Агишевъ) въ отвѣтъ на запросъ о его монастырѣ со стороны томскаго Статистическаго Комитета написалъ: „Начало существованія Томскаго Алексѣевскаго монастыря послѣдовало въ 1663 г. по грамотѣ царя Алексія Михайловича, тщаніемъ старца Ефрема, что замѣчено изъ заглавія монастырской описи за 1814 г. Но на лицо той грамоты и другихъ для заведенія того монастыря (документовъ) не оказалось“.— Отношеніе архим. Іоанникія отъ 29 октября 1835 г. въ Томскій Статистическій Комитетъ. Монастыр. архивъ. Связка 17.

*) Памятники Сибирской исторіи XVIII в. Книга I, стр. 1, 2. Спб. 1882.

**) См. старинные Синодики Томскаго Алексѣевскаго монастыря, Томскаго Благовѣщ. Собора и Томской Христорождественской церкви.

людей изъ тобольскихъ, тюменскихъ, тарскихъ дѣтей боярскихъ, изъ Томскихъ, красноярскихъ и кузнецкихъ служилыхъ людей, изъ литвы и татаръ всего 870 человѣкъ. Въ 1642 г. Тухачевскій отписалъ Государю, что „измѣнниковъ киргизъ побили, многихъ переранили, и женъ ихъ и дѣтей въ полонъ взяли“ *). Послѣ внезапнаго вторженія киргизъ къ Томску въ 1680 году, когда кочевники дѣйствовали подъ предводительствомъ князцовъ Шандычка и Шинчка, былъ высланъ „на воровъ“ томскій сынъ боярскій Романъ Старковъ съ отрядомъ изъ 417 челов. Ему поручено было наказать киргизъ за то, что „въ Томскомъ уѣздѣ села, слободы и деревни воевали и всякихъ чиновъ людей на пашняхъ и въ деревняхъ побили до смерти, и хлѣбъ жгли и скотъ отогнали“. Старковъ успѣлъ настичь непріятелей отъ Томска „въ трехъ днищахъ“ и „чинилъ бой“. „Милостію Божіею и великаго Государя счастіемъ вора и измѣнника князца Шандычку въ томъ бою убили и голову его на копьѣ привезли въ Томской и иныхъ воровскихъ киргизскихъ многихъ людей побили-жь, а иныхъ переранили“**). Старковъ заставилъ побѣжденныхъ дать на вѣрность русскимъ присягу и выслать заложниковъ въ Томскъ. Но они, измѣнники „договоръ учинили и шертовали неправдою, аманатовъ дали плохихъ и въ томъ же походѣ русскихъ ратныхъ людей обманомъ побили“***). Въ слѣдующемъ 1681 г. вышелъ на киргизъ изъ Томска только лишь явившійся изъ Москвы Иванъ Суворовъ. Противъ него выступилъ князецъ Еренячко съ такимъ множествомъ своего войска, что русскимъ стало биться съ киргизами „не въ мочь“ и они ушли отъ нихъ „въ Томской отходомъ“, потерявъ изъ строя убитыми 61 и ранеными 62 челов. †). Къ началу XVIII в. непріятельскіе набѣги дѣлаются особенно часты. Киргизъ сильно раздражало то обстоятельство, что русскіе поставили на ихъ киргизской землѣ Каштатскій острогъ и не хотѣли снять острога (не далеко отъ одного изъ Юзовъ), не смотря на всѣ настоянія князцовъ. Въ отмщеніе киргизы нѣсколько разъ врывались во владѣнія ясашныхъ по р. Чулыму, били и грабили ихъ, унося въ добычу десятками и сотнями соболей, лисицъ, россомахъ, горностаевъ и бѣлокъ. Особенно свирѣпо поступали они, когда попадались имъ здѣсь русскіе. Одного изъ плѣнныхъ расходившіеся кочевники привязали къ дереву ногами вверхъ, распороли грудь и вообще „ругались всячески“ †*).

А въ 1700 году князецъ Корчинко послѣ грабежей по Чулыму-же и подъ Верхотомскимъ острогомъ направился разными дорогами къ Томску съ войскомъ изъ 1300 челов. На встрѣчу непріятелямъ изъ Томска высту-

*) Памятники Сибир. истор т. I, стр. 12.
**) Тамъ-же, стр. 12.
***) Тамъ-же, стр. 13.
†) Тамъ-же.
†*) Тамъ-же I стр. 9, 70, 71, 102 и др.

пили сынъ-боярскій Степанъ Тупянскій съ товарищами въ числѣ 600 ч. и казачій голова Осипъ Качановъ съ 300 служилыхъ людей. Первый пошелъ вверхъ по Томи, а второй по направленію къ р. Яи, чтобы на киргизскомъ пути въ тѣсныхъ мѣстахъ и на переправахъ заваливать дороги лѣсомъ и вообще чинить надъ измѣнниками „всякій промыслъ“. Отрядъ Тупянскаго столкнулся съ непріятелемъ подъ деревней Пачинской и „былъ бой“. «Милостію Божію и твоею, Государь, молитвою, писалъ царю Петру Алексѣевичу томскій воевода Григорій Петрово-Солового, ратные твои люди въ томъ бою стояли крѣпко и мужественно, многихъ киргизскихъ людей побили и переранили, а твоихъ конныхъ казаковъ ранено только два человѣка“. Киргизы кинулись на «утекъ». Русскіе гнались за ними 3 дня и догнать не могли, потому что „воры“ бѣжали „врознь, лѣсами и нуждными мѣстами. А побитыхъ своихъ людей, бѣгучи, жгли въ сѣнныхъ стогахъ, а съ собою увезли изъ убитыхъ, перекинувъ ихъ чрезъ сѣдла, только двухъ знатныхъ человѣкъ“.—„А какъ, Государь, они, киргизы, пришли войною въ Томскій уѣздъ, прежа бою выжгли въ деревнѣ Верхотомской пашенныхъ крестьянъ 6 дворовъ, да перекололи копіи бабъ и дѣвокъ пять человѣкъ, да мужскаго полу трое ребятъ, а лошадей и рогатой скотины взяли малое число, и тое скотину, бѣгучи, кололи и метали по дорогѣ“ *).

Послѣ неудачи подъ Пачинской, киргизы, разсыпавшіеся по отдѣльнымъ отрядамъ, начали постепенно стекаться подъ Кузнецкомъ. Сюда пришли и черные калмыки. Всего набралось непріятелей до 1500 ч. Они пограбили и пожгли все, что нашли въ ближайшихъ окрестностяхъ Кузнецка, людей, найденныхъ на поляхъ, брали въ полонъ или били. Побили и полонили также многихъ изъ подгородныхъ ясашныхъ, а конскіе ихъ табуны и рогатый скотъ взяли себѣ „безъ остатку“ и, расположившись около города станомъ, обложили его осадой. Они ждали къ себѣ еще Матура тайшу да Кокона-батыря и крѣпко надѣялись, что съ приходомъ послѣднихъ овладѣютъ не только Кузнецкомъ, но разграбятъ и разгромятъ весь Кузнецкій уѣздъ. Частыя и опустошительныя вылазки со стороны храбрыхъ кузнецкихъ служилыхъ людей, слухъ о высланной Кузнецку помощи изъ Томска, наконецъ долгое и напрасное ожиданіе Матура и Кокона заставили враговъ снять осаду. Для ихъ преслѣдованія кузнецкій воевода Синявинъ отрядилъ казачьяго атамана Ѳедора Сорокина съ 250 воиновъ. Сорокинъ выполнилъ порученіе съ тѣмъ успѣхомъ, что отбилъ у кочевниковъ часть полону и часть пограбленнаго скота **). Это происходило въ концѣ сентября 1700 г. А въ октябрѣ еще разъ идутъ киргизскія опустошенія по рр. Чулыму и Яи и въ русскихъ подъ Томскомъ дерев-

*) Памят. Сиб. истор., стр. 5—6, 19.
**) Тамъ-же, стр. 85—97, 102, 130—131.

няхъ — Бурнашевой, Долговой, Бедриной и Спасской. И тамъ и здѣсь „вороги“ убили до смерти мужчинъ и женщинъ до 45 чел., а „инымъ носы и уши рѣзали“ *). Замѣчательно, что въ томъ же году и той-же осенью кочевники намѣрены были идти и подъ Красноярскъ, грозя, что будутъ красноярцамъ „въ день вороны, а ночью волки“. Отчасти они успѣли исполнить угрозу, опустошивъ Красноярскія деревни Лодейскую и Березовскую **).

Въ концѣ XVII и самые первые годы XVIII в. русскіе, для устрашенія и утѣсненія враговъ въ самыхъ ихъ улусахъ, ходили изъ Томска подъ начальствомъ сына боярскаго Юрія Роецкаго и пятидесятника Алексѣя Свиридова, томскихъ же дѣтей боярскихъ Семена Лаврова, Алексѣя Кругликова и Ивана Великосельскаго ***). Заводили томскіе служилые люди съ непріятелями и мирные переговоры чрезъ свои къ нимъ посольства (посылка къ киргизамъ и калмыкамъ сына—боярскаго Кожевникова) †). Но все это не приводило ни къ чему. Послѣ мирныхъ переговоровъ киргизы считали своимъ долгомъ русскихъ обмануть, а малыя войны ихъ только раздражали, заставляя замышлять такіе походы, какіе въ 1700 г. были предприняты подъ Томскъ и Кузнецкъ. Наконецъ, царь Петръ I грамотой, данной воеводамъ красноярскому, томскому и кузнецкому повелѣлъ выступить противъ киргизъ сообща и одновременно каждому изъ своего мѣста, причемъ предварительные о походѣ переговоры воеводы должны были держать въ самомъ строгомъ секретѣ †*). Задуманъ былъ настоящій погромъ киргизской земли. А пока онъ не состоялся, Государь предписалъ, чтобы русскіе около Томска, Кузнецка и Красноярска „жили съ великимъ береженіемъ и осторожностію». Города и остроги велѣно было укрѣпить лучше и надежнѣе. Сами крестьяне должны были быть поставлены на совершенно военную ногу. Каждому изъ нихъ вмѣнено было въ обязанность имѣть при себѣ ружье, «а буде у кого ружья нѣтъ, покупали-бъ и на хлѣбъ вымѣнивали. А когда у нихъ, крестьянъ, зимою дѣла нѣтъ,—устроя у ста человѣкъ по капитану или поручику, ихъ братію, мужиковъ, воинскому дѣлу учить безъ отговорки. Въ которой слободѣ сколько сотенъ съ ружьемъ есть, о томъ имать сказки. А около слободъ и деревень покопали-бы рвы и около рвовъ учинили бы надолобы и всякія крѣпости и ставили бы караулы. А во время пашни, жатвы и сѣнокосу выходили-бы на поля съ ружьемъ готовымъ, чтобы всегда, какъ непріятель найдетъ, могли бы съ нимъ биться и себя оборонять и ставилибы въ то работное время, гдѣ служилыхъ людей нѣтъ, изъ своей братіи, крестьянъ, караульщиковъ, перемѣнялись... А безоружнымъ людямъ и за оп-

*) Памят. Сиб. ист., стр. 90—130.
**) Тамъ-же, стр. 76—77
***) Тамъ-же, 36—37, 136, 140—142.
†) Тамъ-же, стр. 69—70.
†*) Тамъ-же, стр. 29—31.

лошку карауловъ чинить наказаніе“ и вообще „лѣнивыхъ и ослушниковъ, смотря по винѣ, смирять“ *).

Вкороткѣ изложенный эпизодъ изъ боевой жизни прежняго Томска для насъ является не маловажнымъ во многихъ отношеніяхъ и прежде всего представляетъ интересъ потому, что та былая боевая эпоха нашла очень выразительный отголосокъ въ памятникахъ томской церковной старины.— Въ томскихъ ризницахъ Мужского монастыря, Благовѣщенскаго собора и Христорождественской церкви**) во всей цѣлости сберегаются древніе синодики, гдѣ тщательно записаны почти всѣ случаи вражескихъ киргизскихъ и калмыцкихъ нападеній на Томскій уѣздъ и подъ самый Томскъ для вѣковѣчной молитвы за русскихъ ратоборцевъ и вообще всѣхъ русскихъ людей, въ тѣхъ браняхъ убіенныхъ. Полагая, что въ этихъ записяхъ мы встрѣчаемъ сообщеніе немалой исторической цѣнности, приводимъ ихъ съ полною точностію только безъ перечисленія именъ.

Въ (7)122 году іюля 8 день побили подъ Томскомъ служилыхъ людей киргизскіе люди и тѣмъ побитымъ имена. Помяни Господи рабъ своихъ (40 мужскихъ именъ).

Въ 132 году іюля въ 14 день приходили подъ Томской киргизскіе люди, томскихъ служилыхъ людей побили и тѣмъ убіеннымъ имена: (41 мужское имя).

Въ 138 году ноября въ 15 день приходили подъ Томской калмыцкіе люди и побили Томскихъ служилыхъ людей и тѣмъ служилымъ людемъ имена (19 муж. именъ).

Въ 142 г. побили въ киргизской землицѣ служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (22 муж. имени).

Въ 162 году іюня въ 20 день прибѣжали калмыки вверхъ по Томи рѣкѣ на Лебежьей рѣчкѣ и побили Томскихъ служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (4 мужс. имени) ***).

Въ 182 г. іюня въ 23 день приходили калмыки подъ Томской и разорили улусъ калмыка въѣзжаго Балыка и въ то время побили служилыхъ людей и тѣмъ побитымъ имена (4 муж. имени).

188 года сентября въ 7 день приходили воровски подъ Томскіе уѣзды вверхъ по Томѣ рѣкѣ киргизскіе люди—князецъ Шанда съ товарищами и побили служилыхъ людей и деревенскихъ жителей и тѣмъ побитымъ имена (66 именъ, изъ нихъ два принадлежатъ младенцамъ муж. пола, два младенцамъ жен. пола, пять дѣвицамъ и восемь женщинамъ).

*) Тамъ-же, 132—136. Мы остановились на очеркѣ вражескихъ нападеній къ Томску только настолько, насколько это нужно для нашихъ цѣлей.

**) Томская Христорождественская церковь принадлежалала давно упраздненному Томскому женскому Христорождественскому монастырю.

***) Въ Синодикѣ Томской Христорожд. церкви записи убитыхъ въ 162 и 182 г. нѣтъ.

190 года побиты на бояхъ въ киргизской землицѣ отъ киргизскихъ людей томскіе и тобольскіе, тарскіе и кузнецкіе и тѣмъ побитымъ имена (59 мужскихъ именъ) *).

Теперь понятно, почему положеніе Усть-Киргизскаго монастыря внѣ города и въ нѣкоторой отъ него дали было для него не безопасно. Становится даже нѣсколько страннымъ, какъ могъ завестись монастырь въ уединенномъ мѣстѣ и какъ могъ уцѣлѣть отъ разореній со стороны постоянно около Томска сновавшей орды. По крайней мѣрѣ нужно предположить, что онъ и самъ владѣлъ какими нибудь оборонительными средствами, которыми въ случаѣ нужды могли бы воспользоваться и его собственные насельники, и его радѣтели изъ томскихъ служилыхъ людей. Предположеніе получаетъ тѣмъ большую силу, что на монастырской Киргизской заимкѣ, гдѣ прежде существовала сама обитель, и доселѣ указываютъ слѣды насыпей и рвовъ съ ясно выраженнымъ былымъ стратегическимъ значеніемъ. Вблизи нихъ въ почвѣ, а затѣмъ въ разномъ монастырскомъ старьѣ еще недавно находили принадлежности древняго вооруженія **).

Постоянныя опасенія за цѣлость и благополучіе монастыря въ виду частыхъ непріятельскихъ вторженій и двукратное несчастіе съ его храмовымъ зданіемъ побудили настоятеля и братію позаботиться о переносѣ обители на другое мѣсто въ самой близи къ Томской крѣпости, тогда расположенной на высокой Воскресенской горѣ. Новое мѣсто также избрано было на возвышенности, издавна носящей названіе Юрточной горы. Монастырь выстроился не въ далекомъ разстояніи отъ крутого подъема на эту гору со стороны лѣваго берега рѣчки Ушайки. Юрточная гора была въ то время почти совершенно свободна отъ построекъ и потому на ея громадной площади монастырскіе могли взять столько мѣста, сколько хотѣли. Въ настоящее время монастырь занимаетъ подъ своей оградой 3 десятины 134 кв. сажень, да внѣ ограды онъ считаетъ своею собственностію 15 десятинъ 125 саж.***) Но несомнѣнно, что въ сравненіи съ прошлымъ размѣры его городскихъ владѣній въ значительной мѣрѣ еще урѣзаны. Постройки частныхъ владѣльцевъ появились во множествѣ около Алексѣевской обители еще въ прошломъ вѣкѣ. Въ настоящее время рядомъ и вблизи нея тянутся длинныя улицы по всѣмъ направленіямъ. Поставленная нѣкогда на окраинѣ Томскаго города, она наконецъ очутилась почти въ самомъ центрѣ его.

Ближайшій поводъ и обстоятельства перенесенія Усть-Киргизскаго монастыря на новое томское мѣсто изложены въ царской грамотѣ, данной въ

*) По Синодику Христорождественской церкви 57 муж. именъ и въ частности именъ Томскихъ служилыхъ людей 25 им.—Старинный синодикъ Том. Алексѣевскаго монастыря. Сн. синодики Томскаго собора и Томск. Христорожд. церкви.

**) Описаніе Том. Алексѣевскаго монаст. *Архим. Виктора*. 1888. стр. 3—4.

***) Тамъ-же, стр. 1.

166 году Томскимъ воеводамъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопіевичу Поводову. Она была отвѣтомъ на челобитье строителя старца Исаіи о царскомъ денежномъ и хлѣбномъ монастырю жалованіи. Въ грамотѣ воеводамъ разсказано, что «въ прошлыхъ годѣхъ» монастырь стоялъ близъ Томи рѣки, гдѣ вмѣстѣ съ подмытымъ берегомъ унесло безъ остатку всю монастырскую церковь. Монастырскіе сбирали въ мірѣ Христовымъ именемъ и соорудили новый храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, преподобнаго Алексія Человѣка Божія и свв. муч. Флора и Лавра, но и эта церковь сгорѣла со всѣмъ ея имуществомъ. Послѣ новаго несчастія настоятель и братія «на занятыя въ мірѣ съ великими росты деньги» рѣшили и начали строить церковь и обитель за Ушайкою рѣкою, но достроить оказалось нечѣмъ. Вообще монастырскіе впали въ большую скудость, почему ихъ черные попы стали брести врознь, такъ что „пожелавшихъ ангельскаго чину престарѣлыхъ служилыхъ людей“ постригать становилось некому. Въ помощь монастырской скудости царь, по просьбѣ старца Ефрема, велѣлъ выдать „на Москвѣ“ 50 руб. Но потомъ подалъ челобитную старецъ Исаія и просилъ, чтобы Государь пожаловалъ монастырь деньгами и ежегодною ругою «противъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря». И Государь пожаловалъ, повелѣлъ ежегодно выдавать томскому монастырскому попу 8 рублей, діакону 5, дьячку 4 рубля, пономарю и просвирницѣ по 3 руб. да строителю съ братіею и церковными людьми хлѣба 20 четвертей, овса 20 четвертей и десять пудовъ соли *).—Такимъ образомъ на новомъ описанномъ мѣстѣ монастырь началъ существованіе, будучи ознаменованъ актомъ царскаго благоволенія. Изъ содержанія грамоты можно видѣть, что хлопоты о перенесеніи обители завелъ старецъ Ефремъ, а строителю старцу Исаіи принадлежитъ завершеніе этого дѣла, начавшагося въ 1656 году **) и окончившагося въ 1662-мъ. Въ память о монастырѣ когда-то бывшемъ на Усть-Киркизкѣ старецъ Исаія изготовилъ большой деревянный крестъ, сохраняющійся въ монастырской церкви и доселѣ. Крестъ имѣетъ въ высоту 3 арш. 14 верш. и въ ширину 1арш. 13 верш. Внизу на оборотной его сторонѣ надпись гласитъ: «Лѣта 7170 мѣсяца сентября въ 1 день устроенъ бысть си животворящій крестъ Господень при державѣ благовѣрнаго и благочестиваго Государя и Великаго князя Алексія Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца по вѣрѣ и по обѣщанію Томскаго города—монастыря Алексія человѣка Божія на Киргизку, на старое мѣсто церкви Святыя Богородицы Казанскія. Строитель Исаія, иже о Христѣ съ братіею. Писанъ въ Кузнецкомъ острогѣ» ***).

*) Копію съ этой грамоты см. приложеніе № II

**) Такъ указываемъ начало монастырскихъ заботъ о перенесеніи обители на другое мѣсто потому, что въ челобитной о пріобрѣтеніи крѣпости на Иштанскія владѣнія было сказано, что Усть-Киргизская церковь сгорѣла въ 1656 году. См. прилож. № I.

***) Этотъ св. Крестъ поставленъ въ монастырскомъ храмѣ близъ лѣваго предѣла. Онъ и надпись на немъ возобновлены недавно архим. Викторомъ Лебедевымъ.

2.

Пріобрѣтенія томскаго Муж. монастыря въ земельныхъ владѣніяхъ и рыбныхъ ловляхъ.—Монастырскіе крестьяне и ихъ постепенное умноженіе.—Заботы монастырскихъ властей о цѣлости и неприкосновенности своихъ имѣній.

Въ жалованной царской грамотѣ, которою мы пользовались только лишь, между прочимъ встрѣчаемъ указаніе челобитчика старца Исаіи, что доселѣ, т. е. до 1661 года Томскій монастырь земель подъ пашни и рыбныхъ ловель отъ Великаго Государя не получалъ. Но это не значитъ, чтобы у него не было тогда вовсе никакихъ угодій. Онъ началъ пріобрѣтать ихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни еще на устьѣ Киргизки. Мы видѣли, что въ 1634 году ему уже удалось исхлопотать крѣпость на землю по Киргизкѣ, прилегавшую къ самому монастырю. Этой земли съ пашней и боровымъ лѣсомъ было дано отъ устья Киргизки вверхъ по этой рѣчкѣ на двѣ версты и отъ того-же устья внизъ по теченію р. Томи на одну версту *). Почему и кѣмъ отведенъ былъ этотъ участокъ—намъ неизвѣстно. Въ послѣдующее время монастырь получалъ земли и угодья отъ частныхъ лицъ, жертвовавшихъ ихъ вкладами по усердію «къ дому Пресвятой Богородицы», пріобрѣталъ ихъ путемъ покупокъ и разныхъ другихъ хозяйственныхъ сдѣлокъ, наконецъ ему жаловало ихъ само правительство. Въ 1653 г. путемъ вклада онъ пріобрѣлъ въ неотъемлемую собственность Иштанскую деревню по Иштанской протокѣ р. Томи. Жертвователемъ былъ томскій служилый человѣкъ Ѳедоръ Пущинъ.

„Се азъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Пущинъ, писалъ онъ во вкладной, положилъ деревню свою, купленную въ домъ Пресвятыя Богородицы. А та моя деревня внизъ Томи рѣки въ Штанѣ протокѣ на низъ плывучи на лѣвой сторонѣ. А куплена была та деревня у Горбуновыхъ юртъ татарина Тюзума съ товарищи со всѣми рыбными ловлями и съ курьею верхнею и съ лугомъ, что на острову, а островъ купленъ Тюгильдѣевыхъ юртъ у татаръ Ишпердея съ товарищи. И впредь мнѣ до той деревни дѣла нѣтъ и роду моему и племени. И впредь кто будетъ въ монастырѣ—тою деревнею владѣть со всѣми угодіи.. А вкладную писалъ я, Ѳедоръ, своею рукою 161 г. Апрѣля въ 1 день“ *).

Но очевидно даромъ Пущина монастырь не захотѣлъ удовольствоваться. Въ томъ же 161 (1653) году строитель старецъ Ефремъ у „Иштана“ прикупилъ еще земель и угодій на 30 рублей изъ монастырской казны **). А

*) См. копію съ переписной книги 1703 г., въ Дѣлахъ: „объ отводѣ монастырю новыхъ угодій“ 1821 г. Архивъ Томск. Губ. Правл., связ. 141—и о запрещеніи томскимъ мѣщанамъ Никитѣ Левашову съ товарищами производить поставку сѣна на принадлежащихъ монастырю луговыхъ мѣстахъ. 1809 г. Въ монастыр. архивѣ.

**) Монастыр. свитокъ, № 1.

***) Донесеніе о начальн. годахъ монастыря. Прилож. № 1.

въ 1701 г. прикупка тутъ-же была произведена еще разъ. И послѣ того у монастыря всего стало здѣсь пашенной земли длиннику полторы версты и поперекъ одна верста, дубровъ въ длину три версты и поперекъ двѣ версты и сѣнныхъ покосовъ на Иштанскомъ островѣ въ длину три версты и поперекъ одна верста *).

Киргизское и Иштанское владѣнія были еще довольно скромными сравнительно съ тѣмъ, что пріобрѣлъ монастырь вверхъ (отъ Томска) по Томи рѣкѣ въ Верхотомскомъ стану. Въ 1656 году онъ получилъ здѣсь въ собственность огромный надѣлъ, границы котораго въ переписныхъ книгахъ 1702 года были обозначены такъ:

Надѣлъ шелъ «вверхъ по Томи рѣкѣ въ межахъ отъ усть рѣчки Писаной. А тою рѣчкою Писаною вверхъ двѣ версты, а отъ рѣчки Писаной до вершины рѣчки Еловки и отъ вершины р. Еловки чрезъ Высокую гору, что подлѣ Сосновскихъ падуновъ до вершины рѣчки Таймеки шестнадцать верстъ. Таймекою рѣкою внизъ до Томи рѣки три версты. Чрезъ Томь рѣку на Сухой лугъ до Калмыцкой дороги шесть верстъ. Калмыцкою дорогою до Стрѣльной рѣчки пятнадцать верстъ, а съ Калмыцкой дороги на рѣчку Колбиху и Колбихою рѣчкою внизъ до Томи рѣки семь верстъ» **).

Къ этому очень большому участку съ 1689 года былъ присоединенъ другой съ нимъ смежный, тянувшійся отъ рѣчки Колбихи вверхъ по Томи до Безъязыковой заимки въ длину на восемь верстъ и въ ширину на шесть верстъ ***).

Въ источникѣ, изъ котораго мы заимствовали свѣдѣнія о Верхотомскихъ монастырскихъ земляхъ, глухо говорится, что монастырь пріобрѣлъ ихъ «по даннымъ». Впослѣдствіи монастырскія власти утверждали, что первый самый большой участокъ былъ пожалованъ обители Великимъ Государемъ †) и въ обоихъ они насчитывали полей, лѣсу и сѣнныхъ покосовъ по обѣ стороны р. Томи двадцать верстъ вдоль и поперекъ †*).

Въ сосѣднемъ съ Верхотомскимъ Сосновскомъ стану по крѣпостямъ 1670 и 1671 г. перешелъ къ монастырю Искитимскій надѣлъ, шедшій отъ

*) Дѣло о запрещеніи томск. мѣщ. Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на монастырскихъ лугахъ.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

†) Такъ показалъ въ 1721 году томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову монастырскій казначей іеромон. Діонисій.—„Въ прошломъ 164 г., писалъ онъ коменданту,— Великаго Государя жалованіе дано (монастырю) изъ порожжихъ земель по Томѣ рѣкѣ пашенныя земли и сѣнные покосы“.—Мон. архивъ, связка 11.

†*) Опись монастыря, представленная митрополиту Антонію въ 1721 г. Мон. арх. связ. 11. Сн. Дѣло о запрещеніи томск. мѣщ. Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на монастырскихъ лугахъ.

устья Малаго Искитима вверхъ по Томи до устья Большого Искитима, по монастырскимъ показаніямъ на три версты въ длину и ширину.

Поступился въ пользу Алексѣевской обители однимъ изъ своихъ полей въ 200 десятинъ томскій казачій голова Зиновій Литосовъ. Принявъ дарственную землю, обитель съумѣла расширить ее въ урочищахъ по Лебяжьей рѣкѣ (впадающей въ Томь съ лѣвой стороны почти противъ Сосновскаго острога) до размѣровъ четырехъ верстъ длиною и шириною и закрѣпила за собою «по вкладнымъ» отъ 1673 года *).

Съ 1697—1698 г. мы находимъ у монастыря еще новое земельное владѣніе въ Николаевскомъ (на Оби) приходѣ по р. Шегаркѣ на протяженіи семи верстъ въ обоихъ направленіяхъ **).

Среди перечисленныхъ владѣній монастырское пріобрѣтеніе въ видѣ сѣнного покоса на 2000 копенъ противъ устья Киргизки на лѣвой сторонѣ Томи нужно признать очень незначительнымъ. Покосъ купилъ монастырь у татаръ въ 1657 г. ***), а впослѣдствіи расширилъ и его до размѣровъ 326 дес., включивъ сюда и сѣнокосный участокъ на 230 копенъ, отданный въ даръ обители томскимъ жителемъ Борисомъ Лаврентьевымъ †).

Кромѣ владѣній въ пашенныхъ земляхъ, лѣсахъ и сѣнныхъ покосахъ монастырскіе начальники съ братіею не переставали усиленно заботиться и о прикрѣпленіи къ себѣ угодій для рыбныхъ ловель. Рыбная ловля на «Штанѣ протокѣ» была уже въ дарѣ Пущина, но среди другихъ пріобрѣтеній въ этомъ видѣ она впослѣдствіи почему-то не числилась.

Въ 1658 г. подгородный подводный татаринъ Евагина городка Урузакъ занялъ у нѣкоего Ѳедота Алферьева одинъ рубль «московскихъ ходячихъ денегъ» и за эту взятую въ долгъ сумму заложилъ свою долю въ рыбной ловлѣ, которой на Оби рѣкѣ владѣли татары указаннаго городка. Заемъ совершился на условіи, что если Урузакъ не уплатитъ долга къ дню Симеона Лѣтопроводца т. е. къ 1 сентября, съ котораго начинался новый 1659 г., то его рыболовный пай долженъ былъ перейти къ заимодавцу Ѳедоту, и послѣдній получалъ право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. Очевидно долгъ не былъ уплаченъ, пай перешелъ въ собственность Ѳедота Алферьева, а имъ затѣмъ былъ переданъ Алексѣевскому монастырю. Къ одно-

*) Самъ Литосовъ выпросилъ это пожертвованное поле у томскихъ воеводъ въ 1661 г. См. его челобитную въ мон. арх. свиткѣ № 5. Прилож. № III.

**) Дѣло о запрещеніи том. мѣщанамъ Никитѣ Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на принадлежащихъ монастырю луговыхъ мѣстахъ. 1809 г. См. описаніе монастыря, въ 1721 г. представленное митроп. Антонію. Мон. архивъ, связка 11.—Борисъ Лаврентьевъ унаслѣдовалъ пожертвованный участокъ отъ Бориса Гаврилова Кузнецова, а этотъ послѣдній пріобрѣлъ его покупкою у татарина Евагановыхъ юртъ Коразака за пять рублей. См. монастыр. свитокъ № 3. Прилож. IV.

***) Тамъ-же.

†) Закладная Урузака въ монаст. свиткѣ № 2. Прилож. № IV.

му паю Урузака монастырь постарался прикупить еще нѣсколько паевъ у тѣхъ же татаръ Евагина городка.

Съ 1667 года стала монастырскою собственностію неводная тоня татаръ Горбуновыхъ юртъ Кечуря Шакулина съ товарищи *). Сначала татары заложили ее монастырю, и потомъ продали окончательно за двадцать рублей. Эта тоня находилась на „Оби рѣкѣ по выше Чатской протоки до верхняго конца Краснаго Яру". Переходятъ затѣмъ въ монастырское владѣніе рыбныя ловли и по самой Чатской протокѣ. Нѣчто здѣсь было куплено монастыремъ. но главнымъ образомъ получено благодаря щедрому вкладу въ обитель вдовы сына-боярскаго Юрія Егловскаго Евдокіи Аѳанасьевой Егловской. Въ поступной записи 1683 года Егловская писала, что своей рыбной ловлей по Чатской протокѣ отъ устья Томи внизъ по р. Оби до бору поступилась она «Божіея ради милости... въ монастырь въ домъ Пресвятыя Богородицы, св. праведному Алексѣю человѣку Божію и св. мученикамъ Флору и Лавру такъ, чтобы на той рыбной ловлѣ монастырскимъ стоять своимъ неводомъ, а дѣтямъ ея Андрею, Константину, Кирилу и Игнатію Егловскимъ—своимъ. «А иному никому здѣсь съ неводами не стоять и рыбу не ловить и иному никому до той рыбной ловли дѣла нѣтъ». Въ свою очередь и дѣти Егловской обязались, что будутъ съ монастырскими ловить рыбу потонно, т. е. одну тоню «будутъ метать они», другую монастырь. «А по вся годы, когда Егловскіе своимъ неводомъ на рыбной ловлѣ стоять не будутъ», ею долженъ пользоваться монастырь безраздѣльно и безпрепятственно со стороны чуждаго вмѣшательства отъ русскихъ или отъ татаръ. Кромѣ того они, Андрей съ братьями, дали слово, что свою рыбную ловлю не отдадутъ и не продадутъ никому за исключеніемъ однихъ «монастырцевъ». Въ случаѣ нарушенія хотя одного изъ прописанныхъ въ поступной условій монастырь имѣлъ право требовать съ Егловскихъ денежную сумму въ 50 рублей. Владѣніемъ пополамъ Егловскіе очевидно не подорожили, такъ какъ впослѣдствіи рыбныя ловли по Чатской протокѣ принадлежали монастырю исключительно **).

Вообще къ началу XVIII вѣка Томскій Алексѣевскій монастырь насчитывалъ за собою четыре крупныхъ рыбныхъ тони. Всѣ онѣ съ точнымъ обозначеніемъ ихъ мѣстоположенія были переписаны въ томскихъ писцовыхъ книгахъ за 1703 года. Именно здѣсь было записано, что «по сказкѣ Алексѣевскаго монастыря іеродіакона Моисея, (первая) ихъ монастырская тоня на р. Оби ниже Томскаго устья на островѣ Каралихѣ. И на той ихъ тони ходитъ монастырскій неводъ въ 200 саж.—Да у нихъ же другая ихъ мо-

*) Пріобрѣтеніе отъ татарина Кечюря Шакулина открывается изъ монастырской челобитной, см. прилож. № V.

**) Монастырскій свитокъ № 5.

настырская рыбная тоня на рѣкѣ Оби на Усть-Чатскія протоки вверхъ по р. Оби до Краснаго Яру.. и на той другой ихъ рыбной тони ходитъ другой ихъ монастырскій неводъ въ 150 саж... Да у нихъ же третья рыбная тоня по рѣкѣ же Оби противъ Томскаго устья на Зарѣчинской сторонѣ съ нижняго конца острова (?) внизъ Обью рѣкою до истока Терскуля. И на той тони они, монастырцы, не ловятъ; лежитъ впустѣ. Да у нихъ же четвертая тоня на рѣкѣ же Оби противъ Томскаго устья на острову Новокрещеновѣ. И на той четвертой тони рыбы они не ловятъ же; лежитъ впустѣ" *).

Есть неясное указаніе, что въ 1707 году въ монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ произошло еще какое-то прибавленіе**). Но въ 1725 году прибавленіе послѣдовало въ очень замѣтномъ видѣ. Для вѣчнаго поминовенія умершаго томскаго дворянина Осипа Родіоновича Качанова (того самаго, который вышелъ противъ киргизъ при ихъ набѣгѣ на Томскъ въ 1700 году) его братъ монахъ Ѳеодосій, бывшій въ то время намѣстникомъ въ Тобольскомъ Софійскомъ (Архіерейскомъ) домѣ, приложилъ «въ Томску въ Алексѣевскій монастырь рыбную тоню на Оби рѣкѣ на Салтанаковомъ песку». Правда, монастырь долженъ былъ владѣть имъ не одинъ, а совмѣстно съ полковникомъ Борисомъ Ивановичемъ Середининымъ и конным казакомъ Петромъ Середининымъ же, но, несмотря на ограниченіе, Салтанаковъ песокъ, по изобилію на немъ рыбной добычи, былъ признанъ въ монастырѣ очень выгоднымъ вкладомъ.

Складывая въ общемъ всѣ монастырскія имѣнія съ ихъ землями и угодьями, находимъ, что нашъ Томскій монастырь съумѣлъ широко воспользоваться огромнымъ сибирскимъ просторомъ. Нужно было не мало рабочихъ рукъ для того, чтобы можно было извлекать подлежащія выгоды изъ обширныхъ владѣній. Собираніе крестьянъ на пріобрѣтенныя земли было для монастыря такимъ-же важнымъ хозяйственнымъ дѣломъ, какъ и собираніе самихъ имѣній. Извѣстно, что по завоеваніи Сибири на ея свободныя земли изъ добровольныхъ переселенцевъ шли главнымъ образомъ бездомовные, гулящіе люди, расчитывавшіе въ широкомъ привольѣ новой страны найти то довольство, котораго по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, не могли найти въ своихъ родныхъ мѣстахъ †). Когда основаны были Томскъ, а за

*) Дѣло объ отводѣ Томскому монастырю новыхъ угодій. 1821 г.

**) Описаніе монастыр. представ. митрополиту Антонію. Монастыр. архивъ Связка 11.

***) Монастыр. архивъ. Связка 15. Си. Матеріалы для исторіи Сибири „Том Губ. Вѣд." 1866 г. № 24.

†) Большой приливъ въ только лишь завоеванную Сибирь крестьянъ изъ Россіи отмѣченъ во многихъ истор. показаніяхъ, а также у Миллера (Sibirische Geschichte. 8 B. s. 34). По словамъ профессора, особенно много шло переселенцевъ изъ нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губерній.

Пришельцевъ зазывали на свои земли не только сибирскіе архіереи и монастыри, но даже причты приходскихъ церквей. Въ трудѣ проф. *Буцинскаго*: „Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ" между прочимъ, процитованъ отрывокъ изъ

нимъ и Кузнецкъ, «гулящіе» начинаютъ стекаться въ уѣзды и этихъ городовъ или прямо изъ Россіи, или подвигаясь изъ болѣе западныхъ и ранѣе завоеванныхъ сибирскихъ областей и уѣздовъ. Къ такимъ-то пришельцамъ монастыри Томскаго края обыкновенно и относились съ своими призывами селиться на ихъ монастырскихъ земляхъ. Бобыль, прибывшій на новое мѣсто ни съ чѣмъ, иногда съ радостію откликался на такой призывъ и вступалъ съ монастырскими въ договоръ, при которомъ послѣдніе, не обходя своихъ выгодъ, принимали на себя обязательство обезпечить работника на первыхъ порахъ всѣмъ необходимымъ въ хозяйственномъ обзаведеніи. Вотъ сюда относящійся любопытный документъ, хранящійся въ архивѣ описываемой нами обители.

„Великому Государю, Царю и Великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу и Государю благовѣрному царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу и Государю благовѣрному царевичу и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу били челомъ въ Томскомъ въ Приказной Избѣ воеводамъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопіевичу Поводову,—подали челобитную пріѣзжіе люди съ Исети Далматовой пустыни бывшіе крестьяне Тимошка Степановъ, да Мартышко да Андронко Степановы-жь, да Ерофейко да Юрко Петровы, да Ефстифейко.... Радіоновы и проч. А въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ де 171 году развоевали ихъ башкирцы и съ погрому они остались съ женами и дѣтьми наги и босы,—пришли въ Томскъ и, бродя межь дворовъ, скитаются Христовымъ именемъ. И чтобы великій государь и государи благовѣрные царевичи пожаловали и велѣли имъ въ Томскомъ быть въ Алексѣевскимъ монастырѣ съ женами и дѣтьми во крестьянѣхъ.. И воеводы Ив. В. Бутурлинъ да Прокопій Прокоп. Поводовъ велѣли тѣмъ прохожимъ людямъ Тимошкѣ Степанову съ товарищи съ женами и дѣтьми быть въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ во крестьянѣхъ вѣчно, и велѣли дать (о нихъ) память за Государевою печатью Алексѣевскаго монастыря строителю Исаіи съ братіею“ (лѣта 7172 сентября 13-го) *).

такой челобитной: „Царю... Михаилу Ѳеодоровичу бьютъ челомъ нищіи твои богомольцы изъ Сибири верх. у. Тагила Преображенія Спасова—попъ Иванище, дьячекъ Тренка, пономарь Антипка. Пожалованы мы, нищіе богомольцы, на кормлю вмѣсто денежныя и хлѣбныя руги, дано намъ землицы и сѣнныхъ покосовъ, а пахати намъ тое землицу не кѣмъ: которыхъ, государь, гулящихъ людей приряжаемъ себѣ въ половье и даемъ имъ сѣмянной хлѣбъ, скотъ, лошади, коровы и тѣхъ нашихъ половничешковъ твои государевы воеводы и приказные люди, изгоняючи насъ отъ твоего богомолья, у насъ тѣхъ нашихъ половничешковъ отымаютъ въ твою государеву пашню въ крестьяне безъ твоего государева указа, мимо вольныхъ людей, и тѣ наши пашнишки запустѣли; а призвать и подрядить въ половничешка... невозможно: блюдя такія самосильственныя изгони, никто въ половье не рядится. И намъ твоимъ государевымъ богомольцамъ кормиться нечѣмъ,—помираемъ голодною смертію“... Проф. Буцинскій добавляетъ, что челобитныя въ этомъ родѣ попадаются въ архивѣ М. Ю. Сибирскаго Приказа очень часто. Жур. „Вѣра и Разумъ“ 1890 г. т. I, ч. II, отдѣлъ церков. стр. 650.

*) Монастырскій свитокъ № 6.

Эти прихожіе люди, бѣглецы съ Исети, отъ Далматовой пустыни, согласились дать свои записи въ крестьяне за Алексѣевскимъ монастыремъ на слѣдующихъ условіяхъ:

„подрядились мы жить за тѣмъ монастыремъ вѣчно съ женами и дѣтьми и взяли мы изъ монастырской казны по лошади на человѣка, да по коровѣ, да по овцѣ, да по топору, да по косѣ, да по серпу, да по хомуту, да по оральникамъ. А въ первыхъ намъ годѣхъ три хлѣба ржаныхъ и три хлѣба яровыхъ съ поля снявъ и измолотя, съ гумна сѣмена (отдать) въ монастырскую казну, а что за сѣменами останется и тотъ хлѣбъ дѣлить пополамъ: половина въ монастырскую казну, половина намъ, Ерофею съ братьями и съ товарищи. А послѣ тѣхъ трехъ годовъ сѣмена имать изъ монастырской же казны» и возвращать ихъ туда-же, „а всякаго хлѣба, что Богъ пошлетъ за сѣменами останется, пятая мѣра въ монастырскую казну, а четыре мѣры намъ, Ерофею съ товарищи. А на первые три года имать намъ на подмогу, на хлѣбную пахоту, монастырскихъ казенныхъ лошадей. А жить намъ вверхъ по Томи рѣкѣ на монастырской землѣ, на Пачѣ. Да намъ же Ерофею съ братьями съ товарищи на всякій годъ съ человѣка ставить въ монастырскую казну по сажени дровъ полѣнныхъ, и тѣ дрова поставить на монастырѣ, да по полуосминѣ дѣлать крупъ изъ монастырскаго хлѣба въ монастырскую казну, да по безмѣну масла съ нашего скота. А буде волею Божіею тѣ наши данныя монастырскія лошади изгинутъ или воинскія люди отгонятъ (въ первые три года?) и тѣхъ вмѣсто лошадей имать намъ монастырскія лошади»*).

Судя по количеству крестьянъ, жившихъ за Алексѣевскимъ монастыремъ къ концу XVII вѣка, нужно предположить, что такія записи были очень нерѣдки. Предположеніе подтверждается показаніемъ монастырскаго казначея Діонисія въ 1721 г. «По указу Великаго Государя въ прошлыхъ годѣхъ, говорилъ казначей томскому коменданту, гулящіи люди давали на себя записи (монастырю) во крестьянство, и давана была имъ изъ монастыря ссуда скотомъ и хлѣбомъ и всякими крестьянскими заводы» **).

Но не всегда крестьяне соглашались жить за монастыремъ вѣчно. Иногда они договаривались состоять за нимъ только на извѣстный срокъ. Крестьяне братья Давыдовы «съ племянники и товарищи» порядились со старцемъ Исаіею жить за монастыремъ только 10 лѣтъ и при этомъ выговорили себѣ, на первые годы, ту же самую подмогу, какую монастырь далъ и пришельцамъ изъ Далматова. „А жить намъ, писали Давыдовы, на Оби рѣкѣ (т. е. по

*) „Списокъ съ крѣпости“, написанный съ подлинной въ 1695 г. Монаст. свитокъ, № 6.

**) Вѣдѣніе о монастырскихъ вотчинахъ, поданное казначеемъ іером. Діонисіемъ томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову въ 1721 г.—Монаст. архивъ; связка 11.

Шегаркѣ?), гдѣ монастырская пашня, тутъ и пятину", т. е. пятый снопъ „съ урожая имать съ насъ"... „А десять годовъ отойдутъ", имъ, Давыдовымъ, запись выдать обратно *).

Крестьяне Давыдовы нанялись монастырю выгоднѣе, чѣмъ бывшіе крестьяне Далматовой пустыни. Съ другой стороны случалось, что нужда толкала крестьянина на обязательство кабальной монастырю работы, причемъ монастырь, какъ истовый разсчетливый хозяинъ, старался прикрѣпить къ себѣ кабальнаго, какъ можно тверже и надежнѣе. Въ 1700 году занялъ въ монастырѣ 50 рублей гулящій человѣкъ Матвѣй Ивановъ. „И за тѣ заемныя деньги", говорилъ Матвѣй въ кабальной записи, данной архим. Іонѣ и казначею іеромонаху Іосифу съ братіею, „мнѣ съ женою своей Софьей Васильевой и съ сыномъ Борисомъ и дочерьми своими у него, архимандрита съ братіею жить въ вѣчной служилой работѣ и всякія монастырскія и деревенскія работы работать безъ всякаго ослушанія, что они, архимандритъ съ братіею не заставятъ и, живучи, не пить и не бражничать, зернью и въ карты не играть, съ воровскими людьми не водиться и, монастырскаго чего покравъ, никуда не бѣжать. А пить и ѣсть мнѣ, Матвѣю, съ женою и дѣтьми, платье и обувь носить монастырскія. А буде я, Матвѣй, съ женою и дѣтьми за монастыремъ жить вѣчно не похочу, самовольно куда сойду или стану пить и бражничать, зернью и въ карты играть, и ему, архимандриту Іонѣ съ братьею, меня, Матвѣя, съ женою и дѣтьми, отъ всякаго дурна унимать и, смотря по винѣ, смирять, или, что ихъ монастырское покрадучи, куда бѣгу или въ чемъ противъ сей жилой записи не устою и ему, архимандриту Іонѣ, за неустойку взять съ меня сто рублей" **). Примѣръ кабальной зависимости Матвѣя съ семьею не былъ въ монастырѣ единственнымъ. Впослѣдствіи встрѣчаемъ у него еще кабальнаго—крестьянина Рыжторова ***).

По переписнымъ книгамъ 1682 г., за Томскимъ Алексѣевскимъ монастыремъ числилось крестьянъ всего 31 дворъ †). Но за время царствованія Петра В. эта цифра возросла чуть не до двойного количества. Въ то время, когда происходила ломка и перестройка государства, правительство вынуждено было постоянно налегать на платежныя силы своихъ подданныхъ. При огромной тягости податей и всякихъ сборовъ, при неослабно строгихъ мѣрахъ ихъ

*) Монастырскій свитокъ, № 4.

**) Монастыр. архивъ. Связка бумагъ времени Петра В.; см. „Матеріалы для исторіи Сибири". Том. Губ. Вѣд. 1865. № 38.

***) „Въ книгѣ приходной" за 1709—1712 г. между прочимъ значится: „взято по кабалѣ у Аѳанасія Рыжторова рубль". Мон. арх., связка бумагъ, хранящаяся въ архивѣ особо. См. Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865. № 38.

†) Ссылка на переписныя книги 1682 г. приведена въ отвѣтахъ архиманд. Порфирія, представленныхъ въ 1723 г. правящику Кошкарову по дѣлу о податяхъ съ монастырскихъ крестьянъ. Монаст. арх.; св. II.

взысканія*), крестьяне записывались за владѣльцами иногда очень охотно. Какой-нибудь „гулящій“ находилъ для себя гораздо выгоднѣе вѣдаться податями съ лицомъ или учрежденіемъ, на земляхъ котораго онъ селился и устраивался, нежели съ казенными сборщиками непосредственно. Владѣлецъ долженъ былъ отвѣчать за его подати предъ казною аккуратно, бездоимочно, между тѣмъ какъ самому владѣльцу крестьянинъ могъ въ отданныхъ за него деньгахъ задолжать, могъ уплачивать ихъ съ разсрочкою или даже отбыть долгъ какъ-нибудь „натурою“. Способъ взиманія податей, при посредствѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, былъ удобенъ и для самаго завѣдывавшаго сборами начальства, и потому нерѣдко оно было готово приписывать къ владѣльцамъ крестьянскіе дворы съ большою щедростію. Въ 1710 г. посланы были изъ Томска въ его уѣздъ для переписи мужскаго и женскаго пола людей томскіе дѣти боярскіе, и, производя перепись, они не поскупились причислить къ монастырю 7 дворовъ изъ гулящихъ людей и казачьихъ дѣтей**). На основаніи сохранившихся отрывковъ изъ монастырскихъ расходныхъ записей 1702 и 1713 г.г. можно усмотрѣть, какъ часто монастырь выдавалъ хлѣбныя ссуды крестьянамъ, несомнѣнно, только лишь осѣвшимъ на его владѣніяхъ. Среди уцѣлѣвшихъ въ монастырскомъ архивѣ бумагъ Петровскаго времени имѣется очень много указовъ, посланныхъ изъ тобольской губернской и томской воеводской канцеляріи архим. Василиду о неукоснительной уплатѣ разныхъ денежныхъ сборовъ съ монастырскихъ крестьянъ. Изъ этого однообразнаго матеріала открывается, что свѣтская власть въ 1713 году насчитывала за монастыремъ крестьянъ 51 дворъ, а около 1720 г.—57 дворовъ***). Впрочемъ, послѣднюю цифру архим. Василидъ часто оспаривалъ, указывая на убыли въ крестьянахъ главнымъ образомъ вслѣдствіе побѣговъ.

*) Въ 1721 г. архим. Василидъ получилъ требованія о сборѣ съ монастыр. крестьянъ: на генеральный провіантъ 1 руб. съ двора; на морской провіантъ по 13 алтынъ и 5 денегъ съ двора; ландратамъ и прочимъ по 5 алтынъ; за провіантъ въ Смоленской магазеѣ по 12 алт. и 2 деньги; на винтеръ—квартиры по 5 алт. 5 денегъ; на дѣло канала по 6 алт 4 деньги; на городовую работу по 10 алтынъ и полчетверти денегъ; положенныхъ окладныхъ съ двора по 2 руб. 22 алт. и 16 денегъ.—Въ другомъ случаѣ монастырь долженъ былъ внести за крестьянъ: драгунскихъ денегъ по 16 алт. и 4 деньги съ двора; на покупку конскихъ кормовъ по 2 алт.; ямскихъ по 2 алтына; на кормъ драгунскихъ лошадей, на подъемъ каменщиковъ и пильщиковъ (при постройкѣ Петербурга) по 3 алт. и 2 деньги; на дачу драгунамъ по 11 алт. 4 деньги; поворотныхъ по 8 алт. и 2 деньги; сѣдельныхъ и уздяныхъ по полтрети деньги; рекрутскихъ по два алтына; на починку кораблей по 4 алт. и 1 деньги; подводныхъ по 3 алт. и по 2 деньги; на городское строеніе по 9 алт. и по полчетверти деньги; на мѣсоядныя деньги полкамъ по 2 алт; флотскихъ по 2 алт. и по полятой деньги ландратскихъ по 3 алт. и по 2 деньги; по опредѣленію сиб. губернатора кн. Гагарина на строеніе судовъ въ Тобольскѣ по 3 алт. и 2 деньги и, кромѣ того, обычныя окладныя подати.—Мон. арх. Связка бумагъ времени Петра В. Сн. Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865 г. № 44—45.

**) Изъ отвѣтовъ архим. Порфирія Кошкарову.

***) Связка бумагъ времени Петра В.

Случаи крестьянскихъ побѣговъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, повторялись дѣйствительно не разъ, но общее количество крестьянъ у монастыря не переставало возрастать путемъ новыхъ причисленій и послѣ Петра. В. Въ 1732 г. явился въ Тобольскъ къ митрополиту Антонію за разными монастырскими нуждами томскій монахъ по имени также Антоній. Между прочимъ онъ говорилъ митрополиту: „записаны за нашимъ монастыремъ многія души государственныхъ крестьянъ, которые работали въ монастырѣ временно, по найму, а за нихъ требуютъ съ монастыря подушныя подати". Преосвященный, указомъ на имя томскаго архимандрита Порфирія, отвѣтилъ: если съ монастыря беруть подати за излишнихъ крестьянъ, то эти крестьяне и должны принадлежать монастырю въ томъ, впрочемъ, случаѣ, если они свободны, не помѣщичьи, и что дѣло ихъ прикрѣпленія „въ благопотребную пользу обители святой" можетъ „безъ особой волокиты" устроить томскій воевода Яковъ Матвѣевичъ" (Некрасовъ*). Для воеводы всего важнѣе былъ, конечно, своевременный и исправный сборъ податей; поэтому съ излишними крестьянами, навѣрное, устроивалось такъ, какъ полагалъ преосвященный митрополитъ.

Между другими попадали въ число монастырскихъ крестьянъ и «совершенно необученные» грамотѣ священно-церковно-служительскія дѣти. На этотъ счетъ бывали особыя распоряженія правительства, нѣсколько разъ повторенныя тобольскимъ свѣтскимъ и епархіальнымъ начальствомъ. Такъ, по распоряженію изъ Тобольска, томская воеводская канцелярія въ 1731 году записала въ подушный окладъ 8 человѣкъ изъ необученныхъ „уроспыхъ" священно-церковно-служительскихъ дѣтей и всѣхъ ихъ причислила къ составу крестьянъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря**). Иногда необученные, но уроспые священно-служительскія и церковническія дѣти, зная свое безъисходное положеніе, сами просили записать ихъ въ монастырскіе крестьяне. Въ 1740 г. поповскій сынъ Иванъ Яковлевъ Муксуновъ подалъ такое заявленіе монастырской власти: «увѣдомился я, нижайшій, что по указу Ея Величества велѣно въ Томскій Алексѣевскій монастырь вмѣсто умершихъ выбылыхъ душъ верстать поповскихъ дѣтей. А въ подушныхъ переписныхъ книгахъ нигдѣ я не написанъ и никогда подушныхъ не плачивалъ, а по сему прошу записать меня въ монастырскіе крестьяне вмѣсто умершаго дьяческаго сына Михаила Иванова Евсевьева»***). Такое-же заявленіе и въ томъ-же году поступило еще отъ дьяческаго сына Меркурьева †). Нѣсколько спустя, записанный въ монастырскіе же крестья-

*) Указъ митроп. Антонія I архим. Порфирію отъ 1 авг. 1732 г.; св. 15.
**) Распоряженіе по сему дѣлу Том. воевод. канц. Мон. архивъ; связка 15.
***) Тамъ-же. Связка 16. Дѣла за 1740 г.
†) Тамъ-же.

не поповскій сынъ (изъ села Спасскаго, близъ Томска) просился у монастыря въ отпускъ на „купецкую“ работу (въ извозъ?) до Иркутска*). Послѣ разбора въ духовенствѣ, бывшаго въ 1754—1755 г., къ Томскому монастырю было приписано еще 5 душъ изъ причетническихъ необученыхъ дѣтей **).

При совершеніи переписи, во время второй ревизіи (1744 г.), за нашимъ монастыремъ нашлось 435 податныхъ душъ, а въ 1761 г. ихъ числилось 449 д.***). Незначительный приростъ въ продолженіи 17 лѣтъ, несомнѣнно нужно объяснить случаями частыхъ побѣговъ.

Постепенно набирая крестьянъ, монастырь разсылалъ ихъ для заселенія своихъ земельныхъ надѣловъ въ Верхотомскомъ стану, около Иштанской протоки и на р. Шегаркѣ. Въ Верхотомскомъ стану онъ прежде всего основалъ деревню *Пачинскую* (на рѣкѣ Томи и рѣчкѣ Пачѣ), а затѣмъ, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, образовались и другія монастырскія деревни: *Писаная*, *Юрьева*, *Тайменька*, *Хорошоборская*, *Убіенная*, *Калбинская*. Къ концу XVII вѣка Пачинская стала уже селомъ съ построенной въ немъ монастырскимъ кочтомъ церковію во имя Св. Предтечи Іоанна †). На Иштанской протокѣ монастырь завелъ деревню *Иштанскую*, а на р. Шегаркѣ (въ концѣ XVII в.)—*Шегарскую*. Заселеніемъ пустыхъ земель монастырь оказалъ Томскому краю колонизаторскую заслугу, тѣмъ болѣе не маловажную, что въ Верхотомскомъ стану онъ положилъ начало колонизаціи пространствъ, чрезъ которыя очень нерѣдко, пробираясь къ Томску, проходили враждебные русскимъ киргизы и калмыки. Мы уже знаемъ, какъ часто подвергался опустошеніямъ Верхотомскій острогъ, знаемъ и то, что мѣсто около Пачинской было ознаменовано большой кровавой схваткой томскихъ служилыхъ людей съ кочевниками, схваткой, въ которой русскимъ бойцамъ изъ Томска, несомнѣнно, соратовали и пачинскіе монастырскіе крестьяне. Недаромъ, кромѣ того, въ монастырскихъ владѣніяхъ упоминается «калмыцкая дорога», недаромъ монастырскіе крестьяне опасались „воинскихъ людей“, которые могли угнать ихъ, крестьянскій, рабочій скотъ †*).

Въ 1762 и 1763 г. въ селѣ Пачинскомъ жило монастырскихъ крестьянъ 155 муж. ревизскихъ душъ, въ деревнѣ Писаной—13, Юрьевой—41, Таймень-кѣ—17, Убіенной—44, Калбинской—50, Иштанской—55. Показаній о коли-

*) Тамъ-же

**) Вѣдѣніе о крестьянахъ, писанное въ 1761 г. архим. Ѳеодосіемъ. Мон. арх., связ. 5

***) Тамъ-же. Си. Указъ Тоб. Конс. Ѳеодосію 1761 г. Авг. 79. Мон. арх., св. 1.

†) Въ описаніи монастыря для преосвящ. Антонія между прочимъ значится «въ Верхотомскомъ стану поселено с. Пачинское. Въ немъ построена церковь деревянная во имя св. Іоанна Предтечи. Попъ Семенъ Ивановъ». Мон. арх ; св. 11

†*) Мы слышали, что Пачинскіе крестьяне еще доселѣ указываютъ мѣсто, гдѣ когда-то существовала Пачинская крѣпость въ защиту отъ набѣговъ со стороны кочевниковъ. Въ томъ же селѣ живетъ и воспоминаніе о побѣдѣ надъ кочевниками, одержанной, вѣроятно, въ 1700 году.

чествѣ душъ въ деревняхъ Хорошоборской и Шегарской мы не нашли, но, вмѣсто исчисленія по душамъ, намъ встрѣтилось здѣсь исчисленіе по тяглямъ. Въ первой было 21 тягло, во второй 18 тяголъ *).

По количеству приписныхъ крестьянъ Томскій Алексѣевскій монастырь между другими монастырями Тобольской епархіи занималъ мѣсто нѣсколько ниже средняго **).

О царской милости, выраженной, по челобитью Исаіи, дарованіемъ монастырю ежегоднаго денежнаго и хлѣбнаго жалованія, мы уже говорили, когда цитовали самую жалованную грамоту. Но съ 1699 года выдача жалованія почему-то была прекращена, что подало поводъ къ неоднократнымъ монастырскимъ сѣтованіямъ. Въ 1717 году взялся хлопотать о ея возстановленіи архимандр. Василидъ и добился того, что, по приказанію сибирскаго губернатора кн. Гагарина, велѣно было выдавать въ монастырь на церковныя потребы вино и ладонъ. „А для чего, писалъ кн. Гагаринъ, Великаго Государя жалованіе удержано, о томъ выписавъ съ указовъ, тое выписку прислать въ Тобольскъ вскорости.“ Что послѣдовало послѣ доставленія выписокъ, намъ неизвѣстно. Въ приходныхъ записяхъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и тѣмъ болѣе позднѣйшихъ годовъ прошлаго столѣтія пособія монастырю жалованіемъ нигдѣ не значится. Судя по этому, можно думать, что хлопоты Василида по сему дѣлу не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ ***).

Въ заключеніе обозрѣнія всѣхъ основныхъ источниковъ для матеріальнаго благосостоянія Томскаго мужскаго монастыря нельзя не упомянуть и о той заботливости, съ которою монастырскія власти берегли какъ права на пріобрѣтенныя владѣнія, такъ цѣлость и неприкосновенность самыхъ владѣній. Утрата въ 1656 г. сгорѣвшей вмѣстѣ съ церковью «крѣпости» на Иштанскія угодья, очевидно, произвела въ монастырѣ большое безпокойство, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока крѣпость не была возобновлена по челобитью старца Ефрема. При томъ или иномъ вкладѣ изъ земель и угодій монастырь старался обезпечить за собою прилагаемое не только разными «вкладными» и «поступными», написанными въ его пользу, но собиралъ

*) Такое количество душъ и тяголъ показано во многихъ черновыхъ и бѣловыхъ бумагахъ, относящихся къ перепискѣ архим. Ѳеодосія съ разными учрежденіями за то время, когда происходило отобраніе церковныхъ и монастыр. имуществъ. См., наприм., вѣдомость о доходности съ вотчинъ 1762 г. Мон. арх.; св. 5.

**) Тобольскій Знаменскій монастырь при второй ревизіи имѣлъ крестьянъ 2140 д., Далматовъ Успенскій 2152 д., Троицкій Тюменскій 516 д., Николаевскій Верхотурскій 543, Кондинскій Троицкій 766, Невьянскій Богоявленскій 657. Троицкій Рафайловъ 524, Спасскій Енисейскій 398, Красноярскій Введенскій 196, Кузнецкій Христорождественскій 76, Енисейскій Рождественскій—дѣвичій 249. Мон. архивъ; связка 5. Указ. Конс. 1760 г. марта 15.

***) Мон. архивъ; связка бумагъ времени Импер. Петра I. Впрочемъ здѣсь, можетъ быть, нужно разумѣть не то жалованіе, которое назначено было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а то, которое слѣдовало-бы выдавать изъ Монастырскаго Приказа. Замѣчательно, что никакихъ ясныхъ указаній на отношеніе нашего монастыря къ Монастырскому Приказу (за время царствованія Петра В.) въ своемъ матеріалѣ мы не встрѣтили.

и тѣ документы, по которымъ жертвователи сами доселѣ владѣли жертвуемымъ. Это мы видимъ по отношенію къ вкладамъ со стороны Литосова, Елеферьева, Бориса Лаврентьева. Въ 1695 году архиманд. Варлаамъ да келарь іеромон. Мартиніанъ въ челобитной великимъ государямъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ писали: „Въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ томскіе жители всякихъ разныхъ чиновъ люди и иноземцы давали... въ Ваше царское богомолье— Томскую обитель намъ, богомольцемъ вашимъ, поступныя, данныя и закладныя и купчія и для поминовенія душъ своихъ вкладныя на пашенныя земли, сѣнные покосы и на рыбныя ловли и на всякія угодья, и тѣ, государи, всякія наши крѣпости за скудостію нашею, богомольцевъ вашихъ, и за старостію меня, богомольца вашего, архимандрита, въ Томскомъ въ Приказной Палатѣ не записаны, а какіе указы отъ Васъ, великихъ государей, грамоты и статьи въ тѣ годы въ городѣ Томскѣ въ Приказную Палату были присылаемы... мы богомольцы не вѣдали и знающихъ къ такимъ дѣламъ (у насъ) не было и Вашихъ, великихъ государей, указовъ и грамотъ и статей слушать было не кому, и крѣпостей на всякія монастырскія угодья и на крестьянъ въ Приказной Палатѣ изъ монастыря записывать и затѣмъ ходить было некому-жь... Великіе Государи пожалуйте насъ, богомольцевъ своихъ, велите тѣ наши всякія крѣпости на всякія угодья и на крестьянъ въ Приказной Палатѣ записать, чтобы Вашему царскому богомолью, святѣй обители, не быть впустѣ и намъ, богомольцамъ вашимъ, отъ Васъ, великихъ государей, въ пени не быть и по тѣмъ всякимъ крѣпостямъ отъ всякихъ нашихъ монастырскихъ угодій намъ.. не отстать и, всякое обѣщаніе оставивъ, по мірскимъ домамъ не скитаться». Результатъ челобитной помѣченъ на ней же самой: «въ Приказной Палатѣ у стольника и воеводы Василія Андреевича Ржевскаго всѣ крѣпости справлены и пошлины взяты»*).

Монастырское челобитье въ подобномъ же родѣ мы встрѣчаемъ еще разъ, нѣсколько позднѣе. 1703 г. августа 9 числа били челомъ великому государю и великому князю Петру Алексѣевичу, «а въ Томску въ Приказной Избѣ (эту) челобитную подали стольникамъ и воеводамъ Григорію Михайловичу да Лаврентію Григорьевичу Петровымъ—Солового Алексѣевскаго монастыря строитель монахъ Павелъ съ братіею. Челобитчики просили: „по указу Великаго Государя и по наказу изъ Сибирскаго Приказу стольникъ и воевода Лаврентій Григорьевичъ Петровъ—Солового написалъ за нами въ Алексѣевскій монастырь въ переписную книгу Великаго Государя жалованье—купленныя и вкладныя пашенныя заимки, сѣнные покосы и рыб-

*) Въ монастыр. свиткѣ № 6.

ныя ловли и всякія угодья..., и чтобы Великій Государь пожаловалъ насъ —велѣлъ на тѣ вышеписанныя наши вотчины, на пашенныя займки и на сѣнные покосы и на рыбныя ловли и на всякія угодья дать намъ съ переписныхъ книгъ выпись, почему намъ тѣми вышеписанными монастырскими вотчинами впредь владѣть». Стольники и воеводы Петровы—Солового, выслушавъ челобитье, выпись дать велѣли. Она была дана и хранилась въ монастырѣ въ качествѣ одного изъ самыхъ важныхъ его документовъ до 1764 г., когда потребовалось выслать ее въ Тобольскую Консисторію *).

Тщательно охраняя юридическія права на свою собственность, монастырь стойко отражалъ и всякое стороннее фактическое на нее поползновеніе. Въ 1695 году на той изъ монастырскихъ рыбныхъ ловель, которая была пріобрѣтена отъ татаръ Горбуновыхъ юртъ, «сталъ насильствомъ своимъ» конный казакъ Еремѣй Парфеновъ Степановъ и, производя здѣсь добычу въ свою пользу, работниковъ, явившихся съ монастырскимъ неводомъ, съ тони прогналъ. Примѣръ оказался соблазнительнымъ. Вскорѣ такое же насиліе проявлено было со стороны бывшихъ хозяевъ этой тони—Горбуновыхъ татаръ, очевидно, пожалѣвшихъ объ утратѣ своего исконнаго владѣнія. Монастырь пресѣкъ своевольство съ обѣихъ сторонъ сильной жалобой, поданной въ томскую Приказную Палату **). Объ энергіи, съ которою монастырь отстаивалъ свои выгоды въ кипучее время петровской реформы, намъ доведется упомянуть въ слѣдующей главѣ. При совершеніи второй ревизіи, управлявшій въ то время Алексѣевскимъ монастыремъ іеромонахъ Авксентій, для строгаго наблюденія за правильностію и точностію переписи монастырскихъ крестьянъ, отправилъ въ вотчины довѣреннаго своего въ лицѣ рясофорнаго монаха Ивана Бардакова ***).

3.

Монастырскіе настоятели.—Братія.—Обиліе братіи въ монастырѣ за время XVII в.—Документъ, относящійся къ вопросу о родопроисхожденіи членовъ братіи.—Запретительные о постриженіяхъ указы.—Оскудѣніе въ количествѣ братіи.—Посылки въ монастырь вдовыхъ священно-церковно-служителей.—Отставные изъ военныхъ въ монастырѣ.—Подначальные.

О первомъ дѣйствительномъ строителѣ Томскаго мужскаго Алексѣевскаго монастыря, какъ замѣчено выше, намъ ничего неизвѣстно. Все, что извѣстно о слѣдующихъ настоятеляхъ-старцахъ *Ефремѣ* и *Исаіи*, мы уже привели въ предшествующемъ изложеніи. Остается упомянуть, что Исаія скончался въ 1668 году. На его мѣсто былъ избранъ старецъ *Варлаамъ*

*) Копія съ этой челобитной приведена въ дѣлѣ о запрещеніи мѣщанину Левашеву ставить сѣно на монаст. лугахъ.

**) Изъ бумагъ, особо хранящихся въ мон. архивѣ.

***) Распоряженіе намѣстника Авксентія, 1744 г. Мон. арх.; св. 2.

по фамиліи *Митрофановъ**). По избраніи, онъ произведенъ былъ въ игумена, а къ 80-мъ годамъ XVII в. значеніе томской обители возрасло уже настолько, что тобольская власть нашла благовременнымъ возвести ея игумена Варлаама въ достоинство и санъ архимандрита **). Въ челобитной 1695 г. о записи въ томской Приказной Палатѣ монастырскихъ крѣпостныхъ документовъ архим. Варлаамъ, какъ мы видѣли, ссылался на свои глубокіе старческіе годы. Но изъ одного дѣла, относящагося къ серединѣ XVIII в., открывается, что онъ продолжалъ настоятельствовать и въ первой половинѣ 1699 г.***) Слѣдовательно, Варлаамъ управлялъ монастыремъ болѣе 30 лѣтъ. Большая часть монастырскихъ имѣній была собрана при немъ. Преемникомъ его былъ архимандритъ *Іона*. Кромѣ разныхъ архивныхъ бумагъ, гдѣ упоминается его имя, въ монастырской ризницѣ весьма долгое время хранилась сдѣланная для него архимандричья шапка. Надпись, существовавшая на шапкѣ, сообщала, что «построена (была) въ Томскій городъ, въ Томскій монастырь 1700 г. іюля мѣсяца архимандриту Іонѣ на монастырскія казенныя деньги». Къ сожалѣнію, въ 1856 г. эта старинная архимандричья шапка была передѣлана заново и, разумѣется, уже въ другомъ, современномъ стилѣ †). Въ монастырскомъ Сунодикѣ архимандритъ Іона названъ «грекомъ» †*). Въ одной изъ напечатанныхъ замѣтокъ о томскомъ монастырѣ мы встрѣтили изумленіе: какимъ образомъ въ ту пору грекъ могъ попасть въ отдаленный сибирскій край? †**). Но по разнымъ изданнымъ историческимъ памятникамъ Сибири видно, что къ концу XVII в. греки для торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ заходили во вновь занятую русскими страну нерѣдко и нѣкоторые изъ нихъ оставались здѣсь, навѣрное, навсегда †***). Не говоримъ уже объ извѣстномъ Спафаріѣ, стоявшемъ во главѣ посольства, отправленнаго въ Китай при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Іона управлялъ монастыремъ не болѣе 4 лѣтъ. Послѣ его смерти настоятельство въ монастырѣ почему-то на время передано

*) Монастыр. Сунодикъ, листъ 68.

**) Въ Монастырскомъ Сунодикѣ Варлаамъ названъ „первоначальнымъ“ архимандритомъ. Сунодикъ, л. 39.

***) Черновое дѣло о возмущеніи крестьянъ 1756, 1757 г. Мон. арх.; связка 16.

†) Надпись эта приведена въ черновой монастырской отвѣтной бумагѣ на запросъ консисторіи (1781 г.) о началѣ Том. муж. монастыря. На томъ же черновикѣ сдѣлана новой рукой помѣта о передѣлкѣ шапки „съ указнаго дозволенія чрезъ 155 лѣтъ“. Мон. архивъ; связка 18.

†*) Монастыр. Сунодикъ, л. 69.

†**) Кн. Костровъ. „Томскій Алексѣев. монастырь“. 1873 г.; стр. 5.

†***) Въ 1700 г. „пріѣхалъ въ Томскъ изъ киргизской землицы... посланецъ черный калмыкъ именемъ Коута съ товарищемъ Коучею, всего 7 человѣкъ, и подалъ листъ да грамотки отъ *грековъ* Ивашки Андреева да отъ Пашки Иванова, да отъ русскихъ торговыхъ людей отъ Ивашки Турки... и пр., которые, торговые люди, въ прошлыхъ годѣхъ *изъ Томска* пошли въ Китай, а нынѣ живутъ у Контайши въ Ургѣ. А тѣ грамотки писаны къ томскимъ дѣтямъ боярскимъ къ Ивану Середнивину, къ Андрею Молокову съ товарищи о торгахъ“. Вотъ выразительное свидѣтельство на тотъ счетъ, что греки въ концѣ XVII в. захаживали не только въ Сибирь вообще, но и въ Томскъ. Памятники сиб. исторіи. Т. I., стр. 73—74.

было простому монаху *Павлу* съ наименованіемъ его прежнимъ титуломъ „строителя“, а затѣмъ оно снова перешло къ архимандритамъ: сначала *Мартиніану* (ум. въ 1706 г.) и потомъ *Савватію* (ум. въ 1711 г.).

11 августа 1711 г. монастырская братія во главѣ съ казначеемъ іером. Іосифомъ отправила Тобольскому митр. Іоанну Максимовичу челобитье о благословеніи на освященіе вновь созданной монастырской церкви. Благословеніе было дано съ тѣмъ, чтобы освященіе соборнѣ совершилъ посланный изъ Тобольска въ Томскъ вновь назначенный настоятель Томскаго монастыря архимандритъ *Василидъ**). Доселѣ монастырскіе настоятели заботились главнымъ образомъ о пріумноженіи монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ и формальномъ прикрѣпленіи ихъ къ обители въ качествѣ ея неотъемлемой собственности. На долю архимандрита Василида досталась преимущественная роль защитника монастырскихъ интересовъ въ трудное царствованіе Петра В. Въ самый разгаръ реформы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военной дѣятельности царя-преобразователя къ Василиду отъ разныхъ властей и канцелярій шли распоряженія за распоряженіями о сборахъ съ монастырскихъ крестьянъ и съ разныхъ монастырскихъ угодій то на тотъ, то на другой вновь открывшійся государственный расходъ. Архимандритъ, стараясь аккуратно исполнять законныя требованія, ревниво отражалъ всякія излишнія притязанія и опротестовывалъ всякія невѣрности въ счетахъ. Для обращика приведемъ челобитную отъ 26 марта 1718 г.

„Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій! Въ прошломъ 1717 г. по указу Вашего Величества посланъ былъ сынъ боярскій Михайло Лавровъ для описи гулящихъ людей и написалъ въ оброкъ монастырскаго служку Бориса Матвѣева сына Тарскаго, а онъ, Матвѣй, съ сыномъ Борисомъ въ 1710 г. написанъ былъ монастырскимъ крестьяниномъ и по челобитью нашему въ 1713 г., по указу Вашего Величества за подписаніемъ руки Сибири губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, брать съ него, Матвѣя, подати не велѣно. Да въ прошломъ 1708 году монастырская крестьянская вдова Марія Филиппова жена Маховикова купила у коннаго казака Александра Неупокоева калмыка Михаила Сергѣева». А Лавровъ и его записалъ въ оброкъ, да еще записалъ Петра Леонтьева—«вкладчика нашего, а онъ, Петръ, желаетъ постричься»—«Да повелитъ Державство Ваше съ монастырскаго служки Бориса и купленнаго калмыка Михайла оброку не имать, а Петра Леонтьева постричь» **).

*) См. Благословенную грамоту митрополл. Іоанна Максимовича на освященіе монастыр. церкви. Монастырскій свитокъ. Приложеніе № VI. Къ большому для себя сожалѣнію, мы, нигдѣ изъ обозрѣнныхъ историческихъ источниковъ не могли найти свѣдѣній о происхожденіи Василида,—этого крупнаго дѣятеля въ томскихъ духовныхъ дѣлахъ начала XVIII вѣка.

**) Мон. архивъ. Бумаги времени Импер. Петра I. Сн. Томск. Губ. Вѣд. 1867 г. № 38 (Матеріалы для исторіи Сибири).

Въ другомъ случаѣ Василидъ протестовалъ, что съ монастыря берутъ излишнія подати между прочимъ и за убѣглыхъ крестьянъ *), въ третьемъ — усиленно ходатайствовалъ о сложеніи съ монастырскихъ рыбныхъ ловель и съ мельницъ оброчныхъ денегъ **). Кн. Матвѣй Петровичъ смиловался, деньги въ 1716 г. сложилъ, но съ 1720 г. томскіе «конторные служители» заставляли оброкъ платить снова и, въ виду этого утѣсненія, изъ монастыря пошла челобитная еще разъ ***). Мы оставляемъ безъ перечисленія болѣе мелкія просьбы и жалобы Василида. Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли поводъ упомянуть, что тотъ же настоятель, не смотря на переживаемую крайне напряженную и въ той-же мѣрѣ хлопотливую въ государствѣ пору, поднялъ вопросъ о возстановленіи казеннаго для монастыря жалованія и провелъ это дѣло не совсѣмъ безрезультатно.

Состоя въ положеніи монастырскаго начальника, Василидъ, какъ почти всѣ послѣдующіе за нимъ настоятели, несъ нелегкія обязанности заказчика въ томскомъ Заказномъ духовномъ Правленіи. При путешествіи въ Енисейскъ (1718 и 1719 г.), великій сибирскій миссіонеръ, митрополитъ Филоѳей (въ схимѣ Ѳеодоръ) Лещинскій, между прочимъ занялся просвѣщеніемъ томскихъ инородцевъ, жившихъ по р. Чулыму. Трудно допустить, чтобы ревностный митрополитъ не привлекъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и томскаго заказчика въ лицѣ дѣятельнаго архим. Василида. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Василидъ не мало потрудился въ борьбѣ съ проникшимъ въ Томскъ расколомъ, неослабно побуждая гражданъ, наклонныхъ къ расколу, къ исполненію таинствъ исповѣди и св. причастія въ православныхъ храмахъ †).

Архимандритъ, о коемъ говоримъ, былъ большимъ ревнителемъ монастырскаго блага и оставилъ о себѣ память, какъ объ одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей томскаго Алексѣевскаго монастыря за все время его существованія. Послѣ непродолжительной болѣзни, онъ скончался 11 сентября 1722 года, 57 лѣтъ отъ роду. Часть оставшагося послѣ него

*) Объ этомъ протестѣ мы узнаемъ изъ слѣдственнаго дѣла, поднятаго въ 1723 г. при архим. Порфиріѣ полковникомъ княземъ Солнцевымъ-Засѣкинымъ, о неаккуратномъ будто-бы платежѣ монастыремъ государ. податей за монастыр. крестьянъ. Архим. Порфирій доказывалъ несправедливость указаннаго обвиненія. Мон. арх.; связ. 11.

**) Мон. арх.; связка 11.

***) Мон. арх.; связка бумагъ вр. Петра I.

†) Въ іюлѣ 1722 г. въ Томскѣ былъ полученъ указъ о переписке людей, «которые не ходятъ въ церковь и не исповѣдаются и не причащаются Божественныхъ Христовыхъ Таинъ»... «И архим. Василидъ во градѣ Томску всѣмъ священникамъ заповѣдалъ, чтобы таковыхъ людей поучали и отвращали отъ соблазна ихъ». Священники вскорѣ донесли, что небывшіе у исповѣди и св. причастія исполнили свой долгъ... «И Томскаго Алексѣевскаго монастыря убогій архим. Василидъ, слышавъ отъ священниковъ о послѣднихъ людѣхъ, обратившихся отъ сомнѣнія своего, зѣло возрадовался. И ради сея радости архіерейскую печать къ сему приложилъ». Мон. арх.; связка бумагъ времени Петра В.

имущества братъ его, томскій же монахъ Іосія, захотѣлъ передать въ монастырскую казну*).

Интересно, что въ избраніи преемника Василиду, кромѣ монастырской братіи, участвовали воевода и томскіе дѣти боярскіе. Былъ избранъ изъ среды мѣстнаго монашества іеромонахъ *Порфирій*. Избраніе, на благоусмотрѣніе и утвержденіе преосвященнаго Антонія I Стаховскаго, долженъ былъ представить казначей іеромон. Діонисій. Преосвященный указомъ, посланномъ на имя Діонисія, отвѣтилъ: „писано къ намъ, что архимандр. Василидъ волею Божіею представился и, по смерти де его, города Томска воевода Павелъ Ѳеодоровичъ Загрязскій и дѣти боярскіе и вы братія и вси монастырскіе служители написали къ нашему архіерейству челобитную о іеромонахѣ Порфиріѣ, котораго бы мы поставили въ архимандриты, и для того пустили въ Тобольскъ. И какъ съ братіею сей указъ получишь, и вамъ оному іеромонаху отцу Порфирію сказать нашъ указъ, и ему для поставленія въ архимандриты въ Тобольскѣ безъ замедленія быть“ **).

Архимандритъ Порфирій является для насъ первымъ настоятелемъ, о которомъ мы имѣемъ кое-какіе біографическія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1653 г. и былъ сыномъ томскаго казака Самойла Боровскаго. Постриженіе принялъ въ Тюмени отъ рукъ преосвященнаго, схимника Ѳеодора ***), съ которымъ, вѣроятно, и заѣхалъ въ Томскъ, при его миссіонерскомъ путешествіи въ Енисейскую провинцію. Сотрудничество Порфирія преосвящ. Ѳеодору въ дѣлѣ обращенія томскихъ инородцевъ открывается изъ его особой близости къ сему славному подвижнику миссіонерства и удостовѣрено біографомъ святителя протоіер. Сулоцкимъ †). Въ нашемъ матеріалѣ также имѣется нѣсколько указовъ, данныхъ архим. Порфирію съ митрополичьими предписаніями о самомъ внимательномъ наблюденіи за новокрещенными для поддержанія среди нихъ св. вѣры и благочестія. По должности томскаго настоятеля и званію заказчика во всемъ томскомъ краѣ, Порфирій поставилъ себя очень вліятельно и величаво. Иногда къ нему относились съ жалобами даже свѣтскія лица по дѣламъ, казалось-бы, совершенно ему неподвѣдомымъ †*).

*) Въ старинномъ монастырскомъ Сунодикѣ послѣ записи рода представившагося Томскаго Алексѣевскаго монастыря архим. Василида прибавлено: «А прикладу по немъ: четыре книги Минеи-четьи, весь годъ, печатныя. Пятая книга Соборникъ, печатная-жь. И келейное строеніе. И посуда мѣдная и оловянная и прочее, яже братія святыя обители сея вѣдятъ вси». Далѣе собственноручная подпись: «братъ его іеромонахъ Іосія подписался». Сунодикъ, л. 38 на оборотѣ.

**) Собственноручно подписанный указъ тобольскаго митрополита Антонія Стаховскаго томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонаху Діонисію съ братіею отъ 5 янв. 1723 г. Мон. арх.; связка 11.

***) Мон. арх.; связка 17. Вѣдомость о монашествующихъ за 1732 г.

†) Протоіер. Сулоцкій. „Филоѳей Лещинскій, митроп. Сибирскій“. Стр. 40.

†*) Февраля 19 дня 1725 г. «въ Томску во Алексѣевскій монастырь синодальной команды управителю всечестнѣйшему отцу архим. Порфирію» подалъ такое «доношеніе» томскій слу-

Но за то и съ духовными онъ велъ себя черезчуръ горделиво и самоуправно. По крайней мѣрѣ, это указывали двое челобитчиковъ на него изъ томскихъ священниковъ. Они писали преосвященному Антонію, что Порфирій, опираясь на свою власть и надѣясь на поддержку богатыхъ людей, „Вашего, т. е. митрополичьяго, благословенія ни въ чемъ не опасается и представляетъ себе здѣсь (т. е. въ Томскѣ), якобы и Ваше архіерейство“ *). Кромѣ того, жаловались они, при общемъ горделивомъ отношеніи къ духовенству, архимандритъ очень часто жертвовалъ справедливостію въ интересахъ родственниковъ, наперсниковъ и своихъ личныхъ. Указанія челобитчиковъ обратили вниманіе преосвященнаго, который и самъ былъ недоволенъ Порфиріемъ за преувеличенныя показанія въ количествѣ говѣвшихъ и причастившихся въ самомъ Томскѣ и томскомъ уѣздѣ. Выразительно, что и какъ по этому дѣлу писалъ митрополитъ Антоній I Стаховскій „пречестному“ архимандриту Алексѣевской обители:

„А присланная отъ тебе вѣдомость о исповѣдовавшихся и причастившихся (за 1731 годъ) явилась быть подзорна или, паче рещи, несправедлива. Понеже неудобно есть, чтобы въ томскомъ множествѣ народа вси сподобились быти у св. причастія. Изъ присылаемыхъ отъ прочихъ закащиковъ вѣдомостей видно, что и не въ великихъ селахъ многіе по случаямъ или за отлученіемъ отъ домовъ своихъ не бываютъ у св. причастія, а не такъ, какъ ты показалъ, безсовѣстно, томское множество народа причастившимся всѣхъ. Но, что ясно доводитъ (твою) неправду,—предлагаемъ: здѣ во градѣ Тобольскѣ при лицѣ нашего архіерейства многіе не бываютъ у св. причащенія—овіи по правильнымъ винамъ, а другіе по разнымъ случаямъ, да еще въ такомъ градѣ, гдѣ суевѣріе раскольническое жестоко искореняется.... Что ты на сіе—якій отвѣтъ принесешь въ свое оправданіе? Гдѣ множество народа или, паче рещи, *самое дно* раскольничества содержится, а ты таковыхъ показалъ подъ коварнымъ охраненіемъ православными“ **).

жилой человѣкъ конный казакъ Андрей Михайловъ Бубновъ: „посыланъ былъ я за Его Императорскаго Величества казною въ Тобольскъ пріемщикомъ. А жалованіемъ Его Импер. Величества изъ казны въ Томску въ прошломъ 1723 г. не пожалованъ. А въ 1723 г. при бытности въ Томску въ канцеляріи подъячаго Андрея Поломошнова и счетчиковъ Як. Турунова и Ив. Неупокоева мой окладъ записанъ и кто вмѣсто меня въ книгахъ росписался, о томъ не вѣдаю,—никого не просилъ“.

Въ 1724 г. жалованія „я ни бировалъ“,—былъ въ отлучкѣ на службѣ съ полковникомъ Антономъ Черкасовымъ, а мой окладъ въ книги вписанъ, и кому Туруновъ и Неупокоевъ окладъ выдали—неизвѣстно... „Всепокорнѣйше прошу вашего превосходительства сіе мое донощеніе въ управленіе Синодальной Команды принять и въ книги записать, чтобы было вѣдомо у вашего превосходительства въ Алексѣевскомъ монастырѣ“. Февр. 19, 1725 г.—Монаст. архивъ; связка 15.

*) Челобитчиками были священники: томской соборной церкви Андрей Завадовскій и томской же Воскресенской церкви Никита Бурцевъ. Ихъ челобитныя въ мон. арх.; связка 15.

**) Указъ митрополита Антонія, подписанный собственноручно отъ 1 августа 1732 г. Мон. архивъ; связка 15. Сн. Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1866 № 23.

Надъ Порфиріемъ назначено было слѣдствіе, порученное кузнецкому игумену Панкратію. Слѣдствіе кончилось вызовомъ архимандрита въ Тобольскъ, гдѣ онъ успѣлъ оправдаться и, несомнѣнно, получилъ для управленія какой-нибудь другой изъ многочисленныхъ монастырей тобольской епархіи *).

Въ ноябрѣ 1733 г. на мѣсто Порфирія митрополитъ назначилъ изъ своего архіерейскаго дома іеромонаха *Рафаила*, но послалъ его въ Томскъ почему-то безъ возведенія въ архимандричій санъ, а только въ званіи монастырскаго намѣстника**). По важному и секретному дѣлу, какія въ то мрачное время возникали во множествѣ, Рафаила взяли изъ Томска въ Тобольскъ для допроса въ губернской канцеляріи. Допросъ обнаружилъ его неприкосновенность къ дѣлу, почему ему было дозволено снова ѣхать въ Томскъ, но уже не для начальствованія въ монастырѣ, а только для прожитія въ немъ въ числѣ рядовой братіи ***).

Съ 1738 г. настоятельское мѣсто въ Томской обители занялъ переведенный изъ Туруханскаго монастыря архим. *Лаврентій*. Въ Томскѣ жилъ онъ до октября 1743 г. Въ этомъ году отъ казначеевъ монастырей Туруханскаго—Троицкаго и Енисейскаго—Спасскаго къ митрополиту поступило доношеніе, что оба монастыря находятся безъ начальниковъ. Преосвященный опредѣлилъ: „томскаго архимандрита Лаврентія, не отрѣшая до указу отъ Томскаго монастыря, перевесть въ Туруханскій монастырь попрежнему и вмѣстѣ съ тѣмъ отдать въ его управленіе Енисейскій монастырь съ приписными къ нему двумя меньшими обителями. Для непосредственнаго же завѣдыванія Алексѣевскимъ монастыремъ послать изъ Тобольска крестоваго іеромонаха *Авксентія* †). Послѣднему придано было тоже званіе, какимъ пользовался прежде Рафаилъ, т. е. званіе намѣстника. Въ то время къ томскому монастырю былъ причисленъ и Христорождественскій Кузнецкій. Такимъ образомъ, подъ властію Лаврентія состояло всего 6 монастырей. Ясно, что въ глазахъ епархіальной власти онъ пользовался огромнымъ довѣріемъ и соотвѣтствующимъ уваженіемъ. Между прочимъ, Лаврентію довелось войти въ сношеніе съ извѣстнымъ исторіографомъ прошлаго вѣка—академикомъ Миллеромъ и подать ему письменныя извѣстія о томскихъ мужскомъ и женскомъ

*) Въ 1735 г. настоятелемъ Далматовскаго монастыря былъ архимандритъ Порфирій. Думаемъ, что это именно былъ о. Порфирій, переведенный изъ Томска. Указатель статей Пермск. Епарх. Вѣд. съ 1867 по 1885 г. Екатеринбургъ. 1895 г.

**) Указъ, собственноручно подписанный митроп. Антоніемъ I, намѣстнику іеромонаху Рафаилу отъ 23 ноября 1733 г. Мон. арх.; св. 15.

***) Указъ Сибир. губер. канцеляріи въ Томскъ управляющему за воеводу Анненкову, 21 іюля 1738 г. Мон. арх ; связ. 16.

†) Указъ, собственноручно подписанный митр. Антоніемъ II Нарожницкимъ, Декабря 31 д. 1743. Мон. арх.; связ. 17.

монастыряхъ *). Въ періодъ управленія того-же архимандрита и его намѣстника Авксентія въ жизни томскаго монастыря произошло очень важное событіе, хотя не столько для самихъ монастырскихъ, сколько для бѣлаго духовенства всего томскаго края. При монастырѣ открыта была первая въ Томскѣ духовная школа подъ названіемъ „русской школы". Изъ нея священно-церковно-служительскія дѣти для дальнѣйшаго образованія должны были поступать въ Тобольскую семинарію. Въ 1746 г. 30 января Авксентія, по его обязанностямъ намѣстника, смѣнилъ іеромонахъ *Герасимъ* **), коего томскій воевода не разъ упрекалъ „въ великой простотѣ". А въ 1750 г. въ качествѣ настоятеля томскаго мужск. монастыря изъ Тобольска прибылъ архимандритъ *Исаія* Русановичъ ***).

Исаія родился въ Кіевѣ въ 1719 г., слѣдовательно, при назначеніи въ Томскъ, имѣлъ только 31 годъ. Вмѣстѣ съ своимъ роднымъ братомъ, протоіереемъ Русановичемъ, бывшимъ долгое время очень вліятельнымъ членомъ Тобольской консисторіи, Исаія пріѣхалъ въ Сибирь въ свитѣ митрополита-малороса Антонія II Нарожницкаго, вѣроятно, для преподаванія въ Тобольской семинаріи. Молодой архимандритъ оказался очень строгимъ и въ обхожденіи съ духовенствомъ, надъ которымъ начальствовалъ, какъ заказчикъ, и тѣмъ болѣе съ братіею, среди которой принялся настойчиво возстановлять павшую дисциплину. Не въ мѣру крутыми дѣйствіями по отношенію къ монастырскимъ крестьянамъ онъ вызвалъ настоящее съ ихъ стороны противъ себя и монастыря возстаніе. Безпокойства и смуты въ монастырѣ и въ особенности въ монастырскихъ деревняхъ побудили епархіальную власть вывести Исаію изъ Томска. Его мѣсто здѣсь было предоставлено еще болѣе молодому, 29 лѣтнему, учителю семинаріи іеромонаху *Ѳеодосію* съ немедленнымъ повышеніемъ въ санъ архимандрита.

Въ указѣ о назначеніи Ѳеодосія читаемъ небезъинтересное извѣстіе, какъ въ то время монастырь долженъ былъ встрѣчать вновь назначаемыхъ къ нему настоятелей. Монастырская братія должна была встрѣчать ихъ съ торжественнымъ колокольнымъ звономъ и съ выносомъ св. креста за монастырскія ворота †).

Ѳеодосію довелось потрудиться въ Томскѣ для своей обители очень не мало. Требовала заботъ о себѣ монастырская русская школа, въ 1762 г. преобразованная въ школу латинскую. За ея жизнью Тобольская власть слѣдила очень внимательно и для ея осмотра присылала, при Ѳеодосіѣ, особаго

*) Чтенія въ Импер. Обществѣ истор. и древн. Россіи. 1867 г. Кн. 2; стр. 314—317.

**) Указъ, собственноручно подписанный митроп. Антоніемъ II крестовому іером. Герасиму отъ 30 января 1746 г. № 125. Мон. архивъ; св. 16.

***) Время назначенія архим. Исаіи въ Томскъ видно изъ его краткихъ біогр. свѣдѣній. Монас. арх.; св. 11.

†) Указъ Тобольской консист. отъ 15 февр. 1760 г. Мон. арх.; связ. 5.

ревизора. Но гораздо больше архимандритъ положилъ, непріятной въ этомъ случаѣ, дѣятельности въ возьнѣ съ крестьянами, взволновавшимися еще при его предшественникѣ. Не успѣлъ онъ уладиться съ крестьянами, какъ начались новыя хлопотливыя дѣла. Они вызваны были необходимостію многочисленныхъ отписокъ и переписокъ на запросы свѣтскаго и духовнаго начальствъ, при отобраніи монастырскихъ земель съ ихъ насельниками въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи. Вручивъ гражданскому учрежденію монастырскія земли и угодья и все монастырское вотчинное хозяйство, Ѳеодосій имѣлъ горечь оплакать крайне незавидное положеніе своей обители, лишенной, за исключеніемъ скуднаго казеннаго жалованія, почти всякихъ сторонніхъ средствъ для существованія. Въ 1769 г. Ѳеодосій получилъ строжайшій приказъ немедленно явиться въ Тобольскъ для отвѣта по дѣлу объ обидѣ съ увѣчьемъ, будто-бы нанесенной имъ крестьянину Гаркунову*). Видно однако, что это тяжелое дѣло нисколько не повредило доброму имени архимандрита. Въ томъ же 1769 году онъ получилъ настоятельство въ значительно лучшемъ, чѣмъ былъ томскій,—монастырѣ Верхотурскомъ **).

Въ XVII и самомъ началѣ XVIII в. въ количествѣ братіи нашего монастыря никогда не было недостатка. Служилые люди, усталые въ походахъ и бояхъ и вообще въ разныхъ порученіяхъ чрезвычайно трудной тогда сибирской царской службы, подъ старость шли въ монастырь съ большимъ усердіемъ. Въ тихомъ пристанищѣ скромной обители, послѣ многомятежныхъ скитаній по сибирской землѣ, искали спасенія душъ и заѣзжіе въ далекую сторону промышленные люди. Въ старинномъ монастырскомъ Сунодикѣ записано болѣе 200 монаховъ, умершихъ въ періодъ отъ первыхъ лѣтъ существованія монастыря до первыхъ же лѣтъ царствованія государей Іоанна и Петра Алексѣевичей***). По сохранившемуся списку братіи 1721 года всего монашествующихъ съ архимандритомъ во главѣ было въ тотъ годъ 20 человѣкъ и сверхъ того 5 челов. вкладчиковъ, жившихъ въ монастырѣ безъ постриженія†) Но это уже было время, когда касательно постриженій начали мало

*) Указъ консисторіи игумену Нафанаилу 1769 г. Мон. архивъ; связка 12.

**) Указъ Конс. отъ 13 ноября 1769 г., № 1659. Монастыр. архивъ; связка тамъ же.

***) Самый старинный почеркъ въ Сунодикѣ оканчивается изъ именъ почившихъ государей записью имени царя Ѳеодора Алексѣевича.

†) Братію Алексѣевскаго монастыря въ 1721 г. составляли слѣдующія лица:—Архимандритъ Василидъ, 56 лѣтъ.

Іеромонахи: Іосія (братъ Василида) 67 лѣтъ, казначей Діонисій 67 л., Порфирій 62 л., іеродіаконъ Моисей 52 л. Монахи: Іоаннъ 63 л., Алексій 45 л., Боголѣпъ 88 л., Николай 75 л., Никита 72 л., Іовъ 48 л., Арсеній 60 л., Іовъ (второй) 50 л.—Проживали въ больницѣ: іеромонахъ Іаковъ 86 л., схимонахъ Пригархъ 88 л., схимонахъ Маркъ 85 л., схимонахъ Андроникъ 75 л. Монахи: Амвросій 80 л., Иларій 72 л., Ѳеофилактъ 60 л.—Проживали въ келарской: вкладчикъ Григорій Никоновъ 78 л., владчикъ Андрей Семеновъ 77 л., хлѣбникъ Михайло Ивановъ 25 л., Максимъ Ильинъ 59 л., вкладчикъ Петръ Ивановъ 68 л. и вкладчикъ Архипъ Елпидифоровъ.—Опис. монастыря, представленное митр. Антонію І. Мон. арх.; связка 11.

по малу входить въ силу правительственныя ограниченія. По указу 1725 года, присланному на имя архиман. Порфирія, велѣно было братію Кузнецкаго монастыря, за ея малолюдствомъ, перевести въ Томскій монастырь. Но сколько именно тогда ее перешло сюда, да и перешло-ли—указаній нами не найдено *).

Вопросъ о родопроисхожденіи монашествующихъ стариннаго монастыря въ Томскѣ, кромѣ царской грамоты 1661 г., гдѣ упоминаются желавшіе постриженія *престарѣлые служилые люди*, прекрасно освѣщается на основаніи одного, сравнительно поздняго, документа отъ 1732 года. Почерпнутыя изъ него біографическія свѣдѣнія объ архим. Порфиріѣ мы уже приводили. Изъ подвѣдомыхъ Порфирію монашествующихъ іеромонахи:

Моисей принадлежалъ къ роду угличскихъ дворянъ Булатовыхъ, и былъ постриженъ въ Томскѣ архимандритомъ Варлаамомъ въ 1695 году.

Симеонъ—сынъ священника изъ города Сургута;—постриженъ былъ въ Томскѣ въ 1730 году.

Іеродіаконъ *Димитрій* былъ сыномъ томскаго священника Меркурьева.

Монахи: *Арсеній* родился въ 1664 году въ Москвѣ отъ бывшаго государева конюха Ѳеодора Киселева. Постригся въ Томскѣ въ 1699 году, при архимандритѣ Іонѣ.

Антонинъ—изъ томскихъ казаковъ. Постриженіе принялъ при переѣздѣ изъ Тобольска въ Томскъ въ Самаровскомъ Яму (вблизи устья р. Иртыша).

Іоаннъ—изъ посадскихъ дѣтей города Устюга. Постриженъ былъ въ 1719 г. въ Уртамскомъ (на р. Оби) острогѣ отъ „мимошедшаго чрезъ Уртамскій острогъ игумена Герасима, который шелъ изъ Томска въ Умревинскій острогъ для служенія".

Іона—родился въ Москвѣ въ 1665 г. отъ московскаго сахарныхъ дѣлъ мастера Андрея Мяковскаго. До постриженія состоялъ въ томской казачьей службѣ.

Ѳеофилактъ Дунаевъ, сынъ солдата, родился въ Москвѣ. Постриженъ былъ въ 1704 г. томскимъ архимандритомъ Мартиніаномъ.

Іовъ—сынъ устюжскаго бобыля; родился въ Устюгѣ въ 1665 г. Постриженіе принялъ отъ томскаго архимандрита Василида въ 1720 году.

Макарій—сынъ томскаго казака, родился въ 1683 г. Постриженъ былъ въ 1726 г. архимандритомъ Порфиріемъ **).

Изложенный перечень представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразительное свидѣтельство на счетъ постепеннаго сокращенія въ общемъ составѣ монашествующей братіи нашей обители. Въ послѣдующіе годы убыли въ братіи выступаютъ еще замѣтнѣе. Въ этомъ обстоятельствѣ мы прежде всего должны усматривать вліяніе запретительныхъ, относительно постриженій, указовъ,

*) Матеріалы для исторіи Сибири. Том. Губ. Вѣд. 1865 г., № 10—11.
**) Вѣдомость о монастыр. братіи за 1732 г. Мон. арх.; связка 17.

изданныхъ въ послѣдніе годы царствованія Петра В. и за время его ближайшихъ преемниковъ.

Въ именномъ указѣ 1723 г. 28 января было предписано: „отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ“ *). 5 февраля слѣдующаго года этотъ указъ былъ дополненъ дозволеніемъ постриженія исключительно для священно-церковно-служителей, опредѣляемыхъ въ монастыри за вдовствомъ**). Въ 1729 г. такое дозволеніе было распространено еще на солдатъ, которые „со смотровъ (за престарѣлостію) для пропитанія отсылаются въ монастыри“, еслибы кто изъ нихъ пожелалъ быть въ монашескомъ чинѣ***).

Въ царствованіе Анны Ивановны запрещенія о постриженіяхъ являлись съ особенно строгимъ характеромъ. Въ 1733 году вышло распоряженіе изслѣдовать съ прилежнѣйшимъ разсмотрѣніемъ безъ утайки и безъ всякой лжи: не найдутся ли гдѣ въ монастыряхъ новые постриженные изъ людей другихъ состояній, кромѣ вдовцовъ духовнаго чина и отставного солдатства, и если-бы нашлись, то дознать—кѣмъ и когда пострижены †)?

Въ Именномъ Указѣ отъ 10 іюня 1734 года было наистрожайше подтверждено еще разъ, чтобы, кромѣ вдовыхъ священниковъ, діаконовъ и отставныхъ солдатъ, не постригать никого, а въ женскихъ монастыряхъ рѣшительно никого. Въ случаѣ нарушенія этого повелѣнія, указъ грозилъ, что допустившій постриженіе архіерей будетъ штрафованъ 500 руб. изъ его „персональныхъ иждивеній“ за каждаго постриженнаго, а „монастырскія власти, по лишеніи чиновъ своихъ и монашества, посланы будутъ“ для вѣчной тягчайшей работы „въ ссылку въ тѣ мѣста, куда тяжко—винныхъ указами ссылать повелѣно, и движимое ихъ персональное имѣніе все безъ остатку взято будетъ въ казну; съ постриженнаго монашескій чинъ будетъ сниманъ“ и ему самому „учинится жестокое наказаніе“ †*).

Изъ опасенія, чтобы не смотря на всю строгость изданнаго распоряженія, гдѣ-нибудь все-таки не произошло недозволеннаго постриженія, вскорѣ послѣдовало повелѣніе, чтобы всякое постриженіе происходило при свидѣтеляхъ, по крайней мѣрѣ, при собраніи всей монастырской братіи, и чтобы чинъ его былъ совершаемъ непремѣнно самимъ настоятелемъ, а никѣмъ-либо изъ подчиненныхъ ему іеромонаховъ †**).

*) Пол. Собр. Закон т. 7, № 4151.
**) Указъ въ мон. архивѣ. Связка 15.
***) П. С. Закон. Имен. указъ 2 іюля 1729 г. т. 8, № 5435.
†) Мон. арх.; св. 17. Сунодскій указъ преосв. Антонію I.
†*) Пол. Собр. Законовъ т. 9, № 6585.
†**) Указъ отъ 31 янв. 1735 г. П. С. Зак. т. 9. № 6683. Въ 1738 году Кабинетъ Министровъ потребовалъ, что еслибы епископы за убылью въ монахахъ стали ходатайствовать о постриженіи кого-либо, то ходатайство должны представлять въ Кабинетъ, прописывая подробно состояніе лица, изъявившаго согласіе на постриженіе. П. Соб. зак. т. X, № 7671.

Какъ отразились исчисленныя и имъ подобныя распоряженія на обителяхъ св. Руси ярко выражено въ докладѣ св. Сунода, представленномъ на Высочайшее разсмотрѣніе въ правленіе принцессы Анны Брауншвейской:

„Нынѣ въ монастыряхъ и пустыняхъ, писалъ св. Сунодъ, какъ изъ присланныхъ вѣдомостей видно, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ весьма недостаточно, а въ нѣкоторыхъ и никого нѣтъ". Въ числѣ же имѣющихся „многіе престарѣлы и увѣчны" для священно-служенія и прочихъ монастырскихъ послушаній „совершенно не способны". И вообще „таковое въ ономъ монашескомъ чинѣ нынѣ настоитъ умаленіе, что въ разныхъ монастыряхъ церкви святыя, за неимѣніемъ кого опредѣлить къ служенію, стоятъ безъ Божественнаго священнослуженія", и некого уже стало опредѣлять въ монастырскіе настоятели, „яко въ архимандриты, игумены и служители". „Изъ отставныхъ солдатъ желающихъ постриженія почти никого не является. Изъ вдовыхъ же поповъ и діаконовъ, хотя бы кто чина монашескаго и пожелалъ, но и (въ приходскихъ) священно-служителяхъ при многихъ церквахъ обстоитъ не малая нужда, и удовольствовать всѣхъ праздныхъ церквей священнослужителями за совершенно-крайнимъ церковныхъ причетниковъ недостаткомъ, не изъ кого".—Таковъ же, по докладу Сунода, былъ недостатокъ монахинь по всѣмъ дѣвичьимъ монастырямъ*).

Въ предупрежденіе окончательнаго „опустѣнія" монастырей святѣйшій Сунодъ просилъ дать больше свободы для постриженій, чѣмъ было удѣлено ее доселѣ.

Съ удаленіемъ Бирона отношеніе свѣтской правительственной власти къ къ церкви и ея учрежденіямъ начинаютъ складываться иначе. Изложенный докладъ Сунода увѣнчался слѣдующей резолюціей: „для снабденія монастырей монахами и школъ учителями постригать въ монашество изъ нижеписанныхъ чиновъ, кои пожелаютъ: 1) изъ священнаго чина, 2) изъ церковниковъ служащихъ, 3) изъ разночинцевъ, которые отъ командъ своихъ вольные паспорты имѣютъ и никакими дѣлами не обязаны, 4) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ съ свободными отпускными за помѣщичьей рукою, въ которыхъ бы именно написано было, что они отпущены для постриженія и 5) изъ семинаристовъ, окончившихъ свое ученіе, желающихъ (постриженія) и къ тому достойныхъ"... „О постриженіи каждаго человѣка требовать позволенія монастырямъ, въ епархіяхъ, отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ, въ Сунодальной области,—отъ Сунода. Однакожъ смотрѣть при томъ, чтобы постригали столько, коликое число потребно, безъ всякаго излишества".

*) Пол. С. Закон. т. XI., 22 декабря 1740 г. № 8303. Такую же жалобу св. Сунода на оскудѣніе въ монашествѣ см. тамъ-же—сунодскій указъ отъ 26 мая 1741 г., № 8382. Огромное опустошеніе въ составѣ бѣлаго приходскаго духовенства въ царствованіе Анны Ивановны произошло отъ усиленной сдачи священно-церковно-служительскихъ дѣтей и причетниковъ въ военную службу, особенно по извѣстному дѣлу о присягахъ.

Во избѣжаніе излишества велѣно было присылать ежегодные рапорты съ точнымъ именнымъ росписаніемъ, сколько въ году и изъ какихъ чиновъ прибыло новыхъ постриженниковъ*).

Не замедлило затѣмъ послѣдовать разрѣшеніе постриженій и для женскихъ монастырей **).

Итакъ, монастыри могли порадоваться, и тѣмъ больше еще, что указомъ отъ 22 января 1741 года Сунодомъ было объявлено дозволеніе, по которому всѣ постриженные за запретительнымм указами, и поэтому въ силу распоряженія отъ 1735 г. подвергшіеся растриженію, могли снова являться въ монастыри и быть въ монашескомъ чинѣ, еслибы того они пожелали, нашлись добраго поведенія и не были наказаны публично ***).

Свободное постриженіе для лицъ, пожелавшихъ посвятить себя иночеству и не связанныхъ никакими особенными обязательствами по отношенію къ государственной службѣ, или къ правамъ помѣщиковъ, продолжалось до 1749 г. Въ этомъ году именнымъ указомъ постриженія были снова пріостановлены—на этотъ разъ, главнымъ образомъ, изъ опасенія постриженія людей несвободныхъ, мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей, также „младолѣтнихъ“, по принужденіямъ со стороны родителей и родственниковъ.

Запрещеніе было снято 25 сентября 1761 г.****) и, хотя императоръ Петръ III снова его возобновилъ †), но только на самое короткое время своего царствованія.

Такимъ образомъ, отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра В. до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II достиженіе монашескаго чина людьми, не принадлежавшими къ составу вдоваго духовенства или къ отставному солдатству, если и было возможно, то только въ промежутки между запретительными указами. Въ монастыряхъ центральной Россіи промежутки не проходили безслѣдно для умноженія падавшей численности ихъ обитателей. Иное дѣло въ монастыряхъ сибирскихъ и въ частности томскихъ. Для нихъ все болѣе и болѣе пріобрѣтало силу новое неблагопріятствующее обстоятельство. Разумѣемъ очень чувствительное измѣненіе въ настроеніи сибирскаго христіанскаго населенія. Изъ множества часто мелочныхъ, но характерныхъ признаковъ, можно вывести слѣдующее малоутѣшительное заключеніе †*). Чѣмъ дальше жизнь русскихъ людей въ Сибири ото-

*) Полное Собр. Закон. т. 11, № 8303.

**) Тамъ-же. Именной указъ св. Суноду отъ 2 января 1741 г., № 8309.

***) Это Сунодальное повелѣніе извлекаемъ изъ указа митропол. Антонія архим. Лаврентію отъ 6 іюля 1743 г. Мон. архивъ; связка 17.

****) Полн. Соб. Закон. т. 15, № 11332.

†) II. Соб. Зак. т. 15, № 11441.

†*) Выясненіе признаковъ, которые имѣемъ здѣсь въ виду, оставляемъ до другой работы по Томской церковной старинѣ.

двигалась отъ первыхъ временъ завоеванія этой страны, тѣмъ менѣе ея русскіе насельники обнаруживали ревности въ своей православной вѣрѣ и усердія къ учрежденіямъ церкви. Добрыя и благопріятныя вѣрѣ традиціи, вынесенныя отцами и дѣдами изъ Россіи, начинали забывать уже въ дѣтяхъ, не говоря о внукахъ. Слишкомъ мало для тѣхъ традицій было поддержки въ отдаленной, только лишь колонизуемой странѣ, гдѣ вся жизненная энергія уходила въ борьбу за существованіе или въ погоню за быстрымъ обогащеніемъ. Кромѣ того, въ обширныя и глухія пространства необъятной окрайны огромными толпами шли жестоко преслѣдуемые въ Россіи раскольники. Приставая къ селамъ и деревнямъ, или селясь въ пустынныхъ мѣстахъ, они постепенно насыщали сибирскую атмосферу суевѣріями своихъ разнородныхъ сектъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что, помимо вліянія запретительныхъ о постриженіи указовъ, сибирскіе монастыри должны были оскудѣвать монашествующими, вслѣдствіе падавшей въ сибирскомъ населеніи расположенности къ обѣтамъ иноческой жизни, особенно въ православномъ монастырѣ, а не какомъ-нибудь таежномъ скиту.

Къ 1733 году оскудѣніе въ братіи Томскаго Алексѣевскаго монастыря дошло уже до того, что вновь назначенный его настоятель намѣстникъ Рафаилъ нашелъ въ немъ іеромонаховъ только „малое число“, да и тѣ за старостію богослуженіе могли исправлять „не безъ нужды“. Чтобы помочь „нуждѣ“, Рафаилъ просилъ опредѣлить къ нему Далматовскаго іеромонаха Климента, который предъ тѣмъ, за побѣгъ изъ своего монастыря, былъ наказанъ плетьми и содержался въ тобольскомъ архіерейскомъ домѣ „въ хлѣбныхъ трудѣхъ“ (хлѣбопекарнѣ). Клименту дозволено было ѣхать въ Томскъ съ правомъ священнослуженія, впрочемъ при оговоркѣ: если бы сталъ вести себя добропорядочно*).

Спустя семь лѣтъ, архимандритъ Лаврентій описалъ епархіальному начальству братію Алексѣевскаго монастыря въ слѣдующемъ видѣ: въ монастырѣ состояло на лицо кромѣ него, архимандрита Лаврентія, іеромонаховъ трое,—„въ томъ числѣ одинъ старъ и дряхлъ и весьма ножною болѣзнью скорбенъ и никуда изъ больницы не ходитъ и другой старъ и глухъ и ничего не слышитъ; іеродіаконъ одинъ старъ и дряхлъ и правая рука скорчена,—не владѣетъ; монаховъ трое, изъ нихъ двое стары и дряхлы“. При монастырѣ проживало бѣльцовъ: попъ вдовый—старъ и дряхлъ, дьячковъ вдовыхъ же двое, и одинъ изъ нихъ старъ и дряхлъ, пономарь одинъ и вкладчиковъ четыре человѣка—„всѣ стары и дряхлы“**). Взирая на эту почти общую старость и дряхлость, мы уже не можемъ изумляться заявленію намѣстника Авксентія,

*) Указъ преосвящ. митрополита Антонія намѣстнику іеромонаху Рафаилу отъ 23 ноября 1733 г. № 565. Мон. архивъ; связ. 15.

**) Матеріалы для истор. Сибири. Чтен. общ. истор. и древ. Рос. 1867 г. Кн. 2, стр. 295—296.

которое прописалъ онъ въ жалобѣ преосвященному, что кромѣ него, Авксентія, въ монастырѣ божественныхъ литургій служить было некому. *)

При недостаткѣ или, лучше, полномъ отсутствіи мірскихъ людей, которые могли бы или желали поступить въ нашъ монастырь, епархіальная власть вынуждена была комплектовать составъ его братіи исключительно посылками сюда вдовыхъ священнослужителей. Извѣстенъ старинный строгій взглядъ русской церкви на священниковъ, впадшихъ въ самое тяжелое для нихъ несчастіе потери жены. Заподозривалась ихъ нравственная состоятельность при предполагаемой трудности оберечь ее во вдовствѣ, среди мірскихъ соблазновъ. Во охраненіе чистоты вдовствующей жизни, вдовцовъ заставляли уходить за обительскія стѣны для постриженія тамъ. Такъ было во всей Россіи, такъ и въ Сибири. Въ 1712 году Тобольскій митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ указомъ „за собственноручнымъ подписаніемъ“ томскому архимандриту и заказчику Василиду повелѣлъ: „города Томска вдоваго священника Дмитрія Родіонова постричь въ Томску въ Алексѣевскомъ монастырѣ въ монашество, и быть ему, по постриженіи, въ подначальствѣ и во всякомъ монастырскомъ послушаніи, по твоему разсмотрѣнію“. Родіоновъ долженъ былъ „служити божественную службу и жити въ монастырѣ безъисходно, до кончины живота своего. А города Кузнецка вдовому священнику Іоанну Ѳедотову, на прошеніе Кузнецкихъ градскихъ людей, указали мы для малыхъ его дѣтей быть при церкви и служить попрежнему, буде начнетъ жить благочинно“. **)

11 января 1723 г. св. Сунодъ имѣлъ разсужденіе о вдовствующихъ попахъ и діаконахъ, „каковымъ прежде сего принужденіе было лишатися мѣстъ и неволею въ монашество постригатися безо всякой къ тому, кромѣ овдовѣнія, вины“. Послѣ разсужденій, въ Сунодѣ приговорили: „отселѣ вдовыхъ протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и діаконовъ, показавшихъ, по овдовѣніи, житіе доброе, благочинное, неподозрительное и во всѣхъ священному чину должностяхъ исправное, мѣстъ не лишать и епитрахильныя грамоты (для продолженія священнослуженія въ приходахъ) давать имъ отъ (мѣстныхъ) архіереевъ“. Въ указѣ, изданномъ и разосланномъ по смыслу этого опредѣленія, было предписано, чтобы вдовые на полученіе епитрахильныхъ грамотъ брали свидѣтельства о своемъ добромъ поведеніи отъ прихожанъ, возобновляя тѣ свидѣтельства каждый годъ и, сверхъ того, пред-

*) Архивъ Томскаго дух. Правленія (въ Томской консист.). Указъ томск. заказчику свящ. Богоявленской церкви Михаилу Григорьеву, 30 окт. 1744.

**) Указъ „отъ великаго господина“ преосвященнаго Іоанна (Максимовича) въ Томскій Алексѣевскій монастырь духовныхъ дѣлъ заказчику архим. Василиду, хранящійся въ мон. архивѣ среди свитковъ.

ставляли епархіальной власти завѣренія о чистотѣ жизни отъ крестоваго іеромонаха, также послѣ ежегодно повторяемой у него исповѣди *).

Все таки положеніе вдовыхъ должно было послѣ того измѣниться къ лучшей участи. Но, кажется, что къ сибирскимъ и, въ частности, къ томскимъ вдовцамъ только лишь процитованный указъ примѣнялся въ снисходительномъ смыслѣ далеко не всегда. Вдовыхъ не переставали понуждать здѣсь въ монастыри съ единственной для нихъ уступкой, касающейся постриженія. Послѣднее было предоставлено на ихъ волю: они могли его принимать, но могли оставаться въ монастыряхъ на положеніи бѣльцовъ. Вдовые священники и діаконы шли въ обители, но иногда оказывали сопротивленіе, выражаемое чаще всего глухо:—путемъ молчаливаго непослушанія.

Намѣстникъ іеромон. Авксентій, представившій начальству, что въ монастырѣ служить литургій, кромѣ него самаго, стало некому, просилъ дозволенія заставлять вдовыхъ священниковъ Томскаго заказа, чтобы отправляли богослуженіе въ монастырѣ поочереди. Отвѣтъ послѣдовалъ иной. Велѣно было вдовыхъ священниковъ: томской Благовѣщенской церкви—Бекшѣева, села Зеледѣева Ѳеодота Кирьякова, Сосновскаго острога Бориса Кощѣева, Верхотомскаго острога Ивана Дулѣпова, Курчиковой волости Никифора Попова собрать и «забрать» въ обитель навсегда и доставлять имъ здѣсь іеромонашеское содержаніе, а у кого изъ нихъ нашлись бы малолѣтніе дѣти, взять въ монастырь и ихъ, чтобы учились грамотѣ у своихъ отцовъ **).

Строгое повелѣніе утѣшило монастырскаго настоятеля очень мало. Въ февралѣ 1745 г. онъ донесъ преосвященному, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ священниковъ уже неспособны къ монастырскому служенію. Такъ, Бекшѣевъ оказался „старъ и дряхлъ“, Кирьяковъ—„наготово слѣпъ, такъ что не только богослуженіе совершать, но и псалмы читать не могъ“. Священникъ Верхотомскаго острога Иванъ Дулѣповъ, хотя и могъ бы служить, но за нуждою своею, въ прошломъ 1744 году, отпросился изъ монастыря въ отпускъ, и съ тѣхъ поръ въ обитель не возвращался. О причинѣ долговременнаго отсутствія былъ спрошенъ родной его братъ, служившій священникомъ въ г. Томскѣ; братъ отвѣтилъ, что «о. Иванъ въ монастырь не хочетъ». Кромѣ того, пояснялъ намѣстникъ, онъ, Дулѣповъ, женилъ своего малолѣтняго сына безъ вѣнечной памяти, а слѣдовательно и безъ уплаты узаконенныхъ вѣнечныхъ пошлинъ, а таковыхъ держать въ монастырѣ «не безсумнительно».

Въ заключеніи своего донесенія Авксентій ходатайствовалъ объ опредѣленіи въ монастырь другихъ кандидатовъ на него: только-лишь овдовѣв-

*) Синодскій указъ преосв. Антонію отъ 11 янв. 1723 г. Монастыр. архивъ. Связка 11.
**) Смотри выше указъ свящ. Михаилу Григорьеву отъ 30 окт. 1744 г.

шихъ священниковъ Томскаго заказа: Николаевской волости Ѳеодора Панкратова, с. Ирменскаго Якова Хобарова и с. Кривощекова Степана Копылова *).

Можно однако думать, что и эти священники какъ-нибудь отдѣлались отъ обители, потому что въ 1746 г. Авксентій писалъ еще разъ о крайнѣйшей монастырской нуждѣ въ іеромонахахъ и священнослужителяхъ**).

Новое донесеніе вызвало новое строжайшее приказаніе: забрать всѣхъ вдовыхъ поповъ томскаго вѣдомства въ духовное правленіе и, «допросивъ, почему при мірскихъ церквахъ служатъ, грамоты и указы отъ нихъ взять и самихъ поселить въ монастырѣ, не взирая ни на какія отговорки». Изъ монастыря, предписывалось въ указѣ, бродить имъ не попускать и содержать ихъ здѣсь противъ прочихъ іеромонаховъ. Ихъ дѣтей муж. пола обучать въ монастырѣ «въ надежду священства», а дѣвицъ, если не могутъ себя пропитывать, отдать въ дѣвичій монастырь въ приличное, за пропитаніе, послушаніе до выхода замужъ. Если-бы, гласилъ указъ далѣе, забранные въ монастырь священники захотѣли въ немъ постричься, ихъ постригать, но о своемъ согласіи на постриженіе они непремѣнно должны давать собственноручныя подписки.

Въ предупрежденіе уклоненій священниковъ отъ монастыря и на этотъ разъ, а равно возможнаго заступничества за нихъ со стороны прихожанъ, преосвященный поставилъ на видъ такое обстоятельство. По представленію архим. Лаврентія, подлежали опредѣленію въ Енисейскій монастырь вдовые священники изъ Енисейска, Красноярска и Туруханска. Но они прибѣгли къ заступничеству своихъ свѣтскихъ духовныхъ дѣтей и, «чванясь» заступленіемъ, въ монастырь идти не похотѣли. За вину ослушанія противники заслужили наказаніе отрѣшеніемъ отъ мѣстъ, и если это наказаніе ихъ не постигло, то единственно изъ „снисходительной“ къ нимъ милости. Отселѣже, въ случаѣ вдовые священники, при отговоркахъ отъ монастыря, будутъ опираться на свѣтское заступничество, ихъ постигнетъ неминуемое запрещеніе (въ священнослуженіи), а заступниковъ изъ свѣтскихъ «за препятіе къ употребленію архіерейской власти—наше архіерейское неблагословеніе»***).

Изложенное приказаніе было выраженно чрезвычайно настойчиво, однакожь и его исполненіе не прошло безъ многихъ противностей и проволочекъ. Преемнику Авксентія намѣстнику Герасиму въ томъ-же 1746 году довелось извѣстить, что вдовыхъ священниковъ онъ собиралъ и для того, чтобы

*) „Доношеніе“ намѣстника Авксентія Тоб. митрополиту отъ февраля (число не обозначено) 1745. Мон. арх.; связка 16.

**) Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовало то строгое повелѣніе о вдовцахъ, о которомъ говоримъ ниже.

***) Архіерейскій указъ Том. Алекс. мон. намѣстнику Герасиму отъ 4 февр. 1746 г. Монарх.; связка 16.

жили въ монастырѣ, грамоты у нихъ отобралъ, тѣмъ не менѣе оставаться въ монастырѣ они не хотятъ,—подъ разными предлогами уходятъ изъ него въ свои прежнія, не близкія къ Томску, селенія, и оттуда назадъ уже не возвращаются *).

Началась новая возня съ дѣломъ ихъ новаго собиранія и обратнаго водворенія за обительской оградою, причемъ нѣкоторымъ все-таки удалось отойти отъ тяжкаго обязательства.—Кромѣ вдовыхъ священнослужителей томскаго заказа иногда, поодиночкѣ, присылались въ нашъ монастырь вдовцы изъ другихъ вѣдомствъ Тобольской епархіи:—Исетскаго, Туринскаго, Сургутскаго.

Понужденіемъ вдовыхъ въ монастыри численность братіи Алексѣевской обители начинаетъ нѣсколько возстановляться. Въ 1750 г. братія состояла изъ только-лишь назначеннаго архимандрита Исаіи, іеромонаховъ *Герасима, Симеона, Иринарха, Богольпа, Моисея, Іасифа*, іеродіакона *Исхиріона*, монаховъ *Θеодосія, Варлаама*. Всѣ іеромонахи были изъ вдовыхъ священниковъ, іеродіаконъ изъ вдовыхъ діаконовъ, монахи изъ вдовыхъ причетниковъ**). То обстоятельство, что вдовцы являются всѣ постриженными, даетъ намъ право на предположеніе о большомъ усердіи, съ которымъ монастырская власть старалась внушать невольнымъ пришельцамъ въ обитель, что за ея порогомъ самая приличная жизнь есть жизнь въ монашескомъ постригѣ.

Не прекращались начальственныя посылки вдовствующихъ въ нашъ монастырь и во все продолженіе 50 годовъ XVIII в.; въ результатѣ послѣдовало нѣсколько новыхъ, на убылыя мѣста, постриженій. Между другими были пострижены двое томскихъ городскихъ священниковъ: Михаилъ Шиховъ и Θеодоръ Рудаковъ. Остановимся немного на судьбѣ послѣдняго, принявшаго монашество съ именемъ *Θеофилакта*, въ 1755 году.

Въ бѣлицахъ о. Рудаковъ состоялъ священникомъ при Томской Сошествіевской церкви. Жилъ онъ хорошо, привольно, владѣя собственнымъ домомъ и добрымъ при немъ хозяйствомъ. По постриженіи, Θеофилактъ своимъ поведеніемъ возбудилъ неудовольствіе архиман. Исаіи, который не замедлилъ отправить на него жалобу митрополиту Сильвестру. Содержаніе жалобы раскрываетъ намъ, какъ тяжела была для этого священника монашеская мантія, принятая безъ внутренняго влеченія къ иноческой жизни. Архимандритъ писалъ, что отъ Θеофилакта происходитъ „постоянное роптаніе, якобы онъ постриженъ сильно, и отъ того имѣется въ народѣ молва и соблазнъ“. Кромѣ

*) Настоящее донесеніе іером. Герасима мы нашли завалившимся въ пачку дѣлъ Том. духов. Правленія за 1811 годъ. Архивъ Том. д. Правл. въ Томской консисторіи.

**) См. вѣдомость о братіи Том. муж. монастыря за 1750 г. Она была представлена на запросъ Тобольск. митрополита Сильверста: сколько поступило въ монастырь вдовыхъ поповъ и діаконовъ,—когда постриглись и съ какимъ именемъ?—Мон. архивъ; св. 11.

того онъ, Ѳеофилактъ, частовременно уходитъ изъ монастыря въ свой домъ для исправленія въ немъ разныхъ домашнихъ и хозяйственныхъ нуждъ и потребностей. Въ отлучкахъ нерѣдко навѣщаетъ своихъ родныхъ и прежнихъ друзей изъ бывшихъ прихожанъ, и послѣ того возвращается въ монастырскую келью невсегда въ трезвомъ видѣ. А когда выходъ изъ монастыря ему воспрещается, его родные и знакомые выговариваютъ настоятелю: „какъ де можно не пускать Ѳеофилакта въ его собственный домъ", покинутый безъ хозяйскаго глаза. Далѣе, писалъ Исаія, постоянно сѣтующій на невольное постриженіе Ѳеофилактъ „противится": не желаетъ отдавать въ монастырь своей собственности. Близъ монастыря ему принадлежалъ сѣнной покосъ и когда, по настоятельскому приказанію, покосъ выкосили монастырскіе работники, іеромонахъ обидѣлся. Обидѣвшись, онъ поспѣшилъ передать крѣпость на покосъ родственнику. Вообще „прикладовъ въ обитель изъ своего имущества онъ не чинитъ, но болѣе болѣзнуетъ о домѣ своемъ и о розданныхъ въ торги постороннимъ людямъ своихъ богатствъ". Изложивъ жалобу, Исаія, въ избѣжаніе частыхъ столкновеній съ Ѳеофилактомъ и въ пресѣченіе молвы о немъ по городу, просилъ перевести его въ какой-либо другой монастырь. Устроилось такъ, какъ желалъ, очевидно, далеко несклонный къ мягкосердію молодой о. архимандритъ. „За неспокойство и непокореніе" Ѳеофилакта велѣно было препроводить подальше отъ его дома, въ Красноярскъ,—въ число братства тамошняго Введенскаго монастыря *).

При Исаіѣ и въ первые годы настоятельства Ѳеодосія бывали случаи присылокъ въ Томскій монастырь монаховъ изъ другихъ западныхъ монастырей Тобольской епархіи. Но эти присылки почти всегда имѣли значеніе ссылокъ. Такъ, въ 1753 году изъ Далматова монастыря препроводили въ Томскій—іеромонаха Протасія за то, что, состоя въ первомъ на казначейской должности, растратилъ изъ монастырской казны нѣсколько сотъ рублей.**) О присланномъ въ 1761 году изъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря монахѣ Иліодорѣ Ѳеодосій получилъ наказъ содержать его въ самомъ строжайшемъ монастырскомъ послушаніи за какія-то особенно важныя вины.***)

Предъ самымъ временемъ отобранія у монастырей имѣній и вотчинъ въ братіи Алексѣевскаго монастыря произошла опять нѣкоторая убыль. Въ 1764 году братія состояла изъ архимандрита, четырехъ іеромонаховъ, одного іеродіакона и одного монаха.****)

---

*) Указъ Тобольской консистор. архим. Исаіи отъ 1755 г. 4 сентября. Монастыр. архивъ; связка 16.

**) Судимость Протасія по должности казначея въ Далматовой пуст. прописана въ указѣ на имя Кузнецкаго игумена Адріана, такъ какъ Протасій нѣкоторое время находился въ Кузнецкомъ монастырѣ. Указъ игумену Адріану отъ янв. 1754 г. Монас. арх.; 16 связка.

***) Указъ Тобольск. конс. архим. Ѳеодосію 29 мая 1761 г. Мон. арх.; связка I.

****) Вѣдом. о монашествующихъ за 1764 г. Мон. арх.; связка 11.

Кромѣ монашествующихъ и вдовыхъ лицъ изъ священно-церковно-служителей, въ монастырѣ проживали разныхъ чиновъ бѣльцы-міряне. Разумѣемъ прежде всего такъ называемыхъ *вкладчиковъ*. Это были люди, что-либо внесшіе въ монастырь деньгами, угодьями или какими нибудь другими вещественными вкладами, и потому входившіе въ особую близость къ монастырю и во многихъ случаяхъ добивавшіеся права жительства въ немъ даже тогда, когда не хотѣли принимать монашества. Какъ и слѣдуетъ ожидать, судя по характеру отношеній къ обители со стороны томскаго населенія, вкладчиковъ было особенно обильно у нея за время ея существованія въ XVII вѣкѣ. Въ старинномъ Сунодикѣ ихъ имена записаны во множествѣ. То и дѣло вкладчики, въ качествѣ особаго рода монастырскихъ насельниковъ, или жившихъ въ самомъ монастырѣ или въ его вотчинныхъ „дворцахъ" упоминаются и въ первые десятки лѣтъ XVIII вѣка. По архиву, не разъ встрѣчаются случаи, когда монастырь долженъ былъ за своихъ вкладчиковъ выплачивать подати и разные казенные поборы. Думаемъ, что это было не столько дѣломъ благодарности за сдѣланные, иногда малоцѣнные, вклады, сколько мѣрою монастырской хозяйственной разсчетливости. Безъ сомнѣнія, вкладчики, если не были очень престарѣлы, помогали монастырю своимъ рабочимъ трудомъ*). Тѣмъ не менѣе въ XVIII столѣтіи, вслѣдъ за указаніями Дух. Регламента**), епархіальное начальство стало неодобрительно относиться къ тому, что въ монастыряхъ обитаютъ люди съ наименованіемъ вкладчиковъ. Указомъ отъ 6 іюля 1743 г. митрополитъ Антоній II, разъяснивъ почему нежелательно пребываніе въ монастыряхъ жильцовъ этого ранга, строго запретилъ принятіе ихъ на будущее время. „Извѣстно учинилось, писалъ онъ, что разныхъ чиновъ люди, обрѣтающіеся въ монастыряхъ, оставя свои настоящія званія, именуютъ себя монастырскими вкладчиками, ниже не стыдятся вкладчиками и подписываться, и тѣмъ тщеславно хвастаются и *чванятся*". Хвастаясь, они указываютъ на свои милостыни монастырю, а отъ ихъ милостынь корысти бываетъ не много. Иной положитъ въ монастырь 5 или 10 рублей, а затѣмъ заживетъ въ немъ вдвое или втрое. Независимо отъ сего, чваниться милостынею не слѣдуетъ еще

*) Не даромъ многіе изъ вкладчиковъ проживали въ келарской. Одинъ изъ вкладчиковъ въ старинномъ Сунодикѣ названъ «хлѣбопекальникомъ». Сунодикъ, л 46 на оборотѣ.

**) «Бездѣльный и тщетный сей обычай есть:—дастъ нѣкто нѣсколько рублевъ вкладу въ монастырь, одолжая тако монастырь, чтобы его, когда онъ похощетъ, принять въ монахи и тольда онъ входитъ въ монастырь, какъ бы въ свою вотчину, и за вкладъ свой, аки за долгъ нѣкій, угодія въ монастырѣ ищетъ и отъ настоятеля съ роптаніемъ истязуетъ. И уже мнѣніе у многихъ есть, что таковаго нельзя не принять въ монахи. Отселѣ вкладовъ и вкладчиковъ таковыхъ не принимать: а ежели кто приметъ, изверженъ будетъ своего настоятельства». *Духовный Регламентъ*. Москва. 1802 г., стр. 159. Какъ мы видѣли, вкладчики жили въ нашемъ монастырѣ и послѣ этого распоряженія, даннаго въ Регламентѣ, но жили безъ постриженій. Впрочемъ, во множествѣ случаевъ вкладчики не принимали постриженія и въ прежнее время.

потому, что христіанскую милостыню нужно скрывать, ожидая „отъ Бога за тайное благотвореніе сторицею“.—„Посему вкладчиковъ въ монастыри болѣе не впускать и вкладовъ отъ нихъ не принимать подъ опасеніемъ для настоятеля извержения изъ настоятельства“*). Но въ 1747 г. вкладчиковъ, находившихъ пріютъ при Томскомъ муж. монастырѣ, состояло еще пять человѣкъ**). Вѣроятно, это доживали свой вѣкъ въ обители тѣ изъ нихъ, которые успѣли перейти въ нее еще до изданія только лишь приведеннаго епархіальнаго распоряженія отъ 1743 г. Въ 50-хъ годахъ прошлаго, XVIII в. о вкладчикахъ, жившихъ въ нашемъ монастырѣ, нѣтъ уже и помину.

Со времени Петра В. по его указамъ и многочисленнымъ распоряженіямъ слѣдующихъ за нимъ государынь и государей въ русскихъ монастыряхъ являются особаго рода обитатели изъ военнаго званія, отставленные отъ службы за ранами или за старостію. Монастыри должны были давать имъ пропитаніе въ качествѣ христіанско-благотворительныхъ учрежденій, обезпеченныхъ землями и угодьями. По повелѣнію Его Величества, данному св. Суноду 12 апрѣля 1722 г., „монастыри служилымъ людямъ старымъ и увѣчнымъ“ обязаны были „давать содержаніе рядовымъ противъ чернецовъ, а офицерамъ и унтеръ-офицерамъ противъ чернецовъ полторы порціи. Которые изъ нихъ могутъ еще управлять дѣла монастырскія, тѣмъ быть у дѣлъ“***). Въ февралѣ 1724 г. приведенное повелѣніе было дополнено еще тѣмъ, что „порціи“ монастыри должны были выдавать военнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы послѣдніе были женаты, и потому жили бы внѣ монастырскихъ стѣнъ****). А по именному указу импер. Анны Ивановны отъ 31 января 1731 г. на всѣ муж. обители было возложено обязательство доставлять присылаемымъ къ нимъ военнымъ пропитаніе выдачею жалованія: офицеру въ размѣрахъ 33 р. 33 коп., солдату 3 р. 66 коп. въ годъ и хлѣбомъ по 6 четвертей ржи, круп по 3 четверика †).

Судя по указаніямъ нашего матеріала, военныхъ людей для пропитанія въ Томскомъ монастырѣ, начали присылать сравнительно очень поздно. Въ первый разъ сюда опредѣленъ былъ солдатъ Парфенъ Дѣевъ только въ 1743 году. Но за то въ 1746 году ихъ сразу прибыло къ монастырю 6 человѣкъ†*). Въ 1754 г. за Алексѣевскимъ монастыремъ состояло инвалидовъ всего 15 человѣкъ†**). Продолжались присылки и въ послѣдующее

*) Собственноручно подписанный указъ преосв. Антонія II отъ 6 іюля 1743 г. Мон. арх.; св. 17.
**) Чтен. общ. ист. и древностей Россіи. 1867. Кн. 2. стр. 296.
***) Полн. Собр. Зак. т. 6, № 4066; см. т. 7, № 4969.
****) П. С. Зак. т. 7, № 4969.
†) Вообще указы о посылкѣ военныхъ въ монастыри: П. С. Закон. т. 6 № 4066; т. 7. № 4151, № 4183, № 4450, № 4969; т. 8 № 5435 (1729) т. 9 № 8561; т. 12. № 9104, № 9287 и др.
†*) Вѣдомость о военныхъ, причисленныхъ къ Алексѣев. монаст. Мон. архивъ; связка 2.
†**) Указъ Тоб. консисторіи архим. Исаіи отъ 25 октяб. 1754 г. Мон. арх.; связка 16.

время; особенно онѣ были часты съ 1757 по 1762 г. включительно*). Въ этотъ промежутокъ времени были причислены сюда и два офицера: поручикъ Сибирскаго баталіона Василій Діаконовъ и капитанъ Якутскаго полка Шуховъ. Офицеровъ велѣно было содержать въ монастырѣ „въ надлежащемъ порядкѣ и послушаніяхъ, приличныхъ ихъ рангу“**).

Можно было бы подумать, что содержаніе немалаго количества отставныхъ должно было тяжко ложиться на монастырскія средства. На самомъ дѣлѣ было невполнѣ такъ. Солдаты, опредѣленные въ монастырь въ 1746 г., много лѣтъ спустя жаловались въ Консисторію, что ни отъ намѣстника Герасима, ни отъ архимандритовъ Исаіи и Ѳеодосія жалованія они ни на одинъ годъ не получали. По жалобѣ наведены были справки, и оказалось, что жалобщики въ монастырѣ почти никогда не живали, послушаній не несли, поэтому монастырское начальство и считало себя въ правѣ не тратиться на ихъ содержаніе обременительными выдачами денегъ и хлѣба***). Дѣйствительно, еще въ 1754 г. архимандритъ Исаія доносилъ преосвященному, что причисленные къ обители инвалиды поженились, живутъ въ уѣздахъ своими домами, а въ монастырѣ остался одинъ солдатъ Закамалдинъ, но и того за его безумiемъ содержать здѣсь стало небезопасно. Впадшаго въ безумiе архимандритъ успѣлъ сбыть затѣмъ въ Томскую богадѣльню ****).

Печаловался на невыдачу жалованія и присланный на монастырское пропитаніе въ 1761 году солдатъ Бухонинъ. На его прошеніи архимандритъ Ѳеодосій написалъ: „выдать денежное жалованіе, а хлѣбное не выдавать, понеже онъ, Бухонинъ, донынѣ состоитъ не женатымъ и питается братскою порцiею“†). Въ 1762 году на дѣйствительномъ монастырскомъ содержаніи состояло только четыре инвалида, тогда какъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ въ этотъ годъ ихъ, съ капитаномъ во главѣ, было 3 унтеръ-офицера и 15 рядовыхъ†*). Въ слѣдующихъ 1763, 1764 гг. въ Алексѣевской обители изъ военныхъ проживали два офицера, упомянутые Діаконовъ и Шуховъ. и солдатъ Бухонинъ, исправлявшій послушаніе на Паченскомъ дворцѣ†**).

Какъ извѣстно, послѣ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, всѣ отставные изъ военныхъ были переданы изъ монастырей въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

Къ числу свободно жившихъ за монастыремъ бѣльцовъ-мірянъ мы должны еще причислить состоявшихъ на монастырской службѣ, въ помощь

*) См. списокъ присланныхъ инвалидовъ. Мон. арх.; связ. 16.
**) Указъ Тоб. конс. архим. Ѳеодосію отъ 30 іюня 1763 г. Мон. архивъ; св. 6.
***) Указъ Тоб. конс. архим. Ѳеодосію отъ 23 сентяб. 1764 г. Мон. арх.; св. 2.
****) Указ. Тоб. конс. архим. Исаіи отъ 25 окт. 1754 г. Мон. арх.; св. 16.
†) Приказъ архим. Ѳеодосія отъ 30 мая 1762. Мон. арх.; св. 6.
†*) Вѣдомость о военныхъ въ Алексѣев. монаст. за 1762 г. Мон. арх.; св. 6.
†**) Списокъ военнымъ за 1763—1764 г. Мон. арх.; св. 6.

монашествующимъ прикащикамъ при Пачинской вотчинѣ, какого-то поляка Станислава Оскинскаго (вначалѣ 1700-хъ гг.*) и вывезеннаго архим. Лаврентіемъ изъ Тобольска „малороссійца“ Григорія Иванова.

Около 1730 года былъ сосланъ изъ Москвы въ Сибирь „царедворецъ“ Иванъ Тарбѣевъ. Онъ получилъ разрѣшеніе остановиться въ Томскѣ. Проживая здѣсь, царедворецъ подалъ въ Заказномъ Правленіи заказчику архимандриту Порфирію прошеніе, чтобы ему, Тарбѣеву, быть въ Алексѣевскомъ монастырѣ,—во святой церкви псалмы читать“. Архимандритъ былъ радъ новому псаломщику, но принять его въ монастырь своею собственною властію счелъ для себя небезопаснымъ, и потому съ припискою препроводилъ прошеніе къ митрополиту Антонію I. Преосвященный своеручно написалъ: „принять Тарбѣева, опредѣлить въ послушаніе для чего будетъ способенъ и сказать ему, чтобы жилъ въ послушаніи неотреченномъ, благочинно, безо всякаго пороку, и въ томъ ему велѣть подписаться... Буде явится въ чемъ нибудь непотребенъ, (отъ монастыря) отказать“ **).

Съ тѣхъ поръ, какъ при монастырѣ была открыта латино-русская духовная школа, въ составѣ монастырскихъ жильцовъ началъ числиться ея учитель семинаристъ Перевитскій. Наконецъ, при архим. Исаіи, въ монастырѣ же имѣлъ квартиру копіистъ Томскаго дух. Правленія Янинъ, ведшій вмѣстѣ съ прямыми своими обязанностями все монастырское письмоводство.

Какъ въ большинствѣ русскихъ, тѣмъ болѣе сибирскихъ монастырей стариннаго времени, такъ и въ монастырѣ Алексѣевскомъ находились еще подневольные обитатели, числившіеся подъ общей рубрикой „колодниковъ“. Къ колодникамъ въ то время причислялись здѣсь и посылаемые на монастырское „смиреніе“ штрафованные священники, которыхъ на самомъ дѣлѣ иногда содержали въ монастырѣ съ наложеніемъ арестантскихъ оковъ. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ XVIII стол. въ ссылкѣ, въ Томскѣ, за какія-то важныя вины „обрѣтался“ Тюменскій протопопъ Дмитрій Бардаковъ. Въ концѣ 1742 г. велѣно было изъ ссылки его освободить и съ паспортомъ отпустить въ Тобольскъ. Хотя изъ нашихъ отрывочныхъ свѣдѣній о Бардаковѣ не видно, но думаемъ, что, находясь въ томской ссылкѣ,

*) Въ старинной монастырской тетради подъ заглавіемъ: „Книга хлѣбнаго пріему старца Лаврентія (1698—1706 г.) нашлось отдѣльное маленькое письмецо. Приводимъ его цѣликомъ: «Пречистыя Богородицы Казанскія Алексѣевскаго монастыря государю всечестнѣйшему отцу архимандриту Мартиніану, еже во Христѣ съ братіею.—Изъ Вашей, Государи, честныя паствы Ивановскаго села Пачи февраля въ 10 день послано было въ монастырь овса 8 четвериковъ, да конемъ въ дорогу на кормъ (дано) полчетверика, да (послано) пшеничной муки четверикъ съ монастырскимъ трудникомъ Даниломъ, да съ Омельяномъ, да съ Савкою.—Потомъ благожеланія Вашего отеческаго прошу и, Бога моля, челомъ бью“. *Станиславъ Оскинской*. На оборотѣ помѣта: „1704 г. февраля 3. Съ Пачи подалъ работникъ Данилко“. Какъ на монастырскую службу въ Сибири попалъ полякъ, судя по имени непринявшій православія, объяснить не легко.

**) Указъ митр. Антонія I Стаховскаго отъ 31 декабря 1730 г. Мон. арх.; св. 16.

онъ не могъ миновать заточенія за монастырской оградой*). Въ 1745 году въ монастырскихъ тяжкихъ трудахъ томился священникъ томской Богоявленской церкви Пушкаревъ**). Въ 1754 г. томская воеводская канцелярія, чрезъ посредство сибирской губернской канцеляріи, довела до свѣдѣнія епархіальной власти, что посланный для производства слѣдствія къ томскимъ инородцамъ священникъ Андрей Шиховъ причинилъ новокрещеннымъ обиды, взявъ съ нихъ большія взятки. Возникло дѣло, повлекшее Шихова на время къ той же участи, какую понесъ въ монастырѣ и Пушкаревъ***). На смиреніе, при посредствѣ тяжкихъ трудовъ, былъ посланъ въ 1763 г. въ Алексѣевскую обитель священникъ Томской Духосошествіевской церкви Калашниковъ. Заточеніе, сопряженное съ черными трудами, до такой степени изнурило Калашникова, что, „снявъ кандалы", онъ бѣжалъ и долго затѣмъ укрывался въ домѣ и во дворѣ у сына своего, за необученіе грамотѣ выключеннаго въ крестьянство. Разумѣется, побѣгъ въ свою очередь не прошелъ для виновнаго безъ новаго, еще болѣе тяжкаго, взысканія*).

Изъ свѣтскихъ заточниковъ наиболѣе обременительными для монастыря были время отъ времени присылаемые подъ его надзоръ пойманные расколоучители. Въ 1750 и 1751 гг. содержался въ монастырѣ расколоучитель Масловъ†*). Онъ убѣжалъ. Пока монастырь хлопоталъ о его поимкѣ, присланъ былъ еще болѣе важный раскольническій наставникъ изъ числа расколоучителей, захваченныхъ около Екатеринбурга и сначала бывшихъ въ заключеніи въ Екатеринбургскомъ „зарѣчномъ тыну". Почему-то всѣхъ этихъ „старцевъ" велѣно было разослать по монастырямъ въ Томскъ, Красноярскъ, Енисейскъ и Туруханскъ. Для Томской обители достался старецъ, по мірскому имени, Иванъ Ивановъ. Въ препроводительной бумагѣ было предписано—держать арестанта въ „самомъ крѣпкомъ мѣстѣ", приставивъ къ нему „безотлучный караулъ" и строго наблюдать, чтобы не разсѣевалъ своего «плевосѣятельства»,—бумаги и чернилъ ему не давать, равнымъ образомъ не давать ножа, шила, поясовъ, «вервей» и тому под., дабы не причинилъ вреда себѣ. На старцѣ непремѣнно должны были быть желѣзныя оковы. Монастырская власть обязана была осматривать оковы «частовременно» и, если бы они ослабли, приказывала бы «паки плотно ихъ укрѣплять». Для тяжкой черной работы старца можно было употреблять только внутри монастыря, но ни-

*) Указъ Томскому заказчику свящ. Богоявл. церкви Мих. Григорьеву отъ 26 декаб. 1742 г. Мон. арх. связка 16. Протопопъ . Бардаковъ оставилъ въ Томскомъ монастырѣ сына своего Ивана, который сначала принялъ здѣсь расофорное, а потомъ полное постриженіе съ именемъ Ильи. Онъ почти постояно проживалъ въ Пачинскомъ селѣ на должности монастырскаго прикащика.

**) Указъ кон. 1745 г. 5 марта. Мон. арх.; св. 16.

***) Указъ въ Том. дух. Правленіе отъ 15 іюня 1745. Дѣла Том. дух правл.

†) Донесеніе арх. Ѳеодосія отъ 1763 г. Мон. арх.; св. 6.

†*) О Масловѣ изъ реестра входящихъ дѣлъ Том. д. Правленія за 1752. Мон. арх.; св 17.

какъ не за оградою. Содержа заточника въ такой строгости и подъ [illegible] постояннымъ надзоромъ, архимандритъ долженъ былъ увѣщаніями склонять [illegible] его къ „отвращенію“ отъ раскольнической прелести, требуя, чтобы [illegible] въ сопровожденіи караульнаго ежедневно ходилъ въ церковь «на святое [illegible] славословіе».

Понятно, что такой важный колодникъ явился для монастыря [illegible] настоящей обузой, которую настоятелю и братіи хотѣлось сбыть съ [illegible] какъ можно поскорѣе. Спустя полгода послѣ присылки, архим. Исаія [illegible] писалъ въ Консисторію, что не смотря на всѣ увѣщанія, производимыя [illegible] имъ лично или чрезъ іеромонаховъ (?), арестантъ остается упорнымъ въ [illegible] своихъ заблужденіяхъ, а такъ какъ въ Томскѣ и около него имѣется [illegible] раскольниковъ множество, то онъ, архимандритъ, опасается, какъ бы не выкрали Иванова и не укрыли его въ лѣсахъ. Для караула къ старцу, особенно тогда, когда онъ работаетъ внутри монастыря, назначаются городскіе [illegible] причетники по нѣскольку человѣкъ на каждую очередь. Послѣдніе страшно жалуются на тягость таковой обязанности, указывая, что она ихъ не только обременила, но и разорила. Архимандритъ убѣдительно просилъ,—[illegible] колодника перевести въ какой либо другой городъ и монастырь, „гдѣ раскольниковъ не имѣется“ *). Что отвѣтила консисторія и что вообще сталось съ Ивановымъ потомъ,—намъ неизвѣстно.

О другихъ случаяхъ присылокъ въ монастырь тамъ или здѣсь [illegible] захваченныхъ представителей старообрядства мы не упоминаемъ. Равно оставляемъ безъ перечисленія нерѣдкихъ въ монастырѣ епитимійщиковъ, [illegible] обязанныхъ, по опредѣленіямъ гражданскаго и духовнаго суда, въ болѣе [illegible] менѣе длинные сроки принести здѣсь покаяніе за грѣхи любодѣянія, [illegible] прелюбодѣянія и въ особенности распространеннаго въ Сибири того времени [illegible] двоеженства. Можетъ быть, изъ временныхъ монастырскихъ заточников[illegible] заслуживаютъ упоминанія еще только двое: крестьянинъ Михаилъ [illegible] Симоновъ, содержавшійся въ монастырѣ по важному дѣлу управителя Ялуторо[illegible] скаго дистрикта Брызгалова**) и 16—лѣтній сынъ томскаго разночинца [illegible] Илья Москалевъ. Послѣдній, послѣ публичнаго наказанія розгами, был[illegible] посланъ на годовую монастырскую епитимію за то, что разгласилъ [illegible] видѣніи ему въ лѣсу какого-то чуднаго старца, пригрозившаго томичам[illegible] страшною бѣдою отъ каменной тучи, если не покаются въ грѣхѣ сквернаго [illegible] ругательства вообще и „язвою“ въ частности (сибирское „язви“) ***). . .).

*) О старцѣ Ивановѣ указъ изъ Конс. архим. Исаіи отъ 1752 февр. 28. Мон. арх.; [illegible] св. 16. Сн. черновой рапортъ Исаіи за тотъ же годъ, мѣс. августъ. Тамъ же.

**) Указъ консисторіи отъ 1755 г. Мартъ. Мон. арх.; св. 16.

***) Указъ консисторіи отъ 5 февраля 1756 г. въ полуистлѣвшей связкѣ консист. [illegible] указов за 1740 и 1750 годы. Архив. Том. Кон.

4.

Внѣшній видъ обители,—ея постройки.—Монастырскій храмъ и его принадлежности.

Во все продолженіе существованія Алексѣевскаго монастыря до времени крупной перемѣны въ судьбѣ русскихъ обителей, происшедшей въ 1764 г., какъ долго и потомъ, всѣ его зданія были деревянной постройки. Да и сомнительно, чтобы въ тѣ времена въ Томскѣ были какія-нибудь каменныя зданія, за исключеніемъ двухъ каменныхъ казенныхъ коморокъ въ крѣпости, о которыхъ упоминаетъ Гмелинъ*). По крайней мѣрѣ, извѣстно, что всѣ первые томскіе храмы были деревянные, не исключая и томскаго свято-Троицкаго собора, стоявшаго на Воскресенской горѣ. Первое коротенькое описаніе внѣшняго устройства монастыря дошло до насъ отъ 1721 г. Монастырь былъ обнесенъ тогда длинной деревянной оградой, внутри которой, кромѣ храма, были расположены настоятельская келья, кельи братскія, довольно помѣстительная больница съ покоями для больныхъ и самыхъ престарѣлыхъ монаховъ (отъ 75 до 88 лѣтъ), и большая же келарня съ пристройкою для жительства бѣльцовъ—вкладчиковъ, повара и хлѣбниковъ. За оградою находился „дворецъ“ для жительства рабочихъ и спеціальныя постройки для помѣщенія скота **).

Отъ времени архим. Порфирія сохранился планъ монастырскихъ зданій, написанный впрочемъ крайне неискусно. По плану видно, что вмѣстѣ съ церковью и колокольнею, стоявшею въ то время отдѣльно отъ церкви въ связи съ самой монастырской оградой на ея сѣверной сторонѣ (на лѣво отъ главныхъ воротъ), всѣхъ зданій внутри монастыря было одинадцать. Самый большой домъ стоялъ какъ разъ позади храма (къ западу отъ него) тамъ, гдѣ въ настоящее время находится главный монастырскій каменный корпусъ, недавно устроенный трудами нынѣшняго настоятеля о. архимандрита Лазаря. Прочія кельи, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ обширнаго двора, представляли изъ себя домики—особнячки съ двумя, тремя по лицу окончами ***). Такихъ домиковъ было шесть. Сравнительно крупная постройка, располагавшаяся на лѣвой сторонѣ отъ церкви, не далеко отъ воротъ, была, вѣроятно, хлѣбной и вмѣстѣ келарской, такъ какъ изъ плана замѣтно, что она раздѣлялась на двѣ половины. Въ сѣверо-восточномъ углу ограды былъ выстроенъ высокій амбаръ.—Приблизительно въ такомъ же видѣ монастырь описанъ въ донесеніи о его положеніи и состояніи,—представленномъ

*) *Johann G. Gmelins* Reise durch Sibirien von d. jahr 1733 bis 1743. 1 Th. S. 309. 1751.

**) Описаніе Монастыря 1721 г. Мон. арх.; Связка 11.

***) Чертежъ монастырскихъ зданій въ мон. архивѣ среди бумагъ, хранящихся особо. Къ чертежу приложили руки: конный казакъ Петръ Саломатовъ, дворянинъ Алексѣй Колесниковъ, Василій Поламошновъ, Андрей Гавриловъ и др. Вмѣсто казначея іеродіакона Даніила, монаха Арсенія, монаха Антонія—къ тому же чертежу руку приложилъ іеромон. Моисей.

архимандритомъ Лаврентіемъ въ 1739 году преосвященному митрополиту Антонію II, и въ промеморіи, поданной тѣмъ же настоятелемъ профессору Миллеру въ 1740 году. Въ этихъ обоихъ документахъ упоминается прилегавшій къ монастырю хозяйственный дворецъ, гдѣ жили рабочіе и наѣзжавшіе изъ монастырскихъ деревень крестьяне, и въ обоихъ же отмѣчено, что всѣ монастырскія постройки пришли въ большую ветхость *).

Ветхое, конечно, исправлялось и передѣлывалось потомъ не разъ, главнымъ образомъ, трудами монастырскихъ крѣпостныхъ людей. Когда при монастырѣ возникла русская школа, потребовалось особое помѣщеніе и для нея. Но было-ли оно выстроено вновь, или для школы было приспособлено какое-нибудь готовое зданіе—указаній мы не нашли. Не встрѣтили мы указаній и на кладбище, которое какъ для своихъ, такъ и городскихъ покойниковъ было у монастыря несомнѣнно.—Въ концѣ нужно замѣтить, что изъ всего огромнаго мѣста, взятаго монахами на Юрточной горѣ при основаніи своей обители, обительскими постройками занята была сравнительно малая площадь на сѣверной сторонѣ. Остальное пространство, длинно тянувшееся по горѣ къ югу, лежало впустѣ, и только частію было огорожено для овощнаго огорода и для поскотины.

Въ общемъ внѣшній видъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря былъ, по нашему мнѣнію, гораздо скромнѣе тѣхъ средствъ, какими въ то время могла располагать и дѣйствительно располагала обитель.

Что касается главной монастырской святыни—св. храма, то, мы видѣли, что еще на Киргизкѣ онъ устроенъ былъ трехпрестольнымъ: въ честь „иконы Пресвятыя Богородицы явленія Казанскаго“, св. мучениковъ Флора и Лавра и преподобнаго Алексѣя, человѣка Божія. Послѣ несчастія съ храмомъ при обвалѣ берега, подмытаго Томью или Киргизкой, онъ сооруженъ былъ вновь на деньги, „занятыя въ мірѣ съ великими росты“ **). Вскорѣ погорѣлъ и

*) Чтенія въ общ. истор. и древн. Рос. Матер. для исторіи Сибири. 1867. кн. 2; стр. 315. „Въ оградѣ монастырской, писалъ архимандр. Лаврентій Миллеру, настоятельскихъ и братскихъ деревянныхъ келій четыре, келарня и хлѣбная одна, больница одна-же—всѣ ветхія; два амбара ветхіе-жь, въ которыхъ имѣются монастырскіе хлѣбные и харчевые припасы; за оградою монастырскій дворецъ,—строеніе ветхое-жъ“. Вообще въ своемъ донесеніи Миллеру Лаврентій старался какъ можно ярче подчеркнуть монастырскую бѣдность. Видимо, его сильно смущалъ запросъ профессора о монастырѣ, заставляя подозрѣвать въ пытливости ученаго какія-нибудь фискальныя цѣли. Только этимъ можно объяснить и ту уклончивость, которую нельзя не замѣтить въ отвѣтахъ на нѣкоторые другіе пункты, предложенные Миллеромъ. Такъ, о монастырскихъ крестьянахъ и деревняхъ настоятель отвѣтилъ:

„А сколько въ каждой (монастырской) деревнѣ дворовъ, а въ нихъ мужска полу душъ, о томъ справиться подлинно не по чему, а показать нечего, для того, что монастырскіе крестьяне и вкладчики въ переписныхъ подушныхъ книгахъ показаны суммою, а хотя оные показаны и въ деревняхъ, да не всѣ, и тѣ въ прежнихъ годахъ померли, а дѣти ихъ живутъ въ другихъ деревняхъ и переѣзжаютъ для житья изъ деревни въ деревню, дворы ихъ остаются пусты. Тѣ монастырскія деревни въ какомъ разстояніи отъ города Томска состоятъ, о томъ справиться не по чему-жь; понеже изъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря къ тѣмъ деревнямъ версты не мѣрены“... Тамъ-же, стр. 316.

**) См. цитованную выше царскую жалованную грамоту, данную на имя воеводъ Бутурлина и Поводова.

этотъ храмъ, и при его возстановленіи на новомъ мѣстѣ, въ концѣ томскаго посада, монастырю существенно помогла царская милостыня, данная благочестивымъ государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Эта уже въ третій разъ сооруженная церковь къ началу XVIII вѣка обветшала до того, что потребовала перестройки заново. Святительское благословеніе на перестройку преподалъ преосвященный митрополитъ Филоѳей Лещинскій, и онъ же прислалъ затѣмъ два антиминса для освященія храмовыхъ придѣловъ. Но самое освященіе всего храма состоялось по благословенной грамотѣ митрополита Іоанна Максимовича и было совершено архимандритомъ Василидомъ въ 1711 г. *). Изъ сохранившейся въ монастырскомъ архивѣ приходной книги за 1709—1712 г. видно, что средства на расходы по сооруженію воздвигаемаго въ началѣ XVIII вѣка храма монастырь собиралъ „отъ добродателей", посылая на сборы своихъ монаховъ. Въ 1709 году по сборовъ ходили „со святою иконою" въ городѣ, селахъ и деревняхъ подъ городомъ старцы Симеонъ, Герасимъ и Варлаамъ. Иногда старцы—сборщики приносили архимандриту довольно крупныя, по тому времени, суммы. Такъ, старецъ Симеонъ 9 іюля 1709 г. передалъ за одинъ разъ въ монастырскую казну 39 р., 2 ал. и 2 деньги **). Въ благословенной грамотѣ, данной митрополитомъ Іоанномъ на храмовое освященіе, также имѣется указаніе, что храмъ созидался „тщаніемъ богомольцевъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ и „благими трудами монастырской братіи".

Храмъ, освященный въ 1711 году, простоялъ до 1754 г., когда въ одинъ изъ лѣтнихъ дней (18 іюня) его спалило до тла отъ удара молніи. О несчастіи донесъ митрополиту Сильвестру архимандритъ Исаія, и отъ преосвященнаго получилъ повелѣніе построить предположенную архимандритомъ деревянную церковь только „на временную нужду", а затѣмъ озаботиться приготовленіями къ болѣе надежной, каменной церковной постройкѣ***). Сооруженіе сборными, между прочимъ на Ирбитской ярмаркѣ, деньгами временнаго деревяннаго храма завершилось съ небольшимъ черезъ годъ. Постройка же каменной церкви оказалась дѣломъ еще очень отдаленнаго будущаго.

Судя по имѣющимся въ старинномъ синодикѣ записямъ о разныхъ пожертвованіяхъ для монастырской храмовой ризницы, можно думать, что послѣднюю никакъ нельзя было причислять къ особенно скуднымъ. Въ монастырской описи за 1721 г. въ свою очередь упомянуто, что церковные сосуды были въ монастырѣ серебряные, евангелія, большія и малыя, были тоже обложены се-

*) См. Благословенную грамоту на освященіе монастырскаго храма 1711 г.

**) Книга приход. за 1709—1712. Мон. арх. въ пачкѣ особо хранящ. бумагъ. Си. Матер. для исторіи Сибири „Том. Губ. Вѣд." 1865 г. № 35.

***) Грамота митр. Сильверста на заложеніе мон. храма, данная архим. Исаіи. См. приложеніе № VIII. Си. Указъ Консист. архим. Исаіи отъ 19 окт. 1754 г. Мон. арх.; св. 16.

ребромъ. На большихъ иконахъ въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса имѣлись уже тогда не только мѣдные, но и серебряные оклады; иконы въ прочихъ двухъ ярусахъ оставались безъ украшеній *).

По описи церковнаго имущества, относящейся ко времени нѣсколько позже 1764 года**), въ монастырской ризницѣ состояло священническихъ облаченій до 22 №—овъ. Изъ нихъ 12 экземпляровъ были убраны золотымъ или серебрянымъ позументомъ (широкимъ), а на оплечьяхъ, по бархату или китайской „соломенкѣ", имѣли „сѣтки" также золотыя или серебряныя. Крестъ на св. престолѣ былъ массивный серебряный позолоченый со св. мощами. Большой серебряный потиръ вѣсилъ 84 золотника, серебряный дискосъ со звѣздицею и двумя малыми блюдцами—1 фун 20 золотн. Среди многочисленныхъ иконъ выдавались по своей цѣнности:

1)—Св. Троицы (мѣрою аршинъ съ вершкомъ въ длину) въ серебряномъ окладѣ съ позолоченными вѣнцами.

2) Спасителя въ рѣзномъ золоченомъ кіотѣ; была обложена серебромъ.

3) Казанской Божіей Матери („храмовая" икона, мѣрою въ аршинъ съ полувершкомъ) въ чеканномъ серебряномъ окладѣ.

4) Казанской Божіей Матери (мѣрою 10 вершковъ) въ серебряномъ окладѣ.

5) Казанской Божіей Матери (7 вершковъ) въ серебряномъ окладѣ. Подъ вѣнцомъ была убрана мелкимъ жемчугомъ.

6) Казанской Божіей Матери (6 вершковъ) въ рѣзномъ серебряномъ окладѣ съ позолоченымъ вѣнцомъ.

7) Владимірской Божіей Матери (7 вершковъ) съ вѣнцомъ и гривною серебряными позолочеными, „на гривнѣ три тумпаза" (топаза?). Окладъ былъ серебряный.

8) Владимірской Божіей Матери ($6^1/_2$ вершковъ) въ массивномъ серебряномъ чеканномъ окладѣ.

9) Божіей Матери „Неопалимыя Купины" („шестичетвертной") съ вѣнцомъ серебрянымъ чеканнымъ позолоченымъ. „Риза шита золотомъ,—подъ вѣнцомъ убрана жемчугомъ мелкимъ, между которымъ малыя зеленые камешки".

10) Знаменія Пресвятой Богородицы въ серебряной ризѣ съ мелкимъ жемчугомъ.

11) Преподобнаго Алексія человѣка Божія (7 вершковъ) въ серебряномъ чеканномъ окладѣ.

*) Описаніе монастыря въ 1721 г., представленное митр. Антонію.

**) Разумѣемъ здѣсь опись церковнаго имущества, составленную въ началѣ 1779 г. (Къ сожалѣнію, отъ ветхости она попорчена) Мон. арх.; св. 12. Совершенно позволительно думать, что вещи, перечисленныя въ этомъ документѣ, перешли въ монастырское церковное достояніе отъ болѣе раннихъ лѣтъ существованія обители. Въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ указаній, чтобы въ концѣ 60 и въ 70-хъ годахъ XVIII в. монастырь пріобрѣталъ для церкви что-либо новое, кромѣ развѣ какихъ-нибудь мелкихъ, малоцѣнныхъ вещей.

12) Преподобнаго Алексія Человѣка Божія (5 четвертей). „На ней риза и вѣнецъ серебряной—чеканные".

13) Святаго Николая Чудотворца въ серебряной позолоченой, чеканной ризѣ.

14) Преподобнаго Евфимія Великаго съ пятью ликами другихъ святыхъ. Вѣнцы на всѣхъ ликахъ были изъ серебра.

Не перечисляемъ многихъ другихъ иконъ съ жемчужными украшеніями около мѣдныхъ вѣнчиковъ. „Хромовой" образъ свв. муч. Флора и Лавра оставался безъ всякаго убранства *).

Монастырская колокольня, стоявшая, какъ уже замѣчено выше, отдѣльно отъ храма, въ самой монастырской оградѣ, не изобиловала звономъ. Самый большой колоколъ вѣсилъ всего 16 пудовъ 6 фунтовъ **). Поэтому становится, въ нѣкоторой мѣрѣ, любопытнымъ одно изъ распоряженій, принадлежавшихъ архимандриту Исаіи. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ среди томскаго духовенства, въ достоинствѣ заказчика Духовнаго Правленія, Исаія отдалъ правленскому разсыльщику, отставному солдату Лапину, слѣдующій приказъ ***). „Повелѣвается тебѣ всѣхъ города Томска священно-церковнослужителей въ монастырь сыскать неотмѣнно и взять съ нихъ подписокъ (sic) въ томъ, чтобы къ заутрени, литургіи и вечернѣ, взирая на начальствующій монастырскій благовѣстъ, прежде и послѣ сами собой никакого звона колокольнаго не чинили". Томскіе священники съ

*) Въ своемъ описаніи Алексѣевскаго монастыря архим. Викторъ Лебедевъ передаетъ, что изъ самыхъ старинныхъ иконъ, вынесенныхъ еще изъ Усть-Киргизской монастырской церкви, сгорѣвшей въ 1656 году, доселѣ сохраняются образа: —Неопалимой Купины, приложенный служилымъ человѣкомъ Ивыржинымъ,—Спасителя, сѣдящаго въ темницѣ (написанъ на холстѣ) и Божіей Матери, именуемой „Прежде Рождества Дѣва и по рождествѣ Дѣва". Архим. Викторъ. Описаніе Б.—Алекс. мон., стр. 7—8. О сохранившемся большомъ деревянномъ крестѣ, устроенномъ усердіемъ старца Исаіи на старое Киргизское мѣсто, мы уже упоминали.

Въ описи церков. имущества, уцѣлѣвшей отъ 1787 г., между прочимъ, занесены принадлежности архимандричьяго облаченія. Въ то время онѣ хранились въ монастырской ризницѣ безъ употребленія, такъ какъ монастырскіе настоятели послѣ Ѳеодосія были уже не архимандриты, а только игумены. Въ архимандричьей ризницѣ значились:

1) „Шапка малиноваго бархату убранна жемчугомъ и разныхъ цвѣтовъ каменьями. Да на ней-же серебряныхъ позолоченыхъ дщицъ и яблоковъ съ изображеніями св. лицъ девятнадцать. Поверхъ горностальевой опушки вокругъ обручъ позолоченый серебряный съ написаніемъ построенія оной и настоятеля" (для котораго построена).

2) „Палица малиноваго бархату; въ срединѣ образъ Казанскія Бож. Матери—вышитъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ. По краямъ обложена сѣткою золотою съ серебромъ. По тремъ угламъ кисти золотыя".

3) Палица багроваго бархату,—въ срединѣ крестъ вышитъ золотомъ и серебромъ. По краямъ сѣтка серебряная съ золотомъ. По тремъ угламъ кисти серебряныя. Подкладъ камки четуйчатой".

4) „Палица канфы маливовой—обложена вокругъ зеленою съ серебромъ битью. Посрединѣ крестъ вышитый серебромъ. Подкладъ крашенинный. Ветхая".

5) „Крестъ нагрудный, серебряный, позолоченъ—подчерніи".—Мон. арх.; св. 12.

**) Опис. Мон. за 1721 г.

***) Приказъ архим. Исаіи, данный разсыльщику солдату Лапину отъ 5 апрѣля 1750 г. Мон. арх.; связ. 11.

причетниками въ монастырѣ собрались и „подписокъ“, начиная съ протопопа Троицкой соборной церкви Прокопія Дмитріева, дали. Полагаемъ, что послѣ того звонари отдаленныхъ отъ монастыря городскихъ церквей, каковы Воскресенская и тѣмъ болѣе Знаменская, были поставлены въ немалое затрудненіе прислушиваться, особенно въ зимнюю вьюжную погоду, къ „начальственному звону“ на монастырской колокольнѣ, потому что не только въ 1750 г., но въ 1780-хъ годахъ на монастырской колокольнѣ висѣлъ все тотъ-же большой колоколъ, т. е. въ 16 пуд. съ фунтами.

5.

Монастырскія постройки въ вотчинахъ.—Прикащики изъ монаховъ и бѣльцовъ.—Хлѣбные доходы съ собственныхъ монастырскихъ запашекъ и отъ 5-го крестьянскаго снопа (съ пятины).—Доходы съ мельницъ, сѣнные покосы.—Доходы съ рыбныхъ ловель.—Поборы съ крестьянъ дровами и продуктами домашняго хозяйства.—Монастырскіе скотные дворы.—Разсчетливость монастырской экономіи.—Церковные доходы.—Расходы общіе.—Расходы на семинарію и на презентовыя приношенія.—Общій выводъ о матеріальномъ состояніи Алексѣевской обители.

Основнымъ источникомъ, откуда монастырь извлекалъ свои хозяйственныя средства, служили, разумѣется, его земельныя владѣнія и особенно тѣ изъ нихъ, на которыхъ поселены были крестьяне. Для ближайшаго завѣдыванія имѣніями обитель въ своей главной вотчинѣ, с. Пачинскомъ, устроила подворье. Въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII вѣка подворье состояло изъ жилой свѣтлицы съ тремя слюдяными окнами и отдѣльно отъ нея черной избы для помѣщенія рабочихъ *). Впослѣдствіи здѣсь выстроенъ былъ еще домъ, разгороженный сѣнями на двѣ половины: чистую о трехъ покояхъ для пріѣзда настоятелей и черную объ 11 окнахъ. На подворьѣ или, какъ тогда говорили и писали, при „дворцѣ“ находилось два скотныхъ двора, нѣсколько погребовъ и девять хлѣбныхъ амбаровъ **). Нѣсколько зимнихъ помѣщеній съ разными хозяйственными приспособленіями было и на устьѣ р. Киргизки—тамъ, гдѣ расположенъ былъ монастырь до перенесенія его въ Томскъ ***). Несомнѣнно, имѣлись кое-какія монастырскія постройки въ деревняхъ Шегарской и Иштанской, хотя указаній на этотъ счетъ намъ не встрѣтилось.

На Пачинскомъ подворьѣ безотлучно проживали монастырскіе прикащики, посылаемые изъ монаховъ, иногда еще съ помощниками изъ состоявшихъ за монастыремъ свѣтскихъ людей. Въ 1698—1701 годы Пачинской вотчиной управляли старцы:—сначала Гурій, а потомъ Германъ. А въ 1704

*) Описс. монастыря за 1721 г.

**) Описаніе Пачинской монастыр. вотчины за 1764 г. Мон. арх.; связ. 2. Сн. описаніе всѣхъ вотчинъ съ показаніемъ ихъ доходности за 1761—1762. Мон. арх.; св. 17.

***) Описаніе всѣхъ вотчинъ за 1761—62 г.

году здѣсь помогалъ монахамъ упомянутый уже Станиславъ Оснинской. Въ 1721 году въ Пачинскомъ дворцѣ проживали престарѣлый іеромонахъ Іаковъ и его сотоварищъ монахъ Іовъ *). Впослѣдствіи здѣсь же надсматривали за ходомъ хозяйственныхъ дѣлъ іеромонахи Климентъ, Герасимъ, монахъ Илья Бардаковъ. При Климентѣ, въ качествѣ подручнаго, состоялъ малороссіецъ Григорій Ивановъ, при Герасимѣ солдатъ Бухонинъ. Нерѣдко настоятели отправляли кого-либо изъ братіи для временнаго наблюденія за уборкою и сборами хлѣба на Искитимъ, Шегарку и Иштанъ.

По условіямъ договоровъ монастыря съ крестьянами, согласившимися записаться за нимъ, самое главное обязательство на сторонѣ послѣднихъ состояло въ томъ, чтобы доставлять владѣльцу пятый снопъ съ каждаго тягла и съ каждаго урожая. Кромѣ того, монастырь имѣлъ собственныя запашки, обработываемыя крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ. Въ старинное время запашки производились, кромѣ Пачинскаго, на поляхъ при р. Лебяжьей, на Искитимѣ, Таймени и Киргизкѣ **). Въ 1740 г. около с. Пачинскаго монастырь засѣвалъ своими сѣменами 11 десятинъ ржаного хлѣба и 5 десятинъ яроваго ***), а въ концѣ 50 и началѣ 60 годовъ того же XVIII столѣтія „и аПачѣ“—25 десятинъ, въ д. Убіенной 10 десят., Тайменкѣ 5, Калбинской 10, Писаной 3, Хорошеборской 8 десятинъ †). Сами крестьяне показывали, что въ 1762 году на Пачинскихъ поляхъ они убрали для монастыря до 60 десятинъ. Понятно, что съ собственныхъ полей и отъ пятиннаго сбора монастырь могъ пріобрѣтать въ свои житницы въ общемъ итогѣ очень почтенное количество хлѣба зерномъ разныхъ наименованій. Въ монастырскомъ архивѣ уцѣлѣла „книга хлѣбнаго пріему старца Лаврентія за 1698—1706 годы“. Изъ нея имѣемъ возможность усмотрѣть, какъ часто, особенно въ зимнее время, слѣдовали хлѣбныя доставки въ монастырь съ „Пачи“, съ „Искитиму“, съ „Лебяжьей“, съ „Таймени“ и изъ „Иштану“. Рожь (мукою и зерномъ), а также ячмень доставлялись не только десятками, но иногда сотнями мѣшковъ и четвериковъ. Въ меньшихъ количествахъ везли овесъ, пшеницу, еще въ меньшихъ —крупу и выдѣлываемый крестьянами солодъ †*). Изъ другихъ приходо-расходныхъ записей, относящихся къ первой четверти прошлаго столѣтія,

*) Описаніе монастыря за 1721 г.

**) Книга хлѣб. пріему старца Лаврентія за 1698—1706, въ пачкѣ бумагъ, особо хранящихся въ монаст. архивѣ. Сн. Матеріалы для исторіи Сиб. „Том. Губ. Вѣдом.„ 1865. № 36.

***) Чтен. въ общ. ист. и древн. 1865 г., кн. 2 стр. 297.

†) Вѣдомость о мон. вотчинахъ 1762 г. Монаст. арх.; связ. 6.

†*) Въ 1699 г. было доставлено въ монастырь хлѣба съ одной Пачи 164 мѣшка ржи, 129 мѣшк. ржаной муки, 26 мѣшк. пшеницы, 28 м. ячменя, 3 м. ячменой муки, 32 мѣшка овса, 2 м. толокна, 6—солоду. Въ 1703 г. съ Пачи же было прислано ржи 288 четвериковъ зерномъ, пшеницы 33 четверика, ячменя 198 четвериковъ. Съ Таймени, Лебежьяй, Усть-Искитима, Иштану доставки производились въ нѣсколько меньшихъ количествахъ. „Книга хлѣб. пріему старца Лаврентія за 1698—1706 г.“.

видно, что въ то время монастырь, кромѣ хлѣбныхъ издержекъ на содержаніе всѣхъ своихъ обитателей, не мало раздавалъ зерна на сѣмена крестьянамъ, вновь поселяемымъ на его, монастырскихъ, земляхъ, и затѣмъ то и дѣло производилъ хлѣбныя продажи *).

Въ виду приведенныхъ, ясныхъ и достовѣрныхъ, данныхъ является чрезвычайно страннымъ заявленіе монастырскаго казначея Діонисія, поданное командированному въ Томскъ по дѣлу устройства податныхъ сборовъ сержанту гвардіи Бестужеву-Рюмину и томскому коменданту Козлову въ 1721 г. „Отсыпнаго (съ крестьянъ) хлѣба на пропитаніе братіи, писалъ Діонисій, не достаетъ, и для того въ прежнихъ годахъ давано было въ монастырь архимандриту съ братіею великаго государя жалованіе денежное, хлѣбное и соляное и на потребы церковныя—вино церковное и ладонъ, и нынѣ того великаго государя жалованія и на церковныя потребы не выдается. И нынѣ мы съ великими нуждами *покупаемъ хлѣбъ* и все потребное къ церкви" **). Едвали можно сомнѣваться, что въ заявленіи такого рода скрывалось съ одной стороны опасеніе, какъ бы не были увеличены существовавшіе казенные налоги на разныя статьи монастырской доходности, съ другой—желаніе возстановить прекращенную тогда уплату денежной, хлѣбной и проч. царской для обители помощи.

Всегда было довольно у монастыря хлѣба какъ для собственнаго продовольствія, такъ для продажи и во все послѣдующее время обозрѣваемаго періода въ его исторіи. Въ 1749 г. монастырь, по его показанію, собралъ съ своихъ Паченскихъ полей 15300 сноповъ озимой ржи, 5630 пшеницы, кромѣ овса и ярицы въ меньшихъ количествахъ ***). Если сюда прибавить пятый снопъ, сбираемый съ крестьянскихъ пашенъ, общее количество хлѣбнаго сбора явится очень внушительнымъ. Въ 1751 г. собственнаго и пятиннаго хлѣба обитель ссыпала въ паченскіе амбары 1054 четверти †). Въ приходной книгѣ за 1757 годъ показано нѣсколько хлѣбныхъ продажъ въ 400 и одинъ разъ въ 500 пуд., а всего въ этотъ годъ было продано ржи и ржаной муки на 109 р. 98 к. †*). Въ слѣдующіе 1758—1759 г. было продано муки на 305 р. 40 к. при цѣнахъ по 4 и только изрѣдка по 5 коп. за пудъ †**).

Къ большой чести монастырскихъ настоятелей нужно сказать, что излишній хлѣбъ, кромѣ продажъ, они расходовали и на дѣла благотворенія.

*) См. „Книгу ячменную да пшеничную" 1703 г. Сн. „Книги расходную 1713 г. и денежнаго прихода за 1709—1712 г. Монаст. арх.; связка бумагъ, хранящихся особо.

**) Вѣдѣніе о монастыр. доходахъ и имѣніяхъ, поданное въ 1721 г. Трифону Бестужеву—Рюмину. Таковое же было одновременно представлено томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову. Мон. арх.; св. 11.

***) Вѣдомость объ урожаѣ на монастырскихъ пашняхъ за 1749 г. Мон. арх.; св. 16.

†) Таковая же вѣдом. за 1751 г. Мон. арх.; св. 17.

†*) Приход. кн. за 1757. М. арх.; св. 16.

†**) Приход. кн. за 1758—9 г. Тамъ-же.—Прих.-расх. вѣдомости за 1740 и 1750-ые года сохранились, къ сожалѣнію, только въ отрывкахъ.

О монастырской милостыни бѣднякамъ упомянуто въ одномъ изъ хозяйственныхъ донесеній архим. Лаврентія *). Въ „книгѣ расходу хлѣбному“ за 1760 г. записано нѣсколько случаевъ милостыни въ пользу старицъ и сиротъ томскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ посылки бывали иногда въ размѣрахъ до 100 пудовъ. Даровая хлѣбная выдача производилась затѣмъ престарѣлому, заштатному и потому обнищалому томскому протопопу Прокопію Петрову, монастырскому подъячему и какому-то проживавшему въ Томскѣ архіерейскому служителю. Наконецъ, лучшей „ситничьей“ муки монастырь отсылалъ въ презентъ томскому воеводѣ кн. Болховскому иногда въ количествѣ 10, а иногда 15 пудовъ **).

Въ 1760 году монастырская экономія выручила отъ хлѣбной продажи только 78 руб. 52 коп., но за то въ 1762 г.—168 руб. ***). Въ этотъ годъ пятиннаго хлѣба было собрано съ крестьянъ 1100 пуд.

Съ очень раннихъ поръ своего существованія монастырь не опустилъ обзавестись собственными мельницами. Мельницы около Пачинскаго села, потомъ на р. Лебяжьей и рч. Малой Киргизкѣ упоминаются уже въ концѣ XVII вѣка. Въ серединѣ XVIII столѣтія Пачинская мельница работала о двухъ поставахъ и проживавшіе въ с. Пачинскомъ монастырскіе прикащики зорко наблюдали, чтобы мѣстные крестьяне привозили молоть свой хлѣбъ именно на эту, а не на чью—нибудь чужую мельницу †). Мельницы были выгодны въ обительскомъ хозяйствѣ уже потому, что владѣлецъ не переплачивалъ никому другому за немалый помолъ собственнаго зерна. Кромѣ того, находясь подъ надзоромъ монаховъ или кого-либо изъ другихъ вѣрныхъ лицъ, онѣ доставляли, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, и прямой доходъ монастырю съ помола для постороннихъ. Въ приходной записи 1709—1712 гг. очень не рѣдко встрѣчаются помѣты, что взято въ монастырскую казну съ мельницъ денегъ, въ томъ или другомъ количествѣ алтынъ, то у монаха Иринарха, то у Якова Поляка, то у Якова Макарова. Но какъ водилось и водится доселѣ, за помолъ съ постороннихъ брали не столько деньгами, сколько натурою, изъ только-лишь смолотой муки †*). Въ 1761—1762 г. монастырь выручилъ отъ мельницъ деньгами всего только 21 руб. 50 коп., но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мельницы на р. Лебяжьей за то время уже не существовало †**).

*) Чтенія въ общ. исторіи и древн. 1867. Кн. 2. Матер. для истор. Сибири, стр. 297.

**) Книга расходная 1760. Мон. арх.; св. 5.

***) Въ 1762 г., кромѣ того, хранилось въ монастыр. амбарахъ хлѣба: ржи 3631 пуд., пшеницы 346 п., ячменю 94 п. и овса 353 п. Мон. арх.; св. 2.

†) На это обстоятельство, въ которомъ крестьяне видѣли стѣсненіе для себя, имѣется указаніе въ одной изъ крестьянскихъ челобитенъ, поданныхъ на монастырь въ 1756 г. См. черновое дѣло о волненіяхъ монастыр. крестьянъ.

†*) „Книга приходная“ за 1709—1712 гг. Въ пачкѣ бумагъ, особо хранящихся въ монаст. архивѣ. Сн. Матер. для исторіи Сибир. „Том. Губ. Вѣд. 1865 г. № 35.

†**) Описаніе монастыр. вотчинъ за 1761—2 г.

На своихъ обширно раскинувшихся земельныхъ угодьяхъ монастырь могъ каждогодно накашивать сѣна въ огромномъ изобиліи, лишь бы доставало для того рабочихъ рукъ. Но ихъ доставало не всегда. Сначала очень долго монастырскіе косили сѣно по рѣкѣ Киргизкѣ и на лугахъ противъ устья ея, за р. Томью, наемными людьми и своими „братскими трудами“ *). Но затѣмъ стали снимать сѣно еще съ покосовъ въ дачахъ своихъ монастырскихъ деревень съ привлеченіемъ на работы крестьянскихъ рукъ. Трудами наемныхъ людей и монастырской братіи въ монастырь собирали сѣна отъ 2000 до 3000 копенъ, а когда на покосахъ начали работать крѣпостные, то на однихъ Пачинскихъ лугахъ сѣна накашивалось по 4000 и болѣе копенъ**). Мы не причисляемъ сюда еще то сѣно, которое по 1 коппѣ съ души, а иногда и въ большихъ доляхъ, монастырскіе крестьяне должны были удѣлять владѣльцу въ силу своей исконной къ нему повинности съ своихъ отдѣльныхъ, семейныхъ покосовъ.

За покосами, которыми пользовались какъ сами монастырскіе, такъ и ихъ крестьяне, всегда оставалось у обители множество излишнихъ луговъ, особенно въ районѣ Верхо-Томскихъ владѣній. Поэтому она была рада, когда излишнее доводилось отдавать въ кортомъ, хотя при тогдашней сибирской дешевизнѣ на сѣно ей приводилось брать за кортомъ алтыны и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рубли. Такъ, „кортому за покосъ“ съ Ивана Кинева въ 1709, 1710 и 1711 г. монастырскіе брали иногда 6, иногда 7 алтынъ, за тоже самое въ 1710 г. съ Кузьмы Ефремова было взято два рубля съ полтиною, а съ Бориса Соломина 15 алтынъ***). Много позднѣе за отдачу въ аренду большаго Поламошинскаго луга монастырская казна въ два года (1758 и 1759) выручила только 11 руб. 50 коп. †). Нерѣдко монастырскіе продавали уже готовое сѣно возами и стогами, но за это опять брали только по нѣскольку алтынъ или копѣекъ. 14 ноября 1710 г. за стогъ сѣна въ 200 копенъ было, наприм., принято въ монаст. казну 11 алтынъ †*).

Послѣ хлѣбныхъ сборовъ монастырю наиболѣе доставляли выгоды его рыбныя ловли. Недаромъ онъ такъ стойко оберегалъ ихъ цѣлость и не-

*) Описаніе монастыря за 1721 г.

**) Въ 1762 г., по показанію Пачинскихъ, крестьянъ, ихъ трудомъ снято было сѣна въ монастыр. пользу 4050 копенъ. См. копію съ жал бы монастыр. крестьянъ на архим. Ѳеодосія отъ 1764 г. Монаст. арх.; связ. 11. Крестьяне Иштанской деревни убирали монастырскаго сѣна по 170 копенъ съ тягла, а всего (при 20 тяглахъ) 3400 копенъ. Отрывокъ изъ вѣдомости о доходахъ съ вотчинъ за 1763 г. Монаст. архивъ; связ. 6.

***) Книга приходная 1709—1712 г.

†) „Книга денежн. приходу“ въ бытность казначея крестьянина Гавріила Марамыгина. Мон. архивъ; связ. 17.

†*) Книга приходная за 1709—1712 г.—Въ приходной книгѣ за 1730 г. между прочимъ значится: въ іюлѣ продано «травы противо Киргизки на лугу на сто копенъ за 10 алт., продано травы на 80 копенъ за 8 алт. Еще продано травы 130 копенъ и взязо 15 алт. и т. д. Мон. арх.; связ. 15. Зимою 1730 года монастырю самому почему-то дозелось купить сѣна у Эуштинскихъ татаръ 300 копенъ; онъ заплатилъ за нихъ полтора рубля. „Книга расходная денежная“ за 1730 г. Мон. арх.; связ. 15. Въ 1760-хъ годахъ копна сѣна стоила въ Томскѣ уже $1^1/_2$ коп. См. вѣдомостъ о доходахъ съ вотчинъ. М. арх.; св. 6.

прикосновенность отъ разныхъ сторонникъ на нихъ покушеній. Мы уже видѣли, что за время настоятельства архим. Василида нашей обители удалось исхлопотать свободу отъ всякихъ казенныхъ денежныхъ поборовъ, какъ съ своихъ мельницъ, такъ и съ рыбныхъ ловель. Чрезъ нѣсколько лѣтъ право на такую льготу свѣтская власть взяла было назадъ, но въ 1726 монастырь постарался возстановить его снова. Тѣмъ не менѣе томская воеводская канцелярія находила, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рыбнымъ ловлямъ монастырскіе пользуются льготой незаконно. Въ 1743 году томская таможня писала монастырю, что по указу, данному ей изъ томской воеводской канцеляріи, она должна взимать пошлины со всѣхъ рыбныхъ промышленниковъ и со всѣхъ неводовъ, „а въ Томску у Алексѣевскаго монастыря имѣется рыбный неводъ на Оби рѣкѣ, на песку Салтанаковомъ, и съ того невода, какъ въ прошлыхъ годахъ, такъ и въ нынѣшній было лодокъ не малое число, и пошлинъ съ той приплавной рыбы не плачивано". Отселѣ же, настаивала таможня, пошлины слѣдуетъ платить безъ всякихъ задержекъ. Изъ обители отвѣтили: „по силѣ указа въ томскую воеводскую канцелярію изъ Тобольской губернской канцеляріи отъ 1726 г. съ монастырскаго невода пошлинъ брать не велѣно, о чемъ и дана была въ монастырь промеморія. А хотя съ неводовъ другихъ хозяевъ пошлины и берутся, токмо монастырскій неводъ отъ тѣхъ пошлинъ надлежитъ освободить и съ другими неводами не числить для того, что та рыбная ловля, на Салтанаковомъ песку, пожалована въ Алексѣевскій монастырь на пропитаніе братіи, а въ продажѣ монастырской рыбы имѣется самое малое число и покупаются на деньги отъ той продажи церковныя потребы" *).

Такимъ образомъ, монастырь, владѣя огромными неводами, не только могъ довольствовать своею рыбою всю братію, но имѣлъ ее и въ продажѣ. Въ глазахъ воеводскаго начальства онъ считался настоящимъ рыбопромышленникомъ. Еще въ приходныхъ записяхъ 1709—1712 г. выручки отъ рыбной продажи встрѣчаются почти также часто, какъ и доходы отъ торга хлѣбомъ. Максупы, сырки, особенно въ осенніе мѣсяцы, сбывались цѣлыми лодками или партіями въ нѣсколько сотъ штукъ **). Въ 1730 г., при архим. Порфиріѣ, въ зимнемъ, январѣ, мѣсяцѣ, продажа рыбы обозначена 12 разъ и еще въ большемъ количествѣ разъ она записана за мѣсяцы августъ и сентябрь, когда происходилъ главный осенній ловъ. Пропускаемъ другіе мѣсяцы, въ продолженіи которыхъ тѣ продажи также встрѣчаются, хотя рѣже ***).

*) Промеморія томской таможни въ Алексѣевскій монастырь, подписанная таможеннымъ головою Петромъ Шутовымъ и монастырскій отвѣтъ на нее отъ 30 и 31 августа 1743 г. См. Монаст. архивъ; связ. 17.

**) Приходная книга за 1709—1712 г. См „Том. Губ. Вѣд." № 35.

***) Приходная книга за 1730 г. Мон. арх.; связ. 15.

Насколько въ тѣ времена дешева была рыба въ Томскѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ показаній: 20 января 1711 г. монастырь продалъ 100 максуновъ и за нихъ взялъ 20 алтынъ,—12 марта того же года продалъ 200 максуновъ и взялъ 46 алтынъ. 23 января 1730 г. за 100 большихъ осетровъ, проданныхъ вразъ, монастырская казна выручила только 13 руб. 50 коп., а за 500 шт. максуновъ—5 руб. *).

Въ приходо-расходномъ отчетѣ архим. Лаврентія за 1739 г. выручка за всю годовую рыбную продажу выражена въ цифрѣ 107 р. 83 коп. **). Понятно, что, при сейчасъ указанныхъ цѣнахъ, нужно было наловить очень много рыбы, чтобы пріобрѣсть въ обительскую казну такую сумму.

3 октября 1643 года было приплавлено къ Томску монастырской продажной рыбы вразъ пять большихъ лодокъ. Но въ 1750-хъ годахъ, при архим. Исаіѣ, рыбная продажа у монастыря почему-то сильно сократилась. Въ 1757 г. продано было рыбы всего только на 10 руб. 55 коп.***).

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы (за время управленія Исаіи) рыбную продажу въ большей партіи мы нашли только одинъ разъ—въ 1759 г., когда за 1000 максуновъ монастырскій казначей взялъ 13 руб. †). Но за настоятельство архимандрита Ѳеодосія дѣло съ рыбой опять поднялось въ своемъ успѣхѣ и поднялось очень рѣзко. Осенью 1761 года крестьяне деревни Иштанской везли монастырскую неводную рыбу съ р. Оби, съ Никольскаго песка, до монастыря на 10 подводахъ †*). Въ теченіе этого года монастырь продалъ рыбы всего на 112 руб. 99 коп. †**).

Для большаго успѣха въ рыбной ловлѣ монастырскіе почти постоянно содержали на своей службѣ, „неводныхъ уставщиковъ и рыболовныхъ людей“, уплачивая имъ денежное и хлѣбное жалованіе.

Доходы съ рыбы могли бы быть у монастыря въ значительно большихъ размѣрахъ, еслибы онъ пользовался самъ всѣми принадлежавшими ему рыбными тонями. Но для того недоставало у обители ни силъ, ни средствъ, и потому нѣкоторыя изъ ея рыбныхъ ловель оставались „впустѣ“, или же сдавались въ аренду †***).

По силѣ договоровъ съ монастыремъ, крестьяне, поселившіеся на его земляхъ, въ числѣ другихъ, взятыхъ на себя, обязательствъ, должны были доставлять въ монастырскую пользу ежегодно по сажени полѣнныхъ дровъ съ каж-

*) См. Книги приходныя за 1709—1712 г. и за 1730 г.

**) Чт. въ общ. Истор. и древ. 1867 кн. 2. Матеріалы для истор. Сибири, стр. 297.

***) Приход. кн. за 1757 г. Мон. арх.; св. 16.

†) Книга денеж. приходу за 1759 г. Мон. арх.; св. 17.

†*) См. вѣдомость о доходахъ съ вотчинъ, подан. въ 1763. Мон. арх.; св. 6.

†**) Приходная вѣдом. за 1761 г. Мон. арх.; связ. 5.

†***) Въ 1710, 1711 и 1712 гг. арендаторомъ одной части изъ монастырскихъ рыбныхъ ловель состоялъ Григорій Кипріановъ съ товарищи. Въ 1710 году съ него за аренду было взято 1 руб., а въ 1711 г. 3 р. Книга прих. за 1709—1712 г.

даго тягла. Болѣе или менѣе аккуратное исполненіе этой повинности мы видимъ въ продолженіи всего описываемаго времени *). Сверхъ того, крѣпостные вынуждены были согласиться удѣлять своему владѣльцу нѣкоторыя части изъ продуктовъ собственнаго домашняго хозяйства въ видѣ масла, яицъ и т. п. **). Но то, что по этой статьѣ дохода монастырь могъ собирать съ крестьянскихъ домовъ, было только подспорьемъ къ скопамъ, добываемымъ монастырскими на своихъ скотныхъ дворахъ. Послѣдніе были заведены при самомъ монастырѣ, на Киргизской заимкѣ и при Пачинскомъ „дворцѣ". Еще въ 1721 году на Киргизскомъ скотномъ дворѣ содержалось 14 головъ крупнаго рогатаго скота и 17 овецъ, на Пачинскомъ коровъ 23 головы и 32 овцы ***). Впослѣдствіи это количество увеличилось. Въ 1762 году, за исключеніемъ всякой мелкой домашней живности, на Пачинскомъ дворѣ находилось крупнаго рогатаго скота 49 штукъ †). И если въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія монастырь могъ продавать излишняго коровьяго масла до 30 пудовъ въ годъ †*), то въ послѣдующее время мы должны предположить скопы въ значительно большихъ размѣрахъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что монастырское достояніе на скотныхъ дворахъ не исчерпывалось рогатымъ скотомъ и мелкою живностію. Ихъ главное богатство состояло изъ лошадей. Въ упомянутомъ 1762 г. лошадей на одномъ Пачинскомъ дворѣ насчитывалось 104 головы †**). Продажа излишнихъ своихъ и „приложенныхъ" къ обители коней была самымъ обычнымъ дѣломъ монастырской экономіи †***).

Для общей монастырской экономіи имѣли очень большое значеніе тѣ особенности въ хозяйственной дѣятельности нашей обители, по которымъ свои самыя насущныя нужды и потребности послѣдняя старалась удовлетворять, по возможности, собственными силами и средствами. На монастырскихъ дворцахъ пряли кудель и шерсть, ткали холстъ и сукно, которые шли затѣмъ на одѣяніе монастырской братіи. Нерѣдко здѣсь же изъ готовой, купленной, кожи изготовлялись „коты" для монашеской обуви. Витье веревокъ для неводовъ и плетеніе мрежъ составляли также самыя обычныя за-

*) Въ описаніи всѣхъ монастырскихъ вотчинъ съ показаніемъ ихъ доходности за 1761 и 1762 г. указано, что съ пачинскихъ крестьянъ взималось въ годъ дровъ полѣнныхъ 50 саж., съ крестьянъ деревни Колбинской 18 саж.,—деревни Тайменки 15 саж.,—Писаной 10 саж., Юрьевой 22 саж., Убіенной 19 саж. Показаній о количествѣ дровъ съ крестьянъ прочихъ деревень нѣтъ. Мон. арх.; св. 17. Сажень дровъ стоила тогда 25 коп.

**) О сборахъ масломъ, яйцами см. въ томъ же описаніи. См. вѣдомость о монастыр. вотчинахъ за 1763 г. Мон. арх.; св. 6.

***) Описаніе Монастыря за 1721 г.

†) Хозяйственная опись монастыр. Пачинской вотчины за 1764 г. Мон. арх.; связка 2 См. описаніе вотчинъ за 1761—62.

†*) Чтенія Общ. Исторіи и древ. Россіи. 1867 г. кн. 2 стр. 321.

†**) Описаніе мон. вотчинъ за 1761—1762 г.

†***) См. Приходныя книги за 1709—1712 и 1730 годы.

нятія на монастырскихъ подворьяхъ въ зимнюю пору. Случался иногда избытокъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домашнихъ изготовленій, и для монастырскаго казначея открывалась возможность сбыта ихъ продажею. Продавались холстъ, неводныя веревки, мрежи и проч. *).

Для доставки хлѣба изъ с. Пачинскаго и другихъ монастырскихъ деревень сплавомъ по р. Томи монастырь имѣлъ лодки. Большія лодки были, кромѣ того, нужны на работахъ при рыбныхъ ловляхъ. Но монастырская хозяйственная заботливость не опустила возможности извлекать изъ владѣнія лодками другую пользу. По временамъ лодки отдавались за деньги для временнаго пользованія постороннимъ. Въ приходныхъ записяхъ 1709—1712 годовъ встрѣчаются между прочимъ такія помѣты: „отъ Романа Жуковскаго кортому отъ лодки 1 руб. принято“... „отъ лодки кортому полтина взято, что ходили служилые до Верхо Томска по хлѣбъ“, „отъ лодки, что давали въ Нарымъ... кортома 1 р. 18 алт. 4 деньги взято“ и т. д. **). Наконецъ, монастырь держалъ лодки для перевоза томскихъ жителей съ одной стороны города на другую чрезъ р. Ушайку во время ея весенняго половодья.

При архим. Порфиріѣ открылась въ монастырѣ своеобразная продажа гробовъ для покойниковъ изъ гражданъ г. Томска. Сами монастырскіе покупали гроба партіями у мѣстныхъ столяровъ и плотниковъ***). Кажется, что въ бытность того же настоятеля въ обители приготовляли восковыя свѣчи для всѣхъ градо-томскихъ церквей. По крайней мѣрѣ, въ приходной записи 1730 года за 2 января значится: „продано того числа $1^1/_2$ пуда воску, сканныхъ свѣчь $^1/_2$ пуда и еще 34 свѣчи за 11 алтынъ 4 деньги †).

Особо выдѣляемъ прибыли, поступавшія въ обитель отъ доброхотныхъ даяній. Въ глазахъ стариннаго томскаго населенія, состоявшаго изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, конныхъ и пѣшихъ казаковъ и посадскихъ людей нашъ монастырь пользовался большимъ уваженіемъ. Въ убѣжденіи того населенія, онъ былъ непрестающимъ богомольцемъ за гражданъ г. Томска и жителей всего томскаго края. Этимъ объясняется то усердіе къ обители, которое выразилось цѣлымъ рядомъ жертвованій для нея землями и угодьями. Мы исчислили ихъ въ своемъ мѣстѣ. За ними въ немаломъ количествѣ шли жертвы меньшей цѣнности.

Отвѣчая своему положенію томскаго богомольца, монастырь считалъ своимъ долгомъ молитвенное поминовеніе усопшихъ дѣятелей томской

*) Приходная книга за 1709—1712 г. Сн. таковую же книгу за 1730 годъ. Мон. арх.; связка 15.

**) Приход. кн. за 1709—1712 г.

***) Приход. книга за 1730 г. м. ар; св. 15. Между прочимъ здѣсь записано: „проданъ (20 янв.) гробъ Якову Собчинину за 10 алт. и тотъ гробъ у Григорія Лагунова за долгъ взятъ“.

†) Приход. книга за 1730 т.

траны или, при ихъ жизни, ихъ умершихъ родичей. Въ старинномъ монастырскомъ сунодикѣ, кромѣ именъ всѣхъ, положившихъ животъ свой въ бояхъ подъ Томскомъ съ сибирскими кочевниками, записаны были, для вѣчнаго, поминовенія, роды томскихъ воеводъ: Ивана Васильевича Бутурлина, Прокопія Прокопіевича Поводова, кн. Тимофея Степановича Шаховскаго, Василія Андреевича Ржевскаго, Георгія Михайловича Петрово-Солового, Якова Матвѣевича Некрасова, Артамона Матвѣевича Каротѣева и др.; роды томскихъ дворянъ (Серединныхъ, Гречининыхъ, Лавровыхъ, Кочановыхъ, Кожевниковыхъ и др.), казачьихъ атамановъ и пятидесятниковъ, дьяковъ и подъячихъ (Великосельскаго, Меркурьева, Пахомова, Кинозерова, Поламошнова и др.), таможенныхъ головъ и проч. Во многихъ случаяхъ, въ благодарность за поминовеніе, монастырь получалъ „прикладъ", помѣчаемый здѣсь-же, т. е. на страницахъ сунодика. Такъ, за поминовеніе усопшихъ въ роду кн. Шаховскаго было дано обители: „сосуды серебреные золоченые, ризы атласныя травы златыя, ризы объярининыя-оплечья бархатныя съ золотомъ, подризникъ атласной-поясъ и кисти (у него) златые, стихарь цвѣтной изъ бархату, стихарь камчатой, оларій (sic) (одинъ) съ золотомъ, другой изъ бархату, двои поручи... бархатныя золотныя, двѣ патрахили (шитыя) золотомъ, двои покровы атласные—кресты вышиты золотомъ и жемчугомъ, покровы матеріи златыя съ круживомъ—кресты низаны каменьемъ и жемчугомъ, палица изъ атласу—крестъ вышитъ золотомъ, ковчегъ среброкованный, тріодь цвѣтная, два октая" *). Послѣ записи рода стольника и воеводы Георгія Михайловича Петрово-Солового значится: „а прикладу двадцать рублей денегъ въ церковное строеніе (и) стихарь камчатой. Да сыну его (Георгія Михайловича) Лаврентію у переписного дѣла въ 1703 году принесли изъ монастыря рублевъ на тридцать, и то все приложилъ въ монастырь, поминовенія ради" **). За то же поминовеніе сосланный царедворецъ Иванъ Тарабѣевъ далъ деньгами 10 рублей,—москвитянинъ торговый человѣкъ Филипиъ Алексѣевъ Кадошовецъ—колоколъ да крестъ напрестольный—серебряный, вызолоченый, чеканной работы,—мѣдную чашу водосвященную, да кадило серебряное***). Нѣкто Фома Яниинъ приложилъ, за поминъ родныхъ, „келарню, да два большихъ амбара двойныхъ". Болѣе мелкія, записанныя въ сунодикѣ, жертвы вещами и деньгами, мы оставляемъ безъ перечисленія. Жертвовали за молитвы о себѣ и о своихъ родныхъ даже сами монахи. Жертву архим. Василида мы уже видѣли. Послѣ Василида іеродіаконъ, впослѣдствіи іеромонахъ, Моисей, отдалъ въ монастырское книгохранилище двѣнадцать книгъ служебной минеи †). На полѣ од-

*) Монастыр. сунодикъ л. 37 на оборотѣ.
**) Тамъ-же. л. 38.
***) Тамъ-же. л. 61, 62.
†) Тамъ же л. 39.

ного листа въ сунодикѣ, гдѣ записанъ родъ томской приказной палаты подъячаго Ивана Ѳедорова Тарабукина, имѣется помѣта: „а писалъ за сихъ своихъ родителей сей сунодикъ своими руками я, Иванъ“ *). Такимъ образомъ, Тарабукинъ пожелалъ вознаградить обитель за ея молитвы о его ближнихъ нелегкимъ трудомъ написанія книги четкимъ уставнымъ письмомъ.

Вклады, занесенные въ сунодикъ, въ общемъ количествѣ вещественныхъ и денежныхъ жертвъ представляли только одну часть. Мы постоянно наталкиваемся на нихъ по разнымъ другимъ документамъ монастырскаго архива вплоть до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ приходной книгѣ 1709—1712 г. перечислено, что „Татьяна Максимова Мыльничиха положила въ казну Пресвятыя Богородицы два рубля денегъ старыхъ,—Алексѣй Рагозинъ—калмакъ приложилъ денегъ 4 руб., двѣ лошади да жеребенка,—Борисъ Ивановъ Сибирякъ 5 руб. да блюдо оловянное вѣсомъ 9 фунтовъ,—Иванъ Родіоновичъ Качаловъ 10 руб.,—Алексѣй Середининъ 5 рублей,—Гавріилъ Серебренниковъ полчетверти руб. да коня **) и пр. Здѣсь же, между прочимъ, значится, что въ продолженіе 1710 г. архим. Савватій продалъ въ одномъ случаѣ 300 бѣлокъ (за 3 руб.), въ другомъ 12 соболей (за 14 руб. 26 алт.) и въ третьемъ—нѣкоторое количество жемчугу (на 9 алт. 4 ден.) ***). Думаемъ, что и эти вещи были пріобрѣтены монастыремъ неиначе, какъ путемъ даяній со стороны боголюбцевъ. При архим. Порфиріѣ монастырь получилъ до 15 прикладовъ въ одномъ 1730 г. Приклады были денежные, вещами и скотомъ. Между разными жертвователями оказался монахъ Киренскаго монастыря Антоній, прославшій въ томскую обитель 10 руб. †). Здѣсь же нужно вспомнить и тѣхъ монастырскихъ вкладчиковъ, которые приходили въ монастырь на всегдашнее въ немъ жительство и приходили, конечно, не всегда съ такой малой суммой въ 5 или 10 руб., на какую указывалъ митроп. Антоній I. Но замѣчательно, что чѣмъ дальше впередъ отъ лѣтъ настоятельства Порфирія отходило время, тѣмъ количество жертвъ въ пользу монастыря становится меньшимъ и меньшимъ. Въ исчисленіи обительскихъ доходовъ за 1738 г. упомянуты только два приклада одинъ цѣлымъ дворомъ, оцѣненнымъ въ 18 руб., другой денежный въ 5 руб. †*). Въ 1743 г. Томскій посадскій человѣкъ Алексѣй Васильевъ Станиславьевъ отдалъ въ томскія муж. и жен. обители вексель на 133 р., занятыхъ у него Чатцкими татарами. Но это, повидимомости, крупное приношеніе порадовало монастырскихъ очень мало. Татары отдавали долгъ крайне ту-

*) Монаст. синод. л. 59 на оборотѣ.
**) Приход. кн. 1709—1712 г. Сн. Том. Губ. Вѣд. за 1865 г. № 35.
***) Тамъ-же.
†) Приход. кн. за 1730 г. Мон. арх.; св. 15. Сн. Том. Губ. Вѣд. за 1865 г. № 35.
†*) Чтен. Общ. истор. и древ. Россіи. Кн. 2, стр. 297.

го. По немногу то деньгами, то скотомъ они выплачивали его еще въ 1746 и 1747 гг. *). По документамъ позднѣйшихъ лѣтъ, мы встрѣтили только одну сколько-нибудь стоющую вниманія жертву. Въ 1756 или 1757 г. кто-то приложилъ торговую лавку, которую монастырь отдавалъ потомъ въ кортомъ за 4 руб. 50 коп. въ годъ **). Не причисляемъ сюда 98 руб. 8¼ коп., собранныхъ въ 1754 г. по разнымъ мѣстамъ и, между прочимъ, на Ирбитской ярмаркѣ на постройку сгорѣвшей монастырской церкви.

Въ главѣ, спеціально посвященной обозрѣнію монастырскихъ прибылей, нельзя пройти молчаніемъ о доходахъ деньгами, привходившихъ въ монастырскую казну отъ храма при ежедневномъ церковномъ богослуженіи. Къ сожалѣнію, о точныхъ размѣрахъ этихъ денегъ судить очень трудно. Записи о нихъ перемѣшаны въ приходскихъ книгахъ съ записями по другимъ статьямъ доходности и вообще носятъ характеръ случайныхъ и отрывочныхъ отмѣтокъ. Архим. Василидъ, въ 1712 году, передалъ на руки казначея церковныхъ суммъ въ одномъ случаѣ 20 руб., въ двухъ другихъ по 10 руб., затѣмъ раза четыре отмѣчены передачи только по нѣскольку алтынъ ***). Приблизительно въ тѣхъ же цифрахъ записаны церковныя деньги при слѣдующемъ архимандритѣ Порфиріѣ. При немъ, да и потомъ держался еще старинный и за то время запрещаемый обычай хожденія монаховъ предъ праздниками „со свѣщею“ по городу для сборовъ въ пользу храма. Насбировали къ каждому храмовому празднику со свѣщею отъ 1 до 3 руб. †). Въ 1738 г. выручено было по церкви отъ продажи восковыхъ свѣчъ 8 руб., собрано прикладныхъ денегъ 5 руб.,—въ церковный кошелекъ *1 р. 61 к.* и набрано „съ мѣстною свѣчей“ въ храмовые праздники 4 р. 5 к. †*). Правильно и систематически веденныя записи доходовъ отъ церкви мы встрѣтили только въ концѣ 50-хъ годовъ XVIII стол. и вмѣстѣ съ тѣмъ нашли опять, что и за это время доходы были весьма незначительны. Въ приходной книгѣ за 1757 г. отмѣчено: „принято у Ѳедора Скворцова собранныхъ въ церковный кошелекъ во время службъ церковныхъ чрезъ весь годъ *5 р. 6 к.*“ За 1758, 1759 и 1760 г. на приходъ церковныхъ денегъ поступило всего только 70 р. 65 к. Все это доставляетъ явный признакъ, что народу изъ города въ монастырскую церковь ходило мало. †**)

*) Дѣло о пожертвованіи Станиславьева. Мон. арх.; св. 17.
**) Приход. кн. за 1758–59 г. Мон. арх.; св. 17.
***) Приход. кн. за 1709—1712 г.
†) Приход. кн. за 1730 г. М. арх; св. 15.
†*) Чт. Общ. истор. и древн. Р. 1867. Кн. 2, стр. 297.
†**) Какъ малы были денежные сборы по храму въ церковный кошелекъ—показываютъ слѣдующія записи:

Въ маѣ (1758 г.) „собрано съ кошелькомъ въ казенный ящикъ“	18 коп.
Духовъ день собрано въ кошелекъ	41 „

На себя, на свои собственныя потребности, особенно по содержанію братіи, монастырь тратился очень немного. Хлѣба и рыбы было въ изобиліи. Въ пропитаніи братія не только не испытывала скудости, но могла утѣшаться иногда нѣкоторою роскошью. Пиво собственной варки приготовлялось въ монастырѣ къ каждому празднику. Для того отпускалось солоду по 10—15 пуд. на каждую отдѣльную варку. Въ продолженіи 1730 г. монастырь израсходовалъ на всѣ свои хозяйственныя нужды и на содержаніе братіи 175 р., а за 1738 г.— 153 р. 81 к. *).

Изъ расходныхъ статей особымъ образомъ выдвигаются обязательныя платы изъ обительскихъ средствъ на содержаніе Тобольской дух. семинаріи. По регламенту каждый изъ монастырей долженъ былъ удѣлять въ пользу духовныхъ училищъ, существовавшихъ тогда почти безъ всякой поддержки со стороны общегосударственной казны, $^1/_{20}$ своего ежегоднаго хлѣбнаго дохода *). При отдаленности большинства Тобольскихъ монастырей отъ гор. Тобольска, — а слѣдовательно при огромныхъ затрудненіяхъ въ доставкѣ сюда хлѣбныхъ монастырскихъ даней епархіальная власть распорядилась, чтобы монастыри исполняли свою повинность на благо духовно-учебнаго дѣла не хлѣбомъ, а деньгами. При этомъ они должны были расцѣнивать хлѣбъ примѣнительно къ стоимости его въ данное время на мѣстѣ расцѣнки. Послѣ того нѣкоторые изъ монастырей, разъ выдѣливъ изъ хлѣбнаго дохода соотвѣтствующую на семинарію сумму, начали присылать ее каждогодно въ одномъ и томъ же количествѣ при томъ не въ концѣ платнаго года, когда окончательно опредѣлялся и выяснялся хлѣбный урожай, а въ началѣ его—зимою и раннею весною. Это былъ непорядокъ, очень часто невыгодный для семинаріи. На него обратилъ вниманіе митр. Сильвестръ и, въ пресѣченіе злоупотребленій, заказалъ, чтобы монастыри присылали семинарскія деньги „со всякою справедливостью“**). Въ Томскѣ довелось получить этотъ указъ архимандриту Исаіи. Но послѣдній вскорѣ оказался виновнымъ еще въ большемъ безпорядкѣ. За время отъ

Въ іюнѣ собрано съ кошелькомъ въ казенный ящикъ	13 руб.
„ іюлѣ	16 „
„ августѣ	44 „
Въ январѣ 1759 г. „Собрано въ кошелекъ“	42 „
„ февралѣ	30 „
„ апрѣлѣ	81 „

и т. дал. въ томъ-же родѣ.

Въ сравнительно большихъ размѣрахъ доходы пріобрѣтались отъ сборовъ „со свѣщою“, отъ „приложеній“ боголюбцевъ главнымъ образомъ изъ пріѣзжихъ россійскихъ купцовъ и торговцевъ и, наконецъ, отъ свѣчной продажи.—„Приходная запись 1758—1760 г. Мон. архивъ; связ. 5.

*) Расходн. кн. за 1730 г. Мон. арх.; св. 16. Сн. Чт. общ. истор и др. Р. 1867. Кн. 2, стр. 298.

**) Столбъ архивныхъ дѣлъ и указовъ, хранящійся въ Томской Благовѣщенской соборной церкви.

1755—1759 г. включительно въ семинаріи не получали изъ Томска ни хлѣба, ни денегъ. Консисторія, наконецъ, строжайше предписала выслать деньги за каждый пропущенный годъ*). Въ монастырѣ произвели разсчетъ и оказалось, что за пять лѣтъ нужно было уплатить 52 руб. 93 1/4 коп.— сумму очень почтенную для скромнаго монастырскаго бюджета, тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда приводилось платить ее вразъ. Не смотря на повторенное понужденіе, монастырь оттянулъ уплату до 1762 года, когда за два года (1760 и 1761) прикопилось еще долгу на 17 руб.**).

Къ числу чрезвычайныхъ расходовъ нужно еще отнести денежныя выдачи по раскладкѣ съ другими монастырями на жалованіе епархіальному стряпчему, должность котораго для защиты церковныхъ и монастырскихъ интересовъ въ сношеніяхъ съ свѣтскими властями была учреждена митроп. Павломъ Конюскевичемъ ***), и неоднократныя уплаты такъ называемыхъ презентовыхъ денегъ.

Съ грамотою Петра Великаго о всероссійской радости по поводу заключенія вѣчнаго мира со Шведскою короною (въ 1721 г.) въ Тобольскъ былъ присланъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи Обрѣзковъ. Тобольскій Митроп. Антоній Стаховскій, сверхъ „особливаго презента Обрѣзкову отъ архіерейскаго дома", велѣлъ принести ему презентъ отъ 16 Тобольскихъ монастырей въ количествѣ 150 руб. Въ счетъ этой суммы съ томскаго монастыря было взято 5 руб. †).

Въ іюлѣ 1727 года изъ Петербурга прибылъ въ Сибирь посланный сюда съ вѣстью о восшествіи на престолъ импер. Петра II, капитанъ Лефортскаго полку Тимофей Мельгуновъ. „Отъ Его Преосвященства Мильгуновъ былъ презентованъ отъ дому архіерейскаго изъ казенныхъ домовыхъ вещей", за которыя должны были потомъ заплатить монастыри по раскладкѣ и, въ частности, монастырь Томскій заплатилъ два рубля†*).

Несомнѣнно, что траты на презентовыя приношенія нашъ монастырь нерѣдко несъ и въ послѣдующіе годы. Но достовѣрно мы знаемъ еще о двухъ случаяхъ. Въ 1740 году въ Алексѣевскомъ монастырѣ былъ полученъ изъ Тобольскаго архіерейскаго дома указъ съ такимъ приказаніемъ: „сего апрѣля по указу Ея Императорскаго Величества и по требованію Сибирской губернской канцеляріи опредѣлено: прибывшаго нынѣ изъ С.-Петербурга въ Тобольскъ съ благополучными вѣдомостями лейбъ-гвардіи Измайльскаго полку капитана Михаила Рахманова, по прежнему

*) Ук. Тоб. конс. архим. Ѳеодосію 15 авг. 1760 г. М. арх.; св. 5.
**) Ук. консист. архим. Ѳеодосію отъ 22 янв. 1762 г. Мон. архивъ; связ. 1.
***) Указъ Конс. объ учрежденіи стряпчихъ архим. Ѳеодосію отъ 31 мая 1760 г. Мон. архивъ; связк. 5.
†) Указъ Василиду преосв. Антонія I. Мон. арх.; связка 17.
†*) Указъ изъ архіер. приказу архим. Порфирію отъ 3 ноября 1728. Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. за 1866 г. № 14.

примѣру и *со излишествомъ*, отъ дому архіерейскаго и Сибирской епархіи отъ монастырей презентовать, который и презентованъ, а именно: поднесено ему денегъ 210 руб. Того ради опредѣлено: съ монастырей Тобольской епархіи, по расположенію, оныя презентовыя деньги въ томъ числѣ и съ вашего Томскаго монастыря 10 руб. взыскать"*). 1745 г. взыскивались съ обителей деньги за презентъ, выданный въ митрополичьемъ домѣ камергеру Жеребцову. На этотъ разъ менѣе состоятельный, чѣмъ Томскій, Кузнецкій монастырь обязанъ былъ выслать въ Тобольскъ 7 руб. 50 коп., слѣдовательно Томскій—уплатилъ значительно больше**).

При общемъ взглядѣ на всѣ статьи монастырской доходности за разсматриваемый періодъ существованія Алексѣевской обители и самую эту доходность самъ собою дается выводъ въ томъ смыслѣ, что не была эта обитель такъ богата, какъ многіе изъ тогдашнихъ монастырей центральной Россіи съ ихъ многочисленными крестьянами, съ ежегоднымъ приливомъ къ нимъ огромной толпы изъ усердныхъ богомольцевъ. Однако, имѣя возможность въ каждое время (за исключеніемъ развѣ самыхъ первыхъ лѣтъ послѣ основанія) удовлетворять безбѣдно всякую свою нужду, не была она и очень скудной по своимъ средствамъ. Скорѣе это была обитель средняго достатка. Впрочемъ въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ средины прошлаго столѣтія мужскій монастырь въ Томскѣ, наравнѣ съ другими монастырями Томскаго края, названъ *убогимъ* ***). Мы однако склонны усматривать въ такомъ названіи нѣкоторое преувеличеніе. Предшествующій обзоръ его хозяйственности, по нашему мнѣнію, не представляетъ данныхъ для подтвержденія помянутаго убожества.

Но еще до исполненія такъ печальной для всѣхъ монастырей мѣры отобранія у нихъ имѣній благосостояніе нашего монастыря грозило пошатнуться вслѣдствіе очень сильно выраженныхъ со стороны его крестьянъ попытокъ къ разрыву своихъ обязательныхъ къ нему отношеній.

6.

Тяготы въ положеніи монастырскихъ крестьянъ. Выгоды ихъ состоянія за монастыремъ не искупаютъ тягостей крѣпостной зависимости.—Крестьянскіе побѣги.—Частыя сопротивленія монастырской власти.—Общее возстаніе при архим. Исаіи.—Главный подстрекатель Григорій Пырсиковъ.—Возстаніе при архим. Ѳеодосіѣ.—Распоряженія импер. Петра III и императрицы Екатерины II объ отобраніи духовныхъ имѣній.

Мы уже видѣли, что въ кругъ обязательныхъ отношеній къ монастырю крестьянъ загнала нужда. И, взятыя въ общемъ, крестьянскія обязательства

*) Чтенія общ. истор. и древн. Р. 1867 г.; кн. 2, стр. 315.

**) Указъ управляющему Кузнецкимъ монаст. Томскому намѣстнику іером. Авксентію отъ 22 апр. 1745. Мон. арх.; связ. 16.

***) Полн. Собр. Закон. т. 10, № 7172.

по отношенію къ монашествующимъ были очень нелегки. Кромѣ разнообразныхъ поборовъ въ пользу владѣльца-монастыря и многихъ работъ на его поляхъ сѣнокосахъ, крестьяне изъ своихъ деревень должны были возить въ Томскъ монастырскій хлѣбъ, сѣно, дрова, бревна для обительскихъ построекъ и проч. Да и самыя постройки въ монастырѣ и на его „дворцахъ“ производились также почти исключительно крестьянскимъ подневольнымъ трудомъ *). Исключенія были рѣдки. Таковое мы нашли за 1730 годъ, когда монастыремъ нанятъ былъ Иванъ Шведъ (изъ шведскихъ плѣнныхъ) вывести бревна на киргизскую заимку, срубить тамъ погреба и прочія мелкія службы **). Кромѣ поправокъ и перестроекъ, въ монастырѣ всегда могло найтись не мало другихъ хозяйственныхъ сдѣлій. При самомъ монастырѣ и на подворьяхъ постоянно проживали рабочіе изъ крестьянъ, смѣняемые по очереди***).

Обязанности къ монастырю, при всей ихъ сложности, не освобождали монастыр. крестьянъ и отъ исполненій разныхъ казенныхъ работъ, назначаемыхъ свѣтскою властію. Такъ, 5 октября 1710 г. монастырскій казначей іеромонахъ Іосифъ получилъ изъ приказной избы отъ Юрія Ивановича Гагарина память, по которой велѣно было выслать отъ монастырскихъ крестьянъ двадцать подводъ для перевозки до Тары казенныхъ товаровъ, шедшихъ караваномъ изъ Китая съ „купчиною“ Иваномъ Саватѣевымъ †). Въ слѣдующемъ 1711 г. на помощь каравану съ казенными же вещами, шедшему также изъ Китая съ купчиною Петромъ Худяковымъ, потребовались отъ монастырскихъ крестьянъ двѣ подводы †*). Въ 1714 г. чрезъ Томскъ слѣдовалъ еще караванъ, но теперь уже не изъ Китая, а въ Китай, и, по заявленному въ приказной избѣ требованію заправлявшаго караваномъ купца Михаила Гусятникова, паченскіе крестьяне обязаны были выслать нѣсколько подводъ добрыхъ коней до Енисейска †**). Неоднократно тѣ-же крестьяне возили бревна и тесницы на строеніе въ Томскѣ казенныхъ житницъ и „обрубную“ (крѣпостную?) починку †***).

Такіе и подобные внѣмонастырскіе наряды были, конечно, у монастырскихъ крѣпостныхъ общими съ другими крестьянами, жившими около

*) Крестьяне с. Пачинскаго показывали, что въ 1762 г. они накосили въ монастырь сѣна 4500 коп., возили хлѣбъ на 150 подводахъ, доставили лѣсу 150 бревенъ, (а въ 1763 г. 200 бревенъ), чинили мельницу и въ монастырѣ работало 20 человѣкъ 30 дней. Крестьяне дер. Иштанской въ 1761, 1762, 1763 гг. крыли въ монастырѣ кельи, возили для того тесъ по 7 тесницъ съ каждаго тягла, чистили на киргизскомъ дворцѣ скотный дворъ, городили на Киргизскѣ поскотины, доставляли на своихъ подводахъ неводную рыбу.—Мон. арх.; св. 6, сн. связк. 17.

**) Расход. кн. за 1730 г.

***) Это видно изъ множества бумагъ, разсѣянныхъ по монаст. архиву.

†) Монастыр. арх.; связка дѣлъ Петровскаго времени. Сн. матер. для истор. Сибири. Т. Губ. Вѣд. 1865 № 37.

†*) Тамъ-же

†**) Указъ архим. Василиду отъ 5 ноябр. 1714 года, подписанный етольникомъ Романомъ Трахоніотовымъ. Мон. архивъ; тамъ-же.

†***) Тамъ-же.

Томска. Но крестьяне, записанные за монастыремъ, сверхъ того, несли еще стороннія тягости, вызываемыя ихъ особымъ положеніемъ, въ качествѣ именно крестьянъ духовнаго, епархіальнаго вѣдомства. Въ 1760 г. преосв. митрополитъ Павелъ Конюскевичъ приказалъ разослать изъ консисторіи по монастырямъ распоряженіе такого содержанія: такъ какъ въ Тобольскѣ назначается каменное строеніе теплаго собора съ колокольнею, ризницей и книгохранилищемъ, а домовые (архіерейскіе) крестьяне заняты заготовкою разныхъ матеріаловъ: дикаго камня, извести, плитъ и т. п., то, для вспоможенія дѣлу постройки, монастыри обязываются выслать изъ своихъ вотчинныхъ крестьянъ 80 работниковъ и 40 лошадей. Къ указу было присоединено росписаніе, сколько именно каждый монастырь долженъ былъ прислать людей и на сколькихъ лошадяхъ. Томскій Алексѣевскій монастырь обязанъ былъ выслать и выслалъ четырехъ рабочихъ на двухъ лошадяхъ *).

Тяжесть крѣпостнаго положенія была обременительна сама по себѣ. Но въ данномъ случаѣ чувствовалась она очень остро еще потому, что потомки обнищалыхъ пришельцевъ въ Сибирь, не смотря на неблагопріятныя подчиненныя условія своего быта, къ серединѣ XVIII вѣка успѣли развить въ привольной странѣ свое благосостояніе настолько, что невольный трудъ сталъ для нихъ рѣшительно ненавистнымъ. И это тѣмъ болѣе, что примѣръ крѣпостной зависимости монастырскихъ крестьянъ былъ во всемъ Томскомъ краѣ почти исключительнымъ. Своеобразно—подчиненныя отношенія томскаго крестьянскаго населенія къ вѣдомству Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства начали складываться въ обширныхъ размѣрахъ только съ Екатерины II **). Несомнѣнно, что въ неспокойной настроенности монастырскихъ крѣпостныхъ, о которой будемъ говорить въ настоящей главѣ, не маловажное значеніе имѣло и то обстоятельство, что съ нѣкоторыхъ поръ въ ихъ деревни началъ проникать расколъ,—а для раскольниковъ повиновеніе православному монастырю должно было казаться совсѣмъ нестаточнымъ дѣломъ ***). Наконецъ, были промахи излишней притязательности и строгости въ отношеніяхъ къ крестьянамъ со стороны самой монастырской власти.

Нельзя, впрочемъ, пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ условій, при которыхъ монастырское владѣльческое покровительство для крестьянъ по временамъ

*) Указъ Консист. архим. Ѳеодосію отъ 14 мар. 1760 г.; связ. 5.

**) Установленіе зависимыхъ отношеній Томскаго крестьянскаго населенія къ Колывано-Воскр. Горному Начальству въ свою очередь не могло обойтись безъ протеста со стороны закрѣпощаемыхъ. Мы знаемъ случай самосожженія, мотивированный нежеланіемъ подчиниться подневольной заводской работѣ.

***) Раскольниковъ особенно много было въ деревнѣ Калбинской. Въ 1763 г. здѣсь былъ пойманъ расколоучитель Звѣревъ. Слѣдств. дѣло о Звѣревѣ Мон. арх; св. 6. Крестьяне всѣхъ монастыр. деревень имѣли частое сношеніе съ раскольниками, жившими въ скиту въ Кузнецкой тайгѣ около Мунгатскаго острога.

было выгодно. Разумѣемъ не тѣ только случаи, когда въ трудную пору Петровской реформы монастырь то и дѣло выручалъ крестьянъ при уплатѣ податей и др. сборовъ, но и тѣ, когда защищалъ ихъ отъ самихъ сборщиковъ и отъ ихъ несправедливыхъ начетовъ. По указу изъ Тобольскаго архіерейскаго дома и по собственной иниціативѣ архим. Василидъ строго наблюдалъ за справедливостію казенныхъ съ своихъ крестьянъ сборовъ и „изъ Енисейской провинціи коммиссарамъ и прочимъ служителямъ въ монастырскія вотчины не для какихъ дѣлъ въѣзжать не велѣлъ и отъ нихъ обидъ крестьянамъ не допускалъ“ Василидъ сказался правъ: вскорѣ обнаружилось, что енисейскіе сборщики брали съ монастырскихъ въ излишекъ цѣлую полтину съ двора *). Факты обереженія крестьянъ отъ произвола и обидъ мѣстнаго томскаго чиновничества встрѣчаемъ и далѣе.

Въ 1733 г. крестьяне жаловались монастырскому казначею, что къ нимъ постоянно наѣзжаетъ земскій прикащикъ Шелудяковъ и, наѣзжая, беретъ отъ нихъ по двѣ, по три подводы безъ уплаты прогонныхъ, при этомъ требуетъ чрезвычайно быстрой ѣзды, отчего лошади падаютъ. Кромѣ того, онъ, Шелудяковъ, въ пьянствѣ безвинно нападаетъ на крестьянъ и по долгу держитъ ихъ подъ карауломъ. По этой жалобѣ монастырь вошелъ въ сношеніе съ Томской воеводской канцеляріей, откуда Шелудякову было строжайше предписано: „усильно“ съ монастырскихъ крестьянъ подводъ не требовать, вообще къ нимъ не ѣздить и „судомъ ихъ не вѣдать“ **).

1 іюля 1741 года одинадцать человѣкъ изъ монастырскихъ крестьянъ подали настоятелю доношеніе, изложенное въ такихъ пунктахъ:

1) Въ прошломъ 1740 году 25 декабря пріѣхалъ въ с. Пачинское томскій разночинецъ Ѳедоръ Истоминъ и, „пришедъ нагло“ съ томскимъ посадскимъ человѣкомъ Безрядовымъ да съ присыльнымъ Семеномъ Корелой въ домъ монастырскаго крестьянина Ивана Пырсикова, „сталъ безо всякого довода искать вина“. Нашелъ съ ведро вина въ подпольѣ и унесъ съ собою ***).

2) Видя онаго Истомина наглое нападеніе, монастырскій же крестьянинъ Мартыновъ началъ „просить его и разговаривать добровольно, дабы показалъ Пырсикову свою милость“. Истоминъ не послушалъ и нетолько выгналъ просителя на улицу „безчестно“, но при помощи томскихъ товарищей „сталъ бить его и Пырсикова дубьемъ и топтать ногами“.

3) Того же числа ночью Истоминъ съ Безрядовымъ и Корелою пришли въ монастырскую избу „нагло“ и били безвинно выборнаго монастыр-

*) Матеріалы для истор. Сиб. Т. Г. В. 1865 № 44—45.

**) Мон. архивъ; см. матер. для истор. Сибири Т. Г. В. за 1866. № 24.

***) Истоминъ искалъ вина, добываемаго крестьянами „самосядкою“.—Тайное винокуреніе въ Сибири была самымъ обычнымъ дѣломъ среди крестьян. населенія даже въ недавнее время.

скаго крестьянина Ивана Юрьева и, бивши, спрашивали: у кого вино есть, чтобы доводили другъ на друга.

4) Тотъ-же Истоминъ искалъ вина у крестьянина деревни Тайменки Вагина, но не нашелъ. При обыскѣ захватилъ мѣдникъ и унесъ его съ собою насильно.

5) Вагинъ, видя насиліе Истомина, сталъ ему кланяться и просить слезно, чтобы мѣдникъ возвратилъ. Истоминъ возвратилъ, но за то „смучилъ“ съ Вагина мѣшокъ пшеницы.

6) Да въ прошломъ же 1740 г. онъ, Истоминъ, далъ позволеніе монастырскимъ крестьянамъ Григорію Ильину съ товарищи вина сидѣть во весь годъ, „а рядилъ за то съ нихъ вина четыре ведра. Но, не дождавшись времени, доправилъ съ Ильина за вино 10 руб.“

7) Вернувшись въ Томскъ, Истоминъ подалъ на насъ, крестьянъ, доношеніе: будто мы его били въ числѣ 10 человѣкъ и отбили 17 руб. денегъ, и „то онъ написалъ ложно“.

И потому доношенію „насъ сыскали“ въ Томскую Воеводскую Канцелярію, здѣсь допрашивали и въ томъ дѣлѣ содержали въ Воеводской Канцеляріи подъ карауломъ пять недѣль, но рѣшенія никакого не учинили.

„Пошлинъ съ того иску съ насъ не взято, но токмо доправилъ съ насъ деньщикъ 6 руб. ѣздовыхъ денегъ, да подъячій Воробьевъ отъ допросу взялъ 5 руб., да подполковникъ и воевода Миклашевскій 1 руб. 50 коп., да при переводѣ изъ караульной въ тюрьму и изъ тюрьмы въ караульную отдано деньщикамъ и десятникамъ 3 руб. 11 коп. А всего получено съ насъ *нападками* въ канцеляріи, воеводою и разночинцемъ Истоминымъ 25 руб. 61 коп., да мѣшокъ пшеницы вѣсомъ въ 5 пудовъ, цѣной 1 руб.“

„Того ради симъ доношеніемъ въ Томскій Алексѣевскій монастырь покорно просимъ нашу жалобу принять и обиду нашу и взятыя съ насъ нападками деньги отыскать, а разночинцу Истомину (приказать) въ монастырскую вотчину не въѣзжать и насъ не разорять“.*)

Несомнѣнно монастырь заступился за этихъ челобитчиковъ, сколько можно было заступаться, какъ равно, два года спустя, защитилъ своихъ Шегарскихъ крестьянъ отъ обидъ, какія причинялъ имъ подобный Шедудякову земскій прикащикъ Протопопокъ. Между прочимъ у одной крестьянки (въ дер. Шегаркѣ) Протопоповъ отнялъ 5 р. и ее саму „изувѣчилъ“. Притѣсненія Протопопова были доведены до свѣдѣнія воеводской канцеляріи сильнымъ протестомъ архим. Лаврентія **). При господствующемъ тогда въ Сибири самоуправствѣ со стороны мелкихъ властей всякаго рода случаи подобнаго

*) Чт. въ Общ. истор. и древ. Р. Матер. для истор. Сибири 1867 г., кн. 2., стр. 320—321.
*) Жалоба архим. Лаврентія на Протопопова отъ 28 янв. 1743 г. Мон. арх.; св. 16.

застаиваній монастыремъ за своихъ крѣпостныхъ, конечно, далеко не исчерпывались примѣрами, только лишь представленными.

Но всетаки въ глазахъ крестьянъ выгоды монастырскаго заступничества, какъ бы часто случаи заступленій ни были, никакъ не могли искупить тягости невольныхъ работъ и принудительныхъ даней.

Желаніе выдти изъ подъ монастырской зависимости прежде всего нашло свое выраженіе въ часто повторявшихся случаяхъ крестьянскаго бѣгства. Въ 1717 г. архим. Василидъ писалъ въ челобитной кн. Гагарину, что разбѣжалось у Томскаго монастыря крестьянъ до 12 дворовъ и, какъ дознано, бѣглые живутъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ на новоизбранныхъ мѣстахъ. По челобитью, послѣдовало повелѣніе Гагарина, присланное указомъ Томскому оберъ-коменданту Ивану Ивановичу Щербатову, „бѣглыхъ розыскать и монастырскія ихъ крѣпости разсмотрѣть“ и если бѣглые подлинно Алексѣевскаго монастыря, возвратить ихъ обители непремѣнно*). Въ 1721 г. Василидъ подалъ въ Томскую приказную избу новую жалобу на побѣгъ въ тотъ же Кузнецкій уѣздъ крестьянина Василія Баранникова съ женою, дѣтьми и братьями. Поиски этихъ бѣглецовъ, при помощи монастырскихъ же крестьянъ, увѣнчались успѣхомъ только въ 1726 г. **) По Высочайшему повелѣнію указомъ 1723 г. велѣно было перевести изъ Томскаго края на земли Нерчинскаго вѣдомства до 200 крестьянскихъ семей. Между прочимъ изъявили желаніе на переселеніе нѣкоторые изъ крестьянъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Изъ новыхъ мѣстъ они однако вскорѣ вернулись побѣгомъ на прежнее жилище, такъ какъ Нерчинское житье оказалось гораздо тяжелѣе монастырской неволи ***). Жившій въ Пачинской вотчинѣ іеромонахъ Климентъ въ 1740 г. донесъ, что двѣ крестьянскихъ семьи ушли изъ с. Пачинскаго въ лѣсъ и живутъ тамъ потаенно †). Изъ послѣдующихъ перѣдкихъ монастырскихъ явокъ, подаваемыхъ о бѣглыхъ въ воеводскую канцелярію, между прочимъ, видно, что одинъ крестьянинъ ушелъ съ семьею къ Барнаулу и проживалъ въ Бѣлоярской слободѣ, перемѣнивъ, съ цѣлію окончательно отбиться отъ монастыря, свое имя и фамилію †*). Жаловался монастырь еще на такую уловку своихъ подчиненныхъ. Болѣе разбогатѣвшіе изъ крестьянъ, желая заняться на сторонѣ торговыми дѣлами, тайно отъ начальства своей команды являлись въ воеводскую кан-

*) Мон. арх.; связка бумагъ времени Петра В. Сн. матер. для Сибири Т. Г. В. 1865 г. № 44—45.

**) Изъ реестра дѣлъ Томской приказной избы за 1721 г. Мон. арх.; связка 3; сн. дѣло 1726 г. о покражахъ у Том. сына Боярскаго Ив. Шумилова, въ которыхъ были замѣшаны нѣкоторые изъ монаст. крестьянъ. Мон. арх.; св. 15.

***) Розыскивалъ бѣжавшихъ посланный изъ Нерчинскихъ заводовъ крест. Загайновъ; онъ нашелъ ихъ, но почему-то обратно не вернулъ. Мон. арх.; св. 17.

†) Чт. Общ. ист. и др. 1867. стр. 313. св. 16. сн. Мон. архивъ.

†*) Монастырское прошеніе въ Томск. воев. канц. отъ 1743 г. Мон. арх.; связ. 15.

целярію, брали здѣсь паспорты и затѣмъ находились въ отъѣздахъ года по два по три, не платя за все это время въ монастырь ровно ничего*).

Мало по малу крестьяне начали переходить къ выраженію сопротивленія монастырю болѣе активнымъ путемъ. 20 октября 1738 г. уже упомянутый іеромонахъ Климентъ отписалъ архим. Лаврентію, что нѣсколько хозяевъ изъ монастырскихъ Пачинскихъ крестьянъ не хотятъ отдавать пятаго снопа и одинъ изъ нихъ заявилъ, что если у него будутъ брать силою, то „безъ великаго грѣха не обойдется“ **). И вообще крестьяне почему-то были очень возстановлены противъ Климента. Въ 1740 г. въ Пачинскомъ схватили долго укрывавшагося здѣсь бѣглаго рекрута Алексѣя Романовыхъ. На допросѣ дезертиръ показалъ: „меня нанимали монастырскій крестьянинъ Григорій Тимофѣевыхъ и др. убить Климента до смерти и давали мнѣ 10 рублей“. Любопытно, что наниматели хотѣли заключить съ рекрутомъ письменный договоръ въ такой силѣ: „если онъ убьетъ Климента, то деньги передъ нимъ убійцей, если убійство почему-либо не совершится, то ихъ назадъ отдать“ ***). Чрезъ три года крестьяне выразили большое недовольство распоряженіями монастырскаго прикащика Григорія Иванова Малороссійца. При одномъ изъ столкновеній съ нимъ они избили его „до смерти“ †).—Все это было тяжелой прелюдіей къ поголовнымъ возстаніямъ, происходившимъ въ теченіе 50 годовъ прошлаго столѣтія.

Въ 1750 г. явился въ с. Пачинское для перваго осмотра монастырскихъ имѣній только лишь назначенный монастырскій начальникъ молодой архиман. Исаія Русиновичъ. Онъ повелъ себя съ крестьянами гордо, властно и чрезчуръ притязательно, и послѣ своего отъѣзда оставилъ среди крестьянъ глухой, но очень злобный ропотъ. Кое кто уже тогда началъ поговаривать, что довольно служить монастырю, что нужно хлопотать о волѣ. Говоръ нерѣдко переходилъ въ фактическое непослушаніе вотчиннымъ монастырскимъ управителямъ. Это побудило Исаію явиться въ вотчинное село еще разъ. На этотъ разъ, чтобы окончательно сокрушить крестьянскую строптивость, архимандритъ предсталъ предъ подчиненными въ особенно грозномъ и суровомъ видѣ и вызвалъ какъ разъ обратное тому, на что разсчитывалъ. Крестьяне стали оказывать сопротивленіе чаще и чаще. Явились ярые подстрекатели къ неповиновенію. Одинъ изъ нихъ дѣйствовалъ въ самомъ Пачинскомъ. Это былъ грамотный крестьянинъ, нѣкоторое время исправлявшій обязанности дьячка при Пачинской церкви, побывавшій не разъ въ раскольническихъ скитахъ, Григорій Ивановъ Пырсиковъ. Другой принялся на-

*) Архіер. указъ архим. Лаврентію на основаніи его донесенія отъ 1738 г. Мон. арх. св. 16. Сн. Чт. Общ. истор. и древ. Р. 1867 г., кн. 2., стр. 305.

**) Донесен. іером. Климента. архим. Лаврентію отъ 20 окт. 1738 г. Мон. арх.; св. 16.

***) Чт. Общ. Ист. и древ. за 1867 г. стр. 319.

†) Промеморія въ Том. воев. канц. отъ 22 февр. 1744 г. М. арх.; св. 17.

ущать крестьянъ въ Томскѣ изъ за монастырской ограды. Это былъ іеромонахъ Иринархъ—наиболѣе крайній противникъ Исаіи изъ всей очень недовольной новымъ настоятелемъ монастырской братіи. Дѣло завершилось, наконецъ, тѣмъ, что проживавшіе на Пачинскомъ дворѣ іеромонахъ Герасимъ и монахъ Бардаковъ вынуждены были донести настоятелю, что крестьяне всѣхъ монастырскихъ деревень не хотятъ платить полностію никакихъ монастырскихъ сборовъ, что они постоянно собираютъ сходки и договариваются о выборѣ челобитчиковъ для ходатайства, „чтобы отъ монастыря прочь отказаться и въ другіе чины выдти и для того послать челобитчиковъ въ г. Тобольскъ *).

Челобитчиками избраны были упомянутый Григорій Пырсиковъ и Петръ Кунгуровъ. Они взялись за составленіе челобитенъ въ какомъ дѣлѣ ревностно, хотя и потаенно, помогалъ имъ іеромон. Иринархъ. Первыя жалобы были написаны Верхотурскому воеводѣ поручику Бушневу, въ то время прибывшему въ Томскъ для слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ Томскаго воеводы Петра Микулина, и Томскую воеводскую канцелярію. Въ предупрежденіе волненія еще въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, Исаія отправилъ бумагу въ консисторію. Въ ней онъ писалъ, что крестьяне Григорій Пырсиковъ съ сыномъ Адріаномъ, Яковъ Ильиныхъ, Павелъ Юрмаковъ и др. по злобѣ на него, архимандрита, за то, что въ монастырскихъ работахъ и прочихъ сдѣльяхъ никакой отваги, по ихъ прихотямъ, не даетъ, сами измышляютъ и другихъ соблазняютъ подыскивать на него разныя вины. Доселѣ это продолжалось втунѣ". Нынѣ же Пырсиковъ, пользуясь случаемъ, что въ Томскѣ идетъ слѣдственное дѣло надъ воеводою, подалъ слѣдователю Бушневу прошеніе съ жалобой, „якобы крестьяне пришли отъ монастырскихъ работъ и тягостей въ крайнее разореніе". Между тѣмъ они, крестьяне, особенно „вышеписанные" противники въ работахъ монастырскому прикащику монаху Бардакову отказываютъ, отговариваясь, яко не суть крестьяне святыя обители". Въ своеволіи они „полагаются на то, что за неимѣніемъ нынѣ въ Тобольскѣ преосвященнаго митрополита**), съ ними управиться будетъ некому". Изложивъ доношеніе, Исаія просилъ консисторію защитить и милостиво оборонить" и съ тѣмъ вмѣстѣ принять мѣры, чтобы крестьяне смирились, остались покорны и послушны какъ ему, такъ и будущимъ по немъ настоятелямъ. Что же касается зачинщиковъ, то Исаія находилъ бы, что, по сношеніи съ Тобольской губернской и Томской воеводской канцеляріями, ихъ нужно, какъ „первозатѣйщиковъ и возмутителей" наказать публично на площади въ селѣ Пачинскомъ. Чрезъ нѣсколько дней архимандритъ дополнилъ свой рапортъ донесеніе указаніемъ еще новыхъ

*) Дѣло о волненіи монаст. крестьянъ. Мон. арх.; св. 17.

**) Здѣсь разумѣется промежутокъ времени, когда, послѣ отъѣзда изъ Тобольска назначеннаго на Суздальскую кафедру митр. Сильвестра, новый митрополитъ еще не прибылъ.

первозатѣйщиковъ и обвиненіемъ въ подстрекательствѣ къ крестьянскому возстанію іеромон. Иринарха. Разумѣется и новое донесеніе имѣло въ заключеніи: защитить и милостиво оборонить, а „ябедника Иринарха“ удалить въ другой монастырь, чтобы не причинилъ еще бо́льшаго зла*).

Съ своей стороны Пырсиковъ съ товарищи въ челобитныхъ, поданныхъ Бушневу и въ воеводскую канцелярію, говорилъ, что когда Исаія явился въ Пачинское въ первый разъ, крестьяне приносили ему въ презентъ хлѣба съ солью и „прочаго съѣстнаго“, но онъ тѣмъ былъ недоволенъ и началъ угрожать крестьянамъ жестокими побоями, „почему изъ пристрастія стали ему приносить по 10 и 15 руб.“ (вѣроятно отъ каждой монастырской деревни). Въ слѣдующій пріѣздъ, явившись въ Пачинское разсерженнымъ, архимандритъ не только грозилъ крестьянамъ пытками, но и дѣйствительно велѣлъ „для стеганья“ навозить къ дворцу соломы и хворосту. Многихъ пыталъ, при чемъ крестьянина Алексѣя Тимофеевыхъ стегалъ смертельно: „едва потомъ здравіе получилъ“ и пытками „вымучилъ“ по 65 коп. съ каждаго дома. Въ этотъ же второй пріѣздъ настоятель стрѣлялъ изъ ружья съ тѣмъ именно намѣреніемъ, „чтобы изъ крестьянъ кого-нибудь ушибить“. Далѣе слѣдовали обвиненія, что архимандритъ въ разныя времена подъ разными предлогами вымогалъ у отдѣльныхъ хозяевъ по 50 и даже по 100 р., что крестьянина Пьянова велѣлъ привести въ городъ „въ чепи“, и, засадивъ его здѣсь подъ караулъ, вымучилъ отъ него 50 руб., что за вѣнечныя памяти архимандритъ беретъ съ перваго брака по 2, 4 и даже по 7 р., рекрутскій наборъ „чинитъ самъ собою безъ выборныхъ“ и подати требуетъ безъ исключенія сбавочныхъ по указамъ и, наконецъ, въ своемъ личномъ поведеніи допускаетъ не малые соблазны. Въ концѣ жалобъ Пырсиковъ присоединилъ: „въ прошлыхъ годѣхъ прадѣды и отцы наши по даннымъ отъ себя въ въ Томскій монастырь записямъ пошли жить вѣчно охотою съ дѣтьми и подписались въ тѣхъ данныхъ платить въ тотъ монастырь съ двора по сажени дровъ, масла по безмену и изъ хлѣба давать пятину, да изъ монастырскаго хлѣба крупъ дѣлать, а прочихъ монастырскихъ подѣлокъ не накладывать. А нынѣ на нихъ отъ того монастыря наложена противъ тѣхъ данныхъ отъ прадѣдовъ и отцовъ излишняя дань“, а именно: монастырь требуетъ безплатно сѣять и жать хлѣбъ, ставить сѣна на монастырскихъ лугахъ по 30 копенъ съ каждой души. Масла монастырь взимаетъ по безмену не съ двора, а съ коровы. Въ деревняхъ Иштанской и Шегарской дровъ сбирается по 3 сажени не съ двора, а съ каждой души **).

Томская воеводская канцелярія препроводила бумаги, представленныя Пырсиковымъ, въ Тобольскую губер. канцелярію, откуда онѣ перешли на раз-

*) Мон. арх.; св. 17.
**) Тамъ-же св. 5 и 17.; см. тамъ-же; св. 5.

смотрѣніе консисторіи. Въ Тобольскъ направились самовольно, безъ паспортовъ, и сами челобитчики Пырсиковъ и его сотоварищъ Кунгуровъ. За Исаію горячо вступился братъ, членъ консисторіи, протопопъ Василій Русановичъ и, понятно,—Пачинскимъ ходокамъ пришлось въ Тобольскѣ очень плохо. Ихъ держали тамъ подъ карауломъ „во всякихъ несносныхъ работахъ“ двѣнадцать недѣль. Можетъ быть, продержали бы и больше, еслибы, путемъ подкупа караульныхъ, имъ не удалось бѣжать. Тѣмъ не менѣе, по настоянію губернской канцеляріи, консисторія должна была назначить по дѣлу архим. Исаіи и крестьянъ слѣдствіе. Его производство поручено было Енисейскому протопопу Даніилу Бузлуцкому. На слѣдствіи Томскій настоятель оправдывался слабо и долженъ былъ признаться, что сѣкъ крестьянъ розгами и плетью, но только „слегка“, стрѣлялъ въ Пачинскомъ, но только для пробы ружья, а на большинство остальныхъ вопросныхъ пунктовъ отвѣчалъ голословнымъ отрицаніемъ. Всетаки крестьяне не были довольны слѣдствіемъ, усматривая въ дѣйствіяхъ слѣдователя понаровку въ пользу архимандрита. Неутомимый въ борьбѣ съ монастырской властію Григорій Пырсиковъ, кое какъ отдѣлавшись отъ взысканія за Тобольскій побѣгъ, не переставалъ изготовлять донесенія и челобитныя то въ губернскую канцелярію, то митроп. Павлу, то, наконецъ, на Высочайшее имя. Повторялись обыкновенно прежнія по отношенію къ Исаіи обвиненія и тѣ же несправедливости къ крестьянамъ со стороны монастыря, какія указывались раньше. Впрочемъ, въ одной изъ бумагъ встрѣчаемъ новую мысль, несомнѣнно усиленно въ то время распространяемую Пырсиковымъ, именно мысль, что Алексѣевскій монастырь завладѣлъ крестьянами самовольно, безъ всякихъ отъ прежнихъ государей пожалованій *).

Недовольствуясь письменными жалобами, Пырсиковъ въ 1759 г. рѣшилъ снова идти въ Тобольскъ для устныхъ объясненій предъ тамошними властями

*) Эта мысль была выражена въ прошеніи крестьянъ 1759 г., которое было приготовлено для подачи на Высочайшее имя. Мон. арх.; св. 5.

Въ какомъ множествѣ Пырсиковъ и крестьяне писали жалобы и прошенія на разныя несправедливости монастырской власти—видно изъ описи „найденныхъ въ домѣ возмутителя монастырскаго крестьянина Григорія Пырсикова въ собственномъ его ящикѣ разнымъ письменнымъ дѣламъ бѣлымъ и черновымъ, цѣлымъ и не цѣлымъ“. Всего въ описи такихъ письменныхъ дѣлъ перечислено 28 №-овъ. Подъ № 1 значится прошеніе Пырсикова и крестьянина Іевлева отъ 1757 г. на архим. Исаію и бывшаго въ Пачинскомъ селѣ прикащика монаха Бардакова; подъ № 2—прошеніе отъ выборныхъ челобитчиковъ Якова Ильина и Алексѣя Комынина на архим. Исаію въ обидахъ, написанное въ слѣдственную въ Томскѣ коммисію;—3—таковое же прошеніе на имя преосвящ. митрополита Павла;—4—выборъ отъ монастыр. крестьянъ, данный Григорію Пырсикову и Петру Кунгурову; подъ—5—копія съ прошенія въ Сибирскую губ. канцелярію на архим. Исаію отъ крестьянина Михаила Шадрина;—6—черновое прошеніе на прикащика Бардакова на 5 листахъ;—7—21—выборы и прошенія въ разныя мѣста и отъ разныхъ крестьянъ на архим. Исаію;—22—27 записки, „что съ разныхъ крестьянъ взято архим. Исаіею съ принужденіемъ денегъ“ и перечни другихъ несправедливостей и обидъ, допущенныхъ тѣмъ-же настоятелемъ; и, наконецъ, подъ № 28—челобитная отъ всѣхъ жителей с. Пачинскаго.—Черновое дѣло о возмущ. мон. крестьянъ. Мон. архивъ; связ. 5.

и въ особенности предъ митрополитомъ Павломъ. На этотъ разъ крестьяне придали ему въ сотоварищи Якова Ильиныхъ. По прежнему челобитчики натерпѣлись въ Тобольскѣ не мало муки, посидѣли въ тюрьмѣ, переплатили изъ крестьянскихъ денегъ разнымъ взяточникамъ и возвратились домой только съ тѣмъ слухомъ, прослышаннымъ отъ одного изъ взяточниковъ, что Исаія вскорѣ изъ Томска будетъ удаленъ.

Понятно, что во все время описанныхъ крестьянскихъ волненій монастырскія хозяйственныя дѣла не могли идти благополучно. Большинство монастырскихъ прибылей при Исаіи выражено въ сравнительно меньшихъ, чѣмъ въ прежнее и послѣдующее время, цифрахъ. Пачинскіе управители то и дѣло оповѣщали монастырь, что крестьяне или не даютъ полностію сборовъ, или не хотятъ идти на монастырскія работы. Монахъ Бардаковъ съ своими понудительными мѣрами выбился изъ силъ *). Крестьянскія бѣгства усилились. Сибирская канцелярія, забраковавъ сданнаго монастыремъ рекрута Ивана Тимофѣева за его физическою неразвитостію, потребовала присылки на мѣсто забракованнаго другого крестьянина. Исаія отвѣтилъ, что всѣ годные къ рекрутчинѣ „изъ монастырскихъ селеній не вѣдомо куда разбѣжались“. Въ промеморіи, посланной къ Колывано-Воскресенскому Горному начальству въ 1756 году тотъ же настоятель писалъ, что монастырскіе крестьяне „противъ нарядовъ на работы учиняютъ противность“ и многіе изъ нихъ, „оставя домы свои изъ вотчины Пачинскаго села разбѣжались“ и гдѣ живутъ и подъ чьимъ укрывательствомъ—неизвѣстно. „А иные изъ нихъ, не взявъ паспортовъ, ѣздятъ для купечества съ товарами или со скотомъ и хлѣбомъ въ Барнаульскій и Колыванскій заводы“, между тѣмъ „въ сѣнокосное время и въ жнитво въ Пачинскомъ на работахъ происходитъ остановка и казнѣ монастырской ущербъ“. Между прочимъ, архимандритъ дозналъ, что къ селеніямъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ ушелъ для торговли хлѣбомъ и скотомъ монастырскій крестьянинъ, раскольникъ, Григорій Ильиныхъ съ сыномъ Яковомъ да съ работникомъ Яковомъ же Марамыгинымъ. Исаія просилъ этихъ бѣглецовъ разыскать и выслать въ Пачинское подъ карауломъ. Горное начальство услужило Исаіи. Торговцевъ приказано было розыскать, взять и затѣмъ отправить къ мѣстожительству въ крѣпкихъ оковахъ подъ карауломъ **).

Слѣдствіе, порученное протопопу Бузлуцкому, кончилось дѣйствительно увольненіемъ Исаіи отъ должности Томскаго настоятеля.

---

*) Въ одномъ изъ писемъ Том. игумена Палладія (отъ 1797 г.) упомянуто, что монахъ Илья Бардаковъ былъ убитъ. Но когда это случилось и кѣмъ совершено преступленіе—не обозначено. Письмо игумена Палладія въ Слѣдственную Комиссію по дѣлу о его растратахъ. Мон. арх.; св. 12.

**) Архивъ Колывано-Воскр. Горнаго Начальства (въ Барнаулѣ) столич. д. № 245. Л. 188.

При назначеніи преемника Исаіи—архим. Ѳеодосія консисторія, зная неспокойное состояніе томскихъ монастырскихъ крестьянъ, отправила къ нимъ указъ. Въ указѣ съ наикрѣпчайшимъ повелѣніемъ" предписывалось, чтобы „оному пречестному архим. Ѳеодосію, яко командиру своему, какъ въ монастырскихъ сдѣльяхъ и нарядахъ, такъ и во всемъ прочемъ крестьяне были послушны и должную къ нему имѣли честь подъ опасеніемъ за преслушаніе неопустительнаго, по указамъ, штрафа и наказанія" *).

Ѳеодосій повелъ управленіе подчиненными, можетъ быть, съ большею справедливостію, чѣмъ его велъ Исаія, но никакъ не съ меньшею строгостію. Въ подтвержденіе малой склонности Ѳеодосія къ мягкимъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было, по тогдашнему выраженію, „смирять", могутъ идти слѣдующіе выразительные факты. Проживавшій при Пачинскомъ дворцѣ отставной солдатъ Бухонинъ былъ изобличенъ въ незаконной связи съ одной изъ крестьянскихъ женщинъ. Ѳеодосій распорядился наказать виновнаго шелепами безъ всякой пощады. И наказаніе было произведено со всею суровостію того времени **). Одинъ изъ монастырскихъ рабочихъ крестьянинъ Марамыгинъ, долго содержавшійся при монастырѣ въ оковахъ, объявилъ на настоятеля „слово и дѣло" по самому важному I пункту. На допросѣ въ Тобольскѣ при губернской канцеляріи Марамыгинъ признался, что учинилъ ложный извѣтъ по наущенію іеромонаха Веніамина и вслѣдствіе „нестерпимости побой", отъ архимандрита, плетьми***).

При повторившемся суровомъ режимѣ крестьянское волненіе улечься не могло. Напротивъ, нужно было ожидать, что оно проявится съ новой силой въ виду все болѣе и болѣе распространявшихся слуховъ о томъ, что правительство самымъ серьезнымъ образомъ занято вопросомъ о переустройствѣ въ положеніи крестьянъ, состоявшихъ въ духовномъ вѣдомствѣ.

Зимою въ самомъ началѣ 1761 г. былъ въ Томскѣ, для разныхъ закупокъ по домашнимъ надобностямъ, Пачинскій крестьянинъ Иванъ Юрьевъ. При отъѣздѣ обратно домой онъ захотѣлъ повидаться съ односельчаниномъ Гавріиломъ Марамыгинымъ, отбывавшимъ въ то время очередную работу при самомъ монастырѣ. Послѣдній передалъ Юрьеву бумагу, завернутую въ холщевую тряпицу, и секретно заказалъ отдать посылку Григорію, т. е. все тому же Григорію Пырсикову, который въ глазахъ монастырскихъ крестьянъ уже прославился своею отвагою въ борьбѣ за ихъ, крестьянское, благо. Бумага оказалась гдѣ-то добытымъ печатнымъ экземпляромъ сенатскаго указа отъ 12 октября 1760 г. о положеніи казенныхъ крестьянъ въ рублевый окладъ сверхъ

*) Указъ консист. отъ 15 февр. 1760 г. Мон. арх.; св. 5.
**) Приказъ архим. Ѳеодосія за 1762 г. Мон. арх.; связ. 1.
***) Указъ конс. архим. Ѳеодосію отъ 20 декаб. 1761 г. Си. Ук. конс. отъ 30 дек. 1761. Мон. арх., св. 5.

семигривеннаго подушнаго сбора. Пырсиковъ понялъ указъ въ смыслѣ очень благопріятномъ для общихъ интересовъ своихъ сотоварищей, и рѣшилъ созвать сходъ *).

На сходъ явилось изъ Пачинскаго и др. окрестныхъ монастырскихъ деревень до 60 хозяевъ. Чтобы придать больше торжественности процедурѣ чтенія указа и его истолкованія, Пырсиковъ повелъ крестьянъ въ церковь. Здѣсь, комментируя присланный документъ, „первозатѣйщикъ“ говорилъ, что отселѣ монастырю подчиняться рѣшительно не должно, не слѣдуетъ отправлять для него никакихъ сдѣлій, не нужно доставлять пятиннаго хлѣба, дровъ, сѣна, масла и пр.**). Понятно, насколько это было симпатично и утѣшительно для слушателей. Крестьяне разошлись изъ церкви съ твердой рѣшимостію поступать сообразно съ даннымъ внушеніемъ. Все еще состоявшему при Пачинской вотчинѣ іеромонаху Герасиму еще разъ пришлось донести, что крестьяне опять „начали между собою умствовать“ и ему, Герасиму, въ назначаемыхъ работахъ окончательно отказываютъ. Одного изъ самыхъ ярыхъ ослушниковъ—крестьянина деревни Хорошоборской Баранникова Герасимъ хотѣлъ было засадить въ колодку и отослать въ Томскъ, но деревенскіе сотники „содѣйствія въ томъ ему не оказали“ ***).

Прибылъ, послѣ того, въ Пачинское самъ архимандритъ, и началось разслѣдованіе дѣла, кончившееся на этотъ разъ захватомъ и арестомъ Пырсикова. Его сначала привезли въ Томское Д. Правленіе, а отсюда, заковавъ въ крѣпкіе кандалы, отправили въ Тобольскъ подъ карауломъ двухъ дьячковъ томскаго заказа Михаила Петрова и Петра Веригина. На станціи Гутовой (въ 150 верстахъ отъ Томска) Пырсиковъ обманулъ бдительность неискусныхъ стражей и бѣжалъ †). Послѣ укрывательствъ по зимовьямъ и по другимъ укромныхъ мѣстахъ бѣглецъ, наконецъ, нашелъ возможнымъ вернуться въ свое село и снова взяться за излюбленную противомонастырскую дѣятельность.

Въ сентябрѣ 1763 г. во дворѣ Пырсикова мы снова видимъ большое крестьянское собраніе съ тѣми же разсужденіями, что и прежде, т. е. о неповиновеніи монастырю и его настоятелю. На этотъ разъ сходка нашла нужнымъ смѣнить прежнихъ, поставленныхъ монастырскою властію, сельскаго старосту и сотскихъ и вмѣсто нихъ избрала новыхъ, на которыхъ надѣялась, что въ непослушаніи монастырю они окажутся болѣе стойкими. Торопливо явился въ вотчинное село Ѳеодосій и сталъ звать крестьянъ для переговоровъ и увѣщаній. Бунтовщики изложили свое рѣшеніе объ отказѣ въ сборахъ и

*) Указъ этотъ см. въ П. Соб. Зак. т. 15, № 11120.

**) Слѣдственное дѣло 1761 г. о волненіи монаст. крестьянъ при архим. Ѳеодосіѣ. Мон. арх.; св. 5.

***) Доношеніе іером. Герасима архим. Ѳеодосію, помѣченное февралемъ 1761 г. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о волненіи мон. крест. при Ѳеодосіи.

†) Указъ Тоб. конс. архим. Ѳеодосію отъ 7 августа 1761 г. Мон. арх.; связка 1.

работахъ обители на бумагѣ—кинули послѣднюю въ окно пачинской настоятельской свѣтлицы, а посланнымъ отъ Ѳеодосія объявили, что на увѣщанія не пойдутъ и еслибы архимандритъ со своими паченскими служителями рѣшился придти на ихъ сходку самъ, они встрѣтятъ его камнями и стрѣльбою. Угроза была очень дѣйствительной. Во дворѣ, гдѣ бушевали крестьяне, появились ружья и луки со стрѣлами, и все это въ немаломъ запасѣ. Ѳеодосій выѣхалъ обратно въ городъ безъ всякаго успѣха. Послѣ его отъѣзда крестьянское возстаніе сильно поддерживалось слухомъ, что будто бы архимандритъ оставилъ „дворцовой“ прислугѣ такой наказъ: „кто изъ крестьянъ не поѣдетъ на работы, тому спойте аллилуія“.

Въ Томскѣ настоятель оповѣстилъ о бунтѣ воеводскую канцелярію и просилъ для усмиренія бунтовщиковъ отправить въ Пачинское казачій отрядъ. Канцелярія отвѣтила, что имѣющіеся въ ея распоряженіи казаки разосланы для различныхъ порученій по разнымъ поселкамъ, поэтому она не въ состояніи послать въ монастырское село болѣе 6 человѣкъ. Можетъ быть, Ѳеодосій постарался какъ нибудь восполнить это ничтожное число казенныхъ усмирителей, во всякомъ случаѣ командировка военнаго отряда привела крестьянъ въ большое смущеніе. Большинство одумалось въ своемъ сопротивленіи монастырской власти,—упорными остались только нѣкоторые. Первозатѣйщиковъ бунта—Григорія Пырсикова и Якова Ильиныхъ казаки связали и повезли въ Томскъ. Ихъ родственники, вооружившись ружьями и топорами, кинулись было въ погоню за казаками—отбить арестантовъ. Но отбить „удобнаго времени и мѣста не улучили“. Что сталось съ Пырсиковымъ и Ильиныхъ—намъ неизвѣстно. И вообще все дѣло о крестьянскихъ волненіяхъ замолкло какъ-то само собою, когда наступило исполненіе реформы, повлекшей за собою существенное измѣненіе въ матеріальномъ положеніи всѣхъ имѣвшихъ вотчины и крестьянъ русскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей *).

Именными указами отъ 16 февраля, 21 марта и 6 апрѣля императоръ Петръ III объявилъ, что его предшественница и тетка императрица Елизавета Петровна, „соединяя благочестіе съ пользою отечества,... за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“, и потому 30 сентября 1757 г. „полезное всему государству о управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ узаконеніе положить изволила, которое одно, независимо отъ прочихъ

*) Мы прочитали дѣло о крестьянскихъ волненіяхъ въ черновыхъ отрывкахъ. Они были разсѣяны по разнымъ связкамъ монастырскаго архива. Сопоставлять ихъ оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ, тѣмъ болѣе, что черновыя описанія нѣкоторыхъ происшествій бунта лишены хронологическихъ датъ.

Волненія монастырскихъ крестьянъ въ 1762—1763 г. были въ Россіи чуть не повсюднымъ явленіемъ. П. С. З. т. 16. 11865. Въ Сибири кромѣ крестьянъ Том. монастыря, чрезвычайно сильно волновались крестьяне Долматова монастыря. Рус. Арх. 1896 г.; кн. 5, стр. 45

великихъ Ея дѣлъ и благодѣяній своему отечеству, достаточно было учинить славную Ея память безсмертною". Отнынѣ же это узаконеніе, дополняемое собственными распоряженіями императора, должно быть приведено въ исполненіе въ такой силѣ:

Для управленія синодильными, архіерейскими и монастырскими вотчинами должна быть учреждена изъ президента, съ членами и прокурора Коллегія Экономіи. Она будетъ находиться подъ вѣдѣніемъ Сената и, „взявъ въ свою дирекцію" всѣ церковныя и монастырскія вотчины со всѣми въ нихъ заводами, промыслами и доходами, должна завѣдывать ими чрезъ своихъ штабъ и оберъ-офицеровъ особенно изъ тѣхъ, которые отставлены отъ воинской службы за ранами. Изъ монастырскихъ никому въ вотчинахъ не быть, и „кои есть, тѣхъ всѣхъ (отъ дѣлъ) отрѣшить". Всѣ церковныя и монастырскія имущества, состоящія изъ земель, угодій, равно все, что будетъ найдено въ вотчинахъ, офицеры должны тщательно переписать и описи переслать въ учреждаемую Коллегію Экономіи.

Всѣ крестьяне, принадлежащіе духовному вѣдомству, сверхъ положеннаго на нихъ семигривеннаго подушнаго оклада, обязаны платить, взамѣнъ прежнихъ съ нихъ сборовъ въ пользу архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, еще по 1 р. съ ревизской души въ Коллегію Экономіи, за что пріобрѣтаютъ право свободнаго пользованія церковными землями и угодьями. Суммы, составляемыя изъ этого рублеваго сбора, имѣютъ быть обращены на содержаніе прежнихъ церковныхъ владѣльческихъ учрежденій, но Коллегія Экономіи обязуется при этомъ строго наблюдать, чтобы на каждое изъ нихъ не было употребляемо больше того, что будетъ положено по узаконяемымъ штатамъ.

Примѣнительно къ положенію о монастыряхъ, изданному въ 1724 г. 22 мая императоромъ Петромъ I-мъ, монастыри должны быть раздѣлены на первокласснные, второклассные и третьеклассные. Штатное содержаніе тому или другому изъ монастырей будетъ опредѣлено сообразно съ классомъ, къ которому монастырь будетъ отнесенъ. Но пока составляются классы и штаты, Коллегія Экономіи должна выдавать въ годовое жалованіе: монахамъ денегъ по 6 р. и хлѣба по 5 четвертей, діаконамъ по 8 р. и хлѣба по 7 четвертей, намѣстнику по 24 руб. и хлѣба по 8 четвертей, казначею 18 руб. и хлѣба 8 четвертей, игумену по 50 руб. и хлѣба 8 же четвертей. Монахинямъ выплачивать столько же, сколько монахамъ и игуменьямъ столько же, сколько игуменамъ. Жалованіе имѣетъ быть ассигновано на церковно-монастырскія потребы и на всѣ хозяйственныя монастырскія нужды, какъ равно и на пріемы монастырскихъ гостей. Монастырскіе рабочіе: повара, конюхи и др. будутъ назначаемы изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ и содержаться на жалованіи отъ той же Коллегіи Экономіи (по 3 р. на человѣка и хлѣбомъ по 6 четвертей).

Состоящіе на монастырскомъ пропитаніи отставные штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые (ихъ насчитывалось въ то время 1358 человѣкъ) перейдутъ въ вѣдѣніе Кол. Эк. съ жалованіемъ отъ нея въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ получали его отъ монастырей по прежнимъ указамъ.

Рыбныя ловли, сѣнокосы, сады и огороды, находящіеся не вдалекѣ отъ монастырей или при нихъ самихъ, позволяется оставить въ прежнемъ владѣніи, однако-жъ такъ, чтобы при первоклассномъ монастырѣ сѣнныхъ покосовъ не было болѣе 50 десятинъ.

Заводскихъ лошадей, сколько ихъ будетъ найдено въ монастырскихъ вотчинахъ, велѣно было раздать въ кирасирскіе и драгунскіе полки, а лошадей, для полковъ негодныхъ, продать съ публичнаго торга, оставивъ изъ нихъ въ монастырскомъ пользованіи только самое малое количество для ѣзды при самомъ монастырѣ. Предписывалось съ публичнаго же торга продать всякій другой скотъ и всякую живность, что найдутъ въ монастырскихъ хозяйствахъ штабъ и оберъ-офицеры *).

Можно себѣ представить тяжесть впечатлѣнія, легшаго при объявленіи этихъ Высочайшихъ распоряженій на сердца всѣхъ, кого они касались своей отказывающей, отрицательной стороной. Средства содержанія монастырей урѣзывались до узкихъ размѣровъ казеннаго жалованія. При выдачѣ жалованія Коллегія Экономіи, состоявшая исключительно изъ свѣтскихъ лицъ, должна была со всею зоркостью наблюдать, какъ бы гдѣ-нибудь и что-нибудь не переплатить излишняго. Прежніе, во многихъ случаяхъ, обильные источники монастырской доходности пресѣкались вдругъ. Съ грустію начальники и постриженные обитатели монастырей смотрѣли на этихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, сновавшихъ по монастырскимъ селамъ и деревнямъ, гдѣ торопились описывать все, что составляло доселѣ монастырское достояніе для безвозвратной передачи его въ другое, свѣтское вѣдомство,—откуда они выпроваживали монастырскій скотъ или распродавали его на мѣстѣ. Ревность офицеровъ въ порученномъ имъ дѣлѣ часто доходила до усердія свыше мѣры. Не только въ россійскихъ, но и сибирскихъ монастыряхъ повторялись факты, что описывалось и опечатывалось не только то, что находилось въ вотчинахъ,—печати налагались на монастырское имущество, хранившееся въ самихъ обителяхъ, не исключая церковной казны, ладона, свѣчъ, церковнаго вина. Въ Сибири такъ это было, напр., въ монастырѣ Невьянскомъ **).—Совершился государственный переворотъ. Воцарилась Императрица Екатерина II, и въ области дѣлъ, о которыхъ говоримъ, произошла крутая, хотя только временная перемѣна.

*) П. Соб. Зак. т. 15. № 11498. См. тамъ-же №№ 11441 и 11481.
**) Указъ консист. Кузнец. игум. Адріану 1762 г. Мон. арх.; св. 6.

Въ Именномъ указѣ 12 августа 1762 г. императрица писала, что по восшествіи своемъ на Всероссійскій престолъ, „прилагая материнское стараніе о учрежденіяхъ и дѣлахъ, до благополучія Имперіи касающихся, она нашла нѣкоторыя изъ недавнихъ нововведеній непорядочными и неполезными". Къ числу таковыхъ государыня отнесла и отнятіе отъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній. „Кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано".—„Непорядочное и неполезное" въ этомъ дѣлѣ Екатерина II вознамѣрилась устранить чрезъ посредство предположенной къ учрежденію Комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, которая должна состоять не только изъ свѣтскихъ, но и духовныхъ персонъ. А между тѣмъ, „пока оная учредится и свое дѣйство произведетъ", императрица приказала всѣ принадлежавшія архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ движимыя и недвижимыя имѣнія вновь отдать прежнимъ владѣльцамъ. и для того запечатанныя деньги, хлѣбъ и прочее распечатать, 2) Коллегію Экономіи отставить и посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ не быть, 3) положенный на крестьянъ рублевый окладъ сбирать только въ томъ случаѣ, если архіереи, монастырскіе настоятели и прочія духовныя власти найдутъ его для себя выгоднымъ. Но еслибы они сочли выгоднѣе возложить на крестьянъ обязательство прежнихъ повинностей,—это предоставить ихъ свободному усмотрѣнію, 4) инвалиды должны снова перейти на монастырское содержаніе*).

Радость духовныхъ владѣльцовъ по поводу этого, неожиданно явившагося, указа была бы огромна, если бы не затемнялась ожиданіемъ новаго измѣненія въ возвращающемся порядкѣ дѣлъ**). Но прежніе указы Петра III успѣли всетаки произвести значительныя опустошенія въ кругу монастырскихъ хозяйственныхъ выгодъ. Оказалось, что во многихъ случаяхъ офицеры уже успѣли собрать крестьянскій рублевый окладъ за весь 1762 г. и, понятно, послѣ того монастыри уже лишены были возможности привлекать крестьянъ къ ихъ прежнимъ крѣпостнымъ обязанностямъ, такъ какъ рублевый окладъ опредѣленъ былъ именно взамѣнъ тѣхъ обязанностей. Такъ были обездолены и многіе изъ монастырей То-

*) Пол. Соб. Зак. т. 16, № 11643.

**) При обѣщаніи учредить Комиссію о духовныхъ имѣніяхъ императрица писала: „не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ оныхъ употребленіи во славу Божію и пользу отечества. И для того, подъ покровительствомъ Божіимъ, намѣрены мы въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными, которымъ слѣдовалъ и вселюбезнѣйшій дѣдъ нашъ—Государь Императоръ Петръ Великій, учредя на то особливую изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ, подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ состоящую комиссію. П. С. Зак. т. 16, № 11643.

больской епархіи. Бездолье коснулось ихъ еще въ томъ, что уцѣлѣвшій въ вотчинахъ скотъ кормить оказалось нечѣмъ: крестьяне успѣли выкосить траву на монастырскихъ покосахъ въ свою пользу*). Понесъ-ли какой-либо хозяйственный уронъ въ частности нашъ Томскій монастырь, его архивные документы не дали намъ яснаго отвѣта, хотя описи здѣсь были. Ихъ производилъ, посланный изъ Тобольска, капитанъ Лыковъ**). Во всякомъ случаѣ, въ предупрежденіе какихъ бы то ни было потерь, возможныхъ при обратной сдачѣ офицерами монастырскихъ имуществъ на руки ихъ прежнихъ хозяевъ, тобольская консисторія, по распоряженію митроп. Павла, несочувствовавшаго реформѣ почти въ той же мѣрѣ, какъ и знаменитый противникъ ея ростовскій митроп. Арсеній Маціевичъ, сочла нужнымъ откомандировать во всѣ монастыри низовой половины епархіи, а слѣдовательно и въ Томскій, іеродіакона митрополичьяго дома Маркіана. Сущность данной Маркіану инструкціи сводилась къ его обязанности накрѣпко смотрѣть, „дабы ни малѣйшая вещь никѣмъ себѣ напрасно присвоена не была и ничто вообще не было расхищено“.

Прежній порядокъ въ имущественномъ положеніи монастырей мелькнулъ моментомъ. Въ концѣ того же 1762 г. была учреждена обѣщанная Комиссія о духовныхъ имѣніяхъ***), а 12 мая слѣдующаго года императрица возстановила такъ недавно отставленную Коллегію Экономіи†). Снова въ монастыряхъ появились офицеры съ требованіями отъ настоятелей разныхъ хозяйственныхъ описей и отчетовъ.

Окончательно секуляризація архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣній совершилась по манифесту и указу отъ 26 февраля 1764 г.†*) Томскій Алексѣевскій монастырь былъ причисленъ къ ряду обителей III класса съ опредѣленнымъ для такихъ монастырей штатомъ монашествующихъ и съ казеннымъ для нихъ жалованіемъ. Что осталось у нашей обители изъ прежнихъ обширныхъ владѣній, укажемъ въ другомъ мѣстѣ.

---

*) Указъ Тоб. Консист. архим. Ѳеодосію 22 октября 1862. М. арх.; св. 6.

**) Кажется, что не потерпѣлъ никакого убытка. Наоборотъ, крестьяне въ прошеніи, поданномъ лейбъ-гвардіи поручику Бобрищеву-Пушкину (въ 1763 г. состоявшему во главѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о притѣсненіи ясашныхъ) жаловались, что архим. Ѳеодосій, не освобождая ихъ отъ работъ и хлѣбныхъ сборовъ на монастырь, бралъ съ нихъ и рублевый окладъ. Ѳеодосій оправдывался. Но не могъ объяснить дѣла какъ слѣдуетъ. См. прошеніе крестьянъ и на немъ же собственноручно написанное объясненіе архимандрита. Мон. арх.; св. 12.

***) П. С. Зак. т. 16, № 11716.

†) Тамъ-же № 11814.

†*) Тамъ-же № 12060.

7.

Нравственная жизнь въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.—Схимники.—Трудолюбіе братіи.—Преступленіе монаха Симеона Бутакова.—Паденіе монастырской дисциплины и мѣры къ поднятію ея со стороны архимандрита Исаіи.—Недовольство братіи мѣрами Исаіи, ея протестъ.—Замѣшательства въ монастырской жизни при архим. Ѳеодосіѣ.

По изображенію изслѣдователей сибирской старины, жизнь монашествующихъ въ монастыряхъ, основанныхъ въ Сибири вскорѣ послѣ ея завоеванія, не только не блистала благочестіемъ, но была очень мрачна *). По сказаніямъ историковъ, первымъ Тобольскимъ архипастырямъ довелось положить очень много заботъ, чтобы водворить въ подвѣдомыхъ обителяхъ хоть какое-нибудь благочиніе. Какъ въ частности шла нравственная жизнь въ Томскомъ муж. монастырѣ за XVII в. его существованія, мы почти лишены свидѣтельствъ. Но тогда, когда почерпаемыя изъ архива наши свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ умножаются въ количествѣ, долгое время мы не встрѣчаемъ въ нихъ, по затронутому вопросу, никакихъ рѣзкихъ отрицательныхъ указаній. Напротивъ, имѣются указанія, что въ разсматриваемомъ отношеніи въ нашемъ монастырѣ все шло такъ, какъ и слѣдовало идти въ обители, назначеннйо для благочестнаго житія. Чрезвычайно выразительно стремленіе томской старинной братіи къ наиболѣе полному осуществленію идеала монашеской жизни, проявившееся въ многочисленныхъ случаяхъ постриженія въ схиму. По сунодику, монаховъ-схимниковъ, умершихъ во второй половинѣ XVII и самомъ началѣ XVIII в., можно насчитать значительно больше сотни лицъ. Въ схимѣ окончили земное пребываніе и нѣкоторые изъ старинныхъ настоятелей, какъ наприм. архим. Варлаамъ, Мартиніанъ. Въ числѣ монастырской братіи мы видимъ схимниковъ не только за настоятельство Василида, но даже въ 1730-хъ при архимандритѣ Порфиріѣ **). Но, послѣ того, иноковъ въ этомъ высшемъ образѣ постриженія въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ уже не было и не было никогда.

Изъ многихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ по разнымъ документамъ, можно вывести твердое заключеніе на счетъ неослабнаго усердія прежнихъ настоятелей для поддержанія среди монашествующихъ добродѣтели трудолюбія. Упоминается не разъ, что братскими трудами снималось сѣно на монастырскихъ покосахъ близъ Томска и тѣми же трудами строились мельницы. Объ участіи братіи своими „благими труды“ въ строеніи

*) Абрамовъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Сибири. Буцинскій. Открытіе Тоб. Епархіи и первый Тоб. архіепископъ Кипріанъ. Вѣра и Разумъ, 1890 г. т. I, ч. II отдѣлъ церковный.

**) Въ приходной книгѣ за 1730 г., между прочимъ, значится: „схимонахъ Геннадій умре и для поминовенія четыре рубля взято“.

монастырскаго храма, заложеннаго по благословенію митрополита Филовея, говорится, какъ мы уже видѣли, въ благословенной грамотѣ на его освященіе, данной митроп. Іоанномъ Максимовичемъ. Нерѣдко монахи ѣздили „по хлѣбъ“ въ монастырскія деревни, назирали за мельницами, когда онѣ были въ дѣйствіи. Не говоримъ уже о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ постояннаго надсмотра за теченіемъ хозяйственныхъ дѣлъ на Иштанѣ, Шегаркѣ и въ особенности въ селѣ Пачинскомъ. Нельзя опустить здѣсь безъ вниманія очень частыхъ и не легкихъ хожденій іеромонаховъ и монаховъ „со свѣщою и иконою“ по городу и въ деревняхъ подъ городомъ для денежныхъ сборовъ въ пользу обители и ея церкви. Въ XVII столѣтіи черные попы нерѣдко отправляли богослуженіе въ приходскихъ церквахъ г. Томска, гдѣ не всегда доставало бѣлаго духовенства*). При установившемся условіи строгой общности въ содержаніи всѣхъ членовъ братіи добрый порядокъ ея жизни пріобрѣталъ тѣмъ большее достоинство. Монастырь не только имѣлъ общую трапезу,—изъ общей монастырской казны онъ выдавалъ каждому изъ своихъ жильцовъ обувь, бѣлье и верхнюю одежду. Забота о больныхъ выразилась въ устройствѣ довольно обширной больницы **).

Первымъ обстоятельствомъ, которое нѣсколько скомпрометировало нашъ монастырь, было какое то преступленіе, допущенное монахомъ Симеономъ Бутаковымъ. По этому преступленію и чьему-то доказательству о немъ Бутаковъ „былъ посланъ въ святѣйшій Сунодъ и содержанъ тамъ не малое время“. По возвращеніи Симеона изъ Сунода, сибирскій провинціалъ—инквизиторъ іеродіаконъ Арсеній Іевлевъ назначилъ было его своимъ помощникомъ по инквизиторству въ Якутскъ и уже было отправилъ къ мѣсту служенія. Но узналъ о томъ преосвящ. Антоній Стаховскій и указомъ на имя архим. Порфирія повелѣлъ: Бутакова съ дороги вернуть, а затѣмъ, оставаться ему въ Томскомъ монастырѣ безъисходно ***).

Нравы стали ослабѣвать въ нашей обители въ особенности съ тѣхъ поръ, когда, вслѣдствіе запретительныхъ указовъ о постриженіяхъ, составъ томской братіи началъ комплектоваться присылками штрафованныхъ монаховъ изъ другихъ монастырей или, что было гораздо чаще, посылками „въ монастырское жительство“ вдовыхъ священно-церковно-служителей изъ приходовъ. Послѣдніе шли въ обитель по нуждѣ, а слѣдовательно почти постоянно безъ внутренней склонности къ строгостямъ иноческой жизни. За время управ-

*) Въ 1649 г. служилъ при Троицкой соборной церкви черный попъ Кипріанъ, въ 1652 при градо-Богоявленской церкви черный—попъ Филаретъ.—Матеріалы для исторіи Томской епархіи. Том. Епар. Вѣд. за 1884 г.; № 10.

**) Безъ сомнѣнія, монастырская больница, устроенная еще въ XVII в., была первымъ въ Томскѣ уч ежденіемъ въ этомъ родѣ.

***) Матер. для истор. Сибири. Том. Губ. Вѣд. за 1866 г., № 12—13.

ленія монастыремъ намѣстника іеромонаха Герасима, нетрезвость того или другого изъ членовъ монастырскаго братства была не рѣдкимъ явленіемъ. Самъ намѣстникъ былъ изобличенъ въ слабости къ горячему напитку и, вскорѣ по пріѣздѣ въ Томскъ архим. Исаіи, понесъ за нее наказаніе временнымъ запрещеніемъ въ священнослуженіи *).

Новоприбывшій архимандритъ взялся за возстановленіе монастырскихъ нравовъ очень энергично, но слишкомъ частой практикой тогдашнихъ мѣръ смиренія, при посредствѣ сажанія въ цѣпь и взысканій на тѣлѣ, вызвалъ въ братіи огромное противъ себя озлобленіе. Не желая переносить утѣсненій отъ Исаіи іеромонахъ Протасій самовольно перебѣжалъ для жительства въ Кузнецкій монастырь, но, конечно, вскорѣ оттуда былъ выдворенъ въ Томскъ обратно **).

Сильнѣе выразилось раздраженіе противъ настоятеля со стороны почти всего наличнаго состава братіи въ другомъ случаѣ. Разъ собравшись въ келарнѣ, монашествующіе начали „корить“ и бранить архимандрита за то, что будто бы впалъ онъ въ очень тяжелый, особенно въ его положеніи, грѣхъ. Не удовольствовавшись укоризнами въ лицо, обличители усиленно старались разглашать настоятельскій грѣхъ по городу, среди знакомыхъ. Обиженный архимандритъ поспѣшилъ увѣдомить о произшедшемъ преосвященнаго и консисторію, и при этомъ еще замѣшалъ въ дѣло состоявшихъ на очередной монастырской работѣ крестьянъ Шубина и Пьянова. По наведеннымъ справкамъ, въ консисторіи нашли, что проступокъ архимандрита былъ выдуманъ, монашескій извѣтъ былъ произведенъ ложно и злонамѣренно и, въ опредѣленіи наказанія виновнымъ, преосвященный написалъ:—„за то, что нанесли обители святой нареканіе и безчестіе, ихъ слѣдовало бы подвергнуть изверженію изъ сана съ жестокимъ наказаніемъ, но для многолѣтняго Ея Императорскаго Величества фамиліи здравія и для обстоящей по епархіи въ іеромонахахъ и іеродіаконахъ нужды.— въ санѣ ихъ оставить и отъ тѣлеснаго наказанія освободить“, ограничивъ взысканіе запрещеніемъ въ священнослуженіи на время и разсылкою іеромонаховъ Герасима, Макарія и Исхаріона „для смиренія“ въ другіе монастыри подъ карауломъ. Что же касается до іером. Протасія, то за побѣгъ въ Кузнецкъ продержать его въ желѣзахъ, а за продерзости архимандриту, въ коихъ онъ былъ главнымъ виновникомъ, лишить его не только священнослуженія, но и клобука***). Тяжело поплатились по сему дѣлу и

*) Указъ Тоб. конс. архим. Исаіи 12 окт. 1753 г. Мон. арх.; св. 16.
**) Указъ Тоб. конс. Кузнецкому игумену Адріану отъ янв. 1754. Мон. арх.; св. 16.
***) См. тотъ же указъ. Очевидно, потомъ послѣдовало новое распоряженіе, по которому Герасимъ и Макарій были оставлены по прежнему въ Томскомъ монастырѣ. Протасій былъ посланъ въ Кузнецкъ, куда стремился и самъ.

упомянутые крестьяне—Шубинъ и Пьяновъ. Ихъ взяли въ Тобольскъ, гдѣ, по рѣшенію губернской канцеляріи, жестоко наказали плетьми *).

Не переставалъ Исаія унимать монашествующихъ и послѣ того. По его жалобамъ въ консисторію, іеродіаконъ Веніаминъ за многократные непорядочные поступки былъ наказанъ тѣлесно, при собраніи братіи и на страхъ ей, въ разные годы два раза**). Мы уже говорили, что движимый чувствомъ крайняго недовольства Исаіею іеромон. Иринархъ рѣшился на опасное дѣло подстрекательства монастырскихъ крестьянъ къ тому возстанію, которое нами уже описано и которое причинило настоятелю такъ много хлопотъ и огорченій. Иринарха за подстрекательство постигло тяжкое заточеніе въ отдаленномъ Туруханскомъ монастырѣ ***).

Повторялись случаи нарушенія монастырской пристойности и при слѣдующемъ настоятелѣ архим. Ѳеодосіѣ. Не угомонился еще въ своихъ безпокойствахъ, причиняемыхъ обители, упомянутый іеродіаконъ Веніаминъ. Какъ уже извѣстно, онъ научилъ крестьянина Марамыгина объявить „слово и дѣло“ на Ѳеодосія. Ѳеодосій отправилъ его въ Тобольскъ, гдѣ на положеніи арестанта онъ долго содержался при митрополичьемъ домѣ. Отсюда подъ карауломъ его вернули снова въ Томскъ, при чемъ Ѳеодосію предписано было наказать Веніамина также, какъ двукратно наказанъ онъ былъ при Исаіи, т. е. при собраніи всѣхъ монастырскихъ жильцовъ плетьми, а по наказаніи, предписывалось въ указѣ, „ежели онъ, іеродіаконъ, будетъ жить честно и постоянно и никакихъ противныхъ поступковъ за нимъ не окажется“, до священнослуженія допустить его по прежнему †).

14 апрѣля 1763 г. монастырь по случаю объявленія страшнаго „слова и дѣла“ пережилъ переполохъ еще разъ. Въ этотъ день въ трапезной произошла жестокая ссора между казначеемъ Іоною и іером. Мисаиломъ Маминымъ. На огромное „шумство“ поспѣшилъ самъ настоятель и приказалъ Мисаила, какъ зачинщика въ ссорѣ, „посадить въ чепь“. Лишь только архимандритъ отдалъ приказаніе, какъ Мисаилъ вслухъ всѣхъ бывшихъ въ трапезной крикнулъ, что знаетъ за Іоною государево дѣло по I пункту. Сначала происходилъ допросъ тутъ-же на мѣстѣ, въ монастырѣ, а затѣмъ іеромонаха препроводили въ Томскую воеводскую канцелярію. Здѣсь онъ далъ показаніе, что крикнулъ на Іону „слово и дѣло“ ложно, будучи въ „сильномъ азартѣ“ и не желая уступить ему въ ссорѣ. Мисаилъ потерпѣлъ за азартъ въ ссорѣ нещадное битье шелепами.

*) О наказаніи Шубина и Пьяныхъ видно изъ промеморіи Том. воевод. канц. въ монастырь за 1754 г. Мон. арх.; связ. 16.

**) Указъ Тоб. конс. архим. Исаіи отъ 1757 г. за № 1351. М. арх.; св. 16.

***) Указъ Тоб. конс. арх. Исаіи отъ 19 августа 1756 г. М. арх.; св. 16.

†) Указъ Тоб. конст. архим. Ѳеодосію отъ 20 декаб. 1761 г. М. арх.; св. 5.

Въ 1764 архим. Ѳеодосій за что-то секретное очень долго держалъ подъ карауломъ іером. Іезекіиля, о чемъ счелъ нужнымъ извѣстить преосвященнаго и консисторію *) Въ Тобольскѣ, въ главной духовной командѣ, по разсмотрѣніи дѣла, «никакой виновности» за Іезекіилемъ не нашли и приказали изъ подъ караула его освободить **).

*) Дѣло о іером. Мисаилѣ Маминѣ, начавшее 14 апрѣля 1763 г. М. арх.; св. 6.
**) Указъ Тоб. Конс. архим. Ѳеодосію отъ 9 февр. 1765 г. № 273. М. арх.; св. 12.

II.

1.

Имущественное бездолье Алексѣевскаго монастыря послѣ отобранія монастырскихъ имѣній.—Счастливый исходъ ходатайства архим. Ѳеодосія предъ Тобольскимъ губернаторомъ Чичеринымъ о возвратѣ обители киргизскаго надѣла.—Количество земли и лѣсу въ этомъ надѣлѣ.—Распоряженіе Императора Павла I объ увеличеніи при монастыряхъ земель и угодій — Хлопоты по сему предмету Томскаго монастырскаго начальства.—Новое распоряженіе Верховной власти объ обезпеченіи монастырей землями при Императорѣ Николаѣ I.—Безуспѣшность почти всѣхъ на этотъ счетъ ходатайствъ Алексѣев. монастыря предъ мѣстною властію. Захваты монастырской собственности.—Казенное жалованіе и его распредѣленіе.

Послѣ того, какъ совершилась въ Россіи общая мѣра отобранія отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей вотчинъ, земель и крестьянъ, у нашего Алексѣевскаго монастыря изъ прежнихъ владѣній не осталось ничего, кромѣ площади, занятой имъ въ городѣ на Юрточной горѣ, и нѣсколькихъ десятинъ подъ постройками на киргизской заимкѣ. Послѣдній клочекъ земли удержался за обителью потому, что въ Именномъ указѣ отъ 26 февраля 1764 г. объ отобраніи церковныхъ имуществъ, между прочимъ, было прописано о правѣ для третьеклассныхъ монастырей оставить за собою изъ отбираемыхъ угодій по скотному двору, „по малому для рыбной ловли озеру или пруду и для выгону скота выгонной земли по 6 десятинъ“.*) Архим. Ѳеодосій, принимая въ соображеніе особыя условія существованія своей обители въ просторной сибирской странѣ, нашелъ возможнымъ возбудить ходатайство о возвратѣ въ монастырь, по крайней мѣрѣ, прежняго киргизскаго владѣнія во всей его цѣлости. Свое ходатайство архимандритъ въ томъ же 1764 г. представилъ сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину и чрезъ два года обездоленный монастырь получилъ радостную вѣсть о томъ, что могущественный въ Сибири генералъ отнесся къ представленію Ѳеодосія вполнѣ благосклонно. Киргизская заимка вновь вошла въ монастырское владѣніе съ прилегающимъ къ ней лѣсомъ въ длину, по р. Большой Киргизкѣ, на двѣ версты и поперекъ, по теченію Томи, на одну версту. Сверхъ того, сибирскій губернаторъ оказалъ милость обители уступкою рыбной ловли около той

*) Впрочемъ. монастырямъ разрѣшены были такія владѣнія только въ томъ случаѣ, если въ разстояніи отъ нихъ (монастырей) на 10 верстъ они имѣлись у нихъ въ прежнихъ угодьяхъ П. С. Зак. т. 16; № 10260, стр. 558—559.

же Киргизской заимки по правому берегу Томи на Гладкой дресвѣ*). Вѣроятно, тогда же, или немного спустя, возвращенъ былъ обители старинный большой сѣнной покосъ противъ устья рѣчки Киргизки за р. Томью.

Въ 1820 г. осматривалъ монастырскія земли для положенія ихъ на планъ томскій губернскій землемѣръ и нашелъ, что въ томъ году монастырь на р. Киргизкѣ подъ строеніями съ ней заимки имѣлъ 4 десятины 1426 кв. сажень, земли годной подъ пашню 21 десят. 200 кв. саж., сѣнного покосу „отчасти лугового, но болѣе по дубровнымъ мѣстамъ 54 дес. 832 кв. саж.“, лѣсныхъ дубровныхъ и боровыхъ мѣстъ со скотскимъ выпускомъ 552 д. 808 кв. саж., разныхъ неудобностей 267 дес. 1655 саж., и, сверхъ того, луговъ на лѣвой сторонѣ Томи 17 десят. 1047 кв. саж.**) Но странно, что чрезъ 10 лѣтъ общее количество обительскихъ земельныхъ владѣній архим. Іоанникій показалъ въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Въ черновомъ, изготовленномъ для какого-то присутственнаго мѣста, рапортѣ онъ писалъ, что„ при Томскомъ монастырѣ имѣется всего отведенной земли: сѣнокосной 23 дес., дровяной 343 д., кустарнику 94 д. и строеваго лѣсу 220 дес., но нынѣ“, добавилъ Іоанникій, „оный весь вырубился и для строенія годнаго лѣса у монастыря не имѣется“***). Вѣроятно, въ этомъ показаніи опущены десятины, обозначенныя у архитектора на планѣ 1821 г. неудобностями и, кромѣ того, приняты во вниманіе нѣкоторыя потери въ киргизскомъ владѣніи вслѣдствіе разрушеній берега, неизбѣжныхъ при весеннихъ разлитіяхъ быстрой Томи рѣки †).

---

*) Ходатайство архим. Ѳеодосія о возвратѣ въ монастырь киргизской заимки по монастырскимъ архивнымъ документамъ удостовѣрено въ двухъ случаяхъ. Въ 1778 г. рыбную ловлю на Гладкой дресвѣ захватилъ было Томскій воевода. Монастырю довелось доказывать свое право на нее и къ монастырской промеморіи, посланной по этому дѣлу въ томскій Магистратъ, присоединено было на особомъ листѣ показаніе іеромонаха Іезекіиля. Іезекіиль свидѣтельствовалъ, что, состоя въ братіи съ 1 марта 1761 г., онъ доподлинно знаетъ, что прежде бывшій настоятель архим. Ѳеодосій испросилъ у Его Высокопревосходительства Тобольск. губернатора Дениса Ив. Чичерина во владѣніе Томскому монастырю лежащую близъ монастырскаго скотскаго двора при устьѣ Киргизки на р. Томи по правую ея сторону дресву, называемую Гладкою и, для рубки на монастырь дровъ, лѣсъ вдлину на двѣ версты и поперекъ на одну версту. Мон. арх.; св. 12.

При повторившемся случаѣ захвата той-же дресвы игуменъ Даніилъ въ 1799 г. послалъ въ Томскую полицію коню съ предписанія сибирской губернаторской канцеляріи Томской воеводской канцеляріи отъ 12 февр. 1767 г. слѣдующаго содержанія: „Томскаго Алексѣев. монастыря архим. Ѳеодосій просилъ о выдачѣ ему удержанныхъ Томскою воеводскою канцеляріею за прошедшій 1766 г. слѣдующихъ ему въ жалованіе денегъ и объ отдачѣ къ Томскому муж. монастырю имѣющагося при оставленномъ за тѣмъ монастыремъ киргизскомъ дворцѣ, который разстояніемъ отъ монастыря состоитъ въ 7 верстахъ, борового мѣста, коего длинику 2 версты, поперечнику 1 верста, да лежащей при томъ же киргизскомъ дворцѣ на р. Томи по теченію на правой сторонѣ рыбной ловли—дресвы. Губернаторская канцелярія требуетъ изъяснить: для чего жалованіе объявленному архимандриту удержано и, ежели оно слѣдуетъ, выдать немедленно,—боръ и рыбную ловлю отдать“. Мон. арх.; связ. 7.

**) Дѣло о надѣленіи Том. Алекс. монастыря землями по указу 1797 г. Началось 1821 г. Архивъ Томскаго губ. правл.; св. 141.

***) Рапортъ архим. Іоанникія Мон. арх.; св. 9.

†) Убыли въ монастырскомъ киргизскомъ надѣлѣ отъ разлитій р. Томи указаны между прочимъ у архим. Виктора. Описаніе Алексѣев. монастыря, стр. 9.

Какъ видится, сравнительно съ величиной прежнихъ земельныхъ имуществъ, находившихся въ распоряженіи Томскаго Алексѣевскаго монастыря и измѣрявшихся не единицами, а многими десятками верстъ, только лишь обозначенный надѣлъ долженъ быть признанъ почти жалкимъ.

На обездоленное положеніе русскихъ монастырей, лишенныхъ старинныхъ владѣній и доходовъ, обратилъ вниманіе преемникъ Екатерины II императоръ Павелъ I. Въ V пунктѣ его именного знаменательнаго для духовенства указа отъ 18 декабря 1797 г. изображено: „Чтобы доставить архіерейскимъ домамъ и монастырямъ какъ по штатамъ положеннымъ, такъ и на своемъ содержаніи оставленнымъ лучшія по возможности выгоды, отвесть имъ по способности земли съ угодьями такъ, чтобы при каждомъ архіерейскомъ домѣ было по 60 десятинъ и при монастырѣ 30 дес., включая и то, что они нынѣ имѣютъ", кромѣ того, присоединить къ каждому архіерейскому дому и монастырю по одной изъ казенныхъ оброчныхъ мельницъ и снабдить рыбными ловлями, хотя бы послѣднія находились отъ архіерейскаго дома или монастыря и далѣе 15 верстъ*).

Получивъ указъ съ объявленіемъ таковой Высочайшей милости, Тобольская дух. консисторія немедленно завела переписку объ отводѣ казенныхъ мельницъ въ пользу Тобольскаго архіерейскаго дома и всѣхъ епархіальныхъ штатныхъ монастырей. Казенная палата отвѣтила, что находитъ возможность надѣлить мельницами архіерейскій домъ и монастыри: Абалацкій, Тюменскій, Рафаиловскій и Енисейскій,—что же касается монастырей Кондинскаго, Туруханскаго, Томскаго и Туринскаго, то въ мѣстностяхъ ихъ нахожденія казенныхъ оброчныхъ мельницъ не состоитъ, а пользоваться мельницами, находящимися въ отдаленныхъ отъ нихъ округахъ, было бы для нихъ неудобно. Консисторія то и дѣло затѣмъ напоминала томской монастырской власти, чтобы не опускала случая воспользоваться царскимъ пожалованіемъ, чтобы непремѣнно добивалась своихъ выгодъ у мѣстнаго Томскаго начальства. Дѣйствительно, игуменъ Даніилъ предъявилъ требованіе къ томской Казенной Экспедиціи о возвратѣ въ монастырь прежней Пачинской мельницы и о увеличеніи размѣровъ сѣнныхъ у монастыря покосовъ прирѣзкою луговой земли въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ *Пятины***).

Дѣло, поднятое Даніиломъ, потянулось крайне медленной, сибирской волокитой. Прежде всего казенная экспедиція дала знать монастырю, что, по наведеннымъ справкамъ, Пачинская мельница, послѣ того, какъ была взята у

*) П. С. З. т. 24, № 18273; см. указъ Тоб. конс. игум. Даніилу отъ 14 окт. 1798 г. Мон. арх; св. 12.

**) Дѣло о надѣленіи Томскаго Б.—Алексѣевскаго монастыря новыми угодьями и рыбными ловлями. Начал. въ 1798. Мон. архивъ; связ. 7.

обители, находилась во владѣніи томскаго купца Гречинина и имъ затѣмъ была перепродана мѣщанину Большенину. У Большенина разнесло ее водою такъ, что не осталось отъ построекъ и слѣда. Кромѣ того, писала экспедиція, с. Пачинское перешло въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества, а потому ничѣмъ, что находится въ дачахъ этого селенія, экспедиція распорядиться не можетъ. Что же касается сѣнокоса, называемаго Пятины, то онъ уже давно предназначенъ для отдачи казакамъ при будущемъ, новомъ образованіи въ Томскѣ казачьяго отряда, и во всякомъ случаѣ Алексѣевскій монастырь едва-ли можетъ разсчитывать на новую для себя прибавку въ земляхъ, такъ какъ имѣетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Своимъ отказомъ экспедиція, однако, не лишала монастырь надежды на обладаніе мельницей, если онъ самъ укажетъ для нея мѣсто и самъ же возьмется отстроить ее на собственныя средства.*)

Изложенное рѣшеніе Томской казенной экспедиціи состоялось въ 1821 году уже при третьемъ, послѣ игумена Даніила, настоятелѣ архимандр. Іеронимѣ. Архим. Іеронимъ находилъ, что если бы гдѣ нибудь и нашлось пустопорожнее мѣсто для монастырской мельницы, то монастырь, по своей крайней бѣдности, выстроить ее собственнымъ коштомъ не въ состояніи. По мнѣнію архимандрита, для монастыря было бы гораздо выгоднѣе, еслибы вмѣсто мельницы или рыбной ловли, на которыя по силѣ Высочайш. указа отъ 1797 г. имѣетъ право обитель, свѣтское начальство вознаградило послѣднюю деньгами, выдавая ихъ ежегоднымъ жалованіемъ на все будущее время. Разумѣется, желаніе Іеронима было отнесено въ область совершенно несбыточнаго, и вопросъ о надѣленіи Томскаго монастыря средствами, въ цѣляхъ возможно— большей хозяйственной доходности, оставался безъ движенія до слѣдующаго настоятеля архим. Іоанникія.

Послѣдній энергично его возстановилъ, съ настойчивостію требуя у свѣтской власти или готовой мельницы, или, по крайней мѣрѣ, пустопорожняго мѣста для заведенія ея на монастырскій счетъ.

Мѣсто, наконецъ, было отведено въ Семилужной волости на р. Ушайкѣ, нѣсколько ниже деревни Корниловой, но всего только въ количествѣ 1560 квад. сажень. Какъ бы то ни было,—это можно было уже счесть удачей.

Ободренный ею Іоанникій осмѣлился предъявить просьбу о возвратѣ въ монастырь прежнихъ рыбныхъ ловель на р. Оби и земель въ Николаевскомъ приходѣ по р. Шегаркѣ, при чемъ отослалъ въ Томскую казенную палату копіи съ крѣпостныхъ данныхъ на все это былое монастырское достояніе. Осмотрѣвъ крѣпости, казенная палата не усматривала съ своей сто-

*) Дѣло объ отводѣ Алекс. монастырю новыхъ угодій.—Арх. Томскаго губернскаго прав. Связка 141.

роны препятствій отдать монастырю Шегарскій надѣлъ, впрочемъ съ оговоркою, если не послѣдуетъ возраженій со стороны давно утвердившихся на немъ новыхъ частныхъ владѣльцевъ"). Сообщивъ это рѣшеніе, казенная палата не замедлила распоряженіемъ объ отобраніи у монастыря Корниловскаго участка. А между тѣмъ частные владѣльцы свои пріобрѣтенныя права на Шегарскую землю уступить не захотѣли. Монастырю оставалось утѣшиться тѣмъ только, что въ 1832 г. его лѣсная дача на р. Киргизкѣ, въ виду разныхъ происшедшихъ здѣсь убылей, была увеличена прирѣзкою нѣсколькихъ новыхъ десятинъ „лѣсу тонкаго суковатаго, къ постройкѣ негоднаго." **) Впрочемъ, дѣло о возвращеніи рыбныхъ ловель на р. Оби Іоанникій не оставилъ. Пока оно тянулось, встрѣчая огромныя правовые споры съ ясашными, уже давно привыкшими къ пользованію тѣми ловлями, послѣдовалъ еще новый благопріятный для монастырей указъ, изданный 5 іюля 1835 г. императоромъ Николаемъ I.

Убѣдившись, что „по многимъ мѣстамъ иноческія обители, древнимъ благочестіемъ насажденныя", приходятъ въ упадокъ отъ недостатка въ способахъ содержанія, Императоръ выразилъ свое монаршее благоволеніе къ нимъ повелѣніемъ отвести монастырямъ для устройства земледѣльческаго у нихъ хозяйства, сверхъ положенной 30-десятинной пропорціи, еще земельные надѣлы отъ 100 до 150 дес., а гдѣ мѣстныя обстоятельства могутъ дозволить, то и въ большихъ размѣрахъ. Лѣсъ для хозяйственныхъ построекъ при монастыряхъ велѣно было безвозмездно отпускать изъ дачъ, принадлежащихъ казнѣ***).

По полученіи извѣстія объ указѣ, Іоанникій, ссылаясь на нужды своей обители въ пашняхъ и прочихъ полезныхъ угодьяхъ, а въ особенности въ строевомъ лѣсѣ, подалъ представленіе объ отводѣ монастырю участка строеваго лѣса въ Бѣлобородовскомъ или Иштанскомъ бору †). Представленіе встрѣтило въ казенной палатѣ отказъ съ такимъ объясненіемъ, что лѣсъ близъ Бѣлобородовой и Иштанской нуженъ для крестьянъ этихъ деревень, мало обезпеченныхъ лѣсными надѣлами, и при томъ палата находила, „что, имѣя во владѣніи въ числѣ удобныхъ земель однихъ строевыхъ, дровяныхъ и кустарныхъ лѣсовъ болѣе 657 дес., монастырь можетъ продовольствовать себя лѣсомъ всегда безбѣдно". Дѣло на этотъ разъ доходило до министра финансовъ, который всецѣло согласился съ объясненіемъ, даннымъ начальствомъ Томской каз. палаты †*).

*) Тамъ-же.

**) Это видно изъ рапорта архим. Аѳмилохія въ Томскую д. консисторію отъ 19 іюля 1838 года. Мон. арх.; связ. 17.

***) Указъ св. Сунода отъ 5 іюля 1835 г. Мон. арх.; связ. 9.

†) Рапортъ архим. Іоанникія въ Томскую духовную консисторію отъ 9 декабря 1835 г. Мон. арх.; св. 9.

†*) Указъ Святѣйшаго Сунода Томск. епископу Агапиту отъ 7 октября 1835 года. Мон. арх.; связ. 9.

Не хотѣлъ успокоиться на счетъ возможности новыхъ пріобрѣтеній для монастыря, находящагося въ странѣ, гдѣ свободныхъ земель въ то время было многое множество и преемникъ Іоанникія архим. Амфилохій. Въ 1837 г. чрезъ посредство Томской консисторіи онъ возбудилъ ходатайство о прибавкѣ къ обители пашенной земли 139 дес. 400 саж. и сѣнокосной 101 дес. 1720 кв. саж. въ Спасской волости близъ деревни Нижне-Шубиной (Некрасово тожъ) и потерпѣлъ полную неудачу. Съ такимъ же вполнѣ неудачнымъ результатомъ Амфилохій просилъ о мѣстѣ для постройки мельницы и объ отпускѣ изъ Иштанскаго бору 10,000 сосновыхъ деревъ для задуманной капитальной перестройки монастырскихъ зданій.*)

Судя по описанію Томскаго Алексѣевскаго монастыря, составленному его настоятелемъ архим. Викторомъ Лебедевымъ, въ 1840-хъ годахъ за монастыремъ на Киргизкѣ числилось земли подъ постройками и овощнымъ огородомъ 2 дес. 80 кв. сажень, сѣнокосной и пахатной 38 десят. 1300 кв. сажен., во всей же вообще окружной Киргизской межѣ подъ строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, подъ бичевникомъ и кустарниками, подъ крутизною горъ, береговъ, подъ песками и подъ половиною р. Томи (насколько она протягивается вдоль монастырскаго владѣнія) и устьемъ рѣчки Б. Киргизки 795 дес. 566 кв. саж., а за исключеніемъ неудобныхъ мѣстъ 684 дес. 800 кв. саж.**). Въ это исчисленіе не вошелъ сѣнной покосъ за Томью, включавшій въ себѣ, по вышеназванному же описанію, 17 дес. 2163 кв. саж.

Въ 1853 г. кончилось, наконецъ, тягучимъ процессомъ длившееся дѣло о возвратѣ монастырю его старинныхъ Обскихъ рыбныхъ ловель. Изъ нихъ четырехъ монастырь выигралъ только одну: по Чадцкой протокѣ около самаго Краснаго Яра***). Это было наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ изъ всѣхъ притязаній, съ которыми обитель, опираясь на милостивые указы императоровъ Павла I и Николая I, обращалась къ мѣстной гражданской власти, завѣдывавшей казенными землями.

Для насъ является цѣннымъ и интереснымъ историческій очеркъ этихъ притязаній столько же по отношенію къ вопросу объ имущественномъ положеніи нашего монастыря за время послѣ 1764 г., сколько же ради характеристики этой огромной стойкости, съ которою былое томское гражданское начальство отказывалось поощрять монастырскія претензіи.

Былъ крупный случай произвольнаго отчужденія монастырской собственности, допущенный мѣстною свѣтскою властію. Въ 1770 г. по чело-

*) Рапортъ архим. Амфилохія въ Том. дух. конс. отъ 19 іюля 1838 г.; см. отношеніе въ Томск. монастырь Томской казенной палаты отъ 21 февраля 1839 г. Мон. арх.; св. 17.

**) Архим. Викторъ. Описаніе Алекс. монаст. Стр. 9.—Арх. Амфилохій показывалъ нѣсколько иную цифру, именно: 789 дес. 1706 саж.

***) Архим. Викторъ. Описаніе Том. монастыря, стр. 10.

битью Томскихъ ямщиковъ Якова Комарова съ товарищи и вызванному тѣмъ челобитьемъ указу изъ Тобольской губернаторской канцеляріи Томское воеводское управленіе должно было отвести просителямъ пустопорожнее мѣсто для сѣнныхъ покосовъ. Воеводская канцелярія поручила исполненіе по этому дѣлу томскому дворянину Грибовскому. Грибовскій нашелъ пустопорожній покосъ на лѣвой сторонѣ Томи въ смежности съ монастырскимъ лугомъ и при отводѣ его ямщикамъ кстати захватилъ монастырское достояніе и при томъ настолько широкой рукой, что изъ участка въ 326 дес. 1941 кв. саж. у монастыря осталось за Томью только вышеуказанныя 17 десятинъ. Своевременно монастырскіе не опротестовали произвола. Протестъ заявилъ игуменъ Даніилъ въ 1801 г., когда отнятымъ монастырскимъ покосомъ владѣли ямщики Никита Левашовъ и Степанъ Грязновъ съ товарищи. Послѣдніе крѣпко ухватились за свои, права упроченныя давностію владѣнія, и монастырскій искъ остался безъ удовлетворенія*).

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о неоднократныхъ сторонніхъ вторженіяхъ въ монастырскія владѣльческія права касательно рыбной ловли на Гладкой дресвѣ. Ни само томское начальство, ни томскіе граждане точно не хотѣли признать ее монастырской собственностію, и потому не стѣснялись ставить здѣсь свои невода и др. рыболовныя снасти. Такъ, въ концѣ сентября 1778 г. монастырскіе, пришедшіе для рыбной ловли на Гладкую, застали здѣсь рабочихъ, присланныхъ съ неводомъ самимъ томскимъ воеводою. Между рабочими съ той и другой стороны произошло столкновеніе, достигшее чуть не до драки. Пришлось затѣмъ доказывать воеводѣ въ его воеводской канцеляріи и въ магистратѣ, что Гладкую далъ монастырю самъ Денисъ Ив. Чичеринъ, дѣйствовавшій отъ имени императрицы и слѣдов., посылая на нее свой неводъ, блюститель законности въ краѣ поступаетъ беззаконно**). Въ 1799 г. игуменъ Даніилъ, жалуясь полиціи, что градскіе обыватели *не унимаются* на Гладкой производить въ осеннее рѣкоставное время рыбную ловлю и для того промысла рубить лѣсъ въ монастырской дачѣ, указывалъ, что такимъ „нахальствомъ“ монастырю причиняется не малая обида и въ рыбномъ промыслѣ большая помѣха. Игуменъ просилъ полицію объявить обывателямъ особою публикаціей, чтобы монастырской рыболовной дачи впредь не касались ***).

Очевидно, не помогала и публикація, если только она была произведена, потому что слѣдовавшій за игуменомъ Даніиломъ архим. Ѳеофилактъ

*) См. дѣло, производившееся по сообщенію Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря настоятеля игумена Даніила о запрещеніи Томскимъ мѣщанамъ Никитѣ Левашеву съ товарищи производить поставку сѣна на принадлежащихъ тому монастырю луговыхъ мѣстахъ за рѣкою Томью.

**) Промеморія въ Томск. воевод. канцеляріи окт. 1778 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Отношеніе игумена Даніила въ полицію 1799 г. Мон. арх.; св. 7.

снова нѣсколько разъ писалъ городничему, чтобы благоволилъ принять мѣры къ защитѣ монастырской выгоды на рыболовной дресвѣ *).

Существенной мѣрой къ матеріальному обезпеченію монастыря за второй обозрѣваемый періодъ его существованія служило казенное жалованіе, выдача котораго производилась взамѣнъ отобранныхъ вотчинъ и имѣній. Долгое время послѣ 1764 года Томской Алексѣевской обители, по штатамъ положенной въ 3-мъ классѣ, жалованіе выдавалось въ количествѣ 806 руб. 30 коп. Изъ нихъ одна бо́льшая половина подлежала выдачѣ игумену, братіи, монастырскому подъячему и монастырскимъ служителямъ, другая нѣсколько меньшая шла: на церковныя потребы (красное вино, ладонъ, просфоры) 40 руб.—на ризницу и поправку церкви 200 руб.,—на дрова, конюшенные припасы, желѣзо и уголье 40 руб.,—на вино и пиво 45 руб.—на пріемъ пріѣзжихъ гостей въ праздники 50 руб. Число дѣйствительной братіи въ монастыряхъ 3-го класса, по указамъ, было опредѣлено въ 12 человѣкъ: 1 игумена, 1 казначея, 4 іеромонаховъ, 2 іеродіаконовъ, 1 пономаря, 1 просфиряка, 1 клюшника (онъ же хлѣбодаръ) и 1 чашника. Для черныхъ работъ служителей полагалось быть при монастырѣ и было 8 человѣкъ, смѣняемыхъ по очереди изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ. Игуменъ получалъ казеннаго жалованія 150 руб. въ годъ, казначей 22 руб., іеромонахи и іеродіаконы по 13 руб., монахи на должностяхъ просфиряка, клюшника, чашника, пономаря кто 10, кто 8, кто 6 руб., каждый изъ служителей по 14 руб. $22^1/_2$ коп. По Высочайше утвержденной росписи 18 декабря 1797 г. жалованіе было возвышено на сумму 653 руб. $72^1/_2$ коп., такъ что съ 1798 г. монастырь всего долженъ былъ получать изъ казначейства 1460 руб. $2^1/_2$ коп. Игумену съ тѣхъ поръ выдавалось 200 руб. въ годъ, въ соотвѣтственной мѣрѣ были увеличены оклады и прочихъ членовъ братскаго состава, какъ равнымъ образомъ и всѣ итоги по хозяйственнымъ статьямъ: на церковныя потребы, на ремонтъ церкви, на пріемъ гостей и проч. Въ 1839 году жалованіе со счета на ассигнаціи было переведено на серебро, и монастырю изъ

*) Въ 1808 году архим. Феофилактъ писалъ Томскому городничему: „здѣшній Алексѣевскій монастырь съ начала учрежденія его имѣетъ во владѣніи своемъ землю, состоящую отъ города въ 8 верстахъ надъ рѣкою Томью при рѣчкѣ Киргизкѣ, гдѣ имѣются два монастырскіе зома для служителей,—также и рыбную ловлю прямо того-же мѣста въ помянутой Томи. Сіи угодья монастырь для продовольствія своего оставилъ за собою въ силу именного Высоч. повелѣнія, состоявшаго я въ 18 день декабря 1797 г., хотя они и не такъ удовлетворительны, ибо рыбная ловля бываетъ ради современная, а не повсегодняя. Но при всей единовременной той пользѣ,—со стороны градо-томскихъ жителей, которые по силѣ Высочайшаго учрежденія далѣе 5 верстъ отъ города ни чѣмъ пользоваться права не имѣютъ, чувствуетъ повсегда монастырь наглыя обиды, ознаменовывающія явныя хищенія и грабительства. Какъ-то: нынѣ къ текущемъ году въ октябрѣ нагло усилились томскіе мѣщане поставить морды на монастырское рыболовное мѣсто, именно: Андрей и Иванъ Черноярова, Агафонъ Колмогоровъ, Ив. Закревскій, Василій Ершинъ и господинъ титул. совѣтн. Балгосовъ и др. многіе съ ними, отъемля чрезъ то у монастыря его послѣднее продовольствіе“.—Отнош. Том. городничему Дементіанову отъ 19 окт. 1808 г. Мон. арх; св. 13.

казначейства стали выдавать въ годъ 417 руб. 60 коп. сер. Суля по приходной вѣдомости за 1840 г. жалованіе въ то время распредѣлялось въ монастырѣ такъ: настоятелю съ братіей шло 131 руб. 49 коп.,—на церковныя потребы и просфиры 11 руб. 40 коп. сер., на письмоводителя и штатныхъ служителей 57 руб. 96 коп. сер., на починку церкви и монастыря 114 руб. 27 коп. сер., на конюшенные припасы 22 руб. 83 коп. и, наконецъ, на покупку провизіи настоятелю съ братіей 79 руб. 60 коп.*). Для полноты обозрѣнія слѣдуетъ упомянуть, что съ 14 апр. 1861 г. монастырское жалованіе, обозначенное въ суммѣ на серебро, было увеличено еще разъ и почти вдвое, именно было прибавлено 400 руб., но это время уже не входитъ въ кругъ нашего обозрѣнія.

Въ штатномъ составѣ братіи Томскаго Алексѣевскаго монастыря были почти всегда болѣе или менѣе значительные недочеты, и поэтому, еслибы монастырь получалъ жалованіе всякій разъ полностію на весь штатъ, то имѣлъ бы возможность накопить отъ праздныхъ вакансій нѣкоторыя сбереженія, очень не лишнія для него при его многочисленныхъ нуждахъ. Но въ 1770 г. сибирская губернская канцелярія пресѣкла эту возможность распоряженіемъ, по которому деньги, остававшіяся отъ незамѣщенныхъ вакансій, велѣно было переносить въ счетъ жалованной уплаты на будущій годъ. Въ 1800 г. такое распоряженіе было подтверждено самой высшей Правительственною властію. Впрочемъ, въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія монастырское начальство уже удерживало остатки отъ жалованія въ пользу обители, иногда сдавая ихъ вкладами въ томскій приказъ общественнаго призрѣнія. Разумѣется, для монастыря, бѣднаго почти въ крайней степени, было очень тяжело, когда въ выдачѣ казеннаго жалованія происходили остановки или замедленія. Архим. Ѳеодосій жаловался, наприм., что Томская воеводская канцелярія не выдала ему жалованія за 1766 годъ.

Исчисливъ основныя средства къ матеріальному содержанію Томскаго мужскаго монастыря за вторую пору его исторіи, мы, сообразно съ принятымъ планомъ, переходимъ къ продолженію перечня его настоятелей.

2.

Монастырскіе настоятели послѣ архим. Ѳеодосія.—Уничтоженіе архимандритіи въ Алексѣевскомъ монастырѣ.—Игумены Нафанаилъ, Филоѳей, Иннокентій, Палладій.—Большое дѣло о послѣднемъ.—Игуменъ Даніилъ и слѣдствіе о немъ по доносу школьника Бѣляева.—Временно управлявшій монастыремъ протопопъ Григорій Стефановскій.—Возстановленіе архимандритіи.—Архимандритъ Ѳеофилактъ.—его столкновеніе съ Стефановскимъ.—Послѣдующіе архимандриты: Іеронимъ, Іоанникій и Амфилохій.

Архим. Ѳеодосій, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, чрезъ пять лѣтъ послѣ происшедшаго отобранія церковныхъ имѣній былъ вызванъ изъ Томска въ Тобольскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе на настоятельское

*) См. вѣдом. о казен. жалованіи за 1780-ые и за 1820—1840 г. Мон. арх.; св. 12 и 16.

мѣсто въ Верхотурскомъ монастырѣ. Послѣ него идетъ цѣлый рядъ настоятелей Томскаго монастыря уже не въ санѣ архимандрита, а только въ достоинствѣ игумена. Ихъ пониженное положеніе было связано съ причисленіемъ нашей обители къ разряду монастырей III класса, такъ какъ по именному указу отъ 26 февраля 1764 г. архимандриты оставлялись только въ монастыряхъ первыхъ двухъ классовъ, а въ монастыряхъ III—классныхъ, за исключеніемъ одного Старо-Ладожскаго, настоятели должны быть игуменами и вообще въ архимандриты „безъ особливаго указа" производить было запрещено *).

Въ непосредственное преемничество Ѳеодосію вступилъ игуменъ *Нафанаилъ*, доселѣ состоявшій въ должности экономa при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ **). При немъ поступилъ въ число братства Алексѣевскаго монастыря настоятель закрывшагося Кузнецкаго монастыря игуменъ Адріанъ, очутившійся такимъ образомъ въ отношеніи къ Нафанаилу въ подчиненномъ положеніи. Нафанаилъ правилъ монастыремъ въ Томскѣ до 20 декабря 1774 г. и затѣмъ, по своему желанію, перешелъ въ Московскую епархію ***).

Его мѣсто занялъ игуменъ *Филоѳей* изъ проповѣдниковъ при Тобольской архіерейской каѳедрѣ †). Судя по библіотекѣ, которою владѣлъ Филоѳей и которую потомъ оставилъ монастырю, онъ былъ очень ученый человѣкъ. Библіотека состояла изъ многихъ книгъ и рукописей на латинскомъ языкѣ по исторіи и богословію и между ними находился знаменитый „Камень вѣры" Стефана Яворскаго †*). Въ Томскѣ Филоѳею довелось немало потрудиться какъ въ изысканіи средствъ для постройки каменной монастырской церкви, такъ и надъ подготовительными къ тому работами. Въ концѣ іюня 1777 г. прибывшіе въ Тобольскъ красноярскій дьячекъ Василій Черкасовъ и томскій солдатъ Иванъ Соломатовъ объявили здѣсь, что, въ ихъ бытность въ Томскѣ, іюня 11 д. Алексѣевскій игуменъ Филоѳей скончался. Удостовѣрившись въ слухѣ, преосвященный назначилъ на Томское настоятельство строителя заштатнаго Туринскаго монастыря іеромон. *Виктора* Калиновскаго съ возведеніемъ его въ игуменскій санъ **).

Калиновскій происходилъ изъ подъяческихъ дѣтей, въ мірѣ былъ священникомъ и, хотя въ семинаріи не учился, но достигъ протоіерейскаго сана

*) Пол. Соб. Зак. т. 16 № 12060 стр. 556.
**) Указы Тоб. Д. Консисторіи отъ 3 сентяб. и 13 ноября 1769 г. Мон. арх.; св. 11.
***) Указъ Тоб. Конс. отъ 25 мая 1775 г. Арх. Том. Д. Консисторіи.
†) Тамъ-же.
†*) Наиболѣе цѣнными книгами въ библіотекѣ игум. Филоѳея признаемъ слѣдующія: *Исторію* о началѣ Россіи, *Ѳеатронъ*, *Книгу поучительныхъ словъ Гедеоновыхъ*, *Камень Вѣры*, *Богословіе*, *Латинскую Библію*. *Инструкцію* проповѣдническую—письменную. Кромѣ того, въ библіотекѣ Филоѳея состояло много латин. рукописей. Мон. арх.; св. I.
†**) Указъ Конс. отъ 30 іюня 1777 г. Арх. Том. Конс. Связка указовъ за 1770-ые годы.

и въ этомъ санѣ послѣдовательно перемѣнилъ мѣста въ гг. Ялуторовскѣ и Екатеринбургѣ*). Овдовѣвши, Калиновскій принялъ постриженіе въ Тоб. Знаменскомъ монастырѣ и былъ посланъ сначала намѣстникомъ Далматовскаго монастыря и затѣмъ строителемъ указанной Туринской пустыни. Замѣчательно, что Викторъ прибылъ въ Томскъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ крѣпостныхъ людей, пріобрѣтенныхъ имъ еще въ то время, когда протопопствовалъ въ Ялуторовскѣ. Крѣпостные слуги состояли при немъ и во время его проживанія въ Алексѣевскомъ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока не были отобраны по распоряженію Д. И. Чичерина**). Какъ прежде Исаія Русановичъ, такъ и Викторъ Калиновскій, немедленно по прибытіи въ Томскъ, круто принялся за возстановленіе дисциплины среди монастырской братіи и, подобно Исаіи-же, встрѣтилъ съ ея стороны изъявленія огромнаго недовольства, тѣмъ болѣе, что братія указывала разныя несообразности и въ его личномъ поведеніи, поведшія затѣмъ къ слѣдствію и къ счастію неоправдавшіяся. Но были за нимъ довольно важные проступки, допущенные по должности Томскаго заказчика и, въ довершеніе всего, по его начальственной небрежности сгорѣла монастырская деревянная церковь. Указомъ консисторіи отъ 11 апрѣля 1780 г. Викторъ былъ уволенъ отъ настоятельства съ правомъ проситься въ братство того монастыря, на который укажетъ самъ***). Скончался онъ въ 1783 г. въ томъ-же тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ и принялъ монашескій постригъ.

Послѣ Виктора монастырь перешелъ подъ временное управленіе Красноярскаго и Томскаго заказчика протоіерея Алексѣя *Михайловскаго* †). Для ближайшаго наблюденія за монастыремъ, гдѣ въ то время производилась постройка церкви, шло слѣдствіе о Викторѣ и производилась провѣрка монастырскаго имущества, Михайловскій проживалъ въ Томскѣ почти безотлучно до тѣхъ поръ, пока 20 мая 1781 г. на настоятельское томское мѣсто не былъ опредѣленъ игуменъ *Иннокентій*.

Иннокентій, сынъ священника Казанской епархіи, обучался въ Казанской семинаріи съ 1758 по 1769 годъ съ окончаніемъ богословскаго класса. По выходѣ изъ семинаріи онъ былъ посвященъ во діаконы, но за ско-

*) См. списокъ братіи Алекс. мон. за 1778 г. Мон. арх.: св. 12.

**) Ук. Тоб. Конс. 1778 г. апр. 25. № 634. Мон. арх.; св. 12.

***) Въ разныхъ указахъ вины Виктора исчислены такъ:—обижалъ братію жестокимъ обращеніемъ (билъ плетьми), за безмѣрною дебелостію и тяжестію корпуса изъ кельи не выходилъ по недѣли, не заводилъ общей трапезы, по его винѣ сгорѣла церковь, въ управленіи заказомъ былъ недѣятеленъ и медлителенъ, церковныя книги не разсылалъ по церквамъ, держа ихъ въ кладовой, „по сгорѣніи церкви, сдавъ управленіе монастыремъ свящ. Благовѣщ. церкви Безменову, самъ уѣхалъ въ Кійское десятоначальство для осмотра будтобы церквей, а на самомъ дѣлѣ ни гдѣ въ церкви не заходилъ, а заходилъ только въ дома священно-служителей для лакомства". Ук. Кон. 1779 г. марта 28. арх. Том. Д. Конс. Сн. указы Тоб. Конс. отъ 7 янв. и 11 апрѣля 1780 г. Мон. арх.; св. 12.

†) Указъ Тоб. Конс. отъ 11 апр. 1780 г.

рымъ вдовствомъ его „взяли“ въ Свіяжскій Богородицкій монастырь, гдѣ принялъ онъ постриженіе въ 1771 году. Чрезъ пять лѣтъ былъ возведенъ въ іеромонашескій санъ и назначенъ казначеемъ въ томъ же Свіяжскомъ монастырѣ. Затѣмъ проходилъ разныя должности при домѣ Казанскаго митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича и, наконецъ, для миссіонерскаго служенія былъ посланъ въ Сибирь въ распоряженіе Тобольскаго Преосвященнаго *). Томское игуменство было его первымъ мѣстомъ на чужбинѣ и, состоя на немъ, онъ получилъ порученіе—вмѣстѣ съ Красноярскимъ протоіереемъ Михайловскимъ взять на себя труды по просвѣщенію инородцевъ около Томска и Кузнецка**). Игуменство въ Томскѣ, однако, мало радовало Иннокентія. Монастырь не представлялъ ничего отраднаго ни со стороны его матеріальнаго благосостоянія, ни со стороны жизни его обитателей. Въ неблагопріятной обстановкѣ Иннокентій опустился самъ, и то и дѣло получалъ замѣчанія и выговоры то за медленность въ совершеніи дѣлъ, то за небрежность въ ихъ исполненіи. Подканцелярист духовн. правленія Григорьевъ, послѣ увольненія Иннокентія изъ Томска, свидѣтельствовалъ о немъ, что „дѣлами игуменъ не занимался, а проводилъ время днемъ во снѣ, а ночью въ прогулкахъ по монастырю до свѣту, а когда начинало свѣтать, ложился спать и просыпалъ до полудня. Кирпичъ, запасенный для стройки каменнаго храма, онъ или распродалъ, или роздалъ обывателямъ заимообразно,—для продажи свѣчъ въ монастырской церкви и кошельковаго сбора въ ней онъ поставилъ состоящаго подъ епитиміею при Воскресенской церкви солдата Елисея Бѣлыхъ, который пьянствовалъ и, въ пьянствѣ, безъ стѣсненія бралъ деньги изъ церковныхъ суммъ. Предписано было изъ консисторіи игумену произвести опись церковныхъ вещей, какъ въ монастырѣ, такъ и въ томской соборной церкви, но онъ,—говорилъ Григорьевъ,—поручилъ это дѣло мнѣ, а я—свѣтскій человѣкъ, сего исполнить не могъ, такъ какъ до церковныхъ, священныхъ вещей мнѣ касаться не надлежитъ“ ***).—Апатія къ дѣламъ не помѣшала однако Иннокентію пользоваться большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ средѣ лучшаго томскаго общества. По указу консисторіи отъ 21 ноября 1786 г., Иннокентій былъ отчисленъ отъ Томскаго монастыря съ переводомъ на настоятельское же мѣсто—подальше въ Сибирь—въ Спасскомъ Енисейскомъ монастырѣ †). Томскимъ гражданамъ крѣпко не хотѣлось отпускать его отъ себя симпатич-

*) Вѣдомость о монашествующихъ за 1781 г. Моск. арх. св. 12.

**) Ук. Тоб. консист. отъ 21 окт. 1781 г. св. допошеніе игум. Иннокентія, въ которомъ онъ просилъ себѣ помощника по управленію Томскимъ заказомъ въ лицѣ священника Том. Воскресен. церкви Петра Меркурьева. Ноябрь, 1781 г. Мон. арх.; связ. 12.

***) Докладъ подканцеляриста Григорьева игум. Полладію отъ 17 февр. 1787 г. Мон. архивъ; св. 11. Докладъ былъ вызванъ разслѣдованіемъ о медленности Иннокентія въ исполненіи консисторскихъ распоряженій.

†) Ук. консист. отъ 23 ноя. 1786 г. Мон. арх.; св. 11.

наго, выѣхавшаго изъ Россіи игумена и объ отмѣнѣ состоявшагося о его переводѣ рѣшенія они подали Преосвященному общую просьбу. Консисторія вскорѣ отвѣтила: „оную томскихъ гражданъ просьбу оставить, и быть въ силѣ прежнему Его Преосвященства опредѣленію, а Вамъ, Иннокентію, объявить, что какъ Енисейскій монастырь почитается важностію выше Томскаго, то Его Преосвященство Васъ, игумена, какъ достойнѣйшаго того монастыря, настоятелемъ и опредѣлилъ, о чемъ св. Суноду отъ Его Преосвященства уже донесено". *) Не успѣлъ Иннокентій выѣхать изъ Томска, какъ прибылъ сюда новый настоятель, игуменъ Палладій, постриженный изъ вдовцовъ-священниковъ, уже въ очень престарѣлыхъ лѣтахъ, въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Палладій началъ свою настоятельскую дѣятельность донесеніемъ о разныхъ неисправностяхъ по монастырю, допущенныхъ его предшественникомъ. „Велѣно мнѣ, писалъ онъ въ консисторію, монастырское имущество отъ игум. Иннокентія, принять по описямъ, но, по прибытіи въ Томскій монастырь сего 1787 г. января 30 дня, его игум. Иннокентія я не нашелъ,— „невѣдомо куда скрылся, да и во всемъ монастырѣ какъ въ *разсыпанной храминѣ*, кромѣ одного и то престарѣлаго и дряхлаго священника Григорья Кустова, никого не обрѣлъ, чего ради нынѣ божественное служеніе безпрерывно самъ исправлять за Вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ началъ. Въ церкви встрѣтилъ вездѣ нечистоту... хотя здѣсь и школа была и священно-церковно-служительскія дѣти обучались, но невѣдомо для чего онымъ игуменомъ Иннокентіемъ распущены по домамъ, а иныя у него (находятся) на его собственной (зимней) рыбной ловлѣ, не поблизку отъ города Томска, также и запрещенные священники въ работѣ непрестанно обрѣтаются." **)

Но за то самъ доноситель своимъ правленіемъ и дѣйствіями довелъ монастырь до такого униженія, до котораго онъ никогда не доходилъ ни прежде, ни послѣ. Монастырскія деньги исчезали, не попадая въ монастырскую казну. Приходорасходныя записи или не велись, или были полны подлоговъ. Жалованіе монахамъ и служителямъ или вовсе не выдавалось, или выдавалось только въ небольшой части. Монастырское и церковное имущество подверглось полному разгрому. Между тѣмъ быстро богатѣлъ сынъ игумена, свящ. Павелъ Флоровскій, котораго отецъ постарался перевести въ Томскъ и опредѣлить къ томской Троицкой соборной церкви. Сверхъ

*) Указъ консист. отъ 20 янв. 1887 г. Мон. арх.; св. 11.

**) Доношеніе Палладія отъ 1 февр. 1787 г. Мон. арх; св. 11. Впослѣдствіи игум. Палладій также много разъ жаловался на неисправности своего предмѣстника, глав. образомъ раскрывая ихъ съ докладовъ Григорьева. Консисторія, наконецъ, вынуждена была сдѣлать замѣчаніе новому игумену въ томъ смыслѣ, что дѣла о неисправностяхъ Иннокентія, его, П—дія, не касаются, чтобы отъ „пустыхъ бумагъ удерживался и архиву ими не накоплялъ." Ук. конс. 5 іюня 1787. Мон. арх.; связ. 12.

того, во внутренней монастырской жизни совершались дѣянія, наполнявшія городъ слухами самаго недобраго свойства. Въ отдаленномъ отъ мѣста центральной власти сибирскомъ городѣ до поры до времени все сходило съ рукъ, но, по сознанію самаго Палладія, отвѣтственность рано или поздно всетаки должна была наступить. Желаніе избѣжать ея тягости, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, заставило игумена проситься на покой съ переводомъ въ др. монастырь Просьба была удовлетворена. 15 мая 1792 г. изъ консисторіи былъ посланъ указъ о переводѣ Томскаго игумена въ братство Тюменскаго монастыря, при чемъ предписывалось ему приготовить къ сдачѣ всѣ дѣла какъ по монастырю, такъ и по управленію заказомъ, а если бы въ заказныхъ нашлись дѣла нерѣшенныя, то поспѣшить ихъ окончаніемъ. Палладій отвѣтилъ, что дѣлъ нерѣшенныхъ за нимъ не состоитъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя имъ унаслѣдованы отъ предшественника игум. Иннокентія, тѣмъ не менѣе „да позволено ему будетъ ѣхать въ Тюмень будущей зимой, ибо по своей старости и по слабости здоровья лѣтній путь признаетъ для себя крайне затруднительнымъ.“*) Вскорѣ затѣмъ Палладію довелось донести, что въ монастырь явились своевольно купцы съ ратманомъ магистрата Адріаномъ Пырсиковымъ во главѣ. Купцы ходили по кельямъ *съ обыскиваніемъ* и, обыскивая, не обошли даже настоятельскаго помѣщенія. Это, прибавлялъ игуменъ, такъ меня въ то утро потрясло и до такой степени я былъ напуганъ и вмѣстѣ оскорбленъ, что и литургію служить не могъ. **)

Обстоятельство, по содержанію представленнаго донесенія, раскрывало консисторіи, что въ обители, находящейся въ Томскѣ, не все благополучно и поэтому распоряженіе о переводѣ настоятеля въ Тюмень было взято назадъ. П—дій однако не переставалъ проситься изъ Томска. 19 ноября того-же 1792 г. онъ писалъ Преосвященному: „Я произведенъ въ игумена уже 6 лѣтъ и нынѣ болѣзнь, старость и дряхлость заставляютъ мыслить о смерти. Желательно было бы исполнить обѣщаніе: поклониться Абалакской святынѣ, поэтому прошу дать мнѣ увольненіе въ Тобольскъ, а для смотрѣнія за монастыремъ, на мѣсто мое, да будетъ Ваша въ ономъ архипастырская воля.“***) Видно, что увольненіе не послѣдовало. Почти ровно чрезъ годъ, репортуя о покражѣ старинныхъ книгъ изъ монастырской ризницы, игуменъ выразительно указывалъ, что въ монастырѣ за всѣмъ ему не доглядѣть, потому что старъ и дряхлъ и, кромѣ того, по должности заказчика онъ долженъ часто выѣзжать изъ города для освященія или заложенія вновь заводимыхъ въ уѣздѣ церквей, а между тѣмъ въ монастырѣ все чаще повторяются „непорядки“,

*) Рапортъ Палладія въ Тобол. конс. іюнь 1792 г Мон. арх.; связ. 7.

**) На это оскорбленіе Игуменъ жаловался и въ прошеніи на Высочайш. Имя. См. прошен. отъ 19 іюля 1792 г. Мон. арх.; св. 7.

***) Прошен. 1792 г. ноября 19 Дѣло о Палладіѣ въ архивѣ Томской Д. консисторіи.

отъ которыхъ „отвращать монашествующихъ онъ находитъ себя не въ силахъ и не въ состояніи.“ Въ заключеніи просилъ сложить, наконецъ, съ него „начальственное иго.“ *)

Иго не хотѣли сложить тѣмъ болѣе теперь, когда въ Томскѣ уже шло слѣдствіе о школьникахъ русской школы Иванѣ Шиховѣ съ товарищи и пономарѣ Караульщиковѣ „по чинимымъ ими въ Томскѣ разнымъ воровствамъ.“ Обвиняемые показывали, что игуменъ не только зналъ о ихъ воровствѣ, но и старался прикрывать его. Можетъ быть, консисторія выжидала времени, когда старецъ-настоятель докажетъ свою неприкосновенность ко всей тинѣ этого дѣла и выйдетъ изъ нея незапятнаннымъ, или обѣленнымъ.

Увольненіе Палладія отъ настоятельства состоялось только въ концѣ 1797 г.**) Игуменъ Палладій, какъ человѣкъ престарѣлый, не имѣя силъ управлять *отдаленнымъ монастыремъ*, писалъ преосвященный Варлаамъ въ своемъ опредѣленіи, данномъ консисторіи, „пламенно просилъ“ объ удаленіи его отъ правленія. „Чего ради опредѣляемъ быть къ Томскомъ Богородице-Алексѣевскомъ монастырѣ игуменомъ дому нашего іеромонаху *Даніилу*, котораго къ производству во игумена представить сего декабря 20 дня и потомъ, по надлежащему, отправить въ Томскъ“ съ тѣмъ, чтобы монастырское имущество принялъ по описямъ и что окажется въ недостачѣ, то взыскалъ съ Палладія или „натурою или по цѣнѣ деньгами“... „А такъ какъ до онаго игумена Палладія касается дѣло, производствомъ въ Томскомъ уѣздномъ судѣ имѣющееся, по оговору школьника Шихова съ товарищи и еще нерѣшенное,“ то „подтвердить назначенному, по тому дѣлу, депутату съ духовной стороны священнику Неводчикову указомъ, „чтобы усугубилъ стараніе о приведеніи онаго къ концу и, кромѣ того, погребовать отъ него объясненіе: почему дѣло въ нерѣшеніи толикое время продолжается.“ ***)

Вновь назначенный игуменъ Даніилъ явился въ Томскъ въ самомъ началѣ слѣдующаго 1798 г. и вмѣстѣ съ Томскимъ заказчикомъ, священникомъ Анд. Неводчиковымъ немедленно приступилъ къ пріемкѣ монастырскаго и церковнаго имущества. Результатъ обнаружился болѣе чѣмъ печальный. Оказалось, что въ имуществѣ недоставало множества вещей и среди нихъ многихъ старинныхъ церковныхъ и учительныхъ книгъ, между прочимъ, напечатаныхъ до 1666 г. Книги, по слухамъ, игуменъ продавалъ „чуждающимся церкви за большущія деньги“. Коніисту П—дій не додалъ жало-

*) Рапортъ отъ 4 ноября 1793 г. Мон. арх.; св. 7.

**) Прежде онъ уволенъ былъ отъ должности управляющаго Том. заказомъ—уволенъ былъ по прикосновенности къ дѣлу о воровствѣ школьниковъ. Управленіе заказомъ было передано соборному священнику Андрею Неводчикову. Ук. консист. отъ 17 августа 1797 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Опредѣленіе Преосвященнаго отъ 14 декабря 1797 г.—Дѣло объ игум. Палладіѣ. Консист. архивъ.

нія за разные годы 96 руб., священнику Майкову 19 р. 50 коп., діакону Курбаковскому 18 р. 40 коп., послушнику Хмылеву 28 руб., а монастырскимъ служителямъ казенное жалованіе не платилъ почти никогда. Казенное денежное пособіе, ассигнованное на ремонтъ церкви, на церковныя потребы, на дрова, конюшенные припасы, онъ никогда не употреблялъ въ расходъ, а „куда дѣвалъ—неизвѣстно". За все время правленія заказомъ игуменъ перебралъ съ священно-церковно-служителей, по раскладкѣ на содержаніе дух. правленія, 600 руб., „а куда дѣвалъ—также неизвѣстно". Заглянули Даніилъ и Неводчиковъ въ приходо-расходныя книги и нашли, что отрѣшенный настоятель писалъ ихъ „какъ хотѣлъ". Братія единогласно показывала новому начальнику, что начальникъ, только лишь смѣщенный, содержалъ ее худо, въ пищѣ отказывалъ, обращался жестоко со всѣми даже съ престарѣлымъ казначеемъ іеромон. Амвросіемъ,—рубилъ на Киргизкѣ лѣсъ на дрова, а между тѣмъ „покупки дровъ записывалъ въ книги". Ознакомившись съ безотраднымъ положеніемъ дѣлъ, игуменъ Даніилъ вошелъ въ келью П—дія для переговоровъ съ нимъ и увидѣлъ у него 25 мѣшковъ съ мѣдными деньгами и два ящика съ серебряными и отчасти золотыми монетами. Сынъ бывшаго настоятеля, свящ. Флоровскій, собирался отправить эти мѣшки и ящики къ себѣ на домъ. Даніилъ счелъ себя въ правѣ задержать и отобрать деньги, которыхъ оказалось всего на сумму 2100 руб.*)

Разумѣется, о всемъ этомъ немедленно было отписано въ Тобольскъ. Не оставался въ долгу на счетъ жалобъ и донесеній и самъ старецъ. Въ донесеніи отъ 4 февраля 1798 г. онъ прежде всего поблагодарилъ преосвященнаго за милостивое увольненіе отъ должности и затѣмъ извѣщалъ, что игуменъ Даніилъ, прибывъ изъ Тобольска въ Томскъ 8 января, вмѣсто того, чтобы въѣхать въ монастырь, остановился въ мірской квартирѣ, „якобы у своего сомолитвенника подпоручика Прокопія Кобякова". Въ монастырь явился онъ только на другой день и прежде всего приказалъ служителямъ рубить топоромъ ставни у оконъ настоятельской кельи, „затѣмъ, какъ видно, что ему показалось невесело". Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній монастыря Даніилъ зашелъ къ нему, Палладію, въ келью и, увидя деньги „выслалъ вонъ отъ меня сына моего, свящ. Флоровскаго, и внука, и наконецъ, меня бѣднаго и болѣзненнаго приказалъ монастырскимъ служителямъ таскать по снѣгу. Секвестрировавъ имущество мое, келью заперъ".**) Въ пер-

*) Деньги эти, по распор. изъ Тоб. Консисторіи, были переданы на храненіе испр. долж. Томск. коменданта, штабъ-капитану Ельцову. Указъ Кон. 1799 г. игум. Даніилу и отношеніе игум. къ Ельцову. Мон. арх. Св. 12.

**) Палладій послѣ секвестра, какъ онъ выражался, у него денегъ выѣхалъ въ квартиру сына, свящ. Флоровскаго. Но по указу консист. отъ 28 октяб. 1798 г. ему снова велѣно было возвратиться въ монастырь на іеромонашескую вакансію. Мон. арх.; св. 12). Но онъ и послѣ того отговаривался отъ монастыря, указывая, что „ясти и пити ему здѣсь нечего" и что въ монастырѣ ему „всѣ соперники", и потому оставаться въ немъ ему небезопасно.

вый день своего переселенія изъ мірской квартиры въ монастырь новый настоятель устроилъ своимъ знакомымъ „обѣденное угощеніе съ продолженіемъ веселости приглашенными пѣвчими изъ солдатъ“, а „сей образъ умосужденія весьма соблазнителенъ“. Наканунѣ высокоторжественнаго дня 13 числа мѣс. января Даніилъ уѣхалъ съ родственниками своими къ прапорщицѣ Васильевой, а на слѣдующее утро литургіи не служилъ, какъ ни разу не служилъ и потомъ до недавняго отъѣзда въ Красноярскъ и къ тому-же, во все время пребыванія въ Томскѣ, не сказалъ ни одной проповѣди. „Вотъ, Ваше Преосвященство, мы только на глазахъ у Васъ кажемся быть достойными ангельскаго образа, а отъѣхавъ, какъ хощемъ, такъ видно по своему желанію и поступаемъ“. Въ концѣ доноситель просилъ защитить его самого отъ обидъ, а его имущество „отъ лихоимства“. *)

Чрезъ нѣсколько дней П—дій отправилъ еще жалобу почти съ такимъ-же содержаніемъ**) и изготовилъ нѣсколько бумагъ на Высочайшее имя.

По поводу крупныхъ растратъ и вообще всѣхъ дѣйствій отставного игумена за 11-лѣтній періодъ его начальственнаго служенія въ Томскѣ изъ Тобольска назначили слѣдствіе, поручивъ его производство, съ участіемъ Неводчикова и Даніила, Томскимъ городскимъ священникамъ Ивану Истомину, Петру Безменову и Михаилу Медвѣдкову. Для письмоводства былъ вытребованъ къ слѣдователямъ изъ Красноярскаго дух. Правленія опытный канцеляристъ, коллежскій регистраторъ Омскій. Слѣдователи повели дѣло крайне плохо: другъ съ другомъ ссорились, другъ—друга завиняли то въ томъ, то въ другомъ и постоянно отказывались отъ порученнаго крупнаго и труднаго дѣла. Поссорились и Даніилъ съ заказчикомъ Неводчиковымъ. Первый обвинялъ послѣдняго въ утайкѣ денегъ изъ монастырскихъ суммъ, опредѣленныхъ на расходы по слѣдствію***). Омскій съ мольбою взывалъ къ Тобольской власти, чтобы отпустила его изъ Томска обратно въ Красноярскъ, такъ какъ слѣдствію не видится конца. По его словамъ, его успѣшному производству мѣшали и Неводчиковъ съ его начальственнымъ обхожденіемъ со всѣми и вмѣшательствомъ во все, и пьянство свящ. Медвѣдкова, достигшее размѣровъ, при которыхъ онъ не стѣсняется входить въ питейные дома и производить тамъ буйства, и, наконецъ, непреобѣдимое упрямство самого обвиняемаго. Консисторія, наконецъ, увидѣла необходимость вручить руководственную роль по слѣдствію многоопытному въ этихъ случаяхъ протоіерею Барнаульскаго собора Іоанну Пѣунову, съ устраненіемъ изъ числа

*) Донесеніе Палладія отъ 4 февраля 1798 г. Дѣло объ игум. Палладіѣ. Арх. Том. Кон.
**) Жалоба отъ 15 февраля 1798 г. Тамъ-же
***) О непорядкахъ слѣдствія см. указы Кон. отъ 15 октяб. 1798 г. № 2472, 2473 и 19 февраля 1799 г. № 429. Въ тетради разныхъ бумагъ, относящ. къ дѣлу Палладія. Мон. арх.; св. 12.

слѣдователей Медвѣдкова, подвергшагося за пьянство запрещенію въ священно-служеніи.*) Кромѣ того, для побужденій къ скорѣйшему окончанію запутаннаго дѣла, изъ Тобольска прислали въ Томскъ исправ. должность консисторскаго секретаря Петра Старцева.

Слѣдствіе подтвердило все, о чемъ прежде доносили Даніилъ и Неводчиковъ, разъяснило разныя подробности касательно растратъ Палладія и, кромѣ того, предъявило къ послѣднему еще новыя очень тяжкія обвиненія. Было установлено, что штатныя средства для содержанія монастыря бывшій настоятель бралъ въ свою пользу почти цѣликомъ, изъ монастырскихъ припасовъ и вещей щедрою рукою удѣлялъ сыну. Приходо-расходныя книги за болѣе ранніе годы своего настоятельства игуменъ скрылъ, а въ тѣхъ, которыя нашлись въ монастырѣ, расходныя статьи почти сплошь были написаны ложно. Раскрылось затѣмъ, что старинныя церковныя и свято-отеческія книги П—ій продавалъ старообрядцамъ и среди нихъ особенно часто купцу Шумилову, что о такихъ продажахъ зналъ казначей іеромон. Амвросій, но долженъ былъ молчать, такъ какъ и безъ того несъ отъ настоятеля „нестерпимые побои“. Старинныя книги исчезали не изъ одной монастырской ризницы, обвиняемый при поѣздкахъ по заказу, отбиралъ ихъ безвозвратно и отъ многихъ приходскихъ церквей. Такъ, изъ двухъ церквей Томской Благовѣщенской и села Спасскаго игуменъ взялъ книгъ, вмѣстѣ съ др. вещами, на сумму, по самой скромной оцѣнкѣ, во 155 руб. Вмѣстѣ съ книгами и др. вещами, взятыми изъ монастырскаго достоянія, были утрачены украшенія, снятыя съ старинной архимандричьей шапки. Украшенія состояли изъ крупнаго жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Одинъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей мѣщанинъ Недомолвинъ о шапкѣ показалъ, что „въ бытность въ Томскомъ монастырѣ архим. Ѳеодосія убрана была архимандричья шапка большимъ, добрымъ жемчугомъ и добрыми же каменьями, и когда оную шапку дочь протопопа Прокопія Петрова, вычистивъ и обложивъ ее новымъ горностаемъ, принесла обратно Ѳеодосію, ему, Недомолвину, прилучилось въ то время быть въ кельи архимандрита. Тутъ-же были въ гостяхъ два человѣка изъ пріѣзжихъ россійскихъ купцовъ, которые, высматривая шапку, сказали, что такая стоитъ до 4000 руб. А послѣ, въ бытность настоятелемъ игум. Палладія, проѣзжалъ изъ Петербурга чрезъ Томскъ въ Пекинъ начальникъ китайской духовной миссіи архим. Сафроній, онъ служилъ въ нашемъ городѣ 6 янв. въ Богоявленской церкви, и на рѣку ходилъ,— тогда на шапкѣ добраго и крупнаго жемчугу уже не было, а остались однѣ серебряныя позолоченыя дощечки съ изображеніями св. ликовъ“. Слѣдова-

*) Запрещеніе Медвѣдкова. Ук. Конс. отъ 7 сент. 1798 г. въ той-же тетради.

**) Пачка бумагъ изъ разныхъ переписокъ по дѣлу о Палладіѣ и тетрадь съ такою-же перепиской. Мон. арх.; св. 7 и 12.

тели оцѣнили потери на шапкѣ въ 2000 руб. и, не смотря на всѣ отреченія подсудимаго, вину ихъ потери возложили на него. Ему-же приписали снятіе золотого и серебрянаго позумента съ лучшихъ ризъ монастырской ризницы. *)

Остальные пункты обвиненія, поставленны слѣдствіемъ, касались главнымъ образомъ, нравственной стороны въ интимной личной жизни бывшаго настоятеля. Свидѣтели доказывали, что онъ не только часто проводилъ время въ нетрезвости, но за нимъ водились такія дѣла, о которыхъ лучше не вспоминать **).

Кончилось дѣло о воровствѣ школьниковъ Шихова съ товарищи, переданное изъ Томскаго уѣзднаго суда въ Тобольскую палату суда и расправы. И по этому дѣлу П—дій оказался виновнымъ въ томъ, что зналъ о воровствѣ, покровительствовалъ ворамъ, хотя бы тѣмъ, что укрывалъ краденое.

Рѣшеніемъ Тобольской д. Консисторіи П—дій сначала былъ запрещенъ въ священнослуженіи, а затѣмъ приговоренъ къ снятію съ него игуменскаго и іеромонашескаго сана***). Послѣдній приговоръ, утвержденный Св. Сѵнодомъ, уже не засталъ въ живыхъ со всѣхъ сторонъ завиненнаго глубокопрестарѣлаго человѣка, представляющаго, судя по всему содержанію дѣлъ о немъ, какую-то психологическую и моральную загадку, даже для Сибири старыхъ лѣтъ. Скончался онъ 22 апр. 1799 г., оставшись должнымъ монасты-

---

*) Кромѣ потери украшеній изъ жемчуга и „добрыхъ каменьевъ", снятыхъ съ архимандричьей шапки, и дорогого позумента съ ризъ, игумена обвинили въ растратѣ слѣдующихъ монастырскихъ книгъ: 1) Библіи изд. 1751 г. 2) Толковаго Воскрес. Евангелія Московской печати 1681 г. 3) Толковаго Евангелія бл. Ѳеофилакта. Москов. печати 1698 г. 4) Соборникъ Москов. печ. 1665 г. 5) Твореній св. Григорія Назіанзена М. печ. 1656 г. 6) Бесѣдъ Златоуста на Ев. отъ Іоанна печ. 1665 г. 7) Бесѣдъ того-же Св. Отца на Дѣян. ап. 1712 г. 8) Бесѣдъ того-же св. Отца на 14 апостольск. посланій печати 1767 г. 8) Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ индѣйскомъ 1681 г. 10) Книги Баронія 1719 г. 11) Четь-Миніи за мартъ мѣс. 12) Твореній св. Кирилла Іерусалим. изд. 1772 г. и др.; —всего 31 №-ръ.

Кромѣ того, П—дію вмѣнили въ преступленіе, что онъ отобралъ безъ отдачи изъ Томской Благовѣщенской церкви" евангеліе напрестольное старинное, дестевое, оболченное краснымъ рытымъ верверетомъ" и изъ церкви Спасскаго села (около Томска) евангеліе напрестольное дестевое. Оба евангелія слѣдственная коммиссія оцѣнила во 100 руб., по 50 р. каждое. (Въ Благовѣщ. церкви взято было еще вещами на 55 руб.)

По монастырскому хозяйству, сверхъ утраты многихъ хозяйственныхъ принадлежностей (между прочимъ большого невода), вырубки множества деревъ и въ мон. лѣсной дачи, настоятель, по указанію слѣдствія, продалъ въ свою пользу 6 лошадей и 9 головъ крупнаго рогатаго скота. Вся сумма начета на обвин. игумена была слѣдствіемъ выражена въ цифрѣ 2678 руб. 94 коп.—Тетрадь съ перепискою по дѣлу о растр. игум. П. Мон. арх. Св. 12. Сн. указъ Консис. игум. Даніилу 1799 г. 19 сент. № 2783. Тамъ-же и дѣло объ игум. Пал. въ Томск. Конархивѣ.

**) См. дѣло о Палладіѣ и сюда относящіеся документы въ бумагахъ Том. духовн. Прав. за 1799 г столп. № 6 и въ дѣлахъ Тоб. Консист. хранящ. въ Конс. Томской, за 1799 же годъ, по описи № 158—184.

***) Приговоръ объ игум. Палладіѣ. См. ук. Тоб. Консист. Мон. арх.; св. 9.

рю, за разными уже произведенными изъ его имущества возмѣщеніями, 855 руб.*)

Преемникъ Палладія, игум. Даніилъ (Черкасовъ) началъ свою службу пономаремъ въ Красноярскѣ и тамъ же дослужился сначала до сана діакона, потомъ священника и даже до положенія въ званіи товарища Красноярскаго заказчика. Въ монашество постригли его въ Тобольскомъ Печерскомъ преподоб. Антонія и Ѳеодосія соборѣ и послѣ того зачислили въ штатъ іеромонаховъ при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ, откуда онъ и получилъ почетное назначеніе въ Томскъ**). Вскорѣ сюда-же, въ Томскъ, переѣхали и сыновья его Иванъ и Яковъ Черкасовы. Начальственное служеніе Даніила въ Томскѣ также не прошло безъ злоключеній для него самого. Въ штатъ своихъ келейниковъ Даніилъ взялъ школьника изъ русской школы Дмитрія Бѣляева и, уличивъ послѣдняго въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своей, игуменской, собственности, велѣлъ жестоко наказать его розгами. Въ отместку Бѣляевъ подалъ на настоятеля извѣтъ съ обычными обвиненіями въ пьянствѣ и другихъ, не свойственныхъ монашеству, поступкахъ. Доносчикъ нашелъ покровительство у враждовавшаго тогда съ игуменомъ священника Богоявленской церкви Василія Чемесова (замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ первымъ образованнымъ священникомъ въ Томскѣ) и поддержку на сторонѣ какого-то унтеръ-офицера Карайкова. Послѣдній представляетъ очень любопытное явленіе: онъ считалъ себя призваннымъ путемъ доносовъ искорять злоупотребленія административныхъ чиновниковъ въ Томскѣ и въ своихъ доносахъ обыкновенно подписывался „императорскимъ томскимъ доносителемъ“, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока за этотъ выдуманный титулъ ему не погрозили.

Опять въ монастырѣ потянулось слѣдствіе, которое на этотъ разъ производили Кузнецкій протоіерей Никита Аримильскій и Ачинскій десятоначальникъ Красноярскаго заказа, свящ. Петръ Токаревъ.***) Обвиняемый, пока шло слѣдствіе, былъ, подобно предшественнику, отрѣшенъ отъ должности заказчика, переданной ему отъ Неводчикова, и даже запрещенъ въ священнослуженіи. За игумена заступились и монастырская братія, и горожане. Въ своемъ одобреніи, очень интересномъ по наивному изображенію разныхъ подробностей въ жизни настоятеля, братія объяснила, что Бѣляевъ по-

*) Дѣло Т. дух. Прав. столп. № 6, 1799. Аналогичное нашему игумену явленіе представляетъ сибирскій-же (Туруханскій) настоятель Аполлосъ, о которомъ передалъ г. Львовъ въ статьѣ о Бобрищевѣ-Пушкинѣ. Ист. Вѣст. 1896, авг.

**) Изъ вѣдомостей о монашествующихъ за управленіе Даніила. Мон. арх.; св. 9 и 12.

***) Среди многочисленныхъ ябедниковъ, которыми изобиловалъ Томскъ, этотъ „доноситель“ былъ особенно безпокоенъ. По его словамъ, полиція слѣдила за его перепискою, которую онъ отправлялъ почтою. Въ дѣлѣ Бѣляева онъ подалъ доносы въ Сунодъ и Тоб. архіерею.—Арх. Том. Консист.

†) Пачка дѣлъ 1800—1804 г. безъ описи въ архивѣ Т. Консисторіи.

далъ доносъ „по сердцамъ на о. игумена за его отеческое исправленіе.“ *) Въ свою очередь граждане писали, что игуменъ „препровождаетъ житіе свое честно и порядочно.“ **) Даніилъ оправдался и былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ достоинствѣ, мучительно переиспытавши непріятныя послѣдствія доноса въ продолженіе болѣе ***) года. За то послѣ епархіальное начальство относилось къ нему очень благосклонно. Это видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ дѣловыхъ писемъ, посланныхъ ему преосвящ. Антоніемъ. †) Онъ скончался въ Томскѣ 6 ноября 1805 г. Послѣ него смотрѣніе за монастыремъ временно было поручено Томскому соборному протоіерею *Григорію Стефановскому.*†*) Исполняя порученіе, Стефановскій оказалъ немалую услугу духовенству Томскаго и даже Красноярскаго края своими заботами о преобразованіи состоявшей при монастырѣ русской школы въ инфартаторію, а затѣмъ въ духовную гимназію и дѣятельностію для приличнаго и удобнаго помѣщенія гимназіи въ монастырскихъ зданіяхъ.

Въ именномъ императора Павла указѣ св. Суноду отъ 18 декабря 1797 г. въ IV пунктѣ изображено: „по губернскимъ и другимъ знатнѣйшимъ городамъ, гдѣ имѣются монастыри III класса, дозволяемъ Суноду, по усмотрѣнію его, для благолѣпія церковнаго служенія, вмѣсто игуменовъ, посвящать архимандритовъ съ тѣмъ, чтобы оные на положенныхъ по штатамъ игуменскихъ окладахъ оставались“. †**) На этомъ основаніи св. Сунодъ, по представленію Тобольскаго преосвященнаго Варлаама, разрѣшилъ открыть архимандритіи

*) Копія съ одобренія. См. Мон. арх.; Св. 9. 14 янв. 1802 г.

**) Граждане г. Томска дали игум. Даніилу „аттестатъ“ такого содержанія: „Тобольскій епархіи г. Томска Богородице-Алексѣевскаго монастыря игуменъ Даніилъ съ 1797 г. декабря, будучи при монастырѣ настоятелемъ, понынѣ житіе препровождаетъ честно и порядочно. Въ поправленіи монастыря и въ украшеніи церковнаго боголѣпія (sic) и св. иконостаса—тщателенъ и съ живущими въ городѣ Томскѣ штабъ и оберъ-офицерами и гражданами обходится ласково и ко всѣмъ снисходителенъ и, наконецъ, его жизнь составляетъ ничто другое, какъ примѣръ добродѣтельнаго, честнаго и заслуживающаго похвалы человѣка, тѣмъ еще паче, что онъ во все сіе время замѣченъ какъ въ подгулкахъ, такъ и въ другихъ противностяхъ отнюдь не былъ. Словомъ сказать, ведетъ себя соотвѣтственно носимому имъ званію.“ 1802 янв. 28 дня. Подписали: плацъ-маіоръ подполковникъ Яковлевъ, коллеж. совѣт. Ив. Синельщиковъ, уѣзд. судья Дивиленевъ, Тарскій (!) уѣзд. судія Кашперовъ, титулярный сов. Текутьевъ, частный приставъ Ухтомскій, титул. совѣт. Валгусовъ, городской голова Петръ Шумиловъ, бургомистры: Ив Раевъ, Ив. Завьяловъ, ратманы: Вороновъ, Софатовъ. Нехорошевъ, купцы: Лошкотовъ, Рудаковъ, Скворцевъ, Старковъ, Мыльниковъ, Шуговъ, Мингалевъ, Коламыльцевъ, городовой староста Сорвачевъ и т. д. всего 56 подписей —Мон арх; св 12.

***) Оправданіе игумена Даніила и возстановленіе его въ достоинствѣ настоятеля и заказчика—ук. Кон. отъ 1803. марта 23. Мон арх; св. 9.

†) Впрочемъ благоволеніе со стороны Тобольскаго преосвящ. Варлаама игуменъ Даніилъ видѣлъ и раньше, пока еще не было тяжелаго дѣла, вызваннаго доносомъ Бѣлаева. На обложкѣ, хранящейся въ монастырской библіотекѣ, книги: „краткое показаніе о бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и въ прочихъ сибирскихъ городахъ воеводахъ“... значится такая надпись: Его Высокопреосвященство Варлаамъ, архіепископъ Тобольскій и Сибирскій, въ знакъ своего архипастырскаго благоволенія презентовалъ сію книжицу краткое показаніе о Сибири Градо-Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря г ну настоятелю о. игум. Даніилу 1797 г. декабря 1 дня.

†*) Указъ о порученіи Стефановскому управлять монастыремъ. Мон арх.; св. 8.

†**) П. С. З. т. 24, № 18273.

въ монастыряхъ Тобольской епархіи Верхотурскомъ, Тюменскомъ и Енисейскомъ, ибо Верхотурье и Тюмень, сказано въ указѣ, прежде всѣхъ прочихъ городовъ вступили (по завоеваніи Сибири) во всероссійскую державу, а Енисейскъ есть главный городъ Енисейской провинціи. Въ архимандриты Верхотурскаго Николаевскаго монастыря осенью 1798 г. былъ представленъ и возведенъ игум. Іосафъ, а Енисейскаго—Спасскаго его игуменъ Никодимъ; „бывшій, прописано въ указѣ о посвященіи, чрезъ 12 лѣтъ учителемъ семинаріи“*) Вскорѣ въ ряду сибирскихъ городовъ повысился и Томскъ. 6 августа 1804 г. послѣ торжественнаго богослуженія съ водосвятнымъ молебномъ въ Богоявленской церкви было провозглашено открытіе Томской губерніи и Томскъ былъ объявленъ губернскимъ городомъ.**) Сообразно съ повышеннымъ положеніемъ города долженъ былъ подняться въ своемъ положеніи и достоинствѣ и Томскій монастырскій настоятель. Онъ долженъ былъ быть архимандритомъ. Игум. Даніилъ остался, однако, безъ повышенія за тою, несомнѣнно, причиною, „что въ семинаріи не обучался“. Но, послѣ его смерти, преосвященный Амвросій не замедлилъ отписать Сѵноду въ томъ смыслѣ, что городъ Томскъ какъ губернскій, имѣетъ нынѣ преимущество предъ уѣзднымъ Енисейскомъ и потому не будетъ-ли соблаговолено открыть архимандритію въ Томскѣ, а въ Енисейскѣ по-прежнему оставить игуменство, переведши Енисейскаго архимандрита Никодима на настоятельское мѣсто въ Томскій Алексѣевскій монастырь.***) Устроилось такъ, какъ и представлялъ преосвященный, за тѣмъ исключеніемъ, что архимандритіи не былъ лишенъ и Енисейскъ. Но Томску не довелось имѣть у себя высоко-ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень благостнаго архимандрита Никодима. Онъ умеръ въ Енисейскѣ предъ самымъ временемъ отъѣзда на новое служеніе въ губернскій городъ. На его мѣсто въ г. Томскѣ получилъ назначеніе, съ возведеніемъ въ архимандрита, игуменъ Туруханскаго монастыря Ѳеофилактъ, имѣвшій въ то время 42 года.†)

Ѳеофилактъ прошелъ полный курсъ въ Тобольской семинаріи и монашество принялъ непосредственно послѣ его окончанія съ оставленіемъ при архіерейскомъ домѣ сначала іеродіакономъ, потомъ іеромонахомъ. Въ іеромонашескомъ санѣ онъ проходилъ домѣ должность экономa при томъ же архіерейскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ члена Консисторіи. Нѣкоторое время въ качествѣ строителя управлялъ еще Тобольскимъ Іоанновскимъ монастыремъ. Въ Туруханскъ его послали въ 1799 г., слѣдовательно онъ провелъ на сѣверной

*) Ук. Тоб. Конс. отъ 12 окт. 1798 г. Арх. Том. Конс. въ связкѣ дѣлъ Том. д. Прав. за 1798 г.

**) Реэстръ входящ. дѣлъ въ Том. д. Правл. за 1804 г. Мон. арх.; св. 7.

***) Копія съ представленія преосвящ. Амвросія въ св. Сѵнодъ отъ 30 ноября 1806 г. Архивъ Том. дух. Консисторіи, дѣла 1806 г.; по описи № 430.

†) Тамъ же. Сн. указ. Конс. отъ 28 окт. 1807. Мон. арх; св. 8.

угрюмой окраинѣ Сибири почти 7 лѣтъ.*) Въ Томскъ Ѳеофилактъ явился пока въ званіи игумена, но съ очень ревнивымъ отношеніемъ къ своему высокому среди томскаго духовенства положенію и, на почвѣ этой ревности, сразу непріязненно столкнулся съ мѣстнымъ протоіереемъ Стефановскимъ. Онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ утромъ въ высокоторжественный день 30 августа 1807 г., когда о. Стефановскій соборнѣ служилъ литургію въ Богоявленскомъ храмѣ.**) Игуменъ поспѣшилъ прибыть сюда и сейчасъ же приказалъ, чтобы приготовили все для его первенства на предстоящемъ служеніи молебна и чтобы Богоявленскій діаконъ снялъ свой лучшій стихарь и передалъ его пріѣхавшему съ нимъ, игуменомъ, іеродіакону Пансофію, такъ какъ на молебнѣ среди діаконовъ, по его же игуменскому распоряженію, долженъ былъ первенствовать этотъ послѣдній.***) Такъ рѣзко подчеркнутое желаніе дать почувствовать прибытіе перваго въ мѣстномъ духовенствѣ лица непріятно подѣйствовало на всѣхъ собравшихся къ молебну городскихъ священно-служителей. На слѣдующій день Ѳеофилактъ послалъ наказъ Стефановскому, чтобы немедленно явился въ монастырь для сдачи монастырскаго имущества. Повелительный тонъ оскорбилъ вліятельнаго въ Томскѣ и уже привыкшаго здѣсь къ первенству протоіерея. Онъ пришелъ въ монастырь только на другой день, за что получилъ выговоръ, выраженный начальственно, свысока. При такой сразу установившейся натянутости въ отношеніяхъ сдача имущества не могла пройти гладко.

Достаточно поворчали и даже покричали другъ на друга оба: сдававшій и принимавшій.†) А когда Стефановскій затѣмъ позволилъ себѣ назвать Ѳеофилакта въ оффиціальной бумагѣ только „настоятелемъ, а не игуменомъ“, что, по мнѣнію игумена, означало „презрѣніе и неуваженіе къ установленной власти“, оскорбленный рѣшилъ жаловаться на непочтительность и униженіе епархіальному начальству. Отправилъ жалобу и Стефановскій, прося удержать игумена „отъ привязчивыхъ дѣйствій“ и кстати ужъ сообщилъ, что игуменъ почему-то запретилъ произносить на эктеніяхъ прошенія о побѣдѣ.†*) Въ консисторіи не могли не обратить вниманія на ничтожество въ поводахъ для возникшихъ дрязгъ и прислали указъ, гдѣ было прописано: „взаимныя ссоры игумена Ѳеофилакта и протоіерея Стефановскаго, произшедшія примѣтнымъ

*) Вѣдом. о монашествующихъ за 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

**) Нужно замѣтить, что Богоявленская церковь въ то время замѣняла соборную. Томскій Троицкій соборъ къ началу XIX в. почти развалился.

***) Столбъ дѣлъ за 1807 г. арх. Том. Конс.—Дѣло о ссорахъ между игуменомъ Ѳеофилактомъ и протоіер. Гр. Стефановскимъ, по описи № 442.

†) Впрочемъ, вину окриковъ при сдачѣ Ѳеофилактъ въ донесеніи возлагалъ только на Стефановскаго. Рапортъ игум. Ѳеофилакта отъ 30 окт. 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

†*) Не забудемъ, что дѣло происходило во время Наполеоновскихъ войнъ.—Дѣло о ссорахъ между Том. игум. Ѳеофилактомъ и протоіер. Григоріемъ Стефановскимъ. Архивъ Том. Конс., № 442.

образомъ отъ предубѣжденія перваго, якобы послѣдній не уважаетъ власть его, *чего однакожъ нельзя замѣтить*, хотя не могутъ быть по своей малости приняты въ законное разсмотрѣніе и сужденіе, но могутъ имѣть вредное вліяніе на ихъ служеніе въ дѣлахъ общественныхъ, когда продолжатся. Для того внушить имъ обоимъ съ подпискою—сколько постыдно имъ по партикулярнымъ ссорамъ и при томъ малозначущимъ наносить явный вредъ государственной службѣ и крайне предосудительный примѣръ отъ *первопочетныхъ въ* губернскомъ городѣ *чиновниковъ*, имѣющихъ вліяніе поступками своими на другихъ. По внушеніи сего, предписать, чтобы непремѣнно съ полученіемъ указовъ должны примириться между собою похристіански подъ опасеніемъ за противное запрещенія упрямаго въ священнослуженіи, ибо тотъ и другой должны содержать всегда въ твердой памяти оное Христово слово: *аще помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой и проч.* О чемъ и послать имъ обоимъ указы, при чемъ протоіерею Стефановскому дать замѣтить, что онъ, сколько бы ни былъ занятъ своими должностями, не долженъ отказываться отъ личной сдачи игумену монастырскаго имущества съ денежными суммами." *) И должны были „первопочетные чиновники" губернскаго города дать другъ другу подписки, что ссориться между собою больше не будутъ. А что сердца у обоихъ не улеглись и послѣ того, видно изъ рапорта Ѳеофилакта отъ 30 октября, въ которомъ писалъ: такъ какъ Стефановскій усмотрѣнъ мною во многомъ ложнымъ доносителемъ, то присылаемыя имъ обо мнѣ бумаги безъ личнаго моего объясненія „не почитать дѣйствительными."**).

Личныя объясненія предъ консисторіей игуменомъ были обѣщаны потому, что ему предстояло путешествіе въ Тобольскъ для принятія посвященія въ архимандричій санъ. Посвященіе состоялось 6 декабря 1807 г. и въ указѣ, даномъ новопосвященному, было обозначено, что „во уваженіе состоянія Богородице-Алексѣевскаго монастыря въ губернскомъ городѣ" его настоятелямъ—архимандритамъ позволяется имѣть мантію камлотовую съ зелеными бархатными скрижалями***). Вскорѣ затѣмъ томскій архимандритъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ духовномъ Правленіи и благочиннымъ надъ монастырями Енисейскимъ и Туруханскимъ. Кромѣ того, ему, какъ начальнику только лишь открытой томской духовной гимназіи, былъ присвоенъ титулъ *гимназіарха*. Протоіерей Стефановскій, низведенный по духовному Правленію въ званіе второприсутствующаго, очутился отселѣ въ подчиненномъ къ о. архимандриту отношеніи и, конечно, долженъ былъ совсѣмъ смириться предъ нимъ и

*) Указъ конс. игум. Ѳеофилакту отъ 21 октября 1807 г. Мон. арх.; св. 8.
**) Рапортъ 30 окт. 1807 г. Мон. арх.; св. 8. Сн. указан. выше дѣло о ссорахъ въ арх. Том. Кон.
***) Ук. Конс. 28 декабря 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

утихнуть*), тѣмъ больше еще, что архимандритъ успѣлъ быстро подружиться съ первымъ томскимъ губернаторомъ Вас. Семен. Хвостовымъ.

Въ ежегодно представляемыхъ консисторіи спискахъ братіи Алексѣевскаго монастыря Ѳеофилактъ, начиная съ 1808 г., всегда прописывалъ о себѣ: „Томскій монастырь, къ сожалѣнію, нашедъ въ *великомъ опустошеніи и развалинахъ*, наконецъ, возстановилъ и привелъ въ порядокъ. Церковь каменную недоконченную совершилъ и, сверхъ того, соорудилъ каменную колокольню,—также построилъ настоятельскія деревянныя съ монашескимъ жильемъ кельи и соорудилъ по монастырю другія постройки и исправленія“**) Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ здѣсь заслугъ нужно понимать нѣсколько гиперболически.

Вслѣдъ за Ѳеофилактомъ, по указу св. Сунода отъ 19 августа 1818 г., настоятелемъ Томскаго монастыря былъ опредѣленъ архиманд. Верхотурскаго монастыря *Іеронимъ* Кирилловъ.***) Почему изъ лучшаго Верхотурскаго онъ переведенъ былъ въ худшій Томскій монастырь, бѣдность котораго неоднократно указывалъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ—намъ неизвѣстно. Но извѣстно, что положеніе его въ Пермской епархіи, которой въ то время принадлежалъ Верхотурскій монастырь, было очень высокое. Въ своей Верхотурской обители онъ проживалъ только временами, наѣздами, предоставляя ближайшее завѣдываніе ею своимъ намѣстникамъ. Самъ-же Іеронимъ постоянно находился въ Перми, гдѣ одновременно проходилъ должности члена консисторіи и префекта семинаріи.****) А служеніе въ Томскѣ было для него чуть не сплошнымъ огорченіемъ. Выдающимся событіемъ за время его томскаго настоятельства было преобразованіе въ 1820 г. существовавшей при монастырѣ гимназіи въ духовное училище съ присоединеніемъ къ нему приходскаго класса, послѣ чего архимандритъ Іеронимъ получилъ достоинство ректора Томскихъ духовныхъ училищъ съ особымъ окладомъ жалованія по этой должности. По его кончинѣ (22 іюня 1829 г.) и послѣ краткаго правленія въ монастырѣ казначея его, священника *Мамина*, въ Томскъ, на монастырскій начальственный постъ былъ посланъ архимандритъ *Іоанникій* Агишевъ.

Іоанникій далеко уступалъ въ образованіи своимъ ближайшимъ предшественникамъ, такъ какъ обучался въ семинаріи только до грамматическаго класса, (т. е. почти вовсе не учился), но привлекъ къ себѣ большое вниманіе начальства особою дѣловитостію въ практическомъ, хозяйственномъ направленіи.

---

*) Распоряженіе о бытіи архим. Ѳеофилакту первоприсутствующимъ въ Том. духов. Правленіи и благочиннымъ надъ монастырями Енисейскимъ и Туруханскимъ см. въ указѣ конс. архим. Ѳеофилакту отъ 13 янв. 1808 г. Мон. арх. Св. 13.

**) Вѣдом. о монашествующихъ за 1808 г. Мон. арх.; св. 13.

***) Указъ св. Сунода архим. Іерониму отъ 19 авг. 1818 г. Мон. арх. св. 9.

****) Это видно изъ нѣсколькихъ бумагъ Верхотур. монастыря, очутившихся въ архивѣ Том. монастыря и, очевидно, завезенныхъ сюда архим. Іеронимомъ. Мон. арх.; св. 9.

Въ вѣдомостяхъ о братіи Алексѣевскаго монастыря за начало 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Іоанникій писалъ о себѣ: „до постриженія въ монашество находился въ Тюменскомъ Троицкомъ и Тобольскомъ Знаменскомъ монастыряхъ въ разныхъ послушаніяхъ, за усердное прохожденіе оныхъ, по постриженіи, произведенъ въ 1813 году въ игумена съ назначеніемъ въ Кондинскій Троицкій монастырь; 1 апрѣля 1818 г. переведенъ на настоятельское-же мѣсто въ монастырь Абалакскій, а въ 1819 г. вызванъ былъ въ Тобольскъ для присутствованія въ Консисторіи. Посвященъ въ архимандриты 7 декабря 1829 г.“ *). Въ то время, когда онъ прибылъ въ Томскъ, ему было уже 68 лѣтъ. Несмотря однако на такой преклонный возрастъ, въ своихъ заботахъ о приведеніи Томскаго монастыря въ лучшій видъ и болѣе приличное состояніе Іоанникій обнаружилъ огромную энергію. Изъ предпринятыхъ и совершенныхъ имъ построекъ самой крупной было возведеніе вокругъ обители каменной ограды на протяженіи 357 саженъ. При соблюденіи самой строжайшей экономіи эта огромная постройка стоила 15324 руб. Ихъ собралъ архимандритъ съ большими усиліями, главнымъ образомъ, путемъ воззваній къ жертвователямъ разныхъ мѣстъ Сибири, включивъ сюда и жертву изъ личныхъ средствъ въ 500 руб. Изъ своихъ же личныхъ средствъ онъ удѣлялъ монастырю и не разъ и потомъ деньгами и вещами особенно въ то время, когда съ открытіемъ Томской епархіи (въ 1834 г.) при монастырѣ устраивался архіерейскій домъ. Его хлопоты о возвратѣ въ монастырь отобранныхъ у него старинныхъ угодій мы уже видѣли. Добрая дѣятельность не осталась безъ признательности со стороны архипастырей и высшей власти. Тобольскій архіепископъ Евгеній Казанцевъ два раза выразилъ ему благодарность со внесеніемъ въ формуляръ въ обоихъ случаяхъ; по его же представленію старецъ—архимандритъ получилъ золотой наперстный крестъ изъ кабинета Его Величества. Глубокую архипастырскую признательность объявилъ ему и первый томскій епископъ Агапитъ причемъ о его пожертвованіяхъ приказалъ записать „во всегдашній сунодикъ“ томскаго архіер. дома***). Вообще въ личности архимандрита Іоанникія мы встрѣчаемъ весьма почтеннаго дѣятеля, отличавшагося высокими качествами и въ своемъ нравственномъ характерѣ. Упомянутый преосвященный Евгеній находился съ Іоанникіемъ въ перепискѣ долго и послѣ того, какъ оставилъ Тобольскую епархію для служенія въ Ярославлѣ. Намъ удалось прочитать одно

*) См. напр. вѣдомость за 1834 г. Мон арх. Св. 9.

**) На представленіи Том. Консисторіи о пожертвованіяхъ архим. Іоанникія преосвящ. Агапитъ написалъ: „за пожертвованныя деньги на покрытіе монастыр. ограды, за лампады и подсвѣчники (для архіер. церкви), а равно за пожертвованныя на домъ нашъ 600 руб. объявить о. архимандриту особенную благодарность со внесеніемъ въ формуляръ и дать знать изъ нашей канцеляріи эконому для внесенія имени о. архим. во всегдашній сунодикъ.“ Ук. Том. Консист. отъ 23 ноября 1835 г. Мон. арх.; св. 9.

изъ этихъ писемъ преосвященнаго, посланное Іоанникію въ отвѣтъ на праздничное поздравленіе, изъ него видно—съ какимъ уваженіемъ и задушевностію относился къ скромному томскому настоятелю знаменитый іерархъ. За болѣзненностію и старостію Іоанникій въ 1836 г. удалился на покой и для доживтія своего вѣка остался въ томъ-же томскомъ монастырѣ*) При увольненіи св. Сунодъ опредѣлилъ выдавать ему пенсію въ 100 руб. въ годъ**). Къ сожалѣнію, послѣдующее монастырское начальство не обнаружило особенной склонности ухаживать за уволеннымъ престарѣлымъ настоятелемъ. Въ 1839 году старецъ въ частной бесѣдѣ съ преосвящ. Агапитомъ проговорился, что совсѣмъ иззябъ въ отведенной ему холодной и сырой монастырской кельѣ, и епископъ вынужденъ былъ распорядиться самъ, чтобы перевели архимандрита въ лучшее, теплое и сухое помѣщеніе. Скончался онъ 9 января 1841 года.

По увольненіи архимандрита Іоанникія въ отставку, его положеніе въ Томской обители занялъ архим. *Амфилохій*, происходившій изъ Тамбовской епархіи, гдѣ, по окончаніи семинаріи, былъ учителемъ дух. училища въ Липецкѣ, а потомъ инспекторомъ въ училищахъ Лебедянскомъ и Тамбовскомъ***). Въ Томскѣ, кромѣ монастырскаго настоятельства, Амфилохій занялъ смотрительскую должность въ томскомъ духовномъ училищѣ и первое мѣсто въ присутствіи духовной консисторіи. Помѣщеніе въ сосѣдствѣ съ монастыремъ и въ монастырской оградѣ томскаго архіерейскаго дома не нравилось Амфилохію. Онъ находилъ его стѣснительнымъ для своей обители. Это обстоятельство, а затѣмъ вообще соображенія о большихъ для монастыря удобствахъ въ уединенномъ расположеніи за городомъ породили у Амфилохія благое намѣреніе перенести ввѣренную ему обитель на другое, вѣроятно, старое киргизское мѣсто*) съ уступкою всякихъ существовавшихъ монастырскихъ зданій и построекъ для жительства томскихъ архіереевъ съ ихъ свитою. Съ этою цѣлью онъ началъ было хлопотать объ отпускѣ изъ казеннаго Иштанскаго бору 10,000 бревенъ, но, какъ мы замѣтили, получилъ полный отказъ. Больше объ Амфилохіи мы ничего не знаемъ, кромѣ развѣ того, что онъ былъ въ большихъ неладахъ съ томскимъ еписк. Агапитомъ, хотѣлъ даже жаловаться на архіерея и, кажется, дѣйствительно жаловался въ Сунодъ. Непріятности съ преосвященнымъ, вѣроятно, и побудили его перепроситься на службу снова въ Европ. Россію. 30 іюня 1839 г. онъ былъ

*) Рапортъ архим. Іоанникія 1835 г. Мон. арх.; св. 9.

**) Указъ Св. Сунода, 1836 г. Мон. арх.; св. 16.

***) Архим. Амфилохій прибылъ въ Томскъ, привезши съ собою семинариста Сг. Ландышева, который былъ потомъ начальникомъ Алтайской миссіи.

****) Объ этомъ намѣреніи онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ въ Казенную Палату.

переведенъ настоятелемъ въ Краснохолмскій Антоніевъ монастырь Тверской епархіи. Сравнительно недавнее настоятельство слѣдующаго Томскаго архимандрита *Виктора* Лебедева (съ 1839 по 1883 г.) уже не входитъ въ задачу настоящаго труда.

3.

Большая недостача монашествующихъ по всѣмъ монастырямъ русской церкви, какъ послѣдствіе запретительныхъ указовъ о постриженіяхъ.—Какое количество недоставало монаховъ до ихъ штатной численности, узаконенной имп. Екатериной II-й.—Недочеты въ братіи по Сибирскимъ монастырямъ и въ частности монастырѣ Томскомъ Алексѣевскомъ.—Усилія епархіальной власти пополнить недостачи братіи въ Алексѣевскомъ монастырѣ прежнею мѣрою посылки въ обитель вдовыхъ священно-церковно-служителей.—Невозможность широкаго примѣненія этой мѣры вслѣдствіе постоянной нужды по Тобольской епархіи въ приходскомъ духовенствѣ.—Какіе изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ посылались въ нашъ монастырь.—Отсутствіе у нихъ склонности къ принятію иноческаго постриженія.—Рѣдкіе случаи заявленій на опредѣленіе въ томское монастырское братство со стороны свѣтскихъ людей.—Неудача почти всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ.—Обиліе въ монастырѣ подначальныхъ изъ штрафованныхъ священно-церковно-служителей.—Примѣры ихъ бѣдственнаго здѣсь положенія.—Епитимійщики.—Монастырскіе заточники изъ дворянъ-преступниковъ.

Послѣдствіемъ стѣснительныхъ мѣръ касательно постриженія въ монашество, принятыхъ правительствомъ до времени воцаренія Екатерины II, явилось то, что когда въ 1764 г. вышли монастырскіе штаты съ указаніями о количествѣ братіи для каждой обители, во всей русской церкви монаховъ не доставало до штатной нормы 544 человѣка. И это не смотря на то, что теперь уже изъ прежнихъ 954 велико-россійскихъ православ. монастырей, осталось на лицо только 385. Велико было общее оскудѣніе въ монашествующей братіи и по всѣмъ Сибирскимъ монастырямъ. Въ частности въ монастыряхъ Тобольской епархіи составъ монашествующихъ не доходилъ до узаконеннаго числа на 43 человѣка, въ Иркутской—на 34 человѣка. Указомъ изъ св. Сунода отъ 13 ноября 1769 г. недостатокъ иноковъ по Тобольской епархіи велѣно было восполнить переводомъ нѣсколькихъ монашествующихъ, оставшихся за штатомъ (вслѣдствіе закрытія нѣкоторыхъ монастырей) въ епархіяхъ Казанской и Вятской. Именно, изъ Казанской епархіи велѣно было перевести 1 іеромонаха и Вятской 4-хъ іеромонаховъ и 1 іеродіакона*). Восполненіе большаго оскудѣнія такимъ ничтожнымъ количествомъ переведенныхъ осталось почти незамѣтнымъ. Въ нашей Томской обители за 1766 г. братія, съ архимандритомъ Ѳеодосіемъ во главѣ, состояла только изъ 6 человѣкъ***),—значитъ, въ ней недоставало до штатной цифры ровно столько-же лицъ. Но гдѣ ихъ было взять? Недостатокъ въ братіи ощущался по монастырямъ всей епархіи и нѣкоторые изъ нихъ,

*) См. копію съ указа Св. Синода отъ 13 ноябр. 1769 г. съ реэстромъ распредѣленія сверхштатныхъ монаховъ по разнымъ епархіямъ. Мон. арх.; св. 12.

**) Братія въ 1766 г. состояла изъ архим. Ѳеодосія, казначея іером. Герасима, рядовыхъ іеромонаховъ: Іоны, Іезекіиля, Михаила, іеродіакона Веніамина. Мон. арх.; св. 12.

чтобы какъ нибудь заполнить штатную норму въ братской численности, записывали на мѣста монашествующихъ священниковъ и діаконовъ, остававшихся въ міру и даже женатыхъ,—лишь бы только не пропадало казенное жалованіе, ассигнованное на каждаго брата*). Небольшое приращеніе въ количествѣ штатныхъ жильцовъ Алексѣевскаго монастыря произошло только въ 1768 г., когда открылась возможность перемѣстить сюда изъ Кондинскаго монастыря іеромонаха Іассона и изъ Тобол. архіер. дома іеродіак. Вассіана**). Но, за смертію іерод. Вениміанина, произошла убыль, такъ что къ 1770 г. въ монастырѣ братіи вмѣстѣ съ настоятелемъ все-таки состояло только 7 человѣкъ***). Въ 1770 году Томскій игуменъ Нафанаилъ прослышалъ, что въ Троицкомъ Рафайловомъ монастырѣ остались за штатомъ іеромонахи Ѳеодосій и Митрофанъ, и сталъ усиленно просить епархіальное начальство, чтобы, не отсылало ихъ никуда, кромѣ Томска. Просьба была сначала уважена,†) но вскорѣ рѣшеніе измѣнилось: Рафайловскіе іеромонахи потребовались для какого-то другого монастыря†*) Вмѣсто нихъ были присланы двое изъ другихъ монастырей, именно: отставленный отъ должности Кузнецкій игуменъ Адріанъ и Далматовскій іеродіаконъ Тимофей. Хотя изрѣдка, присылки въ нашъ монастырь монашествующихъ изъ другихъ обителей бывали и потомъ (іеромонахи: Варнава, Алимпій, Антоній и др.). Въ 1774 и 1775 г. консисторія нашла нужнымъ опредѣлить въ штатное число братіи Алексѣевскаго монастыря нигдѣ необученныхъ и въ причтъ церковный неспособныхъ поповскихъ сыновей Николая Мухина и Алескѣя Попова.*) Но кѣмъ въ особенности комплектовался штатный составъ монастырскихъ насельниковъ какъ въ Томскомъ, такъ и др. монастырях Тобольской епархіи,—это были, по прежнему обычаю, отсылаемые за монастырскія стѣны вдовые священно-церковно-служители. Въ 1773 г. консисторія усмотрѣла, что свящ. с. Спасскаго (около Томска) Шиховъ устарѣлъ для приходской дѣятельности, и поэтому предписала отправить его для служенія въ Томскій монастырь.††) Менѣе чѣмъ чрезъ два года игуменъ Нафанаилъ донесъ, что въ его монастырѣ іеромонаховъ имѣется только двое: Іезекіиль и Алимпій, да и тѣ за старостію „богослуженіе исправляютъ съ немалою трудностію.“ А минувшаго 1774 г., продол-

*) Это злоупотребленіе было остановлено указомъ Тоб. Конс. отъ 16 іюня 1780 г. Мон. арх.; св. 2.

**) Указы Тоб. Кон. отъ 28 января и 23 февр. 1768 г. Мон. арх.; св. 11.

***) См. списокъ мон. братіи за 1770 г. Мон. арх.; св. 12

†) Указъ Тоб. Кон. игум. Нафанаилу отъ 9 февр. 1770 г. Мон. арх.; св. 12

†*) Заключаемъ объ измѣненіи рѣшенія консисторіи на томъ основаніи, что въ послѣдующихъ спискахъ монастыр. братіи—іером. Ѳеодосія и Митрофана не встрѣчается.

†**) См. указы Тоб. Кон. отъ 13 нояб. 1774 г. 30 нояб. 1775 г. Мон. арх.; св. 12.

††) Указъ Тоб. Конс. отъ 27 апр. 1773 г. Арх. Том. Конс.; св. указовъ за 1770-ые годы.

жалъ игуменъ, священникъ томской Духовской церкви Силинъ объявилъ въ Духов. Правленіи, что при той церкви кромѣ него, Силина, состоитъ еще второй священникъ Гавріилъ Пушкаревъ—вдовый, имѣющій сына дьячка и дочь невѣсту, между тѣмъ св.-Духовской приходъ вообще не богатъ, а за недавнимъ пожаромъ въ Томскѣ сдѣлался еще бѣднѣе и двоимъ священникамъ содержаться въ немъ стало трудно. Изложивъ заявленіе Силина, Нафанаилъ просилъ: нельзя ли было бы Пушкарева, какъ излишняго при означенной церкви, послать въ монастырь, порученный его игуменскому управленію. Въ консисторіи, опредѣлили: послать, но, впрочемъ, съ оговоркою: „если Пушкаревъ согласится.“*) Пушкаревъ не согласился и перепросился въ сельскій Мелецкій приходъ. Но оговорки начальства въ сейчасъ указанномъ смыслѣ бывали далеко не всегда. Безъ сомнѣнія, безъ всякаго спроса о желаніи или нежеланіи жить въ монастырѣ въ 1776 году были посланы въ братство Алексѣевской обители вдовцы священники изъ Далматовскаго заказа Петръ Лебедевъ, Андрей Агѣевъ, Петръ Кондратьевъ,**) въ 1777 году изъ Нарымскаго десятоначальства Стефанъ Танцыревъ***) и, тѣмъ болѣе, изъ Тарскаго заказа Герасимъ Першуковъ †). Въ 1781 г., въ отвѣтъ на донесеніе игумена Иннокентія о большой недостачѣ въ братіи его обители, въ Тобольскѣ опредѣлили взять въ Томскій монастырь вдовыхъ и неимѣющихъ семействъ священниковъ Томскаго заказа: села Иктаринскаго Михаила Мухина, села Крохалевскаго Симеона Малахова, с. Яйскаго Ивана Кинева и Мелецкаго острога Гавріила Пушкарева.†*) Такимъ образомъ Пушкаревъ, прежде не согласившійся въ обитель и ушедшій въ Мелецкій приходъ, теперь долженъ былъ идти въ нее безотговорочно. Вскорѣ сюда же должны были явиться изъ Тарскаго заказа свящ. Григорій Кустовъ, Енисейскій діаконъ Борисъ Караульщиковъ†**) и священникъ изъ Барнаульскаго вѣдомства Иванъ Хмылевъ†***) Но въ 1785 г. братія въ нашемъ монастырѣ снова состояла только изъ 8 человѣкъ, включая сюда и настоятеля, и опять потянулись игуменскія жалобы на оскудѣніе въ монастырскихъ жильцахъ, повлекшія за собою обычныя новыя присылки вдовыхъ священно-церковно-служителей. При игум. Палладіѣ были, наприм., опредѣлены въ мо-

*) Указъ Тоб. Конс. 1775 г. 10 янв. Арх. Том. Конс.; связка ук. за 1770-ые годы.

**) Указы Тоб. Конс. игум. Филовею отъ 1776 г. февр. 23, мая 20 и іюня 8. Мон. арх.; связ. 12.

Братія Алексѣевскаго монастыря къ началу 1777 года состояла изъ игумена *Филовея*, казначея іером. *Варнавы*; іеромон. *Іезекіиля*, іеродіак. *Васcіана*, вдовыхъ свящ. *Петра Лебедева*, *Андрея Агѣева*, клюшника *Николая Мухина*, чашника *Алексѣя Попова*. Священникъ Кондратьевъ къ тому времени еще не явился въ монастырь.

***) Указъ Конс. 24 авг. 1777 г. Мон. арх.; св. 12.

†) Ук. Конс. отъ 3 нояб. 1777 г. тамъ-же.

†*) Ук. Тоб. Конс. игум. Иннокентію отъ 12 іюня 1781 г. Мон. арх.; св. 12.

†**) Ук. Тоб. Кон. 24 авг. 1781 г.; тамъ-же

†***) Ук. Конс. 5 ноября 1781 г.; тамъ-же

настырскій штатъ изъ Томскаго заказа діаконъ Яковъ Курбаковскій, свящ. Іеремія Майковъ, Андрей Поликарповъ, изъ другихъ заказовъ епархіи: дьяконъ Степанъ Бардаковъ, священники Иванъ Лапинъ, Иванъ Холщевниковъ, и дьячекъ Тимофей Боровскихъ.*) Замѣчательно прошеніе Курбаковскаго, посланное преосвященному Варлааму въ 1791 году. Въ немъ діак. писалъ, что въ февралѣ этого года игум. Палладій взялъ его въ монастырь отъ приходской церкви Чаусскаго острога безъ всякаго разрѣшенія со стороны консисторіи и „нынѣ, находясь въ монастырѣ у исправленія службы", онъ, проситель, остается безъ всякаго жалованія и безъ всякаго себѣ пропитанія, отчего съ сиротствующими своими тремя дочерьми, изъ коихъ одна увѣчная, претерпѣваетъ крайнее изнуреніе и голодъ, такъ что не имѣетъ и дневной пищи и одеждою весьма обносился." Курбаковскій молилъ вывести его изъ монастыря и дать ему мѣсто при какой-нибудь изъ Томскихъ городскихъ церквей. Игуменъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ, какъ заказчикъ, очевидно, поступилъ съ дьякономъ самовольно, превысивъ свою власть, тѣмъ не менѣе консисторія подтвердила ему, діакону, оставаться въ монастырѣ „въ надеждѣ монашества", такъ какъ кромѣ него исправлять діаконское служеніе здѣсь было некому, при чемъ пообѣщала, что жалованіе впредь онъ будетъ получать по іеродіаконской вакансіи.**) Повторялись присылки вдовствующихъ въ Томскую обитель и въ бытность игумена Даніила. Такъ, въ самомъ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX в. сюда были посланы священникъ Томской Благовѣщенской церкви Алексѣй Григорьевъ,***) діаконы Дулеповъ, Нифантьевъ и свящ. Ст. Шалабановъ****). Не смотря на то, игуменъ Даніилъ въ 1802 г. доносилъ преосвященному, что въ Томскомъ монастырѣ „по малоимѣнію братіи въ исправленіе монастырскихъ послушаній настоитъ не малая нужда"†), и вслѣдствіе сего не замедлили послѣдовать распоряженія, чтобы отправились для поступленія въ томскій монастырскій штатъ изъ разныхъ заказовъ діаконъ Епифаній Дерябинъ, свящ. Иванъ Серебрениковъ, Петръ Бѣльскій и Василій Ковригинъ. Послѣднему дана была отсрочка для явки къ мѣсту своего назначенія чрезъ два мѣсяца за тѣмъ, чтобы „кмѣлъ время выдать въ замужество взрослую дочь"†*). Вообще Тобольскій преосвящ. Варлаамъ очень любилъ посылать въ монастыри

*) Указы Конс. 12, 18 декабря 1792 г., 3 Авг. 1793, 3 іюля 1794 г. Мон. арх. св. 7. Опредѣленіе Холщевникова видно изъ дѣла объ игум. Палладіѣ.

**) Указы Тоб. Конс. отъ 18 декабря 1792 г. и 7 апр. 1793 г. Мон. арх. св. 7.

***) Ук. Конс. отъ 20 Янв. 1798 г. Мон арх.; св. 7.

****) Ук. Конс. 12 Сент. 1799 г. Мон. арх.; св. 9. Дѣла Том. Д. Пр. за 1800 г. Арх. Том. Конс.

†) Ук. Конс. отъ 23 Іюня 1802 г. Мон. арх. св. 9.—Въ іюнѣ 1802 г., братія Алекс. мон. состояла изъ игумен. *Даніила*, казнач. свящ. *Шалабанова*, вдов. свящ. *Мухина*, *Лапина*, *Майкова*, діаконовъ: *Бардакова*, *Курбаковскаго*, *Нифантьева* и дьячка *Боровскихъ*.

†*) Указы Конс. 3 и 23 іюня 1802 г., 18 Окт. 1805 г. Мон. арх.; св. 8 и 9.

вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Въ одной изъ прочитанныхъ нами его резолюцій онъ замѣтилъ: „вдовому среди мірскихъ жить соблазнительно."

Преемники архіепископа Варлаама всецѣло также не отказывались отъ мѣры пополненія братіи въ монастырях вдовствующими, но все-таки примѣняли ее въ значительно меньшей широтѣ. Это было отрадно для вдовцовъ, но невыгодно для монастырей, гдѣ недотчеты въ штатномъ числѣ жильцевъ выступаютъ еще ощутительнѣе. Въ 1807 г., управлявшій Томскимъ монастыремъ протоіерей Стефановскій, изъясняя нужду въ служащихъ въ томъ монастырѣ священникахъ, просилъ о разрѣшеніи священнослуженія находящемуся въ монастырскихъ трудахъ штрафованному и запрещенному свящ. Михаилу Милованову. По самой крайней монастырской нуждѣ во священникахъ разрѣшеніе было дано.*) Кромѣ того, о. Стефановскій исходатайталъ, чтобы на постоянно пустующія монашескія вакансіи были зачислены, съ полученіемъ штатнаго жалованія, учитель русскаго училища и нѣсколько бѣднѣйшихъ учениковъ этого училища.**) Въ 1809 г. на сильную жалобу архим. Ѳеофилакта, тожественную съ той, какую недавно посылалъ Стефановскій, т. е. что въ монастырѣ служить некому, что если въ братіи и имѣется нѣсколько священнослужителей, то они или слишкомъ стары, или въ служеніи не надежны, консисторія распорядилась присылкою въ Алексѣев. монастырь іеродіакона изъ Абалакскаго монастыря Паисія, и затѣмъ одного діакона, долго жившаго въ Туруханскомъ монастырѣ.***) Выразительно, что на этотъ разъ вдовцы, бывшіе въ приходахъ, остались не затронуты. Нѣсколько случаевъ отсылки въ монастырь вдовцовъ мы встрѣчаемъ только послѣ 1815 г. Къ началу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія оскудѣніе въ Томской монастырской братіи дошло до того, что архим. Іеронимъ вынужденъ былъ представить епархіальной власти такую картину:—„По смерти казначея іеромонаха Виталія протекло уже около году времени, какъ при Алексѣевскомъ монастырѣ не находится ни одного мѣстнаго іерея, а посылаются по резолюціямъ Вашего Высокопреосвященства изъ разныхъ вѣдомствъ подсудимые священники для отправленія въ оном. священнослуженія, которые потомъ опять отправляются къ своимъ мѣстамъ. Оттого весьма нерѣдко происходитъ остановка въ церковной службѣ, да и замѣшательство въ хозяйственныхъ дѣлахъ".†) Этимъ описаніемъ Іеронимъ просилъ объ опредѣленіи въ обитель,

*) Указъ Конс. отъ 14 Марта 1807 г. Мон. арх.; св. 8.

**) Въ число братіи 1807 г. входили: свящ. Вас. *Ковригинъ*, вдов. свящ. Іеремія *Майковъ*, Петръ *Бильскій*, вдовые діаконы: *Курбаковскій*, *Дерябинъ*, *Нифантьевъ*, дьячекъ *Боровскихъ*, учитель Яковъ *Черкасовъ*, и ученики *Дерябинъ*, *Гармаковъ*.

***) Монас. арх.,—дѣла за 1810—1813 г. св. 13. Имя Турух. діакона мы не разобрали.

†) Рапортъ архим. Іеронима. Арх. Том. Кон., по описи № 774. Братія въ 1820 г. состояла изъ самаго архим. *Іеронима*, казнач. іером. *Виталія* и только. Въ слѣд. году къ ней была причисленъ еще запрещ. свящ. Петръ Знаменскій. Изъ вѣдом. о казен. жалованіи. М. арх.; св. 12.

на должность казначея, вдоваго священника изъ села Уртамскаго Алексѣя Пудовикова*). Но Пудовиковъ въ монастырь, кажется, не поступилъ. Въ 1826 г. тотъ-же архимандритъ еще разъ ходатайствовалъ о посылкѣ въ братство его обители священниковъ Томской Благовѣщенской церкви Большенина и с. Ояшинскаго Веніамина Ушакова. Консисторія, ничего не имѣя противъ представленія томскаго о. архимандрита, предписала, чтобы *убѣждалъ* означенныхъ кандидатовъ „основать свое жительство въ монастырѣ.“ Нѣсколько иначе отнесся къ дѣлу архіеписк. Евгеній. На консисторскомъ опредѣленіи онъ помѣтилъ: „исполнить. Но довольно одного которагоlибо. На что обоихъ? (и при томъ не жительство основать въ монастырѣ, а поступить въ монастырь.“)***) Также, какъ при Іеронимѣ, плачевно обстояло дѣло по отношенію къ численности монастырскаго братства и за время слѣдующаго настоятеля-архим. Іоанникія. Въ пачкѣ старинныхъ бумагъ монастырскаго архива мы нашли завалившееся черновое письмо Іоанникія къ Тобольскому епископу Аѳанасію отъ 24 марта 1832 г. съ такимъ содержаніемъ:—„Я препроводилъ на сей почтѣ рапортъ къ особѣ В. Преосвящ. съ прошеніемъ, въ которомъ указалъ, что штатныхъ священниковъ во ввѣренномъ мнѣ монастырѣ нѣтъ ни одного, а самъ я въ силахъ: слабъ и боленъ ногами, почему службы Божіей отправлять ежедневно не въ состояніи. Всепокорнѣйше прошу В. Высокопреос. предложить—не пожелаетъ-ли кто изъ вдовыхъ священниковъ въ монастырь отправиться. А нынѣ отправляетъ въ монастырѣ священнослуженіе кузнецкаго вѣдомства опредѣленный сюда, по указу Тобольской Консисторіи, за нетрезвость свящ. Ѳедоръ Бажаевъ... Всенижайше прошу повелѣть опредѣлить по рапорту моему священниковъ и діаконовъ. А если будутъ присылаться священники *по дѣламъ*, то прошу присылать ихъ безъ запрещенія во священнослуженіи, ибо здѣсь городъ губернскій, монастырь среди города и бываетъ во святой церкви народное собраніе.“ ***) Однако не видно, чтобы чуть не слезное прошеніе Іоанникія сопровождалось богатыми результатами въ желательномъ для просителя смыслѣ. Въ 1834 г. братіи въ нашемъ монастырѣ было вмѣстѣ съ архимандритомъ только 4 человѣка, если не включать сюда трехъ молодыхъ послушниковъ. ****) Не много порадовалъ почтеннаго старца-архимандрита только слѣдующій 1835 г., когда, по назначенію Томскаго епископа Агапита, въ монастырь поступили выѣхавшій изъ Чернигова іеродіаконъ Владиміръ и пожелавшій принять монашество послушникъ архіерейскаго дома Ѳеодосій

*) Указы Конс. отъ 23 октяб. 1822 г. Мон. арх.; св. 11.
**) Указъ Кон. архим. Іерониму отъ 6 Іюля 1827 г. Мон. арх.; св. 14.
***) Мон. арх. св. 2.
****) Списокъ братіи за 1834 г.—Архим. *Іоанникій*, казнач. вдовый діаконъ *Бисеровъ*, вдовые священ. *Дмитрій Наумовъ* и запрещенный въ служеніи *Семенъ Тюменцовъ*, послушники *Серебряниковъ* 17 л., *Кудрявцевъ* 15 л., *Масляниковъ* 24 лѣтъ.

Максимовъ (въ постриженіи монахъ Анастасій).*) Не было обильно въ количествѣ братіи и за настоятельство архим. Амфилохія.**) Да и сомнительно, чтобы во все послѣдующее время существованія монастыря вплоть до настоящихъ дней его братскій составъ когда нибудь доходилъ до полнаго, закономъ установленнаго комплекта.

Какъ ни склонна была епархіальная власть отправлять вдовыхъ священно-церковно-служителей въ обители для жизни въ условіяхъ иноческаго пребыванія, тѣмъ не менѣе она должна была принимать во вниманіе другую болѣе важную и существенную нужду въ епархіи. Разумѣемъ огромную нужду по всей Сибири въ бѣломъ духовенствѣ для замѣщенія всегда во множествѣ имѣвшихся вакансій при приходскихъ церквахъ. Поэтому въ монастыри доводилось посылать вдовцевъ священниковъ и діаконовъ или уже слишкомъ престарѣлыхъ, или, что было гораздо чаще, тѣхъ изъ нихъ, которые были уличены въ недоброй жизни или, покрайней мѣрѣ, сильно заподозрѣны на этотъ счетъ. Такъ, напримѣръ, изъ вдовцовъ, присланныхъ въ Томскій монастырь въ 1776, 1777 годахъ, свящ. Андрей Агѣевъ былъ прежде судимъ и содержался до назначенія въ Томскъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ,—о Петрѣ Кондратьевѣ, сказано въ указѣ при его опредѣленіи въ монастырское братство, что, проживая въ приходѣ, онъ „наводилъ соблазнъ.“ Предварительно состоялъ подъ судомъ и священникъ Герасимъ Першуковъ. Любопытно преступленіе этого послѣдняго.

Въ то время, когда еще не улеглась сильно взволновавшая самыя западныя части Сибири Пугачевская смута, когда вообще въ Имперіи широко разносились слухи объ отмѣнѣ крѣпостной неволи, священники обязаны были читать народу о ложности и злонамѣренности этихъ опасныхъ для государства слуховъ манифестъ, изд. 19 марта въ 1775 г. Вскорѣ тобольскій губернаторъ Д. Ив. Чичеринъ прислалъ преосвященному Варлааму донесеніе, въ которомъ писалъ: „въ виду ложной и все болѣе и болѣе распространяющейся молвы всего менѣе разгласителей можно было ожидать среди духовныхъ лицъ, но, противъ чаянія, въ этой средѣ разгласитель нашелся. Имъ оказался священникъ Тарскаго вѣдомства с. Бутаковскаго Герасимъ Першуковъ“. Далѣе, въ донесеніи разсказывалось, что Першуковъ, явившись въ татарскую деревню Себелякову, прислалъ къ владѣтелю ея бухарину Шихову десятника съ приказаніемъ, чтобы Шиховъ немедленно распустилъ на волю своихъ дворовыхъ, что требуется такъ по смыслу только лишь прочитан-

*) Мон. арх.;—разн. бумаги 1835 года, св. 9.

**) Братія Алекс. Монас. за 1838-39 г.—Архим. *Амфилохій*, казначей іером. *Нифонтъ*, вдовый свящ. *Левъ Брызгаловъ*, іерод. *Антоній* и послушники: *Миляковъ*, *Масляниковъ*, *Евтихіевъ* и *Мархаминъ*.

наго народу указа Ея Величества. Шиховъ, выслушавши десятника, смутился и побѣжалъ къ священнику самъ—разузнать обстоятельнѣе—въ чемъ дѣло? Першуковъ подтвердилъ крѣпостную отмѣну, объявивъ еще разъ въ присутствіи многихъ татаръ, что на то онъ имѣетъ указъ, сохраняющійся въ его, Бутаковской, церкви. Дворовые Шихова, въ числѣ 80 человѣкъ, взволновались, вышли изъ повиновенія своему господину и начали разбѣгаться. Шиховъ поспѣшилъ въ Тару для распросовъ о неожиданной новости въ воеводской Канцеляріи. Здѣсь, разумѣется, ему разъяснили, что никакой такой новости нѣтъ и что священникъ, провозгласившій ее, совершилъ государственное преступленіе. Воевода распорядился немедленно взять Першукова для допроса. На допросѣ виновный показалъ: послѣ отправленія въ с. Бутаковскомъ литургіи и послѣ прочтенія манифеста о дарованныхъ народу милостяхъ, зашелъ онъ въ питейный и, выпивъ вина, „съѣхалъ“ за р. Иртышъ въ деревню Себелякову, купить тамъ табаку. Въ Себеляковой на улицѣ при татарахъ, десятникѣ, а потомъ при самомъ Шиховѣ дѣйствительно говорилъ, что по 46 пунк. прочитаннаго манифеста дворовыхъ людей велѣно распустить. Чичеринъ требовалъ, чтобы къ Першукову, какъ ложному разгласителю, примѣнена была вся сила положенной въ законахъ за такое дѣяніе строгости. Преосвященный отнесся къ „разгласителю“ благодушнѣе и постановилъ: такъ какъ Першуковъ допустилъ преступленіе „не поумыслу, а отъ неразумія и пьянства“, то, не лишая его священства, послать въ дальній монастырь въ труды на 1 годъ. Въ какомъ изъ дальнихъ монастырей онъ отбылъ эти годовые труды, намъ неизвѣстно. Но въ томскій монастырь Першуковъ былъ присланъ не въ качествѣ „подначальнаго“, а въ комплектъ штатнаго братства и, состоя въ немъ, принялъ монашество съ именемъ Германа.*)

Изъ вдовыхъ, посланныхъ на постоянное жительство въ монастырѣ вскорѣ послѣ Першукова, предварительно состояли подъ судомъ священники: Иванъ Хмылевъ, принявшій въ монастырѣ постриженіе съ именемъ Іосифа, М. Мухинъ, Іер. Майковъ, Ст. Шалабановъ, Бѣльскій, діаконы: Караульщиковъ, Бардаковъ, Курбаковскій, Дерябинъ, Нифантьевъ. Но мы еще далеко не претендуемъ на всю полноту этого списка. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ лицъ прежде, чѣмъ попали въ братію нашей обители, побывали въ ней то или другое время на положеніи штрафованныхъ монастырскими трудами (Хмылевъ, Курбаковскій, Бѣльскій). Въ вѣдомости о монастырской рядовой братіи за 1808 г. предварительная (предмонастырская) подсудность обозначена за всѣми ея членами, исключая вывезеннаго изъ Туруханска іеродіакона Пансофія и дьячка Тимофея Бо-

*) Указъ Тоб. Конс. отъ 31 авг. 1775 г. См. св. указовъ за 1770 годы въ арх. Томс. Консист.

ровскихъ (въ монашествѣ Троадій).*) Лица изъ приходскаго духовенства, отосланныя въ братскій составъ въ 10, 20 и 30-хъ г. XIX ст. **), тоже принадлежали главнымъ образомъ къ числу подсудимыхъ или сильно заподозрѣнныхъ на счетъ ихъ благонадежнаго поведенія.***) Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что въ штатную монастырскую братію опредѣляли иногда лицъ или съ временнымъ запрещеніемъ въ священнослуженіи (Майковъ, Т. Мухинъ, Петръ и Анд. Знаменскіе, Тюм.....) или съ запрещеніемъ навсегда (Шалановъ, Нифантьевъ), а іеромон. Іосифъ Хмылевъ былъ запрещенъ уже въ свою монастырскую бытность. Не всегда счастливилось Томскому монастырю даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ число его штатныхъ жильцовъ переводились лица изъ другихъ монастырей. Іеромон. Антоній, перепросившійся въ 1776 году въ Томскъ изъ Туруханскаго монастыря для леченія, проживая въ этомъ послѣднемъ монастырѣ, очень много тамъ „шумствовалъ". Точно также діаконъ, перешедшій сюда же и изъ той же Туруханской обители въ 1813 г. тамъ, не только шумствовалъ, но едва былъ удержанъ отъ совершенія тяжелаго уголовнаго преступленія по отношенію къ Туруханскому игумену. Въ мартѣ того-же 1813 года архим. Ѳеофилакту поступилъ изъ консисторіи указъ объ опредѣленіи въ Томское монастырское братство изъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря запрещеннаго свящ. В. Чемесова. Въ указѣ Чемесовъ отмѣченъ былъ поведеніемъ „худымъ". Архимандритъ встревожился такой присылкой и убѣдительно просилъ преосвященнаго послать несчастнаго, окончательно опустившагося вдовца—священника, недавно еще занимавшаго въ Томскѣ видное положеніе, въ Кондинскій монастырь. Преосвященный велѣлъ послать въ Енисейскій монастырь.†)

Вдовые священно-церковно-служители шли въ нашу обитель не по своей волѣ, а почти исключительно по распоряженію начальства. Естественно по этому, что многіе изъ нихъ, не чувствуя въ себѣ призванія къ иноческой жизни, старались, по крайней мѣрѣ, уклоняться отъ обѣтовъ, связанныхъ съ постриженіемъ, тѣмъ болѣе, что постриженія неволею вообще какого бы то нибыло, а также вдовыхъ священниковъ, указами Екатерины II были

*) Мон. дѣла за 1807-1808 г. Мон. арх. св 9.

**) Свящ. Тимофей Мухинъ, Петръ и Андрей Знаменскіе, Э—тинъ и др.

***) Въ вѣдомости о братіи за 1834 г. показано, что свящ. *Н...въ* обучался до Русскаго класса, былъ дьячкомъ и діакономъ въ Екатеринбургскомъ, потомъ въ Далматовскомъ вѣдомствахъ, въ 1808 г. перешелъ священникомъ въ Томское вѣдомство. Состоя на приходахъ, былъ нѣсколько разъ судимъ за пьянство, за незаконное обвѣнчаніе браковъ, подпадалъ подъ запрещеніе и, наконецъ, посланъ въ монастырь за обиду, учиненную въ церкви дьячку.—Свящ. *Тюм*.....—изъ неученыхъ. Судился много разъ за нетрезвость и буйства, былъ не разъ запрещаемъ. Вд. діаконъ *Б*....въ былъ судимъ за незаконное повѣнчаніе браковъ. Мон. арх.; св. 9.

†) Указъ Ѳеофилакту отъ 1813 г., декабрь Мон. арх.; св. 13.

запрещены особенно строго.†*) Отсюда произошло, что, при общемъ недостаткѣ въ братіи Томскаго монастыря, лица съ монашескимъ постригомъ встрѣчаются въ ней иногда только одиночно, а во многихъ случаяхъ и надолго ихъ, за исключеніемъ настоятеля, не было вовсе никого. Наиболѣе богата монашествующими томская братія за разсматриваемый періодъ была въ 1760, 1770 и 1780-хъ годахъ. Но уже въ первые годы игуменства Палладія иноковъ состояло въ монастырѣ, кромѣ самаго игумена, только двое: престарѣлый казначей іеромон. Амвросій и рядовой іером. Іосифъ Послѣдній былъ отправленъ въ Туруханскій монастырь и хотя на его мѣсто явился было въ Томскъ кіевскій іеродіаконъ Діомидъ, но пробылъ здѣсь не болѣе году и выбылъ снова въ Россію. Казначей Амвросій скончался въ 1801 г., и съ тѣхъ поръ монашествующихъ въ братіи не осталось никого. Это обстоятельство очень огорчало архим. Ѳеофилакта. Послѣ усиленныхъ увѣщаній, ему удалось склонить къ постригу сразу четырехъ человѣкъ изъ наличныхъ бѣльцовъ, именно: священниковъ Іеремію Майкова, Петра Бѣльскаго, діакона Курбаковскаго и дьячка Тимофея Боровскихъ. Если присоединить къ нимъ іеромонаха Виталія и двухъ іеродіаконовъ (Пансофія и Паисія), перешедшихъ въ тоже время въ Томскъ изъ другихъ мѣстъ, то въ концѣ перваго и началѣ второго десятка лѣтъ XIX столѣтія томская обитель не могла особенно жаловаться на отсутствіе у ней братчиковъ, облеченныхъ въ монашескую мантію. Счастливый періодъ былъ, однако, не очень длиннымъ. За смертію или переходомъ указанныхъ лицъ въ другіе монастыри, къ 1820 году среди братіи, подчиненной томскому архимандриту, мы опять видимъ только одного инока—казначея Виталія. А съ 1821 до 1839 г. рядовая братія состояла, какъ и прежде при игуменѣ Даніилѣ, исключительно изъ бѣльцовъ. Новое появленіе монашествующихъ въ послѣдующіе 4 года нами уже указано на предшествующихъ страницахъ.

Поступленіе въ монастыри для постриженія въ нихъ со стороны мірскихъ, свѣтскихъ людей, свободныхъ отъ обязательныхъ отношеній къ государственной службѣ, обществу или помѣщикамъ, теперь уже не было стѣснено. Но стремленіе свѣтскихъ къ поступленію въ нашъ томскій монастырь за весь обозрѣваемый періодъ выразилось очень слабо, а по отношенію къ постригу почти всегда неудачно. Въ 1775 г. изъявилъ свое согласіе вступить въ Алексѣевскую обитель съ принятіемъ въ ней монашества томскій посадскій человѣкъ Егоръ Пупковъ. Монастырское начальство отнеслось къ его желанію очень сочувственно и игуменъ Нафанаилъ писалъ преосвященному: „понеже въ здѣш-

†*) По Высочайше утвержденному докладу коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ 26 февраля 1764 г. позволено было постригать въ монашество на тѣхъ основаніяхъ, какія указаны въ Д. Регламентѣ „съ крайнимъ предостереженіемъ, чтобы въ неволю отнюдь никому ни подъ какимъ видомъ того въ монашество постриженія не было“ Пол. Соб. закон. т. XVI, № 12060, стр. 557. „Чтобы вдовымъ священникамъ къ постриженію насильства не чинить“,—это было подтверждено еще указомъ Св. Сунода 12 дек. 1769 г.

немъ монастырѣ за недостаткомъ монашествующихъ службы на клиросѣ исправлять некому, а Пупковъ житія и состоянія порядочнаго и въ церковномъ чтеніи и пѣніи весьма способенъ", то принятіе его въ братію было-бы весьма полезно. Преосвященный приказалъ взять Пупкова на искусъ. Искусъ обнаружилъ нѣсколько иное. Смѣнившій Нафанаила игум. Филоѳей донесъ въ Тобольскъ, что хотя испытываемый къ церковно-служительству и способенъ, но на славословіе и молитву въ церкви Божіей приходить лѣнивъ и нерачителенъ, къ послушаніямъ не послушенъ" и, сверхъ того, замѣченъ въ кражахъ и пьянствѣ. Кандидата на монашество съ такой аттестаціей велѣно было выдворить изъ монастыря безъ всякаго замедленія*). Съ 1794 г. указомъ консисторіи**) былъ зачисленъ въ томскій монастырскій штатъ перешедшій изъ Абалакскаго монастыря бѣлецъ-мірянинъ Никифоръ Дягилевъ, ушедшій снова на Абалакъ въ 1800 г. Въ 1812 г. подалъ прошеніе о постриженіи въ нашемъ монастырѣ титуляр. совѣтникъ Чертуфьевъ, но прошеніе ему вернули обратно, такъ какъ не согласился на предварительный 3-лѣтній искусъ.***) Въ 1830 и 1833 г. выразили было такое же намѣреніе еще двое отставныхъ чиновниковъ: губер. секретарь Левъ Савостинъ и надвор. совѣтникъ Алексѣй Соколовъ.*†) Но первый скоро измѣнилъ намѣреніе и вышелъ изъ монастыря, очевидно, разочаровавшись въ немъ; постриженіе второго не состоялось за его смертію въ 1835 г. Въ 30-же годахъ проживалъ въ монастырѣ послушникъ Иванъ Васильевъ Масляниковъ. Онъ происходилъ изъ Вяземскихъ мѣщанъ и сначала нѣкоторое время состоялъ въ братствѣ Московскаго Покровскаго монастыря, откуда перепросился въ томскую обитель уже съ полученнымъ разрѣшеніемъ на постриженіе. Но почему-то не состоялся здѣсь и его постригъ; по крайней мѣрѣ до 1840 г. онъ числился послушникомъ. Единственнымъ постриженникомъ изъ свѣтскихъ былъ пріѣхавшій изъ Россіи въ Томскъ съ преосвящ. томскимъ Агапитомъ его послушникъ Ѳеодосій Максимовъ (Анастасій), который, впрочемъ, вскорѣ послѣ постриженія причисленъ былъ къ томскому архіерейскому дому.**†) Подавали просьбы о поступленіи въ монастырь и о постриженіи въ немъ нѣкоторые изъ ссыльныхъ. Такъ, въ 1820 г. мѣщанинъ изъ сосланныхъ Новожиловъ писалъ архим. Іерониму: „по несчастію моему посланъ я въ Сибирь на поселеніе и, по прибытіи въ Томскъ, милостію начальства здѣсь оставленъ,—причисленъ въ мѣщане. Но будучи лишенъ прежняго моего жительства и удаленъ отъ семьи и родственниковъ,

*) Дѣло о Пупковѣ 1775—1776 г. Мон. арх.; св. 2.
**) Указъ Тоб. Кон. отъ 21 генв. 1799. М. арх.; св. 7.
***) Мон. дѣла за 1812 г. Мон. арх., св. 17.
*†) Мон. дѣла 1830—1835 г. Мон. арх.; св. и 6 17.
**†) Вѣдом. о братіи за 1834 г. М. арх.; св. 9.
†) Мон. арх.; св. 9.

пожелалъ я оставить мірскую суетную жизнь, положивъ намѣреніе о своихъ согрѣшеніяхъ приносить молитвы и служить единому Богу". Онъ былъ принятъ въ монастырь, но безъ постриженія *). Прошеніе въ такомъ-же родѣ въ 1839 г. поступило къ монастырскому начальству отъ сосланнаго въ Сибирь крестьянина Нижегородской губ. с. Лыскова Игнатія Крапивина **), принятаго въ обитель на должность трапезника.

Штатной братіи въ Томскомъ монастырѣ не доставало, но за то временныхъ, подневольныхъ въ немъ обитателей было всегда болѣе чѣмъ довольно. Здѣсь мы разумѣемъ штрафованныхъ монастыремъ и трудами въ немъ за разныя провинности священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. Сибирское малообразованное духовенство прежнихъ временъ отличалось большою грубостію нравовъ вездѣ, а въ Томскомъ, отдаленномъ отъ центральной власти краѣ, пожалуй, въ особенности. На благопріятной почвѣ невѣжества и грубости провинности по должности и противъ благоповеденія росли въ огромномъ множествѣ, и отсюда уже заранѣе можно предположить, какъ обильны были посылки въ нашъ монастырь священно-церковно-служителей для штрафованія. Перечислять всѣ случаи штрафованій за разсматриваемый періодъ, конечно, нѣтъ надобности въ настоящей работѣ, да при неполнотѣ имѣющагося у насъ матеріала это и вообще невозможно. Ограничимся перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ началѣ описываемаго времени духовные люди, наказанные монастыремъ, числились въ нихъ еще подъ прежнимъ названіемъ „колодниковъ". Въ 1772—1776 г. среди монастырскихъ колодниковъ состояли уже упомянутый прежде священникъ Томской Духовской церкви Михаилъ Калашниковъ, попавшій еще разъ въ монастырь за повѣнчаніе въ нетрезвомъ видѣ раскольника Ларина съ раскольницей-же Шумиловой безъ присоединенія къ православію***), священникъ Нарымскаго заказа с. Тогурскаго Арефьевъ за бродяжничество и при этомъ вѣнчаніе браковъ потаенно въ чужихъ приходахъ†), Ирменскаго села Вихоревъ за нетрезвость и вѣнчаніе старообрядцевъ съ обхожденіемъ по солнцу †*), с. Кривощековскаго Курбаковскій †**), изъ Енисейскаго заказа Евтихіевъ †***) и Тарскаго вѣдомства Старчевскій ††) и, кромѣ того, одинъ діаконъ и дьячекъ —всѣ эти за нетрезвость, кощунство въ храмахъ и незаконныя повѣнчанія ††*).

*) Мон. архивъ; св. 14.

**) Сосланъ былъ въ Сибирь за участіе въ возмущеніи противъ помѣщичьяго управителя въ с. Лысковѣ. Мон. архивъ. Св. 17.

***) Указъ Тоб. Дух. Консист. отъ 11 окт. 1772 г. Архив. Том. Консист. Связка указовъ за 1770-ые годы.

†) Указъ Тоб. кон. 31 октябр. 1772. Тамъ-же.

†*) Ук. кон. 1 марта 1773 г. Тамъ-же.

†**) Вѣдомость о монаст. колодникахъ за 1776 г. Мон. арх.; св. 12.

†***) Ук. кон. 12 сент. 1777. Мон. арх.; св. 12.

††) Ук. кон. отъ 19 дек. 1777. Мон. арх.; св. 12.

††*) Связ. указовъ 1770-хъ годовъ. Арх. Том. конс.

1780 и 1790-хъ годахъ несли «тяжкіе» труды въ монастырѣ въ качествѣ подначальныхъ священники разныхъ мѣстъ томскаго края: Хаовъ, Фолинъ, Поповъ, Винтовкинъ, Медвѣдковъ, Бѣльскій, Шиховъ и др., оставляемъ безъ переченя множество діаконовъ и причетниковъ. Впрочемъ, судя по архивнымъ даннымъ, въ XVIII вѣкѣ виновныхъ изъ приходскаго духовенства наказывали по Тоб. епархіи нестолько обительскими трудами, сколько денежными взысканіями или переводомъ на другія, худшія приходскія мѣста. Мѣра взысканія монастыремъ чаще примѣняется съ первыхъ лѣтъ слѣдующаго XIX столѣтія. До какой степени съ тѣхъ поръ начали часто присылать штрафованныхъ въ нашу Алексѣевскую обитель, между прочимъ видно изъ реестра входящихъ бумагъ томскаго Д. Правленія за 1804 годъ. Здѣсь значится, что 15 января явился «подъ началъ» на годъ священникъ Пономаревъ, 25 января присланъ указъ о бытіи въ монастырѣ пономарю Ковригину за пьянство на двѣ недѣли, февраля 1-го явился въ монастырь въ черную работу пономарь Серебряниковъ на полгода, 28 февраля полученъ указъ о бытіи въ монастырѣ свящ. Василію О—ихъ за пьянство на два мѣсяца, марта 8 присланъ въ монастырь свящ. Хмылевъ, марта 9 присланъ діаконъ Иноземцевъ, апрѣля 4 получены указы о бытіи въ монастырѣ въ черныхъ трудахъ свящ. Лукину и Д—леву". Далѣе идетъ все въ томъ-же родѣ. Словомъ, не было мѣсяца, за исключеніемъ сентября, когда не былъ бы присланъ указъ о бытіи въ монастырѣ то тому, то другому, или не явился бы въ монастырь самъ наказуемый*) Одни изъ штрафованныхъ прибывали въ монастырь, другіе, отбывъ наказаніе, уходили изъ него или на прежнія мѣста своего служенія, или на указанныя высшимъ начальствомъ новыя. Указомъ Тоб. Консисторіи отъ 20 мая 1805 г. сразу были рѣшены на прожитіе въ трудахъ въ томскомъ монастырѣ 3 священника и одинъ причетникъ **). Нерѣдко бывало, что на монастырскіе труды обрекались причты той или другой церкви въ цѣломъ составѣ съ отбываніемъ наказанія поочередно. Такъ въ томъ же 1805 г. попали въ Алексѣевскій монастырь причты с. Берскаго и с. Ирменскаго in corpore ***). Въ ноябрѣ 1818 г. одновременно несли подначальныя тягости въ нашемъ монастырѣ священники З—нъ и Серебренниковъ, дьяконъ Серебренниковъ же и дьячки Скикинъ и Парфеновъ ***). Но это еще сравнительно не много. Въ 1831 г. штрафованныхъ одновременно состояло при монастырѣ 20 человѣкъ †), а въ 1835 г. подначальныхъ священниковъ, діаконовъ и

*) Реестръ дѣлъ Том. Д. Правл. за 1804 г. Мон. арх.; св. 7.

**) Трое изъ этихъ оштрафованныхъ принадлежали Томскому вѣдомству, одинъ Тарскому. Ук. Тоб. кон. отъ 20 мая 1805. Мон. арх. св. 8.

***) Рапортъ казнач. іером. Виталія. Мон. арх.; св. 9.

†) Рапортъ архим. Іоанникія 1831 г. М. арх., св. 9.

причетниковъ всего перебывало въ обители 31 человѣкъ *). Разумѣется, при такомъ обиліи штрафованныхъ не навсегда и не всѣ они могли помѣщаться въ монастырскихъ зданіяхъ, въ большинствѣ имъ доводилось жить на квартирахъ съ обязанностію являться на монастырское послушаніе ежедневно. Вообще Томскій монастырь сталъ грознымъ мѣстомъ для духовенства огромной области Сибири, куда входили нынѣшніе округа: Томскій съ Нарымскимъ краемъ, Кузнецкій, Барнаульскій, Бійскій, Змѣиногорскій и нѣкоторыя части Семипалатинской области и Енисейской губерніи. Былъ страшенъ онъ и для священниковъ, занимавшихъ въ краѣ видное положеніе. Чуть-чуть не попалъ «по ябедѣ и проискамъ» въ монастырь и самъ величавый Томскій протопопъ Григорій Стефановскій, когда еще до перехода въ Томскъ онъ служилъ въ Берскѣ **), выдвигаясь уже тогда своею порядочностію и дѣловитостію среди сельскаго духовенства обычнаго ранга. Стефановскій отписался отъ монастыря, но не могли отдѣлаться отъ него законоучитель Кузнецкаго уѣзднаго училища свящ. Мальцевъ (въ 1826 г.) ***) и присутствовавшій въ Красноярскомъ Дух. Правленіи свящ. Т—новъ, допустившій неправильныя выписки изъ метрикъ при рекрутскомъ наборѣ (въ 1836 г.) †).

Штрафованные посылались въ монастырь „на черные труды". Здѣсь нужно разумѣть тѣ тяжелыя работы, которыя обычно должны были исправлять для монастыря его штатные служители или даже рабочіе наемные. Пребываніе исключительно въ клиросномъ послушаніи начали предписывать только съ начала нынѣшняго столѣтія и чаще съ 20-хъ его годовъ и то только для нѣкоторыхъ, но далеко не для всѣхъ священниковъ. Тяжесть положенія подначальныхъ увеличивалась отъ того, что во все время отбыванія наказанія они въ огромномъ количествѣ случаевъ должны были содержаться на собственныя средства. Мы имѣемъ предъ собою не мало заявленій съ ихъ стороны съ яркимъ описаніемъ какъ тяжести возлагаемыхъ на нихъ работъ, такъ и матеріальныхъ лишеній, которымъ во время монастырскаго заключенія подвергались они сами, а за ними и ихъ семьи. Священникъ с. Семилужнаго Поповъ, опредѣленный „подъ началъ" въ 1794 г., былъ назначенъ игуменомъ Палладіемъ къ работамъ по уборкѣ храма и топкѣ его въ зимнее время, при этомъ не пользовался отъ монастыря ни столомъ, ни одеждой, „пропитывался, какъ онъ доносилъ въ Тобольскъ, подаяніемъ отъ доб-

*) Изъ реестра входящ. дѣлъ Т. Д. Прав. за 1835 г. въ мон. арх. св. 9. Возможно, конечно, что въ нѣкоторые годы подначальныхъ бывало и больше, но мы не располагаемъ всею полнотою архивнаго матеріала.

**) Объ опредѣл. Стефановскаго въ монастырь см. ук. Тоб. кон. игум. Даніилу 1798 г. 21 авг. Мон. арх.; св. 12. Описка Стефановскаго тамъ же. – Ябеду онъ приписывалъ своему Берскому діакону, а происки Барнаул. протоіерею Пѣунову.

***) См. переписку съ дирекціею училищъ. М. ар. св. 14.

†) Указ. Томской конс. архим. Амфилохію; мон. арх., св. 17.

рохотныхъ дателей и въ одеждѣ имѣлъ большую скудость“ *). Свящ. Бѣльскій послѣ 19-мѣсячнаго пребыванія въ черныхъ монастырскихъ трудахъ, когда рубилъ дрова, носилъ при постройкѣ колокольни кирпичи и известь, умолялъ преосвященнаго разрѣшить ему священно-служеніе съ опредѣленіемъ на прежнее мѣсто. Въ основаніе мольбы онъ приводилъ: „не имѣю дневной пищи, претерпѣваю крайнѣйшую нужду,—часто уморяю себя голодомъ“ **). Томскій городской священникъ Шиховъ въ свою очередь указывалъ, что трудясь на монастырь цѣлый (1799) годъ, онъ „изнемогъ“ въ работахъ и „изнылъ“ въ бѣдствіяхъ***). Томской же городской Богоявленской церкви священникъ Медвѣдковъ въ слезномъ прошеніи архіепископу Варлааму описывалъ: „нахожусь на смиреніи въ *тягчайшей* работѣ въ Алексѣевскомъ монастырѣ... Обвиненъ въ пьянствѣ по злобѣ и клеветамъ сына игумена Ивана Черкасова, состоящаго при Богоявленской же церкви дьячкомъ. Когда пришелъ я въ монастырь, настоятель приказалъ посадить меня на день, какъ преступника, въ большую цѣпь, вѣсящую болѣе 2 пудъ и замкомъ запереть. Потомъ, по его же велѣнію, я 1) за сѣномъ ѣзжу въ поле, 2) въ кузницѣ молотомъ бью, 3) снѣгъ огребаю, 4) на заимку за лѣсомъ и дровами ѣзжу, 5) на братію стряпаю, 6) пономарскую должность исправляю, 7) за водою на р. Ушайку ѣзжу, 8) школьниковъ обучаю, 9) баню топлю и 10) разныя посылки исправляю. Отъ сего здоровье мое пришло въ разстройство и слабость... Я просилъ Его Преподобіе, о. игумена, чтобы для малыхъ дѣтей въ домъ меня когда отпускалъ иногда отобѣдать, иногда отужинать, но моя просьба бываетъ всегда отвергнута. По сей причинѣ не могъ я горести перенести и принужденъ былъ игумену открыть его несправедливости... И слова мои ему показались досадными, почему въ среду на Пасхѣ онъ снова посадилъ меня въ туже цѣпь, не приказывая впускать ко мнѣ никого и не давая мнѣ пищи и воды (!)—Медвѣдковъ просилъ перевести его въ Барнаульскій или Кузнецкій заказъ, дабы не претерпѣвалъ несносныхъ обидъ и жена и дѣти не шатались по міру» †). Между многими скитавшимися по квартирамъ подначальными 1834 года состояли свящ. Терентій Поповъ и діаконъ Степанъ Плотниковъ. Настоятель донесъ о нихъ, что съ квартиръ ни въ монастырскую церковь, ни на монастырскія послушанія они не ходятъ, а если иногда являются, то скоро покидаютъ порученный трудъ, и исчезаютъ изъ монастыря самовольно.—Онъ, настоятель, не разъ выговаривалъ имъ за такое своевольство и всегда отъ діакона получалъ одинъ отвѣтъ: „*ѣсть нечего*

*) Ук. Тоб. кон. отъ 9 іюля и 15 сентяб. 1795 г. Св. указ. за 1790 годы. Арх. Том. Дух. конс.

**) Дѣло о Бѣльскомъ. Арх. Том. Д. конс., по описи № 95.

***) Указ. Тоб. Кон. отъ 14 дек. 1799 г. Мон. арх.; св. 9.

†) Прошеніе отъ 12 апр. 1801 г. Архив. Том. конс., по описи № 218.

и поневолѣ мы вынуждены добывать себѣ пропитаніе на сторонѣ, хотя бы чтеніемъ псалтири надъ покойниками" *).

Говоря о подневольныхъ монастырскихъ обитателяхъ изъ свѣтскихъ людей мы, какъ и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ перваго отдѣла, опускаемъ въ своемъ трудѣ длинный перечень обычныхъ епитимійщиковъ, которые по суду свѣтской и духовной власти обязаны были принести въ обители покаяніе за преступленія противъ нравственности и въ особенности противъ семейной чистоты. Въ ихъ ряду затрогиваетъ нѣкоторое любопытство развѣ одинъ малолѣтній преступникъ Паламошновъ, въ 1784 г. сознательно убившій 6-лѣтняго крестьянскаго мальчика въ деревнѣ Варюхиной **). Подробнѣе остановимся на болѣе крупныхъ колодникахъ, обременявшихъ монастырь и безпокоившихъ монастырское начальство.

Въ 1768 году при указѣ изъ святѣйшаго Синода въ монастырь былъ присланъ арестантъ Василій Анненковъ. Онъ принадлежалъ къ крупной дворянской фамиліи и, состоя на службѣ въ гвардіи коннаго полку, дослужился до чина секунда-ротмистра. За составленіе фальшиваго духовнаго завѣщанія сенатомъ въ 1755 г. былъ приговоренъ къ публичному тѣлесному наказанію, (было оно исполнено или нѣтъ—въ источникѣ не ясно), а по Высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины II за разныя противности и многочисленныя ябеды былъ лишенъ чиновъ и какъ „крайне безпокойный человѣкъ" подлежалъ ссылкѣ въ сибирскій дальній монастырь, каковымъ въ данномъ случаѣ и былъ признанъ монастырь въ Томскѣ ***). Онъ умеръ здѣсь въ 1770 г. По распоряженію сибирскаго губернатора, имущество, оставшееся въ монастырѣ по смерти Анненкова, было принято отъ монастырскаго казначея Томскимъ комендантомъ полковникомъ Томасомъ Дивелленевымъ для препровожденія его въ Тобольскъ †).

Въ томъ-же 1768 г. „по конфирмаціи Его Высокосіятельства генералъ-фельдцехмейстера, надъ фортификаціями генералъ-директора, кавалергардскаго корпуса шефа, генералъ-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника, канцеляріи опекунства президента и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера графа Григорія Григорьевича Орлова" былъ приговоренъ за очень гнусное преступленіе къ вѣчному заключенію въ дальній сибирскій (Томскій) монастырь „артилерной команды" фургеръ Василій Масловъ. Но, вѣроятно, по ошибкѣ или недоразумѣнію Томскій воевода секундъ-

*) Рапортъ архим. Іоанникія отъ 6 іюля 1834 г. Мон. арх.; св. 17.

**) Поломошновъ былъ присланъ въ монастырь на 7 лѣтъ послѣ публичнаго наказанія розгами въ д. Варюхиной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилъ преступленіе. Ук. Тоб. кон. игум. Иннокентію 12 ноября 1786 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Ук. Св. Синода архим. Ѳеодосію отъ 22 августа 1768. № 1380. Мон. архивъ; св. 12.

†) Промеморія Томаса Девилленевна въ Том. Д. правленіе отъ 17 апр. 1770 г. М. арх.; св. 12.

маіоръ Телятевъ препроводилъ его съ партіей другихъ колодниковъ въ Нерчинскіе заводы. Оттуда въ нашъ монастырь Масловъ уже не возвращался *).

Въ концѣ 1785 г. конвойные привели въ Алексѣевскую обитель другаго важнаго колодника изъ солдатъ Ѳедора Плюскова. Этотъ преступникъ-рецидивистъ представляетъ въ себѣ изумительный примѣръ выносливости человѣческой натуры, оказавшейся несокрушимой подъ ударами самыхъ ужасныхъ наказаній, какія практиковались въ жестокое время прошлаго столѣтія. Плюсковъ происходилъ изъ Ярославскихъ дворянъ мелкаго ранга. По обычаю всѣхъ дворянъ того времени, онъ вступилъ въ военную службу въ 1743 г. и, состоя на ней, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ. При одномъ изъ сраженій былъ взятъ прусаками въ плѣнъ. Въ плѣну выразилъ согласіе перейти на прусскую службу, но вскорѣ соскучился по родинѣ и вернулся обратно. За добровольный переходъ на службу къ враждебнымъ тогда намъ прусакамъ Плюсковъ, по возвращеніи въ Россію, былъ наказанъ разжалованіемъ изъ подпоручиковъ въ прапорщики. Въ 1768 г. за пьянство, насиліе, причиненное десятилѣтней дѣвочкѣ, «поношеніе своего начальства» и „поколотье кортикомъ ноги у оберъ-офицера“ былъ разжалованъ—въ солдаты. А въ 1771 г. за рубку шпагой сержанта и отсѣченіе тѣмъ же орудіемъ носа у солдата, преступникъ былъ подвергнутъ наказанію шпицъ-рутенами чрезъ 1000 чел. 10 разъ. Спустя четыре года за грубость и угрозы отрубить прапорщику Тетюеву носъ и уши и прочіе предосудительные поступки онъ прошелъ подъ шпицъ-рутенами вторично чрезъ 1000 чел. 12 разъ. Плюсковъ уцѣлѣлъ и послѣ этой въ ужасныхъ размѣрахъ кровавой экзекуціи, былъ зачисленъ въ профессы, а потомъ записанъ снова въ рядовые съ препровожденіемъ въ Томскій батальонъ. Въ Томскѣ, въ ссорѣ съ квартирнымъ хозяиномъ крестьяниномъ Галицкимъ, Плюсковъ тяжело ранилъ ножемъ его и прибѣжавшаго на шумъ ссоры мѣщанина Пушкарева. Новое преступленіе повлекло за собою приговоръ военнаго суда: пробить виновному подъ висѣлицею „на единъ часъ“ руку гвоздемъ или ножемъ, которымъ онъ кололъ Пушкарева, и прогнать подъ шпицъ-рутенами чрезъ 1000 ч. 12 разъ. Государыня смиловалась надъ преступникомъ, —ему было тогда уже 70 лѣтъ—и повелѣла отослать въ одинъ изъ сибирскихъ монастырей въ черную работу. Несомнѣнно, Томскій игуменъ Иннокентій принялъ такого колодника съ большимъ смущеніемъ по вопросу: какъ его стеречь и какъ смотрѣть за его поведеніемъ **)?

*) Указъ Тоб. Д. консист. архим. Ѳеодосію отъ 18 апрѣля 1768. сн. указъ тому же настоятелю изъ коллегіи экономіи отъ 25 іюля 1768 г. и промеморію въ Том. монастыр. правленіе изъ Томс. Воеводской канцеляріи отъ 5 іюля 1768 г.—Мон. арх.; Св. 12.

**) Ук. Тоб. конс. игум. Иннокентію отъ 1785 г. марта; сн. копію съ указа игум. Палладію 1 марта 1789. Мон. арх.; св. 12. Мы не повѣрили бы возможности вынести такія наказанія, какія вынесъ Плюсковъ, если бы не имѣли документа предъ глазами.

Спустя 10 лѣтъ въ нашъ монастырь явился еще новый тяжкій преступникъ въ лицѣ Курскаго помѣщика подпоручика Петра Маркова. Онъ судился въ присутственныхъ мѣстахъ Курскаго намѣстничества „за бой матери своей", послѣ котораго боя она умерла на 5-й день. Въ царствованіе Екатерины II наказаніе тяжкихъ преступниковъ изъ дворянъ чаще всего ограничивалось посылками въ монастыри, гдѣ преступники должны были очищать свой грѣхъ „собственнымъ раскаяніемъ и всечастнымъ сокрушеніемъ" *). Также былъ наказанъ и матереубійца Марковъ. Именно, было опредѣлено: лиша Маркова дворянства и чиновъ, послать на 10 лѣтъ въ Сибирь для принесенія покаянія въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Назначеніе монастыря было предоставлено усмотрѣнію Св. Синода. Указомъ преосв. Варлааму Св. Синодъ далъ знать, что Марковъ опредѣляется въ Томскій Алексѣевскій монастырь, причемъ предписывалось, чтобы настоятель употреблялъ преступника въ „сносные по силѣ его труды" и, кромѣ того, ввѣрилъ его водительству благочестиваго и опытнаго въ учительствѣ іеромонаха, который могъ бы расположить преступника къ принесенію искренняго раскаянія. О поведеніи арестанта велѣно было рапортовать Синоду чрезъ архіерея по полугодіямъ. Игуменъ Палладій забылъ о рапортованіи и за это былъ подвергнутъ денежному штрафованію въ 10 руб., послѣ чего донесъ, что преступникъ исполняетъ епитимію „рачительно". Но слѣдующій настоятель игум. Даніилъ въ 1799 г. отписалъ въ консисторію, что Марковъ пьянствуетъ и буйствуетъ и разъ въ буйствѣ хотѣлъ зашибить казначея іером. Амвросія. Въ 1805 г. тотъ же игуменъ донесъ, что Марковъ взятъ для суда надъ нимъ въ Томскій земскій судъ. Оказалось, что монастырскій заточникъ, часто исчезавшій изъ обители, занялся очень распространеннымъ тогда въ Томскѣ промысломъ по изготовленію фальшивыхъ паспортовъ „для бѣглыхъ колодниковъ". Земскій судъ препроводилъ его для поселенія въ Иркутской губерніи **).

Въ 1831 г. заключили было въ Томскомъ монастырѣ пойманнаго въ Сибири расколоучителя изъ Симбирской губерніи Ивана Рябова, но въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ, несомнѣнно, въ одинъ изъ Томскихъ раскольническихъ скитовъ, которыми по тайгамъ всегда изобиловала Томская губернія ***).

На содержаніе въ монастыряхъ колодниковъ выдавались особыя средства изъ казны, въ прошломъ столѣтіи 2 коп. въ сутки на человѣка †); что

*) Такъ было, наприм., прописано въ манифестѣ о наказаніи заключеніемъ въ монастыри Соловецкій и Далматовъ (Тоб. епарх.) за убійство матери и сестры преступниковъ дворянъ Жуковыхъ. Пол. соб. зак. т. 17. № 12600. Стр. 615—617.

**) Дѣло объ епитимійщикѣ Марковѣ. Арх. Томской консист., по описи № 88.

***) Донесеніе Іоанникія среди бумагъ отъ 1832 г. Мон. архивъ; св. 9.

†) По именному указу отъ 18 августа 1776 г. колодникъ Анненковъ содержался въ Томскомъ монастырѣ на средства отъ опеки, въ которую было взято его имѣніе. А колоднику Маслову опредѣлено было содержаніе на сумму 8 руб. въ годъ.

же касается обычныхъ епитимійщиковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нашей обители они должны были кормиться на свои средства и потому часто здѣсь нищенствовали. Въ 1807 г. состоявшій при монастырѣ епитимійщикъ Смороденниковъ просился для исполненія наложенной на него за прелюбодѣяніе епитиміи въ другой монастырь, ибо въ Томской обители онъ почти замеръ отъ голода. Велѣно было уволить его изъ монастыря къ какой-нибудь приходской церкви, гдѣ могъ бы имѣть больше способовъ къ своему содержанію *).

3.

Постройка каменной монастырской церкви, замедляемая недостатком денежныхъ для того средствъ.—Пожаръ деревяннаго храма, заставившій каменною стройкою торопиться.—Медленность въ сооруженіи каменной колокольни и полное истощеніе монастырской казны.—Попытка обращенія за помощію къ Высочайшей власти, остановленная разъясненіями консисторіи.—Довершеніе колокольни при игум. Даніилѣ.—Потери въ церковныхъ принадлежностяхъ и въ монастырской ризницѣ.—Пожертвованія для храма.—Ветхость монастырскихъ зданій.—Усилія для возстановленія и перестройки ихъ заботами архим. Ѳеофилакта и Іоанникія.—Постройка каменной вокругъ монастыря ограды и средства, изысканныя на это сооруженіе архимандритомъ Іоанникіемъ.

Мы уже видѣли, что еще митрополитъ Сильверстъ предписалъ архим. Исаіи Русановичу постройку каменнаго монастырскаго храма. Но это дѣло сильно затянулось главнымъ образомъ по недостатку денежныхъ средствъ. Только въ 1776 г. игум. Филоѳей могъ донести епис. Варлааму, что на построеніе каменной церкви уже пріобрѣтено сборами 1500 руб. и, сверхъ сего, ему далъ слово помогать въ издержкахъ на эту крупную постройку тобольскій купецъ Семенъ Шевыринъ. Извѣщая объ этомъ, игуменъ просилъ дать архіерейскую грамоту на заложеніе храма съ тѣмъ, чтобы вести его сооруженіе по готовому плану только лишь выстроенной тогда на средства изъ кабинета Ея Величества Барнаульской Петро-Павловской церкви **). Грамота была прислана и церковь заложена, а между тѣмъ Шевыринъ началъ уклоняться отъ обѣщанныхъ жертвъ, ссылаясь, что „погодитъ немного, что будетъ еще говорить по сему предмету съ самимъ Преосвященнымъ“. Очевидно, надежда на Шевырина была плоха и Филоѳей исходатайствовалъ у консисторіи двѣ сборныя книжки на 5 лѣтъ «для сбору прикладовъ отъ разныхъ боголюбцевъ»***) по всему Томскому и Енисейскому краю. Сборъ шелъ не обильно: по двумъ книжкамъ въ 1777 году было набрано только 487 р. 52 коп. †), а въ слѣдующіе годы, вѣроятно, насбирывалось еще меньше. За настоятельство Виктора Калиновскаго произошло

*) Монаст. дѣла за 1807 г.; св. 8.
**) Донесеніе игум. Филоѳея отъ 31 марта 1776 г. М. арх.; св. 2.
***) Донесеніе и просьба того-же игумена отъ октяб. мѣс. 1776 г. Тамъ-же.
†) Отрывокъ приходной вѣдомости за 1777 г. М. арх. св. 12.

печальное событіе, заставившее стройкою спѣшить. Въ ночь на 24 января 1779 г. отъ худой печки, на которую уже давно указывали игумену, какъ очень опасную для существовавшаго и уже успѣвшаго обветшать деревяннаго храма, храмъ этотъ сгорѣлъ, осталась одна колокольня, стоявшая въ то время отдѣльно въ самой монастырской оградѣ. Братія должна была посѣщать богослуженіе въ сосѣдней Христо-Рождественской церкви. Въ іюнѣ того-же 1779 г. придѣльные алтари во имя св. мучениковъ Флора и Лавра и преподоб. Алексія человѣка Божія торопливо были изготовлены къ освященію и по архіерейской грамотѣ, присланной на имя управлявшаго монастыремъ протоіер. Михайловскаго, были освящены имъ-же 14 и 17 августа.*) Сооруженіе же главнаго алтаря, во имя Казанской Божіей Матери, шло очень медленно. Его освященіе совершилъ игум. Палладій 20 ноября 1789 г.,*) т. е. послѣ закладки храма чрезъ 13 лѣтъ. Странно, что иконостасъ для этого главнаго алтаря изготовляется долгое время и потомъ. По дѣлу его сооруженія игум. Даніилъ вошелъ въ переписку съ самимъ Преосвященнымъ и переслалъ ему 150 руб., съ почтительнѣйшей просьбой избрать рисунокъ для иконостаса и рекомендовать кого-либо изъ тобольскихъ мастеровъ какъ для рѣзьбы, такъ и для написанія иконъ. Преосвященный отвѣтилъ, „что здѣсь въ Тобольску два маляра, кои поисправнѣе малюютъ, Мисюревъ да Черепановъ, но оные находятся въ подрядахъ, а по посланнымъ при семъ рисункамъ можете вы подрядить какъ рѣзьбу сдѣлать, такъ и иконы намалевать въ Красноярску или оттуда мастеровъ потребовать—какъ сходнѣе будетъ,—а ихъ люди въ искуствѣ хвалятъ.“ Даніилъ послѣ того извѣстилъ Преосвященнаго радѣтеля, что непремѣнно послѣдуетъ его архипастырскому совѣту и закажетъ работу въ Красноярскѣ, ибо хотя въ Томскѣ и нашелся „мастеръ Адріанъ Кошелевъ гладь и рѣзьбу дѣлать за 500 руб., но мнѣ кажется это дорого“ *).

Долго строилась главная часть монастырскаго каменнаго храма, но еще дольше его колокольня. Съ нею скудная по своимъ средствамъ обитель рѣшительно выбилась изъ силъ. Товарищъ Томскаго заказчика Богоявленскій священникъ Василій Чемесовъ писалъ архіепископу, что томскіе церковные строители и старосты говорили (ему), что игуменъ Даніилъ при постройкѣ монастырской колокольни „отъ той городской церкви увезъ кирпичи, отъ другой лѣсъ, отъ оной известку и прочее, обѣщаясь взятое возвратить, когда можетъ въ томъ исправиться“ и не возвращаетъ **). Но онъ потому не возвращалъ, что нечего было возвратить. Въ рапортѣ отъ 1802 г. игуменъ до-

*) Письмо преосвящ. Варлаама Том. игум. Даніилу отъ 11 янв. 1799. Мон. арх.; св. 6. Черновой отвѣтъ Даніила. Тамъ-же.

**) Доношеніе товарища Томск. заказчика свящ. В. Чемесова отъ 1802 г. Дѣла за 1802 г. № 290. Арх. Том. конс.

посилъ консисторіи, что „каменная колокольня доведена постройкою до верхнихъ оконъ, и далѣе строить нечимъ: нѣтъ ни денегъ, ни матеріала. А какъ сія церковь и сія колокольня начались строеніемъ въ 1776 г. и недовершены и по нынѣ единственно по всегдашнему недостатку суммы," то онъ просилъ бы дать ему дозволеніе обратиться со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о помощи монастырю въ количествѣ 3000 руб. къ Его Величеству Государю Императору. Консисторія, разъяснивъ игумену, что распоряженіемъ Св. Синода отъ 7 августа 1802 г. духовнымъ лицамъ воспрещено относиться къ Его Величеству съ непосредственными просьбами, да и вообще такимъ ходатайствомъ Государя утруждать неудобно, опредѣлила дать въ Томскій монастырь сборную книгу на 3 года*). Кромѣ сборщиковъ, отправленныхъ по селамъ и городамъ Томскаго и Енисейскаго края, Даніилъ въ 1805 г. «пустилъ» въ Томскѣ два подписныхъ листа для записи жертвъ на сооруженіе колокольни. Какъ туго шли сборы по этимъ книжкамъ и листамъ можно видѣть изъ слѣдующихъ сохранившихся въ архивѣ показаній. По одной книгѣ было собрано въ 1804 г. съ 27 января по 21 марта 49 руб. 53 коп., отъ 1 іюня по 1 ноября 40 руб., съ ноября по конецъ декабря 31 руб. и, кромѣ того, на достроеніе колокольни крестьянинъ Ник. Былинъ приложилъ 10 руб. По одному подписному листу, пущенному въ г. Томскѣ, въ 1805 было собрано 134 руб. (самую крупную жертву въ 25 р. подписалъ первый Томскій губернаторъ Хвостовъ), по второму 28 руб.**) Какъ трудно было строиться при подобныхъ сборахъ—понятно само собою. Между тѣмъ Даніилъ вздумалъ было еще соорудить въ колокольнѣ алтарь во имя праведнаго Лазаря. Намѣреніе было пресѣчено внушительною резолюціею Преосвященнаго: „излишнихъ церквей законами строить запрещено, да подъ колокольнею и мѣсто тѣсное и церкви быть безъ всякой нужды по прихотямъ однимъ дозволить не можно, помѣщеніе лучше употребить на кладовую или ризницу" ***).

Колокольня была, наконецъ, довершена при архим. Ѳеофилактѣ. Архиман. Іоанникій успѣлъ расположить какого-то жертвователя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, къ пожертвованію на сумму 1065 руб., для обивки шпица на колокольнѣ листовымъ желѣзомъ, окраску всей церковной крыши и золоченіе креста †). Тотъ же настоятель соорудилъ пристройку къ придѣлу св. Алексѣя человѣка Божія на сумму 2586 р. 70 коп.

*) Указъ Тоб. Конс. игум. Даніилу отъ 3 ноября 1802 г. Мон. арх.; св. 9.
**) Приходъ, книга за 1804–1805 г. Мон. арх.; св. 9.
***) Указъ игум. Даніилу отъ 9 іюня 1795 г. Мон. арх.; св. 8.
†) На рапортѣ объ этомъ пожертвованіи преосвященный написалъ: столь ревностное усердіе настоятеля и пожертвованія прежнія и настоящія заслуживаютъ не только признательности, но и записаны быть въ послужномъ спискѣ для представленія, если и ограду совершитъ, къ отличію". Ук. кон. отъ 30 окт. 1831 г. Мон. арх.; св. 9.

При пожарѣ церкви въ ночь на 24 число января 1779 г. въ монастырскомъ церковномъ имуществѣ произошли огромныя убыли. Погорѣло много иконъ и, что было особенно прискорбно, среди нихъ погибли образа старинные, наиболѣе цѣнные. Въ послѣдующихъ описяхъ иконы въ серебряныхъ окладахъ и съ украшеніями изъ жемчуга встрѣчаются чрезвычайно рѣдко *). Изъ утвари исчезли серебряный позолоченый потиръ (въ 84 золот.), сереб. дискосъ съ двумя блюдцами (116 золот.), сереб. дарохранительница (81 зол.), кадило чеканное сербр. (66 золот.) и др. мелкія вещи. Въ ризницѣ испепелилось до 18 священ. и діакон. облаченій и опять таки по преимуществу старинныхъ, дорогихъ. Погорѣли и всѣ богослужебныя книги, какія только были въ то время въ храмѣ для употребленія при рядовомъ, повседневномъ богослуженіи, начиная съ напрестольныхъ евангелій. По указанію производившаго слѣдствіе о пожарѣ Красноярскаго протоіерея Михайловскаго, причина несчастія отнесена была къ небрежному смотрѣнію за храмомъ игум. Виктора Калиновскаго. Поэтому консисторія въ возмѣщеніе монастырскихъ убытковъ сначала опредѣлила отобрать у виновнаго все лично ему принадлежавшее имущество, какого, по оцѣнкѣ, оказалось на 537 руб. 96 коп. Но потомъ смиловалась, измѣнила рѣшеніе, ограничившись конфискаціей только собственной его игуменской серебряной посуды и собственныхъ же его церковныхъ ризъ **).

О сторонних болѣе или менѣе замѣтныхъ по цѣнности жертвахъ на потребности восполненія храмового имущества мы, можетъ быть по недостатку матеріала, не знаемъ, кромѣ жертвъ въ трехъ случаяхъ.

Въ 1780 г. „приложилъ“ въ Алексѣевскій монастырь томскій провіантъ-коммиссаръ Яковъ Алексѣевичъ Середининъ церковь во имя архистратига Михаила, построенную въ Калтайской деревнѣ его дѣдомъ, томскимъ старинным дворяниномъ Алексѣемъ Середининымъ. Стѣны приложеннаго храма были уже ветхи и потому монастырю ненадобны. Но пріобрѣтеніе вынесенныхъ изъ храма иконъ и утвари, послѣ недавняго пожара въ монастырѣ, было для послѣдняго очень кстати ***).

---

*) Судя по описи мон. церков. имущества за 1787 г., изъ прежнихъ наиболѣе украшенныхъ иконъ послѣ пожара церкви въ 1779 г. уцѣлѣли только: 1) храмовой образъ Алексія человѣка Божія, 2) Казанской иконы Божіей Матери (мѣрою 7 вершковъ) въ сереб. вызолоченой ризѣ, 2) Спасителя (мѣрою 6 вершк.), 4) Пресв. Богородицы „Неопалимыя Купины“ и 5) Знаменія Пресв. Богород. (съ украшеніями изъ мелкаго жемчуга около мѣдныхъ вѣнцовъ). —Хранившіяся въ ризницѣ принадлежности архимандричьяго облаченія уберегліись отъ пожара въ цѣлости.—О потеряхъ церковныхъ вещей, сгорѣвшихъ въ пожарѣ 1779 г., см. указъ консист. Красноярскому протоіер. Алексѣю Михайловскому отъ 7 янв. 1780 г. и сн. опись церков. имущ. за 1787 г.—Монаст. арх.; св. 12.

**) Указъ консист. отъ 7 янв. 1780 г. протоіер. Михайловскому. Мон. арх.; св. 12.

***) На докладѣ о пожертвованіи Серединина преосвященный написалъ: «оную церковь со всею утварью и иконами приказать перевесть, а какъ стѣны ветхи, то за ветхостію употребить ихъ на топленіе церковныхъ вещей, а утварь и иконы въ новопостроенную монастырскую церковь». Указъ Тоб. конс. отъ 4 августа 1780 г. Арх. том. к., по описи № 983.

Въ 1820 г. купецъ, заѣзжій изъ Россіи, пожертвовалъ въ монастырь колоколъ въ 90 слишкомъ пуд.

Въ 1830 г. жена поручика Марія Пункова, жившая въ Петропавловскѣ (Акмолинской области), переслала въ Тобольскую консисторію 3600 руб. для раздачи по монастырямъ и церквамъ Тобольской епархіи на церковныя нужды. Изъ этой суммы, при распредѣленіи ея, консисторія, въ виду особенной бѣдности Алексѣевской обители, выдѣлила для нея 300 руб. *)

Очень скромныя по своей постройкѣ монастырскія жилыя и хозяйственныя зданія, унаслѣдованныя отъ предшествующаго періода, пришли въ большую ветхость. Послѣ того, какъ отошли отъ монастыря его крестьяне, всякія ремонты по монастырю оказались для него почти непосильными. Въ 1783 г. Томскому коменданту Томасу Томасовичу Девилленеву потребовалось краткая опись существовавшихъ въ городѣ монастырей и церквей. Монастырь представилъ свое описаніе въ такомъ видѣ: „Вновь строится церковь каменная съ двумя придѣлами. Прочее строеніе въ монастырѣ деревянное, именно: 1) колокольня ветхая, 2) настоятельская келья о пяти покояхъ, 3) монашескія кельи о разномъ числѣ покоевъ (сколько келій не обозначено), 4) „восемь кладовыхъ амбаровъ подъ крышами въ томъ числѣ три погреба—всѣ ветхіе, 5) ветхая постройка надъ колодцемъ. Кухня, баня, два огорода. На дворцѣ, состоящемъ при монастырѣ: 1) двѣ служительскія избы въ одной связи—ветхія, 2) двѣ конюшни, 3) кузница ветхая. Вокругъ монастыря ограда ветхая. „При томъ же монастырѣ съ восточной и полуденной сторонъ поскотинная городьба". „Въ оном же Богородице-Алексѣевскимъ монастырѣ, сказано въ концѣ описанія, имѣется школа, въ коей обучаются томскаго заказа священно-церковно-служительскія дѣти читать, писать славяно-россійскаго и латинскаго діалектовъ, пѣть по нотѣ и ариѳметикѣ. Учитель при оной школѣ одинъ, а надлежитъ имѣть четырехъ. Учениковъ, содержащихся на собственномъ коштѣ, нынѣ состоитъ 92 человѣка" **).

Указанія относительно монастырскихъ ветхостей, данныя въ этомъ коротенькомъ описаніи, краснорѣчиво восполняются замѣчаніемъ о монастырѣ, какое сдѣлалъ игуменъ Палладій въ то время, когда только лишь прибылъ въ него для настоятельства. Мы уже знаемъ, что онъ назвалъ монастырь „разсыпанной храминой" во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ виду главной и огромной заботы о сооруженіи каменнаго храма, прочія монастырскія зданія если исправлялись то лишь настолько, чтобы могли какъ-нибудь стоять. Игум. Даніилъ жаловался, что настоятельскія

*) Указъ Тоб. конс. архим. Іоанникію отъ 18 іюня 1831 г. № 2569. Мон. арх.; св. 6.
**) Опись подана въ іюнѣ 1783 г. Ковія въ мон. арх.; св. 12.

кельи пришли въ страшную ветхость, что въ нихъ почти жить нельзя. Онъ ихъ перестроилъ и поддержалъ *), но не въ состояніи былъ отстранить то дурное впечатлѣніе отъ монастыря, о которомъ свидѣтельствовалъ Ѳеофилактъ, когда въ первый разъ явился въ него. Мы читали заявленіе Ѳеофилакта, что „нашелъ монастырь въ великомъ опустошеніи и развалинахъ", какъ равнымъ образомъ и о томъ, что его трудами „построены настоятельскія деревянныя съ монашескимъ жильемъ кельи и произведены другія по монастырю постройки и поправленія". Но кто въ особенности старался придать монастырю приличный видъ,—это его *строитель* по преимуществу архим. Іоанникій. Свою строительную дѣятельность онъ началъ съ того, что сломалъ деревянную ограду для возведенія каменной, каковую давно уже нужно было имѣть монастырю, расположенному въ центрѣ города, тѣмъ болѣе губернскаго. Задумавъ это большое дѣло, онъ исхлопоталъ изъ Тобольской Д. консисторіи обычныя сборныя книжки для сборовъ по Томской и Енисейской и даже Иркутской губерніямъ **). А когда постройка уже началась и потребовала отъ монастыря напряженія въ денежныхъ средствахъ, настоятель обратился къ Томскому гражданскому губернатору съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Ваше Превосходительство!... Богомъ врученный моему попеченію Томскій Богородицы Алексѣевскій монастырь, болѣе ста лѣтъ существующій, не имѣя достаточныхъ средствъ къ надлежащему поддержанію своихъ строеній, время отъ времени болѣе и болѣе ветшалъ и, наконецъ, уже приближался къ совершенному разрушенію, какъ Преблагій Господь, воззрѣвъ милосерднымъ своимъ окомъ на сіе скудное словословія своего мѣсто, благоволилъ нынѣ чрезъ усердіе Томскихъ гражданъ и посильное стараніе меня недостойнаго Его служителя не токмо ветхости обители сей исправить, но и оградить оную съ трехъ сторонъ вмѣсто прежде бывшихъ ветхихъ деревянныхъ новыми каменными стѣнами. Теперь остается только просить Его благостыню: да внушитъ благотворительнымъ сердцамъ желаніе къ возможному пожертвованію на возведеніе четвертой стѣны, начинающейся постройкою.

Извѣстенъ будучи о томъ уваженіи къ предметамъ благочестія, каковымъ преисполняетесь Ваше Превосходительство, и потому будучи удостовѣренъ, что не сочтете для себя отягощеніемъ предложить къ Высо-

*) Донесеніе игум. Даніила отъ 1798 г. Арх. Томской конс., по описи № 133.

**) Донесеніе игум. Даніила отъ 1798 Арх. Томской конс., по описи № 133.

**) Отсылка сборщиковъ изъ монастыр. служителей въ 1831 г. для сборовъ по Енисейской Иркутской губерніямъ занесена между прочимъ, въ тетради приходящихъ въ монаст. правл. дѣлъ за 1831 г. Мон. арх.; св. 6. Сборы не обошлись безъ приключеній. Енисейскій канцеляристъ изъ дворянъ Г—ховъ, прочитавъ въ сборной книжкѣ нужду Том. монастыря, расщедрился и бойко подписалъ жертву въ 500 руб. не выплативъ ни одной копѣйки. Впослѣдствіи Іоанникій требовалъ съ него эти деньги чрезъ Енисейск. архим. Ксенофонта. Г—ховъ отвѣтилъ, что отдастъ, когда разбогатѣетъ. Мон. арх., св. 9.

чайше ввѣренной управленію Вашему губерніи и особливо въ городѣ Барнаулѣ и прочихъ мѣстахъ, отличающихся просвѣщеніемъ лицъ Горную часть составляющихъ, прилагаемый у сего листъ къ подпискѣ доброхотныхъ жертвователей на докончаніе каменной ограды, около Томскаго монастыря созидаемой, я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство оказать въ семъ богоугодномъ дѣлѣ Ваше содѣйствіе, чѣмъ пріобрѣсти можете полное право на всегдашнія молитвы святой обители о ниспосланіи отъ Господа Бога вамъ и всѣмъ споспѣшествовавшимъ ея благосостоянію долгоденственной жизни и вѣчнаго спасенія.

Въ надеждѣ на обязательное вниманіе Ваше къ сей моей просьбѣ и посильное со стороны Вашей удовлетвореніе оной, я имѣю честь быть" и проч.

Г. Томскій губернаторъ отнесся къ воззванію архимандрита съ полнымъ сочувствіемъ и въ предложеніи губернскому правленію просилъ послѣднее „распорядиться поспѣшнѣе посредствомъ городничихъ и земскихъ исправниковъ Томской губер. о приглашеніи благотворителей къ пожертвованію отъ избытковъ каждаго на докончаніе означенной ограды, составляющей украшеніе города съ тѣмъ, чтобы таковыя пожертвованія вмѣстѣ съ подписочными листами доставляемы были прямо настоятелю Томскаго Алексѣевскаго монастыря *).

Городничіе и исправники по подписочнымъ листамъ сбирали пожертвованія не только въ уѣздныхъ городахъ съ горожанъ, но и среди крестьянъ чрезъ волостныя правленія. Ограда выведена была на протяженіи 357 саженъ. Въ рапортѣ, поданномъ Томскому епископу Аганиту, архим. Іоанникій исчислилъ, что на постройку ограды всего истрачено 15304 р. 36½ к. Въ эту сумму вошли 1554 руб., остаточныхъ за разные годы отъ казеннаго штатнаго жалованія, 7474 руб. 39 коп. отъ доброходныхъ даяній и 6275 рублей 97½ копѣекъ отъ сбереженій по разнымъ монастырскимъ общимъ и церковнымъ приходностямъ **). Заново перебралъ Іоанникій и монашескія помѣщенія, израсходовавъ на этотъ предметъ 1612 р. 74 к. ***)

При архим. Іоанникіѣ часть монастырскаго мѣста, находящагося внутри ограды, была уступлена подъ деревянныя зданія для помѣщенія архіерейскаго дома, когда была открыта самостоятельная Томская епархія въ 1834 году.

---

*) Дѣло о сборахъ на построеніе монастырской ограды. Мон. архивъ; св. 9.
**) Рапортъ архим. Іоанникія преосв. Аганиту 2 іюня 1835 г. Мон.; св. 9.
***) Изъ рапортовъ архимандрита Іоанникія и Амфилохія отъ 1835, 1837 г. Мон. архивъ св. 9 и 17.

5.

Упадокъ хозяйственной дѣятельности въ монастырѣ.—Скудость средствъ въ содержаніи монастыря и монастырской братіи.—Растраты.—Плохіе казначеи и ихъ частая смѣна.—Нищенское положеніе братіи и ея крайне затруднительное положеніе, особенно въ то время, когда не было общей трапезы.—Общая монастырская бѣдность.—Усиленіе хозяйственной дѣятельности при Іоаннике.

Послѣ рокового для нашихъ монастырей 1764 г. хозяйственная дѣятельность Томской Алексѣевской обители должна была пріутихнуть сама собою. Она еще болѣе замерла отъ того, что монастырскіе настоятели прошлаго столѣтія, идущіе послѣ архим. Ѳеодосія, мало обращали на нее вниманія, да и, кромѣ того, слишкомъ часто мѣнялись они. Откуда болѣе всего монастырь могъ извлекать для себя хозяйственныхъ прибылей—это была киргизская заимка съ прилегающими къ ней пашенной землей, лѣсомъ, сѣнными покосами. На Киргизкѣ монастырь по-прежнему имѣлъ свой дворъ, гдѣ въ 1785 г., какъ это значится въ описи, представленной коменданту Дивилленеву, стояли настоятельская келья и служительская изба и при нихъ были амбаръ, погребъ, баня, конюшня и огородъ. Изъ другихъ извѣстій видно, что здѣсь же имѣлся небольшой скотный дворъ для содержанія лошадей и коровъ. Монастырь получалъ съ Киргизки овощи и молочные продукты, пользовался оттуда лѣсомъ, дровами и сѣномъ *), но только на свою монастырскую потребу. Продажа лѣсу практиковалась только при Палладіѣ, но это было явленіемъ крайне нежелательнымъ для обители, такъ какъ, вопервыхъ, выручки отъ продажи шли мимо монастырской казны, а, вовторыхъ, въ то время, какъ исчезали лучшія деревья на Киргизкѣ, монастырь покупалъ для отопленія своихъ помѣщеній дрова съ базара. Сѣнной покосъ за р. Томью могъ бы доставлять монастырю сѣно въ такомъ количествѣ, котораго достало бы и на продажу, но мы уже знаемъ, что въ большей долѣ онъ былъ отобранъ у монастыря захватомъ въ пользу томскихъ ямщиковъ, а уцѣлѣвшею отъ захвата частію монастырь или совсѣмъ не пользовался, или отдавалъ ее въ кортомъ за небольшую плату. Не мало было свободныхъ мѣстъ у монастыря въ городѣ, около его собственныхъ обительскихъ зданій, но эти пустыри частію шли подъ огороды, частію лежали впустѣ и еще съ конца прошлаго вѣка начали застраиваться безданно и безпошлинно для монастыря домами томскихъ обывателей. Рыбная ловля на р. Томи по Гладкой дресвѣ не считалась обильной, и хотя предъ временемъ осенняго рѣкостава монастырь высылалъ сюда наемныхъ рабочихъ съ своимъ нево-

*) Сѣно на Киргизкѣ ставилось трудомъ „помочанъ“. Въ расходной книгѣ за 1785 г. въ іюлѣ имѣются такія записи: „куплено пшеничной муки на покосъ помочанамъ два пуда, куплено вина ведро съ четв. и. т. д. М. ар.; св. 12.

Въ домъ *), но добычи были не велики и служили только подспорьемъ къ тому, что монастырскіе пріобрѣтали покупкой на томскомъ рыбномъ рынкѣ. Такимъ образомъ, самымъ главнымъ, основнымъ средствомъ, на которое монастырь долженъ былъ опираться въ содержаніи своей братіи, ему служило окладное жалованіе, выдаваемое изъ Томск. казначейства. Обитель могла пріобрѣтать еще нѣчто отъ продажи мѣстъ для могилъ на своемъ кладбищѣ и отъ церковнаго служенія въ своемъ храмѣ. Къ сожалѣнію, въ архивныхъ бумагахъ, относящихся къ обозрѣваемому періоду, мы не нашли ни одной цѣльной записи, которая бы обнимала статьи монастырскихъ приходовъ и расходовъ за тотъ или иной годъ во всей ихъ полнотѣ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ намъ удалось пересмотрѣть цѣльныя вѣдомости только о церковной доходности. Какъ она была не велика, положимъ, во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій выразительно показываетъ вѣдомость за 1776 и 1804 гг. Изъ первой мы узнаемъ, что въ 1775 и 1776 г. за проданныя въ церкви свѣчи было выручено 15 р. 63½ коп. и въ тотъ же періодъ времени собрано въ церковный кошелекъ 7 р. 20 коп. Какъ видится, это поразительно мало. Во второй значится, что къ 1 января 1804 г. остаточной отъ предшествующаго года церковной суммы состояло 6 р. 74¾ коп. Въ январѣ и февралѣ прихода не было (?!), въ мартѣ высыпано изъ церковнаго ящика денегъ, собранныхъ отъ доброхотодателей, 8 руб. 22 к., въ апрѣлѣ высыпано изъ того же ящика 10 руб. 17 коп., въ маѣ и іюлѣ прихода не было, въ іюнѣ записанъ въ приходъ только указанный уже выше вкладъ на строеніе колокольни Былина. Въ августѣ высыпано изъ ящика 7 р. 42 коп. и еще 4 р. 90 коп. Въ сентябрѣ приходу не было, въ октябрѣ высыпано изъ ящика 5 р., за ноябрь записи совсѣмъ нѣтъ, за декабрь выручено всего 12 р. 69 коп. Всего по вѣдомости выведено годового церковнаго дохода 195 р. 67¾ коп., но сюда были включены и деньги, собранныя въ тотъ 1804-ый годъ по книгамъ, выданнымъ изъ консисторіи на строеніе колокольни **). Отсюда можно заключить какъ малы должны были быть поступленія отъ церковнаго служенія (за исполненіе разныхъ требъ) и въ братскую кружку на помощь братскому содержанію изъ казеннаго источника ***). Вклады

*) Въ 1778 г. нанялись къ монастырю ловить рыбу монастыр. неводомъ Томскіе заводскіе крестьяне Милковъ, Канаевъ, Чарковъ, ясашный Иконниковъ и др. Каждый изъ работниковъ взялъ съ монастыря по 1 руб. 90 коп.—Рядная запись отъ 3 октября 1778 г. М. арх.; св. 12.

**) Вѣдомости церковныхъ доходовъ за 1775—1776 и 1804 г. Мон. арх.; св. 12.

***) Всего больше доходовъ поступило въ братскую монастырскую кружку въ маѣ мѣсяцѣ, когда послѣ торжественнаго принесенія въ Томскъ чудотворныхъ иконъ изъ селъ Семилужнаго (иконы свят. Николая чудотворца) и Богородскаго (иконы Бож. Матери) эти высокочтимыя въ Томскомъ населеніи святыни на нѣсколько дней оставались въ монастырскомъ храмѣ. Горожане отдѣльными семьями являлись сюда и заказывали молебны. Въ 1798 г. соборный свящ. Андрей Неводчиковъ, назначенный послѣ игум. Палладія томскимъ заказчикомъ, распорядился означенныя св. иконы въ монастырь не заносить, а сейчасъ же, послѣ всенародной встрѣ-

собственно на монастырскую, а не исключительно на церковную нужду были крайне рѣдки, да и тѣ иногда поступали отъ лицъ изъ мѣстнаго монашескаго состава. Въ 1772 г. умеръ іером. Герасимъ, имѣвшій сына священникомъ въ Далматовскомъ заказѣ, и оставилъ послѣ себя денегъ 241 р. серебряной монетой. Предъ смертію Герасимъ распорядился 100 руб. передать сыну—священнику, а остальные завѣщалъ на братію своей обители съ выдѣленіемъ нѣкоторой части на нищенствующихъ жилицъ женскаго Христо-Рождественскаго монастыря *). На нужды же монастырской братіи пошли 100 р., оставшіеся послѣ умершаго въ монастырѣ въ 1771 году кузнецкаго игумена Адріана. При игум. Даніилѣ вдова поручика Тетрина отдала въ монастырь за поминовеніе родственниковъ разныхъ серебряныхъ приборовъ и вещей общимъ вѣсомъ на $5^3/_4$ фун., стѣнные часы, 4 стула, кресло, дрожки и проч. Серебро, часы и мебель перешли въ собственность настоятельской кельи **). 30 декабря 1802 г. игум. Даніилъ собственноручно сдѣлалъ на обложкѣ синодика такую помѣту: „прикладываетъ вдова Параскева Трубачева денегъ 20 руб., которые должно взыскать съ жены племянника ея Параскевы Агафоновой.“ Возможно, конечно, допустить, что записи о нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ не уцѣлѣли въ монастырскомъ архивѣ, или не попали намъ, но, судя по всему положенію дѣлъ, количество пропусковъ мы никакъ не можемъ предположить въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ жертвы существенно могли бы повліять на приподнятіе монастырскихъ средствъ.

Описанное представляетъ мало отраднаго. Но сюда еще нужно присоединить неоднократные случаи казенныхъ монастырскихъ растратъ. При увольненіи игумена Виктора, принявшій отъ него монастырское имущество, Красноярскій заказчикъ Михайловскій предъявилъ къ уволенному начетъ не только за потери въ сгорѣвшемъ церковномъ имуществѣ, но и за многія другія, происшедшія въ его правленіе, убыли въ общемъ монастырскомъ достояніи ***).

Растраты Палладія оказались для маленькихъ монастырскихъ средствъ страшно раззорительными даже тогда, когда въ нѣкоторой мѣрѣ онѣ были возмѣщены изъ суммъ, лично принадлежавшихъ виновному и отобранныхъ у

чи, ставить ихъ въ соборномъ храмѣ. Игум. Даніилъ остался очень недоволенъ распоряженіемъ заказчика и немедленно отправилъ къ преосвящ. Варлааму рапортъ, въ которомъ жаловался: „приносимые изъ селеній образа, по указамъ, прежде должны стоять въ здѣшнемъ монастырѣ и чрезъ три дня должны быть относимы въ соборную церковь. А нынѣшняго 1798 г. при оной соборной церкви находящійся священникъ Андрей Неводчиковъ тѣхъ образовъ святыхъ носить въ обитель не дозволяетъ,—удерживаетъ у себя въ соборной церкви и тѣмъ причиняетъ какъ обители, такъ и всей братіи не малый ущербъ.“ Черн. рапортъ игум. Даніила 14 мая 1798 г. Мон. арх.; св. 12. Рапортъ вызвалъ архіерейское распоряженіе, возвращавшее къ прежнему установившемуся обычаю.

*) Указъ Тоб. кон. игум. Нафанаилу, ноябрь 1772 г. Мон. арх.; св. 12.

**) Дѣло о пожертвованіи Тетриной. Мон. арх.; св. 8.

***) Указъ Тоб. конс. протоіер. Михайловскому отъ 15 мая 1780 г. Мон. арх.; св. 14.

него слѣдствіемъ. При постоянныхъ недостачахъ въ количествѣ монастырской братіи казначейскую должность часто приводилось возлагать на лицъ или мало благонадежныхъ, или къ ней неспособныхъ.

До какой степени была велика возня въ нашемъ монастырѣ за вторую половину прошлаго и начало текущаго столѣтія съ выборами казначеевъ доказываютъ слѣдующіе факты. Въ январѣ 1777 г. игуменъ Филоѳей нашелъ, что состоявшій при немъ казначей іеромонахъ Варнава въ должности неисправенъ и къ ней неспособенъ. Варнаву онъ смѣнилъ и на его мѣсто назначилъ вдоваго священ. Андрея Агѣева*). Но къ концу того-же года обнаружилось, что и Агѣевъ „по невоздержной жизни и частымъ бездѣльнымъ изъ монастыря отлучкамъ“ свое казначейское дѣло исправляетъ худо. Привелось смѣнить и его и возложить казначейскія обязанности на іером. Антонія. При выборѣ послѣдняго братія свидѣтельствовала, что Антоній „въ житіи постояненъ, не сварливъ, не пьяница, чинъ монашескій въ здѣшнемъ монастырѣ содержитъ безпорочно и должность казначея исправлять можетъ“ **). А чрезъ полгода игум. Викторъ убѣдился, что избранный постоянно заявляетъ себя „въ худыхъ качествахъ“, и для казначейскихъ порученій совершенно негоденъ, а потому передалъ ихъ свящ. Стефану Танцереву ***). Въ продолженіе 1780 г. монастырское казначейство снова было на рукахъ Антонія и удерживалось на нихъ до послѣднихъ чиселъ янв. 1781 г., когда Антоній заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Его смѣнилъ, по выбору братіи, іером. Германъ (Першуковъ) †). Но въ то время Германъ былъ уже старъ и болѣзненъ. Поэтому въ слѣдующемъ 1782 г. братіи снова нужно было приступить къ казначейскимъ выборамъ. Избрали свящ. Малахова †*). Нѣсколько подобныхъ смѣнъ произошло и потомъ, пока въ казначейской должности, относительно на долго, не утвердился іером. Амвросій. Къ 1800 г. Амвросій по его собственнымъ словамъ, сталъ слѣпъ и забывчивъ, и самъ молилъ, чтобы отъ казначейства его уволили. На его мѣсто игум. Даніилъ назначилъ вдоваго священ. Іеремію Майкова. Майковъ оказался въ должности не исправнымъ. Его смѣнили запрещеннымъ свящ. Шалабановымъ, который нашелся въ томъ дѣлѣ „совершенно нестерпимъ“. Наконецъ, игум. Даніилъ остановился выборомъ на запрещенномъ діаконѣ Инфатьевѣ. Но изъ консисторіи дали знать, что почетную въ монастыряхъ должность казначея неудобно препоручать запрещеннымъ въ священно-служеніи; велѣно было избрать другого. Но кого-же выбрать?—Этотъ вопросъ не могъ не поставить игумена

*) Распоряженіе игум. Филоѳея отъ 21 янв. 1777 г. Мон. арх.; св. 9.
**) Протоколъ о выборѣ Антонія монаст. братіей, отъ 20 декабря 1777. Мон. арх.; связ. 12.
***) Распоряж. игум. Виктора Калиновскаго 3 іюня 1778 г. Мон. арх.; тамъ-же.
†) Протоколъ объ избраніи Германа Першукова. 28 янв. 1781. Тамъ-же.
†*) Протоколъ объ избраніи Малахова отъ 21 апр. 1782 г. Тамъ-же.

въ большое недоумѣніе. Указомъ отъ 15 мая 1802 г. посланъ былъ за вдовствомъ въ братство Алексѣевскаго монастыря діаконъ Григорій Поповъ (изъ Барнаульскаго вѣдомства). Не успѣлъ Поповъ явиться въ Томскъ, какъ состоялось о немъ другое консисторское опредѣленіе: отправить его въ Енисейскій монастырь, гдѣ, по донесенію архим. Никодима, за престарѣлостію братіи некому было исполнять клиросныхъ послушаній. Томскій игуменъ былъ очень огорченъ измѣнившимся рѣшеніемъ. Онъ слышалъ о добромъ поведеніи Попова и разсчитывалъ было на него, какъ на самаго пригоднаго для своей обители кандидата въ казначейскую должность. Выражая свое огорченное состояніе, Даніилъ писалъ въ консисторію, что „здѣсь въ Томску монашествующіе тоже или престарѣлы или не воздержны, такъ что въ казначеи и избрать некого“ и поневолѣ приводится терпѣть такихъ, какъ Шалабановъ, который „изъ послушанія выходитъ, ведетъ жизнь неодобрительную и въ монастырѣ оставаться навсегда не желаетъ“. Въ заключеніи донесенія игуменъ просилъ консисторію: Попова удержать въ Алексѣевскомъ монастырѣ, а въ Енисейскій послать Шалабанова *). Такимъ образомъ, дѣло доходило чуть не до борьбы между монастырями изъ за нужнаго человѣка. Енисейскій монастырь взялъ, однако, верхъ. Поповъ поѣхалъ туда, а томской обители оставалось довольствоваться казначеями изъ наличной убогой братіи до тѣхъ поръ, пока не прибылъ сюда „на жительство“ никогда и нигдѣ несудившійся свящ. Ковригинъ. Обрадованный новоприбывшему и немедленно возложившій на него казначейскія обязанности, игум. Даніилъ, наконецъ, вышелъ изъ затрудненія по вопросу: гдѣ найти казначея, вмѣсто предположеннаго Инфатьева.

Можно представить, какъ при казначеяхъ, чуть не поголовно въ должности неисправныхъ, должно было идти ближайшее, непосредственное завѣдываніе монастырскимъ хозяйствомъ. Потери въ хозяйствѣ, въ томъ или другомъ видѣ и количествѣ, были постояннымъ явленіемъ. Въ 1780 г. казначей іером. Антоній въ трапезной вслухъ всей братіи объявилъ, что въ отсутствіи заступающаго мѣсто монастырскаго настоятеля, протоіерея Михайловскаго, онъ, будучи въ болѣзненномъ состояніи, распродалъ всѣхъ монастырскихъ лошадей и вырученныя отъ продажи деньги возвратить не можетъ **). Шалабановъ казенное жалованіе монастырскимъ служителямъ не выдавалъ, былъ изобличенъ въ опустошеніи братской кружки и неоднократныхъ случаяхъ похищенія даже жизненныхъ монастырскихъ припасовъ для препровожденія ихъ на сторону ***). Обвиненія въ подобномъ же родѣ были предъявляемы и къ Майкову.

*) Донесеніе игум. Даніила въ Тоб. конс. отъ 6 іюня 1802 г. Мон. арх.; св. 12.
**) Донесеніе о растратѣ казнач. іеромон. Антонія отъ 4 декабря 1780 г. Мон. арх.; св. 2.
***) Дѣла Том. Дух Правл. за 1802—1804 г. Рапортъ игум. Даніила.

Все изложенное, взятое въ совокупности, указываетъ съ неотразимостью, въ какой мѣрѣ скудно должно было быть въ нашемъ монастырѣ матеріальное существованіе братіи и какъ бѣденъ былъ монастырь вообще. Свое годовое 13, 10 или даже 6 рублевое жалованье члены братіи должны были издерживать на одежду, а на общее братское пропитаніе шли почти исключительно только тѣ малыя части изъ казеннаго оклада, которыя по закону 1764 г. о содержаніи монастырей были выдѣлены на вино, на пиво, на пріемъ монастыр. гостей и на дрова. Монахамъ и монастырскимъ бѣльцамъ въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ приходилось жить въ проголодь*), утѣшаясь по временамъ вспомоществованіями отъ милостыни, которую доставляли въ монастырь нѣкоторые изъ Томскихъ сердобольцевъ во дни поминовеній своихъ усопшихъ сродниковъ. Такую милостыню на 30 руб. роздалъ, наприм., въ монастырѣ въ 1778 г. купецъ Шевыринъ**). О существовавшемъ обычаѣ томичей приходить въ обитель „съ подачею на братію милостыни“ свидѣтельствовала сама братія въ бумагѣ, поданной преосвященному въ заступничество за игум. Даніила противъ извѣта на него со стороны школьника Бѣляева.

Особенно тяжело было братіи въ отношеніи къ содержанію тогда, когда въ нарушеніе искочнаго обычая, въ нашемъ монастырѣ не существовало общей трапезы. Опредѣленный въ Томское монастырское братство игуменъ Адріанъ пожаловался епархіальной власти, что хотя онъ и несетъ въ монастырѣ послушаніе своимъ священническимъ служеніемъ, но жалованія не получаетъ,—принужденъ жить на своемъ изждивеніи, да и братіи въ Томскомъ монастырѣ трапезы не поставляется, и выдается монахамъ деньгами по 50 коп. въ мѣсяцъ „на провіантъ, харчи и проч.“. Консисторія, распорядившись, чтобы Адріану выдавалось іеромонашеское жалованіе непремѣнно, запросила: почему въ монастырѣ отмѣнена общая трапеза?***). Игум. Нафанаилъ отвѣтилъ, что общей трапезы нѣтъ въ монастырѣ по той причинѣ, что казначей по старости своей закупокъ на рынкѣ дѣлать не можетъ, „а случится для монастыря что купить, то по наказу продавцы сами являются въ обитель и приносятъ товаръ. Кромѣ же престарѣлаго казначея,—другого надежнаго къ веденію общей трапезы человѣка онъ, игуменъ, подыскать не могъ“ †). Разумѣется, строжайше было предписано за-

*) Въ іюнѣ 1786 г. издержано было на покупку для братіи муки и прочаго „харчу“ 4 р. 10 к., въ іюлѣ 4 р. 86 коп., въ августѣ 3 р. 91 к., въ сентябрѣ 6 р. 30 коп., октябрѣ 3 р. 48 к., ноябрѣ 5 р. 63 коп. Неравномѣрность расхода зависѣла отъ покупки въ нѣкоторые мѣсяцы муки гуртомъ. Рыбы покупалось на братію въ день, далеко не каждый, на 5, 7 и 8 коп., горячаго вина къ праздникамъ на 20 коп. „Книга расходу за 1785—1786 г.“; сохранилась не вся. Мон. арх.; св. 12.

**) Милостыня Шевырина упомянута въ донесеніи игумена Виктора о поведеніи монашествующихъ. Мон. арх. св. 12.

***) Указъ Тоб. Консист. игум. Нафанаилу отъ 6 сентября 1770 г. М. арх.; св. 12.

†) Донесеніе игум. Нафанаила отъ 8 окт. 1770 г. М. арх. св. таже.

вести общую трапезу безъ всякаго замедленія, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ уже сдѣлано было особое распоряженіе св. Сунода по всѣмъ монастырямъ, гдѣ послѣ отнятія монастырскихъ имѣній и ассигнованія монастырямъ жалованья, во многихъ случаяхъ также прекратили было общую трапезу *).

Въ игуменство Палладія общей трапезы въ Алексѣевскомъ монастырѣ опять не было. Если вспомнимъ при этомъ, что Палладій жалованье братіи не додавалъ или совсѣмъ не выдавалъ, то положеніе ея за это время нужно признать рѣшительно бѣдственнымъ. Это подтверждается какъ общей жалобой монастырскихъ обитателей на того игумена за худое при немъ содержаніе всѣхъ и всего въ монастырѣ, такъ въ частности и нищетой, какую терпѣлъ взятый Палладіемъ въ монастырь діаконъ Курбаковскій. Чрезвычайно странно, что древне-монастырское установленіе общей трапезы не хотѣлъ въ томской обители поддерживать за 20-е годы нынѣшняго столѣтія даже архим. Іеронимъ. Послѣ его смерти временно управлявшій монастыремъ свящ. Георгій Маминъ писалъ архіепископу Евгенію: „по прибытіи въ монастырь, я усмотрѣлъ, что братія его не имѣетъ общей трапезы, но всякій, получивъ на руки провизіонныя деньги, по произволу своему наймовалъ квартиру внѣ монастыря и тамъ имѣлъ столъ. Кухню же, принадлежащую монастырю, заняли ученики томскихъ училищъ“ **)... На рапортѣ Мамина послѣдовала резолюція: „жить братіи внѣ монастыря воспретить, трапезу завести“.

Общая бѣдность обители открывается сама собой въ виду уже переданныхъ огромныхъ затрудненій, съ которыми сооружался обительскій каменный храмъ. На нее же ясно указывалъ и убогій видъ монастырскихъ жилыхъ помѣщеній. Въ тяжелый для Россіи 1812 г. особымъ указомъ Тобольской консисторіи были привлечены къ жертвамъ на нужды отечества и всѣ монастыри Тобольской епархіи, при чемъ Тобольскому Знаменскому монастырю предписано было выдать 500 руб., Абалацкому 600 руб., Енисейскому 450 р., а Томскому 100 р. ***). Въ этомъ случаѣ среди другихъ епархіальныхъ монастырей томская Алексѣевская обитель была поставлена на послѣднемъ мѣстѣ. Мы уже имѣли поводъ привести указаніе архим. Іеронима на то выразительное обстоятельство, что своими средствами монастырь не могъ построить маленькой мельницы на мѣстѣ, отведенномъ Томской Казенной Палатой. На консисторское предложеніе монастырямъ о вспомоществованіи бѣднымъ ученикамъ всѣхъ Тобольскихъ духовныхъ училищъ, тотъ же архимандритъ рапортомъ 1820 года отвѣтилъ, что бѣдный томскій монастырь не въ состояніи покрыть своихъ собственныхъ самыхъ насущныхъ нуждъ, а потому

*) Ук. Св. Сунода отъ 8 апр. 1766 г. М. арх.; св. 9

**) Архивъ Томск. Конс., по описи № 1138.

***) Указъ Тоб. конс. архим. Ѳеофилакту отъ 31 авг. 1812 г. Мон. арх.; св. 17

никакихъ пожертвованій въ пользу неимущихъ воспитанниковъ обѣщать не можетъ*).

Архимандритъ Іоанникій сумѣлъ приподнять доходность въ монастырѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства его содержанія. У насъ нѣтъ свѣдѣній о всѣхъ мѣрахъ его хозяйственной распорядительности, но, несомнѣнно, что онъ лучше чѣмъ было прежде поставилъ хозяйство на Киргизкѣ и, между прочимъ открылъ тамъ новую статью для извлеченія монастырской выгоды. Дѣло въ томъ, что устье Б. Киргизки представляло очень удобное мѣсто для стоянки судовъ на зиму и во время бурнаго по р. Томи весенняго ледохода. Іоанникій не позволилъ судохозяевамъ пользоваться монастырскимъ мѣстомъ даромъ и потребовалъ съ судовъ платы. Въ 1835 г. казначей діаконъ Бисеревъ по приказу, данному ему настоятелемъ, взялъ по этой статьѣ дохода съ купца Серебренникова 75 руб., съ Шумилова 50 руб., Бодаткова 25 р. и Базина 25 руб.**). Въ слѣдующемъ году шедшій въ данномъ случаѣ по стопамъ предшественника архим. Амфилохій собралъ за одинъ разъ съ судовъ 200 руб.***). Кажется, что тотъ же архимандритъ первый началъ взыскивать арендную плату съ томскихъ жителей, построившихъ свои дома на монастырскомъ мѣстѣ. Иногда онъ и самъ роздавалъ монастырскія мѣста, между прочимъ монастырскимъ служителямъ, чтобы строились здѣсь на извѣстныхъ, выходныхъ для обители, условіяхъ†). Значительно увеличились при Іоанникіѣ въ обители и спеціально церковные доходы. Въ приходной вѣдомости за1835 г. годовой доходъ по всѣмъ монастырскимъ прибыльнымъ статьямъ, исключая казеннаго жалованья, выведенъ въ цифрѣ 2918 р. 91 коп. асс.†*). Это представляло сумму, о какой монастырь въ прежнее время не могъ и мечтать. Впрочемъ, нужно сказать, что погруженный въ строительную дѣятельность Іоанникій старался блюсти самую щепитильную экономію вездѣ и во всемъ. У него не пропадали ни какіе самые мелкіе остатки отъ строительнаго матеріала; все подобное онъ сбывалъ продажею томичамъ. Тугъ онъ былъ и на издержки для монастырской трапезы. Намъ встрѣтилась жалоба на него, что кормилъ братію скудно†**). Въ 1830 г. экономный настоятель-хозяинъ рапортомъ писалъ въ Тобольскую консисторію, что Томск. Дух. Правленіе отапливается монастырскими дровами и дровъ выходитъ на него въ зиму 12 саженъ (при одной печи). Каждая сажень стоитъ 1 р. 40 к. ассиг. Такимъ образомъ всего издерживается на Дух. Правленіе монастырскихъ 16 руб. 80 коп. Представивъ вычисленіе, архимандритъ просилъ разрѣшенія на сборъ указанныхъ 16 руб.

*) Черновой рапортъ архим. Іеронима за апрѣль 1820 года. М. арх.; св. 13.
**) Приказъ казнач. діакону Бисереву отъ 15 марта 1835 г., Мон. арх.; св. 9.
***) Отрывокъ изъ приход. книгъ за 1836 г. Мон. арх.; св. 12.
†) Договоры съ монастырскими служителями см. Мон. арх.; св. 12.
†*) Приход. вѣд. за 1835 г. Мон. архивъ. Св. 12.
†**) Монаст. арх.; св. 9.

80 коп. съ томскаго духовенства на монастырскую пользу. Преосв. Евгеній на рапортѣ написалъ: „не дѣло затѣваетъ старецъ. Когда предшественникъ отапливалъ, то отапливать и ему, ибо онъ же присутствуетъ въ Правленіи. Монастырь отъ 16 руб. не разорится. А если сборъ дозволитъ, то будетъ ропотъ: вмѣсто 16 руб. соберутъ 160“ *).

6.

Условія, неблагопріятствовавшія поддержанію нравственной жизни въ монастырѣ.—Неодобрительные отзывы о поведеніи братіи со стороны настоятелей.—Проступки монашествующихъ. Худое поведеніе послушниковъ.—Мѣры взысканій и наказаній.—Заботы о приподнятіи и возстановленіи дисциплины.—Распоряженія на этотъ счетъ мѣстной монастырской власти и епархіальнаго начальства.

Братія состояла изъ вдовыхъ священно-церковно служителей, шедшихъ въ монастырь безъ особой къ нему склонности, по приказаніяхъ начальства и въ силу вынужденныхъ обстоятельствъ, связанныхъ со вдовствомъ. Это были люди сплошь или вовсе неучившіеся или прошедшіе только самые низшіе классы духовной школы. Большинство изъ нихъ до вступленія въ монастырское братство перебывало подъ судомъ и иногда не одинъ разъ. Въ монастырѣ всегда затѣмъ было изобильно подначальнаго, т. е. монастырскими трудами штрафуемаго элемента, среди коего нерѣдко встрѣчались личности, опустившіяся въ поведеніи до неисправимости. Все это представляло очень невыгодныя въ бытовомъ смыслѣ условія. Но сюда еще нужно присоединить общій низменный тонъ нравственной жизни, свойственный Сибири въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, и то матеріальное убожество монастыря, которое не могло не дѣйствовать пригнетающе на его насельниковъ, и мы поймемъ почему уровень нравственнаго состоянія нашей сибирской Алексѣевской обители далеко не могъ отвѣчать высотѣ требованій, какую мы въ правѣ были бы предъявлять къ учрежденію для прохожденія благочестной иноческой жизни.

Съ большимъ прискорбіемъ мы еще разъ должны упомянуть здѣсь слишкомъ соблазнительный для братіи примѣръ, проявленный въ поведеніи одного изъ монастырскихъ настоятелей и съ отрадою отмѣчаемъ, что доносы о неблаговидностяхъ въ жизни двухъ другихъ игуменовъ, послѣ тщательнаго оффиціальнаго о нихъ разслѣдованія, не нашли подтвержденія. Что же касается поведенія рядовой братіи, то нашъ матеріалъ, какъ отчасти объ этомъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ изъ предшествующаго изложенія, доставляетъ огромное множество отрицательныхъ свидѣтельствъ,

*) Ук. Тоб. Кон. Іоанникію отъ 4 декаб. 1830 г. Мон. арх.; св. 17.

въ нерѣдкихъ случаяхъ изображая ихъ въ картинахъ самаго обыднаго свойства. Первымъ по времени (въ обозрѣваемой періодѣ) дурнымъ свидѣтельствомъ является тяжелая исторія, при которой самымъ существеннымъ образомъ потерпѣлъ въ ссорѣ заштатный Кузнецкій игум. Адріанъ. Главный виновникъ исторіи іером. Мисаилъ долженъ былъ послѣ того отправиться въ Туруханскій монастырь въ оковахъ, съ запрещеніемъ священнослуженія навсегда и съ приказаніемъ „быть ему въ самыхъ тяжкихъ черныхъ трудахъ неисходно“ *).

Игум. Филоѳей писалъ въ Тобольскъ о „крайнемъ непостоянствѣ“ въ жизни подвѣдомой ему монашеской братіи.

Вскорѣ по прибытіи на Томское настоятельство, игум. Викторъ Колиновскій донесъ, что томскіе монахи привыкли жить „распущенно и самовластно, частовременно уходятъ за ограду и волочатся по улицамъ и даже по питейнымъ домамъ, — его увѣщаній не слушаются, оскорбляютъ ругательствами и за настоятеля его, игумена, не хотятъ признавать“. Въ другихъ донесеніяхъ онъ жаловался на постоянно повторявшіеся случаи „подгулокъ и шумства“ среди братіи, и описавъ ихъ подробно, выражалъ полное отчаяніе въ пригодности всѣхъ мѣръ, практиковавшихся для смиренія непокорныхъ **). Послѣ одной изъ многихъ послѣпраздничныхъ подгулокъ, сопровождавшейся особенно большимъ шумствомъ, игуменъ допросилъ виновныхъ старцевъ: гдѣ взяли денегъ на не трезвое веселье? Ему отвѣтили, что всѣ вмѣстѣ тайкомъ ходили къ воеводѣ Тимирязеву и выпросили у него денегъ въ счетъ казеннаго жалованія за вторую половину 1778 г. Викторъ послѣ того глубоко сѣтовалъ на воеводу: зачѣмъ оказалъ потачку монахамъ, „которымъ нужно жалованье на одежду, ибо не только дома, но и въ церковь ходятъ они въ изодранномъ и многорунномъ, нечистомъ платьѣ“ ***). До какой степени упала тогда монашеская жизнь и вообще дисциплина среди томской братіи—особенно ярко рисуютъ намъ записки о монашескихъ проступкахъ, веденныя игум. Викторомъ за конецъ 1777 и начало 1778 г. и сгруппированныя имъ въ одну тетрадь †). Этотъ слишкомъ соблазняющій документъ доказываетъ, что монахи пропадали изъ монастыря на нѣсколько дней, а возвращаясь сюда, заводили буйства, для покупки вина закладывали свои вещи и одежду и пр. и проч. Въ августѣ 1778 г. игуменъ писалъ, что „нынѣшнимъ лѣтомъ“ пономарь Петръ Бѣляевъ взялъ изъ монастырскаго книжнаго шкафа старопечатный требникъ и творенія св. Григорія Низіанзена и передалъ ихъ іером. Варнавѣ и Антонію, которые тѣ украденныя книги неизвѣстно кому продали и вырученной суммѣ дали самое

*) Доношеніе игум. Нафанаила отъ 9 ноября 1871 г. см. Ук. Тоб. Конс. отъ 12 янв 1772 г. Мон. арх.; св. 12.

**) См. черновые рапорты игум. Виктора въ М. арх.; св. 12.

***) Донесеніе игум. Виктора отъ 1778 г. Мартъ. М. арх.; св. 9.

†) Мон. арх.; св. 12.

недостойное употребленіе. Кромѣ того, Варнава потаенно роздалъ мірскимъ людямъ книги четьи-минеи, такъ что теперь въ монастырѣ изъ этихъ книгъ не осталось ни одной *). Наконецъ, Викторъ сообщалъ, что многіе изъ братіи очень рѣдко являются въ церковь къ богослуженію и чтобы побудить ихъ къ болѣе исправному посѣщенію храма, онъ, игуменъ, началъ налагать на нихъ штрафъ вычетомъ изъ жалованья за каждую опущенную вечерню 2 коп., утреню 5 коп. и литургію 7 коп. и что вся братія рѣдко бываетъ на исповѣди. Такъ, іером. Іезекіиль ни разу не исповѣдывался съ 1772 г., а всѣ прочіе монастырскіе штатные жильцы не были у исповѣди впродолженіи всего великаго поста въ текущемъ 1778 году **).

Дѣло шло не лучше и за время управленія ближайшихъ преемниковъ Виктора Колиновскаго—игуменовъ Иннокентія и Палладія. Очень много при Иннокентіѣ производилъ соблазна въ монастырѣ и за его оградой, въ городѣ, переведенный за дурное поведеніе изъ Енисейска вдовый діаконъ Караульщиковъ. При всей своей малой подвижности въ дѣлѣ письменныхъ сношеній съ тобольскою властію, Иннокентій все таки вынужденъ былъ донести, что худыми поступками Караульщиковъ перевысилъ мѣру его, игуменскаго, долготерпѣнія, что никакія наказанія на діакона не дѣйствуютъ, напротивъ „послѣ каждой приложенной къ нему мѣры смиренія онъ входитъ въ пущее ожесточеніе и упрямство“. Выразивъ отчаяніе въ возможности тѣмъ или инымъ способомъ унять виновнаго и привести его хоть сколько нибудь къ приличной жизни, игуменъ убѣдительно просилъ преосвященнаго: „онаго діакона изъ здѣшняго монастыря, чтобы отъ него соблазну мірскимъ людямъ и поношенія духовному чину, а намъ монастырскимъ отъ шумства его безпокойства не происходило, перевесть въ другой какой монастырь“ ***). Караульщиковъ предупредилъ игуменское доношеніе заранѣе отправленною въ Тобольскъ просьбою о дозволеніи ему принять монашескій постригъ въ той же Алексѣевской обители, гдѣ и состоялъ на жительствѣ. Разрѣшеніе было дано †), и чрезъ два мѣсяца послѣ своей жалобы игум. Иннокентій постригъ Караульщикова съ нареченіемъ его именемъ Венедикта. Мало того, за недостаткомъ въ монастырѣ священниковъ, годныхъ къ служенію, Венедиктъ былъ произведенъ въ іеромонахи. Но прежняго своего „шумства“ іеромонахъ не оставилъ. Онъ продолжалъ громкіе въ предосудительномъ смыслѣ подвиги, постоянно завлекая въ нихъ и другихъ членовъ братіи и въ особенности тѣсно дружившаго съ нимъ запрещеннаго священника Ивана (въ монашествѣ Іосифа) Хмылева.

*) Рапортъ игум. Виктора 20 авг. 1778 г. Мон. арх.; св. 12.
**) Донесенія игум. Виктора отъ 13 октяб. 1777 г. и отъ 31 іюня 1778 г.; св. 12.
***) Донесеніе игум. Иннокентія за 1782 г. іюль. Мон. арх.; св. 12.
†) Ук. консист. о постриженіи діакона Караульщикова отъ 16 іюля 1782 г. Тамъ-же.

Бѣгства изъ сибирскихъ монастырей лицъ монашествующихъ или отосланныхъ въ тѣ монастыри за вдовствомъ бѣлыхъ священно-церковно-служителей,—бѣгства съ укрывательствомъ въ какихъ нибудь потаенныхъ раскольническихъ уголкахъ,—были въ прошломъ столѣтіи вообще нерѣдкостью*). Печальные случаи таковыхъ же побѣговъ имѣли мѣсто въ частности и въ монастырѣ Алексѣевскомъ. Въ 1780 г. отсюда бѣжалъ вдовый священникъ Андрей Агѣевъ и остался неразысканнымъ навсегда**). Въ 1800 году скрылся изъ нашей обители только лишь опредѣленный въ ея братство вдовый діаконъ Дуленовъ. Послѣдняго нашли въ глухой Кузнецкой тайгѣ приставшимъ къ одной крестьянской семьѣ и послѣ того приговорили къ лишенію сана***).

Кромѣ нерѣдкимъ, уже приведенныхъ, прискорбныхъ примѣровъ преступнаго отношенія къ монастырской собственности, допущенныхъ монастырскими жильцами, таковой примѣръ встрѣчаемъ еще разъ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ этомъ случаѣ виновность указывали на сторонѣ выше упомянутаго друга Венедикта іером. Іосифа Хмылева. Въ рапортѣ отъ 1793 г. игум. Палладій писалъ преосвященному, что при монастырѣ изъ церковнаго сундука исчезли старинныя книги, среди нихъ старая библія и нѣсколько свято-отеческихъ твореній печати XVII в., и что, по словамъ казначея іером. Амвросія, книги никто не могъ покрасть, кромѣ Іосифа Хмылева, которому онъ, казначей, когда отлучался изъ монастыря по хозяйственнымъ дѣламъ, не разъ передавалъ ключъ отъ церковнаго ящика. Іосифъ, добавлялъ игуменъ, самъ изобличилъ себя въ кражѣ: „въ пасхальный вторникъ будучи въ азартѣ, онъ, проговаривалъ мнѣ: хватишься де книгъ“. Надъ Хмылевымъ назначили слѣдствіе. На слѣдствіи обнаружилось, что пріѣзжалъ въ Томскъ изъ Колыванской губерніи г. Берска тамошній купецъ Егоръ Юшковъ и „выпытывалъ“ у Іосифа, какъ своего стараго знакомаго: какъ бы добыть изъ монастыря старинныхъ книгъ. Вскорѣ затѣмъ Іосифъ торопливо собралъ и отправилъ въ Берскъ жившаго при немъ своего сына Симеона. Что онъ проводилъ туда сына съ покраденными книгами, въ этомъ, показывали свидѣтели, Іосифъ проговаривался самъ, когда бывалъ „въ подгулкахъ“. Подгулки онъ допускалъ часто, а своихъ денегъ для нихъ ему взять было не откуда, такъ какъ „доходовъ въ здѣшнемъ монастырѣ, кромѣ положеннаго по штату жалованья, почти никакихъ ни отъ чего не бываетъ“. Вообще, завѣряли монастырскіе свидѣтели, Іосифъ былъ поведенія неодобрительнаго, частовременно шатался изъ монастыря и пропадалъ

*) Въ одномъ 1764 г. изъ Далматова монастыря бѣжали: іером. Илья съ сыномъ Степаномъ, іером. Діонисій и іерод. Трифонъ. Ук. Конс. игум. Адріану отъ 26 марта 1764 г. Мон. арх.; св. 11.

**) О бѣгствѣ Агѣева. Мон. арх.; св. 12.

***) Дѣло о бѣгствѣ Дуленова. Арх. Том. Конс., 1880 г. № 184.

при этомъ надолго, да и прежде былъ не разъ уличаемъ въ томъ, что „воровски уносилъ изъ монастыря въ домъ ясашнаго Дмитрія Иванова разныя монастырскія вещи". Казначей Амвросій, сверхъ того, припомнилъ, что обвиняемый былъ неоднократно запрещаемъ въ служеніи, когда еще состоялъ на приходѣ въ Берскѣ и, между прочимъ, понесъ наказаніе запрещеніемъ за то, что усильно схватилъ шедшую за водою крестьянскую дѣвку и, въ противность св. правиламъ, повѣнчалъ ее съ малолѣтнимъ сыномъ (чтобы спасти послѣдняго отъ школы). Какъ ни оправдывался Хмылевъ, какъ настойчиво ни указывалъ, что самъ не мало изумлялся постояннымъ пропажамъ изъ монастыря старинныхъ книгъ, которыя ему доводилось встрѣчать у нѣкоторыхъ Томскихъ жителей (у купца Клемышева и мѣщанина Пущанова), его завинили и изъ Тобольска прислали повелѣніе: ѣхать ему въ Туруханскъ. Впрочемъ, путаное, полное неясностей дѣло о покражѣ Хмылева даетъ основаніе сильно заподозривать, что въ данномъ случаѣ игуменъ постарался нѣчто свалить съ своей больной головы, хотя, конечно, то-же не на здоровую *).

Свидѣтельство Палладія о непорядкахъ въ жизни подчиненной ему братіи и о своемъ безсиліи „отвращать" ихъ мы уже приводили. Если къ его свидѣтельству присоединимъ великіе непорядки, допущенные имъ самимъ, если, кромѣ изложеннаго о Дулеповѣ и Хмылевѣ, вспомнимъ постыдный обыскъ по всѣмъ кельямъ, произведенный городскими ратманами въ 1792 г. и все это добавимъ сообщеніемъ томскаго соборнаго священника Неводчикова **), что при Палладіѣ не всегда въ монастырѣ отправлялась и церковная служба,—картина получается по истинѣ удручающая.

Минуя многіе очень недобрые отзывы о поведеніи въ монастырѣ, данные по различнымъ поводамъ игум. Даніилъмъ, и его многочисленныя донесенія о проступкахъ отдѣльныхъ лицъ изъ братіи,—ограничиваемся указаніемъ, что въ вѣдомости о монашествующихъ за 1803 г. Даніилъ пять человѣкъ отмѣтилъ поведеніемъ „худымъ, невоздержнымъ" и только троихъ „добрымъ". Въ числѣ „добрыхъ" оказался свящ. Іеремія Майковъ. Вскорѣ Майковъ устроилъ огромное шумство, о которомъ никакъ нельзя было замалчивать и игуменъ получилъ изъ Тобольска сильный выговоръ „за слабое надъ поведеніемъ братіи смотрѣніе" ***).

Что „непорядки" случались и за настоятельство архим. Ѳеофилакта, это подтверждаетъ жалоба Ѳеофилакта, посланная имъ вскорѣ по прибытіи въ Томскъ, въ свой Алексѣевскій монастырь. Она касалась поведенія діакона Дерябина. Дерябинъ „оказывалъ грубости, безчиніе, неповиновеніе,

*) Дѣло о покражѣ, допущенной Хмылевымъ Іосифомъ, 1793 г. Мон. арх; св. 12.
**) Донесеніе Неводчикова въ Тобольскъ 1797 г. Арх. Том. Консист., по описи № 131.
***) Ук. Тоб. Конс. 1803. М. арх.; св. 9.

чѣмъ не только живучи въ многолюдномъ мѣстѣ, наносилъ стыдъ и нареканіе на чинъ свой, но и для монастыря сдѣлался отвратителенъ и нестерпимъ". Архимандритъ представилъ о необходимости перевести Дерябина въ Туруханскій монастырь, „гдѣ, конечно, найдетъ онъ меньше случаевъ къ пьянству и развращенію" *). И вскорѣ діаконъ дѣйствительно отправился туда—въ мрачную сторону близъ устьевъ Енисея. Вообще Ѳеофилактъ взыскивалъ за всякій проступокъ въ монастырской жизни съ неуклонною строгостью и таковою же настойчивостью, и въ общемъ въ обители стало значительно приличнѣе, чѣмъ въ прежнее, даже недавнее время. Въ 1811 г. сильно забушевалъ въ монастырѣ присланный сюда на труды діаконъ Родюковъ, ругавшій архимандрита и грозившій очень злымъ дѣломъ надсмотрщику за работами подначальныхъ. Ѳеофилактъ не только выпроводилъ буйнаго изъ за монастырской ограды, но и настоялъ, чтобы виновный былъ лишенъ сана и исключенъ изъ духовнаго званія **).

Все таки монастырь не успѣлъ исправить своей репутаціи даже къ началу 30-хъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1829 г. Томское Дух. Правленіе рапортовало преосвящ. Евгенію, что дьячекъ церкви с. Краснорѣчинскаго предается винопитію сильно и постоянно, что въ наказаніе его нужно было бы послать въ Алексѣевскій монастырь на черныя работы „дотолѣ, пока не исправится и не покажетъ плодовъ достойныхъ покаянія". Преосвященный въ резолюціи написалъ: „не отъ кого въ монастырѣ получить примѣръ"—и передалъ дѣло на разсмотрѣніе консисторіи. Консисторія рѣшила послать дьячка въ тотъ-же Алексѣевскій монастырь, но „особое смотрѣніе" за нимъ поручила Томскому соборному протоіерею Евфимію Серебреникову ***). Въ 1834 г. весь составъ штатной братіи ограничивался, если не считать настоятеля и молодыхъ послушниковъ, тремя лицами и изъ нихъ двое были отмѣчены: „поведенія слабаго, къ послушаніямъ не способны" †).

На общемъ неприглядномъ фонѣ монастырской жизни насъ уже нисколько не должно изумлять изъ рукъ вонъ дурное поведеніе, какимъ заявляли себя молодые послушники, опредѣляемые въ монастырь для подготовленія къ причетническому служенію или прямо изъ домовъ родителей, или изъ школъ за неспособностью къ прохожденію школьнаго обученія. Сынъ Іосифа Хмылева, послушникъ Симеонъ Хмылевъ, при Иннокентіѣ или Палладіѣ укралъ изъ монастырскаго храма два серебряныхъ блюдца и за то, по повелѣнію отъ главной команды, Томской управою благочинія былъ жестоко наказанъ розгами въ городѣ Томскѣ на публичномъ мѣстѣ при собраніи народномъ, а затѣмъ

*) Рапортъ архим. Ѳеофилакта отъ 25 сентяб. 1807 г. Мон. арх.; св. 8.
**) Столпъ дѣлъ Томскаго дух. правл. за 1811—1815 г.
***) Ук. Конс. Въ тотъ годъ годъ архим. Іеронимъ скончался.
†) Вѣдомость о братіи за 1834 г. Мон. арх.; св. 9.

отданъ былъ опять въ монастырь—на поруки отцу *). Въ 1792 г. Палладій заявилъ, что состоявшій въ монастырѣ на пономарской должности послушникъ Николай Караульщиковъ похитилъ у него 1785 р. 72 коп., и дѣло по этому заявленію пошло въ гражданскій судъ **). При Даніилѣ въ воровствѣ былъ изобличенъ келейникъ изъ школьниковъ Бѣляевъ, а послушники Поповъ съ товарищами выкрали изъ суммъ, лично принадлежавшихъ архимандриту Іерониму, 5250 р.***). При одномъ изъ своихъ служеній въ монастырскомъ храмѣ архимандритъ Іоанникій послалъ послушника въ свою келью за платкомъ. Платокъ былъ принесенъ, а когда, по окончаніи богослуженія, архимандритъ вернулся въ квартиру, увидѣлъ свой столъ разломаннымъ и изъ него было унесено 560 руб. †). О множествѣ другихъ неблаговидностей въ поведеніи послушниковъ мы уже не говоримъ.

Понятно, что заботы о приподнятіи благочинія въ монастырѣ и водвореніи пристойной въ немъ дисциплины вызывали цѣлый рядъ мѣръ и распоряженій, шедшихъ какъ со стороны мѣстнаго монастырскаго начальства, такъ и изъ Тобольска—отъ епархіальной власти. Сюда прежде всего относятся настоятельскія увѣщанія нарушителямъ обительской тишины и взятіе съ нихъ подписокъ съ обѣщаніемъ объ исправленіи жизни на будущее время.

Въ игуменство Виктора Колиновскаго такія подписки были отобраны у каждаго изъ членовъ братіи и при томъ не одинъ разъ, а въ 1778 г. братія въ цѣломъ составѣ обѣщалась съ подтвержденіемъ обѣщанія подписками, что изъ монастыря понусту не будетъ выходить, будетъ вести себя трезво и перестанетъ сбывать одежды для покупокъ горячаго напитка †*). Въ послѣдующее время обязательства въ подобномъ же родѣ даютъ Караульщиковъ, Хмылевъ, Дерябинъ и особенно въ большомъ количествѣ мы встрѣчаемъ ихъ при игум. Даніилѣ, который, очевидно, былъ большимъ любителемъ этихъ почти безцѣльныхъ рукоприкладствъ.

Въ качествѣ болѣе сильной мѣры къ исправленію служили изрѣдка практиковавшіеся вычеты у исправляемыхъ тѣхъ или иныхъ частей изъ получаемаго ими казеннаго оклада. Предъ выдачею жалованія за первую половину 1777 г. игуменъ Филоѳей объявилъ по монастырю такое распоряженіе: „по непостоянству здѣшнихъ монашествующихъ опредѣляется жалованія выдать имъ по 5 руб. А изъ достальныхъ слѣдующихъ имъ (денегъ), если безъ благословенія настоятельскаго изъ монастыря выходить будутъ,

*) Изъ дѣла о покражѣ, совершенной Іосифомъ Хмылевымъ.
**) Ук. Т. Конс 26 іюля 1792 г. Арх. Том. консисторіи.
***) Изъ дѣлъ 1830 г. М. арх.; св. 9.
†) Рапортъ Іоанникія за 1833 г. М. арх.; св. 17.
†*) Въ подлинникѣ обѣщаніе выражено въ болѣе прямыхъ, для настоящаго времени довольно грубыхъ, выраженіяхъ. Мон. арх.; св. 12.

вычеты имѣютъ быть за каждый выходъ по 10 коп" *). Выше мы уже приводили, что такое же штрафованіе денежными вычетами установилъ и игум. Викторъ изъ желанія побудить братію къ исправному посѣщенію церковныхъ служеній въ монастырскомъ храмѣ.

Печальное положеніе монастырскихъ дѣлъ, входящихъ въ область нравственной жизни, часто заставляло настоятелей прибѣгать и къ средствамъ жесткаго, суроваго взысканія. Только лишь упомянутый игум. Викторъ Колиновскій признался преосвященному, что послѣ безуспѣшныхъ кроткихъ увѣщаній онъ бываетъ вынужденъ смирять непослушныхъ не только сажаніемъ въ цѣпь, но и битьемъ шелепами „келейно, слегка, недушевредно". А сама братія въ жалобѣ на строгость игумена указывала, что онъ жестоко билъ виновныхъ и не шелепами только, но и плетью и вдобавокъ страшно бранился въ церкви при постороннихъ **). Времена уже измѣнились. Примѣненіе шелеповъ и плетей къ дѣлу исправленія монастырской братіи было поставлено Виктору въ число винъ, по которымъ онъ былъ уволенъ изъ Томска. Но сажаніе виновныхъ въ цѣпь съ выдерживаніемъ по нѣскольку дней на хлѣбѣ и водѣ продолжалось въ нашемъ монастырѣ долгое время и послѣ того, какъ изданы были правительственныя распоряженія объ отмѣнѣ грубыхъ наказаній въ приложеніи къ духовнымъ лицамъ, не лишеннымъ сана. Цѣпью смиряли и Иннокентій, и Палладій. Въ монастырскомъ архивѣ сохранился писанный при игум. Даніилѣ „реэстръ безпорядочнымъ поступкамъ діаконовъ Бардакова и Курбаковскаго". Въ немъ значится: 1801 г. декабря 31 д. вдовые діаконы Бардаковъ и Курбаковскій за самовольныя отлучки изъ монастыря, пьянство, ругательство и проч. кованы были въ цѣпь и содержаны на хлѣбѣ и водѣ трое сутки". 1802 г. февраля 5 д. за самовольную отлучку изъ монастыря Бардаковъ кованъ былъ въ цѣпь и выдержанъ на хлѣбѣ и водѣ 2 сутки". Мая 31 д. 1802 г. въ день пятидесятницы, во время всенощной штатный діаконъ Курбаковскій былъ сильно нетрезвъ, самовольно надѣлъ стихарь „съ нуждой сказывалъ эктеньи, а когда вышелъ на литію, много вралъ", такъ что Нифантьевъ отобралъ у него служебникъ, чтобы очередной священникъ докончилъ всенощную одинъ... „и за то кованъ былъ въ цѣпь и посаженъ на хлѣбъ и воду" и т. д. то о Бардаковѣ, то о Курбаковскомъ ***), то объ обоихъ вмѣстѣ. Въ 1807 г. временно управлявшій монастыремъ протоіерей Стефановскій приговорилъ одного изъ провинившихся членовъ братіи—служить не въ очередь недѣлю въ храмѣ и двѣ недѣли прислуживать братіи за общей трапезой. Это было началомъ смягченныхъ, болѣе

*) Это распоряженіе прописано въ росписаніи жалованія за 1777 г. Мон. арх.; св. 12.
**) Указъ Тоб. конс. игум. Виктору отъ 15 іюня 1778 г. М. а., св. 9.
***) Мон. арх.; св. 9.

облагороженныхъ взысканій за то, за что въ прежнее время полагались плети, шелепы, или цѣпи по меньшей мѣрѣ.

Самой крайней мѣрой наказанія съ исправительными цѣлями признавалась посылка наказуемыхъ въ дальній Туруханскій монастырь (были отправлены туда іеромонахи Мисаилъ, Іосифъ Хмылевъ, діак. Дерябинъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе).

Послушниковъ за провинности сѣкли розгами и иногда, какъ напр. Бѣляева при Даніилѣ, очень больно. Наиболѣе испорченныхъ или преступныхъ изъ нихъ отсылали, съ выключеніемъ изъ духовнаго званія, въ свѣтскую команду или препровождали къ гражданскому правосудію.

Изъ особыхъ какъ бы экстренныхъ распоряженій, изданныхъ мѣстною монастырскою властію для поддержанія монашеской пристойности и монастырской дисциплины, заслуживаетъ упоминанія наставленіе, данное игум. Викторомъ іером. Варнавѣ, свящ. Герасиму Першукову и діакону Никитѣ Бѣляеву предъ посылкою ихъ въ с. Семилужное для поднятія и препровожденія въ Томскъ ежегодно приносимой сюда иконы свят. Николая Чудотворца. По прибытіи въ Семилужное (въ 30 верстахъ отъ Томска), писалъ игуменъ, свечера отправить соборнѣ всенощное бдѣніе, а по утру литургію и молебенъ; затѣмъ, благоговѣйно поднявъ св. икону, идти въ городъ такъ, чтобы одинъ изъ священниковъ шелъ за образомъ въ фенoли и эпитрахили. „Во всемъ наблюдать крайнюю благопристойность, не пьянствовать, въ обывательскіе и тѣмъ болѣе въ питейные дома не входить, между собою не ссориться, не смѣхотворить и не кощунствовать“**).

По полученіи синодскаго указа отъ 22 марта 1800 г. о томъ, чтобы духовенство вело себя достойно своего званія и отъ пороковъ удалялось, чтобы надъ монастырями имѣли надзоръ монастырскіе благочинные, игуменъ Даніилъ далъ по своему монастырю слѣдующій приказъ: „Дабы здѣшней обители штатные священно-церковно-служители вели себя честно и благопристойно, отъ пьянства и друг. неприличныхъ поступковъ всемѣрно воздерживались, въ церковь святую къ вечерни, утрени и литургіи всегда непремѣнно приходили, имѣть смотрѣніе, кромѣ казначея свящ. Майкова, еще помощнику его запрещенному діакону Инфантьеву, а запрещеннаго священника Шалабанова опредѣлить къ кирпичнымъ заводамъ къ смотрѣнію. За ограду оныхъ штатныхъ священно-церковно-служителей безвременно не отпускать и только въ случаяхъ необходимой нужды имъ дозволяется выходить съ позволенія моего, казначея или помощника его“. Въ чтеніи приказа велѣно было подписаться каждому изъ старцевъ **).

*) Наставленіе игум. Виктора братіи. 1778 г. Май. М. арх.; св. 12.
**) М. арх.; св. 9.

По назначеніи, вмѣсто Шалабанова, въ казначейскую должность священника Ковригина, тотъ-же настоятель вручилъ новому о. казначею инструкцію, изложенную въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) „черезъ недѣлю пересматривать ризницу, книги, свящ. сосуды и всю церковную утварь; 2) наблюдать братію, чтобы всѣ ходили въ церковь въ пристойномъ платьѣ и приходили къ началу службы, а не во время нея, при богослуженіи между собой не разговаривали-бы,—стояли бы благочинно; 3) за трапезой читали-бы поученія, а праздныхъ словъ не говорили-бы. Оставшееся отъ трапезы ничего, кромѣ кваса, въ кельи не уносили-бы; 4) безъ воли настоятеля за ограду не ходили-бы; 5) отъ пьянства крайне удерживать, а съ непослушными поступать по силѣ д. Регламента; 6) всѣ бываемые доходы принимать въ едино-опредѣленное мѣсто; 7) монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, выписокъ изъ книгъ и никакихъ грамотокъ безъ вѣдѣнія настоятеля никому не писать, чернилъ и бумаги не держать, кромѣ того, что отъ настоятеля для общей духовной пользы позволяется; 8) служителей распоряжать во всякомъ порядкѣ“ *).

Чрезвычайно интересно, что по поводу писанія монашескихъ писемъ въ 1803 году сообщалъ тотъ-же игуменъ въ Томскую почтовую контору. Изобразивъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ недостойное поведеніе подчиненнаго ему штатнаго монастырскаго населенія, игуменъ говорилъ, что виновные въ предосудительныхъ поступкахъ весьма часто имъ штрафуются разнообразными способами. Штрафованія вызываютъ сѣтованія и жалобы, которыя могутъ въ свою очередь повести къ составленію лживыхъ въ Тобольскъ донесеній. Между тѣмъ въ д. Регламентѣ, въ правилахъ монашескаго чина (пунктъ 36), пропечатано: монахи не должны писать никакихъ писемъ и грамотокъ безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля. „Того ради благоволитъ оная контора, ежели изъ числа монашествующихъ будетъ кто приносить письма на почту, то ихъ (письма) представлять мнѣ обратно“ **).

Нѣсколько чаще дисциплинарныя предписанія для всѣхъ монастырей Тобольской епархіи и въ частности для Томской Алексѣевской обители шли отъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Мы уже видѣли, что въ бытность въ Томскѣ игум. Нафанаила изъ Тобольска пришло строгое повелѣніе, чтобы въ подвѣдомомъ этому игумену монастырѣ общая трапеза была учреждена безъ всякаго замедленія и тѣмъ было бы пресѣчено очень соблазнительное шатаніе монашествующихъ для пользованія столомъ по мірскимъ домамъ. Не смотря на строгость повелѣнія, Тобольская власть должна была неоднократно повторять его для нашей обители и въ послѣдующее время.

*) Тамъ-же.

**) Черновое отношеніе въ томск. почтовую контору отъ 6 іюня 1803 г. Мон. арх.: св. 7.

Въ 1760-хъ годахъ въ Троицкомъ Рафаиловомъ монастырѣ ночью сгорѣла келарня. Послѣ изслѣдованія о пожарѣ, преосвященному Варлааму было донесено, что изъ монашествующихъ ночью никто въ келарню съ огнемъ не входилъ, ибо всѣ изъ братіи „за неимѣніемъ у себя рукодѣлій“ ложатся спать очень рано. На донесеніи епископъ написалъ такую резолюцію съ приказаніемъ разослать ее по всѣмъ епархіальнымъ монастырямъ: „что сгорѣло, тому такъ и быть, а дабы монашествующіе праздны не были, на каждаго изъ нихъ, по его силѣ, налагать трудъ. а по временамъ псалтирь съ молитвами читать искуснѣйшему, а другимъ съ благоговѣніемъ слушать, сна употреблять не черезъ мѣру, табаку отнюдь не имѣть и чесноку по колязинскому (?) не толочь“ *).

Казначей Енисейскаго монастыря іеромон. Іосифъ послалъ тому-же преосвященному Варлааму прошеніе, въ которомъ указывалъ, что въ 1760 г. онъ, Іосифъ, былъ посланъ намѣстникомъ въ Кондинскій Троицкій монастырь и состоялъ тамъ въ этомъ званіи по августъ 1764 г., „а жалованья никакого не получалъ, кромѣ что на свитки по 20 аршинъ холста, по двои чарки, да на чулки сукна сермяжнаго по 5 четвертей въ годъ“. Въ 1764 г. изъ Кондинскаго его перевели въ Енисейскій монастырь на казначейскую должность, при чемъ заставляютъ отправлять еще повседневную церковную службу наравнѣ съ рядовымъ іеромонахомъ,—жалованіе же получаетъ онъ только казначейское, а „за іеромонашеское служеніе вознагражденіе не получаетъ“. Изложивъ это, іеромонахъ просилъ архіерейскаго распоряженія на счетъ выдачи ему, сверхъ казначейскаго, еще іеромонашескаго казеннаго оклада. Проситель получилъ отказъ. На его прошеніи преосвященный написалъ: „въ Енисейскій монастырь посланъ Іосифъ по своему хотѣнію, а что службу церковную исправляетъ, Богъ вѣчными за труды благами наградитъ непремѣнно,—жалованія казначейскаго получать предовольно“. Сверхъ того, говорится въ консисторскомъ указѣ, „отъ его преосвященства въ томъ же опредѣленіи изображено:—имѣюще пищу и одежду, сими довольни будемъ, а хотящіе богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти и въ похоти многи несмыслены и вреждающія, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, его же нѣціи желающе, заблудиша отъ вѣры и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ“ (Тимоѳ. 6, 8).—Страшное сіе увѣщаніе послать для исцѣленія недугующаго просителя и въ прочіе монастыри для избѣжанія отъ лукаваго искушенія“ **).

Безпорядки въ жизни и нравахъ Томской Алексѣевской братіи, описанные въ донесеніяхъ Виктора, въ свою очередь вызвали архіерейское пред-

*) Указъ Тоб. Конс Кузнецк. игумену Адріану отъ 31 янв. 1766 г. М. арх; св. 9.
**) Указъ Тоб. Конс. архим. Ѳеодосію отъ 7 февраля 1766 г. М он. арх.; св. 13.

писаніе съ приказаніемъ:—учредить въ монастырѣ общую трапезу на всякій день, употребляя на этотъ предметъ деньги, отпускаемыя изъ казны на вино, пиво и дрова,—читать за трапезой житія святыхъ и поученія, „чтобы братіи были въ наставленіе“. По праздничнымъ днямъ въ трапезной вмѣстѣ съ братіей долженъ обѣдать и самъ настоятель. Жалованіе на руки братіи не давать, а покупать на него монашествующимъ одежду и употреблять на покрытіе другихъ монастырскихъ нуждъ. Изъ монастыря никого изъ братіи не выпускать, а если случится кому выйдти по крайней нуждѣ, отпускать таковаго подъ присмотромъ и при томъ на самое короткое время. „Праздности по кельямъ отнюдь не допускать, а велѣть упражняться, кто не имѣетъ рукодѣлья, въ чтеніи свящ. писанія и читать на всякъ день по нѣсколькоу зачалъ изъ священнаго евангелія и посланій апостольскихъ, чтобы законъ Божій монашествующіе знали втвердость. Въ кельи настоятельскія и братскія женска полу никому не входить. Тѣлесно никого изъ братіи не наказывать, а за ослушаніе исправлять черной работой,—престарѣлыхъ же, не могущихъ трудиться, смирять цѣпью“ *).

Это архіерейское распоряженіе, по крайней мѣрѣ тою его частію, по которой запрещалось выдавать монашествующимъ жалованіе на руки, породило въ средѣ послѣднихъ большое неудовольствіе. Викторъ вскорѣ отправилъ новое донесеніе, въ которомъ писалъ, что архіерейскій указъ принятъ въ монастырѣ съ „роптаніемъ“, что іеромонахи Іезекіиль, Варнава, священникъ Андрей Агѣевъ и іеродіаконъ Вассіанъ къ обязательству объ исполненіи даннаго приказанія совсѣмъ отказываются подписаться, „объявляя, что сами будемъ писать архіерею о жалованіи“. А іеромонахъ Варнавва вдобавокъ „выговорилъ: я-де, когда жалованія мнѣ въ руки давать не будутъ, и въ монастырѣ быть не хочу“ **). Какъ потомъ усмирили непокорныхъ—неизвѣстно.

Много указовъ о водвореніи порядковъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ было получено за настоятельства Палладія и Даніила и за первые годы управленія тѣмъ монастыремъ архимандрита Ѳеофилакта. Но въ содержаніи каждаго изъ нихъ повторялась и варіировалась одна и таже мысль: за братіею нужно имѣть неослабное смотрѣніе, „дабы какъ служеніе церковное, такъ и прочія монастырскія правила исполняла безъ опущенія“. Нѣсколько выдѣляется указъ игумену Ѳеофилакту отъ 1807 г.***) Въ немъ еще разъ прописано наставленіе, какъ нужно было исправлять виновныхъ въ нетрезвости и самовольныхъ изъ монастыря отлучкахъ. Ихъ нужно было исправ-

*) Ук. Тоб. Конс. игум. Виктору отъ 12 іюня 1777 г. М. а., св. 12.

**) Черновое донесеніе игум. Виктора въ Тоб. Консист. отъ 13 іюля 1778 г. Мон. архх.; св. 12.

***) Указъ Тоб. Конс. за 1807 г. Содержаніе его прописано въ реэстрѣ дѣлъ Том. Дух. Правленія за тотъ же 1807 г. Арх. Том. дух. консисторіи.

лять и наказывать отлученіемъ на время отъ ихъ келій и задержаніемъ въ трапезѣ или другомъ общемъ мѣстѣ, гдѣ находятся неотлучно монастырскіе стражи, коимъ должно быть подтверждено, чтобы отнюдь задержанныхъ никуда не пускали и вина имъ не приносили". Значитъ, смиреніе цѣпями отошло уже въ область прошлаго.

Неизвѣстно по своей ли иниціативѣ или по указанію отъ св. Сунода архіепископъ Евгеній разослалъ въ 1830 г. уставъ Новгородскаго Юрьева монастыря для примѣненія его въ обителяхъ Абалакской, Туринской, Тобольской-Знаменской, Тобольской-Іоанно-Межугорской и Томской **). Но ни откуда не видно, чтобы въ Томскомъ монастырѣ этотъ уставъ дѣйствительно былъ введенъ и тѣмъ болѣе, чтобы въ его внутренней монастырской жизни произвелъ какое нибудь измѣненіе.

Тому же преосвященному дали знать, что послушники Абалакскаго монастыря, Крыловъ и Анненковъ, взломали монастырскую кружку и вынули изъ нея 3 р. 49 коп. Это подало поводъ архіепископу издать такое замѣчаніе и распоряженіе: „исключенные ученики, посылаемые въ монастырь, какъ видно изъ опытовъ, рѣдко научаются здѣсь грамотѣ, а напротивъ портятся въ нравственности и отъ худого надзора, и отъ худого примѣра. Поэтому не удерживать ихъ долго въ монастыряхъ и предписать всѣмъ настоятелямъ репортовать мнѣ по полугодно: 1) сколько кто изъ послушниковъ выучился и какъ; 2) подъ чьимъ руководствомъ находятся, и при семъ подтвердить, чтобы препоручались самымъ благонадежнымъ лицамъ изъ братіи, а безъ порученія не оставлять". Архим. Іоанникій скоро отвѣтилъ, что въ Томскомъ монастырѣ состоятъ два послушника: причетническій сынъ Иванъ Наумовъ и сынъ діакона Вихоревъ. Первый поведенія хорошаго, натверживается въ книгочтеніи, но пѣть по нотѣ еще не умѣетъ,—второй поведенія худого, лѣнивъ и нерадивъ къ ученію. „Оба находятся подъ моимъ, непосредственно—настоятельскимъ надзоромъ, а изъ прочей (зачеркнуто: убогой) братіи повѣрить ихъ некому, не можно и безнадежно" ***).

Нравственное состояніе въ нашемъ монастырѣ и общее въ немъ благочиніе начинаютъ приподниматься съ тѣхъ поръ, какъ въ Томскѣ была открыта томская архіерейская каѳедра. Благотворное вліяніе этого важнаго обстоятельства на внутренніе монастырскіе распорядки должно было сказаться тѣмъ сильнѣе, что долгое время томскіе епископы жили рядомъ съ монашескими помѣщеніями, въ одной монастырской оградѣ и, такимъ образомъ, могли имѣть монастырь, да и желали имѣть его, подъ своей ближайшей архипастырской опекой.

---

*) Мон. арх.; св. 13.
**) Ук. Тоб. Конс. 23 іюня 1831 г. Мон. арх.; св. 9.
***) Ук. Тоб. Конс. отъ 19 декабря 1830 г. и рапортъ архим. Іоанникія 7 іюля 1731 г. Мон. арх.; св. 9.

ТОМСКІЙ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

I.

Предварительное замѣчаніе о недостаточности архивныхъ свѣдѣній о старинныхъ монастыряхъ Томскомъ дѣвичьемъ и Кузнецкомъ мужскомъ.—Мѣстоположеніе дѣвичьяго монастыря.—Время его основанія и основатель.— Настоятельницы и монашествующія сестры.—Постепенное уменьшеніе въ количественномъ составѣ послѣднихъ.—Внѣшній видъ обители, свидѣтельствовавшій о ея бѣдности.—Скудость въ содержаніи и пропитаніи сестеръ.—Бѣдственное положеніе монастырскаго церковнаго причта.—Причисленіе къ монастырской церкви приходскихъ дворовъ.

Свѣдѣній о старинныхъ давно уже закрытыхъ Томскомъ Христорождественскомъ дѣвичьемъ и мужскомъ Христорождественскомъ же Кузнецкомъ монастыряхъ нашлось въ нашемъ архивномъ матеріалѣ очень скудно *). Да и то, что сохранилось о нихъ, носитъ характеръ отрывочныхъ, случайно уцѣлѣвшихъ бумагъ. Впрочемъ, въ отношеніи къ дѣвичьему монастырю недостатки нашего основного источника нѣсколько восполняются небольшимъ количествомъ документовъ, изложенныхъ въ статьяхъ *Русскаго Вѣстника* о заточницахъ того монастыря, каковыя статьи принадлежатъ протоіерею А. Сулоцкому и свящ. Вакху Гурьеву**). Намъ приходится пожалѣть, что чрезвычайно любопытныхъ бумагъ, которыми пользовались эти авторы и которыя составляли достояніе архива Томской Алексѣевской обители, въ этомъ послѣднемъ мы уже не могли найти.

Томскій дѣвичій монастырь расположенъ былъ въ Томскѣ при самомъ началѣ той же Юрточной горы (со стороны подъема отъ р. Ушайки), гдѣ высится и монастырь мужскій. Отодвинувшись нѣсколько дальше къ восточному склону этой горы, онъ прилегалъ къ мужской обители съ сѣверной стороны настолько близко, что отдѣлялся отъ послѣдней только малымъ проулкомъ. Въ одномъ изъ краткихъ описаній Алексѣевскаго монастыря между прочимъ замѣчено, что женскій монастырь находился съ нимъ „почти въ одной оградѣ". Памятникомъ его мѣстоположенія служитъ доселѣ томскій Христорождественскій, по наиболѣе распространенному названію, Никольскій храмъ. Въ

*) Нашлось преимущественно въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, куда перешли бумаги упомянутыхъ закрытыхъ монастырей.

**) А. Сулоцкій. „Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая". Рус. Вѣст. 1880 г., іюль, Вакхъ Гурьевъ. „Растриги дѣвки квакереи". Рус. Вѣсти. 1881. августъ.

прежнее время онъ принадлежалъ женскому монастырю и сталъ исключительно приходскимъ только послѣ упраздненія послѣдняго.

По сообщенію, доставленному томскимъ архимандритомъ Лаврентіемъ академику Миллеру въ 1740 г., дѣвичій монастырь въ Томскѣ былъ основанъ казачьимъ головой Зиновіемъ Литосовымъ въ 1671 г. съ разрѣшенія и благословенія тобольскаго митрополита Корнилія *). Это былъ тотъ самый Литосовъ, который передалъ въ даръ Алексѣевскому монастырю земельный участокъ по рѣкѣ Лебяжьей. Родъ Зиновья Литосова для вѣчной молитвы за него былъ занесенъ не только въ старинные монастырскіе сунодики, но и въ сунодикъ Томской соборной церкви. Видно, что храбрый, побывавшій во многихъ походахъ, казачій голова не жалѣлъ своихъ средствъ для церковно-благотворительной дѣятельности.

Литосовъ предпринялъ постройку женской обители на концѣ Томскаго посада въ качествѣ благочестиваго подвига во спасеніе своей души. Но несомнѣнно, что такой именно подвигъ его побудила избрать глубоко сознанная потребность въ женскомъ монастырѣ для тогдашняго томскаго населенія съ его общимъ живымъ сочувствіемъ къ благочестной жизни въ иноческомъ образѣ. Вчастности въ Томскѣ того времени должно было быть немало вдовъ послѣ служилыхъ людей, слагавшихъ свои головы на царской службѣ въ землицахъ разныхъ сибирскихъ племенъ, которыхъ служилые приводили подъ высокую руку бѣлаго царя. Провести лѣта вдовства въ сторонѣ отъ мірской суеты въ тихомъ пристанищѣ для инокинь—это было горячимъ желаніемъ многихъ изъ овдовѣвшихъ женщинъ Томскаго города за время его существованія въ XVII вѣкѣ.

Но предварительно остановимся на извѣстіяхъ о монастырскихъ настоятельницахъ, сколько этихъ извѣстій можно собрать на основаніи скудныхъ данныхъ нашего матеріала. Изъ болѣе раннихъ по времени игуменій намъ вѣдомы по именамъ — *Евфросинія* и *Анфиса* Иванова. Въ монастырскомъ сунодикѣ „родъ Томскаго города Никольскаго дѣвичья монастыря игуменіи Евфросиніи“ написанъ рукою первоначальнаго писателя этого сунодика томскаго монаха Гурія **). Очень возможно, что Евфросинія поселилась въ монастырѣ при самомъ его возникновеніи и была первой въ немъ настоятельницей. Объ игуменьѣ Анфисѣ намъ встрѣтилось упоминаніе, что вмѣ-

*) Матеріалы для исторіи Сибири. Чт. Общ. Ист. и др. Россіи. 1867. Кн. 2, стр. 316.

**) Сунодикъ Том. Рождественскаго монастыря, л. 41.

Сунодикъ этотъ написанъ разными руками. Самое древнее полууставное письмо заканчивается записью въ число усопшихъ изъ царей—Ѳеодора Алексѣевича, изъ патріарховъ Питирима, изъ Тобольскихъ митрополитовъ—Корнилія.

На первомъ листѣ сунодика помѣчено: „Сей синодикъ церкви Томскаго города Николы Чудотворца дѣвичья монастыря приложилъ Томскаго же города Алексѣевскаго монастыря инокъ старецъ Гурей по своихъ родителей“.

стѣ съ монашествующими старицами она получила нѣкоторое количество денегъ изъ томской Приказной Палаты въ 1683 году *). Въ сунодикѣ затѣмъ не одинъ разъ упоминаются записанныя уже не рукою Гурія, а позднѣйшаго писца имена настоятельницъ *Таисіи* и *Александры* **). Объ Александрѣ кромѣ того говорится въ челобитной монахини Пелагеи,—поданной на имя императора Петра I. Въ челобитной сказано, что она, Пелагея, была пострижена въ Томскѣ при игуменьѣ Александрѣ и намѣстницѣ Маріи въ 1723 году. Достовѣрно извѣстно, что во второй половинѣ 1730-хъ годовъ въ Томскомъ дѣв. монастырѣ предстоятельствовала игум. Домникія, а въ началѣ 1750-хъ г. игум. Анфиса II. За переводомъ послѣдней въ Енисейскъ для управленія тамошнею дѣвичьею обителью, на ея мѣсто въ Томскѣ монашествующія сестры избрали изъ своей среды монахиню *Олимпіаду* Бурмакину ***). При Олимпіадѣ Томскій женскій монастырь и покончилъ почти ровно столѣтній циклъ своего фактическаго существованія.

Подобно мужскому Алексѣевскому и монастырь, о которомъ ведемъ свое изложеніе, самое большое число монашествующихъ заключалъ въ себѣ за десятилѣтія своей жизни въ XVII стол. Въ старинномъ, принадлежащемъ этой обители, сунодикѣ записаны для поминовенія роды очень многихъ первоначальныхъ гражданъ г. Томска и только въ рѣдкой изъ такихъ записей мы не встрѣчаемъ именъ томскихъ инокинь. Безъ сомнѣнія, въ лицѣ этихъ послѣднихъ томичи, покрайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, поминали своихъ сродницъ. Судя по сунодику, монахинь—сродницъ имѣли фамиліи томскихъ жителей изъ служилыхъ и посадскихъ людей: Хромовы, Ненашевы, Переводчиковы, Меркурьевы, Бутаковы, Морозовскіе, Барышниковы, Мошковы, Комаровы, Нехорошевы, Квасниковы, Ромашевы, Соснины и проч., проч. †). Въ 1712 г. монахинь состояло въ монастырѣ до 30 сестеръ въ возрастѣ отъ 49 до 80 слишкомъ лѣтъ †*). Но это уже было время упадка въ численности монастырскаго населенія. Въ послѣдующія, неблагопріятныя для постриженій десятилѣтія, количество жилицъ въ обители уменьшается все въ большей и большей мѣрѣ. Въ своемъ отрывочномъ матеріалѣ мы нашли только три случая новыхъ поступленій въ томскій дѣв. монастырь, и всѣ они относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Петра I. Въ 1721 г. сюда ушла для постриженія жена томскаго таможеннаго сборщика дворянина Ив. Старкова. Старкова рѣшилась покинуть мужа по его дурному поведенію, отъ котораго страдали не только она, но и денежные казенные сборы съ

*) Матеріалы для исторіи Том. епархіи. Том. Еп. Вѣд. 1884, № 10.
**) Сунодикъ, Л. 40 и обор.
***) Ук. Томск. архим. Исаіи отъ 6 марта 1755 г. Арх. Алекс. Мон.; св. 16.
†) Сунодикъ, л. 40, 41, 42, 43, 44 и др.
†*) Рус. Вѣст. 1881 г. Авг. стр. 427.

лавокъ, рыбныхъ ловель, постоялыхъ дворовъ и проч. Сборщикъ пожаловался на жену, „не похотѣвшую“ съ нимъ жить томскому коменданту Василію Елизаровичу Козлову. Но комендантъ „суда ему не далъ“ и мало того,—когда явился съ челобитьемъ, приказалъ деньщикамъ его бить, а потомъ избитаго засадить „на цепь“ въ караульной при комендантской канцеляріи *). У Старкова ушла жена для иноческой жизни вопреки его волѣ, а другой томскій житель нѣкто Иванъ Ѳедоровъ самъ сбылъ супругу за монастырскую ограду и тамъ устроилъ ей постриженіе наперекоръ ея желанію. Эта старица, по монашескому имени Пелагея, подала государю Петру Алексѣевичу уже упомянутую жалобу, гдѣ прописала, какъ билъ ее мужъ, какъ отвелъ въ монастырь на невольный постригъ и какъ потомъ обманулъ въ данномъ обѣщаніи построить для нея въ монастырѣ новую келью и снабдить деньгами на обзаведеніе монашескимъ одѣяніемъ**). Въ 1723 г. пожелала пріютиться въ монастырѣ вдова томскаго таможеннаго головы Авдотья Ѳедорова Саватѣева. Ее сильно влекло къ принятію иноческой мантіи. Но такъ какъ постриженія въ то время были уже воспрещены, то она просила митроп. Антонія I дать ей дозволеніе на проживаніе въ обители на положеніи бѣлицы до времени, когда постриженія будутъ вновь разрѣшены. Въ дозволеніи не было отказано, и Саватѣева поселилась внутри монастырскаго двора, предварительно построивъ здѣсь на свои средства маленькій домикъ—келью ***).

Въ 1740 г. монахинь въ описываемомъ монастырѣ осталось только семь и при томъ всѣ онѣ были стары и дряхлы и одна изъ нихъ вдобавокъ слѣпая. „Для послушанія больнымъ монахинямъ около нихъ проживали четыре вдовы неимущія“†). По распоряженію митр. Антонія II Нарожницкаго въ Томскій женскій монастырь велѣно было опредѣлять непристроенныхъ бракомъ дочерей вдовыхъ священно-служителей, которые сами по вдовству должны были жить въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Сомнительно, однако, чтобы кто-либо изъ вдовцовъ—священниковъ согласился на исполненіе такого приказанія. Отъ монастыря вдовцы всячески уклонялись и сами для себя. Митрополитъ Павелъ Конюскевичъ въ 1762 г. запросилъ томскую игуменью Олимпіаду, сколько въ ея обители состоитъ постриженныхъ въ монашество сестеръ? †*) Игуменья отвѣтила, что въ званіи монахини въ монастырѣ находится только она одна, а всѣ прочія насельницы монастырскихъ помѣщеній состоятъ изъ бѣлицъ. Кромѣ добровольныхъ

*) Арх. Т. Алексѣев. монастыря, св. 4.
**) Арх. Т. Алек. мон., связка бумагъ времени Петра I.
***) Ук. архіерейскій митр. Антонія I архим. Порфирію отъ 1723 г. дек. Арх. Ал. мон.; св. 11.
†) Чт. общ. ист. и др. Р. 1867 кн. 2, стр. 298.
†*) Ук. Тоб. конс. игум. Олимпіадѣ отъ 7 апр. 1762. Арх. Т. Ал. м.; св. 5.

жилицъ, въ монастырѣ не мало перебывало зачаточницъ. Въ виду особаго интереса, возбуждаемаго или личностями заточенныхъ, или обстоятельствами заточенія, посильное повѣствованіе о нихъ выдѣляемъ особо.

Многія изъ старинныхъ монахинь охотно принимали высшій образъ постриженія—въ схиму. Въ той части сунодика, которая была написана старцемъ Гуріемъ, схимницы упоминаются то и дѣло и среди нихъ схимницей записана и сама игум. Евфросинія. Это служитъ выразительнымъ свидѣтельствомъ о достоинствѣ во внутренней жизни нашей обители. Да и впослѣдствіи съ этой стороны едва-ли здѣсь могли быть какія нибудь замѣшательства, которыя вызывали бы начальство на необходимость частой регламентаціи поведенія Изъ общихъ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію доброй дисциплины въ Том. дѣвичьемъ монастырѣ мы знаемъ только одну. Разумѣемъ инструкцію, данную въ 1752 году митрополитомъ Сильверстомъ игуменьѣ Анфисѣ. По инструкціи игуменья должна была управлять монастыремъ сообразно регламенту и правиламъ, и смотрѣть, чтобы всѣ сестры соблюдали себя во всякомъ благочиніи, цѣломудріи, трезвости, кротости, послушаніи и постоянствѣ, — чтобы ходили къ богослуженію неопустительно и непремѣнно въ свой храмъ; сестеръ, которыя были бы замѣчены въ самовольствѣ, игуменья должна исправлять словесно и смирять трудами, „а весьма непокоряющихся наказывать чепью“ и объ нихъ доносить. Изъ монастыря никого изъ жилицъ въ городъ не выпускать, кромѣ „благословныхъ винъ“ и монастырскіе ворота должны быть всегда на затворѣ, за исключеніемъ того времени, когда приходскіе люди (приписанные къ монастырскому храму) собираются въ церковь на молитву. Въ другое время мірскихъ людей въ обитель никого не допускать. Монахинь безъ повелительныхъ указовъ вновь не постригать, а постриженнымъ по міру шататься не дозволять, а требовать, чтобы жили отъ трудовъ своихъ *).

Крестьянъ, земель и угодій Томскій Христо-Рождественскій монастырь не имѣлъ, поэтому не могъ не испытывать стѣсненія въ своихъ средствахъ. На ограниченность средствъ указывалъ черезчуръ уже скромный внѣшній видъ монастыря. Небольшая по протяженію въ длину и ширину деревянная ограда вмѣщала въ себѣ, кромѣ храма и довольно помѣстительнаго зданія для жительства игуменьи и самыхъ старшихъ монахинь, нѣсколько маленькихъ, съ однимъ или двумя по лицу оконцами, отдѣльныхъ келеекъ, которыя въ большинствѣ случаевъ сестры устраивали на свой счетъ, когда приходили на монастырское жительство. Келейки содержались въ надлежащей исправности только за время, когда обитательницы имѣли матеріальную поддержку на сторонѣ отъ своихъ городскихъ родственниковъ. Съ упад-

*) Архив. Т. Алекс. монаст.; св. 16. Ук. игум. Анфисѣ отъ 24 сентяб. 1752 г.

комъ въ томскомъ населеніи религіозности, а слѣдовательно и живого сочувствія къ церковнымъ учрежденіямъ, бѣдность женской обители дошла до степени убожества. Въ 1739 г. архим. Лаврентій, описывая монастырь, говорилъ, что „находится при Томскомъ городѣ, надъ Томью рѣкою, при концѣ посада; каменныхъ церквей въ немъ не имѣется, но токмо деревянная. Ограда деревянная—ветхая. Каменныхъ келій неимѣется же, а деревянныхъ шесть,—больница одна длиною на 18 (?) сажень, шириною на 4 сажени—всѣ ветхія и стоятъ порознь“ *). Послѣ того, какъ прибыли въ обитель колодницы—квакерки, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались со средствами, количество келій въ ней умножилось. При закрытіи монастыря внутри его ограды стояло 9 отдѣльныхъ домиковъ, но за то большого больничнаго помѣщенія уже не существовало.

И въ своемъ личномъ пропитаніи томскія монахини не терпѣли особенной нужды только развѣ тогда, когда ихъ монастырь былъ только—лишь основанъ и когда необходимое для прожитія онѣ могли доставать изъ родныхъ семей. Впрочемъ, есть извѣстіе, что въ первые десятки лѣтъ XVIII ст. старшимъ манатейнымъ монахинямъ шло отъ казны жалованіе. Каждая изъ нихъ получала по 6 руб. въ годъ деньгами и по 2 четверти хлѣба. Въ 1736 г. это жалованіе выдачею было прекращено и съ тѣхъ поръ не возстановлялось. Послѣ того монастырскія жилицы, въ большинствѣ безродныя, должны были добывать себѣ пропитаніе или отъ своихъ рукодѣлій, или милостиною, за которою, если не были престарѣлы, ходили по городу сами, а престарѣлыя и больныя довольствовались тѣмъ, что приносили городскіе сердобольцы. Предупрежденіе митроп. Сильверста (въ инструкціи игум. Олимпіадѣ), чтобы сестры не шатались за сборами милостыни по мірскимъ домамъ, указываетъ, что такія шатанья прежде были обычнымъ дѣломъ. Въ числѣ милостивцевъ былъ, какъ мы видѣли, сосѣдній Алексѣевскій монастырь, присылавшій въ то время, когда владѣлъ землями и крестьянами муку пудами то той, то другой старицѣ, или десятками и сотнею пудовъ всѣмъ имъ вмѣстѣ.

Рѣдкіе случаи жертвъ въ пользу монастыря деньгами и вещами не могли существеннымъ образомъ помочь его общей скудости. Больше всего жертвъ перечислено въ сунодикѣ. Но это почти исключительно были приложенія только единицами рублей, или предметами малой стоимости. Въ ихъ ряду особымъ образомъ выдаются приложенія „благороднаго, его милости, господина полковника Бориса Ивановича Серединина“. Въ одномъ случаѣ, именно 12 янв. 1738 г., Борисъ Ив. далъ въ монастырь денегъ 20 р.,

*) Чт. общ. ист. и др. Р. 1867 кн. 2, стр. 298. См. планъ женск. монастыря, начертанный совмѣстно съ планомъ Алексѣевской обители.

въ другомъ, 21 февраля 1741 г., три канфы черныхъ, цѣною въ тридцать рублей*). Изъ жертвъ, помѣченныхъ въ разныхъ другихъ документахъ, наиболѣе цѣннымъ является уже извѣстный намъ даръ Станиславьева векселемъ въ 163 руб., которые оба Томскіе монастыря должны были взыскивать съ Чадцкихъ татаръ.

Монастырскій храмъ, построенный при самомъ возникновеніи обители, въ началѣ XVIII в. былъ или сломанъ за ветхостію, или сгорѣлъ. Его возстановленіе относится къ 1711 году, но чрезъ 55 лѣтъ „отъ давняго застроенія“ онъ уже „весь сгнилъ, зачѣмъ и служба Божія отправлялась въ немъ съ великою опасностію“ **). По просьбѣ священника Андрея Шихова съ прихожанами тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ 25 февраля 1766 г. выслалъ благословенную грамоту на перестройку храма заново съ предѣломъ во имя свят. Николая Чудотворца. По прежнему онъ перестроивался изъ дерева и былъ готовъ къ освященію и освященъ въ концѣ 1769 г. игуменомъ Нафанаиломъ ***), но простоялъ только до 1792 г., когда былъ разобранъ съ тѣмъ, чтобы на его мѣстѣ начать кладку каменной церкви †). Послѣдняя строилась 18 лѣтъ и освящена томскимъ протоіереемъ Евѳиміемъ Серебренниковымъ, 5 ноября 1810 года †*). Но это было время, когда монастырь уже давно былъ закрытъ и заботы о его храмѣ перешли всецѣло на прихожанъ. Уцѣлѣлъ обрывокъ монастырской церковной описи за 1763 г. Изъ него видно, что въ церкви иконостасъ былъ гладкій, двухсоставный. Иконы стояли въ немъ безъ окладовъ и только на нѣкоторыхъ имѣлись мѣдные вѣнцы. Изъ всѣхъ храмовыхъ иконъ представляли по убранству наибольшую цѣнность: 1) очень древнее рѣзное во весь ростъ изображеніе свят. Николая Чудотворца (высотою приблизительно въ 2 арш., 2) таковое же древнее и рѣзное изображеніе св. вм. Параскевы (высотою въ полтора арш. и 3) гладкій, безъ рельэфовъ, образъ св. вм. Екатерины. На изображеніи Николая Чудотв. шапка изъ серебряной парчи была вышита золотомъ и убрана жемчугомъ добрымъ, вѣнецъ къ лику былъ вычеканенъ изъ серебра. Массивный серебряный позолоченый вѣнецъ украшалъ главу и на изображеніи св. вм. Параскевы,—на иконѣ вм. Екатерины вѣнецъ весь

*) Послѣднюю жертву принесъ въ монастырь по повелѣнію родителя своего сынъ его „за полковника“ Алексѣй Середининъ.—Синодикъ, л. 56 об.

**) См. благословенную грамоту митр. Павла Конюскевича на заложеніе монаст. храма отъ 25 февр., 1766 г. № 435. Прислана была на имя Томскаго закащика „пречестнаго протопресвятера Прокопія Петрова“.

***) По грамотѣ Тоб. епископа Варлаама, подписанной 13 ноября 1769 г. и присланной на имя Том. игум. Нафанаила за № 1660.

†) См. грамоту на заложеніе каменнаго храма, присл. на имя Том. игум. Палладія отъ 28 мая 1792 г. за № 647.

†*) Благослов. грамота на освященіе каменной церкви отъ 3 окт. 1810 г. за № 2225.

состоялъ изъ китайскаго жемчуга*). Въ ризницѣ имѣлись серебряный потиръ въ 85 зол., дискосъ, звѣздица и два блюдца серебряныя же. Въ числѣ воздуховъ одни были шелковые вышитые золотомъ съ серебряными крестами по срединѣ. Нѣкоторыя изъ ризъ были сшиты изъ шелковой же матеріи съ серебряными вышивками и опушками. На колокольнѣ висѣло 6 колоколовъ, изъ которыхъ большой вѣсилъ 10 пуд. 4 ф., а во всѣхъ вѣсу было 20 пуд. 15 фунтовъ.

Положеніе монастырскаго церковнаго причта должно отнести къ бѣдственнымъ въ самой крайней мѣрѣ. Священникъ получалъ казеннаго жалованія 6 руб. въ годъ и хлѣба 6 четвертей, причетники казеннаго жалованія не получали, а изъ церковной казны выдавали дьячку 1 р. 80 коп., а пономарю 60 коп. въ годъ**). Да и это казенное жалованіе уплачивалось священнику съ большою неаккуратностію. Наприм. съ 1736 по 1738 г. священникъ не получалъ отъ казны ни денегъ, ни хлѣба, а содержался, по словамъ архим. Лаврентія, „отъ работъ своихъ и отъ подаяній мірскихъ людей“ ***). Доходы отъ требоисправленій должны были быть болѣе чѣмъ скудны, потому что въ монастырскій храмъ томскіе жители, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII в., почти совсѣмъ не ходили. Послѣднее заключеніе дѣлаемъ на основаніи вѣдомости о церковныхъ доходахъ за 1738 г. Въ этомъ году по церкви выручено было отъ продажи свѣчъ 2 руб. и собрано съ мѣстною свѣчею 1 р. 5½ коп. Такой нищенской казны не хватило бы и на масло для праздничныхъ богослуженій въ годовомъ кругу, если-бы она не восполнилась приложеніями отъ разныхъ лицъ и въ разное время года на 20 руб. †). Чтобы помочь бѣдственному состоянію монастырскаго причта, тобольское епархіальное начальство распорядилось приписать къ Христо-Рождественской церкви 4 приходскихъ двора. Помощь въ такомъ видѣ сводилась почти ни къ чему. Въ 1752 г. свящ. Анд. Шиховъ подалъ митроп. Сильвестру челобитную, въ которой, изобразивъ

*) Эти иконы хранятся въ Томской Христо-Рождественской (бывшей монастырской) церкви и доселѣ. Но первыя двѣ изъ нихъ убраны уже иначе. Въ церковной описи 1830 г. значится: 1) «рѣзной образъ св. муч. Параскевы. На немъ вѣнецъ серебряный подъ золотомъ червоннымъ. Риза серебряная же кованой чеканной работы. Въ вѣнцѣ и ризѣ вѣсу три фунта 25 золотн. Дека 5 четвертей. 2) образъ рѣзной св. Николая Чудотворца. На немъ вѣнецъ серебряный подъ золотомъ червоннымъ, чеканной работы. Гривна вышита по холсту золотомъ и въ срединѣ унизана мелкимъ жемчугомъ и цвѣтными простыми камнями. Риза серебряная чеканной работы. Панагія серебряная на таковой же цѣпочкѣ съ образомъ Знаменія Пресв. Богородицы. По сторонамъ рѣзнаго изображенія два образа: а) Христа Спасителя и б) Бож. Матери, на коихъ ризы серебряныя подъ золотомъ червоннымъ. Всего серебра на образѣ 12 фунтовъ 30 золот. Дека къ рѣзному образу 2½ аршинъ въ высоту». Жемчужнаго убранства въ вѣнцѣ на образѣ вм. Екатерины нынѣ уже нѣтъ.

Изъ книгъ прежняго монастырскаго достоянія хранится въ Христор. храмѣ св. евангеліе на полудестевой бумагѣ „оболченное зеленымъ верветомъ“, московской печати 1677 года.

**) Ук. Тоб. конс. отъ 18 янв. 1752 г. арх. Том. консист.

***) Чт. общ. ист. и др. Р. 1867. кн. 2, стр. 298.

†) Тамъ-же, стр. 299.

вопіющую нужду въ своемъ пропитаніи, усерднѣйше просилъ отчислить подъ его вѣдѣніе 100 дворовъ изъ большого прихода Благовѣщенской церкви. Просьба была удовлетворена, но съ ограниченіемъ въ причисленіи вмѣсто 100 только 60 дворовъ*).

2.

Монастырскія заточницы: княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, бывшая невѣста императора Петра II.—Ея насильственное постриженіе и строгость надзора за нею.—Ея освобожденіе.—Заточница, присланная изъ тайной канцеляріи.—„Растриги дѣвки квакереи".—„Дѣвка, одержимая бѣсомъ", на испытаніи въ монастырѣ.—Закрытіе монастыря и запустѣніе его помѣщеній.

Переходимъ къ рѣчи о монастырскихъ заточницахъ.—Судьба самой знаменитой изъ нихъ возвращаетъ насъ къ временамъ тѣхъ огромныхъ и страшныхъ переворотовъ въ положеніи лицъ изъ правительственной сферы, которые начались сразу-же по кончинѣ великаго царя-преобразователя. Это была княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, невѣста отрока—императора Петра II, обручившагося съ нею послѣ другой невѣсты княжны Маріи Александровны Меньшиковой. И то и другое обрученіе было дѣломъ честолюбія и интригъ, за которыя тяжело поплатилась семья свѣтлѣйшаго Александра Даниловича Меньшикова и еще тяжелѣе родъ Долгорукихъ.

Не легко изобразить величіе Александра Даниловича, какого достигъ онъ послѣ того, какъ помогъ Екатеринѣ I занять всероссійскій престолъ. Въ Сенатѣ склонились предъ нимъ всѣ члены изъ представителей самыхъ родовитыхъ фамилій. Въ учрежденномъ Верховномъ Совѣтѣ его первенство не могъ оспорить даже герцогъ Голштинскій, женившійся на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Ему и самому захотѣлось быть герцогомъ (въ Курляндіи), и хотя домогательство на этотъ счетъ не удалось, но неудача нисколько не обезкуражила его для другихъ еще болѣе смѣлыхъ замысловъ. Когда обстоятельства выяснили, что знать и народъ тяготѣютъ къ великому князю Петру, Меньшиковъ, прежде устранившій Петра отъ трона, теперь перешелъ на его сторону и выпросилъ согласіе императрицы на бракъ Петра съ своею старшею дочерью. Императрица, выразившая согласіе и подтвердившая его въ своемъ духовномъ завѣщаніи, вскорѣ скончалась. Она умерла 6 мая 1727 г., а 25 числа того же мѣсяца и года Меньшиковъ праздновалъ обрученіе 11-лѣтняго государя съ княжною Маріею, послѣ чего изъ Сунода вышелъ указъ съ повелѣніемъ, чтобы Марію во всѣхъ церквахъ поминали на эктиніяхъ, титулуя благовѣрною государынею, обрученною невѣстою императора**). Генералиссимусъ, будущій тесть государя, сталъ всесильнымъ въ Россіи. „Его воля была закономъ". Герцогъ Голштинскій долженъ былъ безпрекословно испол-

*) Ук. Тоб. конс. отъ 18 янв. 1752 г. Арх. Том. консист.

**) См. Собраніе эктеній и церемоніаловъ въ рукоп. Томск. Универ. по кат. № 47688.

нять его приказанія; герцогиня Курляндская Анна писала къ нему записки, выражающія письма. Противники, имѣвшіе неосторожность выразить недовольство рѣшимостію свѣтлѣйшаго женить Петра на своей дочери, очутились, съ Девьеромъ во главѣ, кто въ Сибири, кто въ Соловкахъ, кто въ дальнихъ деревняхъ *). Но нельзя было отдѣлаться такъ отъ всѣхъ противниковъ. Наиболѣе знатныхъ изъ нихъ нужно было задобривать. Между прочими привелось задобривать Долгорукихъ. Немедленно послѣ царскаго обрученія почти всѣ Долгорукіе получили повышенія и среди нихъ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій пожалованъ былъ въ гофмейстеры къ сестрѣ императора Натальѣ Алексѣевнѣ.

При посредствѣ вел. княжны Наталіи Алексѣевны, къ которой Петръ питалъ глубокую родственую привязанность, князь Алексѣй съ сыномъ Иваномъ не только сблизились съ императоромъ, но успѣли рѣшительно завладѣть имъ. Остерманъ, назначенный воспитателемъ государя, не мѣшалъ имъ. Въ глазахъ историковъ опека Меньшикова надъ царемъ находитъ свое оправданіе въ томъ, что опекунъ требовалъ, чтобы опекаемый учился, чтобы внимательнѣе вникалъ въ дѣла. Остерманъ находилъ, что въ ученіи царственнаго отрока „не нужно налегать“ **). А Долгорукіе Алексѣй съ сыномъ, постоянно намекавшіе Петру на тяжесть опеки, придирчивость опекуна и на то, что онъ, Петръ—самодержавный государь, влекли его къ забавамъ, къ веселому времяпрепровожденію, особенно на псовой охотѣ, которую Петръ полюбилъ страстно. Царь, наконецъ, отвернулся отъ Меньшикова, выѣхалъ изъ его дома, куда было опекунъ перевелъ его и, раздраженный наговорами на тему о чрезмѣрномъ, необузданномъ властолюбіи опекуна, приказалъ его арестовать. Сунодъ получилъ приказаніе, чтобы княжну Марію болѣе не поминали въ церквахъ царской невѣстой. И вскорѣ затѣмъ недавній нарѣченный тесть государя, лишенный чиновъ и орденовъ, долженъ былъ подъ конвоемъ выѣхать изъ Петербурга въ дальнее рязанское имѣніе, а оттуда отправиться еще дальше въ Сибирь, въ Березовъ, гдѣ этотъ колоссъ, вышедшій изъ пигмеевъ ***), смирившись въ своемъ уничиженіи, и закончилъ свою жизнь, такъ круто и рѣзко повернувшуюся отъ вершины великолѣпія и счастія къ положенію ссыльнаго въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ мѣстъ угрюмой Сибирской страны.

Долгорукіе торжествовали, повысившись еще разъ въ чинахъ и должностяхъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, сдѣлавшійся вмѣстѣ съ Остерманомъ воспитателемъ государя, забралъ его въ свои руки всецѣло. Молодой, зесе-

*) Соловьевъ Исторія Россіи. Т. XIX, стр. 94. 1869 г.
**) Тамъ-же, стр. 101.
***) Выраженіе архіеписк. Ѳеофана Прокоповича.

лый и бойкій Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій сталъ первымъ другомъ императора и неотлучнымъ его спутникомъ во всѣхъ увеселительныхъ поѣздкахъ. Устраиваемыя Долгорукими развлеченія и прогулки шли у государя безпрерывнымъ рядомъ, когда онъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи. На прогулкахъ нерѣдко сопровождала царя—отрока дочь Алексѣя Григорьевича и сестра Ивана княжна Екатерина Алексѣевна, и вскорѣ послѣдняя была объявлена невѣстой Петра. Фельдмаршалъ кн. Василій Владим. Долгорукій противился задуманному браку, но своимъ протестомъ не могъ преодолѣть честолюбія отца невѣсты. 30 ноября 1729 года состоялось обрученіе и подобно тому, какъ прежде въ отношеніи Маріи Меньшиковой, такъ и теперь относительно Екатерины Алексѣевны сдѣлано было распоряженіе, чтобы въ церквахъ при богослуженіи воспоминали ее на ектеніяхъ послѣ государя, съ титуломъ высоконареченной невѣсты его.

Уже не всѣ Долгорукіе восторгались рѣшеннымъ бракомъ. А въ средѣ лицъ, непричастныхъ интересамъ ихъ фамиліи, его совсѣмъ не одобряли. „Ходило много зловѣщихъ слуховъ. Предсказывали, что Долгорукіе, идя по стопамъ Меньшикова, будутъ имѣть одинаковую съ нимъ участь;—ихъ всѣ ненавидятъ, они не хотятъ пріобрѣсти ничьего расположенія, женятъ императора силою, употребляя во зло его малолѣтство. Но когда онъ достигнетъ 15 или 16 лѣтъ, то вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла, тогда онъ раскается въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица, навѣрное, кончитъ монастыремъ. Толковали, что Долгорукіе уже дѣлятъ между собою самыя высшія должности. Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ или первымъ министромъ, Иванъ—великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ—великимъ канцлеромъ и т. д. Иностранные министры зорко подсматривали, какъ обходится императоръ съ своею невѣстою и поражались холодностію ихъ отношеній: точь въ точь, какъ Петръ обходился съ прежнею невѣстою, княжной Меньшиковой, но при этомъ шли слухи, что невѣста (которая была значительно старше жениха), неохотно бы и принимала нѣжности жениха, потому что сердце ея отдано другому, графу Миллезимо, родственнику цезарскаго посла, графа Вратислава“*).

Долгорукіе достигли вершины власти и блеска. Иванъ поговаривалъ въявь о своемъ намѣреніи жениться на принцессѣ Елизаветѣ Петровнѣ*). Но съ кульминаціонной точки положенія судьба дала въ своемъ движеніи обратный ходъ, приведшій къ ужасному концу. На Богоявленскомъ парадѣ царь простудился и жестоко заболѣлъ оспой. Надежды на выздоровленіе не предвидѣлось, и вся знать заволновалась по вопросу: кто будетъ преемни-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи; т. XIX, стр. 236.
*) Тамъ-же, стр. 237.

комъ? Большинство Долгорукихъ и среди нихъ въ особенности кн. Алексѣй настаивали, чтобы престолъ переданъ былъ княжнѣ—невѣстѣ. Иванъ Алексѣевичъ даже заготовилъ духовную императора въ пользу сестры и на свою бѣду имѣлъ смѣлость подписать ее именемъ умирающаго государя, поддѣлавшись подъ его руку.—„Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобы обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницей,—предупреждалъ благоразумный фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ,—княжна Екатерина съ государемъ не вѣнчалась".—„Хоть не вѣнчалась, но обручалась" сказалъ князь Алексѣй *).

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. государь скончался (14 лѣтъ и 3 мѣсяцовъ). На другой день собрались верховники и избрали императрицею Курляндскую герцогиню Анну Ивановну, предложивъ ей извѣстныя ограничительныя кондиціи. Она приняла и подписала кондиціи, но на дорогѣ въ Москву узнала, что на кондиціи не было воли народа, что народъ не желаетъ ограниченій въ самодержавіи. „И такъ ты, князь, обманулъ меня?"—сказала Анна Ив., обратившись къ Василію Лук. Долгорукову, который привезъ ей кондиціи въ Митаву и затѣмъ сопровождалъ царицу въ Россію, завѣряя, что ограниченія самодержавія хотятъ всѣ сословія. Кондиціи были разорваны. Анна стала самодержцей. Тогдашнее свѣтило краснорѣчія и образованности Ѳеофанъ Прокоповичъ предсказывалъ, что новое царствованіе будетъ яснымъ и свѣтлымъ для Россіи днемъ **). Извѣстно, до какой степени архіепископъ ошибся въ своемъ предреченіи. Начались преслѣдованія. Они начались съ отдѣльныхъ архіереевъ, перешли затѣмъ на свѣтскихъ вельможъ и, наконецъ, стало тяжко всему русскому народу. Наступило мрачное время чужеземнаго властительства—извѣстное подъ именемъ Бироновщины. Долгорукихъ, по выраженію нашего историка, принялись „жечь медленнымъ огнемъ" ***).

Сначала государыня и нѣмцы указали Долгорукимъ должностныя назначенія вдали: кому въ Сибири, кому въ Астрахани, кому въ Вологдѣ. А относительно Алексѣя Григорьевича съ его братомъ Сергѣемъ состоялось повелѣніе, чтобы жили въ своихъ дальнихъ деревняхъ. Скоро въ дальнія деревни препроводили и Василія Лукича. Въ указѣ о Долгорукихъ отъ 14 апрѣля 1731 г. сказано было, что они заслужили наказаніе тѣмъ, что, „будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ II, императорѣ и самодержцѣ всероссійскомъ, не хранили Его Величества дражайшаго здравія... и всячески приводили яко сущаго младого монарха подъ образомъ

*) Тамъ-же стр. 239.
**) См. его привѣтственное царствованію стихотвореніе. Солов. Ист. Р. т. XIX, стр. 314.
***) Соловьевъ. Тамъ-же, стр. 325.

забавъ и увеселенія отъѣзжать отъ Москвы въ дальныя разныя мѣста, отлучая Его отъ добраго и честнаго обхожденія... И какъ прежде Меньшиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ Его Величество взявъ въ свои собственныя руки, на дочери своей въ супружество сговорилъ, такъ и князь Алексѣй съ своимъ сыномъ и съ братьями родными Его Величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которыя еще къ супружеству не приспѣли, привели на сговоръ супружествомъ съ дочерью его князь Алексѣевой княжною Екатериною... Не храня Его Импер. Величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ попеченія, непрестанными и дальними отъ Москвы не только въ лѣтніе дни, но и въ самыя осеннія и студеныя времена и зимою поѣздками Его Величества здравію вредъ учинили", и когда заболѣлъ... „его тяжкую болѣзнь даже до дня кончины министрамъ подлинно не объявили, но все тайно содержали". А князь Василій Лукинъ, кромѣ того, „дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самаго составными дѣлами безбожно оболгать (обмануть) и многихъ нашихъ подданныхъ въ невѣрство и подозрѣніе привести"...*).

Наказаніе посылкою на должностныя мѣста въ отдаленныхъ городахъ или на безвыѣздное пребываніе въ дальнихъ деревняхъ служило только прологомъ для послѣдующихъ преслѣдованій. Не замедлило изданіемъ новое распоряженіе, по которому Алексѣй Долгорукій съ дѣтьми долженъ былъ отправиться туда же, куда за нѣсколько лѣтъ раньше поѣхалъ Меньшиковъ, теперь уже умершій, т. е. въ Березовъ,—кн. Василій Лукичъ въ Соловки, другіе изъ Долгорукихъ кто въ Пустозерскъ, кто въ Оранienбургъ. Изъ всѣхъ преслѣдуемыхъ доселѣ не былъ затронутъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ. Но въ концѣ 1731 г. нашли, что и „онъ, презря многую къ нему милость императрицы, собственную императрицы персону оскорбилъ поносительными словами". За это онъ былъ приговоренъ къ смерти. Къ той же казни былъ присужденъ еще Юрій Долгорукій. Но государыня приговоръ смягчила повелѣніемъ: по отобраніи у виновныхъ чиновъ и имѣній, послать Василія Владиміровича въ Шлиссенбургъ, а Юрія Долгорукова въ (Сибирскій) Кузнецкъ на вѣчную работу**).

Кн. Алексѣй Григорьевичъ и его супруга не выдержали пережитыхъ потрясеній и лишеній, сопряженныхъ со ссылкою въ холодной странѣ и мрачномъ городѣ и къ своему счастію (въ виду послѣдующихъ событій) одинъ за другимъ сошли въ могилу. Въ Березовѣ остались дѣти ихъ: князь Иванъ съ своею молодою супругою—знаменитою Натальею Борисовной (урожд. Шереметьевой), Николай, Александръ и Алексѣй и ихъ сестры—

*) Пол. Соб. Закон. т. 8., № 5532.
**) П. С. Зак. т. 8., № 5916.

княжны: Екатерина, Елена и Анна. Они жили въ томъ же острогѣ, въ которомъ не задолго предъ тѣмъ помѣщалась семья Меньшикова и посѣщали тотъ-же храмъ (во имя Рождества Богородицы), въ строеніи котораго Меньшиковъ участвовалъ личнымъ трудомъ. Для караульнаго надзора за ссыльными ежегодно присылали изъ Тобольска одного офицера и 15 солдатъ. Но для разныхъ дознаній о ссыльныхъ то и дѣло являлись въ Березовъ посланные изъ Петербурга. Послѣ посѣщенія изъ Петербурга маіора Семена Петрова были биты батогами и сосланы на службу въ Оренбургъ сынъ-боярскій Кашперовъ и атаманъ Лихачевъ за то, что бывали у Долгорукихъ, обѣдывали у нихъ и къ себѣ принимали. Сосланныхъ старались зацѣпить для новыхъ болѣе жесткихъ наказаній и, разумѣется, зацѣпили. Нашелся въ Сибири доносчикъ Березовскій подъячій Ос. Тишинъ. Онъ объявилъ, что слышалъ, какъ Ив. Долгорукій говорилъ неприличныя и дерзкія слова объ Императрицѣ и Биронѣ. Подъячій получилъ за доносъ 600 руб. и секретарское мѣсто. А о Долгорукихъ начался страшный розыскъ. Для слѣдствія были присланы изъ столицы гвардіи—капитанъ Ѳедоръ Ушаковъ и поручикъ Суворовъ. Ивана отлучили отъ семьи и заперли въ тѣсную камору, гдѣ держали подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ и выдавали грубой пищи столько, сколько нужно было, чтобы не умереть съ голода. По Березовскому преданію, тяжесть одиночнаго заключенія князя-Ивана смягчилась немного тѣмъ, что Наталья Борисовна выплакала у караульнаго офицера дозволеніе тайно видѣться съ мужемъ ночью чрезъ тюремное оконце и приносить ему пищу изъ дому *).

Чрезъ три мѣсяца послѣ заключенія „въ одну темную, осеннюю дождливую ночь подплыло къ Березову небольшое судно, на которое секретнымъ образомъ были вызваны и посажены Ив. Долгорукій, караульный маіоръ Петровъ, Березовскіе священники: Илья Прохоровъ, Ѳедоръ Кузнецовъ (духовникъ Ивана), Андрей, Тимофей и Артемій Васильевы, діаконъ Ѳедоръ Кокоулинъ и нѣсколько Березовскихъ жителей. Назавтра не оказалось въ Березовѣ 31 человѣка“. Еще разъ произошелъ со всѣми ужасами тогдашнихъ пытокъ допросъ въ Тобольскѣ и послѣ того священники Прохоровъ и Васильевы, діаконъ Кокоулинъ были биты плетьми и затѣмъ ихъ велѣно было, безъ лишенія сана, отправить въ Охотскъ. Еще тяжелѣе наказали священника Кузнецова. Его били кнутомъ, вырвали ноздри и отправили туда же въ Охотскъ на вѣчную работу. Что сталось съ прочими березовцами, не сохранилось извѣстій. „Извѣстно

*) Абрамовъ. Описаніе Березовскаго края. Записки Импер. русскаго географ. общества. Кн. XII, 1857 г. стр. 374.

только, говоритъ Абрамовъ, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся на родину: вѣроятно, они умерли отъ наказаній и работъ на заводахъ" *).

Иванъ Долгорукій, измученный пытками, не выдержалъ и разсказалъ все объ извѣстномъ завѣщаніи въ пользу сестры и о подложной къ нему подписи. Опальныхъ Долгорукихъ, старшихъ по возрасту и младшихъ, всѣхъ почти свезли въ Новгородъ и здѣсь, припомнивъ имъ всякаго рода вины, Ивана колесовали, Василію Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ отсѣкли головы. Бывшаго фельдмарш. Василія Владиміровича и его родного брата Михаила послали изъ Новгорода въ неисходную ссылку, „чтобы въ разныхъ мѣстахъ ссылки, находясь подъ надлежащимъ карауломъ, никуда кромѣ церкви, ихъ не пускать" **). Братьевъ колесованнаго Ивана, Алексѣя и Александра, велѣно было отправить въ Камчатку,—Николая въ Охотскъ. Николая и Александра предварительно били кнутомъ. О княжнахъ состоялось распоряженіе: заточить и постричь Екатерину въ Томскомъ женскомъ монастырѣ, а ея сестеръ—Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ и Анну въ Верхотурскомъ дѣвичьихъ монастыряхъ.

„Каковы бы ни были прежнія заблужденія и даже преступленія Долгорукихъ, девятилѣтнее постоянное ихъ преслѣдованіе и страданія, которыя они въ это время перенесли, невольно примиряютъ съ ними. Смерть столь неожиданная, суровая и мучительная искупила всѣ грѣхопаденія юности его (кн. Ивана) и кровь, обагрившая новгородскую землю, должна примирить прахъ его со всѣми врагами племени нашего"—писалъ полвѣка спустя одинъ изъ членовъ Долгоруковской фамиліи" ***).

Возвратимся къ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой.

Въ январѣ 1730 г. въ Томскѣ архим. Порфирій получилъ изъ канцеляріи Его Преосвященства указъ съ извѣщеніемъ, что импер. Петръ II избралъ себѣ невѣсту въ лицѣ дочери дѣйствит. тайнаго совѣтника и ордена ап. Андрея Первозваннаго кавалера кн. Алексѣя Григорьевича Долгорукова высокосвѣтлѣйшей княжны Екатерины Алексѣевны и съ приказаніемъ на эктеніяхъ „воспоминать" такъ: „О благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ вел. государѣ нашемъ императорѣ Петрѣ Алексѣевичѣ всея Россіи и обрученной невѣстѣ Его благовѣрной государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ"†)... А чрезъ 10 лѣтъ въ тотъ же Алексѣевскій томскій монастырь поступилъ на имя архим. Лаврентія о Долгорукой другой указъ, гласившій:

„По именному Ея Импер. Величества, за подписаніемъ Ея Императ. Величества руки, указу повелѣно князя Алексѣя Григорьева сына Долго-

*) Абрамовъ. Тамъ-же.
**) П. С. Зак. т. 10, № 7942.
***) Щебальскій. Чтенія изъ Русской Исторіи. Вып. 4, стр. 135—136.
†) Ук. Томск. архим. Порфирію отъ 20 янв. 1730 г. за № 51. Арх. Том. Алек. мон.; св. 15.

рукаго имѣющихся въ ссылкѣ въ г. Березовѣ дочерей: Катерину, Елену и Анну разослать въ сибирскія дальныя мѣста, въ разныя дѣвичьи монастыри и въ тѣхъ монастыряхъ, по обыкновенію, постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ. И по силѣ вышеобъявленнаго Ея Импер. Величества указа и по опредѣленію Тобольской архіерейской канцеляріи по сношенію съ сибирской губернскою канцеляріею, велѣно вышепомянутую *дѣвку Екатерину*, когда оная привезена будетъ въ Томскъ подъ карауломъ, въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ постричь тебѣ, архимандриту, въ монахини, по обыкновенію, при посланномъ за нею изъ сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицерѣ и, по постриженіи, содержать ее въ оном дѣвичьемъ монастырѣ подъ крѣпчайшимъ карауломъ и никуда ея изъ того монастыря ни для чего не выпускать и писемъ писать не давать, и посторонних никого ни для какого сообщенія не допускать, и чтобы никакихъ шалостей и непотребства отъ нея не происходило,—пищею и одеждою содержать ее по обыкновенію того монастыря равномѣрно противъ прочихъ монахинь безо всякой отмѣны. И чтобы оная Долгорукова дочь дѣвка Екатерина въ помянутомъ монастырѣ содержана была по силѣ объявленнаго высочайшаго именнаго Ея Импер. величества указа непремѣнно, велѣно по опредѣленію сей губернской канцеляріи объявленному оберъ-офицеру въ помянутомъ монастырѣ оставить при оной Долгорукова дочери двухъ человѣкъ до указу. И архимандриту Лаврентію о вышеписанномъ объявленной Долгорукова дочери постриженіи и о содержаніи ея подъ крѣпкимъ надзоромъ по силѣ Ея Император. величества именного указу непремѣнно чинить по сему и о томъ архіерейскую канцелярію репортовать секретно".

Указъ въ тобольской архіерейской канцеляріи былъ написанъ 1740 г. ноября 9 дня*). Это былъ какъ разъ тотъ день, когда Биронъ, главный виновникъ мученій и казней Долгорукихъ, былъ арестованъ и когда готовили его къ отсылкѣ въ Пелымъ.—Замѣчательное совпаденіе!.

По описанію Бантышъ-Каменскаго, „княжна Екатерина Алексѣевна имѣла красивое лицо, много блеска и пріятностей въ чертахъ лица; нѣчто обворожительное въ томныхъ большихъ глазахъ небеснаго цвѣта. Она была высокаго роста, стройна собою и съ прелестями красоты соединяла образованный умъ, кротость и ласковое обращеніе" **). Насколько это описаніе отвѣчало дѣйствительности—судить не можемъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя допустить, чтобы пережитыя ужасныя событія въ ея семьѣ не отразились

*) А. Сулоцкій.—„Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая". Рус. Вѣст. 1880 г. іюль, стр. 9—10.

**) Абрамовъ. Описаніе Берез. края З. И. Г. Общ. XII, стр. 373.

выраженіемъ грусти на ея лицѣ.—Въ то время, какъ она привезена была въ Томскъ, ей было 28 лѣтъ.

Вышеприведенный о княжнѣ указъ принялъ въ Томскѣ не архимандритъ Лаврентій, въ то время отсутствовавшій изъ города, а старшій іеромонахъ Алексѣевской обители Моисей Булатовъ. Онъ же и совершилъ чинъ постриженія. Въ статьѣ Сулоцкаго о княжнѣ приведена выдержка изъ Иркутскихъ Епар. Вѣдомостей о томъ, какъ почти одновременно съ Долгорукой (25 ноября 1740 г.) въ Иркутскѣ постригали въ невольное монашество другую жертву Бирона, дочь казненнаго Артемія Волынскаго—Анну. „Явился въ церкви Знаменскаго дѣвичьяго монастыря архим. Корнилій. За нимъ въ туже церковь ввели съ конвоемъ юную отроковицу въ сопровожденіи фургера и неизвѣстной пожилой вдовы, которые сопровождали Волынскую изъ столицы. Архимандритъ приступилъ къ обряду постриженія. На обычные вопросы объ отреченіи отъ міра постригаемая оставалась безмолвною. Но вопросы слѣдовали, по чиноположенію, одинъ за другимъ. Безмолвную одѣли въ иноческую мантію, покрыли куколемъ, переименовали изъ Анны въ Анисію, дали въ руки четки, и обрядъ постриженія былъ конченъ". Нельзя не согласиться съ Сулоцкимъ*), что церемонія постриженія не могла быть иною и въ Томскѣ.

Совершившій постриженіе іером. Моисей немедленно донесъ Тобольскому митрополиту, что „по силѣ Ея императ. Величества указу дѣвка Катерина въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ небытность архимандрита Лаврентія, мною, нижайшимъ богомольцемъ Вашимъ, іером. Моисеемъ пострижена въ монахини декабря 22 числа 1740 г. при посланномъ за нею карауломъ оберъ-офицерѣ Петрѣ Егоровѣ. Того ради симъ доношеніемъ секретно рапортую. 1740 г., декабря 24 дня" **). Приводится пожалѣть о томъ опущеніи въ донесеніи о. Моисея, по которому онъ забылъ упомянуть: какое монашеское имя нарекъ онъ невольной постриженицѣ?

Княжну-постриженицу поселили въ одной изъ убогихъ келеекъ-избушекъ, гдѣ она пропитывалась на скудныя монастырскія средства, пріобрѣтаемыя главнымъ образомъ отъ милостынь со стороны сердобольцевъ. По преданіямъ, собраннымъ въ Томскѣ, караулъ за княжной-монахиней былъ крѣпкій и строгій. Только иногда, какъ бы для развлеченія и въ видѣ прогулки, дозволялось ей взойти на монастырскую колокольню, отстоявшую отъ ея кельи въ 20 саженяхъ, посмотрѣть, полюбоваться съ нея на Томскъ. Ни днемъ, ни ночью не оставляли ее одну. Безъ посторонняго лица ей не дозволялось даже перемѣнить бѣлье. Жители Томска слышали, какъ посту-

*) Сулоцкій. Рус. Вѣст. 1880 іюль, стр. 12—13.
**) Тамъ-же, стр. 11.

паютъ въ монастырѣ съ княжной Долгорукой, роптали на приставниковъ ея, жалѣли о несчастной страдалицѣ. Сохранился разсказъ, какъ однажды будто-бы явился къ ней какой-то военный чиновникъ съ требованіемъ обручальнаго кольца и какъ она героически отказала ему въ этомъ требованіи. „Нѣтъ, говорила она ему, ни зачто я не отдамъ ни вамъ, ни кому другому этой моей святыни. Только тогда вы можете воспользоваться ею, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку, иначе всѣ ваши попытки останутся напрасными. Кольцо мое, оно дано мнѣ высокимъ женихомъ, и не вамъ владѣть имъ“ *).

Безъ сомнѣнія и въ Томской неволѣ княжна не оставляла тѣхъ же благочестивыхъ занятій, за которыми вмѣстѣ съ сестрами коротала время, проживая въ Березовѣ. Разумѣемъ, рукодѣлья шитьемъ для церкви. Въ рукодѣльяхъ этого рода княжны были большія искусницы. Въ Березовѣ осталось много ихъ фамильныхъ иконъ, украшенныхъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ ихъ собственной работы **). Въ Томскѣ у Екатерины Алексѣевны не могло быть своего матеріала, но она могла шить изъ матерій, какія въ состояніи были доставить ей игуменья и др. монахини.

25 ноября 1741 г. вступила на престолъ Елизавета Петровна, и, облитая кровію, намученная преслѣдованіями, семья Долгорукихъ ожила снова. Милостивымъ распоряженіемъ новой императрицы всѣ Долгорукіе, томившіеся въ ссылкахъ, были вызваны изъ ссылочныхъ мѣстъ съ возвращеніемъ прежнихъ званій и имѣній. Радостное повелѣніе о заточницахъ-княжнахъ въ Тобольскѣ было объявлено указомъ митроп. Арсенія Маціевича,—посланнымъ 29 декабря въ Тюмень, Верхотурье и Томскъ. Въ Томскъ указъ былъ написанъ на имя все того-же архим. Лаврентія. Въ немъ архимандритъ прочиталъ: „По силѣ именнаго ея импер. величества всемилостивѣйшаго, за подписаніемъ собственныя ея император. величества высочайшей руки, указа, обрѣтающихся въ Сибири въ дѣвичьихъ монастырях князя Алексѣя Григорьевича сына Долгорукова дочерей постриженныхъ, а именно: изъ Томскаго Рождественскаго Екатерину, изъ Тюменскаго Успенскаго—Елену, изъ Верхотурскаго—Анну освободить, и о томъ вышеозначенныхъ монастырей настоятелямъ послать въ самой крайней скорости указы... И какъ оная Долгорукова дочь Екатерина изъ Томскаго Рождественскаго дѣвича монастыря освобождена будетъ, о томъ преосвященному Арсенію, митрополиту тобольскому и сибирскому рапортовать въ какой возможно скорости, немедленно“.

Въ Томскѣ указъ былъ полученъ 10 января 1742 г. и въ тотъ же день Лаврентій отвѣтилъ: „по указу ея имп. велич. изъ канцеляріи Его

*) Тамъ-же, стр. 14.
**) Абрамовъ. Оп. Берез. края. стр. 376.

Преосвященства, писанному 29 декабря прошлаго 1741 г., князя Алексѣя Григорьева сына Долгорукова дочь Екатерина изъ томскаго Рождественскаго монастыря освобождена.—Вашего преосвященства нижайшій рабъ и богомолецъ архим. Лаврентій" *).

Освобожденныя изъ подъ стражи и выпущенныя изъ монастырей княжны радостно сняли съ себя невольное монашеское платье и вмѣстѣ съ своею невѣсткою Натальею Борисовной явились ко двору въ томъ-же 1742 г., и были обласканы здѣсь всею полнотою монаршаго благоволенія. Въ 1745 г. Екатерина Алексѣевна, будучи уже 33 лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за генералъ-лейтенанта графа Александра Борисовича Брюса**). Но въ замужествѣ жила недолго. Послѣ поѣздки въ Новгородъ на поклоненіе могиламъ казненныхъ брата и родственниковъ графиня простудилась, сильно занемогла и скончалась, почему-то распорядившись предъ смертію сжечь всѣ свои богатыя и роскошныя платья.

Во дни вернувшагося счастія Долгорукіе не забывали своими благодѣніями Березова, гдѣ покоились драгоцѣнные для нихъ останки ихъ родителей***). Вчастности Екатериною Алексѣевною, вѣроятно, не былъ забытъ и томскій дѣвичій монастырь, гдѣ въ суровый годъ своего заточенія и содержанія подъ безотлучнымъ карауломъ среди монашествующихъ сожительницъ она, несомнѣнно, встрѣчала сочувствующіе взоры и какъ-нибудь украдкой одобряющій и утѣшающій шепотъ. Не ею ли былъ присланъ жемчугъ для украшенія монастырской иконы св. вм. Екатерины? Послѣ смерти Екатерины Алексѣевны въ монастырскій сунодикъ былъ занесенъ записью для вѣчнаго поминовенія родъ ея, гдѣ на первомъ мѣстѣ означено имя ея самой съ титуломъ графини. Нельзя сомнѣваться, что поминовеніе совершалось въ благодарность за какой-нибудь цѣнный прикладъ †).

По преданію, сохранившемуся среди томскихъ старожиловъ, въ старинной томской дѣвичьей обители, вскорѣ послѣ княжны Долгорукой, временно содержалась еще именитая больная колодница съ урѣзаннымъ языкомъ. Не

*) Сулоцкій. Рус. Вѣст. 1880, іюль, стр. 15—16.—Нелишне упомянуть здѣсь и о доносчикѣ на Долгоруковъ, секретарѣ Осипѣ Тишинѣ, который послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны за непорядочные и противные указамъ поступки, за неспособность и пьянство отставленъ былъ отъ должности съ тѣмъ, чтобы никуда неопредѣлять.—Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XXI, гл. 2.

**) Ея младшая сестра Елена Алексѣевна вышла замужъ за освобожденнаго изъ ссылки же однофамильца Юрія Юрьевича Долгорукова. Извѣстно, что знаменитая Наталья Борисовна Долгорукая, отказавшись быть фрейлиною при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, постриглась въ Кіевскомъ Флоровскомъ жен. монастырѣ.

***) См. у Абрамова. Опис. Березов. края, стр. 379.

†) Въ сунодикѣ бывшаго женскаго монастыря (л. 24 наобор.) значится: „Родъ князя Долгорукова Алексѣя.—Помяни Господи *графиню Екатерину*, кн. Георгія, кн. Алексѣя, кн. Георгія убіеннаго, княгиню Христину, кн. Сергія, кн. Сергія, кн. Іоанна, кн. Василія, кн. Александра, монахиню Маргариту, кн. Марфу, кн. Доминку, княжну Агрипину, кн. Іоанна,—далѣе перечислены младенцы.

была-ли это Бестужева?—предполагаетъ сообщившій это преданіе Вакхъ Гурьевъ*). Извѣстно, что графиня Анна Бестужева вмѣстѣ съ Лопухиными обвинена была въ тайныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ венгерскимъ маркизомъ Боттою, направленныхъ, какъ объявлено было въ манифестѣ съ съ приговоромъ о наказаніи виновныхъ, къ тому, чтобы лишить престола императрицу Елизавету Петровну въ пользу младенца Іоанна Антоновича и его матери. За это Анна Бестужева, послѣ битія кнутомъ и урѣзанія языка (вмѣсто смертной казни), была послана въ ссылку*).—Но куда?—въ томскій монастырь или какое-либо другое отдаленное мѣсто,—мы указаній не нашли.

За именитыми колодницами идетъ рядъ невольныхъ монастырскихъ обитательницъ по происхожденію изъ простого званія.

Въ одномъ изъ 30-хъ годовъ прошлаго XVIII стол. въ Томскѣ былъ полученъ указъ съ извѣщеніемъ, что въ женскій монастырь препровождается подъ карауломъ изъ Московской тайной канцеляріи, для вѣчной работы, падчерица Нарвскаго драгунскаго полка драгуна Стародубцева—дѣвка Ѳедосья Иванова. Предварительно въ Москвѣ Ѳедосьѣ учинено было наказаніе: была бита, по малолѣтству, плетьми. Но за что ее били и сослали, въ указѣ сказано очень глухо:—„за нѣкоторую вину, которая явна тайной канцеляріи“ ***).

Въ началѣ 1733 г. по доносу разбойника Семена Круглова въ Москвѣ возникло огромное дѣло о „вновь явившихся“ (въ сущности давно существовавшихъ) раскольникахъ-хлыстахъ, секту которыхъ по нѣкоторымъ чертамъ внѣшняго сходства съ иноземнымъ Квакерствомъ приравнили къ этому послѣднему, почему и сторонниковъ ея наименовали *квакерами*. Началось слѣдствіе, производившееся особо-назначенной слѣдственной коммиссіею. Коммиссія прежде всего раскрыла, что послѣдователи хлыстовства имѣлись въ Москвѣ, въ Угличскомъ, Ярославскомъ уѣздахъ и по разнымъ другимъ мѣстамъ Россіи, но и главные притоны они свили для себя въ Московскихъ Петровскомъ и въ особенности въ дѣвичьемъ Ивановскомъ монастыряхъ. Въ Ивановскомъ монастырѣ старица Настасья играла роль самой старшей хлыстовской пророчицы, прельщавшей своими „ложными пророчествами приходящихъ къ ней многихъ людей“ и въ оградѣ того-же монастыря имѣлись и чествовались могилы хлыстовскихъ ересеначальниковъ Ивана Суслова, называвшаго себя Богомъ, и Лупкина, котораго хлысты чтили при жизни какъ Христа, а его ближайшихъ учениковъ, какъ апостоловъ †).

*) В. Гурьевъ. Растриги дѣвки—квакереи. Рус. Вѣст. 1881. авг., стр. 429.
**) П. С. Зак. т. 11, № 8775.
***) Матеріалы для истор. Сибири. Чт. Общ. ист. и древ. 1867. Кн. 2, стр. 286.
*) Собраніе постановленій по части раскола. Кн. I., стр. 312—316. 1860.

Слѣдствіе установило затѣмъ и главныя особенности въ обрядахъ и ученіи этой „богомерской противности“. Оказалось, что 1) противники, собравшись „съ прилежнымъ укрывательствомъ“ въ одно, избранное для молитвы, мѣсто, разсаживались здѣсь по лавкамъ такъ, что на одной сторонѣ былъ мужской полъ, на другой женскій, а на переднемъ мѣстѣ засѣдалъ наставникъ или наставница, „якобы по чину пастырскому“. 2) Потомъ, взявъ благословеніе „у предводительной особы“ съ низкимъ поклоненіемъ и цѣлованіемъ ея руки, начинали плясать въ избѣ кругомъ, подскакивая при этомъ настолько высоко, насколько кто могъ. 3) Нѣкоторые, скача, били себя палками, а иные—цѣпями. 4) Думали, что скаканіемъ они исполняются Духа св., почему „нѣкіи изъ нихъ иногда мужска, иногда женска пола персоны нѣчто прорицали, или, паче, буесловные и смѣха достойные враки и разсказы произносили“. 5) Въ собраніяхъ принимали изъ рукъ наставника или наставницы хлѣбъ, ѣли его и пили квасъ или воду, „вмѣняя то, окаянные, за св. Причастіе“. 6) Свои собранія съ плясками и скаканіями называли крещеніемъ *духомъ* и утверждали что церковное крещеніе водою во имя св. Троицы ко спасенію недостаточно и что древніе св. отцы спаслись ихъ хлыстовскимъ крещеніемъ и ученіемъ. 7) Бракъ отвергали и требовали отъ приходящихъ къ нимъ, чтобы женатые съ законными женами не имѣли сношеній, холостые не женились, дѣвицы замужъ не выходили. 8) „А когда въ свои собранія сходились, мало когда въ тотъ же день съ мѣста того расходъ ихъ бывалъ, но всегда почитай всѣ тамже и ночевали въ одной избѣ —мужской полъ и женскій, только, сказывали, по одну сторону мужчины, по другую женщины, что не малое подозрѣніе падало блуднаго ихъ смѣшенія, наипаче, когда и одну ихъ старицу обличили и сама въ коммиссіи винилась, что съ мужчиною той-же ереси отъ беззаконнаго совокупленія и младенца прижила и у старицы Настасьи, которая мерзкіе оные соборы созывала, многія кровати, во время слѣдованія, надъ кельею ея подъ кровлею найдены; и тако они, окаянные, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая, а отъ беззаконнаго смѣшенія не отставая“. 9) Молились двуперстнымъ сложеніемъ, отвергая троеперстіе, какъ печать антихристову. 10) Утверждали, что антихристъ уже народился и скоро послѣдуетъ кончина вѣка. 11) Вновь приходившихъ къ нимъ согласниковъ обязывали „вымышленною“ присягою, чтобы былъ въ той „богомерзкой ереси не превратнымъ“ и не сказывалъ о ней ни отцу родному, ни отцу духовному, также и предъ судомъ никому. А кто ереси измѣнилъ-бы или о ней кому открылъ, о томъ учили, что ввержень будетъ въ тартаръ. 12) Для лучшаго сокрытія ереси ея послѣдователи перемѣняли имена и, двоедушничая, не отказывались принимать обряды и таинства отъ православной церкви, не исключая исповѣди и св. Причастія*).

*) Собраніе пост. по части раскола Ч. 1. стр. 246—256.

Послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла нѣкоторые изъ „плевосѣятелей и развратителей христіанскаго благочестія, первозаводчики и наставники, весьма за важныя и противныя ихъ вины“ были казнены смертію, а нѣкоторые изъ сторонниковъ секты, по учиненіи имъ наказанія, отправлены въ ссылку. Сверхъ того, въ цѣляхъ болѣе надежнаго искорененія ереси, было распубликовано указомъ по всѣмъ мѣстамъ для всенароднаго извѣстія, чтобы всѣ соприкосновенные къ „прелести“ являлись и винились въ своемъ преступленіи, не опасаясь за него никакого истязанія. Терминомъ времени для добровольной явки назначено было начало „предбудущаго 1735 года“. А „ежели на опредѣленной терминъ объявленные люди сами собою не явятся и вины своей не объявятъ, а послѣ будутъ сысканы,—съ таковыми поступлено будетъ такъ, какъ о волшебникахъ въ состоявшемся въ прошломъ 1731 г. 20 мая указѣ объявлено безо всякой отмѣны *). Захотѣли объявиться 112 чел., которые были отпущены безъ наказанія съ однимъ обязательствомъ, „чтобы впредь той ереси вчинять не дерзали“ **).

Послѣ казней, ссылокъ и добровольныхъ объявленій о принадлежности къ сектѣ, послѣдняя затихла, но только затѣмъ, чтобы втихомолку набрать себѣ еще больше поборниковъ. Въ 1744 г. она обнаружилась снова во многихъ московскихъ монастыряхъ, въ Петербургѣ и въ разныхъ другихъ городахъ и уѣздахъ, иногда очень отдаленныхъ отъ столицъ. На этотъ разъ завинены были въ распространеніи ереси и въ послѣдованіи ей 416 челов. ***).

Опять потянулось большое слѣдственное дѣло сначала въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, а потомъ по-прежнему въ особо учрежденной въ Москвѣ коммиссіи. Снова пошли наказанія и ссылки.

Послѣ того и другого изъ этихъ судебныхъ сектанскихъ процессовъ развязка для нѣкоторыхъ изъ согласницъ хлыстовщины завершилась въ отдаленномъ, нашемъ Томскомъ женскомъ монастырѣ. Въ 1735 г. сюда прибыло шесть женщинъ-квакерокъ, которыя предварительно побывали въ Кузнецкѣ, а затѣмъ были препровождены въ Томскъ по распоряженію изъ Тобольска, данному указомъ на имя намѣстника Алексѣевскаго монастыря іеромон. Рафаила. Но гораздо въ большемъ количествѣ въ тоже время очутилось квакеровъ и квакерицъ въ Енисейской ссылкѣ. По милостивому манифесту, изданному по восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны †), всѣ еретики и еретички, сосланные въ Сибирь, могли вернуться въ свои родныя мѣста. Но когда они были уже на пути, начальство вспомнило, что одна изъ нихъ старица Акулина Иванова, родственница умершаго лжехриста Лупкина, слишкомъ опасна для

*) Собр. постановл. по части раск., ч. 1, стр. 253—256.
**) Тамъ-же, стр. 545.
***) Тамъ-же, стр. 556.
†) П. Собр. Зак. т. XI, № 8481.

того, чтобы ей быть въ Россіи, почему и послѣдовалъ приказъ задержать ее въ Тобольскѣ. Не долго побыли квакерки на родинѣ. При вторичномъ слѣдствіи о хлыстахъ въ 1744 г., ихъ послали обратно въ Сибирь. На этотъ разъ въ Томскій дѣвичій монастырь опредѣлено было выслать 22 женщины и въ томъ числѣ Акулину Иванову, высланную изъ Тобольска назадъ въ глубь Сибири*).

Съ тѣхъ поръ всѣ эти женщины проживали въ монастырѣ въ качествѣ колодницъ, числясь по вѣдомостямъ „дѣвками—растригами квакереями". То обстоятельство, что онѣ именовались дѣвками и притомъ еще растригами, ясно указываетъ, что бывшія еретички прежде были монахинями и, несомнѣнно, изъ московскихъ монастырей, гдѣ, какъ мы видѣли, былъ главный притонъ хлыстовства и куда растриги направились было по милостивому манифесту 1741 г. „Квакереи" присланы были въ Томскъ на неисходное въ монастырѣ пребываніе и съ тѣмъ, чтобы и сами не дерзали держаться прежнихъ своихъ „мерзскихъ дѣйствъ и ложнаго противу церкви святой ученія", и тѣмъ болѣе, „плевосѣять" заблужденія между другими. Причтъ монастырскаго храма обязанъ былъ ежегодно доносить чрезъ Духовное Правленіе въ Тобольскъ о поведеніи колодницъ и объ образѣ ихъ мыслей. Сохранился съ такимъ доношеніемъ рапортъ свящ. Андрея Шихова отъ 1 декабря 1760 г. „По полученнымъ изъ Тобольской дух. консисторіи указомъ повелѣно намъ, писалъ священникъ, надъ содержащимися въ дѣвичьемъ монастырѣ *квакерской ереси растригами-дѣвками* въ содержаніи ими христіанской вѣры и о состояніи житія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ духовное правленіе репортовать. Того ради томскому дух. правленію симъ покорно доношу: упоминаемыя квакерской ереси присыльныя растриги-дѣвки житіемъ пребываютъ исправно и вѣру христіанскую содержатъ во всемъ, какъ христіанская должность повелѣваетъ; до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ нелѣностно; во исповѣди у меня, Шихова, и у св. причастія бываютъ иныя по дважды, а другія поединожды въ годъ неотмѣнно и прежняго за ними злодѣйства нынѣ не оказывается" **)

Пропитывались колодницы отъ добродателей, въ домы которыхъ ходили изъ монастыря свободно. Нѣкоторыя изъ нихъ кое-какія средства принесли

*) Количество 22 присыльныхъ женщинъ обозначено у В. Гурьева въ его статьѣ „О квакереяхъ". По духовнымъ росписямъ Томскаго дѣвичьяго монастыря за 1745 г. мы насчитали квакерокъ только 20. Вотъ онѣ по именамъ: Акулина Иванова 65 лѣтъ, Васса Кузьмина 64 л., Дарья Дмитріева 54 л., Агриппина Карпова 80 л., Марія Дмитріева 52 л., Домника Иванова 50 л. Ирина Иванова 52 л., Анна Васильева 50 л., Татьяна Иванова 43 л., Капитолина Петрова 55 л., Гликерія Семенова 50 л., Домника Иванова (вторая) 50 л., Марія Мартынова 55 л., Мавра Григорьева 78 л., Пелагея Матвѣева 55 л., Матрена Севастьянова 52 л., Авдотья Авдѣева 50 л., Меланья Антипина 53 л., Дарья Иванова 50 л. и Евпимія Антипова 50 л. — Духов. росписи за 1745 л. въ арх. Том. консисторіи.—Покойный Лѣсковъ, писавшій „о Квакереяхъ", сосланныхъ въ Томскъ, упоминаетъ еще Надежду Григорьеву и Марію Матасову. Но въ спискахъ Д. Росписей мы ихъ не нашли

**) В. Гурьевъ. Растриги дѣвки-квакереи. Рус. Вѣстн. 1881 г. авг., стр 434—435. Въ свою очередь мы видѣли такое же доношеніе отъ 1765 г. Арх. Том. Конс.

съ собою изъ Москвы, такъ что въ состояніи были поставить для себя кельи въ монастырѣ на свой счетъ. Въ кельяхъ жили по двѣ по три вмѣстѣ. Собиравшій въ Томскѣ преданія объ образѣ жизни „квакерей“ свящ. В. Гурьевъ пришелъ къ заключенію, что извѣстія на этотъ счетъ разнообразятся, смотря потому, изъ какой партіи томскихъ жителей они исходятъ: отъ православной-ли, или тайно придерживающейся раскола. По разсказамъ православныхъ, „квакереи были хитрыя, пронырливыя старушенки—святоши, подъ видомъ смиренія и благочестія тайнымъ образомъ распространявшія разныя раскольническія заблужденія по всѣмъ тѣмъ домамъ, гдѣ ихъ принимали и чествовали. Главнѣйшимъ и самымъ удобнымъ способомъ распространенія всяческихъ заблужденій служила для нихъ грамотность. Зная славянскую церковную грамоту, они ходили по городу читать псалтирь по усопшимъ, а въ ночное время служили даже панихиды и молебны, отправляли вечерни и полунощницы и даже исповѣдывали и причащали больныхъ и здоровыхъ какими-то благословенными сухариками или краснымъ виномъ, смѣшаннымъ съ Богоявленской водой. Дѣйствуя такимъ образомъ, хитрыя квакереи внушали своимъ почитателямъ строго соблюдать всѣ внѣшніе обряды православія, казаться наружно православными и какъ можно задабривать своихъ приходскихъ священниковъ, чтобы они не имѣли на нихъ никакихъ подозрѣній“.—Жители, тайно приверженные къ расколу передавали иное. По ихъ словамъ, квакереи были несчастныя страдалицы, которыя, въ своемъ несчастномъ положеніи въ ссылкѣ, сдѣлались еще болѣе смиренными, чуть не заживо святыми. Онѣ служили для всѣхъ жителей города наглядным примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей. Случалось-ли въ домѣ какое нибудь несчастіе, старушки являлись истинными утѣшительницами. При постели больныхъ онѣ были постоянными сидѣлками, а въ случаяхъ смерти читали псалтирь и научали всѣхъ погребальнымъ обрядамъ*).

Такимъ образомъ, по сообщеніямъ отъ православныхъ старожиловъ г. Томска, „квакереи“ лицемѣрили въ своемъ „содержаніи должностей православно-христіанскихъ“. Но съ своей стороны, мы не можемъ произнести надъ ними такого приговора въ виду двухъ оффиціальныхъ завѣреній, что отъ нихъ церкви святой никогда противности не оказывалось и того выразительнаго въ данномъ случаѣ факта, что одна старица, продавъ свою келью, вырученныя деньги передала въ монастырскую церковь прикладомъ для вѣчнаго поминовенія одной изъ своихъ подругъ по ссылкѣ**).

*) Тамъ-же, стр. 429—431.

**) Лѣсковъ, писавшій о квакереяхъ на основаніи нѣсколькихъ бумагъ, переданныхъ ему ген.-м. Асташевымъ (сибирякомъ), передаетъ, что квакерки занимались въ Томскѣ списываніемъ книгъ по заказу отъ томичей, а иныя на досугѣ изливали скорбь своего ссыльнаго положенія въ стихотвореніяхъ, гдѣ жаловались, что—„пришли въ дебри страшныя,—невѣдѣнія дикаго“. Пол. Собр. соч. Лѣскова. Т. XI. 1897 г.

По духовнымъ росписямъ прошлаго столѣтія, хранящимся въ архивѣ Томской консисторіи, можно съ точностію прослѣдить, какъ постепенно исчезаютъ „дѣвки-растриги“ за ихъ естественнымъ вымираніемъ въ промежутокъ отъ 1745 по 1784 г. Всѣмъ имъ довелось похорониться въ Томскѣ за исключеніемъ одной. Въ 1768 г. подалъ въ Тобольскую консисторію заявленіе Енисейскій купецъ Кипріанъ Валуевъ, въ которомъ писалъ, что „присланная изъ Москвы по раскольнымъ дѣламъ въ Томскій дѣвичій монастырь племянница его дѣвка Матрена Севастьянова, по престарѣлымъ своимъ лѣтамъ, частовременно болѣзнуетъ, едва движеніе имѣетъ и за тѣмъ въ пропитаніи несетъ крайнюю нужду“. Валуевъ просилъ отпустить Севастьянову къ нему въ его енисейскій домъ. Консисторія рѣшила отпустить, но съ тѣмъ, чтобы Матрена проживала не у Валуева, а въ Енисейскомъ женскомъ монастырѣ для наблюденія за нею въ содержаніи православной вѣры со стороны игуменьи Анфисы и Енисейскаго архим. Александра *). По содержанію милостиваго манифеста Екатерины II отъ 7 авг. 1782 г. всѣ колодники, состоявшіе въ сибирскихъ монастыряхъ, могли быть изъ подневоли освобождены и отпущены. Но Тобольская консисторія нашла, что томскія оставшіяся въ живыхъ квакерки, Марія Дмитріева 88 лѣтъ и Анна Васильева 86 л., хотя и заслуживаютъ освобожденія, такъ какъ въ продолженіе 39 лѣтъ заключенія отъ нихъ противности въ вѣрѣ никто не замѣчалъ, но онѣ слишкомъ стары для какого-либо передвиженія, и потому опредѣлила оставить ихъ здѣсь же въ Томскѣ при церкви тогда уже закрытаго монастыря на подаяніи мірскомъ и подъ смотрѣніемъ духовнаго правленія, приходскаго священника и томскаго городничаго, „а впредь ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать“ **).

Среди не малочисленныхъ женщинъ мѣстнаго сибирскаго происхожденія, побывавшихъ въ нашей обители подъ временнымъ смотрѣніемъ игуменьи, заслуживаетъ вниманія дѣвица изъ калмыцкой породы Ирина Иванова. Она была дворовой дѣвкой томскаго неверстаннаго сына—боярскаго Алексѣя Иванова Мещерина. 26 августа 1737 г. Мещеринъ пришелъ въ воеводскую канцелярію и объявилъ объ Иринѣ: „Четвертый уже годъ она, Ирина, испорчена: есть у ней въ утробѣ діавольское навожденіе, по которому діаволъ говоритъ въ Иринѣ человѣческимъ языкомъ вслухъ,—показываетъ о себѣ, что зовутъ его, лукаваго, Иваномъ Григорьевымъ Мещеринымъ и посаженъ въ утробу Ирины во щахъ дѣвкою Василисою Ломаковою, жившею въ домѣ Мещеринныхъ-же. Освидѣтельствовали Ирину въ воеводской канцеляріи въ присутствіи управлявшаго за воеводу секундъ-маіора сибирскаго гарнизона

*) Ук. Тоб. конс. архим. Ѳеодосію отъ 4 нояб. 1768 г. Мон. арх.; св. 12.
**) Ук. Тоб. конс. въ Том. д. Правл. отъ 22 марта 1784 г.—Гурьевъ. Растриги-дѣвки квакеры, стр. 435—436

Степана Угрюмова, соборнаго священника Прокопія Дмитріева, бывшаго поручика Ивана Аршеневскаго, подъячихъ Квасникова, Комарова, Молокова и многихъ посадскихъ людей и, по освидѣтельствованіи, удостовѣрились, что Ирина подлинно явилась испорчена, и діаволъ говоритъ въ ней человѣческимъ языкомъ въ слухъ и „на всѣ рѣчи по вопросамъ христіанскимъ отвѣчаетъ явственно,—посаженъ онъ въ испорченную вышеназванною Василисою Ломоковою во щтяхъ и взятъ изъ воды.

Угрюмовъ донесъ объ Иринѣ въ сибирскую губернскую канцелярію, а саму Ирину заключилъ въ женскій монастырь, гдѣ она должна была содержаться подъ карауломъ. Вскорѣ караульный, пѣшій казакъ Переводчиковъ, разсказалъ управляющему за воеводу: 31 августа въ вечернее время, діаволъ, угнѣздившійся въ Иринѣ, началъ бранить его, Переводчикова, всякою неподобною, скверною бранью и затѣмъ сталъ просить: „возьми фузею, а въ келью никого не пускай“. „Въ кельѣ никого нѣтъ“—отвѣтилъ караульный. А діаволъ сказалъ:—„я вижу, что подъ окномъ стоятъ люди“, между тѣмъ подъ окномъ никого не было. Послѣ того, въ отдачу дневныхъ часовъ, по приходѣ въ келью игуменьи Домники съ келейницею Ѳедосьею, помянутая Ирина легла на лавку и „въ тоскахъ своихъ говорила, что приходитъ ей лихо, а оный діаволъ стоналъ человѣческимъ голосомъ съ полчаса, а потомъ кричалъ игуменьѣ: „матушка прости“, такожь съ дѣвкой Ѳедосьей и съ матерью ея Мариной, которая въ то время лежала на печи, прощался. Игуменья спросила: куда идешь?—Въ воду, отвѣтилъ діаволъ и просилъ отворить двери. И какъ келейныя двери отворили, у той дѣвкѣ Иринѣ уста широко раскрылись и шла мокрота, а вскорѣ изо рта появился подобно, какъ дымъ, и вышелъ изъ кельи вонъ“... И діавольскаго навожденія въ Иринѣ не стало. „Рождественскаго дѣвичьяго монастыря игуменья Домника и келейницы ея сказали такожь“. Снова больную Ирину повели въ воеводскую канцелярію для свидѣтельствованія и тамъ нашли, что „по вопросамъ христіанскимъ діаволъ ни въ чемъ уже не отвѣчаетъ“.

Сибирская губернская канцелярія дала знать о происшествіи въ Сибирскій приказъ, а этотъ послѣдній донесъ къ высшимъ инстанціямъ. Указомъ изъ Петербурга сибирскому губернатору было предписано разузнать: „разговоры діавольскіе происходили-ли дѣвки Ирины языкомъ и устами, или устамъ ея и языку бывшимъ тогда неподвижнымъ... и вообще какимъ то все образомъ и подобіемъ было именно?*).

Послѣ церковно-монастырской реформы 1764 г. Томскій женскій монастырь былъ оставленъ за штатомъ, т. е. онъ не былъ закрытъ, но долженъ

*) Изъ дѣла сенатскаго архива. Сообщилъ Безродный въ статьѣ: „Прошлый вѣкъ въ его нравахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ“. Рус. Старина. 1897. Май.

былъ существовать безъ всякой помощи со стороны Коллегіи экономіи. Но такъ какъ собственныхъ средствъ у монастыря не было, а томское населеніе, вообще говоря, относилось къ нему равнодушно, то роковой конецъ сталъ для него неизбѣженъ. Онъ былъ закрытъ за бѣдностію въ 1777 году, послѣ чего принадлежавшій ему храмъ сдѣлался исключительно приходскою собственностію. Уцѣлѣло сообщеніе о монастырскихъ помѣщеніяхъ, написанное игум. Викторомъ Калиновскимъ въ 1778 г. Келій внутри монастырской ограды стояло 9, и всѣ онѣ въ послѣдніе годы жизни обители были заняты колодницами—квакерками. Къ упомянутому 1778 г. колодницъ осталось въ живыхъ только три, и потому не мало келій должно было бы пустовать, но ихъ заняли посторонніе. Въ одну изъ нихъ вошелъ „для жительства“ съ разрѣшенія игум. Нафанаила заштатный соборный протопопъ Проконій Петровъ, въ другой поселилась какая-то посельщикова жена Авдотья Григорьева, купившая келью у колодницы Ануфріи за 5 руб. съ тѣмъ, чтобы деньги были переданы въ церковь для поминовенія колодницы Дорофеи *). Въ прочихъ свободныхъ кельяхъ водворились нѣкто Родіонъ Карнышевъ съ семействомъ и томскія вдовы Ирина Лапина, Маремьяна Кулаковская и Ирина Ѳедорова, пущенная сюда для печенія просфоръ. Что касается Карнышева, то онъ показывалъ игумену Виктору, что вошелъ въ монастырскую келью по праву купли ея за 18 руб. у бывшаго монастырскаго священника Дулепова. Но Викторъ утверждалъ, что Карнышевъ завладѣлъ кельею самовольно, пользуясь покровительствомъ родственника своего томскаго священника Ив. Меркурьева, бывшаго членомъ Том. дух. Правленія.

Всѣ исчисленные, чуждые монастырю, жильцы содержались отъ подаяній милостыни. Подаянія принимала и семья Карнышева, хотя престарѣлыхъ въ ней никого не было. Игуменъ называлъ ее тунеядной и вообще сильно возставалъ противъ этой семьи, находя не только то, что своевольно вторглась въ монастырскую ограду, но и то, что въ ней имѣются молодыя женщины, присутствіе которыхъ вблизи мужскаго монастыря неудобно и неприлично, и что всѣ Карнышевы не бываютъ у исповѣди, почему наводятъ сильное подозрѣніе въ принадлежности къ расколу. Онъ рѣшилъ выселить Карнышева, но встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны томскаго воеводы Тимирязева, къ заступничеству котораго прибѣгли вытѣсняемые. Долго игуменъ препирался съ воеводою, но все-таки поставилъ на своемъ. Семья Карнышевыхъ была выдворена **).

---

*) Ануфрія и Дорофея—очевидно, прежнія монашескія имена квакерей.

**) Черновое донощеніе игум. Виктора преосвящ. Варлааму отъ 9 марта 1778 г. Арх. Том. мов.; св. 12.

Мы видимъ такимъ образомъ грустную картину запустѣнія обители, чуждое распоряженіе ея помѣщеніями и даже самовольное въ нихъ водвореніе сторонніхъ людей еще ранѣе, чѣмъ обитель закрыта была оффиціально.

Слѣдующій документъ дорисовываетъ печальный финалъ Томскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря, заглохшаго на неблагопріятной почвѣ. Староста Христорождественской церкви Матвѣй Некраевъ жаловался преосвящ. Варлааму: „Сначала показанная церковь стояла въ дѣвичьемъ монастырѣ, а потомъ, какъ монастырь упраздненъ, она обращена въ приходскую, а оставшіяся монастырскія кельи причислены къ ней и отдавались разнымъ лицамъ для жительства въ нихъ изъ прикладу. Въ прошломъ 1778 г. игум. Викторъ продалъ одну келью за 5 руб., тогда какъ стоила она втрое больше и деньги употребилъ на строеніе своего монастырскаго храма, а въ прочія кельи онъ же, игуменъ, пустилъ монастырскихъ служителей безъ платы“ (для Христорождественской церкви). Служители развели въ оградѣ огороды и садятъ здѣсь разныо овощи, при чемъ нерѣдко раскапываютъ и могилы,—самую ограду развалили и растаскали на дрова. Староста просилъ, чтобы игуменъ возвратилъ упомянутые пять рублей и, кромѣ того, не вмѣшивался въ распоряженіе бывшимъ монастырскимъ имуществомъ, ставшимъ теперь достояніемъ приходской церкви *).

*) Ук. Тоб. конс. въ Том. дух. прав. отъ 31 мая 1779 г. Арх. Том. д. консисторіи.

КУЗНЕЦКІЙ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКІЙ МУЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

1.

Время основанія Кузнецкаго монастыря.—Его огромный земельный надѣлъ и крестьяне.—Хозяйственная монастырская дѣятельность и ея полный упадокъ.—Возстановленіе хозяйства трудами іером. Иринарха.

Мужскій Кузнецкій Христорождественскій монастырь былъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ города Кузнецка, судя по атласу Ремезова, къ сѣверу отъ него, на лѣвомъ берегу р. Томи. Его основаніе, относятъ, опираясь на сообщеніе Миллера, къ 1648 г., когда сибирской паствой управлялъ архіепископъ Герасимъ. Мѣстонахожденіе монастыря за городомъ, внѣ Кузнецкой крѣпости, было для него очень невыгодно въ тревожное время XVII и началѣ XVIII в., когда около Кузнецка очень часто сновали враждебные русскимъ киргизы и калмыки. При осадѣ Кузнецка осенью 1700 г. кочевники монастырь разорили и „пожгли“**). Но очень возможно, что такому несчастію обитель подвергалась и прежде и при томъ не одинъ разъ. Кузнецкъ въ то время стоялъ на самой южной окраинѣ занятой русскими сибирской страны и, естественно, что киргизы и калмыки тревожили его гораздо чаще, чѣмъ даже Томскъ или Красноярскъ **).

Вскорѣ же послѣ построенія монастыря его монашествующіе насельники приложили стараніе о пріобрѣтеніи для своего обезпеченія угодій и земель. И своими стараніями набрали пашенныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и скотскихъ выпусковъ всего 69297 десят. 66 саженъ***). Успѣли пріобрѣсти монастырскіе для себя и рыбную ловлю около самаго Кузнецка по теченію Томи на двѣ версты. На всѣ эти пріобрѣтенія, писалъ іеромонахъ Иринархъ Томскому архим.

---

*) Памятники Сибир. исторіи ч. 1 стр. 92.

**) „Кузнецкое мѣсто украйное, говорили о Кузнецкѣ служилые люди въ 1681 году,—стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ. Измѣнники киргизы и калмыки къ намъ подъ Кузнецкой войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скотъ отгоняютъ и на поляхъ хлѣбъ толочатъ безъ остатку..., а Кузнецкой—мѣсто украйное, отъ русскихъ и отъ сибирскихъ городовъ удалѣлъ“. Акты Истор. V, № 67.

Бѣлые калмыки, жившіе за Обью на р. Алеѣ, пришедши подъ Кузнецкъ войною въ 1675 г., между прочимъ отогнали у монастыря его рабочій скотъ. Доп. къ акт. ист. VII, № 72.

***) Вѣдомость о Кузнецкомъ монастырѣ за 1764 г. Арх. Т. Алек. мон.; св. 11.

Исаію въ 1750 г., монастырь имѣлъ крѣпости „старыя многими лѣтами и тѣ крѣпости, по прошенію строителя съ братіею, были утверждены великими государями въ 7204 (1696) году *). Съ давнихъ же поръ у монастыря завелись мельницы, хотя небольшія—однопоставныя, мутовчатыя. Ихъ было четыре: 1-я находилась въ пяти верстахъ отъ монастыря на рѣчкѣ Обѣ, 2 и 3-я на рѣчкѣ Чесновкѣ и 4-тая при монастырской деревнѣ **).

Понятно, что при указанной въ земельномъ надѣлѣ массѣ десятинъ Кузнецкому монастырю требовалось множество крестьянъ, чтобъ поля не оставались впустѣ, чтобы ими можно было пользоваться. Но ему удалось созвать къ себѣ работниковъ изъ гулящихъ людей только въ очень ограниченномъ количествѣ. При второй ревизіи, въ 1744 г., крестьянъ, числившихся за Кузнецкимъ монастыремъ, было переписано 75 ревизскихъ душъ, а въ 1763 году за тѣмъ же монастыремъ состояло мужскихъ 106 и женскихъ 105 душъ. Всѣ они проживали въ 33 верстахъ отъ г. Кузнецка въ одной деревнѣ, извѣстной подъ именемъ Монастырской, которая состояла въ приходѣ с. Прокопіевскаго ***).

Подобно крестьянамъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, съ половины XVIII в. начали тяготиться зависимостію отъ обители и монастырскіе кузнецкіе крестьяне. Въ 1761 г. по указу изъ Сибирской канцеляріи, поступившему въ Кузнецкую воеводскую канцелярію, велѣно было публиковать для общаго извѣстія, что „ежели кто пожелаетъ селиться по рѣкамъ новозаложенныхъ близъ Селенгинска и Нерчинска линій, то, чтобы брали паспорта и шли на выселеніе свободно". Публикація точно обрадовала крестьянъ Кузнецкаго монастыря. Изъ нихъ изъявили готовность на переселеніе 37 семей. Кузнецкій игум. Адріанъ встревожился и поспѣшилъ донести о предстоящей большой убыли въ населеніи монастырской деревни митроп. Павлу. Митрополитъ потребовалъ у свѣтской власти, чтобы сдѣлала распоряженіе о задержаніи Кузн. монастырскихъ крестьянъ, какъ таковыхъ, которые права на переселеніе не имѣли. Требованіе митрополита было исполнено †). Но никакое начальство не могло пріостановить бѣгства изъ среды обительскихъ хлѣбопашцевъ къ Усть-Каменогорску и на рѣку Убу, когда въ этотъ хлѣбородный край Алтая начали стекаться русскіе пришельцы †*).

Какъ шло хозяйство въ монастырѣ въ первый и вообще болѣе ранній періодъ его существованія. мы не имѣемъ данныхъ для сужденія. Но нельзя сомнѣваться, чтобы тѣ, которые радѣли о собираніи земель, о созываніи крестьянъ, забо-

*) Донесеніе іером. Иринарха въ Том. дух. правл. отъ 19 авг. 1750 г. Сн. опись Кузн. монаст. за 1763 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 11 и 6.

**) Опись монастыря за 1763 г.

***) Тамъ-же. Си. вѣдом. о Кузн. мон. за 1764 г. Арх. Том. Ал. монаст.

†) Ук. Тоб. конс. игум. Адріану отъ 28 авг. 1761. Арх. Т. Алекс. мон.; св. 2.

†*) Ук. Тоб. конс. тому же игумену отъ 31 окт. 1761. Арх. Т. Алекс. мон.; св. 2.

тились о постройкѣ мельницъ,—чтобы эти люди не прилагали къ хозяйственной дѣятельности во всѣхъ ея подробностяхъ всю силу своихъ попечительныхъ заботъ. Къ 30-тымъ годамъ прошл. столѣтія монастырская братія въ своей численности оскудѣла, жизнь въ обители призамолкла, и, естественно, должно было пасть и хозяйство. Конечно, монастырю, при ограниченномъ количествѣ его крестьянъ, никогда нельзя было справиться со всею массою своихъ земель и угодій, но, по крайней мѣрѣ, можно было, при извѣстномъ раченіи, удерживать ихъ въ своемъ владѣніи. Между тѣмъ изъ указаннаго монастырскаго надѣла въ 66297 дес. и 66 сажень 63297 дес. захватили вновь поселившіеся въ Кузнецкомъ уѣздѣ государственные крестьяне разныхъ деревень, въ особенности селеній Усятскаго и Арскова, и владѣли ими для монастыря безданно и безпошлинно. Много лѣтъ спустя послѣ захвата (въ 1763 г.) монастырь, „писалъ въ Кузнецкую воеводскую канцелярію промеморію и требовалъ (отвѣта): показанныя деревни по какимъ указамъ или отводамъ обселились на отводныхъ монастырскихъ земляхъ"?. Но изъ воеводской канцеляріи „никакой резолюціи не воспослѣдовало" *). Въ монастырскомъ владѣніи уцѣлѣло такимъ образомъ только 3000 десятинъ. Изъ нихъ одна половина была совершенно годна для пашни и сѣнныхъ покосовъ, а другая составляла „дикое поле съ лѣсами, болотами и каменными горами". Годною землею пользовались монастырскіе крѣпостные, обработывая изъ нея на обитель самую ничтожную долю десятинъ **).

Къ 1743 г. братіи въ Кузнецкомъ монастырѣ совсѣмъ не стало и въ матеріальномъ положеніи его произошло полное запустѣніе. Монастырь все-таки не былъ закрытъ, а приписанъ былъ къ Томскому Алексѣевскому монастырю подъ наблюденіе арх. Лаврентія. Въ томъ же году Лаврентій послалъ для осмотра обители своего намѣстника Авксентія. Послѣдній извѣстилъ архимандрита, что монастырь осмотрѣлъ, имущество въ немъ провѣрилъ, а такъ какъ священнослужителей въ немъ нѣтъ, то церковныя вещи сложилъ всѣ въ кладовую, и вручилъ монастырь ближайшему вѣдѣнію «вѣрнаго человѣка» Копытова съ тѣмъ, чтобы Копытовъ всѣ ветхости въ немъ исправилъ, развалившіяся мельницы починилъ, за пашенными и сѣнокосными землями „назиралъ", и всѣ доходы и расходы записывалъ въ книги, которыя долженъ былъ писать съ его словъ дьячекъ Петръ Веригинъ***). Вскорѣ съ Кузнецкаго монастыря потребовалось взыскать презентовыя, по раскладкѣ съ другими монастырями, деньги, выданныя въ архіерейскомъ домѣ камергеру Жеребцову. Взыскивалось 7 р. 50 коп. Авксентій от-

*) Вѣдомость о Кузн. монастырѣ за 1764 г. Арх. Т. Алексѣев. мон.; св. 11.
**) Тамъ-же.
***) Донесеніе Авксентія. Арх. Т. Ал. мон.; св. 16.

писалъ въ Тобольскъ, что въ казнѣ Кузнецкой обители денегъ нѣтъ ни одной копѣйки, а куда онѣ дѣлись, — просилъ допросить бывшаго настоятеля іеромонаха Адріана *).

Плачевное состояніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ „вѣрный человѣкъ“ Копытовъ не улучшилъ, мельницъ не исправилъ и даже допустилъ въ монастырскомъ достояніи растраты. Были расхищены даже церковныя книги, которыя оказались затѣмъ въ Томскѣ у разночинца Ивана Слесаря **).

Измѣненіе къ лучшему началось со времени, когда на жалкое состояніе Кузнецкой обители обратилъ вниманіе митроп. Сильвестръ. „Извѣстно намъ учинилось, писалъ онъ Томскому архим. Исаіи, что приписной къ вашему Томскому монастырю Кузнецкій монастырь оставленъ туне, такъ что не токмо смотрѣнія надъ нимъ и попеченія о немъ никакого, но и изъ начальниковъ и монашествующихъ лицъ тамо никого нѣтъ. А монастырь порученъ въ управленіе тамошнему мужику крестьянину Якову Бѣлокопытову (такъ былъ названъ Копытовъ), отчего тотъ Кузнецкій монастырь въ великое пришелъ несостояніе. Того ради повелѣваемъ вамъ, архимандриту, тотъ монастырь, яко приписной къ вашему томскому, смотрѣніемъ и исправленіемъ вѣдать и ради способности опредѣлить туда строителемъ отъ васъ кого изъ іеромонаховъ достойнаго человѣка, а буде онаго способнѣйшаго не обращется—обрѣтающагося при васъ іеромон. Иринарха“, которому дать отъ себя пристойную инструкцію въ такомъ смыслѣ, „чтобы переписалъ все, что найдетъ въ монастырѣ движимаго и недвижимаго имущества, провѣрилъ крестьянъ, занялся починкою церкви, ограды и келій, размножилъ-бы хлѣбныя запашки и прочее, что можетъ происходить къ пользѣ монастыря“ ***).

Исаія отправилъ въ Кузнецкъ іером. Иринарха и, перечисливъ ему все, о чемъ требовалъ позаботиться митрополитъ, добавилъ данную ему инструкцію еще приказаніемъ, чтобы заставлялъ крестьянъ ставить на монастырь сѣна по 20 копенъ съ души „безъ всякаго денежнаго платежу и по 1 сажени полѣнныхъ дровъ,—чтобы обветшалыя мельницы, отъ которыхъ тому монастырю всегда лучшая можетъ быть польза, постарался строеніемъ возобновить и утвердить благонадежно, чтобы изъ крестьянъ бралъ къ монастырю служителей, а въ монастырскомъ храмѣ исправлялъ богослуженіе неотмѣнно“ †).

Вскорѣ Иринархъ донесъ, что изъ бывшихъ четырехъ мельницъ онъ успѣлъ поправить двѣ—одну на рѣчкѣ Обѣ, другую на Чесновкѣ, что крестьяне обработывали землю для монастыря и при Копытовѣ, но только въ маломъ количествѣ шести десятинъ, что вообще монастырскія земли и уго-

*) Донесеніе Авксентія 1745 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 16.
**) Донесеніе іером. Иринарха отъ 1750 г. М. а. св. 11.
***) Ук. архіерейскій, собственноручно подписанный митроп. Сильвестромъ. Мая, 1750 г. Арх. Т. Ал. мон.; св. 11.
†) Инструкція, данная архим. Исаіею іером. Иринарху. 1750. Арх. Т. Ал. м.; св. 11.

дья нашелъ въ крайне—неустроенномъ состояніи. „Многіе, говорилъ Иринархъ, посторонніе крестьяне и разночинцы пашутъ монастырскія поля, на которыя объявляютъ выданныя имъ выписи, въ коихъ тѣ поля названы порожними, а иные пашутъ безо всякаго резону. Около самаго монастыря жительство имѣютъ богомерзскіе татара и пашутъ по близу обители на ея землѣ и сѣно ставятъ, о чемъ неоднократно въ Кузнецкую воеводскую канцелярію предъявляемо было, но отъ оной канцеляріи резолюцій не получалось“ *).

Со времени командировки Иринарха и съ той поры, какъ монастырь снова обзавелся своею, хотя и скудною, братіею, хозяйственный порядокъ въ немъ началъ возстановляться. Запашки на обительскую пользу были увеличены до 17½ десятинъ, на рыбной ловлѣ явился неводъ. Крестьяне были привлечены не только къ работамъ на монастырскихъ поляхъ и сѣнокосахъ, но и къ труду поправокъ обительскихъ построекъ и исправленія всѣхъ четырехъ мельницъ съ ихъ плотинами **).

За время отъ 1754 по 1757 г. включительно на приходъ поступило въ монастырскую казну денежной суммы 454 р. 61¾ коп., изъ нихъ вышло въ расходъ 334 р. 31½ коп. Болѣе всего выручекъ доставляли мельницы, устроенный монастыремъ перевозъ чрезъ р. Томь и сѣнные покосы, за излишкомъ отдаваемые въ кортомъ. Но бывали и приложенія. Одинъ изъ заѣзжихъ торговцевъ не поскупился приложить 6 коп., двое изъ сыновей—боярскихъ и одна кузнецкая вдова дали монастырю въ разныхъ случаяхъ полтора рубля. Предъ праздникомъ Рождества Христова, престольнымъ въ монастырѣ, насбировали по городу съ мѣстною свѣчею до 1 рубля, въ самый день праздника пріобрѣтали отъ „боголюбцевъ“ въ церкви отъ 80 до 90 к. Больше приложеній получалось изъ Бійска, куда монастырскіе посылали для сборовъ солдата Якова Батенева. Въ одномъ случаѣ Батеневъ принесъ 7 р. 25 к., въ другомъ 7 р. 50 коп. Изъ Бійска же доставляли въ обитель рыбу, которую монастырскіе продавали для выручекъ въ монастырскую денежную казну ***).

2.

Настоятели.—Братія.—Монастырскій храмъ.—Упраздненіе Кузнецкаго монастыря и ничтожество оставшагося отъ него имущества.

Изъ монастырскихъ настоятелей мы знаемъ по именамъ игуменовъ *Іосію* Хмылева (около 1720 г.) †), *Трофима*, *Панкратія* (въ 30-тыхъ годахъ XVIII в.) и *Адріана*, который предстоятельствовалъ въ обители въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1743 г. на Адріана подали доносъ

*) Донес. іером. Иринарха.
**) Опись монастыря за 1763 г.
***) Арх. Т. Ал. мон., св. 16.
†) Имя этого игумена упомянуто въ „книгѣ росписной всякимъ архіерейскимъ указомъ,—кому какіе указы и формы даны съ росписками“. 1722 г. М. арх. св. 6.

Кузнецкій діаконъ Петръ Егоровъ и крестьянинъ Михаилъ Петровъ, обвинявшіе игумена во многихъ непорядкахъ и между прочимъ въ томъ, что не служилъ ни молебновъ, ни панихидъ по табельнымъ днямъ. Изъ Тобольска предписали томскому архим. Лаврентію произвести по содержанію доноса слѣдствіе*). Послѣ того Адріана уволили изъ Кузнецка,—но куда?—мы не нашли указаній. Въ то время, когда монастырь былъ приписанъ къ Томскому, мы видѣли, что въ немъ распоряжался крестьянинъ Як. Копытовъ, а за нимъ обителью управляли строители—сначала іером. *Иринархъ*, а потомъ іером. *Θеофилактъ*. Съ половины 1750-хъ годовъ Адріанъ снова является въ достоинствѣ кузнецкаго игумена и состоялъ въ немъ вплоть до закрытія монастыря, въ 1769 г.

Вскорѣ послѣ постройки обители братія ея, несомнѣнно, состояла изъ людей казачьяго и вообще служилого сословія, такъ какъ иного населенія въ Кузнецкѣ того отдаленнаго времени было весьма мало. Сколько ея тогда было численностію, мы, къ сожалѣнію, лишены всякаго намека. Но въ началѣ XVIII в. иноковъ къ Кузн. монастырѣ находилось уже не много. По крайней мѣрѣ, когда состоялось правительственное распоряженіе, чтобы „малобратственные монастыри и пустыньки сводить съ прочими въ совокупленіе и оныя пустыньки весьма упразднить“ **), братію изъ Кузнецкой обители велѣно было перевести въ Томскій Алексѣевскій монастырь. Кузнецкій монастырь предназначался тогда къ закрытію, но все-таки не былъ закрытъ за силою новаго указа отъ 6 февраля 1727 г. Этотъ указъ повелѣвалъ, чтобы монашествующіе, выведенные изъ малобратственныхъ монастырей, снова были возвращены къ нимъ и самые монастыри были оставлены на прежнемъ основаніи ***). Въ 1740 хъ годахъ м. братіи въ Кузнецкѣ совсѣмъ не было. Снова она появляется только тогда, когда въ 1750 г. прибылъ въ Кузнецкъ изъ Томска для устройства монастырскихъ дѣлъ Иринархъ. По инструкціи, данной послѣднему, ему, между другими дѣлами, вмѣнено было въ обязанность, чтобы служилъ въ монастырскомъ храмѣ неотмѣнно. Но вскорѣ онъ извѣстилъ архим. Исаію, что ему „одному отправлять службу Божію не по силамъ“ и просилъ выслать, по крайней мѣрѣ на временную помощь, томскаго іеромонаха Боголѣпа съ сыномъ Борисомъ †). Въ 1751 г., въ бытность строителя Θеофилакта, монастырь имѣлъ своего іеродіакона Платона, постриженнаго изъ людей „калмыцкой породы“ самимъ Θеофилактомъ. Вскорѣ сюда же самовольно перебѣжалъ изъ Томска іером. Протасій. Его велѣно было вернуть обратно въ Томскъ, тѣмъ не менѣе онъ снова явился въ

*) Ук. Тобольскому архим. Лаврентію отъ 16 сент. 1743 г. Мон. арх.; св. 17.
**) Пол. соб. зак. т. 7, № 4456.
***) П. с зак. т. 7, № 5005.
†) Донес. Иринарха отъ 2 декаб. 1750 г.

Кузнецкѣ и нѣсколько лѣтъ проходилъ здѣсь должность монастырскаго казначея. Слѣдующія извѣстія о братіи мы имѣемъ за 1763 г., когда она состояла изъ игум. Адріана, казначея Протасія, присланнаго изъ Тобольскаго „митрополитанскаго" дома за дурное поведеніе съ запрещеніемъ священнослуженія іером. Евагрія и іеродіакона Платона *). По документамъ, имѣющимся у насъ подъ руками, жизнь братіи рисуется въ неприглядныхъ чертахъ.

Протасій за самовольный побѣгъ изъ Томска и обиду, причиненную архим. Исаіи, содержался въ Кузнецкой обители нѣкоторое время въ желѣзахъ и былъ лишенъ клобука и права на священно-служеніе. Объ Евагріѣ игум. Адріанъ доносилъ, что пьянствовалъ безмѣрно, шумствовалъ, пропадалъ изъ монастыря на 3 и 4 дня и за это время его нерѣдко находили на улицахъ въ постыдномъ положеніи валяющагося. Донесеніе вызвало распоряженіе—послать виновнаго въ черную работу и смирять плетьми **). Іеродіаконъ иногда пропадалъ изъ монастыря на цѣлые мѣсяцы, шатаясь по разнымъ селамъ и деревнямъ Кузнецкаго уѣзда ***).

Къ 1766 г. іеромонахъ Протасій и іерод. Платонъ умерли, Евагрій былъ сосланъ въ Туруханскъ. Адріанъ остался въ монастырѣ только съ однимъ свящ. Евгеніемъ Синькинымъ, опредѣленнымъ въ монастырь за вдовствомъ, вмѣсто сосланнаго Евагрія, изъ Краснорѣчинскаго прихода Кузнецкаго заказа †).

Храмъ въ монастырѣ былъ деревянный, на его колокольнѣ висѣло только 3 небольшихъ колокола;—сосуды: дискосъ, потиръ и звѣздица были оловянные †*).

По законодательному акту о монастыряхъ отъ 26 февраля 1764 г., Кузнецкій монастырь былъ оставленъ за штатомъ на своемъ содержаніи. Но въ октябрѣ 1769 г. изъ Тобольска, послѣ сношенія съ св. Синодомъ, послѣдовало о той обители новое распоряженіе. „Его преосвященство опредѣлилъ: оный Кузнецкій монастырь за неимѣніемъ въ немъ монашествующихъ и потому, что монаховъ опредѣлить туда некого—*упразднить*, и Барнаульскому д. правленію велѣть: какое въ семъ Кузнецкомъ монастырѣ церковное и всякое строеніе имѣется,—какая церковная утварь и ризница—описать и оное съ описью, оставя при церкви къ отправленію священнослуженія нужное, безъ чего обойтись не можно, отдать на вѣрныя руки, кому надлежитъ, а другое все церковное и монастырское имущество взять въ Томскій монастырь и тое Кузнецкаго монастыря церковь сдѣлать приходскою", причисля къ ней указ-

*) Списки куз. монастыр. братіи за 1763—4 г. Мон. арх.; св. 17.
**) Ук. игум. Адріану отъ 6 апр. 1764. Арх. Т. Ал. мон.; св. 2.
***) Объ этомъ упомянуто въ описи монастыря за 1763 г.
†) Ук. конс. игум. Адріану отъ 28 окт. 1765 г.
†*) Опись монастыря за 1763 г. Мон. арх., св. 6.

ное число дворовъ безъ обиды для другихъ приходовъ и „опредѣлить ко оной церкви священника и двухъ причетниковъ отъ другихъ какихъ церквей по разсмотрѣнію духовнаго правленія... Чтоже касается до земли монастырской, изъ оной, по межной инструкціи, оставить къ содержанію священно-церковно-служителей 30 десятинъ, а прочую, оставшуюся за тѣмъ, по силѣ указовъ изъ коллегіи экономіи отдать въ вѣдомство кузнецкой канцеляріи“ *).

Не многимъ, однако, довелось попользоваться Алексѣевскому монастырю изъ убогаго имущества упраздненнаго монастыря Кузнецкаго. Первый унаслѣдовалъ отъ послѣдняго четыре ветхія оловянныя тарелки, „два мѣденика подержанныхъ и мѣдный котелъ, да еще купганъ мѣдный—ветхій“, вѣсомъ въ $3^1/_2$ фунта и деньгами пять рублей **).

*) Ук. Тоб. конс. въ Барнаульс. д. правленіе отъ 7 октября 1769 г. за № 1441. Мон. арх.; св. 6.

**) Промеморія изъ Барнаул. д. правл. въ Том. монастырь отъ 22 декабря 1769 г. № 429. Мон. арх. св. 6.

Заключеніе.

Все изложенное о Томскихъ старинныхъ монастыряхъ приводитъ къ ясному выводу, что монастыри жили и дѣйствовали въ болѣе или менѣе благопріятныхъ для своего назначенія условіяхъ только въ начальныхъ стадіяхъ своей исторіи, т. е. тогда, когда служили выраженіемъ живой потребности томскаго русскаго населенія, особенно изъ служилого сословія. Монастыри стали замирать съ тѣхъ поръ, какъ сибирское или, по крайней мѣрѣ, томское населеніе начало понижаться въ своемъ религіозномъ настроеніи, а слѣдовательно и въ своемъ усердіи къ церковнымъ учрежденіямъ. Притокъ приложеній и приношеній въ наши обители съ того времени прекращается, лицъ, которыя бы изъявляли свое желаніе и согласіе на поступленіе въ монастырскія братства не оказывалось даже въ тѣ годы, когда постриженія ни для кого изъ свободныхъ людей запрещаемы не были. Скудость матеріальныхъ средствъ повела къ закрытію Томскаго дѣвичьяго монастыря. Отсутствіе братіи послужило основною причиною, почему покончилъ свое существованіе Христорождественскій монастырь въ Кузнецкѣ. Томскій Алексѣевскій монастырь не подвергся печальной участи закрытія только потому, что послѣ монастырской реформы 1764 г. онъ, взамѣнъ отобранныхъ у него имѣній, получилъ штатный казенный окладъ для своего содержанія. Опираясь на ограниченныя средства, выдаваемыя изъ государств. казначейства, Алексѣевская обитель продолжала жить, но уже жизнію въ захудаломъ видѣ. Окружающее христіанское общество хранило по отношенію къ ней положеніе самаго глубокого равнодушія. По-видимому, равнодушіе это можно было поколебать, какъ поколебалъ его архимандритъ Іоанникій. Но, къ сожалѣнію, кромѣ высокопочтеннаго Іоанникія, монастырь дѣятельныхъ и энергичныхъ настоятелей, за вторую половину своей исторіи, не имѣлъ. Недостаточность въ средствахъ матеріальнаго обезпеченія монастыря, покинутость его чьимъ-бы то ни было вниманіемъ, отсутствіе движенія къ нему людей, которые искали бы въ его стѣнахъ пристанища для иноческаго подвига изъ побужденій внутренняго, сердечнаго къ тому влеченія, обусловило то, что и само епархіальное начальство начало смотрѣть на упомянутую обитель, какъ на какое-то ссылочное мѣсто. Оно

стало сбывать и удалять сюда священно-церковно-служителей, по тѣмъ или инымъ причинамъ неудобныхъ для приходской дѣятельности, или отсылать сюда-же подсудимое духовенство для штрафованія временнымъ монастырскимъ заточеніемъ.

Не были наши монастыри ни славны, ни знатны,—„убоги“ они были, по выраженію одного оффиціальнаго документа*). Тѣмъ не менѣе они оправдали свое существованіе уже тѣмъ, что въ свое время удовлетворяли общество и посильно послужили его духовно-нравственнымъ запросамъ.

Нельзя опустить безъ вниманія и другой гражданской заслуги монастырей, оказанной Томскому краю въ то время, когда послѣдній только-лишь началъ заселяться русскими пришельцами. Мужскіе монастыри—Томскій и Кузнецкій, и первый въ особенности, собирая пришельцевъ—пахарей на свои земли, завели въ дикихъ и пустыхъ мѣстахъ деревни, обратившіяся въ настоящую пору уже въ многолюдныя селенія. Колонизаціонная услуга краю со стороны Томской Алексѣевской обители была тѣмъ выше, что по условіямъ расположенія своихъ земельныхъ угодій, она заводила деревни не въ дальномъ разстояніи отъ дорогъ, по которымъ двигались къ Томску Киргизы и Калмыки. Такимъ образомъ монастырскія деревни являлись въ значеніи какъ бы аванпостовъ для другихъ русскихъ селеній Томской страны, находившихся отъ нихъ къ западу и сѣверу. Вотъ почему подъ монастырской вотчинной деревней Пачинской происходили частыя столкновенія русскихъ служилыхъ людей съ враждебными кочевниками, столкновенія, въ которыхъ принимали участіе и сами пачинскіе крестьяне**). Патріотическое дѣло активной защиты отъ враговъ вели и сами монастыри. То, что нами передано на этотъ счетъ на 9 страницѣ настоящаго труда, дополняемъ опущеннымъ извѣстіемъ, что при калмыцкихъ вторженіяхъ къ Томску въ XVII в. Алексѣевскій монастырь разъ пострадалъ, онъ былъ разоренъ***).

При томъ же Алексѣевскомъ монастырѣ за время управленія имъ архимандрита Лаврентія и его намѣстника іеромон. Авксентія возникла (въ 1745 г.) первая въ Томскомъ краѣ духовная школа, бывшая вообще первымъ учебнымъ заведеніемъ среди подобныхъ учрежденій, которыя стали появляться въ Томскѣ спустя много лѣтъ послѣ. Монастырь имѣлъ около себя эту школу, существовавшую подъ разными наименованіями (русской школы, школы латинской, духовной гимназіи, духовнаго училища), болѣе 80 лѣтъ,

*) Пол. Соб. Зак. Т. 10, № 7172.

**) Доп. къ Акт. истор. V, № 92. 8, № 15.

***) Доп. къ Акт. ист. V, № 92. Вообще сибирскимъ монастырямъ нерѣдко доводилось вступать въ борьбу со врагами.—Въ западныхъ частяхъ Сибири должны были отвоевывать себя отъ башкирцевъ монастыри: Спасскій на р. Сылвѣ, Невьянскій и Далматовъ. „Невьянскаго монастыря строитель старецъ Давыдъ побилъ въ походѣ воровскихъ татаръ человѣкъ съ двѣсти“—Доп. къ Акт. Ист. IV, № 124.

—устраивалъ для нея помѣщеніе, снабжалъ отопленіемъ, помогалъ отъ своихъ средствъ въ содержаніи учителей, иногда пропитывалъ бѣднѣйшихъ учениковъ, и всѣмъ этимъ сослужилъ дѣлу просвѣщенія въ Сибири важную, большую службу.

Монастыри, наконецъ, заявили себя и въ духовно-просвѣтительной дѣятельности по отношенію къ Томско-Кузнецкимъ инородцамъ. Разные документы XVII в., напечатанные въ Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, доставляютъ намъ не мало указаній, что въ то раннее время сибирской исторіи новокрещенные среди Кузнецкихъ инородцевъ были уже далеко не рѣдкостію. Тѣмъ болѣе нерѣдкостію они были въ началѣ XVIII в. Въ царскихъ наказахъ для Кузнецкихъ воеводъ между прочимъ прописывалось, чтобы воеводы заботились о привлеченіи иноземцевъ къ христіанству „ласкою и привѣтомъ“. Но кто въ данномъ случаѣ, по указаніямъ воеводъ, долженъ былъ явиться ближайшимъ исполнителемъ царскихъ велѣній? Приходскаго духовенства въ Кузнецкѣ за XVII и начало XVIII в. было мало и оно всецѣло было занято исполненіемъ требъ для пасомыхъ изъ русскаго населенія. Думаемъ поэтому, что миссіонерское служеніе для обращенія Кузнецкихъ инородцевъ первоначально вели старцы Кузнецкаго монастыря. Въ качествѣ довода для этого предположенія можемъ указать, что вначалѣ XVIII ст. Кузнецкій монастырь имѣлъ вкладчика Ив. Семенова „изъ новокрещенныхъ калмыцкой породы“ *), а въ 1750 годахъ въ составѣ малочисленной Кузнецкой монастырской братіи находился іеродіаконъ Платонъ также изъ калмыцкой породы.

Что касается мужского монастыря въ Томскѣ, его несомнѣнная миссіонерская дѣятельность сначала имѣла приложеніе къ тѣмъ иноземцамъ, съ которыми обитель сосѣдила своими земельными надѣлами и угодьями по р.р. Томи и Оби. Кто изъ монастырскихъ въ особенности трудился въ семъ дѣлѣ, мы лишены свѣдѣній. Несомнѣнно одно, въ данномъ случаѣ имѣли большое значеніе уже одни обыденныя сношенія монастырскихъ съ ясашными по разнымъ хозяйственнымъ потребностямъ, при чемъ монахи всегда имѣли поводы заводить съ инородцами бесѣды въ религіозномъ направленіи. Очень знаменательно, что въ монастырскихъ владѣніяхъ по р. Оби имѣлся островъ съ наименованіемъ „Новокрещеннова“ **). Въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. на монастырскомъ Пачинскомъ дворцѣ проживалъ новообращенный „шаманъ“, котораго монастырскіе пропитывали, одѣвали и обу-

*) См. копію съ переписныхъ книгъ крестьянъ Кузнец. монастыря. Даты въ копіи нѣтъ, но она написана очень старымъ письмомъ. Въ Томск. монастыр. архивѣ мы нашли ее среди бумагъ времени Петра I.

**) См. стр. 15.

вали изъ своей казны*). Въ свою очередь шаманъ представляетъ въ своемъ лицѣ сильное доказательство въ пользу той монастырской миссіи, о которой говоримъ. Въ продолженіе XVIII стол. веденіе миссіонерскаго служенія среди вообще всѣхъ томскихъ инородцевъ было обязанностію томскихъ монастырскихъ настоятелей, возлагаемой на нихъ тобольскими архипастырями и въ особенности митрополитами Филоѳеемъ Лещинскимъ, Антоніемъ Стаховскимъ и Сильвестромъ Гловацкимъ, тѣмъ болѣе, что тѣ же настоятели въ большинствѣ случаевъ были и заказчиками духовныхъ дѣлъ въ Томскомъ краѣ. Изъ многихъ миссіонерскихъ указовъ, данныхъ изъ Тобольска архим. Порфирію, упомянемъ здѣсь одинъ, присланный въ 1725 г. Въ немъ митр. Антоній Стаховскій предписывалъ архимандриту, чтобъ усерднѣе вникалъ въ духовныя нужды новокрещенныхъ, жившихъ по р. Чулыму, и чтобы для тѣхъ изъ нихъ, которые перешли въ киргизскую землицу, постарался бы, при содѣйствіи воеводы, построить острожекъ, „а въ острожку церковь“ **). Въ инструкціи, написанной для архимандрита Исаи, при назначеніи его въ Томскъ (въ 1750 г.), также было упомянуто, чтобъ всеусильно радѣлъ о пріумноженіи вѣры среди иноземцевъ Томскаго уѣзда. Изъ сохранившагося въ монаст. архивѣ реестра дѣлъ, поступившихъ къ томскому монастырскому настоятелю въ 1752 г., видно, что за то время въ Алексѣевскую обитель доносили о новыхъ случаяхъ обращенія инородцевъ изъ разныхъ приходовъ Томскаго вѣдомства и особенно часто изъ прихода Умревинскаго, что монастырскій настоятель ходатайствовалъ о награжденіи новообращенныхъ узаконенными подарками, разбиралъ нѣкоторыя тяжбы, возникавшія у новокрещенныхъ по семейнымъ дѣламъ, устранялъ неудобства, проистекавшія отъ сожительства крещеныхъ татаръ съ некрещеными и т. п.***).

Въ 1781 г. игуменъ Иннокентій былъ назначенъ къ Томскъ на монастырское настоятельство главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы занимался христіанскимъ наученіемъ инородцевъ въ районѣ около Томска и Кузнецка.

Въ декабрѣ 1698 г. Кузнецкій воевода Левъ Доментьевичъ Нарыковъ получилъ отъ царя Петра Алексѣевича грамоту съ такимъ содержаніемъ: „въ нынѣшнемъ въ 206 году апрѣля въ 18 день указали мы, великій государь, въ Кузнецку и въ Кузнецкомъ уѣздѣ ссыльнымъ и прихожимъ

*) Въ отрывкѣ Томской монастырской расходной книги за 1713 г. записанъ расходъ на одежду „шаману“. Здѣсь же нужно упомянуть, что въ 1711 г. Рагозинъ—калмакъ приложилъ въ монастырь 4 р. кобылицу и жеребенка, что въ то же время жилъ на Шегаркѣ новоподрядный крестьянинъ Матвѣй *новокрещенный*. Книга приходная 1709–1711 г.

**) Архіер. указъ архим. Порфирію отъ 22 янв. 1725 г. Къ сожалѣнію, нижняя часть у этого указа оторвана.

***) Архивъ Том. Ал. монастыря.

старцамъ вновь монастырей строить и ясачныхъ и никакихъ земель (монастырямъ) безъ нашего, великаго государя, указу и безъ грамотъ изъ Сибирскаго приказу давать не велѣли для того, что въ Сибири мужскихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть" *).

Ясно, что въ концѣ XVII в. кто-то хотѣлъ основать въ Кузнецкомъ уѣздѣ еще новую обитель. Царь нашелъ ее излишней. Но въ то время, когда Христорождественскіе монастыри—мужескій въ Кузнецкѣ, а женскій въ Томскѣ были уже давно упразднены, нѣкоторые изъ русскихъ пришельцевъ въ Томскій край, чувствуя здѣсь недостаточность въ пристанищахъ для иноческой жизни, выразили попытки, взамѣнъ закрытыхъ, учредить новые монастыри. Въ церковной лѣтописи Кузнецкаго соборнаго храма намъ удалось найти слѣдующее любопытное сообщеніе. Въ промежутокъ отъ 1797 по 1800 г.г. пришли въ Кузнецкій уѣздъ изъ Московскаго Симонова монастыря два монаха *Василискъ и Зосима* и, съ разрѣшенія Тобольскаго епископа Варлаама, поселились въ 50 верстахъ отъ Кузнецка внизъ по Томи на мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Три-Курьи". Василискъ—въ мірѣ Василій Гавриловъ—происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ Тверской губ., а Зосима—въ мірѣ Захарій Верховскій—былъ изъ дворянъ, служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку съ чиномъ гвардіи поручика. Пришельцы—монахи остановились въ Трехъ-Курьяхъ съ намѣреніемъ собрать здѣсь монастырское братство, почему среди окрестныхъ обывателей начали искать лицъ, сочувствующихъ иночеству и желающихъ иноческаго жительства. Со времени своего прихода въ отдаленную сторону до 1818 они собрали къ себѣ 5 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ умеръ въ 1819 г. Зосима рѣшилъ, кромѣ того, устроить въ томъ же Кузнецкомъ уѣздѣ еще женскую обитель. Онъ избралъ для нея мѣсто въ дер. Сидоровой и уговорилъ переселиться сюда изъ Кузнецка вдову надворнаго совѣтника Васильеву съ дочерью—дѣвицей, къ которымъ присоединилось затѣмъ еще 6 женщинъ.

Несомнѣнно, недовольные малочисленностію въ количествѣ собранныхъ братіи и сестеръ для задуманныхъ обителей, Василискъ и Зосима въ 1821 г. перенесли свою дѣятельность въ Туринскъ, гдѣ имъ было дозволено воспользоваться зданіями запустѣвшаго мужского Никольскаго монастыря для того, чтобы открыть здѣсь монастырь женскій. За ними перешли въ Туринскъ и тѣ шесть женщинъ, которыя собрались для иночества въ Кузнецкой деревнѣ Сидоровой, между тѣмъ мужчины, оставленные монахами въ мѣстечкѣ Три-Курьи, розошлись по своимъ прежнимъ роднымъ дворамъ. Василискъ умеръ въ Туринскѣ въ 1823 г. и, вскорѣ послѣ его смерти, Зосима долженъ былъ вер-

*) Акты истор. т. V, № 275.

нуться въ Россію, гдѣ основалъ большой общежительный женскій монастырь въ Московской губ. за Сергіевской Лаврой въ имѣніи г. Бахметевой *).

Потребности въ монастыряхъ среди православнаго населенія Томской губерніи,—населенія, умножившагося многотысячными переселенцами изъ Европейской Россіи, начинаютъ возрождаться только въ новѣйшее время. Въ 1864 г. была учреждена женская монашеская община въ г. Томскѣ, съ 1876 г. переименованная въ общежительный Іоанно-Предтеченскій монастырь, а въ 1890-хъ годахъ завелись женскія общины Казанская въ г. Барнаулѣ и Тихвинская около г. Бійска.

Сюда же нужно причислить два монастыря, основанные по ходатайству Барнаульскаго купца Аѳанасія Малькова „на благотворительныя средства“ въ Алтайскихъ горахъ съ спеціально-миссіонерскими цѣлями. Изъ нихъ мужской Благовѣщенскій Чолышманскій монастырь (близъ китайской границы) былъ построенъ въ 1864 г., а женскій Николаевскій Улалинскій началъ свое существованіе съ мая 1863 года.

*) Церковная лѣтопись Кузнецкаго Спасо-Преображенскаго собора, состав. въ 1867 года Л. 23—24. Рукоп.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I. *Извѣстіе о Томскомъ Богородице-Алексѣевскомъ монастырѣ, доставленное игуменомъ Иннокентіемъ въ Тобольскую Консисторію. въ 1781 г.*

Оный Богородице-Алексѣевскій монастырь прежде состоялъ при р. Томи на правой, по теченію оной, сторонѣ,—на горѣ, подлѣ которой съ полуденной отъ монастыря стороны впала устьемъ въ Томь рѣку рѣчка, называемая Киргизка,—гдѣ нынѣ имѣется монастырскій загородный дворъ, отстоящій отъ города Томска внизъ по р. Томи въ 7 верстахъ. И назывался оный монастырь Усть-Киргизскимъ. Въ немъ церковь была Богородская, о чемъ явствуетъ въ имѣющейся нынѣ въ монастырѣ черновой челобитной къ царю, государю и вел. князю Алексію Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу онаго монастыря отъ строителя старца Ефрема и казначея старца Ильи и келаря старца Іоны съ братіею и значущихся въ той челобитной Томскаго города дѣтей-боярскихъ и съѣзжей избы подъячихъ, и конныхъ и пѣшихъ, казаковъ, и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей—оного монастыря Богородскую церковь вкладчиковъ,—которою челобитною въ 7165 году прошено о дачѣ на купленную оными монахами въ 7161 г. на церковныя 30 рублевъ деньги на Иштанской протокѣ пашню и сѣнные покосы и рыбныя ловли за сгорѣніемъ въ 7164 г. въ монастырѣ церкви и въ ней монастырскихъ крѣпостей.

И оный монастырь нынѣ на концѣ посада города Томска съ полуденной стороны при рѣчкѣ Ушайкѣ на пригористомъ мѣстѣ, къ которому прилегли съ восточной стороны отъ оной рѣчки Ушайки и съ запада отъ Томи рѣки болота, а съ полуденной роща березовая, съ сѣверной городъ Томскъ.—Построенъ здѣсь строителемъ старцемъ Исаіею съ братіею, о чемъ явствуетъ въ имѣющемся въ ономъ монастырѣ спискѣ съ грамоты, писанной въ 7170 году Янв. 24 дня отъ царя и вел. кн. Алексія Михайловича... въ Сибирь, въ Томскъ, къ воеводамъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопіевичу Поводову.

Въ ономъ монастырѣ, по записямъ, даннымъ отъ гулящихъ въ Сибири людей о бытіи имъ въ монастырскихъ крестьянѣхъ, въ 7175 г. былъ архи-

мандритъ Варлаамъ. А съ коего прежде того года, времени и почему въ оном монастырѣ начальство архимандритское быть учреждено, о томъ знанія въ оном монастырѣ никакого не имѣется. Нынѣ же съ состоянія въ 1764 г. штатовъ учреждено быть начальство игуменское.

О достопамятныхъ въ оном монастырѣ произшествіяхъ—были-ль какія, также и о другихъ къ знанію объ оном монастырѣ потребныхъ обстоятельствахъ—свѣденія никакого не имѣется.

Подписалъ томскій игуменъ Иннокентій.

№ II. *Списокъ съ Государевой грамоты, представленный игум. Иннокентіемъ въ Тобольскую Д. Консисторію въ 1781 году.*

Отъ царя и вел. князя Алексія Михайловича всея вел. и мал. и бѣлыя Россіи самодержца въ Сибири, въ Томску воеводамъ нашимъ Ивану Васильевичу Бутурлину да Прокопію Прокопіевичу Поводову. Билъ челомъ намъ, великому государю, изъ Сибири Томскаго Алексѣевскаго монастыря строитель старецъ Исаія съ братіею, а сказали въ прошлыхъ де годѣхъ поставленъ былъ тотъ Алексѣевскій монастырь близко Томи рѣки, и берегъ де обмыло водою и церковь снесло все безъ остатку, и они де собирали въ мірѣ Христовымъ именемъ (и) построили новую церковь во имя Пресв. Богородицы явленія иконы Казанскія да Алексія человѣка Божія и св. мученниковъ Флора и Лавра, и та де новая церковь сгорѣла со всѣмъ церковнымъ строеніемъ, и они де, занявъ въ мірѣ съ великими росты, начали вновь церковь строить и монастырь заложили за Ушайкою рѣкою. И за скудостію де имъ тое церковь состроить нечимъ, что имъ нашего, великаго государя, жалованья и руги и свѣчь и ладону и вина церковнаго ничего не указано и земель подъ пашни и рыбныхъ ловель не дано. А которые де томскіе служилые люди, пристаряся, желаютъ ангельскаго чину, и ихъ постригать некому, потому что въ томъ Алексѣевскомъ монастырѣ черные попы отъ скудости бредутъ врознь. И намъ бы, великому Государю, пожаловать, велѣти имъ нашего, великаго Государя, жалованья годовую ругу учинить противъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря и чѣмъ имъ новую церковь состроить и монастырь завесть, чтобы церковь безъ пѣнія не стояла, а имъ бы врознь не разбрестись. И по нашему Великаго государя указу томскому Алексѣевскому монастырю учинено наше Великаго Государя жалованія годового, руга: денегъ попу 8 рублевъ, діакону 5 рублевъ, дьячку 4 руб., понамарю да просфирницѣ по 3 рубли, да строителю съ братіею и съ церковными людьми хлѣба 20 четвертей ржи, 20 четвертей овса, 10 пудъ соли, и на внѣшній на расходъ наше великаго

Государя денежное жалованье....*) дано на Москвѣ челобитчику того Алексѣевскаго монастыря старцу Ефрему на церковное строеніе изъ нашей Великаго Государя казны мѣдныхъ денегъ 50 рублевъ. И какъ къ вамъ сія нашего Великаго Государя грамота придетъ, и вы впредь Томскаго Алексѣевскаго монастыря строителю съ братіею и церковнымъ причетникомъ нашего Великаго Государя денежное, хлѣбное и соляное жалованье велѣли бъ давать по вся годы съ томскими ружники и оброчники вмѣстѣ, и то наше Великаго Государя денежное, хлѣбное и соляное жалованье въ Томску въ окладныхъ именныхъ книгахъ справить.—Писана на Москвѣ лѣта 7170 г. Генв. въ 24 день. У подлинныя Государевы грамоты приписъ діяка Григорія Протопопова. А списокъ писалъ Ивашко Борисовъ сынъ Пулинъ.

№ III. *Челобитная Томскаго казачьяго головы Зиновія Литосова.*

Лѣта 7169 Іюля въ 22 день Великому государю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и государю благовѣрному царевичу и вел. кн. Алексѣю Алексѣевичу всея вел. и мал. и бѣлыя Россіи. Бьетъ челомъ, а въ Томску, въ съѣзжей избѣ воеводамъ Ив. Васильев. Бутурлину да Прок. Прокопіевичу Поводову подалъ челобитную казачій голова Зиновій Литосовъ. А въ челобитьѣ его написано: чтобъ великіе государи пожаловали его, Зиновія,—велѣли ему дати дикія порозжія земли подъ дворовую селитьбу и подъ пашню и подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы вверхъ по Томи рѣкѣ на зарѣчной сторонѣ противъ новаго острогу **). И по его челобитью посыланъ сыскивать томской сынъ—боярской Прокопій Позняковъ. И Прокопій подалъ сыскную память. А въ памяти его пишетъ: по смѣтѣ тое дикія и порозжія земли десятинъ будетъ сто, а въ дву по тому жъ, въ межахъ съ нижнюю сторону отъ заимки сына боярскаго Юрія Явловскаго вверхъ по Лебежьей рѣчкѣ и по Чубуру рѣчкѣ вверхъ-же, а съ верхнюю же сторону межа —Киндиребъ рѣчка. А подъ дворовую селитьбу и подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы возлѣ Томь рѣку, смѣжно съ коннымъ козакомъ съ Томилкомъ Максимовымъ съ товарищи. И чтобъ великіе государи пожаловали его, Зиновія, – велѣли ему на ту пашенную заимку дати данную, почему ему, Зиновію, тою пашенною заимкою впредь владѣти. И по указу Вел. Государя Царя и вел. князя Алексѣя Михайловича всея вел. и мал. и бѣл. Росси, сомодержца и государя благовѣрнаго

*) Здѣсь опускаемъ нѣсколько словъ, въ которыхъ, по винѣ списателя грамоты, трудно добраться смысла.

**) Несомнѣнно разумѣется Сосновскій острогъ.

царевича и вел. кн. Алексѣя Алексѣевича всея вел. и мал. и бѣл. Россіи воеводы Ив. Вас. Бутурлинъ да Прок. Прокоп. Поводовъ велѣли ему, Зиновію, тою пашенною заимкою впредь владѣть. А та ему пашенная заимка на сторону не продавать, не закладывать. Къ сей данной вел. Государя царя и вел. князя Алексѣя Михайловича в. в. и м. и б. Р. самодержца и государя благовѣрнаго царевича и в. кн. Алексѣя Алексѣевича в. в. и м. и б. Р. печать царства Сибирскова Томскаго города воевода Ив. Вас. Бутурлинъ приложилъ.

№ IV. *Закладныя Томскихъ подгородныхъ татаръ.*

Се Урузакъ, Кошкинъ сынъ, Томскаго города подгородный подводный татаринъ Евагина городка. Занялъ есми въ Томскомъ городѣ у монастырскаго закладчика у Ѳедота Елферьева сына рубль денегъ, московскихъ ходячихъ, прямыхъ безъ приписи до строку (sic), до Семенова дни Лѣтопроводца въ началѣ 167 году. А въ тѣхъ деньгахъ, въ рублѣ, заложилъ язъ Урузакъ рыбныя свои ловли, что сидимъ на Чардакахъ весной противъ Явагина городка, вмѣстѣ Евагиныхъ юртъ съ татарами. И язъ Урузакъ заложилъ свою долю и свой пай въ рыбной ловлѣ. А та моя доля рыбныя ловли, что въ сей закладной писана, иному никому ни продана, ни заложена, ни въ какихъ письменныхъ крѣпостяхъ не подписана, опричь сей закладной. И буде кто въ ту мою рыбную ловлю, гдѣ сидимъ на Чердакахъ, учнетъ вступаться и выложитъ какую письменную крѣпость или закладную, и мнѣ Урузаку ото всякія крѣпости очищать и окупать своими деньгами, а ему, Ѳедоту убытка не учинить. И буде язъ Урузакъ на срокъ, кой въ сей закладной писанъ, ему, Ѳедоту, рубля денегъ не заплачу, и ему, Ѳедоту, на то мое урочище рыбныя ловли ся кабала—купчая крѣпь. Вольно ему послѣ строку тою моею рыбною ловлею самому владѣть и на сторону продать и заложить, и кто съ сею закладною въ судѣ станетъ, и тотъ по ней истецъ. А на то послухъ площадной подъячій Иванъ Семеновъ, а закладную писалъ площадной Тишка Мещеринъ. Лѣта 167 маія въ 1 день.

На оборотѣ Урузакъ знамя свое приложилъ.

Се Каразак(и?)ъ... въ Томскомъ Евагиныхъ юртъ служилой татаринъ, поступился есми вѣчно за свой долгъ за пять рублевъ безвыкупно сѣнным своимъ покосомъ въ Томскомъ пушкарскому сыну Борису Лаврентьеву сыну Кузнецову. А тотъ мой Каразаковъ сѣнной покосъ внизу на Томи рѣкѣ на зарѣчной сторонѣ въ межахъ—Алексѣевскаго монастыря городьба съ нижнюю сторону, а въ верхнюю сторону межа—покосъ служилого татарина Магадая Кутпанова, а съ третью сторону отъ Томи рѣки проѣзжая дорога, а съ чет-

вертую сторону того покоса тальникъ. А ставится на томъ моемъ покосѣ сѣна по 230 копенъ. А тотъ мой сѣнной покосъ, опричь его Бориса, иному никому не проданъ и на заложенъ и ни въ какихъ письменныхъ крѣпостяхъ не писанъ. А буде кто учнетъ у него, Бориса, въ тотъ сѣнной покосъ вступаться и выложитъ какія письменныя крѣпости и мнѣ, Коразаку, его, Бориса, ото всякихъ письменныхъ крѣпостей въ томъ сѣнномъ покосѣ очищать и убытка никакого ему не учинить. А буде моимъ Каразаковымъ неочищеніемъ въ томъ сѣнномъ покосѣ учинятся какіе убытки и протори и тѣ убытки и протори окупать мнѣ, Каразаку, своими деньгами. А толмачили у сей поступной городовые толмачи Василій Шумиловъ да Алексѣй Носовъ. А на то послухъ Иванъ Семеновъ. А поступную писалъ площадной Ивашко Конищевъ. 185 г. мая 30 дня.

Къ сей поступной по своей вѣрѣ Каразакъ знамя свое приложилъ.

№ V. *Челобитная келаря Мартиніана съ братіею.*

Великому Государю Царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Бьютъ челомъ богомольцы твои Томскаго Алексѣевскаго монастыря келарь іеромонахъ Мартиніанъ съ братіею. Въ прошломъ, Государь, 175 году Горбуновыхъ юртъ подводные татара Кечурь съ товарищи со всею волостію заложили въ Алексѣевскій монастырь въ своемъ урочищѣ на Обь рѣкѣ по выше Чадцкой протоки неводную тоню, и въ прошломъ, Государь, въ 203 году давали мы тое тоню для монастырской скудости изъ кортому стоять неводомъ Томскому конному казаку Еремею Степнову. А въ нынѣшнемъ, Государь, 204 году тѣхъ Горбуновыхъ юртъ подводные татара насъ, богомольцевъ твоихъ, на ту тоню съ неводомъ стоять не пускаютъ.

Государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея вел., мал. и бѣлыя Россіи Самодержецъ. Пожалуй насъ богомольцевъ своихъ,—вели, Государь, о той тонѣ Томскаго города жительми, русскими людьми—старожилы, и ясашными Базанаковыхъ юртъ татарами, окольными сосѣдьми, розыскать и послать розсыльщика. Какъ Великій Государь изволишь? Великій Государь, Царь, смилуйся, пожалуй. 204 году.

№ VI. *Благословенная грамота митрополита Іоанна Максимовича на освященіе храма въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ 1711 г.*

Божіею милостію великій господинъ преосвященный Іоаннъ, митрополитъ Тобольскій и всея Сибири. По благодати дару всесвятого и животворящаго Духа, даннѣй намъ власти отъ самаго Великаго Архіерея Господа

нашего Іисуса Христа. Въ нынѣшнемъ 1711 году августа въ 30 день били челомъ намъ, великому господину, города Томска Алексѣевскаго монастыря іеромонахъ Іосифъ съ братіею. Въ прошлыхъ де годѣхъ за благословеніемъ бывшаго преосвященнаго Филоѳея, митрополита сибирскаго, построена у нихъ въ монастырѣ ихъ (нѣкіихъ?) боголюбцевъ тщаніемъ и благими труды вновь церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, и при той церкви два предѣлы—единъ св. праведнаго Алексія человѣка Божія, другій св. мученикъ Флора и Лавра. А о освященіи той церкви и предѣловъ указовъ не прислано. И въ прошлыхъ де годѣхъ, за его же архіерейскимъ повелѣніемъ, присланы къ нимъ въ монастырь два антиминса и положены въ старой церкви на престолъ св. Алексія человѣка Божія и св. мученикъ Флора и Лавра, а прежніе антиминсы посланы въ Тобольскъ. И чтобъ намъ, великому господину, пожаловати ихъ, іеромонаха Іосифа съ братіею, благословить и велѣть у нихъ въ монастырѣ вышепомянутыми прежде присланными антиминсы два предѣлы посвятить, а на освященіе настоящія церкви Пресвятыя Богородицы прислать антиминсъ и мѵро и благословенную грамоту изъ Тобольска. И мы, великій господинъ, слушавъ челобитье, пожаловали ихъ, іеромонаха Іосифа съ братіею, благословили и велѣли новопостроенную настоящую церковь Пресв. Богородицы Казанскія посвятить посланнымъ отъ насъ освященнымъ антиминсомъ и мѵромъ святымъ города Томска Алексѣевскаго монастыря архимандриту Василиду со священники и діакономъ по уставу и по преданію св. Апостольскія Восточныя церкве. А къ тому освященію антиминсъ и мѵро святое послано изъ Тобольска съ нимъ, архимандритомъ Василидомъ. А два предѣлы... посвятить ему же архимандриту прежними вышеписанными антиминсы—каждый въ свое время. Къ сей благословенной грамотѣ великій господинъ преосвященный Іоаннъ, митрополитъ Тобольскій и всея Сибири велѣлъ печать свою приложить.

БОЛѢЕ КРУПНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Нужно читать.
16	5 снизу	прохожнимъ	прохожимъ
37	5 „	забывать	забываться
50	2 сверху	Антонію II	Антонію I
65	12 сверху	приходскихъ	приходныхъ
66	1 „ въ прим.	руб.	копѣекъ
112	5 и 4 снизу	въ іеромонашескомъ санѣ онъ проходилъ домѣ должность эконома при томъ же архіерейскомъ домѣ.	въ іеромонашескомъ санѣѣ онъ проходилъ должностьь эконома при томъ же архіерейскомъ домѣ.
144	13 сверху	показываетъ вѣдомость	показываютъ вѣдомости

Примѣчаніе. Въ то время, какъ печатался этотъ трудъ, мы узнали, что первый въ г. Томскѣ мужскій Успенскій монастырь находился въ Томской крѣпости на Воскресенской горѣ,—тамъ, гдѣ нынѣ Воскресенская церковь (См. Матеріалы для исторіи Томской епархіи. Том. Еп. Вѣд. 1884 г., № 10).

ВНУТРИМАТОЧНЫЯ ВПРЫСКИВАНІЯ.

Способъ производства ихъ, измѣненія, обусловливаемыя ими въ половой сферѣ, и показанія къ терапевтическому ихъ примѣненію, со включеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній касательно физіологической сущности менструаціи и отношенія этой послѣдней къ овуляціи.

Проф. И. Н. Грамматикати.

Вопросъ о внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ и по настоящее время не можетъ считаться въ достаточной мѣрѣ разработаннымъ, не смотря на то, что примѣненіе этихъ впрыскиваній въ гинекологіи составляетъ одинъ изъ старинныхъ способовъ леченія женскихъ страданій. Оставляя въ сторонѣ не всѣми раздѣляемыя мнѣнія о томъ, что внутриматочныя впрыскиванія были извѣстны древнимъ врачамъ, все-же слѣдуетъ признать, что уже съ конца прошлаго столѣтія впрыскиванія въ матку начинаютъ имѣть мѣсто въ гинекологической терапіи.

По Chrobak'y*) Лисфранкъ и Видаль де Касси**) считаются первыми, примѣнившими внутриматочныя впрыскиванія; съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что съ вопросомъ о внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ въ небеременную матку связано имя Steinberger'a, который въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія впервые вздумалъ лечить хроническій метритъ впрыскиваніями въ матку t-rae jodi ***).

Насколько можно судить по имѣющимся литературнымъ даннымъ, впрыскиванія въ полость матки производились по преимуществу при хроническихъ страданіяхъ внутренняго покрова матки, сопровождающихся или усиленными слизистыми истеченіями или кровотеченіями. Что касается до результатовъ впрыскиваній въ полость матки, то они уже съ самаго начала были крайне неутѣшительны и сопровождались по общему мнѣнію цѣлымъ рядомъ самыхъ нежелательныхъ случайностей.

---

*) Die Untersuchung der weiblichen Genitalien und allgemeine gynäkologische Therapie. Stuttgart 1885 стр 172.

**) Essai sur un traitement methodique de quelques maladies de la matrice par les injections intra-vaginales et intra-uterines. Paris. 1840.

***) Journal f. Geburtsh. von Siebold Bd. VI—1837.

Чаще всего впрыскиванія въ матку обусловливали обмороки, приступы болѣзненныхъ схватокъ въ области матки, нерѣдко дѣло кончалось воспаленіемъ тазовой брюшины, бывали и случаи, оканчивающіеся смерью.

У Chrobak'a собранъ цѣлый рядъ подобныхъ смертныхъ случаевъ, что заставило его высказать положеніе, по которому „внутриматочныя впрыскиванія слѣдуетъ считать небезопаснымъ средствомъ, которое должно примѣняться не иначе, какъ на основаніи добросовѣстно взвѣшенныхъ показаній“ (l. c.). Взглядъ Chrobak'a раздѣлялся многими врачами, и каждый разъ, какъ вопросъ о внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ дѣлался предметомъ обсужденій въ гинекологическихъ обществахъ, со всѣхъ сторонъ подчеркивались опасности и случайности этихъ впрыскиваній. Въ засѣданіи Берлинскаго гинекологическаго общества 11-го апрѣля 1865 года Furst*) демонстрировалъ шприцъ Брауна, и по этому поводу C. Mayer распространился объ опасностяхъ и безполезности внутриматочныхъ впрыскиваній. Ближайшая причина этихъ опасностей, какъ это обнаружилось дальнѣйшими наблюденіями, заключалась прежде всего въ возможности проникновенія впрыскиваемой жидкости въ яйцепроводы и въ возникающемъ при этомъ воспаленіи брюшины. Не смотря на цѣлый рядъ экспериментовъ (Видаль де Касси, Геннигъ, Клеммъ, Рокитанскій и др.)**), показавшихъ, что впрыскиваемая жидкость не такъ легко можетъ попадать въ трубы и антиперистальтическими движеніями этой послѣдней проталкиваться далѣе въ брюшную полость. Тѣмъ не менѣе прямыя изслѣдованія на вскрытіяхъ удостовѣрили эту возможность.

Таковы случаи Hourmann'a***), Bretonneau †), Späth'a †*); сюда-же слѣдуетъ отнести и случаи Haselberg'a †**), Kern'a †***), Barnes'a ††) Hegar-Kaltenbach'a (цит. по Chrobak'y).

Рядомъ съ этимъ обращали на себя вниманіе и такіе случаи, въ которыхъ смертельный исходъ обусловливался проникновеніемъ впрыски-

*) Monatschrift f. Geburtsh. und Frauenkrankh. 1865. Bd. XXVI. Hf. I. стр. 1.

**) Видаль де Касси на основаніи опытовъ на трупахъ устанавливаетъ, что переходъ впрыскиваемой жидкости въ вены матки возможенъ, но что такой же переходъ въ яйцепроводы невѣроятенъ. Въ опытахъ Геннига въ матку вводилась канюля, шейка матки вслѣдъ за этимъ туго завязывалась, и черезъ канюлю при сильномъ давленіи вводилась въ матку чернильная жидкость; въ двухъ случаяхъ такимъ путемъ доказано было проникновеніе жидкости въ вены матки, но ни разу жидкость не попадала въ трубы. (Цит. по Mackenrodt'yl). с. Однако, болѣе новые опыты Olshausen'a въ этомъ направленіи, произведенные, правда, на вырѣзанныхъ маткахъ, показываютъ возможность проникновенія жидкости изъ матки черезъ ostium tubae, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже при умѣренномъ давленіи (Klin. Beitr. zur Gynäkologie und Geburtsh. Stuttgart 1884).

***) Schmidt's Jahrb. Bd. XXX Hf. 41. 1841.

†) Цит. по Mackenrodt'y – Beitrag zur intrauterinen Therapie. См. дал.

†*) Centr. f. Gynäk. 1878. № 25

†**) Monatsch. fur Geb. Bd. XXXIV s. 62.

†***) Wurtenbt medic. Korrespondenzbl. 1870 № 7 цит. по Pozzi. См. д.

††) Obstet. operation. 2 éd. 168.

ваемой жидкости или воздуха въ сосуды матки и широкихъ связокъ (случаи подобнаго рода наблюдались по преимуществу въ послѣродовомъ періодѣ), или воспаленіемъ брюшины, не всегда происходящимъ отъ внесенія заразныхъ началъ и во всякомъ случаѣ не зависящимъ отъ проникновенія жидкости въ яйцепроводы. Послѣдняго рода случай опубликованъ въ недавнее время Hofmeiyer'омъ*). Дѣло шло объ одномъ судебно-медицинскомъ вскрытіи послѣ впрыскиванія 50% раствора хлористаго цинка, причемъ въ яйцепроводахъ не было найдено и слѣдовъ впрыснутой жидкости, тогда какъ смерть произошла отъ перитонита, причину котораго безъ сомнѣнія слѣдуетъ искать въ раздражающемъ вліяніи самой впрыснутой жидкости

На это послѣднее обстоятельство издавна было обращено вниманіе; Kaufmann**), сообщая въ Берлинскомъ гинекологическомъ обществѣ о впрыскиваніяхъ, произведенныхъ Noeggerath'омъ, приводитъ мнѣніе послѣдняго, заключающееся въ томъ, что внутриматочныя впрыскиванія по ихъ опасностямъ для больной должны быть изъяты изъ употребленія, и если уже является необходимость въ нихъ, то слѣдуетъ пользоваться жидкостями, которыя менѣе раздражаютъ матку, а потому наиболѣе безопасны (T-ra jodi) по сравненіе съ другими фармацевтическими средствами.

Наиболѣе употребительныя для впрыскиванія въ матку средства въ свое время были изслѣдованы съ цѣлью выяснить причины, обусловливающія различную степень раздражающаго вліянія на матку, и Nott***) въ этомъ отношеніи установилъ, что различныя фармацевтическія средства въ соприкосновеніи съ жидкостью полости матки даютъ разлкчной величины и различной плотности свертки, и что въ связи съ образованіемъ этихъ сверстковъ въ полости матки слѣдуетъ поставить и тѣ болевыя схватки, которыя сопровождаютъ внутриматочныя впрыскиванія. Въ томъ же направленіи были произведены изслѣдованія Chrobak'омъ (l. c.) который показалъ, что настойка іода и растворы сѣрно-кислаго цинка образуютъ наименьшіе по величинѣ и наиболѣе рыхлые свертки, и что примѣсь глицерина препятствуетъ образованію крупныхъ и твердыхъ сверстковъ даже при употребленіи желѣзной соли.

Безъ сомнѣнія величина и свойства образующихся въ полости матки сверстковъ могутъ объяснить намъ тѣ коликообразныя боли, которыя слѣдуютъ за впрыскиваніемъ, но все это, однако, не достаточно для оцѣнки тѣхъ случаевъ, когда къ этимъ коликамъ присоединяется воспалительное состояніе брюшины; тутъ необходимо допустить, какъ это сдѣлалъ Hof-

*) Zur intrauterinen Therapie. Monatsch. zur Geburtsh. und Gyn. Bd. IV Hf. 4. Berlin. 1896 Oktober.

**) Monatsch f. Geburtskunde und Frauenkrankh. Bd. XV 1 60 s. 96.

***) Americ. Journ of Obstet.

meyer (l. c.), что впрыскиваемая жидкость проявляетъ свое раздражающее дѣйствіе на брюшину сквозь толщу маточныхъ стѣнокъ; послѣднее обстоятельство въ особенности имѣетъ мѣсто при употребленіи сильно прижигающихъ средствъ (50% хлор. цинка).

Съ другой стороны дѣлались опыты съ цѣлью выяснить размѣры вліянія впрыскиваемыхъ жидкостей на брюшину, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія опыты E. Schwarz'a *), показавшіе, что liquor ferri и t-ra jodi не обусловливаютъ септическихъ перитонитовъ, и проникновеніе ихъ изъ полости матки въ ближайшіе участки брюшины не можетъ возбуждать большихъ опасеній и ограничивается частичнымъ адгезивнымъ перитонитомъ, не влекущимъ за собой опасности. (Значеніе этихъ опытовъ, однако, умаляется приведенными выше данными Hennig'a и др., показавшими, что опасность впрыскиваній скорѣе зависитъ отъ проникновенія впрыскиваемой жидкости въ сосуды матки, чѣмъ въ трубы).

Независимо отъ наиболѣе опасныхъ послѣдствій послѣ впрыскиванія въ матку, наблюдался цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ припадковъ, не влекущихъ за собой серьезныхъ послѣдствій, но все же подрывающихъ вѣру въ безопасность впрыскиваній. Сюда относятся главнымъ образомъ схваткообразныя боли въ глубинѣ таза, непосредственно слѣдующія за впрыскиваніями и иногда продолжающіяся нѣсколько часовъ. Routh **) объяснялъ ихъ судорожнымъ сокращеніемъ внутренняго зѣва матки, зависящимъ отъ дѣйствія введенной жидкости и потому совѣтовалъ передъ впрыскиваніемъ расширять каналъ маточной шейки. Schwarz ***), наоборотъ, ставилъвъ связь эти схватки съ присутствіемъ въ полости матки слизи, которую совѣтовалъ предварительно впрыскиванія удалять промываніемъ матки безъ расширенія ея канала. Придавали значеніе концентраціи жидкости, ея температурѣ; указывали на возможность въ отдѣльныхъ случаяхъ особенной чувствительности слизистой оболочки матки; предостерегали отъ впрыскиваній при заболѣваніи придатковъ матки; послѣднее мнѣніе высказано Weber'омъ †), Schwarz'омъ (l. c.), Fischer'омъ †*). Значеніе заболѣваній въ окружности матки, какъ противупоказанія ко всякаго рода внутриматочнымъ пріемамъ, подчеркивается до самаго послѣдняго времени (Hofmeyer l. c.).

Olshausen высказалъ мнѣніе (l. c.), что одни фармацевтическіе препараты (arg. nitricum) обладаютъ свойствами болѣе легко проникать черезъ

*) Centr f. Gyn. 1882 № 6.
**) Obst. transact. 11 стр. 173.
***) Arch. f. Gyn. XX стр. 246.
†) Berlin. Klin. Wochenschr. 1875 № 41.
†*) Dissert. Halle 1879 цит. по Mackenrodt'y.

отверстія трубъ, чѣмъ другіе (Irajodi, liquor ferri), такъ какъ болѣзненные симптомы при первыхъ встрѣчаются нерѣдко, при вторыхъ отсутствуютъ.

Въ общемъ причинъ, обусловливающихъ, по мнѣнію различныхъ лицъ, опасныя послѣдствія вслѣдъ за впрыскиваніями, съ теченіемъ времени набралось достаточное количество, и перечень ихъ, вмѣщающій семь пунктовъ, указанъ въ диссертаціи Fischer'a (l. c.).

Вотъ эти пункты: 1) проникновеніе жидкости изъ полости матки черезъ яйцепроводы въ брюшную полость; 2) опасность въ связи съ существованіемъ воспалительныхъ состояній въ окружности матки; 3) проникновеніе впрыснутой жидкости въ сосуды матки; 4) проникновеніе въ вены матки; 5) опасности въ связи съ внесеніемъ заразы въ моментъ впрыскиванія; 6) химическое вліяніе жидкости; 7) шокъ.

Однимъ словомъ, источниковъ опасностей много, и хотя уже Chrobak l. c.), вмѣстѣ съ Гегаромъ и Кальтенбахомъ, и считалъ не подлежащимъ сомнѣнію тотъ утѣшительный фактъ, что въ литературѣ нѣтъ ни одного наблюденія смертельно окончившагося внутриматочнаго впрыскиванія, въ которомъ были бы соблюдены всѣ необходимыя предосторожности, и хотя не такъ давно внутриматочныя впрыскиванія встрѣтили опять поддержку со стороны врачей, опытность которыхъ не подлежитъ сомнѣніямъ,*) тѣмъ не менѣе среди женскихъ врачей прежде и теперь съ представленіемъ о внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ связывается нѣчто опасное для здоровья и жизни больной. Никогда внутриматочныя впрыскиванія не пользовались симпатіями врачей, временами совершенно исчезали изъ ихъ практики и только въ клиникахъ и больницахъ продолжали занимать скромное мѣсто въ гинекологической терапіи и то періодами, до перваго неудачнаго случая, послѣ котораго впрыскиванія снова изгонялись на нѣкоторое время, уступая мѣсто другимъ лечебнымъ способамъ, вытѣснявшимъ впрыскиванія.

Среди этихъ другихъ способовъ, имѣвшихъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе вопроса о впрыскиваніяхъ, особенное значеніе имѣли 1) выскабливаніе заболѣвшей слизистой оболочки матки (aBrasio mucosae uteri), предложенное въ 1846 году Robert'омъ, однимъ изъ учениковъ Recamier и только съ 70-хъ годовъ начавшее входить въ употребленіе благодаря трудамъ Simon'a, Hegar'a, Kaltenbach'a и особенно Olshausen'a и 2) прижиганіе слизистой оболочки матки (Cauterisatio mucosae uteri, intrauterine Aetzung), производимое не при посредствѣ впрыскиваній въ матку прижигающей жидкости, а достигаемое путемъ соприкосновенія слизистой оболочки съ прижигающимъ физическимъ или химическимъ агентомъ (калильный жаръ

*) Olshausen. Klin. Beitr. zur Gyn. und Geburtsh Stuttgart 1884 г. стр. 28.
Pozzi. Traité de Gynecologie clinique et opératoire. Paris. 1885 г. стр. 206.

по Abeille'ю—Cauterisation au fer rouge*); постоянный токъ по Apostoli; введеніе въ полость матки прижигающихъ палочекъ (flèches au chlorure de zinc, zincum alluminatum in baculis и т. д.), такъ называемыхъ антрофоровъ; прижиганіе посредствомъ Playfair'овскаго зонда и его видоизмѣненій.

Каждый изъ перечисленныхъ способовъ леченія отвлекалъ на нѣкоторое время вниманіе врачей отъ вырыскиваній, но ни одинъ изъ предлагаемыхъ способовъ, въ силу своей особенности и по своимъ конечнымъ результатамъ не могъ окончательно вытѣснить изъ практики вырыскиванія. Выскабливаніе слизистой оболочки матки часто не сопровождается полнымъ успѣхомъ—это извѣстно и теперь каждому женскому врачу, наблюдающему больныхъ послѣ выскабливанія. Конечно, трудно указать цифру успѣха послѣ выскабливанія, такъ какъ больныя большею частью исчезаютъ изъ наблюденія, и дальнѣйшее теченіе болѣзни ихъ (Endometritis) неизвѣстно, но въ общемъ можно сказать, что въ 30%—40% случаевъ результаты послѣ выскабливанія отрицательны.

У Abeille'я (l. c.) собраны цифровыя данныя нѣкоторыхъ французскихъ авторовъ, которыя могутъ служить основаніемъ для такого положенія. Такъ, Bouilly на 69 выскабливаній получилъ только 39 выздоровленій, Terrillon на 63 выскабливанія 36 выздоровленій, Richelot на 70 выскабливаній—53 выздоровленія; въ общемъ на 202 случая 74 отрицательныхъ результата, что составляетъ 36%. Болѣе успѣшные результаты получаются при фунгозныхъ формахъ эндометрита, но и тутъ не всѣ случаи сопровождаются полнымъ успѣхомъ; въ Basel'ской клиникѣ при этихъ условіяхъ было 17% неудачъ **). Чтобы обезпечить болѣе вѣрный успѣхъ выскабливанія, прибѣгали и прибѣгаютъ къ послѣдовательному леченію полости матки посредствомъ прижиганій или вырыскиваній, что само собою разумѣется уже отнимаетъ у выскабливанія значеніе самостоятельнаго лечебнаго способа.

Далѣе, какъ ни проста техника выскабливанія, тѣмъ не менѣе это послѣднее нельзя назвать совершенно безопаснымъ пріемомъ, такъ какъ и послѣ него могутъ наблюдаться смертные случаи. Такъ на 383 выскабливанія въ Лейпцигской клиникѣ (Prof. Zweifel) за время отъ апрѣля 1887 г. и по іюль 1891 года наблюдалось два смертныхъ случая,***) а Heinricius до 1886 года собралъ въ литературѣ 15 смертныхъ случаевъ послѣ выскабливанія (цит. по Döderlein'у).

Независимо отъ этого выяснилось въ дальнѣйшемъ, что выскабливаніе полости матки съ успѣхомъ можетъ быть примѣнено только въ ограни-

*) Metrites, endometrites chroniques e. t. c. Paris 1890.
**) Cent. f. Gyn. № 31. 1895 г.
***) Döderlein, Ueber abrasio mucosae. Berlin 1892 г.
Ferles. über klinische Gynäcologie von Prof. Zweifel. P. 413.

ченномъ числѣ случаевъ пораженія внутренняго покрова матки. По Olshausen'у *) это будутъ 1) случаи послѣ выкидыша 2) случаи, гдѣ выскабливаніе предпринимается съ діагностической цѣлью и 3) случаи, гдѣ является необходимость удалить разросшуюся слизистую оболочку (Schleimhautwucherungen), обусловливающую кровотеченія и обильныя выдѣленія (Endometritis fungosa); въ случаяхъ послѣдняго рода, чтобы предохранить больную отъ возвратовъ болѣзни, Olshausen совѣтуетъ, однако, вслѣдъ за выскабливаніемъ дѣлать рядъ впрыскиваній въ матку (10%—20% хлористаго цинка).

Въ разсужденіяхъ, которыя сопровождали докладъ Olshausen'a въ Берлинскомъ медицинскомъ обществѣ, были высказаны разнообразныя мнѣнія **). Landau стоялъ за ограниченіе выскабливанія, Dührssen за выскабливаніе съ послѣдовательнымъ прижиганіемъ полости, Bröse высказался исключительно за прижиганіе, Veit того-же мнѣнія.

Въ общемъ берлинскіе гинекологи не особенно отстаивали выскабливаніе и бо́льшее значеніе придавали прижиганіямъ полости матки посредствомъ Playfair'овскаго зонда за исключеніемъ Olshausen'a, который остался на сторонѣ внутриматочныхъ впрыскиваній, не смотря на сопровождающія эти инъекціи боли.

Вопросъ сосредоточился такимъ образомъ на внутриматочныхъ прижиганіяхъ (Cauterisation intrauterine, intrauterine Aetzung, Auspinselung oder Auswichung des Uterus), и главнымъ образомъ со времени заявленій Rheinstaedter'a ***) и Bröse †) на прижиганіяхъ хлористымъ цинкомъ (50%). Успѣшные результаты послѣ прижиганій хлористымъцинкомъ сообщили Fränkel †*) изъ Бреславля, Szabo изъ Будапешта †**), Dumontpallier и Polaillon (crayon de chlorule de zinc) †***) Grechen изъ Люксенбурга ††), Eicholz изъ Kreuznach'a ††*) и мн. др.

Не смотря однако на то, что прижиганія полости матки такъ горячо предлагались со всѣхъ сторонъ, и не взирая на то, что и по настоящее время прижиганія эти пользуются распространеніемъ въ практикѣ врачей и имѣютъ своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ, тѣмъ не менѣе многіе врачи

*) Olshausen. Ueber intrauterine Behandlung vorzugsweise mittels der Cürette. Diskussion über diesen Vortrag in der Berliner med Gesellschaft. Centr. f. Gyn. 1895 № 8.

**) Centr. f. Gyn 1895 г. № 8. P. 217.

***) Praktische Grundzüge der Gynäcologie Berlin. 1888 г.; Centr. f. Gyn. 1888 г. № 34.

†) Zur intrauterine Chlorzinkaetzung. Centr. f. Gyn. 1888 г. № 28.

†*) Ueber Chlorzincätzungen bei sog. inoperablem Uteruscarcinom und bei chronischer Endometritis. Centr f. Gyn. 1888 г. № 37.

†**) Behandlung der Endometritis. Centr. f. Gyn. 1890 г. № 7.

†***) Gazette des hopitaux 1887 p. 506. Centr f. Gyn. 1890 № 20—23.

††) Klinische und Therapeutische Mitteilungen zur Lehre von der chronischen Endometritis. Das Chlorzink in der Gynäkologie. 1891 г. Berlin. Gynäk. Studien und Enfahrun. Heuser's Verlag.

††*) Uterus irrigation oder intrauterine Aetzung? 1892 г. Heuser's Verlag. Berlin.

воздерживаются отъ прижиганія полости матки, указывая и на несовершенства этого способа и на тѣ нежелательныя послѣдствія, которыя нерѣдко наблюдаются послѣ всѣхъ вообще видовъ сильнаго прижиганія полости матки и въ частности послѣ употребленія хлористаго цинка. Не говоря уже о трудностяхъ, при употребленіи сильныхъ прижиганій, предохранить ниже лежащія части половыхъ органовъ (шейку матки, влагалище) отъ одновременнаго прижиганія,—слѣдуетъ указать на болѣе сильныя болевыя ощущенія, которыя слѣдуютъ за прижиганіемъ и которыя дѣлаютъ эти прижиганія крайне мучительными для больныхъ; въ этомъ отношеніи введеніе въ полость матки прижигающихъ палочекъ всего болѣе представляется неудобнымъ. При введеніи прижигающей жидкости на зондѣ, обернутомъ ватой, наибольшему прижигающему дѣйствію подвергается цервикальный каналъ и внутренній зѣвъ матки, въ которыхъ остается бо́льшая часть прижигающей жидкости; полость матки при этомъ подвергается наименьшему дѣйствію, да и то не во всѣхъ своихъ участкахъ, такъ какъ введенный зондъ не можетъ коснуться всѣхъ участковъ поверхности матки, часто расширенной патологическимъ секретомъ. Каждый, кто хоть одинъ разъ попробовалъ прижечь полость матки зондомъ, обернутымъ ватой, намоченной въ прижигающей жидкости, долженъ будетъ согласиться съ указанными только что неудобствами.

Независимо отъ этого, вслѣдъ за выдѣленіемъ изъ матки участковъ слизистой оболочки, подвергшихся дѣйствію медикамента (струпъ—Aetzschopf, l'escharе) могутъ наблюдаться послѣдовательныя образованія рубцевой ткани, которая въ свою очередь можетъ вести къ ограниченію (stenosis) или къ уничтоженію (atresia) просвѣта. Dumontpallier у молодыхъ женщинъ на 100 случаевъ прижиганій (палочки изъ 33% хлористаго цинка) упоминаетъ о 4-хъ случаяхъ полной атрезіи цервикальнаго канала; при тѣхъ же условіяхъ Polaillon на 39 случаевъ получилъ 2 атрезіи (цит. по Abeille'ю l. c.) Doléris, Charpentier, Budin *). Pozzi**) въ общемъ высказываются не въ пользу прижиганія; о возможности съуженій, обусловливающихъ дисменоррейныя явленія, упоминаетъ и Rheinstädter, хотя лично онъ не наблюдалъ ихъ у своихъ больныхъ. Однимъ словомъ поставленный Eicholz'омъ (l. c.) вопросъ: Uterus irrigation oder intrauterine Aetzung? не такъ скоро можетъ быть рѣшенъ въ пользу прижиганій. А если принять при этомъ во вниманіе, что наиболѣе опытные гинекологи какъ Olshausen, Pozzi и др. продолжаютъ оставаться сторонниками впрыскиваній, а не прижиганій, то по-

*) Centr. f. Gyn. 1895 г. № 31.
**) Traité de Gyn. l. c.

ставленный выше вопросъ приходится рѣшить какъ разъ наоборотъ тому, какъ рѣшилъ его Eicholz.

Обращаясь къ своему личному по этому поводу опыту, я долженъ сказать, что вотъ уже 4 года, какъ я въ широкихъ размѣрахъ употребляю въ Томской клиникѣ и въ своей частной практикѣ внутриматочныя впрыскиванія и ни разу не наблюдалъ никакихъ случайностей, которыя могли-бы говорить противъ этого способа леченія. Въ продолженіе 1896 года и первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1897 года въ Томской гинекологической клиникѣ, завѣдуемой мною, имѣются свѣдѣнія о 3521 впрыскиваніи въ матку, произведенныхъ 115-ти больнымъ (какъ стаціонарнымъ, такъ и амбулаторнымъ) съ самыми разнообразными формами заболѣваній. Внутриматочныя впрыскиванія производились мною и моими ординаторами докторами Булюкиной, Лебедевымъ, Прейсманомъ и Зисманомъ, а кромѣ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ и студентами послѣдняго курса, подъ наблюденіемъ ординаторовъ. Заболѣванія, при которыхъ примѣнялись впрыскиванія, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) При различныхъ формахъ endometrit'a—впрыскиванія дѣлались	у 24 больныхъ.
2) При salpingo-oophorit'ахъ, какъ односторонніхъ, такъ и двусторонніхъ, а равно въ различныхъ стадіяхъ заболѣванія (въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ) . .	у 71 больн.
3) При perimetritis exudativa.	у 10 больн.
4) При perimetritis chronica.	у 6 больн.
5) При parametritis	у 2 больн.
6) При myoma uteri	у 2 больн.

Кромѣ того изъ этихъ 115 больныхъ, 19 находились въ острому періодѣ заболѣванія, и къ внутриматочнымъ впрыскиваніямъ приступлено въ началѣ болѣзни, при острыхъ припадкахъ болѣзни, сопровождавшихся повышенной температурой тѣла больныхъ. Въ 57 случаяхъ дѣло шло о рожавшихъ. На все число впрыскиваній, а ихъ было значительно болѣе 3521, если считать и впрыскиванія, о которыхъ не имѣется подробныхъ записей, я ни разу не наблюдалъ какихъ либо дурныхъ послѣдствій.

Большинство больныхъ не обнаруживало никакихъ явленій послѣ впрыскиванія, у другихъ незначительные припадки появлялись только послѣ первыхъ впрыскиваній, нѣкоторыя больныя жаловались въ теченіе первыхъ часовъ на незначительныя боли въ глубинѣ таза и въ паховыхъ областяхъ, и только въ 3-хъ случаяхъ наблюдались болѣе бурныя явленія, состоящія въ острыхъ боляхъ внизу живота, сопровождавшихся тошнотой, учащеннымъ

пульсомъ, блѣдностью лица. Уже черезъ 1/2 часа при обычныхъ мѣрахъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, явленія ослабѣвали, и въ дальнѣйшемъ не оставляли за собой никакихъ послѣдствій. Независимо отъ этого необходимо замѣтить, что во всѣхъ только что упомянутыхъ случаяхъ не были соблюдены всѣ правила, которыми я обычно руководствуюсь; внутренній зѣвъ матки не былъ достаточно проходимъ, жидкость не была достаточно тепла, впрыскиваніе произведено недостаточно привычной рукой и т. д.

Если принять во вниманіе, что впрыскиванія дѣлались не только при хроническихъ страданіяхъ въ окружности матки, но и при острыхъ пораженіяхъ придатковъ матки и тазовой брюшины, то мнѣ кажется едва ли можно продолжать настаивать на взглядѣ, что внутриматочныя впрыскиванія составляютъ небезопасный методъ леченія въ гинекологіи. Онъ совершенно безопасенъ, и лучшимъ доказательствомъ служатъ тѣ тысячи впрыскиваній, которыя сдѣланы въ послѣдніе 4 года въ Томской клиникѣ.

Чѣмъ же объяснить приведенныя выше опасности впрыскиваній, и на сколько ихъ можно считать присущими указанному способу леченія.

Безъ сомнѣнія все зависитъ отъ соблюденія опредѣленныхъ правилъ при производствѣ впрыскиваній въ матку, и отступленіе отъ этихъ правилъ, конечно, можетъ вести къ нежелательнымъ осложненіямъ. Это общее положеніе, имѣющее силу при какомъ угодно лечебномъ пріемѣ.

Скарификаціи влагалищной части при несоблюденіи правилъ обеззараживанія могутъ обусловливать различнаго рода септическіе процессы въ окружности матки, и иногда эти случайности принимаютъ довольно серьезный характеръ: при извѣстныхъ случаяхъ тѣ же скарификаціи могутъ сопровождаться обильной потерей крови, и однако никто не станетъ утверждать, что эти случайности составляютъ характерную особенность скарификаціи; каждый объяснитъ эти случайности несоблюденіемъ должныхъ предосторожностей, допущеніемъ неправильностей въ производствѣ, отсутствіемъ должнаго навыка и т. д.

То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ внутриматочнымъ впрыскиваніямъ. При соблюденіи должныхъ предосторожностей или лучше сказать при соблюденіи опредѣленныхъ правилъ, а также при знакомствѣ съ общими основаніями способовъ гинекологическаго изслѣдованія—*внутриматочныя впрыскиванія составляютъ безопасный способъ терапіи.*

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ подробностямъ производства внутриматочныхъ впрыскиваній, слѣдуетъ прежде всего подчеркнуть 1) важность соблюденія тщательной чистоты (асептики), такъ какъ заразныя начала занесенныя въ матку изъ нижележащихъ частей (влагалище, наружныя половыя части, anus) могутъ прежде всего сдѣлать внутриматочное впрыски-

ваніе исходной точкой серьезнаго осложненія. При этомъ слѣдуетъ вполнѣ согласиться съ Cottschalk'омъ*) въ томъ отношеніи, что источники заразы заносятся большею частью въ матку со стороны прямой кишки и наружныхъ половыхъ частей, въ особенности со стороны волосистой части этихъ частей. Въ виду этого прежде чѣмъ что бы то ни было предпринимать въ области внутреннихъ половыхъ органовъ и въ частности прежде чѣмъ входить въ матку какимъ бы то ни было инструментомъ, необходимо произвести тщательную очистку указаннѣхъ выше частей; а такъ какъ чистка эта можетъ быть достигнута при условіи основательнаго мытья на операціонномъ столѣ или поперечной кровати, то отсюда вытекаетъ прежде всего то положеніе, въ силу котораго каждое внутриматочное впрыскиваніе должно производиться при положеніи больной на операціонномъ столѣ или поперечной кровати и послѣ тщательнаго мытья наружныхъ частей и влагалища (мыломъ и растворомъ сулемы 1: 3000), и послѣ обнаженія глубже лежащихъ частей желобоватыми зеркалами. Впрыскивать при обычныхъ условіяхъ амбулаторнаго пріема на кушеткѣ и черезъ створчатое зеркало, а тѣмъ болѣе, какъ это дѣлалось прежде, безъ зеркала по пальцу, введенному во влагалище—по моему мнѣнію непозволительно и противорѣчитъ самымъ простѣйшимъ требованіямъ современной гинекологической діагностики и терапіи.

2) Каждое впрыскиваніе въ матку должно по возможности ограничиваться небольшимъ промежуткомъ времени, такъ какъ продолжительное пребываніе инструмента въ маточномъ каналѣ и въ маточной полости не только обусловливаетъ возможность бо́льшей травмы, но независимо отъ этого можетъ въ бо́льшей степени возбуждать болѣзненныя сокращенія матки, обусловленныя раздражающимъ вліяніемъ введеннаго инструмента. Въ виду этого къ впрыскиванію слѣдуетъ приступать только послѣ того, какъ извѣстно точно направленіе маточнаго канала, и послѣ того, какъ каналъ этотъ приведенъ въ состояніе, при которомъ впрыскивающій инструментъ свободно проходитъ въ полость матки. Слѣдовательно, передъ впрыскиваніемъ зондированіемъ необходимо установить направленіе канала матки, и если каналъ матки и внутренній зѣвъ не настолько широки, чтобы верхушка спринцовки могла свободно пройти въ полость матки, то слѣдуетъ вслѣдъ за зондомъ провести нѣсколько №№ Гегаровскихъ расширителей (№№ 3—5).

Какъ показываютъ наблюденія въ Томской клиникѣ къ подобному предварительному расширенію матки приходится прибѣгать почти въ $^1/_5$ всѣхъ случаевъ; изъ упомянутыхъ выше 115 больныхъ расширеніе потребовалось у 25 больныхъ.

*) Einigeallgemeine Bemerkungen zur intra-uterinen Diagnostik und Therapie. Berlin. Klinik 1895. 79.

Далѣе, что-бы но говорили объ опасностяхъ и необходимости ограниченія зондированія матки*), все же мнѣ кажется въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь, обойтись безъ зонда нельзя, а при умѣломъ и осторожномъ пользованіи имъ, онъ останется полезнымъ и безопаснымъ инструментомъ. Предварительное расширеніе цервикальнаго канала и внутренняго зѣва матки полезно еще и въ томъ отношеніи, что вслѣдъ за впрыскиваніемъ изъ полости матки болѣе легко вытекаетъ и впрыснутая жидкость и легче изгоняется въ послѣдующіе часы содержимое матки, состоящее иногда изъ небольшихъ свертковъ слизи, образовавшихся подъ вліяніемъ впрыснутой жидкости. Съ цѣлью облегчить это изгнаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится провести зондъ и послѣ впрыскиванія.

3) Количество впрыскиваемой жидкости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно сообразоваться съ объемомъ полости матки (о чемъ отчасти можно судить на основаніи данныхъ предварительнаго зондированія), должно сообразоваться съ легкостью, съ которою впрыскиваемая жидкость вытекаетъ обратно изъ отверстія матки, съ степенью чувствительности, которую обнаруживаютъ больныя въ это время. Чѣмъ растянутѣе полость матки, тѣмъ бо́льшее количество жидкости можетъ быть впрыснуто, чѣмъ труднѣе жидкость вытекаетъ обратно, тѣмъ меньшимъ количествомъ введеной жидкости надо ограничиться; при появленіи чувствительности въ области матки въ моментъ впрыскиванія, необходимо тотчасъ вывести инструментъ обратно, ограничиваясь самымъ minimal'нымъ количествомъ жидкости. Въ общемъ количество введенной въ матку жидкости колеблется отъ 1 grm.—2 grm. У многорожавшихъ чаще приходится впрыскивать 2 grm., у нерожавшихъ 1 grm.; такимъ же количествомъ приходится ограничиваться при первыхъ впрыскиваніяхъ и у очень чувствительныхъ особъ. При нѣкоторыхъ болѣзненныхъ процессахъ въ области матки и ея окружности можно смѣло впрыскивать и maximal'ныя количества. (См. далѣе).

4) Свойства впрыскиваемой жидкости, ея химическій составъ и концентрація раствора, безъ сомнѣнія, играютъ большую роль, и по отношенію къ нѣкоторымъ фармацевтическимъ средствамъ имѣются и клиническія данныя. Кромѣ растворовъ хлористаго цинка (Hofmeyer l. c.), растворовъ argenti nitrici (Olshausen l. c.), средства, дающія въ полости матки объемистые и плотные свертки (см. выше) должны быть изъяты изъ употребленія. Само собою разумѣется, выборъ средства зависитъ еще и отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣются въ виду достигнуть впрыскиваніемъ въ матку. Растворы ol. martis несомнѣнно обладаютъ болѣе быстрымъ кровоостанавливающимъ дѣйствіемъ,

*) Olshausen, Centr. f. Gyn. 1895 № 8; Gottschalk—l. c.

чѣмъ t—ra jodi; съ другой стороны, могутъ появиться новые фармацевтическія средства, которымъ будетъ отдано предпочтеніе. По этому ограничить область впрыскиванія опредѣленными медикаментами не представляется возможнымъ. Можно только на основаніи клиническаго опыта сказать, что наиболѣе удобной для впрыскиванія въ полость матки является предложенная издавна t—ra jodi, рекомендованные въ новѣйшее время водные и спиртовые растворы alumnol'я *) предложенная мною смѣсь 5% спиртоваго alumnol'я съ іодной настойкой, разбавленной наполовину 95% спиртомъ **), пожалуй, слабые растворы ol. martis. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, всѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены внутриматочному впрыскиванію въ смыслѣ его терапевтическаго дѣйствія, удовлетворяетъ t—ra jodi, въ особенности въ смѣси съ alumnol'емъ, на которой и можно было бы остановиться въ настоящее время. Рекомендованная мною смѣсь прекрасно переносится больными, не сопровождается никакими случайностями и обезпечиваетъ тотъ терапевтическій эфектъ, который составляетъ, по моему мнѣнію, основу въ лечебномъ дѣйствіи впрыскиваній въ матку. (См. далѣе—о временномъ прекращеніи мѣсячныхъ подъ вліяніемъ впрыскиваній—„временный климактерій").

5) Въ виду того, что внутриматочныя впрыскиванія для того, чтобы обнаружить свой полный терапевтическій эфектъ должны производиться повторно ежедневно и въ продолженіи довольно длиннаго промежутка времени (см. далѣе), то крайне важно, чтобы обычно наблюдаемыя при впрыскиваніи болевыя ощущенія (хотя и скоропроходящія и не влекущія за собой опасности, были ослаблены и если возможно уничтожены какими либо мѣрами, одновременно предпринимаемыми съ впрыскиваніемъ. Конечно, трудно съ увѣренностью сказать, отчего эти боли зависятъ; повидимому, менѣе всего при этомъ можно думать о попаданіи жидкости въ яйцепроводы, такъ какъ и сила, и характеръ болей крайне разнообразны, да и боли эти обычно скоро проходятъ; гораздо скорѣе можно думать, что въ обычныхъ случаяхъ (оставляя въ сторонѣ случаи, гдѣ впрыскиванія произведены безъ соблюденія предосторожностей, и гдѣ дѣло дѣйствительно можетъ заключаться въ попаданіи жидкости въ яйцепроводы) дѣло идетъ о болѣзненныхъ сокращеніяхъ матки и о возбужденныхъ впрыскиваніемъ перистальтическихъ движеніяхъ трубы, такъ какъ назначеніе противу судорожныхъ средствъ, главнымъ образомъ морфія въ суппозиторіяхъ (0,01) или подкожно, очень скоро устраняетъ эти боли. Въ виду сказаннаго, слѣдуетъ непосредственно за впрыскиваніемъ вводить, какъ это принято мною, морфійныя суппозиторіи in recto, въ особенности

*) Gottschalk. Centr. f. Gyn. 1893. № 8 стр. 167.
**) Врачъ. 1796. № 30.

послѣ первыхъ впрыскиваній, такъ какъ опытъ показываетъ, что въ дальнѣйшемъ боли послѣ впрыскиваній отсутствуютъ даже у тѣхъ особъ, у которыхъ вначалѣ онѣ имѣлись въ довольно замѣтной степени. Въ послѣднее время я началъ вводить суппозиторіи за 1/4 часа до впрыскиванія и думаю, что такая мѣра должна содѣйствовать устраненію спазмотическихъ сокращеній, возбуждаемыхъ впрыскиваніемъ.

6) Несомнѣнно, кромѣ введенія въ полость матки инструмента и сверхъ раздражающаго вліянія самой впрыскиваемой жидкости, въ смыслѣ возбужденія болей играетъ роль и та сила, съ которою вводится въ полость матки жидкость, или, другими словами, сила струи, съ какою жидкость ударяетъ въ стѣнки полости матки. По крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ жидкость вводится подъ большимъ давленіемъ, боли послѣдовательно возбуждаются въ большей степени. Отсюда правило, о которомъ всѣ упоминаютъ: необходимо впрыскивать медленно и при слабомъ надавливаніи поршня шприцовки.

7) Вслѣдъ за впрыскиваніемъ необходимо обезпечить покой органамъ таза. Это—общее правило при всѣхъ вообще дѣйствіяхъ, влекущихъ за собой возбужденіе нервно-мышечнаго аппарата. Поэтому больныя послѣ впрыскиванія должны нѣкоторое время оставаться въ покойномъ положеніи, лежа на кушеткѣ или кровати. Еще лучше, если органамъ таза будетъ данъ покой и въ слѣдующіе часы, когда больныя, чувствуя себя совершенно удовлетворительно, начнутъ двигаться. Съ этою цѣлью я, обыкновенно, сдѣлавши впрыскиваніе, ввожу въ верхніе своды влагалища и въ верхнюю половину его марлевый тампонъ, который ограничиваетъ подвижность тазовыхъ внутренностей при движеніяхъ больной.

8) Немаловажное значеніе имѣетъ, конечно, инструментъ, которымъ производится впрыскиваніе. Онъ долженъ быть проченъ, удобенъ для чистки, долженъ противустоять дѣйствію вводимыхъ посредствомъ его жидкостей, долженъ обладать такимъ поршнемъ, который обезпечивалъ бы равномѣрное вытеканіе изъ него жидкости. Къ сожалѣнію инструмента, удовлетворяющаго всѣмъ этимъ требованіямъ, не имѣется въ настоящее время, такъ какъ употребляемый для впрыскиванія шприцъ Брауна, очень удобный по формѣ, имѣетъ однако очень много несовершенствъ. Кожанный поршень его, подъ вліяніемъ іода, очень быстро портится и начинаетъ очень плохо работать; каучуковыя части вблизи стекляннаго цилиндра, послѣ ряда впрыскиваній, начинаютъ пропускать воздухъ; наконецъ, наконечникъ шприца приспособленъ только для широкаго цервикальнаго канала, однимъ словомъ, неудобствъ очень много. Тѣмъ не менѣе, болѣе удобнаго инструмента въ настоящее время не существуетъ и приходится довольствоваться Брауновскимъ шприцемъ.

Послѣднее время я употребляю шприцъ, устроенный по типу Брауновскаго, но съ бо́льшимъ стекляннымъ цилиндромъ, вмѣщающимъ 2 grm. жидкости, съ асбестовымъ поршнемъ, который подъ вліяніемъ іода не такъ быстро портится и съ 3-мя наконечниками различной толщины, чтобы имѣть возможность легко проходить въ матку и при менѣе широкомъ цервикальномъ каналѣ и внутреннемъ зѣвѣ *).

Придерживаясь указанныхъ только что правилъ, я имѣю возможность въ широкихъ размѣрахъ производить впрыскиванія даже амбулаторно, и послѣднее время совершенно не наблюдалъ какихъ-либо нежелательныхъ случайностей. Большинство больныхъ охотно подвергаются этому способу леченія, и мнѣ все рѣже и рѣже приходится слышать отъ нихъ жалобы на болевыя ощущенія послѣ впрыскиванія.

Съ другой стороны я не могу привести случаевъ, въ которыхъ я не могъ бы примѣнить внутриматочной терапіи, за исключеніемъ тѣхъ особъ, у которыхъ въ силу общей повышенной раздражительности нервной системы невозможно примѣнить вообще какой бы то ни было лечебный пріемъ. Существуютъ больныя, которымъ большого труда стоитъ ввести обычное маточное зеркало, настолько это выводитъ изъ равновѣсія ихъ нервную систему. По необходимости приходится выждать и подготовить больныхъ къ лѣчебнымъ пріемамъ, дѣйствуя на ихъ психику и назначая соотвѣтственныя nervina.

Въ общемъ противупоказаній къ лѣченію впрыскиваніями я не вижу.

Прежде чѣмъ перейти къ указанію тѣхъ болѣзненныхъ формъ, при которыхъ показано примѣненіе внутриматочныхъ впрыскиваній, необходимо коснуться вопроса о томъ, какимъ путемъ дѣйствуетъ это впрыскиваніе и какія измѣненія производитъ оно въ половыхъ органахъ женщины. Это наиболѣе трудная часть въ вопросѣ о внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ, такъ какъ способы введенія лѣкарственныхъ веществъ черезъ половые органы вообще и черезъ полость матки особенно совершенно не разработаны съ научной стороны, и этимъ путемъ лѣкарственныя средства вводились обычно съ исключительною цѣлью мѣстнаго воздѣйствія на слизистую оболочку и на ближайшія, смежныя съ нею, ткани. Въ полость матки впрыскивались жидкости съ исключительною цѣлью воздѣйствовать на измѣненную слизистую оболочку, во влагалищѣ иной разъ сверхъ сего имѣлось въ виду повліять на сосѣднюю съ нимъ и измѣненную клѣтчатку или на измѣненные участки перитонеальнаго покрова, близкаго къ стѣнкамъ свода вагины; при этомъ по отношенію къ нѣкоторымъ лекарственнымъ веществамъ наблюдали переходъ ихъ за предѣ-

*) Шприцъ изготовленъ въ мастерской Шаплыгина—Петербургъ, у Каменнаго моста.

лы половой сферы и вліяніе на отдаленныя части организма (іодистый калій, сулема, карболовая кислота и т. д.), но фактамъ этимъ придавали значеніе въ одномъ только направленіи, и главнымъ образомъ съ ними связывали указанія къ прекращенію пользованія медикаментомъ. Менѣе всего думали пользоваться этимъ переходомъ средства въ организмъ съ цѣлью терапевтическаго его дѣйствія. Пути этого перехода указаны чисто теоретически, а о вліяніи введенныхъ этимъ путемъ лѣкарственныхъ агентовъ на половую сферу и ея отправленія совершенно ничего неизвѣстно.

Приходится поэтому основывать свои заключенія на клиническихъ данныхъ, на случайныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ характеръ случайнаго клиническаго эксперимента и на аналогіяхъ, почерпаемыхъ изъ наблюденія за теченіемъ различныхъ болѣзненныхъ процессовъ въ области половыхъ органовъ.

Нѣкоторые факты этого рода собраны въ очень интересной работѣ Mackenrodt'a *), которая въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно особнякомъ въ гинекологической литературѣ, и на которую было обращено меньше вниманія, чѣмъ она того заслуживаетъ. Часто наблюдаемыя при внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ іодной настойки явленія такъ называемаго jodismus'a (acne jodatum, erythema jodat, въ особенности на лицѣ) безъ сомнѣнія свидѣтельствуютъ о проникновеніи медикамента внутрь организма, о всасываніи іода и поступленіи его въ массу соковъ; слѣдовательно, помимо мѣстнаго своего дѣйствія на ткани, лѣкарство изъ полости матки можетъ проникать внутрь организма и обнаруживать общее дѣйствіе. Съ другой стороны данныя Nelaton'a **), который при вскрытіи больной, умершей послѣ впрыскиванія, нашелъ между прочимъ впрыснутую жидкость въ венахъ широкой связки, а также выше указанные опыты Hennig'a, показавшіе, что впрыснутая въ матку жидкость можетъ попадать и въ вены матки—указываютъ отчасти и тотъ путь, которымъ медикаментъ изъ полости матки можетъ всасываться.

Рядомъ съ этимъ существуетъ цѣлый рядъ клиническихъ данныхъ, показывающихъ, какъ легко болѣзнетворныя начала переходятъ со стороны слизистой оболочки матки въ окружающія части и какъ легко они достигаютъ при этомъ до крайнихъ пунктовъ половой сферы, въ частности до яичника. Стоитъ указать при этомъ, какъ это сдѣлалъ Mackenrodt на легкость, съ которою при пуэрперальныхъ эндометритахъ заболѣваетъ и гнойно инфильтрируется яичникъ, стоитъ только, добавлю я съ своей стороны, присутствовать на нѣсколькихъ вскрытіяхъ умершихъ отъ пуэрперальныхъ

*) Beitrag zur intrauterinen Therapie. Sammlung Klinischer Vorträge № 45. Leipzig 1892 г.

**) Cohnstein. Metritis chronica s. 77.

страданій и видѣть инъекцію окружающихъ матку и пронизывающихъ широкую связку лимфатическихъ сосудовъ гнойными массами—и тогда не останется сомнѣній въ томъ, что покрывающая слизистую оболочку матки болѣзнетворная жидкость прокладываетъ себѣ дальнѣйшій путь по кровеноснымъ и лимфатическимъ сосудамъ. Конечно, сказанное только что не представляетъ ничего новаго, и относящіеся сюда факты извѣстны издавна, но я обращаю на нихъ вниманіе для того, чтобы повторить положеніе, высказанное Mackenrodt'омъ: внесенныя въ полость матки лекарственныя вещества могутъ достигать яичника тѣмъ же путемъ, какимъ доходятъ до него изъ полости матки болѣзнетворные элементы, и что въ этомъ случаѣ яичникъ подвергается прямому воздѣйствію введеннаго въ матку лѣкарственнаго средства *). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что внутриматочныя впрыскиванія помимо своего чисто мѣстнаго вліянія на слизистую оболочку матки могутъ, всасываясь со стороны полости матки, распространять свое дѣйствіе на окружающія и наиболѣе удаленныя отъ матки части половаго аппарата, а въ нѣкорыхъ случаяхъ могутъ обнаруживать и общее дѣйствіе на организмъ; по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ (іодъ, сулема, карболовая кислота и др.) это не подлежитъ сомнѣніямъ. Никто, конечно, не станетъ вводить этимъ путемъ лѣкарственныя вещества, имѣя въ виду общее дѣйствіе на организмъ, такъ какъ для этого имѣются другіе, болѣе изученные и болѣе совершенные пути; но воспользоваться полостью матки съ цѣлью лечебнаго дѣйствія на окружающія части половаго аппарата—это прямо въ интересахъ гинекологической фармако-терапіи, въ общемъ не изобилующей спеціальными путями для введенія лѣкарственныхъ веществъ. Во всякомъ случаѣ открывающаяся при этомъ область для научной разработки должна представляться крайне интересной, и можно заранѣе утверждать, что разработка эта можетъ дать новые и существенные факты для консервативной терапіи въ гинекологіи.

Одинъ изъ такихъ фактовъ не замедлилъ обнаружиться, какъ только я сосредоточилъ свое вниманіе на внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ. Фактъ этотъ совершенно новый, никогда и нигдѣ не указанный въ литературѣ, принадлежитъ по праву Томской гинекологической клиникѣ, гдѣ я впервые установилъ его на цѣломъ рядѣ клиническихъ наблюденій. Фактъ этотъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *подъ вліяніемъ ежедневно производимыхъ внутриматочныхъ впрыскиваній, рядомъ съ мѣстными измѣненіями слизистой оболочки матки, зависящими отъ непосред-*

*) Die in die Uterushöhle gebrachten Arzneimittel auf denselben oder ähnlichen Wegen zum Ovarium selbst gelangen, wie früher die schädigenden Elemente, das Ovarium unterliegt in diesem Falle dem direckten Einflusse des Mittels.

ственнаго воздѣйствія на эту оболочку впрыскиваемой жидкости, измѣняются существеннымъ образомъ и физіологическія отправленія половой сферы, результатомъ чего является прекращеніе менструальной функціи на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, зависящій отъ числа и продолжительности впрыскиваній.

Такое вліяніе внутриматочныхъ впрыскиваній я установилъ по отношенію къ 5% раствору alumnol'я въ t-ra jodi, наполовину разбавленной 95% спиртомъ,*) а въ послѣднее время съ января 1897 года и по отношенію къ разбавленной t-ra jodi безъ примѣси alumnol'я. Безъ сомнѣнія такое же вліяніе обнаружится и при употребленіи другихъ лѣкарственныхъ веществъ, производящихъ аналогичныя измѣненія на слизистой оболочкѣ матки, и будущее, конечно, покажетъ, на сколько въ этомъ отношеніи іодъ обладаетъ спеціальными свойствами.

Для того, чтобы наступило прекращеніе менструальной функціи, необходимо дѣлать впрыскиванія ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Чаще всего послѣ 15—20 впрыскиваній ближайшая менструація не является; въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется бо́льшее количество впрыскиваній. Обычно я дохожу до 40 впрыскиваній, и этого достаточно, чтобы задержать регулы на 2—3 мѣсяца.

Существенное значеніе при этомъ имѣетъ непрерывность впрыскиваній, и разъ впрыскиванія начаты, ихъ необходимо производить ежедневно, не останавливаясь передъ тѣми слегка окрашенными выдѣленіями изъ матки, которыя иногда сопровождаютъ первыя впрыскиванія. Къ сожалѣнію амбулаторныя больныя иногда пропускаютъ день—другой, и это уже оказываетъ вліяніе, увеличивая число необходимыхъ впрыскиваній для прекращенія менструаціи. Съ другой стороны имѣетъ значеніе правильность производства впрыскиванія, при которомъ впрыскиваемая жидкость пришла бы въ соприкосновеніе со всей поверхностью слизистой оболочки матки.

При осторожности, естественной у каждаго, кто начинаетъ производить впрыскиванія, не всегда вводится въ матку достаточное количество жидкости, и нѣкоторые участки слизистой оболочки остаются внѣ дѣйствія жидкости.

Въ этомъ я убѣждался въ тѣхъ случаяхъ, когда больнымъ, которымъ дѣлались въ амбулаторіи впрыскиванія, приходилось, по ихъ же настоянію, прекращать впрыскиванія и, въ виду необходимости отъѣзда изъ города или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, производить выскабливаніе. При этомъ оказывалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выскобленные кусочки

*) Alumnoli 2,5
T-rae jodi
Spirit. vini rectificatiss. ana. 25,0 MSD.

слизистой оболочки матки не во всѣхъ мѣстахъ были окрашены іодомъ, мѣстами они были совершенно не тронуты жидкостью. Само собой разумѣется, при дальнѣйшемъ производствѣ впрыскиваній, когда больная начинаетъ все меньше и меньше реагировать, и когда впрыскиванія въ силу этого дѣлаются смѣлѣе, указанный выше недостатокъ впрыскиваній устраняется, но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе этого увеличивается количество ихъ, необходимое для прекращенія менструаціи. Послѣдніе 2 года я обычно послѣ 15—20 впрыскиваній (если регулы не появлялись въ теченіе этого времени) былъ обезпеченъ со стороны прекращенія менструаціи и въ дальнѣйшемъ, доходя до 40 впрыскиваній, съ увѣренностью могъ утверждать, что регулъ не будетъ еще одинъ, два раза. При этомъ имѣетъ еще значеніе время, когда начаты впрыскиванія—незадолго до наступленія менструаціи или вскорѣ послѣ нея; въ первомъ случаѣ регулы еще могутъ наступить въ періодъ первыхъ впрыскиваній, во второмъ случаѣ они обычно не появляются.

Тогда какъ у больныхъ, которымъ я лично впрыскивалъ, регулы постоянно прекращались, у 31 больныхъ, которымъ впрыскиванія дѣлались моими ординаторами въ количествѣ 40, регулы прекратились у 25-ти, что составляетъ только 80,6%. У 6-ти больныхъ регулы не прекращались, что можетъ быть объяснено перерывами въ производствѣ впрыскиваній.

Такъ или иначе, но не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ повторныхъ впрыскиваній (15—20 и до 40) регулы прекращаются и съ прекращеніемъ леченія являются, пропустивъ еще одинъ или два срока.

Въ продолженіе всего времени, пока регулы отсутствуютъ (а время это можетъ быть болѣе 3—4 мѣсяцевъ—стоитъ только продолжать впрыскиванія выше 40) больныя чувствуютъ себя въ общемъ удовлетворительно, и я не замѣчалъ, чтобы ко времени ожидаемой и не появляющейся менструаціи, появлялись какія либо molimina menstrualia, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать заключенія о продолжающейся функціи придаточныхъ частей матки (яичниковъ, яйцепроводовъ). Только послѣ прекращенія впрыскиваній и спустя нѣсколько недѣль (отъ 4—8 недѣль), передъ появленіемъ первой менструаціи послѣ ея перерыва, у больныхъ впервые замѣчались molimina menstrualia, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рѣзко выраженной формѣ. При этомъ чаще всего наблюдались различной интенсивности боли въ паховыхъ областяхъ, въ глубинѣ таза, а изъ отраженныхъ явленій боли въ подложечной области, тошнота, рѣже рвота. Съ появленіемъ регулъ, причемъ появленію крови предшествуетъ обычно періодъ усиленныхъ слизистыхъ выдѣленій, всѣ припадки исчезали и при дальнѣйшемъ возвращеніи регулъ болѣе не появлялись.

Отсутсвіе molimina menstrualia въ періодъ, когда подъ вліяніемъ внутриматочныхъ впрыскиваній регулы прекращаются, я объясняю одновременнымъ пре-

кращеніемъ овуляторной дѣятельности яичниковъ; равнымъ образомъ съ началомъ этой послѣдней ставлю и тѣ припадки, которые появляются передъ наступленіемъ первыхъ регулъ. Для того, чтобы съ желательною точностью установить фактъ прекращенія овуляціи подъ вліяніемъ систематическихъ и повторныхъ внутриматочныхъ впрыскиваній, было бы крайне важно видѣть и подвергнуть анатомо-гистологическому изслѣдованію яичникъ въ какомъ либо относящемся сюда случаѣ. Для этого приходится, однако, ждать подходящаго случая, въ которомъ вслѣдъ за впрыскиваніями, являлись бы показанія къ удаленію придатковъ матки. И хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ salpingo—oophorit'овъ по окончаніи леченія впрыскиваніями, въ области придатковъ остаются довольно значительныя опухолевидныя массы, къ удаленію которыхъ имѣлись бы показанія, но больныя обычно послѣ впрыскиваній чувствуютъ себя настолько удовлетворительно, что менѣе всего соглашаются на операцію и даютъ это согласіе много позже, когда подъ вліяніемъ возвратившейся менструаціи, снова начинаютъ чувствовать припадки со стороны половой сферы. Полученные при такихъ условіяхъ яичники, конечно, не могутъ уже служить для рѣшенія вышепоставленнаго вопроса объ овуляціи во время внутриматочныхъ впрыскиваній. Пока представится подходящій случай для анатомическаго изслѣдованія, приходится основывать свои заключенія на оцѣнкѣ клиническихъ данныхъ и на чисто теоретическихъ соображеніяхъ.

Исходной точкой этихъ заключеній служитъ установленный мною въ другомъ мѣстѣ *) фактъ у животныхъ и провѣренный у женщинъ **) о томъ, что при исключеніи изъ состава половыхъ органовъ матки (удаленіе матки) яичники продолжаютъ свою овуляторную дѣятельность, и что съ другой стороны, послѣ удаленія матки и устраненія такимъ образомъ менструаціи, въ теченіе нѣкотораго времени у женщинъ наблюдаются часто довольно бурныя molimina menstrualia, нерѣдко съ викарными кровотеченіями изъ прямой кишки, легкихъ и т. д. Слѣдовательно, тяжелыя molimina menstrualia совпадаютъ съ наличностью овуляторной дѣятельности яичниковъ, или, другими словами, продолжающаяся овуляція обусловливаетъ molimina menstrualia; съ прекращеніемъ функціи яичниковъ исчезаютъ и указанные только что клиническіе припадки.

Если бы, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ внутриматочныхъ впрыскиваній изъ дѣятельности половой сферы исключалась бы одна матка, а яичники продолжали бы функціонировать resp. овулировать, то прекращеніе

*) Grammatikati. Experimentelle Untersuchungen über das weitere Schicksal der Ovarien und Tuben nach der Totalexstirpation des Uterus bei Kaninchen. Centr. f. Gyn. 1889 № 7.

**) Грамматикати. О клиническихъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ у женщинъ послѣ удаленія отдѣльныхъ частей половаго аппарата—яичниковъ, матки. Врачъ 1891 г. № 1.

менструаціи сопровождалось бы періодическими припадками, совпадающими съ продолжающейся овуляціей. Такъ какъ, однако, у не менструирующихъ при впрыскиваніяхъ больныхъ припадки, носящіе на себѣ характеръ molimina menstrualia, совершенно отсутствуютъ, то слѣдуетъ полагать, что у этихъ больныхъ подъ вліяніемъ впрыскиваній, одновременно съ устраненіемъ менструальной функціи матки, устраняется и овуляція.

Слѣдовательно, прекращеніе менструаціи подъ вліяніемъ внутриматочныхъ впрыскиваній не составляетъ результатъ исключительно мѣстныхъ измѣненій слизистой оболочки матки, которая при повторномъ на нее воздѣйствіи впрыскиваемой жидкости (alumnol, іодная настойка, 95% спиртъ) становится неспособной къ своимъ мѣсячнымъ отправленіямъ, а составляетъ послѣдствіе совокупныхъ и весьма существенныхъ перемѣнъ во всей половой сферѣ, влекущихъ за собой полный покой половой дѣятельности, подобный тому, который наступаетъ при естественномъ прекращеніи половыхъ отправленій въ старческомъ возрастѣ, съ тою только разницею, что подъ вліяніемъ впрыскиваній, мѣсячная дѣятельность задерживается временно, и съ прекращеніемъ впрыскиваній, спустя одинъ-два менструальныхъ періода, отправленія половыхъ органовъ снова возстановляются.

Такое состояніе половой сферы, обусловленное внутриматочными впрыскиваніями, я предложилъ назвать „временнымъ климактеріемъ“ *), аналогично тому, какъ прекращеніе функціи половыхъ органовъ послѣ кастраціи называютъ „искусственнымъ климактеріемъ“.

И такъ, внутриматочныя впрыскиванія (іодная настойка) обнаруживаютъ свое дѣйствіе на половые органы двоякимъ образомъ:

1) Путемъ непосредственнаго вліянія впрыскиваемаго медикамента съ одной стороны въ мѣстѣ приложенія медикамента на слизистую оболочку матки, съ другой, послѣ всасыванія, на окружающія части и органы половой сферы.

2) Путемъ измѣненія отправленій половой сферы, обусловливая временное прекращеніе овуляціи и менструаціи.

Этими двумя положеніями вопросъ о дѣйствіи внутриматочныхъ впрыскиваній далеко еще не исчерпывается, и самъ собою является еще новый вопросъ: что лежитъ въ основѣ временнаго устраненія функціи половыхъ органовъ (овуляціи и менструаціи), вліяніе-ли медикамента (кромѣ мѣстнаго на слизистую оболочку матки) путемъ всасыванія на ткань яичника, или же дѣло заключается не въ специфическомъ вліяніи фармацевтическаго средства, а въ самомъ характерѣ достигаемыхъ и поддерживаемыхъ впрыскиваніемъ измѣненій слизистой оболочки матки. Допуская специфическое, задерживающее

*) Врачъ 1896 г. № 30.

вліяніе іода на отправленія половыхъ органовъ, пришлось бы допустить существованіе другого ряда фармацевтическихъ препаратовъ, всасываніе которыхъ со стороны mucos'ы матки могло бы усиливать или возбуждать эти отправленія половыхъ органовъ. Если бы такое предположеніе подвердилось, то область гинекологической фармако-терапіи значительно бы расширилась. Однако, подмѣченные мною клиническіе факты пока не даютъ никакихъ основаній къ подобнаго рода предположеніямъ, а наоборотъ, заставляютъ думать, что существенное значеніе имѣетъ не медикаментъ, а характеръ измѣненій слизистой оболочки матки и что, весьма возможно, каждое средство, обусловливающее аналогическія измѣненія слизистой оболочки матки, вызоветъ полный физіологическій покой половой сферы.

Если бы дѣло шло о задерживающемъ вліяніи всасываемаго іода, то существовали бы болѣе постоянныя отношенія между числомъ впрыскиваній и прекращеніемъ половыхъ функцій, и во всякомъ случаѣ явленія jodismus'a, указывающія на полноту всасыванія, обезпечивали бы этотъ эффектъ.

Однако, мнѣ приходилось наблюдать случаи, гдѣ имѣлись всѣ указанія на то, что іодъ всасывается и обнаруживаетъ свое общее дѣйствіе, и тѣмъ не менѣе менструальная функція не прекращалась, хотя число впрыскиваній достигало 30—40 (но впрыскиванія эти въ силу случайныхъ обстоятельствъ дѣлались съ частыми перерывами въ 1—2 дня). Если прибавить къ этому указанный мною выше фактъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лѣченныхъ впрыскиваніями, слизистая оболочка матки оказывалась не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково пропитанной іодомъ, то является полное основаніе сдѣлать предположеніе, что прекращеніе физіологическихъ функцій половыхъ органовъ при внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ зависитъ отъ полноты и стойкости характерныхъ измѣненій слизистой оболочки матки, и меньше всего играютъ при этомъ роль специфическія свойства вводимаго медикамента.

Въ чемъ же заключаются эти характерныя измѣненія слизистой оболочки матки?

Я пробовалъ въ различные періоды лѣченія внутриматочными впрыскиваніями брать изъ полости матки острой ложечкой кусочки слизистой оболочки, толщиною въ 1—2 mm., и хотя изслѣдованіе такихъ кусочковъ не даетъ обильныхъ данныхъ для заключенія объ измѣненіяхъ mucos'ы матки во всей ея цѣлости, но тѣмъ не менѣе частицы эти рисуютъ передъ нами до нѣкоторой степени то, что происходитъ на внутренней поверхности матки. Вся толща слизистой оболочки, по крайней мѣрѣ тѣ участки, которые могутъ быть добыты острой ложечкой спустя 15—20 ежедневныхъ впрыскиваній, макроскопически представляются сплошь окрашенными въ грязно-желтый цвѣтъ; ткань этихъ кусковъ содержитъ чрезвычайно мало влаги, скорѣе можно

назвать ее сухой, она ломка и легко распадается на отдѣльныя небольшія зерна. При изслѣдованіи подъ микроскопомъ, поверхностные слои плохо различимы въ своихъ клѣточныхъ элементахъ, равнымъ образомъ просвѣты железъ представляются мѣстами содержащими аморфную мелко зернистую массу, мѣстами стѣнки железистыхъ трубокъ находятся въ спавшемся состояніи, въ нѣкоторыхъ кусочкахъ можно различить и глубже лежащія части mucos'ы, болѣе слабо окрашенныя въ желтовато-бурый цвѣтъ (іодъ) съ различными въ полѣ зрѣнія круглыми элементами (лейкоциты) и мѣстами съ ясно выраженными сосудистыми стволиками.

Въ общемъ слизистая оболочка на различной глубинѣ представляется некротизированной. Чтобы нагляднѣе видѣть измѣненія, производимыя впрыскиваемой въ матку жидкостью, стоитъ только начать смазывать встрѣчающіяся въ области наружныхъ половыхъ частей и входа въ рукавъ такъ называемыя „condylomata acuminata". Если смазывать эти сосочковыя образованія растворами іодной настойки per se, то спустя нѣсколько дней (отъ 5—7 д.), отдѣльныя частицы этихъ кондиломъ сморщиваются, становятся сухими и легко спадаютъ съ своего ложа; такимъ образомъ мнѣ удавалось за послѣднее время уничтожать значительно выраженныя condylomata. Прибавленіе 5% алюмноля значительно ускоряетъ этотъ процессъ мортификаціи.

Тотъ же процессъ мы имѣемъ, очевидно, и въ полости матки, гдѣ слизистая оболочка въ теченіе продолжительнаго времени можетъ быть поддерживаема впрыскиваніями въ состояніи некробіоза. Чѣмъ дольше продолжаются впрыскиванія, тѣмъ дольше затрудняется регенерація слизистой оболочки. Съ прекращеніемъ впрыскиваній обезжизненные участки mucos'ы постепенно исторгаются изъ полости матки (что клинически себя даетъ знать обычно грязноватыми выдѣленіями изъ канала шейки), уступая мѣсто регенерирующейся вновь слизистой оболочкѣ.

Регенерація эта завершается возвратомъ менструальной функціи, но время, потребное для этого, колеблется въ довольно широкихъ размѣрахъ при одномъ и томъ же числѣ впрыскиваній (40), и можетъ отъ 3—4 недѣль доходить до двухъ и болѣе мѣсяцевъ. Ближайшія условія, обусловливающія эти разницы, въ настоящее время не могутъ считаться со всѣхъ сторонъ выясненными, но безъ сомнѣнія прежде всего это обстоятельство зависитъ отъ совершенства въ техникѣ впрыскиваній, а въ зависимости отъ этого и отъ полноты и распространенности указанныхъ выше измѣненій въ полости матки.

Для меня лично не подлежитъ сомнѣнію, что физіологическія измѣненія, наблюдаемыя при впрыскиваніяхъ, ближайшимъ образомъ обусловливаются указанными только что анатомическими измѣненіями слизистой оболочки матки.

Слѣдовательно, слизистая оболочка матки играетъ существенную роль въ физіологическихъ процессахъ, имѣющихъ мѣсто въ области половыхъ органовъ, и роль эта обозначается въ размѣрахъ болѣе широкихъсравнительно съ тѣмъ, какъ объ этомъ думали до настоящаго времени. Оказывается, что mucosa матки и ея ежемѣсячные регенераціонные процессы направлены не для того исключительно только, чтобы обезпечить оплодотворенному яйцу вѣрное и прочное мѣсто для его роста и развитія, но на ряду съ этимъ со стороны слизистой оболочки матки могутъ обнаруживаться вліянія, задерживающія овуляторную дѣятельность яичниковъ. Подобное задерживающее вліяніе въ виду указанныхъ выше анатомическихъ измѣненій mucosae uteri подъ вліяніемъ впрыскиваній, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что съ прекращеніемъ обычныхъ регенераціонныхъ процессовъ въ полости матки, исключаются и обычные возбуждающіе импульсы со стороны mucos'ы матки на яичники. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія сказаннаго на слизистую оболочку матки слѣдуетъ смотрѣть, какъ на особый регуляторъ совершающихся въ половой сферѣ и въ частности въ области яичниковъ физіологическихъ процессовъ.

Ближайшій механизмъ этого регуляторнаго дѣйствія можетъ заключаться или въ отраженномъ вліяніи нервныхъ образованій, заключенныхъ въ толщѣ слизистой оболочки матки и обусловливающихъ въ яичникахъ сосудистыя измѣненія, съ которыми связанъ усиленный ростъ и развитіе граафовыхъ пузырьковъ, или же вліяніе это обусловливается всасываніемъ со стороны регенерирующейся слизистой оболочки матки какихъ либо химическихъ продуктовъ, образующихся здѣсь, проникающихъ путемъ всасыванія до яичниковъ и обнаруживающихъ здѣсь свое возбуждающее (трофическое) дѣйствіе. Если принять во вниманіе съ одной стороны обиліе нервныхъ образованій въ области внутренняго покрова матки и яичниковъ (Патенко, Разумовскій, Köstlin, Gawronsky, Herf, Herlitzka*) и др.) и, если съ другой стороны вспомнить, что слизистая оболочка матки можетъ быть разсматриваема, какъ аденоидная ткань (Генле, Леопольдъ, Johnstone, Tait), то оба указанныя выше объясненія возбуждающаго и задерживающаго вліянія mucos'ы матки одинаково допустимы.

Такъ или иначе, но изъ всего изложеннаго выше явствуетъ, что физіологическое значеніе слизистой оболочки матки не ограничивается только актомъ менструаціи въ смыслѣ Pflüger'а**), но независимо отъ этого и въ свою очередь mucosa матки обнаруживаетъ существенное трофическое вліяніе

*) Herlitzka. Beitrag zum Studium der Innervation des Uterus. Zeitsch. f. Geburtsk. und Gyn. Bd XXXVII H. I, стр. 83.

**) Die Menstruation ist der Jnoculationsschnitt der Natur zur Aufimpfung des befruchteten Eies auf den Mutterlichen Organismus.

на всѣ отдѣлы половой сферы и въ частности на яичники, возбуждая эти послѣдніе къ дѣятельности въ періодъ своего предменструальнаго роста и ограничивая, задерживая указанную дѣятельность при отсутствіи этого роста; съ этой точки зрѣнія mucosa матки есть регуляторъ питательныхъ процессовъ въ яичникахъ, а, слѣдовательно, и регуляторъ овуляціонной дѣятельности ихъ.

Конечно, только что сказанное идетъ въ разрѣзъ съ господствующими воззрѣніями на овуляцію и менструацію и ихъ взаимную связь, но въ этихъ вопросахъ и по сіе время имѣетъ силу замѣчаніе Шредера, по которому „слѣдуетъ сознаться, что достовѣрныхъ свѣдѣній на счетъ взаимной связи между овуляціей и менструаціей въ настоящее время совершенно не существуетъ“. Слѣдовательно, каждое новое соображеніе, основанное на новыхъ фактахъ и наблюденіяхъ, можетъ только содѣйствовать разъясненію спорнаго и запутаннаго вопроса. Во всякомъ случаѣ давнишній вопросъ о томъ, что существеннѣе среди физіологическихъ явленій, совершающихся на протяженіи половыхъ органовъ—овуляція или менструація,—слѣдуетъ считать праздным вопросомъ, такъ какъ отнынѣ имѣются клиническія данныя, не только устраняющія зависимость менструаціи, но наоборотъ, устанавливающія трофическое ея вліяніе на прочіе органы половой сферы. Искусственный климактерій можетъ быть вызванъ не только со стороны яичниковъ—органа овуляціи (кастрація), но одинаковымъ образомъ и со стороны mucos'ы матки—органа менструаціи.

Если къ этому прибавить несомнѣнные клиническіе факты, добытые Lawson-Tait'омъ*) и свидѣтельствующіе о томъ, что тотъ же климактерій можетъ быть вызванъ со стороны яйцепроводовъ, путемъ вырѣзыванія послѣднихъ, то окажется, что на всемъ протяженіи половой трубки отъ яичника и до матки имѣются возбудители физіологическихъ функцій половой сферы; а если сверхъ сего вспомнить и тотъ фактъ, въ силу котораго менструація отсутствуетъ при нѣкоторыхъ страданіяхъ влагалища (мочеполовые свищи), то сверхъ сего придется согласиться, что указанные возбудители раскинуты на протяженіи всей половой трубки безъ исключенія.

Все это съ безповоротною рѣшимостью заставляетъ думать, какъ это сдѣлалъ Lawson-Tait (l. c.), что явленіями, циклически совершающимися въ половой сферѣ, управляетъ опредѣленный аппаратъ, къ которому со всѣхъ участковъ половой трубки подходятъ, какъ возбуждающіе, такъ равно и задерживающіе импульсы. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ возбуждающихъ и задерживающихъ вліяній достигается регуляція этого сложнаго въ высшей степени

*) Lawson-Tait. Traité clinique des maladies des femmes. Перев. 1896 года.

нервнаго механизма. Въ этой регуляторной роли выступаетъ, повидимому, главнымъ образомъ mucosa матки, съ ея ежемѣсячными измѣненіями, при которыхъ она то растетъ, утолщается, наполняется кровью, то наоборотъ становится тоньше, менѣе изобилуетъ кровью, теряя ее наружу, и нерѣдко цѣлыми слоями исторгается вонъ, чтобы вслѣдъ за этимъ вновь проявить усиленную регенераціонную дѣятельность, прерываемую періодами менструальныхъ истеченій.

Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о сущности менструаціи должно быть значительно видоизмѣнено, что, впрочемъ, рано или поздно, въ томъ или другомъ направленіи должно совершиться, такъ какъ существующія воззрѣнія на сущность менструаціи, конечно, не вполнѣ согласуются съ наблюдаемыми фактами, и могутъ быть принимаемы съ большими оговорками.

Что менструальныя измѣненія mucos'ы матки создаютъ въ полости послѣдней наиболѣе выгодныя для прикрѣпленія оплодотвореннаго яйца и образованія послѣда условія (Pflüger, Sutton, Johnstone, Tait)—это было бы просто и ясно, если бы только не существовало клиническихъ фактовъ, которые доказываютъ, что нерѣдко не только этихъ менструальныхъ измѣненій не требуется для развитія и роста оплодотвореннаго яйца (беременность при отсутствіи менструаціи), но что въ нѣкоторыхъ случахъ для этого роста и развитія даже не требуется и самой слизистой оболочки матки съ ея особенностями (случаи внѣматочной беременности, завершающейся полнымъ развитіемъ яйца). Но въ такомъ случаѣ, для чего существуетъ менструація, и какое значеніе имѣетъ она въ ряду физіологическихъ процессовъ, совершающихся на протяженіи половыхъ органовъ? Неудовлетворенные теоріей Pflüger'a, изслѣдователи этого удивительнаго и мало понятнаго явленія въ организмѣ женщины метались въ разныя стороны, стараясь уяснить себѣ сущность менструаціи. Сравнительно-анатомическія изслѣдованія породили длинныя препирательства на счетъ того, аналогична ли течка животныхъ менструаціи у женщинъ, и пока спорили по этому поводу, дѣло не подвинулось впередъ, а поднятый вопросъ о течкѣ и менструаціи остался открытымъ. Попробовали рѣшить вопросъ о сущности менструаціи на основаніи сопоставленія фактовъ, полученныхъ у различныхъ женщинъ въ различные періоды ихъ жизни, при различныхъ физіологическихъ и патологическихъ состояніяхъ; при этомъ накопилось такое многочисленное число отдѣльныхъ, часто противорѣчущихъ данныхъ, что необходима особенная хитрость и ловкость, чтобы придти вообще къ какому либо одному опредѣленному заключенію. Подъ давленіемъ этихъ разнохарактерныхъ данныхъ было высказано множество теорій, безъ сомнѣнія, остроумныхъ, но не выясняющихъ сущности менструаціи; нѣкоторые изслѣдователи рѣшили (King, Loewenthal), наконецъ,

что менструація не есть физіологическій актъ въ организмѣ женщины и должна разсматриваться, какъ патологическое явленіе, обусловленное ненормальнымъ ходомъ производительной дѣятельности. Но и это рѣшеніе, не прибавивъ ни на іоту ясности въ нашихъ воззрѣніяхъ на сущность менструаціи, окончательно запутало дѣло, такъ какъ, слѣдуя этой теоріи, пришлось бы всѣхъ женщинъ, съ незапамятныхъ временъ менструирующихъ, отнести въ разрядъ анормальныхъ, не будучи въ состояніи въ тоже самое время видѣть образецъ воображаемой нормальной не менструирующей женщины.

Въ такомъ безнадежномъ положеніи вопросъ о менструаціи находится и по сіе время, и мы все-таки не знаемъ, для чего періодически течетъ кровянистая жидкость изъ половыхъ органовъ женщины.

Если это нужно, какъ вообще полагаютъ, чтобы воспрепятствовать mucos'ѣ матки подвергнуться процессу соединительнотканной атрофіи, что могло бы случиться при отсутствіи связанныхъ съ менструаціей регенераціонныхъ измѣненій, и что повлекло бы за собой невозможность производительной дѣятельности, то такой взглядъ на дѣло не особенно убѣдителенъ, такъ какъ во первыхъ, какъ указано выше, для производительной дѣятельности не всегда нужна такая именно форма регенераціи, а во вторыхъ, возрожденіе ткани mucos'ы могло бы происходить и безъ сопутствующаго кровотеченія, какъ это мы видимъ на всѣхъ прочихъ органахъ, въ которыхъ безъ сомнѣнія элементы ткани регенерируются въ опредѣленные промежутки времени. Если кровотеченіе есть результатъ шелушенія слизистой оболочки матки, безъ чего затруднялась бы прививка оплодотвореннаго яйца, то во-первыхъ, почему бы этому шелушенію эпителія не происходить безъ кровопотерь, а вовторыхъ, многочисленный рядъ фактовъ показываетъ, что для прививки яйца менструальныя измѣненія mucos'ы не представляются необходимыми. Если, наконецъ, менструальныя кровотеченія суть указатель того, что происходитъ въ половой сферѣ и главнымъ образомъ въ яичникѣ, указатель совершившейся или совершающейся овуляціи, то не смотря на то, что такіе указатели, облегчающіе для особей мужского вида выборъ времени для оплодотворенія самки, и могутъ быть прослѣжены среди нѣкоторыхъ животныхъ, тѣмъ не менѣе къ человѣческой расѣ такое объясненіе не примѣнимо, такъ какъ во-первыхъ, въ этомъ указателѣ нѣтъ никакой надобности, а во-вторыхъ, и потому, что у женщины показатель этотъ въ сущности ничего не показываетъ, ибо, какъ установлено, при этомъ не всегда имѣется зрѣлое яйцо, выступившее изъ яичника и готовое къ оплодотворенію.

Однимъ словомъ, нѣтъ никакихъ основаній приписывать менструаціи какія либо цѣли, облегчающія оплодотвореніе, внѣдреніе и развитіе яйца. Можно только говорить о причинахъ и значеніи менструаціи и въ этомъ от-

ношеніи было бы правильнѣе говорить о томъ, что mucosa матки и совершающіеся въ ней процессы суть регуляторы половой дѣятельности. Со стороны растущей слизистой оболочки матки обычно идутъ нервные импульсы, возбуждающіе (при посредствѣ расположенныхъ вблизи матки нервныхъ аппаратовъ) овуляторную дѣятельность, что̀ сопровождается усиленнымъ приливомъ крови и обильнымъ накопленіемъ тканевой жидкости въ органахъ тазовой полости. Если такое состояніе сопровождается полнымъ созрѣваніемъ яйца, его выходомъ и оплодотвореніемъ, то развившіяся тканевыя измѣненія продолжаютъ прогрессировать во время беременности, при чемъ развившіеся вновь кровеносные и лимфатическіе сосуды свободно вмѣщаютъ большіе запасы крови и тканевой жидкости.

При отсутствіи готоваго къ оплодотворенію яйца или при отсутствіи этого оплодотворенія возникаютъ затрудненія въ сохраненіи накопившихся въ органахъ тазовой полости жидкостей (крови и лимфы), такъ какъ внѣ беременности сосудистая и въ особенности лимфатическая система половыхъ органовъ развита относительно умѣренно. Вотъ тутъ и выступаетъ на сцену регуляторная роль mucos'ы матки съ ея особымъ кровеноснымъ, лимфатическимъ и железистымъ аппаратомъ. Излишнія массы тканевой жидкости обильно просачиваются черезъ ткани слизистой оболочки, а буде окажется и излишекъ крови, то и эта послѣдняя удаляется сначала per diapedesin, а затѣмъ и per rhexin. Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокія структурныя измѣненія, которымъ подвергается при этомъ слизистая оболочка матки, дѣлаютъ ее на нѣкоторое время неспособной посылать возбуждающіе импульсы. Наступаетъ на нѣкоторое время покой въ половой сферѣ, въ силу чего физіологическая ея способность не истощается въ короткое время, и нервный механизмъ, направляющій эту способность, не переутомляется.

Менструація, такимъ образомъ, должна разсматриваться, *какъ регуляторъ половой производительной функціи*. Это есть предохранительный клапанъ, который предохраняетъ половой механизмъ женщины отъ порчи и разрушенія.

При такомъ взглядѣ на mucos'у матки и на менструальную функцію, не трудно будетъ объяснить всѣ разнообразные формы и виды менструаціи у здоровыхъ женщинъ, различную продолжительность ея, различное количество теряемой крови, колебанія во времени ея появленія и т. д.

Еще большее значеніе пріобрѣтаетъ mucosa матки въ случаяхъ патологическихъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заболѣваніе половыхъ органовъ женщины не минуетъ слизистой оболочки матки и нерѣдко съ этой послѣдней начинается—слѣдовательно, поражается одинъ изъ существенныхъ

механизмовъ, поддерживающій всѣ отдѣльные органы половой сферы въ равновѣсіи, необходимомъ для правильной ихъ дѣятельности.

Никто не будетъ, конечно, отрицать того извѣстнаго каждому гинекологу положенія, по которому болѣзненныя измѣненія матки и ея внутренняго покрова рано или поздно начинаютъ осложняться разстройствами со стороны придаточнаго аппарата—(трубъ и яичниковъ). Въ нѣкоторыхъ случахъ (острыя воспалительныя состоянія) такой переходъ происходитъ быстро вслѣдъ за начальнымъ пораженіемъ матки, и переходъ этотъ на столько очевиденъ, что не можетъ возбуждать никакихъ споровъ. Мало того, не подлежитъ сомнѣнію, что при этомъ имѣетъ мѣсто непосредственный переносъ болѣзнетворнаго resp. заразнаго начала со стороны матки черезъ посредство кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ (пуэрперальныя, септическія формы заболѣванія, перелойныя пораженія). Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ дѣло идетъ не о воспалительномъ пораженіи матки, а, если можно такъ выразиться, о разстройствѣ трофическомъ, влекущемъ за собой измѣненіе величины, очертанія, неправильности положенія матки и т. д., и тѣмъ не менѣе, не смотря на отсутствіе какого бы то ни было заразнаго начала, придатки матки и въ особенности яичникъ начинаютъ мало по малу подвергаться структурнымъ измѣненіямъ и обусловливаютъ болѣзненныя припадки. Стоитъ вспомнить только измѣненія яичниковъ, часто наблюдаемыя при фибромiомахъ матки и состоящія въ увеличеніи ихъ насчетъ одновременнаго роста многихъ граафовыхъ пузырьковъ (Kleincystische Degeneration), чтобы согласиться съ высказаннымъ выше взглядомъ о томъ, что разстройства питанія матки и ея слизистаго покрова влекутъ за собой аналогичныя измѣненія въ придаточномъ аппаратѣ. При міомахъ mucosa матки претерпѣваетъ измѣненія прогрессивнаго характера—она утолщается, гиперплязируется и въ такомъ видѣ служитъ болѣе сильнымъ возбудителемъ для яичника, отсюда одновременное развитіе многихъ граафовыхъ пузырьковъ, превращающихъ яичникъ въ кистовидно-перерожденный органъ, отсюда, съ другой стороны, и тѣ обильныя и частыя кровопотери, которыми страдаютъ относящіяся сюда больныя. Наоборотъ, при заболѣваніяхъ, влекущихъ за собой атрофію слизистой оболочки матки, наблюдается совершенно обратное: яичникъ малъ, не изобилуетъ растущими яйцевыми мѣшками, а рядомъ съ этимъ и ежемѣсячныя потери крови незначительны и отдѣлены часто большими промежутками времени. Такъ именно наблюдается при интерстиціальныхъ формахъ эндометрита, сопровождающихся склерозомъ слизистой оболочки, какъ это бываетъ, напримѣръ, при гоноррейныхъ длительныхъ эндометритахъ.

Однимъ словомъ, вліяніе заболѣвшей mucos'ы матки на питаніе и отправленіе всей половой сферы не можетъ подлежать сомнѣніямъ и обуслов-

ливается или прямымъ переносомъ болѣзнетворнаго начала или трофическимъ вліяніемъ въ вышеуказанномъ смыслѣ. Значеніе слизистой оболочки матки въ патологическихъ случаяхъ увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу своего сходства съ аденоидной тканью и въ силу значительнаго напряженія регенераціонныхъ процессовъ, она служитъ удобнымъ складочнымъ мѣстомъ для храненія заразныхъ началъ, которыми отсюда постоянно снабжаются окружающіе органы и ткани; въ этихъ послѣднихъ такимъ образомъ болѣзнетворный агентъ постоянно возобновляется на смѣну вреднымъ элементамъ, потерявшимъ уже силу.

Съ этой точки зрѣнія при лѣченіи заболѣваній женскихъ половыхъ органовъ главное вниманіе должно быть сосредоточено на слизистой оболочкѣ матки, лѣченіемъ которой достигается, во-первыхъ, уничтоженіе непосредственной причины, обусловливающей и поддерживающей болѣзненный процессъ въ окружности, а во-вторыхъ—дается возможность вліять путемъ регуляціи питательныхъ процессовъ, совершающихся въ заболѣвшихъ органахъ.

На основаніи вышесказаннаго внутриматочная терапія должна составлять основу въ лѣченіи какого бы то ни было воспалительнаго пораженія половой сферы.

Такой именно взглядъ на дѣло впервые съ достаточною ссылкою на факты былъ высказанъ въ 1892 году Mackenrodt'омъ въ цитированной выше работѣ „Beitrag zur intrauterine Therapie“ *). Объясняя послѣдовательные заболѣванія придатковъ матки, окружающей клѣтчатки и серознаго покрова непосредственнымъ переходомъ resp. переносомъ заразныхъ началъ со стороны слизистой оболочки матки, Mackenrodt упоминаетъ и о невоспалительныхъ измѣненіяхъ яичниковъ при міомахъ матки, и на основаніи клиническихъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что нѣкоторая часть яичниковыхъ заболѣваній (въ особенности опухоли) должны разсматриваться, какъ заболѣванія параллельныя міомамъ матки, при чемъ такая зависимость находится въ связи съ 3-й, еще не обнаруженной причиной, обусловливающей образованіе опухолей**). Эту третью причину, опредѣляющую связь заболѣваній матки съ измѣненіями придатковъ, составляетъ, по моему мнѣнію, слизистая оболочка матки съ присущею ей физіологическою сущностью, о которой я говорилъ выше.

Работа Mackenrodt'а, сдѣлавшаяся мнѣ извѣстною (въ виду отдаленности Томска отъ книжныхъ центровъ) уже послѣ того, какъ въ Томской

*) Niemand wird bezweifeln, dass es zwieschen Endometrium und Ovarien Beziehungen giebt, welche eine secundäre Ovarialerkrankung nach einen primären Endometritis vermitteln und unterhalten.

**) Vielmehr, meine ich, ist es plausibel, einen Theil der Ovarialerkrankungen, besonders Tumoren, als eine Parallelerkrankung neben dem Myom aufzufassen, vielleicht in Folge einen dritten, noch nicht gefundenen Ursache, die central gelegen, die Tumorenbildungen anregt.

клиникѣ установленъ былъ въ окончательной формѣ рекомендованный мною способъ консервативнаго лѣченія воспалительныхъ состояній матки и ея придатковъ *), — представляетъ для меня особенный интересъ, такъ какъ почти одновременно съ Mackenrodt'омъ я остановился на той же мысли лѣчить воспалительныя состоянія матки и ея придатковъ, воздѣйствуя на слизистую оболочку матки путемъ повторныхъ внутриматочныхъ впрыскиваній; работа Mackenrodt'a вышла въ апрѣлѣ 1892 года, а съ 1893 года въ Томской клиникѣ уже внутриматочная терапія обозначилась, какъ особый, самостоятельный методъ лѣченія **). Заслуга Mackenrodt'a заключается въ томъ, что онъ началъ примѣнять внутриматочныя впрыскиванія при воспалительныхъ страданіяхъ придатковъ матки, не смотря на то, что общій голосъ всѣхъ почти безъ исключенія гинекологовъ стоялъ на сторонѣ полнаго воздержанія въ такихъ случаяхъ отъ какой бы то ни было внутриматочной терапіи. Подкрѣплять только что сказанное ссылкой на какіе либо литературные источники не представляется особенной надобности, такъ какъ почти всѣ гинекологи слѣдовали и слѣдуютъ этому основному правилу при леченіи воспалительныхъ пораженій въ окружности матки и въ области ея придатковъ.

Въ относительно недавнее время были снова подчеркнуты старыя опасенія по отношенію къ употребленію внутриматочныхъ впрыскиваній при воспалительныхъ измѣненіяхъ въ окружности матки Weber'омъ ***), Chrobak'омъ (l. c. стр. 175), Olshausen'омъ †); въ новѣйшее время предупрежденія въ этомъ направленіи снова были высказаны Duhrssen'омъ †*) (по отношенію вообще къ внутриматочной терапіи), Hofmeyer'омъ (l. c.), Gottschalk'омъ (l. c.) и многими другими. Нѣкоторые (Hofmeyer, Duhrssen) совѣтуютъ даже въ сомнительныхъ случаяхъ воспользоваться хлороформеннымъ наркозомъ для того, чтобы установить состояніе придатковъ матки и, въ случаѣ ихъ воспалительнаго пораженія, воздержаться отъ внутриматочной терапіи.

Безъ сомнѣнія при такой постановкѣ вопроса придется отказаться отъ лѣченія матки въ очень многихъ случаяхъ, такъ какъ почти всегда будетъ имѣться противупоказаніе къ лѣченію полости матки со стороны измѣненныхъ ея придатковъ. Mackenrodt сослался по этому поводу на старыя цифровыя сопоставленія Kugelmann'a,†**) по которому изъ 124 случаевъ заболѣванія матки въ 59 случаяхъ имѣлось одновременное пораженіе придатковъ.

*) Внутриматочныя впрыскиванія, какъ способъ лѣченія воспалительныхъ состояній матки, ея придатковъ и тазовой брюшины. Врачъ 1896 г.

**) См. работу одного изъ моихъ ординаторовъ, Лебедева „о лѣченіи гоноррейныхъ страданій придатковъ матки и тазовой брюшины. Изв. Томск. универс. 1895 г.

***) Berlin. Klinisch. Wochenschrift. 1875 № 41.

†) См. Fischer. Dissert. Halle 1879 г.

†*) Centr. f Gyn. № 8 1895 г. S. 217.

†**) Monatschrift f. Geburtsk. und Frauenkrankh. 1868. Bd. 32 S 436.

Исходя изъ этихъ и своихъ собственныхъ цифровыхъ сопоставленій, а также придавая значеніе слизистой оболочкѣ матки по вліянію ея на заболѣванія въ окружности и въ области придатковъ, Mackenrodt рѣшился нарушить старыя традиціи и попробовалъ примѣнить внутриматочную терапію и въ случаяхъ воспалительнаго пораженія по сосѣдству, считая въ этихъ случаяхъ mucos'у матки источникомъ зараженія. Насколько можно судить изъ представленныхъ имъ 44 случаевъ (одинъ случай исключенъ мною—1 впр.), внутриматочная терапія примѣнялась при самыхъ разнообразныхъ воспалительныхъ страданіяхъ матки и ея придатковъ, исключая острыхъ случаевъ. Почти въ половинѣ случаевъ внутриматочнымъ впрыскиваніямъ предшествовало выскабливаніе полости матки. Въ большинствѣ случаевъ количество впрыскиваній колеблется отъ 5—15 (31 случай); рѣже число впрыскиваній достигаетъ 20-ти (8 случаевъ); еще рѣже произведено по 30-ти впрыскиваній (2 случая). При этомъ въ результатѣ Mackenrodt получилъ 17 полныхъ выздоровленій, въ 22 случаяхъ наблюдалось улучшеніе, и въ 5-ти случаяхъ, оказавшихся впослѣдствіи при чревосѣченіи туберкулезомъ брюшины, результатъ былъ отрицательный.

Впрыскиванія производились Брауновскимъ шприцемъ подъ руководствомъ пальца, амбулаторно, большею частью ежедневно въ началѣ лѣченія и два раза въ недѣлю въ концѣ лѣченія. Никакихъ дурныхъ послѣдствій при впрыскиваніяхъ Mackenrodt не наблюдалъ, за исключеніемъ схваткообразныхъ болей въ маткѣ, наступавшихъ чаще въ случаяхъ, гдѣ не было дѣлаемо предварительно выскабливаніе; это заставляетъ автора высказаться въ пользу того предположенія, что колики обусловливаются чувствительностью mucos'ы матки. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что жидкостью для впрыскиванія служила, повидимому, іодная настойка; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстоятельство это отмѣчено, въ другихъ вообще говорится о впрыскиваніяхъ въ матку безъ обозначенія состава впрыскиваемой жидкости.

Какъ явствуетъ изъ изложеннаго, внутриматочная терапія Mackenrodt'а не отличалась однообразіемъ и не была выработана въ опредѣленный способъ, такъ какъ на ряду съ впрыскиваніями въ матку примѣнялись выскабливанія, впрыскиванія широко колебались въ числѣ (отъ 5 до 20), производились съ перерывами, а потому неудивительно, что Mackenrodt не подмѣтилъ того характернаго (временный климактерій) клиническаго результата внутриматочныхъ впрыскиваній, въ силу чего эти послѣднія становятся могущественнымъ средствомъ гинекологической терапіи, обусловливая полный физіологическій покой половой сферы, покой, столь необходимый при лѣченіи воспалительныхъ состояній.

Тѣмъ не менѣе, однако, заслуга Mackenrodt'а въ томъ, что онъ рискнулъ печатно заговорить о томъ, что въ случаяхъ воспалительнаго пораженія

придатковъ матки необходимо лѣчить слизистую оболочку матки, и первый попробовалъ примѣнить ежедневныя впрыскиванія въ количествѣ, которое до него не было въ употребленіи.

Справедливость требуетъ упомянуть о томъ, что и до Mackenrodt'а были попытки отступить отъ общепринятаго правила воздерживаться отъ лѣченія внутри матки при воспалительныхъ состояніяхъ придатковъ и въ окружности матки. Но отступленія эти были сдѣланы по отношенію къ выскабливанію матки. Въ работѣ Cuellar'a *), опубликованной въ 1891 г., собраны интересныя подробности касательно примѣненія внутриматочнаго лѣченія (выскабливаніе) при самыхъ разнообразныхъ околоматочныхъ страданіяхъ, и приведены 22 случая, гдѣ при подобныхъ условіяхъ произведено было выскабливаніе съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Первый примѣнившій выскабливаніе при страданіяхъ придатковъ (salpingitis) былъ Munde **), опубликовавшій въ 1883 году одно подобное наблюденіе; въ 1887 году полнѣе высказался въ этомъ же направленіе Walton ***). По мнѣнію Walton'а выскоблить mucos'у матки, это значитъ удалить причину болѣзни, уничтожить salpingitis и вмѣстѣ съ этимъ прекратить peri-salpingitis и pelvi-peritonitis.

Вслѣдъ за этимъ втеченіе короткаго времени появились одна за другой работы въ томъ же духѣ Poullet †), Dellet †*), Coutin †**), Potherat †***), но одновременно не въ пользу выскабливанія въ подобныхъ случаяхъ высказались Doleris ††), его ученикъ Bourgeau ††*) и многіе другіе какъ Terrillon, Lucas—Championierè, Segond, Terrier. Изъ работы Cuellar'a мы узнаемъ между прочимъ, что нѣкоторые французскіе врачи съ успѣхомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ производили выскабливаніе даже въ острóмъ періодѣ заболѣванія (наблюд. XVIII, сообщенное Cheron'омъ изъ больницы St. Lazare и касающееся гонорреинаго остраго endometrit'а и salpingit'а). Во всякомъ случаѣ попытки французскихъ врачей ввести въ практику выскабливаніе при воспалительныхъ пораженіяхъ около матки не увѣнчались особеннымъ успѣхомъ, и какъ мы видѣли выше, нигдѣ на континентѣ Европы не нашли себѣ подражанія.

Только что приведенныя подробности касательно выскабливанія я привелъ съ цѣлію показать, что взглядъ на mucos'у матки, какъ на причину забо-

*) Cuellar. Du curettage de l'uterus dans les affections peri-uterines etc. Paris. 1891.
**) Munde. American Journal of obstet. vol. XVI oct. 1883. цит. по Cuellar'y.
***) Contribution à l'etude de la pelvi-peritonie, son traitement par dilatation forceé et le curretage de l'uterus 1888.
†) Societé de medecine de Lyon. Lyon medical. 8 Fevrier 1888 цит. по Cuellar'y.
†*) Bulletins de la Soc. anat. de Paris 1888 façcicul 35 цит. по Cuellar'y.
†**) Des lymphangites peri-uterines non puerperales et de leur raitement par le curr-e tage. Thèse de Paris 1889.
†***) Soc. medic. prat. de Paris. Juillet 1888 цит. по Cuellar'y.
††) Nouvelles archives d'obstetrique et de gynäcologie. Avril 1888.
‡‡*) Thesè de Paris 1888 цит. по Cuellar'y.

лѣванія въ окружности и какъ на мѣсто, куда должна быть направлена терапія околоматочныхъ страданій, былъ высказываемъ за послѣднее десятилѣтіе не одинъ разъ, и что равнымъ образомъ многіе врачи пробовали разрабатывать въ этомъ направленіи гинекологическую терапію; во Франціи съ этою цѣлью пробовали примѣнять выскабливаніе, въ Германіи въ работѣ Mackenrodt'a мы впервые видимъ попытку примѣнить съ этой цѣлью внутриматочныя впрыскиванія.

Какъ предложенія французскихъ врачей, такъ и работа Mackenrodt'a не произвели особаго впечатлѣнія, и въ послѣдующіе за тѣмъ годы не замѣтно, чтобы кто нибудь продолжалъ систематически работать въ указанномъ направленіи. Мало того, голоса наиболѣе авторитетныхъ гинекологовъ всегда были противъ внутриматочной терапіи при воспалительныхъ пораженіяхъ придатковъ и окружности матки.

Существеннымъ затрудненіемъ въ разработкѣ и рѣшеніи вопроса служило то обстоятельство, что внутриматочная терапія сама по себѣ до самаго послѣдняго времени не могла считаться точно разработанной въ отношеніи результата, какой она оказываетъ на состояніе половыхъ органовъ. Какъ мы видѣли выше, само по себѣ выскабливаніе безъ послѣдующаго прижиганія mucos'ы не давало особенно замѣтныхъ результатовъ; прижиганія сами по себѣ, даже въ той систематической послѣдовательности, съ какою примѣнилъ ихъ впервые Rheinstaedter, не обнаружили какихъ либо особыхъ преимуществъ передъ другими способами; наконецъ, внутриматочныя впрыскиванія, надъ которыми тяготѣли неудачи стараго времени, имѣли въ общемъ малое распространеніе среди врачей, и во всякомъ случаѣ примѣнялись не систематически, большею частью въ небольшомъ количествѣ и съ большими промежутками между отдѣльными впрыскиваніями у одной и той же больной, такъ что не представлялось возможнымъ сдѣлать правильныя заключенія о томъ, какъ дѣйствуютъ они на половые органы, какія измѣненія анатомическія и функціональныя производятся ими въ половой сферѣ и, слѣдовательно, какимъ ихъ дѣйствіемъ можно воспользоваться, примѣняя ихъ съ терапевтическою цѣлью.

Этотъ пробѣлъ въ настоящее время можно считать отчасти пополненнымъ, такъ какъ, помимо мѣстнаго дѣйствія обнаружилось главное и существенное вліяніе систематическихъ внутриматочныхъ впрыскиваній, заключающееся въ пріостановкѣ менструальной функціи, устраненіи на желаемое время менструальныхъ приливовъ, въ прекращеніи овуляторной функціи, однимъ словомъ—въ устраненіи всѣхъ моментовъ, которые могутъ поддерживать воспалительный процессъ и мѣшать ему придти къ окончательному разрѣшенію.

Въ этомъ отношеніи систематическія внутриматочныя впрыскиванія безъ сомнѣнія пріобрѣтаютъ положеніе самостоятельнаго метода терапіи, совершенно обособленнаго отъ всѣхъ другихъ видовъ внутриматочнаго лѣченія (выскабливаніе, прижиганіе). Конечно, остается еще многое выяснить по отношенію къ внутриматочнымъ впрыскиваніямъ, и для этого помимо времени, нужны еще совмѣстныя усилія врачей—только такимъ образомъ могутъ обозначиться всѣ подробности предлагаемаго мною лѣчебнаго способа, которому, я увѣренъ, предстоитъ будущность въ консервативной гинекологической терапіи.

Мнѣ очень пріятно при этомъ присовокупить, что среди русскихъ врачей предложеніе мое (Врачъ 1896 г. № 30) не встрѣтило полнаго равнодушія, и я съ удовольствіемъ могу упомянуть здѣсь работу д-ра Потѣенко *), который примѣнилъ предложенный мною способъ у 22-хъ больныхъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ заболѣванія матки и ея придатковъ, при чемъ въ общемъ имѣлъ возможность подтвердить основныя мои положенія.

II.

Обращаясь къ перечисленію тѣхъ болѣзненныхъ состояній матки и сосѣднихъ съ нею частей, при которыхъ существуютъ показанія къ лѣченію внутриматочными впрыскиваніями, я долженъ прежде всего упомянуть объ острыхъ воспалительныхъ состояніяхъ внутренняго покрова матки (endometritis acuta). Не подлежитъ сомнѣнію, что этого рода воспалительныя состоянія обусловливаются внесеніемъ въ полость матки заразныхъ началъ, носителями которыхъ или производителями которыхъ являются низшіе организмы, для которыхъ слизистая оболочка матки съ ея обильными кровеносными и лимфатическими сосудами и тканевыми промежутками составляетъ самое удобное мѣсто для роста, развитія и распространенія по сосѣдству.

Не всѣ конечно низшіе организмы, которые могутъ обусловить воспаленіе внутренняго покрова матки, намъ съ достаточною подробностью извѣстны. Наиболѣе убѣдительныя данныя мы имѣемъ относительно организмовъ, вызывающихъ пуэрперальныя заболѣванія (streptococcus, staphylococcus) и относительно возбудителя гонорреи (gonococcus). Но руководясь клиническими данными, есть всѣ основанія думать, что рядомъ съ указанными выше организмами и многіе изъ другихъ извѣстныхъ видовъ могутъ, попадая въ полость матки, давать поводъ къ развитію воспалительныхъ измѣненій, въ особенности у женщинъ послѣ родовъ, послѣ выкидыша или послѣ произведенной въ области матки какой либо операціи, не исключая даже простѣй-

*) Журналъ акушерства и женскихъ болѣзней. Т. X'I 1897 г.

шаго введенія въ полость матки зонда безъ достаточнаго соблюденія правилъ асептики.

Совершенно особо стоитъ въ этомъ отношеніи гонококкъ, который чаще всего вносится въ половые органы sub coitu и шагъ за шагомъ прокладываетъ себѣ дальнѣйшій путь, находя удобныя условія для этого прогрессивнаго шествія во время беременности, родовъ, особенно послѣ родовъ и послѣ выкидыша, а также и въ періодъ менструаціи. Повидимому, это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ, наиболѣе частыхъ и наиболѣе зловредныхъ возбудителей воспалительныхъ процессовъ въ области половыхъ органовъ женщины; по крайней мѣрѣ изслѣдованіемъ секрета вагины и матки всего чаще можно убѣдиться въ его присутствіи не только въ случаяхъ непуэрперальныхъ, но даже и послѣ родовъ. Трудно съ положительностью сказать, почему одинъ и тотъ же заразный агентъ въ одномъ случаѣ обусловливаетъ медленное, постепенное начало и распространеніе заболѣванія, въ другихъ случаяхъ наступаютъ быстро острые припадки, причемъ воспалительный процессъ часто не ограничивается одной полостью матки, а быстро переходитъ или на окружающую клѣтчатку, или, минуя ее, достигаетъ придатковъ матки и серознаго покрова.

Безъ сомнѣнія при этомъ имѣетъ значеніе не только количество и качество заразнаго начала, но и степень сопротивленія со стороны тканей, куда вносится зараза, а также цѣлый рядъ условій, въ общемъ мало извѣстныхъ. Только допуская такое разнообразіе предрасполагающихъ причинъ, можно объяснить, почему одинъ и тотъ же триперный мужчина у одной женщины вызываетъ post coitum бурную картину pelvi-peritonit'a, тогда какъ у другой дѣло ограничивается при этомъ едва замѣтнымъ пораженіемъ влагалища.

Такъ или иначе, но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ случаи остраго пораженія внутренняго покрова матки обязаны своимъ происхожденіемъ заразнымъ элементамъ, попавшимъ въ полость матки. При этомъ лишь въ ограниченномъ числѣ случаевъ болѣзненный процессъ остается въ предѣлахъ слизистой оболочки. Какъ общее правило, въ острыхъ случаяхъ послѣдовательно за маткою вовлекаются въ страданіе окололежащія части: клѣтчатка, яичники, трубы, серозный покровъ. Распространеніе болѣзненныхъ измѣненій идетъ по лимфатическимъ и кровеноснымъ сосудамъ, а также непосредственно по поверхности mucos'ы черезъ маточныя отверстія яйцепроводовъ. Отъ свойствъ заразнаго агента и отъ случайныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ мѣсто въ половой сферѣ, будетъ зависѣть дальнѣйшая локализація околоматочныхъ пораженій. Носитель гоноррейной заразы, повидимому, чаще минуетъ клѣтчатку и легче локализируется въ области серознаго покрова одѣвающаго матку и ея придатки; streptococcus, наоборотъ, задерживается въ

клѣтчаткѣ; съ другой стороны при наличности раненій въ полости матки или ея шейки легче поражается клѣтчатка. Отсюда предпочтительное пораженіе послѣдней послѣ родовъ, послѣ операцій. Интензивность околоматочныхъ страданій, вслѣдъ за острымъ эндометритомъ съ своей стороны колеблется въ широкихъ размѣрахъ, въ зависимости отъ силы заражающаго агента и легкости, съ какою онъ можетъ прокладывать себѣ путь; во время менструаціи, напримѣръ, развиваются болѣе замѣтныя пораженія, чѣмъ въ остальное время.

Рядомъ съ рѣзко выраженной экссудативной формой периметрита, можно встрѣтить едва замѣтныя адгезивныя явленія въ области придатковъ; на ряду съ пораженіями, заканчивающимися обильнымъ образованіемъ гноя въ клѣтчаткѣ, можно встрѣтить случаи, гдѣ болѣзненный процессъ скоро достигаетъ конечныхъ своихъ стадіевъ съ образованіемъ сморщивающейся соединительной ткани.

Острое воспаленіе слизистой оболочки матки, предоставленное собственному теченію или подвергнутое фармацевтическому лѣченію, спустя опредѣленный срокъ времени, переходитъ въ стадіи хроническаго теченія, во время котораго слизистая оболочка матки является хранителемъ заразнаго начала, при чемъ въ любой моментъ можетъ наступить новое обостреніе, какъ въ полости матки, такъ и въ ея окружности.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заболѣваніе придатковъ, едва замѣтное при первоначальномъ остромъ endometrit'ѣ, впервые даетъ себя знать въ теченіе одного изъ такихъ послѣдовательныхъ обостреній.

Нѣтъ надобности обставлять только что сказанное какими либо ссылками на литературные источники или клиническими фактами. Это отвлекло бы насъ далеко въ сторону, а кромѣ того относящіеся сюда факты хорошо извѣстны каждому гинекологу.

При такомъ взглядѣ на дѣло трудно оправдать то пассивное отношеніе, какое обнаруживаетъ наша выжидательная терапія острыхъ случаевъ. Успокаивающія влагалищныя инъекціи, болеутоляющія суппозиторіи, ледъ на животъ, покойное положеніе, разрѣшающія мази и все прочее,—могутъ оказать, конечно, весьма малое вліяніе на основную причину болѣзни, кроющуюся въ полости матки и ея слизистой оболочкѣ. Попытки же воздѣйствовать на этотъ очагъ болѣзни въ этомъ остромъ періодѣ всегда встрѣчали авторитетныя возраженія со стороны наиболѣе опытныхъ врачей. Случай Chegon'a, цитированный выше, составляетъ рѣдкое исключеніе и во всякомъ случаѣ не породилъ подражанія.

Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, я въ 1893 году рѣшилъ отступить отъ вышеизложенныхъ традицій и попытался лѣчить мѣстно сли-

зистую оболочку матки въ случаяхъ остраго, не пуэрперальнаго эндометрита, осложненнаго pelvi-peritonit'омъ. Я остановился на внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ 5% раствора алюмноля въ іодной настойкѣ, разбавленной на половину 95% спиртомъ. Алюмноль выбранъ былъ по его мало раздражающему вліянію на ткани, и съ этою же цѣлью іодная настойка была на половину разбавлена спиртомъ.

Результаты такого активнаго поведенія при лѣченіи острыхъ случаевъ были совершенно удовлетворительны и не оставляли желать ничего лучшаго. Обычныя перитонитическія боли скоро исчезали, повышенная t-ра послѣ каждаго впрыскиванія замѣтно падала, воспалительные выпоты вокругъ матки замѣтно уменьшались, гноевидныя истеченія изъ полости матки замѣнялись слизистыми, и въ случаяхъ гдѣ передъ началомъ лѣченія въ истеченіяхъ изъ матки находимы были гонококки, послѣдніе пропадали.

Первые пять случаевъ примѣненія при подобныхъ условіяхъ внутриматочныхъ впрыскиваній были опубликованы бывшимъ моимъ ординаторомъ Лебедевымъ*). Съ тѣхъ поръ накопилось еще 19 упомянутыхъ выше острыхъ случаевъ, въ которыхъ одновременно съ пораженіемъ слизистаго покрова матки, наблюдался острый воспалительный процессъ въ серозномъ покровѣ тазовыхъ органовъ (perimetritis exudativa=10 случаевъ), или въ окружающей клѣтчаткѣ (parametritis=2 случая), или съ боковъ матки, въ области придатковъ (salpingo-oophoritis=7 случаевъ).

Приводить въ подробностяхъ исторіи всѣхъ случаевъ не представляется необходимымъ, такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе повторяютъ одну и ту же картину симптомовъ и теченія. Во всѣхъ случаяхъ къ лѣченію приступлено было въ періодѣ повышенной t-ры и сильныхъ болевыхъ припадковъ. Въ двухъ случаяхъ parametrit'a дѣло шло о септической заразѣ (streptococcus); въ большей части остальныхъ случаевъ изслѣдованіемъ влагалищно-маточнаго секрета можно было убѣдиться въ наличности гонококковъ; тамъ, гдѣ изслѣдованіе на гонококки давало отрицательные результаты, наличность опредѣленныхъ клиническихъ явленій (признаки Säuger'a, а также установленные мною дифференціальные признаки — склерозъ Бартолиновыхъ железъ, отсутствіе замѣтнаго удлиненія полости матки)—устанавливала гонорреиный характеръ страданія.

Примѣра ради привожу 2 случая (одинъ изъ нихъ взятъ изъ наблюденій прошлыхъ лѣтъ), которые представляютъ тотъ интересъ, что мнѣ извѣстна дальнѣйшая судьба больныхъ послѣ выздоровленія и прекращенія лѣченія.

*) О лѣченіи гонорреиныхъ страданій придатковъ матки и тазовой брюшины. Извѣст. Томск. унив. 1895 г.

I. Г. В—ва, 18 лѣтъ, дѣвица, регулы появились на 16 году, обычно продолжались по 3 дня черезъ 4 недѣли; передъ наступленіемъ регулъ обычно имѣлись схваткообразныя боли, въ промежуткахъ между регулами какихъ либо отдѣленій изъ вагины не наблюдалось. Впервые замѣтила желтоватыя, ѣдкія и обильныя истеченія 5 мѣсяцевъ тому назадъ, спустя нѣсколько дней послѣ перваго coitus'a. За 10 дней до поступленія въ клинику, при усилившихся истеченіяхъ изъ вагины, больная впервые почувствовала неопредѣленныя боли въ глубинѣ таза и боли во время мочеиспусканія. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни появился знобъ, боли въ животѣ приняли бурный характеръ и сосредоточились въ лѣвой паховой области.

Съ этими явленіями больная поступила въ клинику 20. I. 97 г.

При объективномъ изслѣдованіи со стороны половой сферы найдено слѣдующее: въ наружныхъ половыхъ частяхъ обильный гноевидный секретъ, при микроскопическомъ изслѣдованіи содержащій, рядомъ съ разнообразными видами низшихъ организмовъ, гонококки. Слизистая оболочка входа гиперемирована, въ области отверстій Бартолиновыхъ железъ и вблизи отверстія мочеиспускательнаго канала macula honorrhoica (vulvitis maculosa); при внутреннемъ изслѣдованіи небольшая коническая portio vaginalis въ заднемъ отдѣлѣ таза; тѣло матки опредѣляется въ переднемъ сводѣ, нѣсколько отодвинуто вправо, антефлексировано; правый сводъ чувствителенъ, но въ общемъ свободенъ; въ лѣвомъ сводѣ опредѣляется величиною съ кулакъ рѣзко болѣзненная опухоль, близко расположенная къ краю матки и распространяющаяся вправо къ боковымъ стѣнкамъ таза и частью заходящая въ передній сводъ; задній сводъ не занятъ, при изслѣдованіи чувствителенъ. При зеркальномъ изслѣдованіи orificium externum uteri окаймлено эрозированнымъ участкомъ mucos'ы, изъ него вытекаетъ гноевидная жидкость, при микроскопическомъ изслѣдованіи содержащая гонококки. Обычный маточный зондъ проходитъ свободно, длина матки=7 сант. При поступленіи больной и передъ началомъ впрыскиваній t-ра тѣла вечеромъ 38,8°; на слѣдующій день послѣ впрыскиванія 38,6°; еще черезъ день 38,5°; затѣмъ 38,0° и начиная съ 7-го дня лѣченія, температура оставалась въ дальнѣйшемъ около 37°. За время пребыванія въ клиникѣ сдѣлано 27 впрыскиваній (ежедневно) и по выходѣ изъ клиники еще 7. Впрыскиванія все время производились ординаторомъ или кураторомъ больной (студ. 5-го курса), переносились вообще труднѣе, чѣмъ обычно: послѣ впрыскиванія нерѣдко появлялись колики, и кромѣ того въ отдѣльные дни въ скорбномъ листкѣ отмѣчена рвота вслѣдъ за впрыскиваніемъ. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ этого, болевые припадки по мѣрѣ лѣченія изчезали, опухоль въ сводѣ замѣтно уменьшалась, и больная оставила клинику въ совершенно удовлетворительномъ состояніи. Послѣдніе регулы до поступленія въ клинику окончи-

лись 29. XII. 96 г., больная оставила клинику 15. II. 97 г, и за все это время крови изъ матки не появлялись. Вслѣдъ за этимъ больная потеряна была изъ виду. Въ сентябрѣ 1897 года т. е. приблизительно спустя 7 мѣсяцевъ послѣ ухода изъ клиники, больная могла быть снова изслѣдована, такъ какъ поступила сидѣлкой въ гинекологическое отдѣленіе.

При объективномъ изслѣдованіи матка найдена малой, подвижной, въ сводахъ ни слѣдовъ опухоли, отдѣленій изъ половыхъ частей не наблюдается, регулы правильны съ очень незначительными болями, въ наружныхъ частяхъ никакихъ признаковъ гонорреи.

П. Е.... Я...ва 16-ти лѣтъ. Замужемъ два мѣсяца. До замужества была совершенно здорова. Черезъ полтора мѣсяца послѣ замужества почувствовала рѣжущія боли, затрудненіе при мочеиспусканіи и частые позывы на мочу. Одновременно появились очень обильныя, зеленовато-гнойныя, ѣдкія бѣли, къ которымъ вскорѣ присоединился зудъ и жженіе въ наружныхъ половыхъ частяхъ. Больную при всемъ этомъ лихорадило. Недѣли черезъ полторы явленія со стороны мочеиспускательнаго канала стихли, вмѣсто нихъ больная стала чувствовать тяжесть въ тазу, боли внизу живота, особенно въ пахахъ и тянущія боли въ нижнихъ конечностяхъ. При усиливающихся боляхъ больная была доставлена въ клинику 26 октября 1893 года.

При наружномъ осмотрѣ оказалось слѣдующее: наружныя половыя части гиперемированы, нѣсколько припухли, чувствительны и обильно увлажнены вытекающимъ изъ глубины вагины секретомъ; въ области отверстій Бартолиновыхъ железъ рѣзкая краснота—maculae honorrhoicae Bartholinicae; на кожѣ, смежной съ половыми частями, даже на внутренней поверхности бедеръ замѣчается разлитая краснота, а мѣстами поверхностныя слущиванія эпидермиса. Входъ въ вагину узокъ и болѣзненъ, влагалище укорочено, своды уплощены; слизистая оболочка припухла, увлажнена секретомъ. Влагалищная часть матки конической формы съ небольшимъ наружнымъ отверстіемъ, невелика, болѣзненна, мало подвижна. Небольшое тѣло матки въ переднемъ сводѣ, неподвижное, чувствительное. Въ заднемъ сводѣ, а также въ обоихъ боковыхъ, и особенно слѣва, плотная, болѣзненная опухоль, шарообразно выпячивающаяся въ просвѣтъ вагины со стороны задняго свода. Опухоль равномѣрной плотности, слегка подвижна сверху внизъ. При изслѣдованіи зеркаломъ изъ полости матки выдѣляется густая, зеленовато гнойная жидкость. Въ секретѣ, взятомъ изъ канала маточной шейки, при микроскопическомъ изслѣдованіи найдена масса гнойныхъ клѣтокъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть гонококки.

Т-ра при поступленіи—38,3°. При обычномъ противувоспалительномъ ченіи (покой, ледъ на животъ) лихорадочное состояніе больной и сильнѣй-

шія боли къ 23-му ноября уменьшились, но опухоль оставалась in statu quo, занимая по прежнему всѣ своды; назначены были внутриматочныя впрыскиванія раствора іода съ алюмнолемъ. Съ 23-го ноября и по 16 декабря было сдѣлано одиннадцать впрыскиваній. Послѣднія три впрыскиванія были сдѣланы амбулаторно уже послѣ того, какъ больная, чувствуя себя удовлетворительно, выписалась изъ клиники. Нѣкоторыя впрыскиванія сопровождались незначительной болѣзненностью. Опухоль подъ вліяніемъ лѣченія быстро всасывалась, и съ незначительными ея остатками въ заднемъ сводѣ больная оставила клинику. Бѣли въ ничтожномъ количествѣ, утратили гнойный характеръ, сдѣлавшись слизистыми.

Только что приведенный случай отличается отъ всѣхъ другихъ, подобныхъ ему, въ томъ отношеніи, что къ леченію впрыскиваніями было приступлено по миновеніи бурныхъ припадковъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ острыхъ случаяхъ впрыскиванія производились тотчасъ по поступленіи больныхъ въ клинику, и не взирая на повышенную t-ру и на перитоническія явленія. Такое сравнительно позднее начало впрыскиваній обусловлено было тѣмъ обстоятельствомъ, что больная была одна изъ первыхъ, къ которымъ примѣненъ былъ новый методъ, а потому проявлена была нѣкоторая осторожность.

Въ настоящее время мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что больная спустя годъ была беременна и родила.

Во всѣхъ другихъ острыхъ случаяхъ наблюдались тѣ же хорошіе результаты. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что наибольшая restitutio ad integrum получается при внутриматочныхъ впрыскиваніяхъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣченіе начато по свѣжимъ слѣдамъ, въ остромъ періодѣ. При этомъ для хорошаго результата требуется въ общемъ меньшее количество впрыскиваній (часто 10—15), часто недостаточное даже, чтобы повлечь за собой задержку регулъ.

Отсюда можно думать, что дѣйствіе впрыскиваній въ острыхъ случаяхъ обусловливается прямымъ воздѣйствіемъ на слизистую оболочку матки, въ которой уничтожается заразное начало, и такимъ образомъ окружающія части ставятся въ благопріятныя условія выздоровленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что и самый медикаментъ (t-ra jodi) при этомъ можетъ оказывать вліяніе на заболѣвшіе придатки, всасываясь со стороны слизистой оболочки матки. Тѣмъ не менѣе я и въ острыхъ случаяхъ довожу число впрыскиваній до 40, съ цѣлью задержать наступленіе регулъ и дать возможность заболѣвшимъ тканямъ по возможности полнѣе придти къ нормѣ.

Заканчивая съ острыми случаями, я нахожу возможнымъ выставить слѣдующее положеніе: *внутриматочныя впрыскиванія при лѣченіи острыхъ*

воспалительныхъ состояній (матки, ея придатковъ и тазовой брюшины) *составляютъ одно изъ болѣе успѣшныхъ средствъ устранить заболѣваніе въ наиболѣе короткое время и получить наиболѣе полное возстановленіе, какъ анатомическое, такъ и функціональное.*

Вторая группа воспалительныхъ заболѣваній, при которыхъ успѣшно можетъ быть примѣненъ предлагаемый мною способъ систематическихъ внутриматочныхъ впрыскиваній, заключаетъ въ себѣ хроническія воспалительныя страданія, раскинутыя на протяженіи матки и ея придатковъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что относящіяся сюда болѣзненныя состоянія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничиваются однимъ какимъ либо пунктомъ; обыкновенно при хроническомъ теченіи болѣзни въ страданіе вовлекаются и окололежащія части.

И въ хроническихъ случаяхъ исходнымъ мѣстомъ пораженія является слизистая оболочка матки, вслѣдъ за которой наступаютъ измѣненія и въ прочихъ частяхъ половой сферы; при этомъ большею частью поражаются придатки матки, и среди нихъ особенно часто яичники; далѣе, по частотѣ слѣдуетъ тазовая брюшина, воспалительныя состоянія которой обусловливаютъ цѣлый рядъ адгезивныхъ явленій, въ результатѣ чего появляются разнообразныя спайки тазовыхъ внутренностей, смѣщеніе тазовыхъ органовъ, фиксація ихъ и т. д.

Въ однихъ случаяхъ хроническій воспалительный процессъ составляетъ продолженіе перенесеннаго остраго заболѣванія, въ другихъ случаяхъ онъ съ самаго начала характеризуется медленнымъ развитіемъ симптомовъ и измѣненій. Что касается до ближайшихъ причинъ, обусловливающихъ хроническіе воспалительные процессы въ половой сферѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи предшествовавшіе роды, выкидышъ, періодъ менструаціи и половыя сношенія всего чаще являются исходными моментами болѣзни. Остается прибавить, что и въ этихъ хроническихъ случаяхъ дѣло идетъ о внесеніи въ половые органы и въ полость матки заразнаго агента. Послѣдній крайне разнообразенъ, въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ изученъ и извѣстенъ намъ (септическая инфекція, гоноррейное зараженіе, туберкулезная зараза), въ другихъ мало изученъ, а въ нѣкоторыхъ, весьма вѣроятно, и совершенно неизвѣстенъ. Но безъ сомнѣнія каждый воспалительный процессъ въ области половыхъ органовъ, будь онъ острый или хроническій, обусловливается внесеніемъ въ половые органы элементовъ заразы.

Въ этомъ отношеніи необходимо строго отличать отъ воспалительныхъ измѣненій половыхъ органовъ, измѣненія чисто трофическія, обусловленныя

неправильностями питанія, кровообращенія, измѣненіемъ въ топографіи, разстройствами въ иннерваціи тканей, вліяніемъ извращенной функціи и т. д.

Конечно, такое подраздѣленіе болѣзненныхъ состояній половыхъ органовъ не можетъ претендовать на безъусловную точность, такъ какъ безъ сомнѣнія найдутся случаи, гдѣ чисто трофическія разстройства не воспалительнаго характера затемняются воспалительными измѣненіями; съ другой стороны, среди массы болѣзненныхъ формъ найдутся и такія, въ которыхъ трудно будетъ отвѣтить на вопросъ, имѣется ли трофическое разстройство или воспалительный процессъ; тѣмъ не менѣе вышеприведенное дѣленіе представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ настоящему положенію гинекологической патологіи.

И такъ, хроническіе воспалительные процессы въ области женскихъ половыхъ органовъ имѣютъ заразное происхожденіе и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, начинаются со стороны слизистой оболочки матки, а въ дальнѣйшемъ вовлекаютъ въ страданіе и остальныя части половой сферы —яичники, яйцепроводы, тазовую брюшину и околоматочную клѣтчатку, послѣднюю преимущественно въ случаяхъ пуэрперальныхъ.

Пути, какими распространяется зараза со стороны слизистой оболочки матки, крайне разнообразны. Всего легче, казалось бы, инфекція могла бы распространяться непосредственно по поверхности слизистаго покрова, заходя черезъ ostium uterinum tubae въ яйцепроводы и слѣдуя дальше черезъ ostium abdominale tubae до яичниковъ и тазовой брюшины. Однако, путь этотъ не единственный и, быть можетъ, даже и не самый частый, такъ какъ нѣтъ недостатка въ случаяхъ, гдѣ измѣненія яичника и тазовой брюшины происходятъ безъ одновременнаго пораженія трубъ. Очевидно, элементы заразы проникаютъ въ окружающіе органы и ткани черезъ посредство кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ, а къ серезному покрову таза сверхъ того и непосредственно черезъ толщу маточныхъ стѣнокъ. Для свѣжихъ пуэрперальныхъ случаевъ такой путь не можетъ дать повода къ возраженіямъ. Въ случаяхъ не пуэрперальныхъ можно сослаться на наблюденія Martin'a*) касательно распространенія гоноррейной инфекціи со стороны слизистой оболочки по лимфатическимъ сосудамъ въ толщѣ широкой связки вплоть до яичника (adenitis periuterina); съ другой стороны можно упомянуть объ изслѣдованіяхъ Madlener'a**), который прослѣдилъ движеніе гонококковъ черезъ толщу маточныхъ стѣнокъ до серознаго покрова. Однимъ словомъ, вопросъ съ этой стороны можетъ быть обоснованъ на прямыхъ анатомическихъ данныхъ.

*) Mackenrodt l. c. S. 397.
**) Centr. f. Gyn. 1895 № 50.

На сколько часты заболѣванія придатковъ и вообще околоматочныхъ областей, объ этомъ можно отчасти судить по приведеннымъ выше цифровымъ даннымъ Kugelmann'a (l. c.); но слѣдуетъ сознаться, что цифры эти значительно ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ каждый гинекологъ, привыкшій отдавать себѣ точный отчетъ въ томъ, что онъ находитъ при изслѣдованіи больной женщины, удостовѣритъ, что только въ исключительныхъ случаяхъ хроническій эндометритъ встрѣчается безъ осложненій, и если это наблюдается, то развѣ только въ начальныхъ періодахъ болѣзни; осложненія обычно не заставляютъ себя ждать, и вся разница заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ получаются болѣе замѣтныя измѣненія придатковъ, въ другомъ случаѣ дѣло ограничивается измѣненіями серознаго покрова, которыя часто не столько слабо выражены, что могутъ быть найдены только тщательнымъ и внимательнымъ изслѣдованіемъ.

Вообще, анатомическія измѣненія, которымъ подвергаются тазовыя внутренности при хроническихъ воспалительныхъ процессахъ, крайне многочисленны и разнообразны, и перечисленіе ихъ отвлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго изложенія. Чѣмъ дольше существуетъ хроническій эндометритъ, тѣмъ больше осложненій въ окружности матки; съ другой стороны, чѣмъ большей силой обладаетъ заразное начало, обусловившее эндометритъ, тѣмъ распространеннѣе окружающія осложненія.

Гоноррейная инфекція и въ хроническихъ случаяхъ имѣетъ главенствующее значеніе, и при ней, повидимому, измѣненія вокругъ матки всего болѣе выражены. При этомъ на прогрессирующее развитіе осложненій при хроническомъ воспаленіи слизистой оболочки матки имѣетъ существенное вліяніе менструальный приливъ, съ приближеніемъ и наступленіемъ котораго каждый разъ можно замѣтить усиленіе и распространеніе болѣзненныхъ измѣненій.

Значеніе менструальныхъ вліяній усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что заболѣвшая слизистая оболочка глубоко растраиваетъ функцію половыхъ органовъ, какъ менструальную, такъ послѣдовательно и овуляторную. Такимъ образомъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ растутъ осложненія, разнообразится картина состоянія тазовыхъ внутренностей. Органы таза смѣщаются, фиксируются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, очертанія ихъ мѣняются, поверхность ихъ покрывается обильными ложными перепонками, проходимость трубъ нарушается, ихъ абдоминальныя отверстія спаиваются, и въ полости ихъ начинаютъ скопляться патологическія жидкости.

Лѣченіе воспалительныхъ состояній матки и ея придатковъ въ этомъ періодѣ составляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ остается повторить сказанное мною по этому поводу въ другомъ мѣстѣ *):

*) Врачъ 1896. № 30.

кто изъ женскихъ врачей не имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ больныхъ съ измѣненными придатками матки, причемъ придатки эти, не смотря на продолжительное лѣченіе оставались все въ одномъ и томъ же положеніи, утолщенными, увеличенными, нерѣдко растянутыми патологическими жидкостями и спаянными въ одну опухолевидную массу, многочисленными ложными перепонками или воспалительными наслоеніями.

Время отъ времени въ области такихъ измѣненныхъ придатковъ разыгрывается бурная картина острыхъ явленій, и на эти обострения, повиди мому, нисколько не вліяетъ свойство примѣняемаго лѣченія, ибо ожесточенія пораженія бываютъ при любомъ лѣченіи, будетъ ли оно заключаться въ полномъ покоѣ или въ примѣненіи противувоспалительныхъ средствъ; дома, въ больницѣ, въ мѣстахъ климатическаго лѣченія, на лѣчебныхъ грязяхъ или минеральныхъ водахъ—всюду картина не мѣняется существенно, и вслѣдъ за временнымъ облегченіемъ нерѣдко наступаетъ новое ухудшеніе и новыя осложненія.

Попытки достигнуть полнаго излѣченія изсѣченіемъ придатковъ нельзя назвать успѣшными, такъ какъ и послѣ удаленія яичниковъ и трубъ полное выздоровленіе наблюдается далеко не во всѣхъ случаяхъ. Только въ 56,6% отмѣченъ хорошій результатъ операціи. Еще сомнительнѣе полное излѣченіе въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ удалены придатки только одной стороны, такъ какъ при этомъ успѣхъ операціи отмѣченъ, только въ 23,5% **). Основываясь на этомъ, *Schauta* совѣтуетъ при перелойномъ пораженіи придатковъ удалять придатки обѣихъ сторонъ даже и въ томъ случаѣ, если на одной сторонѣ они кажутся неизмѣненными. Мало того, чтобы обезпечить полное выздоровленіе, *Schauta* пошелъ еще дальше и предлагаетъ одновременно удалять всю матку (l. c.). Однако, такое смѣлое оперативное вмѣшательство не находитъ для себя достаточно оправданій, даже и въ той легкости, съ какою переносятъ больныя операцію, благодаря усовершенствованной техникѣ и строгому проведенію правилъ чистоты во время операціи. Прежде всего, слѣдуетъ имѣть въ виду, что частота пораженій придатковъ матки достигаетъ 17,8% всѣхъ женскихъ страданій *), и что главная масса этихъ страданій, въ особенности упорныхъ и долго длящихся выпадаетъ на долю перелоя. Такимъ образомъ, сторонникамъ вышеупомянутаго хирургическаго лѣченія пришлось бы слишкомъ часто приступать къ полному холощенію больныхъ женщинъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что перелойныя страданія половыхъ органовъ особенно часто встрѣчаются у жен-

*) *Schauta*, Centralblatt für Gynäkologie, 1895, № 29.

**) *Schauta*, Verhandlungen der deutschen Gesellschaft für Gynäkologie, V Съѣздъ, 1893, стр. 156.

щинъ молодыхъ или во всякомъ случаѣ такихъ, которыя находятся еще въ ступени полнаго половаго развитія и производительной способности. При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, едва ли возможно larga manu примѣнять такіе оперативные пріемы, послѣ которыхъ неминуемо наступаетъ половая неспособность; и это тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее состояніе оперированныхъ и окончательные исходы указанныхъ выше операцій въ общемъ не могутъ считаться блестящими. Цѣлымъ рядомъ клиническихъ наблюденій установлено, что и послѣ удаленія придатковъ кровопотери изъ матки не всегда прекращаются, а иногда достигаютъ и степени кровотеченій, что болевыя ощущенія могутъ, по прежнему, служить источникомъ страданій для больныхъ, и что, наконецъ, послѣ операціи не исключается возможность выпотовъ (Stumpfexudate) въ полости таза, стойкихъ смѣщеній матки и т. д.

Такимъ образомъ, существующіе оперативные способы въ области измѣненныхъ придатковъ матки и по важности производимыхъ измѣненій въ половой области и по полученнымъ исходамъ не могутъ быть безъусловно положены въ основу нашего лѣченія.

Исходя изъ только что сказаннаго, нельзя удивляться тому направленію, возникшему среди нѣкоторой группы гинекологовъ, которое выразилось въ попыткахъ подойти къ устраненію указанныхъ выше страданій путемъ консервативнаго лѣченія, или путемъ этого же сохраняющаго лѣченія, по крайней мѣрѣ, обезпечить лучшіе исходы оперативнаго вмѣшательства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это послѣднее оказывается необходимымъ и единственнымъ средствомъ помощи.

Получивъ хорошіе результаты при лѣченіи внутриматочными впрыскиваніями въ острыхъ свѣжихъ случаяхъ, я началъ примѣнять ихъ и въ случаяхъ хроническихъ страданій, разсчитывая на то, что съ устраненіемъ заболѣванія слизистой оболочки матки быть можетъ ослабнутъ проявленія болѣзни по сосѣдству матки. При этомъ я исходилъ изъ той точки зрѣнія, что mucosa матки составляетъ первоначальное и главное гнѣздо болѣзни, которое не только обусловливаетъ измѣненіе придатковъ, но и поддерживаетъ въ нихъ воспалительный процессъ. Слѣдовательно ablata causa tollitur effectus.

Не могу при этомъ не повторить исторіи той больной, у которой я впервые примѣнилъ при подобныхъ условіяхъ внутриматочныя впрыскиванія съ успѣхомъ, который заставилъ меня окончательно заняться разработкой этого метода. Со времени лѣченія больной прошло уже 4 года, и я имѣю свѣдѣнія, что она и по настоящее время чувствуетъ себя совершенно удовлетворительно. Исторія этой больной крайне поучительна.

Осенью 1893 года въ Томскую клинику поступила больная Р.... съ жалобами на постоянныя жгучія боли въ глубинѣ таза, преимущественно въ

боковыхъ его частяхъ, по временамъ боли эти успокаивались, но чувство жженія или, какъ выражалась больная, непріятнаго и раздражающаго зуда въ глубинѣ паховыхъ областей не покидало ее, не смотря на то, что она постоянно лѣчилась и повторно подвергалась выскабливанію слизистой оболочки матки. Послѣдній изъ лѣчившихъ ее врачей заявилъ ей, что безпокоющія ее припадки находятся въ связи съ болѣзненнымъ измѣненіемъ яичниковъ, и что только удаленіе послѣднихъ можетъ избавить ее отъ страданій. Въ виду этого больная, попавъ, по служебнымъ дѣламъ мужа, въ Томскъ и не будучи въ состояніи выносить долѣе своей болѣзни, обратилась ко мнѣ съ просьбой удалить ей яичники.

При изслѣдованіи, рядомъ съ признаками, указывавшими на хроническій перелой вульвы (склерозъ *Bartholin*'овыхъ железъ, сосочковыя разрощенія въ окружности выводныхъ отверстій этихъ железъ и въ преддверіи рукава), были распознаны также хроническій катарръ матки и воспалительныя измѣненія придатковъ обѣихъ сторонъ. Матка не велика, дномъ своимъ направлена кпереди; полость ея расширена; отдѣляемое, вытекающее изъ наружнаго отверстія матки богато гнойными шариками; гонококковъ не найдено. Обѣ трубы утолщены. Правый яичникъ смѣщенъ книзу, лежитъ у боковаго края матки, слегка увеличенъ. Лѣвый смѣщенъ и укрѣпленъ въ заднемъ *Douglas*'овомъ пространствѣ, плохо прощупывается. Изслѣдованіе придатковъ, въ общемъ, крайне чувствительно. Желая подробнѣе ознакомиться со свойствомъ припадковъ и точнѣе установить показанія къ оперативному вмѣшательству, я предложилъ больной остаться въ клиникѣ и лѣчить пока имѣющійся катарръ матки. Такъ какъ она уже два раза безъ успѣха подвергалась выскабливанію матки, то я избралъ для лѣченія внутриматочныя впрыскиванія. Сперва впрыскиванія производились черезъ день, но затѣмъ, въ виду того, что въ день впрыскиванія больная чувствовала себя свободной отъ болѣзненныхъ ощущеній, въ свободные же дни снова жаловалась на чувство жженія въ тазу, впрыскиванія производились уже ежедневно. Больная хорошо переносила лѣченіе и послѣ 20 впрыскиваній чувствовала себя настолько удовлетворительно, что перестала думать объ операціи и выписалась изъ клиники, чтобы продолжать лѣченіе въ качествѣ приходящей. По выходѣ изъ клиники впрыскиванія, по прежнему, дѣлались ежедневно, съ нѣсколькими пропусками въ 4—5 дней. Въ общемъ, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня поступленія больной въ клинику сдѣлано было 60 впрыскиваній. Къ этому времени больная чувствовала себя уже совершенно свободной отъ прежнихъ припадковъ, отдѣляемое матки стало незначительнымъ и слизистымъ; яичники остались, правда, укрѣпленными въ смѣщенномъ положеніи, но границы ихъ обозначались рѣзче, а изслѣдованіе ихъ уже не

сопровождалось болью. Но самое существенное, что обратило на себя мое вниманіе, это то, что *за все время лѣченія внутриматочными впрыскиваніями*, т. е., въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, *мѣсячныхъ не было вовсе*, и больная, въ общемъ, не страдала отъ этого.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ возможность видѣть нѣсколько разъ больную и убѣждаться каждый разъ, что результаты леченія не только удовлетворительны, но и достаточно стойки. По отношенію къ этой больной заслуживаетъ особаго упоминанія то обстоятельство, что по характеру своему больная принадлежала къ той категоріи женщинъ, которыя изъ чувства ли боязни, мнительности или въ силу повышенной нервной возбудимости обычно докладываютъ врачу каждый малѣйшій болѣзненный симптомъ, придавая ему большое значеніе и видя въ немъ большую угрозу своему здоровью. Если такая больная, прошедши черезъ цѣлый рядъ врачей, умолкла наконецъ и считаетъ себя здоровой, то, слѣдовательно, никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ не появляется вновь.

Другой случай относится къ этой же категоріи, и хотя онъ точно также приведенъ мною въ предшествовавшей моей работѣ, тѣмъ не менѣе, я перепечатываю его цѣликомъ, такъ какъ онъ относится къ числу характерныхъ по своимъ подробностямъ.

П. Т. Ш—ва, 27 л., крестьянка Томской губерніи, замужемъ 9 лѣтъ, рожала правильно и безъ осложненій 6 разъ; послѣдніе роды 1 годъ назадъ. Больна со времени послѣднихъ родовъ; постепенно, безъ особенно рѣзкихъ припадковъ, появились бѣли; мѣсячныя начали сопровождаться болями; мало по малу боли въ крестцѣ и надъ лобкомъ сдѣлались сильнѣе, не прекращаясь и послѣ мѣсячныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ появились мучительное чувство напиранія внизъ, ощущеніе тяжести въ глубинѣ таза и боли въ различныхъ мѣстахъ живота, преимущественно въ области правой почки и желудка. Больная нѣсколько разъ ѣздила въ городъ и усердно лечилась; въ послѣдній пріѣздъ она, по совѣту лечившаго ее врача, подверглась операціи (отнята влагалищная часть), но и послѣ этого не замѣтила никакого облегченія. При первыхъ же послѣ операціи мѣсячныхъ наступило обычное ухудшеніе болѣзненныхъ припадковъ, даже въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ бывало ранѣе. Послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ больная провела у себя въ деревнѣ, но не будучи въ состояніи переносить болѣе свою болѣзнь, опять пріѣхалавъ городъ, на этотъ разъ въ клинику, соглашаясь, буде нужно, подвергнуться новой операціи, лишь бы избавиться отъ своихъ страданій.

Слизистая оболочка входа въ рукавъ гиперэмирована; мѣстами у задней спайки и у основанія складки дѣвственной плевы эпителій слущенъ. Слизистая оболочка влагалища рыхла, обильно покрыта желтоватою слизью.

Влагалищная часть лежитъ въ переднемъ отдѣлѣ таза, вблизи лоннаго соединенія. Наружный зѣвъ зіяетъ. Неподвижное тѣло матки опредѣляется въ заднемъ сводѣ (перегибъ матки); малѣйшее надавливаніе на него вызываетъ острую боль, препятствующую дальнѣйшему изслѣдованію. Боковые своды незаняты, слегка напряжены, при надавливаніи чувствительны. На влагалищной части слѣды произведеннаго отсѣченія; наружное отверстіе съ ссадинами; изъ канала шейки выдѣляется желтоватая жидкость въ незначительномъ количествѣ, при микроскопическомъ изслѣдованіи содержащая много гнойныхъ элементовъ и низшихъ организмовъ; гонококковъ не найдено. Распознаваніе: Затяжной эндометритъ, затяжной слипчивый периметритъ, перегибъ матки кзади. Чтобы успокоить боли и опредѣлить особенности перегиба матки были назначены болеутоляющія свѣчи (по 0,01 грм. солянокислаго морфія въ каждой), покойное положеніе въ постели и легкая тампонація сводовъ марлею, пропитанною 3%-нымъ растворомъ ихтіола въ глицеринѣ. Такое лѣченіе длилось около 3 недѣль. Не смотря на это, ни въ самочувствіи больной, ни въ данныхъ изслѣдованія, не произошло ни малѣйшаго улучшенія: тѣже припадки, таже невыносимая боль при изслѣдованіи. Тогда больной были назначены впрыскиванія въ матку. Первыя впрыскиванія сопровождались небольшимъ усиленіемъ боли въ глубинѣ таза, но, въ общемъ, переносились хорошо. Приблизительно впрыскиваній черезъ 15 больная, уже замѣтно для окружающихъ, сдѣлалась покойнѣе, менѣе жаловалась на боли и заявляла, что чувствуетъ себя лучше. Внутреннее изслѣдованіе, произведенное послѣ 20 впрыскиваній, уже не сопровождалось прежними криками; своды были нечувствительны; дно матки впервые удалось безъ особой боли вывести изъ задняго *Douglas'ова* пространства. Еще черезъ 20 впрыскиваній больная чувствовала себя совершенно удовлетворительно; влагалищное изслѣдованіе было совсѣмъ безболѣзненно; матка, хотя и была перегнута кзади, но каждый разъ могла быть легко выведена впередъ. Для устраненія перегиба кзади больной была предложена операція (брюшное укрѣпленіе матки), но, чувствуя себя совершенно хорошо, она рѣшила уѣхать въ деревню и вернуться для операціи только въ случаѣ ухудшенія или невозможности работать*).

И въ этомъ случаѣ имѣется больная изъ числа тѣхъ неспокойныхъ, волнующихся, постоянно жалующихся и настойчиво ищущихъ помощи. И тутъ результаты лѣченія рѣзко бросаются въ глаза.

*) Больная оставила клинику 8/XII 1895 г.; въ маѣ 1896 г. получены послѣднія свѣдѣнія объ ея удовлетворительномъ состояніи. Въ другомъ подобномъ же случаѣ послѣ лѣченія впрыскиваніями произведено было брюшное укрѣпленіе матки съ успѣшнымъ исходомъ, въ смыслѣ полнаго выздоровленія.

Далѣе, я упомяну кратко и еще о двухъ случаяхъ, приведенныхъ въ вышеупомянутой статьѣ. Въ первомъ случаѣ дѣло шло о молодой женщинѣ, хворавшей впродолженіи 4-хъ лѣтъ и явившейся въ клинику съ явленіями хроническаго катарра вагины, хроническаго (гоноррейнаго) воспаленія слизистой оболочки матки и съ опухолевиднымъ измѣненіемъ придатковъ матки (salpingo-oophoritis chonica duplex) обѣихъ сторонъ: съ каждой стороны матки на мѣстѣ придатковъ опредѣлялась опухоль величиною съ апельсинъ. Рядомъ съ обычными болевыми припадками, въ періодъ пребыванія больной въ клиникѣ установлены предменструальныя ожесточенія болѣзни съ повышеніемъ температуры и съ увеличеніемъ опухоли на мѣстѣ воспаленныхъ придаткокъ. Въ результатѣ лѣченія наблюдались исчезновеніе характерныхъ явленій эндометрита и значительное уменьшеніе придатковъ: сдѣлалось возможнымъ опредѣлять въ отдѣльности и яичники, и трубы; ежемѣсячныя обостренія исчезли. Придатки тѣмъ не менѣе оставались фиксированными въ необычномъ положеніи и по временамъ (при работѣ) давали себя знать незначительными болевыми ощущеніями. По просьбѣ больной, спустя нѣкоторое время произведено удаленіе придатковъ, которые оказались фиксированными тесемчатыми безсосудистыми ложными перепонками, легко и безъ осложненій удалены, и, что особенно важно въ этомъ случаѣ, послѣ операціи и въ дальнѣйшемъ у больной не наблюдалось никакихъ осложненій ни субъективныхъ, ни объективныхъ.

Второй случай интересенъ тѣмъ, что больная съ рѣзко выраженными явленіями хроническаго воспаленія придатковъ гоноррейнаго происхожденія послѣ повторнаго лѣченія впрыскиваніями, спустя 5 мѣсяцевъ подверглась чревосѣченію, причемъ удалена была лѣвая труба съ остатками свѣжаго трубнаго выкидыша 3—4 недѣльнаго возраста. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ лѣченіе впрыскиваніями настолько было успѣшно въ отношеніи возстановленія функцій измѣненныхъ придатковъ, что больная забеременѣла, хотя беременность не могла принять обычнаго теченія, благодаря стойкимъ тканевымъ измѣненіямъ, которыя остались въ результатѣ бывшаго воспалительнаго процесса, и противъ которыхъ, конечно, безсильно фармацевтическое лѣченіе.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ примѣненія внутриматочныхъ впрыскиваній при заболѣваніяхъ придатковъ получены были въ общемъ такіе же удовлетворительные результаты, столько же убѣдительные для меня, сколько и для врачей, непосредственно ведущихъ лѣченіе. За указанный выше періодъ времени систематическія впрыскиванія примѣнены были въ 71 случаѣ salpingo oophorit'a (односторонніе, двусторонніе, а равно и въ различныхъ стадіяхъ заболѣванія—въ остромъ и хроническомъ) и въ 6-ти случаяхъ, гдѣ

измѣненіе локализировалось исключительно въ серозномъ покровѣ матки (perimetritis chronica adhaesiva). Въ общемъ во всѣхъ случаяхъ субъективное состояніе больныхъ улучшалось въ такой степени, что больныя часто послѣ 30 впрыскиваній уже считали себя здоровыми и готовы были прекратить лѣченіе. Объективно наилучшіе результаты получались у тѣхъ больныхъ, начало болѣзни которыхъ относилось къ недавнему времени; при этомъ получалось полное возстановленіе нормальныхъ отношеній. Для примѣра привожу исторію одной изъ недавнихъ больныхъ, судьба которой мнѣ извѣстна и по окончаніи лѣченія.

М... Н... 19 лѣтъ, незамужняя, родила 1 разъ три года тому назадъ совершенно правильно и безъ осложненій; по занятію проститутка, поступила въ клинику 17 сентября 1896 года съ жалобами на непрекращающіяся кровотеченія изъ половыхъ органовъ въ продолженіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ; передъ началомъ этихъ симптомовъ больная замѣтила появленіе желтоватыхъ, ѣдкихъ и достаточно обильныхъ выдѣленій изъ вагины. Рядомъ съ этимъ появились боли въ нижней части живота, въ поясницѣ, а въ послѣдніе мѣсяцы особенно рѣзкія схватки въ лѣвой паховой области; каждые 2—3 дня замѣчается усиленіе болей, сопровождаемое тошнотой, а иногда и рвотой.

При объективномъ изслѣдованіи найдено слѣдующее: склерозъ Бартолиновыхъ железъ, во влагалищѣ обильное количество желтоватаго секрета; небольшая влагалищная часть смѣщена по проводной оси вагины, тѣло матки отклонено взадъ, слегка увеличено, чувствительно, подвижно; въ лѣвомъ боковомъ сводѣ опредѣляется довольно объемистый, величиною съ кулакъ tumor, плотный, рѣзко чувствительный; съ правой стороны на мѣстѣ придатковъ опухоль, величиною съ яблоко, значительно менѣе чувствительная. При зеркальномъ изслѣдованіи portio vaginalis носитъ слѣды боковыхъ разрывовъ, orificium externum окружено эрозированнымъ поясомъ, изъ отверстія матки выдѣляется кровянистая жидкость. Изслѣдованіе влагалищно-маточныхъ выдѣленій на гонококки дало отрицательные результаты.

Diagnosis: Endometritis chronica; salpingo-oophoritis duplex. Retrovevsio uteri. Laceratio portionis vaginalis. Bartolinitis chronica. Назначены впрыскиванія. Послѣ 14 впрыскиваній больная чувствовала себя настолько удовлетворительно, что могла продолжать лѣченіе амбулаторно; въ теченіе этого послѣдняго періода лѣченія сдѣлано еще 17 впрыскиваній (ежедневно); къ этому времени отъ измѣненій въ придаткахъ не осталось никакого слѣда. Лѣченіе велось подъ наблюденіемъ ординатора куратором больной—студентомъ 5-го курса.

Приводить еще исторіи больныхъ, это значитъ повторять въ общихъ чертахъ сказанное выше. Не было случая, гдѣ лѣченіе впрыскиваніями не

сопровождалось бы улучшеніемъ состоянія больныхъ. Вообще чѣмъ свѣжѣе случай, тѣмъ полнѣе выздоровленіе. При продолжительномъ существованіи болѣзни и при значительномъ измѣненіи строенія и конфигураціи придатковъ, по окончаніи лѣченія все-таки остаются объективныя измѣненія въ заболѣвшихъ органахъ, но не смотря на это, субъективно больныя чувствуютъ себя замѣтно удовлетворительнѣе и могутъ мириться съ состояніемъ своего здоровья. Признаки воспалительнаго состоянія подъ вліяніемъ лѣченія исчезаютъ, органы таза, хотя бы и не принявшіе прежнихъ своихъ размѣровъ, становятся нечувствительными и въ общемъ не безпокоятъ больныхъ.

Само собою разумѣется, что при значительномъ растяженіи трубъ гноемъ (pyosalpinx) или при наличности въ толщѣ яичника гнойныхъ полостей, нельзя надѣяться на полное restitutio ad integrum или, если это теоретически возможно, то для этого потребуется значительное время, въ теченіе котораго почти невозможно услѣдить за больной; съ другой стороны, было бы неосновательно требовать, чтобы при лѣченіи воспалительнаго состоянія тазовой брюшины, при одновременномъ перегибѣ матки назадъ, съ прекращеніемъ воспалительныхъ явленій, и матка обязательно приняла бы правильное положеніе. Тѣмъ не менѣе и при нагноеніи въ трубѣ, и при стойкомъ перегибѣ матки существенно важно устранить имѣющіяся измѣненія, какъ въ полости матки, такъ и въ брюшинѣ; съ устраненіемъ ихъ и измѣненную трубу вѣрнѣе можно удалить, и успѣшный результатъ удаленія будетъ обезпеченъ гораздо прочнѣе, чѣмъ если бы операція была произведена при наличности периметрита или катарра матки, могущихъ обусловить осложненія въ послѣопераціонномъ періодѣ; точно также послѣ устраненія воспалительныхъ измѣненій и перегибъ матки допускаетъ болѣе успѣшное примѣненіе и сохраняющаго (массажъ, ортопедическія мѣры), и оперативнаго лѣченія.

Впрочемъ, какъ показываютъ наблюденія послѣднихъ лѣтъ надъ больными, лѣчившимися впрыскиваніями, необходимость въ производствѣ оперативнаго пособія имѣетъ мѣсто не часто, такъ какъ большинство больныхъ послѣ впрыскиванія довольны состояніемъ своего здоровья и менѣе всего думаютъ о серьезной операціи.

Слѣдуетъ при этомъ упомянуть, что вообще для достиженія хорошихъ результатовъ лѣченія необходимо въ хроническихъ случаяхъ доводить число ежедневныхъ впрыскиваній до 40 и необходимо при этомъ добиться остановки менструаціи на 2—3 мѣсяца; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ впрыскиванія дѣлались въ меньшемъ числѣ, гдѣ они велись не систематически изо дня въ день, и гдѣ, слѣдовательно, задержка регулъ не была достигнута, тамъ эффектъ лѣченія былъ выраженъ значительно слабѣе и ограничивался большею частью устране-

ніемъ воспалительнаго состоянія въ полости матки, уменьшеніемъ болевыхъ симптомовъ въ окружности, но величина опухолевидно измѣненныхъ придатковъ весьма мало измѣнялась.

Отсюда явствуетъ, что въ хроническихъ случаяхъ и при наличности значительныхъ измѣненій въ придаткахъ, дѣйствіе внутриматочныхъ впрыскиваній обосновано не только на мѣстныхъ измѣненіяхъ mucos'ы, но и на устраненіи менструальной функціи. Дѣйствительно, при наступившемъ полномъ физіологическомъ покоѣ, съ прекращеніемъ связанныхъ съ менструаціей періодическихъ приливовъ крови къ органамъ таза, успѣшнѣе идетъ обратное развитіе воспалительныхъ измѣненій въ заболѣвшихъ придаткахъ, тѣмъ болѣе что со стороны слизистой оболочки матки (подъ вліяніемъ впрыскиваній) прекращается дальнѣйшій ростъ и распространеніе возбудителей воспаленія. Конечно, о полной гистологической restitutio ad integrum въ заболѣвшихъ тканяхъ не можетъ быть и рѣчи; слѣды перенесеннаго заболѣванія остаются въ видѣ той соединительной ткани, которая обычно появляется въ мѣстахъ, подвергшихся воспалительному раздраженію. При нѣкоторыхъ условіяхъ (длительная гоноррея, тяжелое родильное заболѣваніе) обратный ходъ тканевыхъ измѣненій можетъ сопровождаться образованіемъ гнойныхъ гнѣздъ, рѣже въ толщѣ маточной стѣнки, чаще въ окружающей клѣтчаткѣ и еще чаще въ фаллопіевыхъ трубахъ и яичникахъ, но при этомъ мы имѣемъ уже конечные исходы заболѣваній, не исключающіе возможности ихъ полнаго уничтоженія: небольшія гнойныя гнѣзда въ толщѣ матки или клѣтчаткѣ могутъ исчезать съ образованіемъ на ихъ мѣстѣ рубцевой ткани, воспалительныя (гнойныя) скопища, въ особенности въ трубахъ (pyosalpinx), могутъ, конечно, потребовать оперативнаго вмѣшательства *), но операція въ подобныхъ случаяхъ, при отсутствіи возбудителей воспаленія, само собой разумѣется, будетъ сопровождаться болѣе вѣрнымъ успѣхомъ,чѣмъ при обратныхъ условіяхъ, когда всегда возможенъ возвратъ болѣзни, при наличности, напримѣръ, жизнедѣятельныхъ гонококковъ въ слизистой оболочкѣ матки. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ прекращеніемъ ежемѣсячныхъ приливовъ, съ установленіемъ временнаго климактерія, создаются неблагопріятныя условія для низшихъ организмовъ, препятствующія ихъ дальнѣйшему

*) Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать справедливымъ взглядъ (*Kaltenbach, Frommel*), что дальнѣйшее теченіе гнойныхъ гнѣздъ въ трубѣ намъ мало извѣстно. Есть основаніе думать, что съ теченіемъ времени и при благопріятныхъ условіяхъ pyosalpinx можетъ сдѣлать значительные шаги къ обратному развитію. Таковъ, напр., случай, оперированный по поводу міомы *Frommel*'емъ спустя 21 годъ послѣ тяжелаго перелойнаго пораженія придатковъ. Содержимое въ запустѣвшей мѣстами трубѣ представляло гноеподобный распадъ съ многочисленными кристаллами холестеарина (Verhandlungen der deutschen Gesellschaft für Gynäkologie, V Съѣздъ. 1893. стр. 336).

распространенію по тканямъ и ускоряющія ихъ гибель *). Существующее болѣзненное пораженіе вступаетъ при такихъ условіяхъ въ конечную ступень измѣненій, завершаясь образованіемъ стойкой соединительной ткани или оставляя послѣ себя гнойныя гнѣзда, подлежащія удаленію.

Такимъ образомъ, временное прекращеніе мѣсячныхъ слѣдуетъ считать главнымъ и наиболѣе существеннымъ дѣйствіемъ внутриматочныхъ впрыскиваній при лѣченіи затянувшихся воспаленій матки и ея придатковъ.

Въ общемъ по поводу хроническихъ воспалительныхъ состояній въ области матки и ея придатковъ можно сказать слѣдующее:

1. Систематическія внутриматочныя впрыскиванія составляютъ одинъ изъ лучшихъ консервативныхъ способовъ лѣченія хроническихъ воспалительныхъ состояній половой сферы. Причины, обусловливающія и поддерживающія воспалительный процессъ (хроническій эндометритъ), устраняются; ежемѣсячные приливы, способствующіе прогрессивному развитію болѣзненныхъ измѣненій, прекращаются; въ силу этого въ заболѣвшихъ частяхъ быстро и замѣтно наступаютъ явленія регрессивнаго метаморфоза; воспаленные органы уменьшаются въ объемѣ, пріобрѣтаютъ утерянную подвижность и становятся безболѣзненными.

II. Въ случаяхъ недавняго происхожденія можетъ наблюдаться полное выздоровленіе; при продолжительномъ существованіи болѣзни и при наличности значительныхъ структурныхъ измѣненій (hydrosalpinx, pyosalpinx, гнойныя гнѣзда въ толщѣ яичника и по сосѣдству матки) внутриматочныя впрыскиванія составляютъ наилучшее средство устранить тяжелые симптомы и обезпечить относительное здоровье. Вмѣстѣ съ тѣмъ впрыскиванія составляютъ необходимый подготовительный пріемъ, обезпечивающій успѣшный исходъ оперативныхъ пріемовъ въ области заболѣвшихъ придатковъ.

III. Существенное значеніе въ хроническихъ случаяхъ имѣетъ временное прекращеніе менструаціи, и съ этой цѣлью впрыскиванія должны производиться систематически, ежедневно и въ количествѣ не менѣе 30—40.

Третья группа болѣзненныхъ измѣненій, при которыхъ показаны внутриматочныя, впрыскиванія, составляется изъ случаевъ, въ которыхъ признаки воспалительнаго состоянія отсутствуютъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что необходимо согласиться съ мнѣніемъ, по которому „видѣть во всѣхъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ только инфекцію—

*) Что для гонококковъ при различномъ составѣ тканей существуютъ и различныя условія роста и жизнедѣятельности, показываетъ, между прочимъ, и работа *Madlener*'а (Centralblatt für Gynäkologie, 1895, № 50), который убѣдился, что, хотя гонококки и могутъ проникать черезъ толщу матки до сывороточнаго покрова, но все-же мышцы матки неблагопріятны для нхъ развитія и роста, и они въ ней гибнутъ очень скоро.

это значило-бы заранѣе ограничить себя такими узкими рамками зрѣнія, которыя препятствуютъ правильно понимать и оцѣнивать болѣзненныя проявленія" (Bouchard). Дѣйствительно, ежедневное клиническое наблюденіе обнаруживаетъ передъ нами рядъ такихъ измѣненій и разстройствъ въ области половыхъ органовъ, которыя не могутъ быть отнесены въ группу воспалительныхъ состояній не только по своему клиническому теченію и признакамъ, но и на основаніи данныхъ анатомическаго и гистологическаго изслѣдованія. Какъ оцѣнивать, напримѣръ, кровотеченія изъ полости матки при наклоненіяхъ матки кпереди или при перегибахъ ея кзади, или при фибромiомахъ; какъ назвать кровопотери изъ матки подъ вліяніемъ злоупотребленій in Venere, или подъ вліяніемъ неправильностей психическаго состоянія; наконецъ, какъ отнестись къ кровотеченіямъ изъ матки въ климактерическомъ возрастѣ. Анатомическое изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ только что перечисленной группы даетъ намъ основанія считать эти кровопотери симптомомъ воспалительныхъ измѣненій; но съ другой стороны нѣтъ недостатка и въ случаяхъ, гдѣ воспалительный характеръ измѣненій не можетъ быть установленъ. Лучшимъ примѣромъ этого рода могутъ служить данныя изслѣдованія при такъ наз. „endometritis hyperplastica"; при этомъ во многихъ случаяхъ самое тщательное изслѣдованіе устанавливаетъ только утолщеніе resp. гипертрофію слизистой оболочки матки, безъ какихъ-бы то ни было указаній на то, что такая гипертрофія обязана своимъ происхожденіемъ воспалительному раздраженію; тщательное изслѣдованіе на микроорганизмы (Döderlein, Winter, Pfannenstill) даетъ отрицательные результаты; равнымъ образомъ при гистологическомъ изслѣдованіи находятся случаи, въ которыхъ не удается найти никакихъ признаковъ инфильтраціи лейкоцитами. Это—случаи чистой гипертрофіи mucos'ы матки, встрѣчающіеся при неправильныхъ положеніяхъ матки, въ особенности при перегибахъ ея назадъ; менѣе выражена эта гипертрофія при перегибахъ и наклоненіяхъ кпереди*); нерѣдко такія измѣненія слизистой матки имѣются при міомахъ

*) При этомъ чрезвычайно интересенъ фактъ, на который обратилъ вниманіе Doleris, и который легко можетъ быть провѣренъ клинически при выскабливаніяхъ, производимыхъ въ полости матки при различныхъ видахъ неправильнаго положенія матки. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что гипертрофія слизистой оболочки распространена не на всю полость матки, а занимаетъ только небольшіе участки, то на передней стѣнкѣ, то исключительно на задней, то въ области дна, то наоборотъ въ нижнихъ отдѣлахъ и вблизи внутренняго зѣва матки. Такое гнѣздное утолщеніе mucos'ы матки приходилось наблюдать мнѣ при выскабливаніяхъ у женщинъ, страдающихъ кровопотерями и усиленными катарральными выдѣленіями изъ матки въ связи съ недостаточнымъ обратнымъ развитіемъ ея послѣ родовъ (Subinvolutio uteri). Я всегда обращалъ вниманіе моихъ слушателей на это обстоятельство и объяснялъ это частичное утолщеніе слизистой оболочки матки недостаточнымъ обратнымъ развитіемъ матки послѣ родовъ именно на мѣстѣ прикрѣпленія placentae, основываясь исключительно на соображеніяхъ чисто теоретическаго свойства. Какъ извѣстно, такимъ частичнымъ задержаніемъ involюціи матки нѣкоторые авторы (Martin) объясняютъ происхожденіе въ отдѣльныхъ случаяхъ перегибовъ матки то кпереди (при недостаткѣ обратнаго развитія послѣдовой площад-

матки въ особенности субмукозныхъ; наконецъ, тоже самое наблюдается при недостаточномъ обратномъ развитіи матки послѣ родовъ.

Одновременно съ указанными выше гипертрофическими измѣненіями слизистой оболочки приходится нерѣдко наблюдать и утолщеніе самой мускулатуры матки на счетъ гипертрофіи и гиперплязіи мышечныхъ элементовъ, или насчетъ увеличенія крови въ сосудахъ матки или накопленія въ толщѣ ея тканевой жидкости. Послѣднее можно встрѣтить при перегибѣ назадъ или наклоненіи впередъ; съ другой стороны мышечная толща матки увеличена нерѣдко замѣтнымъ образомъ у больныхъ, ведущихъ исторію своей болѣзни со времени родовъ, протекшихъ безъ достаточной послѣдовательной инволюціи матки. Какъ упомянуто уже выше, не во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возможно видѣть результаты перенесеннаго или протекающаго воспалительнаго процесса.

Во многихъ случаяхъ указанныя выше болѣзненныя состоянія матки придется разсматривать какъ результатъ трофическихъ измѣненій или измѣненій, обусловленныхъ разстройствами кровообращенія въ тазовой полости; нерѣдко придется имѣть дѣло съ чисто функціональными разстройствами; иногда причина мѣстныхъ измѣненій и мѣстныхъ разстройствъ кроется въ общемъ заболѣваніи организма женщины.

Тоже самое, что наблюдается въ области матки, имѣетъ мѣсто и въ области яичника, гдѣ иной разъ замѣтныя анатомическія измѣненія и рѣзко выраженные клиническіе припадки обусловливаются не воспалительнымъ процессомъ, а исключительно трофическими неправильностями. Сюда относится такъ наз. „мелко-кистовидное“ измѣненіе (kleincystische Degeneration), нерѣдко встрѣчающееся, при отсутствіи какихъ бы то ни было слѣдовъ вос-

---

ки, расположенной на задней стѣнкѣ матки), то кза ди(тоже самое на передней стѣнкѣ матки). Съ другой стороны Doleris обратилъ вниманіе (Traité pratique de Gynäkologie par S. Bonnet et P. Petit. Paris 1897 г. 298) на то, что при перегибахъ матки утолщеніе слизистой оболочки имѣется вблизи угла перегиба, тогда какъ при наклоненіяхъ измѣняются преимущественно участки mucos'ы въ области дна матки

Можетъ быть этою разницею въ состояніи слизистой оболочки матки можно будетъ объяснить и тѣ длительныя кровотеченія изъ матки, которыя наблюдаются при наклоненіяхъ кпереди (Anteversio uteri) и которыя часто не поддаются точному объясненію. Если смотрѣть на слизистую оболочку матки какъ на мѣсто, откуда могутъ идти раздраженія, обусловливающія приливъ къ половымъ органамъ, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ приливъ этотъ регулируется путемъ ежемѣсячныхъ кровопотерь, то кровотеченія при гипертрофіи mucos'ы, сопровождающей наклоненіе матки кпереди, будутъ совершенно понятны; вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно будетъ объяснить, почему при перегибѣ матки кпереди—состояніи, сходномъ съ наклоненіемъ кпереди—кровоточивость эта не выражена въ такой же мѣрѣ; измѣненія mucos'ы при наклоненіяхъ касаются дна матки и имѣютъ бо́льшее распространеніе, чѣмъ при перегибахъ, гдѣ измѣненія сосредоточиваются на меньшемъ участкѣ въ области угла перегиба; вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы думать, что значеніе слизистой оболочки увеличивается по направленію снизу вверхъ, и что mucosa дна матки въ этомъ отношеніи можетъ обнаруживать наибольшее физіологическое значеніе.

паленія, при міомахъ матки и при функціональныхъ неправильностяхъ матки у истерическихъ особъ *).

Въ противуположность перечисленнымъ только что измѣненіямъ, характеризующимся гипертрофическими процессами, имѣются другого сорта разстройства, при которыхъ, наоборотъ, дѣло кончается уменьшеніемъ массы органовъ и уничтоженіемъ присущей имъ функціи. Вообще слѣдуетъ различать двѣ категоріи невоспалительныхъ измѣненій въ области половыхъ органовъ женщины; первая изъ нихъ характеризуется усиленнымъ приливомъ крови къ органамъ таза, а потому увеличеннымъ ростомъ тканей; другая категорія, наоборотъ, являетъ себя уменьшеннымъ кровоснабженіемъ и процессами атрофическаго характера.

Имѣя въ виду указанное выше дѣйствіе внутриматочныхъ впрыскиваній (временное прекращеніе менструальныхъ кровотеченій), необходимо помнить, что только въ случаяхъ, характеризующихся приливомъ къ органамъ таза и сопровождающихся процессами гипертрофическаго свойства, показана внутриматочная терапія въ томъ видѣ, въ какомъ она предложена мною.

Слѣдовательно, внутриматочныя впрыскиванія показаны при кровотеченіяхъ изъ матки рефлекторнаго происхожденія**) въ началѣ половой жизни и въ климактерическомъ возрастѣ; далѣе, тѣже впрыскиванія показаны при гиперсекреціи и кровотеченіяхъ, сопровождающихъ наклоненія матки кпереди, перегибы кзади, недостаточное обратное развитіе послѣ протекшихъ родовъ или выкидыша; наконецъ, внутриматочныя впрыскиванія показаны при фибромiомахъ матки, сопровождающихся указанной выше гипертрофіей mucos'ы и протекающихъ при явленіяхъ усиленныхъ слизистыхъ выдѣленій изъ матки и обильныхъ кровопотерь этимъ путемъ.

Во всѣхъ только что перечисленныхъ случаяхъ терапевтическое дѣйствіе внутриматочныхъ впрыскиваній обосновано на прекращеніи менструальныхъ приливовъ, благодаря чему обратное развитіе гипертрофированныхъ частей совершается безпрепятственно, и половые органы возвращаются къ состоянію, при которомъ отсутствуютъ болѣзненные припадки.

Въ подтвержденіе только что сказаннаго я не могу привести большого числа клиническихъ наблюденій по той простой причинѣ, что, во 1-хъ, трофическія разстройства половыхъ органовъ нерѣдко сочетаются съ воспалительными измѣненіями***), а потому клиническія наблюденія въ подоб-

*) Нѣкоторыя подробности касательно мелко-кистовиднаго перерожденія яичника приведены мною въ главѣ о строеніи яичника въ сочиненіи моемъ „Основы къ изученію акушерства и женскихъ болѣзней". Томскъ. 1893 г.

**) ср. Pozzi. Traite de Gynecologie et. c. p. 596.

***) Не трудно представить себѣ случай перегиба матки назадъ, осложненный воспалительнымъ состояніемъ mucos'ы, къ которому впослѣдствіи присоединяются воспалительныя же измѣненія въ окружающихъ частяхъ; при этомъ, конечно, будутъ существовать двоякаго

ныхъ случаяхъ не могутъ считаться въ желаемой степени доказательными, а, во 2-хъ, и потому, что среди клиническаго матеріала случаи чистыхъ трофическихъ разстройствъ попадаются вообще рѣже сравнительно съ воспалительными формами, болѣе тяжелыми по теченію своему, а потому требующими въ большей мѣрѣ клиническаго содержанія и лѣченія.

Наичаще попадаются среди клиническихъ больныхъ случаи функціональныхъ разстройствъ половой сферы въ климактерическомъ возрастѣ и случаи фиброміомъ матки, не осложненные воспалительными измѣненіями, но и этотъ матеріалъ незначителенъ въ Томской клиникѣ, обладающей только 10 гинекологическими кроватями.

Независимо отъ этого, весь персоналъ клиники за истекшіе года исключительно былъ занятъ наблюденіями за дѣйствіемъ внутриматочныхъ впрыскиваній при воспалительныхъ состояніяхъ половыхъ органовъ, и въ силу этого не имѣлъ времени и возможности сосредоточить свое вниманіе на болѣе легкихъ и рѣже встрѣчающихся чистыхъ трофическихъ измѣненіяхъ. Тѣмъ не менѣе единичныя наблюденія и въ этомъ послѣднемъ направленіи имѣются, и среди этихъ наблюденій въ особенности хорошо и полно прослѣженъ одинъ случай, подробности относительно котораго я считаю необходимымъ сообщить.

27 января 1897 года въ Томскую гинекологическую клинику поступила Ольга М....., 54 лѣтъ съ жалобами на постоянныя кровопотери изъ половыхъ органовъ и небольшія боли въ поясницѣ. За 39 лѣтъ супружеской жизни больная была 6 разъ беременна, причемъ какъ роды, такъ и послѣродовой періодъ протекали безъ осложненій. Послѣдній разъ родила 28 лѣтъ тому назадъ. Первые регулы явились на 14-мъ году, всегда продолжались по 3—4 дня и приходили черезъ 3 недѣли, не сопровождаясь никакими болевыми ощущеніями. Послѣ родовъ обыкновенно вставала на 5-й день и всѣхъ дѣтей кормила до году. Послѣ послѣднихъ родовъ впервые замѣтила мѣсяца черезъ 2 боли внизу живота и въ поясницѣ; одновременно появились выдѣленія изъ влагалища въ большемъ количествѣ, чѣмъ это было въ предшествовавшее время. Мѣсячныя съ этого времени измѣнились въ томъ отношеніи, что продолжались до 5 дней, хотя по прежнему являлись черезъ 3 недѣли и не сопровождались особеннымъ усиленіемъ обычныхъ болевыхъ ощущеній въ области таза. 5 лѣтъ тому назадъ мѣсячныя пріоб-

рода измѣненія—обусловленныя перегибомъ трофическія разстройства и рядомъ съ этимъ измѣненія, свойственныя воспалительному процессу. Мало того, какъ показываетъ ежедневный клинический опытъ, перегибъ матки назадъ и свойственныя ему трофическія измѣненія приводятъ матку въ такое состояніе, при которомъ она легче и скорѣе заболѣваетъ при наличности воспалительнаго агента: по сравненію съ здоровой маткой перегнутая назадъ болѣе ранима и оказываетъ меньшую сопротивляемость болѣзнетворнымъ агентамъ. Этимъ объясняется, почему на почвѣ трофическаго разстройства при перегибѣ или при subinvoluti'и матки иногда очень скоро развиваются воспалительные процессы, при которыхъ клиническая картина первоначальнаго трофическаго разстройства совершенно стушевывается.

рѣли неправильный характеръ, являлись черезъ 2 недѣли и тянулись по 2 недѣли. Около этого времени въ 1892 году больная обратилась въ клинику, гдѣ ей было сдѣлано мною выскабливаніе, а вслѣдъ за этимъ и сшиваніе стараго разрыва шейки. По уходѣ изъ клиники больная чувствовала себя нѣкоторое время лучше; регулы являлись черезъ 3 недѣли и продолжались по 5—6 дней; особенныхъ болевыхъ ощущеній не было. Съ іюля 1896 года мѣсячныя снова измѣнились (черезъ 2 недѣли по 10 дней), а съ конца декабря того же года кровотеченія пріобрѣли постоянный характеръ и не прекращались до поступленія въ клинику.

Въ тѣ немногіе дни, когда крови уменьшались, изъ влагалища выдѣлялось обильное количество желтоватой, слегка окрашенной кровью слизистой жидкости; къ этому же времени боли въ поясницѣ и въ нижней части живота пріобрѣли болѣе сильный характеръ.

При объективномъ изслѣдованіи найдено слѣдующее: больная средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, нѣсколько тучная; со стороны органовъ грудной и брюшной полости измѣненій не усмотрѣно. При ощупываніи нижней части живота—умѣренная чувствительность по средней линіи, тотчасъ надъ симфизомъ. Наружныя половыя части увлажены кровянистымъ секретомъ; малыя губы слегка гипертрофированы и значительно выстоятъ наружу; незначительный разрывъ промежности; задняя стѣнка вагины слегка пролабируетъ. Влагалищная часть матки увеличена, лежитъ по проводной оси вагины, подвижна, при смѣщеніяхъ нѣсколько болѣзненна. Тѣло матки плотно, увеличено замѣтнымъ образомъ, опредѣляется черезъ передній сводъ, подвижно, при ощупываніи чувствительно. При зеркальномъ изслѣдованіи изъ отверстія влагалищной части вытекаетъ кровянистая, слегка желтоватая жидкость; поверхность влагалищной части и окружность зѣва безъ измѣненія. Длина матки = 9,5 стм.

Въ придаткахъ матки особенныхъ измѣненій не замѣчено.

Микроскопическое изслѣдованіе маточнаго и влагалищнаго секрета не обнаружило присутствія какихъ либо микроорганизмовъ.

Діагнозъ: Pseudo-metritis (на почвѣ старой subinvolutionis). Climacterium. Лѣченіе: внутриматочныя впрыскиванія (T-rae jodi, spiriti vini rectificatiss, aa) ежедневно. Послѣ 4-хъ впрыскиваній выдѣленіе крови изъ матки прекратилось. Весь февраль мѣсяцъ больная получала впрыскиванія и 27-го февраля (послѣ 31 впрыскиванія) оставила клинику въ удовлетворительномъ состояніи: кровей нѣтъ, боли значительно меньше, *матка замѣтно уменьшилась, при измѣреніи зондомъ = 8 стм.*; больную нѣсколько тревожатъ обычные in climacterio припадки, каковы чувство жара, мгновенно охватывающаго все тѣло, потливость, кишечныя неправильности.

Съ 27-го января по 18-е марта—слѣдовательно почти 8 недѣль, крови отсутствовали; къ этому времени у больной появились обычныя у нея предвѣстники менструаціи (чувство полноты въ глубинѣ таза, учащенный позывъ къ мочеиспусканію, давленіе sub scrobiculo и т. д.), но послѣдняя не наступала; такъ какъ одновременно съ этимъ чувство боли въ поясницѣ усилилось и сдѣлалось для больной источникомъ безпокойствъ, то больная снова поступила въ клинику, чрезвычайно обезпокоенная состояніемъ своего здоровья. Въ безпокойствѣ этомъ играло существенное значеніе то обстоятельство, что больной было упомянуто кѣмъ то, что кровотеченія, которыми она страдала до поступленія въ клинику, могутъ быть предвѣстниками раковаго пораженія матки. Мысль эта не покидала больную и въ силу этого она настаивала на томъ, чтобы внутренность матки была снова точно изслѣдована. Уступая въ этомъ больной и желая ее на этотъ счетъ совершенно успокоить, я предложилъ ей сдѣлать выскабливаніе полости матки, каковое и было произведено 18 марта. Слизистая оболочка матки оказалась при этомъ атрофированной, мѣстами явственно некротизированной, со слѣдами желтовато бурой окраски отъ предшествовавшаго лѣченія (t-ra jodi). Послѣ выскабливанія больная совершенно успокоилась; черезъ 8 дней вслѣдъ за этимъ у больной появилась кровь изъ матки, по характеру своему менструальная; черезъ 4 дня при обычномъ покойномъ положеніи больной въ постели выдѣленіе крови прекратилось, и больная съ хорошимъ самочувствіемъ и при отсутствіи какихъ либо субъективныхъ припадковъ оставила клинику. Микроскопическое изслѣдованіе удаленныхъ кусочковъ слизистой оболочки матки не обнаружило какихъ либо существенныхъ ея измѣненій, кромѣ указанныхъ выше особенностей, обусловленныхъ впрыскиваніями іода.

Только что приведенный случай представляется интереснымъ во многихъ отношеніяхъ; во 1-хъ, онъ доказываетъ, что внутриматочныя впрыскиванія съ успѣхомъ могутъ примѣняться въ климактерическомъ возрастѣ при кровотеченіяхъ, обусловленныхъ трофическими измѣненіями матки; во вторыхъ, онъ устанавливаетъ, что подъ вліяніемъ впрыскиваній размѣры увеличенной матки замѣтно уменьшаются (въ данномъ случаѣ съ 9,5 ст. длина матки къ концу лѣченія достигла 8 стм); въ третьихъ, случай этотъ, повидимому, указываетъ, что при наступленіи временнаго климактерія, послѣдній можетъ быть прерванъ выскабливаніемъ матки. По крайней мѣрѣ въ приведенномъ только что случаѣ значеніе выскабливанія бросается въ глаза, такъ какъ безъ сомнѣнія у больной задержка регулъ продлилась бы болѣе продолжительное время, именно въ виду того, что въ клиникѣ сдѣлано было 31 впрыскиваніе, а послѣ выхода изъ клиники амбулаторно впрыскиванія продолжались до 50. Послѣ такого числа впрыскиваній обычно регулы появляются

по окончаніи лѣченія, спустя 1—2 мѣсяца, тогда какъ въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, 8 марта прекращены впрыскиванія, 18 сдѣлано выскабливаніе, а 25 появились снова регулы; слѣдовательно черезъ 17 дней по прекращеніи лѣченія регулы возвратились.

Конечно, едва-ли придется когда либо пользоваться выскабливаніемъ съ цѣлью вызвать вновь задержанную менструацію, такъ какъ обычно регулы спустя 1—2 мѣсяца вновь возвращаются; съ другой стороны передъ новымъ появленіемъ мѣсячныхъ molimina menstrualia лишь въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ такой силы, при которой они требовалибы оперативнаго вмѣшательства.

Но независимо отъ этого сдѣланное выше наблюденіе относительно мѣсячно-гоннаго вліянія выскабливанія при временномъ климактеріи, обусловленномъ внутриматочными впрыскиваніями, важно въ томъ отношеніи, что оно еще разъ оттѣняетъ роль mucos'ы матки въ физіологическихъ отправленіяхъ половой сферы.

Говоря о трофическихъ измѣненіяхъ матки и о роли терапевтической при этомъ внутриматочныхъ впрыскиваній, необходимо упомянуть о недостаточномъ обратномъ развитіи матки послѣ родовъ и въ особенности послѣ выкидыша. Значеніе внутриматочныхъ впрыскиваній въ этихъ случаяхъ опредѣляется ограниченіемъ кровонакопленія въ маткѣ, устраненіемъ ежемѣсячныхъ приливокъ, результатомъ чего является уменьшеніе матки, которое можетъ быть доказано измѣреніемъ ея.

Въ особенности слѣдуетъ рекомендовать впрыскиванія въ матку послѣ протекшаго выкидыша, такъ какъ въ случаяхъ этого послѣдняго рода, какъ извѣстно, чаще всего и внѣ всякаго вліянія воспалительнаго раздраженія наблюдаются задержки въ ходѣ обратнаго развитія половыхъ органовъ, результатомъ чего являются стойкія утолщенія матки и измѣненія топографическихъ отношеній ея въ полости таза. Въ продолженіе послѣдняго года въ Томской клиникѣ принято правиломъ въ каждомъ случаѣ выкидыша дѣлать внутриматочныя впрыскиванія первые 10—15 дней.

Обращаясь къ другимъ формамъ трофическихъ измѣненій половыхъ органовъ женщины, приходится сознаться въ недостаткѣ клиническихъ наблюденій по этому поводу; по крайней мѣрѣ за истекшее время на этомъ не было сосредоточено вниманіе въ Томской клиникѣ. Въ особенности было бы интересно прослѣдить вліяніе впрыскиваній при менструальныхъ разстройствахъ, сопровождающихъ неосложненные васпалительнымъ состояніемъ случаи наклоненія и перегиба матки кпереди. Далѣе, чрезвычайно важно было-бы испробовать систематическія впрыскиванія при міомахъ матки, допускающихъ консервативное лѣченіе и по незначительной величинѣ и по

особенностямъ анатомическаго положенія. Разсуждая теоретически, можно утверждать, что подъ вліяніемъ внутриматочныхъ впрыскиваній, кровотеченія при міомахъ матки должны устраняться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сама опухоль должна уменьшаться; особенно замѣтное вліяніе должно обнаружиться при небольшихъ опухоляхъ, сидящихъ интерстиціально и по анатомическому своему характеру относящихся къ разряду чистыхъ міомъ; чистые фиброиды, а тѣмъ болѣе субсерозные фиброиды, такъ же точно какъ и рѣзко обозначенные субмукозные формы, конечно, не могутъ быть излѣчены консервативными пріемами.

Къ сожалѣнію наблюдавшіеся въ Томской клиникѣ случаи фибромiомъ, какъ по величинѣ, такъ и по анатомическимъ особенностямъ уже съ самаго начала требовали оперативнаго лѣченія, а потому сказать, насколько впрыскиванія въ матку могутъ быть полезны при нѣкоторыхъ формахъ міомъ, не представляется для меня возможнымъ, хотя, какъ упомянуто выше, теоретическія соображенія заставляютъ испробовать рекомендуемый мною способъ лѣченія въ случаяхъ небольшихъ міомъ *).

Въ заключеніе повторю основныя положенія, вытекающія изъ выше приведеннаго изложенія касательно внутриматочныхъ впрыскиваній:

1. Внутриматочныя впрыскиванія, производимыя съ соблюденіемъ надлежащихъ правилъ, составляютъ безопасный способъ лѣченія.

2. Терапевтическое дѣйствіе внутриматочныхъ впрыскиваній обнаруживается только при систематическомъ примѣненіи ихъ у больныхъ въ томъ видѣ, какой предложенъ мною, и который заключается въ ежедневномъ производствѣ ихъ въ количествѣ 30—40 впрыскиваній у одной и той же больной.

3. По своему вліянію на половую сферу женщины, внутриматочныя впрыскиванія могутъ и должны быть выдѣлены въ совершенно особый методъ терапіи, обладающій особенностями, отличающими его отъ всѣхъ другихъ видовъ внутриматочной терапіи.

4. Внутриматочныя впрыскиванія обнаруживаютъ мѣстное дѣйствіе на матку и общее на физіологическія отправленія половой сферы. Мѣстное дѣйствіе выражается въ регрессивныхъ измѣненіяхъ слизистой оболочки мат-

*) Примѣненіе внутриматочныхъ впрыскиваній при міомахъ матки съ цѣлью остановки кровотеченій было испробовано не разъ, при чемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ даже замѣчено было уменьшеніе опухоли. Въ русской литературѣ объ этомъ дѣйствіи впрыскиваній упоминаютъ Горвицъ, Спримонъ, Соловьевъ (см. работу послѣдняго „О введеніи лѣкарственныхъ веществъ въ полость матки". Казань. 1879 г.). Однако, внутриматочныя впрыскиванія не носили характера систематическихъ, ежедневныхъ, и не сопровождались наступленіемъ временнаго климактерія. Во всякомъ случаѣ данныя Спримона и Соловьева даютъ полныя основанія думать, что внутриматочныя впрыскиванія въ той формѣ, какъ я ихъ рекомендую, окажутся существенно полезными въ нѣкоторыхъ случаяхъ міомъ матки.

ки и въ уменьшеніи размѣровъ органа; общее вліяніе выражается въ полномъ физіологическомъ покоѣ половой сферы, въ устраненіи менструаціи и въ установленіи „временнаго климактерія".

5. Наилучшимъ фармацевтическимъ препаратомъ для внутриматочныхъ впрыскиваній слѣдуетъ считать іодную настойку, разбавленную наполовину 95% спиртомъ; очень выгодна въ терапевтическомъ отношеніи примѣсь къ указанной только-что смѣси 5%-въ alumnol'я, такъ какъ послѣдній обусловливаетъ болѣе сильное вліяніе на слизистую оболочку матки.

6. Наибольшее терапевтическое дѣйствіе обнаруживается при лѣченіи острыхъ воспалительныхъ состояній матки и ея придатковъ (повышенная температура падаетъ, боли исчезаютъ, воспалительные выпоты всасываются кровотеченія прекращаются).

7. Во многихъ случаяхъ хроническаго воспаленія придатковъ матки, съ опухолевиднымъ измѣненіемъ ихъ, измѣненныя части приходятъ въ такое состояніе (боли устраняются, величина и видъ придатковъ приближается ad normam), при которомъ вопросъ объ операціи устраняется самъ собою.

8. Въ другихъ случаяхъ опухолевиднаго измѣненія придатковъ (pyosalpinx) эти послѣдніе доводятся до такого состоянія, при которомъ оперативное удаленіе ихъ значительно облегчается, а возвратъ страданія предотвращается.

9. Хроническое воспаленіе тазовой брюшины подъ вліяніемъ впрыскиваній совершенно излѣчивается, послѣ чего дальнѣйшее лѣченіе сопутствующихъ страданій (перегибъ матки назадъ, опухолевидныя остатки воспалительно измѣненныхъ придатковъ) можетъ уже быть производимо вѣрнѣе и безъ особеннаго риска.

10. Подъ вліяніемъ внутриматочныхъ впрыскиваній излѣчиваются самые упорные виды воспаленія внутренняго покрова матки (гоноррейный эндометритъ).

11. Послѣ лѣченія внутриматочными впрыскиваніями даже тяжелыхъ гоноррейныхъ воспаленій матки и ея придатковъ можетъ возстановиться способность къ производительной дѣятельности женщины.

12. Внутриматочныя впрыскиванія показаны при трофическихъ разстройствахъ органовъ половой сферы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти разстройства сопровождаются приливомъ къ половымъ органамъ и увеличеніемъ resp. гипертрофіей ихъ. Сюда относятся 1) гипертрофія слизистой оболочки матки (такъ наз. endometritis hyperplastica) при перегибахъ, наклоненіяхъ и при недостаточномъ обратномъ развитіи матки послѣ родовъ и выкидыша, 2) утолщенія матки насчетъ гипертрофіи тканей ея (subinvolutio) или насчетъ застоя крови или отека ея ткани (при перегибѣ назадъ и наклоненіи кпереди), 3) увеличеніе яичниковъ на счетъ одновременнаго развитія многихъ

Граафовыхъ пузырьковъ (kleincystische Degeneration) при отсутствіи воспалительнаго вліянія.

13. Внутриматочныя впрыскиванія показаны при разстройствахъ менструаціи, наблюдаемыхъ въ климактерическомъ возрастѣ и не обусловленныхъ новообразованіями.

14. Внутриматочныя впрыскиванія показаны при небольшихъ фибромiомахъ матки, сидящихъ въ толщѣ ея.

Проф. Ив. Грамматикати.

ОТЧЕТЪ

О КОМАНДИРОВКѢ ЗАГРАНИЦУ ВЪ 1896 ГОДУ.

Проф. А. М. Зайцева.

Командировка моя за границу, срокомъ съ 1 Мая 1896 года по 15 Января 1897 г., имѣла цѣлью: 1) осмотръ нѣк. институтовъ и музеевъ; 2) личное ознакомленіе съ постановкою преподаванія минералогіи и 3) выборъ на мѣстѣ приборовъ и проч. для минералогическаго кабинета Томскаго Университета.

Согласно намѣченной цѣли, я остановился, для выполненія первой и третьей задачъ командировки, на приводимомъ ниже маршрутѣ; что же касается второй изъ нихъ, то я выбралъ Гёттингенъ, гдѣ пробылъ съ начала зимняго семестра 1896—97 года до конца пребыванія заграницею, занимаясь въ минералогическо-петрографическомъ институтѣ проф. Либиша. Первымъ пунктомъ остановки былъ Берлинъ, откуда я направился чрезъ Боннъ и Ахенъ въ Парижъ; пробывъ здѣсь нѣкоторое время, я проѣхалъ отсюда чрезъ Женеву и Бернъ въ Вѣну и Дрезденъ. Изъ послѣдняго я совершилъ поѣздку въ Фрейбергъ, направившись затѣмъ въ Гёттингенъ. Въ послѣдующемъ я намѣренъ изложить вкратцѣ главнѣйшіе результаты командировки, остановившись подробнѣе на нѣкоторыхъ музеяхъ, представляющихъ особенный интересъ какъ въ цѣляхъ преподаванія, такъ и выставкою и расположеніемъ коллекцій.

Изъ берлинскихъ музеевъ я укажу здѣсь на „Museum für Naturkunde“, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ зданія, часть верхняго этажа котораго занимаетъ минералогическо-петрографическій институтъ проф. Клейна.

Помѣщеніе института представляетъ рядъ комнатъ съ различными приспособленіями для занятій студентовъ и спеціалистовъ по минералогіи и петрографіи: съ гоніометромъ, по проявленію фотографическихъ снимковъ и т. д.; съ устройствомъ кабинета я познакомился, благодаря любезности проф. Тенне.

Названный музей изобилуетъ прекрасными экземплярами минераловъ, между которыми находится не мало изъ русскихъ мѣсторожденій; средина залы занята коллекціею метеоритовъ. Минералы расположены по химической классификаціи (видѣнная мною основная коллекція минераловъ и горныхъ породъ размѣщена по топографическому принципу). Установка штуфовъ почти вертикально и освѣщене музея не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Во время пребыванія въ Берлинѣ я совершилъ отсюда поѣздку въ Штеглицъ для осмотра оптико-механическаго заведенія Р. Фюса, у котораго предполагалъ пріобрѣсти нѣкоторые приборы для минералогическаго кабинета; я посѣтилъ также берлинскую ремесленную выставку, гдѣ осмотрѣлъ въ отдѣлѣ научныхъ инструментовъ, въ числѣ другихъ, приборы, представленные на выставку названнымъ оптикомъ.

Проѣздомъ чрезъ Боннъ я ознакомился съ коллекціями здѣшняго минер.-петрограф. института; изъ нихъ особенно интересны: прекрасное собраніе минераловъ, купленное Боннскимъ университетомъ у покойнаго А. Кранца, и петрографическая коллекція, составленная фомъ Ратомъ.

Я посѣтилъ также Ф. Кранца, съ цѣлью выбора минераловъ для пополненія учебной коллекціи нашего кабинета и заказа картонныхъ моделей большого формата (нѣк. комбинаціи и двойники).

Въ Парижѣ мною осмотрѣны подробнѣе музеи горной школы и естественной исторіи, какъ представлявшіе для меня наибольшій интересъ.

Въ первомъ изъ нихъ минералогическія коллекціи, кромѣ вестибюля зданія, гдѣ выставлены образцы и подѣлки изъ Сибирскаго графита (подар. Алибера), занимаютъ двѣ комнаты въ первомъ этажѣ (образцы полезныхъ ископаемыхъ изъ различныхъ мѣсторожденій, расположенные по элементамъ, и т. д.) и три комнаты второго этажа. Въ двухъ изъ нихъ выставлены коллекціи рубиновъ, полевыхъ шпатовъ и др. минераловъ, полученныхъ искусственно Фреми, Фуке и Мишель—Леви, Добре и проч., прекрасные штуфы полевого и известковаго шпатовъ и др.

Третья комната (большая зала) второго этажа занята минералами Франціи и ея колоній (шкафы вдоль стѣнъ) и систематическою коллекціею, выставленною въ витринахъ по срединѣ залы. Прекрасные штуфы цеолитовъ, кристаллы алмаза и проч. находятся также въ витринахъ у оконъ. Въ числѣ другихъ, обращаетъ на себя вниманіе коллекція нефрита изъ Сибири, подаренная музею г. Алибером.

Минералогическія коллекціи музея естественной исторіи помѣщаются въ т. н. галлереѣ минералогіи и геологіи. Въ вестибюлѣ ея находятся минералогич. коллекція Гаюи и собраніе кристаллографическихъ моделей Роме де Лиля, имѣющія историческій интересъ. Въ длинной залѣ влѣво отсюда размѣщены минералогическія и геологическія коллекціи.

Первыя занимаютъ нижній ярусъ галлереи, по окружности ея; средняя часть залы и верхній ярусъ отведены для геологическихъ коллекцій. Въ составъ минералогическаго собранія входятъ: *общая коллекція*, нѣсколько *спеціальныхъ и образцы, не вошедшіе* въ составъ предыдущихъ коллекцій.

Общая коллекція занимаетъ рядъ шкафовъ и витринъ между колоннами галлереи, при чемъ нумерація ихъ начинается слѣва отъ входа въ залу. Самые минералы, среди которыхъ многіе отличаются красотою и размѣрами штуфовъ, расположены по системѣ Грота. Спеціальныя коллекціи находятся въ шкафахъ противъ колоннъ: это—коллекція минераловъ Франціи и ея колоній, коллекціи: технологическая, шлифованныхъ драгоцѣнныхъ камней и нѣк. др.

Технологическая коллекція состоитъ изъ минераловъ, идущихъ въ шлифованномъ видѣ на украшенія, подѣлки и проч.

Кромѣ названныхъ, имѣются еще коллекція жадеита и графита изъ Сибири и нѣк. др., собраніе метеоритовъ, занимающее центральную часть залы, и т. д.

Въ Женевѣ мною былъ осмотрѣнъ „Musée d'histoire naturelle", гдѣ отведено мѣсто и минералогической коллекціи, представляющей хорошіе штуфы, главн. образомъ, изъ швейцарскихъ мѣсторожденій минераловъ. Небольшая коллекція послѣднихъ пріобрѣтена мною для нашего музея у г. Мино.

Музей, подобный женевскому, былъ посѣщенъ мною также въ Бернѣ. Минералы расположены здѣсь въ порядкѣ химической классификаціи; главнѣйшій интересъ представляютъ штуфы швейцарскихъ минераловъ, отмѣченные на этикеткахъ особымъ знакомъ. Изъ нихъ укажу на магнитный желѣзнякъ, плавиковый шпатъ, адуляръ, альбитъ, рѣдкіе по величинѣ кристаллы горнаго хрусталя, дымчатаго кварца, аметиста и проч.

Вѣнскій „Naturhistorisches Hofmuseum", къ обзору котораго теперь перехожу, представляетъ особенный интересъ какъ по помѣщенію, отведенному коллекціямъ, такъ и по характеру выставленныхъ предметовъ и размѣщенію ихъ.

Я ограничусь здѣсь указаніемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ, находящіеся въ минералогическо-петрографическ. собраніи, занимающемъ первыя пять залъ нижняго этажа зданія музея.

Терминологическая коллекція минераловъ имѣетъ цѣлью ознакомленіе по характернымъ экземплярамъ послѣднихъ съ признаками и свойствами ихъ и научною терминологіею. Сюда же относится *коллекція кристалловъ*, полученныхъ въ лабораторіи.

Далѣе, мы встрѣчаемъ здѣсь коллекціи: *динамическую, систематическую, техническую, драгоцѣнныхъ камней, строительныхъ матеріаловъ*,

горныхъ породъ и метеоритовъ. Первая знакомитъ съ образованіемъ минераловъ изъ растворовъ, въ друзахъ и жилахъ, съ процессами химическаго разложенія и преобразованія минераловъ (псевдоморфозы).

Систематическая коллекція минераловъ изобилуетъ прекрасными экземплярами послѣднихъ. Особенно выдающіеся штуфы выставлены частію на столѣ въ первой залѣ, частію въ шкафахъ 2-й и 3-й залъ. Изъ нихъ укажемъ здѣсь на друзы кристалловъ каменной соли, кристаллы гипса и др., отличающіеся величиною, образчики золота, самородокъ платины изъ Нижне-Тагильскаго округа на Уралѣ вѣс. 6300 килогр., прекрасные кристаллы самородныхъ: висмута, серебра, оловяннаго камня и мн. др. Техническая коллекція—собраніе самородныхъ металловъ и рудъ—предметовъ горной разработки, заводскихъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ для химической промышленности.

Въ коллекціи драгоцѣнныхъ камней имѣются необдѣланные и шлифованные и отчасти вставленные въ оправу экземпляры алмаза, сафира и проч.

Украшеніе музея величайшей цѣнности составляетъ собраніе метеоритовъ—единственное въ своемъ родѣ. Весьма поучительнымъ добавленіемъ въ музеѣ являются стѣнныя картины, писанныя рукою первоклассныхъ художниковъ; сюжетъ ихъ имѣетъ отношеніе къ выставленнымъ предметамъ или служитъ для дальнѣйшаго поясненія ихъ.

Въ Дрезденѣ я посѣтилъ «Mineralogisch-geologisches Museum», гдѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ петрографическое и палеонтологическое собранія.

Въ минералогическомъ отдѣленіи музея, занимающемъ большую залу, расположены коллекціи: *общая систематическая и спеціальная* (минералы изъ саксонскихъ мѣсторожденій). Первая находится въ витринахъ по срединѣ залы (расположена главн. образомъ по химическому принципу), вторая—влѣво отъ входа, въ витринахъ у оконъ. Выдающіеся по величинѣ и красотѣ штуфы изъ обѣихъ коллекцій выставлены въ стѣнныхъ шкафахъ; сюда относятся, напр., прекрасные экземпляры плавиковаго и тяжелаго шпатовъ, самороднаго серебра, прустита и др., особенно изъ саксонскихъ мѣсторожденій.

Хорошіе штуфы нѣк. минераловъ я пріобрѣлъ для нашего музея отъ д-ра Франке въ Дрезденѣ.

Поѣздка въ Фрейбергъ была предпринята съ цѣлью осмотра минералогическаго и геологическаго музеевъ здѣшней горной академіи, а также имѣющагося при послѣдней склада минераловъ („Mineralien-Niederlage"), гдѣ предполагалось сдѣлать нѣк. заказы для кабинета.

Въ минералогическомъ музеѣ горной академіи обращаютъ на себя вниманіе штуфы нѣк. минераловъ (Schaustücke). Особенность здѣшняго музея

—отдѣльная комната (т. н. Вернеровскій музей), гдѣ находятся портретъ, каталоги, писанные рукою знаменитаго минералога, и проч.

Въ геологическомъ музеѣ имѣется замѣчательная коллекція изъ различныхъ рудныхъ мѣсторожденій Саксоніи, модели, знакомящія съ послѣдними, и т. д.

Мною выбраны, съ цѣлью пріобрѣтенія для нашего кабинета, въ упомянут. складѣ нѣк. саксонскіе минералы и заказаны коллекціи: 1) поучительныхъ штуфовъ для ознакомленія съ структурою рудныхъ жилъ; 2) петрографическая—глав. образомъ, саксонскія породы.

Перехожу теперь къ своимъ занятіямъ во время пребыванія въ Гёттингенѣ, которыя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Во первыхъ, я слушалъ лекціи проф. Либиша, читавшаго въ зимнемъ семестрѣ 1896—97 года два курса: спеціальной минералогіи (2 часа въ недѣлю) и физической кристаллографіи (2 ч.). Во вторыхъ, я просмотрѣлъ препараты, модели и проч., служащіе пособіемъ при преподаваніи кристаллографіи и минералогіи, ознакомился ближе съ нѣк. методами изслѣдованія и имѣлъ возможность работать съ приборами, снабженными новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями, присланными въ Гёттингенъ для личнаго моего ознакомленія Р. Фюсомъ изъ Берлина. Этою возможностью я обязанъ проф. Либишу, извѣстному спеціалисту въ области кристаллографіи и кристаллооптики, оказывавшему мнѣ во все время моего пребыванія въ Гёттингенѣ самое дружеское вниманіе и помощь при занятіяхъ.

Укажу здѣсь вкратцѣ на характеръ преподаванія минералогіи въ Гёттингенѣ, на сколько онъ выяснился для меня при посѣщеніи лекцій проф. Либиша, а также остановлюсь нѣсколько на практическихъ работахъ, которымъ посвящалась большая часть моего времени.

Въ основѣ здѣшняго преподаванія—желаніе дать возможность слушателю видѣть многое, облегчить, так. образомъ, усвоеніе фактической части курса: ему показываются многочисленные экземпляры минераловъ изъ коллекцій прекрасно обставленнаго музея, микроскоп. и др. препараты, рисунки, картины, стѣнныя таблицы. Послѣднія (числомъ болѣе 2000) являются весьма цѣннымъ пособіемъ для преподаванія; съ нихъ сдѣланы фотографическіе снимки, послужившіе для изготовленія рисунковъ, помѣщенныхъ проф. Либишемъ въ его извѣстномъ руководствѣ «Grundriss der physikalischen Krystallographie».

Что касается, въ частности, курса физической кристаллографіи, то преподаваніе его сопровождается показываніемъ многихъ приборовъ, постановкою опытовъ и проч.; успѣху дѣла способствуютъ большой навыкъ проф. Либиша и богато обставленный приборами и пр. кабинетъ. Усвоенію курса физ. кристаллографіи оказываютъ также не малую услугу единственныя

въ своемъ родѣ коллекціи кристаллографическихъ и кристаллооптическихъ препаратовъ, составленныя проф. Либишемъ какъ пособіе къ его «Grundriss'у» и изданной имъ ранѣе «Physikalische Krystallographie».

Названныя пособія и нѣк. др. предоставляются въ пользованіе слушателей во время практическихъ занятій ихъ въ кабинетѣ (3 часа въ недѣлю).

Какъ уже упомянуто выше, я занимался просмотромъ препаратовъ, моделей и проч. по кристаллографіи, кристаллооптикѣ и спеціальной минералогіи (слюды, авгиты, роговыя обманки). Названныя коллекціи отличаются большою систематичностью и полнотою. Укажу здѣсь, напр., на прекрасное собраніе препаратовъ для ознакомленія съ методами ставроскопическаго изслѣдованія минераловъ, съ различными случаями дисперсіи, оптическихъ аномалій, плеохроизма и т. д.

Далѣе, я имѣлъ возможность заняться микрофотографированіемъ съ помощью простой камеры Фюса, полученіемъ фигуръ вытравливанія для нѣкоторыхъ минераловъ и проч.; работалъ съ гоніометромъ Фюса № 4а, пріобрѣтеннымъ мною для минерал. кабинета нашего Университета, ознакомился съ новымъ усовершенствованнымъ поляризаціоннымъ приборомъ по Нёрренбергу, съ микроскопомъ Фюса № III, снабженнымъ новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями, съ новымъ штативомъ для лупы и приспособленій для изслѣдованія въ поляризованномъ свѣтѣ и т. д. Кромѣ того, я ознакомился съ рядомъ др. приборовъ, какъ то: Totalreflectometr'омъ Кольрауша, компенсаторами Бабине и по Аману, различными приспособленіями для вращенія препаратовъ подъ микроскопомъ и проч.

Заканчивая этотъ отчетъ о своей заграничной поѣздкѣ, считаю долгомъ выразить здѣсь искреннюю благодарность глубокоуважаемому проф. Либишу за его столь цѣнное для меня участіе къ моимъ занятіямъ во время пребыванія въ Гёттингенѣ.

Строеніе и Отправленіе.

(ГИСТОЛОГИЧЕСКІЙ ЭСКИЗЪ).

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Томскаго Университета 22 октября 1897 года Профессоромъ **А. Е. Смирновымъ.**

М. Г-ни и М. Г-ри!

Одно изъ основныхъ свойствъ живого вещества—его преемственное происхожденіе и развитіе отъ себѣ подобныхъ и по себѣ подобнымъ. Наслѣдственность даетъ не только видовыя свойства, но и свойства производителя или производителей.—Подобно тому какъ, такъ называемыя, возмущенія планетъ привлекаютъ къ себѣ глубочайшее вниманіе астрономовъ, такъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ является одной изъ важныхъ и основныхъ задачъ біолога. Для разрѣшенія этой задачи необходимо совокупное, дружное и сосредоточенное усиліе представителей всѣхъ отраслей біологіи. Гистологія не оставалась вполнѣ безучастной въ доставленіи матеріала для рѣшенія сказанной проблеммы, издавна уже обращая свое вниманіе на отношенія между отправленіемъ и строеніемъ элементарныхъ организмовъ.

Живое вещество измѣняется подъ вліяніемъ «въ широкомъ смыслѣ внѣшнихъ условій», разумѣя подъ этимъ выраженіемъ нетолько чисто внѣшнюю среду, но и среду внутреннюю. Поясню сказанное примѣромъ. Такъ, напр., человѣкъ составленъ изъ неизчисленнаго количества микроскопическихъ существъ, называемыхъ клѣтками, изъ которыхъ однѣ находятся какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ той среды, которая окружаетъ и въ которой вращается весь организмъ, въ данномъ примѣрѣ человѣкъ (это—внѣшняя среда въ тѣсномъ смыслѣ слова), такъ и подъ вліяніемъ импульсовъ, исходящихъ изъ другихъ клѣтокъ, входящихъ въ составъ даннаго организма (внутренняя среда); другія клѣтки получаютъ лишь отголоски внѣшнихъ вліяній, на нихъ дѣйствіе внѣшней среды отражается посредственно при помощи, говоря кратко, среды внутренней. Но подобное же примѣнимо до нѣкоторой степени и для организма одноклѣточнаго, свободно живущаго,

въ особенности многоядернаго, ибо даже одноклѣточный организмъ имѣетъ свои органы, каковыми являются прежде всего ядро или ядра, залегающія внутри даннаго одноклѣточнаго и чрезъ то получающія свѣдѣнія о вліяніяхъ внѣшней среды черезъ среду внутреннюю, въ коей они залегаютъ. Въ такомъ многоклѣточномъ организмѣ, каковъ у млекопитающихъ, громадное большинство клѣтокъ находится подъ посредственнымъ вліяніемъ внѣшней въ тѣсномъ смыслѣ слова среды.

Въ живомъ веществѣ нѣтъ другого матеріала кромѣ того, который извѣстенъ намъ въ доступной нашимъ чувствамъ вселенной, да и изъ него лишь сравнительно малая часть химическихъ элементовъ входятъ въ составъ жизой матеріи, производя удивительно разнообразныя сочетанія, производя въ своей непрерывности измѣненій то сложнѣйшее явленіе, которое называется жизнью. Уже изъ сказаннаго явствуетъ, что въ основѣ структурныхъ явленій лежатъ процессы болѣе общіе, процессы физико-химическіе; а въ частности тонкое строеніе живой матеріи является лишь необходимымъ, можетъ быть даже грубымъ, выраженіемъ этихъ процессовъ, которое доступно наблюденію и опыту гистолога.

Какъ показываютъ сравнительная гистологія и исторія развитія, все доселѣ извѣстное намъ живое является въ формѣ т. наз. клѣтки, которая (т. е. клѣтка) должна быть разсматриваема по сію пору какъ единственный біологическій элементъ, служащій субстратомъ „всѣхъ элементарныхъ жизненныхъ явленій“. Клѣтка, по мѣткому выраженію Э. Брюкке, есть элементарный организмъ. По могучему мановенію великихъ открытій и идей Шлейдена, Шванна, Биша, И. Мюллера, А. Келликера и Р. Вирхова и при помощи многочисленныхъ работъ ихъ послѣдователей какъ физіологія, такъ равно и гистологія все болѣе и болѣе становились и становятся клѣточною физіологіей, клѣточною анатоміей. Клѣтка дѣлается исходнымъ и конечнымъ пунктомъ всѣхъ изслѣдованій физіолога и гистолога. Физіологія и гистологія при ея изученіи невольно идутъ рука объ руку, наталкиваясь на каждомъ шагу на постоянныя и неразрывныя отношенія между отправленіемъ и строеніемъ. «Строенія и отправленія кооперируютъ въ природѣ неразрывно», какъ справедливо выражается Говардъ Коллинсъ въ своемъ сокращенномъ изложеніи „Синтетической философіи“ Г. Спенсера, передавая соотвѣтствующую основную мысль великаго англійскаго философа.

Элементарный организмъ (клѣтка) является то свободно живущимъ среди окружающей его внѣшней среды, то является соединеннымъ болѣе или менѣе тѣсно и постоянно съ другими подобными, образуя многоклѣточные организмы. Раздѣленіе труда и дифференцировка, проявляющіяся уже у одноклѣточнаго, здѣсь получаютъ широкое поле примѣненія. Но съ вѣроятностью можно полагать, что потенціальная и кинетическая энергія диф-

ференцированія залегаетъ нетолько въ элементарномъ организмѣ, но и въ его составляющихъ (напр. зернышкахъ—гранулахъ—Альтманна), даже можетъ быть, въ самой молекулѣ бѣлка, призванной быть наисложнѣйшимъ выразителемъ безчисленныхъ соединеній и разложеній. Дифференцированіе клѣтокъ у сложныхъ многоклѣточныхъ организмовъ имѣетъ своимъ ближайшимъ исходнымъ пунктомъ первоначальныя коренныя свойства составляющихъ при измѣненныхъ условіяхъ ихъ отношеній къ внѣшней средѣ и другъ къ другу. Въ многоклѣточномъ организмѣ клѣтки, его составляющія, дифференцируются въ болѣе или менѣе отличающіяся другъ отъ друга группы, образующія единицы высшаго порядка, т. наз. ткани, а эти послѣднія, входя въ различныя анатомическія комбинаціи между собою, образуютъ органы, системы органовъ и цѣлый сложнѣйшій индивидъ, каковъ, напр., организмъ того или другого позвоночнаго. Всѣ ткани животнаго организма принято классифицировать въ слѣдующія четыре группы: эпителіальную, соединительно-тканную, мышечную и нервную.

Я приведу изъ ткани эпителіальной, мышечной и нервной нѣкоторые примѣры, изъ совокупности которыхъ, мнѣ думается, можно убѣдиться не только въ нераздѣльной связи между отправленіемъ и строеніемъ, но и вынести убѣжденіе, что отправленіе видоизмѣняетъ и даже опредѣляетъ гистологическое строеніе.

Изъ группы ткани эпителіальной воспользуюсь различными железами, существеннымъ гистологическимъ и физіологическимъ элементомъ которыхъ являются клѣтки эпителіальной ткани. Къ такимъ железамъ у млекопитающихъ и человѣка, которыхъ мы и будемъ имѣть въ виду почти исключительно, относятся, напр., слюнныя железы, молочныя, сальныя, потовыя, печень, поджелудочная железа, железы внутренней оболочки пищевода, желудка и кишекъ и многія другія. Эпителіальными клѣтками этихъ железъ вырабатываются тѣ продукты, по которымъ нерѣдко и самыя железы носятъ свое названіе, напр., слюна, потъ, молоко и т. д. Подъ покойнымъ состояніемъ железы принято разумѣть тотъ періодъ ея жизнедѣятельности, когда железа не выдѣляетъ секрета, обратное—подъ дѣятельнымъ состояніемъ. Перенося тоже понятіе на отдѣльную железистую клѣтку, называютъ находящейся въ стадіи покоя ту или тѣ, которыя не выдѣляютъ секрета, которыя накопляютъ, или уже накопили матеріалъ для будущей своей отдѣлительной дѣятельности; подъ железистой клѣткой, обрѣтающейся въ стадіи дѣятельности, понимаютъ такую, которая накопленный матеріалъ (прямо, или же, чаще проводя его черезъ рядъ предварительныхъ измѣненій еще нерѣдко внутри своего клѣточнаго тѣла) выдѣляетъ изъ себя въ видѣ болѣе или менѣе готоваго секрета. Покой и дѣятельность, какъ и всюду, суть понятія условныя, опредѣляемыя здѣсь въ отношеніи къ ко-

нечному результату специфической дѣятельности клѣтки, въ данномъ случаѣ железистой.

Во время покоя железистая клѣтка представляется, конечно въ дэталяхъ, по своему строенію иной, чѣмъ во время ея дѣятельности, какъ это показали изслѣдованія Ашерсона, Р. Гейденхайна, Лавдовскаго, Ленгли и многихъ другихъ изслѣдователей. Достаточно знать, что главнѣйшими составными морфологическими частями каждой клѣтки являются безспорно тѣло, т. наз. протоплазма (въ прежнемъ широкомъ смыслѣ слова) и ядро; то и другое имѣютъ сложное гистологическое строеніе. Во время покоя, какъ показали совмѣстные опыты и гистологическія наблюденія проф. Н. А. Мислявскаго и мои, произведенныя надъ околоушною и частію подчелюстной слюнной железой собаки, железистыя слюнныя клѣтки концевыхъ пузырьковъ и трубчатыхъ расширеній представляются набитыми зернышками, которыя иногда скрываютъ болѣе или менѣе ядро; границы между сосѣдними клѣтками выступаютъ неотчетливо или даже совершенно незамѣтны; лишь на очень тонкихъ срѣзахъ кромѣ зернышекъ можно видѣть намеки на мелкозернистый сѣтчатый остовъ, развитой наиболѣе въ ближайшей окружности ядра и кое гдѣ по бокамъ смежныхъ, соприкасающихся клѣтокъ. Во время дѣятельности, обычно выражавшейся болѣе или менѣе обильнымъ выдѣленіемъ слюны изъ соотвѣтствующаго протока и потомъ черезъ канюлю въ подставленный градуированный цилиндръ, картина строенія измѣнялась. Факторомъ, вызывавшимъ въ нашихъ опытахъ слюноотдѣленіе или, вообще являвшимся раздражителемъ, былъ электрическій токъ, но, кромѣ него, я впослѣдствіи пробовалъ пилокарпинъ и раздраженіе (психическое) голодавшихъ 24—48 часовъ собакъ при помощи сырого мяса и молока, которыя, потомъ обычно отдавались экспериментируемой собакѣ послѣ выдѣленія ею нерѣдко значительныхъ количествъ слюны и послѣ вылущенія одной изъ слюнныхъ парныхъ железъ (околоушной или подчелюстной). Во время работы железистая клѣтка мало по малу измѣняетъ свое строеніе, характерное для покоющихся клѣтокъ данной железы. Железистая клѣтка постепенно теряетъ свои зернышки, въ ней появляется, становится легко видимой петлистая основа изъ зернисто-волокнистаго вещества (ибо, не смотря на примѣняемыя сильныя увеличенія (2200—3000 разъ), нельзя было съ достаточною ясностью опредѣлить для глаза, съ нитью или зернами, тѣсно и рядами лежащими, или одновременно съ тѣми и другими образованіями, имѣется дѣло, тѣмъ болѣе что обыкновенно употреблялись разрѣзы толщиною не свыше 2—3—5 тысячныхъ милл.). Крайними картинами покойнаго и дѣятельнаго состоянія слюнной железистой клѣтки являются съ одной стороны клѣтка, набитая зернышками вплотную, какъ дробью (покойная клѣтка), съ другой стороны клѣтка, лишенная поч-

ти или совершенно таковыхъ и представляющаяся въ своемъ тѣлѣ въ видѣ рѣшетчатаго или ситовиднаго образованія, мѣстами даже какъ бы разорваннаго. И ядро клѣтки не остается при этомъ безъ участія: его общія очертанія, распредѣленіе его форменныхъ элементовъ являются иными въ пору покойнаго и въ пору дѣятельнаго состоянія железистой клѣтки, какъ это показываютъ давнія изслѣдованія Рудольфа Гейденхайна. Интересны въ этомъ отношеніи наблюденія Г. Галеотти, по мнѣнію котораго ядро не остается безучастнымъ въ доставленіи матеріала при жизнедѣятельности клѣтки, въ особенности же эксперименты и наблюденія надъ живыми одноклѣточными организмами Макса Ферворна, которыми убѣдительно доказывается дѣятельное и неразрывное, хотя и довольно самостоятельное въ то же время участіе протоплазмы и ядра въ общей жизни клѣтки. Проф. Лукьяновъ въ послѣднее время представилъ много важныхъ данныхъ объ участіи ядра въ жизни клѣтки и его значительной самостоятельности. При микроскопическихъ наблюденіяхъ раздражавшихся долгое время слюнныхъ железъ собаки иногда я наталкивался съ перваго взгляда на странное явленіе: на появленіе капель жира между и среди зернисто-волокнистой сѣти протоплазмы железистыхъ клѣтокъ, что какъ бы указывало на явленіе уже патологическое, переходъ къ которому являлся постепеннѣ. Сказанное о железахъ слюнныхъ въ общемъ примѣнимо и къ прочимъ эпителіальнымъ железамъ; а именно, всюду за отправленіемъ, какъ тѣнь, шествуетъ неразрывно измѣненіе дэталей гистологическаго строенія.

Ткань мышечная, въ особенности тотъ видъ этой сократительной по преимуществу ткани, который напр., у позвоночныхъ, всего рѣзче выраженъ въ произвольной мускулатурѣ, представляетъ особенно рѣзкіе примѣры касательно связи между отправленіемъ и строеніемъ. Повидимому уже у одноклѣточныхъ организмовъ проявляется стремленіе къ обособленію двигательной функціи, къ преимущественной локализаціи ея въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла, (напр., въ самомъ наружномъ протоплазменномъ отдѣлѣ и въ нѣкоторыхъ придаткахъ). У низшихъ многоклѣточныхъ уже рано появляется мышечная ткань вообще и даже проблески т. наз. поперечнополосатой мускулатуры, которая оказывается напр., даже у кишечнополостныхъ (Coelenterata). У медузъ, говоритъ Эймеръ, въ 1888 г. въ своей работѣ „о происхожденіи видовъ", появленіе поперечно-полосатой мускулатуры обязано крайне энергичной дѣятельности соотвѣтствующихъ клѣтокъ. Благодаря особенностямъ отправленія, у клѣтокъ уже опредѣленной тканевой группы наблюдается иногда такая дифференцировка, которая свойственна и характерна для клѣтокъ совершенно другой ткани. Такъ, клѣтки Десцеметовой оболочки роговицы глаза птицъ (утка), какъ показали мои изслѣдованія, произведенныя уже девять лѣтъ тому назадъ, являются съ гистологической стороны

дифференцированными на клѣточное тѣло съ ядромъ и на отростки, отходящіе отъ тѣла и представляющіе строеніе, схожее съ поперечно-полосатымъ мышечнымъ волокномъ. Въ 1893 году Э. Вольмеръ указываетъ, что у амфибій при регенераціи кожныхъ железъ эпителіальныя клѣтки глубокихъ слоевъ служатъ матеріаломъ нетолько для железистыхъ клѣтокъ, но и для гладкихъ мышечныхъ клѣтокъ, принадлежащихъ железамъ. Отростки клѣтокъ Десцеметовой оболочки птицъ обладаютъ способностью сокращенія и, можетъ быть, быстраго, послужившаго, вѣроятно, ближайшей причиной вышесказанной ихъ съ гистологической дифференцировки.

У многоклѣточныхъ мышечные элементы на пути постепеннаго филогенетическаго развитія, при все болѣе и болѣе возрастающемъ раздѣленіи труда, а съ нимъ вмѣстѣ и дифференцировки, становятся обособленною тканью, подраздѣляющейся на 2 вида—на ткань гладко-мышечную и ткань поперечно-полосатую. Сокращенное состояніе элементовъ мышечной ткани есть физіологически дѣятельное состояніе, разслабленіе же мышечныхъ клѣтокъ называется покойнымъ состояніемъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду лишь поперечно-полосатую мускулатуру, элементомъ которой является то болѣе или менѣе короткая, обычно одноядерная, клѣтка (напр., мышцы сердца млекопитающихъ), то многоядерное волокно, достигающее нерѣдко длины свыше 10—12 стм. Поперочнополосатая мускулатура достигаетъ высокой степени развитія уже среди безпозвоночныхъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ (членистоногія) она стала съиздавна даже классическимъ гистологическимъ объектомъ изслѣдованій. Изъ этого то отдѣла, а именно изъ класса насѣкомыхъ, я и воспользуюсь примѣромъ, взятымъ изъ работы Г. Г. Т. Эймера. Этотъ изслѣдователь констатировалъ слѣдующій интересный фактъ, датированный имъ 18 декабря 1884 года, касательно гистологическаго строенія въ эту пору года грудныхъ мышцъ у мухъ: «разительно, говоритъ онъ, что большая часть мышечныхъ волоконецъ безъ слѣда поперечной исчерченности,—вѣроятно отъ того, что мухи находятся теперь въ спячкѣ. Эти, потерявшія сказанную исчерченность, волоконца безъ исключенія всѣ оказываются тоньше тѣхъ, которыя еще сохранили въ большей или меньшей степени поперечныя полоски». 17 декабря 1885 года Эймеръ произвелъ подобное же наблюденіе, при чемъ оказалось, что всѣ грудныя мышцы мухи были безъ слѣда поперечной исчерченности. 27 ноября 1886 года онъ пишетъ: „у мухъ, находившихся въ состояніи зимней спячки, наблюдались лишь совершенно гладкія мышечныя волоконца въ груди, либо съ слѣдами поперечной исчерченности; но приведя данное животное при помощи согрѣванія и сильнаго сотрясенія въ движеніе, волоконца получали темныя поперечныя линіи равной толщины, довольно близко расположенныя другъ за другомъ". Опыты Эймера были повторены съ тѣмъ

же успѣхомъ докторомъ Фосселеромъ, который кромѣ того произвелъ еще слѣдующій контрольный опытъ: приводя мухъ въ маѣ мѣсяцѣ въ оцѣпенѣлое состояніе въ ледникѣ, онъ наблюдалъ вслѣдъ за этимъ точно такое же исчезновеніе поперечной исчерченности, какъ и зимой. Опираясь вообще на свои изслѣдованія мышечной ткани, въ особенности же на только-что приведенные простые опыты надъ мухами, Эймеръ говоритъ: „если у животнаго столь рѣзко выступаетъ поперечная исчерченность, какъ слѣдствіе дѣятельности, и если несовершенная поперечная исчерченность и у низшихъ животныхъ классовъ есть слѣдствіе той же причины, то нужно заключить, что поперечная исчерченность всюду имѣетъ ту же самую причину, что она обязана своимъ происхожденіемъ физіологическому, другими словами, физическому процессу". Патологическая гистологія и физіологія могли бы доставить массу примѣровъ вліянія различной дѣятельности и покоя, равно какъ и другихъ агентовъ на строеніе мышечныхъ элементовъ у самаго высшаго млекопитающаго—у человѣка; опыты фармакологическіе тоже дали бы немало примѣровъ вліянія на отправленіе, а черезъ него и на гистологическое строеніе поперечно-полосатыхъ волоконъ и клѣтокъ у различнѣйшихъ животныхъ. Не входя въ область патологическихъ явленій, я приведу Вамъ лишь примѣръ того, какъ переутомленіе, вызванное въ мышцахъ, отражается и на ихъ гистологическомъ строеніи. Примѣръ этотъ я цитирую со словъ М. Ферворна изъ его работы—„Общая Физіологія". Генрихъ М. Бернаръ, говоритъ М. Ферворнъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи извѣстное количество совершенно одинаковыхъ мясныхъ мухъ (musca vomitoria), изъ которыхъ одни оставались въ полномъ покоѣ, другія были загнаны до того, что попадали отъ утомленія. Тѣ и другія тотчасъ и одновременно были убиты и подвергнуты одинаковой обработкѣ. При этомъ оказалось рѣзкое различіе между мышцами тѣхъ и другихъ. Въ то время какъ у мухъ, находившихся въ покоѣ, волоконца представляли ясную поперечную исчерченность и разницу въ способности къ окраскѣ полосъ, у утомленныхъ мухъ были замѣтны лишь промежуточные диски (полоски) въ отдѣльныхъ мышечныхъ сегментахъ; все содержимое сегмента принимало равномѣрную слабую окраску безъ признака дифференцировки на слои. Въ особенности въ мышцахъ переутомленныхъ бросается рѣзко въ глаза, въ сравненіи съ таковыми же находившимися въ покоѣ, крайнее обиліе зернышекъ (саркозомъ) въ промежуточномъ веществѣ (саркоплазмѣ) между отдѣльными мышечными волоконцами. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою новый примѣръ, аналогичный бѣгло указанному мною выше на слюнной железѣ собаки, примѣръ того, что чрезмѣрное раздраженіе, чрезмѣрная дѣятельность могутъ служить постепеннымъ переходомъ къ патологическому состоянію въ отношеніи отправленія и строенія.

Обычно при физіологической жизни организма (я имѣю въ виду позвоночныхъ) всѣ раздражители, вызывающіе сокращеніе поперечно-полосатыхъ мышцъ, и именно состоящихъ изъ волоконъ, дѣйствуютъ на мышцы черезъ посредство нервной системы. При сокращеніи какъ вся мышца, такъ и отдѣльныя поперечно-полосатыя волокна становятся толще и короче. Еще Боуманъ, въ особенности же Брюкке и Ранвье доказали, что при сокращеніи поперечныя полоски мышечнаго волокна сближаются между собою; а по Нассе, кромѣ того и продольныя волоконца тѣснѣе сближаются между собою, чѣмъ это бываетъ въ волокнѣ покойномъ. Въ изложеніе дальнѣйшихъ подробностей гистологической структуры волокна сокращеннаго въ сравненіи съ покойнымъ, я здѣсь входить не буду и перейду къ примѣрамъ изъ ткани нервной.

Элементы нервной ткани—нервныя клѣтки и клѣтки промежуточныя между первыми или такъ назыв. клѣтки гліи, нейроглія—также представляютъ измѣненія подъ вліяніемъ отправленія какъ въ отношеніи ихъ внѣшней формы, такъ и въ гистологическомъ строеніи, какъ это можно видѣть изъ многочисленныхъ экспериментальныхъ наблюденій и патолого-гистологическихъ данныхъ. Эти измѣненія касаются нетолько измѣненій общей формы тѣла нервной и гліозной клѣтки, ея отростковъ и ядра, но и измѣненій ихъ внутренняго строенія; по крайней мѣрѣ это положеніе мнѣ кажется несомнѣннымъ касательно клѣтки нервной, которую я и буду въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣть исключительно въ виду. Но при сужденіи о структурныхъ измѣненіяхъ нервной клѣтки подъ вліяніемъ ея отправленія мы должны помнить, что нервныя клѣтки въ различныхъ отдѣлахъ нервной системы не одинаковы въ дэталяхъ ихъ гистологическаго строенія и что мы до сихъ поръ не знаемъ, каково строеніе покойной нервной клѣтки той или другой области нервной системы. Для меня кажется вѣрнымъ одно что нервная клѣтка подъ вліяніемъ своей дѣятельности измѣняетъ и дэтали своего гистологическаго строенія и что здѣсь, какъ и всюду, отправленіе опредѣляетъ гистологическое строеніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, можетъ быть, и не безупречныхъ въ дэталяхъ.

Въ 1892 году Ходжъ (цитирую по „Общей физіологіи“ М. Ферворна за неимѣніемъ оригинала) констатировалъ микроскопически ясныя структурныя проявленія утомленія у нервныхъ клѣтокъ млекопитающихъ, птицъ и насѣкомыхъ, въ особенности на ядрахъ этихъ клѣтокъ. Такъ, у воробья послѣ отдыха (утромъ) гангліозныя клѣтки, иннервирующія летательныя мышцы, отличаются свѣтлыми, круглыми, пузыреобразными ядрами, межъ тѣмъ какъ вечеромъ, послѣ утомленія за цѣлый день работы, онѣ представляютъ зазубренныя очертанія. Но, какъ показываютъ взятыя М. Ферворномъ у Ходжа рисунки, дѣло касается нетолько измѣненій внѣшнихъ очер-

таній ядра, но и гистологическихъ измѣненій какъ его, такъ и протоплазмы. У кошки, послѣ нѣсколько часового раздраженія, ядра гангліозныхъ клѣтокъ, бывшія дотолѣ пузырьковидными и круглыми, являлись сморщенными и неправильныхъ очертаній, причемъ и распредѣленіе содержимаго представляло существенныя измѣненія. Д-ръ Э. Люгаро производилъ наблюденія и опыты надъ нервными клѣтками верхняго симпатическаго узла у кролика, при чемъ у одного и того же животнаго соотвѣтствующій узелъ съ одной стороны вынимался либо прямо, либо послѣ дѣйствія фарадическаго непродолжительнаго тока при жизни, а другой подобный же узелъ другой стороны туловища, брался послѣ пяти часовъ смерти животнаго, произведенной отравленіемъ хлороформомъ. На основаніи своихъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) дѣятельность нервной клѣтки сопровождается состояніемъ тургесценціи въ протоплазмѣ клѣточнаго тѣла; 2) утомленіе влечетъ за собою прогрессивное уменьшеніе величины тѣла клѣтки; 3) при умѣренной степени дѣятельности, въ то время какъ протоплазма становится тургесцентной, ядро не измѣняется въ объемѣ; 4) когда дѣятельность непрерывна и продолжается долго, и ядро подвергается измѣненіямъ, аналогичнымъ съ измѣненіями тѣла клѣтки, но лишь менѣе интензивнымъ и болѣе позднимъ; 5) количество хроматическаго вещества въ клѣточномъ тѣлѣ въ отношеніи къ величинѣ тѣла въ особенности различествуетъ индивидуально; однако вѣроятно, что первыя фазы дѣятельности обусловливаютъ легкое увеличеніе хроматическаго вещества, крайнія же фазы, сопровождающіяся утомленіемъ, вызываютъ его уменьшеніе и болѣе диффузное распредѣленіе; 6) дѣятельность нервной клѣтки влечетъ за собой увеличеніе объема ядрышекъ, падающаго медленно при наступленіи утомленія.

Патолого-гистологическія изслѣдованія различныхъ отдѣловъ нервной системы несомнѣнно указываютъ на ту же тѣсную связь между измѣненнымъ отправленіемъ нервной или нервныхъ клѣтокъ и измѣненіемъ ихъ строенія. Весьма плодотворнымъ явится тѣсное сообщеніе нервной гистологіи съ соотвѣтствующими фармакологическими опытами, равно какъ и дѣтальное гистологическое изслѣдованіе нервной системы индивидовъ съ врожденными недостатками того или другого отдѣла психической сферы.

Отправленія и обусловливаемыя ими измѣненія въ строеніи происходятъ, какъ сказано выше, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. какъ внѣшней для даннаго цѣлаго организма среды, такъ равно и подъ вліяніемъ среды внутренней, при чемъ обычно тотъ и другой факторъ участвуютъ болѣе или менѣе совмѣстно. Промежуточныя вещества, вы-

дѣляемыя клѣтками или образующіяся такъ или иначе при посредствѣ клѣтокъ многоклѣточнаго организма, главнѣе всего играютъ роль проводящей среды, чрезъ посредство которой установляется совмѣстная дѣятельность между всѣми клѣтками, составляющими данный сложный организмъ. Промежуточныя вещества служатъ путями для блуждающихъ элементовъ, для кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ, для нервовъ. Промежуточныя вещества обусловливаютъ и самостоятельность отдѣльныхъ элементовъ (клѣтокъ) и, что особенно важно, скажу еще разъ, ихъ солидарность въ служеніи на пользу цѣлаго многоклѣточнаго организма. „Одно изъ условій органическаго совершенства, скажемъ словами Клодъ Бернара, состоитъ въ все болѣе и болѣе рѣзко выражающемся дифференцированіи подготовительной работы къ составленію внутренней среды“.

Для элементовъ, входящихъ въ составъ многоклѣточнаго организма, является особенно важной среда внутренняя, другими словами, непрямое вліяніе внѣшней среды въ тѣсномъ смыслѣ слова, проявляющееся въ воздѣйствіи одноименныхъ или разноименныхъ клѣтокъ другъ на друга въ данномъ организмѣ. Чѣмъ выше по организаціи кажется тотъ или другой отдѣльный организмъ, тѣмъ болѣе проявляетъ себя его внутренняя среда и нѣкоторыя части этой среды въ особенности. Такъ, у высшихъ млекопитающихъ и человѣка нѣтъ почти ни одной ткани (кромѣ можетъ быть гіалиноваго хряща), ни одного органа, гдѣ бы не было нервовъ, стоящихъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ ихъ клѣточными элементами. И эта ткань, т. е. нервная, вѣроятно является однимъ изъ могучихъ факторовъ, вліяющихъ на отправленія и строенія; черезъ нее, можетъ быть, и цѣлый сложнѣйшій организмъ получаетъ свою особенную, связанную уже съ общностью происхожденія его составляющихъ, индивидуальность. Вліяніе нервной системы на отправленіе и строеніе клѣтокъ другихъ тканей извѣстно изъ многочисленныхъ экспериментовъ и наблюденій.

На отдѣленной отъ туловища головѣ собаки получается при раздраженіи соотвѣтствующаго нерва выдѣленіе слюны, какъ это показалъ еще въ 50 годахъ текущаго столѣтія Людвигъ; на ампутированной нижней конечности человѣка при раздраженіи соотвѣтствующаго нерва выдѣляется потъ. Весьма поучителенъ между прочимъ недавній опытъ Семи—Мейера. У кролика вблизи корня языка, по бокамъ спинки послѣдняго, имѣется по овальному возвышенію съ той и другой стороны, возвышенію въ видѣ какъ бы подушки. Эти возвышенія служатъ преимущественной локализаціей периферическаго отдѣла вкусового аппарата у этого животнаго, или, какъ обыкновенно говорятъ, являются органами вкуса—вкусовыми подушками. По изслѣдованіямъ проф. А. А. Арнштейна и Густава Ретціуса, нервныя волокна, идущія къ такъ называемымъ

вкусовымъ клѣткамъ, имѣющимъ своеобразную отъ прочихъ, ихъ окружающихъ, клѣтокъ форму, являются въ виду прилегающихъ къ нимъ тонкихъ нервныхъ нитей, оканчивающихся свободно на тѣлѣ этихъ клѣтокъ. Вкусовыя подушки кролика, по Семи—Мейеру, снабжены исключительно языкоглоточнымъ нервомъ. Послѣ перерѣзки сказаннаго нерва, уже черезъ 30 часовъ послѣ этого, замѣтны измѣненія въ поименованныхъ подушкахъ; на 12—16 день совсѣмъ не замѣчается разницы между простымъ плоскимъ многослойнымъ эпителіемъ языка и особенными, бывшими до перерѣзки, такъ называемыми вкусовыми клѣтками, которыя исчезли, потерявши свою связь съ нервной системой. Мало того, самыя подушки во всей своей совокупности исчезаютъ. Не менѣе интересна и въ этомъ отношеніи недавняя работа д-ра И. О. Лобасова: „Специфическая возбудимость слизистой оболочки пищеварительнаго канала", работа, вышедшая изъ физіологическаго отдѣла Императорскаго института экспериментальной медицины. Въ своихъ выводахъ авторъ говоритъ: „вся сложность и въ тоже время типическое постоянство сокоотдѣлительной работы желудка, выражающіяся въ приспособляемости железъ къ качеству пищи, находятъ себѣ соотвѣтствіе и основаніе въ сложности иннервационныхъ отношеній желудка". Авторъ отличаетъ психическій желудочный сокъ и химическій, при чемъ на долю перваго выпадаетъ болѣе энергичная переваривающая способность. Приведу заключительныя строки работы И. О. Лобасова: „Такимъ образомъ", говоритъ онъ, „сокоотдѣленіе въ каждый отдѣльный моментъ надо разсматривать, какъ результатъ равнодѣйствующей всѣхъ перечисленныхъ моментовъ". „Вліяніе всѣхъ этихъ моментовъ на железы желудка осуществляется при помощи нервовъ. Въ этомъ нервномъ аппаратѣ надо принимать существованіе центростремительныхъ нервовъ съ специфически возбудимыми периферическими окончаніями соотвѣтствующихъ центровъ и центробѣжныхъ истинныхъ секреторныхъ нервовъ. Между секреторными нервами надо различать волокна различнаго функціональнаго значенія: волокна, возбуждающія и угнетающія дѣятельность железъ; сообразно съ обособленностью выработки въ железахъ фермента и самаго процесса отдѣленія сока надо принимать отдѣльныя волокна для того и другого процесса (какъ возбуждающія такъ и угнетающія ихъ). Анатомическимъ представителемъ и носителемъ этихъ секреторныхъ волоконъ является блуждающій нервъ". Проф. Навалихинъ въ 80-хъ годахъ и въ послѣднее время д-ръ К. А. Кытмановъ указали тѣсное отношеніе нервовъ къ клѣткамъ железъ желудка. Такъ, по изслѣдованіямъ К. А. Кытманова, какъ главныя, такъ и облегающія клѣтки несутъ на своей периферіи свободныя окончанія нервовъ, прилегающія къ наружной поверхности соотвѣтствующихъ клѣтокъ; происходятъ ли эти окончанія отъ различныхъ по функціи нервныхъ волоконъ, относительно этого нельзя еще

ничего сказать, ибо не имѣется въ этомъ отношеніи никакихъ опытныхъ данныхъ.

Нервная ткань въ своихъ нервно-клѣточныхъ элементахъ является артистомъ, играющимъ на клавишахъ, т. е. на клѣткахъ цѣлаго организма, которому она и сама принадлежитъ. Она сама имѣетъ однако цѣлую іерархію, начиная съ головного и спинного мозга и кончая спинными, симпатическими узлами и группами нервныхъ клѣтокъ, залегающихъ въ различныхъ органахъ. Будучи съ одной стороны, такъ сказать, заправиломъ всего организма, она, съ другой стороны, зависитъ вполнѣ отъ остальныхъ его элементовъ. Нервная ткань—особый видъ правительства, отличный и отъ республики, и отъ монархіи, даже, пожалуй, болѣе близкій къ послѣдней. Нервная ткань привитъ организмомъ, неразрывную часть котораго составляетъ, далеко не являясь единственнымъ отраженіемъ этого организма и его представителемъ во внѣ, а тѣмъ болѣе для себя, т. е. своего организма, которому сама принадлежитъ Но тѣмъ не менѣе вліяніе этой ткани на остальныя громадно: вліяніе нервной системы, можно думать, распространяется далеко за предѣлы единичнаго существованія въ смыслѣ ея вліянія на функцію яйцевыхъ и сѣменныхъ клѣтокъ, слѣдовательно, такимъ образомъ, на оплодотворенную яйцевую клѣтку и происходящее отъ нея потомство, образующее новый многоклѣточный организмъ. Какъ это происходитъ, намъ неизвѣстно. Я въ этомъ отношеніи примыкаю къ объясненію Г. Г. Шлатера и позволяю себѣ привести одно мѣсто изъ работы поименованнаго мыслителя („Нѣкоторыя соображенія по вопросу о наслѣдственности"). „Я полагаю, говоритъ только-что названный авторъ, что тѣ или другія функціональныя измѣненія, вызванныя въ какомъ-либо органѣ воздѣйствіемъ извѣстнаго раздражителя въ формѣ комплекса измѣненныхъ внѣшнихъ условій, воздѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ на всю сложную систему периферическихъ нервныхъ окончаній, развѣтвляющуюся въ соотвѣтственномъ органѣ. Вызванные въ нервныхъ окончаніяхъ опредѣленнаго характера импульсы, которые по нервнымъ путямъ, такъ сказать, телеграфируются, сперва центростремительно, а потомъ, пройдя черезъ центры, опять центробѣжно,—достигаютъ органовъ, вырабатывающихъ половыя клѣтки, т. е. элементы, заключающіе въ себѣ всѣ наслѣдственныя свойства. Тутъ импульсы эти, вліяя на всю сложную систему подвижной формы равновѣсія, каковою мы условились считать дѣятельное наслѣдственное вещество, вызываютъ въ ней, въ этой системѣ, опредѣленныя измѣненія, аналогичныя тѣмъ космическимъ измѣненіямъ и нарушеніямъ, которыя вносятся въ солнечную систему вліяніемъ, напр., какой-либо вновь появившейся кометы. Эти измѣненія, вызванныя въ сложномъ микрокосмосѣ наслѣдственнаго вещества постоянно продолжающими разряжаться импульсами, становятся, наконецъ, постоянными, входятъ въ

составъ всей системы, производя въ ней передвиженіе, соотвѣтствующее измѣненіямъ на периферіи организма. Нарушенное было равновѣсіе подвижной системы опять возстановилось, закрѣпивъ, такъ сказать, навсегда нѣкоторое незначительное измѣненіе въ своемъ движеніи. Эта, въ незначительной степени видоизмѣненная система равновѣсія, сохраняющая все-таки общій характеръ, и передается послѣдующему поколѣнію".

Отправленіе или функція опредѣляетъ гистологическое строеніе. Частое повтореніе даннаго отправленія, сознательное или безсознательное упражненіе того или другого органа, влечетъ за собою болѣе скорое наступленіе соотвѣтствующихъ измѣненій въ его строеніи,—въ строеніи его клѣточныхъ элементовъ, вліяя даже на количество и величину послѣднихъ. Гербертъ Спенсеръ въ своей работѣ—„Недостаточность естественнаго подбора"—говоритъ: „постоянное упражненіе осязательной нервной структуры приводитъ къ дальнѣйшему ея развитію" (цитирую по русскому переводу). Онъ доказываетъ это путемъ опыта,—изслѣдованіемъ по способу Вебера. Путемъ упражненія, какъ видно изъ данныхъ Г. Спенсера, можно повысить тонкость кожнаго осязанія вдвое противъ средней нормы. Кожное осязаніе, какъ общепризнано, стоитъ въ связи между прочимъ, съ особыми периферическими образованіями, и у человѣка, главнымъ образомъ, съ т. наз. осязательными тѣльцами. И дѣйствительно, мѣста болѣе тонкаго осязанія отличаются отъ мѣстъ съ болѣе грубымъ ощущеніемъ этого свойства анатомически тѣмъ, что въ первомъ случаѣ осязательныхъ тѣлецъ въ одной и той же единицѣ поверхности болѣе, чѣмъ во второмъ. Острія Веберовскаго циркуля въ первомъ мѣстѣ сдвигаются, въ другомъ, въ сравненіи съ первымъ, должны быть раздвинуты болѣе или менѣе, для того, чтобы до сознанія доходило представленіе о двухъ точкахъ поверхности тѣла, затронутыхъ концами циркуля. Съ повторнымъ упражненіемъ осязающей поверхности, можно думать, увеличивается и число осязательныхъ тѣлецъ, чѣмъ обостряется и различаемость осязательныхъ впечатлѣній въ высшихъ нервныхъ центрахъ. Съ своей стороны я могу привести примѣръ вліянія, до нѣкоторой степени, неупражненія на количество и распредѣленіе этихъ тѣлецъ,—примѣръ изъ тератологіи. Изслѣдуя кожу концевой фаланги прибавочнаго (шестого) пальца человѣка, бывшаго на лучевой сторонѣ кисти руки, меня поразила скудость осязательныхъ тѣлецъ, ихъ малая величина, рѣдкая разстановка и какъ бы опусканіе въ болѣе глубокіе слои кожной соединительной ткани, Въ моей записной книжкѣ значится: „скудость осязательныхъ тѣлецъ, да и самыя тѣльца нерѣдко лежали своею наружною частью (верхушкой) при основаніи сосочковъ и были редуцированы". Немало интереса представили бы, вѣроятно, гистологическія изслѣдованія кожной осязательной поверхности у слѣпорожденныхъ, у которыхъ, какъ извѣстно, чувство осязанія

на ряду съ мышечнымъ чувствомъ достигаетъ сильнаго изощренія, доходя, напр., до поразительно быстраго различенія помощью осязанія различныхъ другъ отъ друга по окраскѣ бумажекъ, лоскутковъ ткани и нитокъ. Здѣсь чувство осязанія компенсируетъ до нѣкоторой степени отсутствіе зрительнаго воспріятія, при чемъ, можно думать, устанавливаются и иныя межцентральныя связи между соотвѣтствующими нервными клѣтками центральной нервной системы, черезъ что является какъ бы осязательное кожное зрѣніе Какъ показываетъ исторія развитія периферическаго отдѣла зрительнаго аппарата, этотъ отдѣлъ, т. е. глазъ, представляя въ своей свѣтовоспринимающей оболочкѣ часть центральной нервной системы, вѣроятно, развивался постепенно изъ кожнаго осязательнаго отдѣла путемъ вѣковыхъ упражненій, постепенныхъ измѣненій черезъ то строенія извѣстныхъ отдѣловъ кожи и ихъ отношеній къ центральной нервной системѣ. Передача этихъ кропотливыхъ по времени измѣненій потомству, могла совершаться не иначе, какъ путемъ медленнаго унаслѣдованія потомками тѣхъ или другихъ пріобрѣтенныхъ свойствъ производителей черезъ половыя клѣтки.

Яйцевая и сѣменная клѣтки, входящія составными частями въ сложный многоклѣточный организмъ, стоятъ, какъ и всѣ прочія клѣтки, въ зависимости отъ совокупнаго вліянія на нихъ прочихъ клѣтокъ даннаго организма и въ особенности нервныхъ. И эта зависимость здѣсь, можно думать, является наибольшей въ сравненіи съ прочими клѣтками. Примѣры безплодія подъ вліяніемъ неволи у нѣкоторыхъ животныхъ указываютъ, какъ чутко реагируютъ половыя клѣтки на нервное потрясеніе, произведенное на ихъ организмъ, который думаютъ приручить, одомашнить. Самое одомашниваемое животное, какъ бы покорясь своей печальной участи и примирившись для себя съ нею, свыкается, повидимому, съ чуждой для него обстановкой, но безсознательно мститъ за себя, не давая или вообще приплода, или приплода, имѣющаго возможность жить въ дальнѣйшемъ потомствѣ. Измѣненія строенія половыхъ клѣтокъ подъ вліяніемъ различныхъ воздѣйствій на цѣлый организмъ является еще вопросомъ почти не затронутымъ, но который уже долженъ быть поставленъ на очередь. Изученіемъ измѣненій строенія клѣтокъ вообще и въ частности половыхъ клѣтокъ подъ вліяніемъ различныхъ условій, гистологія можетъ не безъ пользы участвовать въ изученіи наслѣдственности вообще и пріобрѣтенныхъ свойствъ въ частности и въ особенности.

Позволяю себѣ закончить этотъ набросокъ слѣдующими штрихами, проведенными при помощи посторонней руки, руки Фрэнсиса Гальтона въ его работѣ „Наслѣдственность таланта“: „Мы можемъ смотрѣть на каждаго индивида, какъ на нѣчто невполнѣ отдѣлившееся отъ своего источника, какъ на волну, которая поднялась и приняла извѣстную форму вслѣдствіе нор-

мальныхъ условій въ извѣстномъ, безграничномъ океанѣ. Безъ всякаго сомнѣнія существуетъ извѣстная солидарность какъ и извѣстная самостоятельность во всякой человѣческой и, вѣроятно, во всякой органической жизни вообще. Этотъ взглядъ ведетъ, какъ кажется автору, къ убѣжденію, что строеніе живущаго міра—чистый деизмъ и что родъ его дѣятельности можетъ быть названъ кооперативнымъ. Оно ведетъ къ заключенію, что каждая жизнь единична по своему существу, но разнообразна, измѣнчива и проявляется во взаимодѣйствіи; поэтому люди и другія живущія существа участвуютъ и работаютъ въ несравненно болѣе обширной системѣ космическихъ вліяній, чѣмъ можетъ понять кто-нибудь изъ насъ, а тѣмъ болѣе кто-нибудь изъ нихъ. Оно ведетъ далѣе къ заключенію, что и другія болѣе или менѣе сознательно могутъ способствовать къ проявленію жизни несравненно высшей, чѣмъ наша собственная, въ родѣ того, какъ отдѣльныя клѣтки одного изъ болѣе сложныхъ животныхъ способствуютъ проявленію въ немъ индивидуальности высшаго разряда".

А. Е. Смирновъ.

Томскъ,
21 сентября 1897 г.

АНАЛИЗЪ ПИВА ТОМСКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

Лаборанта П. В. Бутягина.

(Изъ Гигіенической Лабораторіи Императорскаго Томскаго Университета).

Діэтетическое значеніе пива должно быть оцѣниваемо со стороны достоинствъ этого напитка, главнымъ образомъ какъ вещества вкусового. Среди же вкусовыхъ веществъ имѣется разрядъ, такъ называемыхъ, стимулирующихъ средствъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ физіологическимъ дѣйствіемъ, куда прежде всего относятся всѣ спиртные напитки, а слѣдовательно и пиво. Существенная потребность въ этого рода средствахъ для правильнаго питанія человѣка ясно видна изъ наблюденій надъ вѣковымъ опытомъ всѣхъ людей, всегда имѣвшихъ и имѣющихъ у себя тѣ или другія вещества указанной категоріи. Что же касается питательнаго значенія пива, на что также иногда встрѣчаются указанія, то оно довольно незначительно; и уже, конечно, не въ немъ лежитъ причина того громаднаго распространенія и потребленія пива, какое мы наблюдаемъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ. По вычисленію Рубнера, литръ пива содержитъ приблизительно столько-же бѣлка, сколько содержатъ 120 граммъ молока, 60 граммъ хлѣба или 25 граммъ мяса и столько же углеводовъ, сколько имѣютъ 150 гр. хлѣба. Сопоставивъ сравнительную стоимость указанныхъ продуктовъ, т. е. пива, мяса, молока и хлѣба, а также условія усвояемости ихъ, будетъ ясно, что одно и тоже количество бѣлка и углеводовъ дешевле и удобнѣе можно получать въ другихъ видахъ и изъ другого источника, чѣмъ изъ пива. Дѣйствительно, чтобы составныя части пива, главнымъ образомъ бѣлки и углеводы, пріобрѣли замѣтное значеніе, какъ вещества пищевыя, для этого необходимо потребленіе значительнаго количества напитка; но обнаруживающіяся въ это время побочныя дѣйствія отъ массы выпиваемаго пива являются настолько существенными, что питательныя свойства его отсту-

паютъ уже на задній планъ. При небольшомъ же количествѣ употребляемаго пива значеніе пищевыхъ веществъ его естественно не можетъ быть велико, почему и едва-ли должно быть принимаемо въ разсчетъ. Большее или меньшее распространеніе и употребленіе пива представляетъ наконецъ и существенный соціально-экономическій интересъ. Оказывается, что пиво вездѣ, гдѣ только оно легко доступно, съ успѣхомъ борется съ пьянствомъ, уменьшая и ослабляя ужасныя послѣдствія этого соціальнаго зла. По мнѣнію многихъ, такая сторона дѣла, указывая путь наиболѣе успѣшныхъ мѣръ борьбы съ пьянствомъ, должна заслуживать особенно серьезнаго вниманія правительствъ и частныхъ лицъ.— Количество употребляемаго въ различныхъ странахъ пива всегда обратно пропорціонально количеству выпиваемой здѣсь водки: гдѣ дешево и доступно пиво, тамъ меньше пьютъ водки, и наоборотъ: потребность въ спиртныхъ напиткахъ всегда и конечно, съ избыткомъ будетъ удовлетворяться водкой, гдѣ пиво по какимъ-либо причинамъ не можетъ имѣть большого распространенія. Такого рода фактъ ясно подтверждается цифровыми данными, показывающими размѣръ потребленія пива въ различныхъ странахъ. На одного жителя приходится пива въ годъ слѣдующее количество.

Въ Англіи . .	239 литровъ.	Въ Швейцаріи .	31 литр.
„ Бельгіи . .	153 „	„ Норвегіи . .	27 „
„ Германіи . .	88 „	„ Франціи . .	23 „
„ Даніи . .	61 „	„ Швеціи . .	20 „
„ С. Америкѣ .	43 „	„ Италіи . .	4,5 „
„ Австріи . .	31 „	„ Россіи . .	4 „

Въ Италіи, Франціи, Австріи, какъ извѣстно, имѣется немало сравнительно дешевыхъ мѣстныхъ винъ, которыя вмѣстѣ съ пивомъ или замѣняя послѣднее и удовлетворяютъ собою присущее, вѣроятно, всему человѣчеству влеченіе къ спирту. Въ Россіи же, за неимѣніемъ другихъ, болѣе безопасныхъ и невинныхъ напитковъ, указанное роковое влеченіе удовлетворяется почти исключительно водкой, да вдобавокъ еще плохо очищенной отъ вредныхъ, ядовитыхъ примѣсей; и несомнѣнно, здѣсь лежитъ главная причина громаднаго развитія у насъ пьянства, всѣ ужасныя послѣдствія котораго трудно себѣ и представить. Послѣ этого, мнѣ кажется, едва-ли могутъ быть слишкомъ смѣлыми и неожиданными высказываемыя иногда увѣренія, что „пиво является однимъ изъ самыхъ важныхъ рычаговъ прогресса культуры, такъ какъ оно вытѣсняетъ варварскую и вредную для успѣховъ цивилизаціи водку.“

Процессъ изготовленія пива въ общемъ сводится на слѣдующія главнѣйшія операціи: крахмалистыя вещества, (главнымъ образомъ ячмень, а также пшеница, рисъ, овесъ, иногда картофель), посредствомъ фермента діастаза переводятся въ сахаръ, а этотъ послѣдній путемъ броженія—въ спиртъ и угольную кислоту. До начала процесса броженія къ жидкости прибавляютъ нѣкоторое количество хмѣля, который еще болѣе осложняетъ составъ бродящей жидкости или впослѣдствіи пива. Благодаря сложнымъ и слишкомъ разнообразно примѣняемымъ пріемамъ пивоваренія, поступающіе въ продажу готовые сорта пива имѣютъ довольно различный составъ, причемъ разница эта обусловливается главнымъ образомъ количественнымъ отношеніемъ составныхъ частей напитка, а не особенностями его качественнаго состава. Прежде всего, въ пивѣ содержатся составныя части солода, измѣнившіяся при изготовленіи сусла и броженіи. Такъ изъ солода переходятъ въ пиво сахаристыя вещества, декстринъ, бѣлки, пептоны, амиды, органическія кислоты (молочная, пропіоновая) и соли; какъ продукты затѣмъ броженія сахара, въ пивѣ находятся: алкоголь, угольная кислота, глицеринъ и янтарная кислота. Къ веществамъ, которыя переходятъ въ пиво изъ хмѣля, должны быть отнесены горькія и ароматическія начала его: хмѣлевая горечь, эфирное масло, а также дубильная кислота. Если теперь выразить количественно указанныя вещества, какъ составныя части пива, то правильно изготовленный напитокъ долженъ содержать:

алкоголя	3	— 5%
угольной кислоты	0.1	— 0.2%
мальтозы и декстрина	4	— 5%
азота (бѣлковъ, пептона, амидовъ) до . . .		0.12%
органическихъ кислотъ (янтарной, молочной, уксусной, пропіоновой) до.		3%
жира и глицерина		слѣды.
золы.	0.18	— 028%,

Все разнообразіе сортовъ пива, которое встрѣчается въ продажѣ обусловливается, во-первыхъ, родомъ и количествомъ матеріаловъ, употреблявшихся при изготовленіи напитка; во-вторыхъ, пріемомъ обработки ихъ, и въ-третьихъ, способомъ сохраненія полученнаго продукта.—Прежде всего очень важное значеніе имѣетъ родъ матеріала, который употребляется для изготовленія затора и сусла. Собственно при варкѣ пива исключительно долженъ примѣняться солодъ ячменный. Всѣ суррогаты ячменя явля-

ются здѣсь нежелательными, а иногда даже и вредными. Кукуруза, напримѣръ, или рисъ мало пригодны, какъ матеріалъ бѣдный азотистыми веществами и солями фосфорной кислоты. При броженіи затѣмъ сахара, полученнаго изъ картофельнаго крахмала, появляется нѣкоторое количество сивушнаго масла, ядовитое дѣйствіе котораго на нашъ организмъ не подлежитъ сомнѣнію. Вмѣсто хмѣля иногда употребляются алоэ, абсентъ, белладонна, бѣлена, колоквинта, куколь, золототысячникъ, даже пикриновая кислота. Понятно, вещества эти, прибавляемыя хотя бы и въ ничтожномъ количествѣ и даже рядомъ съ хмѣлемъ, но ни подъ какимъ видомъ терпимы быть не могутъ. Насколько считаются нежелательными при изготовленіи пива даже безвредные изъ указанныхъ суррогатовъ ячменя и хмѣля, видно изъ того, что напримѣръ, въ Германіи названіе „пива“ можетъ быть примѣнено лишь только къ напитку, полученному исключительно изъ слѣдующихъ четырехъ матеріаловъ: ячменнаго солода, хмѣля, дрожжей и воды. Всѣ же другіе напитки, изготовленные изъ суррогатовъ ячменя или хмѣля, не могутъ называться пивомъ.—Различные способы обработки хотя бы одного и того же рода матеріала также обусловливаютъ большое разнообразіе сортовъ, отличающихся другъ отъ друга цвѣтомъ, вкусомъ, содержаніемъ экстракта алкоголя и проч. Въ продажѣ чаще всего можно встрѣтить слѣдующіе сорта: баварское, богемское, вѣнское, лѣтнее, зимнее, мартовское, мальцъ-экстрактное, экспортъ, бѣлое, а также портеръ, эль и проч. Баварское пиво характеризуется болѣе темнымъ цвѣтомъ, нѣсколько сладковатымъ вкусомъ; ароматъ пива обусловливается не хмѣлемъ, а веществами, образовавшимися при высушиваніи солода. Богемское пиво сравнительно съ баварскимъ отличается меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ, горьковатымъ вкусомъ, съ преобладающимъ запахомъ хмѣля; цвѣтъ пива желтоватый. Типомъ такого сорта пива можетъ быть пильзенское пиво. Середину между баварскимъ и богемскимъ пивомъ занимаетъ, по своимъ качествамъ, пиво вѣнское. Мальцъ-экстрактное пиво имѣетъ концентрированную солодовую вытяжку, съ небольшимъ содержаніемъ спирта. Пиво зимнее содержитъ меньше спирта и экстракта, чѣмъ мартовское или иногда bock-bier, лѣтнее, экспортъ и др. Для изготовленія бѣлаго пива употребляютъ вмѣстѣ съ ячменнымъ солодомъ еще пшеничный. Бельгійскія пива приготовляются изъ ячменя и пшеницы безъ прибавки дрожжей и отличаются значительнымъ содержаніемъ молочной кислоты (0. 75—1%). Портеръ, эль (или англійскія пива) изготовляются изъ очень крѣпкаго сусла, причемъ для полученія портера употребляютъ темный солодъ и сахаръ, а для эля—солодъ свѣтлый и патока. Дѣленіе пива на

перечисленные сорта, строго выдерживаемое заграницей, нерѣдко встрѣчается теперь и на нашихъ русскихъ заводахъ.

Способность пива сохраняться болѣе или менѣе продолжительное время достигается различными пріемами обработки этого напитка. Укажу здѣсь на нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе часто встрѣчающіеся въ практикѣ пивоваренія и наиболѣе важные въ санитарномъ отношеніи, съ которыми приходится считаться при оцѣнкѣ доброкачественности пива. Прекрасный способъ предотвратить порчу пива составляетъ, такъ называемая, „пастеризація", состоящая въ употребленіи чистыхъ здоровыхъ дрожжей, а главнымъ образомъ въ нагрѣваніи напитка до 60° С. Практикуемая затѣмъ иногда прибавка къ пиву для большей его прочности препаратовъ буры или салициловой кислоты (20—25 grm. на 100 литровъ), понятно, ни подъ какимъ видомъ дозволяема быть не можетъ, какъ мѣра безусловно вредная. При неправильно шедшемъ процессѣ броженія вслѣдствіе, напримѣръ, употребленія не вполнѣ доброкачественныхъ продуктовъ, получается пиво неспособное долго сохраняться. Эту ошибку пивовары стараются иногда исправить прибавленіемъ продажнаго глицерина, отъ ½ до 1 литра на 100 литровъ пива, (нормально пиво содержитъ глицерина лишь 0. 2‰). Кромѣ того, такое пиво, послѣ прибавки глицерина, много выигрываетъ въ своихъ внѣшнихъ физическихъ свойствахъ: оно даетъ нѣжную тонкую пѣну и имѣетъ видъ напитка съ богатымъ содержаніемъ экстракта. Прибавка глицерина къ пиву тоже не должна быть допускаема. Вообще надо замѣтить, что правильно изготовленное пиво и изъ вполнѣ доброкачественныхъ продуктовъ, благодаря смолѣ хмѣля и смолкѣ пивныхъ бочекъ, можетъ сохраняться безъ вредныхъ измѣненій, не прибѣгая къ прибавкѣ какихъ-либо консервирующихъ средствъ. А насколько такая прибавка этихъ веществъ къ пиву даже въ дозахъ, повидимому, безразличныхъ для нашего организма, является нежелательной, видно, напримѣръ, изъ баварскаго законодательнаго постановленія, по которому запрещается продажа пива съ примѣсью консервирующихъ средствъ, идущаго для мѣстнаго внутренняго употребленія; такое пиво можетъ быть вывозимо лишь заграницу. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ, иногда даже трудно устранимыхъ причинъ и при безупречномъ ходѣ всѣхъ процессовъ пивоваренія, получается пиво и правильно выбродившее, но мутное. Для освѣтленія такого пива часто примѣняются вещества, далеко не индифферентныя для нашего здоровья, какъ то: сѣрнокислая известь, квасцы, сѣрная кислота. Здѣсь могутъ еще быть дозволены орѣховыя или буковыя стружки, желатина, таннинъ.

Пиво прокисшее исправляютъ прибавкой соды, поташа или другихъ нейтрализующихъ средствъ. Этотъ пріемъ достигаетъ нѣкоторой цѣли лишь при сравнительно небольшой кислотности пива; въ противномъ же случаѣ, если нейтрализующихъ веществъ приходится по необходимости прибавлять значительное количество, то такое пиво дѣлается мутнымъ, теряетъ свой вкусъ.

Что-бы придать пиву требуемый цвѣтъ, также примѣняется немало различныхъ средствъ и пріемовъ, начиная съ безусловно вредной примѣси для этой цѣли—пикриновой кислоты, окрашивающей свѣтлое пиво въ желтый цвѣтъ и кончая, хотя и невиннымъ, но всетаки обманнымъ пріемомъ окраски при помощи сахарнаго колера. Получаемый при этомъ темный цвѣтъ пива можетъ ввести потребителя въ заблужденіе, показывая, будто напитокъ богатъ содержаніемъ экстракта. Окраска сахарнымъ кулеромъ практикуется очень часто; ее безъ труда можно открыть и въ нѣкоторыхъ сортахъ томскаго пива.

Большая часть, такъ сказать, болѣзненныхъ явленій, наблюдающихся иногда во многихъ сортахъ пива во время его сохраненія, обусловливается развитіемъ различныхъ микроорганизмовъ. Чаще всего при употребленіи нечистыхъ пивныхъ дрожжей, содержащихъ примѣси другихъ ферментовъ, получается продуктъ мутный, съ непріятнымъ запахомъ. Извѣстны также болѣзненныя состоянія пива, выражающіяся понятіями: „выдохлость“ пива, „тягучесть, прогорклость, затхлость“ и проч. Физіологическое дѣйствіе такого рода пива, равно какъ пива плохо выбродившаго, молодого, обыкновенно выражается прежде всего упорными острыми катаррами желудка и кишекъ.

Такимъ образомъ изготовленіе доброкачественнаго пива, не подвергающагося впослѣдствіи перечисленнымъ выше болѣзненнымъ состояніямъ, главнымъ образомъ сводится къ тому, что-бы напитокъ правильно лишь прошелъ черезъ различныя стадіи броженія. Но далеко нельзя сказать того, чтобы эта химія пива представлялась дѣломъ простымъ и требующимъ однихъ лишь общеизвѣстныхъ теоретическихъ познаній. Вотъ почему въ настоящее время на крупныхъ пивоваренныхъ заводахъ очень часто можно встрѣтить богатую химическую лабораторію, гдѣ спеціалисты-химики тщательно слѣдятъ за правильнымъ ходомъ всего процесса изготовленія пива, своевременно исправляя замѣчаемыя при этомъ уклоненія. Чаще же всего, въ небольшихъ хозяйствахъ дѣло устраивается гораздо проще: оно поручается здѣсь какому-нибудь лицу, практически обучавшемуся искусству пивоваренія гдѣ-нибудь ранѣе, въ предпріятіяхъ болѣе выгодно поставленныхъ. Но надо замѣтить, что и при всей тщательности,

какая прилагается при процессѣ изготовленія пива даже со стороны ученыхъ спеціалистовъ этого дѣла, тѣмъ не менѣе иногда получается продуктъ, не вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, предъявляемымъ гигіеной, какъ къ безвредному діэтетическому напитку. Отсюда является постоянное и естественное желаніе у пивоваровъ исправить, гдѣ можно, допущенныя ошибки при помощи тѣхъ или другихъ пріемовъ во время процесса пивоваренія или послѣ него. Такія поправки, дѣлаемыя рукой искусной, безвредными средствами и безъ какой-либо предосудительной цѣли, могутъ быть лишь нежелательными; но онѣ прямо преступны, если производятся лицами малосвѣдущими, при помощи средствъ вредныхъ для нашего здоровья и съ цѣлью обмануть потребителя. Въ виду подобныхъ условій, изслѣдованія пива, дающія возможность контролировать пріемы изготовленія напитка, а также опредѣлять употреблявшіеся при этомъ матеріалы, въ интересахъ охраненія общественнаго здоровья имѣютъ существенную важность и значеніе. Такихъ анализовъ для нашего русскаго пива имѣется уже нѣсколько, исполненныхъ главнымъ образомъ городскими санитарными станціями. Я не говорю про пиво заграничныхъ заводовъ, гдѣ иногда продуктъ раньше его изслѣдованія и не выпускается въ продажу.

При своихъ анализахъ я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы, во-первыхъ, выяснить, насколько пиво здѣшнихъ заводовъ, по количеству главныхъ своихъ составныхъ частей, разнится отъ другихъ извѣстныхъ русскихъ и заграничныхъ сортовъ; во-вторыхъ, на основаніи полученныхъ такимъ путемъ данныхъ, составить затѣмъ представленіе и о томъ, насколько правильно шли наиболѣе главные моменты во всемъ процессѣ изготовленія пива, не употреблялись-ли при этомъ какіе-нибудь пріемы съ цѣлью придать болѣе нормальныя свойства напитку. Для выполненія этихъ указанныхъ цѣлей, нѣтъ никакой необходимости производить полный количественный и качественный химическій анализъ: нѣкоторыя составныя части могутъ быть оставляемы и безъ опредѣленія. Такого рода изслѣдованія обыкновенно и производятся въ цѣляхъ санитарныхъ, для сужденія о доброкачественности продукта. Ранѣе моихъ анализовъ, произведенныхъ лѣтомъ 1896 года, пиво томскихъ заводовъ не подвергалось изслѣдованіямъ.—Анализы велись по методамъ, описаннымъ въ руководствѣ Emmerich'a и Trillich'a. (Emmerich und Trillich, Anleitung zu hygienischen Untersuchungen, München, 1892 г.).

Перехожу теперь къ описанію полученныхъ мною результатовъ анализа.

Предварительное изслѣдованіе пива касалось опредѣленія цвѣта, запаха, вкуса и прозрачности напитка.

Правильно и изъ доброкачественныхъ продуктовъ изготовленное пиво совершенно прозрачно, вязко, желтовато-бураго цвѣта, съ своеобразнымъ блескомъ и мелкопузырчатой пѣной, освѣжающаго ароматически-горькаго или сладковатаго вкуса. Хорошіе знатоки пива, обыкновенно руководствуясь данными такого физическаго изслѣдованія, составляютъ довольно вѣрное представленіе о тѣхъ или другихъ качествахъ напитка. Здѣсь кстати замѣчу, что образующаяся въ нѣкоторыхъ сортахъ пива мелкопузырчатая пѣна, которой нерѣдко придается большое значеніе при сужденіи о доброкачественности напитка, зависитъ отъ содержанія въ пивѣ угольной кислоты (мелкопузырчатая пѣна), алкоголя (невысокій слой пѣны) и глицерина (большой слой). Упомяну затѣмъ также, что вкусъ пива, по изслѣдованіямъ Schultze, зависитъ и отъ сосудовъ, изъ которыхъ пьютъ напитокъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе удобны, по указанію Schultze, вызолоченныя внутри серебрянныя кружки, затѣмъ кружки оловянныя или же глазурованныя глиняныя.

Дальнѣйшее изслѣдованіе пива касалось опредѣленія удѣльнаго вѣса, содержанія алкоголя, экстракта, молочной кислоты, мальтозы, декстрина и минеральныхъ веществъ. Чтобы судить затѣмъ о правильности бывшаго процесса пивоваренія, на основаніи данныхъ химическаго изслѣдованія, вычислялось также количество первоначальнаго экстракта, степень переброженія, отношеніе мальтозы къ прочимъ составнымъ частямъ первоначальнаго экстракта. Остановлюсь нѣсколько на объясненіи значенія вычисляемыхъ такимъ путемъ величинъ. По количеству первоначальнаго экстракта опредѣляется концентрація того не бродившаго еще сусла, изъ котораго получено данное пиво. Степень переброженія или выбродимость это есть выраженное въ процентахъ количество разрушеннаго при броженіи первоначальнаго экстракта. Въ среднемъ процентъ этотъ у хорошо выбродившаго пива равенъ приблизительно 50. При высокой степени переброженія пиво („лежакъ“, лежалое) дольше не портится, не мутится; наоборотъ, при малой степени, ниже, напр., 40%, пиво скоро мутится, въ немъ развивается масса дрожжей, и употребленіе такого молодого пива, понятно, не можетъ быть безвреднымъ для здоровья потребителей. Въ Германіи, по закону, степень переброженія пива, поступающаго въ продажу, должна быть никакъ не меньше 48%. Правильное высушиваніе солода и приготовленіе изъ него сусла узнается по отношенію солодоваго сахара къ другимъ составнымъ частямъ въ экстрактѣ сусла это, такъ называемое, число или отношеніе Vogel'я. Сравнительно невысокая температура, примѣнявшаяся при высушиваніи солода и нагрѣва-

ніи затора, обусловливаетъ большій процентъ содержанія солодоваго сахара, который затѣмъ подвергается броженію; такое пиво имѣетъ сравнительно небольшое количество плотныхъ веществъ. Отношеніе Vogel'я равно здѣсь 1 : 0,4 и 1 : 0,5. Наоборотъ, высокая температура при высушиваніи солода и изготовленіи затора можетъ повести къ большому образованію декстриновъ, появленію въ суслѣ не вполнѣ растворенаго крахмала, который и можетъ производить впослѣдствіи помутнѣніе пива (клейстерное помутнѣніе). Въ этомъ случаѣ отношеніе Vogel'я равно 1 : 0,9 и больше. Въ нормально изготовленномъ напиткѣ оно должно равняться 1 : 0, 6 — 1 : 0,7.

Мною изслѣдовано 13 продажныхъ сортовъ пива съ заводовъ Крюгера, Рейхзелигмана и Зеленевскаго. Образчики напитка пріобрѣтались въ портерныхъ и на заводахъ. Дѣленіе пива на сорта на всѣхъ заводахъ почти одинаковое. „Баварское" пиво, цѣна 12 коп. за бутылку; за нимъ слѣдуетъ „Гамбринусъ" 15—17 коп. за бутылку; далѣе „Царское" 15—20 коп. за бутылку, наконецъ „Bock-Bier" 20 коп. за бутылку. На заводѣ Крюгера изготовляется еще сортъ болѣе дешевый, чѣмъ „Баварское", это пиво „Вѣнское", 10 коп. за бутылку.

I. Пиво „Баварское". Что-бы судить, насколько томское „баварское" пиво, по своимъ качествамъ, соотвѣтствуетъ пиву, изготовляемому въ Баваріи и имѣющему свой типическій составъ, для сравненія приведу главнѣйшія данныя анализовъ Мюнхенскаго пива. Въ среднемъ этотъ сортъ пива содержитъ (König):

алкоголя	3.54%,
экстракта.	6.20%.
солодоваго сахара.	1.08%,
первоначальнаго экстракта сусла. .	13.0%,
степень переброженія равна . . .	52.3%,
отношеніе Vogel'я.	1:0,64.

Принимая приведенный составъ мюнхенскаго пива, какъ норму для пива настоящаго баварскаго изготовленія и сравнивая съ этими цифрами данныя, полученныя при анализѣ томскаго „баварскаго" напитка, можно сдѣлать слѣдующіе главнѣйшіе выводы. 1) По содержанію экстракта, алкоголя и по крѣпости сусла, къ этой нормѣ болѣе всего подходитъ пиво завода Крюгера, затѣмъ Рейхзелигмана и меньше продуктъ завода Зеленевскаго. Но количество указанныхъ веществъ во всѣхъ трехъ сортахъ стоитъ ниже требуемой нормы. 2) Показатель Vogel'я или отношеніе солодоваго сахара къ остальнымъ составнымъ частямъ экстракта

сусла во всѣхъ анализированныхъ сортахъ довольно замѣтно уклоняется отъ такого-же показателя въ мюнхенскомъ пивѣ. Отклоненіе это больше всего въ пивѣ завода Зеленевскаго, затѣмъ въ пивѣ Рейхзелигмана и меньше въ продуктѣ, изготовляемомъ на заводѣ Крюгера. Руководясь приведенными отношеніями, не безъ основанія можно предположить, что Крюгеровское пиво сравнительно болѣе продолжительный срокъ времени будетъ оставаться густымъ, чѣмъ пиво Рейхзелигмана и въ особенности Зеленевскаго. Но всѣ эти три сорта во всякомъ случаѣ не могутъ долго сохранить свои первоначальныя свойства; а потому „баварское" пиво томскаго изготовленія при сохраненіи неминуемо должно потерять одно важное свойство, это свою густоту,—качество очень характерное для настоящаго баварскаго пива. 3) Процентъ перебродившихъ веществъ во всѣхъ трехъ сортахъ томскаго баварскаго пива стоитъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ заграничномъ продуктѣ. Поэтому содержаніе солодоваго сахара находится въ обратномъ отношеніи: оно больше въ томскомъ и меньше въ мюнхенскомъ пивѣ.

II, III. Пиво „Гамбринусъ" и „Царское". Для сравнительной оцѣнки этихъ сортовъ томскаго пива нѣтъ продукта съ соотвѣтствующимъ названіемъ, вырабатываемаго на другихъ русскихъ или заграничныхъ заводахъ. Но если принять во вниманіе, что эти сорта являются наиболѣе, такъ сказать, популярными, распространенными среди потребителей, то я думаю, не будетъ особенно большой ошибки, если сравнить ихъ съ тѣмъ продуктомъ, спросъ на который является также наибольшимъ и въ другихъ мѣстахъ. Понятно, сравненіе это не можетъ быть особенно строгимъ, оно допустимо только лишь въ силу указаннаго соображенія. По своему составу, пиво „Гамбринусъ" и „Царское" больше всего подходитъ къ общераспространеннымъ у нѣмцевъ лѣтнему и экспортъ пиву (Lagerbier, Exportbier). Такъ, содержаніе алкоголя, экстракта, золы въ томскихъ сортахъ немного разнится отъ количества этихъ веществъ въ указанныхъ видахъ нѣмецкаго пива; но зато нельзя не отмѣтить, что продуктъ здѣшнихъ заводовъ богаче мальтозой и молочной кислотой и бѣднѣе декстриномъ, чѣмъ нѣмецкіе сорта. Точно также степень переброженія болѣе высока и отношеніе Vogel'я гораздо болѣе нормально въ нѣмецкомъ пивѣ, чѣмъ въ томскомъ. Условія эти, понятно, не могутъ говорить въ пользу особенныхъ достоинствъ здѣшняго продукта. При сравненіи данныхъ анализа, составъ пива „Гамбринусъ" на различныхъ заводахъ представляетъ нѣкоторыя особенности, которыхъ нельзя здѣсь не отмѣтить. Прежде всего, пиво Рейхзелигмана, по крѣпости сусла, замѣтно превосходитъ сорта другихъ

заводовъ (15, 16% и 11, 61—13, 82%); точно также содержаніе въ указанномъ пивѣ экстракта (resp. декстрина и мальтозы) выражается болѣе высокимъ процентомъ, чѣмъ въ подобномъ же продуктѣ Крюгера или Зеленевскаго. Замѣтная разница представляется затѣмъ при сравненіи отношеній или цифръ Vogel'я. Очень большое отношеніе наблюдается въ пивѣ Зеленевскаго (1:0,37) и меньшее въ пивѣ Крюгера (1: 0,68). Послѣдній сортъ пива останется достаточно густымъ и при продолжительномъ его сохраненіи, тогда какъ первый вѣроятнѣе всего подвергнется нежелательнымъ измѣненіямъ, которыя могутъ сдѣлать продуктъ совершенно непригоднымъ для употребленія. Высокое отношеніе Vogel'я, какъ сказано выше, зависитъ отъ неправильнаго пріема изготовленія сусла и затора. Сорта „Царскаго" пива, изготовляемаго на здѣшнихъ заводахъ, по сравненію другъ съ другомъ, также представляютъ нѣкоторыя особенности. Съ наибольшей концентраціей сусла и пива здѣсь является продуктъ Зеленевскаго (14,32%), съ наименьшимъ Крюгера (11,91%). Недостаточно выбродившимъ должно считать пиво Рейхзелигмана. Отношеніе Vogel'я во всѣхъ сортахъ почти одинаково.

IV. Пиво „Bock-Bier". Характернымъ признакомъ этого сорта пива является сравнительно высокое содержаніе экстракта вслѣдствіе приготовленія особаго концентрированнаго сусла. Поэтому „Bock-Bier" относится къ густымъ сортамъ напитка; содержаніе въ немъ алкоголя является также нѣсколько повышеннымъ противъ обыкновенныхъ сортовъ. При сравненіи томскаго „Bock-Bier" съ нѣмецкимъ, составъ котораго извѣстенъ по многочисленнымъ изслѣдованіямъ, разница будетъ состоять въ слѣдующемъ. Нѣмецкое пиво содержитъ большій процентъ алкоголя и первоначальнаго экстракта, но меньше солодоваго сахара и молочной кислоты. Степень переброженія, а также отношеніе Vogel'я, въ томскихъ сортахъ менѣе удовлетворительны, чѣмъ въ продуктѣ нѣмецкаго изготовленія. Сопоставляя же между собою результаты анализа томскихъ сортовъ „Bock-Bier", нужно отмѣтить, что наибольшая концентрація сусла, количество алкоголя, экстракта является въ продуктѣ Рейхзелигмана (названіе пива собственно „Козелъ"). Въ зависимости отъ количества экстракта въ этомъ сортѣ находится богатое содержаніе декстрина и не перебродившаго солодоваго сахара. Значительное количество молочной кислоты можетъ указывать или на неправильно шедшій процессъ броженія пива или же на не вполнѣ подходящій матеріалъ, служившій для изготовленія затора. Наконецъ, относительно этого же сорта пива Рейхзелигмана нужно сказать, что оно представляется недостаточно выбродившимъ,—обстоятельство, которое положи-

тельно не можетъ говорить за особыя достоинства напитка. „Bock-Bier“ завода Крюгера при среднемъ содержаніи экстракта и алкоголя, имѣетъ невысокое отношеніе Vogel'я (1:0,74). Что-же касается продукта Зеленевскаго, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ очевидной попыткой простое пиво выдать за двойное, густое. Здѣсь обыкновенному напитку, полученному изъ обыкновеннаго сусла, съ невысокимъ удѣльнымъ вѣсомъ (1,0161), сравнительно небольшимъ количествомъ алкоголя и экстракта, приданъ видъ густого пива при помощи окраски въ черный цвѣтъ жженымъ сахаромъ или кулеромъ.

V. Пиво „Вѣнское“ съ завода Крюгера. Это самый дешевый сортъ пива, по своему составу не представляетъ рѣзкихъ отклоненій отъ обыкновеннаго нѣмецкаго, напр., зимняго пива (Schenkbier). Сравнительно съ этимъ послѣднимъ, вѣнское пиво, какъ и многіе другіе здѣшніе сорта, имѣетъ общіе признаки: большее содержаніе мальтозы и молочной кислоты и нѣсколько высокое отношеніе Vogel'я.

Разсмотрѣвъ въ отдѣльности качества различныхъ сортовъ томскаго пива, мнѣ кажется, позволительно будетъ сдѣлать нѣсколько краткихъ выводовъ, касающихся, во-первыхъ, общихъ, свойствъ изготовляемаго въ Томскѣ напитка, по сравненію его съ такими же продуктами другихъ заводовъ и во-вторыхъ, относящихся къ указаніямъ на правильность хода всего процесса пивоваренія. Выводы эти будутъ такіе.

1. Томское пиво, по сравненію съ нѣмецкимъ, отличается большимъ содержаніемъ солодоваго сахара и молочной кислоты. Количественныя отношенія остальныхъ составныхъ частей не представляютъ рѣзкихъ и постоянныхъ уклоненій.

2. Въ Томскѣ практикуется иногда пріемъ фальсификаціи пива путемъ окраски кулеромъ для приданія напитку требуемаго темнаго цвѣта и вида.

3. Изготовленіе солода и затора не всегда на здѣшнихъ заводахъ производится при условіяхъ, вполнѣ гарантирующихъ прочность получаемаго впослѣдствіи напитка.

4. Съ томскихъ пивоваренныхъ заводовъ выпускается иногда продуктъ не достаточно выбродившій.

Томскъ
2 мая 1897 г.

Табл. 1. Пиво томскихъ заводовъ.

		Физическія свойства.	Удѣльный вѣсъ.	Алкоголь.	Экстрактъ.	Солодовый сахаръ.	Декстринъ.	Молочная кислота.	Минеральныя вещества	Первоначальный экстрактъ сусла.	Степень перебр.	Отношеніе Vogel'я.	Цѣна за бутылку.
I.	Пиво „Баварское“												
	Крюгера . .	Прозрачно, желтаго цвѣта, безъ осадка.	1.0178	3.141	6.10	1.800	2.561	0.180	0.2134	12.18	49.9	1:0,54	12 коп.
	Рейхзелигмана	Прозрачно, желтаго цвѣта. безъ осадка.	1.0172	2.97	6.05	2.25	2.041	0.233	0.1925	11.81	48.8	1:0,47	12 коп.
	Зеленевскаго	Прозрачно, желтаго цвѣта	1.0153	2.97	5.41	2.131	2 113	0.288	0.1713	11.19	51.5	1:0,42	12 коп
II.	Пиво „Гамбринусъ“.												
	Крюгера . .	Прозрачно, темнаго цвѣта	1.0159	3.139	5.59	1.875	1.8222	0.216	0.1816	11.61	51.1	1:0,68	15 коп.
	Рейхзелигмана	Красноват. цв., съ небольш. колич. взвѣшенныхъ вещ.	1.0212	3.95	7.49	2.850	2.856	0.333	0.2239	15.16	50.5	1:0,44	17 коп.
	Зеленевскаго	Красноват. цв., съ небольш. колич. взвѣшенныхъ вещ.	1.0165	4.00	6.15	2.41	2.324	0.342	0,2178	13.82	50.4	1:0,37	15 коп.
III.	Пиво „Царское“.												
	Крюгера . .	Желтаго цв., съ небольш. осадкомъ.	1.0162	3.142	5.82	2.25	2.5056	0.252	0.1775	11.91	51.2	1:0,43	20 коп.
	Рейхзелигмана	Желтаго цв., прозрачно.	1.0204	3.14	6.83	2.851	2.6568	0.261	0.2015	12.87	46.9	1:0,45	15 коп.
	Зеленевскаго	Желтаго цв., прозрачно	1.0209	3.72	7.18	2.691	3.363	0.306	0.218	14.32	49.8	1:0,45	20 коп.
IV.	Пиво „Bock-Bier“												
	Крюгера . .	Чернаго цв., прозрачно	1.0212	3.54	7.11	2.175	3.3615	0.342	0.210	13.90	48.9	1:0,74	20 коп.
	Рейхзелигмана	Прозр., темнокрасн. цв., безъ осадка.	1.0336	4.19	10.60	4.05	4.1985	0 414	0.2988	18.43	42.4	1:0,55	20 коп.
	Зеленевскаго.	Съ осадкомъ, мутновато. Подкрашено кулеромъ.	1.0161	3.43	5.95	2.122	2.749	0.351	0.2128	12 59	52.7	1:0,44	20 коп.
V.	Пиво „Вѣнское“.												
	Крюгера . .	Прозр., желтаго цвѣта.	1.0145	2.91	5.16	1.650	2.3472	0.261	0.169	10.84	52.4	1:0,45	10 коп.

Табл. 2. Пиво заграничныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ заводовъ.

Зимнее пиво (Schenkbier)	(Средн. изъ 205 анализовъ, по Kônig'y).	1.0114	3.36	5.34	0.95	3. 11	0.156	0.204	11.86	54.9	1:0,58
Лѣтнее пиво (Lagerbier)	(Средн. изъ 258 анализовъ, по Kônig'y).	1.0162	3.93	5.79	0.88	3. 73	0.151	0.228	13.35	56.6	1:0,59
Пиво экспортъ .	(Средн. изъ 109 анализовъ, по Kônig'y).	1.0176	4.40	6.38	1.20	3. 47	0.161	0.247	14.78	57.5	1:0,54
Bock-Bier . . .	(Средн. изъ 84 анализовъ, по Kônig'y).	1.0213	4.69	7.21	1.81	3. 97	0.165	0.263	16.10	55.2	1:0,5
Калинкинское пиво, въ Петербургѣ.	(Средн. изъ 8 анализовъ Горлицина).	1.0149	4.05	4.596	0.195	3. 257	0.038	—	12.43	63.0	1:0,54
Пиво въ Харьковѣ	(Средн. изъ 6 анализовъ Попова).	1.0156	3.34	5.16	—	—	0.204	0.215	11.64	55.6	—

Табл. 1. Пиво тюменских заводов.

О помѣщеніяхъ студентовъ въ частныхъ домахъ города Томска.

Изъ Гигіенической Лабораторіи Императорскаго Томскаго Университета.

Студ. Ѳ. А. Киркевичъ.

Въ началѣ Февраля настоящаго (1897) года, по предложенію проф. А. И. Судакова, я предпринялъ рядъ изслѣдованій, которыми имѣлось въ виду выяснить хоть отчасти тѣ гигіеническія условія, среди которыхъ живетъ большинство студентовъ мѣстнаго Университета. Вопросъ о студенческихъ квартирахъ въ Томскѣ въ послѣднее время принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Съ каждымъ годомъ увеличивается число жалобъ на недостатокъ квартиръ, ихъ дороговизну и ту массу неудобствъ, съ которыми поневолѣ приходится мириться небогатому человѣку. Возрастающій ежегодно недостатокъ въ квартирахъ объясняется отчасти тѣмъ, что, съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, съ открытіемъ въ Томскѣ различныхъ административныхъ учрежденій, такъ или иначе связанныхъ съ постройкой дороги, населеніе города значительно увеличилось, главнымъ образомъ, на счетъ пришлаго элемента, который, при сравнительно хорошо оплачиваемой службѣ и занялъ лучшія помѣщенія въ городѣ, значительно повысивъ при этомъ ихъ нормальную стоимость. Помимо этого, въ настоящемъ учебномъ году замѣчался особенно большой наплывъ молодыхъ людей, изъявившихъ желаніе получить въ Томскѣ спеціально медицинское образованіе. Въ началѣ академическаго года въ число студентовъ Университета зачислено около 188 человѣкъ,—цыфра еще не бывалая въ Томскѣ. Это, конечно, не могло не отразиться на количествѣ и качествѣ помѣщеній. Затѣмъ, въ настоящее время идетъ, какъ извѣстно, дѣятельная подготовка къ постройкѣ заложеннаго уже (въ Іюлѣ 1896 г.) зданія Технологическаго Института въ Томскѣ, а въ самомъ недалекомъ будущемъ предвидится открытіе юридическаго факультета при мѣстномъ Университетѣ. Можно, поэтому, ожидать, что спросъ на недорогія, но удобныя квартиры, недостатокъ которыхъ самымъ ощутительнымъ образомъ даетъ себя знать уже и теперь, повысится тогда еще болѣе. Съ другой же стороны, несомнѣнно вліяніе тѣхъ или другихъ гигіеническихъ условій на успѣшность занятій, благосостояніе и, главнымъ обра-

зомъ, здоровье нашей университетской молодежи, среди которой давно уже отмѣченъ высокій % смертности. Важно было-бы выяснить, какова на самомъ дѣлѣ та гигіеническая обстановка, среди которой живетъ большинство томскихъ студентовъ, въ какой степени студенческія квартиры удовлетворяютъ предъявляемымъ въ этомъ отношеніи гигіеной нормамъ и не оказываютъ-ли эти помѣщенія, при настоящемъ ихъ состояніи, вреднаго вліянія на здоровье лицъ, живущихъ въ нихъ. Попытка подойти къ рѣшенію этихъ вопросовъ и составляетъ сущность и предметъ настоящаго небольшого изслѣдованія.

Осмотръ помѣщеній студентовъ въ частныхъ домахъ города производился мною съ 6 Февраля по 30 Марта настоящаго года. Въ этотъ промежутокъ времени осмотрѣно въ различныхъ домахъ всего 40 комнатъ, въ которыхъ помѣщалось 75 студентовъ—квартирантовъ. Въ среднемъ, слѣдовательно, на каждую комнату приходится почти по два (1,875) человѣка. Общее число студентовъ въ Университетѣ равнялось въ это время 430. Изъ нихъ 87 человѣкъ пользовались помѣщеніемъ въ домѣ общежитія студентовъ, остальные-же размѣщались въ частныхъ домахъ. Если принять размѣщеніе по частнымъ квартирамъ и остальной части (268 ч.) студентовъ такимъ-же, какое замѣчено въ осмотрѣнныхъ уже помѣщеніяхъ (по 1,875 на комнату), то число осмотрѣнныхъ квартиръ будетъ равно почти 22% (21,858%) всѣхъ частныхъ помѣщеній студентовъ. Хотя число осмотрѣнныхъ мною помѣщеній, повидимому, и не особенно велико, но, въ виду того значительнаго однообразія, какое представляютъ эти послѣднія во многихъ своихъ условіяхъ, мнѣ кажется, не будетъ большой ошибки, если на основаніи только приведенной выше цыфры (22%) попытаемся составить себѣ понятіе объ общемъ, наичаще встрѣчающемся типѣ студенческаго помѣщенія и сдѣлать выводы о тѣхъ недостаткахъ въ гигіеническомъ отношеніи, которыми часто грѣшатъ эти помѣщенія.

Приступая къ работѣ, я долженъ былъ предварительно выработать себѣ общій планъ изслѣдованія и намѣтить тѣ стороны его, которыя, по отношенію къ данному вопросу, могли-бы имѣть наиболѣе важное значеніе.

При дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ и придется сообщать добытые результаты изслѣдованія въ томъ порядкѣ вопросовъ, котораго я придерживался при своихъ занятіяхъ. *)

Громадное большинство студенческихъ квартиръ располагается въ частяхъ города, ближе всего прилегающихъ къ Университету. Главное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ, такъ называ-

*) Примѣч. Болѣе подробная программа изслѣдованія приложена въ концѣ.—

емой, Солдатской Слободкѣ и сосѣдней съ ней Верхней Елани. По крайней мѣрѣ, почти всѣ осмотрѣнныя мною помѣщенія расположены именно въ этихъ двухъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., на Солдатской ул. осмотрѣно 7 квартиръ, на Жандармской ул. 4, на Нечаевской 2, на Никитинской 1, въ Даниловскомъ переулкѣ 2, на Торговой ул. 2, въ Затѣевскомъ пер. 2, на Еланской ул. 3, на Черепичной 3, на Ерлыковской 2, на Садовой 4, на Александровской 1, на Буткѣевской 1, на Спасской 1, на Источной 1, въ Макаровскомъ пер. 3 и по Московскому тракту 1.

Въ общемъ перечисленныя улицы, при ихъ отдаленности отъ центра города и довольно густомъ заселеніи, принадлежатъ къ болѣе грязнымъ въ городѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ щеголяютъ при этомъ полнѣйшимъ отсутствіемъ тротуаровъ и мостовыхъ.

Дома, въ которыхъ располагаются осмотрѣнныя квартиры, почти исключительно деревянные: изъ 40 квартиръ только одна отмѣчена въ каменномъ нижнемъ этажѣ. Эти дома чаще всего—небольшіе двухъэтажные, причемъ квартиръ, расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ дома, почти вдвое больше (16), чѣмъ въ верхнемъ (9). Только немного больше $^1/_3$ осмотрѣнныхъ квартиръ принадлежитъ одноэтажнымъ домамъ. Самыя зданія по времени постройки большей частію довольно старыя. Изрѣдка попадались какъ слишкомъ старые, такъ и совершенно новые, едва законченные постройкой дома. Довольно часто (6 дом.) дома снаружи обмазаны глиной или обиты выкрашеннымъ тесомъ (7 дом.) Покрыты, обыкновенно, желѣзомъ или тесомъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ квартиры сдаются студентамъ непосредственно самимъ хозяиномъ дома. Обыкновенно, весь домъ или часть его (этажъ, квартира) снимается въ аренду какимъ-нибудь небогатымъ семействомъ или чаще вдовою мелкаго чиновника. Эти послѣднія и принимаютъ въ свободныя комнаты квартирантовъ на различныхъ условіяхъ: „со столомъ“, „безъ стола“ или „съ прикуской“*). Благодаря такой системѣ квартирантъ пользуется помѣщеніемъ чаще всего со вторыхъ или даже съ третьихъ рукъ, что, несомнѣнно, отражается и на стоимости подобныхъ помѣщеній. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что содержаніе въ такихъ случаяхъ квартирантовъ и „нахлѣбниковъ“ у многихъ небогатыхъ хозяекъ является побочнымъ источникомъ для увеличенія ихъ скромныхъ и часто недостаточныхъ бюджетовъ.

Студенческая квартира, обыковенно, состоитъ изъ одной комнаты**), въ которой помѣщается, смотря по ея размѣрамъ, отъ одного до трехъ человѣкъ. Такъ, изъ 40 осмотрѣнныхъ комнатъ по

*) „Прикуска“—хлѣбъ и печеніе къ утреннему и вечернему чаю.

**) Выраженія „помѣщеніе“, „квартира“, „комната“ нужно принимать, поэтому, за синонимы.

одному человѣку помѣщалось въ 11 комнатахъ, по два—въ 23 и по три—въ 6. По курсамъ эти 75 человѣкъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: I курса 38 ч., II—10, III—10, IV—4 и V—13 чел. Дверь изъ комнаты выходитъ чаще всего въ прихожую темную (16 кв.) или свѣтлую (4 кв.), иногда въ сосѣднюю мало жилую (залъ, столовая) (6 кв.) или постоянно обитаемую комнату (5 кв.). Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ дверь открывается прямо въ кухню (4 кв.) или въ холодныя сѣни (5 кв.). Часто комната отдѣлена отъ сосѣднихъ помѣщеній (прихожая, кухня, жилая комната) досчатой, неплотной, иногда далеко не доходящей до потолка перегородкой, чрезъ щели которой проникаетъ довольно свободно въ помѣщеніе сосѣдній часто болѣе испорченный воздухъ. Дѣйствительно, такая неполная изоляція помѣщенія, отмѣченная въ 11 случаяхъ, нерѣдко служитъ поводомъ къ постояннымъ жалобамъ жильцовъ на порчу воздуха. Стѣны помѣщеній, обыкновенно, оклеены обоями (въ 22 кв.). Цвѣтъ обоевъ въ большинствѣ случаевъ сѣрый съ примѣсью голубого, зеленаго и краснаго до коричневаго цвѣта. Въ болѣе старыхъ домахъ стѣны покрыты обоями въ нѣсколько (до 5—6) слоевъ, благодаря тому, что всякая новая хозяйка, оклеивая квартиру новыми обоями, считаетъ лишнимъ и хлопотливымъ удалять со стѣнъ старые. Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ (12 кв.) стѣны покрыты штукатуркой и выбѣлены. Попадались и такія квартиры (6), гдѣ совершенно новыя, слегка отесанныя деревянныя стѣны ничѣмъ не покрыты: между бревнами свободно торчатъ клочки мха, пакли и т. п.; сами бревна дали трещины и щели, въ которыхъ находятъ безопасное для себя убѣжище тараканы и клопы; пятна плѣсневыхъ грибковъ дополняютъ общую пеструю картину такихъ стѣнъ. Почти во всѣхъ квартирахъ, за исключеніемъ лишь совершенно новыхъ домовъ (7), потолокъ выбѣленъ по тонкому слою штукатурки или по наклеенной предварительно бумагѣ. Въ 26 квартирахъ отмѣченъ выкрашенный полъ. Послѣдній представлялся иногда, особенно въ болѣе старыхъ домахъ, покосившимся, подгнившимъ, съ дырами и щелями между половицами; чрезъ эти щели свободно проникалъ въ помѣщеніе холодный, часто затхлый, подвальный воздухъ.

Незатѣйливая обстановка студенческой квартиры, смотря по ея размѣрамъ и по числу живущихъ въ ней, состоитъ изъ 1—4 небольшихъ столовъ, 1—6 стульевъ. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ мѣстнаго издѣлія, плетеные изъ прутьевъ тальника. Лишь въ 4-хъ квартирахъ замѣчены вѣнскіе стулья. Деревянныя кровати составляютъ почти всегда неотъемлемую собственность самихъ квартирантовъ. Диваны (въ 10 кв.), обыкновенно довольно жесткіе, часто замѣняютъ собою въ часы отдыха постель. Простыя деревянныя этажерки для книгъ, отмѣченныя въ 13 квар-

тирахъ, чаще всего тоже принадлежали квартирантамъ. Такая роскошь, какъ цвѣты, картины, зеркала, комодъ или шкафъ для платья, встрѣчались, какъ исключеніе, лишь въ единичныхъ случаяхъ.

Размѣры помѣщеній колеблются въ довольно широкихъ предѣлахъ. Наибольшая длина комнаты, которую пришлось наблюдать, равнялась 7,33 метрамъ. Наименьшая длина 3,19 метра. Въ частности длина

отъ	3,19	метр.	до	3,50	метр.	наблюдалась	въ	5	комн.,
„	3,50	„	„	4,00	„	„	„	5	„
„	4,00	„	„	4,50	„	„	„	7	„
„	4,50	„	„	5,00	„	„	„	10	„
„	5,00	„	„	5,50	„	„	„	3	„
„	5,50	„	„	6,00	„	„	„	7	„
„	6,00	„	„	6,50	„	„	„	0	„
„	6,50	„	„	7,00	„	„	„	2	„
„	7,00	„	„	7,33	„	„	„	1	„
								40	„

Такимъ образомъ, длина помѣщенія чаще всего падаетъ на 3,5—6,0 метровъ. Для ширины помѣщеній получены слѣдующія цыфры:

Отъ	1,79	до	2,50	метровъ	въ	6	комнатахъ,
„	2,50	„	3,00	„	„	5	„
„	3,00	„	3,50	„	„	7	„
„	3,50	„	4,00	„	„	13	„
„	4,00	„	4,50	„	„	5	„
„	4,50	„	4,80	„	„	4	„
						40	„

Слѣдовательно, чаще встрѣчаются комнаты шириной отъ 3 до 4 метровъ. Что касается высоты помѣщеній, то въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ квартиръ не нашлось ни одной, которая удовлетворяла-бы требованіямъ (4,0 метра) гигіены. Вотъ болѣе подробныя цыфры.

Въ 24 комнатахъ высота равнялась 2,00—2,50 метр.
„ 16 „ „ „ 2,50—3,00 „ —

причемъ въ 2 случаяхъ она не превышала 2,0 метр., а въ 2-хъ едва достигала 3,0 метровъ. О величинѣ кубическаго объема помѣщеній наглядное представленіе даетъ слѣдующая таблица *).

*) При вычисленіи кубическаго объема помѣщеній былъ принятъ во вниманіе приблизительный объемъ (1—2 куб. метра), занимаемый печкой, мебелью и т. п.

На каждаго человѣка приходилось:

По	12,0	куб. метр.	(1,23	куб. саж.)	въ	3	помѣщ.
„	13,0	„ „	(1,33	„ „)	„	3	„
„	15,0	„ „	(1,54	„ „)	„	1	„
„	16,0—18,0	„ „	(1,64—1,85	„ „)	„	8	„
„	18,0—20,0	„ „	(1,85—2,05	„ „)	„	3	„
„	20,0—22,0	„ „	(2,05—2,26	„ „)	„	4	„
„	22,0—24,0	„ „	(2,26—2,47	„ „)	„	5	„
„	24,0—26,0	„ „	(2,47—2,67	„ „)	„	4	„
„	26,0—28,0	„ „	(2,67—2,88	„ „)	„	5	„
„	31,0	„ „	(3,19	„ „)	„	1	„
„	32,0	„ „	(3,29	„ „)	„	1	„
„	43,0	„ „	(4,42	„ „)	„	1	„
..	50,0	„ „	(5,14	„ „)	„	1	„
						40	„

Если принять 25,0 куб. метр. (или 2,5 куб. саж.) помѣщенія, какъ величину минимальную, требуемую гигіеной на каждаго человѣка, то изъ всего числа осмотрѣнныхъ помѣщеній 28 квартиръ (70%) даютъ цыфры ниже принятой гигіеной нормы. Въ этихъ 28 квартирахъ, недостаточныхъ по объему, помѣщалось 55 человѣкъ, т. е. болѣе 73,3% изъ всего числа изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи студентовъ. При такомъ сравнительно небольшомъ объемѣ помѣщеній послѣднія обладали въ большинствѣ случаевъ достаточной величиной квадратной площади пола: только въ 5 квартирахъ эта величина оказалась меньше 6 кв. метр. (отъ 4,8 до 5, 8). Чаще всего квадратная площадь пола равнялась 7,0—11,0 кв. метр. Въ рѣдкихъ случаяхъ она доходила до 13,0 (1 кв.), 14,0 (2 кв.) и даже до 22,0 кв. метр. (1 кв.). Объясняется такое кажущееся несоотвѣтствіе между квадратной площадью пола и кубическимъ объемомъ помѣщенія небольшой высотой комнатъ (около 2,5 метр.).

Степень естественнаго освѣщенія помѣщеній опредѣлялась отношеніемъ величины квадратной площади оконъ къ величинѣ квадратной площади пола. При этомъ отношеніе

1 : 5,0—10,0	опредѣлено	въ 26	квартирахъ,
1 : 10,0—15,0	„	„ 10	„
1 : 15,0—20,0	„	„ 4	„

Такимъ образомъ, 35% всѣхъ осмотрѣнныхъ въ отношеніи естественнаго освѣщенія помѣщеній не соотвѣтствовало установленной гигіеной нормѣ (отношенію 1: 5—10). Надо замѣтить, что степень естественнаго освѣщенія въ большинствѣ квартиръ на

самомъ дѣлѣ была еще ниже указанной величины, благодаря, напримѣръ, тому, что предъ окнами комнаты нерѣдко помѣщался довольно высокій заборъ, стѣны сосѣдняго зданія, деревья, или стекла оконъ были покрыты толстымъ сѣро-матовымъ мало пропускающимъ свѣтъ слоемъ льда. Слѣдуетъ также принять во вниманіе и то, что во всѣхъ квартирахъ, когда производились изслѣдованія, были вставлены зимнія оконныя рамы. Эти послѣднія подчасъ отличались густымъ либо широкимъ переплетомъ и часто заключали въ себѣ различныя, не пропускающія свѣтъ приспособленія для вентиляціи. Всѣ эти условія вмѣстѣ съ оконными занавѣсками и темной окраской обоевъ сообщали нѣкоторымъ, особенно съ болѣе низкимъ потолкомъ, помѣщеніямъ довольно мрачный, непривѣтливый, угнетающій видъ. По странамъ свѣта окна въ помѣщеніяхъ располагались такъ:

На	востокъ	въ 4 кв.,	
,,	вост. и югъ	,, 5 ,,	
,,	югъ	,, 3 ,,	
,,	югъ и зап.	,, 9 ,,	
,,	западъ	,, 5 ,,.	
На	зап. и сѣв.	въ 6 кв..	
,,	сѣверъ	,, 3 ,,	
,,	сѣв. и вост.	,, 3 ,,	
,,	вост. югъ и зап.	1 ,,	
,,	сѣв., зап. и югъ	,, 1 ,,	

При этомъ въ 8 квартирахъ имѣлось по одному окну, въ 12 — по 2 окна, въ 4— по 3, въ 8—по 4, въ 7—по 5 и, наконецъ, въ одной квартирѣ—6 оконъ.

Что касается способовъ искусственнаго освѣщенія квартиръ студентовъ, то безспорно первое, если не исключительное, мѣсто занимаетъ здѣсь освѣщеніе керосиномъ. По крайней мѣрѣ, только въ одной изъ осмотрѣнныхъ квартиръ для освѣщенія служила стеариновая свѣча. Въ другой такая свѣча зажигалась лишь для увеличенія силы свѣта отъ небольшой съ плоской горѣлкой керосиновой лампы. Во всѣхъ остальныхъ (38) квартирахъ вечернее освѣщеніе производилось при помощи керосиновыхъ лампъ. Типъ и величина этихъ послѣднихъ не отличаются особеннымъ разнообразіемъ: въ 11 квартирахъ пользовались лампой съ круглой горѣлкой и стекломъ въ 14 линій, въ 20—лампой съ плоской горѣлкой и стекломъ въ 12 линій и въ 7—такою-же лампой, но со стекломъ въ 10 линій. Въ немногихъ квартирахъ зажигались вечеромъ двѣ лампы: въ большинствѣ случаевъ довольствовались одной для нѣсколькихъ человѣкъ.

Переходя теперь къ способомъ отопленія осмотрѣнныхъ мною квартиръ, я долженъ отмѣтить, прежде всего, одинъ довольно важный фактъ: встрѣчались помѣщенія (2), лишенныя всякихъ нагрѣвательныхъ аппаратовъ. Такія комнаты, обыкновенно, пользовались болѣе теплымъ воздухомъ изъ сосѣднихъ помѣщеній или чрезъ раскрытыя двери или при помощи длинной желѣзной

трубы отъ душника сосѣдней отапливаемой комнаты. Въ остальныхъ случаяхъ преобладающимъ типомъ печи служила голландская печь, отмѣченная въ 26 квартирахъ. Такая печь—простой кирпичной кладки, снаружи большею частью выбѣленная. Въ двухъ квартирахъ наблюдались голландскія печи, покрытыя изразцами. Гораздо рѣже помѣщенія нагрѣвались (6 кв.) русской печью, расположенной въ находившейся по сосѣдству кухнѣ. Обыкновенно это бываетъ въ небольшихъ домахъ, раздѣленныхъ внутри деревянными перегородками на 2—4 небольшихъ комнаты. Посрединѣ всего помѣщенія и располагалась одна большая русская печь, которая должна, такимъ образомъ, служить одновременно и для надобностей кухни и для нагрѣванія всѣхъ комнатъ. Между тѣмъ аппаратъ этотъ уже по своей конструкціи не въ состояніи удовлетворять спеціальному назначенію достаточно нагрѣвать воздухъ въ помѣщеніи. Такого рода помѣщенія, дѣйствительно, отличаются въ зимнее время особенно низкой температурой воздуха. Поэтому, почти всегда (изъ 6 случаевъ въ 5) въ указанныхъ комнатахъ, кромѣ русской печи, устанавливалась еще желѣзная, которая въ холодное время и протапливалась раза 2—3 въ сутки. Всѣ остальныя осмотрѣнныя квартиры (6) отапливались Утермарковскими печами. Для болѣе успѣшнаго нагрѣванія помѣщенія въ стѣнкѣ печи устраиваются нерѣдко (въ 28 кв.) душники. Они почти всегда круглой формы, имѣютъ въ діаметрѣ 5,0—7,5 сант. Чрезъ душники проходитъ, въ большинствѣ случаевъ, нагрѣтый комнатный воздухъ (циркуляціонная печь), а не наружный. Топка печей чаще всего (въ 27 кв.) производилась изъ сосѣдней комнаты или передней, что, естественно, уменьшало значеніе такихъ печей, какъ аппаратовъ, способствующихъ вентилированію воздуха въ разсматриваемыхъ помѣщеніяхъ.

Квартиры въ Томскѣ отличаются однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ холодны и, вслѣдствіе нецѣлесообразнаго устройства домовъ и расположенія въ нихъ печей, бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, мало приспособлены къ той низкой температурѣ и особенно колебаніямъ ея, которыя такъ характерны для мѣстнаго климата. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось подмѣтить тѣхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ можетъ опускаться температура воздуха въ обыкновенныхъ помѣщеніяхъ студентовъ. Это объясняется тѣмъ, что осматривать квартиры мнѣ пришлось въ Февралѣ и Мартѣ, когда температура наружнаго воздуха была болѣе постоянна и въ общемъ значительно выше средней температуры зимнихъ холодныхъ мѣсяцевъ (смот. соотвѣтств. графу общей табл.). Такое состояніе температуры наружнаго воздуха естественнымъ образомъ отражалось и на температурѣ помѣщеній. На самомъ дѣлѣ отъ многихъ студентовъ приходилось выслушивать жалобы

на холодъ въ занимаемыхъ ими помѣщеніяхъ. Нѣкоторые изъ квартирантовъ, слѣдившіе за температурой своихъ помѣщеній въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени зимой, указывали на такія низкія цыфры, какъ 6,0°—5,0° и даже 3,0° R. (3,75° C.). Не разъ при этомъ упоминалось также о крайнене равномѣрномъ распредѣленіи тепла, напр., въ различные часы дня, надъ поломъ и подъ потолкомъ, у печей (особенно желѣзныхъ) и у наружныхъ стѣнъ и оконъ, во время топки печи и въ другіе часы, утромъ и вечеромъ и т. п. Ниже помѣщаемыя цыфры, выражающія maximum, minimum и среднее t° (по Цельзію), относятся только ко дню наблюденія и, во всякомъ случаѣ, не могутъ, по приведеннымъ выше соображеніямъ, служить вполнѣ вѣрнымъ критеріемъ для сужденія о температурѣ, свойственной помѣщеніямъ въ теченіе зимняго времени. Для большей точности температура помѣщенія отмѣчалась отъ 12 до 36 разъ въ продолженіе наблюдаемыхъ сутокъ. Изъ этихъ показаній термометра выбирались затѣмъ цыфры, выражавшія собою maxim'альную и minim'альную температуру. Средняя суточная температура помѣщенія выводилась изъ показаній термометра въ 8 ч. утра, въ 4 часа дня и въ 12 часовъ вечера. Получавшаяся такимъ путемъ величина довольно близко подходила къ той средней величинѣ, которая выводилась изъ большаго числа (12—36 въ сутки) наблюденій. Такимъ образомъ, отмѣчена температура помѣщенія въ день наблюденія:

maximum.	minimum.	средняя.
35,3° въ 1 кв.,	20,0° въ 4 кв.,	22,0° въ 4 кв.,
27,0° „ 2 „	19,0° „ 2 „	21,0° „ 4 „
25,0° „ 2 „	18,0° „ 1 „	20,0° „ 5 „
24,0° „ 5 „	17,0° „ 5 „	19,0° „ 2 „
23,0° „ 4 „	16,0° „ 6 „	18,0° „ 5 „
22,0° „ 1 „	15,0° „ 8 „	17,0° „ 11 „
21,0° „ 4 „	14,0° „ 6 „	16,0° „ 5 „
20,0° „ 5 „	13,0° „ 6 „	15,0° „ 2 „
19,0° „ 7 „	12,0° „ 2 „	14,0° „ 1 „
18,0° „ 5 „		13,0° „ 1 „
17,0° „ 2 „		
16,0° „ 2 „		

Колебанія температуры въ различные часы наблюдаемыхъ сутокъ

въ 18,0° замѣч. въ 1 кв.,	въ 6,0° замѣч. въ 7 кв.,
„ 11,0° „ „ 1 „	„ 5,0° „ „ 9 „
„ 10,0° „ „ 2 „	„ 4,0° „ „ 12 „
„ 8,0° „ „ 1 „	„ 3,0° „ „ 3 „
„ 7,0° „ „ 3 „	„ 2,0° „ „ 1 „

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что самая высокая температура помѣщенія, которую пришлось наблюдать въ одной квартирѣ, равнялась 35,3° С. Этой цыфры температура достигла во время топки желѣзной печки, держалась на указанной высотѣ очень непродолжительное время и довольно быстро пала до прежнихъ предѣловъ, гдѣ и оставалась почти весь день. Наглядное представленіе о томъ, какъ вліяетъ въ такихъ случаяхъ на температуру помѣщенія и влажность воздуха въ немъ топка желѣзной печки, даетъ нижепомѣщаемая таблица, гдѣ краснымъ обозначена температура помѣщенія, а чернымъ—колебанія относительной влажности воздуха (въ %). Наблюденіе производилось во время топки печи чрезъ каждыя 10 минутъ (4 Марта).

Характерно на этой кривой то, что температура помѣщенія, стоявшая до топки печи (въ 8 ч. 15 мин. утра) на 17,4° С., поднялась, спустя 15—20 минутъ отъ начала топки, до 35,3° С., затѣмъ довольно быстро стала падать и чрезъ часъ (въ 9 ч. 15 м.), когда топка была прекращена, равнялась только 20,2° С., а еще черезъ $^1/_2$ часа (въ 9 час. 45 мин.) опустилась до прежней цыфры (17,5° С.), около которой и оставалась все утро. Такія быстрыя и рѣзкія колебанія температуры помѣщенія въ связи съ колебаніями въ это время степени влажности воздуха нельзя не признать безусловно вредными и опасными для здоровья, а между тѣмъ желѣзныя печи въ нѣкоторыхъ квартирахъ составляютъ неизбѣжное зло, съ которымъ приходилось мириться довольно значительному числу (11 изъ 75) студентовъ въ продолженіи всѣхъ холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что желѣзныя печи являются постояннымъ источникомъ порчи комнатнаго воздуха вслѣдствіе сгоранія осѣдающей на нихъ пыли, которая нерѣдко въ обиліи имѣется въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Порча воздуха еще легче происходила въ тѣхъ случаяхъ, когда желѣзная печь отъ долговременнаго употребленія попортилась и дала трещины и щели, чрезъ которыя довольно свободно проникалъ въ помѣщеніе дымъ со всѣми его вредными составными частями (CO, CO_2 и т. п.). Къ желѣзнымъ печамъ, по вліянію ихъ на температуру и влажность воздуха въ помѣщеніи, довольно близко подходятъ Утермарковскія печи, замѣченныя въ 6 квартирахъ (изъ 40). Желѣзныя печи отмѣчены въ 7 квартирахъ, что съ 6 Утермарковскими составитъ 13. Слѣдовательно, въ 32,5% всѣхъ осмотрѣнныхъ помѣщеній имѣлись нагрѣвательные аппараты, во всякомъ случаѣ, не безупречные въ гигіеническомъ отношеніи. Если же прибавить къ этому еще полное отсутствіе печей, русскія печи и различныя комбинаціи желѣзной печи съ другими, то общее количество помѣщеній, поставленныхъ неудовлетворительно въ отношеніи отопленія, возрастетъ до 16 (въ 2 кварт.

нѣтъ печи, въ 1 имѣлась 1 русск. печь, въ 5—русск.+желѣзная, въ 6—Утерм. и въ 2—голланд.+желѣзн.), что составитъ 40% общаго числа осмотрѣнныхъ квартиръ.

Влажность воздуха въ помѣщеніяхъ опредѣлялась при помощи психрометра Августа по разницѣ между показаніями сухого и влажнаго термометровъ. Вычисленныя такимъ путемъ абсолютная влажность переводилась затѣмъ на относительную. Изъ цѣлаго ряда наблюденій (до 36) въ теченіи сутокъ надъ показаніями обоихъ термометровъ выбирались цыфры, которыя выражали собою крайнія колебанія влажности въ ту и другую сторону. По этимъ цыфрамъ можно было судить о степени влажности воздуха помѣщенія въ различные часы дня и въ зависимости отъ различныхъ условій. На приведенной выше кривой показана, напримѣръ, зависимость влажности воздуха отъ топки желѣзной печки. Всѣ осмотрѣнныя помѣщенія по степени влажности ихъ воздуха могутъ быть раздѣлены на три разряда. Къ первому относятся помѣщенія, влажность воздуха которыхъ въ теченіи наблюдаемыхъ сутокъ не выходила изъ предѣловъ рекомендуемой гигіеной нормы (отъ 50% до 70% относительной влажности); сюда принадлежатъ 22 квартиры изъ 40 (или 55%). Ко второму разряду квартиръ съ влажностью, давшей колебаніе въ теченіе наблюдаемыхъ сутокъ отъ 36% до 56% относит. влажности, относятся 10 помѣщеній (или 25%). Эти квартиры можно опредѣлить уже какъ ненормально сухія. Наконецъ, третій разрядъ составляютъ квартиры сырыя. Minimum влажности въ нихъ не наблюдался ниже 70% относит. влажности, а максимальная влажность доходила въ день наблюденія до 90%. Такихъ квартиръ 8 (20%). Слѣдовательно, только немного больше половины осмотрѣнныхъ помѣщеній (55%) можетъ быть названо удовлетворительной въ отношеніи влажности воздуха, другая-же половина (45%) даетъ большую часть ненормально сухихъ (25%) и меньшую—чрезмѣрно сырыхъ (20%) квартиръ. Уже при самомъ входѣ въ нѣкоторыя изъ послѣдней категоріи помѣщенія поражалъ особенно непріятный запахъ сырого затхлаго воздуха. Въ большинствѣ случаевъ это были комнаты, расположенныя въ совершенно новыхъ, неустроенныхъ еще домахъ, гдѣ способы отопленія и вентиляціи были далеко не приведены въ надлежащій порядокъ и не могли, поэтому, служить для цѣлей осушенія помѣщеній. Такія сырыя квартиры въ домахъ, часто едва законченныхъ постройкой, очевидно, отдавались въ наемъ исключительно по матеріальнымъ соображеніямъ: качество помѣщенія и санитарныя условія его отходятъ здѣсь уже на задній планъ. Подобныя помѣщенія, обыкновенно, отличаются своей величиной, обиліемъ наружныхъ стѣнъ и оконъ, довольно низкой температурой воздуха и упомянутыми выше недостатками въ отношеніи отопленія и

вентиляціи. Привлекательная сторона ихъ—относительная дешевизна, за которую квартиранты нерѣдко должны расплачиваться своимъ здоровьемъ. Постоянныя головныя боли, простудныя заболѣванія, упорныя зубныя боли, все это сплошь и рядомъ можно было встрѣтить у нанимателей подобныхъ квартиръ. Голыя, ничѣмъ не покрытыя, если это былъ новый домъ, или-же оклеенныя обоями стѣны пестрѣли богатыми разращеніями различнаго рода плѣсневыхъ грибковъ, между которыми главное мѣсто занимали Penicillium glaucum, Aspergillus glaucus и др. Сѣровато-зеленыя пятна плѣсени покрывали не только деревянныя стѣны и обои, особенно по угламъ и у пола, но и обувь, одежду и др. предметы, имѣвшіе случай полежать нѣсколько дней въ сыромъ углу или у стѣны. Оконныя стекла въ сырыхъ квартирахъ были покрыты часто довольно толстымъ сѣро-матовымъ слоемъ льда, а подоконники залиты скоплявшейся на нихъ влагой, которая отсюда въ изобиліи стекала на полъ. Чтобы устранить послѣднее обстоятельство, предусмотрительныя хозяйки, а иногда и сами квартиранты подвѣшивали къ краямъ подоконниковъ пустыя бутылки. Замѣнять переполненныя водой бутылки свѣжими приходилось раза 2—3 въ день. Такія приспособленія, замѣченныя въ трехъ сырыхъ квартирахъ, конечно, не могутъ говорить за санитарныя достоинства этихъ послѣднихъ.

Степень порчи комнатнаго воздуха, насколько она имѣла своимъ источникомъ пребываніе въ помѣщеніи людей, опредѣлялась по количеству содержавшейся въ воздухѣ углекислоты. Количественное опредѣленіе CO^2 производилось два раза въ сутки. Именно, одна порція воздуха (около 4, 5 литровъ) бралась для изслѣдованія утромъ (около 8 час.), когда квартиранты находились чаще всего еще въ постели и когда, поэтому, степень порчи воздуха предполагалась наибольшею. Второй разъ воздухъ того-же помѣщенія подвергался изслѣдованію послѣ полудня, въ 2—3 ч. дня, послѣ 5—6 часоваго отсутствія квартирантовъ и уборки квартиры, когда, слѣдовательно, воздухъ долженъ быть болѣе чистымъ. Количественно содержаніе въ воздухѣ CO^2 опредѣлено въ 18 квартирахъ (36 анализовъ) изъ 40.

Опредѣленіе CO^2 производилось по извѣстному способу Pettenkofer'a, основанному на способности CO^2 поглощаться растворомъ гидрата окиси барія. Крѣпость $Ba(OH)^2$ до поглощенія имъ CO^2 и послѣ поглощенія опредѣлялась по титрованному раствору щавелевой кислоты. Показателемъ конца нейтрализаціи служилъ спиртовой растворъ фенолъ-фталеина. Объемъ взятаго для изслѣдованія воздуха (около 4.5 лит.) всякій разъ приводился къ 0^0 и 760 m. m. атмосфернаго давленія. Анализъ воздуха 18 помѣщеній обнаружилъ содержаніе въ немъ CO^2 утромъ (въ 7—9 часовъ) равнымъ:

отъ	1,10	ч.	до	1,20	ч.	на 1000	въ	5	кварт.,
„	1,20	„	„	1.30	„	„	„	2	„
„	1,30	„	„	1.40	„	„	„	5	„
„	1.50	„	„	1,60	„	„	„	2	„
„	1,70	„	„	1,80	„	„	„	2	„
„	1,85	„	„			„	„	1	„
„	1,93	„	„			„	„	1	„

Въ дневномъ воздухѣ (въ 2—3 часа) CO^2 опредѣлено:

отъ	0,62	ч.	до	0,70	ч.	на 1000	въ	6	кварт.,
„	0,70	„	„	0,80	„	„	„	4	„
„	0,80	„	„	0,90	„	„	„	6	„
„	0,92	„	„	0,98	„	„	„	2	„ *)

Максимальныя цыфры получались въ болѣе тѣсныхъ (12—20 куб. метр. на человѣка) и плохо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, минимальныя-же—при обратныхъ условіяхъ.

Изъ посторонняго источника воздухъ въ осмотрѣнныхъ квартирахъ чаще всего загрязнялся со стороны сосѣднихъ помѣщеній и, главнымъ образомъ, кухни. Необходимо замѣтить здѣсь, что послѣдняя служитъ иногда не только для спеціальныхъ надобностей, но также и единственной жилой комнатой для всѣхъ членовъ подчасъ довольно многочисленнаго семейства квартирной хозяйки. Особый специфическій запахъ кухоннаго воздуха, никогда не отсутствующій даже въ благоустроенныхъ кухняхъ, свободно проникаетъ, нерѣдко вмѣстѣ съ дымомъ, угаромъ и др. продуктамп стряпни, чрезъ щели и отверстія въ деревянныхъ перегородкахъ, отдѣляющихъ собственно жилыя помѣщенія отъ кухни.

Для замѣны испорченнаго воздуха свѣжимъ, какъ извѣстно, служатъ, между прочимъ, цѣлесообразно устроенные вентиляторы —приспособленія, обыкновенно наиболѣе часто встрѣчающіяся въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Наблюденія, произведенныя въ этомъ отношеніи надъ квартирами студентовъ, показали полное отсутствіе какихъ-бы то ни было приспособленій для вентиляціи въ 12 помѣщеніяхъ (30% всѣхъ осмотрѣнныхъ). Изъ остальныхъ помѣщеній вентиляторъ устроенъ

въ оконной рамѣ въ 18 квартирахъ,
въ стѣнкѣ печи въ 7 квартирахъ,
въ наружной стѣнѣ въ 6 квартирахъ.

Здѣсь, между прочимъ, помѣчены 3 квартиры, имѣющія по 2 вентилятора (въ одной квартирѣ по вентилятору въ окнѣ и стѣ-

*) Повторный анализъ (въ Февралѣ) наружнаго воздуха около Гигіеническаго Института въ Университетскомъ саду обнаружилъ содержаніе CO^2 въ количествѣ 0,306 pro mill.

нѣ, въ другой—въ окнѣ и печкѣ и въ третьей—въ печкѣ и стѣнѣ).

Оконный вентиляторъ состоитъ изъ жестяной трубы, въ каналъ которой чаще всего вставлена жестяная-же вертушка. Только въ единичныхъ случаяхъ такая вертушка отсутствовала совершенно или-же была устроена, но потомъ выломана. Открывающійся въ помѣщеніе конецъ трубы закрывается крышкой. Діаметръ трубы доходитъ до 10,0 сант. (1 кварт.) и даже до 11,0 сант. (2 кв.). Обыкновенно же онъ равняется 7,0—8,5 сант. (10 кв.). Только 3 комнаты вентилировались при помощи оконныхъ форточекъ съ поперечникомъ въ 20,0—27,0 сант. Вентиляторы, соединенные съ печкой, устроены чаще всего тоже съ вертушкой и имѣютъ въ діаметрѣ отъ 10,0 до 14,0 сант. Вентиляціонныя отверстія въ наружной стѣнѣ помѣщенія имѣютъ въ діаметрѣ отъ 8,0 до 12,0 сант. Надо замѣтить, что далеко не во всѣхъ помѣщеніяхъ пользовались способами искуственной вентиляціи: боязнь холода нерѣдко заставляла жильцовъ держать вентиляторъ закрытымъ въ продолженіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Между жалобами квартирантовъ на неудобства и недостатки, которые они замѣчали въ занимаемыхъ ими помѣщеніяхъ, безспорно, главное мѣсто принадлежитъ жалобамъ на холодъ въ квартирахъ. Такія жалобы приходилось выслушивать въ 25 квартирахъ. Рядомъ съ этимъ указывали на сырость въ помѣщеніяхъ (въ 10), порчу воздуха изъ сосѣднихъ комнатъ и особенно изъ кухни (11 кв.), недостаточное освѣщеніе (5 кв.), шумъ, грязное содержаніе помѣщенія и т. п.

Для болѣе полной иллюстраціи студенческихъ помѣщеній считаю также умѣстнымъ упомянуть, что изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ помѣщеній теплый сортиръ замѣченъ былъ только одинъ разъ, да и то онъ находился не при квартирѣ, а въ другомъ домѣ, куда надо было ходить черезъ дворъ. Въ остальныхъ случаяхъ сортиръ помѣщался въ холодныхъ сѣняхъ (33 кв.) или же совершенно изолировано во дворѣ (6 кв.). Почти всѣ сортиры поражали при этомъ своимъ крайне нецѣлесообразнымъ, часто примитивнымъ и опаснымъ для здоровья устройствомъ.

Стоимость студенческихъ помѣщеній находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ удобствъ, какія они представляютъ въ гигіеническомъ отношеніи и отъ близости ихъ къ Университету. Ниже помѣщается таблица, въ которой сгруппированы цыфры, показывающія, во что обходился (въ копѣйкахъ) каждому квартиранту 1 куб. метръ помѣщенія (безъ стола) въ мѣсяцъ.

Отъ	12,0	до	15,0	коп.	6	челов.	въ	3	кварт.,
„	15,0	„	20,0	„	21	„	„	10	„
„	20,0	„	25.0	„	11	„	„	6	„

Отъ	25,0	до	30,0	коп.	23	челов.	въ	11	кварт.
„	30,0	„	35,0	„	9	„	„	7	„
„	35,0	„	38,5	„	5	„	„	3	„

Въ среднемъ каждый изъ 75 квартирантовъ платилъ въ мѣсяцъ за 1 куб. метръ помѣщенія около 24.5 коп. Относительная дешевизна (12—15 коп.) нѣкоторыхъ помѣщеній объясняется недостатками этихъ послѣднихъ въ отношеніи тепла, влажности, близости къ Университету, кубическаго объема и т. п. Такъ, напр., одна изъ дешевыхъ квартиръ (13,33 коп. за куб. м. въ мѣс.) была болѣе, чѣмъ достаточна по размѣрамъ (болѣе 50,0 куб. мет. на челов.), но отличалась низкой температурой (зимой до 6,0° R.), другая-же, при большомъ кубическомъ объемѣ (88,0 куб. мет. на двоихъ) и довольно низкой температурѣ (отъ 13,0° до 18,0° С. при t° —10,0°—12,0° С. наружнаго воздуха) выдѣлялась чрезмѣрной сыростью (81%—89% относит. влажности), но найбольшей дешевизной (12,0 коп. за 1 куб. м. въ мѣс. съ кажд. чел.). Обыкновенно, такія помѣщенія, насколько то позволяютъ матеріальныя средства, избѣгаются самими студентами.

Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ данныя, которыя мнѣ удалось собрать при посѣщеніи помѣщеній студентовъ въ Февралѣ и Мартѣ настоящаго года. Подводя общій итогъ всѣмъ этимъ даннымъ, характеризующимъ до извѣстной степени достоинства студенческихъ помѣщеній въ гигіеническомъ отношеніи, мнѣ кажется, можно было-бы сдѣлать слѣдующіе выводы.

Изъ общаго числа всѣхъ осмотрѣнныхъ (40) квартиръ замѣчена—

1) Недостаточная изоляція отъ сосѣднихъ помѣщеній, отзывающаяся неблагопріятно на чистотѣ воздуха, въ 11 кварт. (27,5%).

2) Недостаточный кубической объемъ (отъ 12,0 до 24,5 куб. метр. или 1,23—2,50 куб. саж.) помѣщенія въ 28 кв. (70%).

3) Недостаточная степень (отношеніе отъ 1:10,5 до 1:20,0) естественнаго освѣщенія въ 14 квартирахъ (35%).

4) Неудовлетворительные и нежелательные въ гигіеническомъ отношеніи способы отопленія (отсутствіе печи, русская печь, Утермарковская печь, желѣзная печь) въ 16 квартирахъ (40%).

5) Ненормальная степень влажности воздуха въ 18 квартирахъ (45%). Изъ нихъ чрезмѣрная влажность въ 8 квартирахъ (20%).

6) Отсутствіе вентиляторовъ въ 12 квартирахъ (30%).

7) Жалобы на холодъ зимой въ 25 квартирахъ (62,5%).

8) Холодный сортиръ въ 39 квартирахъ (97,5%). Изъ нихъ совершенно изолированъ отъ помѣщенія (во дворѣ) при 6 кварт. (15%).

9) Недостаточная высота (отъ 2,0 до 3,0 метровъ) помѣщенія во всѣхъ (40) квартирахъ (100%).

Всѣ болѣе подробныя данныя (особенно цыфровыя), касающіяся отдѣльно каждой квартиры, для болѣе удобнаго обозрѣнія ихъ въ гигіеническомъ отношеніи, сгруппированы въ одной общей прилагаемой ниже таблицѣ. Изъ этой таблицы нетрудно убѣдиться *), что собственно помѣщеній, совершенно свободныхъ отъ тѣхъ или другихъ недостатковъ, очень мало (напр. XIX). Небольшая затѣмъ часть помѣщеній (6 изъ 40, именно I, V, XIII, XX, XXXV, XXXIX) представляетъ лишь сравнительно незначительныя уклоненія отъ принятой гигіеной нормы въ отношеніи кубическаго объема, освѣщенія, отопленія, вентиляціи и влажности. Болѣе подозрительною, а иногда даже и безусловно вредною въ гигіеническомъ отношеніи должна быть признана остальная преобладающая часть осмотрѣнныхъ помѣщеній (82,5%). Недостаточный кубическій объемъ (12—20 куб. метр.), недостаточная степень (1:11—1:20) естественнаго освѣщенія, неудовлетворительные способы отопленія (отсутствіе печи, русск., желѣзн. печь), отсутствіе вентиляціи, чрезмѣрная сырость или сухость воздуха, холодъ и другіе существенные недостатки самымъ различнымъ образомъ комбинируются въ помѣщеніяхъ этой категоріи, что и позволяетъ признать ихъ въ санитарномъ отношеніи далеко не удовлетворительными.

Недостатокъ времени и наступившая вскорѣ весенняя распутица, сдѣлавшая доступъ ко многимъ студенческимъ квартирамъ довольно затруднительнымъ, заставили меня прекратить свои изслѣдованія и ограничиться тѣми данными, которыя удалось собрать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Сравнительно небольшое число изслѣдованныхъ квартиръ не можетъ, поэтому, дать полной картины достоинствъ и недостатковъ въ гигіеническомъ отношеніи всѣхъ студенческихъ помѣщеній въ городѣ, и мнѣ было-бы пріятно узнать, если-бы кто-нибудь изъ моихъ товарищей взялъ на себя трудъ продолжить эту работу, дополнивъ и выяснивъ то, что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не удалось сдѣлать мнѣ одному.

Въ заключеніе пріятнымъ долгомъ считаю выразить искреннюю благодарность многоуважаемому профессору А. И. Судакову, за многіе совѣты и указанія, которыми я постоянно пользовался съ его стороны при производствѣ настоящей работы.

Программа, по которой собирались свѣдѣнія о квартирахъ студентовъ.

1) Адресъ: улица, № дома, фамилія домовладѣльца, этажъ, въ которомъ помѣщается квартира. Мѣсяцъ и день осмотра.

*) Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что въ таблицѣ не помѣщены жалобы квартирантовъ на холодъ въ помѣщеніи, сырость, угары, дымъ, шумъ, недостаточную изоляцію, грязное содержаніе комнаты, холодный сортиръ, отсутствіе прислуги и мн. др. существенныя неудобства, заставляющія нѣкоторыя изъ помѣщеній, повидимому хорошія, отнести къ далеко неудовлетворительнымъ.

2) Общій наружный видъ дома: матеріалъ, изъ котораго построенъ домъ, сколько всего этажей, какъ старъ домъ, покрыты ли чѣмъ-нибудь стѣны дома снаружи.

3) Число живущихъ въ комнатѣ студентовъ, фамиліи ихъ и курсъ, на которомъ они состоятъ.

4) Отношеніе комнаты къ сосѣднимъ помѣщеніямъ: прихожая, кухня, жилыя помѣщенія, сортиръ.

5) Общій видъ комнаты: чѣмъ покрыты стѣны, полъ, потолокъ, сколько столовъ, стульевъ, кроватей, этажерокъ, ящиковъ и другихъ предметовъ обстановки.

6) Размѣры комнаты: длина, ширина, высота, квадратная площадь пола, кубическій объемъ комнаты [съ вычетомъ приблизительнаго объема (1—2 кубич. метр.), занимаемаго печкой, мебелью и т. п.].

7) Освѣщеніе: число оконъ, куда обращены; высота, ширина оконъ, квадратная площадь ихъ. Лампа; форма горѣлки; величина лампы, измѣряемая величиной діаметра (въ линіяхъ) верхняго конца стекла лампы.

8) Отопленіе; типъ печи, величина ея стѣнокъ, выдающихся въ комнату; есть ли душникъ, діаметръ его отверстія; откуда производится топка печи.

9) Температура и влажность воздуха помѣщенія въ различные часы наблюдаемыхъ сутокъ.

10) Загрязненіе комнатнаго воздуха: содержаніе въ воздухѣ углекислоты, посторонніе источники порчи воздуха.

11) Вентиляція: число, видъ и величина вентиляторовъ.

12) Недостатки въ помѣщеніи и неудобства, замѣчаемые самими квартирантами: холодъ, сырость, шумъ, запахъ и т. п.

13) Условія пользованія квартирой. Стоимость кубическаго метра помѣщенія (безъ вычета объема, занимаемаго печкой, мебелью и т. п.) въ мѣсяцъ (безъ стола) для каждаго изъ квартирантовъ.

14) Температура наружнаго воздуха, направленіе и сила (приблизительно) вѣтра, атмосферное давленіе, облачность и т. п. другія условія, вліяющія на результаты изслѣдованія.

Г. Томскъ.
8 Мая 1897 г.

№ квартиры по порядку.	Улица.	Этажъ квартиры.	Число квартиръ комнатъ.	Куда открывается дверь изъ комнаты.	Чѣмъ покрыты въ комнатѣ			Размѣры комнаты въ (метрахъ).				Сколько оконъ въ комнатѣ куда обращено.		
					стѣны.	полъ.	пот.	дл.	ш.	выш.	куб. объем. на 1 ч.	O	W	N
I	Макаровск. пер.	1-й	1	прихож. тем.	Об.	Крас.	Выб.	3,40	3,38	2,42	26,0	2	—	—
II	Макаровск. пер.	1-й	1	прихож. тем.	Об.	Крас.	Выб.	3,80	2,09	2,40	18,0	—	—	1
III	Александров. ул.	1-й	1	прихож. тем.	Шт.	Крас.	Выб.	5,54	4,14	2,30	50,0	—	2	—
IV	Черепичная ул.	1-й	2	прихож. тем.	Шт.	Крас.	Выб.	5,26	3,75	2,19	21,0	1	—	—
V	Черепичная ул.	1-й	2	прихож. тем.	Шт.	Крас.	Выб.	4,38	3,88	2,46	20,0	—	—	2
VI	Жандармск. ул.	—	3	сѣни холод.	Об.	Крас.	Выб.	5,79	2,94	2,36	13,0	—	1	—
VII	Черепичная ул.	2-й	2	столовую.	Н и ч ѣ м ъ.			7,33	4,00	3,00	43,0	—	2	3
VIII	Ерлыковская ул.	2-й	1	столовую.	Н и ч ѣ м ъ.			4,15	2,24	3,00	27,0	1	—	—
IX	Затѣевскій пер.	2-й	3	залъ.	Шт.	Крас.	Выб.	4,70	3,15	2,60	12,0	—	1	1
X	Затѣевскій пер.	1-й	1	прих. свѣтл.	Об.	Крас.	Выб.	4,00	3,55	2,00	27,0	—	—	2
XI	Жандармск. ул.	1-й	3	сосѣдн. комн.	Шт.	Крас.	Выб.	4,10	3,92	2,32	12,0	—	—	—
XII	Солдатская ул.	—	2	сѣни холодн.	Шт.	Крас.	Выб.	4,91	3,85	2,00	18,0	1	—	—
XIII	Солдатская ул.	1-й	2	прих. темн.	Н и ч ѣ м ъ.			4,77	3,81	2,67	23,5	2	—	2
XIV	Источная ул.	—	1	кухню.	Об.	Нич.	Выб.	4,38	2,11	2,41	21,5	—	1	—
XV	Никитинская ул.	2-й	2	прих. свѣт.	Об.	Крас.	Выб.	5,59	4,68	2,44	31,0	—	1	3
XVI	Даниловск. пер.	—	2	сѣни холодн.	Об.	Нич.	Выб.	4,88	3,05	2,42	17,5	—	—	—
XVII	Жандармск. ул.	2-й	2	прих. темн.	Об.	Крас.	Выб.	4,36	4,28	2,42	22,0	—	1	—
XVIII	Торговая ул.	—	1	прих. темн.	Об.	Нич.	Выб.	3,32	2,20	2,44	17,0	—	—	—
XIX	Спасская ул.	2-й	1	прих. свѣтл.	Об.	Крас.	Выб.	3,50	2,97	2,60	24,5	1	—	1
XX	Садовая ул.	—	2	прих. темн.	Шт.	Крас.	Выб.	4,82	4,77	2,46	27,5	—	2	—
XXI	Еланская ул.	—	2	сѣни холодн.	Шт.	Нич.	Выб.	5,62	4,06	2,52	28,0	—	3	—
XXII	Буткѣевск. ул.	—	2	сѣни холодн.	Шт.	Нич.	Выб.	5,74	3,69	2,47	25,0	—	2	1
XXIII	Нечаевская ул.	1-й	2	прих. темн.	Об.	Крас.	Выб.	3,97	2,74	2,40	12,0	—	1	—
XXIV	Нечаевская ул.	1-й	2	столовую.	Об.	Крас.	Выб	4,21	2,76	2,38	13,0	—	2	1
XXV	Жандармск. ул.	—	2	сосѣдн. ком.	Шт.	Нич.	Выб.	5,46	4,16	2,54	28,0	3	—	2
XXVI	Солдатская ул.	1-й	1	кухню.	Об.	Крас.	Выб.	4,57	2,13	2,31	20,0	—	1	—
XXVII	Солдатская ул.	1-й	2	прих. свѣтл.	Об.	Крас.	Выб.	4,57	3,37	2,33	17,0	—	2	—
XXVIII	Солдатская ул.	1-й	2	столовую	Нич.	Крас.	Нич.	3,88	3,42	2,58	16,5	—	2	—
XXIX	Солдатская ул.	1-й	1	столовую.	Нич.	Крас.	Нич.	3,40	1,79	2,57	15,0	—	1	—
XXX	Солдатская ул.	—	3	кухню.	Об.	Крас.	Нич.	6,68	3,92	2,64	22,5	—	3	—
XXXI	Еланская ул.	2-й	2	прих. темн.	Об.	Нич.	Выб.	4,05	3,12	2,24	13,2	—	1	—
XXXII	Еланская ул.	1-й	2	прих. темн.	Шт	Нич.	Выб.	4,90	3,40	2,54	20,5	1	—	—
XXXIII	Садовая ул.	2-й	3	прих. темн.	Об.	Нич.	Выб.	4,92	4,74	2,31	17,5	1	1	—
XXXIV	Макаровск. пер.	1-й	2	сосѣдн. комн.	Об.	Крас.	Выб.	3,88	3,58	2,40	16,0	2	—	—
XXXV	Садовая ул.	—	2	прих. темн.	Об.	Крас.	Выб.	5,80	4,00	2,60	26,0	—	2	3
XXXVI	Даниловск. пер.	—	3	сосѣдн. комн.	Об.	Крас.	Выб.	6,96	4,15	2,56	24,0	—	2	—
XXXVII	Садовая ул.	—	1	сосѣдн. комн.	Об.	Крас.	Выб.	3,19	2,51	2,51	19,0	1	—	—
XXXVIII	Ерлыковская ул.	—	2	кухню.	Шт.	Нич.	Выб.	5,58	3,57	2,51	24,0	3	—	—
XXXIX	Московск. трактъ	2-й	2	прих. темн.	Нич.	Крас.	Нич.	4,87	3,65	2,74	23,0	2	—	—
XL	Торговая ул.	—	2	прих. темн.	Об.	Нич.	Выб.	5,50	4,80	2,50	32,0	—	3	1

Отношеніе квартирной площади оконъ къ кв. площ. пола.	Отопленіе.			Температура комнатнаго воздуха въ день наблюденія (по Цельзію).			Средн. темпер. (ниже 0° по С.) наружн. воздуха.	Относительн. влажность въ % въ день наблюденія.		Содержаніе CO_2 въ воздухѣ помѣщенія (на 1000 ч.)		Вентиляторы.		Во что обходится 1 куб. метръ помѣщ. въ мѣс. кажд. квартиранту.
	типъ печи.	откуда топка.	душникъ діаметр. его.	maxim.	minim.	средн.		max.	min.	утромъ	днемъ.	гдѣ устроенъ.	діаметр. его (сант).	
														коп.
1: 8,8	Гол.	Прих.	5,5	24,0°	19,0°	21,0°	3,2°	47,5	40,5	1,273	0,892	Нѣтъ.		30,5
1:13,8	Н	ѣ т	ъ.	23,0°	16,0°	19,0°	25,2°	59,0	52,0	1,538	0,980	Нѣтъ.		27,5
1: 9,3	Р.+ж.	Кух.;к.	Нѣтъ.	17,0°	13,0°	14,0°	15,7°	68,0	58,0	1,174	0,690	Нѣтъ.		13,3
1:18,0	Утерм.	Комн.	6,0	19,0°	13,0°	16,0°	13,1°	45,0	38,0	1,529	0,821	Нѣтъ.		23,3
1:10,6	Гол.	Комн.	5,7	19,0°	15,0°	17,0°	6,4°	62,0	57,0	1,335	0,638	Окно	8,0	28,5
1: 8,0	Гол. из.	Сос. к.	7,5	23,0°	17,0°	20,0°	6,3°	61,0	50,0	1,776	0,880	Ок.печ.	7,5 / 13,0	30,0
1: 6,6	Утерм.	Сос. к	6,3	18,0°	13,0°	16,0°	15,0°	89,0	81,0	1,171	0,740	Нѣтъ.		12,0
1:10,6	Русск.	Кухни.	Нѣтъ.	19,0°	15,0°	17,0°	18,2°	84,5	75,5	1,118	0,716	Печь	11,0	25,0
1: 8,3	Гол.	Сос. к.	6,0	22,0°	17,0°	20,0°	3,1°	54,0	41,0	1,852	0,734	Печь	10,0	26,0
1:14,5	Гол.	Прих.	Нѣтъ.	21,0°	15,0°	18,0°	11,7°	53,5	40,0	1,192	0,813	Печь	10,0	26,0
1:16,0	Гол.	Корр.	6,0	23,0°	18,0°	21,0°	12,3°	59,5	51,0	1,935	0,922	Форт.	27,0	27,0
1:14,0	Гол.	Комн.	5,5	20,0°	14,0°	17,0°	17,2°	55,5	42,0	1,407	0,835	Нѣтъ.		21,0
1: 4,6	Гол.	Сос. к.	7,5	16,0°	12,5°	15,0°	20,5°	68,5	63,0	1,371	0,629	Печь	10,0	20,0
1:10,5	Р.+ж.	Кух.;к.	Нѣтъ.	25,5°	15,0°	21,0°	22,7°	66,0	47,0	1,318	0,733	Окно	7,5	31,5
1: 8,5	Гол.	Сос. к.	7,0	18,0°	15,0°	16,0°	16,7°	82,5	70,5	1,231	0,810	Ст. ок.	8,0	17,0
1:12,0	Р.+ж.	Кух.;к.	6,25	35,3°	17,4°	17,0°	17,6°	62,7	37,1	1,343	0,689	Окно	7,5	27,6
1: 6,0	Гол.	Прих.	5,7	20,0°	16,0°	18,0°	14,8°	81,0	70,0	Не		Нѣтъ.		20,0
1:10,0	Утерм.	Сос. к.	Нѣтъ.	23,0°	16,0°	19,0°	10,1°	54,5	42,0	опре		Окно	8,0	33,6
1: 6,0	Гол.	Прих.	5,8	16,5°	14,0°	15,0°	14,0°	76,0	55,0	дѣ-		Окно	7,0	37,5
1:16,9	Гол.	Комн.	5,0	18,0°	13,5°	16,0°	18,0°	75,0	56,5	ля-		Окно	11,0	31,0
1: 6,5	Г.+ж.	Комн.	5,5	19,5°	16,0°	17,0°	18,0°	66,5	50,5	ло		Стѣна	10,5	19,5
1:14,7	Гол.	Комн.	8,5	24,0°	14,5°	20,0°	18,2°	66,0	48,0	сь		Нѣтъ.		19,0
1: 7,1	Гол.	Прих.	5,5	21,0	14,0°	18,0°	18,8°	56,0	43,0	1,714	0,632	Стѣна	12,0	38,5
1: 5,0	Нѣтъ.		6,0	20,0°	16,5°	18,0°	15,9°	82,0	68,5	Не		Стѣна	12,0	36,2
1: 5,5	Утерм.	Сос. к.	7,5	19,3°	13,3°	17,0°	12,4°	76,0	71,5	опре-		Окно	7,5	17,5
1: 7,5	Р.+ж.	Кух-	Нѣтъ.	27,0°	16,0°	20,0°	7,9°	54,0	41,0	дѣ-		Окно	6,5	26,5
1:11,0	Р.+ж.	ни.	Нѣтъ.	21,0°	16,0°	18,0°	6,8°	63,5	54,5	ля-		Нѣтъ.		30,0
1: 4,5	Гол.	Сос. к.	7,5	27,0°	19,0°	22,0°	4,5°	48,0	37,5	ло сь.		Печ. ст.	12,0	29,2
1: 8,0	Гол.	Сос. к.	Нѣтъ.	25,0°	20,0°	22,0°	7,3°	47,0	36,5	1,101	0,697	Нѣтъ.		32,5
1: 5,6	Гол. из.	Сос. к.	7,0	24,0°	20,0°	21,0°	3,7°	64,0	58,0			Печь	13,8	15,0
1:20,0	Гол.	Комн.	Нѣтъ.	24,0°	20,0°	22,0°	1,3°	73,0	57,0			Окно	7,5	24,7
1: 5,7	Гол.	Комн.	5,75	24,0°	20,0°	22,0°		61,5	49,5			Нѣтъ.		21,3
1: 8,5	Утерм.	Комн.	6,0	20,0°	14,0°	17,0°		69,0	50,5			Форт.	24,0	28,0
1: 5,4	Гол.	Прих.	5,5	20,0°	14,0°	17,0°		61,0	53,0			Окно	8,5	31,0
1: 7,0	Гол.	Комн.	5,3	21,0°	17,5°	20,0°		70,0	64,0			Форт.	20,0	16,6
1: 8,3	Гол.	Сос. к.	5,0	17,0°	12,0°	13,5°		87,0	76,0			Нѣтъ.		20,0
1:11,7	Гол.	Сос. к.	5,5	19,0°	15,0°	17,0°		72,0	53,0			Окно	11,0	31,0
1: 5,7	Г.+ж.	Комн.	Нѣтъ.	18,0°	15,0°	17,0°		67,0	52,0			Окно	10,0	19,5
1: 4,8	Гол.	Сос. к	Нѣтъ.	18,0°	13,4°	16,0°		58,0	49,0			Окно	6,0	21,3
1: 6,5	Утерм.	Комн.	6,0	19,0°	15,0°	17,0°		79,0	68,5			Стѣна	6,5	18,2

Выше 0°. Неопредѣлилось.

Приложеніе къ журналу Совѣта
24 февраля 1896 года № 3-й.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РОСПИСАНІЕ

преподаванія на медицинскихъ факультетахъ Университетовъ — Харьковскаго, Кіевскаго, Казанскаго и Томскаго, примѣрный планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и проектъ учебнаго плана Императорскаго Томскаго Университета.

ПРЕДМЕТЫ.	Учебный планъ Харьковскаго Университета, утвержд. Г. Мин. Нар. Просвѣщ.	Обозрѣніе преподаванія Кіевскаго университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.	Обозрѣніе преподаванія Казанскаго университета з 189⁵/₆ учебн. годъ.
Анатомія.	2 полугодія—по 6 ч. въ нед. практ. занят. 3 полугодія—по 4 ч. въ нед. по группамъ.	Осеннее полугодіе по 8 ч. въ нед., весеннее—по 4 ч.; практ. зан. въ осен и весен. пол. 12 ч. въ нед. ежедневно отъ 5—7 ч. веч.	Осен. полуг. по 8 ч. в нед.; практ. зан. по груп памъ (2) по 3 ч. въ не Весен пол.—4 ч. въ нед практ. зан. по группам (2) по 7 ч. въ нед.
Гистологія съ эмбріологіей.	2 полуг. (II и III) по 3 ч. въ нед; практ. зан. 2 пол. (II и III) по 3 ч. въ нед.	2 полуг.—по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 4 ч. въ нед. въ оба полугод.	2 полуг; 1-е по 4 ч. в нед. практ. зан. по груп (3) по 2 ч. въ нед. и 1 демон. для всѣхъ слуша 2 пол. въ томъ же порядк
Физіологія.	2 полуг. (III и IV) по 5 ч. въ нед.	2 пол. по 6 ч. въ нед., 2 пол. по 2 ч. въ нед. (безплатно); демонстраціи приборовъ и опыты на животныхъ.	2 полуг. по 5 ч. въ нед
Медицинская химія.	2 полугод.—3-е по 3 ч. въ нед.; практ. зан. по 2 ч. въ нед.; 4-е пол.—по 2 ч. въ нед.; практ. зан. по 1 ч. въ нед.	2 пол по 3 ч. въ нед. (4-й ч. безплатно); практ. зан.—2 пол. по 2 ч. въ нед. (и еще 6 ч. безплатно).	2 пол.—1-е по 3 ч. въ нед практ. зан. по групп. (2 по 2 ч. въ нед. 2-е полу по 4 ч въ нед.; практ зан. по груп. (2) по 1 ч въ нед.
Фармакогнозія и фармація.	2 полугод. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по 1 ч. въ нед.	2 пол. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. 1-е—по 1 ч. и (1 ч. безплатно) въ нед. (для студентовъ); 2-е пол. по 11 ч. въ нед. (для фармацевтовъ).	2 полуг.—1-е по 6 ч. в нед., 2-е по 4 ч. въ нед практ. зан. по груп. (2 по 1 ч. въ нед.
Общая патологія.	2 полугод. (IV и V) по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 пол.—по 3 ч. въ нед практ. зан. 2 пол. по 2 ч въ нед.
Фармакологія съ рецептурою.	2 полугод. по 6 ч. въ нед. (V и VI).	2 полуг. по 6 час. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по 4 ч. въ нед. (безплатно).	2 полуг. по 4 ч. въ нед практ. зан. 2 пол. по 2 ч въ нед.
Патологическая анатомія.	2 пол. (V и VI) по 4 ч. въ нед., практ. зан. 2 пол. по 4 ч. въ нед.	2 полуг по 4 ч. въ нед.; практ. зан. по групп. 6 ч. въ нед. (2 полугодія).	2 полуг. по 4 ч. въ нед практ. зан. оба полуг. п груп. (3) по 2 ч. въ нед
Десмургія съ ученіемъ о вывихахъ.	1 пол. (VI) по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 1 пол. VI по 1 ч. въ нед.	1 полуг. по 2 ч. въ нед.; практ. зан. 1 пол. по 2 ч. въ нед. (безплатно).	1 полуг. по 1 ч. въ нед практ. зан. 1 пол. по груп (2) по 2 ч. въ нед.
Діагностика.	2 пол. (V и VI) по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. по 5 ч. въ нед.	2 полуг. по 2 ч. въ нед практ. зан. по груп. (4) в оба полуг. по 2 ч въ нед
Частная патологія и терапія.	2 пол. (V и VI или VII и VIII) по 4 ч. въ нед.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. по 4 ч. въ нед. въ клиникѣ.	2 полуг. по 4 ч. въ нед практ. зан. въ клин. военн госп. по груп. (3) по 2 ч въ нед.

Обозрѣніе преподаванія Томскаго Университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.	Примѣрный учебный планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.	Проектъ учебнаго плана Томскаго Университета.
3 полуг. (I, II и III) по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 4 пол. (I—IV) по 3 ч. въ нед., а IV по 4 ч. въ нед. по группамъ.	3 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 4 пол. по группамъ.	2 полуг. (I и II) по 6 ч. въ нед. или 3 п. (I, II и III) I—5 ч., II—5 ч., III—2 ч.; практ. зан. по груп.—I и II по 3 ч. III по 2 ч. IV по 2 ч. въ нед. (для кажд. груп).
4 пол.—1-е по 4 ч. въ нед. (1 безпл.), II по 3 ч. въ нед., III и 4-е по 4 ч. (3 ч. плат.); практ. зан. по 2 ч. (III) и по 3 ч. (IV).	2 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по группамъ.	2 полуг. (III и IV): III—по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 2 ч. для кажд. груп. IV—по 3 ч. въ нед.; практ. зан. по 3 ч. въ нед. для кажд. гр.
2 полуг. по 6 ч. въ нед. (1 безплатный)	2 полуг.—по 5 ч. въ нед.	2 полуг. (III и IV) по 5 ч. въ нед.
2 пол. III—по 6 ч. въ нед. (ком. уст. 3 ч. и практ. зан. 3 ч.), IV—практ. зан. по 8 ч. въ нед. (Ком. уст. 3 ч. и практ. зан 4 ч. въ нед.)	Часть физіологич. 1 полуг. (III или IV) по 3 ч. въ нед.; часть патолог. 1 полуг. (V или VI) по 3 ч. въ нед. съ практ. упражн. вмѣстѣ.	2 полуг. (III и IV) III по 3 ч. въ нед.; практ. зан. по 1 ч. въ нед. IV полуг. по 2 ч. практ. зан. по 2 ч. въ нед.
2 пол. III по 3 ч. въ нед.; практ. зан. по групп. 4 ч. въ нед. (плат. 1 ч.). IV—по 3 ч. въ нед.; практ. зан. по групп. по 4 ч. въ нед. (плат. 2).	2 полуг. (III и IV) по 3 ч. въ нед.; практ. упражн.	2 полуг. (III и IV) по 3 ч. въ нед.; практ. упр. для студ. 2 пол. по 1 ч. въ нед. (по групп. для кажд.) для фармацевт. 2 пол. по 8 ч. въ нед.
2 пол. по 4 ч. въ нед (плат. 3).		2 пол. (IV и V или V и VI) по 4 час. въ недѣлю.
2 пол. по 4 ч. въ нед. (плат. 3).	2 полуг. по 4 ч. въ нед. (V и VI).	2 пол. (V и VI) по 4 ч. въ нед.
2 пол. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. микроскоп. анат. 4 ч. въ нед. (6 платно).	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; съ практ. упражнен.	2 пол. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. микроск. патол. и техникой вскрыт. (V и VI пол.)—по группамъ по 2 ч. для каждой группы.
2 пол. (V и VI) по 2 ч. въ нед. (1 ч. плат.); практ. зан. не указано.	1 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. упражн. вмѣстѣ.	1 пол. (V или VI) по 2 ч. въ нед.; практ. зан. 1 пол. (V или VI) по 1 ч. въ нед.
2 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. (безплатно) по 4 раза въ нед. по 1½ часа.	2 полуг. по 3 ч. въ нед. (V и VI) преподаваніе демонстративное.	2 пол. по 3 ч. въ нед. (V и VI) вмѣстѣ съ практ. упраж. на больныхъ (препод. демонстрат.).
2 полуг. по 4 ч. въ нед (1 ч. безплат.). Обходы больныхъ 3 раза въ нед. по 2 ч. безплат.).	2 полуг. по 4 ч. въ нед. (V и VI или VII и VIII).	2 полуг. (V и VI или VII и VIII) по 3 ч. въ нед.

ПРЕДМЕТЫ.	Учебный планъ Харьковскаго Университета, утвержд. Г. Мин. Нар. Просвѣщ.	Обозрѣніе преподаванія Кіевскаго университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.	Обозрѣніе преподаванія Ка занскаго университета н 189⁵/₆ учебн. годъ.
Хирургическая патологія.	2 пол. (V или VI или VII и VIII)—по 4 ч. въ нед.	2 пол. по 3 ч. въ нед., (и кромѣ того во 2-мъ пол. 4-й ч. безпл.).	2 полуг. по 6 ч. въ не
Оперативная хирургія съ топографической анатоміей.	2 пол. (V и VI) по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по 3 ч. въ нед.	2 пол. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по 2 ч. въ нед. (и кромѣ того 4 безплатныхъ).	2 полуг. по 3 ч. въ нед практ. зан. по группам (3) по 2 ч. въ нед.
Факультетская терапевтическая клиника.	2 полуг. (VII и VIII) по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ не
Факультетская хирургическая клиника.	2 полуг. (VII и VIII) по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ не
Госпитальная терапевтическая клиника.	2 полуг. по 6 ч. въ нед. (IX и X).	2 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 7 ч. въ не
Госпитальная хирургическая клиника.	2 полуг. (IX и X) по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ не
Офтальмологія.	2 пол. (VII и VIII) по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед практ. зан. оба полуг. п групп. по 1 ч. въ нед.
Офтальмологическая клиника.	2 полуг. IX и X) по 4 ч. въ нед.	2 полуг. по 4 ч. въ нед; практ. зан. въ клиникѣ 2 пол. по 3 ч. въ нед. (безплатно).	2 полуг. по 2 ч. въ не
Акушерство и женскія болѣзни.	2 полуг. (VII и VIII) по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ не
Акушерско-гинекологическая клиника.	2 полуг. (IX и X) по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.; акушер. опер. на фантомѣ—2 пол. по 1 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед практ. упраж.. на фантом по группамъ 1 и 2 ч. в нед. (безплатно).
Дѣтскія болѣзни съ клиникою.	2 полуг. по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 4 ч. въ нед. (и кромѣ того практ. зан. 1 ч. въ нед. (безплатно) 2 полугод.).	2 полуг. по 3 ч. въ не (теор. чтенія въ оба полу по 2 ч. въ нед., клиник по 1 ч. въ нед.).
Душевныя и нервныя болѣзни.	2 полуг. (VII и VIII) по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 2 ч. въ нед.	2 полуг.—по 3 ч. нервны болѣзни и по 2 ч. душев ныя болѣзни (читаютъ дв преподавателя).
Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней.	2 полуг. по 2 ч. въ нед. (IX и X).	2 полуг. по 2 ч. въ нед.; практ. зан. въ клиникѣ отъ 5—8 ч. вечера ежедневно (безплатно)	2 полуг.—по 3 ч. душевн болѣзн. и по 1 ч. нервн болѣзней (преподават. 2

Обозрѣніе преподаванія Томскаго Университета на 189⁵/₆ учеб. годъ.	Примѣрный учебный планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.	Проектъ учебнаго плана Томскаго Университета.
2 полуг. по 4 ч. въ нед. (1 ч. безплатно).	1 полуг. по 4 ч. въ нед. (V и VI или VII и VIII).	2 полуг. по 3 ч. въ нед. (V и VI или VII и VIII).
2 полуг. по 4 ч. въ нед. (1 ч. безплатно): практ. зан. по групп. 3 раза въ нед, по 2 ч. (плат. 1 ч.)	2 полуг. по 3 ч. въ нед.; упражн. въ операціяхъ на труп. по групп.	2 пол. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. въ операціяхъ на труп. по групп. по 2 ч. въ нед. для кажд. (IV и V или V и VI).
2 полуг. по 6 ч. въ нед. (1 ч. безплатно).	2 полуг. (VII и VIII) по 6 ч. въ недѣлю.	2 полуг. (VII и VIII) по 6 ч. въ нед.
2 полуг. по 6 ч. въ нед. (1 ч. безплатно).	2 полуг. (VII и VIII) по 6 ч. въ недѣлю.	2 полуг .по 6 ч. въ нед. (VII и VIII).
2 полуг. 6 разъ по 2 ч. въ нед. (платн. 6 ч.).	2 полуг. (IX и X) по 6 ч. въ нед.	2 полуг. (IX и X) по 6 ч. въ нед.
2 полуг. по 6 ч. въ нед. (платн. 6 час.)	2 полуг. по 6 ч. въ нед. (IX и X).	2 полуг. (IX и X) по 6 ч. въ нед.
2 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. офталмоскоп. 2 пол. по 4 ч. въ нед. (безплатно).	2 полугод. по 6 часовъ въ недѣлю.	2 полуг. (VII и VIII) по 3 ч. въ нед. съ практ. упраж. офталмоскоп.
2 полуг. по 3 ч. въ нед.		2 полуг. (XI и X) по 3 ч. въ нед.
2 полуг по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 час. въ недѣлю.	2 полуг. (VII и VIII) по 3 ч. въ нед. съ упражненіями въ оперативномъ акушерствѣ на фантомѣ.
2 полуг. по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ недѣлю.	2 полуг. по 3 ч. въ нед. (IX и X).
2 полуг. по 5 ч. въ нед. (1 ч. безплатно) теор. чт.одля VII и VIII—2 ч. въ нед.; клиника IX и X—3 ч. въ нед. (1 ч. безплатно).	2 полуг. по 3 ч. въ недѣлю.	2 полуг. (IX и X) по 3 ч. въ нед.
1 пол. по 4 ч. въ нед. (нервн. бол. для VII; душевныя для IX). Комм. уст. нервн. болѣзн. по 2 ч. въ нед. VII и VIII).	2 полугодія по 3 часа въ недѣлю.	2 пол. VII и VIII по 2 ч. въ нед.
1 пол. по 4 ч. въ нед. (нервн. кл. 2 ч., клин. душевн. болѣзн. 2 ч. (Ком. уст. душевн. болѣзн. IX и X 2 ч. въ нед.		2 полуг. IX и X по 2 ч. въ нед.

ПРЕДМЕТЫ.	Учебный планъ Харьковскаго Университета, утвержд. Г. Мин. Нар. Просвѣщ.	Обозрѣніе преподаванія Кіевскаго Университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.	Обозрѣніе преподаванія Казанскаго Университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.
Накожныя и сифилитическія болѣзни.	2 полуг. (VII и VIII) по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 5 ч. въ нед. (для накожныхъ болѣзней съ клиникою 3 ч.; для сифилиса съ клиникою 2 час. въ нед.	2 полуг. по 2 ч. въ не
Клиника сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней.	2 полуг. (IX и X) по 2 ч. въ нед.		2 полуг. по 3 ч. въ не
Судебная медицина съ токсикологіей.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; суд. мед. вскрытія 2 пол. по 2 ч. въ нед.	2 полуг. 1-е по 6 ч. въ нед., 2-е по 5 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед практ. зан. по групп. (по 2 ч. въ нед. для каж
Гигіена, медицинская полиція, эпизоотологія.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол. по 2 ч. въ нед.; 1 полуг. по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 полуг. по группамъ по 2 ч. въ нед.	2 полуг.—по 3 ч. въ нед практ. зан. по групп (3 оба полуг. по 2 ч. въ нед эпизоотолог. 1 полуг.— 2 ч. въ нед.
Патологическія вскрытія, факультетскія и госпитальныя.	По 2 ч. въ нед.—при разсчетѣ гонорара съ записавшихся студентовъ за два полугодія.	2 полуг. по 6 ч. въ нед.. и техн. курсъ вскрытій по мѣрѣ поступленія матеріала.	По 2 ч. въ недѣлю.
Физика.	2 полуг.—по 5 ч. въ нед.; практ. зан. 1 пол,—2 ч. въ нед.	2 полуг. по 5 ч. въ нед.	2 полуг.—1-е по 4 ч. в нед., 2-е по 4 ч. въ нед и практ. зан. по 2 ч. въ нед
Неорганическая химія	2 полуг. (I и II) по 4 ч. въ нед.	1 полуг. по 6 ч. въ нед.	2 полуг. по 4 ч. в нед.— по группамъ (2)
Аналитическая химія.	1 полуг. (II или III) по 4 ч. въ нед.	1 полуг. по 6 ч. въ нед	2 полуг. по 4 ч. въ нед.— по группамъ (2).
Ботаника.	1 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 1 полуг. по 2 ч. въ нед.	2 полуг. по 2 ч. въ нед.	2 полуг.—по 3 ч. въ нед
Зоологія, сравнительная анатомія.	1 полуг. (I)—по 2 ч. въ нед.; 1 пол. (III)—по 2 ч. въ вед.	1 полуг.—по 3 ч. въ нед. 2-е полуг. по 2 ч. въ нед.	1 полуг.—по 3 ч. въ нед 2 полуг.—по 3 ч. въ нед
Органическая химія.	1 полуг. (II) по 4 ч. въ нед.	1 полуг. по 4 ч. въ нед.	2 полуг.—по 3 ч. въ нед
Минералогія.	1 полуг. (II) по 2 ч. въ нед.	1 полуг. по 2 ч. въ нед.	1 полуг.—по 3 ч. въ нед

Примѣчаніе: Росписаніе это разсылается г.г. профессорамъ въ виду предполагаемаго составленія, въ бли

Обозрѣніе преподаванія Томскаго Университета на 189⁵/₆ учебн. годъ.	Примѣрный учебный планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.	Проектъ учебнаго плана Томскаго Университета.
2 полуг. (VII и VIII) по 2 ч. въ недѣлю.	2 полугодія по 3 часа въ недѣлю.	2 полуг. (VII и VIII) по 2 ч. въ нед.
2 полуг. (IX и X) по 3 ч. въ нед.		2 полуг. по 2 ч. въ нед. (IX и X).
2 полуг. по 6 ч. въ нед. (1 ч. безплатно).	2 полуг. по 4 ч. въ нед. (практ. упражненія).	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. упраж. 2 полуг. по 2 ч. въ нед.
2 пол. V и VI по 4 ч. въ нед.; практ. зан. 2 раза въ нед. по 2 ч.; VII и VIII (эпидем. и статистика) по 1 ч. въ нед.; IX и X (эпизоотол.) по 1 ч. въ нед. (платн. ч. 3 и 2); пр. зан. 2 раза въ нед. 2 ч.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. упраж.; эпизоотолог. 1 пол. по 2 ч. въ недѣлю.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. зан. по группамъ по 2 ч. въ нед. для кажд. эпизоотолог.—1 пол. (IX или X) по 2 ч. въ нед.
Количество часовъ вскрытій факультет. и госпитальн. не опредѣлено—вскрытія безплатны.		2 полуг. по 1 ч. въ нед.
2 полуг. по 5 ч. въ нед. (Комм. уст. 1—4 ч. теор. и 2 ч. практ., II—4 ч. теор. и 1 практ.).	2 полуг. (I и II) по 4 ч. въ нед.; практ. упр. 1 или 3 полуг.	2 полуг. по 4 ч. въ нед.; практ. упраж. по групп. 2 пол. по 1 ч. въ недѣлю.
2 полуг.—по 2 ч. въ нед.	1 полуг. по 6 ч. въ нед. или 2 полуг. по 3 ч. въ нед.	1 полуг. по 6 ч. въ недѣлю или 2 полуг. по 3 ч. въ недѣлю.
2 полуг.—по 2 ч. въ нед. (по группамъ).		2 полуг. по 2 ч. въ нед. (по группамъ) или 1 полуг. (II или III) по 4 ч. въ нед. (по группамъ).
2 полуг. по 4 ч. въ нед. (1 ч. безплатно); практ. зан. 2 пол.—по 2 ч. въ нед. (безплатно).	1 полуг. по 5 ч. въ нед. или 2 полуг. по 3 ч. въ нед.	2 полуг. по 3 ч. въ нед. или 1 полугод.—по 5 ч. въ нед. съ демонстр. и упражненіями.
2 полуг. по 3 ч. въ нед.; практ. зан. 2 пол.—по 2 ч. въ недѣлю (безплатно).	1 полуг. по 5 ч. въ нед. или 2 полуг. по 3 ч. въ нед.	1 полуг. по 5 ч. въ нед. или 2 полугод. по 3 ч. въ нед. съ демонстр. и упражненіями.
1 полугодіе по 5 ч. въ недѣлю.	1 полуг. по 5 ч. въ нед. или 2 полуг. по 3 ч. въ нед.	1 полуг. по 4 ч. въ недѣлю.
2 полуг. по 4 ч. въ нед. (2 безплатно).	1 полуг. по 2 ч. въ недѣлю.	1 полуг. по 4 ч. въ нед. или 2 полугод. по 2 ч. въ недѣлю.

жайшемъ засѣданіи Совѣта, учебнаго плана Императорскаго Томскаго Университета.

Распредѣленіе, согласно предлагаемому проекту, предметовъ преподаванія на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго Университета, по курсамъ и полугодіямъ, съ указаніемъ числа часовъ теоретическихъ и практическихъ.

I КУРСЪ:

I полугодіе.		II полугодіе.	
Богословіе . .	3 ч.	3 ч.	
Анатомія . . .	5 ч. теорет.	+3 практ.	5 ч. теорет.	+3 практ.
Физика	4 ч. теорет.	+1 ч. практ.	4 ч. теорет.	+2 ч. практ.
Неорган. химія .	3 ч. теорет.		3 ч. теорет.	
Аналитич. химія	—	2 ч. прак. зан.	—	2 ч. практ. зан.
Зоологія . . .	3 ч. теорет.		3 ч. теорет.	
Ботаника . .	3 ч. теорет.		3 ч. теорет.	
Минералогія . .	2 ч. теорет.		2 ч. теорет.	
	20 ч. теорет.	6 прак. зан.	20 ч. теорет.	6 практ. зан.

II КУРСЪ:

III полугодіе.		IV полугодіе.	
Анатомія	2 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.	2 ч. практ. зан.
Гистологія	4 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.	3 ч. теор.	+3 ч. практ. зан.
Органическая химія	4 ч. теор.		
Физіологія	5 ч. теор.		5 ч. теор.	
Медицинская химія .	3 ч. теор.	+1 ч. практ. зан.	2 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.
Фармакогн. и фармація	3 ч. теор.	+1 ч. практ. зан. (для фармац. 8 практ. зан.)	3 ч. теор.	+1 ч. практ. зан. (для фармац. 8 ч. практ. зан.)
Оператив. хирургія съ топогр. анатоміей . .			3 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.
или			или	
Общая патологія . .			5 ч. теор.	
	21 ч. теор.	+6 ч. практ. зан.	17 или 18 ч. т.	+10 или 8 ч. пр.

III КУРСЪ:

V полугодіе.		VI полугодіе.	
Оператив. хирургія съ топогр. анатоміей . .	3 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.	3 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.
или				
Общая патологія . .	4 ч. теор.		4 ч. теор.	
Патологич. анатомія .	4 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.	4 ч. теор.	+2 ч. практ. зан.
Фармакол. съ рецептур.	4 ч. теор.		4 ч. теор.	
Діагностика	3 ч. теор.		3 ч. теор.	
Частная патологія . .	3 ч. теор.		3 ч. теор.	
Хирургическ. патологія	3 ч. теор.		3 ч. теор.	

V полугодіе.	VI полугодіе.
Гигіена съ медицин. полиціей и эпидеміологіей 4 ч. теор.+2 ч. практ. зан.	4 ч. теор.+2 ч. практ. зан.
Десмургія, съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ.	2 ч. теор. и 1 ч. практ. зан.
28 ч. теор.+6 ч. практ. зан.	28 или 26 ч. т.+6 или 8 пр. з.

IV КУРСЪ:

VII полугодіе.	VIII полугодіе.
Факультет. терапевтич. клиника 6 ч.	6 ч.
„ хирургич. клиника . 6 ч.	6 ч.
Офталмологія . . . . . 3 ч.	3 ч.
Акушерство и женскія болѣзни 3 ч.	3 ч.
Нервныя и душевныя болѣзни . 2 ч.	2 ч.
Кожныя съ сифилисомъ . . . 2 ч.	2 ч.
Судебная медицина . . . . 4 ч. теор.+2 ч. пр. з.	4 ч. теор.+2 ч. пр. з.
26 ч. теор.+2 ч. пр. з.	26 ч. теор.+2 ч. пр. ч.

V КУРСЪ:

IX полугодіе.	X полугодіе.
Госпитал. терапевтическ. клиника . . . . 6 ч.	6 ч.
„ хирургическ. „ . . . . 6 ч.	6 ч.
Офталмолог. клиника . . . . . 3 ч.	3 ч.
Акушерско-гинекологич. клиника . . . . 3 ч.	3 ч.
Дѣтскія болѣзни съ клиникой . . . . . 3 ч.	3 ч.
Клиника кожныхъ и сифилит. болѣзней . . 2 ч.	2 ч.
Патолого-анатом. вскрытія . . . . . 1 ч.	1 ч.
Эпизоотологія . . . . . 2 ч.	—
Клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзн. . . 2 ч.	2 ч.
28 ч.	26 ч.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго университета.

24 августа 1896 года.

№ 9-й.

Присутствовали: Предсѣдательствующій, секретарь факультета ординарный профессоръ **М. Ф. Поповъ.**

Члены: ординарный профессоръ **В. Н. Великій**; экстраординарные профессоры: **Е. В. Вернеръ, Е. С. Образцовъ, П. В. Буржинскій, В. В. Сапожниковъ, Ф. К. Крюгеръ, А. Е. Смирновъ и Д. И. Тимоѳеевскій.**

Отсутствовали: Ректоръ университета профессоръ **А. И. Судаковъ**; ординарные профессоры: **Н. Ѳ. Кащенко, Ѳ. А Ерофѣевъ, А. П. Коркуновъ**; экстраординарные профессоры: **И. С. Поповскій, Ф. Я. Капустинъ, И. И. Судакевичъ, М. Н. Поповъ**—по нахожденію въ отпуску; ординарные профессоры: **Н. М. Маліевъ, Э. Г. Салищевъ и А. М. Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ; орд. профессоры: **И. Н. Грамматикати, Н. А. Роговичъ и М. Г. Курловъ.**

Содержаніе: Дополнительное ассигнованіе на содержаніе лабораторіи общей химіи. Порученіе проф. Курлову чтенія лекцій по дѣтскимъ болѣзнямъ. Разрѣшеніе студ. Глаголеву и Биланову подвергнуться полукурсовымъ испытаніямъ послѣ каникулъ. Разъясненіе г. Попечителя относительно помѣщенія въ журналахъ рецензій диссертацій. Производство Ректора университета и Инспектора студентовъ въ дѣйст. ст. сов. и награжденіе нѣкоторыхъ профессоровъ орденами. Утвержденіе г. М. Н. П. учебнаго плана и обозрѣніе преподаванія на 189⁶/₇ г. Разрѣшеніе студ. Говорову держать перезкзаменовку по двумъ предметамъ. Назначеніе профессоровъ Зайцева и Курлова ординарными профессорами. Учрежденіе сверхштатной должности ординатора хирург. факул. клин. съ содержаніемъ 600 р. въ годъ. Увеличеніе оклада содержанія по должности лаборанта при каѳедрѣ общей химіи до 1200 р. Принятіе Государемъ Императоромъ X тома извѣстій У-та. Назначеніе медицинской испытательной комиссіи. Производство прозектора Романова въ статскіе совѣтники. Назначеніе д-ра мед. Введенскаго экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи. Назначеніе времени и комиссіи для переэкзаменовокъ студентовъ. Составленіе росписанія лекцій и практич. занятій на осеннее полугодіе 189⁶/₇ г. Поздравительныя телеграммы съ 8 годовщиною открытія У-та. Поступленіе въ библіотеку университета книгъ.

Слушали:

Предложенія г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, отъ 4 іюня сего года за № 1565:

«Въ представленіи отъ 23 м. мая за № 1848 ректоръ Императорскаго Томскаго университета просилъ меня, между прочимъ, объ утвержденіи ст. 4-й журнала Совѣта названнаго университета отъ 11 того же мая, въ коей Совѣтъ постановилъ ходатайствовать о дополнительномъ ассигнованіи 2100 руб. изъ % съ Сибиряковскаго капитала, отчисленнаго на неоткрытые факультеты, на содержаніе въ теченіе предстоящаго 1896—97 уч. года химической лабораторіи въ видѣ единовременной прибавки къ получаемымъ ею на этотъ предметъ 900 р. въ годъ изъ штатныхъ суммъ и спеціальныхъ средствъ университета.

Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я не признаю возможнымъ удовлетворить изложенное ходатайство, а полагаю болѣе цѣлесообразнымъ предложить Совѣту распредѣлить штатную сумму 13400 руб., ассигнуемую на учебно-вспомогательныя учрежденія университета съ тѣмъ расчетомъ, чтобы на каѳедру общей химіи изъ этой суммы отчислялось по 1200 руб. въ годъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что въ виду указанной необходимости выписки въ текущемъ году различныхъ матеріаловъ для химической лабораторіи, я разрѣ-

шаю прибавить къ отпущенной на содержаніе названной лабораторіи суммѣ (900 р.) еще 300 рублей съ отнесеніемъ сего расхода на спеціальныя средства университета».

По прочтеніи этого предложенія г. Предсѣдательствующій заявилъ слѣдующее:

Въ настоящемъ учебномъ году число поступающихъ на 1-й курсъ студентовъ вмѣстѣ съ оставленными на 2-й годъ простирается до 185 человѣкъ—числа у насъ небывалаго. Поэтому возникалъ вопросъ объ устраненіи затрудненій для преподаванія и главнымъ образомъ для преподаванія неорганической и аналитической химіи, такъ какъ такое большое количество слушателей въ химической аудиторіи помѣщаться не можетъ.

Онъ, Предсѣдательствующій, поэтому совѣщался съ проф. Е. В. Вернеромъ, о томъ какъ устранить, по его мнѣнію, подобное затрудненіе и между прочимъ предложилъ ему, не найдетъ ли онъ возможнымъ читать лекціи по неорганической химіи студентамъ I курса вмѣсто химической аудиторіи въ аудиторіи № 1-й, какъ единственной въ главномъ зданіи, которая можетъ помѣстить указанное большое число слушателей.

Проф. Вернеръ заявилъ, что онъ находитъ это возможнымъ и согласился читать лекціи по неорганической химіи въ аудиторіи, для студентовъ же II курса по органической химіи въ химической аудиторіи. Что же касается практическихъ занятій по аналитической химіи, то онъ предложилъ разбить студентовъ вмѣсто 3 группъ, какъ это было до сихъ поръ, на 4 и для этого прибавилъ еще 2 часа занятій въ четвергъ отъ 5 до 7 часовъ вечера. По отношенію къ прочитанному предложенію Предсѣдательствующій заявилъ, что сверхъ 300 р. проф. Вернеру, по ходатайству правленія университета, г. Попечителемъ учебнаго округа, въ предложеніи отъ 17 іюня сего года, ассигнованы еще 600 руб. изъ процентовъ съ сибиряковскаго капитала, отчисленнаго на библіотеку, такъ что въ распоряженіи химической лабораторіи въ іюнѣ мѣсяцѣ состояло болѣе 1700 руб. Тогда же Предсѣдательствующій просилъ проф. Вернера выписать химическіе матеріалы и посуду въ предѣлахъ этой суммы, чтобы обезпечить преподаваніе въ предстоящемъ осеннемъ полугодіи, обѣщая доложить Совѣту послѣдующее его ходатайство о дополнительномъ ассигнованіи на содержаніе лабораторіи еще 1200 руб. въ одномъ изъ засѣданій послѣ каникулъ.

Теперь это ходатайство проф. Вернера Совѣту докладывается и вмѣстѣ сообщается, что оно тогда же, въ іюнѣ мѣсяцѣ, было представлено на благоусмотрѣніе г. Попечителя учебнаго округа.

Проф. Вернеръ заявилъ, что имъ выписана для химической лабораторіи посуда, химическіе же матеріалы по недостаточности средствъ не выписаны.

Постановили: въ виду отсутствія многихъ профессоровъ обсужденіе вопроса о сверхсмѣтномъ ассигнованіи на содержаніе химической лабораторіи отложить до слѣдующаго болѣе полнаго засѣданія Совѣта.

б) Отъ 5 іюня 1896 г. за № 1581.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 21 мая с. г. за № 12222 разрѣшилъ вновь поручить чтеніе лекцій дѣтскихъ болѣзней и завѣдываніе дѣтскою клиникою въ Томскомъ университетѣ въ теченіе перваго полугодія 1896—97 учебнаго года до 1 января 1897 г. экстраординарному профессору по каѳедрѣ спеціальной патологіи и терапіи, статскому совѣтнику Курлову, съ выдачею ему вознагражденія, примѣнительно къ ст. 64-й дѣйствующаго университетскаго устава, за одно полугодіе шесть-

сотъ руб., т. е. изъ разсчета половиннаго оклада жалованья, присвоеннаго ординарному профессору.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій, въ послѣдствіе представленія отъ 18 апрѣля сего года за № 1444».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ 7 іюня за № 1612:

«Въ дополненіе къ предложенію моему отъ 4 сего іюня за № 1565 имѣю честь возвратить при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь, по минованіи надобности, журналъ Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 11 м. мая за № 6».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

г) Отъ 10 іюня с. г. за № 1626.

«Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 29 мая сего года за № 12654 разрѣшилъ студенту I курса Императорскаго Томскаго университета Евгенію Глаголеву подвергнуться испытанію изъ всѣхъ предметовъ I курса въ началѣ будущаго 1896—97 учебнаго года.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій, въ послѣдствіе представленія ректора университета отъ 3 мая сего года за № 1579».

Постановили: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

д) Отъ 11 іюня 1896 г. за № 1639:

«Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 27 мая сего года за № 12767 увѣдомилъ меня, что не признавая возможнымъ разрѣшить студенту Томскаго университета Владиміру Биланову подвергнуться полукурсовому испытанію послѣ каникулъ, Его Сіятельство тѣмъ не менѣе разрѣшаетъ оставить его на повторительный курсъ въ числѣ студентовъ названнаго университета.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій, въ послѣдствіе представленія ректора университета отъ 29 апрѣля сего года за № 1532.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что, въ виду предоставленной уже Его Сіятельствомъ студенту Биланову льготы остаться на повторительный курсъ въ числѣ студентовъ Томскаго университета, я не нахожу въ настоящее время возможнымъ дать дальнѣйшее движеніе возбужденному ректоромъ университета въ представленіи отъ 24 февраля с. года за № 842 ходатайству о переводѣ Биланова въ число студентовъ университета Св. Владиміра, каковое ходатайство можетъ быть возбуждено Билановымъ, при условіи отличныхъ успѣховъ и поведенія его, лишь по окончаніи будущаго 1896—97 учебнаго года».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

е) Отъ 20 іюня с. г. за № 1765:

«Вслѣдствіе представленій отъ 10 и 17 сего іюня за №№ 2142 и 2212, возвращая при семъ журналъ Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 30 м. мая за № 8, съ приложеніями, имѣю честь обратить Ваше, Милостивый Государь, вниманіе на п. б. ст. 1-й сего журнала по поводу упоминаемыхъ здѣсь приложеній къ журналу отъ 19 того-же мая за № 7. Въ этихъ приложеніяхъ профессора Бур-

жинскій и Курловъ излагаютъ тѣ возраженія, какія они дѣлали докторанту во время защиты его диссертаціи и подали эти заключенія послѣ того, когда уже Совѣтъ, въ томъ числѣ и названные профессоры, признали лѣкаря Тимашева достойнымъ докторской степени. Такой порядокъ заявленія мнѣній нельзя признать нормальнымъ и правильнымъ. Рецензіи диссертаціи должны быть представляемы въ Совѣтъ и помѣщаться въ его журналахъ не послѣ защиты диссертацій, а въ то время, когда диссертація одобряется Совѣтомъ къ печатанію. Что же касается возраженій, дѣлаемыхъ профессорами и посторонними лицами во время диспута, то таковыя въ журналахъ Совѣта помѣщаются послѣ присужденія ученой степени, въ томъ только случаѣ, когда диспутъ признанъ Совѣтомъ неудовлетворительнымъ; въ этомъ случаѣ рецензіи могутъ служить основаніемъ, почему ученая степень не была присуждена».

Постановили: принять къ свѣдѣнію и руководству.

ж) отъ 27 іюня с. г. за № 1815:

«Государь Императоръ приказомъ по гражданскому вѣдомству 14 мая сего года за № 82, Всемилостивѣйше соизволилъ произвесть за отличіе изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники: ректора и ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета Александра Судакова и инспектора студентовъ того-же университета Александра Пятницкаго, а нижепоименованныхъ лицъ сего-же университета наградить орденами: Св. Анны 2-й степени: ординарнаго профессора статскаго совѣтника Ѳеофила Ерофѣева, Св. Анны 3-й степени—экстраординарнаго профессора неимѣющаго чина Ивана Судакевича; Св. Станислава 2-й степени: ординарныхъ профессоровъ статскаго совѣтника Михаила Попова и неимѣющаго чина Николая Роговича, экстраординарныхъ профессоровъ статскихъ совѣтниковъ: Алексѣя Зайцева и Михаила Курлова и исправляющаго должность экстраординарнаго профессора коллежскаго совѣтника Ѳедора Капустина; Св. Станислава 3-й степени сверхштатнаго лаборанта неимѣющаго чина Павла Бутягина.

Сообщая объ этомъ Вамъ, Милостивый Государь, для надлежащаго распоряженія, имѣю честь препроводить при семъ орденскіе знаки для пожалованныхъ кавалеровъ».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

з) Отъ 27 іюня с. г. за № 1817:

«Въ дополненіе къ предложенію моему отъ 20 апрѣля т. года за № 1032 имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 12 сего іюня за № 14196, утверждены учебный планъ и обозрѣніе преподаванія на медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета, составленные Совѣтомъ сего университета на 1896—97 учеб. годъ, съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ недѣли и часамъ».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

и) Отъ 8 іюля с. г. за № 1914:

«Вслѣдствіе представленія отъ 1 минувшаго іюня за № 2045 имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 19 того-же іюня за № 15119 разрѣшилъ студенту I курса Томскаго университета Григорію Говорову держать въ началѣ будущаго учебнаго года переэкзаменовки по двумъ предметамъ, изъ коихъ онъ получилъ неудовлетворительныя отмѣтки».

Постановили: допустить студента Григорія Говорова къ переэкзаменовкѣ изъ физики и ботаники, по которымъ имъ получены неудовлетворительныя отмѣтки.

і) Отъ 23 іюля с. г. за № 2071:

«Вслѣдствіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 4 сего іюля за № 16497 имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 22 іюня сего года за № 40, экстраординарные профессоры Томскаго университета, статскіе совѣтники—Зайцевъ и Курловъ назначены ординарными профессорами названнаго университета по каѳедрамъ: первый минералогіи и геологіи, а второй—частной патологіи и терапіи».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

к) Отъ 29 іюля с. г. за № 2134:

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 11 день сего іюля Высочайше соизволилъ на учрежденіе при факультетской хирургической клиникѣ Томскаго университета второй должности сверхштатнаго ординатора, съ содержаніемъ въ размѣрѣ 600 р. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ университета или изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ Товарищемъ г. Министра въ предложеніи отъ 13-го сего іюля за № 17420, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, въ послѣдствіе представленія отъ 23 мая за № 1848».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

л) Отъ 29 іюля с. г. за № 2136:

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 11-й день текущаго іюля, Высочайше соизволилъ на увеличеніе оклада содержанія по должности сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ общей химіи въ Томскомъ университетѣ до 1200 р. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ университета или на счетъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 13 сего іюля за № 17419, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, въ послѣдствіе представленія отъ 23 мая сего года за № 1848».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

м) Отъ 26 іюля с. г. за № 2137:

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія въ 11-й день сего іюля Высочайше соизволилъ на принятіе X тома Извѣстій Императорскаго Томскаго университета.

О такой Высочайшей волѣ, сообщенной мнѣ Товарищемъ г. Министра въ предложеніи отъ 13 сего іюля за № 17445, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для свѣдѣнія».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

н) Отъ 29 іюля за № 2143:

«Имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 11 іюля сего года за № 17158, назначилъ меня

предсѣдателемъ медицинской испытательной комиссіи, имѣющей быть въ текущемъ году при Императорскомъ Томскомъ университетѣ и членами таковой гг. профессоровъ названнаго университета: Судакова, Попова, Великаго, Ерофѣева и Роговича».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

о) Отъ 1 августа с. г. за № 2196:

«Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 15 іюля текущаго года за № 44 произведенъ за выслугу лѣтъ изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники прозекторъ Императорскаго Томскаго университета Романовъ со старшинствомъ съ 31 января 1896 года.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, въ послѣдствіе представленія отъ 18 марта с. года за № 1204».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

п) Отъ 21 августа с. г. за № 2424:

«Вслѣдствіе предложенія управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 7 сего августа за № 19442, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 30 іюля сего года за № 46, сверхштатный ординаторъ Московской Маріинской больницы, докторъ медицины Введенскій переведенъ на службу по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія экстраординарнымъ профессоромъ Томскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи и топографической анатоміи».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

2. Обсуждали вопросъ о назначеніи времени и образованіи комиссій для переэкзаменовокъ студентовъ, допущенныхъ къ таковымъ въ началѣ 1896—97 учебнаго года и утвердили слѣдующее росписаніе.

		Профессоры:
Неорганическая, органическая и аналитическая химія.	2 сентября въ химич. аудиторіи.	И. Н. Грамматикати. Е. В. Вернеръ. Ф. К. Крюгеръ.
Зоологія, ботаника и физика.	2 сентября залъ Совѣта	В. Н. Великій. Н. Ѳ. Кащенко. Ѳ. Я. Капустинъ. В. В. Сапожниковъ.
Физіологія, гистологія и фармація.	3 сентября залъ Совѣта.	В. Н. Великій. А. Е. Смирновъ. Э. А. Леманъ.
Фармакологія и общая патологія.	3 сентября въ кабинетѣ общей патологіи.	П. В. Буржинскій. Д. И. Тимоѳеевскій. А. П. Коркуновъ.

3. Составляли росписаніе лекцій и практическихъ занятій на осеннее полугодіе 1896—97 учебнаго года. При этомъ сравнительно съ распредѣленіемъ дней и часовъ, указанныхъ въ обозрѣніяхъ преподаванія были приняты слѣдующія главныя отступленія: для физіологической химіи вмѣсто вторника отъ 11 до 12 час.—понедѣльникъ отъ 12 до 1 часу и вмѣсто отъ 10—12 въ субботу—отъ 9 до 11 час.; для фармакогнозіи вмѣсто пятницы отъ 12 до 1 ч.—суббота отъ 11—12 час.; для общей патологіи—вмѣсто вторника отъ 1—3 и субботы отъ 10—12—четвергъ отъ 9—10 ч. и суббота 12—2; для хирургической патологіи вмѣсто четверга отъ 9—10 час.—среда отъ 1 час. до 2 ч.

Для остальныхъ предметовъ приняты указанные въ обозрѣніяхъ дни и часы.

Постановили: составленное росписаніе отпечатать.

4. Прочитаны были присланныя поздравительныя телеграммы съ 8 годовщиною открытія университета.

а) Михаила Зензинова изъ Москвы: «Прошу принять мое поздравленіе съ днемъ восьмой годовщины родного университета съ искреннимъ пожеланіемъ процвѣтанія».

б) Отъ доктора Введенскаго изъ Москвы: «Поздравляю славный университетъ восьмой годовщиной, горячо желаю открытія другихъ факультетовъ, какъ новыхъ свѣточей знанія».

Постановили: благодарить.

5. Секретарь факультета доложилъ о поступленіи въ библіотеку университета слѣдующихъ книгъ:

а) Отъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ: «Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи» и «Краткій обзоръ дѣятельности Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за второй годъ его существованія».

б) Отъ Уполномоченнаго Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ на Кавказѣ: «Сборникъ свѣдѣній по виноградству и винодѣлію на Кавказѣ».

в) Отъ Западнаго Горнаго Управленія: «Труды экстреннаго съѣзда углепромышленниковъ Домбровскаго бассейна».

г) Отъ канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора: «Западное Забайкалье въ сельско-хозяйственномъ отношеніи».

д) Отъ Попечителя Кавказскаго учебнаго округа: «Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка».

е) Отъ Директора Императорской публичной библіотеки: «Отчетъ о дѣятельности ея за 1893 годъ».

ж) Отъ Директора Радомской мужской гимназіи: «Отчеты гимназіи за 1893—94 и 1894—95 уч. годы съ таблицами метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ въ гимназіи».

з) Отъ начальника работъ по постройкѣ средне-сибирской желѣзной дороги: «Таблицы результатовъ испытаній строительныкъ матеріаловъ, произведенныхъ механическою лабораторіей при управленіи этой дороги».

и и) Отъ Директора Императорскаго С.-Петербургскаго ботаническаго сада коллекція изъ 381 вида сухихъ растеній, которыя переданы въ ботанической кабинетъ.

Постановили: за пожертвованія поименованныя лица и учрежденія благодарить.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета

21 сентября 1896 года.

№ 10-й.

Присутствовали: Предсѣдатель секретарь, факультета, профессоръ **М. Ѳ. Поповъ.**

Члены: профессоры—**Д. Н. Бѣликовъ, В. Н. Великій, А. П. Коркуновъ, Н. А. Роговичъ и М. Г. Курловъ;** экстра-ордин. профессоры: **П. В. Буржинскій, Е. В. Вернеръ, Е. С Образцовъ, И. С. Поповскій, В. В. Сапожниковъ, М. Н. Поповъ, Ф. К. Крюгеръ. А. Е. Смирновъ и А. А. Введенскій.**

Отсутствовали: ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ** и экстр.-ордин. проф. **Ф. Я. Капустинъ**—по нахожденію въ отпуску; ордин. проф. **Кащенко и Леманъ**—по болѣзни, ордин. профессоры **Ѳ. А. Ерофѣевъ, И. Н. Грамматикати, Э. Г. Салищевъ** и **А. М. Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ; экстр.-ордин. проф. **Д. И. Тимоѳеевскій.**

Содержаніе: Письмо г. Зимина о желаніи пожертвовать капиталъ на устройство при университетѣ бактеріологическаго института. Программы занятій съѣзда по обсужденію мѣропріятій противъ сифилиса. Утвержденіе лѣкаря Дочевскаго въ должности врача университета. О сборѣ пожертвованій на памятникъ Лакуазье. Предложеніе г. Попечителя относительно дополнительнаго ассигнованія на каѳедру общей химіи. Назначеніе лѣкарей Левашова и Касторскаго на должности лаборанта и ординатора теравев. фак. клиники. Прошеніе Лешъ объ увольненіи его отъ должности лаборанта каѳедры медицинской химіи. Назначеніе лѣкаря Барса лаборантомъ каѳедры медиц. химіи. Назначеніе лѣкаря Кытманова ординаторомъ хирур. фак. клиника. Допущеніе лѣкаря Рункевича къ исполненію обязанностей ординатора клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Перемѣщеніе прозекторовъ Геркена и Чугунова одного на мѣсто другого. Заявленіе профессоровъ Великаго, Буржинскаго и Бѣликова о напечатаніи въ Извѣстіяхъ университета ихъ трудовъ. Результатъ переэкзаменовокъ студентовъ I, II и III курсовъ. Разсмотрѣніе представленной лѣкаремъ Дочевскимъ для диссертаціи работы. Поступленіе книгъ въ библіотеку университета.—

---

1. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 24 августа № 9.

Слушали:

2. Заявленіе проф. М. Г. Курлова, состоявшее въ сообщеніи, съ согласія автора, полученнаго имъ на дняхъ письма отъ В. Т. Зимина, слѣдующаго содержанія:

«Благодарю Васъ за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о бактеріологическомъ институтѣ, на устройство и эксплоатацію котораго при Томскомъ университетѣ, какъ видно изъ Вашего письма, потребуется капиталъ отъ 75 до 100 т. рублей.

Приблизительно такой-же капиталъ предстоитъ получить мнѣ по наслѣдству послѣ умершей сестры моей Зинаиды Тимофеевны Чуриной.

Признавая полезность вышеозначеннаго института, я имѣю намѣреніе весь капиталъ, какой, за исключеніемъ расходовъ, причтется мнѣ по раздѣльному акту, пожертвовать Томскому университету на бактеріологическій институтъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ институтъ носилъ имя Зинаиды Чуриной и чтобы приготовляемые имъ цѣлебные препараты отпускались бѣднымъ жителямъ г. Иркутска безплатно».

Постановили: увѣдомить В. Т. Зимина, что Совѣтъ университета съ благодарностью приметъ его щедрое пожертвованіе на указанныхъ въ письмѣ условіяхъ осо-

бенно потому, что оно предназначается для устройства учрежденія, которое для университета весьма желательно и объ осуществленіи котораго онъ въ настоящее время заботится. Чѣмъ скорѣе поступятъ въ распоряженіе Совѣта обѣщанныя средства, тѣмъ ранѣе исполнится желаніе жертвователя увидѣть воздвигнутымъ на пользу медицинской науки и края институтъ имени его покойной сестры.

3. Предложенія г. Попечителя учебнаго округа:

а) Отъ 4 сентября сего года за № 2573:

«Въ дополненіе къ предложенію г. Управляющаго учебнаго округа отъ 3 января сего года за № 615, имѣю честь препроводить при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь, полученные мною при отношеніи Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 22 м. августа за № 20546 печатные экземпляры программъ занятій отдѣловъ Высочайше разрѣшеннаго съѣзда по обсужденію мѣропріятій противъ сифилиса».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

б) Отъ 12 сентября с. г. за № 2668:

«Вслѣдствіи представленія отъ 9 сего сентября за № 3419 имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что, согласно ст. 17 постановленія Правленія Императорскаго Томскаго университета отъ 7 т. сентября за № 35 лаборантъ при каѳедрѣ діагностики сего университета лѣкарь Илья Дочевскій отчисляется мною отъ означенной должности по прошенію съ 7 сентября сего года и съ того-же числа утверждается въ должности врача при названномъ университетѣ».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ 18 сентября сего года за № 2702:

«Препровождая при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь, подписной листъ для сбора пожертвованій на сооруженіе въ Парижѣ памятника французскому ученому Лавуазье, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ предложить профессорамъ Императорскаго Томскаго университета, не пожелаютъ-ли они принять участіе въ подпискѣ на сооруженіе названнаго памятника и затѣмъ собранныя Вами на этотъ предметъ пожертвованія прошу доставить мнѣ вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ».

Постановили: поручить сборъ пожертвованій казначею университета, которому для этого передать подписной листъ.

г) Отъ 19 сентября сего года за № 2721:

«Экстра-ординарный профессоръ Томскаго университета статскій совѣтникъ Вернеръ заявилъ о томъ, что онъ затрудняется открыть въ текущемъ учебномъ году практическія занятія по аналитической химіи за недостаткомъ средствъ для пріобрѣтенія необходимыхъ продуктовъ и вмѣстѣ съ симъ просилъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ 1200 рублей изъ спеціальныхъ средствъ университета.

Въ виду того, что на каѳедру общей химіи въ текущемъ году было отпущено изъ штатныхъ суммъ, спеціальныхъ средствъ университета и процентовъ Сибиряковскаго капитала на открытыя учебно-вспомогательныя установленія всего 1800 рублей, я не призналъ возможнымъ ассигновать изъ спеціальныхъ средствъ университета еще 1200 рублей на ту-же каѳедру и представилъ означенное дѣло на благоусмотрѣніе г. Министра.

Нынѣ Его Сіятельство проситъ меня предложить г. Вернеру приступить къ чтенію лекцій и веденію практическихъ занятій по общей химіи при тѣхъ условіяхъ, въ коихъ находится въ настоящее время преподаваніе названной науки въ Томскомъ университетѣ.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій».

По прочтеніи этого предложенія проф. Вернеръ заявилъ, что на средства, которыми онъ располагалъ, имъ выписана химическая посуда на весь годъ и транспортъ ея скоро получится; химическія же вещества не выписаны. Пріобрѣтать эти вещества здѣсь, у Штоля и Шмидта,—очень дорого,—до 4000 руб. въ полугодіе. Поэтому правильныя практическія занятія по аналитической химіи въ настоящемъ полугодіи вести невозможно.

Г. Предсѣдательствующій и другіе члены Совѣта замѣтили, что въ виду значительнаго поступленія въ этомъ году въ университетъ студентовъ на содержаніе химической лабораторіи можно и слѣдуетъ прибавить нѣкоторую сумму изъ спеціальныхъ средствъ, дабы обезпечить правильное веденіе практическихъ занятій, если не въ этомъ, то хотя въ слѣдующемъ полугодіи. Относительно размѣровъ прибавочнаго ассигнованія три члена—Введенскій, Курловъ и М. Ф. Поповъ—высказались за 500 рублей и 10 членовъ за 1000 рублей.

Постановили: заслушанное предложеніе г. Попечителя учебнаго округа принять къ свѣдѣнію и исполненію, вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду изложеннаго ходатайствовать предъ нимъ о дополнительномъ ассигнованіи на содержаніе химической лабораторіи 1000 рублей изъ спеціальныхъ средствъ университета.

4. Заявленіе проф. Коркунова слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета на вакантную должность лаборанта при каѳедрѣ діагностики назначить лѣкаря Ивана Левашова, штатнаго ординатора терапевтической факультетской клиники, а на освободившееся такимъ образомъ мѣсто штатнаго ординатора терапевтической клиники, прошу назначить лѣкаря Николая Касторскаго, сверхштатнаго ординатора той-же клиники".

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о перемѣщеніи штатнаго ординатора при факультетской терапевтической клиникѣ лѣкаря Ивана Левашова на должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики и о назначеніи штатнымъ ординаторомъ этой клиники лѣкаря Николая Касторскаго.

5. Ходатайство лаборанта г. Лешъ:

„Вслѣдствіе измѣнившихся семейныхъ обстоятельствъ имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать предъ Его Превосходительствомъ, г. Попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа объ увольненіи меня отъ занимаемой мною должности съ 1 октября сего года".

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа объ увольненіи, согласно прошенія, лаборанта Лешъ отъ занимаемой имъ должности съ 1 октября сего года.

6. Заявленіе проф. Крюгера:

„Честь имѣю представить на должность штатнаго лаборанта при ввѣренной мнѣ каѳедрѣ по медицинской химіи, освободившейся къ 1 октября с. г., лѣкаря Альвина Барса.

Альвинъ Антоновичъ Барсъ родился въ г. Орлѣ 10 марта 1865 года, посѣщалъ гимназію и кончилъ курсъ ея въ Москвѣ, послѣ чего поступилъ на медицинскій факультетъ Императорскаго Юрьевскаго университета.

По окончаніи медицинскаго курса со степенью лѣкаря, отбылъ воинскую повинность по Высочайшему приказу въ качествѣ младшаго врача 117 пѣхотнаго Ярославскаго полка. Будучи еще студентомъ г. Барсъ практически занимался у меня по медицинской химіи и неоднократно исполнялъ обязанности ассистента, что способствовало пріобрѣтенію опытности и навыка въ производствѣ медико-химическихъ изслѣдованій въ виду чего вполнѣ могу отрекомендовать его на вышепомянутую должность.

Прилагая при семъ документы г. Барса, 1) копію съ послужнаго списка, 2) удостовѣреніе за № 2935,—жительствующаго въ настоящее время въ г. Москвѣ, покорнѣйше прошу подвергнуть его баллотировкѣ и, при благопріятномъ исходѣ послѣдней, представить Его Превосходительству г. Попечителю учебнаго округа на утвержденіе".

По произведенной за выслушаніемъ этого заявленія закрытой баллотировкѣ лѣкарь Альвинъ Барсъ оказался избраннымъ единогласно.

Постановили: ходатайствовать предъ г.. Попечителемъ учебнаго округа о назначеніи лѣкаря Альвина Барса на должность лаборанта при каѳедрѣ медицинской химіи съ 1 октября сего года.

7. Заявленіе проф. Роговича слѣдующаго содержанія:

„На мѣсто сверхштатнаго ординатора при хирургической факультетской клиникѣ имѣю честь представить лѣкаря Константина Александровича Кытманова".

Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Роговичъ просилъ ходатайства Совѣта предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о переименованіи должности сверхштатнаго ординатора при хирургической факультетской клиникѣ въ должность сверхштатнаго ассистента при этой клиникѣ для того, чтобы замѣщеніе этой должности можно было сдѣлать изъ временнаго трехлѣтняго—постояннымъ.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа 1) о назначеніи лѣкаря Константина Кытманова сверхштатнымъ ординаторомъ при факультетской хирургической клиникѣ, и 2) о переименованіи должности сверхштатнаго ординатора въ должность сверхштатнаго ассистента при хирургической факультетской клиникѣ, замѣщеніе которой могло-бы быть не временнымъ, а постояннымъ.

Заявленіе проф. М. Н. Попова слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь просить Ваше превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе о зачисленіи лѣкаря Михаила Рункевича временно исправляющимъ должность ординатора при клиникѣ нервныхъ болѣзней съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. При этомъ увѣдомляю Ваше Превосходительство, что должность ординатора остается свободно съ 1 апрѣля т. г., и что лѣкарь Рункевичъ началъ исполнять обязанности ординатора со времени открытія клиникъ въ т. осеннемъ полугодіи".

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о допущеніи лѣкаря Михаила Рункевича къ временному исправленію должности ординатора при клиникѣ нервныхъ болѣзней изъ платы по найму въ размѣрѣ содержанія, этой должности присвоеннаго, срокомъ съ 18 сентября сего года.

9. Профессоры И. С. Поповскій и А. А. Введенскій вошли въ Совѣтъ съ ходатайствомъ о перемѣщеніи—первый и. д. прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи лѣкаря Чугунова, а второй прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи доктора медицины Геркена—одного на мѣсто другого.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о перемѣщеніи прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи доктора медицины Геркена и и. д. прозектора каѳедры оперативной хирургіи лѣкаря Чугунова—одного на мѣсто другого—Геркена—прозекторомъ при каѳедрѣ оперативной хирургіи и Чугунова и. д. прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи.

10. Заявленіе проф. Великаго слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ разрѣшить печатать въ Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета «Краткій курсъ физіологіи».

Основаніемъ этого курса послужатъ лекціи, читанныя мною студентамъ Томскаго университета и литографированныя въ 1894 году. Означенныя лекціи будутъ значительно дополнены и передѣланы.

Такой печатный курсъ займетъ около 30—35 печатныхъ листовъ. Предполагаю издать съ нѣсколькими таблицами литографированныхъ рисунковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ ускоренія выхода въ свѣтъ предполагаемаго учебника просилъ-бы печатаніе производить независимо отъ порядка выхода книжекъ Университетскихъ Извѣстій".

Постановили: печатаніе курса физіологіи проф. Великаго въ Извѣстіяхъ Университета разрѣшить.

11. Заявленіе проф. Буржинскаго:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ разрѣшить мнѣ напечатать въ университетскихъ Извѣстіяхъ актовую рѣчь подъ заглавіемъ: Современный взглядъ на цѣлительную силу природы".

Постановили: печатаніе актовой рѣчи проф. Буржинскаго въ Извѣстіяхъ Университета разрѣшить.

Заявленія проф. Бѣликова:

«Совѣтъ университета въ одномъ изъ засѣданій своихъ разрѣшилъ мнѣ напечатать слѣдующія двѣ мои статьи: 1) «Старинные монастыри Томскаго края», 2) «Старинныя духовныя школы въ Томскомъ краѣ».

Въ виду тѣхъ затрудненій, съ которыми мнѣ приходилось доставать архивный матеріалъ, положенный въ основу работъ, я покорнѣйше прошу Совѣтъ вознаградить меня не 50 экземплярами оттисковъ, какъ это принято, а 200 экземпляровъ».

Постановили: выдать проф. Бѣликову вмѣсто 50 по 200 экземпляровъ каждой изъ его статей.

12. Секретарь факультета доложилъ о результатахъ переэкзаменовокъ студентовъ I, II и III курсовъ по предметамъ, изъ коихъ получены ими были во время майскихъ испытаній неудовлетворительныя отмѣтки:

Списокъ студентовъ I, II и III курсовъ, подвергавшихся переэкзаменовкѣ 2 и 3 сентября сего года:

	Физика.	Неорганическ. химія.	Аналитическая химія.	Зоологія.	Ботаника.	Органическая химія.	Физіологія.	Гистологія.	Фармація.	Фармакологія.	Общая патологія.
Жуковскій Ипполитъ. I к. . .	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Колесниковъ Александръ. I к. . .	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Говоровъ Григорій. I к.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кочуровъ Владиміръ, II к. . . .	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Новосильцевъ Дмитрій, I к. . .	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Концевичъ Гавріилъ, II к. . . .	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Львовъ Леонидъ, II к.	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Олюнинъ Иванъ, II к.	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Михайловскій Павелъ, II к. .	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вишняковъ Михаилъ, I к. . . .	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
Меморскій Григорій, I к. . . .	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Карповъ Анатолій, I к.	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Николаевъ Михаилъ, I к. . . .	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Броннеръ Вульфъ, II к. . . .	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Ивановъ Алексѣй, II к.	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Пановъ Николай, II к.	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Степановъ Петръ. II к.	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Лейбовичъ Абрамъ. II к. . . .	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Топорковъ Александръ II к. . .	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Нифантовъ Геннадій, II к. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
Померанцевъ Николай, II к. не явился къ переэкзаменовкѣ по фармаціи.											
Нови Берель—фармацевтъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Ковнацкій Маріанъ—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Бородинъ Евменій, III к. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—
Топорковъ Александръ, III к. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3

Кромѣ того секретарь факультета доложилъ прошенія студенковъ II курса—Львова Леонида и Олюнина Ивана, выдержавшихъ удовлетворительно при переэкзаменовкѣ испытанія (изъ неорганической химіи—Львовъ и изъ аналитической химіи—Олюнинъ), но имѣющихъ неудовлетворительныя отмѣтки изъ органической химіи—прошенія о томъ, не найдетъ-ли Совѣтъ возможнымъ допустить ихъ къ переэкзаменовкѣ изъ этого послѣдняго предмета.

Постановили: 1) студентовъ: Жуковскаго, Колесникова, Кочурова, Новосильцева, Концевича, Вишнякова, Меморскаго, Николаева и Карпова—считать выдержавшими испытаніе изъ всѣхъ предметовъ, отнесенныхъ къ первой части полукурсоваго испытанія, а Говорова кромѣ того перевести на второй курсъ.

2) студентамъ—Михайловскому, Броннеру, Иванову, Панову, Степанову, Лейбовичу, Топоркову, Нифантову, какъ выдержавшимъ полукурсовое испытаніе въ полномъ объемѣ, зачесть 4 полугодіе допустить ихъ къ слушанію предметовъ III курса.

3) студентовъ 3 курса Бородина и Торопова—допустить къ слушанію предметовъ 4 курса.

4) фармацевтовъ Ковнацкаго Маріана и Нови Береля, какъ выдержавшихъ испытаніе на званіе провизора изъ всѣхъ предметовъ—удостоить этого званія, въ чемъ и выдать имъ установленныя свидѣтельства.

5) студентовъ Львова и Олюнина Ивана допустить къ переэкзаменовкѣ изъ Органической химіи, каковую назначить на 24 сего сентября.

13. Лѣкарь Илья Дочевскій представилъ свой трудъ подъ заглавіемъ «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» и проситъ его напечатать въ Извѣстіяхъ Томскаго университета и допустить къ защитѣ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины.

Секретарь факультета заявилъ, что лѣкарь Дочевскій подвергался у насъ теоретическимъ и практическимъ испытаніямъ на степень доктора медицины, каковыя и окончилъ удовлетворительно въ мартѣ 1894 года—(жур. Сов. № 3-й.); письменныхъ же испытаній не держалъ. Поэтому прежде представленія диссертаціи на основаніи правилъ объ испытаніяхъ на степень доктора медицины—т. 13 свод. зак. прилож. къ ст. 596 п. 14—онъ, Дочевскій, долженъ написать два письменныхъ отвѣта на темы изъ врачебныхъ наукъ.

Проф. Коркуновъ замѣтилъ, что Совѣтъ университета въ 1891 г. занимался обсужденіемъ вопроса о производствѣ испытаній на степень доктора медицины и между прочимъ постановилъ—ищущихъ докторской степени письменному экзамену не подвергать. Это постановленіе и было примѣнено къ лѣкарю Дочевскому. Въ доказательство этого проф. Коркуновъ прочелъ выданное лѣкарю Дочевскому свидѣтельство, удостовѣряющее, что онъ, Дочевскій, окончилъ удовлетворительно теоретическія и практическія испытанія на степень доктора медицины.

Г. Предсѣдательствующій замѣтилъ, что прочитанное свидѣтельство имѣетъ значеніе по отношенію къ теоретическимъ и практическимъ испытаніямъ, и освобождаетъ лѣкаря г. Дочевскаго отъ испытаній по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и по болѣзнямъ накожнымъ и сифилитическимъ, которыхъ онъ не держалъ, но оно не освобождаетъ его отъ письменнаго испытанія, такъ какъ подобное освобожденіе невозможно и не дастъ ему права, минуя этотъ экзаменъ, прямо представить диссертацію.

Постановили: 1) лѣкаря Дочевскаго письменному испытанію не подвергать—(большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного).

2) Представленную имъ въ качествѣ диссертаціи работу подъ заглавіемъ «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» передать для разсмотрѣнія и отзывовъ гг. проф. Великому, Коркунову и Буржинскому и по разсмотрѣніи и одобреніи напечатать въ Извѣстіяхъ Томскаго университета.

14. Секретарь факультета доложилъ о полученіи для библіотеки отъ ректора Московскаго университета при отношеніи отъ 21 іюля с. г. за № 2327 по одному экземпляру диссертацій гг. Горячкина, Козинцева, Липдемана, Голубинина, Радзвицкаго, Каспарянца, Хлопина, Бѣлоусова, Кедровскаго, Попова, Федорова, Предтеченскаго, Бобкова и Гулевича.

Постановили: о полученіи диссертацій увѣдомить г. ректора Московскаго университета.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

19 октября 1896 года.

№ 11-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, ректоръ, ординарный профессоръ **А. И Судаковъ**, секретарь факультета, профессоръ **М. Ф. Поповъ**.

Члены: профессоры—**А. П. Коркуновъ, Ф. А. Ерофѣевъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ, П. В. Буржинскій. Е. С. Образцовъ. И. С. Поповскій, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Вернеръ, М. Н. Поповъ, А. Е. Смирновъ, и А. А. Введенскій**

Отсутствовали: профессоръ **Бѣликовъ**—по служебнымъ обязанностямъ, **Н. Ф. Кащенко**—по болѣзни, **В. Н. Великій, Э. А Леманъ, И. Н. Грамматикати, Э. Г. Салищевъ** и **А. М. Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ—**Ф. Я Капустинъ, И. И. Суданевичъ, Ф. К. Крюгеръ** и **Д. И. Тимоееевскій.**

Содержаніе: Производство и утвержденіе проф. Крюгера, Роговича, Смирнова, Поповскаго и Судакевича въ чинахъ. Увольненіе Орлова, фонъ Леша и Мазаева отъ должностей ординатора хирур. факул. клиники, лаборанта медицинской химіи и ординатора офтальмологической клиники. Назначеніе Барса на должность лаборанта каѳедры медицинской химіи. Обсужденіе вопроса о преподаваніи аналитической химіи и объ ассигнованіи лабораторіи общей химіи 1000 р. изъ спеціальн. сред. у-та. Празднованіе годичнаго акта университета. Избраніе лѣкаря Ольгскаго на должность ординатора офтальмологической клиники. Заявленіе проф. Смирнова объ ассигнованіи на нужды гистологическаго кабинета 1000 р. Письмо Зимина о томъ, что пожертвованіе на бактеріологическій институтъ онъ можетъ сдѣлать въ октябрѣ м-цѣ 1897 года. Допущеніе лѣкарей: Касторскаго, Соколова, Вершинина, Бутягина, Архангельскаго и Теплашина къ испытаніямъ на д-ра медицины. О выпискѣ книгъ для каѳедры топографической анатоміи. Результатъ перезкзаменовокъ студентовъ Львова и Олюнина. Избраніе проф. М. Н. Попова въ непремѣнные члены отъ у-та въ общество вспомощ. учащимся въ Томскѣ. О высылкѣ извѣстій У-та въ редакцію Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи. Пожертвованіе въ библіотеку университета книгъ.—

---

1. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія № 10.

Слушали:

2. Предложенія г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа:

а) Отъ 21 сентября сего года за № 2746:

«Вслѣдствіе представленій отъ 23 января, 8 марта и 10 апрѣля текущаго года за №№ 301, 1034 и 1336, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета надворный совѣтникъ Крюгеръ Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 августа текущаго года за № 49 произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 1 февраля 1895 года, и тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ утверждены со старшинствомъ въ чинахъ коллежскаго совѣтника: профессоры названнаго университета—ординарный Роговичъ—съ 1 апрѣля 1890 года и экстраординарный надворный совѣтникъ Смирновъ—съ 5 сентября 1895 года и коллежскій ассесоръ Поповскій—съ 11 марта 1892 года и надворнаго совѣтника экстраординарный профессоръ упомянутаго университета Судакевичъ—съ 7 марта 1888 года.

При семъ возвращаются документы г. Крюгера—дипломъ на степень доктора медицины за № 159, Роговича—дипломъ на степень доктора медицины за № 2400, и

метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи за № 125, г. Смирнова—дипломъ на степень доктора медицины за № 2963, г. Поповскаго—дипломъ на степень доктора медицины за № 3129 и г. Судакевича—дипломъ на степень доктора медицины за № 283 и метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи за № 9620».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

б) Отъ 27 сентября сего года за № 2802:

«Вслѣдствіе представленія отъ 25 сего сентября за № 3672, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что ординаторъ Императорскаго Томскаго университета по хирургической факультетской клиникѣ, Константинъ Орловъ согласно прошенію увольняется мною отъ означенной должности съ 1 октября сего года».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ 27 сентября сего года за № 2806:

«Вслѣдствіе представленія отъ 23 сентября 1896 года за № 3647, имѣю честь возвратить при семъ къ Вашему Превосходительству, по минованіи надобности, журналъ Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 24 августа текущаго года за № 9».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

г) Отъ 3 октября сего года за № 2850:

«Вслѣдствіе представленія отъ 30 истекшаго сентября за № 3742, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что лаборантъ Императорскаго Томскаго университета по каѳедрѣ медицинской химіи, кандидатъ химіи, коллежскій ассесоръ фонъ-Лешъ, согласно прошенію уволенъ мною отъ означенной должности съ 1 октября сего года.

Что же касается изложеннаго въ возвращаемомъ при семъ прошеніи фонъ-Леша ходатайства о причисленіи его къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, то съ таковымъ ходатайствомъ г. Лешъ надлежитъ обратиться непосредственно къ Его Сіятельству г. Министру».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

д) Отъ 3 октября сего года за № 2851:

«Вслѣдствіе представленія отъ 30 истекшаго сентября за № 3743, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что ординаторъ Императорскаго Томскаго университета по факультетской офталмологической клиникѣ лѣкарь Павелъ Мазаевъ, за переходомъ его на службу въ другое вѣдомство, отчисленъ мною отъ должности ординатора съ 1 августа сего года».

Востановили: принять къ свѣдѣнію.

е) Отъ 9 сего октября за № 2941.

«Вслѣдствіе представленія отъ 2 сего октября за № 3760, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что младшій врачъ 117 пѣхотнаго Ярославскаго полка, лѣкарь Дитмаръ-Альвинъ-Вольдемаръ Барсъ назначается мною лаборантомъ Императорскаго Томскаго университета по каѳедрѣ медицинской химіи съ 1 октября сего года.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что мною вмѣстѣ съ симъ сдѣлано сношеніе съ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія о переводѣ въ Ваше вѣдѣніе на

Томскую Казенную Палату причитающихся г. Барсу прогонныхъ денегъ на проѣздъ отъ г. Москвы до г. Томска и пособія, для выдачи ему таковыхъ по прибытіи его къ мѣсту службы.

Послужной списокъ г. Барса и удостовѣреніе командующаго Ярославскимъ полкомъ за № 2935 при семъ возвращаются».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3. По предложенію г. Ректора университета обсуждали вопросъ объ организаціи преподаванія аналитической химіи въ текущемъ учебномъ году, занятія по которой въ настоящее время не ведутся, хотя согласно плану они должны производиться съ начала учебнаго года.

По этому вопросу проф Вернеръ высказалъ слѣдующее: въ настоящее время практическія занятія аналитической химіей со студентами I курса за недостаткомъ химическихъ матеріаловъ не могутъ производиться; переносить эти занятія на II курсъ неудобно потому, что на этомъ курсѣ много другихъ занятій съ одной стороны, а съ другой преподаваніе физіологической химіи и фармаціи требуетъ предварительнаго знакомства съ аналитической химіей; по этому, по его мнѣнію, лучшій выходъ изъ настоящаго положенія—читать въ текущемъ году студентамъ I курса аналитическую химію теоретически и при испытаніяхъ изъ нея ограничиться устными отвѣтами.

Проф. Сапожниковъ и проф. Коркуновъ предложили сократить курсъ аналитической химіи въ виду ограниченности средствъ лабораторіи, но дать студентамъ возможность практически ознакомиться съ методами анализа и опредѣленіемъ хотя нѣсколькихъ металловъ изъ каждой группы, такъ какъ теоретическое чтеніе аналитической химіи не научитъ ихъ опредѣленію химическихъ элементовъ. Лучше если студенты продѣлаютъ половину или четверть того, что нужно, чѣмъ ничего. Въ виду этого желательно было-бы поспѣшить выписать химическія вещества не изъ заграницы, а изъ Россіи, напримѣръ—изъ Москвы и въ слѣдующемъ полугодіи организовать практическія занятія по химіи для студентовъ I курса. Если бы оказалось невозможнымъ устроить эти занятія во второмъ полугодіи этого года, можно было бы перенести ихъ на первое полугодіе слѣдующаго года, т. е. для настоящаго 1 курса на третьемъ семестрѣ, съ тѣмъ чтобы 2 полугодіе слѣдующаго года было предоставлено для практическихъ занятій химіею студентовъ будущаго перваго курса.

Проф. Вернеръ замѣтилъ, что и въ настоящее время въ теченіе года всѣ 5 группъ металловъ продѣлываютъ изъ курса человѣкъ 10 студентовъ, большинство продѣлываетъ три группы, нѣкоторые двѣ, такъ что для большинства, слѣдовательно, курсъ практическихъ занятій сокращенъ; дальнѣйшее сокращеніе онъ считаетъ невозможнымъ, такъ какъ студенты не научились бы думать аналитически.

Послѣ этого г. Предсѣдатель поставилъ на голосованіе слѣдующій вопросъ: прочесть ли настоящему I курсу аналитическую химію въ текущемъ учебномъ году теоретически—(предложеніе проф. Вернера)—или пройти ее практически въ теченіе I полугодія слѣдующаго учебнаго года, т. е. на III семестрѣ, при чемъ второе полугодіе будетъ предоставлено для практическихъ упражненій въ аналитической химіи со студентами будущаго I курса (предложеніе проф. Сапожникова).

7 членовъ высказалось за теоретическое и 6 за практическое преподаваніе аналитической химіи.

Постановили: прочесть настоящему I курсу аналитическую химію теоретически въ текущемъ году.

Послѣ этого постановленія профессорами Коркуновымъ и Сапожниковымъ былъ поднятъ вопросъ—не слѣдуетъ ли отказаться отъ ходатайства предъ г. Попечителемъ учебнаго округа объ ассигнованіи 1000 руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета на содержаніе химической лабораторіи въ текущемъ году—см. журналъ Совѣта № 10, —когда настоящій первый курсъ практически аналитической химіей заниматься не будетъ.

Совѣтъ высказался, за оставленіе этого ходатайства въ силѣ съ тѣмъ, чтобы 1000 рублей была употреблена на заблаговременную выписку химическихъ матеріаловъ для практическихъ занятій аналитической химіей въ слѣдующемъ учебномъ году со студентами будущаго I курса.

4. По заявленію г. Предсѣдателя о празднованіи годичнаго собранія университета 22 сего октября.

Постановили:

1) Объявить объ этомъ въ мѣстныхъ газетахъ и разослать соотвѣтствующія приглашенія.

2) Представленную проф. Буржинскимъ рѣчь подъ заглавіемъ: «Современный взглядъ на цѣлительную силу природы» къ произнесенію на актѣ одобрить.

5. Секретарь факультета доложилъ о томъ, что на темы, предложенныя студентамъ и постороннимъ слушателямъ на соисканіе наградъ никѣмъ изъ студентовъ работъ не представлено, и просилъ гг. профессоровъ дать новыя на слѣдующій годъ.

Постановили: назначеніе темъ для сочиненій студентовъ на предстоящій годъ отложить до слѣдующаго засѣданія.

Слушали:

6. Заявленіе проф. Ф. А. Ерофѣева слѣдующаго содержанія:

«Представляя на освободившуюся должность штатнаго ординатора при офтальмологической клиникѣ нынѣ окончившаго государственный экзаменъ, лѣкаря съ отличіемъ Арсенія Ольгскаго, покорнѣйше прошу Совѣтъ университета, избравъ лѣкаря Ольгскаго въ настоящемъ своемъ засѣданіи, ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа объ утвержденіи его въ сказанной должности». По произведенной баллотировкѣ лѣкарь Ольгскій оказался избраннымъ единогласно.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о назначеніи лѣкаря Арсенія Ольгскаго ординаторомъ факультетской офтальмологической клиники.

7. Заявленіе проф. А. Е. Смирнова слѣдующаго содержанія:

«Въ виду увеличенія количества студентовъ на 3 и 4 семестрахъ въ будущемъ 1897—98 академическомъ годѣ, имѣю честь заявить Совѣту университета, что для веденія обязательныхъ практическихъ занятій по гистологіи необходимы: во 1-хъ своевременное расширеніе помѣщеній гистологическаго кабинета, во 2-хъ немедленное пособіе въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ 1000 рублей не пріобрѣтеніе 7—10 микроско-

новъ, инструментовъ—какъ-то: скальпелей, ножницъ, пинцетовъ, бритвъ,—стеклянной посуды, термостата, терморегуляторовъ, печи для высиживанія яицъ, пяти столовъ и 12 табуретовъ для практическихъ занятій студентовъ.

Съ своей стороны имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ университета разрѣшить просимое мною и войти съ ходатайствомъ объ этомъ предъ Его Превосходительствомъ г. Попечителемъ».

Постановили: отложить обсужденіе заявленія проф. Смирнова до слѣдующаго засѣданія Совѣта.

8. Письмо г. Зимина изъ г. Иркутска на имя проф. Курлова слѣдующаго содержанія:

«Въ дополненіе къ моему письму отъ 3 и моей телеграммѣ отъ 19 сентября сего года считаю нужнымъ сообщить Вамъ, что утвержденіе меня и моихъ братьевъ въ правахъ наслѣдства къ имуществу, оставшемуся послѣ умершей нашей сестры Зинаиды Тимофеевны Чуриной, состоится не ранѣе января будущаго года.

По этому наслѣдству перешелъ ко мнѣ и къ моимъ братьямъ искъ на 340 тысячъ рублей предъявленный въ Иркутскій губернскій судъ покойной моей сестрой объ уничтоженіи домашняго духовнаго завѣщанія ея мужа Ивана Яковлевича Чурина и объ утвержденіи къ исполненію его же нотаріальнаго духовнаго завѣщанія.

Окончательное рѣшеніе суда по этому иску можетъ вступить въ законную силу не ранѣе мая будущаго года, кромѣ того въ суммѣ этого иска заключаются векселя на 130 тысячъ рублей, платежи по которымъ назначены въ октябрѣ будущаго года.

Слѣдовательно мое намѣреніе, выраженное въ письмѣ къ Вамъ отъ 3 сентября сего года, можетъ вполнѣ осуществиться только въ томъ случаѣ, если вышеозначенный искъ будетъ рѣшенъ въ мою пользу, и не ранѣе октября будущаго года, т. е. по полученіи денегъ по векселямъ.

Содержаніе этого письма прошу сообщить Совѣту университета».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

9. Доложены прошенія лѣкарей—Николая Касторскаго, Александра Соколова, Николая Вершинина, Павла Бутягина, Константина Архангельскаго и Петра Тепляшина—о допущеніи ихъ къ испытаніямъ для полученія степени доктора медицины.

Постановили: означенныхъ лѣкарей къ испытаніямъ на степень доктора медицины допустить.

10. Заявленіе проф. Введенскаго слѣдующаго содержанія:

«Представляя при семъ списокъ книгъ, нужныхъ для преподаванія топографической анатоміи и оперативной хирургіи, имѣю честь просить Совѣтъ сдѣлать постановленіе о выпискѣ оныхъ».

Означенный въ заявленіи списокъ книгъ прилагается въ концѣ настоящаго журнала въ подлинникѣ.

Постановили: выписку означенныхъ въ спискѣ книгъ для библіотеки университета разрѣшить, отнеся расходы по ней 150 р. на счетъ остатковъ отъ смѣтныхъ библіотечныхъ суммъ, а при отсутствіи оныхъ на счетъ % съ библіотечнаго Сибиряковскаго капитала.

11. Секретарь факультета доложилъ о томъ, что допущенные къ переэкзаменовкѣ изъ органической химіи студенты 2 курса Львовъ Леонидъ и Олюнинъ Иванъ

при испытаніи 25 сентября сего года окончили оное удовлетворительно, получивъ каждый баллъ—3—три.

Постановили: студентамъ Львову и Олюнину, какъ выдержавшимъ полукурсовое испытаніе въ полномъ объемѣ, зачесть четвертое полугодіе и допустить къ слушанію предметовъ третьяго курса.

12. Производили избраніе въ непремѣнные члены отъ университета въ Правленіе Общества вспомоществованія учащимся въ г. Томскѣ на мѣсто слагающаго съ себя обязанности непремѣннаго члена, Предсѣдателя Общества проф. Е. С. Образцова.

Избраннымъ оказался проф. М. Н. Поповъ, который и выразилъ на это свое согласіе.

13. Редакція Ежегодника по Геологіи и Минералогіи Россіи—въ посадѣ Новая Александрія,—извѣщая о высылкѣ въ университетъ своего изданія, по мѣрѣ выхода его въ свѣтъ, проситъ высылать ей Извѣстія Императорскаго Томскаго университета.

Постановили: высылать Извѣстія Университета въ редакцію Ежегодника по Геологіи и Минералогіи Россіи.

14. Директоръ училищъ Акмолинской и Семипалатинской областей препроводилъ въ университетъ два выпуска «Рѣчей Лисія», пожертвованныхъ преподавателемъ Омской гимназіи Версиловымъ для университетской библіотеки.

Постановили: о полученіи означеннаго сочиненія увѣдомить г. Директора училищъ Акмолинской и Семипалатинской областей.

СПИСОКЪ

книгъ, предполагаемыхъ къ выпискѣ въ кабинетъ оперативной хирургіи Томскаго Университета.

Kobelt. Die männlichen und weiblichen Wollustargane. Freiburg in Breslau. 1844.

Kohlrausch. Zur Anatomie und Physiologie der Becken organe. 1854.

Paulet et *Sarazin.* Traité d'anatomie chirurgicale.

Sappey. Traité d'anatomie descriptiue 1888—89.

Gerlach. Handbuch der speciellen anatomie der Menschenin topographischer Besihung.

Kocher. Operationslctre. 1895. zweite Ausg.

Ollier. Traité des resections. III volumes.

Шовель и *Нимье.* Практическое руководство къ полевой хирургіи. Пер. съ франц. 2 тома. Томъ I. 1895 . . . . . 1 р. 60 к.

Гельферихъ. Атласъ и краткія основы травматическихъ вывиховъ и переломовъ. 1895 . . . . . 3 » — »

Лессеръ. Хирургическая помощь въ случаяхъ, угрожающихъ жизни непосредственной опасностью. 1881. . . . . 1 » 50 »

Томасъ. Руководство къ неотложнымъ операціямъ. 1881. . . . 2 » 50 »

Эсмархъ и *Кавальчиъ*. Хирургическая техника.
Т. 1-й Ученіе о повязкахъ,
Т. 2-й Ученіе объ операціяхъ . . . . . 2 р. 50 к.
Т. 3-й Дополнительный томъ . . . . . 2 » 50 »

Hildebrand. Grundriss der chirurgisch-topographischen Anatomie Berlin . . . . . 7 Mr.

Hasse. Hand atlas der sensiblen und motorischen Gebiete der Hiru nnd Rückenmarksnerven . . . . . 12 » 60 »

Ollier. La regenerationdes as et les résections sous-periost.

Baunis et Bonchard. Traité d'Anatomie.

Poirier et Charpy. Traité d'anatomie humain.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

16 ноября 1896 года.

№ 12-й.

Присутствовали: предсѣдатель ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ**, секретарь факультета, ординарный профессоръ **М. Ф. Поповъ**.

Члены, ординарные профессоры: **В. Н. Великій, Ф. А. Ерофѣевъ, И. Н. Грамматикати, А. П. Коркуновъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ**; экстра-ординарные профессоры: **Е. С. Образцовъ, П. В. Буржинскій, Ф. Я. Капустинъ, И. С. Поповскій, В. В. Сапожниковъ, Ф. К. Крюгеръ, М. Н. Поповъ, А. Е. Смирновъ, А. А. Введенскій**.

Отсутствовали: проф. **Бѣликовъ**—по служебнымъ обязанностямъ; профессоры: **Н. Ф. Кащенко, Э. А. Леманъ, Е. В. Вернеръ, И. Судакевичъ**—по болѣзни; **Э. Г. Салищевъ** и **А. М. Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ.

Содержаніе: Баллотированіе лѣкарей Левашева и Касторскаго на должности лаборанта діагностики и ординатора терап. фак. клиники. Утвержденіе г. Попечителемъ уч. окр. постановленія Совѣта о перемѣщеніи прозекторовъ Геркена и Чугунова одного на мѣсто другого и о допущеніи лѣкарей Рункевича и Кытманова къ врем. исп. должн. ординаторовъ при хирургич. факульт. клиникѣ и клиникѣ первичныхъ болѣзней. Ассигнованіе на гистологическую лабораторію 1000 руб. изъ проц. съ капитала Западворова. Отзывъ коммиссіи, избранной для разсмотрѣнія работы г. Дочевскаго, представленной имъ въ качествѣ диссертаціи на д-ра медицины. Командированіе проф. Образцова на съѣздъ сифилидологовъ въ Петербургъ. Разсмотрѣніе преподаванія и программъ по оперативной хирургіи и хирургической анатоміи. Прошеніе д-ра медицины Тимашева объ избраніи его приватъ-доцентомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Баллотировка лѣкарей Левашова, Касторскаго, Орлеанскаго, Глѣбовскаго и Добромыслова на должности лаборанта и ординаторовъ клиникъ. Предложеніе Предсѣдательствующаго о помѣщеніи въ журналахъ Совѣта телеграммъ, полученныхъ въ день университетскаго акта. Заявленіе прозекторовъ Геркена и Чугунова о напечатаніи въ Извѣстіяхъ университета ихъ работъ. Назначеніе темъ студентама для сочиненій. Утвержденіе гг. Апрѣлева, Файнберга, Прудаева и г-жи Мошковичъ въ званіи аптекарскаго помощника и городской повивальной бабки. Письмо г. Бычкова о пожертвованіи шкурки, скелета евражки и коллекціи насѣкомыхъ. Пожертвованіе г. Обручевымъ дублетовъ ихъ коллекціи, собранной экспедиціей въ Нагорную Азію. Поступленіе въ библіотеку университета книгъ.

---

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 19 октября за № 11.

Слушали:

2. Предложенія г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа:

а) Отъ 25 октября сего года за № 3552:

«Вслѣдствіе представленія отъ 24 текущаго октября за № 4021, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я въ настоящее время не признаю возможнымъ утвердить постановленіе Совѣта Томскаго Университета отъ 21 минувшаго сентября за № 10—о перемѣщеніи штатнаго ординатора терапевтической факультетской клиники лѣкаря Левашева на вакантную должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики и сверхштатнаго ординатора названной клиники лѣкаря Касторскаго штатнымъ ординаторомъ той же клиники, такъ какъ на основаніи ст. 27 и 39 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, а также Высочайше утрержденнаго 25 мая 1888 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ учрежденіи Томскаго Университета должностныя лица избираются баллотировкою въ засѣданіяхъ Совѣта; изъ представленной же мнѣ выписи ст. 4 журнала засѣданія Совѣта

Томскаго Университета не усматривается, что г.г. Касторскій и Левашевъ, избираемые на новыя должности подвергались установленному баллотированію».

Постановили: подвергнуть лѣкарей Касторскаго и Левашева баллотированію на указанныя должности, въ настоящемъ засѣданіи Совѣта.

б) Отъ 26 октября сего года за № 3159:

«Вслѣдствіе представленія отъ 24 сего октября за № 4022, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я утверждаю представленную мнѣ въ выпискѣ статью 9 журнала Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 21 минувшаго сентября за № 10 о перемѣщеніи прозектора каѳедры нормальной анатоміи Геркена и исправляющаго должность прозектора каѳедры оперативной хирургіи Чугунова, одного на мѣсто другого, съ 1 октября сего года, если названные прозекторы изъявили на это свое согласіе».

Названныя лица письменно изъявили г. Ректору Университета свое согласіе на сказанное перемѣщеніе.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ 26 октября сего года за № 3161:

«Вслѣдствіе представленія отъ 24 сего октября за № 4023, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что, согласно представленной мнѣ въ выпискѣ ст. 8 постановленія Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 21 минувшаго сентября за № 10, лѣкарь Михаилъ Рункевичъ допущенъ мною къ временному исправленію изъ платы по найму должности ординатора при клиникѣ нервныхъ болѣзней съ 18 сентября сего года.

Удостовѣреніе на степень лѣкаря г. Рункевича при семъ возвращается».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

г) Отъ 28 октября сего года за № 3177:

«Вслѣдствіе представленія отъ 24 текущаго октября за № 4034, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что лѣкарь Кытмановъ допускается мною къ временному исполненію, изъ платы по найму, обязанностей сверхштатнаго ординатора хирургической факультетской клиники Томскаго университета съ 1 октября сего года.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что объ утвержденіи Кытманова въ означенной должности или же о переименованіи должности сверхштатнаго ординатора въ должность сверхштатнаго ассистента при упомянутой клиникѣ мною будетъ сдѣлано представленіе г. Министру Народнаго Просвѣщенія».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3. Разсматривали заслушанное въ прошедшемъ засѣданіи Совѣта заявленіе проф. Смирнова объ единовременномъ ассигнованіи 1000 р. на пріобрѣтеніе для гистологической лабораторіи 7—10 микроскоповъ и другихъ инструментовъ, стеклянной посуды, нѣкоторыхъ приборовъ и мебели.

При этомъ многіе члены Совѣта высказали, что главный мотивъ для своего ходатайства, указанный проф. Смирновымъ, именно увеличеніе числа студентовъ на первыхъ двухъ курсахъ имѣетъ значеніе не для одной гистологіи, а и для другихъ каѳедръ, такъ какъ вобще при настоящихъ средствахъ Университета принимать безъ ущерба для практическаго преподаванія болѣе 100—120 человѣкъ на первый курсъ

невозможно. Поэтому въ виду значительнаго увеличенія числа поступающихъ въ Университетъ, желательно было бы ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о соотвѣтствующемъ увеличеніи средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

По отношенію къ ходатайству проф. Смирнова г. Предсѣдатель заявилъ, что ассигнованіе 1000 р. можно было бы сдѣлать изъ % съ капитала губ. сек. Ф. П. Занадворова, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ, не найдетъ ли проф. Смирновъ возможнымъ разбѣлить это ассигнованіе на два года, по 500 р. въ годъ.

На это предложеніе проф. Смирновъ замѣтилъ, что при такомъ раздѣленіи всѣ указанныя имъ настоятельныя нужды не покроются и затрудненія для преподаванія гистологіи не устранятся. Въ настоящее время при 300 почти слушателяхъ у него 23 микроскопа и каждый разъ при занятіяхъ недостающіе приходится брать у другихъ, количество инструментовъ ограниченное, многіе изъ нихъ стары, нѣкоторыхъ приборовъ вовсе нѣтъ, столовъ и табуретовъ также недостаточно. Поэтому онъ просилъ бы для пополненія недостающаго ассигновать ему 1000 р. въ одинъ разъ, не раздѣляя на два года.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа объ ассигнованіи 1000 р. изъ % съ капитала губ сек. Ф. П. Занадворова для обзаведенія гистологической лабораторіи недостающими микроскопами и другими предметами, указанными проф. Смирновымъ въ его заявленіи.

4. Слушали отзывы гг. профессоровъ В. Н. Великаго, П. В. Буржинскаго и А. П. Коркунова о работѣ лѣкаря Дочевскаго: «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» (extr. fluidum apocyni cannabini), представленной имъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины.

1) Отзывъ проф. В. Н. Великаго:

«Изученіе дѣйствія веществъ, вліяющихъ на дѣятельность сердца, имѣетъ интересъ не только для терапевта, но и для физіолога. Поэтому добросовѣстныя и подробныя работы въ этой области всегда должны быть встрѣчены сочувствіемъ какъ врачей, такъ и физіологовъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствіи сердечныхъ средствъ, особенно въ терапевтическомъ ихъ примѣненіи, царитъ эмпиризмъ, такъ какъ фармакологи только недавно стали примѣнять экспериментальные физіологическіе методы изслѣдованія въ своихъ работахъ, да отчасти и отъ того, что спеціалисты физіологи новой школы—за исключеніемъ французской—мало занимаются фармакологическими вопросами. Терапевтамъ же при такомъ положеніи дѣла приходится поневолѣ идти ощупью въ примѣненіи того или другого средства. Поэтому всякая попытка приподнять завѣсу надъ таинственнымъ дѣйствіемъ всякаго новаго сердечнаго средства должна быть встрѣчена съ сочувствіемъ.

Къ такимъ добросовѣстнымъ попыткамъ принадлежитъ трудъ врача И. И. Дочевскаго: «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника». Во введеніи авторъ знакомитъ насъ съ историческимъ ходомъ открытія и терапевтическаго примѣненія изслѣдуемаго имъ средства. Изъ этого обзора видно, насколько мало было разработано дѣйствіе этого сердечнаго яда. Задачею автора было по возможности подробно изслѣдовать физіологическое дѣйствіе даннаго яда на сердце, кровообращеніе,

мочеотдѣленіе, дыханіе и терапевтическое дѣйствіе на человѣкѣ. Къ данному труду приложены многочисленныя таблицы кривыхъ, записанныхъ соотвѣтствующими приборами, или составленныхъ на основаніи цифровыхъ данныхъ, какъ у животныхъ, такъ и у больныхъ. Сопоставленіе этихъ кривыхъ служитъ къ наглядному доказательству положеній автора. Весьма пріятно указать на критическое отношеніе автора къ значенію и ширинѣ примѣненія подробно изслѣдованнаго имъ средства и указанія условія этого примѣненія.

Осторожность примѣненія въ терапіи данныхъ, пріобрѣтенныхъ при физіологическомъ изслѣдованіи на животныхъ указываетъ на серіозное отношеніе автора къ своей работѣ.

Поэтому съ своей стороны считаю данный трудъ автора вполнѣ отвѣчающимъ своей цѣли».

2) Отзывъ проф. П. В. Буржинскаго:

«Изслѣдованіе И. И. Дочевскаго подъ заглавіемъ «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» представляетъ собою солидный трудъ, состоящій изъ большого числа наблюденій и опытовъ, произведенныхъ въ фармакологической лабораторіи и въ терапевтической клиникѣ.

Фармакологической части предпосланъ литературный обзоръ свѣдѣній о дѣйствіи конопельнаго тайника, имѣющихся въ медицинской литературѣ.

Въ цѣломъ видѣ опытовъ на хладнокровныхъ (лягушкахъ) и теплокровныхъ животныхъ (собакахъ) онъ изучилъ измѣненія въ кровяномъ давленіи и дѣятельности сердца, которыя производитъ это сердечное средство. Здѣсь авторъ держался тѣхъ методовъ изслѣдованія, которые употреблялись обыкновенно многочисленными его предшественниками, изучавшими вещества, дѣйствующія на сердце.

Но особенное вниманіе обращаютъ на себя опыты автора, направленные къ объясненію мочегоннаго дѣйствія изучаемаго средства и вліяніе его на дыханіе, которое претерпѣваетъ рѣзкія и характерныя измѣненія подъ вліяніемъ конопельнаго тайника. Результаты этихъ послѣднихъ опытовъ выражены въ видѣ совершенно объективныхъ и точныхъ данныхъ, такъ какъ авторъ при помощи особыхъ приспособленій не только имѣлъ возможность записать на безконечной лентѣ бумаги частоту и характеръ вдоха и выдоха, но точно также измѣрить и отмѣтить количество воздуха, проходящаго чрезъ легкія въ единицу времени.

Изслѣдованіе вліянія новаго сердечнаго средства на дѣятельность почекъ и дыханія я считаю немаловажной заслугой автора предъ клиникой.

Во второй части своего труда авторъ приводитъ результаты своихъ 12 наблюденій надъ дѣйствіемъ средства при соотвѣтствующихъ заболѣваніяхъ.

Наблюденія эти обставлены вполнѣ удовлетворительно со стороны требованій строго научнаго опыта.

Каждая исторія болѣзни сопровождается таблицами цифръ и иллюстрируется прекрасно составленными кривыми пульса, дыханія и количества мочи — обстоятельство, облегчающее читателю возможность легко разобраться въ данныхъ опыта.

На основаніи изложеннаго я признаю, что трудъ автора обладаетъ тѣми научными достоинствами, которыя даютъ ему право представить его въ видѣ диссертаціи на степень доктора медицины».

3) Отзывъ проф. Коркунова:

„Имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Томскаго университета, что работа докторанта И. И. Дочевскаго подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника», представленная въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины, по порученію Совѣта мною прочитана и я могу дать о ней самый лучшій, думаю, вполнѣ заслуженный отзывъ.

Весь трудъ г. Дочевскаго раздѣляется на двѣ части; въ первой изъ нихъ—экспериментальной—изложены способы изслѣдованія и тѣ результаты, которые получены авторомъ при изученіи вліянія средства на кровообращеніе, дыханіе и мочеотдѣленіе. Что касается этой части работы, то, по моему мнѣнію, всѣ фармакологическіе опыты поставлены вполнѣ правильно, способы изслѣдованія употреблялись или общеупотребительные, и при томъ наиболѣе современные, или, если вводились новые, то построенные на раціональныхъ основаніяхъ; все это даетъ мнѣ право высказаться, что и результаты, къ которымъ приходитъ авторъ, вполнѣ надежны и навряд ли допускаютъ какія либо серьезныя возраженія и я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи найду подтвержденіе во мнѣніи болѣе компетентныхъ и ближе стоящихъ по своей спеціальности къ этой части работы такихъ судей, какъ проф. В. Н. Великій и П. В. Буржинскій.

Во второй клинической части довольно подробно описаны 12 случаевъ, въ которыхъ примѣнялось съ лѣчебною цѣлью extr. fluidum apocyni cannabini; изъ нихъ многіе снабжены весьма демонстративными кривыми пульса, кровянаго давленія, дыханія, количества мочи и вѣса больныхъ; всѣ эти случаи служатъ подтвержденіемъ фармакологическихъ изысканій и прекрасной иллюстраціей благопріятнаго и сильнаго вліянія изучаемаго средства въ подходящихъ случаяхъ разстройства кровообращенія.

Хотя эти наблюденія не исчерпываютъ, конечно, всего клиническаго интереса и для дальнѣйшаго изученія остается, вѣроятно, еще много не подмѣченныхъ особенностей или не досказаннаго, тѣмъ не менѣе и въ настоящее время, на основаніи работы г. Дочевскаго, мы имѣемъ ясное представленіе о дѣйствіи конопельнаго тайника, знаемъ въ существенныхъ чертахъ—чего мы должны ожидать отъ этого средства и чего бояться; поэтому я думаю, что эта работа обратитъ вниманіе и другихъ клиницистовъ и самое средство въ силу своего интензивнаго и во многихъ случаяхъ благопріятнаго дѣйствія войдетъ въ практику и займетъ выдающееся мѣсто въ ряду другихъ сердечныхъ средствъ.

На основаніи всего сказаннаго я считаю означенную работу Дочевскаго не только вполнѣ достаточной для представленія въ качествѣ диссертаціи, но и признаю ее за солидный трудъ, обогатившій нашу терапію еще однимъ далеко не лишнимъ сердечнымъ средствомъ. Подобное мое отношеніе сдѣлается еще понятнѣе, если я прибавлю, что 11 изъ 12 больныхъ, прошли въ клиникѣ предъ моими глазами и я былъ свидѣтелемъ той тщательности, какъ при наблюденіи больныхъ, такъ и при критической оцѣнкѣ получаемыхъ явленій: поэтому я могу подтвердить и тѣ выводы, которые явились результатами двухгодичнаго клиническаго труда».

Постановили: согласно журнальному опредѣленію отъ 21 сентября с. г.—жур. Совѣта № 10—работу лѣкаря Дочевскаго «Матеріалы къ фармакологіи жидкой

вытяжки конопельнаго тайника», представленную имъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины, напечатать въ Извѣстіяхъ Университета, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи 300 экземпляровъ ея было представлено въ Совѣтъ Университета.

5. Г. Предсѣдатель сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: предложеніемъ г. Попечителя учебнаго округа отъ 3 января т. г., доложеннымъ въ засѣданіи Совѣта 20 января, Университетъ приглашенъ принять участіе въ имѣющемъ быть въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года съѣздѣ для выработки общаго плана борьбы съ сифилисомъ, представителей отъ различныхъ вѣдомствъ, пекущихся о народномъ здравіи, профессоровъ-спеціалистовъ и врачей см. жур. Сов. 20 января 1896 года № 1.—Участіе Университета должно было состоять въ разработкѣ намѣченныхъ программою занятій Съѣзда вопросовъ и командированіи на Съѣздъ представителей отъ Университета. Тогда же въ засѣданіи 20 января сего года, Совѣтомъ было поручено проф. Образцову представить по этому дѣлу свои соображенія и заключенія. Затѣмъ въ засѣданіи 30-го мая проф. Образцовъ заявилъ, что имъ приготовленъ на поименованный Съѣздъ докладъ и просилъ разрѣшенія напечатать его въ Извѣстіяхъ Университета, каковое разрѣшеніе и было ему дано.

Лѣтомъ докладъ былъ напечатанъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ отосланъ въ Медицинскій Департаментъ.

Въ настоящее время проф. Образцовъ изъявляетъ желаніе быть командированнымъ на означенный Съѣздъ съ 6 декабря с. г. по 15 января слѣдующаго и въ случаѣ согласія Совѣта проситъ выдать ему на расходы по поѣздкѣ 300 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

По выслушаніи этого заявленія всѣ члены Совѣта выразили согласіе на командированіе проф. Образцова на предстоящій Съѣздъ; относительно же выдачи ему субсидіи были выражены слѣдующія мнѣнія: проф. Введенскій, ссылаясь на практику Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, высказался за командированіе проф. Образцова съ назначеніемъ ему просимаго пособія въ 300 руб.

Проф. Грамматикати заявилъ слѣдующее: къ разрѣшенію просимой Проф. Образцовымъ командировки онъ не усматриваетъ какимъ-либо препятствій, тѣмъ болѣе, что командировка почти совпадаетъ съ Рождественскими праздниками. Что касается доклада проф. Образцова, напечатаннаго въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и, какъ выяснилось изъ словъ Предсѣдателя, представленнаго въ Медицинскій Департаментъ, то таковой въ Совѣтѣ не былъ доложенъ и не былъ разсмотрѣнъ. А относительно заявленія проф. Образцова объ ассигнованіи ему на поѣздку въ Петербургъ 300 р. онъ, Грамматикати, обращаетъ вниманіе на то, что въ предшествовавшее время обычно командировки профессоровъ на Съѣзды не сопровождались денежными пособіями изъ спеціальныхъ средствъ, такъ, напримѣръ—проф. Курловъ командированъ былъ заграницу безъ пособія и всѣ прочія командировки профессоровъ равнымъ образомъ не требовали со стороны Университета денежныхъ расходовъ. Признавая этотъ порядокъ правильнымъ, онъ, Грамматикати, высказывается противъ ассигнованія денежнаго пособія и въ данномъ случаѣ.

Г. Предсѣдатель замѣтилъ, что онъ полагалъ бы достаточнымъ ограничиться пособіемъ для командировки проф. Образцова въ 200 руб. За такую же сумму высказался проф. Великій.

При произведенномъ затѣмъ голосованіи—одинъ членъ (проф. Грамматикати)—высказался за командированіе проф. Образцова безъ всякаго пособія отъ Университета; три—(Судаковъ, Великій, Капустинъ)—съ пособіемъ въ 200 р. и остальные 13 присутствующихъ—за командированіе съ пособіемъ въ 300 р.

Постановили: ходатайствовать чрезъ г. Попечителя учебнаго округа предъ Его Сіятельствомъ, г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи проф. Образцова въ Петербургъ на имѣющій состояться въ декабрѣ сего года Съѣздъ по выработкѣ общаго плана борьбы съ сифилисомъ, срокомъ съ 6 декабря сего года по 15 января слѣдующаго съ выдачею ему на поѣздку пособія въ количествѣ 300 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

6. Представленіе проф. Роговича слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь представить на вакантную должность штатнаго ординатора факультетской хирургической клиники лѣкаря Александра Александровича Глѣбовскаго и штатнаго ординатора госпитальной хирургической клиники лѣкаря съ отличіемъ Василія Дмитріевича Добромыслова—какъ лицъ, вполнѣ удовлетворяющихъ необходимымъ требованіямъ».

По прочтеніи этого представленія г. Предсѣдатель обратилъ вниманіе на то, что проф. Роговичъ завѣдуетъ госпитальной хирургической клиникой временно, до возвращенія изъ командировки проф. Салищева, т. е. до 15 января слѣдующаго года; поэтому для предупрежденія возможныхъ впослѣдствіи затрудненій, по его мнѣнію лучше было бы отложить избраніе лѣкаря Добромыслова въ ординаторы госпитальной хирургической клиники до пріѣзда проф. Салищева, допустивъ пока представляемаго кандидата къ временному исправленію ординаторской должности.

Проф. Роговичъ замѣтилъ, что предлагаемый имъ кандидатъ на временное исправленіе должности не изъявилъ желанія и съ другой стороны онъ, Роговичъ, получилъ согласіе проф. Салищева на замѣщеніе вакансіи ординатора госпитальной хирургической клиники такимъ лицомъ, какое онъ найдетъ подходящимъ.

Постановили: баллотировать въ настоящемъ засѣданіи лѣкарей Глѣбовскаго и Добромыслова на должность ординатора: перваго при хирургической факультетской клиникѣ, второго—при госпитальной.

8. Представленіе проф. М. Н. Попова на вакантную должность ординатора при факультетской клиникѣ нервныхъ болѣзней лѣкаря съ отличіемъ Леонида Орлеанскаго.

Постановили: подвергнуть г. Орлеанскаго баллотированію въ настоящемъ засѣданіи Совѣта.

7. Обозрѣніе преподаванія въ 1896—97 учебномъ году оперативной хирургіи и хирургической анатоміи и программы курсовъ этихъ наукъ, представленныя проф. Введенскимъ.

Постановили: разсмотрѣнныя обозрѣнія преподаванія и программы оперативной хирургіи и хирургической анатоміи одобрить и представить чрезъ Попечителя учебнаго округа на утвержденіе въ Министерство.

9. Прошеніе ординатора факультетской дѣтской клиники доктора медицины Сергѣя Тимашева:

«Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ университета избрать меня приватъ-доцентомъ для преподаванія курса дѣтскихъ болѣзней.

При семъ имѣю честь представить мой curriculum vitae и печатныя работы:

1) Вторичныя заболѣванія при туберкулезѣ легкихъ (диссер.).

2) Изслѣдованіе воздуха палатъ госпитальной терапевтической клиники Томскаго Университета.

3) Результаты сывороточнаго лѣченія дифтерита амбулаторно и въ дѣтской клиникѣ Императорскаго Томскаго Университета—рукописная».

Curriculum vitae д-ра Тимашева прилагается въ концѣ настоящаго журнала.

Прежде разсмотрѣнія прошенія Тимашева по существу, г. Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Совѣта вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли вообще поступающія въ Совѣтъ прошенія о допущеніи къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцентовъ вмѣстѣ съ работами автора, curriculum vitae и другими приложеніями передавать на предварительное разсмотрѣніе въ комиссію съ тѣмъ, чтобы комиссія потомъ дѣлала въ Совѣтъ докладъ о научныхъ достоинствахъ ищущаго званія приватъ-доцента и подготовленности его къ чтенію лекцій. Предварительное обсужденіе въ комиссіи по его, Предсѣдателя, мнѣнію было бы болѣе полезно для дѣла. Такой порядокъ можетъ облегчить окончательное разрѣшеніе вопроса въ Совѣтѣ, такъ какъ въ числѣ просителей могутъ быть лица мало извѣстныя Университету, и устранить ненужныя споры, возникавшіе у насъ при обсужденіи подобныхъ дѣлъ непосредственно въ засѣданіяхъ Совѣта, безъ предшествовавшаго разсмотрѣнія въ комиссіи.

Что касается прошенія доктора Тимашева, то хотя это лицо всѣмъ членамъ болѣе или менѣе извѣстно, какъ воспитанникъ нашего Университета, онъ, Предсѣдатель, для соблюденія порядка, который считаетъ правильнымъ, полагалъ бы и это прошеніе вмѣстѣ съ работами автора передать въ комиссію.

При обсужденіи этого предложенія Предсѣдателя нѣкоторые члены—(Буржинскій, Сапожниковъ)—высказались противъ обычнаго употребленія изложеннаго порядка и считали возможнымъ къ прошенію г. Тимашева примѣнить непосредственное разсмотрѣніе въ Совѣтѣ. Другіе члены находили предлагаемый порядокъ цѣлесообразнымъ.

При голосованіи вопроса 13 членовъ высказались за предварительное разсмотрѣніе просьбъ о приватъ-доцентурѣ въ комиссіи и 4 члена противъ постояннаго примѣненія такого порядка.

Постановили:

1) прошенія лицъ, ищущихъ званія приватъ-доцента, вмѣстѣ съ работами просителей, куррикулюмъ вите и другими приложеніями передавать на предварительное разсмотрѣніе въ избранную Совѣтомъ комиссію съ тѣмъ, чтобы послѣдняя представляла Совѣту докладъ о научныхъ достоинствахъ кандидата и подговленности его къ чтенію лекцій.

2) Просьбу д-ра Тимашева и его работы поручить предварительному разсмотрѣнію г.г. профессоровъ Коркунова, Курлова и Буржинскаго.

10. Производили баллотированіе лѣкарей, представленныхъ профессорами Коркуновымъ, Роговичемъ и М. Н. Поповымъ для занятій вакантныхъ должностей при клиникахъ;—штатнаго ординатора при терапевтической факультетской клиникѣ Ивана

Левашева на должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики—по представленію проф. Коркунова; сверхштатнаго ординатора факультетской терапевтической клиники Николая Касторскаго на должность штатнаго ординатора при той-же клиникѣ—по представленію проф. Коркунова;

Лѣкаря Александра Глѣбовскаго на должность штатнаго ординатора факультетской хирургической клиники—по представленію проф. Роговича;

Лѣкаря съ отличіемъ Василія Добромыслова—на должность штатнаго ординатора госпитальной хирургической клиники—по представленію проф. Роговича;

Лѣкаря съ отличіемъ Леонида Орлеанскаго на должность ординатора при факультетской клиникѣ нервныхъ болѣзней—по представленію проф. М. Н. Попова.

При баллотированіи получили:

Левашевъ И.	избирательн.	шаровъ—	14,	неизбират.	ни одного.
Касторскій	,,	,,	12	,	1
Орлеанскій Л.	,,	,,	14	,,	1
Глѣбовскій А.	,,	,,	14	,,	1
Добромысловъ В.	,,	,,	12	,,	2

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа.

а) О перемѣщеніи:

1) Штатнаго ординатора при факультетской терапевтической клиникѣ лѣкаря Левашева Ивана—на должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики;

2) Сверхштатнаго ординатора факультетской терапевтической клиники лѣкаря Николая Касторскаго—на должность штатнаго ординатора той же клиники:

и б) О назначеніи:

3) Лѣкаря Леонида Орлеанскаго на должность ординатора факультетской клиники нервныхъ болѣзней;

4) лѣкаря Александра Глѣбовскаго—на должность штатнаго ординатора факультетской хирургической клиники.

и 5) Лѣкаря Василія Добромыслова на должность ординатора госпитальной хирургической клиники.

11. Г. Предсѣдатель предложилъ напечатать въ журналахъ Совѣта поздравительныя телеграммы, которыя были прочитаны на актѣ 22 октября сего года, полученныя отъ врачей Айтбакина, Левковскаго, Петрова, Мицкевича, Григорьева, Сосунова, Коровина, проф. Альбицкаго, И. Г. Гадалова и Вѣры Нарановичъ.

Постановили: означенныя телеграммы напечатать въ приложеніи къ этому журналу.

12. Прозекторъ при каѳедрѣ оперативной хирургіи Геркенъ представилъ свой отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1895—96 году. Отчетъ по мнѣнію Предсѣдателя представляетъ интересъ въ отношеніи описанія нѣкоторыхъ способовъ консервированія труповъ и приготовленія анатомическихъ препаратовъ и можетъ быть напечатанъ въ Извѣстіяхъ Университета.

Постановили: отчетъ д-ра Геркена о заграничной командировкѣ напечатать въ Извѣстіяхъ Университета.

13. Прозекторъ Чугуновъ проситъ напечатать въ Извѣстіяхъ Университета его статью подъ заглавіемъ „Курганы близъ села Вороновскаго, Уртамской волости, Томскаго округа", составляющую продолженіе его „Матеріаловъ для антропологіи Сибири".

Постановили: печатаніе представленной г. Чугуновымъ статьи въ Университетскихъ Извѣстіяхъ разрѣшить.

14. Доложены прошенія лѣкарей: Новосильцева Николая, Глубоковскаго Александра, Соколова Николая, Бочковскаго Павла, Елеонскаго Алексѣя и Краснопольскаго Николая о допущеніи ихъ къ испытаніямъ на званіе уѣзднаго врача.

Постановили: къ испытаніямъ допустить.

15. Доложено прошеніе дворянина Ипполита Феликсова Мисюро о допущеніи его къ испытаніямъ для полученія званія дантиста.

Къ прошенію приложены: 1) свидѣтельство врачебнаго отдѣленія Ковенскаго губернскаго правленія о сдачѣ Мисюро экзамена по зубоврачебному искусству по программѣ для учениковъ, обучающихся у дантистовъ, 2) метрическое свидѣтельство, 3) паспортъ.

Постановили: къ испытаніямъ на званіе дантиста дворянина Ипполита Мисюро допустить.

16. Производили назначеніе темъ студентамъ и постороннимъ слушателямъ для написанія сочиненій на соисканіе наградъ медалями на предстоящій 1897 годъ.

При этомъ профессоры: Судаковъ, Великій, М. Н. Поповъ, Курловъ, Сапожниковъ и М. Ф. Поповъ нашли возможнымъ на слѣдующій годъ оставить темы, данныя ими для настоящаго года.

Проф. Поповскій предложилъ слѣдующую задачу: Сдѣлать нѣсколько препаратовъ симпатической нервной системы у человѣческаго зародыша, у новорожденнаго и у взрослаго и на основаніи этого матеріала представить тщательное описаніе этого отдѣла нервной системы.

Постановили: данныя для сочиненій темы объявить студентамъ и посторонним слушателямъ.

17. Секретарь факультета доложилъ:

1) Объ удовлетворительномъ окончаніи испытанія для полученія званія аптекарскаго помощника аптекарскими учениками: Апрѣлевымъ Анатоліемъ, Файнбергомъ Авраамомъ и Прудаевымъ Иваномъ.

Постановили: удостоить означенныхъ аптекарскихъ учениковъ званія аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать имъ установленныя свидѣтельства.

2) Объ удовлетворительномъ окончаніи испытанія на званіе городской повивальной бабки сельской повивальной бабки Ольги Мошковичъ.

Постановили: удостоить Ольгу Мошковичъ званія городской повивальной бабки, въ чемъ выдать ей установленное свидѣтельство.

18. Доложено письмо А. П. Бычкова изъ г. Якутска, присланное на имя Ректора Университета, слѣдующаго содержанія:

«Испробовавъ недавно способъ прививки бацилла мышинаго тифа по способу Лефлера мѣстнымъ хищникамъ земледѣлія „евражкамъ" (мѣстное названіе), считая ихъ

за разновидность суслика, я потерпѣлъ неудачу: опытъ мнѣ не удался. По моему мнѣнію, опытъ не удался главнѣйшимъ образомъ потому, что я получилъ застарѣлыя бациллы (я употреблялъ ихъ на 50-й недѣлѣ со времени ихъ приготовленія).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня родилось сомнѣніе—нѣтъ ли въ нашемъ „евражкѣ“ какихъ либо органическихъ различій отъ нашего россійскаго суслика, надъ которыми опыты прививки тѣхъ же бацилъ давали прекрасные результаты. Мнѣ кажется, что мое сомнѣніе мало основательно. Я прививалъ тѣми же бациллами тотъ же тифъ и мышамъ, какъ домашнимъ, такъ и полевымъ, и тоже безрезультатно. А это склоняетъ скорѣе къ тому мнѣнію, что не въ органическомъ различіи суслика и „евражки“ дѣло, а въ качествѣ бацилъ. Но все-таки я не могу рѣшить моего сомнѣнія, не узнавъ мнѣнія вполнѣ компетентныхъ лицъ. Таковыми же могутъ быть лишь одни ученые спеціалисты. Къ мнѣнію ихъ чрезъ Ваше посредство я и обращаюсь.

Я досталъ шкурку „евражки“, аккуратно препарированную, досталъ полный скелетъ того же „евражки“. Если всего этого достаточно, чтобы проф. зоологіи или кто-либо изъ другихъ членовъ корпораціи Томскаго Университета могъ дать мнѣ отвѣтъ по поводу моего сомнѣнія—я вышлю Вамъ и шкурку, и скелетъ съ тѣмъ, чтобы и то и другое осталось, если понадобится, собственностью зоологическаго кабинета.

Прошу отвѣтить мнѣ еще на одинъ вопросъ—имѣетъ-ли Томскій Университетъ коллекцію насѣкомыхъ Якутской области. Если нѣтъ, то я могу предложить въ подарокъ Томскому Университету собранную мною коллекцію. Не скажу, чтобы она была особенно полна, но въ ней много интереснаго для спеціалистовъ, состоитъ она изъ нѣсколькихъ сотъ разныхъ насѣкомыхъ.

Меня затрудняетъ одно: способъ пересылки—по почтѣ за плату или безъ платы чрезъ мѣстный статистическій комитетъ; или Вы сами укажите способъ.

Соблаговолите отвѣтить мнѣ и я, воспользовавшись Вашими указаніями, вышлю Вамъ по данному Вами адресу, какъ „евражку“, такъ и свою коллекцію.

Если Вы предпочтете способъ пересылки чрезъ Якутскій областной статистическій комитетъ, то для этого было бы удобнѣе всего Вамъ написать письмо секретарю статистическаго комитета съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе въ пересылкѣ Вамъ коллекціи. Я знаю, что статистическій комитетъ никогда еще не отказывалъ въ такого рода услугѣ“.

Постановили: увѣдомить г. Бычкова, что Университетъ съ благодарностью приметъ предлагаемое имъ пожертвованіе и будетъ просить Якутскій статистическій комитетъ принять участіе въ пересылкѣ его въ городъ Томскъ.

2) Письмо г. Бычкова для отвѣта по поводу „евражки“ и о способѣ укупорки коллекціи насѣкомыхъ передать профессору зоологіи Н. Ф. Кащенко.

19. Начальникъ Забайкальской горной партіи г. Обручевъ въ письмѣ отъ 10 октября сего года увѣдомляетъ, что имя жертвователя, выразившаго желаніе о посылкѣ въ Томскій университетъ дублетовъ изъ коллекцій, собранныхъ экспедиціей въ Нагорную Азію, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1892—1894 г.г.—Иннокентій Петровичъ Сибиряковъ.

Постановили: благодарить Иннокентія Петровича Сибирякова за пожертвованіе имъ дублетовъ изъ коллекцій, собранныхъ экспедиціей въ Нагорную Азію, снаря-

женную Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ въ 1892—1892 г.г.

20. Доложено о поступленіи въ библіотеку университета слѣдующихъ книгъ:

а) Отъ перваго Департамента Министерства Юстиціи: „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II".

б) Отъ Московскаго архива Министерства Юстиціи: „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ Министерства Юстиціи".

в) Отъ главнаго управленія Алтайскаго горнаго округа въ г. Барнаулѣ: „Предварительные отчеты по изслѣдованію почвъ сѣв. части Алтайскаго округа".

г) Отъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы: „Записки общества, книга 2. 1896 г.".

д) Отъ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной библіотеки: „Лососевыя Кавказа" вып. I.—Коврайскаго.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

21. Испытаніе на степень доктора медицины лѣкарей: Архангельскаго, Бутягина, Вершинина, Касторскаго, Соколова и Тепляшина за недостаткомъ времени отложить до слѣдующаго засѣданія Совѣта, имѣющаго быть 23 ноября, въ субботу въ 1 часъ дня.

Предложенія г. Попечителя учебнаго округа отъ 26 октября с. г. за № 3160 было заслушано въ засѣданіи Совѣта 15 ноября подъ пунктомъ ст. 1-й сего журнала, но по недосмотру переписчика пропущено и потому приложено къ концу настоящаго журнала.

д) отъ 26 октября сего года за № 3160:

„Вслѣдствіе представленія отъ 25 сего октября за № 4042, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я не признаю возможнымъ утвердить пунктъ г. ст. 3 журнала засѣданія Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 23 минувшаго сентября за № 10 о дополнительномъ ассигнованіи на содержаніе химической лабораторіи 1000 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета, такъ какъ согласно вышепомянутому представленію, вопросъ о занятіяхъ по аналитической химіи вновь обсуждался въ засѣданіи Совѣта отъ 19 текущаго октября; о результатахъ же обсужденія этого вопроса въ названномъ засѣданіи въ моемъ распоряженіи никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить, что въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта надлежало бы обсудить, согласно предложенію моему, вопросъ о новомъ распредѣленіи штатной суммы—13400 р.—отпускаемой на учебно-вспомогательныя учрежденія. Въ случаѣ, если бы Совѣтъ призналъ возможнымъ отчислять ежегодно на каѳедру общей химіи упомянутую мною сумму въ 1200 р. и тѣмъ не менѣе этотъ кредитъ представлялся бы недостаточнымъ для обезпеченія правильнаго преподаванія названнаго предмета, съ моей стороны не встрѣтилось бы препятствій, по ходатайству Совѣта, къ ежегодному отпуску изъ спеціальныхъ средствъ Университета нѣкоторой суммы (до 400 р.) въ дополненіе къ вышесказанной штатной суммѣ—1200 р. Журналъ Совѣта за № 10 при семъ возвращается".

Постановили: принять къ свѣдѣнію и обсудить вопросъ о новомъ распредѣленіи штатной суммы (13400 р.) на учебно-вспомогательныя учрежденія въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта, при разсмотрѣніи смѣты доходовъ и расходовъ по Университету на 1897 годъ.

Телеграммы, полученныя Университетомъ ко дню его храмоваго праздника—22 октября 1896 года.

1. „Шлю незабвенному и горячо любимому Томскому Университету свой сердечный привѣтъ и самыя лучшія пожеланія. Профессоръ *Альбицкій*".

2. „Горячо поздравляю дорогой Университетъ, земной поклонъ за памятникъ, поставленный на могилѣ покойнаго мужа. Вдова строителя *Вѣра Нарановичъ*".

3. „Ваше Превосходительство, въ торжественный день университетскаго акта почтительнѣйше поздравляю въ лицѣ Вашемъ весь Университетъ и студентовъ съ восьмой годовщиной его плодотворной дѣятельности на пользу нашего дорогого отечества. Да поможетъ Богъ и впредь дѣлу просвѣщенія Сибири, на будущность которой теперь возлагается такъ много надежды. Желая придти на помощь недостаточнымъ студентамъ, прошу принять отъ меня пятьсотъ рублей на внесеніе за нихъ платы за слушаніе лекцій. Староста университетской церкви *Гадаловъ*.

4. „Полный благодарныхъ чувствъ шлю искреннее поздравленіе родному Университету. *Коровинъ*".

5. „Шлю въ девятую годовщину дорогой альмѣ матрисъ сердечный привѣтъ, тысячи благопожеланій учителямъ профессорамъ и студентамъ, желаю успѣха и счастія въ жизни молодымъ товарищамъ. Признательный питомецъ, Курганскій земскій врачъ *Сосуновъ*".

6. „Поздравляю съ праздникомъ, желаю процвѣтать родному Университету. Сахалинъ-Окоръ. Врачъ *Григорьевъ*".

7. „Привѣтствую Университетъ съ днемъ восьмой годовщины, желаю дальнѣйшаго процвѣтанія. Врачъ *Левковскій*".

8. „Поздравляю дорогой Университетъ съ годовымъ праздникомъ. Врачъ *Айтбакинъ*".

9. „Привѣтствую родной Университетъ съ восьмой годовщиной, сохраняю благодарное воспоминаніе о немъ—впервые давшемъ семинаристамъ доступъ къ медицинѣ послѣ долгаго перерыва. Врачъ *Мицкевичъ*".

10. „Поздравляю дорогой Университетъ съ восьмой годовщиной плодотворнаго служенія дорогой родинѣ; желаю скорѣйшаго открытія другихъ факультетовъ, чтобы Университетъ могъ жить болѣе полною жизнью. Врачъ пятаго баталіона *Николай Петровъ. Пржевальскъ*".

Curriculum vitae.

Сергѣй Михайловичъ Тимашевъ, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ діакона, родился въ г. Уфѣ, въ 1866 году. По окончаніи курса въ Уфимской духовной семинаріи съ званіемъ студента, поступилъ въ 1888 году въ Императорскій Томскій университетъ. Будучи студентомъ IV и V курсовъ исправлялъ обязанности помощника ординатора въ факультетской терапевтической клиникѣ. По окончаніи курса въ

1893 г. со степенью лѣкаря съ отличіемъ, въ январѣ 1894 года былъ опредѣленъ ординаторомъ въ госпитальную терапевтическую клинику. Въ теченіе 1893—94 и 1894—95 учебнаго года велъ практическія занятія со студентами III курса по методамъ перкуссіи и аускультаціи и съ ними же производилъ вечерніе обходы больныхъ въ госпитальной терапевтической клиникѣ. Въ теченіе 1894 и 1895 года производилъ амбулаторные, дѣтскіе пріемы при мѣстной общинѣ сестеръ милосердія. Съ октября 1895 года исполнялъ обязанности ординатора факультетской дѣтской клиники, въ каковой должности и утвержденъ въ январѣ 1896 года. Какъ ординаторъ дѣтской клиники, ведетъ ежедневные, амбулаторные, дѣтскіе пріемы больныхъ со студентами IV курса и вечерніе обходы стаціонарныхъ больныхъ съ студентами V курса. Лѣтомъ 1895 года былъ командированъ Совѣтомъ Университета въ институтъ экспериментальной медицины съ научной цѣлью, на четыре мѣсяца.

ПЕЧАТНЫЯ РАБОТЫ.

1) Изслѣдованіе воздуха палатъ госпитальной терапевтической клиники.

2) Вторичныя зараженія при туберкулезѣ легкихъ.

3) Приготовлено къ печати: Результаты лѣченія дифтерита сывороткой амбулаторно и въ дѣтской клиникѣ Императорскаго Томскаго Университета въ теченіе 1895—96 учебнаго года.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

23 ноября 1896 года.

№ 13-й.

Присутствовали: Предсѣдатель Ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ**, секретарь факультета, ординарный профессоръ **М. Ф. Поповъ**.

Члены, ординарные профессоры: **В. Н. Великій, Ф. А. Ерофѣевъ, Э. А. Леманъ, А. П. Коркуновъ, Н. А. Роговичъ и М. Г. Курловъ**; экстраординарные профессоры: **Е. С. Образцовъ, П. В. Буржинскій, Ф. Я. Капустинъ, И. С. Поповскій, Ф. К. Крюгеръ, М. Н. Поповъ, А. Е. Смирновъ, Д. И. Тимоѳеевскій и А. А. Введенскій.**

Отсутствовали: профессоры—**Бѣликовъ, Кащенко, Грамматикати, Вернеръ, Сапожниковъ, Судакевичъ**—по болѣзни; **Салищевъ и Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ.

Содержаніе: Обсужденіе вопроса о замѣщеніи вакантной каѳедры дѣтскихъ болѣзней. Ходатайство прозектора Геркена о допущеніи его къ чтенію лекцій по хирургіи. Порученіе проф. Роговичу принять участіе въ коммиссіи по разсмотрѣнію работъ д-ра Тимашева. Докладъ секретаря факультета а) о назначеніи испытаній для студентовъ II к. изъ органической химіи, б) о допущеніи студ. Лаврушева къ перезкзаменовкѣ изъ физики и в) о выдержаніи г. Мисюро испытанія на званіе дантиста. Производство испытаній на д-ра медицины лѣкарей Соколова, Вершинина, Касторскаго, Архангельскаго, Бутягина и Теплашина.

1. Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія Совѣта 16 ноября № 12.

Слушали:

2. Письмо г. Попечителя учебнаго округа отъ 22 ноября с. г. за № 3467 на имя Ректора Университета слѣдующаго содержанія: «Съ іюля 1895 года послѣ оставленія экстраординарнымъ профессоромъ Бартеневымъ службы въ Томскомъ Университетѣ преподаваніе дѣтскихъ болѣзней, не имѣя въ Университетѣ особаго представителя, временно поручалось съ разрѣшенія Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія профессору госпитальной терапевтической клиники М. Г. Курлову. Срокъ такого порученія истекаетъ въ концѣ настоящаго семестра, т. е. 20 декабря 1896 года. Не считая себя въ правѣ на основаніи § 64 университетскаго устава вновь возбуждать ходатайство о совмѣщеніи каѳедръ и озабочиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіемъ преподаванія дѣтскихъ болѣзней въ слѣдующемъ полугодіи, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта на обсужденіе вопросъ: признаетъ ли Совѣтъ нужнымъ ходатайствовать о замѣщеніи вакантной каѳедры дѣтскихъ болѣзней особымъ сверхштатнымъ профессоромъ или считаетъ достаточнымъ въ виду незначительнаго оклада, присвоеннаго преподавателю дѣтскихъ болѣзней—1500 р.—поручить преподаваніе этого предмета приватъ-доценту съ опредѣленнымъ за это вознагражденіемъ.

Принимая во вниманіе, что въ томъ и въ другомъ случаѣ ходатайство о порученіи преподаванія дѣтскихъ болѣзней должно быть препровождено на усмотрѣніе и ут-

вержденіе г. Министра, на что потребуется не менѣе полуторыхъ мѣсяцевъ, я считаю необходимымъ обсудить указанный вопросъ въ предстоящемъ засѣданіи Совѣта 23 ноября и представить мнѣ выписку изъ постановленія Совѣта по этому вопросу не позже 27 ноября, чтобы имѣть возможность обезпечить преподаваніе дѣтскихъ болѣзней къ началу будущаго семестра».

По выслушаніи этого письма г. Предсѣдатель прочелъ ст. 64 унив. уст., по которой разрѣшается поручать исполненіе обязанностей по вакантной каѳедрѣ приватъ-доцентамъ и ст.ст. 110 и 111 объ избраніи и преподаваніи приватъ-доцентовъ, а также правила о приватъ-доцентахъ—цирк. г. Министра Народнаго Просвѣщенія 1885 г. 8 декабря № 18359—и послѣ этого предложилъ на обсужденіе Совѣта вопросъ, поставленный г. Попечителемъ, т. е. признаетъ ли Совѣтъ нужнымъ ходатайствовать о замѣщеніи вакантной каѳедры дѣтскихъ болѣзней сверхштатнымъ профессоромъ или считать достаточнымъ поручить чтеніе лекцій по этому предмету приватъ-доценту.

Проф. Курловъ сказалъ, что по его мнѣнію преподаваніе дѣтскихъ болѣзней можно поручить приватъ-доценту и что у насъ есть лицо, на которое это порученіе могло бы быть возложено, именно—докторъ Тимашевъ. Какъ ординаторъ дѣтской клиники, онъ этотъ предметъ изучалъ и своими занятіями со студентами къ преподаванію достаточно подготовилъ себя. Поэтому ему можно было бы дать это порученіе. Если Совѣтъ находитъ неудобнымъ закрѣплять за нимъ каѳедру дѣтскихъ болѣзней, ничто не мѣшаетъ сдѣлать это порученіе временнымъ, ограничивъ его пока однимъ двумя семестрами.

Для насъ выгоднѣе видѣть на этомъ мѣстѣ—лицо, всѣмъ намъ извѣстное въ качествѣ приватъ-доцента, чѣмъ неизвѣстное въ званіи профессора, такъ какъ на 1500 р. едва-ли изъ Европейской Россіи можно имѣть способнаго профессора.

Проф. Великій присоединился къ мнѣнію проф. Курлова.

Проф. Введенскій замѣтилъ, что въ виду ограниченности содержанія преподавателя по дѣтскимъ болѣзнямъ по его мнѣнію достаточно, чтобы имъ былъ приватъ-доцентъ.

Проф. Капустинъ сказалъ, что по его мнѣнію дѣтскія болѣзни могли бы читаться приватъ-доцентомъ, но съ условіемъ чтобы преподаваніе ихъ велось подъ руководствомъ клиническаго профессора. Тотъ же взглядъ высказали профессоры Крюгеръ и Смирновъ.

Проф. М. Н. Поповъ находилъ нежелательнымъ и невозможнымъ замѣщеніе каѳедры дѣтскихъ болѣзней приватъ-доцентомъ. Предметъ этотъ настолько важенъ и обширенъ, тѣсно соприкасается со столькими клиническими науками, и слѣдовательно предполагается въ преподавателѣ столько разнообразныхъ клиническихъ свѣдѣній, что необходимо, чтобы онъ читался не приватъ-доцентомъ, а профессоромъ. При этомъ желательно уравнять этого сверхштатнаго профессора въ содержаніи со штатными.

Проф. Поповскій также находилъ, чтобы по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней былъ профессоръ, а не приватъ-доцентъ.

При голосованіи вопроса 10 членовъ нашли возможнымъ и достаточнымъ поручить преподаваніе дѣтскихъ болѣзней приватъ-доценту,—А. И. Судаковъ, М. Ф. Поповъ,

Великій, Роговичъ, Курловъ, Образцовъ, Капустинъ, Крюгеръ, Смирновъ, Введенскій;— два члена—Леманъ и М. Н. Поповъ—высказались за необходимость замѣщенія каѳедры дѣтскихъ болѣзней профессоромъ; два—Ерофѣевъ, Поповскій—опытнымъ клиницистомъ, и три члена—Коркуновъ, Буржинскій, Тимоѳеевскій—отказались подать голосъ за невыясненіемъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ Совѣтъ нашелъ достаточнымъ поручить преподаваніе дѣтскихъ болѣзней приватъ-доценту.

Постановили: настоящее заключеніе представить на усмотрѣніе г. Попечителя учебнаго округа.

3. Прошеніе прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи д-ра медицины Геркена слѣдующаго содержанія: «Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о допущеніи меня къ чтенію лекцій въ слѣдующемъ весеннемъ полугодіи 1896—97 учебнаго года.

Программа предполагаемаго курса лекцій, на которой имѣю честь просить разрѣшенія слѣдующая:

Весеннее полугодіе 1896—97 уч. года.

Весеннее полугодіе 1896—97 уч. года.

Частный, необязательный курсъ ученія о переломахъ и вывихахъ. 2 часа въ недѣлю для студентовъ VI семестра.

Общая патологія переломовъ костей.

Статистика переломовъ.

Виды переломовъ. Неполные, полные, множественные и осложненные переломы.

Огнестрѣльные переломы.

Смѣщеніе отломковъ и причины его.

Этіологія и механизмъ переломовъ. Предрасполагающія и непосредственныя причины.

Внутриутробные переломы.

Симптоматологія переломовъ костей.

Діагностика переломовъ.

Процессъ заживленія переломовъ.

Осложненія и отдаленныя послѣдствія переломовъ.

Леченіе переломовъ. Вправленіе отломковъ и удержаніе ихъ на мѣстѣ различными повязками и приборами. Вытяженіе, массажъ при лѣченіи переломовъ.

Образованіе ложныхъ суставовъ и лѣченіе ихъ.

Избыточное образованіе мозоли и заживленіе переломовъ при неправильномъ положеніи отломковъ.

Частная патологія переломовъ. Подробное разсмотрѣніе этіологіи, симптоматологіи, діагностики и лѣченія болѣе частыхъ типическихъ переломовъ черепа, позвонковъ, поясницы, грудины и реберъ, костей верхнихъ и нижнихъ конечностей.

Общая патологія вывиховъ.

Статистика вывиховъ.

Виды и номенклатура вывиховъ.

Этіологія и механизмъ вывиховъ. Предрасполагающія и непосредственныя причины.

Симптоматологія вывиховъ. Причины типическаго положенія вывихнутыхъ членовъ.

Роль связокъ и мышцъ въ этомъ явленіи.

Діагностика вывиховъ.

Лѣченіе. Различные принципы вправленія вывиховъ. Методъ вытяженія; рычаговый и физіологическій методъ вправленія вывиховъ.

Послѣдствія неправильно пользованныхъ вывиховъ. Привычный вывихъ и образованіе новыхъ суставовъ.

Показанія къ резекціи суставовъ при вывихахъ.

Частная патологія вывиховъ. Подробное разсмотрѣніе этіологіи, симптоматологіи, діагностики и лѣченія болѣе частыхъ вывиховъ.

Вывихи нижней челюсти, позвонковъ и реберъ.

Вывихи въ суставахъ верхней и нижней конечностей.

Пособія. 1) Hermann Tillmanns. Руководство общей хирургіи. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. А. А. Введенскаго. 2) Ландереръ. Руководство общей хирургической патологіи и терапіи. 1894. 3) Бобровъ. Ученіе о вывихахъ 1896. 4) Гельферидъ. Атласъ и краткія основы травматическихъ вывиховъ и переломовъ. 1895. 5) Albert Hoffa. Lehrbuch der Fracturen und Luxationen. II Auflage 1892. 6) Pickering Pick. Fracturen und Luxationen. Deutsche Uebersetzung von W. Kindervater 1887.

При прошеніи д-ръ Геркенъ представилъ слѣдующія свои работы:

1) „Краткій отчетъ о хирургической дѣятельности въ земствѣ". 1891 г.

2) „Къ вопросу о трахомѣ". 1892 г.

3) „Къ вопросу о пролиферирующихъ кистахъ челюстей и гайморовой полости". 1892 г.

4) „Къ вопросу о пролиферирующихъ кистахъ челюстей". 1893 д.—Хирургическій Вѣстникъ.

5) „О температурѣ тѣла при отравленіяхъ бѣленой". 1893 г.

6) „Тазобедренный суставъ и атмосферное давленіе". 1894 г. „Врачъ".

7) „Uber die Unabhängigkeit des Zusammenhaltens der Gelenke von dem Atmosphärische Druck. Anatomische Hefte".

Постановили: поручить разсмотрѣніе работъ д-ра Геркена комиссіи изъ г.г. профессоровъ Введенскаго, Роговича и Великаго.

4. Г. Предсѣдатель заявилъ о томъ, что лѣкарь Дочевскій представилъ 300 экземпляровъ своей диссертаціи «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» вмѣстѣ съ положеніями и проситъ назначить день для защиты ея.

Постановили: допустить лѣкаря Дочевскаго къ защищенію его диссертаціи 8 декабря сего года; при чемъ оффиціальными оппонентами назначить г.г. профессоровъ В. Н. Великаго, П. В. Буржинскаго и А. П. Коркунова.

5. Проф. Коркуновъ заявилъ, что онъ по болѣзни не можетъ принимать участіе въ комиссіи, назначенной Совѣтомъ для разсмотрѣнія работъ д-ра Тимашева, приложенныхъ послѣднимъ къ прошенію о приватъ-доцентурѣ.

Постановили: поручить вмѣсто проф. Коркунова проф. Роговичу принять участіе въ означенной комиссіи.

6. Секретарь факультета доложилъ:

а) Въ концѣ настоящаго осенняго полугодія предстоитъ произвести испытаніе студентовъ 2 курса изъ органической химіи, такъ какъ чтеніе по ней, согласно обозрѣнію преподаванія, оканчивается въ этомъ семестрѣ.

Постановили: произвести испытаніе студентовъ 2 курса по органической химіи послѣ 15 декабря сего года, дни же испытаній и комиссію назначить въ слѣдующемъ засѣданіи.

б) Студентъ III семестра Лаврушевъ Александръ проситъ о допущеніи его къ переэкзаменовкѣ изъ физики въ концѣ настоящаго полугодія въ виду того, что по болѣзни онъ вынужденъ скоро оставить г. Томскъ.

Постановили: допустить студента Лаврушева къ переэкзаменовкѣ изъ физики въ концѣ настоящаго полугодія въ комиссіи изъ секретаря факультета и профессоровъ В. Н. Великаго и Ф. Я. Капустина.

в) Допущенный въ засѣданіи 16 сего ноября къ испытаніямъ для полученія званія дантиста дворянинъ Ипполитъ Феликсовичъ Мисюро окончилъ оныя удовлетворительно.

Постановили: удостоить Ипполита Мисюро званія дантиста, въ чемъ выдать ему установленное свидѣтельство.

7. Производили испытаніе на степень доктора медицины лѣкарей Соколова Александра, Вершинина Николая, Касторскаго Николая, Архангельскаго Константина, Бутягина Павла и Тепляшина Петра изъ физіологіи, медицинской химіи, фармакологіи съ рецептурой и ученіемъ о минеральныхъ водахъ и общей патологіи.

Испытуемые по всѣмъ этимъ предметамъ получили отмѣтки удовлетворительныя.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета

30 ноября 1896 года.

№ 14-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, Ректоръ, ордин. проф. **А. И. Судаковъ.**

Секретарь факультета, орд. проф. **М. Ѳ. Поповъ.**

Члены: профессоры—**В. Н. Великій, И. Н. Грамматикати, Ѳ. А. Ерофѣевъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ;** экстра-ордин. профессоры: **Ф. Я. Капустинъ, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Вернеръ, Ф. К. Крюгеръ, М. Н. Поповъ, А. Е. Смирновъ и А. А. Введенскій.**

Отсутствовали: ординарный профессоръ **Кащенко**—по болѣзни, **Леманъ, Коркуновъ, Салищевъ и Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ; **Буржинскій, Судакевичъ**—по болѣзни; **Тимоѳеевскій.**

Содержаніе: Объ отправкѣ Государю Императору поздравительной телеграммы съ днемъ Тезоименитства. Производство профессоровъ Роговича и Судакевича въ статскіе и коллежскіе совѣтники. Утвержденіе Ольгскаго въ должности ординатора офтальмологической клиники. Назначеніе на выписку химическихъ матеріаловъ для лабораторіи общей химіи 1000 руб. Назначеніе 1000 руб. на пріобрѣтеніе приборовъ и мебели для гистологическаго кабинета. Утвержденіе лѣкарей Левашова, Касторскаго, Орлеанскаго, Глѣбовскаго и Добромыслова въ должностяхъ лаборанта и ординаторовъ клиникъ. Порученіе приватъ-доценту Романову веденія занятій по патологической анатоміи. Порученіе приватъ-доценту Тимашеву веденія занятій по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней. Обсужденіе вопроса о выпискѣ газетъ и журналовъ въ 1897 году. Назначеніе времени для экзаменовъ изъ органической химіи. Заявленія профессоровъ Кащенко и Образцова о сдѣланныхъ въ завѣдуемые ими кабинеты профессорами Капустинымъ и Крюгеромъ пожертвованіяхъ. Пожертвованіе непремѣннымъ Секретаремъ Академіи съ Дубровинымъ и г-жею Бобриковой въ библіотеку университета книгъ. Заявленіе г-жи Величковской о пріобрѣтеніи отъ нея библіотеки покойнаго ея мужа. Пожертвованіе Горнимъ Начальникомъ Гороблагодатскаго округа и Директоромъ Института экспериментальной медицины книгъ въ библіотеку университета. Заявленіе г. Мартьянова о высылкѣ библіотекарю университета цѣннаго сочиненія по археол. Допущеніе прозек. Геркена къ чтенію лекцій по хирургіи и присвоеніе ему званія приватъ-доцента.

1. Читанъ и утвержденъ журналъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 23 минувшаго ноября за № 13.

По прочтеніи журнала г. Предсѣдательствующій предложилъ ко дню Тезоименитства Его Императорскаго Величества, Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя и Почетнаго Члена нашего Университета—6 декабря—послать на имя г. Министра Народнаго Просвѣщенія телеграмму слѣдующаго содержанія: „Совѣтъ Императорскаго Томскаго Университета почтительнѣйше проситъ Ваше Сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее поздравленіе съ высокоторжественнымъ днемъ Тезоименитства Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго Покровителя и Почетнаго Члена Томскаго Университета и принести искреннѣйшія пожеланія долголѣтняго здравія и благоденствія на благо Россіи.„

Единогласно постановили: просить г. Попечителя учебнаго округа объ отправленіи означенной телеграммы.

Слушали:

2. Предложенія г. Попечителя учебнаго округа:

а) отъ 18 ноября сего года за № 3427: «Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 27 октября сего года за № 26602 увѣдомилъ меня, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 октября сего года № 56 произведены за выслугу лѣтъ со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтни-

ки ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго Университета докторъ медицины Роговичъ съ 1 апрѣля 1894 года и изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники экстраординарный профессоръ того же Университета докторъ медицины Судакевичъ съ 7 марта 1892 года.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ дополненіе къ предложенію моему отъ 21 сентября сего года за № 2746».

3. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ 19 ноября сего года за № 3435: «Вслѣдствіе представленія отъ 18 сего ноября за № 4374, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что согласно представленной мнѣ въ выпискѣ статьи 6 постановленія Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 19 минувшаго октября за № 11 лѣкарь съ отличіемъ Арсеній Ольгскій назначенъ мною на должность ординатора при офталмологической клиникѣ съ 20 октября текущаго года.

Удостовѣреніе на степень лѣкаря г. Ольгскаго за № 3094 при семъ возвращается.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ 28 ноября сего года за № 3531: «Вслѣдствіе представленія отъ 20 текущаго ноября за № 4396, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что согласно ходатайству Совѣта Томскаго Университета, изложенному въ статьѣ 3 журнала засѣданія отъ 19 минувшаго октября за № 11, я разрѣшаю употребить единовременно 1000 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета на выписку химическихъ матеріаловъ для практическихъ занятій аналитической химіей въ слѣдующемъ учебномъ году со студентами будущаго перваго курса.

Вмѣстѣ съ симъ и въ дополненіе къ отношенію моему отъ 26 минувшаго октября за № 3160, вновь покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, предложить Совѣту въ ближайшемъ засѣданіи обсудить вопросъ о новомъ распредѣленіи штатной суммы—13400 р.—отпускаемой на учебно—вспомогательныя учрежденія. Въ случаѣ если бы Совѣтъ призналъ возможнымъ отчислять ежегодно на каѳедру общей химіи по 1200 р. и тѣмъ не менѣе этотъ кредитъ представлялся бы недостаточнымъ для обезпеченія правильнаго преподаванія названнаго предмета, съ моей стороны не встрѣтилось бы препятствій къ отпуску по ходатайству Совѣта изъ спеціальныхъ средствъ Университета, въ случаѣ надобности нѣкоторой суммы—до 400 р.—въ дополненіе въ сказанной штатной суммѣ 1200 р. Вопросъ этотъ считаю весьма существеннымъ, такъ какъ при заявленномъ со стороны профессора по каѳедрѣ общей химіи, а также и Совѣта, недостаткѣ матеріальныхъ средствъ для обезпеченія правильнаго преподаванія названнаго предмета, должна быть выяснена на будущее время та минимальная сумма, которая необходима ежегодно для удовлетворенія потребностей этой каѳедры; увеличеніе же кредита на означенную каѳедру могло бы слѣдовать лишь путемъ отчисленія не менѣе 1200 р. изъ штатной суммы, ассигнованной на учебно-вспомогательныя учрежденія и оказаніемъ отъ времени до времени вышеуказаннаго пособія изъ спеціальныхъ средствъ Университета. Журналъ Совѣта за № 11 при семъ возвращается.»

Постановили: разрѣшеніе г. Попечителя употребить единовременно 1000 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета на выписку химическихъ матеріаловъ для

практическихъ занятій въ слѣдующемъ учебномъ году со студентами будущаго курса аналитической химіей принять къ свѣдѣнію; вопросъ же о новомъ распредѣленіи штатной суммы, отпускаемой на учебно-вспомогательныя учрежденія, обсудить въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта, при разсмотрѣніи росписанія доходовъ и расходовъ по Университету на предстоящій 1897 годъ.

г) отъ 29 ноября сего года за № 3560: «Вслѣдствіе представленія отъ 28 текущаго ноября за № 4482, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я утверждаю представленную мнѣ въ выпискѣ статью 3 возвращаемаго при семъ журнала Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 16 сего ноября за № 12 объ ассигнованіи 1000 р. изъ % съ капитала Занадворова для пріобрѣтенія указанныхъ въ постановленіи предметовъ для гистологической лабораторіи.»

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

д) отъ 29 ноября сего года за № 3561: «Вслѣдствіе представленія отъ 28 ноября сего года за № 4483, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что лѣкарь Михаилъ Рункевичъ отчисленъ мною отъ временнаго исправленія изъ платы по найму должности ординатора при клиникѣ нервныхъ болѣзней и, согласно избранія Совѣта Университета, перемѣщены: штатный ординаторъ терапевтической факультетской клиники лѣкарь Иванъ Левашевъ на должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики и сверхштатный ординаторъ при факультетской терапевтической клиникѣ лѣкарь Николай Касторскій на должность штатнаго ординатора при той же клиникѣ, и назначены: лѣкарь съ отличіемъ Леонидъ Орлеанскій на должность ординатора клиники нервныхъ болѣзней, лѣкарь Александръ Глѣбовскій на должность ординатора при факультетской хирургической клиникѣ и лѣкарь съ отличіемъ Василій Добромысловъ на должность ординатора госпитальной хирургической клиники, всѣ съ 16 ноября сего года, и изъ нихъ Касторскій, Орлеанскій, Глѣбовскій и Добромысловъ на три года.

Представленныя Вами удостовѣренія на степень лѣкаря гг. Глѣбовскаго, Орлеанскаго и Добромыслова при семъ возвращаются.»

По выслушаніи этого предложенія Секретарь Факультета доложилъ, что при первомъ представленіи о врачахъ Левашевѣ и Касторскомъ Совѣтъ, согласно заявленія проф. Коркунова, ходатайствовалъ объ утвержденіи ихъ въ должностяхъ съ 21 сентября сего года, т. е. со времени отправленіи этими лицами новыхъ обязанностей; поэтому справедливо было бы просить г. Попечителя о перемѣщеніи ординатора Левашева на должность лаборанта при каѳедрѣ діагностики и сверхштатнаго ординатора Касторскаго на должность штатнаго ординатора при факультетской терапевтической клиникѣ, не съ 16 ноября, а съ 21 сентября сего года.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о перемѣщеніи ординатора факультетской терапевтической клиники лѣкаря Левашева на должность сверхштатнаго лаборанта при каѳедрѣ діагностики и сверхштатнаго ординатора при терапевтической факультетской клиникѣ лѣкаря Касторскаго на должность штатнаго ординатора этой клиники, не съ 16 ноября, а съ 21 сентября сего года.

Предложеніе г. Попечителя объ отчисленіи лѣкаря Рункевича отъ временнаго исправленія изъ платы по найму должности ординатора при клиникѣ нервныхъ болѣз-

ней, а равно о назначеніи ординаторами лѣкарей Орлеанскаго, Глѣбовскаго и Добромыслова принять къ свѣдѣнію.

3. Г. Предсѣдательствующій заявилъ, что вслѣдствіе тяжкаго болѣзненнаго состоянія проф. Судакевича занятія по патологической анатоміи въ настоящее время не происходятъ; такъ какъ на болѣе или менѣе близкое выздоровленіе проф. Судакевича едвали можно разсчитывать, то Совѣту теперь же необходимо указать лицо, которому могли быть поручены эти занятія. Съ своей стороны г. Предсѣдательствующій полагалъ бы цѣлесообразнымъ поручить эти занятія приватъ—доценту, прозектору Романову, который, какъ извѣстно Совѣту, уже три года состоитъ приватъ-доцентомъ и читаетъ студентамъ III курса по одному часу въ недѣлю—отдѣлъ о разстройствахъ органовъ кровеобращенія, производитъ патолого-анатомическія вскрытія, ведетъ практическія занятія по микроскопическимъ изслѣдованіямъ и въ 1894—5 учебномъ году, во время годичнаго отпуска проф. Судакевича, исполнялъ всѣ обязанности преподавателя патологической анатоміи.

По выслушаніи этого заявленія Совѣтъ постановилъ: ходатайствовать чрезъ г. Попечителя учебнаго округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о порученіи приватъ-доценту Романову веденія занятій по патологической анатоміи съ вознагражденіемъ изъ спеціальныхъ суммъ или остатковъ отъ содержанія личнаго состава Университета, съ вознагражденіемъ согласно параграфа 64 университетскаго устава изъ оклада 1200 р. въ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Его Превосходительство г. Попечителя учебнаго округа до утвержденія настоящаго постановленія разрѣшить Романову приступить къ чтенію лекцій по патологической анатоміи, не дожидаясь утвержденія постановленія Совѣта Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

4. Слушали слѣдующій докладъ коммиссіи о работахъ доктора Тимашева: «Коммиссія, избранная Совѣтомъ Университета для разсмотрѣнія работъ доктора С. М. Тимашева, имѣетъ честь представить Совѣту Университета слѣдующія свои заключенія:

Работа доктора Тимашева «Вторичныя зараженія при туберкулезѣ легкихъ» представляетъ матеріалъ къ рѣшенію вопроса о томъ, составляютъ ли вторичныя зараженія посторонними микробами, помимо туберкулезныхъ, причину разнообразнаго теченія легочнаго туберкулеза.

Для рѣшенія этого вопроса авторъ примѣнилъ много разъ уже испытанный и вполнѣ пригодный способъ Китазато-изслѣдованія мокроты и при его помощи произвелъ наблюденія надъ 33 больными чахоткою легкихъ. Въ результатѣ онъ подтвердилъ данныя, полученныя раньше его другими авторами, найдя, что видоизмѣненія въ клинической картинѣ теченія легочнаго туберкулеза большею частью стоятъ въ тѣсной зависимости отъ присутствія въ легочной ткани resp. мокротѣ, другихъ бактерій и что большинство туберкулезныхъ легочныхъ зараженій, осложненныхъ стрептококкомъ, даютъ дурное предсказаніе, протекаютъ остро въ высокой температурѣ, съ быстрымъ разрушеніемъ легочной ткани и въ короткій срокъ ведутъ къ летальному исходу; зараженія другими микробами даютъ лучшія предсказанія, съ сравнительно болѣе легкимъ теченіемъ патологическаго процесса. За эту работу С. М. Тимашевъ удостоенъ степени доктора медицины; на производство ея авторомъ

потрачено не мало труда, силъ и времени, при чемъ обнаружена полная подготовка въ области бактеріологической техники. Недостатками работы являются излишняя краткость въ изложеніи литературнаго отдѣла, не дающаго вслѣдствіе этого полнаго представленія о степени разработки вопроса до работы автора, замѣчаются кромѣ того нѣкоторыя упущенія въ изложеніи исторіи болѣзней, какъ то: отсутствіе данныхъ о вѣсѣ больныхъ, пульсѣ, дыханіи. Всѣ эти упущенія являются результатомъ нестолько спѣшности производства работы, сколько изданія самой работы что обуславливалось необходимостью скорѣйшаго освобожденія автора отъ работы надъ туберкулезомъ, такъ какъ продолженіе этихъ изслѣдованій было неудобно въ виду развившагося на это время у автора легочнаго заболѣванія.

Вторая работа «Изслѣдованіе воздуха палатъ Томской городской больницы» затрогиваетъ весьма важный вопросъ о санитарномъ состояніи того учрежденія, въ которомъ находится наша госпитальная клиника. Кромѣ измѣренія кубическаго содержанія воздуха въ палатахъ, площади пола, свѣтовой поверхности, въ работѣ приведены многочисленныя данныя о количествѣ CO^2 воздуха въ различное время дня и ночи въ палатахъ и пріемномъ покоѣ больницы, а также и степень бактерійнаго загрязненія воздуха, опредѣленнаго количествомъ бактерій, опускающихся изъ воздуха въ единицу времени на опредѣленную площадь. Работа изложена живымъ увлекательнымъ языкомъ и наглядно рисуетъ невозможное санитарное положеніе Томской городской больницы. Появленіе ея въ печати значительно подвинуло вопросъ о перестройкѣ этой больницы, что уже одно придаетъ ей большое значеніе. Само собою понятно, что изслѣдованія эти имѣютъ не малый историческій интересъ, какъ цѣнный матеріалъ къ исторіи больничныхъ учрежденій Сибири конца 19 вѣка исторіи клиникъ нашего Университета.

Третья работа Тимашева, «Результаты сывороточнаго лѣченія дифтеріи въ дѣтской клиникѣ нашего Университета» составляетъ часть отчета о дѣятельности этой клиники за 1895—6 г. и затрагиваетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ современныхъ вопросовъ медицины. При незначительномъ сравнительно числѣ заболѣваній дифтеритомъ въ г. Томскѣ, въ ней собрано, однако, 60 случаевъ дифтерита съ подробнымъ указаніемъ клиническихъ формъ болѣзни, бактеріологическихъ данныхъ, времени примѣненія лѣченія, количества сыворотки, мѣста ея впрыскиванія, осложненій и результата лѣченія. Данныя эти служатъ цѣннымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о значеніи сывороточнаго лѣченія дифтеріи и къ характеристикѣ эпидеміи въ г. Томскѣ.

Кромѣ представленныхъ докторомъ Тимашевымъ трехъ работъ проф. Курловъ указалъ, что у него на рукахъ имѣется еще одна работа того же автора, извѣстная Совѣту Университета, а именно отчетъ о командировкѣ доктора Тимашева Совѣтомъ Университета въ Институтъ Экспериментальной медицины въ г. Петербургѣ для изученія приготовленія и примѣненія противодифтеритной сыворотки. Докторъ Тимашевъ скромно опустилъ эту работу изъ списка своихъ научныхъ трудовъ, между тѣмъ и эта работа, представленная въ Совѣтъ Университета и переданная проф. Курлову для разсмотрѣнія, заслуживаетъ полнаго вниманія и если не напечатана въ нашихъ университетскихъ извѣстіяхъ, то только въ виду того, что одновременно съ нею были представлены еще 2 параллельныхъ отчета д-ровъ Бутягина и Левашева, трактующихъ

объ одномъ и томъ же предметѣ, такъ какъ всѣ вышеназванныя лица были одновременно и съ одною цѣлью командированы Совѣтомъ Университета въ Петербургъ.

Всѣ вышеозначенные отчеты вполнѣ заслуживаютъ быть напечатанными въ университетскихъ извѣстіяхъ, и если до сихъ поръ не появились въ печати, то только потому, что проф. Курловъ предложилъ авторамъ этихъ отчетовъ, чтобы не повторять въ 3 работахъ одно и тоже, слить для напечатанія въ университетскихъ извѣстіяхъ эти три отчета въ одинъ общій.

Заканчивая этими указаніями разборъ научныхъ работъ д—ра Тимашева комиссія полагаетъ, что въ представленныхъ трудахъ авторъ обнаружилъ свою солидную медицинскую подготовку и свою способность къ научнымъ изслѣдованіямъ. Что касается клинической подготовки доктора Тимашева, то послѣдній, будучи еще студентомъ, былъ избранъ проф. Коркуновымъ помощникомъ ординатора факультетской терапевтической клиники и здѣсь получилъ начало своей клинической подготовки, такъ что по окончаніи курса медицинскихъ наукъ съ отличіемъ и первымъ по отмѣткамъ, уже съ перваго года своей врачебной дѣятельности въ качествѣ ординатора госпитальной терапевтической клиники Тимашевъ явился незамѣнимымъ полезнымъ помощникомъ при веденіи госпитальныхъ занятій со студентами 5 курса. Съ перваго же года въ виду той же солидной клинической подготовки ему было поручено кромѣ того веденіе практическихъ занятій по діагностикѣ внутреннихъ болѣзней со студентами 3 курса. Съ января 1894 года онъ былъ назначенъ врачемъ мужской и женской гимназій, что вскорѣ и опредѣлило его дѣятельность, какъ врача дѣтскихъ болѣзней. Съ цѣлью расширенія своихъ свѣдѣній въ этомъ отдѣлѣ медицинскихъ знаній онъ открылъ пріемъ больныхъ дѣтей въ общинѣ сестеръ милосердія Краснаго креста, гдѣ онъ кромѣ того взялъ на себя преподаваніе дѣтскихъ болѣзней сестерамъ милосердія.

Со времени порученія чтенія дѣтскихъ болѣзней въ нашемъ Университетѣ проф. Курлову, докторъ Тимашевъ былъ переведенъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ дѣтскую клинику. Здѣсь онъ немедленно же открылъ ежедневные пріемы больныхъ дѣтей, переведя своихъ паціентовъ изъ общины сестеръ милосердія въ нашу клинику. Своимъ теплымъ, сердечнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу лѣченія дѣтей докторъ Тимашевъ способствовалъ значительному расширенію амбулаторіи дѣтской клиники число посѣщеній которой сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ (210 за 1 годъ) болѣе чѣмъ утроилось (650 челов.).

Такое увеличеніе числа амбулаторныхъ больныхъ, обусловленное трудомъ Тимашева, способствовало успѣху преподаванія дѣтскихъ болѣзней, отразившись на разнообразіи и богатствѣ клиническаго стаціонарнаго матеріала и вслѣдствіе этого сдѣлавшаго его болѣе полезнымъ и плодотворнымъ въ учебномъ отношеніи. Расширеніе пріемовъ въ дѣтской амбулаторіи несомнѣнно отразилось на дѣятельности другихъ клиническихъ отдѣленій напримѣръ—хирургической, куда было направлено не малое число интересныхъ хирургическихъ случаевъ, при чемъ, по замѣчанію проф. Роговича, докторъ Тимашевъ обнаруживалъ при разборѣ этихъ больныхъ вполнѣ солидную клиническую подготовку.

Кромѣ пріемовъ больныхъ дѣтей въ амбулаторіи со студентами 4 и 5 курсовъ, д—ръ Тимашевъ за послѣдніе три учебные семестра съ полнымъ успѣхомъ руководилъ еще клиническими занятіями въ дѣтской клиникѣ студентовъ 5 курса.

На основаніи этихъ данныхъ комиссія считаетъ доктора Тимашева заслуживающимъ званія приватъ—доцента и полагаетъ, что, удостоивъ его этого званія, Совѣтъ Университета облегчитъ дальнѣйшее усовершенствованіе даровитому и преданному научной дѣятельности молодому человѣку. Курловъ, Роговичъ.»

«Съ оцѣнкою работъ доктора Тимашева согласенъ, что же касается компетентности его въ преподаваніи дѣтскихъ болѣзней и веденія клиники, то въ этомъ отношеніи, никакого мнѣнія дать не могу, такъ какъ не имѣю для этого данныхъ. Проф. Буржинскій.»

По выслушаніи настоящаго доклада г. Предсѣдатель поставилъ на голосованіе слѣдующій вопросъ: находитъ ли Совѣтъ возможнымъ признать доктора Тимашева приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней?

Совѣтъ единогласно постановилъ: признать доктора Тимашева приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней.

Послѣ этого г. Предсѣдателемъ былъ поставленъ второй вопросъ: находитъ ли Совѣтъ возможнымъ поручить избранному приватъ-доцентомъ доктору Тимашеву веденіе занятій по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней съ вознагражденіемъ, согласно ст. 64 университетскаго устава, изъ оклада въ 1200 р. въ годъ.

Совѣтъ единогласно постановилъ: поручить доктору Тимашеву, въ случаѣ его утвержденія приватъ-доцентомъ, веденіе занятій по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней въ въ предстоящемъ 1897 году съ вознагражденіемъ 1200 р. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ Университета или изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе личнаго состава Университета. При этомъ Совѣтъ нашелъ необходимымъ, чтобы въ счетъ этой суммы докторъ Тимашевъ въ предстоящемъ 1897 году былъ командированъ за границу для осмотра главнѣйшихъ больничныхъ учрежденій по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Западной Европѣ, а также для занятій въ этихъ учрежденіяхъ.

Вышеизложенное постановленіе представить г. Попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа и просить его объ утвержденіи этого постановленія ходатайствовать предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

5. Обсуждался вопросъ о выпискѣ на предстоящій 1897 годъ газетъ и журналовъ научныхъ и общелитературныхъ.

При этомъ г. Предсѣдательствующій замѣтилъ, что по каѳедрамъ общей химіи и гинекологіи выписка спеціальныхъ періодическихъ изданій превышаетъ тѣ суммы, которыя для этого назначены Совѣтомъ, такъ что перерасходъ по нимъ покрывается изъ суммъ, назначенныхъ для другихъ каѳедръ, поэтому дальнѣйшее расширеніе по названнымъ каѳедрамъ невозможно.

Проф. Капустинъ предложилъ выписывать въ слѣдующемъ году на счетъ библіотечныхъ суммъ каѳедры физики журналъ «Electritian», проф. М. Ф. Поповъ просилъ выписать на счетъ суммъ каѳедры судебной медицины—юридическую газету, проф. М. Н. Поповъ «Phylosop. Studien Wund'a.»

Остальные члены Совѣта нашли возможнымъ по своимъ каѳедрамъ выписывать на слѣдующій годъ тѣ же журналы, которые получались и въ истекающемъ году.

Постановили: выписывать для библіотеки Университета въ слѣдующемъ 1897 году тѣ же газеты и журналы спеціальные и общелитературные, которые получались

въ истекающемъ году, кромѣ того подписаться на «Electritian», Юридическую газету и ««Phylosop Studien Wud'a.»

6. Заявленіе г. Предсѣдателя о назначеніи времени для испытаній студентовъ III семестра изъ органической химіи и избранія для этого комиссіи.

Постановили: произвести испытанія студентовъ 2 курса изъ органической химіи 19, 20 и 21 декабря сего года въ комиссіи изъ профессоровъ М. Ф. Попова, Е. В. Вернера и Ф. К. Крюгера.

7. Заявленіе проф. Кащенко слѣдующаго содержанія: «Честь имѣю сообщить Совѣту Университета, что проф. Ф. Я. Капустинъ доставилъ въ зоологическій кабинетъ слѣдующіе препараты, собранные имъ въ устьѣ Енисея лѣтомъ 1896 года:

шкурка полярной совы (Nyctaea nivea Z).

1 шкурка сибирской хохотуньи (Luarus affinis Ren).

1 шкурка клуши (larus fuscus L.)

1 шкурка поморника короткохвостаго (Stercorarius crepidalus.)

1 шкурка сивки (charadrius morinellus L.)

1 шкурка крачки долгохвостой (Sterna macrura Naum.)

1 шкурка турухтана (machetes pugnat. L.)

1 шкурка лапландскаго подорожника (Plecroffanes lapponicus. L)

Кромѣ того спиртовые препараты:

сибирской миноги (Petromyzon Rassneri Dyb.)

енисейской селедки (Coregonus sp.?)

Затѣмъ 5 личинокъ оленьяго овода (Hyoderma), 10 экземпляровъ различныхъ насѣкомыхъ и 3 птичьихъ гнѣзда съ яйцами въ нихъ, половина нижней челюсти мамонта и отдѣльный зубъ его же.

Всѣ эти препараты представляютъ нѣкоторый научный интересъ. Въ частности относительно птичьихъ шкурокъ можно сообщить, что хотя онѣ по способу своей препарировки для приготовленія чучелъ не подходятъ, тѣмъ не менѣе могутъ служить весьма полезнымъ научнымъ матеріаломъ, такъ какъ почти всѣ принадлежатъ видаамъ, въ нашемъ Университетѣ не имѣющимся въ нашей мѣстности не встрѣчающимся.»»

Постановили: благодарить проф. Капустина за доставленные имъ для зоологическаго кабинета предметы.

8 Заявленіе проф. Образцова слѣдующаго содержанія: «Профессоромъ Томскскаго университета Ф. К. Крюгеромъ пожертвованъ въ дерматологическій кабинетъ атласъ кожныхъ болѣзней профессора Неймана, стоющій около 75 р. и представляющій значительную цѣнность въ дѣлѣ преподаванія кожныхъ болѣзней. Атласъ занесенъ въ инвентарную книгу кабинета подъ № 241.»

Какъ завѣдующій кабинетомъ дерматологической клиники, я съ своей стороны довожу до свѣдѣнія Совѣта объ этомъ дарѣ глубокоуважаемаго товарища и предсѣдлагаю Совѣту, не найдетъ ли онъ возможнымъ выразить благодарность проф. Крюгеру.

Постановили: благодарить проф. Крюгера за сдѣланное имъ для дерматологическаго кабинета пожертвованіе.

9. Доложено письмо завѣдующаго книжнымъ складомъ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь препроводить при семъ для надлежащихъ распоряженій квитанцію Петербургской компаніи «Надежда» за № 1594578 на отсылку чрезъ ту Компанію за счетъ получателей, одного ящика съ книгами, отобранными въ складѣ Императорской Академіи Наукъ по распоряженію г. Непремѣннаго Секретаря Академіи отъ 28 сего марта за № 240 для библіотеки студенческаго общежитія при Императорскомъ Томскомъ Университетѣ.»

Г. Предсѣдатель объяснилъ, что книги эти посланы въ Университетъ вслѣдствіе письма его къ Непремѣнному Секретарю Академіи Наукъ Николаю Федоровичу Дубровину. Именно онъ просилъ Непремѣннаго Секретаря Академіи пожертвовать для библіотеки общежитія студентовъ при Томскомъ Университетѣ „Исторію завоеванія Кавказа“ и другія его сочиненія. Г. Дубровинъ распорядился выслать не только свои сочиненія (кромѣ „Исторіи завоеванія Кавказа“), но и много другихъ цѣнныхъ изданій Академіи Наукъ. Книги эти получены лѣтомъ въ одномъ ящикѣ, разобраны и переписаны; всего оказалось 143 Названія —317 томовъ.

Между этими книгами нѣтъ медицинскихъ, а только по исторіи, географіи, археологіи, филологіи и другимъ отраслямъ знанія; большинство изъ нихъ рѣдки и слишкомъ спеціальны, такъ что по его, Предсѣдательствующаго, мнѣнію, полезнѣе было бы передать ихъ не въ студенческую библіотеку дома общежитія, а въ главную, тѣмъ болѣе, что многихъ изъ полученныхъ сочиненій нѣтъ въ университетской библіотекѣ.

Постановили: выразить Непремѣнному Секретарю Академіи Наукъ Н. Ф. Дубровину искреннюю благодарность Совѣта за сдѣланное имъ пожертвованіе.

Присланныя книги передать и хранить въ главной библіотекѣ Университета.

10. Вдова Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Величковскаго обратилась въ Совѣтъ Университета съ слѣдующимъ письмомъ: «Прилагая при семъ каталогъ книгъ покойнаго мужа моего доктора медицины Величковскаго, прошу Совѣтъ Университета разсмотрѣть его и сообщить мнѣ, не угодно ли будетъ купить эти книги для библіотеки Университета. Въ каталогѣ обозначено число томовъ и первоначальная стоимость большинства этихъ книгъ. Что же касается настоящей ихъ цѣнности, то я была бы согласна уступить ихъ за 200 р. безъ пересылки и упаковки.»

По справкѣ, взятой отъ библіотекаря Университета, оказалось, что около 90% изъ предлагаемыхъ сочиненій у насъ уже имѣются, такъ что пріобрѣтеніе всѣхъ книгъ излишне. Изъ отсутствующихъ въ нашей библіотекѣ можно было бы, по мнѣнію библіотекаря, пріобрѣсти журналы: «Новости терапіи» 1886—96 гг. по 1 р. 50 к. за годъ 16 р. 50 к. и „Клиническую газету Боткина“ 1885—90 гг. по 2 р. за годъ —10 р.

Постановили: поручить библіотекарю Университета пріобрѣсти за указанную имъ цѣну отъ г-жи Величковской названные журналы, если послѣдняя на это согласится, увѣдомивъ ее, что остальныя предлагаемыя книги, какъ имѣющіяся уже, для Университета не нужны.

11. Г-жа Бобрикова изъ Петербурга прислала на имя г. Ректора Университета письмо слѣдующаго содержанія: «Послѣ покойнаго отца нашего, члена Военно-медицинскаго ученаго комитета, Тайнаго совѣтника Ивана Васильевича Бобрикова, осталась библіотека медицинскихъ изданій. Препровождая изъ библіотеки этой 100 ме-

дицинскихъ книгъ, прошу Васъ принять таковыя въ даръ Томскому Университету, въ память покойнаго.

Квитанція общества транспортированія кладей при семъ прилагается.»

Постановили: благодарить г. Бобрикову за сдѣланное Университету пожертвованіе.

12. Горный Начальникъ Гороблагодатскаго округа (Кушвинс. зав. Перм. губ.) при отношеніи отъ 22 октября сего года за № 8131 препроводилъ опись книгамъ и изданіямъ, которыя будутъ высланы въ Университетъ наложеннымъ платежемъ и просилъ о полученіи оныхъ его увѣдомить.

Г. Предсѣдатель объяснилъ, что высылаемыя книги и изданія принадлежатъ библіотекѣ Богословскихъ заводовъ на Уралѣ и что они препровождаются Томскому Университету въ даръ по распоряженію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по случаю продажи Богословскихъ заводовъ въ частныя руки, какъ объ этомъ увѣдомилъ Горный Начальникъ Гороблагодатскаго округа въ отношеніи отъ 5 іюля сего года за № 5444.

Списокъ книгъ и журналовъ при семъ прилагается.

Постановили: благодарить Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за передачу изъ библіотеки Богословскихъ заводовъ, по продажѣ ихъ въ частныя руки, книгъ и журналовъ медицинскаго и естественно-историческаго содержанія Томскому Университету на пополненіе библіотеки послѣдняго.

По полученіи книгъ увѣдомить объ этомъ Горнаго Начальника Гороблагодатскаго округа, выразивъ ему признательность за его содѣйствіе по пересылкѣ книгъ.

13. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ, проф. Лукьяновъ препроводилъ въ даръ Университету слѣдующія свои сочиненія:

1. Архивъ лабораторіи общей патологіи при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціей проф. С. М. Лукьянова. вып. 2.

2. Тоже—выпускъ 3.

3. Пять вступительныхъ лекцій къ курсамъ общей патологіи. С. М. Лукьянова. Варшава. 1895 г.

Постановили: благодарить директора Института Экспериментальной медицины С. М. Лукьянова за сдѣланное имъ пожертвованіе.

14. Завѣдующій Минусинскимъ музеемъ г. Мартьяновъ обратился въ Совѣтъ Университета съ слѣдующимъ письмомъ: «Комитетъ Минусинскаго музея, исполняя просьбу Библіотекаря Томскаго Университета С. К. Кузнецова, выраженную въ частномъ письмѣ, на мое имя, одолжить ему для его ученаго труда принадлежащее библіотекѣ музея весьма рѣдкое и цѣнное иллюстрированное сочиненіе по археологіи, написанное въ 12 вѣкѣ, подъ названіемъ «Ба-гу-ту», поручилъ мнѣ выслать это сочиненіе г. Кузнецову чрезъ Совѣтъ Императорскаго Томскаго Университета, на условіи возвратить его по минованіи въ немъ надобности. Исполняя это порученіе комитета Минусинскаго музея, я отправилъ сегодня въ библіотеку Университета означенное сочиненіе, состоящее изъ 17 тетрадей въ 2 папкахъ. Каждая тетрадь снабжена оглавленіемъ и надписями на русскомъ языкѣ, сдѣланными извѣстнымъ

синологомъ П. С. Поповымъ, принесшимъ въ даръ Минусинскому музею это весьма нужное и цѣнное изданіе.

О полученіи означеннаго сочиненія почтительнѣйше прошу Совѣтъ Университета не отказать увѣдомить Комитетъ Минусинскаго музея»

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

15. Палестинское общество въ Петербургѣ предлагаетъ вступить въ обмѣнъ своими изданіями въ наступающемъ 1897 году.

Постановили: вступить съ Палестинскимъ обществомъ въ обмѣнъ изданіями въ 1897 году, о чемъ его увѣдомить.

16. Императорское Русское Археологическое Общество отношеніемъ отъ 30 октября сего года за № 432 увѣдомляетъ, что оно съ Высочайшаго соизволенія будетъ праздновать пятидесятилѣтіе своего существованія 15 декабря сего года.

Постановили: ко дню празднованія послать привѣтствіе.

17. Докладъ комиссіи изъ профессоровъ: Роговича, Великаго и Введенскаго о работахъ доктора медицины Геркена, представленныхъ имъ въ Совѣтъ при прошеніи о допущеніи его къ чтенію лекцій по хирургіи въ званіи приватъ-доцента.

«Согласно постановленія Совѣта медицинскаго факультета отъ 23 ноября, комиссія, избранная въ составѣ представителя профессора Н. А. Роговича и членовъ проф. В. Н. Великаго и А. А. Введенскаго, разсмотрѣвъ труды прозектора оперативной хирургіи, доктора медицины Н. А. Геркена въ своемъ засѣданіи 27 ноября 1896 года пришла къ нижеслѣдующему заключенію:

1. Однимъ изъ солидныхъ и обстоятельныхъ трудовъ доктора Геркена по избранной имъ спеціальности является представленная имъ въ 1892 диссертація: «О пролиферирующихъ кистахъ челюстей и Гайморовой полости.» Въ этой работѣ, произведенной съ достаточнымъ знаніемъ методовъ изслѣдованія, авторъ высказываетъ новый взглядъ на происхожденіе пролиферирующихъ кистъ въ зависимости отъ разростанія эмалеваго органа; это положеніе авторъ доказываетъ достаточно убѣдительно и точно, и обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье съ должной критикой относиться къ литературнымъ источникамъ. Названное изслѣдованіе представляетъ точный отвѣтъ на поставленный вопросъ и заслуживаетъ полнаго уваженія и вниманія.

2. Въ слѣдующей работѣ «краткій отчетъ о хирургической дѣятельности въ земствѣ» д-ръ Геркенъ обнаруживаетъ солидную хирургическую подготовку; изъ названнаго труда видно, что докторъ Геркенъ съ успѣхомъ производилъ важныя и большія хирургическія операціи.

3. Трудъ доктора Геркена «Тазобедренный суставъ и атмосферное давленіе», произведенный въ физіологической лабораторіи Томскаго Университета, представляетъ важный теоретическій и практическій интересъ. Болѣе чѣмъ полувѣковое заблужденіе, лежавшее надъ вопросомъ о скрѣпленіи суставовъ помощью атмосфернаго давленія, было разсѣяно изслѣдованіями автора, въ его трудахъ по этому вопросу, напечатанныхъ и въ Anatomische Anzeiger и Anatomische Hefte XXI.

Единственный голосъ, появившійся въ литературѣ, возражавшій Геркену, принадлежитъ проф. Лесгафту. На первое возраженіе оппонента Геркенъ основательно отвѣтилъ въ своей статьѣ, напечатанной въ Anatomisch. Heften. Но вслѣдъ затѣмъ по

явилось новое возраженіе проф. Лесгафта, еще менѣе обоснованное, чѣмъ первое. На это послѣднее г. Геркеномъ уже посланъ въ Anatomische Anzeiger отвѣтъ. Комиссія, ознакомленная съ содержаніемъ этого отвѣта, который она считаетъ долгомъ приложить къ этому протоколу, приходитъ къ заключенію, что всѣ положенія, высказанныя докторомъ Геркеномъ въ его вышеназванной работѣ, остаются въ полной силѣ.

4. Изъ небольшой замѣтки «По вопросу о трахомѣ» (Вѣстникъ офталмологіи. 1892 г.) докторъ Геркенъ приводитъ интересныя медико—статистическія данныя относительно распространенія трахомы среди чувашъ Казанской губерніи.—Это была первая попытка по свидѣтельству д-ра Кушева (Вѣст. офталмол. 1894 г. стр. 404). изученія распространенія трахомы среди инородцевъ Россіи.„

5. Въ небольшой замѣткѣ «О температурѣ тѣла при отравленіи бѣленой»—Труды Том. О-ва естествоиспытат. и врачей 1894 г., авторъ показываетъ полную наблюдательность и умѣнье дѣлать оцѣнку фактовъ съ физіологической точки зрѣнія.

На основаніи этихъ данныхъ комиссія полагаетъ, что прозекторъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи докторъ Геркенъ заслуживаетъ вполнѣ званія приватъ-доцента, и позволяетъ себѣ думать, что его дѣятельность въ этомъ званіи будетъ далеко не безполезна для Университета».

По выслушаніи этого доклада Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ комиссіи и единогласно постановилъ: допустить прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи доктора Геркена къ чтенію лекцій по хирургіи съ присвоеніемъ ему званія приватъ-доцента.

Объ утвержденіи этого постановленія ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Учебнаго Округа.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго университета.

15 декабря 1896 года.

№ 15-й.

Присутствовали: Ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ.**

Секретарь факультета, орд. проф. **М. Ф. Поповъ.**

Члены: профессоры: **В. Н. Великій, Н. Ѳ. Кащенко, М. Г. Курловъ, Ѳ. А. Ерофѣевъ, Э. А. Леманъ, А. А. Веденскій, Е. С. Образцовъ, П. В. Буржинскій, Д. И. Тимоѳеевскій, М. Н. Поповъ, Ф. Я. Капустинъ и И. С. Поповскій,**

Отсутствовали: профессоры: **А. М. Зайцевъ и Э. Г. Салищевъ**—по нахожденію въ командировкѣ; **А. П. Коркуновъ, И. Н. Грамматикати, Н. А. Роговичъ, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Веркеръ и А. Е. Смирновъ.**

Содержаніе: Защищеніе Дочевскимъ диссертаціи на доктора медицины.

Происходило защищеніе лѣкаремъ Дочевскимъ диссеертаціи подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника», представленной имъ для полученія степени доктора медицины.

Засѣданіе открыто Предсѣдательствующимъ чтеніемъ слѣдующаго curriculum vitae докторанта:

Илья Ивановичъ Дочевскій, сынъ ветеринарнаго врача, уроженецъ Черниговской губерніи, родился въ 1865 году. Среднее образованіе получилъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1885 году. Въ томъ же году поступилъ на медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковскаго Университета, который и окончилъ въ 1890 г. лѣкаремъ съ отличіемъ (cum eximia laude.) До 1 мая 1892 года служилъ земскимъ врачемъ въ Черниговской губерніи, гдѣ завѣдывалъ Коропскимъ земскимъ медицинскимъ участкомъ; затѣмъ въ маѣ былъ назначенъ сначала ординаторомъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго Томскаго Университета, а затѣмъ лаборантомъ при каѳедрѣ діангостики. Оставаясь въ должности, съ іюня 1894 г. и по сентябрь 1896 г., исполнялъ обязанности университетскаго врача. Съ 7 сентября 1896 года, согласно собственному ходатайству, былъ отчисленъ отъ должности лаборанта и утвержденъ университетскимъ врачемъ, въ каковой должности и состоитъ въ настоящее время. Кромѣ представленной для полученія степени доктора медицины работы Дочевскимъ еще написаны слѣдующія: «О лѣченіи застарѣлыхъ сифилитическихъ язвъ голени.» (Врачъ 1892 г.) «Къ вопросу о непосредственномъ вліяніи наперстянки на центральную нервную систему» (Врачъ 1895 г.) «О физіологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» (Врачъ 1895 г.) и «Отчетъ по терапевтической клиникѣ

Императорскаго Томскаго Университета за первые два года ея существованія. (Извѣстія Имп. Томск. Универс. 1896 г.)

Словесныя, практическія и письменныя испытанія на степень доктора медицины Дочевскій выдержалъ удовлетворительно въ 1894 году въ установленный законный срокъ. Нынѣ г. Дочевскій представилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника» Диссертація эта, по разсмотрѣніи и одобреніи въ засѣданіи Совѣта Университета 16 минувшаго ноября, допущена сегодня, 15 декабря къ публичному защищенію, при чемъ оффиціальными оппонентами назначены профессоры: В. Н. Великій, А. П. Коркуновъ и П. В. Буржинскій.

Примѣчаніе. Вмѣсто проф. Коркунова, неявившагося съ засѣданіе по болѣзни, возраженіе поручено было проф. М. Н. Попову. А. Судаковъ.

Послѣ этого состоялось защищеніе лѣкаремъ Дочевскимъ диссертаціи, при чемъ въ диспутѣ, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ возражалъ проф. М. Г. Курловъ.

Совѣтъ Университета призналъ его удовлетворительнымъ и потому постановилъ удостоить лѣкаря Илью Дочевскаго степени доктора медицины.

ЖУРНАЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.

19 декабря 1896 года.

№ 16-й.

Присутствовали: Предсѣдатель, ректоръ, ординарный профессоръ **А. И. Судаковъ.**

Члены: профессоры – секретарь факультета **М. Ф. Поповъ, Д. Н Бѣликовъ, В. Н. Великій, Н Ф. Кащенко, Ф. А. Ерофѣевъ, Н. А. Роговичъ, М. Г. Курловъ;** экстраординарные профессоры: **Ф. Я. Капустинъ, П. В. Буржинскій, Е. С. Образцовъ, И. С. Поповскій, В. В. Сапожниковъ, Е. В. Вернеръ, Ф. К. Крюгеръ, М. Н. Поповъ, А. Е. Смирновъ,** и **А. А. Введенскій.**

Отсутствовали: профессоры: **А. П. Коркуновъ, И. Н. Грамматикати, Э. А Леманъ,** – по болѣзни, **Э. Г. Салищевъ** и **А. М. Зайцевъ**—по нахожденію въ командировкѣ; **Д. И. Тимоѳеевскій.**

Содержаніе: Пожертвованіе вдовой проф. Судакевича патолого-анатомическому кабинету микроскопическихъ препаратовъ и книгъ, а также назначеніе г-жѣ Судакевичъ денежнаго пособія. Производство испытаній на д-ра медицины лѣкарей Архангельскаго, Бутягина, Вершинина, Касторскаго, Соколова и Теплякина. Разрѣшеніе г. Попечителя учебн. окр. выдать проф. Образцову путевое пособіе въ 300 р. для поѣздки въ С.-Петербургъ Утвержденіе Попечителемъ учебн. окр. постановленія Совѣта о порученіи приватъ доцентамъ Романову и Тимашеву веденія занятій по каѳедрамъ патологической анатоміи и дѣтскихъ болѣзней. Назначеніе лѣкарей Левашева и Касторскаго на должность лаборанта и ординатора терапевтической факульт. клиники съ 21 сентября. Ходатайство объ ассигнованіи суммъ на содержаніе стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Распредѣленіе суммъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя установленія университета. Ходатайство проф. Роговича о выдачѣ ему вознагражденія за время занятій по госпитальной хирургической клиникѣ. Ходатайство проф. Поповскаго объ учрежденіи при каѳедрѣ нормальной анатоміи должности помощника прозектора. Назначеніе для пріобрѣтенія приборовъ для каѳедры медицинской химіи пособія въ 400 р. Заявленія профессоровъ Лемана, Попова, и Великаго относительно выписки въ библіотеку университета книгъ. Производство зачета студентамъ осенняго полугодія. Докладъ библіотечной коммиссіи. Назначеніе лѣкарямъ Дмитріевскому, Лебедеву и Спасскому темъ для письменныхъ отвѣтовъ при испытаніи на д-ра медицины. Утвержденіе лѣкарей Краснопольскаго, Бочковскаго, Соколова, Новосельцева, Елеонскаго и Глубоковскаго въ званіи уѣзднаго врача.

---

1. По открытіи засѣданія Г. Предсѣдатель доложилъ: «Открывая настоящее засѣданіе Совѣта, я считаю необходимымъ здѣсь, въ центрѣ нашей общей дѣятельности, еще одинъ разъ помянуть нашего такъ рано насъ покинувшаго сотоварища И. И. Сулакевича. Я не буду касаться ученыхъ трудовъ и вообще ученой и преподавательской дѣятельности И. И.—объ этой сторонѣ дѣятельности И. И. мы уже нѣсколько разъ слышали отъ тѣхъ нашихъ сотоварищей, которые при погребеніи, въ церкви и на могилѣ, говорили И. И. послѣднее прости и еще разъ подробно ознакомимся изъ очерка о жизни и дѣятельности И. И., очерка, который обѣщалъ намъ составить сотрудникъ и до извѣстной степени ученикъ покойнаго Ѳ. И. Романовъ. Здѣсь я считаю долгомъ напомнить Вамъ объ И. И. только какъ членѣ нашего Совѣта. И. И. посѣщалъ засѣданія нашего Совѣта только въ началѣ своей служебной дѣятельности въ Томскомъ Университетѣ; но и въ это короткое время, мы всѣ имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что И. И. всегда стоялъ за правильное, безпристрастное, свободное отъ всякихъ посторонніхъ вліяній и всякихъ партійныхъ интересовъ и соображеній обсужденіе различнаго рода вопросовъ. Такое отношеніе И. И. къ нашимъ

общимъ университетскимъ дѣламъ прибавляетъ еще одну черту къ привлекательному и симпатичному облику нашего, такъ рано угасшаго талантливаго товарища.

Послѣ И. И. осталась жена съ двумя малолѣтними дѣтьми. И. И. успѣлъ заслужить себѣ уже часть пенсіи, такъ что семейство его не останется безъ всякихъ средствъ. Но все же на погребеніе И. И. Правленіе нашло нужнымъ распорядиться дать вдовѣ пособіе въ размѣрѣ 300 руб. и затѣмъ въ настоящее время Правленіе ходатайствуетъ предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ выдать еще 300 руб. на которые она могла бы просуществовать до полученія пенсіи.

Почтимте память нашего товарища обычнымъ актомъ—вставаніемъ».

Послѣ этого проф. М. Н. Поповъ заявилъ, что вдова покойнаго, согласно желанія послѣдняго, передаетъ болѣе 2000 микроскопическихъ препаратовъ, главнымъ образомъ по центральной нервной системѣ и строенію раковъ, патолого-анатомическому кабинету Томскаго университета.

Проф. Роговичъ прибавилъ, что и оставшіяся послѣ покойнаго книги, преимущественно по паразитизму раковъ и нѣкоторыя патолого-анатомическія сочиненія, всего болѣе 100 названій будутъ переданы въ патолого-анатомическій кабинетъ въ память покойнаго И. И.

Проф. Великій замѣтилъ, что пособіе, о выдачѣ котораго вдовѣ покойнаго ходатайствуетъ Правленіе, ему кажется недостаточнымъ; по его мнѣнію, въ виду только однихъ пріобрѣтеній, которыя дѣлаетъ патолого-анатомическій кабинетъ, слѣдовалобы ходатайствовать о выдачѣ по крайней мѣрѣ 500 р.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о выдачѣ въ пособіе вдовѣ покойнаго профессора Судакевича сверхъ выданныхъ 300 р. на погребеніе еще 500 р. изъ спеціальныхъ средствъ университета.

2. Переданные въ патолого-анатомическій кабинетъ микроскопическіе препараты и книги предложить завѣдующему записать въ инвентарную книгу этого кабинета.

2. Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія Совѣта 30-го ноября сего года № 14-й.

3. Производили испытаніе на степень доктора медицины изъ частной патологіи и терапіи, ученія о первныхъ и душевныхъ болѣзняхъ и ученія о дѣтскихъ болѣзняхъ лѣкарей Архангельскаго, Бутягина, Вершинина, Касторскаго, Соколова и Тепляшина.

Испытуемые по означеннымъ предметамъ получили отмѣтки удовлетворительныя.

Слушали:

4. Предложенія г. Попечителя учебнаго округа:

а) Отъ 2 декабря 1896 года за № 3390:

«Вслѣдствіе представленія отъ 30 истекшаго ноября за № 4524, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я утверждаю представленное мнѣ въ выпискѣ постановленіе Совѣта Императорскаго Томскаго университета отъ 16 того же ноября за № 12 по статьѣ 5 о выдачѣ экстраординарному профессору Образцову, командируемому Совѣтомъ университета съ 1 по 20 января на съѣздъ сифи-

лидологовъ въ С.-Петербургѣ путеваго пособія въ размѣрѣ 300 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что въ ходатайствѣ предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи командировать профессора Образцова надобности не встрѣчается, такъ какъ командировка потребуетъ лишь 5 дней учебнаго времени сверхъ Рождественскихъ каникулъ, а по уставу Россійскихъ университетовъ ректору предоставляется своею властью разрѣшать отпускъ въ учебное время на 8 дней».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

б) Отъ 3 декабря 1896 года за № 3595:

«Вслѣдствіе представленія отъ 2 текущаго декабря за № 4530, имѣю честь возвратить при семъ къ Вашему Превосходительству, по минованіи надобности, журналъ Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 23 минувшаго ноября за № 13».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ 5 декабря 1896 года за № 3609:

«Вслѣдствіе представленія отъ 3 сего декабря за № 4535, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я утверждаю представленное мнѣ въ выпискѣ постановленіе Совѣта Императорскаго Томскаго Университета по ст. 3 журнала сего Совѣта отъ 30 истекшаго ноября за № 14—о порученіи нынѣ же приватъ-доценту прозектору Романову веденія занятій по каѳедрѣ патологической анатоміи въ названномъ Университетѣ».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

г) Отъ 5 декабря 1896 года за № 3610:

«Вслѣдствіе представленія отъ 3 сего декабря за № 4536, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я утверждаю представленное мнѣ въ выпискѣ постановленіе Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 30 минувшаго ноября за № 14 по статьѣ 4—объ избраніи доктора медицины Тимашева приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней и разрѣшаю поручить Тимашеву веденіе занятій по названной каѳедрѣ съ начала 1897 года.

Что-же касается вознагражденія Тимашева за означенныя занятія, то по сему предмету мною будетъ сдѣлано надлежащее представленіе г. Министру Народнаго Просвѣщенія».

Постановили: предложить приватъ-доценту Тимашеву представить программу чтеній по дѣтскимъ болѣзнямъ въ предстоящемъ весеннемъ полугодіи 1896–97 учебнаго года.

д) Отъ 9 декабря 1896 года за № 3629:

«Вслѣдствіе представленія отъ 7 декабря за № 4585 и въ дополненіе къ предложенію моему отъ 29 истекшаго ноября за № 3561, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что согласно изложенному въ представленной мнѣ выпискѣ постановленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 30 ноября за № 14 перемѣщеніе штатнаго ординатора терапевтической факультетской клиники Левашева на должность лаборанта при каѳедрѣ діагностики и сверхштатнаго ординатора терапевтической факультетской клиники лѣкаря Касторскаго на должность штатнаго ординатора этой клиники надлежитъ считать съ 21 сентября с. г., а не съ 16 истекшаго ноября».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

е) Отъ 12 декабря 1896 года за № 3650:

«Высочайше утвержденнымъ 6 мая сего года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ измѣненіе и пополненіе подлежащихъ узаконеній устава о воинской повинности нормальный періодъ времени для пріема на службу вольно-опредѣляющихся положенъ съ 15 августа по 1 октября каждаго года, при чемъ срокъ службы для принятыхъ до 1 сентября исчисляется съ 1 сентября, и для всѣхъ остальныхъ съ 1 октября.

Вслѣдствіе сего Министерство Народнаго Просвѣщенія, озабочиваясь надлежащимъ обезпеченіемъ университетовъ молодыми учеными силами для замѣщенія освобождающихся каѳедръ, проситъ меня отнынѣ представлять въ Министерство ходатайства объ оставленіи молодыхъ людей при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію и о командированіи ихъ съ ученою цѣлью за границу съ такимъ расчетомъ времени, чтобы ходатайства эти могли быть разрѣшаемы Министерствомъ до 1 сентября каждаго года; что-же касается вопроса о назначеніи указаннымъ лицамъ содержанія на время ихъ командировокъ или оставленіи при университетахъ, то таковой по установленному порядку будетъ разсматриваться Министерствомъ въ концѣ года при распредѣленіи суммъ на слѣдующій годъ.

Объ этомъ, вслѣдствіе циркулярнаго распоряженія г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16 минувшаго ноября за № 27539, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащаго свѣдѣнія и руководства».

По выслушаніи настоящаго предложенія г. Предсѣдатель обратилъ вниманіе на то, что въ Томскомъ Университетѣ до сихъ поръ никто изъ оканчивающихъ въ немъ курсъ не былъ оставляемъ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по неимѣнію для этого въ распоряженіи университета средствъ. Между тѣмъ изъ получающихъ у насъ званіе лѣкаря не мало нашлось бы лицъ достойныхъ и желающихъ продолжать образованіе для приготовленія къ ученой степени. Поэтому желательно было бы и своевременно ходатайствовать предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи въ распоряженіе Университета суммы на содержаніе хотя бы двухъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ Университетахъ.

Предложеніе это было поддержано всѣми членами Совѣта, при чемъ было высказано еще, что лица оставляемыя стипендіатами, въ тоже время могли были служить помощниками профессоровъ при практическихъ занятіяхъ со студентами и такимъ образомъ дополнять штатъ служащихъ при учебно-вспомогательныхъ установленіяхъ Университета, который недостаточенъ.

Постановили: ходатайствовать чрезъ г. Попечителя учебнаго округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи въ распоряженіе Университета суммъ для содержанія двухъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, выбираемыхъ изъ числа лицъ успѣшно оканчивающихъ въ Университетѣ курсъ медицинскихъ наукъ.

ж) Отъ 18 декабря 1896 года за № 3731:

«Вслѣдствіе представленія отъ 17 текущаго декабря за № 4705, имѣю честь возвратить при семъ къ Вашему Превосходительству, по миновапіи надобности, жур-

налъ публичнаго засѣданія Совѣта Императорскаго Томскаго Университета отъ 15 сего декабря за № 15».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5. Составляли распредѣленіе на 1897 годъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя установленія Университета.

При этомъ г. Предсѣдательствующій замѣтилъ, что въ Томскомъ Университетѣ 13400 р., ассигнуемые на содержаніе учебно-вспомогательныхъ установленій, распредѣляются не между 20 учрежденіями, какъ это значится въ штатѣ, а между 24. Именно въ нашемъ Университетѣ изъ 13400 р. кромѣ указанныхъ въ штатѣ учебно-вспомогательныхъ установленій получаютъ ассигнованіе еще кабинеты:

Частной патологіи и терапіи	300 р.
Оперативной хирургіи	450 р.
Дѣтскихъ болѣзней	250 р.
Одна изъ двухъ каѳедръ химіи	800 р.
Итого . .	1800 р.

Кромѣ того всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія Томскаго Университета расходуютъ еще на пересылку и транспортъ разнаго рода необходимыхъ для нихъ принадлежностей около 25% ассигнуемыхъ на содержаніе этихъ установленій суммъ.

Въ виду указанныхъ соображеній г. Предсѣдательствующій находитъ для себя довольно затруднительнымъ указать тѣ кабинеты, изъ суммъ которыхъ можно было бы согласно предложенія г. Попечителя учебнаго округа 28 ноября с. г. № 3531, выдѣлить на каѳедру общей химіи 400 р. въ дополненіе къ 800 р., отпускаемымъ изъ штатныхъ суммъ.

Чтобы удовлетворить предложеніе г. Попечителя, г. Предсѣдатель предложилъ Совѣту—не найдетъ ли онъ возможнымъ отчислить требуемую сумму отъ слѣдующихъ каѳедръ: нервныхъ и душевныхъ болѣзней—50 р., оперативной хирургіи—50 р., частной патологіи и терапіи—100 р., накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней—100 р. и медицинской химіи—100 р. По поводу этого предложенія Проф. М. Н. Поповъ заявилъ, что кабинетъ нервной клиники нуждается въ пріобрѣтеніи дорого стоющихъ электрическихъ и другихъ приборовъ и содержаніи ихъ въ исправности, поэтому онъ просилъ бы не уменьшать прошлогодняго ассигнованія на его клинику.

О томъ же самомъ просили проф. Крюгеръ и проф. Курловъ. Послѣдній заявилъ, что имъ сдѣланы неоплаченныя еще пріобрѣтенія аппаратовъ для примѣненія открытія Рентгена для клиническихъ цѣлей.

Проф. Вернеръ замѣтилъ, что при назначеніи суммъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ установленій нужно выходить изъ дѣйствительныхъ потребностей и нуждъ каждой каѳедры и поэтому, по его мнѣнію, не слѣдуетъ дѣлать отчисленій отъ упомянутыхъ г. Предсѣдателемъ каѳедръ для пополненія суммъ каѳедры химіи, а лучше сдѣлать дополнительное ассигнованіе изъ какихъ либо другихъ источниковъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что на 1200 р. онъ не можетъ вести практическихъ занятій съ столь большимъ, какъ въ настоящее время, числомъ слушателей.

Другіе члены Совѣта просили оставить для ихъ каѳедръ штатныя ассигнованія прошлаго года, также сохранить добавочныя ассигнованія изъ спеціальныхъ средствъ по каѳедрамъ, для которыхъ они были сдѣланы.

Постановили: 1) оставить на слѣдующій 1897 г. тоже распредѣленіе штатныхъ суммъ, которое существовало въ истекающемъ 1896 году.

2) Сохранить добавочныя ассигнованія изъ спеціальныхъ средствъ Университета всего въ количествѣ 500 руб. по каѳедрамъ, для которыхъ они были сдѣланы на 1896 г. и прибавить къ штатному ассигнованію—800 р.—для каѳедры общей химіи 400 р. изъ % съ капитала Ф. П. Западворова.

Такимъ образомъ распредѣленіе суммъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ установленій въ 1897 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Штатн.	Спеціальн.	Всего.
На физическій кабинетъ	700 р.	50 р.	750 р.
» ботаническій кабинетъ	400 р.	—	400 р.
» физіологическій	700 р.	50 р.	750 р.
» анатомическій	800 р.	50 р.	850 р.
» кабинетъ медицинской химіи	700 р.	—	700 р.
		(% кап. Западворова).	
» общей химіи	800 р.	400 р.	1200 р.
» фармацевтическій	500 р.	—	500 р.
» гистологическій	400 р.	50 р.	450 р.
» минералогическій	400 р.	—	400 р.
» ботаническій садъ съ оранжереей . . .	700 р.	100 р.	800 р.
» зоологическій кабинетъ съ музеемъ . .	800 р.	50 р.	850 р.
» патолого-анатомическій кабинетъ . . .	700 р.	—	700 р.
» каб. общей патологіи съ лабораторіей . .	700 р.	—	700 р.
» фармакологическій кабинетъ	600 р.	—	600 р.
» кабинетъ судебной медицины	400 р.	100 р.	500 р.
» » терапевтической факул. клиники-съ лабораторіей діагностики	600 р.	—	600 р.
» хирургической факул. клиники	500 р.	—	500 р.
» гигіеническій кабинетъ съ лабораторіей .	700 р.	50 р.	750 р.
» кабинетъ оперативной хирургіи съ топографической анатоміей	450 р.	—	450 р.
» акушерско-гинекологической клиники . .	400 р.	—	400 р.
» офтальмологической клиники	300 р.	—	300 р.
» дѣтской клиники	250 р.	—	250 р.
» душевныхъ и нервныхъ болѣзней . . .	400 р.	—	400 р.
» частной патологіи и терапіи	300 р.	—	300 р.
» сифилитическихъ и кожныхъ болѣзней . .	200 р.	—	200 р.
Итого . .	13400 р.	500 р.	
		400 р.	
			14300 р.

3. Объ утвержденіи этого распредѣленія ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа.

6. Слушали слѣдующее заявленіе проф. Роговича:

«Предъ отъѣздомъ проф. Салищева въ заграничную командировку Совѣтъ Императорскаго Томскаго Университета поручилъ мнѣ завѣдываніе хирургической госпитальной клиникой и преподаваніе по этой каѳедрѣ срокомъ отъ 15 марта 1896 года по 10 января 1897 года, не сдѣлавъ постановленія о выдачѣ мнѣ слѣдуемаго за этотъ трудъ вознагражденія. Такъ какъ срокъ завѣдыванія мною госпитальной клиникой въ настоящее время приближается къ концу, то я покорнѣйше просилъ бы Совѣтъ Университета ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о выдачѣ мнѣ за понесенный мною трудъ, отнявшій у меня много силы и времени, вознагражденія по статьѣ 64 по крайней мѣрѣ по расчету за одно осеннее полугодіе, т. е. въ размѣрѣ 600 р.».

Г. Предсѣдатель замѣтилъ, что предвидимый остатокъ отъ содержанія личнаго состава въ этомъ году былъ исчисленъ въ концѣ минувшаго сентября въ пять съ лишкомъ тысячъ рублей; при этомъ о 5000 р. возбуждено было ходатайство предъ Министерствомъ о зачисленіи этой суммы на пристройку 2 хирургической аудиторіи. Въ настоящее время оказывается, что сверхъ пяти тысячъ рублей по этому кредиту остается еще 252 р. 18 к. Поэтому по его мнѣнію слѣдовало бы ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о выдачѣ въ вознагражденіе проф. Роговичу за болѣе чѣмъ полугодовое завѣдываніе госпитальной клиникой этихъ 252 р. 18 к., а недостающіе до 600 р.—347 р. 82 к. можно было бы пополнить изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о выдачѣ проф. Роговичу за болѣе чѣмъ полугодовое завѣдываніе госпитальной хирургической клиникой и веденіе занятій по ней со студентами вознагражденія по статьѣ 64 унив. устава въ размѣрѣ 600 р., изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава въ количествѣ 252 р. 18 к. и спеціальныхъ средствъ Университета въ количествѣ 347 р. 82 к.

7. Заявленіе проф. Поповскаго слѣдующаго содержанія:

«При громадномъ количествѣ студентовъ на первыхъ двухъ курсахъ, достигающемъ до 300, правильное веденіе практическихъ занятій по нормальной анатоміи, какъ показываетъ опытъ, при содѣйствіи одного прозектора оказывается положительно невозможнымъ. На прозекторѣ лежитъ масса обязанностей,—пріемъ поступающаго анатомическаго матеріала, бальзамированіе труповъ, инъецированіе сосудовъ, распредѣленіе анатомическаго матеріала между студентовъ, обученіе студентовъ препарированію, разъясненіе студентамъ встрѣчающихся при препарированіи затрудненій, демонстрированіе нѣкоторыхъ областей человѣческаго тѣла и т. п. Кромѣ того въ кругъ обязанностей прозектора входитъ приготовленіе анатомическихъ препаратовъ для лекцій, пополненіе препаратами анатомическаго музея и, наконецъ, приготовленіе скелетовъ. При такихъ сложныхъ и многотрудныхъ обязанностяхъ, которыя постоянно лежатъ на прозекторѣ анатоміи, нѣтъ ему никакой физической возможности посвящать достаточно много времени практическимъ занятіямъ со студентами. Вотъ почему въ

Томскомъ Университетѣ часть прозекторскихъ обязанностей, какъ наприм. репетиціи со студентами, пріемъ отъ студентовъ препаратовъ и т. п. исполняется самимъ профессоромъ. Что и профессоръ анатоміи въ Томскомъ Университетѣ заваленъ работою, на это указываетъ въ достаточной степени количество часовъ, которое приходится ему посвящать занятіямъ со студентами, такъ въ осеннемъ полугодіи нынѣшняго года количество это доходило фактически до 25 въ недѣлю—7 теоретическихъ и 18 практическихъ.

Изъ вышеизложеннаго, я полагаю, вполнѣ очевидно, что правильная постановка практическихъ занятій по нормальной анатоміи—науки, изучаемой по преимуществу практически, возможна только при увеличеніи учебно-вспомогательныхъ силъ.

Не лишнимъ считаю обратить вниманіе Совѣта, что въ другихъ Россійскихъ университетахъ при каѳедрѣ нормальной анатоміи полагается по штату, по меньшей мѣрѣ прозекторъ и помощникъ прозектора, а въ нѣкоторыхъ, какъ наприм. въ Кіевскомъ, Московскомъ, прозекторъ и два помощника прозектора.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній я позволю себѣ обратиться въ Совѣтъ съ покорнѣйшей просьбой ходатайствовать въ узаконенномъ порядкѣ объ учрежденіи сверхштатной должности помощника прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи въ Томскомъ Университетѣ съ содержаніемъ 500—600 р. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ Университета или изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава».

Постановили: ходатайствовать чрезъ г. Попечителя учебнаго округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи постоянной штатной должности помощника прозектора при каѳедрѣ нормальной анатоміи; временно же, въ виду необходимости, до открытія таковой просить разрѣшенія содержать при названной каѳедрѣ сверхштатнаго помощника прозектора, вознаграждая его по 600 р. въ годъ изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава, а при отсутствіи послѣднихъ изъ спеціальныхъ средствъ университета.

8. Заявленіе проф. Крюгера слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Томскаго Университета не отказать мнѣ въ единовременномъ пособіи въ размѣрѣ 400 р., сверхъ штатной суммы, для пріобрѣтенія слѣдующихъ учебно-вспомогательныхъ предметовъ, необходимыхъ для цѣлесообразнаго преподаванія и практическихъ занятій по предмету ввѣренной мнѣ каѳедры:

2 микроскопа vision directe.

3 микроскопа для лабораторныхъ цѣлей.

3 гемометра Флейшля.

1 аппаратъ Тома Цейса для счета кровяныхъ тѣлецъ».

Постановили: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ учебнаго округа о назначеніи для каѳедры медицинской химіи единовременнаго пособія въ 400 р. изъ % съ капитала Западворова для пріобрѣтенія указанныхъ профессоромъ Крюгеромъ въ его заявленіи предметовъ.

9. Заявленіе профессора Лемана слѣдующаго содержанія:

«Покорнѣйше прошу Совѣтъ разрѣшить выписку чрезъ посредство г. библіотекаря нижеслѣдующихъ сочиненій на средства (28 р.), оставшіяся въ текущемъ году отъ библіотечной суммы, отчисленной на каѳедру фармаціи, а именно:

Planchon et Colie. Les drogues simples d'origine végétale. Paris. 1895. 30 м.
Neumann und Pribram. Anleitung sur Prüfung d. Arzneistoffe. . . 7 м.
Behrendes. Die Pharmacie b. den drter Kulturvölkern. 1892 . . . . 16 м.
Bicheb. Pharmaceutische Uebungspraeparate. 1894 г. . . . . 5 м.
Итого . 58 м.

Изъ журналовъ по фармаціи выписать на будущій 1897 годъ вмѣсто нѣмецкаго журнала „Zeitschrift für Narungsmitteluntersuchung" und „Hygiaene" новый русскій журналъ „Фармацевтическій Вѣстникъ". Цѣна 6 р.

Постановили: выписку означенныхъ сочиненій и „Фармацевтическаго Вѣстника" на 1897 годъ въ счетъ библіотечныхъ суммъ каѳедры фармаціи разрѣшить.

10. Заявленіе проф. М. Ф. Попова слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ разрѣшить выписать для университетской библіотеки на счетъ библіотечныхъ суммъ каѳедры судебной медицины слѣдующія новыя судебно-медицинскія сочиненія:

Bergeron.—Médécine legale et jurisprudence médicale. Paris . 10 fr. 1895 г.
Debierre.—Le crâne des criminels. Paris . . . . . 9 fr. 1895 г.
Mittenzweig.—Ueber criminellen Abort . . . . . 1 mk. 1895 г.
Luff. Text-book of forensic medicin and toxicology. 2 vols 1895. London . . . . . 28.80 mk.
Dallemagne, T.—Les stigmates anat. de la criminalité. Paris. Masson. 1895 г. . . . . 2.25 mk.
Laborde.—La lutte contre l'alcoolisme Paris. 1896 г. . . . 1.25 mk.
Guy and *Ferrier.*—Principles of forensic medicin. 7-e edit. 1895 г. London. . . . . 16 sh.
Hamilton, Codkin and Bobcock.—A system of legal medicin, 2 v. 1895 г. . . . . 60 sh.
Brouardel.—La pendaison, la strangulation, la suffocations, la submersion . . . . . 10.8 mk.

Постановили: выписку означенныхъ сочиненій на библіотечныя суммы каѳедры судебной медицины разрѣшить.

11 Заявленіе проф. В. Н. Великаго слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь просить Совѣтъ Университета разрѣшить выписать на счетъ библіотечныхъ суммъ каѳедры физіологіи сочиненіе: *Fischer*—Beiträge zur Muskelstatik. Abth. 1. Ueber das Gleichgewicht zwischen Schwere und Muskeln am zweigliederigen System. 1896 г.

Постановили: выписку названнаго сочиненія на библіотечныя суммы каѳедры физіологіи разрѣшить.

12. Производили зачетъ осенняго полугодія студентамъ всѣхъ пяти курсовъ. При этомъ секретарь факультета доложилъ отзывы преподавателей объ участіи студентовъ въ положенныхъ практическихъ занятіяхъ и доставленныя г. инспекторомъ студентовъ свѣдѣнія о посѣщеніи послѣдними теоретическихъ лекцій. Въ общемъ занятія студентовъ по этимъ отзывамъ и свѣдѣніямъ въ теченіе полугодія были удовлетворительныя. Особенно исправно посѣщали лекціи студенты 1, 4 и 5 курсовъ, менѣе

прилежанія обнаружили студенты 2 и 3 курсовъ. Такъ на первомъ курсѣ пропустили и и 10% и болѣе лекцій изъ 174 ст.—29 человѣкъ, на 2 к. изъ 106 студентовъ—46, , , на третьемъ изъ 60 студ.—20, на 4 курсѣ изъ 53—6 и на 5 изъ 44—7 студентовъ. Кромѣ возможной недостаточности прилежанія главнѣйшими причинами пропуска лекцій, особенно значительнаго, служили поздняя явка въ Университетъ и засвидѣтельствованныя врачемъ и инспекціей болѣзнь.

Болѣе 25% лекцій пропустили слѣдующіе студенты:

1 курсъ:

Архангельскій Владиміръ—28% по болѣзни.
Бронштейнъ Абрамъ—52% по болѣзни.
Гамулецкій Ипполитъ—32%.
Громовъ Ипполитъ—41%.
Кайдаловъ Владиміръ—43% по болѣзни.
Моисеенко Николай—27% по болѣзни.
Сазановъ Григорій—28%.
Сперанскій Петръ—36% по нахожденію въ отпуску.
Тихонравовъ Владиміръ—36%.

2 курсъ:

Дивногорскій Вячеславъ 33%.
Жаворонковъ Николай—59%.
Звѣревъ Владиміръ—49%.
Осиповъ Константинъ—27%.
Мелединъ Константинъ—61% по нахожденію въ отпуску.
Сурей Владиміръ—50%.

3 курса:

Обтемперанскій Леонидъ—55% по болѣзни.
Флоренсовъ Александръ—30% по болѣзни.

4 курса:

Мартемьяновъ Александръ—26%.

5 курсъ:

Оржешко Брониславъ—27% по болѣзни.
Шинкманъ Исай—25% вслѣдствіе поздней явки.

Постановили: 1) всѣмъ студентамъ 1, 2, 3, 4 и 5 курсовъ, кромѣ поименованныхъ пропустившихъ болѣе 25% лекцій, зачесть осеннее полугодіе.

2) поименованнымъ же студентамъ зачетъ осенняго полугодія отложить до выдержанія ими къ началу слѣдующаго весенняго полугодія коллоквіума, которому ихъ подвергнуть по всѣмъ предметамъ ихъ курса.

19. Слушали докладъ библіотечной ревизіонной комиссіи слѣдующаго содержанія: «Ревизія библіотеки, произведенная осенью истекающаго 1896 года профессорами П. В. Буржинскимъ, В. В. Сапожниковымъ, Е. С. Образцовымъ и И. Н. Грамматикати, обнаружила утрату 12 №№ 31583, 31735, 32369, 33575, 35559, 5792, 36416, 37645, 37733, 38315, 39735,—въ періодъ ревизіи 18 №№—31202, 31692, 32744, 32903, 33347, 34350, 34351, 34796, 34771, 34864, 34937, 35645,

35155, 36626, 36631, 37459, 38459, 39987,—находились въ переплетѣ, сверхъ сего 9 №№ по заявленію г. библіотекаря находятся на рукахъ у лицъ, взявшихъ книги для пользованія и не предъявившихъ ко времени ревизіи.—См. прилагаемый списокъ».

Замѣчанія Комиссіи о результатахъ ревизіи и объясненія г. библіотекаря прилагаются въ подлинникѣ къ настоящему журналу.

Постановили: предложить библіотекарю пополнить утраченные 12 №№ книгъ, указанныхъ въ докладѣ комиссіи, въ установленный правилами срокъ, а при невозможности это исполнить, возмѣстить стоимость ихъ.

2) въ составъ библіотечной комиссіи на будущій 1897 годъ вмѣсто выбывающихъ по очереди проф. Грамматикати и Сапожникова избрать проф. Кащенко—Предсѣдатель—и Введенскаго.

14. Секретарь факультета доложилъ:

а) О необходимости назначить темы для письменныхъ отвѣтовъ окончившимъ словесныя и практическія испытанія на степень доктора медицины лѣкарямъ Дмитріевскому, Лебедеву и Спасскому.

Постановили: предложить испытуемымъ темы, по 2 каждому, по слѣдующимъ 6 врачебнымъ наукамъ: физіологіи, анатоміи, медицинской химіи, фармакологіи, частной патологіи и терапіи и гигіенѣ.

б) Студентъ 2 курса Лаврушевъ Александръ, допущенный къ переэкзаменовкѣ изъ физики, выдержалъ оную удовлетворительно, получивъ баллъ 3.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

15. Допущенные къ испытанію на званіе уѣзднаго врача лѣкаря: Краснопольскій Николай, Бочковскій Павелъ, Соколовъ Николай, Новосильцевъ Николай, Елеонскій Алексѣй и Глубоковскій Александръ выдержали оное удовлетворительно.

Постановили: удостоить поименованныхъ лѣкарей званія уѣзднаго врача, въ чемъ и выдать имъ установленныя свидѣтельства.

Сводъ замѣчаній членовъ комиссіи по обревизованію Главной библіотеки Императорскаго Томскаго Университета, производившемуся съ 23 августа по 9 сентября 1896. №№ 30001—32500 обревизованы проф. П. В. Вуржинскимъ; №№ 32501—35000—проф. Е. С. Образцовымъ; №№ 35001—37000—проф. В. В. Сапожниковымъ; №№ 37501—40000—проф. И. Н. Грамматикати.

№ 30020. **Архивъ** судебной медицины. Недостаетъ: 1865, кн. 1. 1870, кн. 1—3. 1871, кн. 1, (5 томовъ).	Находится у проф. М. О. Попова и къ ревизіи не возвращенъ.
№ 30021. **Сборникъ** сочиненій по судебной медицинѣ. Недостаетъ: 1872, кн. 3; 1877, кн. 2; 1879, кн. 2; 1880, кн. 2 (4 тома).	Находится у проф. М. О. Попова и къ ревизіи не возвращенъ.

№ 30001. **Другъ Здравія**. Опечатка: 2 раза напечатано 1867 годъ, вмѣсто 1867—1869.	Будетъ внесено въ опечатки.
№ 30079. Нѣтъ: **Sprengel**. Versuch einer pragmat. Geschichte d. Arzneikunde. 5 Bde.	Былъ выданъ проф. Тимоѳеевскому и предъявленъ при ревизіи.
№ 30172. **Сѣверная Пчела**. Вмѣсто 25 тетр.—24 тетради.	Опечатка: должно быть 24 тетради.
№ 30185. **Медицинскій Вѣстникъ**. Полка не вѣрна (нужно 2).	Полка 2-я начинается съ года 1864 этого журнала. Будетъ внесено въ опечатки.
№ 30187. **Экономъ**. Недостаетъ I тома. Начиная съ № 30213—полка 4-я, а не 3-я.	Томъ I стоялъ по ошибкѣ рядомъ съ № 30181. Будетъ внесено въ опечатки.
№ 30237. **Müller**. Manuel de physiologie. Пропущено: 2 тома.	Опечатка: будетъ исправлено.
№ 30271. **Записки** по части врачебныхъ наукъ. Не 7, а 10 (?) томовъ.	Должно быть напечатано: 19 книжекъ въ 10 томахъ. Два тома дополнены послѣ каталогизаціи.
№ 30280. **Гризолль**. Трактатъ о воспаленіи легкихъ. Нѣтъ.	На мѣстѣ.
№ 30575. **Малининъ и Буренинъ**. Руководство ариѳметики. Нѣтъ.	Не возвращена къ ревизіи студ. Лебяжевымъ и до сихъ поръ у него.
№ 30811. **Kölliker**. Handbuch d. Gewebelehre. Стоитъ на 2-й полкѣ, а не на 3-й.	Стоитъ на 1-й полкѣ, гдѣ и долженъ стоять, а соч. **Веллера** (№ 30812) должно быть помѣщено въ самомъ началѣ полки 2-й.
№ 31003. **Описаніе** празднованія столѣтняго юбилея горнаго института (6 шк., 4 п.). Нѣтъ.	Выдана проф. М. Ѳ. Попову 21 іюня 1896 г. и не возвращена ко времени ревизіи.
№ 31202. **Записки** Западно-сибирскаго отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. I—III нѣтъ.	Были отданы въ переплетъ Абрамовичу (№ 346 перепл. сп.).
№ 31239. **Военно-Медицинскій Журналъ**. Стоитъ на 2-й, а не на 3-й полкѣ.	Журналъ начинается на 3-й полкѣ, какъ и слѣдуетъ по каталогу.
№ 31243. **Благовѣщенскій**. Горацій и его время. (7 шк. 10 п.) нѣтъ.	Стоялъ на 3-й полкѣ шк. 8, рядомъ съ № 31576; теперь водворенъ на мѣсто.
№ 31583. **Arnoul**. Reponse à un député sur le voyage à Londres de S. M. l'empereur Nicolas. Нѣтъ.	Не могу объяснить причины исчезновенія этой брошюры.
№ 31607. (8 шк. 9 п.). **Mayer**, C. G. De polypis uteri. Нѣтъ.	Брошюра эта находилась позади книгъ, куда была затолкана и смята въ комокъ.

№ 31655. (8 шк. 12 п.). **Мѣсяцесловъ** на 1846 и 1864 годы. Подъ однимъ № обозначены 2 различныхъ календаря за 1846 и 1864 г.

Обыкновенно такія изданія, подобно журналамъ, заносятся подъ одинъ №, сколько бы ихъ ни было.

№ 31735. (9 шк. 2 п.). **Бухнеръ.** Судебная медицина. Нѣтъ.

Утрачена студ. Боннеромъ въ 1892 г. и исключена изъ наличности Правленіемъ У—та.

№ 31962. (9 шк. 7 п.). **Гепнеръ.** Основанія анатоміи человѣка. Нѣтъ.

По случаю порчи переплета, была отложена для исправленія.

№ 32031. (9 шк. 9 п.). **Феноменовъ.** Къ ученію о кифотическомъ тазѣ. Дисс. Нѣтъ.

Находится на мѣстѣ.

№ 32369. (10 шк. 7 п.). **Шраубе.** Ученіе о здоровьѣ. Нѣтъ.

Утрачена.

Не оказалось:

№ 32744. **Арнштейнъ.** Практическое руководство къ изученію бол. зубовъ.

Была отдана въ переплетъ Абрамовичу (№ 911 перепл. списка).

№ 32903. **Эсквиль.** Трактатъ о зубахъ.

Былъ отданъ въ перепл. Абрамовичу (№ 930).

№ 32988. **Ammon u. Baumgarten.** Die plastische Chirurgie.

На мѣстѣ, но былъ задвинутъ вглубь книгъ и чуть замѣтенъ.

№ 33118. **Пироговъ.** Практ. и физіол. наблюденія.

Оказалась на мѣстѣ, но запала.

№ 33224. **Способъ** избавиться совершенно отъ оспенной заразы.

Находится на мѣстѣ.

№ 33346. **Тугендгольдъ.** Физіолог. изслѣдов. о дѣйствіи никотина.

Была отдана въ переплетъ Абрамовичу (№ 878 перепл. списка).

33575. **Клаусъ.** Основы зоологіи.

Утраченъ.

№ 33615. **Арендтъ.** Водобоязнь.

Находится на мѣстѣ.

№ 34143. **Archiv f. klinische Chirurgie.** Bde 21, 23 и 24.

Всѣ три тома были выданы проф. Роговичу, у котораго теперь остается только т. XXIV.

№ 34350. **Молешотъ.** Естествознаніе и медицина.

Была отдана для переплета Абрамовичу (№ 862 перепл. списка).

№ 34351. **Тюри.** О законѣ произвед. половъ у растеній, жив. и человѣка.

Была отдана для переплета Абрамовичу (№ 863 перепл. списка).

№ 34634. **Ranvier.** Leçons sur l'histologie.

Находится на мѣстѣ.

№ 34708. **Страсбургеръ.** Кратк. практ. курсъ растит. гистологіи.

Съ 23 сент. 1886 г. находится у ученаго садовника П. Н. Крылова.

№ 34732. **Тимирязевъ.** Изъ области физіологіи растеній.

Была выдана студ. Высоцкому и возвращена имъ только 3 октября, послѣ ревизіи.

№ 34769. **Гартенбахъ.** Искусство пріобрѣсти превосходную память.

Была отдана Абрамовичу для переплета (№ 908 перепл. списка).

№ 34771. **Лазаревъ.** Наши отравители.

Былъ отданъ для перепл. Абрамовичу (№ 868 пер. сп.).

№ 34864. **Saccardo.** Sylloge fungorum omnium. Vol. I. Pyrenomycetes.

Томъ I данъ былъ для образца переплетчику Абрамовичу.

№ 34937. **Petermann's Mittheilungen.** Jahrg 1888. Bd' XXXIV.

Томъ XXXIV былъ данъ для образца переплетчику Абрамовичу.

№ 34942. **Landolt u. Börnstein.** Physikalisch chemische Tabellen.

Находится у проф. Капустина съ 15 ноября 1895 года.

№ 35359. **Koch,** Dr. R. Die Aetiologie der Tuberculose.

Не могу объяснить причины исчезновенія этой книги.

№ 35378. **Труды** общ. испыт. природы при Имп. Харьк. унив. Т. I. Горницкій.

На мѣстѣ. Переплетенъ особо и стоялъ въ концѣ этого №.

№ 35645. **Менделѣевъ.** Основы химіи.

По случаю порчи переплета, былъ отложенъ для исправленія.

№ 35647. **Plan von Teplitz** u. Schönau.

Завалился за книгами.

№ 35697. **Зерновъ.** Руков. анатоміи.

Былъ у студ. Соколина; возвращ. 22 ноября 1896 г.

№ 35758. **Винтрихъ.** Болѣзни органовъ дыханія.

Утраченъ.

№ 35792. **Нарбутъ.** Къ вопросу о вліяніи высок. и низк. темп. пищи. Дисс.

Не могу объяснить причины исчезновенія этой брошюры.

№ 25832. **Руков.** къ частной патологіи. Недостаетъ одного тома.

По тщательной провѣркѣ всѣ томы съ приложеніями оказываются на лицо.

№ 35155. **Шарко.** Лекціи о болѣзняхъ печени.

Была отдана Абрамовичу для переплета (перепл. списокъ № 1078).

№ 36416. **Jacobi.** Zum feineren Bau d. periph. markhalt. Nervenfasern.

Не могу объяснить причины исчезновенія этой книги.

№ 36596. **Schacht.** Physiologische Botanik.

Завалился на полкѣ за книгами.

№ 36629. **Симашкевичъ.** Историко-географ. и этногр. очеркъ Подоліи.

Былъ отданъ Абрамовичу для переплета (№ 78 переплетн. списка).

№ 36631. **Гиртль.** Руков. къ анатоміи человѣческаго тѣла.

По случаю порчи переплета, б. отложена для исправленія.

№ 36784. **Hndb. d. allgem. Therapie** (Ziemssen). Въ каталогѣ не вѣрно обозначено 8 vls, вмѣсто 6 (переплетовъ).

Обозначеніе числа томовъ въ каталогѣ относилось къ экз. безъ переплета; послѣ переплета число томовъ измѣнилось съ 8 на 6.

№ 37079. **Подрезъ, А.** О вытяженіи нервовъ. На мѣстѣ, но завалился за другія книги.

№ 37084. **Уставъ** Харьковскаго медиц. общ. и лечебницы его. На мѣстѣ.

№ 37085. **Проектъ** устава больницы Донецъ-Захаржевскаго. На мѣстѣ.

№ 37086. **Отчетъ** о дѣятельности Харьк. мед. общ. за 1886 г. На мѣстѣ.

№ 37124. **Записки** Западно-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. VI. Томъ VI выданъ былъ лѣсному ревизору Духовичу; возвращенъ послѣ ревизіи.

№ 37137. **Актъ**, годичный, въ Имп. Казанскомъ университетѣ. 5 ноября 1887 г. На мѣстѣ.

№ 37495. **Меншуткинъ.** Аналитическая химія. По случаю порчи переплета, былъ отложенъ для исправленія.

№ 37645. **Михаэлисъ.** Новѣйшія лекарственныя средства. Отсутствуетъ. Не возвращенъ студ. Соколинымъ; по его заявленію, книга утрачена.

№ 37693. **Извѣстія** общества любителей естествознанія. Томъ XXV, вып. 2. Конца, который содержитъ оглавленіе, указатель и проч. нѣтъ. Томъ кончается на 284 стр. Всего этого въ каталогѣ не обозначено. Вмѣсто 13 рисунковъ, обозначенныхъ въ каталогѣ, имѣется на лицо 16. Одинъ томъ не находитъ себѣ мѣста и не обозначенъ въ каталогѣ. Томъ XXV, вып. 2 столько вышло, по 284 стр. включительно. Рисунковъ по провѣркѣ оказывается 14.

№ 37716. **Real-Encyclopädie** der gesammten Pharmacie. Въ каталогѣ не обозначены два тома. Будетъ внесено въ опечатки.

№ 37733. **Societatum litterae.** Verzeichniss der in den Publikationen der Akademieen u. Vereinen aller Länder erscheinenden Einzelarbeiten auf dem Gebiete der Naturwissenschaften Jahrgand 1888. Отсутствуетъ. Не могу рѣшить, о какомъ томѣ идетъ рѣчь. Послѣдніе два тома энциклопедіи прибавлены послѣ каталогизаціи. Будетъ внесено въ опечатки. Затрудняюсь объяснить причину отсутствія, хотя не теряю надежды, что книга отыщется.

№ 37906. **Hartmann**, I. A. Bemerkungen über die Leitung der Geburt. Дубликатъ не обозначенъ, занимаетъ мѣсто. По каталогу сущ. 3 экз. этого сочиненія: №№ 31582, 37505 и 37906, изъ коихъ 2 могутъ быть исключены или замѣнены другими.

№ 37930. **Meissner**, C. Imagines et denominationes ossium. Отсутствуетъ. На мѣстѣ, но запала среди книгъ.

№ 38013 **Веккерсъ**, Л. Насильственное выпрямленіе анкилоза колѣна. Дисс. Отсутствуетъ.	На мѣстѣ.
№ 38315. **Якобсонъ**, А. Н. Отчетъ о дѣятельности ветеринарныхъ врачей въ С.-Петербургской городской полиціи за 1886 г. Отсутствуетъ.	Затрудняюсь объяснить причину отсутствія книги.
№ 38459. **Цопфъ**, В. Бактеріи. Отсутствуетъ.	Былъ отданъ въ переплетъ Абрамовичу (№ 879 по перепл. списку).
№ 38484. **Bulmerincq**, M. E. v. Die Retrovaccination. Отсутствуетъ.	На мѣстѣ.
№ 39735. **Куцеволъ-Артемовскій**. Хирургич. факультетск. клиника Имп. унив. св. Владиміра съ 1 ноября 1844 по май 1882. Отсутствуетъ атласъ къ сочиненію Караваева. Проф. Роговичъ въ засѣданіи Совѣта 19 декабря отвергъ предположеніе г. библіекаря: онъ не бралъ изъ библіотеки атласа Караваева. такъ какъ имѣетъ таковой атласъ собственный, подаренный ему Караваевымъ. Стоитъ атласъ около 25 р. Секретарь фак. М. Поповъ.	Во время нахожденія моего въ отпуску въ 1890 г., книга эта, какъ заявлялъ мнѣ **Черневичъ** (б. пом. библ.), выдавалась проф. Роговичу и возвращена послѣднимъ, по его словамъ, обратно. Къ сожалѣнію, вопреки моему распоряженію, всѣ выданныя въ мое отсутствіе книги въ реэстръ не заносились помощникомъ библ. **Оксеновымъ** и трудно даже сказать, если проф. Роговичъ самъ не подтвердитъ этого факта, дѣйствительно-ли книга выдавалась.
№ 39748. **Bezold**, A. v. Untersuchungen über die Innervation des Herzens. Abth. I и II in 1 Bde. Отсутствуетъ.	На мѣстѣ.
№ 39756. **Archiv für Gynaekologie**. Bde VI, Heft 3. VII, Heft 2. VIII, Heft 3. (3 Hefte). Отсутствуетъ весь номеръ.	На мѣстѣ нѣтъ, но надѣюсь разыскать въ непродолжительномъ времени среди дефектовъ.
№ 39845. **Ковнеръ**. Исторія медицины. Отсутствуетъ.	Была выдана проф. Тимоѳеевскому и имъ предъявлена при ревизіи библіотеки.
№ 39987. **Handbuch der Hygiene** u. Gewerbekrankheiten. 2 Theile. Отсутствуетъ.	Была отдана въ переплетъ Абрамовичу и не переплетена до сихъ поръ. Будетъ потомъ предъявлена.
№ 39141. **Гофманъ**. Учебникъ судебной медицины. Отсутствуетъ.	Былъ выданъ студ. Мацешѣ и возвращенъ имъ только 19 сентября.
	Всѣ упоминаемыя выше книги, оказавшіяся на мѣстѣ или бывшія у переплетчика, приготовлены для предъявленія ихъ ревизіонной коммиссіи.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИГИ.

1. Проф. **И. С. Поповскій.** Развитіе лицеваго нерва у человѣческаго зародыша (съ тремя таблицами рисунковъ). . . . . 1— 83
2. Проф. **П. В. Буржинскій.** Современный взглядъ на цѣлительную силу природы. . . . . 1— 26
3. Проф. **А. И. Судаковъ.** Историческій обзоръ чумныхъ эпидемій и этіологія чумы (съ картой распространенія чумы въ 19 столѣтіи) . . . 1— 37
4. **В. М. Флоринскій.** Матеріалы для изученія чумы. . . . . 1— 25
5. Проф. **Ѳ. И. Романовъ.** Патологическая анатомія чумы (pestis). . . 1— 17
6. Проф. **М. Г. Курловъ.** Симптоматологія восточной чумы . . . . . 1— 32
7. Проф. **А. П. Коркуновъ.** Распознаваніе и леченіе чумы . . . . . 1— 17
8. Проф. **М. Ѳ. Поповъ.** О болѣе широкомъ распространеніи простѣйшихъ методовъ измѣренія и химическаго анализа при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи . . . . . 1— 8
9. Прозект. **Н. А. Геркенъ.** Отчетъ о командировкѣ заграницу съ ученою цѣлью . . . . . 1— 12
10. Приватъ-доцентъ **Н. А. Геркенъ.** О силахъ, дѣйствующихъ при переломахъ костей. . . . . 1— 17
11. Лабор. **П. В. Бутягинъ.** Опытъ изготовленія противодифтеритной сыворотки . . . . . 1— 10
12. Лекарь **И. И. Дочевскій.** Матеріалы къ фармакологіи жидкой вытяжки конопельнаго тайника . . . . . 1—125
13. Отчетъ о состояніи Императорскаго Томскаго университета за 1896 г. . 1—151
14. Обозрѣніе преподаванія за 1896—97 учебный годъ . . . . . 1— 26

22960

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕГОДНО НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ВЪ ГОДЪ И СОСТОЯТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ ученые труды членовъ университета, наблюденія, замѣтки и проч.; во второмъ помѣщаются: отчетъ о состояніи университета за истекшій годъ, журналы засѣданій Совѣта, программы и обозрѣнія преподаванія, рецензіи о работахъ, представленныхъ на соисканіе медалей, отзывы о диссертаціяхъ и другія данныя, касающіяся внутренней жизни университета.

Въ видѣ приложенія къ Извѣстіямъ печатаются болѣе обширныя оригинальныя статьи и руководства.

Цѣна тринадцатой книги 2 рубля.

Съ требованіями обращаться къ редактору «Извѣстій» Императорскаго Томскаго Университета, Ректору Университета, Профессору Александру Ивановичу Судакову, или къ Коммиссіонеру Университета Петру Ивановичу Макушину: Томскъ, книжный магазинъ Макушина.